АРХЕОЛОГИЯ СССР

Античные государства Северного Причерноморья



АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ



АРХЕОЛОГИЯ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1984

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Античные государства Северного Причерноморья



Ответственные редакторы тома:
Г. А. КОШЕЛЕНКО, И. Т. КРУГЛИКОВА, В. С. ДОЛГОРУКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • «НАУКА» • МОСКВА 1984

Археология СССР
с древнейших времен до средневековья
в 20 томах

ПАЛЕОЛИТ СССР

МЕЗОЛИТ СССР

НЕОЛИТ ЮГА СССР. НЕОЛИТ СЕВЕРА СССР

* ЭНЕОЛИТ СССР. 1983

ЭПОХА БРОНЗЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАВКАЗА

ЭПОХА БРОНЗЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

ЭПОХА БРОНЗЫ ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР

ДРЕВНЕЙШИЕ ГОСУДАРСТВА КАВКАЗА И СРЕДНЕЙ АЗИИ

АНТИЧНЫЕ ГОСУДАРСТВА СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

СТЕПИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

СТЕПНАЯ ПОЛОСА АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ СССР В СКИФО-САРМАТСКОЕ ВРЕМЯ

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК ЛЕСНОЙ ПОЛОСЫ СССР

СЛАВЯНЕ И ИХ СОСЕДИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н. Э.

* ВОСТОЧНЫЕ СЛАВЯНЕ В VI—XIII ВВ. 1982

ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ГОРОД, ЗАМОК, СЕЛО

ДРЕВНЯЯ РУСЬ. ЗОДЧЕСТВО, КУЛЬТУРА, БЫТ

ФИННО-УГРЫ И БАЛТЫ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

* СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ. 1981

КРЫМ И КАВКАЗ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

* Звездочкой отмечены вышедшие тома. Цифрой обозначен год выхода тома.

Том посвящен античным государствам Северного Причерноморья, существовавшим в период между VII в. до н. э. и IV в. н. э. На основе археологических раскопок, исторических источников реконструируются античные города Тир, Никония, Ольвия, Херсонес, Харакс, поселения на о. Березань, Нижнем Поднестровье, Побужье, Керченском и Таманском полуостровах, Черноморском побережье Северного Кавказа и Крыма, освещаются развитие ремесел, сельского хозяйства, градостроительного и военного дела, торговые связи, существовавшие в данном регионе; подробно дается историческая топография городов и поселений, воспроизводятся строительные комплексы, некрополи поселений, погребальные обряды, освещаются вопросы взаимовлияния культур греческой и местных племен.

Авторы тома:

Е. М. АЛЕКСЕЕВА
А. К. АМБРОЗ
Т. М. АРСЕНЬЕВА
С. А. БЕЛЯЕВ
|В. Д. БЛАВАТСКИЙ|
Р. Д. БОНДАРЬ
|И. Б. БРАШИНСКИЙ|
Ю. М. ДЕСЯТЧИКОВ
В. С. ДОЛГОРУКОВ
Е. Г. КАСТАНАЯН
М. М. КОБЫЛИНА
А. К. КОРОВИНА
Г. А. КОШЕЛЕНКО
И. Т. КРУГЛИКОВА
С. Д. КРЫЖИЦКИЙ
Е. И. ЛЕВИ
К. К. МАРЧЕНКО
А. А. МАСЛЕННИКОВ
Н. А. ОНАЙКО
О. Я. НЕВЕРОВ
Б. Г. ПЕТЕРС
В. И. ПРУГЛО
Н. П. СОРОКИНА
О. Н. УСАЧЕВА
Г. А. ЦВЕТАЕВА
Д. Б. ШЕЛОВ
|И. Г. ШУРГАЯ|
А. Н. ЩЕГЛОВ

A $\frac{0507000000-318}{042(02)-84}$ Подписное.

Введение

Целью данного тома «Археология СССР» является обобщение результатов археологических исследований, ведущихся уже более полутора столетий на территории античных государств Северного Причерноморья. Начавшееся в VIII в. до н. э. мощное миграционное движение греков (обычно называемое «великой греческой колонизацией») уже в VII в. затронуло и северное побережье Черного моря. В период с VII по IV вв. до н. э. здесь возник ряд греческих населенных пунктов, крупнейшими среди которых были Ольвия (на берегу Днепровско-Бугского лимана), Херсонес (район современного г. Севастополя), Феодосия (на месте современного города того же названия), Пантикапей (сейчас г. Керчь), Фанагория (на Таманском полуострове, у ст. Сенная), Гермонасса (ныне г. Тамань). Одновременно возник целый ряд и более мелких городских центров. В результате процесса освоения греками окрестных территорий, сочетавшегося со «вторичной» (исходящей из уже основанных здесь городов) колонизацией на обширной территории от устья Дуная до Геленджикской бухты прерывистой полосой вдоль побережья Черного и Азовского морей сформировалась зона античной государственности, находившаяся в соседстве с многочисленными местными племенами, переживавшими к моменту прибытия греков различные этапы первобытно-общинного строя.

Границы этой зоны не были стабильными. В периоды подъема экономической и политической мощи античных государств она расширялась за счет включения территорий местных народов, в период упадка сужалась. Характер государственных образований античного типа, существовавших в Северном Причерноморье, был различным. Здесь имелись отдельные независимые городские общины — полисы со своей сельскохозяйственной территорией (хорой). Таким полисом была, например, Ольвия. Существовали и более крупные образования. Так, в период своего наивысшего подъема Херсонес подчинил два ранее независимых небольших полиса и обширные сельские территории в северо-западном Крыму. Еще значительнее по своим масштабам было Боспорское царство, включавшее все греческие города по обе стороны Керченского пролива и целый ряд областей, населенных местными племенами в Восточном Крыму и на Таманском полуострове.

Исторические судьбы греческих государственных образований в Северном Причерноморье определялись взаимодействием трех категорий факторов: 1 — природой социально-экономических и политических отношений, сложившихся в них; 2 — взаимодействием с важнейшими центрами античного мира в Средиземноморье; 3 — взаимодействием с обширным миром местных племен Восточной Европы.

Структура античных государств (в том числе и государств Северного Причерноморья) определялась, в первую очередь, господством в них рабовладельческого способа производства. В ходе разложения первобытно-общинных отношений формировались первые классовые общества. Рабовладельческая общественно-экономическая формация — закономерный этап во всемирно-историческом процессе. Основные особенности и значение его очень ярко охарактеризованы Ф. Энгельсом. «Только рабство сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой нации; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы. Нам никогда не следовало бы забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своей предпосылкой такой строй, в котором рабство было в той же мере необходимо, в какой и общепризнано. В этом смысле мы в праве сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма» (*Энгельс Ф.*, 1961 — *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 20, с. 185, 186).

Античные государства Северного Причерноморья, рабовладельческие по своей социальной природе, принесли античную цивилизацию со всеми ее особенностями и всеми достижениями на берега Черного и Азовского морей. Она, постоянно модифицируясь, просуществовала здесь до IV в. н. э.

Тесная связь со Средиземноморьем, с основными центрами античного мира была постоянно действующим фактором в жизни тех греческих государств, которые возникли здесь, став своеобразной северной периферией этого мира. Эти связи были многообразны. Они носили экономический, политический и культурный характер. В конце античной эпохи все Северное Причерноморье в той или иной степени зависело от Римской империи. Тесные связи со Средиземноморьем — один из жизненно важных факторов существования античных центров Северного Причерноморья. В конце античной эпохи одним из симптомов упадка их стало и ослабление этих связей.

Взаимодействие с окружающим их племенным миром также было одной из важнейших особенностей античных государств Северного Причерноморья. Оно также было многообразным. Греческие государства как носители более высокого уровня социального развития, оказывали значительное воздействие на эти племена, ускоряя в них процесс изживания первобытно-общинных отношений и способствуя становлению классового общества и государства. Важную роль играли и экономические взаимоотношения, затрагивавшие не только ближайших

соседей, но и более отдаленные племена. Постепенно, однако, доминирующим стало воздействие этого «варварского» мира на греческий и к концу античной эпохи ряд центров античного мира приобрел уже греко-варварский характер.

Таким образом, история античных государств Северного Причерноморья — это история одной из периферийных зон античной рабовладельческой формации, в судьбах которой переплетались тенденции развития, свойственные формации в целом, с тенденциями, порожденными особыми условиями ее существования бок о бок с обширным миром варварских племен.

Обобщение результатов археологических исследований этого региона представляет значительные трудности, вызванные как обилием материалов, накопленных за многие десятилетия раскопок, так и крайней неравномерностью распределения этих материалов. Этими особенностями определяется и структура данного тома «Археологии СССР». Том состоит из двух частей. В первой из них материалы группируются топографически — здесь сделана попытка предоставить читателю итоги исследования каждого из сколько-нибудь значительных центров Северного Причерноморья. Вторая часть — попытка систематического анализа материала, выявления основных тенденций развития в производстве, обмене, урбанизме, культуре античных центров Северного Причерноморья в целом.

Естественно, что работу такого объема и характера мог подготовить только коллектив авторов. В написании данного тома участвовали как сотрудники Института археологии АН СССР, так и целого ряда других научных учреждений. (Авторы отдельных разделов указаны особо). Чрезвычайно важную роль играют и таблицы, которые служат не столько иллюстрациями к тексту, сколько равноправным с текстом компонентом данного труда, своего рода «костяком» текста. Авторы — составители каждой из таблиц — указаны в «Списке иллюстраций».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Города, поселения, некрополи

Глава первая
История античных государств Северного Причерноморья. Источники и история исследования

Глава вторая
Тира, Никоний и поселения Нижнего Поднестровья и Подунавья

Глава третья
Борисфенида (Березань), Ольвия и поселения Нижнего Побужья

Глава четвертая
Херсонесское государство и Харакс

Глава пятая
Боспорское государство

Глава первая
История античных государств Северного Причерноморья

История

Заселение Причерноморья греками было одним из направлений широкого расселения греков по берегам Средиземноморского бассейна, которое получило название «Великой греческой колонизации» (VIII–VI вв. до н. э.). Этот процесс расселения греков был обусловлен экономическим и социальным развитием греческого общества. К. Маркс так определяет причины греческой колонизации: «В древних государствах, в Греции и Риме, вынужденная эмиграция принимавшая форму периодического основания колоний, составляла постоянное звено общественного строя. Вся система этих государств основывалась на определенном ограничении численности населения, пределы которой нельзя было превысить, не подвергая опасности самих условий существования античной цивилизации... Недостаточное развитие производительных сил ставило права гражданства в зависимость от определенного количественного соотношения, которое нельзя было нарушать. Единственным спасением была вынужденная эмиграция» (*Маркс К.*, 1957, с. 567, 568). Эмиграции греков за пределы их родины содействовала и острая социальная борьба в греческих полисах, в ходе которой побежденным нередко не оставалось другого выхода, кроме вынужденной эмиграции.

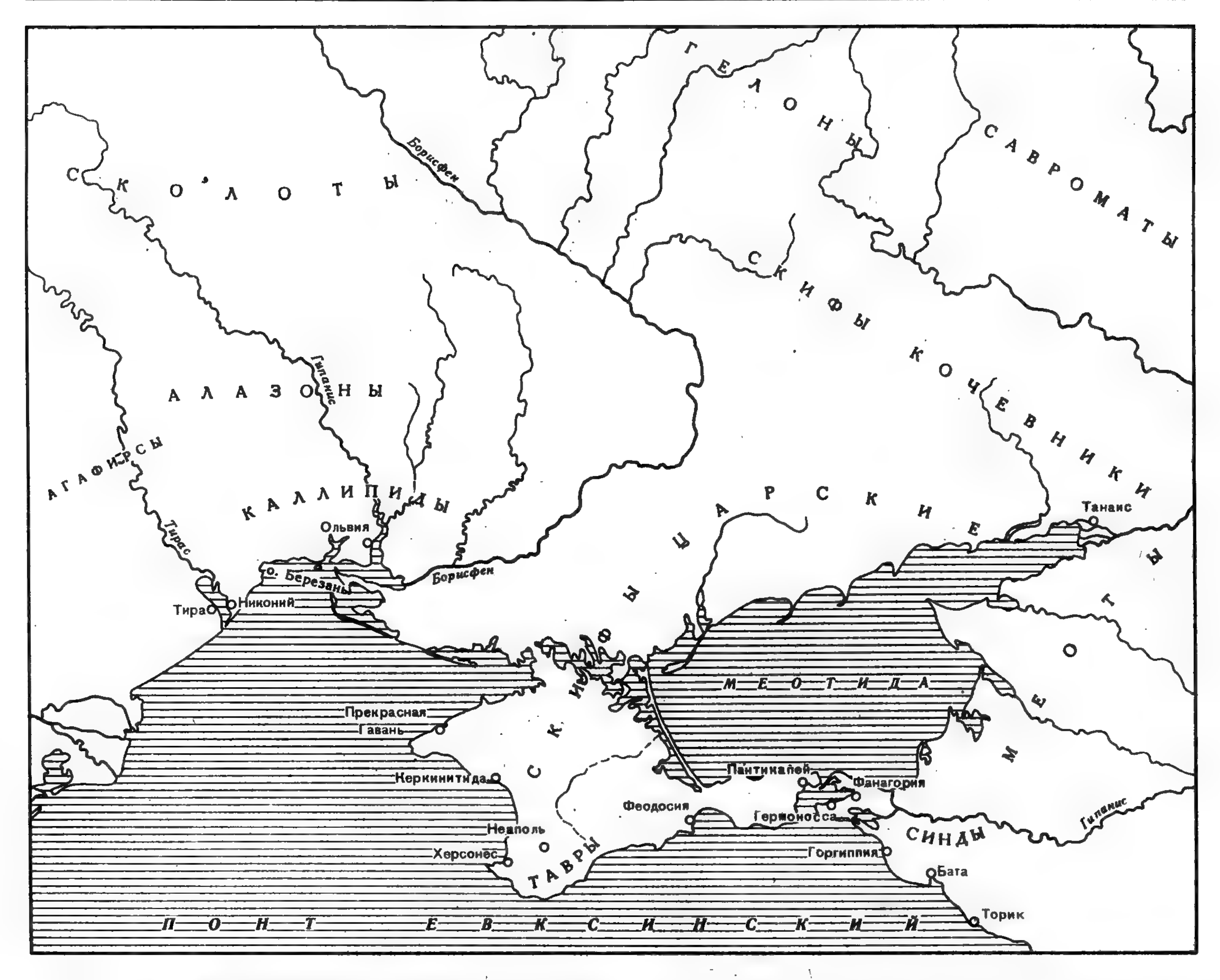
Освоение греками-колонистами периферии античного мира имело большое значение и для развивавшегося в передовых городах Греции ремесленного производства. Не случайно ведущую роль в «Великой колонизации» играли крупные ремесленные и торговые центры — Милет, Коринф, Фокея, Мегара и др. Уже в VI в. до н. э. в Греции чувствовалась потребность в привозе извне жизненно необходимых товаров: хлеба, рыбы, скота, металлов, леса, а также рабов. Эти товары поступали из вновь основанных городов, которые вели интенсивную торговлю с варварским миром.

Основание новых городов обычно производилось по официальному решению городских властей метрополии, но могло быть и частной инициативой. Вновь основанный город сразу же становился совершенно независимым по отношению к своей метрополии. Это обстоятельство следует учитывать, употребляя термины «колонизация», «колония», в применении к процессу расселения греков по периферии античного мира, термины, которые не совсем точно отражают сущность этого процесса (*Блаватский В. Д.*, 1954в; *Гайдукевич В. Ф.*, 1955; *Сокольский Н. И.*, *Шелов Д. Б.*, 1959; *Доманский Я. В.*, 1965), хотя отказываться от этих общепринятых условных терминов, вероятно, не стоит. Связи между метрополией и основанными ею городами могли сохраняться в виде политического союза, в котором обе стороны выступают как равные и суверенные партнеры. Впрочем, нередко политическая связь между метрополией и колонией совсем порывалась и между ними могли существовать даже враждебные отношения. Чаще всего метрополии и основанные ими города были связаны экономическими узами и единством культа (*Graham J.*, 1964).

Ко времени основания греческих поселений в Причерноморье греки уже имели некоторые знания об этом районе. Этому способствовали эпизодические посещения ими черноморских берегов в предшествующую эпоху, что нашло отражение в мифах, часть которых, несомненно, относится еще ко II тысячелетию до н. э. Следы знакомства греков с северным побережьем Черного моря сохранились и в гомеровском эпосе: некоторые исследователи относят к берегам Северного Причерноморья часть плаваний героя Одиссея.

Вопрос о характере греческой колонизации Северного Причерноморья решался исследователями не однозначно. В дореволюционной науке господствовало мнение о торговом характере колонизации. Согласно этой точке зрения торговые интересы греков играли главную, если не исключительную, роль в основании греческих колоний, которые стали прежде всего торговыми центрами, обеспечивавшими коммерческие связи между Средиземноморьем и варварами припонтийских степей (*Латышев В. В.*, 1887, 1888; *Штерн Э. Р.*, 1900б; *Stern E.*, 1909; *Minns E.*, 1913; *Ростовцев М. И.*, 1918б; *Rostovtzeff M.*, 1922). Эта точка зрения нашла отражение в работах многих советских ученых 30–40-х годов (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 74 сл. и 121; *Тюменев А. И.*, 1949; *Белов Г. Д.*, 1948а, и др.). Некоторому преувеличению роли торговли в процессе колонизации отдали дань даже те исследователи, которые указывали на очень раннее существование в северочерноморских городах собственного ремесленного производства и земледелия (например: *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а). Развитием теории торговой колонизации явилась концепция «двустороннего характера колонизации», согласно которой обязательными предпосылками колонизации были не только социально-экономические процессы в греческой метрополии, но и достижение северопричерноморскими племенами определенного уровня развития, позволившего им вступить в торговые контакты с греками-переселенцами (*Иессен А. А.*, 1947; *Каллистов Д. П.*, 1949; *Колобова К. М.*, 1949).

В качестве реакции на преувеличение роли торговли в процессе колонизации возникло мнение об исключительно земледельческом характере первых греческих поселений в Северном Причерноморье



Карта 1. Северное Причерноморье в античную эпоху. Расселение скифских племен по Б. А. Рыбакову

(*Лапин В. В.*, 1966). Большинство советских ученых, отвергая крайности обеих точек зрения, признает более сложный характер колонизации, значительную роль в которой играли как торговые интересы и связи греков, так и возможность создания аграрных поселений в новых местах обитания (*Блаватский В. Д.*, 1953б; 1954в; 1961а; *Гайдукевич В. Ф.*, 1955; *Доманский Я. В.*, 1955; 1965; *Сокольский Н. И.*, *Шелов Д. Б.*, 1959). Обычно колонизация Северного Причерноморья представляется в следующем виде: от редких эпизодических поездок греческих купцов и мореходов к регулярным торговым связям, от организации торговых станций — эмпориев — к основанию колоний (*Блаватский В. Д.*, 1950а; 1954в; 1959б; 1961а). Существование эмпориев согласно этим представлениям кажется настолько обычным и обязательным, что возникло даже понятие специального эмпориального периода в истории античных государств Северного Причерноморья. Однако в настоящее время сомнения в правомерности выделения такого периода, высказывавшиеся уже давно (*Лапин В. В.*, 1966), разделяются все большим числом исследований. В Северном Причерноморье обнаружено небольшое число греческих вещей, относящихся к VII и началу VI вв. до н. э. Их проникновение в скифские степи ранее считалось бесспорным свидетельством доколонизационной торговли греков в Северном Причерноморье (*Книпович Т. Н.*, 1935а; *Иессен А. А.*, 1947). Сейчас этот тезис также подвергается сомнению (*Доманский Я. В.*, 1970).

В греческой колонизации Причерноморья очень большую роль играл Милет, являвшийся крупным ремесленным центром. Торговые интересы побуждали его искать новые рынки сбыта. Милетская аристократия, представители которой являлись одновременно и купцами, и судовладельцами, и хозяевами ремесленных эргастериев, даже получила название «вечных мореходов». Но не меньшее значение для колонизационной деятельности милетцев имела чрезвычайно острая внутренняя социальная борьба, не раз вынуждавшая побежденную партию искать спасения в вынужденной эмиграции (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 57 сл.; *Доманский Я. В.*, 1965). Чаще всего греки основывали свои поселения на территориях в

какой-то мере уже обжитых местным населением (карта 1). Об этом говорят хотя и немногочисленные, но регулярные находки орудий и керамики догреческого времени в большинстве античных городов Причерноморья. При этом греки-колонисты должны входить в какие-то взаимоотношения с местным населением. Можно думать, что эти отношения должны были быть на первых порах в большинстве случаев мирными, иначе трудно объяснить, как могли малочисленные пришельцы обосноваться и удержаться среди враждебного им населения. Некоторая часть варварского населения, особенно племенная знать, была заинтересована в развитии торговли с греками и, видимо, сначала не препятствовала им организовывать свои поселки. Так, Стефан Византийский сохранил предание, что местный царек уступил милетцам землю для основания Пантикапея. Возникновение греческого полиса часто могло сопровождаться вытеснением или порабощением какой-то части местного населения, что неминуемо должно было приводить к конфликтам. Страбон (XI, 2, 5) говорит, что на Боспоре Киммерийском скифы вытеснили киммерийцев, а скифов изгнали греки, основавшие там Пантикапей и другие города. Может быть, эта вторая версия основания Пантикапея отражает следующий этап во взаимоотношениях греков Боспора с окружающим населением. Тот факт, что греки при основании города стремились выбрать наиболее удобное в стратегическом отношении место и что вновь образованные города очень скоро опоясывались оборонительными стенами, свидетельствует о том, что взаимоотношения между обитателями греческих городов и окружающим их негреческим населением не всегда были дружескими.

Самое раннее греческое поселение возникло во второй половине VII в. до н. э. на острове Березань около устья Днепро-Бугского лимана. Оно, видимо, носило название Борисфениды (*Пападимитриу С. Д.*, 1910; *Болтенко М. Ф.*, 1930; 1949; 1960; *Нудельман Д. И.*, 1939; 1946; *Славін Л. М.*, 1956; *Блаватский В. Д.*, 1961а; *Карышковский П. О.*, 1967а; *Виноградов Ю. Г.*, 1976), и хроника Евсевия (II, 88) относит его основание к 645 г. до н. э. Позднее, в начале или первой половине VI в. до н. э., милетцы основали на правом берегу того же лимана город Ольвию. Греческое поселение на острове Березань вошло в округу Ольвии, оно, по-видимому, играло на первых порах роль эмпория Ольвии, но затем постепенно захирело (*Виноградов Ю. Г.*, 1976). Видимо, еще в VI в. до н. э. милетцы на правом берегу Днестровского лимана основали Тиру, однако ранние археологические слои Тиры пока не открыты. На противоположном берегу лимана, вероятно, тоже еще в VI в. до н. э. возник город Никоний.

Большая группа греческих городов возникла на берегах Киммерийского Боспора — Керченского пролива. В первой половине VI в. до н. э. на западном берегу пролива, на месте современной Керчи, милетцами был основан Пантикапей. Название «Пантикапей» не греческое, оно расшифровывается из иранских корней как «рыбный путь» (*Абаев В. И.*, 1949, 1958; *Блаватский В. Д.*, 1964в). К югу от Пантикапея на Керченском полуострове около середины VI в. появились города Тиритака, Нимфей, Киммерик и другие. Дальше на запад по побережью Крыма милетцы основали Феодосию. В северной части Керченского полуострова также возник целый ряд поселений, из которых наиболее известен городок Мирмекий вблизи Пантикапея. На противоположном берегу Киммерийского Боспора, на островах, находящихся в дельте Кубани и слившихся позднее в Таманский полуостров, также возникли многочисленные города. Милетцами здесь был основан в первой половине VI в. до н. э. город Кепы; возможно, они приняли участие и в основании других городов, например, Гермонассы, заселенной в основном митиленцами. Самый крупный город азиатской стороны Боспора — Фанагория был основан выходцами из Теоса не позже середины VI в. Несколько южнее, на месте современной Анапы, на земле синдов, вероятно, находился город Синда или Синдская гавань, позднее переименованный в Горгиппию.

Из крупных городов позднее других появился Херсонес Таврический, основанный выходцами из Гераклеи Понтийской во второй половине V в. до н. э. на территории современного Севастополя. Некоторые из основанных греками городов в свою очередь приняли участие в создании новых поселений. Результатом такой позднейшей вторичной колонизации был, например, Танаис, крупный торговый центр, возникший в устье Дона в начале III в. до н. э. по инициативе боспорских греков. Впрочем, значительной вторичной «внутренней» колонизации в Северном Причерноморье не было.

Объединение северного черноморского и азовского побережий в географических пределах от устья Дуная до Гагринского хребта Большого Кавказа в единую область, называемую Северным Причерноморьем, условно. В пределах этой обширной области могут быть выделены три района, значительно отличавшиеся друг от друга: 1 — северо-западный, в который, кроме Ольвии, Никония, Тиры и их округи, должны войти также Истрия и, может быть, другие западнопонтийские города до мыса Калиакра; 2 — Таврический с центром в Херсонесе, охватывающий Южный и Западный Крым; 3 — северо-восточный, включающий в себя Восточный Крым (от Феодосии включительно), Приазовье, и северокавказское побережье Черного моря до выхода к морю Гагринского хребта (*Шелов Д. Б.*, 1967б, *Брашинский И. Б.*, 1970).

Античные государства на территории Северного Причерноморья существовали в течение почти тысячи лет. Естественно стремление исследователей создать периодизацию истории этих государств, выделить определяющие поворотные моменты в их развитии (*Блаватский В. Д.*, 1950а, 1959б; *Суров Е. Г.*, 1955). Однако создать единую периодизацию, отражающую синхронные изменения разных сторон экономической, социальной, политической жизни всех северочерноморских государств, до сих пор не удалось. С точки зрения политической истории Северного Причерноморья рациональнее всего разделить ее на четыре периода: 1 — период независимого раздельного существования античных государств этого региона, длившийся с момента их возникновения до конца II в. до н. э.; 2 — кратковременный период объединения всех причерноморских государств в

рамках понтийской державы Митридата Евпатора; 3 — период римского влияния, сказывавшегося в той или иной степени на всех северочерноморских городах, продолжавшийся примерно с середины I в. до н. э. до середины III в. н. э., до разгрома античных государств Причерноморья союзом варварских племен, возглавляемых готами; 4 — период окончательного упадка и гибели античных государств — вторая половина III—IV в. до н. э. И эта периодизация, конечно, чрезвычайно условна, но она представляет известные удобства для рассмотрения в пределах ее этапов истории всех северочерноморских государственных образований.

Из трех античных городов северо-западного понтийского района, располагавшихся на современной территории СССР — Ольвии, Никонии и Тиры,— наибольшее значение имела Ольвия, рано ставшая важным производственным и торговым центром. К концу VI в. до н. э. Ольвия оформляется в типичный греческий полис со всеми присущими ему социальными и политическими институтами. Ольвиополиты владели значительной сельскохозяйственной округой. Ольвия была рабовладельческой демократической республикой, власть в которой официально принадлежала всему населению, объединенному в гражданскую общину. Разумеется, гражданскими правами пользовались только свободнорожденные ольвиополиты. Основные производители — рабы, иноземцы, негреки и все женщины — в гражданскую общину не входили. Практически власть сосредоточивалась в руках небольшой группы городской рабовладельческой знати, которая через различные органы управления навязывала свою волю остальным согражданам. Верховным органом власти юридически было народное собрание граждан, ведавшее всеми важнейшими государственными делами. Дела для рассмотрения в народном собрании подготавливал специальный совет, состоявший из выборных членов и заседавший в храме Зевса. Все законы и декреты обычно составлялись от имени совета и народа, т. е. народного собрания (*Латышев В. В.*, 1887; *Гайдукевич В. Ф.*, 1955). Исполнительная власть осуществлялась коллегиями выборных магистратов, важнейшей из которых была коллегия пяти архонтов во главе с первым архонтом. Архонты могли созывать народное собрание, они ведали внешними сношениями города, наблюдали за государственными финансами, за выпуском монеты. Финансовыми делами занимались и другие коллегии: коллегия семи, коллегия девяти. Шесть стратегов управляли военными делами. Агораномы осуществляли полицейские функции, следили за порядком в городе, в частности, на агоре, за торговлей на рынке, за правильностью мер и весов. Некоторые должности были временными, так в периоды острой нехватки продовольствия создавалась коллегия ситонов, ведавшая закупкой и распределением хлеба (*Латышев В. В.*, 1887; *Блаватская Т. В.*, 1948; НО.).

Политическую историю Ольвии в домитридатовскую эпоху письменные источники освещают очень плохо. Надписи и археологические материалы рисуют нам картину оживленных торговых сношений Ольвии со многими городами Средиземноморья и Причерноморья (*Бондар М. М.*, 1954а; 1954б; 1957; 1961; *Леви Е. И.*, 1958а; *Каришковський П. І.*, 1959а; *Карышковский П. О.*, 1961б; 1964; 1965а; *Брашинский И. Б.*, 1960; 1963а; 1963б; 1967; 1968в; 1968г; НО). Можно предполагать, что Ольвия поддерживала с этими городами и какие-то политические связи. По археологическим находкам восстанавливаются обширные торговые связи Ольвии с варварскими племенами, прежде всего, с населением Побужья, Приднепровья и прилегающих областей (*Бондарь Н. Н.*, 1955; *Бондар М. М.*, 1956 а,б; *Онайко Н. А.*, 1960, 1962, 1966 а,б, 1970а). Особенно активны эти связи были в V—III вв. до н. э., когда воздействие транзитной торговли Ольвии может быть прослежено до отдаленнейших районов Поволжья и Приуралья (*Граков Б. М.*, 1947; *Шелов Д. Б.*, 1969б). Это широкое развитие торговли с населением степей и лесостепей предполагает наличие в основном мирных отношений ольвийского полиса и окружающего варварского населения. Об этом же свидетельствует и обилие неукрепленных сельских поселений вокруг города. Правда, к середине V в. до н. э. число этих поселений резко сокращается, что может быть связано с активизацией скифов-кочевников в северо-западном Причерноморье, но уже в IV в. до н. э. вновь возникает большое число поселений в хоре Ольвии. О мирных взаимоотношениях Ольвии со скифами говорит и история скифского царя Скила, рассказанная Геродотом (IV, 78, 79).

До сих пор не выясненным остается вопрос об отношении Ольвии к первому Афинскому морскому союзу, поставленный еще В. В. Латышевым (*Латышев В. В.*, 1887). Одни исследователи признают возможным или вероятным включение Ольвии (и других северочерноморских городов) в этот союз (*Карышковский П. О.*, 1960а), другие такую возможность отрицают (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 181 сл.; *Брашинский И. Б.*, 1955; 1963а). В 331 г. до н. э. Ольвия оказалась объектом завоевательной политики наместника Александра Македонского во Фракии Зопириона, предпринявшего поход против Скифии (*Латышев В. В.*, 1887; *Жебелев С. А.*, 1953, с. 41 сл.; *Suceveanu A.*, 1966; *Iliescu V.*, 1971). Зопирион подошел к Ольвии, по-видимому, находившейся в союзных отношениях со скифами, и осадил ее. Ольвиополиты были вынуждены предпринять чрезвычайные меры: дать права гражданства проживающим в городе иностранцам, объявить кассацию долгов и даже отпустить на волю рабов, о чем сообщает Макробий (Sat. I, II, 33). Хотя Зопириону и не удалось взять Ольвию, а затем, по сообщению Юстина (XII, 2; 16; XXXVII, 3,1), он был уничтожен со всей его армией скифами, осада стоила ольвиополитам многих усилий и привела к некоторому упадку города (*Леви Е. И.*, 1956; *Славин Л. М.*, 1959а). Вероятно, с укреплением государственно-правовых институтов Ольвии после отражения Зопириона связано возобновление тесных договорных отношений между Ольвией и ее метрополией Милетом, отразившееся в специальном договоре об исополитии, т. е. о взаимном даровании гражданских прав милетцам в Ольвии и ольвиополитам в Милете (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 38 сл.).

С III в. до н. э. положение Ольвии ухудшается. Более сильные экономически боспорские торговцы частично вытесняют ольвийских купцов из некото-

рых районов Причерноморья (*Славин Л. М.*, 1959а), хотя это вытеснение вряд ли имело такой полный характер, как это иногда представлялось исследователям ранее (*Онайко Н. А.*, 1970а). Важнее было резкое изменение военно-политической обстановки в степях. Постепенное продвижение на запад сарматских племен, создание скифского государства в Крыму с центром в Неаполе на Салгире, активизация военной деятельности скифов и стремление их к морскому побережью и приморским центрам создали новую ситуацию в Причерноморье. Мирные торговые сношения в эту эпоху все чаще прерываются военными столкновениями между скифскими и другими местными племенами, с одной стороны, и античными государствами — с другой (*Гайдукевич В. Ф.*, 1955).

Одновременно с возрастанием силы и активности местных племен происходит постепенное экономическое и политическое ослабление античных государств Северного Понта, вызванные не только наступлением варваров, но и изменением экономической ситуации и общим кризисом полисной системы. Одним из ярких проявлений этого кризиса было усиление классовых противоречий, выделение богатой городской плутократии, противостоящей всему остальному населению и держащей в своих руках всю экономическую жизнь полиса (*Шафранская Н. В.*, 1951).

Кризисное состояние ольвийского полиса отражает почетный декрет в честь ольвийского гражданина Протогена (IPE, I², 32), относящийся ко второй половине III или к началу II в. до н. э. (*Латышев В. В.*, 1887; *Слюсаренко Ф.*, 1925; *Шафранская Н. В.*, 1951; *Книпович Т. Н.*, 1966; *Каришковський П. I.*, 1968): город постоянно находится под угрозой нападения варварских племен, их вожди являются к стенам города и требуют себе даров или дани; Ольвия не имеет сил для отпора и вынуждена откупаться золотом. Но городская казна пуста, и приходится обращаться к частным пожертвованиям Протогена и подобных ему богачей. Дело доходит до того, что городские власти закладывают иноземцу-ростовщику священные сосуды из храмов, и только вмешательство Протогена, уплатившего залог, спасает городские святыни. Тревожное военное состояние вызывает отлив населения — иностранцы и часть граждан покидают город. Городские рабы и соседние миксэллины переходят на сторону варваров. Город не имеет сил даже на то, чтобы восстановить обветшавшие стены и башни, починить и оснастить корабли. И здесь на помощь приходит Протоген. Протоген был, по-видимому, очень богатым человеком: помощь, которую он оказывал городу, требовала огромных средств. Весьма характерно, что в декрете везде говорится о нем как о первом, но не единственном благодетеле Ольвии. Стало быть существовала целая группа чрезвычайно богатых граждан, которые могли в известной мере покрывать городские расходы из личных средств и в полную зависимость от которых и попала Ольвия. Впрочем, ольвиополиты пользовались некоторыми финансовыми услугами, оказываемыми городу и богатыми иноземцами, например, херсонесцами (НО, № 28, 29).

Дальнейшее ослабление Ольвии привело к тому, что она попала под власть скифов. Это произошло около середины II в. до н. э. при скифском царе Скилуре. Признание Ольвией верховной власти этого царя засвидетельствовано чеканкой в городе наряду с городской монетой и монеты с именем, титулом и портретом Скилура (*Латышев В. В.*, 1887; *Орешников А. В.*, 1890; 1915; *Зограф А. Н.*, 1951; *Сальников А. Г.*, 1960; *Фролова Н. А.*, 1964). Вероятно, этим объясняется и наименованием Ольвии «скифским городом» в одной эпитафии II в. до н. э. (IPE, I², 226). Но нет никаких данных для суждения о том, каково было положение Ольвии под властью Скилура и как долго осуществлялось ее подчинение скифскому царю. Иногда полагают, что Ольвия недолго находилась под властью Скилура, а затем между ними установились союзные отношения (*Фролова Н. А.*, 1964), но скорее можно думать, что освобождение города из-под скифского господства произошло уже в конце II в. до н. э. в связи с поражением скифов в борьбе с Митридатом Евпатором.

История Никония и Тиры домитридатовского времени практически нам совершенно не известна. Никоний возник, видимо, в середине или во второй половине VI в. до н. э. В период своего первого расцвета (V—IV вв. до н. э.) он имел с Истрией тесные связи (*Синицын М. С.*, 1966; *Загинайло А. Г.*, 1966; *Секерская Н. М.*, 1976). В середине IV в. Никоний был разрушен. Восстановленный в конце столетия, он вновь подвергся разгрому в конце III или в начале II в. до н. э. Уверенно сопоставить эти разрушения с какими-либо известными нам политическими событиями нельзя, связь первого разрушения с передвижением скифов царя Атея (*Синицын М. С.*, 1966) весьма предположительна.

Тира была сначала сравнительно небольшим поселением земледельческого характера и лишь с IV в. до н. э. приобрела значение торгового центра (*Златковская Т. Д.*, 1959; *Фурманская А. И.*, 1963а). По-видимому, Тира с самого начала была организована как типичный греческий полис, обладающий всеми органами городского самоуправления — народным собранием, советом, архонтатом и т. д. Об этом говорят как эпиграфические документы (*Карышковский П. О.*, 1959г; *Фурманская А. И.*, 1960а), так и автономная чеканка городской серебряной, медной и даже золотой монеты, начиная со второй половины IV в. до н. э. (*Зограф А. Н.*, 1957). Вопрос о вхождении Тиры в Афинский морской союз весьма проблематичен (*Брашинский И. Б.*, 1963а). В раннеэллинистическое время Тира переживает эпоху расцвета, а затем вступает в период кризиса (*Фурманская А. И.*, 1963а), который завершается, по-видимому, включением Тиры в состав державы Митридата Евпатора (*Шелов Д. Б.*, 1962).

История Боспора сравнительно хорошо освещается литературными и эпиграфическими источниками. Но и в ней достаточно темных мест. Одним из них является самый ранний период истории боспорских городов, до установления на Боспоре династии Спартокидов. Греческие города, возникшие в VI в. до н. э. на обоих берегах Керченского пролива, первоначально существовали, видимо, как независимые и самостоятельные полисы. Свидетельством этого может служить автономная монетная чеканка некоторых из них. Пантикапей, самый значительный и мощный из

античных центров этого района, начал выпускать свою монету еще во второй половине VI в. до н. э., другие города — в V в. до н. э. (*Зограф А. Н.*, 1951; *Шелов Д. Б.*, 1956а; *Shelov D. B.*, 1978). Но в 480 г. до н. э. города, расположенные на берегах Боспора Киммерийского, объединились в одно государство, получившее название Боспора. По сообщению Диодора (XII, 31, 1), в течение 42 лет Боспор управлялся Археанактидами. Относительно Археанактидов единого мнения в науке нет. Их существование то вообще отрицалось (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 21 сл; ср. *Шкорпил В. В.*, 1917а), то они признавались милетским аристократическим родом (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 70, 163; *Каллистов Д. П.*, 1949; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а; 1955), то митиленским (*Латышев В. В.*, 1909; *Блаватский В. Д.*, 1954 в; *Blavatsky V.*, 1976). По-видимому, в состав вновь созданного государства Археанактидов вошли основные города на азиатской стороне Киммерийского Боспора, а на европейском берегу — Пантикапей и прилегающие к нему небольшие городки Мирмекий и Тиритака. Западной границей государства, вероятно, служил вал, тянувшийся от поселка Аршинцево (древняя Тиритака) на север (*Шмидт Р. В.*, 1941; *Гриневич К. Э.*, 1946, 1947; *Блаватский В. Д.*, 1954а, в; *Сокольский Н. И.*, 1957). Что касается характера власти Археанактидов, то об этом можно высказать только более или менее правдоподобные догадки. Видя в Археанактидах аристократический род, почти все исследователи предполагают, что они получили наследственную власть, используя один из полисных институтов, скорее всего архонтат, и официально считались, как позднее и Спартокиды, архонтами Боспора. Иногда приравнивают их власть к раннегреческой тирании (*Блаватская Т. В.*, 1959; *Gajdukevic V. F.*, 1971). Можно думать, что отдельные города, подчиненные власти Археанактидов, сохранили какие-то элементы полисной автономии. Что заставило первоначально независимые города объединиться в единый государственный организм? На первое место почти всегда выдвигается необходимость обеспечения совместной защиты от возможного нападения окружающих варварских племен (*Гайдукевич В.Ф.*, 1949а, с. 44 сл.; *Жебелев С. А.*, 1953, с. 166; *Блаватский В. Д.*, 1954в, с. 39). Иногда в этом объединении усматривают также влияние международной обстановки начала V в. до н. э. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а; *Каллистов Д. П.*, 1949, с. 193 сл.). Несомненно, объединение это диктовалось и экономическими интересами боспорских городов (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 166; *Блаватский В. Д.*, 1954в, 1959б; *Блаватская Т. В.*, 1959). Во всяком случае, тесные экономические связи между отдельными городами Боспора прослеживаются по нумизматическому материалу в эпоху, предшествующую их объединению под властью Археанактидов (*Шелов Д. Б.*, 1956а; *Shelov D. B.*, 1978). Высказывалось даже предположение, что само объединение произошло значительно ранее 480 года, времени прихода к власти Археанактидов (*Блаватская Т. В.*, 1959), но данных, подтверждающих эту гипотезу, пока нет.

В 438 г. до н. э. власть на Боспоре переходит в руки династии Спартокидов. Диодор, сообщающий об этом (XII, 31,1), не говорит, каким путем совершился этот переход. Новые правители не были чистыми греками (см. впрочем иное мнение: *Блаватская Т. В.*, 1959; *Болтунова А. И.*, 1964а), имена родоначальника династии Спартока и некоторых его преемников — фракийские. Вопрос о том, кем был по происхождению Спарток — фракийцем, скифом или меотом,— решается по-разному различными учеными (*Rostovtzeff M.*, 1922; *Жебелев С. А.*, 1953, с. 167; *Блаватский В. Д.*, 1948б; 1954в; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949 а; 1955; *Артамонов М. И.*, 1949; *Werner O.*, 1955 и др.). Возможно, Спартокиды были выходцами из местной племенной знати, тесно связанной с греческими купцами и рабовладельцами общностью торговых и иных интересов. Приход к власти местной по происхождению династии должен был способствовать укреплению связей между этими двумя различными по этнической принадлежности группами господствующего класса Боспора.

С конца V в. до н. э. становится заметным стремление Спартокидов к территориальному расширению государства. Первым объектом их экспансии стал Нимфей, находившийся до этого в какой-то зависимости от Афин. Был ли он членом Афинского морского союза или афинский контроль над ним осуществлялся иным путем, сказать трудно (*Жебелев С. А.*, 1935; *Каллистов Д. П.*, 1949; 1950; *Брашинский И. Б.*, 1955, 1963а; *Шелов Д. Б.*, 1956а; *Блаватская Т. В.*, 1959; *Gajdukevic V. F.*, 1971), но особые интересы Афин в Нимфее сомнению не подлежат. Вероятно, афинский протекторат над Нимфеем установился еще около 440 г., со времени экспедиции Перикла в Понт Евксинский. Хотя флот Перикла вряд ли посетил порты Северного Причерноморья (*Брашинский И. Б.*, 1958; 1963а), пребывание афинской эскадры на Черном море должно было отразиться на положении северочерноморских городов и может быть, вызвало то напряжение в отношениях между Афинами и Боспором, которое характерно, по мнению некоторых исследователей (*Берзин Э. О.*, 1958; *Блаватская Т. В.*, 1959), для второй половины V в. до н. э. Переход Нимфея в руки боспорских Спартокидов произошел в самом конце V в. до н. э. Обстоятельства этого перехода нам неизвестны.

Вслед за Нимфеем пришла очередь Феодосии. Ее присоединение к Боспору позволило бы Спартокидам не только устранить торгового конкурента, но и овладеть превосходной феодосийской гаванью. С завоеванием Феодосии и ее округи вся территория Восточного Крыма оказалась бы в руках Спартокидов и граница государства на западе проходила бы по самой узкой части Керченского полуострова. Возможно, что в борьбе против Феодосии некоторую роль играли и политические мотивы: сохранилось предание, что в Феодосии жили какие-то боспорские изгнанники (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 168 сл.). Войну против Феодосии начал преемник Спартока I — Сатир I. Но феодосийцы оказали упорное сопротивление, на помощь им пришла Гераклея Понтийская, вероятно, опасавшаяся экспансии Боспора, угрожавшей только что основанной гераклейской колонии — Херсонесу.

Борьба затянулась на многие годы. В ходе этой борьбы умер Сатир I и лишь его сыну Левкону I (389—349 гг.), вероятно, в 80-х годах IV в., удалось

подчинить Феодосию. Город был лишен самостоятельности, он потерял право чеканить собственную монету, а Левкон стал носить титул архонта Боспора и Феодосии. В дальнейшем, в IV и III вв. до н. э. феодосийцы, пользуясь различными военными затруднениями Спартокидов, несколько раз пытались вернуть себе независимость, но безуспешно (*Шелов Д. Б.*, 1950).

При Левконе I происходит и значительное расширение Боспорского государства на востоке. Раньше всего была присоединена к Боспору Синдика, область очень сильно эллинизованная и находившаяся в тесной связи с Боспором еще в V в. до н. э. (*Блаватская Т. В.*, 1959; *Анфимов Н. В.*, 1963; *Крушкол Ю. С.*, 1971). Рассказ Полиена (VIII, 59) о синдском царе Гекатее и царице Тиргатао позволяет предполагать, что овладение Синдикой произошло в результате длительной дипломатической борьбы, интриг и военных столкновений (*Берзин Э. О.*, 1958; *Блаватская Т. В.*, 1959; *Устинова В. А.*, 1966). Затем Левкон подчиняет и другие меотские племена Прикубанья и восточного Приазовья. Как происходило это подчинение, мы не знаем, и о присоединении их земель к Боспору узнаем только из титулатуры Левкона, именуемого «архонтом Боспора и Феодосии, царем синдов, торетов, дандариев и псессов» (КБН, 6, 1037, 1038). Сын Левкона I Перисад I добавляет в свой титул названия племен фатеев и досхов или именуется просто царем всех меотов (КБН, 9—11, 971, 972, 1015, 1039, 1040). Видимо, в третьей четверти IV в. до н. э. процесс формирования территории Боспора был в основном завершен.

В это государство вошли как эллинские города побережья, так и обширные территории, занимаемые варварскими племенами. В этом отношении Боспор напоминал возникшие позднее эллинистические государства. На Боспоре черты эллинизма проявились несколько раньше, чем во многих других районах античного мира (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 126 сл.; *Блаватский В. Д.*, 1959б; *Blawatsky W. D.*, 1961).

Во главе Боспорского государства на протяжении более 300 лет стояли правители из династии Спартокидов. В V и IV вв. до н. э. правитель Боспора обычно делил власть со своим братом или со взрослыми сыновьями, которым поручались важнейшие должности или управление отдельными частями государства (*Брашинский И. Б.*, 1965в). В это время Спартокиды носят титул архонтов по отношению к греческим городам и титул «царствующих» над подчиненными им варварскими племенами. С начала III в. до н. э. Спартокиды именуют себя царями по отношению ко всем своим подданным. Боспорские правители обладали всеми прерогативами верховной власти, они сосредоточивали в своих руках управление государством, были предводителями войск, состоявших из наемников или ополчения, распоряжались царскими землями с находившимся на них деревнями, вероятно, осуществляли судебную власть и жреческие функции (*Гайдукевич В. Ф.*, 1955; *Gajdukevič V. F.*, 1971). Боспорские города сохраняли некоторые внешние элементы полисной автономии (*Болтунова А. И.*, 1950, *Колобова К. М.*, 1953). Уступкой полисным традициям была и чеканка боспорской монеты от имени общины пантикапейцев, а не от имени боспорских царей. Но вся реальная власть сосредоточивалась в руках правителей. Племена, входившие в состав государства Спартокидов, или по крайней мере, часть из них, по-видимому, тоже пользовались некоторой автономией: сохраняли своих собственных царьков или вождей, свой племенной строй и обычаи, хотя и обязаны были платить Спартокидам дань, поставлять им воинские контингенты и подчиняться их верховному руководству.

После смерти Левкона I в 349 г. до н. э. власть на Боспоре перешла к двум его сыновьям Спартоку II и Перисаду I, которые правили некоторое время совместно (*Фармаковский Б. В.*, 1927). После смерти Спартока Перисад стал единственным правителем. Время его правления было временем наивысшего расцвета и могущества Боспорского государства. Страбон (VII, 4,4) сообщает, что Перисад был даже признан богом. После смерти Перисада в 309 г. до н. э. на Боспоре начались жестокие междоусобицы, о которых повествует Диодор (XX, 22—24). Младший сын Перисада Евмел начал борьбу против своего старшего брата Сатира II, унаследовавшего престол. Где-то в Прикубанье на берегу реки Фат произошло большое сражение (*Блаватский В. Д.*, 1946б), в котором войска Сатира одержали победу, но вскоре сам он был смертельно ранен. Тогда против Емела выступил второй брат Притан, но Евмел победил его и захватил власть. Евмел очистил Черное море от пиратов, помогал грекам южнопонтийских и западнопонтийских городов, присоединил к Боспору новые земли и даже вынашивал план объединения под своей властью всех побережий Понта. Планам этим не суждено было осуществиться: Евмел погиб, процарствовав всего пять лет.

Наследник Евмела Спарток III (304—284 гг. до н. э.) был первым боспорским правителем, который стал именоваться царем по отношению не только к подчиненным племенам, но и к городам Боспора. Это, как и начавшаяся несколько позже чеканка царской монеты, свидетельствует об укреплении на Боспоре царской власти. С другой стороны, уже в конце III — начале II вв. до н. э. проявляются некоторые признаки усиления городской автономии, связанного, видимо, с ослаблением последних Спартокидов.

В первой половине III в. до н. э. в жизни Боспора стали сказываться некоторые новые явления, вызванные изменением общей обстановки как в Северном Причерноморье, так и в Средиземноморье. Афины, бывшие раньше основным потребителем боспорского хлеба и поставщиком импортируемых товаров, приходят в упадок. Выдвигаются новые центры — Родос, Пергам, Делос, Александрия и др. и возникают новые направления в мировой торговле. Меняется и ориентация торговых связей Боспора — место Афин, Фасоса, Гераклеи занимают теперь Родос, Кос, Пергам, Синопа, Египет. Сокращается боспорский хлебный экспорт, уступая первое место вывозу скота, рыбы, рабов. Изменения в экономике и некоторые неблагоприятные внешние обстоятельства не могли пройти совершенно безболезненно, в разных областях экономической и политической жизни Боспора в III и II вв. до н. э. наблюдаются кризисные явления. В частности, денежный кризис

III в. до н. э. выразился в полном прекращении чеканки золотой и серебряной монеты и заполнении денежного рынка обесцененной и деградированной пантикапейской медью (*Зограф А. Н.*, 1951; *Шелов Д. Б.*, 1956а; *Брабич В. М.*, 1956; *Карышковский П. О.*, 1960б; 1961б; *Фролова Н. А.*, 1970; *Голенко К. В.*, 1972).

Из истории Боспорского царства в III—II вв. до н. э. мы знаем лишь отдельные эпизоды. В это время усиливается активность варваров в Северном Причерноморье. Из сообщений Страбона (VII, 4, 6) и Лукиана Самосатского (Токсарид, 44) известно об уплате Боспором дани варварским царям. Вероятно, это были принудительные «дары». Сохранились указания, что царь Левкон II в середине III в. до н. э. довольно неудачно вел войну против Гераклеи Понтийской. В ходе этой войны гераклеоты высаживали десанты на берегах Боспора, среди приближенных Левкона был открыт заговор, войска отказывались ему повиноваться (*Шелов Д. Б.*, 1950), впрочем, некоторые исследователи относят эти события еще ко времени Левкона I. Внутри самой династии Спартокидов в III—II вв. до н. э. шла борьба за власть (*Gajdukevič V. F.*, 1971). Один из боспорских правителей конца III в., носивший необычное для Спартокидов имя Гигиэнонт и почему-то довольствовавшийся только титулом архонта, может быть, совсем не принадлежал к правящей династии (*Орешников А. В.*, 1901; 1913; *Шкорпил В. В.*, 1911). Эти разрозненные факты свидетельствуют о значительной неустойчивости в политической жизни Боспора III—II вв. до н. э., являвшейся отражением нараставших социальных противоречий внутри государства и напряженного положения на его границах. Создание скифского государства в Крыму, установление гегемонии сарматских племен в степях Причерноморья должны были способствовать росту освободительной борьбы угнетенных слоев населения Боспора. Дальнейшее развитие этих процессов привело в конце II в. до н. э. к краху династии Спартокидов и к утере Боспором своей политической самостоятельности.

Херсонес Таврический был основан значительно позже большинства греческих городов Северного Причерноморья дорийцами из Гераклеи Понтийской в стране, населенной сравнительно отсталыми племенами тавров, менее подготовленными к установлению тесных контактов с греками, чем другие автохтонные обитатели Северного Причерноморья. Все это отразилось на истории и государственном устройстве Херсонеса.

У Псевдо-Скимна (822—827) сохранилось известие, что Херсонес был основан выходцами из Гераклеи Понтийской совместно с жителями Делоса по совету дельфийского оракула. Это событие должно было иметь место в 422—421 гг. до н. э. (*Тюменов А. И.*, 1938). Участие делосцев в колонизации никак не отразилось на дальнейшем развитии херсонесской истории и культуры, хотя некоторые связи Херсонеса с Делосом и Дельфами прослеживаются и позднее (*Тюменев А. И.*, 1938; *Гайдукевич В. Ф.*, 1955). Напротив, Гераклея Понтийская всегда рассматривалась херсонеситами как их метрополия, с которой Херсонес постоянно поддерживал самые тесные отношения (*Белов Г. Д.*, 1948а). Херсонес занимал очень выгодное положение на морских торговых путях, являясь самым близким к южному берегу Понта городом северного побережья. Все корабли, которые шли с южного берега Черного моря или из Греции в Северное Причерноморье, пересекая Понт Евксинский, должны были обязательно останавливаться в гавани Херсонеса. Но преимущества такого расположения города сказались не сразу, так как греки стали регулярно использовать прямой путь через Черное море между Синопой и Херсонесом не ранее начала IV в. до н. э. (*Максимова М. И.*, 1954а, 1956; *Беренбейм Д. Я.*, 1958; иное мнение — *Гайдукевич В. Ф.*, 1969). Торговым городом Херсонес назван в перипле Псевдо-Скилака (68).

На протяжении всей своей истории Херсонес оставался демократической рабовладельческой республикой. Высшим органом республики были народное собрание и совет. Исполнительная власть находилась в руках нескольких коллегий. Главной была, по-видимому, коллегия архонтов во главе с первым архонтом. Коллегия стратегов ведала военными делами, коллегия номофилаков следила за соблюдением законов и т. д. Действовали также коллегии астиномов и агораномов, наблюдавшие за торговлей, чеканкой монеты, правильностью мер веса и объема. В первые века существования Херсонеса в городе существовала должность «царя», имевшая сакральный характер: «царь» был эпонимом — его именем назывался год. Позднее эту должность упразднили, функции эпонима были приданы главному божеству Херсонеса, богине Деве, которая стала именоваться «царствующей» (*Латышев В. В.*, 1884; *Белов Г. Д.*, 1948а; *Гайдукевич В. Ф.*, 1955). Как правило, руководящая роль во всех городских органах власти принадлежала крупнейшим землевладельцам и рабовладельцам. Часто одни и те же лица выбирались многократно на разные должности. Так, из надписи III в. до н. э. мы узнаем, что некий Агасикл, сын Ктесия, был и стратегом, и жрецом, и агораномом, и гимнасиархом, руководил строительством оборонительных стен и устройством рынка, заботился о гарнизоне города и производил размежевку виноградников (IPE, I², 418). Внутри Херсонесского государства происходила ожесточенная классовая борьба между рабами и рабовладельцами. Но и в среде свободного полноправного населения велась борьба между отдельными группами. Отзвуки этой борьбы дошли до нас в некоторых херсонесских надписях и прежде всего — в знаменитой херсонесской присяге конца IV — начала III в. до н. э. (IPE, I², 401; *Латышев В. В.*, 1909; *Жебелев С. А.*, 1953; *Леви Е. И.*, 1947; *Белов Г. Д.*, 1948а; *Тюменев И. А.*, 1955; *Щеглов А. Н.*, 1976б). Каждый херсонесский гражданин клялся, что будет охранять демократический строй Херсонеса, не предаст врагам ни города, ни его владений, будет служить народу, не будет замышлять чего-нибудь против Херсонеса или его граждан, не разгласит государственную тайну, доведет до сведения должностных лиц о существовании заговора и т. д. Введение этой присяги было, по-видимому, экстраординарной мерой, принятой после какой-то попытки осуществить государственный переворот. Время IV в. до н. э. было периодом быстрого роста территории Херсонесского государства. В пору своего расцвета в IV—III вв. Херсонес вла-

дел обширными землями Гераклейского полуострова и Западного Крыма.

Херсонес с самого начала существовал в окружении весьма воинственных и обычно враждебных ему племен — тавров и скифов (*Тюменев А. И.*, 1949; 1950а). Городу неоднократно приходилось обороняться от их нападений, и в свою очередь херсонесцы, расширяя свои владения, вторгались в пределы соседних племен. Свидетелями этих бурных событий являются городские стены с признаками неоднократных починок и ремонтов, дополнительными укреплениями и пр. (*Гриневич К. Э.*, 1926; 1927б), многочисленные крепости и укрепленные усадьбы в Северо-Западном Крыму и на Гераклейском полуострове со следами осад и пожарищ, клады херсонесских монет, запрятанные в разных местах в моменты военной опасности, и т. д. (*Щеглов А. Н.*, 1976б). Есть и прямые эпиграфические свидетельства нападений варваров на Херсонес (IPE, I², 343). В борьбе против скифов херсонесцы, вероятно, стремились использовать враждебные отношения между отдельными скифскими племенами или между скифами и другими варварами. Об этом позволяет судить рассказ Полиена (VIII, 56) о помощи, оказанной Херсонесу сарматской царицей Амагой во время нападения на город скифов. Хотя рассказ этот облечен в легендарную форму, в нем, несомненно, отразились воспоминания о каких-то реальных событиях III в. до н. э. (*Ростовцев М. И.*, 1915).

После образования скифского государства со столицей в Неаполе в III в. до н. э. нажим скифов на Херсонес особенно усилился. По-видимому, к середине II в. до н. э. все владения Херсонеса в Северо-Западном Крыму были захвачены скифами и на местах разрушенных поселений были созданы скифские крепости (*Дашевская О. Д.*, 1971; *Щеглов А. Н.*, 1976б). Скифские укрепленные поселения возникают в непосредственной близости к самому городу (*Высотская Т. Н.*, 1972). Недостаточность собственных сил для отражения скифов заставила херсонесцев искать поддержки вовне. В 179 г. до н. э. был заключен договор между Херсонесом и царем Понта Фарнаком I, содержащий обязательство Фарнака помогать херсонесцам (IPE, I², 402). Новый нажим скифов на Херсонес в конце II в. до н. э. побудил херсонесцев обратиться за помощью к царю Митридату VI Евпатору, внуку Фарнака I. Это обращение положило начало новому этапу в политической истории Северного Причерноморья. Заинтересованный в распространении своего влияния на северный берег Понта, Митридат послал в 110 г. до н. э. в Херсонес войска под командованием Диофанта. О событиях, происшедших в Крыму в течение нескольких ближайших лет, мы знаем главным образом из почетного декрета херсонеситов в честь Диофанта (IPE, I², 352). Войска Диофанта вместе с херсонеситами разгромили скифов царя Палака и избавили Херсонес от скифской угрозы. Но после возвращения Диофанта в Понт скифы предприняли новое наступление и потребовалась еще одна экспедиция под руководством Диофанта. На этот раз скифам был нанесен сокрушительный удар, вновь были взяты и важнейшие центры Крымской Скифии — Неаполь и Хабеи. После окончания этого похода Диофант направился на Боспор (где он уже побывал с какой-то дипломатической миссией во время первой экспедиции) и устроил, по словам декрета, «таможние дела прекрасно и выгодно для царя Митридата». Страбон (VII, 4, 4) сообщает, что боспорский царь Перисад добровольно передал Митридату власть над Боспором.

Все усиливающийся напор варваров, обострение социальных противоречий внутри государства заставляли боспорских рабовладельцев искать опору в сильной власти. Однако передача власти Митридату лишь ускорила развитие назревшего социального конфликта. Во время пребывания Диофанта на Боспоре в 107 г. до н. э. там произошло восстание, руководимое неким Савмаком, скифом, воспитанным при дворе Перисада. Восставшие захватили Пантикапей и Феодосию, убили царя Перисада, а Диофанту пришлось бежать на корабле в Херсонес (*Жебелев С. А.*, 1953; *Молев Е. А.*, 1974, 1976). Характер восстания Савмака не совсем ясен. Источники говорят о нем как о восстании скифов. Некоторые исследователи видят в нем восстание рабов, подобное восстаниям, известным во II и I вв. до н. э. в других местах античного мира. Но, вероятно, социальная база этого движения была значительно шире: в нем могли принять участие и свободная беднота, и полузависимые земледельцы скифского происхождения. Во всяком случае, несомненна этническая окраска этого восстания, вполне понятная в условиях Боспора, где основная масса эксплуатируемого населения состояла из меотов и скифов, тогда как рабовладельческая знать была главным образом греческой (*Жебелев С. А.*, 1953; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а; 1962; 1967; 1968; *Струве В. В.*, 1950; *Голенко К. В.*, 1951; 1963; *Lurie S.*, 1959; *Казакевич Э. Л.*, 1963; *Колобова К. М.*, 1967; *Gajdukevič V. F.*, 1971; *Молев Е. А.*, 1974; 1976). Для подавления восстания Митридат Евпатор послал на Боспор Диофанта, который овладел боспорскими городами и расправился с повстанцами. Савмак был захвачен в плен и отправлен к царю Митридату. Как ранее Херсонес, Боспорское государство утеряло самостоятельность и оказалось объединенным с Понтийским царством под властью Митридата, который держал на Боспоре своего наместника. По-видимому, еще в конце II в. до н. э. власти Митридата подчинились Ольвия (*Ростовцев М. И.*, 1907; *Wilhelm A.*, 1936; *Жебелев С. А.*, 1953; *Зограф А. Н.*, 1940; *Карышковский П. О.*, 1965а) и Тира (*Шелов Д. Б.*, 1962). Северное Причерноморье было призвано сыграть большую роль в упорной борьбе Митридата против Рима. Отсюда поступали продукты питания и сырье для понтийских войск, отсюда черпались людские резервы. Поэтому Митридат чем дальше, тем больше ориентируется на аристократию варварских племен Северного Причерноморья, заключая с ней военные союзы (*Каллистов Д. П.*, 1938а, б).

Античные города Северного Причерноморья, вошедшие в состав державы Митридата, сохранили свое внутреннее полисное устройство и обладали известной автономией. Согласно свидетельству Аппиана (Митр. 67) во время первой войны Митридата с Римом Боспор попытался отложиться от Митридата. Подавив эту попытку силой около 80 г. до н. э., Митридат назначил на Боспор наместником своего сына Махара, подчинив ему и Херсонес (*Ше-*

лов Д. Б., 1978). Когда Митридат потерпел поражение в борьбе с римлянами, Махар поспешил перейти на сторону римлян. Вытесненный из своих малоазийских владений Митридат прибыл в Северное Причерноморье, вновь подчинил себе Боспор и Херсонес (Махар при этом погиб) и попытался сделать эти страны основной базой своей дальнейшей борьбы против Рима. Однако подготовка новой войны против Рима, резкое увеличение поборов и реквизиций, набор в царскую армию рабов и пр., а также расстройство торговли, связанное с блокадой черноморских портов римлянами, вызвали недовольство городов Северного Причерноморья и в 63 г. до н. э. Фанагория, а вслед за ней и другие города поднимают восстание. Когда к этому движению присоединилась армия, возглавляемая сыном Митридата Фарнаком, понтийский царь понял, что он обречен, и покончил с собой (Аппиан, Митр., 107—111).

Римляне признали царем Боспора Фарнака, подчинив ему и Херсонес, при этом Фарнак получил титул «друга и союзника римлян», дававшийся обычно вассальным по отношению к Риму государям. Фанагория, первая поднявшая восстание против Митридата, получила автономию. Но закрепить свое влияние в Причерноморье, римлянам было нелегко. В середине I в. до н. э. им пришлось вести борьбу против фракийских племен. На Дунае в это время сложился сильный племенной союз гетов, которые под руководством своего вождя Беребисты прошли опустошительным походом вдоль западного берега Понта (*Блаватская Т. В.*, 1952; *Златковская Т. Д.*, 1955; *Vulpe R.*, 1968; *Daicoviciu H.*, 1972; *Crişan I. H.*, 1977). Одной из жертв этого похода стала Ольвия, которую геты захватили и полностью разрушили.

Затруднения римлян в Западном Причерноморье и обострение внутриполитической борьбы в самом Риме побудили Фарнака попытаться силой вернуть себе все владения своего отца. Он подчинил себе Фанагорию, через Колхиду вторгся в Малую Азию и захватил часть прежних владений Митридата Евпатора (*Каллистов Д. П.*, 1938а; *Голубцова Е. С.*, 1951; *Цветаева Г. А.*, 1965). Разбитый войсками Юлия Цезаря при Зеле в 47 г. до н. э. Фарнак возвратился на Боспор, но оставленный им в качестве наместника некий Асандр отложился от Фарнака и объявил себя независимым правителем Боспора. В борьбе с Асандром Фарнак погиб. Не доверяя Асандру, Цезарь послал на Боспор в качестве царя пергамца Митридата, побочного сына Митридата Евпатора, но Митридат не смог овладеть Боспором, был убит и правителем Боспора остался Асандр.

Херсонес, со времени Митридата Евпатора подчинявшийся правителям Боспора (Страбон, VII, 4, 3), тяготился боспорской опекой и пытался освободиться от нее, опираясь на римлян. Одно из херсонесских посольств в Рим к Цезарю в 46 г. до н. э. увенчалось успехом и город получил желанную независимость от Боспора (IPE, I², 691; *Ростовцев М. И.*, 1917), однако после гибели Цезаря вновь оказался в зависимости от своего сильного соседа (IPE, I², 354, 419, 573). В 25 или 24 г. до н. э. в Херсонесе было введено новое летоисчисление (*Бертье-Делагард А. Л.*, 1893б; *Карышковский П. И.*, 1961а; *Анохин В. А.*, 1963), что было, безусловно, связано с какими-то важными событиями, вероятно, в области боспорско-херсонесских отношений.

Асандр, удержавший власть над Боспором вопреки воле Цезаря, в первые три года своего правления довольствовался скромным титулом архонта, но после смерти Цезаря принял царский титул и получил на это согласие Рима. Чтобы укрепить свои права на престол, он женился на Динамии, дочери свергнутого им Фарнака и внучке Митридата Евпатора. После смерти Асандра в 17 г. до н. э. правительницей стала Динамия, но римляне, воспользовавшись появлением на Боспоре нового претендента на престол некоего Скрибония, вновь посылают на Боспор своего ставленника, понтийского царя Полемона. Несмотря на упорное сопротивление боспорцев, Полемону удалось занять престол, после чего он по решению Августа вступает в брак с той же Динамией. По-видимому, в это время происходит переименование Пантикапея в Кесарию, а Фанагории — в Агриппию (*Орешников А. В.*, 1915; *Зограф А. Н.*, 1951). Но совместное правление Полемона и Динамии длилось недолго, вскоре произошел разрыв. Полемон женился на родственнице императора Августа (*Орешников А. В.*, 1902; *Бертье-Делагард А. Л.*, 1911; *Ростовцев М. И.*, 1914а; *Голубцова Е. С.*, 1951; *Gajdukevič V. F.*, 1971). Боспорское население не могло примириться с римской марионеткой на престоле, и Полемону пришлось вести борьбу против своих подданных, во главе которых, по-видимому, встала Динамия. Одним из эпизодов этой борьбы был разгром Полемоном непокорного Танаиса (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 195 сл.; *Болтунова А. И.*, 1969; *Шелов Д. Б.*, 1969а). В 8 г. до н. э. Полемон был убит аспургианами, одним из племен Азиатского Боспора, и власть, видимо, опять перешла к Динамии. Впрочем, история Боспора конца I в. до н. э. и начала I в. н. э. известна нам очень плохо. Около 10 г. н. э. к власти приходит Аспург, сын Динамии и Асандра, связанный каким-то образом с племенем аспургиан (*Бертье-Делагард А. Л.*, 1911; *Ростовцев М. И.*, 1914а; *Rostovtzeff M.*, 1919; *Каллистов Д. П.*, 1940; *Зограф А. Н.*, 1951; *Голубцова Е. С.*, 1951; *Gajdukevič V. F.*, 1971). Аспург стал основателем новой династии, правившей Боспором в течение почти четырех веков. Он принял царский титул в 14 г. н. э. с согласия римского императора Тиберия (*Блаватская Т. В.*, 1965 г.).

Политическое положение Боспора при Аспурге значительно укрепилось. Аспург владел всей территорией царства, включая Феодосию и Танаис. Херсонес формально не принадлежал к числу его владений, но фактически зависел от него (см. IPE, I², 573). Предполагают, что Аспург носил второе, тронное, имя Рескупорида, являясь первым правителем с этим именем на Боспоре (*Бурачков П. О.*, 1884; *Бертье-Делагард А. Л.*, 1911; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а и др.), но это маловероятно (*Голубцова Е. С.*, 1951; *Фролова Н. А.*, 1976; *Блаватский В. Д.*, 1976).

После смерти Аспурга в 38 г. в. э. Калигула попытался посадить на боспорский престол очередного римского ставленника — фракийского царевича Полемона, но сын Аспурга Митридат не пустил его на Боспор и объявил себя царем (Дион Кассий LIX, 12; LX, 8). Митридат имел намерение совсем освободиться от римской зависимости, но его план был

выдан римлянам его братом Котием. Император Клавдий объявил Митридата низложенным, отдал боспорский престол Котию и прислал ему в помощь римские войска. Согласно рассказу Тацита (Летопись, XII, 15—21) после продолжительной и упорной вооруженной борьбы, которая протекала на азиатской стороне Боспора и в которой принимали участие отряды сарматских племен аорсов и сираков, Митридат был разбит и отправлен в Рим, а Котий I утвердился на боспорском престоле. Даже полное подчинение Котия I римской политике, особенно ярко проявившееся в проримской типологии боспорских монет при этом царе (*Орешников А. В.*, 1921; *Зограф А. Н.*, 1951; *Харко Л. П.*, 1950; *Карышковский П. О.*, 1953; *Фролова Н. А.*, 1976) не могло удовлетворить императора Нерона, который задумал превратить Боспор в римскую провинцию. Поводом для прямой военной интервенции Рима послужило новое усиление скифского наступления на античные города Причерноморья.

К середине I в. н. э. скифы (или, как их теперь обычно называют, тавроскифы) значительно усилили свою активность в Северном Причерноморье. Особенно сильный нажим с их стороны испытывала Ольвия. Этот город, как свидетельствует Дион Хрисостом (XXXVI, 2, 48), был вновь отстроен после гетского разгрома по инициативе соседних скифских племен, заинтересованных в возобновлении торговли с греками. Однако отныне Ольвия была второстепенным центром и не достигла прежнего экономического расцвета (*Гайдукевич В. Ф.*, 1955; *Славин Л. М.*, 1959а). Во второй половине I в. н. э. Ольвия вынуждена была признать себя зависимой от варварских, скорее всего сарматских, царей Фарзоя и Иненсимея, власть которых над городом засвидетельствована тем, что они чеканили в Ольвии свою монету (*Орешников А. В.*, 1890; 1915; *Зограф А. Н.*, 1951; *Розанова Н. П.*, 1956; *Сальников А. Г.*, 1960). Впрочем, к концу I в. н. э. Ольвия уже освободилась от их власти. Скифская угроза была вполне реальной и для Херсонеса. Херсонес в I в. н. э. продолжал оставаться рабовладельческой республикой, но в нем (как и в Ольвии) очень усиливаются позиции аристократии: вся власть в городе сосредоточивается в руках немногих семей, члены которых из поколения в поколение занимают высшие административные должности (*Гриневич К. Э.*, 1947; *Белов Г. Д.*, 1948а; *Гайдукевич В. Ф.*, 1955; *Стржелецкий С. Ф.*, 1959б; *Шелов Д. Б.*, 1975). Аристократия придерживалась римской ориентации, рассчитывая, что военная сила Римской империи обеспечит защиту Херсонеса от скифов, будет способствовать сохранению рабовладельческих порядков в самом Херсонесском государстве и сможет противостоять притязаниям боспорских царей, опекой которых Херсонес тяготился. Внутри самого Херсонеса шла острая политическая борьба, получившая отражение в почетном декрете в честь гражданина, избавившего город от угрозы тирании (IPE, I², 355). Осажденные тавроскифами херсонесцы обратились за военной помощью в Рим. Воспользовавшись их просьбой, Нерон направляет в 63 г. большую экспедицию в Крым во главе с легатом провинции Мезии Тиберием Плавтием Сильваном Элианом. Римляне заставили скифов снять осаду, после чего в Северном Причерноморье были размещены римские гарнизоны из солдат I Италийского, V Македонского и XI Клавдиева легионов, насчитывающие в общей сложности 3 тысячи воинов. Херсонес стал главным опорным пунктом римлян в Северном Причерноморье. На мысу Ай-Тодор римляне создали мощную крепость Харакс. На Херсонесский порт базировалась часть римской эскадры из 40 кораблей, несущая патрульную службу в Черном море (*Ростовцев М. И.*, 1900; 1911; *Rostovtzeff M.*, 1902; *Дьяков В. Н.*, 1930; 1940; 1941; 1942; *Репников Н. И.*, 1941; *Блаватский В. Д.*, 1951г; *Pippidi D. M.*, 1955; *Conduracki E.*, 1958; *Gajdukevič V. F.*, 1971). Обострение борьбы с даками на Дунае в 80-х годах I в. вызвало ослабление позиций римлян в Северном Причерноморье, хотя вряд ли римские войска были совсем выведены из этого района, как это обычно предполагают (*Ростовцев М. И.*, 1900; *Белов Г. Д.*, 1948а; *Гайдукевич В. Ф.*, 1955; *Gajdukevič V. F.*, 1971; ср. *Дьяков В. Н.*, 1942; *Шелов Д. Б.*, 1975). II в. н. э. был временем относительной стабильности и спокойствия в Северном Причерноморье, временем известного подъема и экономического расцвета северочерноморских античных государств. Наиболее активной действующей силой, враждебной им, были в это время тавроскифы. Они постоянно угрожали не только Херсонесу, но и Ольвии. Испытывая постоянную опасность со стороны соседних племен, Ольвия вела сложную дипломатическую игру, посылая к вождям этих племен послов и задабривая их подарками. Следы этих переговоров и посольств сохранились в ряде ольвийских надписей II в. н. э. (IPE, I², 39, 54; НО, 42). В таких условиях господствующей верхушке Ольвии наилучшим выходом должно было казаться подчинение Риму и получение римской военной помощи.

Римляне, еще в 50-х годах I в. н. э. подчинившие себе Тиру и в начале II в. подавившие сопротивление даков Децебалла, теперь прочно закрепились в Нижнем Подунавье и Поднестровье (*Златковская Т. Д.*, 1951; *Кругликова И. Т.*, 1955а; *Зограф А. Н.*, 1957). Может быть, еще во времена Траяна или Адриана римский гарнизон был размещен и в Ольвии (*Ростовцев М. И.*, 1915, *Гайдукевич В. Ф.*, 1955). Во всяком случае, когда при Антонине Пие опасность для Ольвии со стороны скифов резко усилилась, император послал из Нижней Мезии войска, которые вместе с ольвиополитами не только отразили нападение на город, но и вынудили тавроскифов заключить мир и выдать заложников. С этого времени в Ольвии постоянно находился римский гарнизон. Несколько позднее Ольвия была включена в состав провинции Нижней Мезии (*Латышев В. В.*, 1887; *Гайдукевич В. Ф.*, 1955).

Для Херсонеса тавроскифская угроза была еще более актуальной, недаром херсонеситы постоянно совершенствовали городские укрепления (IPE, I², 438; *Соломоник Э. И.*, 1961, 1964). По-видимому, скифы удерживали за собой ранее захваченные херсонесские владения в северо-западном Крыму (*Щеглов А. Н.*, 1966; *Дашевская О. Д.*, 1971). В борьбе против тавроскифов Херсонес мог опереться либо на помощь Боспора, либо на прямую поддержку римлян. Римские власти стремились возложить на Боспор значительную часть военных тягот, связанных

с обороной городов Крыма от тавроскифов. Именно так надо понимать сообщение Флегонта из Тралл о том, что император Адриан подчинил Херсонес боспорскому царю Котию II (SC, I, 2, с. 512). Интересами обороны города от скифов было продиктовано двукратное посольство знатного херсонесита Аристона, сына Аттины, к боспорскому царю Риметалку (131—153 гг.) для заключения союза (IPE, I², 423). Херсонес очень тяготился протекторатом Боспора и стремился стать в прямую зависимость от Рима. Тот же Аристон был послан в Рим с ходатайством о свободе Херсонеса. Но его миссия не увенчалась успехом, и только ходатайство перед императором Антонином Пием, предпринятое метрополией Херсонеса Гераклеей Понтийской, привело к освобождению города от боспорской зависимости (IPE, I², 362, 363). Это событие дало начало новому периоду истории Херсонеса — периоду элевтерии (свободы), получившему яркое отражение в типологии херсонесских монет (*Бертье-Делагард А. Л.*, 1906; *Орешников А. В.*, 1915; 1918; 1922; *Зограф А. Н.*, 1951; *Анохин В. А.*, 1963).

То обстоятельство, что Боспор в течение долгого времени должен был оказывать поддержку Херсонесу против скифов, приводило к боспоро-скифским вооруженным столкновениям, хотя обстановка на боспоро-скифской границе была, вероятно, и без того достаточно напряженной, о чем свидетельствует строительство и реконструкция крепостей на западной границе Боспора (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958б; *Доватур А. И.*, 1961). Боспорские надписи повествуют о войнах, которые пришлось вести против скифов Савромату I (93—123 гг.) в самом начале II в. н. э. и Котию II в 123 г. Но особенно энергичную военную политику вел Савромат II (174—210 гг. н. э.). Из одной надписи 193 г., найденной в Танаисе, известно, что Савромат II одержал победу над скифами и присоединил к боспорским владениям Таврику (КБН, 1237). Ему удалось, видимо, в какой-то степени подчинить себе и скифские владения в Крыму. По крайней мере его сын и наследник Рескупорид III (210—226) именуется в одной из надписей не только царем Боспора, но и царем тавроскифов (КБН, 1008).

На восточных границах Боспорского царства ощущалось некоторое давление сарматских племен. Вероятно, их вторжением объясняется единовременная гибель многих боспорских крепостей на Таманском полуострове в начале II в. н. э. (*Сокольский Н. И.*, 1967б). Передвижение во II в. аланских племен в пределах Боспорского государства засвидетельствовано и на Дону (*Шелов Д. Б.*, 1974). Известное по многочисленным надписям усиленное строительство оборонительных сооружений в Танаисе на протяжении всего II и первой половины III в. показывает, что боспорское правительство хорошо сознавало грозящую государству опасность (КБН, 1241—1244, 1246—1252, 1257; *Болтунова А. И.*, 1968; *Шелов Д. Б.*, 1972а). Упомянутая танаисская надпись 193 года говорит и о какой-то победе Савромата II над сираками. Возможно, именно столкновения Савромата с тавроскифами и сираками нашло отражение в некоторых претенциозных типах савроматских медных монет, напоминающих о победах боспорского царя (*Зограф А. Н.*, 1938; 1951).

Боспорское царство в первые века нашей эры занимало всю ту территорию, которая принадлежала ему в период расцвета при Спартокидах. Боспорское государство было монархией, во главе которой стояли цари из династии, ведшей свое происхождение от Аспурга. Вступление на престол каждого нового представителя династии подлежало утверждению римского императора. Вассальность боспорских царей по отношению к римским императорам проявлялась и в обязательном использовании ими помимо собственных имен еще и римских династических имен Тибериев Юлиев, и в помещении портретов членов римского императорского дома на золотых боспорских монетах, и в учреждении на Боспоре культа императоров, первосвященниками которого были боспорские цари (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а; *Зограф А. Н.*, 1951). Но практически политика Боспорского царства была обычно достаточно самостоятельна как во внутренних делах, так и в сфере внешних сношений.

Вся полнота верховной власти на Боспоре была сосредоточена в руках царя. Боспорские владыки присвоили себе пышные восточные титулы — царь великий, царь царей и т. п.; существовало и обожествление боспорских династов. Царские портреты, а также изображения царя в виде всадника-победителя помещаются на боспорской золотой и медной монетах. Вокруг царя группировалась придворная знать — аристополиты (КБН, 36), из которой царь выбирал и назначал всех важнейших государственных сановников. Отдельные области государства или отдельные города были подчинены власти наместников (КБН, 36, 40, 64, 697, 982, 1000, 1115, 1119 и др.) Правда, понятие городской общины продолжало существовать, например, в Фанагории или в Горгиппии (КБН, 982, 983, 1118), но практически традиции полисного самоуправления в первые века нашей эры уже полностью изжиты. Одним из важнейших должностных лиц центрального аппарата управления был ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας (функции которого не совсем ясны) (см. КБН, с. 65 сл. и 654 — комментарии к № 58 и 1120). Известны и другие должностные лица в администрации Боспора. Но при боспорском дворе было много должностей, связанных не с государственным аппаратом, а с жизнью самого боспорского царя и его семьи. Таковы придворные должности управляющего двором, начальника царской сокровищницы, управляющего царской конюшни, постельничих и т. п. (КБН, 49, 78, 98, 709, 711, 942, 1243 и др.). Царь возглавлял боспорскую армию, состоявшую в основном из ополчения граждан и из вспомогательных отрядов союзных племен.

Характерной чертой общественной жизни Боспора первых веков нашей эры было существование многих религиозных союзов — фиасов или синодов, объединявших почитателей того или иного божества, особенно часто безымянного «Бога высочайшего» (Θεὸς ὕψιστος). Эти союзы включали в себя довольно широкие слои населения, в том числе и господствующую аристократию, игравшую в фиасах руководящую роль. Фиасы имели не только религиозное, но и общественное значение, являясь своеобразной формой социальной организации рабовладельческого класса. Они заботились о воспитании молодежи,

оказывали помощь своим членам, возможно, выполняли какие-то функции в военной организации гражданства (*Помяловский И. В.*, 1888; *Schürer E.*, 1897; *Ziebarth E.*, 1896; *Poland F.*, 1909; *Новосадский Н. И.*, 1928; *Колобова К. М.*, 1933а; *Жебелев С. А.*, 1953, с. 215; *Книпович Т. Н.*, 1949а; *Salač A.*, 1955; *Gajdukevič V. F.*, 1971; *Шелов Д. Б.*, 1972а).

Военное присутствие римлян в Северном Причерноморье было усилено в середине II в. Кроме гарнизонов в Тире, Ольвии, Херсонесе и Хараксе римляне держали небольшие воинские контингенты и в ряде других мест, в том числе на южном побережье Крыма, в некоторых пунктах внутри Скифии (*Высотская Т. Н.*, 1971, 1972). Можно думать, что римские воинские соединения были расквартированы и на территории Боспорского царства, об этом могут свидетельствовать некоторые надгробия (КБН, 666, 691; 726). Значение римских укреплений и гарнизонов в Северном Причерноморье в общей системе обороны Империи выяснено еще недостаточно. В них видели звенья особого Таврического лимеса, обращенного против варварских племен Причерноморья (*Дьяков В. Н.*, 1930; 1942), или базы для борьбы с пиратством (*Репников Н. И.*, 1941). Но можно полагать, что роль римских отрядов на Боспоре и в Крыму вообще сводилась не столько к военным, сколько к политическим функциям. Несмотря на присутствие римских гарнизонов, государства и города Северного Причерноморья, как свидетельствуют эпиграфические памятники и чеканка монет, продолжали считаться свободными и независимыми. Рим стремился только держать под своим контролем общую военную и политическую ситуацию в Крыму, предоставляя городам полную самостоятельность во внутренних делах. Тем более практически независимым в своей политике было Боспорское царство, хотя боспорские цари и признавали суверенитет римских императоров. Из реальных обязательств Боспора перед римскими императорами важнейшим, вероятно, было участие боспорских вспомогательных контингентов в римских войсках.

В III в. н. э. античные государства Северного Причерноморья вступают в период общего экономического и социально-политического упадка. В них прослеживаются те же процессы кризиса рабовладельческой системы, что и в других областях античного мира — отпуск рабов на волю (*Марти Ю. Ю.*, 1935; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а; *Белов Г. Д.*, 1948а; *Надель Б. И.*, 1958, 1961а; *Gajdukevič V. F.*, 1971), использование труда зависимого населения, прикрепленного к земле (пелатов) (КБН, 976), общая натурализация хозяйства и сокращение объема торговли (*Кругликова И. Т.*, 1966а), рустификация городов (*Блаватский В. Д.*, 1951а; 1964в; *Кругликова И. Т.*, 1966а). Одновременно усиливался нажим варваров извне. В начале III в. н. э. в Северном Причерноморье появляются племена, называвшиеся античными авторами готами. Собственно готы, племена германской языковой группы, пришедшие с берегов Балтийского моря, только возглавили большие объединения племен, куда входили различные этнические группы, не только германские, но и сармато-аланские и иные. Уже с начала III в. завязывается длительная борьба готов с римлянами на Дунае (*Ременников А. М.*, 1954). Вероятно, какие-то племена этого союза в конце первой трети III в. напали на Ольвию и разорили ее. Хотя эпиграфические, монетные и археологические находки и свидетельствуют о наличии какой-то жизни в Ольвии на протяжении второй половины III и IV вв. н. э. и даже о временном присутствии в Ольвии римских воинских подразделений, жизнь эта теплится очень слабо, Ольвия последнего периода своего существования (до конца IV в.) является скорее военно-стратегическим пунктом, чем городским центром (*Зограф А. Н.*, 1930; 1951; *Славин Л. М.*, 1959а).

В первой половине III в. варвары переходят в наступление и на восточных границах античного Причерноморья. В 30-х годах III в. варварские племена, двигавшиеся на Боспор с востока или юго-востока, разгромили Горгиппию (*Кругликова И. Т.*, 1965; 1966а). В конце 40-х годов был полностью уничтожен Танаис вместе со всеми окружающими поселками (*Шелов Д. Б.*, 1972а). В середине III в. Боспор уже не имел сил, чтобы отражать натиск варварских племен. Римские гарнизоны были выведены из Крыма для усиления дунайских армий. В этих условиях боспорские правители были вынуждены пойти на какое-то соглашение с вождями подступающих к Боспору племен боранов и герулов, входивших скорее всего в готский союз. Впрочем, на самом боспорском престоле в это время появляются лица, не принадлежавшие к традиционной боспорской династии. Они были тесно связаны с варварскими племенами, если только сами не были вождями этих племен. Таким узурпатором был царь Фарсанз, чеканивший на Боспоре монету в 253—254 гг. (*Зограф А. Н.*, 1951) и, вероятно, царь Хедосбий, известный только по одной надписи (КБН, 846) и не успевший даже начать выпуск собственной монеты. В 50—70-х годах III в. отряды боранов, остготов, герулов, пользуясь боспорскими гаванями как базами, на судах боспорского флота совершали грабительские пиратские набеги на многие греческие прибрежные города. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а; *Ременников А. М.*, 1954). За два десятилетия набегов варвары разграбили и разорили города Причерноморья, Пропонтиды и Эгейского моря, в их числе такие крупные центры, как Афины, Коринф, Эфес, Кизик, Калхедон, Синопу, Гераклею и многие другие. Для боспорской экономики эти походы должны были быть весьма неблагоприятными, так как были разрушены или разорены все торговые центры, с которыми Боспор еще продолжал поддерживать экономические связи.

Варвары произвели значительные опустошения и на самом Боспоре. В 60—70-х годах III в. прекращают существовать многие небольшие поселки и малые города европейской части Боспора, в крупных городах происходят разрушения и наблюдаются явные признаки упадка (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а; *Кругликова И. Т.*, 1956а; 1963а; 1965; 1966а; *Блаватский В. Д.*, 1964в). В последней четверти III и в начале IV в., по-видимому, происходит некоторая стабилизация экономического и политического положения на Боспоре. Надписи свидетельствуют, что Боспор по-прежнему поддерживает связи с Римской империей, а боспорские цари признают протекторат римских императоров. Впрочем, вполне возможно, что боспорские цари Фофорс (286—308 гг.) и Радам-

сад (308—322 гг.) не принадлежали к боспорской династии Тибериев Юлиев. В 30-х или в начале 40-х годов IV в. н. э. при царе Рескупориде VI прекращается чеканка монеты на Боспоре, осуществлявшаяся непрерывно в течение 900 лет (*Зограф А. Н.*, 1951; *Голенко К. В.*, 1960а; *Фролова Н. А.*, 1975), но государство продолжало существовать еще несколько десятков лет. В частности, Аммиан Марцеллин (XXII, 7, 10) сообщает, что в 362 г. император Юлиан принимал в Константинополе послов с Боспора. Очевидно, прекращение боспорской чеканки было следствием не политической катастрофы, а глубокого экономического упадка, сделавшего выпуск монет невозможным, а денежное обращение в значительной степени ненужным. Впрочем, боспорские монеты, выпущенные в конце III и в первые десятилетия IV в. н. э. продолжали использоваться на боспорских рынках и после прекращения чеканки. Они в большом количестве встречаются в кладах эпохи гуннского нашествия (*Голенко К. В.*, 1960а; 1960б; *Голенко К. В.*, *Сокольский Н. И.*, 1968).

Вторжение гуннов нанесло последний удар Боспорскому государству. Кочевые орды гуннов, ворвавшиеся в Восточную Европу из степей Центральной Азии, как смерч прошли по Северному Причерноморью, оставляя за собой лишь пожарища и развалины. В своем движении гунны увлекали за собой другие племена и народности, в том числе и сармато-аланское население Причерноморья. Готы были сметены этим гунно-аланским потоком и отброшены далеко на Запад, только горстка их уцелела в горах Крыма. Об опустошительном характере гуннского нашествия, об истреблении гуннами встречавшегося на их пути населения хорошо известно из свидетельств древних авторов. Правда, эти свидетельства относятся в основном к более западным районам, но нет никаких оснований предполагать, что гунны в Северном Причерноморье вели себя иначе. Раскопки городов и поселений Боспора рисуют достаточно ясную и впечатляющую картину полного разгрома всех населенных пунктов в 70-х годах IV в. Слои пожарищ, останки погибших жителей, монетные клады подтверждают представление о гуннском нашествии на Боспор как об общей катастрофе (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а; *Сокольский Н. И.*, 1963а; *Блаватский В. Д.*, 1964в; *Кругликова И. Т.*, 1966а; *Голенко К. В.*, *Сокольский Н. И.*, 1968, с. 75). Гунны явились на Боспор из степей Приазовья. Одна их орда проследовала через Таманский полуостров, переправилась через Керченский пролив в самом узком его месте у косы Чушка и затем прошла по европейской части Боспора. Весь этот путь отмечен пожарищами и следами разрушений (*Сокольский Н. И.*, 1968). Боспорские города были окончательно уничтожены, а государство перестало существовать. И хотя на пепелищах некоторых боспорских городов (Пантикапея, Тиритаки, Танаиса и др.) в конце IV в. вновь возрождается жизнь и восстанавливаются кое-какие традиции античной культуры, все же гуннский погром следует считать той исторической вехой, которая завершает собой тысячелетнее развитие античных государств в Северном Причерноморье.

Херсонес в позднеантичное время продолжал сохранять относительно тесную связь с Римом. Когда римские гарнизоны в середине III в. были выведены из Крыма, в Херсонесе все же оставался римский воинский контингент, как можно судить по надгробию солдата XI Клавдиева легиона второй половины III в. (IPE, I^2, 550). В конце III и в начале IV вв. Херсонес принимает участие в некоторых военных акциях римлян. У Константина Багрянородного (53) сохранилось известие о борьбе Херсонеса против Боспора во времена Диоклетиана. Хотя рассказ облечен в легендарную форму и принимать его целиком на веру нельзя, все же в основе его, вероятно, лежат реальные факты из области херсонесско-римских и херсонесско-боспорских отношений (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а; *Надель Б. И.*, 1961б; *Харматта Я.*, 1967; *Кругликова И. Т.*, 1966а; *Cajdukevič V. F.*, 1971; *Анохин В. А.*, 1977б). Позднее херсонесцы успешно сражались против готов на Дунае, за что получили от императора Константина ряд привилегий. Надписи свидетельствуют о том, что в Херсонесе в течение почти всего IV в. н. э. продолжал находиться римский гарнизон, что жители усиленно возводили и обновляли городские укрепления (IPE, I^2, 449, 450). Херсонес избежал ужасов гуннского погрома, но археологические раскопки говорят о том, что в IV—V вв. Херсонес находился в значительном упадке (*Белов Г. Д.*, 1948а). Собственная монетная чеканка Херсонеса прекратилась еще во второй половине III в. н. э. и в городе обращалась привозная монета, чеканившаяся в восточных провинциях Римской империи (*Гилевич А. М.*, 1968; *Анохин В. А.*, 1977б). Почти тысячелетнее существование античных рабовладельческих государств в Северном Причерноморье имело большое значение как для истории народов нашей страны, так и для истории всего древнего мира.

В результате возникновения на северных берегах Черного моря греческих городов и благодаря постоянным контактам, которые поддерживали эти города с рабовладельческими государствами всего Средиземноморья, Северное Причерноморье оказалось тесно связанным с античным древним миром и само смогло сыграть в его судьбе значительную роль.

Существование античных государств в Северном Причерноморье способствовало ускорению распада родоплеменных и вызреванию классовых отношений у скифов, сарматов и других обитателей южнорусских степей. Благодаря античным городам, население Северного Причерноморья познакомилось с передовой греческой культурой и искусством, что привело не только к возникновению здесь своеобразного варианта античной культуры, но и способствовало дальнейшему расцвету собственных культур древних народов Причерноморья. Греки принесли в Северное Причерноморье свои технические навыки, высокое мастерство, особенно в области архитектуры, ремесла, искусства и т. д.

Существование античных государств в Северном Причерноморье не прошло бесследно и для дальнейшей истории нашей страны. Как ни значителен был упадок античной культуры в IV в. н. э., как ни жесток был разгром, учиненный гуннами, традиции древней культуры не были полностью уничтожены и забыты. Известно, какую роль сыграл в развитии древнерусского государства и русской культуры

раннесредневековый Крым, в частности город Корсунь (Херсонес), куда ездил креститься киевский князь Владимир и откуда Киевская Русь, несомненно, почерпнула некоторые представления о традициях античной культуры. Восточный Крым вошел в состав древнерусского Тмутараканского княжества, города которого являлись возрожденными центрами погибшего за несколько столетий до того Боспорского государства. Сама столица княжества Тмутаракань возникла на месте боспорского города Гермонассы на Таманском полуострове. Культурные связи между средневековыми городами Причерноморья и предшествовавшими им античными центрами еще мало изучены, но не подлежит сомнению, что такие связи существовали в разных областях, примеры чему дает история Херсонеса — Корсуня, Пантикапея — Корчева, Феодосии — Кафы и других городов (*Якобсон А. Л.*, 1963; 1978).

Источники и история исследования

Особенностью античных государств Северного Причерноморья (как и всех вообще античных государств) по сравнению с обществами с господством первобытно-общинного строя является возможность использования для их характеристики не только археологических материалов, но и иных категорий источников: нарративных, эпиграфических, нумизматических. Нарративные источники — это сообщения древнегреческих и латинских авторов, в той или иной связи касавшихся событий, происходивших на территории этих государств и соседних «варварских» народов. К сожалению, до нас практически не дошли сочинения тех историков, которые жили и творили здесь, хотя одна из херсонесских надписей, например, упоминает о местном историке Сириске (IPE, I², № 344).

Северное Причерноморье (и греческие государства, и особенно местные народы) привлекало внимание многих античных авторов: историков, философов, географов, поэтов и т. д. В. В. Латышев (с рядом сотрудников) собрал в виде единого свода практически все сведения о Северном Причерноморье, содержащиеся в античной литературе («Scythica et Caucasica». Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе — в дальнейшем — SC). Только незначительная часть сообщений античных авторов основывается на личном знакомстве их с городами Северного Причерноморья. (О развитии античной литературной традиции о Северном Причерноморье см.: *Ростовцев М. И.*, 1925). Так, в Ольвии бывал «отец истории» Геродот. Однако в центре внимания его была Скифия (подробнее см.: *Рыбаков Б. А.*, 1979), и он дает только некоторые сведения об этом городе (в связи с историей скифов), а о Херсонесе и Боспоре даже не упоминает. Бывал в Ольвии на рубеже I—II вв. и известный ритор Дион Хрисостом, в «Борисфенитской речи» которого содержатся ценные сведения о городе того времени. Однако большинство сообщений о Северном Причерноморье, имеющихся в античной литературе, основано не на личном знании автора, а на книжной традиции. В результате этого, например, в сообщениях авторов римского времени часто появляются сведения, восходящие еще к периоду первого знакомства греков с этими странами. Иногда в одном и том же произведении соседствуют свидетельства разного времени: современные автору и более ранние. Источниковедческий анализ этих сообщений почти всегда чрезвычайно затруднен как отрывочностью сведений, так и отсутствием многих посредствующих звеньев в развитии античной письменной традиции. Исключением из этого правила являются только места, касающиеся Боспорского царства, в речах афинских ораторов IV в. до н. э. Исократа, Эсхина и Демосфена, поскольку они одновременны описываемым в них событиям и порождены конкретными обстоятельствами, не имеющими никакой связи с литературной традицией.

Мы не будем подробно анализировать античную традицию, поскольку во всех разделах первой части данного тома содержится сводка сведений античных авторов относительно каждого из центров Северного Причерноморья. Отметим только, что эта традиция весьма многообразна по своему составу. Она включает произведения различного жанра. О Северном Причерноморье писали и историки (помимо Геродота необходимо упомянуть Полибия, Диодора, Помпея Трога, Аппиана, Плутарха, Тацита, Диона Кассия, авторов Scriptores Historiae Augustae, Аммиана Марцелина и др.), географы (Эратосфен, Страбон, Клавдий Помпоний Мела, Клавдий Птолемей и др.), авторы более практических географических руководств по плаванию в этих местах — «периплов» (Псевдо-Скилак, Псевдо-Скимн, Арриан и др.). Не прошел мимо Северного Причерноморья и энциклопедист Плиний Старший в своем замечательном произведении «Естественная история» (*Скржинская М. В.*, 1977). Чрезвычайно интересные сведения содержатся и в некоторых специальных произведениях, таких как «О воздухе, водах и местностях» Псевдо-Гиппократа или «Военные хитрости» Полиена. Отрывочные сообщения о городах на северных берегах Понта содержатся еще у очень многих авторов (*Ростовцев М. И.*, 1925).

Второй важной категорией источников являются эпиграфические, т. е. надписи, вырезанные на каменных плитах, находимые в различных местах Северного Причерноморья. Первый полный свод надписей был опубликован В. В. Латышевым (IPE, т. I, 1885, 1916 (2-ое издание); т. II, 1890; т. IV, 1901)[1]. Основная масса надписей — на греческом языке, небольшая часть — на латинском. В отличие от данных письменной традиции, эти источники, как правило, одновременны с отраженными в них событиями и исходят от непосредственных их участников. По своему содержанию надписи могут быть разделены на три основных типа: 1 — государственные декреты; 2 — посвятительные надписи; 3 — надгробные надписи. Особое значение для изучения политической (а иногда и экономической) истории имеют надписи первого типа; вторая категория наиболее важна для изучения истории религиозных воззрений. В этих надписях основное место занимают посвящения божествам. Однако они интересны и для политической истории, поскольку делались не только индивидуально, но и магистратами (или их коллегиями). Надгробные надписи дают значительный

[1] Более поздние находки публиковались в ИАК, ВДИ, СА, НЭ, НО, НЭПХ, КБН и др. изданиях.

просопографический материал и позволяют изучать, например, этнический состав населения и его динамику. Необходимо также упомянуть еще строительные надписи (содержащие сведения о строительстве или ремонте общественных сооружений или городских стен), различные надписи религиозных союзов (фиасов), списки победителей спортивных состязаний, документы об отпуске рабов на волю (манумиссии) и т. д. В большинстве случаев надписи сообщают о таких событиях, которые не нашли отражения в сочинениях историков, что особенно повышает их значение. Сложность анализа этой категории источников определяется тем, что часто не известны события, породившие, например, тот или иной декрет, многие надписи к тому же фрагментарны. На территории Средиземноморья были обнаружены надписи, связанные своим содержанием с греческими городами Северного Причерноморья. Большую часть их собрал, перевел и прокомментировал Б. Н. Граков (*Граков Б. Н.*, 1939б).

Важное значение для истории экономики, особенно внешней торговли государств Северного Причерноморья имеют клейма на амфорах и черепицах (*Придик Е. М.*, 1917; 1941; *Граков Б. Н.*, 1929; *Шелов Д. Б.*, 1956б; 1966б; 1975; *Брашинский И. Б.*, 1961а; 1961б; 1963в; 1964; 1965а; 1976а; *Brashinsky J. B.*, 1973). Для истории культуры важны граффити — надписи, процарапанные на различных предметах домашнего обихода (*Толстой И. И.*, 1953; ГАХ) и дипинти — надписи, нанесенные краской (*Шелов Д. Б.*, 1978).

Чрезвычайно важным источником по политической, экономической и культурной истории всех государств Северного Причерноморья являются монеты, как чеканенные на месте, так и поступившие сюда из других античных центров (*Бурачков П. О.*, 1884; *Зограф А. Н.*, 1951; 1957; *Шелов Д. Б.*, 1956а; *Анохин В. А.*, 1977; *Frolova N. A.*, 1979) [2].

История археологического изучения каждого из отдельных центров Северного Причерноморья, подробно освещается в соответствующих разделах данного тома. В силу этого здесь мы отметим только самые основные факты, характеризующие развитие археологических исследований в Северном Причерноморье в целом. Изучение античных древностей Причерноморья началось в конце XVIII в. после присоединения Крыма. Первый этап исследований характеризуется общим знакомством с нумизматикой, сбором имеющихся на поверхности земли древних предметов, составлением планов городищ, попытками идентификации их с древними городами, известными по письменным источникам (*Паллас П. С.*, 1795; *Сумароков П.*, 1800; 1803; *Муравьев-Апостол И. М.*, 1823; *Kochler H.K.E.*, 1805; *Koeppen P.*, 1823; *Dubois de Montpéreux F.*, 1843; см. также *Герц К. К.*, 1876; *Бузескул В. П.*, 1924, 1927).

Хотя эпизодические раскопки производились уже в конце XVIII в., первые сколько-нибудь серьезные (по своей методике) археологические исследования начались в XIX в. Они производились П. Дюбрюксом, И. А. Стемпковским, И. П. Бларамбергом (*Стемпковский И. А.*, 1826; 1827; *Бларамберг И. П.*, 1848; 1889). В это же время были созданы первые на юге музеи: в Феодосии (1811 г.), Одессе (1825 г.), Керчи (1826). Основным объектом раскопок в это время являлись курганы. Своего рода итогом первых этапов изучения археологии античного Северного Причерноморья были сводные монографии, посвященные Боспору: «Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в музее Эрмитажа» (ДБК) и монография А. Б. Ашика, проводившего в течение ряда лет раскопки на Керченском и Таманском полуострове, к сожалению, часто без должной фиксации (*Ашик А. Б.*, 1845; 1848; 1851). Важное значение имело создание в 1859 г. Императорской Археологической комиссии, на которую было возложено руководство всеми раскопками на территории России.

Следующий значительный этап в изучении античных центров Северного Причерноморья приходится на конец XIX — начало XX в. Он в первую очередь связан с именами крупнейших русских ученых В. В. Латышева (1855—1921) и Б. В. Фармаковского (1870—1928). В. В. Латышев был крупнейшим эпиграфистом своего времени, первым издателем свода надписей Причерноморья, создателем ряда замечательных трудов по истории Херсонеса, Ольвии, Боспорского царства (*Латышев В. В.*, 1884; 1887; 1893; 1909), написанных в первую очередь на базе эпиграфических источников и не утративших своего значения до сего времени. Б. В. Фармаковский создал научную методику раскопок античного города и методику использования археологических материалов как исторического источника. Хотя раскопки Херсонеса велись уже с 1888 г. (руководитель К. К. Косцюшко-Валюжинич), а в Пантикапее в 90-х годах в течение трех сезонов также исследовались городские слои (по инициативе К. Е. Думберга), только после того как Б. В. Фармаковский с 1900 г. стал осуществлять систематические раскопки Ольвии можно говорить о начале подлинного изучения города Северного Причерноморья античной эпохи. Большое значение имели труды и ряда других русских ученых того времени, в первую очередь М. И. Ростовцева, Е. М. Придика, П. О. Бурачкова, А. В. Орешникова и др.

Великая Октябрьская социалистическая революция стала важнейшим рубежом в истории человечества. Она означала также начало нового этапа в развитии всех общественных наук, в том числе и археологии. Уже в 1919 г. по декрету, подписанному В. И. Лениным, была упразднена Археологическая комиссия и создана Российская (позднее — Государственная) Академия истории материальной культуры, входившая в состав Наркомпроса. В 1937 г. она была преобразована в Институт истории материальной культуры (с 1960 — Институт археологии АН СССР). Особенно важной была задача овладения учеными марксистским исследовательским методом.

Важнейшими центрами формирования марксистской исторической методологии в применении к исследованию древних обществ являлись Государственная Академия истории материальной культуры (ГАИМК) и Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН). Важнейшими особенностями этих двух

[2] Библиографические указатели советской литературы по нумизматике см.: Н. Э., т. II, М., 1960; т. III, М., 1962; т. X, М., 1971.

учреждений было сотрудничество в них молодых историков марксистов и археологов с учеными старшего поколения, стремившимися освоить марксистское мировоззрение. Второй особенностью было тесное сотрудничество в рамках единого исследовательского организма археологов и историков, что помогало археологам преодолевать традиции буржуазной археологии с ее преимущественно вещеведческим подходом. Для рождающейся советской археологии важнейшей задачей была разработка методики социологической интерпретации археологических материалов с тем, чтобы использовать их для создания подлинной истории, как истории трудящихся масс, истории развития производительных сил и производственных отношений, истории общества в целом.

Прошедшие в начале 30-х годов дискуссии привели к окончательному решению вопроса о формационном определении античного общества; оно стало рассматриваться как рабовладельческое. Значительную роль в создании марксистского антиковедения сыграли С. А. Жебелев и, особенно, А. И. Тюменев. В методике полевых работ, разработанной Б. В. Фармаковским, имелся уже готовый инструмент исторической интерпретации археологических материалов. Однако необходимо было разработать другие стороны археологической методики: анализ массового материала, изучение технической базы античного общества по материальным остаткам, выявление возможностей археологических источников для понимания социальной истории античного общества и т. д. Практическое воплощение это находило в преимущественном интересе к исследованию городов и сельских поселений и стремлении в первую очередь выявить следы производственной деятельности, разработать общие схемы экономического развития, попытаться определить характер социальной структуры и т. д.

Именно в это время были созданы первые работы, посвященные анализу отдельных видов ремесла в античных городах Северного Причерноморья и предприняты первые попытки археологического исследования сельских поселений, что было порождено стремлением изучить характер сельского хозяйства — основной отрасли экономики античного общества. Были сделаны первые попытки охарактеризовать в целом экономику отдельных государств Северного Причерноморья, в частности Боспора (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 82 сл.).

Особенно активно развивалась античная археология после окончания Великой Отечественной войны, на время прервавшей исследования античных памятников Северного Причерноморья. Большое значение имела организация сектора античной археологии (1944), руководителем которого с момента основания до 1970 г. был выдающийся советский исследователь античности В. Д. Блаватский (организационным центром археологов-антиковедов Ленинграда является группа античной археологии ЛОИА). Важнейшей особенностью этого периода является постоянно растущий размах археологических исследований, в которых, помимо Института археологии АН СССР, активное участие принимает Институт археологии АН УССР, ряд музеев (в том числе крупнейшие — Государственный Эрмитаж, ГМИИ, ГИМ), большое число университетов и т. д.

Второй важнейшей особенностью этого периода является активное изучение всех видов памятников: городов, сельских поселений различных типов, могильников и т. д. Особо активно исследуются сельские поселения, ранее почти не изучавшиеся. Значительное внимание уделяется изучению экономики. В ряде монографических работ (В. Д. Блаватский, В. Ф. Гайдукевич, И. Т. Кругликова, С. Ф. Стржелецкий, Е. Г. Суров, В. И. Цалкин) исследовалось как сельское хозяйство в целом, так и отдельные его отрасли. Не меньше внимания уделяется и изучению ремесленного производства. (Т. М. Арсеньева, Г. Д. Белов, В. Д. Блаватский, Т. Н. Высотская, И. Б. Зеест, В. И. Кадеев, Е. Г. Кастанаян, М. М. Кобылина, И. Т. Кругликова, И. Д. Марченко, Н. И. Сокольский, Н. П. Сорокина и др.), а также характеру экономических связей центров Северного Причерноморья, как со Средиземноморьем, так и с местными племенами (Т. В. Блаватская, И. Б. Брашинский, И. Б. Зеест, Н. А. Онайко, Д. Б. Шелов, И. Г. Шургая и др.). Несмотря на недостаток источников, исследуются проблемы социальной структуры общества (В. Д. Блаватский, В. Ф. Гайдукевич, В. И. Кадеев и др.). Чрезвычайно активно изучается культура античных центров Северного Причерноморья, особенно в связи с проблемами взаимоотношения с культурой местного населения, как находившегося в составе античных государств, так и независимого от них.

Большими успехами характеризуется и исследование монетного чекана и денежного обращения (А. Н. Зограф, П. О. Карышковский, Д. Б. Шелов, В. А. Анохин, Н. А. Фролова, К. В. Голенко и др.), активно изучаются как вновь открытые надписи, так и ранее уже известные (А. И. Болтунова, Т. В. Блаватская, Т. Н. Книпович, Э. И. Соломоник и др.), много внимания уделяется исследованиям в области керамической эпиграфики (И. Б. Брашинский, Б. Н. Граков, В. И. Цехмистренко, Д. Б. Шелов и др.).

Важную роль в развитии античной археологии сыграли, проведенные в послевоенные годы научные конференции, на которых обсуждались наиболее сложные и дискуссионные проблемы истории и археологии античного Причерноморья (1956 г.— «Процесс исторического развития античных государств Северного Причерноморья»; 1960 г.— «Античный город», 1977 г.— «Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья»; 1979 — «Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации»).

Подъем археологических исследований, расширение базы, источников, углубленное изучение ряда частных проблем позволили перейти к созданию ряда обобщающих трудов, посвященных как истории отдельных государств или городских центров Причерноморья (Г. Д. Белов, В. Д. Блаватский, В. Ф. Гайдукевич, М. М. Кобылина, Д. Б. Шелов), так и всего региона в целом (в первую очередь ряд монографий В. Д. Блаватского).

Проблема периодизации истории Северного Причерноморья еще не нашла общепринятого решения.

Периодизация С. А. Жебелева (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 358) почти полностью скалькирована с периодизации материковой Греции с одним только отличием: I в. до н. э. он выделяет в особый период, называя его понтийским. Периодизация, предложенная В. Д. Блаватским (*Блаватский В. Д.*, 1959б), основывается, в первую очередь, на характере исторического развития Боспорского царства. Исследователи Ольвии и Херсонеса предлагают для этих центров свою периодизацию.

Методы естественных и технических наук в античной археологии. В полевой практике чаще других используются различные методы геофизической разведки. Электроразведка впервые была применена по инициативе И. Т. Кругликовой в 1957 г. при исследовании сельских поселений Боспора (*Франтов Г. С., Пинкевич А. А.*, 1966, с. 63), затем в 60-х гг. в северо-западном Крыму (*Шилик К. К.*, 1975, 1967; *Щеглов А. Н., Шилик К. К.*, 1965; *Дудкин В. П.*, 1971). Хорошие результаты электроразведка дает главным образом на однослойных памятниках, позволяя получать планы строительных остатков до начала раскопок (*Щеглов А. Н.*, 1977). Также применялась магниторазведка, позволяющая обнаружить и картировать те места на памятниках, где происходил сильный нагрев: производственные печи, домашние очаги, следы пожаров.

Геоакустическая разведка применялась при исследовании затопленных памятников, например, в Ольвии (*Шилик К. К., Федоров Б. Г.*, 1968). Для развития подводных исследований много сделал В. Д. Блаватский, возглавлявший подводно-археологическую экспедицию (*Блаватский В. Д.*, 1961а,б; 1962а,б; 1964; 1965; *Блаватский В. Д., Кузищин В. И.*, 1959, 1961; *Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А.*, 1963; *Блаватский В. Д., Петерс Б. Г.*, 1967; 1969а,б; *Петерс Б. Г.*, 1963, 1965; *Петерс Б. Г., Смирнов И. В.*, 1961). Позднее подводные исследования проводились в Херсонесе и Ольвии (*Кадеев В. И.*, 1965, 1969в; *Вишневский В. И.* и др., 1969). Для реконструкции древней топографии, древнего уровня моря и водоснабжения применяются с середины 60-х годов геолого-геоморфологические методы исследования.

При камеральной обработке материалов применяются методы палеонтологические, палеозоологические и палеоботанические. Широко применяется определение состава дикой и домашней териофауны (*Пидопличко И. Г.*, 1940; *Топачевский В. А.*, 1956; Бібікова В. І., 1958; *Цалкин В. И.*, 1960), а также орнитофауны (*Воінственськи М. А.*, 1958, 1967) по костным остаткам. Столь же широко изучается ихтиофауна (*Тихий М. И.*, 1917; *Марти В. Ю.*, 1941а,б; *Цалкин В. И.*, 1960, 1969; *Бурдак В. Д., Щеглов А. Н.*, 1966; *Щеглов А. Н.*, 1969а; *Житнева Л. Д.*, 1967). Имеются работы о фауне моллюсков (*Книпович Н. М.*, 1922; *Линдгольм В. А.*, 1927). Определение состава растительности ведется по макроостаткам (древесина, уголь), по пыльце и по остаткам семян (*Щеглов А. Н.*, 1961г; *Янушевич З. В.*, 1970; *Левковская Г. М.*, 1970; *Маслов С. П., Филин В. О.*, 1976). Изучение состава фауны и флоры, а также результаты геолого-геоморфологических исследований в поле позволяют делать выводы палеогеографического характера (*Левковская Г. М.*, 1970; *Маслов С. П., Филин В. О.*, 1976).

Широко применяется петрография. С ее помощью изучаются камень и керамика, глины, строительные растворы, руды и шлаки (*Значко-Яворский И. Л.* и др., 1959; *Петрунь В. Ф.*, 1964, 1965а,б, 1966, 1967; *Круг О. Ю., Четвериков С. Д.*, 1961; *Богданова-Березовская И. В.* и др., 1964; *Круг О. Ю.*, 1965; *Кадеев В. И., Шуменко С. И.*, 1967). Химико-технологические методы исследования керамики дают возможность определять источники сырья и уточнять технологию производства (*Кульская О. А.*, 1940), рентгенография, спектральные анализы применяются при изучении состава древнего металла (*Кадеев В. И.* и др., 1963; *Богданова-Березовская И. В.*, 1969).

В последние годы начинают внедряться математические методы обработки массового археологического материала (*Каменецкий И. С.*, 1965, 1970; *Алексеева Е. М.*, 1970а,б; *Деопик Д. В., Карапетьянц А. М.*, 1970).

Глава вторая
Тира, Никоний и поселения Нижнего Поднестровья и Подунавья

Источники и история исследования

Вопрос о местоположении населенных пунктов Днестровского лимана, указываемых античными авторами, оживленно обсуждался исследователями XIX и начала XX в. (*Стемпковский И. А.*, 1826; *Беккер П. В.*, 1850, 1853; *Брун Ф. К.*, 1853; *Гошкевич В. И.*, 1912). Сохранился к нему интерес и в настоящее время (*Синицын М. С.*, 1960б). За последние десятилетия на берегах Днестровского лимана (табл. I, I), выявлено много остатков городищ и поселений античного периода (*Клейман И. Б., Ревенко К. И.*, 1959; *Черняков И. Т.*, 1960, 1967; *Дзис-Райко Г. А.*, 1963), но твердо пока установлено местоположение только двух городов — Тиры и Никония (табл. I, I, *1*, *2*). Вопрос местоположения Тиры получил окончательное решение после раскопок Э. Р. Штерна в 1901 г. на территории средневековой крепости г. Белгорода-Днестровского. Что касается Никония, то уже П. В. Беккер, а за ним В. И. Гошкевич высказались за отождествление с Никонием городища, остатки которого сохранились северо-западнее с. Роксоланы Овидиопольского р-на (*Беккер П. В.*, 1853; *Гошкевич В. И.*, 1912; также см.: *Карышковский П. О.*, 1966а).

Геродот не называет здесь ни одного населенного пункта и ограничивается сообщением, что в устье реки Тираса живут эллины, называющие себя тиритами (IV, 51). Возможно, Геродоту были известны лишь мелкие поселения вдоль берегов Днестровского лимана (*Зограф А. Н.*, 1951, с. 111). Перипл Псевдо-Скилака (§ 68) между Истром (Дунаем) и Таврической землей (Крымом), «в земле скифов» упоминает только два эллинских города — Офиусу и Никоний (о возможной причине крайней скудости сведений Псевдо-Скилака об этом районе см.: *Ростовцев М. И.*, 1925, с. 24). Согласно Плинию (IV, 82) и Стефану Византийскому, Офиуса — более древнее наименование Тиры. Когда город был переименован — неизвестно. Но судя по монетам, во второй половине IV в. до н. э. город назывался Тирой. Возможно, переименование города произошло раньше, и, следовательно, Псевдо-Скилак для данной части своего перипла воспользовался сведениями какого-то раннего литературного источника, в котором город фигурировал под своим более древним наименованием. В землеописании Псевдо-Скимна (799—803) и в перипле Псевдо-Арриана (88, 89) дается характеристика достоинств реки Тираса, ее берегов, содержится свидетельство об основании Тиры милетянами, упоминается еще один населенный пункт Неоптолемовы, находящийся в 120 стадиях от Тираса (о локализации Неоптолемовых на морском побережье у устья Днестровского лимана см.: *Беккер П. В.*, 1853; *Синицын М. С.*, 1960б).

Страбон (VII, 3, 16) сообщает, что Офиуса и Никоний находились на противоположных берегах реки Тираса (Днестровского лимана) почти напротив друг друга, на расстоянии 140 стадиев от ее устья. Ф. Билабелем было высказано предположение, что тексты Псевдо-Скилака и Страбона испорчены. И в том, и в другом случае Ф. Билабель видел интерполяцию, вызванную тождеством наименования города и реки (Тирас), и полагал, что Страбон под словом «город» подразумевал Тиру (*Bilabel F.*, 1920, с. 19 сл.). С этой точкой зрения солидаризовалась Т. Д. Златковская (*Златковская Т. Д.*, 1959, с. 60—69), по мнению которой в тексте Страбона говорилось о трех городах на побережье Днестровского лимана — Никонии, Офиусе и Тире. И. И. Стемпковский, отождествлявший Тиру и Офиусу, полагал, что Страбон привел в различных стадиях исчисление одного и того же расстояния (*Стемпковский И. И.*, 1826, с. 4; развернутый анализ близкой точки зрения и литературу см.: *Карышковский П. О.*, 1966а, с. 156, 157). Поскольку Страбон неоднократно говорит, что об интересующем нас районе у эллинов нет сведений (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 33, 53), правомерно предположение, что эти данные Страбон почерпнул из какого-то раннего источника, в котором Тира фигурировала под своим более древним наименованием — Офиуса. «При устье Тираса» Страбон упоминает Неоптолемову башню и Гермонактову деревню.

Наименование ряда населенных пунктов района Днестровского лимана содержится в «Географии» Клавдия Птолемея (III, 10, 8). Он, как и Валерий Флакк (IV, 84—85), считал Тиру и Офиусу двумя различными городами. Возможно, что Валерий Флакк воспользовался материалами какого-то географического трактата (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 58), где Тира и Офиуса могли упоминаться раздельно. Старший современник Плиния Помпоний Мела (II, 7) ограничивается констатацией, что река Тирас при устье касается одноименного с нею города.

Перипл Арриана (31—32), составленный в период экономического расцвета Тиры, характеризует местности к западу от Борисфена как пустынные и безымянные. Причину этого явного несоответствия раскрыл М. И. Ростовцев, согласно выводам которого перипл в части, касающейся Северо-Западного Причерноморья, составлен Аррианом на основании более ранних литературных данных (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 64 и сл.; там же дана критика теории Брандиса о фальсификации в византийское время этой части перипла).

Тира

Остатки Тиры лежат на небольшом выступающем к северу мысу трапециевидной формы (табл. I, 1), поверхность которого имеет уклон в сторону лимана. Известно более 40 памятников лапидарной эпи-

графики, связанных с Тирой (IPE, I², № 2—18, 40, 371; *Nicorescu P.*, 1933, 1944). Псефизма рубежа IV—III вв. до н. э. содержит сведения об органах полисного самоуправления (*Nicorescu P.*, 1933, № 2). К эллинистическому времени относится почетный декрет (*Фурманская А. И.*, 1960а), но в нем отсутствует название города. Интересны псефизма Коккея 181 г. н. э. (IPE, I², № 2) и надпись с посланием легата Нижней Мезии Овиния Тертулла и с копиями двух писем императора Септимия Севера, подтверждающими предоставленное тиранцам право беспошлинного ввоза товаров (IPE, I², № 4). Декрет середины или второй половины III в. до н. э. на мраморной плите, изданный каллатийцами в честь гражданина Тиры (*Pippidi D. M.*, 1962, № 1) и постановление начала I в. до н. э. граждан города Томы в честь тиранца Нила (*Граков Б. Н.*, 1939а, с. 310 сл.) свидетельствуют о посреднической роли Тиры, как торгового центра. Тира упоминается в ольвийском декрете II—III вв. н. э. (IPE, I², № 40). О связи Тиры с Херсонесом, возможно, говорит надпись, найденная в Херсонесе (ИАК, 1909, вып. 3, с. 23). Начертанное на крае мраморной чаши III в. до н. э. посвящение Аполлону Врачу (*Nicorescu P.*, 1933, № 1) и посвятительная надпись Серапису и Исиде (IPE, I², № 5) свидетельствуют о религиозных культах. Из надписей на надгробиях (*Граков Б. Н.*, 1939б; *Карышковский П. О.*, 1959г; 1966б, с. 149) можно почерпнуть сведения о внешних связях Тиры и об этническом составе ее населения в первые века нашей эры. Ряд латинских надписей посвятительного характера оставлен римским гарнизоном (*Nicorescu P.*, 1937; *Тудор Д.*, 1960, с. 244 сл.; *Клейман И. Б.*, 1965). Значительный интерес представляет надпись в честь императора Траяна по поводу торжественного открытия какого-то военного сооружения (*Nicorescu P.*, 1944).

Найденные в Тире граффити, принадлежат к категории посвящений (*Головко И. Д.*, 1963, с. 110—113). Среди клейм на черепицах и амфорах преобладают эллинистические, преимущественно фасосские, гераклейские и синопские (*Nicorescu P.*, 1924, 1933; *Avakian G.*, 1931; *Штаерман Е. М.*, 1951). Особую группу составляет черепица из Тиры с латинскими клеймами. По ним и по лапидарным надписям устанавливается, что с начала II в. н. э. в Тире находились вексилляции (табл. I, А), в состав которых вначале входили воины V Македонского легиона, а позднее отряды из воинов I Италийского и XI Клавдиева легионов, дислоцировавшихся в Нижней Мезии. Во времена Траяна базировавшиеся в Тире отряды возглавляли центурионы V Македонского, затем I Италийского легионов (*Nicorescu P.*, 1937; *Тудор Д.*, 1960, с. 243 сл.; *Клейман И. Б.*, 1965; 1971).

Из центров Днестровского лимана самостоятельное монетное дело существовало только в Тире (*Зограф А. Н.*, 1951; 1957; *Карышковский П. О.*, 1960а). Первый период — автономная чеканка Тиры начинается в конце 50-х гг. IV в. до н. э. эмиссиями серебряных драхм, тип которых копирует кизикины. В течение III—II вв. для нужд внутреннего рынка монетный двор Тиры чеканил медную монету. Для международной торговли использовались электровые кизикины, золотые монеты с типом Александра Македонского и выпускавшиеся Тирой подражания золотым статерам Лисимаха. Первый период завершается выпуском монет, свидетельствующих о подчинении Тиры с конца II в. до н. э. Митридату Евпатору. В течение второй половины I в. до н. э. и до времени императора Домициана (31—96 гг.) Тира своих монет не выпускала. Второй период автономной чеканки продолжался до конца правления императора Александра Севера (225—235 гг.) с перерывами в периоды правления императоров Нервы, Траяна, Марка Аврелия. Монеты Тиры этого периода представляют обычную для провинциальных городов римской империи медь с портретами членов императорского дома.

Важным историческим источником являются клады (*Фурманская А. И.*, 1963в). Для изучения торговых связей показательны находки монет Тиры за пределами города (в Ольвии, Херсонесе, вблизи Пантикапея) и находки в Тире монет других античных центров: Истрии, Том, Каллатии, Ольвии, Херсонеса, Афин, царской Фракии (*Зограф А. Н.*, 1957; *Анохин В. А.*, *Пушкарев В. П.*, 1965), а также ряда позднеримских и византийских монет (*Карышковский П. О.*, 1971а). На основании изображений на монетах Тиры можно говорить о культах бога реки Тираса, Деметры, Аполлона, Диониса, возможно, также Афины, Гермеса, Геракла, Асклепия.

Археологическое изучение Тиры велось в 1900, 1912 гг. Э. Р. Штерном на первом и втором дворах крепости, на гласисе и в прилиманной части (*Штерн Э. Р.*, 1901, 1913), в 1919, 1928, 1929 гг. румынскими археологами не территории крепостных дворов и на гласисе (*Nicorescu P.*, 1924; 1933), в 1932, 1935, 1940 гг. — Аккерманским краеведческим музеем (материалы раскопок не опубликованы). С 1945 г. Тира изучается экспедицией Института археологии АН УССР и Одесского государственного археологического музея (*Дмитров Л. Д.*, 1949; 1952; 1955; *Фурманская А. И.*, 1957; 1962; 1963а, в; 1964; *Клейман И. Б.*, 1965; 1971; 1976а; *Крижицький С. Д.*, 1972). Основные работы сосредоточены на прикрепостной площади — «Центральный раскоп» (табл. I: II—IV), где выявлены строительные остатки эллинистического периода и первых веков нашей эры. За пределами средневековой крепости, на территории современного города, были заложены шурфы, благодаря чему удалось установить, что размеры сохранившейся части территории Тиры составляют около 10—15 га. Некрополь Тиры пока не обнаружен. Известен лишь один склеп за современным городом.

Наиболее ранние раскопанные строительные остатки относятся к периоду раннего эллинизма. Предположение отдельных исследователей о существовании греческого поселения на месте Тиры в VII—VI вв. до н. э. базировалось на опубликованной В. Пырваном (*Pârvan V.*, 1923) устной информации Б. В. Варнеке о находке фрагментов ваз и статуэток этого времени, а также на встречающихся в культурных напластованиях Тиры обломках ионийских сосудов VI в. до н. э. (*Nicorescu P.*, 1933). Исследователи, полагающие, что Тира была основана не позднее VI в. до н. э. (например, *Златковская Т. Д.*, 1959, с. 63), ссылаются на свидетельст-

во Псевдо-Скимна (803), согласно которому Тиру основали милетяне, что не могло произойти после ионийского восстания греков в 500—494 гг. до н. э. Свидетельство Псевдо-Скимна находит как будто подтверждение в календаре Тиры, имеющем ряд общих с милетским календарем месяцев (*Латышев В. В.*, 1909, с. 25 сл.). А. Н. Зограф, не исключая того, что поселение на месте Тиры могло возникнуть раньше V в. до н. э., полагал, однако, «что даже в отношении V в. до н. э. мы не имеем уверенности, существовала ли в то время на этом месте городская община, носившая имя Тиры» (*Зограф А. Н.*, 1951, с. 111; 1957, с. 11). Не менее проблематичен вопрос о вхождении Тиры в Афинский морской союз, поставленный в связи с находкой в крайне поврежденном виде афинского постановления об уплате членами союза фороса за 425—424 гг. до н. э. (*Meritt B.*, 1939). На этом эпиграфическом документе сохранились начальные буквы ряда городов, в число которых предположительно включена Тира.

Наиболее ранним документальным свидетельством государственного существования Тиры являются монеты. Возможно, с середины IV в. до н. э. Тира служила промежуточным пунктом при плавании вдоль западного и северо-западного побережья Черного моря. В IV—III вв. до н. э. Тира являлась, античным полисом с обычными органами самоуправления — советом и народным собранием. С конца II в. до н. э. Тира, вероятно, входила в состав державы Митридата Евпатора (*Шелов Д. Б.*, 1962). Около середины I в. до н. э. город был разрушен, по-видимому, гетами, но уже в середине I в. н. э. жизнь в городе возобновилась. В 56—57 гг. н. э. в Тире, возможно, с включением ее в состав Римской провинции Мезии, было введено новое летоисчисление. В этот период Тира, по-прежнему, сохраняла свойственные античному городу органы самоуправления. Основные государственные должности, наряду с романизированной верхушкой местного, греческого населения, занимали и римляне. В первые века нашей эры Тира являлась торговым городом, пользующимся правом беспошлинной торговли, подтвержденным во II в. н. э. императором Антонином Пием. Расцвету экономики города способствовало его расположение на важной в экономическом и стратегическом отношении дороге, пролегавшей через Дакию к дельте Дуная и к греческим городам Северного Причерноморья — Ольвии и Херсонесу. В 40-е годы III в. Тира пала, вероятно, под натиском готов, но жизнь на месте города продолжалась по крайней мере до последней трети IV в.

Историческая топография Тиры пока не прослежена. Строительные комплексы эллинистического времени выявлены в восточной части Центрального раскопа. Обнаружены остатки двух богатых жилых зданий, разделенных небольшим переулком. Они имели наземные и подвальные помещения. Как можно полагать (*Фурманская А. И.*, 1964), в подвалах северо-восточной части здания II были расположены жилые помещения, а подвалы западной части здания имели хозяйственное назначение. Стены помещения 27 в нижней части были облицованы плитками, имитирующими мрамор, а выше — украшены росписью по штукатурке.

Лучше сохранились остатки постройки первых веков нашей эры. Они были сооружены, вероятно, во II в. н. э. на слое мощной насыпи, которой были засыпаны руины построек предшествующего периода. Застройка города в этот период носила террасный характер. Раскрыта ориентированная примерно с севера на юг уличная магистраль (1-я Поперечная улица) шириной 2,5 м. Еще одна улица (1-я Продольная) шириной 1,75 м проходила с ЗЮЗ на ВСВ. По улицам были проложены водостоки. По обе стороны 1-й Поперечной улицы раскопано два больших дома (№ III, IV). Дом № III, примыкавший к улице с востока, состоял не менее, чем из семи-восьми помещений (№ 11—14, 21, 22) и трех внутренних дворов. От дома № IV на противоположной стороне 1-й Поперечной улицы сохранились лишь помещения (№ 8, 10, 23, 24), располагавшиеся вдоль улицы. Оба дома представляют многокомнатные жилые комплексы, общей площадью не менее 120 м². Рядом с жилыми домами существовали производственные сооружения. Открыты остатки двух гончарных печей (*Максимов Е. В.*, 1955) и двух сооружений, связанных с обработкой железа, точное назначение которых установить не удалось.

Южнее жилых кварталов на Центральном раскопе выявлены остатки оборонительных сооружений. Раскопано три участка стен толщиной 2,15—2,20 м, ограждавших часть городской территории с севера, запада и юго-запада, и круглая в плане башня с внутренним диаметром около 11 м. Фасады стен выложены из массивных прямоугольных блоков и плит известняка различного размера, внутренний массив стен состоит из рваного камня и глины. Находки в процессе раскопок различного вещевого материала и обломков керамических сосудов указывают, что цитадель функционировала с конца I в. до н. э. до середины III в. н. э. На ее территории обнаружены остатки монументальной каменной постройки, возведенной в конце II в. в виде одного, прямоугольного в плане, помещения (6,15×10,9 м). Его стены, двухпанцирные, шириной 0,5—0,6 м, были возведены на цоколе, высотой около 1 м, стены сохранились на высоту до 2,20—2,30 м. В качестве строительного материала были использованы плиты плотного крупнозернистого известняка, сложенные на глиняном растворе. Здание перекрывала черепичная кровля. Для определения этой постройки как здания вексилляции решающую роль сыграли найденные здесь железные заградительные четырехжальные шипы, использовавшиеся в римской армии для оборонительных заграждений, и латинские черепичные клейма с именем командира вексилляции — центуриона I Италийского легиона (*Клейман И. Б.*, 1965; 1971, 1976а).

Городской квартал и комплекс цитадели около середины III в. н. э. подверглись разрушению. Во второй половине III в. на разрушенных и частично разобранных сооружениях цитадели были возведены новые постройки. От них дошли остатки дома, пристроенного южной стороной к стене круглой башни, и нижние ряды кладок еще двух сооружений — помещения, прикрывавшего южный угол здания вексилляции, и подвала с лестницей, устроенной на юго-западной куртине оборонительной стены. Различная ориентировка сооружений позволяет гово-

рить об отсутствии регулярной застройки в этот период.

В экономике Тиры в период эллинизма значительное место занимала торговля. Ввоз из античных центров в Тиру амфор, а также разнообразной парадной и обиходной посуды развивался в общих чертах по схеме, свойственной другим центрам Северного Причерноморья. В первичной публикации некоторых типов найденных в Тире сосудов (*Фурманская А. И.*, 1957) сделаны общие наблюдения о проникновении в Тиру в IV—III вв. до н. э. гетской лепной посуды, а в первые века нашей эры — сосудов черняховского типа и посуды, имеющей аналогии в керамике скифских городищ Нижнего Днепра и в памятниках зарубинецкой культуры (табл. II, 1–7; III, *1–20*). Выделяется небольшое число форм сосудов, которые можно считать продукцией гончарных мастерских Тиры (*Максимов Е. В.*, 1955; *Фурманская А. И.*, 1957). Из предметов вооружения, найденных в Тире, известны: железный наконечник копья и трехлопастные бронзовые наконечники стрел.

Памятники скульптуры — фигура Гигиейи (*Дмитров Л. Д.*, 1949) и фигура Пана (*Nicorescu P.*, 1933) происходят из культурного слоя. Небольшие рельефы вотивного характера, один — из серого мраморовидного известняка, второй (табл. II, *13*) из белого мелкозернистого мрамора, передающие изображение фракийского всадника, были найдены при раскопках помещения конца II — первой половины III в. (*Фурманская А. И.*, 1965). Три другие скульптуры из серого мраморовидного известняка — герма Диониса, рельеф с изображением сидящих богинь и, вероятно, изображение Аттиса (табл. II, *10–12*) происходят из помещения 24 (*Фурманская А. И.*, 1960б). В помещении 22 помимо клада монет (*Фурманская А. И.*, 1963в), найдены серебряная фибула и золотые перстни. Один в виде свернувшейся змеи, второй с вставленной сердоликовой интальей, на которой вырезана фигура Гермеса (табл. III, *21–23*). Подавляющее большинство терракотовых статуэток — привозные. Аналогии им имеются среди статуэток западнопонтийских городов, например торс Афродиты (табл. II, *8*) (*Клейман И. Б.*, 1970а). Одна из фигурок первых веков нашей эры, по-видимому, изображает Аттиса (табл. II, 9), имеются терракотовые статуэтки танагрского типа.

Никоний

Никоний располагался на восточном берегу Днестровского лимана (табл. I) на ровной слегка наклоненной в сторону лимана местности. С севера и юга городище ограничено глубокими балками. Его западная часть в настоящее время разрушена. Сохранившаяся площадь городища несколько более 3 га (табл. IV, *3*).

Из эпиграфических памятников найдены только различные граффити (IV, *8*, *8а*): посвятительные, с именами владельцев в виде отдельных букв и пометки условного характера (*Головко И. Д.*, 1966). Никоний в отличие от Тиры самостоятельной монетной чеканки не имел. В I—IV вв. до н. э. основным платежным средством на внутреннем рынке Никония служили истрийские медные литые монеты. Не исключено, однако, что в середине IV в. до н. э. Никоний мог выпускать местные подражания литым истрийским монетам. Монет других античных центров в Никонии найдено несоизмеримо меньше, чем монет Истрии. Подавляющая часть их принадлежит V—IV вв. до н. э.; это медные монеты Ольвии, несколько монет Тиры второй половины IV в. до н. э., по одной монете Аполлонии, Македонии, Амиса (*Загинайло А. Г.*, 1966). Монет III—I вв. до н. э., за исключением одной монеты Тиры, тип которой не имеет достаточно твердой даты, не найдено.

Раскопки Никония ведутся с 1957 г. (*Синицын М. С.*, 1966). Культурные напластования начального периода жизни города выявлены в западной и юго-западной частях городища. Начаты раскопки некрополя, включающего курганы и грунтовые погребения. Никоний возник, по-видимому, во второй половине VI в. до н. э. Являлся ли он в полном смысле слова апойкией Истрии (*Синицын М. С.*, 1966, с. 55; *Alexandrescu P.*, 1970, с. 152) неизвестно, но можно говорить об его определенной экономической, а, возможно, и политической зависимости от Истрии. Автохтонный элемент в составе населения Никония V—IV вв. до н. э. был незначителен. Около третьей четверти IV в. до н. э., по-видимому, в результате военного нападения Никоний был разрушен, но в последней четверти или в конце IV в. до н. э. жизнь в нем возобновилась. В конце III или в начале II в. до н. э. Никоний подвергся вторичному разрушению и жизнь в городе восстанавливалась медленно. В первые века нашей эры размеры города возросли по сравнению с предыдущим периодом. В течение III—IV вв. н. э. жизнь в Никонии прекратилась.

В северо-западной части городища, в самой узкой части мыса, на котором располагался город, обнаружены остатки фортификационных сооружений второй половины V — первой половины IV в. до н. э. в виде рва, имеющего в поперечном разрезе очертания равнобедренного опрокинутого вершиной вниз треугольника с длиной каждой из сторон 5 м. Крепостная стена, вероятно, располагалась с западной стороны рва (*Синицын М. С.*, 1966, с. 44, 45). От нее сохранились остатки глинобитного фундамента шириной 2,5 м. Во второй половине IV в. до н. э. эта стена перестала выполнять защитные функции и в конце IV или в начале III в. до н. э. была разобрана (АО, 1976 г., с. 293). Ров был засыпан около середины IV в. до н. э. В первые века нашей эры этот участок был застроен жилыми домами.

Для начального периода жизни Никония характерные постройки двух типов: наземные дома и небольшие полуземляночные сооружения, в плане приближающиеся к прямоугольнику, впущенные в материк на глубину до 0,5 м, некоторые из них имели печи с поддувом, верхняя часть стен возводилась из сырцового кирпича. Наземные дома имели сырцовые стены и глинобитную кровлю, поддерживавшуюся столбами. Каменное строительство начинается в V в. до н. э.

В IV в. до н. э. застройка города носила, по-видимому, регулярный характер. Дома возводились вдоль улиц. Жилые комплексы состояли из нескольких наземных помещений и подвалов. В юго-западной части городища (табл. IV, *4*) открыта улица шириной 3,5 м, замощенная речной галькой и фраг-

ментами керамики. Она функционировала на протяжении V—IV вв. до н. э. На эту улицу выходил фасад дома площадью свыше 200 м², возведенный на слоевых субструкциях. Там же раскрыты остатки дома первых веков нашей эры, погибшего в пожаре в середине III в. н. э. Он состоял из ряда помещений общей площадью свыше 120 м², выход из которых вел во внутренний двор. В одном из помещений открыто четыре детских погребения в сосудах (АО, 1976 г., с. 372).

В настоящее время изучена привозная тонкостенная керамика из ранних слоев Никония (табл. IV, *5—7*, *9—11*) и лепная посуда (*Кузьменко В. И.*, *Синицын М. С.*, 1966). В ранних напластованиях среди лепной посуды преобладают фрагменты скифских горшков, в более поздний период встречаются в небольшом количестве также обломки гетских лепных мисок и горшков. Значительную группу изделий художественного ремесла составляют ионийские и аттические статуэтки VI—IV вв. до н. э. Это обычного типа архаические терракоты в виде богини, восседающей на троне, присевшего на корточки Силена или Сатира, куклы с подвесными конечностями, протомы женского божества, Эрота и др. (*Клейман И. Б.*, 1970а; 1976б). Найден фигурный сосуд раннеэллинистического времени с граффити на тыльной стороне (табл. IV, *8*, *8а*). Находки железных серпов и большое количество различного размера зерновых ям говорят о занятии жителей земледелием.

К востоку от городища тянется курганный могильник. В ближайшей к Никонию части находится, по-видимому, грунтовый могильник. Исследованы четыре кургана, содержавшие по нескольку захоронений IV в. до н. э. Прослежены два типа могильных сооружений, встречающиеся в одном и том же кургане: простые прямоугольные в плане ямы и ямы с подбоем. Преобладает меридиональная ориентировка погребенных. В каждой могиле одно захоронение на спине в вытянутом положении. Вход в подбой закрывался несколькими амфорами (в одном из погребений их десять). Среди амфор есть клейменные фасосские и гераклейские. В могилах встречены: античная посуда (чернолаковый канфар, сетчатый лекиф и др.), точильный брусок, железные ножи, медные наконечники стрелы, железный кинжал. Для первых веков нашей эры характерен обычай хоронить детей в амфорах и кувшинах (трупосожжения и трупоположения) на территории поселения и даже в домах.

Поселения

В VI в. до н. э. возникли поселения Надлиманское III на левом берегу Днестровского лимана (*Мелюкова А. И.*, 1975, с. 194; *Дзис-Райко Г. А.*, 1966) и поселение в Нижнем Поднестровье у с. Беляевка Одесской обл. (*Охотников С. Б.*, 1976). При раскопках этих поселений обнаружены остатки жилищ полуземляночного типа (круглых и прямоугольных в плане), ямы хозяйственного назначения. На Надлиманском III поселении найдена аттическая терракотовая статуэтка в виде восседающей на троне богини (*Клейман И. Б.*, 1970а). Недостаточная изученность поселений не позволяет решить вопросы об этнической принадлежности их обитателей и взаимоотношении с греческими полисами. Поселения, видимо, были оставлены жителями в первой половине V в. до н. э.

В IV в. до н. э. на побережье Днестровского лимана появились новые поселения, просуществовавшие примерно до середины III в. до н. э. Лучше других исследованы городища у с. Надлиманское, поселения Пивденное и Николаевка. Синхронные им поселения выявлены в Нижнем Поднестровье и в ряде пунктов Днестро-Дунайского междуречья (*Мелюкова А. И.*, 1969, с. 73, рис. 1). Это населенные пункты сравнительно небольших размеров: Надлиманское — 0,7 га (табл. IV, *1*, *2*) (*Синицын М. С.*, 1960а; *Дзис-Райко Г. А.*, 1966), Пивденное (табл. V, *1*) и Николаевка (табл. V, *8*) по 3 га. Укрепления (в виде рва) засвидетельствованы только на первом из них (*Сальников М. С.*, 1966; *Мелюкова А. И.*, 1975). Регулярная планировка, видимо, существовала только на городище Надлиманское (табл. IV, *1*, *2*). Наиболее типичны для всех поселений прямоугольные наземные дома, иногда встречались и землянки, а также и круглые в плане (на городище Надлиманское только в поздний период); обнаружены хозяйственные ямы и зольники. Среди находок встречаются амфоры, античные терракотовые статуэтки, керамика как скифского, так и гето-фракийского облика (табл. V, *2—5*, *18—20*). Исследовался также могильник, расположенный к востоку от поселения Николаевка (*Мелюкова А. И.*, 1975).

Кроме грунтовых могил, сохранились три кургана диаметром 12—14 м, в основании которых были кольцевые ограды из необработанных кусков и плит известняка. Под каждой курганной насыпью обнаружена одна могильная яма (в одном из курганов — две ямы), по форме и по размерам не отличающиеся от могил грунтового могильника. В грунтовом могильнике раскопано 47 простых погребений и 18 подбойных могил. Подавляющая часть могил имеет широтную ориентировку. Некоторые могилы были перекрыты большими положенными поперек ямы плитами известняка, на других поверх земляной засыпи лежали беспорядочно набросанные камни. Могилы имели в основном форму прямоугольника, реже — овала. В большинстве подбойных могил погребальная камера равна или слегка превышает площадь входной ямы, параллельна ей и выкопана в ее северной стене. Дно подбоя ниже дна входной ямы. Умершего клали в погребальную камеру на спину головой на восток, после этого вход в нее закрывался загородкой из камышевых стеблей, камышевыми циновками или необработанными плитами известняка, а входную яму засыпали землей.

В 15 подбойных, четырех подкурганных и в 21 простой грунтовой могилах обнаружены остатки жертвенной пищи (часть туши барана или коровы), положенной в чашу, стоявшую в ногах умершего. В могилах, содержавших несколько последовательно совершенных захоронений, остатки жертвенной пищи редки, в детских захоронениях — ее нет. Около половины погребений с жертвенной пищей, содержали также амфору. Иногда рядом с амфорой находился бронзовый или железный черпак (киаф) на длинной ручке (табл. VI, *25*, *26*) и греческие чернолаковые сосуды (табл. V, *6*, *7*). В детских погребениях сосуды отсутствуют. Гораздо меньше в по-

гребениях простой сероглиняной посуды, еще меньше — лепных сосудов. Найдено много ножей (табл. VI, *16—21*), которые втыкались в жертвенную пищу или клались рядом с нею, кинжалы, наконечники стрел и копий, мечи, топор (табл. VI, *1—15*), чешуйчатый пояс. В могилы клали также зеркала (табл. VI, *30*), пряслица и украшения — височные кольца, серьги, браслеты, бусы. Основную часть погребального инвентаря составляет керамика. Из 73 погребений происходят 25 амфор, примерно половина из них гераклейские; 25 аттических чернолаковых сосудов главным образом канфаров второй половины IV — первой половины III в. до н. э. Найдены: арибаллический сетчатый лекиф, алебастровый бальзамарий (табл. VI, *24*), 13 сероглиняных гончарных сосудов. Лепная посуда в могилах представлена единичными экземплярами, хотя в быту она имела широкое распространение и составляла около 80% всей керамики, встреченной в культурном слое поселения. Как уже указывалось, найдено также небольшое количество украшений (табл. VI, *22*, *23*, *27*, *28*, *32—35*).

В первые века нашей эры в районе Днестровского лимана появляется новый тип поселений с наземными каменными домами и производственными сооружениями, например, поселение Молога II (АО, 1976 г., с. 285). Для могильников, связанных с этими поселениями, распространенным типом погребального сооружения, по-видимому, был земляной склеп — семейная усыпальница с погребальной камерой почти прямоугольной в плане и колоколовидной в разрезе, с коротким дромосом. Среди погребального инвентаря — краснолаковые сосуды, стеклянные бальзамарии, бусы, браслеты, фибулы, колокольчики, амулеты, оружие. На поселениях у сел Пивденное, Николаевка, Надлиманское III, Беляевка и на городище у с. Надлиманское почти полностью отсутствуют нумизматические находки. По-видимому, там не было регулярного денежного обращения. Вместе с тем в районе Днестровского Лимана встречаются монеты-стрелки и литые истрийские монеты (табл. I).

Широкое хождение на территории всего Северо-Западного Причерноморья серебряных монет Истрии, зарегистрированных среди нумизматических находок Тиры, Никония, Ольвии (табл. I), подтверждается также присутствием серебряных истрийских статеров IV в. до н. э. в составе кладов. Клад таких монет найден вблизи с. Висунцы (*Загинайло А. Г.*, 1976). Второй клад, содержавший кроме истрийских серебряных монет, серебряные монеты Тиры, обнаружен на левом берегу Днестра, вблизи с. Дороцкое (*Загинайло А. Г.*, *Нудельман А. А.*, 1971).

Остров Левка

Змеиный (ранее Фидониси, в древности Левка или Ахиллов) остров, согласно сообщениям античной литературной традиции (*Толстой И. И.*, 1918; *Ростовцев М. И.*, 1918а) был важным центром культа Ахилла, возможно, уже с VI в. до н. э. В его культе эллинские черты слились с какими-то до-греческими (*Ростовцев М. И.*, 1918а, с. 182), возможно, киммерийскими (*Блаватский В. Д.*, 1964а, с. 19). С IV в. до н. э. о. Левка находился под контролем Ольвии, а со II в. до н. э. эта роль переходит к какому-то из городов Северо-Западного Причерноморья.

Детальный план острова был снят в 1823 г. капитан-лейтенантом Критским. Почти в центре острова им были замечены остатки фундамента здания, сложенного насухо из белого мраморовидного известняка. Он считал это здание храмом Ахилла. Это была квадратная в плане постройка (30×30 м), ориентированная по странам света. Внутреннее пространство поперечной стеной делилось на две неравные части, причем западная, в свою очередь, разделялась на три помещения. К северной стене постройки примыкало помещение, в котором находилась цистерна. В 1837 г. остатки фундамента этого сооружения были разобраны при постройке маяка, а мраморные детали (капители, базы, барабаны, каннелированных колонн, карнизы) были вывезены с острова и затерялись. В других частях острова были обнаружены остатки стен и выложенные камнем колодцы.

Раскопки на острове производились в течение нескольких лет в середине прошлого века по приказанию генерал-губернатора Бессарабии чиновниками учрежденного здесь карантинного поста. В 1841 г. исследования были осуществлены экспедицией Одесского общества истории и древностей, в 1964 г. небольшие исследования провела Н. В. Пятышева (*Мурзакевич Н. Н.*, 1844, с. 549—562; 1848а, с. 405—416; *Пятышева Н. В.*, 1966). В результате всех этих работ были подтверждены сообщения о культе Ахилла на острове. В частности, были найдены надписи и сосуды с посвящением Ахиллу, владыке Левки (IPE I², 326; *Толстой И. И.*, 1918, с. 12). Было обнаружено также значительное количество керамики, фрагменты сосудов с граффити (*Штерн Э. Р.*, 1897), фрагмент краснофигурного сосуда последней четверти VI в. до н. э. с именами Эпиктета и Никосфена (*Фармаковский Б. В.*, 1898), терракоты (*Клейман И. Б.*, 1970б), значительное количество монет (*Мурзакевич Н. Н.*, 1848б, с. 838, 839; 1853). Монеты принадлежат почти всем значительным центрам Причерноморья, многим городам собственно Греции, царям Македонии, Фракии, Малой Скифии, Боспора, Вифинии, Пергама, Сирии, Египта, Риму (эпохи как Республики, так и Империи). Хронологический диапазон: V в. до н. э.— первая половина III в. н. э., подавляющее большинство монет относится к IV—III вв. до н. э. Второй половине III и IV вв. н. э. принадлежат единичные находки (*Зограф А. Н.*, 1941; *Булатович С. А.*, 1971).

Городище у с. Орловка

Римское укрепление у с. Картал (ныне с. Орловка Ренийского р-на Одесской области) открыто в середине XIX в. (*Мурзакевич Н. Н.*, 1844, с. 627 сл.; *Уваров А. С.*, 1856, с. 183, сл.). Городище расположено в 1,5 км к западу от с. Орловка на так называемой «Каменной горе», занимающей господствующее положение над равниной левобережья Дуная. С трех сторон «Каменную гору» омывают воды р. Дунай, озер Картал, Кагул и их протоки. Со стороны суши городище в древности опоясывал ров, следы которого заметны до сих пор. Между с. Орловкой и городищем восточнее «Каменной горы» об-

наружены следы неукрепленного поселения, группа курганов и грунтовый могильник. Городище занимало площадь около 2 га. Поверхность его сильно повреждена каменным карьером. В XIX в. там были найдены фрагменты римских надписей с упоминанием V македонского легиона (IPE, I², I) и часть рельефа с изображением охотящейся Дианы. Систематические исследования городища начаты в 1963 г. (*Бондарь Р. Д.*, 1971, с. 66—70).

Римское укрепление возникло на месте более древнего поселения, возможно, существовавшего здесь уже с VIII—VI вв. до н. э. Вероятно, уже к середине I в. до н. э. городище входит в систему укреплений, которые были созданы гето-дакийскими племенами, объединившимися перед угрозой римского завоевания. На северо-западе «Каменной горы» обнаружена двухпанцирная каменная стена с глинистой щебенковой забутовкой, вероятно, часть оборонительной башни. Техника сооружения стены характерна для подобных построек гето-дакийцев (*Кругликова И. Т.*, 1955, с. 47 сл.). Падение крепости на Каменной горе, возможно, связано с походом Тиберия Плавтия Сильвана в середине I в. н. э.

Гарнизон римского укрепления составляли подразделения I Италийского и V Македонского легионов, здесь же находились суда Флавиева Мезийского флота, основная база которого была на противоположном берегу Дуная в г. Новиодунуме. Об этом свидетельствуют находки черепицы с клеймами этих легионов и флота. В середине III в. городище прекращает свое существование. Сохранились следы большого пожара. Раскопки городища не позволяют пока восстановить его планировку и охарактеризовать фортификацию. В северной и северо-западной частях городища раскопаны жилые помещения. Их стены чаще всего сложены из сырцовых, редко слабообожженных кирпичей, уложенных непосредственно на грунт. Цокольная часть стены обычно складывалась из небольших сланцевых камней. Крышу покрывали черепицей, стены штукатурили. Иногда можно проследить участки плотно утрамбованного пола, промазанного светлой глиной. О конструкции наземных жилищ другого типа можно судить лишь по находкам завалов глиняной обмазки со следами основы — прутьев, жердей. Найдены остатки глинобитных печей, хозяйственные и мусорные ямы, фрагменты глиняной посуды.

Отчетливо проступают черты взаимодействия двух культур — римской и местной гето-дакийской. Среди керамики много посуды гето-дакийского типа — горшки, миски, одноручные чаши (*Бондарь Р. Д.*, 1971, с. 67). Сероглиняная посуда, сделанная на гончарном круге, орнаментирована лощением в виде волнистых параллельных и косых пересекающихся линий. Привозная керамика представлена амфорами и краснолаковой посудой I — середины III в. н. э. Среди других находок — изделия из железа, бронзы, обломки жерновов, точильные камни и камни от пращи, пряслица, грузила и т. д. Серебряные и медные римские монеты датируются периодом от начала I в. н. э. до начала III в. н. э. Укрепление у с. Орловка, вероятно, являлось предмостным и входило в общую систему дунайского лимеса — оборонительной линии, созданной римлянами для защиты границ империи (*Бондарь Р. Д.*, 1973, с. 154). На левом берегу нижнего течения Дуная древние авторы помещают Алиобрикс и Кремниск. С каким именно из этих пунктов можно отождествить городище, пока не ясно.

Глава третья
Борисфенида (Березань), Ольвия и поселения Нижнего Побужья

Греческое поселение на острове Березань

Поселение греков на острове Березань было самым ранним в Северном Причерноморье. В настоящее время Березань — это небольшой островок (850 м × × 350 м), расположенный возле устья Днепровского лимана недалеко от г. Очакова (табл. VII, *1*). В древности о. Березань был значительно больше и, может быть, связывался с материком узким перешейком (*Щеглов А. Н.*, 1965а, с. 107—110; *Лапин В. В.*, 1966, с. 127—137). Впервые археологическое обследование Березани провел в начале XIX в. академик Келер. В 1847 г. А. С. Уваров снял план острова, на котором отметил остатки нескольких строений и ряд курганов. Пробные раскопки поселения были проведены в 1884 г. Р. А. Пренделем. В 1900—1901 гг. Г. Л. Скадовский вскрыл около 800 погребений, но результаты его работ почти не опубликованы. С 1904 по 1909 гг. и в 1913 г. Э. Р. Штерн исследовал остатки жилых и хозяйственных построек. В 1927—1931 гг. и в 1946—1947 гг. исследования поселения продолжал М. Ф. Болтенко, а с 1960 г.— В. В. Лапин, позднее также К. С. Горбунова и Л. В. Копейкина.

Удалось установить, что поселение возникло во второй половине VII в. до н. э. Найдена расписная греческая керамика, второй половины VII в. до н. э. (табл. VII, *6*) и отдельные образцы посуды первой половины VII в. до н. э. (*Копейкина Л. В.*, 1973, с. 240). Есть основания полагать, что поселение с момента основания именовалось Борисфеном или Борисфенидой (*Блаватский В. Д.*, 1968; *Виноградов Ю. Г.*, 1976, с. 81, 82) и, таким образом, именно с ним следует связывать дату основания Борисфена — 645/644 гг. до н. э., указанную в хронике Евсевия (88). Существовало ли на Березани местное поселение до того, как возникло греческое, пока не установлено, но несомненно, что со времени обоснования греков на острове там появляются и представители местного населения (*Марченко К. К.*, 1976, с. 157, сл.). Спорен вопрос о характере и назначении поселения: было оно торговым или аграрно-ремесленным по преимуществу (*Лапин В. В.*, 1963, с. 122 сл.; *Виноградов Ю. Г.*, 1971а, с. 67). Несомненно, что торговля играла заметную роль в жизни Березани VI в. до н. э. о чем свидетельствует большое количество хозяйственных ям для хранения товарного зерна, многострочное граффити на двух фрагментах ионийского килика VI в. до н. э. и письмо на свинцовой пластине конца VI в. до н. э. (табл. VII, *4*). (*Виноградов Ю. Г.*, 1971а, с. 64—67; 1971б, с. 74—99). Но торговля не являлась единственным занятием переселенцев. С появлением постоянных жителей на острове появляется необходимость в подсобном домашнем хозяйстве и в ремесленном производстве для удовлетворения различных нужд населения. Это подтверждают находки сельскохозяйственных орудий, зернотерок, костей домашних животных, остатков литейного и керамического шлаков, полуфабрикатов различных ремесел.

Наивысший расцвет деятельности Березани падает на VII—VI вв. до н. э. В VI в. до н. э. она становится эмпорием Ольвийского полиса. Было найдено огромное количество расписной древнегреческой керамики этого периода. Преобладает родосско-ионийская керамика (табл. VII, 7), найдены сосуды с острова Хиос, сосуды стиля «фикеллура» (табл. VII, 8), клазоменская керамика, керамика Коринфа и Аттики (табл. VII, *5*). Наряду с импортной керамикой встречается местная. К VI в. до н. э. относится и большинство терракотовых статуэток (табл. VII, *2, 3*) (*Скуднова В. М.*, 1970 а, с. 31—33).

В архаическое время на Березани существовало два типа жилищ: грунтовые землянки и полуземлянки округлой и подчетырехугольной формы и наземные строения, зачастую с полуподвальными помещениями. Стены наземных построек возводились из сырцовых кирпичей на каменных цоколях. Грунтовые жилища наиболее характерны для VII — первой половины VI в. до н. э. Постройки наземного типа появляются лишь с середины VI в. до н. э. Во второй половине VI в. до н. э. наблюдается резкий подъем строительной деятельности. Жилая застройка становится очень плотной. На отдельных участках строительство, по-видимому, велось по заранее определенному плану с соблюдением общей строгой ориентации с севера на юг (*Копейкина Л. В.*, 1975а, с. 188—193). К концу VI в. до н. э. поселение достигает наибольших размеров, занимая почти треть площади острова. Жилые и общественные постройки были сосредоточены в его северо-восточной части. На северо-западном берегу располагался некрополь второй половины VI в. до н. э. (*Фабрициус И. В.*, 1951, с. 56 сл.; *Капошина С. И.*, 1956а, с 214 сл.; *Лапин В. В.*, 1966, с. 109 сл.). В начале V в. до н. э. размеры поселения значительно сокращаются (*Копейкина Л. В.*, 1975а, б, с. 193 сл.). Постройки вытягиваются в основном вдоль северо-западного берега. Среди наиболее интересных строений этого времени — остатки храма с абсидой.

Резкое сокращение размеров поселения, вероятнее всего, связано с ростом Ольвии. В V—III вв. до н. э. поселение продолжает существовать, являясь рядовым сельским поселением ольвийского полиса (*Виноградов Ю. Г.*, 1976). В II—I вв. до н. э. остров, по-видимому, был совершенно заброшен. В первые века нашей эры там возникает новое поселение, значительно меньших размеров. Судя по данным античной литературной традиции и посвятительным надписям, найденным на острове, здесь в это время

был сооружен храм, посвященный Ахиллу Понтарху. В III в. н. э. античное поселение прекращает свое существование.

Ольвия

Политико-административный центр Ольвийского полиса — город Ольвия находился на правом берегу Бугского лимана. Рельеф местности обусловил форму города в виде неправильного треугольника. Ольвия занимала плато, состоящее из трех частей: верхней, так называемый Верхний город, средней (склоны) и прибрежной — Нижний город (табл. VIII; IX). Часть нижнего города в наше время находится под водой (*Блаватский В. Д.*, 1962б; *Шилик К. К.*, 1975, с. 76) (табл. IX, *1—4*).

Согласно Геродоту (IV, 18) и Диону Хрисостому (XXXVI, II, 48) Ольвия лежала на берегу Гипаниса (Буга). Однако Страбон (VII, 3, 17), Плиний (IV, 12), Помпоний Мела (II, 6), Арриан (31), Аммиан Марцелин (XXII, 8) помещали ее на Борисфене (Днепре), при этом Страбон уточнял — на расстоянии 200 стадиев от устья, а Помпоний Мела — при впадении Борисфена в море. Псевдо-Скимн (804) правильно свидетельствуя, что Ольвия лежит при слиянии Борисфена и Гипаниса, помещал ее так же вверх по течению Борисфена. Геродот (IV, 78, 79), лично посетивший Ольвию, дает представление об облике города V в. до н. э. У Макробия (I, II, 33) сохранились сведения об осаде Ольвии Зопирионом, полководцем Александра Македонского. Дион Хрисостом (XXXVI), также побывавший в Ольвии, рисует положение и облик города, восстановленного после гетского разгрома, а приводимые им сопоставления с городом предшествующего периода, позволяют судить об Ольвии догетской эпохи.

Эпиграфические памятники дополняют свидетельства древних авторов. Так две проксении V в. до н. э. свидетельствуют о связях Ольвии с Синопой и Гераклеей, а ряд посвящений Аполлону Дельфинию позволил отождествить один из храмов. К IV в. до н. э. относятся в основном проксенические декреты (IPE, I^2, № 2027; *Леви Е. И.*, 1958а, с. 233 сл.), а также декрет Каноба, найденный в XIX в. в Малой Азии, в котором излагаются правила обмена чужеземных денег на ольвийские деньги (IPE, I^2, 24; *Карышковский П. О.*, 1969, с 19; *Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О.*, 1976). Наиболее многочисленны надписи эллинистического периода. Декреты в честь сыновей херсонесита Аполлония (НО, № 28), Протогена (IPE, I^2, 32) и посвятительная надпись коллегии ситонов (НО, № 72) свидетельствуют об экономических трудностях. Среди надписей II в. до н. э. интересен фрагмент каталога ольвийских граждан (IPE, I^2, 201). Декрет I в. до н. э. в честь Никерата (IPE, I^2, 34) показывает напряженную политическую обстановку в городе. Памятники первых веков нашей эры в основном являются посвящениями Аполлону Простату (44 надписи) и Ахиллу Понтарху (20 надписей) (IPE, I^2, 53, 80—115; НО, № 86—89). Надписи, содержащие имена легионов, указывают на наличие в Ольвии во II—III вв. н. э. римского гарнизона (IPE, I^2, 236, 322).

Граффити на сосудах упоминают Аполлона, Деметру, Зевса, Афину. Одно граффити на чернолаковом пифосе содержит сведения о медных стрелках, служивших денежными знаками (*Граков Б. Н.*, 1968, с. 115). Имеются надписи на свинцовых пластинках (*Книпович Т. Н.*, 1956б, с. 122 сл.). Клейма на амфорах и черепицах говорят о торговых сношениях Ольвии с городами Понта и Средиземноморья (*Граков Б. Н.*, 1929; *Брашинский И. Б.*, 1961б, с. 239 сл.; *Леви Е. И.*, 1964а, с. 225 сл.).

Изучение ольвийской нумизматики выявило своеобразие ее монетного дела. В раннее время засвидетельствовано употребление в виде денежных знаков литых медных рыбок и стрелок. В V—IV вв. до н. э. выпускаются бронзовые литые ассы. С V в. до н. э. начинается чекан серебряной монеты. В последней четверти IV в.— первой половине III в. до н. э. полис выпускает золотую, серебряную и медную монету. Монеты второй половины II в. до н. э. с именем Скилура свидетельствуют о подчинении города скифам. С пребыванием во второй половине I — начале III в. н. э. в городе римского гарнизона связано распространение римских монет. Сокращение, а затем и полное исчезновение денежного обращения в последней четверти IV в. н. э. говорит об упадке и гибели города (*Зограф А. Н.*, 1951; *Карышковский П. О.*, 1969).

В XIX в. был снят ряд топографических планов Ольвии (*Карасев А. Н.*, 1956). Одновременно было начато археологическое изучение города. В начале XIX в. производил раскопки Сухтелен (*Латышев В. В.*, 1887, с. 32). В 1832—1844 гг. А. С. Уваровым велись раскопки курганов (*Уваров А. С.*, 1851, с. 42). Он также исследовал город, некрополь и периферию. В 1870 г. разведки в Ольвии проводили Н. Аркас и Ф. Брун (ЗООИД, VIII, с. 412). В 1873 г. раскопки городища проводил И. Е. Забелин, а некрополь — В. Г. Тизенгаузен (ОАК за 1873 г., с. XXXVII—XXXVIII). В 1886 г. небольшие работы провел И. К. Сестручан (ОАК за 1882—1888 гг., с. CIX сл.). В 1887 г. В. В. Латышевым опубликовано исследование об Ольвии, сохранившее свое значение до настоящего времени (*Латышев В. В.*, 1887). В конце XIX в. производились раскопки некрополя (ОАК за 1894 г., с. 11—17; ОАК за 1896 г., с. 78—81, 200—212).

С 1901 по 1915 г. по поручению Археологической комиссии археологическое изучение города и некрополя возглавил Б. В. Фармаковский (*Фармаковский Б. В.*, 1903а, б, 1904, 1906а, б, 1907, 1908, 1909а, б, 1910, 1912, 1913, 1914в, 1915б, 1916б, 1918). Все исследования Б. В. Фармаковского отличались целенаправленностью и велись по четко разработанному плану. Разработанный им послойно-квадратный метод, позволяющий четко фиксировать стратиграфию культурных напластований, увязывать строительные остатки с сопровождающим их вещественным материалом, до настоящего времени является основным при раскопках античных городов. С самого начала он поставил задачу — определение границ города и истории его отдельных районов. Б. В. Фармаковский впервые в антиковедении приступил к научным исследованиям жилых кварталов античного города большими площадями. Благодаря тщательности работы он зафиксировал и определил назначение слоевых фундаментов. Он установил изменение границ города в различные периоды, открыл

оборонительные стены и римскую цитадель, остатки храма Аполлона и т. д. В результате раскопок некрополя им были установлены основные типы погребений и дана характеристика погребального инвентаря. (*Фармаковский Б. В.*, 1903б).

Новый этап в исследовании Ольвии начался после Великой Октябрьской социалистической революции. В 1921 г. Ольвия была объявлена государственным заповедником, тогда же небольшие раскопки были проведены С. А. Семеновым-Зусером (*Семенов-Зусер С. А.*, 1931). В 1924—1926 гг. Б. В. Фармаковский возобновил раскопки Ольвии. С 1936 г. Ольвийскую экспедицию возглавил Л. М. Славин. С 50-х годов работами Ленинградского отряда ЛОИА АН СССР руководили Т. Н. Книпович, А. Н. Карасев, Е. И. Леви, а с 1975 г.— отряд ленинградских археологов возглавляет В. И. Пругло. С 1971 г. Ольвийской экспедицией ИА АН УССР руководит С. Д. Крыжицкий. В 1958 г. исследования затонувшей части города проводила Подводная археологическая экспедиция под руководством В. Д. Блаватского (*Блаватский В. Д.*, 1962б).

История Ольвии делится на два больших периода, рубежом которых является гетский разгром в середине I в. до н. э. (*Латышев В. В.*, 1887, с. 37; *Фармаковский Б. В.*, 1915б, с. 10, 17). В последние десятилетия появилась попытка установления новой периодизации истории Ольвии без членения на догетский и послегетский периоды (*Славин Л. М.*, 1959а, с. 86 сл.; *Wasowicz A.*, 1975, с. 35). Однако возрожденный в первые века город столь резко отличался от города предыдущих столетий, что деление на две эпохи — догетскую и послегетскую представляется обоснованным.

Догетский период. Единой точки зрения на дату основания Ольвии до сих пор нет. Некоторые приближают ее к рубежу VII—VI вв. (*Копейкина Л. В.*, 1976, с. 131; *Виноградов Ю. Г.*, 1971в, с. 237), другие полагают, что город был основан в начале или в течение первой четверти VI в. (*Славин Л. М.*, 1967; с. 5; *Шелов Д. Б.*, 1956в, с. 45; *Гайдукевич В. Ф.*, 1955, с. 31), во второй четверти или во второй трети VI в. (*Блаватский В. Д.*, 1959б, с. 13) и даже около середины VI в. (*Скуднова В. М.*, 1960а, с. 12, 13). Раскопки показали единичность фрагментов керамики последней четверти VII в. до н. э. и массовость материала, относящегося к VI в. до н. э. в основном к его второй половине.

К концу VI в. была освоена вся территория Верхнего города за исключением северной части, занятой некрополем (табл. IX, *2*). Северная граница, по-видимому, проходила севернее Зевсова кургана, где открыты остатки жилищ VI — начала V в. до н. э. В южном направлении город доходил до Заячьей балки, о чем свидетельствует распространенность находок раннего времени на территории будущей римской цитадели. Рост города шел с южной стороны (*Копейкина Л. В.*, 1976, с. 140). Разведочные работы 30-х годов позволяют говорить, что Нижний город к концу VI в. доходил до границ Северной балки. Никаких данных об оборонительных сооружениях Ольвии VI в. нет.

Во второй половине VI в. в Верхнем городе на линии Главной улицы, возникают теменос и агора. Первоначально они представляли не разграниченный участок с культовыми постройками (табл. IX; X). Здесь совершался культ Аполлона Дельфиния, Зевса и Афины, судя по фрагментам вотивных сосудов с посвятительными граффити богам (табл. XI, *1—6*), найденным в ботросах (фависсах), служивших для сброса пришедшего в негодность храмового инвентаря. На территории культового участка открыто два параллельных ряда ботросов. Тогда же был воздвигнут алтарь для возлияний, от которого сохранился цоколь, включенный позднее в алтарь V в. (*Карасев А. Н.*, 1964, с. 32—34). К югу от него находилось здание, состоявшее из одного помещения. Агора в VI в. была незамощенной площадью. В непосредственной близости от теменоса и агоры в это время находился еще один район общегородского значения. Здесь сохранились остатки двух архаических зданий типа мегарона. Одно из них, ориентированное на северо-запад, состояло первоначально из двух помещений с примыкающим к ним каменным подвалом. Стены были сырцовые на полигональном каменном цоколе. Во второй строительный период большое помещение было перегорожено и здание состояло уже из трех помещений с подвалом, также подвергавшемся перестройке. Фасад здания был оформлен в виде небольшого портика и отделен от окружающей территории апсидообразной кладкой (*Копейкина Л. В.*, 1975а, с. 188 сл.). Жилые дома VI в. до н. э. раскопаны в районе Зевсова кургана к западу от Главной улицы. Открыто более 30 слегка заглубленных в материк жилищ различной формы площадью от 6 м² до 14 м². Среди них преобладают прямоугольные с закругленными углами, встречаются также округлые и овальные. Во многих жилищах открыты очаги, реже двухкамерные печки; найдена также переносная жаровня. Среди находок большое количество аттических чернофигурных сосудов. В некоторых землянках имелись полукруглые ниши. Этот район в ранний период являлся окраинным. Здесь найдены остатки металлургических мастерских: горны (сопла, куски обожженных кирпичей), скопление шлаков, бракованных изделий (*Фурманская А. И.*, 1953). В восточной части района открыты остатки дома конца VI — начала V в. до н. э., стены которого были возведены из сырцовых кирпичей на полигональном каменном цоколе (*Фармаковский Б. В.*, 1929, с. 43, 44). Таким образом, наряду с полуземлянками, уже в конце VI в. до н. э. здесь имелись и более благоустроенные жилища.

На рубеже VI—V вв. возникает жилой район в пригороде (площадью около 1500 м²) с жилищами в виде землянок, преимущественно прямоугольной формы. В полу некоторых из них сохранились углубления от угловых и центральных столбов. В землянках найдена привозная керамика конца VI—V вв. до н. э. и терракотовые статуэтки. Кроме землянок, в южной части пригорода открыты остатки сооружения, слегка заглубленного в материк. В VI в. оно состояло из одного помещения, а в начале V в. включало уже четыре помещения. К центральному из них с севера примыкала комната с зольником, с востока — кладовая для хранения вина и оливкового масла. В западном помещении имелась глинобитная площадка. Ю. И. Козуб трактует этот комплекс как святилище, считая, что зольник является алтарем, а глинобитная площадка имела культовое

назначение. Возможно, что существование пригорода связано с замиранием жизни на поселениях ольвийской хоры, жители которой к началу V в. до н. э. частично переселились ближе к городу.

Время V в. до н. э.— третья четверть IV в. до н. э.— период расцвета Ольвии. Судя по сообщению Геродота (IV, 78), в первой половине V в. были сооружены оборонительные стены, локализации их К. Э. Гриневичем около Заячьей Балки в районе агоры (*Гриневич К. Э.*, 1963, с. 53, 54) противоречит ряд данных, указывающих на возведение этих стен не ранее IV в. до н. э. Обнаружены остатки стены второй половины V в., шедшей по той же линии, что и стены IV в. до н. э. Северная линия обороны города V в. до н. э. совпадала, несомненно, с границей города VI в. В V в. город принимает новый облик в соответствии с разработанной планировкой, которая местами соответствует гипподамовой системе (*Фармаковский Б. В.*, 1929, с. 40), но в целом, не имеет четко ориентированных кварталов (*Крыжицкий С. Д.*, 1971, с. 99).

В этот период заканчивается архитектурное оформление теменоса (табл. X, Б). Он отделяется с запада и востока от прилегающих к нему улиц оградами, от которых сохранились остатки цоколя стен. Размеры открытой части теменоса 1645 м² (*Карасев А. Н.*, 1964, с. 27, 36). Вход в теменос был с Восточной улицы. В центре свободной от построек площади находился монументальный алтарь, стоявший напротив храма Аполлона Дельфиния. От храма Аполлона сохранились незначительные остатки, позволившие однако дать его реконструкцию (*Карасев А. Н.*, 1964, с. 49—68). Он был сооружен по типу храма в антах, с глубоким портиком перед входом (табл. XII, *1—3*). Стены были из сырцовых кирпичей на каменном цоколе. Две деревянные колонны, оформлявшие вход, завершались терракотовыми волютами, исполненными в ионийском ордере (*Карасев А. Н.*, 1964). Вдоль фасадов храмов шла вымощенная камнем дорожка, по краям которой, судя по сохранившимся постаментам, стояли маленькие алтарики, статуи и надписи. Монументальный известняковый алтарь для возлияний достиг в V в. максимальных размеров. Первоначально он состоял из площадки, на которой стоял жрец во время жертвоприношений и собственно алтаря, облицованного тщательно обработанными плитами (табл. XII, *1*). На алтаре были установлены три каменные плиты с чашеобразными углублениями. Несколько позднее, в пределах того же V в., к центральной части северной стенки алтаря была сделана пристройка, которая, может быть, служила постаментом для культовой статуи. Между храмами Аполлона и Зевса имелись два малых жертвенника. Жертвенник для сожжения (табл. XII, *5*) представлял собой прямоугольную рамку из четырех плит (*Карасев А. Н.*, 1964, с. 33, 34, 76—113). К северу от него находился второй жертвенник для возлияний несколько больших размеров.

Кроме храмов, алтаря и жертвенников в ограде священного участка находились два здания (табл. X, Б). Одно из них вблизи алтаря, квадратное в плане, было сооружено еще в VI в. до н. э. В V в. перед его входом с запада устраивается небольшая площадка, вымощенная каменными плитами. Это здание неоднократно перестраивалось, сохраняя свою форму и размеры. Второе здание из двух помещений примыкало к восточной ограде к югу от входа. Сохранился фундамент и частично остатки каменного цоколя. К северу от входа, около восточной ограды, судя по скоплению медных шлаков и мелких фрагментов меди, находилась мастерская металлурга. Открыты каменный водоем и каменные водостоки для отвода ливневых вод (*Карасев А. Н.*, 1964, с. 36—38). В V в. площадь агоры перекрывается вымосткой из керамического боя и щебня; начинается строительство зданий, в том числе и гимнасия на южной стороне агоры, о чем свидетельствует глубокий колодец V в. до н. э. для снабжения гимнасия водой. Колодец расчищен пока только на 15 м. Его шахта диаметром в 1 м сложена из хорошо обработанных плит известняка. Остатки пазов для металлического крепления на горловине колодца V в. указывают, что на ней была установлена подъемная конструкция. В северо-восточной части агоры сооружается глубокий водоем. Он являлся основной частью системы, служившей для подачи воды на нижележащую террасу. В ее состав, кроме колодца, входили две смотровые шахты и подземная галерея, на дне которой укладывались гончарные трубы. (*Карасев А. Н.*, *Леви Н. И.*, 1958).

Район общегородского значения в непосредственном соседстве с агорой и теменосом, продолжал интенсивно застраиваться. Открыт ряд отдельных помещений, принадлежавших зданиям, сильно разрушенным в более поздние строительные периоды. До середины V в. до н. э. в окраинной части города еще продолжали существовать землянки наряду с наземными жилыми домами. Почти во всех домах имелся подвальный этаж, отдельные помещения которого предназначались не только для хозяйственных целей, но служили и в качестве жилых комнат.

Длительная осада Ольвии Зопирионом в 30-х годах IV в. до н. э. оказалась безуспешной, но она ослабила Ольвию и вызвала обострение классовой борьбы. Однако с последней четверти IV в. до н. э. начинается второй этап экономического и политического расцвета города. Это нашло отражение в новом росте хоры, в развитии местного производства, оживлении торговых сношений, в интенсивном строительстве. Город эпохи эллинизма, наиболее полно сохранившийся, дает возможность воссоздать отдельные городские ансамбли, планировку жилых домов, городское хозяйство в целом.

В конце IV в. город расширяется (табл. IX, *3*) и занимает территорию некрополя VI—V вв. около Северной балки (*Фармаковский Б. В.*, 1926б, с. 177), там появляются оборонительные сооружения и жилые кварталы. Северная линия обороны возводится в соответствии с изменением границ города. Стены вдоль Северной балки были сооружены на расстоянии около 50 м от последней (*Карасев А. Н.*, 1948, с. 31). Стены вдоль Заячьей балки сохраняли направление линии стен классического периода. По мнению А. Н. Карасева (*Карасев А. Н.*, 1941, с. 134—138), ольвиополиты создали в III в. до н. э. дополнительную оборону в виде искусственного водохранилища, которое тянулось от Северных ворот до Западных (табл. IX, *3*). Б. В. Фармаковский предложил реконструкцию главных городских ворот, от

которых, как и от северных крепостных стен сохранились в основном лишь слоевые фундаменты. Ворота фланкировались башнями. Кроме основного входа, в северной башне имелся второй, запасной выход (*Фармаковский Б. В.*, 1915б, с. 18, 19). Вторые городские ворота по реконструкции А. Н. Карасева находились в районе агоры.

Теменос в эпоху эллинизма перестраивается. В связи с расширением агоры его площадь уменьшена. Большая стоя агоры, возведенная в конце IV в. до н. э., частично перекрыла южную часть культового участка V—IV вв. (табл. X, В). Остатки ранних сооружений перекрываются слоем лесса толщиной 0,60—0,80 м. На месте засыпанного монументального алтаря из известняка возводится алтарь из мрамора. От него сохранилась фрагментарно одна из плит орфостата и мелкие обломы архитектурных деталей, украшенных овами и лесбийским киматием. На месте храма Аполлона Дельфиния вырастает новый храм больших размеров (табл. XII, *4*). В связи с этим засыпаны малые жертвенники V—IV вв. От храма Аполлона дошли слоевые фундаменты южной части, позволяющие восстановить его форму в виде периптера шириной около 16 м, длиной не менее 30—35 м (*Карасев А. Н.*, 1964, с. 27, 28). Храм Аполлона слегка прикрывал храм Зевса. С целью выделения его возводят на мощных слоевых фундаментах и немного выдвигают на юго-восток (табл. X, В). Храм Зевса (7,7×13,9 м) был выстроен по плану антового храма (табл. XII, *7*) (*Карасев А. Н.*, 1964, с. 113 сл.). Он уступал по размерам храму Аполлона Дельфиния, чем подчеркивалось главенствующее значение культа последнего. Возле храма Зевса, на линии западной ограды, возводится малая западная стоя. Во второй половине III в. до н. э. она перестраивается. В этот период перестраивается квадратное здание к югу от монументального алтаря, здание сокровищницы около восточной ограды ликвидируется. Засыпается водоем возле храма Зевса. Около входа, вблизи храма Аполлона, создается новое водохранилище — цистерна. Но уже к концу III в. до н. э. в нее стали сбрасывать пришедший в негодность храмовый инвентарь и утварь, связанную с жертвенными трапезами. В цистерне было найдено около 2000 фрагментов вотивных терракотовых статуэток с изображением Кибелы (табл. XIII, *1*), Деметры, Афродиты, Зевса и др. (*Русяева А. С.*, 1975, с. 6) (табл. XIII, *2, 4—9*). Здесь же были найдены черепахи — один из атрибутов культа Аполлона и несколько черепов жертвенных быков, специально обработанных для подвешивания в храме (табл. XIII, *10—11*) (*Леви Е. И.*, 1959).

Мастерская для изготовления терракот находилась в самом теменосе, у его восточной ограды на месте ликвидированной мастерской V—IV вв. по изготовлению изделий из металла. На уровне пола и в цистерне найдено несколько форм для изготовления терракот, в том числе статуэток Аполлона, играющего на кифаре (табл. XIII, *4*), Кибелы, Деметры, стоящих женских фигурок и др. Большая стоя на северной границе агоры, отделившая ее от теменоса, является одним из наиболее монументальных зданий (табл. X, *6*). Слоевые фундаменты позволяют реконструировать ее размеры: длина ее 45 м, ширина в первый строительный период 14 м, во второй — 17 м. Ряд из девяти колонн разделял ее на две части. Здания торгового назначения с подвальными этажами были построены вдоль восточной и западной границ площади (табл. XIV, *1*). Сохранившийся подвальный этаж восточного торгового ряда состоял из девяти помещений (табл. XIV, *2*;), западного из семи (*Славин Л. М.*, 1964, с. 191 сл.). Все подвалы были изолированы; связь с наземными помещениями, в которых располагались лавки, осуществлялась, вероятно, посредством деревянных лестниц, опускаемых через люки в полах (*Леви Е. И.*, 1956, с. 53—58). При раскрытии подвалов обнаружено в восточном здании около 700, в западном — около 350 монет местной чеканки, в основном — борисфенов.

В конце IV — начале III в. до н. э. полностью перепланируется гимнасий. Сохранился лишь его полуподвальный этаж, в центре которого был восемнадцатиколонный зал. К его восточной стороне примыкало пять банных помещений (табл. XIV, *4*). Полы их слегка понижались к западу. В одном из помещений обнаружена чаша с отверстием по середине для стока воды, в другом — известняковое корыто, с отверстием в центре. В крайних южных помещениях находились пифосы, которые в помещениях IV—V соединялись водопроводной линией. В центре отдельных помещений открыты очаги. Подсобные помещения были расположены в южной части. Одно из них (XI) ограждало колодец V в., продолжавший функционировать до середины II в. до н. э. В северной стене этого помещения имелась ниша с известняковой статуей-полуфигурой Куроса (табл. XI, *7*) местной работы, изваянной еще в V в. до н. э. (*Карасев А. Н.*, 1972, с. 40—44; *Чубова А. П., Лесницкая М. М.*, 1976). Колодец в помещении XI являлся основным источником системы, созданной в эпоху эллинизма для водоснабжения и отопления гимнасия. Кроме колодца, было три резервуара для подогрева воды, и водопроводная линия (*Карасев А. Н.*, 1975, с. 3—10). Водопровод начинался от третьего резервуара, находившегося в юго-восточной части здания. Первая секция водопровода была выполнена в камне, в дальнейшем он состоял из гончарных труб.

К гимнасию с востока примыкали два здания: северное было связано с несохранившейся наземной частью гимнасия, южное — являлось небольшим торговым рядом, обращенным фасадом на Восточную улицу. От южного здания сохранился подвальный этаж с четырьмя помещениями, сложенными из камня. В одном из них было обнаружено 104 монеты, в основном борисфенов и 19 лекарственных сосудов (*Карасев А. Н., Леви Е. И.*, 1975, с. 17). С запада к гимнасию примыкало здание, от которого дошли лишь слоевые фундаменты. Оно состояло из восьми наземных помещений, различных размеров (*Славин Л. М.*, 1967, с. 38). Раскопки агоры дали большое количество находок, в том числе произведений коропластики и скульптуры.

При входе на агору со стороны северных городских ворот, находилось здание суда — дикастерий площадью 327 м² (табл. IV, *1, 3*). Его восточный фасад выходил на главную городскую магистраль. (*Карасев А. Н.*, 1972, с. 35—40). Главный фасад был оформлен в виде глубокого портика, к которому примыкало три помещения (табл. XIV, *3*). Вход с

улицы во двор был через среднее помещение, в котором находилась цистерна для воды. Все 12 помещений, входившие в состав дикастерия, группировались вокруг двора: В здании имелось два каменных подвала. В одном из них были найдены две бронзовые псефы с клеймом ΙΕΡΑ (табл. XI, *8*), аналогичные по форме псефам из раскопок афинской агоры. На дворе и в помещениях были найдены черепки с надписями, исполненными резцом или красками, они содержали списки мужских имен или одно мужское имя. Вместе с ними найдены глиняные лепные кружочки, гладкие или с отверстием по середине, которыми пользовались при голосовании (табл. XI, *9*). К периоду эллинизма система водопроводов, действовавшая в V—IV вв. до н. э. в северо-восточной части агоры, была засыпана. Сохранился только каменный водоем, превратившийся в водосборный бассейн. На рубеже IV—III вв. до н. э. была создана вторая система, проходившая вдоль фасада дикастерия. Основной источник ее — водоем, от которого дошел только прямоугольной формы котлован. От водоема в южном направлении отходил водопровод: его трубы были уложены в каменный футляр в виде двускатной крыши. Вода стекала в цистерну, в которую по каменному желобу поступала также дождевая вода с крыши дикастерия. Далее водопроводная линия шла по подземной галерее, поворачивая в сторону склона (*Карасев А.Н.*, 1965а, с. 81—83). В Верхнем городе открыто три больших жилых района эпохи эллинизма: в северо-восточной окраинной части, в районе Зевсова кургана и агоры. Один жилой квартал исследован в центральной части Нижнего города (*Фармаковский Б. В.*, 1915б; *Леви Е. И., Карасев А. Н.*, 1955, с. 220—225; *Крыжицкий С. Д.*, 1971). Дома богатых горожан, открытые в районе Зевсова кургана и в Нижнем городе, отличались размерами и убранством. В них имелось от шести до восьми помещений (*Славин Л. М.*, 1941; 1962; 1975), в том числе парадная комната — андрон, украшенный мозаичным полом, во дворах — крытые портики (табл. V, *2—4*); (*Фармаковский Б. В.*, 1915б).

В окраинной части, где жили преимущественно ремесленники, дома были значительно скромнее, чем в центральных районах, с небольшими помещениями, количество которых колебалось от трех до 11 (*Славин Л. М.*, 1941; 1962; 1975) (табл. XV, *1*). В зависимости от застройки квартала и размеров дома, помещения группировались с двух или трех сторон двора и лишь в одном из домов Нижнего города они окружали двор с четырех сторон. Благоустройство домов дополнялось наличием цистерн для воды, особенно необходимых в Верхнем городе из-за отсутствия в нем общественных колодцев. Цистерны, вырытые в материке, со стенками, покрытыми гидравлическим раствором, достигали глубины 7—8 м; горловина их обкладывалась камнем. Однако трудоемкость устройства цистерн позволяла сооружать их только состоятельным владельцам. В Нижнем же городе во всех домах имелись колодцы, питавшиеся водой источников (*Карасев А. Н.*, 1941, с. 129—131). В эллинистическое время в Нижнем городе, вдоль продольной улицы, наиболее близко расположенной к склону, был устроен ряд колодцев общественного назначения, находившихся на пересечении с улицами, ведущими в Верхний город (*Лапин В. В.*, 1960, с. 98—100). К благоустройству домов относится и наличие во дворах водостоков, отводивших воды в городские магистрали.

О керамическом производстве пока свидетельствует только керамика местного производства (*Книпович Т. Н.*, 1940б, с. 129 сл.; *Зайцева К. И.*, 1976); о развитии литейного производства — многочисленные находки литейных форм, особенно в слоях IV—III вв. до н. э.

К концу III в. до н. э. Ольвия вступила в полосу затяжного кризиса. Прекращают существование большинство поселений на хоре Ольвии, ухудшаются взаимоотношения с местными племенами, о чем говорит окружение города в конце III в. до н. э. оборонительными стенами и со стороны береговой полосы (IPE, I², 32). Строительство общественных зданий прекращается, производятся только ремонты и перестройки, в первую очередь оборонительных стен. Ремонты и перестройки в жилых домах, помимо уменьшения их размеров, носят следы сильного снижения качества работ. К концу II в. до н. э. теменос и агора прекращают свое существование. Прекращают действовать и все водопроводные системы агоры. В середине I в. до н. э. Ольвия была разгромлена гетами, о чем свидетельствуют следы многочисленных пожаров, фиксируемые раскопками в различных частях города.

Послегетская эпоха. После гетского разгрома население вернулось в город по просьбе скифов, заинтересованных в возрождении Ольвии как торгово-посреднического центра. Начинает возрождаться и хора Ольвии. Судя по сообщению Диона Хрисостома (XXXVI, II, 48), в городе поселилось большое количество негреческого населения, которое оказало значительное влияние на культуру Ольвии; облик города сильно изменился. Площадь его сократилась. Линию стен I в. указывает искусственно вырытый ров, на месте которого позднее образовалась Вторая поперечная балка (табл. IX, *4*). Следы стены зафиксированы на верхнем плато раскопками 1908 г. (*Фармаковский Б. В.*, 1912). Некоторое представление о стене дают ее остатки, открытые в Нижнем городе. Сохранилось несколько рядов фундамента с облицовкой камнями различной величины и обработки с забутовкой мелким бутом. Ширина стены всего 1,70 м, как и характер ее кладки, не соответствуют мощности и величественности городских стен V—IV вв. до н. э. Вплотную к стене были пристроены жилища ольвиополитов. Это были однокомнатные полуподвальные постройки с очагами, со смежными стенами из камня. Они были вытянуты в один ряд между оборонительной стеной, и узкой улицей с Южной стороны. (*Славин Л. М.*, 1940, с. 5—51, 58; *Леви Е. И.*, *Карасев А. Н.*, 1955, с. 239 сл.). Эти однокомнатные жилища вполне соответствуют словам Диона о «домишках», застроенных почти без промежутков. К сооружениям I в. н. э. следует отнести алтарь из дерева, возведенный на месте разрушенного мраморного. О нем свидетельствуют темные круглые пятна — следы от установки деревянных опор, окружавших алтарь из известняка. Деревянный алтарь повторял форму раннего, незначительно превышая его размеры (табл. XII, *6*) (*Карасев А. Н.*, 1964, с. 47—49). Но алтарь, нахо-

дившийся за городской стеной, очевидно, к концу I в. н. э. перестал функционировать. В конце I в. н. э. в городе был возведен храм Зевса. К середине I в. н. э. в районе теменоса были построены производственные сооружения: две гончарные печи, винодельни и большое зернохранилище. На рубеже I—II вв. н. э. были созданы винодельни в западной части агоры. Производственный район ограждал с севера искусственно вырытый ров — первая линия обороны послегетской Ольвии (табл. IX, *4*). Создание производственного района говорит о восстановлении экономического положения Ольвии в I в. н. э.

О развитии гончарного ремесла свидетельствует наличие нескольких районов с гончарными мастерскими. Второй гончарный район в Верхнем городе вырос в значительном отдалении от его стен, на заброшенной окраине города эллинистической поры. Третий район с гончарными печами был создан в Нижнем городе, около линии его обороны. В гончарном районе около Северной балки открыты остатки пяти печей, для обжига сосудов. От одной из них наилучшей сохранности дошло топочное отделение с подпорным столбом в центре, и часть обжигательной камеры диаметром 1,20 м (*Ветштейн Р. И.*, 1958, с. 62—67; *Гайдукевич В. Ф.*, 1955, с. 59—60). Из двух печей на территории теменоса одна — округлой формы и небольших размеров, служила для изготовления сосудов, другая — прямоугольная в плане (3×2 м) — для изготовления черепиц. Сохранились следы столбов, почти квадратной формы, поддерживавших под обжигательной камеры (*Леви Е. И.*, 1964, в, с. 18—20). Найдены болванка для формовки округлых калиптеров и куски бракованной черепицы. Гончарный район в Нижнем городе начал также функционировать в I в. н. э. и просуществовал до начала III в. н. э. Большое зернохранилище в I в. н. э. включало ямы глубиной от 2 до 3 м с каменными горловинами, закрывавшимися плитами. Зернохранилище Верхнего города прекращает функционировать на рубеже I—II вв. н. э. От винодельни на территории теменоса сохранились лишь днища трех резервуаров и гиря рычажного пресса (*Леви Е. И.*, 1964 в, с. 20). От винодельни на западной стороне агоры — остатки двух площадок и три резервуара (*Славин Л. М.*, 1964, с. 218—220). Сохранились остатки винодельни и в северо-западной части Верхнего города (*Леві О.·І.*, 1958б, с. 29 сл.). Несмотря на экономический подъем в I в. н. э., внешнеполитическая обстановка создавала неустойчивое положение в городе. В конце I в. н. э. Ольвия оказалась вновь, хотя и на короткий срок, в зависимости от скифских царей — Фарзоя и Иненсимея (*Зограф А. Н.*, 1951, с. 137—139).

Ко II в. н. э. Ольвия достигла экономического подъема. Окраинный район в Нижнем городе благоустраивается. Вдоль его улиц сооружаются водосточные канавы. Ведется строительство общественных зданий: гимнасия, бани, портика (IPE, I², 40, 174, 181). Увеличиваются размеры домов. В одном из них открыто помещение с мозаичным полом из разноцветной гальки (*Славин Л. М.*, 1967, с. 59). Другой дом имел восемь помещений, одно из которых служило лавкой (*Фармаковский Б. В.*, 1913; *Леви Е. И.*, *Карасев А. Н.*, 1955, с. 239 сл.). В Верхнем городе открыт богатый дом с перистильным двором (*Книпович Т. Н.*, 1953б). Особое внимание во II в. уделялось сооружению оборонительных стен. Реконструируются старые стены. Когда же ольвиополиты, теснимые варварскими племенами, принуждены были в середине II в. обратиться за помощью к римской империи, и в Ольвию был направлен римский гарнизон, в южной части Верхнего города возводится укрепленная цитадель (табл. IX, *4*). Она отделялась от остальной территории города стенами, значительно превосходящими по своей мощности оборонительные сооружения I в. н. э. Ее северная стена толщиной 3 м возведена из огромных плит, достигающих в длину 1,50 м. Стены были укреплены башнями; частично открыты остатки двух башен, около главного входа, к которому вела улица, сохранившая направление главной магистрали догетского периода. Башня к востоку от ворот не совсем симметрична с западной, отличаются башни и по своим размерам (*Фармаковский Б. В.*, 1908, с. 18 сл.). Незначительный остаток северной стены был выявлен и в северо-западной части цитадели (*Книпович Т. Н.*, 1956а). Северную стену цитадели, на всем ее протяжении ограждал ров (табл. IX, *4*). На юго-западной границе цитадели, вдоль склона Заячьей балки к заново отремонтированным стенам, шириной в 3,50 м пристраиваются боевые башни.

Внутри цитадели открыты остатки двух зданий, связанных с пребыванием римского гарнизона. Около северной стены сохранился частично подвальный этаж большого здания. В одном из его помещений находилась цистерна (*Фармаковский Б. В.*, 1908, с. 9 сл.). В центре цитадели на перекрестке двух улиц, одна из которых являлась главной магистралью, ведшей в Нижний город, обнаружены остатки претория. Открыт подвальный этаж из семи больших помещений. На территории цитадели вблизи главного входа, открыты развалы монументальных плит от храма Аполлона Простата. Определение их, как принадлежавших храму, было сделано Б. В. Фармаковским на основании скопления в данном районе посвятительных надписей Аполлону (*Фармаковский Б. В.*, 1960б, с. 11, 12; 1926а).

Во II в. разросся гончарный район в Нижнем городе. Открыты печи округлой формы (диаметром до 2 м) для изготовления сосудов и мелких изделий и большие печи прямоугольной формы с двумя подпорными столбами, аналогичные печи для обжига черепицы, открытой за городской стеной (*Ветштейн Р. И.*, 1958, с. 65). Во II в. продолжали функционировать винодельни в Верхнем городе. Вместо старого зернохранилища сооружается новое, включавшее более 100 ям (табл. IX, *4*). В районе северной оборонительной стены города, на территории Нижнего плато, еще на рубеже I—II вв. н. э. устраивается пекарня. Ее здание полуподвального характера, площадью 290 м², примыкало к Восточной улице и имело семь помещений. Выделяется центральное помещение с большой овальной печью. В северной половине здания найдены два пифоса; один из них служил для хранения муки, второй — для воды. В западной части располагались жилые комнаты (*Славин Л. М.*, 1940, с. 59 сл.). Ряд хозяйственных построек был в это время вынесен за пределы города (*Крыжицкий С. Д.*, 1968, с. 142—145).

Все производственные сооружения первых веков прекращают свое существование в первой половине III в. н. э., замирает жизнь и на большинстве поселений Ольвийской хоры. В первой четверти III в. прекращается и чеканка монет Ольвии. В III в. не возводят новых построек, производятся только ремонты общественных зданий и домов. От IV в. сохранились лишь остатки кузнечной мастерской вблизи заброшенного претория (*Штительман Ф. М.*, 1955, с. 62, 63). Уход римского гарнизона в середине III в. привел к тому, что ольвиополиты не смогли противостоять все усиливавшемуся натиску кочевых племен и в IV в. жители покинули город.

Некрополь. Некрополь в Ольвии по своей площади равнялся примерно территории города. Большое количество курганов, сосредоточенных главным образом у внешних границ, дало основание для наименования ольвийского некрополя «Урочищем ста могил» (*Фармаковский Б. В.*, 1903б, с. 5). Некрополь пересекал ряд проселочных дорог, которые шли от Северных и Западных городских ворот. Кроме того, имелись дороги местного значения, делившие территорию некрополя на ряд участков.

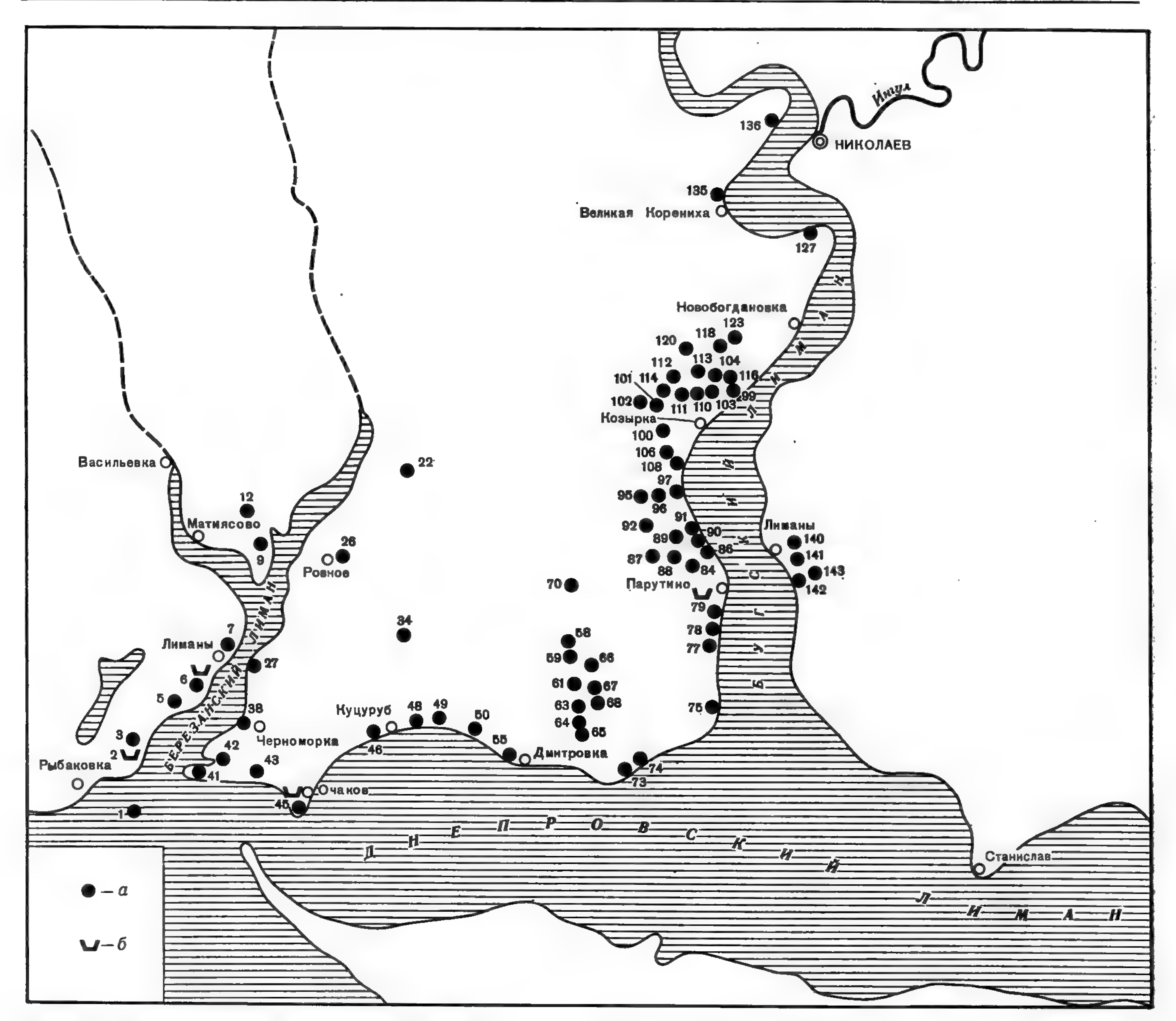
Историческая топография некрополя полностью еще не выяснена (табл. VIII). Можно говорить, что погребения VI—V вв. до н. э. были сосредоточены к западу от северо-западного края городища, занимая в это время и северную окраину города эпохи эллинизма. В V в. до н. э. территория значительно расширяется к западу от Заячьей балки, а с конца IV в. до н. э.— к северу от Северной балки, распространяясь на площадь нынешнего села Парутино. Со II в. до н. э. до первых веков нашей эры хоронили в основном на западном склоне Заячьей балки, а также на заброшенной части города догетской эпохи (*Фармаковский Б. В.*, 1926б, с. 177; *Книпович Т. Н.*, 1940в, с. 94—104; *Козуб Ю.І.*, 1974, с. 7, 8; *Парович-Пешикан М. Б.*, 1962, с. 36, 37).

Основным обрядом погребения в Ольвии было трупоположение. Захоронения производились в могилах трех типов: грунтовых, подбойных и склепах (*Фармаковский Б. В.*, 1903б, с. 9 сл.). Грунтовые могилы представляли собой прямоугольный колодец длиной 1—3 м, шириной 0,35—1,55 м, впущенный в материк на глубину 0,70—2,70 м. В подбойных могилах захоронение производилось в прямоугольной нише, вырытой в одной из стенок колодца, которая затем закладывалась камнем, или сырцом; в эллинистическое время встречается заклад из амфор (глубина могил 1,15—3,20 м, длина 1,20—3,10 м, ширина 1 м, высота подбоя 0,30—1 м). Земляные склепы отличались большими размерами и тем, что к ним с дневной поверхности вели пологие или ступенчатые спуски-дромосы. Напротив входа вырезалась прямоугольная камера с округлым сводом, которая также по совершении захоронения закладывалась каменными плитами или сырцовой стенкой (глубина склепов от 2 до 7 м, длина камеры 2,50—3,80 м, ширина 1,50—2,50 м, длина дромоса в основном в 2,5 раза превышала глубину склепа). В некоторых склепах имелись лежанки, в стенах — небольшие ниши. Иногда склепы белились, покрывались цветной штукатуркой.

В эллинистическое время были распространены склепы каменные, которые некоторые исследователи именуют каменными ящиками (*Парович-Пешикан М. Б.*, 1974, с. 38 сл.). Обычно над ними возводился курган. Особого упоминания заслуживают два каменных склепа II в. н. э., один из них под Зевсовым курганом, второй — склеп Еврисивия и Ареты (*Фармаковский Б. В.*, 1902 в; 1906а). Встречаются также захоронения младенцев в амфорах (*Книпович Т. Н.*, 1940в, с. 303). Ориентация могил различна, главным образом запад — восток. Положение костяков — вытянутое на спинке. Скорченные погребения встречаются редко, преимущественно в раннее время (*Козуб Ю. І.*, 1974, с. 20—23). Погребения совершались в деревянных гробах или саркофагах. Дно могил покрывалось обычно травой или соломой. Наряду с трупоположением в Ольвии, особенно, в ранний период существовало трупосожжение. Отдельные случаи кремации были зафиксированы Б. В. Фармаковским не только на некрополе, но и в черте города (ОАК за 1908 г., с. 68, 69), В. Н. Ястребовым — на некрополе (ОАК за 1894 г., с. XXX). Представляют интерес остатки двух кострищ в круге из амфор, открытые в 1911 г. (ОАК за 1911 г., с. 15) и в 1926 г. (*Фармаковский Б. В.*, 1929, с. 66—69). При раскопках некрополя найдено огромное количество разнообразных предметов: вазы, оружие, украшения, амулеты, монеты, амфоры, особенно часто курильницы. Встречаются кости от положенных в могилу кусков мяса, краски, смола и др. Найдено чрезвычайно мало надгробий. Однако, Б. В. Фармаковский полагал, что надгробия имелись, но были расхищены еще в древности. По типам захоронений и обряду некрополь Ольвии в основном сходен с некрополями греческих городов (*Фармаковский Б. В.*, 1903б, с. 6, 22, 23).

Поселения античного времени на территории Нижнего Побужья

Как и любой греческий город Северного Причерноморья, Ольвия обладала хорой, размеры которой не установлены. Считают, что она даже в периоды наивысшего экономического расцвета города не выходила за пределы Нижнего Побужья, занимая, повидимому, сравнительно узкую, до 5—7 км, береговую полосу вдоль Бугского, Днепро-Бугского и Березанско-Сосицкого лиманов, т. е. на 50 км к северу от Ольвии (приблизительно до г. Николаева) и на 80 км к юго-западу от Ольвии (приблизительно до района Тилигульского лимана) (*Зуц В. Л.*, 1969, с. 80 сл.). Интерес к окружающим Ольвию территориям пробудился еще в XIX в. Однако до Великой Октябрьской революции изучение Нижнего Побужья, как правило, не шло дальше небольших эпизодических обследований отдельных памятников. После установления Советской власти на Украине, археологические исследования стали более интенсивными. Уже в 20-е годы сотрудники Николаевского историко-археологического музея произвели небольшие раскопки, показавшие, что по обоим берегам Бугского лимана к Ольвии примыкали современные ей поселения. В 30-х годах начаты раскопки античных поселений у сс. Варваровка, Чертоватое, Петуховка и в других пунктах (обзор поселений, открытых до 1936 г., и библиографию см. в кн.: *Фабрициус И. В.*, 1951, с. 65 сл.). После Великой Отечественной войны работы стали расширяться (*Бура-*

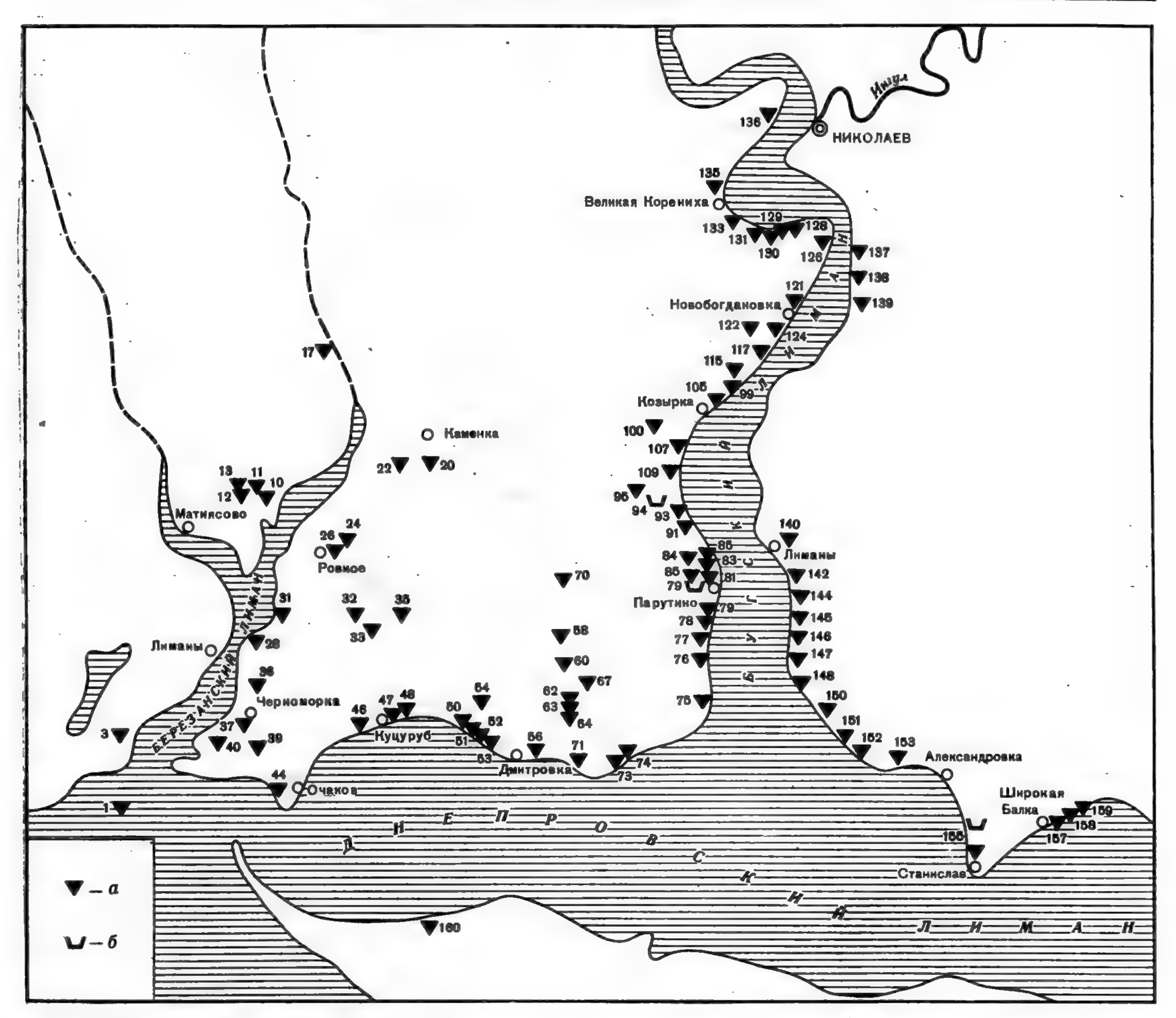


Карта 2. Поселения Нижнего Побужья VI—V вв. до н. э.
а — поселения; *б* — некрополи

ков А. В., 1976). С начала 60-х годов до 1978 г. на побережье Бугского, Днепровского и Березано-Сосицкого лиманов было обнаружено около 200 поселений и 15 могильников античного времени (см. карта 2—4).

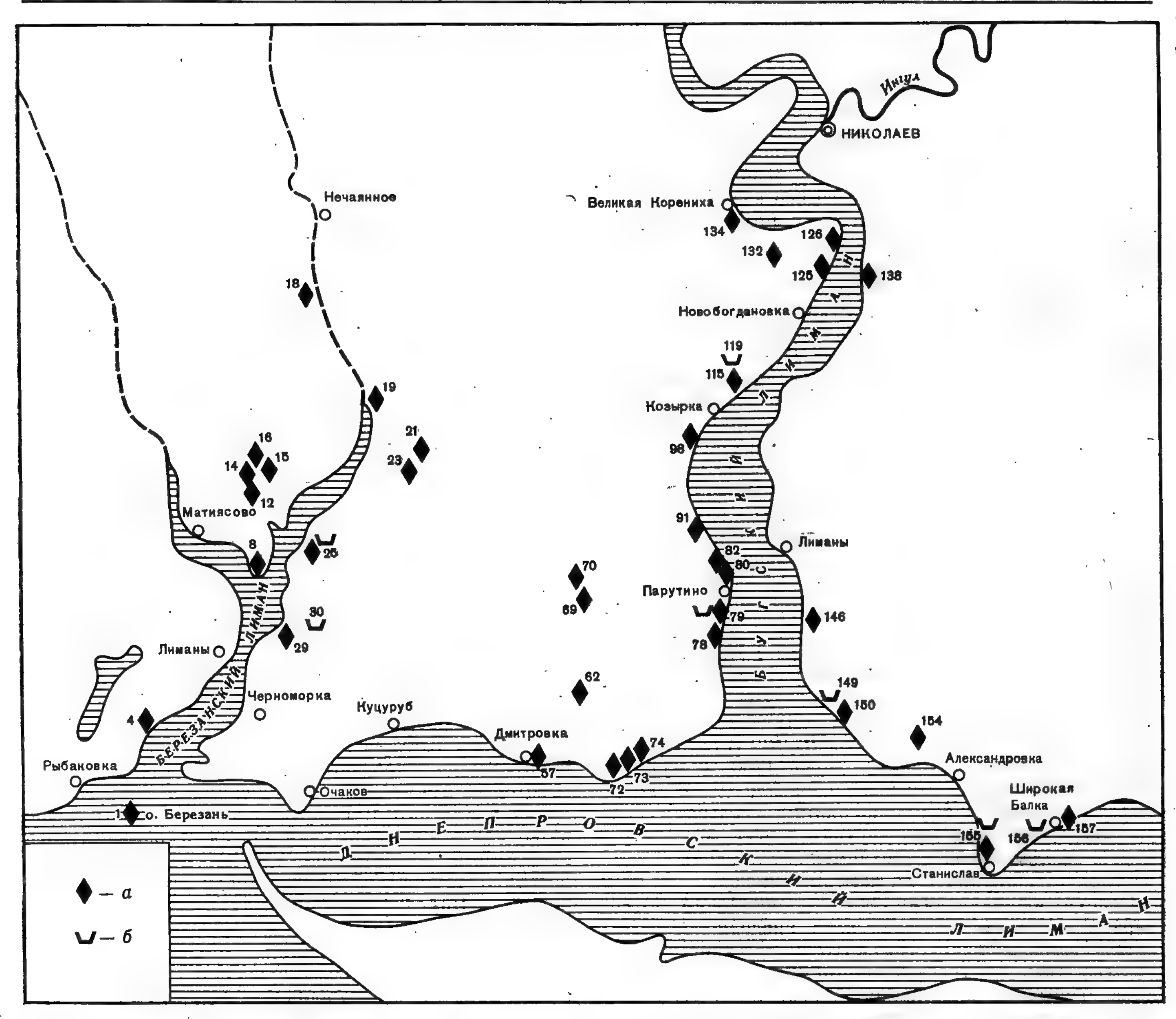
Материалы многолетних разведок и раскопок позволили восстановить историю заселения сельскохозяйственной округи Ольвии, характер поселений и экономическую жизнь их обитателей (*Штительман Ф. М.*, 1956; *Доманский Я. В.*, 1961; *Лапин В. В.*, 1966, с. 153 сл.; *Бураков А. В.*, 1976; *Доманский Я. В., Копейкина Л. В., Марченко К. К.*, 1978). В настоящее время в истории античных поселений Нижнего Побужья можно выделить четыре периода в основном, совпадающие с периодизацией истории Ольвии (*Рубан В. В.*, 1975). Первый период начинается не позднее середины VI в. до н. э., когда на берегах лиманов возникает ряд поселений (карта 2). Высказано мнение, что поселения в низовьях Березанского лимана были сельскохозяйственной территорией Березани (*Отрешко В. М.*, 1976, с. 33). Со второй половины VI в. до н. э. все посе-

Район побережья	VI—V вв. до н. э.		IV—III вв. до н. э.		I—III вв. н. э.		Всего	
	поселения	могильники	поселения	могильники	поселения	могильники	поселения	могильники
Бугский лиман	38	1	40	1	14	2	92	4
Днепровский лиман	18	1	30	2	11	3	53	6
Березанско-Сосицкий лиман	15	2	20		13	2	48	4
Итого:	71	4	90	3	38	7	193	14



Карта 3. Поселения Нижнего Побужья IV—III вв. до н. э.
а — поселения; *б* — некрополи

ления находятся под непосредственным постоянным культурным и экономическим воздействием Ольвии. Сопоставление материалов наиболее изученных памятников этого периода: поселений у Широкой балки (в 2 км к югу от Ольвии), Викторовки I, Бейкушского, Каборги I, Большой Черноморки II (в низовьях Березанского лимана), Чертоватого II и Старой Богдановки 2 (к северу от Ольвии) позволяет говорить о значительном сходстве их материальной культуры (*Рабичкин Б. М.*, 1951, с. 114 сл.; *Капошина С. И.*, 1956а; *Русяева А. С.*, 1972; *Отрешко В. М.*, 1975 и др.). Основным типом жилищ там являлись округлые, овальные и подчетырехугольные землянки и полуземлянки. Их площадь, как правило, не превышала 17 м², а глубина котлованов колебалась от 0,3 до 1,5 м. Лишь на поселении Старая Богдановка 2 выявлены остатки землянки значительно больших размеров — около 60 м². В некоторых жилищах открыты следы балочного крепления кровли в виде конусовидных ямок от столбов, лестницы, вырубленные в материке, глинобитные очаги, различного рода хозяйственные углубления и так называемые ритуальные столики; на поселении у Широкой балки в одном из помещений обнаружены остатки печи для сушки зерна. При сооружении стен и их цоколей использовался камень. Помимо заглубленных в землю построек, на позднеархаических поселениях были и небольшие наземные сооружения с глинобитными или сырцовыми стенами и цоколями, выложенными из камня, однако планы этих строений в большинстве случаев не выяснены (*Отрешко В. М.*, 1976, с. 32). Совершенно особняком стоит четырехугольное многокамерное здание площадью более 215 м², выявленное частично на поселении Старая Богдановка 2. Его западная и восточная стороны имели длину около 30 м. Ширина внешних стен до 1,2 м. Они состояли из двух относительно тонких (не более 0,3 м) па-



Карта 4. Поселения Нижнего Побужья первых веков нашей эры

а — поселения; *б* — некрополи

раллельных сырцовых стенок, возведенных на каменных цоколях из орфостатно поставленных небольших плит известняка, и каменной или глинобитной забутовки между ними.

Основными видами хозяйственной деятельности жителей этих поселений являлось земледелие и скотоводство. Большое количество импортной керамики, монеты-стрелки, дельфинчики и литые ассы, найденные в культурных слоях, говорят о развитии товарно-денежных отношений в Нижнем Побужье. Широкое распространение получило рыболовство. Очень небольшое значение имела охота. Ремесла сколько-нибудь существенного развития не получили.

Помимо вышеописанных памятников, во второй половине VI в. до н. э. на территории Нижнего Побужья в некотором удалении от берегов лиманов, в степи существовала еще одна группа поселений, не имевших ярко выраженного культурного слоя, трактуемых как сезонные стоянки пастухов.

В начале первой трети V в. до н. э. резко сократилось число поселений в Нижнем Побужье, что, возможно, связано с активизацией скифов. Лишь на незначительном числе памятников (например, поселение у Закисовой балки и поселения Козырка 2) выявлены материалы середины — второй половины V в. до н. э. Возможно, что жители поселений первого периода ушли в Ольвию (*Отрешко В. М.*, 1976, с. 33).

В IV — первой половине III в. до н. э. на берегах Бугского, Днепровского и Березанского лиманов вновь появляется большое количество сельскохозяйственных поселений (карта 3). Подавляющее число их расположено на правом берегу Бугского лимана к северу и югу от Ольвии. Наиболее изученными поселениями третьего периода являются: поселения Варваровка 1, Козырка 2, Чертоватое I (к северу от Ольвии), Широкая балка, Закисова балка и Пету-

ховка 1 (к югу от Ольвии) (*Шульц П. Н.*, 1940; *Славин Л. М.*, 1958; *Штительман Ф. М.*, 1956, с. 258 сл.). В районе поселения Петуховка 1 открыта группа подкурганных захоронений (*Ebert M.*, 1913). Погребальный обряд и инвентарь, обнаруженный в могилах, аналогичен зафиксированному в Ольвийском некрополе. В IV в. основным типом построек является большое наземное здание, состоящее из нескольких небольших наземных и подвальных помещений жилого и хозяйственного назначения, сгруппированных вокруг двора, вымощенного каменными плитами или черепками. Помещения на поселении Козырка 2 заглублены в почву — до 0,5 м. Земляные борта котлованов, как правило, облицованы каменными плитами. Полы помещений земляные, иногда черепяные или каменные. В помещениях встречены овальные и четырехугольные очаги из глины. Сырцовые стены строений возводились на каменных цоколях, гораздо реже на слоевых фундаментах. Кровля жилищ чаще всего тростниковая; в исключительно редких случаях можно предполагать черепичную крышу. Следы благоустройства в виде каменных водостоков и колодцев для питьевой воды открыты на поселении у Закисовой Балки.

На правом берегу Бугского лимана, в районе урочища Дидова Хата, у с. Пригубское, на Волошской косе, и, возможно, на восточном берегу Березанского лимана во второй половине IV в. до н. э. появляется совершенно новый тип построек — сельскохозяйственная усадьба. Одна из них — Дидова Хата I — исследована полностью (*Рубан В. В.*, 1978, с. 34). Здание усадьбы площадью около 1200 м² почти квадратное в плане, включало двор площадью около 620 м², окруженный помещениями. Усадьба имела два входа, жилища были двухкамерными, а в северном и южном рядах — трехкамерными. Стены были из сырцовых кирпичей на каменном цоколе.

Основными занятиями жители поселений IV — первой половины III в. до н. э. продолжали оставаться земледелие, скотоводство и, вероятно, рыболовство. Об этом говорят многочисленные зерновые ямы, ступы, кости домашних животных и рыб. Регулярные находки ольвийских монет заставляют предполагать дальнейшее развитие товарно-денежных отношений. Ремесла не играли заметной роли. Весь необходимый хозяйственный и бытовой инвентарь жители, по-видимому, приобретали в Ольвии. На месте изготавливалась главным образом лепная посуда. К середине III в. до н. э. подавляющее большинство населенных пунктов Нижнего Побужья прекращает свое существование. Возможно, однако, что на отдельных поселениях Бугского лимана жизнь теплилась до начала II в. до н. э. На что, в частности, может указывать наличие погребений этого времени в Марицинском могильнике (*Ebert M.*, 1913).

Четвертый период истории аграрных поселений охватывает конец I в. до н. э. — I—III вв. н. э. В это время появляется ряд новых поселений (карта 4). Наиболее характерны для этого периода укрепленные поселения. В настоящее время в районе Ольвии известно семь городищ и одно небольшое укрепление — Дидова Хата III (60×65 м), прямоугольное в плане, окруженное рвом и валом с каменной крепидой (АО, 1975, с. 386). Фортификационные сооружения изучены у четырех памятников — Козырка 1, Петуховка II, Мыс, Дидова Хата III (*Есипенко А. Л.*, 1951; *Буйских С. Б.*, 1976; *Бураков А. В.*, 1976, с. 14—16). Установлены следующие системы обороны: Козырка 1 — мощная каменная стена и ров; Петуховка II — вал, сырцовая стена на валу и ров; Мыс — каменная стена, ров, вал, еще один ров; Дидова Хата III — вал и ров с каменной обкладкой внутреннего борта. Жилые и хозяйственные постройки первых веков нашей эры лучше изучены в городище Козырка 1 (*Крыжицкий С. Д.*, *Бураков А. В.*, 1975; 1976). Как правило, дома там объединялись в блоки-кварталы. Здания состояли из двух или трех, реже — пяти-шести помещений и двора. Обычно площадь постройки равна 80—150 м². Крытые помещения имели глинобитные полы, иногда — овальные очаги и печи. Под полами некоторых помещений обнаружены детские захоронения в амфорах и лепных корчагах. Стены домов возводились из камня или сырца и обмазывались известковой штукатуркой, иногда покрытой декоративной росписью, найдены полихромные лепные карнизы. Наряду с саманным или камышевым покрытием использовалась черепица. Основой жизни населения первых веков нашей эры оставались земледелие и скотоводство. Наблюдается резкое сокращение денежного обращения.

В этническом отношении население Нижнего Побужья в античное время, по-видимому, не было однородным. Судя по лепной керамике, наряду с греками здесь проживали выходцы из Карпато-Дунайского бассейна, степного и лесостепного Северного Причерноморья (*Марченко К. К.*, 1974а, *Бураков А. В.*, 1976, с. 143—145).

Глава четвертая
Херсонесское государство и Харакс

Источники и история вопроса

Расположенный на юго-западной оконечности Крыма, Херсонес — единственная дорийская колония в Северном Причерноморье, основанная по свидетельствам письменных источников в Таврике переселенцами из южнопричерноморского полиса Гераклеи Понтийской (совр. Эрегли, Турция). Греческое название города, переводящееся как «полуостров», отражает его географическое местоположение. Херсонесское городище находится в черте г. Севастополя, на мысу в устье Карантинной бухты, лежащей на северном побережье Гераклейского полуострова, изрезанном рядом глубоко вдающихся в сушу бухт и небольших заливов (табл. XVI, *1*). Как следует из сообщения Страбона (VII, 4, 2), Гераклейский полуостров в древности носил название Малого Херсонеса в отличие от Большого, Таврического или Скифского Херсонеса — Крымского полуострова. На Малом Херсонесе и находилась одноименная с ним апойкия гераклейских колонистов. Название Херсонес, зафиксированное нарративными, эпиграфическими и нумизматическими источниками, иногда сопровождалось дополнительным определением местонахождения города: «Херсонес Таврической (земли)» (Арриан, 30), а официальные херсонесские эпиграфические документы первых веков н. э. начинались формулой «народ херсонесцев, что в Таврике». Двойное название — Гераклея Херронес — приводит Плиний (NH, IV, 85). Он же сообщает, что раньше этот город назывался Мегарика. Но это свидетельство никакими другими источниками пока не подтверждено.

Время и обстоятельства возникновения Херсонеса остаются далеко неясными и дискуссионными. Известия о начальном периоде истории полиса единичны и отрывочны. Самое раннее упоминание, восходящее к середине IV в. до н. э., содержится в перипле Псевдо-Скилака (68), где Херсонес назван эмпорием — торговым городом. Сведения о том, что город был основан по прорицанию оракула гераклейцами совместно с жителями о. Делос, приводит другой источник — Псевдо-Скимн (822—827). Анализируя указанное свидетельство Г. Шнейдервирт высказал предположение, впоследствии обоснованное и детально разработанное А. И. Тюменевым, что основание Херсонеса могло произойти в 422—421 г. до н. э. во время Пелопоннесской войны, (*Тюменев А. И.*, 1938). Эта дата сейчас считается общепринятой. Однако ей противоречат пока еще немногочисленные, но постоянно прибавляющиеся ранние материалы из раскопок Херсонесского городища, в первую очередь, расписная ионийская, а также чернофигурная и краснофигурная аттическая керамика. Последнее обстоятельство позволило выдвинуть предположения, что либо на месте Херсонеса могло существовать предшествующее ему ионийское поселение, возникшее еще в VI в. до н. э., возможно — торговая фактория греков (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 76 сл.; *Блаватский В. Д.*, 1949, с. 143), либо основание города следует относить к более раннему времени — около рубежа VI—V вв. до н. э. (*Лапин В. В.*, 1966, с. 83 сл.). Все перечисленные гипотезы требуют дальнейшей проверки.

Последующая история Херсонеса также слабо освещена письменными источниками, в которых он, как правило, лишь упоминается, иногда — с предельно сжатой характеристикой (Арриан, Иосиф Флавий, Помпоний Мела, Клавдий Птолемей, Флегонт Траллийский, Стефан Византийский и другие авторы). Более подробные сведения приводят Страбон (VII, 4, 1—3, 7), Плиний Старший (IV, 85), Полиен (VIII, 56). Из позднейших авторов отметим сочинение Константина Багрянородного «Об управлении государством», в котором, вероятно, были использованы какие-то местные легенды и хроники. Античные авторы упоминают также три наиболее крупных населенных пункта, принадлежавших Херсонесу в период максимального расширения подвластной ему территории в Западном Крыму в IV—III вв. до н. э.— Керкинитиду, Прекрасную Гавань (Калос Лимен) и «старый» Херсонес. Известия о Керкинитиде есть в сочинениях Гекатея (фр. 153), Геродота (IV, 55; 99), Плиния (IV, 84), Мелы (II, 4), Арриана (30), Птолемея (III, 5, 13) и анонимного автора перипла Черного моря (82). Калос Лимен упомянут в периплах Арриана и анонимного автора. О разрушенном до основания «старом» Херсонесе, находившемся в 100 стадиях от гераклейской апойкии Херсонеса, говорит Страбон (VII, 4, 3). Он же называет еще один пункт — Евпаторий, основанный Диофантом, полководцем Митридата VI, но местоположение его остается неизвестным.

Кроме установления названий некоторых населенных пунктов, принадлежавших Херсонесу в Юго-Западном и Северо-Западном Крыму и их примерной локализации, нарративные источники несут надежную информацию о том, что Керкинитида, возникшая раньше Херсонеса, первоначально была самостоятельным полисом, что она и Калос Лимен ко времени составления источника, который использовал в 134 г. н. э. в своем перипле Арриан, были захвачены скифами и уже не входили в состав Херсонеса, что «старый» Херсонес в I в. до н. э. лежал в развалинах и был заброшен жителями. Определенные сведения о военно-политических событиях, связанных с борьбой за территориальные владения со скифами в III—II вв. до н. э. содержатся у Страбона (VII, 3, 17; 4, 2—3, 7), использовавшего мате-

риалы хронистов Митридата VI и какой-то перипл Понта, а также в рассказе о сарматской царице Амаге, переданном Полиеном (VIII, 56) — новелле легендарной, но, несомненно, содержащей в основе конкретные исторические события (*Ростовцев М. И.*, 1915; 1925). О политическом союзе, заключенном в 179 г. до н. э. между понтийским царем Фарнаком I, рядом причерноморских полисов, в том числе Херсонесом, и сарматским царем Гаталом (или Саталом) сообщает Полибий (XXV, 2, 12). Ценные, но очень краткие сведения о взаимоотношениях Херсонеса с Понтийским царством, Боспором, а также Римом можно найти в сочинениях Страбона (VII, 4, 3), Плиния Старшего (IV, 85), Флегонта Траллийского (XV, фр. XXII) и некоторых других авторов.

Данные литературных источников в значительной степени дополняются эпиграфическими, в первую очередь — материалами лапидарной эпиграфики. За все время раскопок в Херсонесе и на поселениях Северо-Западного Крыма найдено около шестисот целых и фрагментированных греческих и латинских надписей на камне (IPE, I^2; *Соломоник Э. И.*, 1964; 1973). Большая группа надписей дает сведения о государственном устройстве Херсонеса, его экономике, внешних связях, культуре и идеологических представлениях в разные периоды его истории от IV в. до н. э. по IV в. н. э. Один из основных документов, так называемая гражданская присяга херсонесцев, был составлен в конце IV — начале III в. до н. э. (*Латышев В. В.*, 1909, с. 146; *Жебелев С. А.*, 1953, с. 219), или в первых десятилетиях III в. до н. э. (IPE, I^2; *Леви Е. И.*, 1947; *Тюменев А. И.*, 1950). Из него следует, что в состав Херсонеса в это время входила территория (χώρα), на которой находились Керкинитида, Калос Лимен и другие укрепления (τείχη), а также «равнина» (πεδίον). Другая группа надписей освещает военно-политические события херсонесской истории. Среди них выделяется широко известная надпись на постаменте статуи Диофанта, полководца Митридата VI Эвпатора (IPE, I^2, 352), в которой описываются боевые действия войска Диофанта на заключительном этапе скифо-херсонесских войн II в. до н. э. Особую группу составляют латинские надписи первых веков н. э., содержащие сведения о дислоцированном в Херсонесе гарнизоне римских войск.

В самостоятельные категории источников выделяются материалы керамической эпиграфики — клейма на амфорах и черепицах (*Махов И.*, 1912; 1913; *Ахмеров Р. Б.*, 1947; 1948; 1951; *Борисова В. В.*, 1949; 1974; *Михлин Б. Ю.*, 1979), а также граффити и дипинти. Херсонес — один из трех крупных центров Причерноморья, который, наряду с Гераклеей и Синопой осуществлял массовый продолжительный выпуск клейменой керамической тары. Находки амфорных клейм — важнейший источник для изучения торгово-экономических связей полиса.

Сведения о характере и составе денежного обращения полиса дают нумизматические материалы (*Зограф А. Н.*, 1951; *Гилевич А. М.*, 1968; *Анохин В. А.*, 1977б). Начало херсонесской чеканки относится к IV в. до н. э. В дальнейшем Херсонес выпускал серебряную и медную монету, обращавшуюся на внутреннем рынке. Эпизодические выпуски монет осуществляла также Керкинитида. С I в. до н. э. в херсонесском денежном обращении начинает участвовать понтийско-пафлагонская и боспорская монета, а с I в. н. э. наряду с боспорской увеличивается приток римской монеты, особенно усилившийся со II в. н. э. В конце III в. н. э. Херсонес прекращает чеканку собственной монеты. Данные нумизматики позволяют также определить примерные размеры хоры Херсонеса и проследить последующее сокращение его владений (*Гилевич А. М.*, 1968).

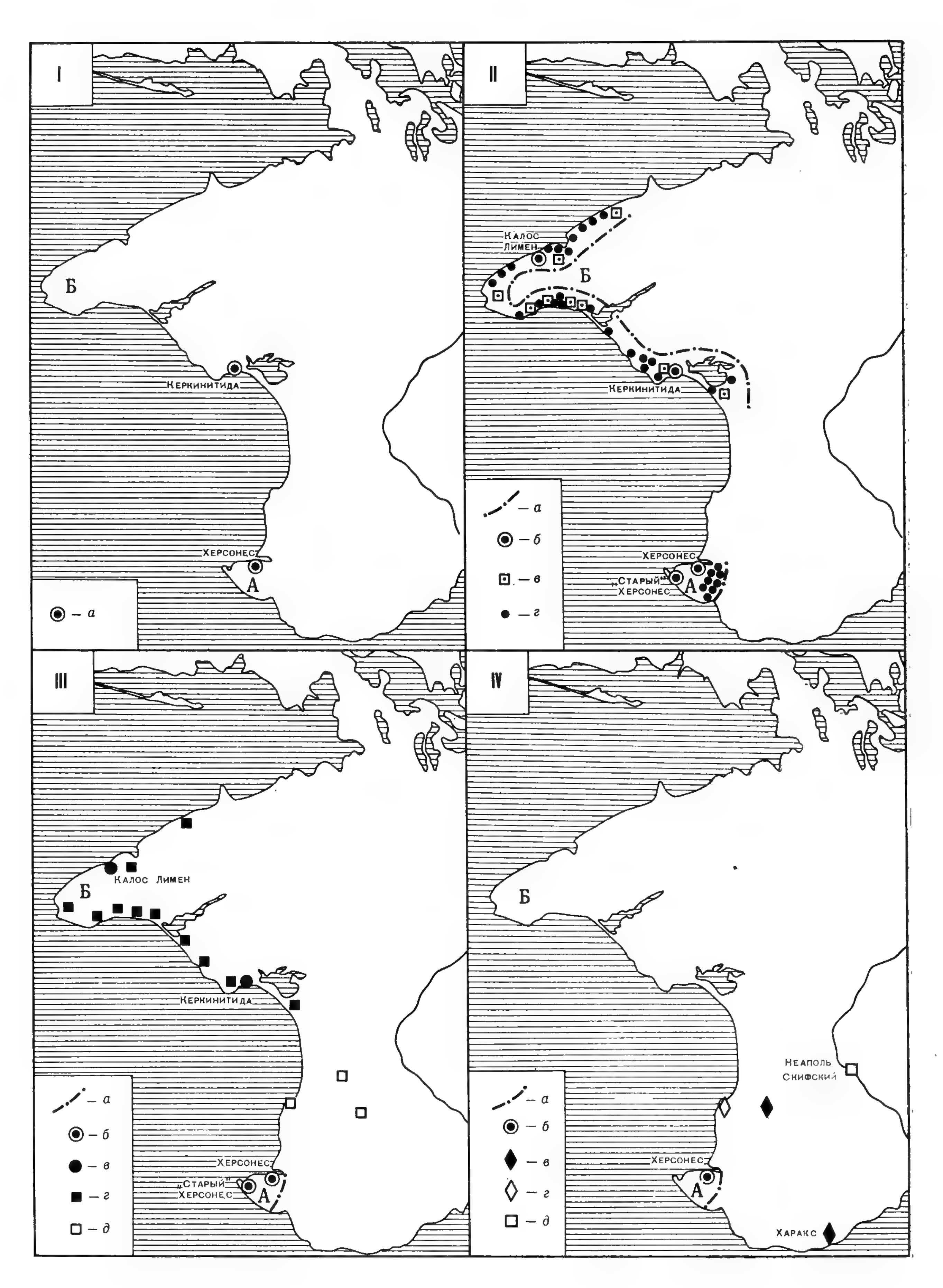
Начало научного исследования Херсонеса и его окрестностей было положено П. С. Палласом (*Pallas P. S.*, 1801; *Паллас П. С.*, 1881), хотя еще ранее было выполнено несколько топографических планов местности с нанесением на них древних памятников. Из них наибольшую известность имеет план А. Строкова 1786 г.

Первые раскопки Херсонеса провел в 1827 г. лейтенант Крузе. В последующие десятилетия велись спорадические раскопки на городище и некрополе, а также разведки на Гераклейском полуострове (Д. В. Карейша, З. А. Аркас, А. С. Уваров, Ф. Дюбуа де-Монпере). В 1875—1887 гг. работы на городище осуществлялись Херсонесским монастырем под наблюдением Одесского общества истории и древностей. С 1888 г. руководство раскопками переходит в ведение Археологической комиссии. С этого времени начинается регулярное и планомерное изучение херсонесского городища и его некрополя, проводившееся сначала К. К. Косцюшко-Валюжиничем, а после его смерти в 1907 г. продолженное Р. Х. Лепером (1908—1914) и Л. А. Моисеевым (1914—1924). Хотя главное внимание исследователей было сосредоточено на изучении собственно Херсонеса как городского центра, и проблема территориальных владений полиса тогда еще не могла быть поставлена, начало изучения памятников хоры Херсонеса все же было положено. Были осуществлены разведки и небольшие раскопки в Северо-Западном Крыму — в районе Прекрасной Гавани (А. И. Шмаков), Керкинитиде и ее окрестностях (П. О. Бурачков, Н. Ф. Романченко, Л. А. Моисеев), а также в Юго-Западном Крыму — в районе «старого» Херсонеса (К. К. Косцюшко-Валюжинич, Н. М. Печенкин).

Широкий размах приобрели исследования Херсонеса и прилегающей к нему земледельческой территории на Гераклейском полуострове в 20—30-е годы XX в. (Г. Д. Белов, К. Э. Гриневич, Н. М. Репников, И. Н. Бороздин, Л. А. Моисеев,

Карта 5. Западный Крым. Развитие территориальных владений Херсонеса

А — Гераклейский полуостров, Б — Тарханкутский полуостров. I — Западный Крым на рубеже V—IV вв. до н. э.: *а* — греческие города, II — Херсонесское государство на рубеже IV—III вв. до н. э.: *а* — примерные границы хоры Херсонеса; *б* — города; *в* — укрепления; *г* — неукрепленные поселения. III — Западный Крым во второй половине II в. до н. э.: *а* — границы хоры Херсонеса; *б* — херсонесские города; *в* — греческие города, захваченные скифами; *г* — скифские крепости, возведенные на месте разрушенных херсонесских поселений; *д* — скифские крепости Юго-Западного Крыма. IV — Западный Крым в первые века нашей эры: *а* — границы хоры Херсонеса; *б* — Херсонес; *в* — стоянки римских гарнизонов; г — предполагаемое место стоянки римского отряда; *д* — скифский город


I
Б
Керкинитида
Херсонес
А
— а
II
Калос Лимен
Б
Керкинитида
Херсонес
„Старый" Херсонес
А
— а
— б
— в
— г
III
Калос Лимен
Б
Керкинитида
Херсонес
„Старый" Херсонес
А
— а
— б
— в
— г
— д
IV
Б
Неаполь Скифский
Херсонес
А
Харакс
— а
— б
— в
— г
— д

В. П. Лисин, С. Ф. Стржелецкий, А. К. Тахтай, Н. М. Янышев). Тогда же были проведены первые раскопки Прекрасной Гавани, Керкинитиды и разведки вдоль побережья Северо-Западного Крыма (Л. А. Моисеев, П. Н. Шульц). Планомерные раскопки Херсонесского городища продолжены после Великой Отечественной войны. Основное внимание в последние десятилетия уделялось и уделяется изучению городских кварталов (Г. Д. Белов, С. Ф. Стржелецкий, М. И. Золотарев, Ю. П. Калашник, С. Г. Рыжов), открытого в 1958 г. единственного пока в причерноморских городах античного театра (О. И. Домбровский), крепостных сооружений (И. А. Антонова, С. Ф. Стржелецкий, В. В. Борисова, Н. В. Пятышева), керамических мастерских (В. В. Борисова, А. М. Гилевич), а также изучению стратиграфии (С. Ф. Стржелецкий). Продолжались раскопки раннего некрополя на разных участках городища (Г. Д. Белов, О. И. Домбровский, С. Ф. Стржелецкий), некрополей в окрестностях Херсонеса (С. Ф. Стржелецкий, Л. Г. Колесникова, А. Н. Щеглов, В. Н. Зубарь), могильников первых веков н. э. в Инкерманской долине (С. Ф. Стржелецкий, В. В. Борисова). Крупные успехи достигнуты в изучении ближайшей земледельческой территории города на Гераклейском полуострове, где исследовались земельные участки уникальной сохранности и сельские усадьбы (С. Ф. Стржелецкий); после некоторого перерыва эти работы возобновлены (Г. М. Николаенко, И. Т. Кругликова, В. И. Кузищин, О. Я. Савеля). Предпринимались раскопки Керкинитиды и Прекрасной Гавани (М. А. Наливкина), а с 1959 г. началось широкое и планомерное изучение памятников херсонесской хоры в Северо-Западном Крыму (О. Д. Дашевская, А. Н. Карасев, В. А. Латышева, А. Н. Щеглов, И. В. Яценко).

Результаты раскопок и отдельные группы археологического материала постоянно публикуются. Кроме того, вышли в свет сводные издания отдельных категорий источников — эпиграфических (*Соломоник Э. И.*, 1964; 1973а, б; 1974; ГАК, 1978), нумизматических (*Анохин В. А.*, 1977б; *Гилевич А. М.*, 1968), скульптуры (ТСП, 1970; АСХ, 1976). Накопленные материалы и интенсивные исследования позволили создать ряд обобщающих работ о Херсонесе и памятниках его хоры (*Белов Г. Д.*, 1948а, б; *Стржелецкий С. Ф.*, 1961; *Суров Е. Г.*, 1961; *Кадеев В. И.*, 1970; *Щеглов А. Н.*, 1976а; 1978).

Сумма добытой в результате многолетних археологических исследований информации в совокупности с данными письменных источников позволяет в самых общих чертах проследить историю Херсонесского государства в античную эпоху. Основанный на территории Юго-Западной Таврики дорийский Херсонес примерно до середины IV в. до н. э. оставался, по-видимому, небольшим городом (карта 5, I). Можно предполагать, что на начальном этапе в его экономике значительное место занимала греческая морская транзитная торговля. Как показывают нумизматические материалы, роль важного транзитного пункта морской торговли Херсонес сохранял и в более позднее время. О земельных владениях города и удельном весе земледелия в его экономике почти ничего не известно. Неясными остаются и взаимоотношения Херсонеса с окружающим его местным населением — таврами. Археологические данные позволяют говорить об отсутствии торговых контактов с населением крымских предгорий и гор. Есть основания предполагать, что с самого начала херсонесско-таврские взаимоотношения были по меньшей мере натянутыми, а может быть и враждебными. Так же, как и Херсонес, небольшим самостоятельным полисом была в этот период и Керкинитида, расположенная в Северо-Западном равнинном Крыму и связанная, по-видимому, своими интересами с Ольвией.

Перелом наступает в IV в. до н. э. (карта 5, II). Не позднее второй четверти столетия на Маячном полуострове, в 10 км от Херсонеса, возникает первое крупное, по-видимому, военно-хозяйственное поселение — «старый» Херсонес, положившее начало освоению Гераклейского полуострова. Вероятно, в пределах второй половины IV в. до н. э. в состав Херсонеса включается вся остальная территория Гераклейского полуострова, которая становится на весь последующий период истории полиса его основной сельскохозяйственной базой. Не исключено, что, как это было свойственно многим дорийским полисам, освоение Гераклейского полуострова сопровождалось вытеснением и, возможно, подчинением части туземного таврского населения.

Около середины IV в. до н. э. началась экспансия Херсонеса в плодородные равнинные районы Северо-Западного Крыма. Она сопровождалась подчинением Керкинитиды и хозяйственным освоением во второй половине столетия обширной земледельческой территории, на которой были созданы многочисленные херсонесские укрепленные и неукрепленные поселения (Калос Лимен, «Чайка», Панское I, III, Беляус и другие), а земельные массивы были поделены на участки. Конкретный ход событий, связанных с территориальной экспансией Херсонеса неизвестен, но есть основания думать, что приобретение новых владений могло носить военный характер, причем не исключено, что Херсонес в этом районе мог столкнуться с интересами не только скифов, но и, возможно, Ольвии, с которой была связана Керкинитида, а может быть и некоторые другие поселения этого района.

Превращение Херсонеса в значительное государство с обширными земельными владениями, на которых была организована мощная производственная сельскохозяйственная база, специализированная главным образом на выращивании винограда и хлеба, вывело его в число крупных причерноморских полисов — экспортеров собственной продукции. На вторую половину IV—III в. до н. э. приходится максимальный расцвет экономики и культуры Херсонеса, что надежно засвидетельствовано всеми категориями археологического материала.

Однако уже в III в. до н. э. на Херсонесе, по-видимому, сказывается общее изменение военно-политической обстановки в Северном Причерноморье. В пределах первой трети столетия подвергается разгрому большинство поселений на хоре Херсонеса в Северо-Западном Крыму; косвенные указания говорят об опасности, возникшей в то же время и в Юго-Западном Крыму, в ближайших окрестностях Херсонеса. Эти события, по-видимому, надо связывать либо с активизацией скифов, либо, что более

вероятно, они были в конечном итоге следствием сарматского вторжения в междуречье Дона и Днепра. Так или иначе, образование позднескифского государства с центрами в Крыму в III в. до н. э. привело к обострению скифо-херсонесских взаимоотношений. Археологические материалы свидетельствуют, что во II в. до н. э. Херсонес вступил уже ослабленным, и это столетие прошло для него под знаком сильнейших политических и экономических потрясений. Полис потерял свои обширные владения в Северо-Западном Крыму, которые вместе с Керкинитидой, Калос Лименом и укреплениями перешли в руки скифов (карта 5, III). В конце II в. до н. э. опустошению подверглась ближайшая округа города на Гераклейском полуострове. Непосредственная опасность, нависшая над городом, вынудила херсонесцев обратиться за помощью к понтийскому царю Митридату VI Евпатору. Вмешательство Митридата спасло Херсонес от скифского разгрома, однако город потерял свою самостоятельность и был вместе с Боспором включен в Понтийскую державу Митридата.

После смерти Митридата в 63 г. до н. э. Херсонес находился в политической и экономической зависимости от Боспора. Стремясь от нее избавиться, город на протяжении I в. до н. э. дважды обращался к Риму с просьбой даровать ему свободу. Римляне подтверждали независимость Херсонеса, но его свобода оставалась мнимой. Фактически Херсонес продолжал быть зависимым от более сильного Боспора. Источники I в. до н. э.— I в. н. э. говорят о сложном внутреннем и внешнем положении Херсонеса — внутриполитической борьбе, нехватке хлеба, опустошении хоры врагами (карта 5, IV). Отягощенные борьбой со скифами херсонесцы вновь обращаются за помощью в Рим. В 63 г. н. э. в Крым вводятся войска римского легата Плавтия Сильвана, который снял осаду с города и оставил в нем военный гарнизон. Римский гарнизон в Херсонесе и основанной римлянами крепости Харакс простоял примерно до 80-х гг. I в., а затем был выведен, и Херсонес вновь оказался в зависимости от Боспора. В середине II в. римские войска вновь вводятся в Херсонес. С этого времени город формально снова получает независимость, он сохраняет самоуправление, но фактически он становится типичным римским провинциальным центром, тесно связанным политическими, экономическими и культурными связями с Римской империей, что сказывается на всем облике его культуры, сохранившимся до конца античной эпохи. После раздела Римской империи в конце IV в. на две части Херсонес вошел в сферу влияния Восточной Римской империи.

Херсонес

Существует несколько вариантов периодизации истории античного Херсонеса (*Белов Г. Д.*, 1948, с. 54; *Стржелецкий С. Ф.*, 1958). Однако, видимо, наиболее приемлема схема, предложенная Е. Г. Суровым: конец V—IV в. (классический период), конец IV—I в. до н. э. (эллинистический), I—IV вв. н. э. (римский) (*Суров Е. Г.*, 1961, с. 35). В отличие от многих других греческих северо-понтийских городов Херсонес не погиб на рубеже античности и средневековья, поэтому трудно установить конечный этап истории античного Херсонеса. Верхней хронологической границей его условно принимается конец IV — начало V в. н. э.

Классический период (V—IV вв. до н. э.). Первые поселенцы обосновались в северо-восточной части городища. Постепенно город расширял свои границы в западном и юго-западном направлении, захватывая и берега Карантинной бухты. Строительных остатков времени основания города не найдено. Но в 1977—1978 гг. в северо-восточной части Херсонеса С. Г. Рыжов обнаружил остатки жилых домов IV в. до н. э., построенных прямо на скале из мелких плит известняка на глиняном растворе. Слой содержал наряду с керамикой IV в. до н. э. керамику VI—V вв. до н. э. Ранее в Херсонесе уже было обнаружено несколько фрагментов сосудов, которые можно отнести к периоду, предшествующему времени основания города. Ионийская керамика V в. до н. э. была найдена при раскопках оборонительной стены и некрополя на Северном берегу (*Белов Г. Д.*, 1972, с. 17). Она дала основание В. Д. Блаватскому поддержать высказанное выше М. И. Ростовцевым предположение о существовании до основания Херсонеса ионийской морской станции (*Ростовцев М. И.*, 1918, с. 80), на месте которой возникла торговая фактория или эмпорий (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 80; *Блаватский В. Д.*, 1949б, с. 146; 1954в, с. 16). В пользу наличия временной стоянки судов, следовавших из Средиземноморья вдоль северного побережья Черного моря, говорит единичность обломков керамики VI и первых трех четвертей V в. до н. э. (*Зедгенидзе А. А.*, 1979). Где проходила вся линия городских укреплений V — начала IV в. до н. э., пока не известно. По местоположению древнейшего некрополя и керамических свалок, в которых найдена краснофигурная керамика конца V—IV вв. до н. э. удается примерно очертить территорию раннего города. Его площадь в это время была небольшой, около 10—11 га. Территория, позднее вошедшая в границы города в V—IV вв. до н. э. была частично занята некрополем, остатки которого обнаружены К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1890 г. в южной его части, а затем открыты Г. Д. Беловым на северном берегу.

Эллинистический период (III—II вв. до н. э.). К концу IV — началу III в. до н. э. площадь города расширяется, достигая примерно 24—26 га (табл. XVII). Городские стены этого времени проходят совсем близко от линии средневековых стен, которые обозначают максимальные границы города. Зафиксирована четкая планировка с прямоугольной сеткой улиц. Продольная главная улица шириной 6 м, длиной 900 м пересекала город с юго-запада на северо-восток. Она раскопана примерно на половину длины с запада у городских ворот и в ее восточном конце. Северо-восточная ее часть завершалась площадью, выстланной каменными плитами. Улица была вымощена и под вымосткой проходили каналы. Они были выдолблены в скале и частично выложены каменными плитами. Каналы сохранились и на других улицах. В крепостной стене видны выходы этих каналов. Кое-где в них обнаружены глиняные водопроводные трубы, относящиеся, вероятно, к первым векам нашей эры. Продольных улиц было около восьми, а поперечных до 20. Поперечные улицы

шириной около 4 м были вымощены мелким камнем, щебнем и черепками. В восточной части города, ближе к его центру, находилась большая площадь, по-видимому, центральная. Именно в этом районе были найдены важнейшие эпиграфические памятники. Прямоугольная планировка города сохранилась вплоть до его гибели. В Северном районе было открыто десять кварталов эллинистического времени — каждый размером 52×26 м. Несколько кварталов имели меньшие размеры (27×24 м). В квартал обычно входило четыре дома, иногда два. Водопровода в эллинистический период не было, воду брали из колодцев или собирали в цистерны, которые имелись в каждом доме. К середине III в. до н. э. Херсонес стал одним из крупных государственных образований с развитым ремесленным производством, с обширными торговыми связями как с греческим миром, так и со степными районами. К этому времени относятся многочисленные постройки, обнаруженные при раскопках в разных районах города. Открыты городские ворота конца IV — начала III в. до н. э., расположенные южнее, более ранних. Рядом находилась полукруглая башня XIV, которая, по мнению К. Э. Гриневича, одновременна воротам и защищала их (табл. XVIII, II). Внутри города, около ворот, находится большое прямоугольное здание, существовавшее с рубежа IV—III вв. по первые века нашей эры (*Гриневич К. Э.*, 1927б). На главной улице в северо-восточной части города во втором квартале Р. Х. Лепер открыл остатки большого здания (Хсб., т. III, с. 8, рис. 14) со стенами из хорошо обработанных плит известняка. Размеры здания, его расположение и планировка говорят о его специальном назначении, возможно, для органов городского управления. В центре города находился монетный двор (табл. XVII, *2*). Сохранился его подвальный этаж с массивными стенами. В середине здания был коридор. По сторонам коридора расположены помещения. В одном из них были найдены 43 бронзовых кружка-заготовки для чеканки монет. В северо-восточной части здания находилась, по-видимому, плавильная печь, а в центре имелся перистильный двор (ОАК за 1904 г., с. 54 сл.; *Карасев А. Н.*, 1955а, с. 203, рис. 19).

В южной части города недалеко от городских ворот на склоне глубокой балки был открыт театр или, может быть, одейон (табл. XVIII, I), построенный в середине III в. до н. э. и основательно перестроенный в I в. н. э. Он был сооружен по обычной схеме и состоял из театрона, орхестры, проскениума и скены. В римский период театр мог вместить до 3000 зрителей. Расположен он на склонах глубокой балки, дно которой было насыпано для устройства орхестры. Сохранились первая скамья, две лестницы, разделявшие места для зрителей на сектора, высокая стена между театроном и орхестрой, фундамент стены. На плитах, служивших основанием проскения, видны углубления для полуколонн. Театр перестал функционировать во второй половине IV в. н. э. (*Домбровский О. И.*, 1960, с. 29 сл.).

В разных частях города было раскопано несколько жилых домов. На главной улице в VII квартале открыт частный дом с перистильным двориком. Один частный дом рубежа IV—III вв. до н. э. открыт в 1930 г. в западной части городища. Но больше всего построек III—II вв. до н. э. открыто в северном районе. Жилые дома там небольших размеров, так, в XIX квартале дома примерно 13×13 м. Выделяется дом в XV квартале, величиной около 22×23 м. В нем имелось помещение 3,5×3,5 м с мозаичным полом II в. до н. э., служившее домашней баней. Мозаика, выполненная из морской гальки желтого и синеватого цвета с редкими вкраплениями красного цвета, передает изображение двух обнаженных женских фигур (*Белов Г. Д.*, 1953б, с. 279 сл.). Интересен дом Аполлония (15×12 м), занимающий северную часть XIX квартала. Он состоит из дворика, соединявшегося с улицей коридором и нескольких помещений. Во дворе была цистерна. Помещение, расположенное в углу двора, было жилищем привратника, в другом находился квадратный алтарь, сложенный из камней, там же найдено большинство вещей: 40 грузил, каменные гири, различные сосуды, рыбные блюда, светильники, четыре терракотовых алтарика и терракотовые статуэтки. Четыре помещения, одно из них подвальное, служили для хозяйственных целей. В доме найдено несколько форм для изготовления терракотовых фигурок. Керамика была частично херсонесского производства, частично — привозная — амфоры из Синопы, Родоса, Гераклеи, чернолаковая посуда из Афин и других центров. В этом доме, по мнению Г. Д. Белова, находилась и лавка (*Белов Г. Д.*, 1962). Кроме того, по-видимому, в северном районе открыты торговые ряды — ряд одиночных помещений, тянувшихся от дома с винодельней к морю вдоль X поперечной улицы.

Для жилого эллинистического дома характерно единообразие плана: с улицы ведет узкий коридор во двор, расположенный в центре усадьбы, жилые помещения и кладовые окружают двор со всех сторон, во дворе находился колодец или оштукатуренная цистерна для дождевой воды, поступавшей с кровли дома, а также подвал или погреб, вырубленный в материке. Со двора берут начало каналы водостоков, обычно из аккуратно обработанных плит с желобом. Вымостка во дворе сделана из морской гальки или из каменных плит. Полы в жилых комнатах были земляные с глиняной обмазкой. Стены обычно оштукатурены и очень часто украшены энкаустической росписью красного и желтого цвета. Кровли черепичные, наряду с черепицами местной работы использовались импортные из Синопы. В нескольких домах зафиксированы алтари, сложенные из плит, имеющие форму четырехгранного или круглого в сечении блока, иногда украшенного изображением змеи.

В Херсонесе в разных районах города и вне его оборонительных стен обнаружена серия гончарных печей, где изготовлялись разнообразные изделия, от простых красноглиняных кувшинчиков до терракотовых статуэток (*Борисова В. В.*, 1966а, с. 18 сл.). В 1888 г. в одном из зданий в восточной части города была обнаружена мастерская коропласта III в. до н. э. В одном из ее помещений находилась гончарная печь, в другом было обнаружено 27 форм и несколько готовых терракот. Формы были изготовлены в Херсонесе с имевшихся там памятников монументального и прикладного искусства, привезенных из разных греческих центров (*Мальмберг В. К.*,

1892, с. 3 сл.). В северной части города открыт дом красильщика с ваннами — одной круглой и тремя овальными, на дне которых были остатки красок (*Белов Г. Д.*, 1962).

В Херсонесе было развито строительное и каменотесное дело. Многочисленные городские здания и, в особенности, оборонительные стены, требовали большого количества обработанного блочного камня, добывавшегося на месте и на Гераклейском полуострове.

Римский период (I—IV вв. н. э.). Еще в I в. до н. э. Рим начинает вмешиваться в дела Боспора и Херсонеса, оказавшегося после смерти Митридата в зависимости от боспорских царей. Херсонесский декрет в честь Гая Ю. Сатира (IPE, I², 691), посланного к Юлию Цезарю, свидетельствует, что Херсонес получил независимость в 46—45 гг. до н. э. Интерес Рима к Херсонесу повышается в середине I в. н. э. В это время в городе находятся уже римские сухопутные и морские силы, которые (с небольшими перерывами) стоят здесь до IV в. н. э. Не позднее, чем в конце II — начале III вв. н. э. Херсонес становится главным опорным пунктом римлян в Северном Причерноморье.

Из надписей, найденных в Херсонесе, известно, что в первые века н. э. в городе строятся новые храмы, к сожалению, не сохранившиеся. Перестраивается театр. Теперь он мог использоваться и как цирк — для боев гладиаторов. О богатстве архитектурного облика зданий можно судить по обнаруженным деталям — мраморным и известняковым капителям, базам колонн. В римскую эпоху сохранилась прежняя планировка города, но кое-где увеличились размеры кварталов. На месте разрушенных домов эллинистического периода в I—II вв. были возведены новые здания, отличавшиеся большими размерами и соответственно массивностью стен. Так, на площади, занятой ранее кварталами XV и XVI было сооружено одно монументальное здание, вероятно, общественного назначения, со стенами толщиной в 1 м (табл. XVIII, III) (*Белов Г. Д.*, 1953а, с. 17).

Постройки римского времени лучше всего известны в двух районах города: на цитадели — площади в юго-восточной части городища, огражденной со всех сторон оборонительными стенами, где вероятнее всего и размещался римский гарнизон, и на Северном берегу. Внутри «цитадели» открыты улицы с водостоками, возможно, остатки здания для физических упражнений римских воинов — палестра, большое здание, условно называемое казармой (*Борисова В. В.*, 1963), а также остатки терм. Известны два здания терм римского времени. Одни из них, находившиеся в центральной части города, недалеко от театра, были открыты К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1904 г. Расчищены помещения с цемянковым полом и с гипокаустным отоплением под полом. Вторые термы II—IV вв. частично раскопаны К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1906 г. (ОАК за 1906 г.) и доследованы в 1970 г. (табл. XVIII, IV) (АО 1970 г., с. 270). По всей видимости, они обслуживали солдат римского гарнизона. Раскопками открыты: вестибюль с каменными скамьями, топочное помещение и пять помещений для купанья, из которых четыре имели гипокаусты. С юго-западной стороны к термам подходил колодец, отделенный от стен помещений толстой цемянковой заливкой. В юго-западном помещении, пол которого выстлан плитами, находились 22 ванны с отдельными стоками для воды.

На северном берегу раскопан дом винодела I—III вв. Он занимал весь XVIII квартал. Нижний этаж этого дома был занят производственными помещениями, на втором этаже находились жилые помещения (*Белов Г. Д.*, 1952, с. 225, сл.) Двор дома был вымощен плитами, имелись два колодца и цистерна для дождевой воды, глубокий подвал, вырубленный в материке. У входа в подвал стоял алтарь, внутри которого оказались куриные кости и светильники II—III вв. Винодельня с трехчастной давильной площадкой и тремя резервуарами для виноградного сока, колодец и кладовая, где стояло не менее 20 пифосов для хранения вина, помещались в юго-восточной части дома.

В первые века нашей эры увеличилось количество производственных сооружений. Целый ряд домов включал рыбозасолочные цистерны, что свидетельствует о большом развитии рыбного промысла (*Белов Г. Д.*, 1963, с. 62). Цистерны действовали длительное время. Часть из них была засыпана в конце IV в., другие функционировали вплоть до средневековья. В 1967 г. в Северном районе были найдены три стекловаренные печи, расположенные вокруг площадки и обращенные к ней устьями. В печах и возле них найдено большое количество отходов стеклоделия, а также фрагменты стеклянных изделий. Кроме того, стеклянные глыбы находили в других кварталах, что указывает на существование в III—IV вв. нескольких мастерских (*Белов Г. Д.*, 1965; 1969).

В это время расширяется керамическое производство. Раскрыто несколько гончарных печей (*Борисова В. В.*, 1966б, с. 13 сл.). Особый интерес представляет черепица с клеймами римских воинских частей, изготовлявшаяся солдатами. В Херсонесе найдено не менее пяти типов клейм (*Борисова В. В.*, 1961, с. 39) с названиями V Македонского и XI Клавдиева, I Италийского легионов и вексиляции Нижней Мезии. Все черепицы с клеймами римских легионов найдены в районе цитадели — предполагаемом месте расквартирования римских войск. В 1977 г. в Западной части Херсонеса раскопана печь II—III вв. н. э., в которой, наряду с амфорами, производился обжиг краснолаковой керамики. В Херсонесе пока не обнаружено мастерских для производства изделий из металла, но при раскопках находили неоднократно куски недоплавленной руды, шлаки, крицы, тигли, льячки, литейные формы, отходы производства и полуфабрикаты (*Кадеев В. И.*, 1970, с. 27, 39).

В средневековой «Базилике 1935 года» пол устилали большие мраморные плиты — это были стенки античных саркофагов и их полуфабрикаты. По-видимому, рельефы выбивались на месте. На месте же добывался и обрабатывался камень для строительства. Можно думать, что в первые века нашей эры Херсонес являлся крупным ремесленным центром, где были развиты самые разнообразные производства.

Торговля Херсонеса в первые века нашей эры развивалась, как и в предыдущую эпоху, по двум основ-

ным направлениям: с местными степными племенами и с остальным античным миром. Из Херсонеса вывозились рыба, вино или масло, краснолаковая посуда, стеклянные изделия, металлические предметы и др. Поддерживались традиционные торговые связи с Малой Азией и Сирией, откуда в Херсонес привозились стеклянные и керамические изделия. Появляются новые направления торговых связей: Италия, Северная Африка, Испания, Южная Франция, откуда в Херсонес поступала краснолаковая керамика, Северная Германия (Кельн), откуда попадали изделия из стекла.

Некрополь античного Херсонеса, как и во всех античных городах, располагался за городскими стенами. Поэтому с постройкой новой оборонительной стены в конце IV — начале III в. до н. э. изменилось и местоположение некрополя. Погребения конца V — первой половины IV в. до н. э. были обнаружены еще К. К. Косцюшко-Валюжиничем в районе, где позднее был открыт античный театр. Там же в 1970—1972 гг. раскопано еще несколько могил IV в. до н. э. Но основную часть некрополя этого времени исследовал Г. Д. Белов в 1935—1936 гг. в северной части города (*Белов Г. Д.*, 1938а, с. 194; 1948а, б). Могилы представляют простые ямы, вырытые в материке. Часть погребенных лежали на спине, часть на боку (табл. XIX, *1, 2*). Ориентировка — разная, но преобладает головой на восток, северо-восток и юго-восток (*Белов Г. Д.*, 1938а, с. 192—193; 1981). Около 40% открытых захоронений оказались скорченными. Были высказаны предположения, что скорченные погребения принадлежали таврам, поселение которых существовало здесь до основания Херсонеса (*Белов Г. Д.*, 1950б, с. 283; *Стржелецкий С. Ф.*, 1948б, с. 69 сл.); таврам — рабам херсонеситов (*Блаватский В. Д.*, 1949б, с. 147); грекам (*Кадеев В. И.*, 1973а, с. 108 сл.). Младенцев хоронили в амфорах, которые клали обычно горлами на восток. Большинство могил было без вещей, но иногда встречалась чернолаковая, ионийская расписная и красноглиняная керамика, перстни и браслеты (*Белов Г. Д.*, 1981, с. 193 сл.). В эпоху эллинизма получает распространение обряд трупосожжения и в течение всей последующей истории античного Херсонеса этот обряд занимал заметное место. Исчез он только с распространением христианства. Урнами для пепла служили разнообразные сосуды: керамические и бронзовые гидрии, глиняные и свинцовые урны с крышками, впоследствии — красноглиняная керамика. Урны иногда обкладывали плитами (табл. XIX, *4*), или камнем, или же ставили в склепы, чаще всего в особые ниши. В эпоху эллинизма сохранился и обряд трупоположения. Но конструкция могил усложняется. Обычным явлением становится обкладка могил черепицами, которые в ряде случаев ставили над захороненным в виде двускатной крыши. Иногда боковые стенки могилы обкладываются камнем. Погребенного чаще всего клали в вытянутом положении головой на север или восток. Среди погребального инвентаря — сосуды с пищей и питьем, украшения, монеты.

Над могилами ставили памятники: длинные, вытянутые стелы, с именем умершего и с изображением предметов, характерных для его профессии или возраста. В постаменте стел иногда устанавливались небольшие антропоморфные изображения, вероятно, расписанные (*Колесникова Л. Г.*, 1977), иногда плиты из известняка с рельефным изображением умершего или сцен загробной трапезы. Б. Н. Федоров реконструировал один из типов надгробий из башни Зенона в виде П-образных сооружений с плоским лицевым фасадом, увенчанным фризом и украшенным живописным изображением покойного (*Федоров Б. Н.*, 1976). Тыльная сторона такого надгробья представляла наиск, в глубине которого находилась стела. Высота стел достигала 2,50 м. Одна из самых богатых могил Херсонеса — подстенный «фамильный» склеп 1012 (табл. XIX, *7*). Вход в склеп находится на наружной стороне оборонительной стены около городских ворот. Он был закрыт плитой. Узкий проход длиной 1,42 м вел в склеп, расположенный под оборонительной стеной. На полу склепа стояли шесть урн с пеплом — три глиняных и три бронзовых гидрии; при них был найден богатый погребальный инвентарь (*Гриневич К. Э.*, 1927б, рис. 7—15, 16—24). Среди ювелирных изделий выделяются золотые серьги-подвески и ожерелье. Серьги состоят из богато украшенной розетки с крючком для подвешивания, полулунки с квадригой лошадей, управляемой женской фигурой, и подвески с цепочками. Интересен фрагмент бронзового сосуда с надписью: победителю на празднике Анакий (в Афинах). По мнению К. Э. Гриневича, склеп был сооружен около 325—250 гг. до н. э., когда оборонительная стена уже стояла (*Гриневич К. Э.*, 1926, с. 23—40). Однако высказано предположение, что склеп принадлежал некрополю, существовавшему здесь до постройки стены, а стена перекрыла склеп (*Жеребцов Е. Н.*, 1979).

В римское время происходят определенные изменения в погребальном обряде. Наряду с ранее бытовавшими типами могил — грунтовыми и погребениями в урнах — появляются подбойные могилы (табл. XIX, *9*), что объясняется проникновением в состав населения Херсонеса сармато-алан. В III—IV вв. н. э. число захоронений в подбойных могилах увеличивается (*Зубарь В. М.*, 1977, с. 70—72). Появляются склепы, высеченные в скале. Они имеют наклонный дромос, который ведет в погребальную камеру прямоугольной или близкой к ней формы. Умерших клали на высеченные в скале пристенные лежанки. Среди могил римского времени выделяется серия склепов с каменными стенами и двускатной крышей, содержащие погребения в урнах. Все они расположены в некрополе около крепостной стены. Наиболее известны могилы 1013 и 1014 (табл. XIX, *8* и *8а*), пристроенные к стене около юго-восточных крепостных ворот (*Белов Г. Д.*, 1927, с. 107—141). Склеп 1013 имел вход, закрытый плитой, с юго-восточной стороны. Его внутренние стены из хорошо подогнанных плит были, вероятно, оштукатурены. Три наружных стены сложены из бутового камня. Сверху была ровная площадка из плоских плит, со скамейками и следами от ограды. Во всех стенах имелись ниши для урн с пеплом. В склепе было 16 погребений — семь трупоположений и девять трупосожжений. Несколько урн стояло на полу. В центре склепа находился саркофаг, вытесанный из монолитной каменной глыбы, перекры-

тый двумя плитами, ранее служившими карнизами. Одно захоронение совершено по обряду трупоположения в свинцовом гробу. В склепе обнаружено много вещей, в том числе золотые перстни, нагубники и наглазники, бронзовый светильник, стеклянные сосуды, монеты. В этом фамильном склепе хоронили с конца I по III в. н. э.

В первые века нашей эры меняется характер надгробных памятников. Исчезают высокие узкие стелы и надгробные сооружения. Надгробия становятся более скромными. Это известняковые плиты небольших размеров прямоугольной формы с рельефным изображением умершего и надписью под ним, например, надгробие Скифа. Такими же являются и надгробия умерших в Херсонесе римских солдат, например, надгробие Аврелия Виктора. Вместе с тем появляются мраморные саркофаги с рельефными изображениями, мраморные портретные надгробия. Они, так же как и склепы с богатыми вещами, свидетельствуют об имущественной дифференциации среди жителей Херсонеса. В римское время территория некрополя расширяется (табл. XVII).

Хора Херсонеса. Округа города на Гераклейском полуострове

Остается пока не выясненным, какова была организация сельскохозяйственной территории Херсонеса на начальном этапе истории города. Существует предположение, что Херсонес на рубеже V—IV вв. до н. э. или в первой половине IV в. освоил территорию Маячного полуострова, отстоящую от города примерно на 10 км, и только спустя столетие приступил к размежеванию земель на Гераклейском полуострове (*Стржелецкий С. Ф.*, 1961, с. 41). Однако этому противоречит ряд фактов (см.: *Стржелецкий С. Ф.*, 1948а; *Блаватский В. Д.*, 1953б, с. 27). Вероятнее всего, первоначально были освоены непосредственно примыкавшие к городу земли в низовьях Карантинной балки, где обнаружены следы довольно разбросанного поселения, некрополя и вырубленные в скале винодельни (табл. XX, *1*, *2*). Ранние находки отсюда относятся к первой половине IV в. до н. э. Поселение прекратило существование в III в. до н. э.— не позже II в. до н. э. (*Стржелецкий С. Ф.*, 1948а, с. 51 сл.; рис. 4,6; с. 63). Во второй четверти — середине IV в. до н. э. было основано укрепленное поселение на перешейке Маячного полуострова (*Щеглов А. Н.*, 1975а, с. 136).

Только на следующем этапе освоения близлежащих земель, обширная территория на Гераклейском полуострове была размежевана на наделы, следы которых превосходно сохранились до нашего времени. Твердая дата размежевания Гераклейского полуострова окончательно еще не установлена (*Блаватский В. Д.*, 1953б, с. 26 сл.). С. Ф. Стржелецкий предположил, что это произошло на рубеже IV—III или в самом начале III в. до н. э. (*Стржелецкий С. Ф.*, 1961, с. 41, 52) и, возможно, связано с деятельностью Агасикла. Однако совокупность археологических материалов, добытых к настоящему времени, делает более вероятным мнение, что Гераклейский полуостров был разделен на наделы еще в пределах IV в. до н. э. (*Кац В. И.*, 1972, с. 32 сл.).

Размежеванию, которое, видимо, было единовременным актом, подверглась большая часть Гераклейского полуострова, расположенная к западу от Сарандинакиной балки. Вся эта территория, составляющая около десяти тысяч гектаров, была поделена на систему прямоугольных (или почти прямоугольных) земельных участков, в основном одинаковой величины. На указанной площади размещалось около 360 наделов, разделенных взаимно пересекающимися дорогами шириной около 6,5 и 4,5 м. (табл. XVI, *1*). Вся межевая система ориентирована в целом так, что углы наделов были обращены по странам света (с некоторыми отклонениями). Направление основных продольных осей системы наделов подчинено рельефу Гераклейского полуострова (*Жеребцов Е. Н.*, 1976, с. 14). Норма рядового надела была постоянной и составляла около 26,5 га (*Стржелецкий С. Ф.*, 1961, с. 49 сл.). Подавляющее большинство наделов (80%) имели стандартные размеры 420×630 м. Все прибрежные наделы (около 12%) из-за изрезанности береговой линии получались либо меньшей, либо большей величины (от 11 до 33 га). Особую группу (около 5%) составляют наделы, прилегающие к магистральной дороге, которая соединяла Херсонес со «старым» Херсонесом. По-видимому, чтобы сохранить существовавшую к моменту размежевания кратчайшую дорогу между указанными пунктами пришлось площади нескольких участков уменьшить до 17,5 га, а других, лежащих с противоположной стороны дороги, увеличить примерно до 30 га. Из-за некоторого несовпадения планировочных осей в центре полуострова также образовалась небольшая группа наделов, отличающаяся от стандартных по своим размерам (табл. XVI, *1*).

Каждый надел был окружен со всех сторон оградой, сложенной из камня, собранного при расчистке земли. Внутри наделы делились такими же оградами на отдельные участки, занятые под различные земледельческие культуры, в основном под виноградники (табл. XVI, *2*, обмеры С. Ф. Стржелецкого и А. Н. Щеглова публикуются впервые). Виноградный или садово-виноградный плантаж на многих участках хорошо прослеживается на поверхности в виде параллельных каменных полос (табл. XVI, *3*). На наделах, чаще всего у магистральных дорог, которые окружали участок, стояли усадьбы. Обнаружены следы более 150 сельскохозяйственных усадеб различного времени; наиболее поздние из них относятся к средневековью. Усадьба с наделом составляла основную экономическую единицу — хозяйство херсонесского землевладельца. Примером такого хозяйства может служить надел 26, расположенный в северной части Гераклейского полуострова, между верховьями Камышевой и Стрелецкой бухт (табл. XVI, *3*) (*Стржелецкий С. Ф.*, 1961, с. 68 сл.). Он примыкал с юга к дороге из Херсонеса в «старый» Херсонес и площадь его превышает обычную — около 29 га (420×686 м). Почти всю территорию надела (около 78%), разбитую на отдельные участки, занимал садово-виноградный плантаж. По приблизительным расчетам его виноградники могли давать урожай, позволяющий производить до 90.000 литров вина (*Стржелецкий С. Ф.*, 1961, с. 151).

Основное планировочное решение отдельных усадеб в окрестностях Херсонеса на протяжении столетий оставалось устойчивым, изменяясь в деталях.

Это — прямоугольная, часто квадратная замкнутая постройка, с одним или двумя внутренними дворами, окруженными жилыми и хозяйственными помещениями. Непременным элементом усадьбы была башня, чаще всего стоявшая на одном из углов здания. Начиная со II в. до н. э. башни многих усадеб (иногда и сами здания) стали укрепляться пирамидальными противотаранными поясами. Эта традиция сохранялась и в первые века нашей эры, когда, по-видимому, происходила концентрация земель и стали возникать крупные хозяйственные комплексы с весьма сложной планировкой крупных усадеб (табл. XXV).

Во второй половине IV в. до н. э., по-видимому, вскоре после размежевания земель на Гераклейском полуострове, вдоль его восточной окраины — по склонам Сапун-горы и в Балаклавской долине,— возникла группа небольших открытых поселений, керамика из которых носит облик, характерный для варварских поселений (АО 1973 г., с. 338; АО 1974 г., с. 331). Не позднее II в. до н. э. указанные поселения перестают существовать, что безусловно связано с разгромом окрестностей Херсонеса в период скифо-херсонесских войн.

В ближайших окрестностях Херсонеса выявлены следы трех пригородных специализированных производственных поселков: гончаров, виноделов и каменщиков (табл. XX). Поселок гончаров находился непосредственно за юго-восточной крепостной стеной. Раскрыты три группы мастерских, существовавших с конца IV по конец III или первую половину II в. до н. э. (*Борисова В. В.*, 1958; 1966б). Поселок виноделов и его некрополь находился в верховье Карантинной бухты (*Стржелецкий С. Ф.*, 1948а). Предполагаемое местоположение поселка каменщиков устанавливается по раскопкам некрополя в верховье ложбины, впадающей в Песочную бухту, к юго-западу от Херсонеса. В конструкциях могил и в насыпи некрополя обнаружено значительное количество камнетесного брака — испорченных квадров, обломков архитектурных деталей, испорченных надгробий и их заготовок, а также просто отесов и сколов известняка (*Щеглов А. Н.*, 1975б). Древние каменоломни зафиксированы в нескольких местах Гераклейского полуострова, однако их датировка не установлена. Что же касается упомянутых поселков, жизнь на них прекратилась в конце III—II вв. до н. э.

Какова была организация земледельческой территории города на Гераклейском полуострове в I в. до н. э.— IV в. н. э. не выяснено. Известно, что в первые века нашей эры значительно сокращается количество загородных сельскохозяйственных усадеб (*Стржелецкий С. Ф.*, 1961, с. 133 сл.). В то же время некоторые усадьбы становятся крупнее, значительно усложняется их планировка, наряду с крупными продолжают существовать усадьбы средних размеров, наблюдается некоторая перепланировка наделов. Не исключено, что в этот период шел интенсивный процесс дифференциации земельных владений — наряду с сохранением рядовых наделов происходит значительная концентрация земель и укрупнение отдельных хозяйств.

«Старый» Херсонес и его округа (табл. XXI)

По поводу местоположения, времени возникновения и характера этого поселения, упомянутого только Страбоном (VII, 4, 3), давно ведется дискуссия, что в значительной степени объясняется отсутствием публикаций материалов из раскопок Н. М. Печенкина (1911 г.) и Р. Х. Лепера (1914 г.). Время основания «старого» Херсонеса определяется по-разному — от конца V до конца IV в. до н. э. (*Белов Г. Д.*, 1948а, с. 35 сл.; *Стржелецкий С. Ф.*, 1959б, с. 69 сл.). Что касается характеристики и локализации самого поселения, то здесь сложились две основные точки зрения, базирующиеся главным образом на результатах более ранних исследований К. К. Косцюшко-Валюжинича и Н. М. Печенкина. Согласно одной, «старый» Херсонес занимал весь Маячный полуостров и представлял собой разбросанное по указанной территории сельское поселение, состоявшее из изолированных усадеб с земельными участками при них. От Гераклейского полуострова это поселение было отделено двойной линией крепостных стен с башнями, пересекавшей перешеек Маячного полуострова у Казачьей бухты; пространство между стенами оставалось незастроенным, образуя своего рода убежище для населения на случай военной опасности (*Белов Г. Д.*, 1948а, с. 35 сл.; *Гайдукевич В. Ф.*, 1955, с. 142 сл.; 1955, с. 68 сл.). Согласно второй гипотезе — «старый» Херсонес лежал на перешейке у Казачьей бухты между двумя линиями оборонительных стен и был поселением городского типа, а территорию Маячного полуострова занимала его сельская округа, поделенная на наделы, занятые загородными усадьбами (*Стржелецкий С. Ф.*, 1959б, с. 71 сл.). Как показали дополнительные исследования, городище «старого» Херсонеса занимает перешеек Маячного полуострова (табл. XVI, *1*; XXI, *1*). Поперек всего перешейка были возведены две крепостные стены с башнями, отстоящие одна от другой на 210 м. Внешняя стена, обращенная в сторону Гераклейского полуострова, имеет толщину 2,75 м, а внутренняя, обращенная в сторону Маячного полуострова, только 1,6 м. Кроме того, некоторые башни внутренней стены сообщались двумя входами как с территорией Маячного полуострова, так и с домами, стоявшими внутри крепостных стен (табл. XXI, *4*). Таким образом, оборонительная система на перешейке была направлена, прежде всего, в сторону Гераклейского полуострова. Само по себе это указывает на то, что западная часть Гераклейского полуострова к моменту строительства стен еще не была освоена херсонесцами. О том же свидетельствует и сохраненная при размежевании Гераклейского полуострова дорога, связывавшая «старый» Херсонес с Херсонесом.

Площадь «старого» Херсонеса внутри крепостных стен составляла около 18 га, но, как показывают раскопки Н. М. Печенкина (Архив ЛОИА, ф. 27) и Р. Х. Лепера (ОАК за 1913—1915 гг., с. 68), она была застроена не полностью. Внутри крепостных стен поселение, очевидно, делилось на ряд прямоугольных кварталов. Один из них, частично раскопанный Н. М. Печенкиным, в 1911 г. примыкал непосредственно к внутренней оборонительной стене и состоял из трех пристроенных друг к другу вплот-

ную домов, имевших сообщение как с улицей, так и выходы на земледельческую территорию, расположенную на Маячном полуострове. Такие же дома были раскопаны Р. Х. Лепером. Дома имели внутренние дворики, вокруг которых располагались помещения различного назначения.

Земледельческая территория «старого» Херсонеса надежно защищенная оборонительными стенами самого поселения, была разделена сетью магистральных дорог на квадратные и прямоугольные участки (табл. XVI, *1*; XXI, *1–3*). В северной части полуострова участки были квадратными (420×420 м), в прибрежной западной и южной частях продольные дороги, проложенные на расстоянии от 200 до 420 м параллельно одна другой, делили территорию на участки различной длины – от 325 до 710–715 м. Направление системы продольных и поперечных дорог строго соответствует общей конфигурации и рельефу Маячного полуострова. Каждый участок, ограниченный дорогами, был в свою очередь разделен массивными каменными оградами на два – четыре самостоятельных земельных надела (табл. XXI, *2*, *3*). Более крупные участки делились соответственно на большее количество наделов. Подавляющее большинство земельных наделов были стандартными, площадью около 4,4 га. Незначительные отклонения объясняются топографическими условиями размежевания, когда нельзя было нарезать участок стандартной величины. Всего на землях «старого» Херсонеса было около 80–100 наделов. На большинстве из них зафиксированы следы усадеб, несколько усадеб раскапывались Н. М. Печенкиным и К. Э. Гриневичем (*Печенкин Н. М.*, 1911; *Гриневич К. Э.*, 1931; *Стржелецкий С. Ф.*, 1961; *Щеглов А. Н.*, 1976а). Усадьбы на Маячном полуострове были меньших размеров, чем на Гераклейском. Известно два типа построек: усадьбы замкнутого плана 18×22 м; 17,6×20,5 м, неукрепленные, с внутренним двором, по двум или трем сторонам которого шли жилые и хозяйственные помещения (табл. XXI, *7*, *8*) и изолированные дома-башни (пирги), прямоугольные в плане, размерами 10×8,7 м (табл. XXI, *5*, *6*). К дому-башне примыкал небольшой огражденный двор с хозяйственными постройками. Башня была, по меньшей мере, двухэтажной, на что указывают остатки каменной лестницы внутри одного из помещений в ее первом этаже. На сохранившихся наделах выявлен садово-виноградный плантаж того же типа, что и на Гераклейском полуострове. По-видимому, здесь так же ведущей земледельческой культурой было виноградарство, что подкрепляется находками переносных и стационарных тарапанов. Керамический комплекс из раскопок «старого» Херсонеса и усадеб на его сельскохозяйственной территории позволяет датировать время возникновения этого поселения, по-видимому, в пределах второй четверти – середины IV в. до н. э. Время гибели на основании свидетельства Страбона и археологического материала – конец II в. до н. э.– наиболее напряженный период скифо-херсонесских войн. Совокупность археологического материала позволяет предполагать, что «старый» Херсонес был, вероятно, первым херсонесским военно-хозяйственным укрепленным поселением, основанным с целью освоения западной оконечности Гераклейского полуострова, тогда еще, возможно, не принадлежащей Херсонесу. В связи с этим, по-видимому, были не так уж и далеки от истины М. И. Ростовцев, увидевший в открытых Н. М. Печенкиным наделах следы «древнейшей клерухии Херсонеса» (*Ростовцев М. И.*, 1916, с. 8) и Э. Р. Штерн, который предположил, что «старый» Херсонес был одним из τεῖχ – укреплений, упоминавшихся в херсонесской присяге и в декрете в честь Диофанта (*Штерн Э. Р.*, 1908, с. 40 сл.).

Керкинитида

Наиболее ранним из древних городов, основанных на территории Северо-Западного Крыма, была Керкинитида. Она находилась на месте современной Евпатории, на Карантинном мысу. Земледельческая округа Керкинитиды занимала, по-видимому, пространство до Мойнакских озер. Как показывают материалы разведок и раскопок П. О. Бурачкова, Н. Ф. Романченко, Л. А. Моисеева и М. А. Наливкиной, вся эта территория была размежевана на систему наделов, на которых находились загородные усадьбы (табл. XXII, *1*).

Время основания Керкинитиды – вторая половина – конец VI в. до н. э.– определяется сообщением Гекатея (фр. 153). Археологические наблюдения, сделанные в процессе раскопок Керкинитиды (*Моисеев Л. А.*, 1918; *Наливкина М. А.*, 1955), позволяют с уверенностью говорить о том, что это поселение уже существовало как город в первой половине V в. до н. э. Хотя авторы раскопок и относят открытые ими ранние культурные напластования городища к VI и рубежу VI–V в. до н. э., материалов ранее V в. до н. э. в них пока еще не найдено, что, впрочем, не дает оснований сомневаться в достоверности сообщения Гекатея. Выходцами из какого греческого полиса была основана Керкинитида – неизвестно. Существуют две гипотезы. Одна из них предполагает, что колонию основали дорийцы – выходцы из Гераклеи Понтийской (*Дашевская О. Д.*, 1970в – там же подробная библиография). По другой гипотезе, Керкинитиду основал какой-то неизвестный ионийский полис (*Тюменев А. И.*, 1955; *Щеглов А. Н.*, 1968, 1978). Вторая гипотеза опирается на комплекс археологического материала из ранних слоев городища (*Наливкина М. А.*, 1959, с. 184 сл.), аналогичный по своему составу комплексам из других причерноморских ионийских колоний. Предположение о Керкинитиде как гераклейской колонии базируется на находках второй половины IV–III в. до н. э.– т. е. того времени, когда город уже вошел в состав Херсонеса и в его культуре стали доминировать дорийские (херсонесские) элементы, а также на весьма спорном толковании происхождения названия Керкинитиды.

На раннем этапе, примерно до середины IV в. до н. э. Керкинитида, вероятно, была небольшим самостоятельным полисом, хора которого простиралась в ближайших окрестностях города. В середине – второй половине IV в. до н. э. город был включен в состав херсонесского полиса. В III–II вв. Керкинитида, по-видимому, неоднократно подвергалась нападениям скифов, а около середины II в. до н. э. была ими захвачена. В самом конце II в. до н. э., во время второго похода Диофанта, она

была взята после осады и возвращена Херсонесу. Дальнейшая судьба города неизвестна. Судя по самым поздним находкам, жизнь в городе прекратилась во II или, может быть в III в. н. э. Можно предполагать что первоначально Керкинитида была основана на мысу (табл. XXII, *3*). В настоящее время лагуна к западу от городища, существовавшая в виде соленого озера еще в прошлом веке, исчезла окончательно (табл. XXII, *2*). Керкинитида имела площадь около 8 га и была окружена крепостной стеной с квадратными башнями, размерами около 5×5 м в основании (табл. XXII, *4*, *5*). Как показали раскопки (*Наливкина М. А.*, 1957), город имел регулярную планировку. Остатки дома V в. до н. э. дают основание предполагать, что регулярная планировка существовала уже в то время, а направление основных планировочных осей было сохранено и в последующие периоды. После подчинения Керкинитиды Херсонесу в ней шло большое строительство. Открыты остатки домов с мощеными двориками и водостоками, а также участки мощеных улиц, относящиеся ко второй половине IV—II вв. до н. э. В это время город приобретает типично херсонесские черты во внешнем облике и в культуре (*Наливкина М. А.*, 1963).

С северо-западной стороны к городу прилегал некрополь, находящийся сейчас под постройками современной Евпатории. Небольшая серия погребений отражает два основных этапа истории города. В ранних погребениях — до середины IV в. до н. э.— преобладают в инвентаре ионийская и аттическая керамика. Погребения совершаются в плитовых могилах. Погребальный обряд в IV—II вв. до н. э., а также инвентарь могил находят наиболее близкие аналогии в некрополе Херсонеса. В это время существует два способа погребения — кремация с захоронением праха в урнах и ингумация (в грунтовых и плитовых могилах). На некрополе найдены также надгробия, выполненные, очевидно, в мастерских Херсонеса.

По некоторым признакам, отмеченным П. О. Бурачковым и нанесенным им, а также Н. Ф. Романченко на план, можно говорить с достаточной долей уверенности, что ближайшие к городу земли были разделены на отдельные наделы системой дорог (табл. XXII, *1*). На земледельческой территории Керкинитиды известно три типа усадеб. Ранние усадьбы, по-видимому, представляли собой небольшие прямоугольные дома-башни, состоявшие в нижнем этаже из двух помещений. После подчинения города Херсонесу по крайней мере некоторые из них перестраиваются. Так, на месте более ранней усадьбы в IV или III в. до н. э. строится огромная усадьба с двумя внутренними дворами, частично раскопанная Л. А. Моисеевым на берегу Мойнакского озера (*Моисеев Л. А.*, 1918) (табл. XXII, *6*, *7*). Третий тип усадеб — круглые жилые башни. Одна из таких построек (диаметр 6 м) была исследована к западу от городища Керкинитиды. К дому-башне примыкала какая-то ограда, возможно, хозяйственного двора со служебными постройками (*Наливкина М. А.*, 1957).

Прекрасная гавань (Калос-Лимен) и ее округа

Городище расположено в глубине Черноморской бухты на северо-западном побережье Тарханкутского полуострова. Вокруг него сохранились следы древнего размежевания (земля была поделена примерно на 40—60 наделов по уже описанной выше системе размежевания) и остатки сельских усадеб (табл. XXIII, *1*). Само городище имело площадь около 4 га и почти неисследовано. Город был окружен крепостной стеной с прямоугольными башнями (табл. XXIII, *2*), возведенной в IV в. до н. э. и по-видимому, разделен на прямоугольные кварталы. М. А. Наливкина исследовала дом IV—III вв. до н. э., занимавший участок площадью около 120 м² и состоявший из шести жилых и хозяйственных помещений и небольшого дворика. Тип и размеры дома характерны для жилых построек массовой застройки Херсонеса (*Наливкина М. А.*, 1957; *Щеглов А. Н.*, 1976б) (табл. XXIII, *3*, *4*).

Земельные наделы Прекрасной гавани имели среднюю величину, около 8,8 га. На них располагались усадьбы двух типов — круглые жилые башни и дома замкнутого плана с внутренним двором (табл. XXIII, *5*, *6*). Одна из таких усадеб раскапывалась неподалеку от городища, у бухты Ветреной. Это была прямоугольная в плане постройка с центральным двориком, вокруг которого в один или два ряда шли жилые и хозяйственные помещения. В одном из помещений находилась кладовая с десятью синопскими пифосами, в трех из которых некогда хранилось вино, а в остальных зерно (*Щеглов А. Н.*, 1973; 1978). Историческая судьба Прекрасной гавани сложилась так же, как и у Керкинитиды. Ранний материал из городища и усадьбы относится к IV в. до н. э. Вся последующая история города повторяет историю Керкинитиды.

Остальные поселения на хоре Херсонеса

На остальной хоре Херсонеса располагались укрепленные и неукрепленные поселения разных типов, а также земельные наделы того же типа, что и описанные выше. Отметим три основных типа поселений: 1 — крупные многобашенные укрепления, с большими дворами, окруженными жилыми и хозяйственными помещениями (городище «Чайка», табл. XXIV, *5*, *6*); 2 — поселения, состоящие из группы крупных укрепленных или неукрепленных усадеб, например, Беляус (табл. XXIV, *2*, *3*) и Панское — I; 3 — отдельно стоящие усадьбы и неукрепленные поселения. Разные типы поселений с расположенными возле них земельными участками, возделанными по системе, принятой в Херсонесе, свидетельствуют о сложной структуре хоры Херсонеса, на которой существовали города с собственными землями, разделенными на наделы, крупные укрепления и неукрепленные поселения, состоявшие из типично греческих усадеб, отдельные усадьбы и поселения негреческого облика. А это, в свою очередь, позволяет предполагать и сложный социальный и этнический состав земледельческого населения на территории хоры Херсонеса: среди него, может быть, существовали различные категории свободного, полузависимого и зависимого населения.

Харакс

Появление этого укрепленного поселения связано с римским гарнизоном, поставленным в Херсонесе. Харакс, как название населенного пункта на южном

берегу Крыма, приводит в своей «Географии» Клавдий Птолемей (VI, 2). В 1837 г. сделано первое краткое описание древнего поселения на мысе Ай-Тодор (*Кеппен П.*, 1837, с. 101, и сл.). В 1849 г. граф Шувалов проводил здесь небольшие раскопки (*Кондараки В. Х.*, 1873, с. 169 и сл.). Начиная с 1896 г. в течение 15 лет на Ай-Тодоре велись значительные исследования, их материалы нашли отражение в литературе (*Ростовцев М. И.*, 1900, 1902; 1911; *Башкиров А. С.*, 1914; *Дьяков В. Н.*, 1930; 1942; *Блаватский В. Д.*, 1952). В 1931, 1932 и в 1935 гг. здесь проводила работы экспедиция под руководством В. Д. Блаватского (*Блаватский В. Д.*, 1938, с. 312; 1951 г., с. 250 и сл.). С 1977 г.— под руководством К. К. Орлова.

Городище, отождествляемое с Хараксом, расположено на холме Ай-Тодорского мыса и занимает площадь около 6 га (табл. XXVI). Оно недоступно со стороны моря, а с суши мыс огорожен стеной, частично сложенной из громадных грубо отесанных глыб, принадлежавшей таврскому укреплению и вошедшей в систему оборонительных сооружений, построенных римлянами (табл. XXVI, *1, 3*).

Внешняя оборонительная стена относительно хорошо сохранилась. Она имела ширину 2,2—2,4 м и была двухпанцирной с забутовкой (табл. XXVI, *2, 3*). В юго-западной части городища находились ворота (*Rostovtzeff M.*, 1902; *Дьяков В. Н.*, 1930, с. 20; *Блаватский В. Д.*, 1951 г, с. 250). Внутренняя стена, несколько более широкая, прослеживается менее четко. Стены существовали с I по IV в. (*Блаватский В. Д.*, 1951 г, с. 258; 1961а, с. 84). Большинство построек Харакса расположено на холме, за внутренней стеной. Судя по клеймам на черепице (табл. XXVI, *7*), во второй половине I в. н. э. здесь размещалась вексилляция моряков Равеннской эскадры. При императоре Домициане эти части были выведены. Среди сооружений этого времени выделяются своей монументальностью нимфей и термы. Нимфей, находившийся возле стены, представлял собой бассейн размером 9×7,7 м и глубиной до 2,55 м. Юго-восточная сторона его служила лестницей (табл. XXVI, *4, 5*) (*Блаватский В. Д.*, 1951, с. 282). Бассейн был тщательно облицован водонепроницаемым известковым раствором. Вода поступала сюда по глиняным трубам водопровода. Наиболее интересны термы, занимавшие площадь 24,55×14,85 м и расположенные выше Нимфея у обрыва холма (*Блаватский В. Д.*, 1951 г, с. 287). Они состояли из двух рядов помещений. В одном была раздевальная, по одну сторону от которой имелся бассейн с холодной водой, по другую — теплая баня с горячей водой. Пол помещения был выложен большими квадратными кирпичами (0,5×0,58×0,58 м) установленными на невысоких каменных столбиках. Отопление осуществлялось с помощью гипокауста, а также довольно широких глиняных труб, по которым проходил горячий воздух, поступавший из топочной. К банному помещению примыкал ряд комнат, вероятно, палестра. Здание терм, существовавшее в I—III вв. н. э., видимо, было двухэтажным.

Во II в. н. э. в Хараксе стояла вексилляция I Италийского легиона, как о том свидетельствуют клейма на кирпичах и черепицах (*Ростовцев М. И.*, 1900, с. 144, 155). В последних десятилетиях II в. там стоял гарнизон из солдат XI Клавдиева легиона. Это был последний гарнизон Харакса, покинувший его в середине III в. Ко времени его стоянки относится надгробный памятник Люция Фурия Севта, оптиона префекта I фракийской когорты (*Ростовцев М. И.*, 1911, с. 38). К последнему периоду пребывания римских солдат в Хараксе относится здание, выявленное раскопками 1907 г., расположенное за пределами крепости возле внешней стены на северо-восточном склоне холма, у дороги. Это небольшое святилище дорожной стражи — бенефициариев. В нем найдено три алтаря II—III вв. н. э. с посвятительными надписями Юпитеру Лучшему Величайшему, культ которого был официальным в римской армии (табл. XXVI, *44*). Находки вблизи святилища и в нем 11 фрагментов небольших вотивных рельефов свидетельствуют о распространении среди солдат гарнизона также культов: Диониса, Мифры, Артемиды, Гекаты, Фракийского всадника (табл. XXVI, *43*; *Ростовцев М. И.*, 1911, с. 5 и сл.). Несколько фрагментов аналогичных рельефов и терракотовых статуэток обнаружено и на территории самого поселения. Там при раскопках найдены бронзовые рыболовные крючки, грузила, иглы для вязания сетей, каменные жернова, железная мотыга, пряслица. Много фрагментов пифосов, остродонных амфор, «римских» светильников, стеклянной, краснолаковой и простой гончарной посуды. Встречаются бронзовые наконечники копий, бронзовые и железные наконечники стрел, бронзовые фибулы, перстни и пряжки, круглые камни для пращей и баллист, астрагалы, стеклянные бусы, обломки керамических труб.

В середине III в. н. э. римские войска были эвакуированы из Северного Причерноморья, в том числе и из Харакса. Однако жизнь в нем с уходом римских войск не прекратилась. В 1932, 1935 гг., за наружной стеной на северо-западном склоне холма был раскопан могильник, относящийся к концу III — первым десятилетиям IV в. н. э. Обряд погребения — кремация, прах чаще всего помещался в амфоры. Могилы находились на небольшой глубине в расщелинах скал (табл. XXVI, *8, 9*) (*Блаватский В. Д.*, 1951 г, с. 259, 262 и сл.). Помимо посуды в них найдены орудия труда (железные топоры, серпы, ножи, бронзовые рыболовные крючки), реже — оружие (бронзовые наконечники копий, боевые топоры, кинжал), а также глиняные пряслица, бронзовые пряжки, фибулы, перстни, браслеты, монеты, обломки стеклянной посуды и разнообразные бусы (табл. XXVI, *10—41*). По мнению В. Д. Блаватского, здесь были похоронены потомки обитателей канабы — торгово-ремесленного прилагерного поселка. Разведки 1958 г. обнаружили следы древней дороги, возможно, связывавшей Харакс с Херсонесом (*Соломоник Э. И.*, 1960, с. 137). В 1977, 1978 гг. работы велись в северо-западной части крепости, где открыты постройки первых веков нашей эры, примыкавшие к оборонительной стене. На некрополе раскопаны погребения III в. н. э.

Ряд исследователей высказал предположение, что, кроме Харакса, римские военные посты существовали в Керкинитиде, Балаклаве, Инкермане (*Дьяков В. Н.*, 1942, с. 52; *Белов Г. Д.*, 1948а, с. 110; *Гилевич А. М.*, 1965, с. 107).

Глава пятая
Боспорское государство

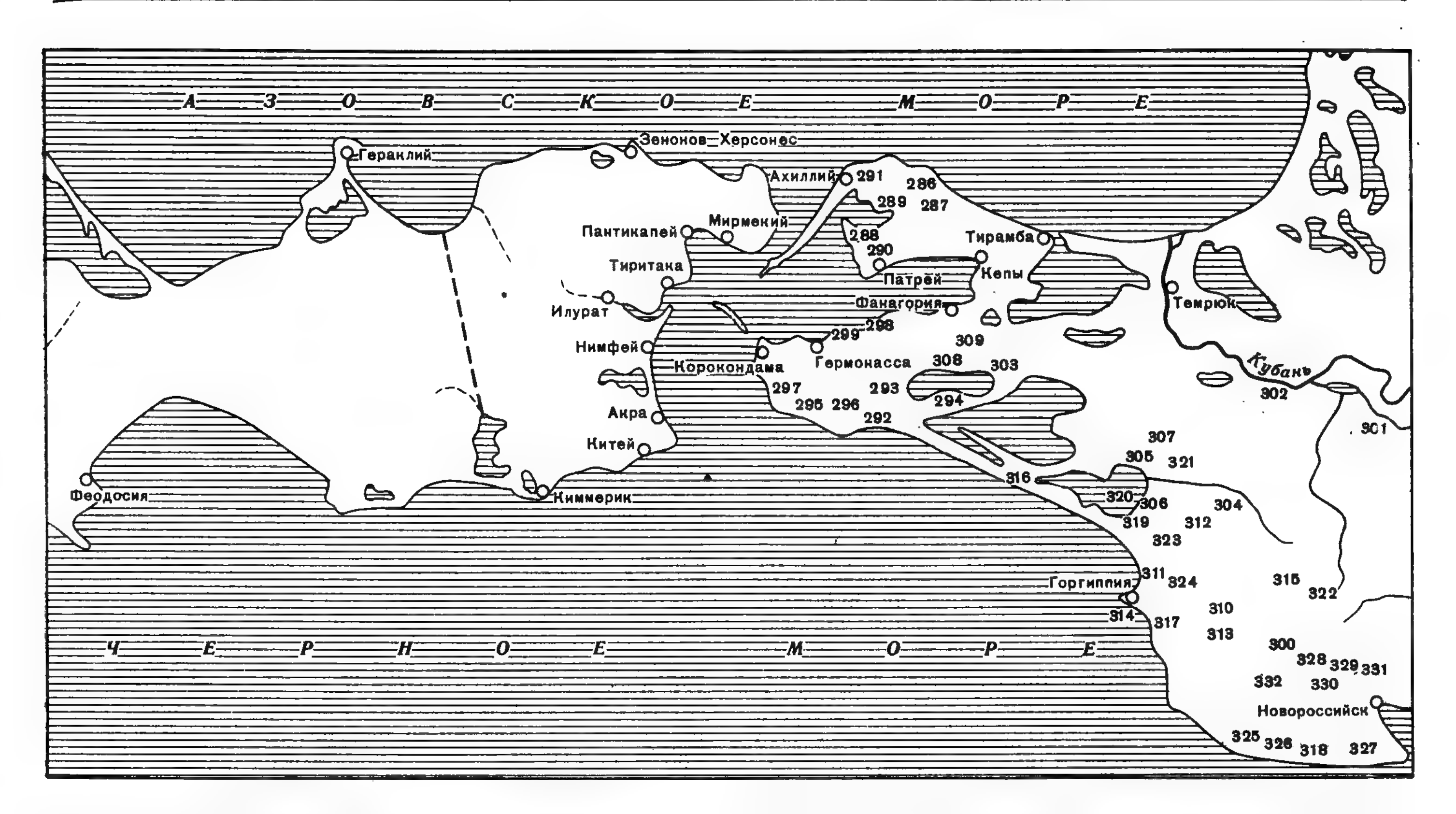
Источники и история исследования

Боспорское государство — крупнейшее греческое государственное образование на территории Северного Причерноморья, располагалось по обоим берегам Боспора Киммерийского (ныне Керченского пролива) (карта 6). Оно занимало обширную территорию Восточного Крыма, включая Феодосию, весь Керченский полуостров, Таманский полуостров и примыкающие к нему территории, вплоть до предгорий Северного Кавказа, а также район устья р. Дон (греческий Танаис). Земли, входившие в состав Боспора, являлись по большей части всхолмленной равниной, переходящей в предгорья Восточного Крыма и Северного Кавказа. Таманский полуостров в древности представлял собой группу островов, разделенных морскими заливами, лиманами и протоками дельты Кубани (греческий Антикит).

Древнейшим письменным источником по истории Боспора являются фрагменты из труда Гекатея Милетского. Для восстановления исторической топографии Боспора важны периплы и периэгесы, в которых перечисляются населенные пункты, местные племена, входившие в состав государства, и его соседи; даются расстояния от одного населенного пункта до другого, иногда сообщаются краткие исторические данные. Для Боспора в целом большую ценность имеет «География» Страбона, в которой большая часть главы 4 книги VII и главы 2 книги XI посвящены Боспору. Помимо географических сведений с довольно точным указанием расстояний между боспорскими поселениями, Страбон сообщает о достопримечательностях городов Боспора, о его климате и исторических событиях. Клавдий Птолемей указывает географические координаты многих населенных пунктов, местоположение которых иногда еще не установлено. Важные сведения об экономике и истории Боспора мы узнаем из речей Исократа, Демосфена, Эсхина. Благодаря труду Диодора Сицилийского, нам известно об образовании Боспорского государства, о смене его правителей, об отдельных эпизодах из истории Спартокидов, об их взаимоотношениях с местными племенами. Полиен рассказывает о присоединении к Боспору Феодосии и Синдики. Дион Кассий, Аппиан и Тацит описывают Боспор времен митридатовых войн и последующие внутриполитические события, взаимоотношения Боспорского государства с Римской империей. Об истории позднеантичного Боспора сообщается в трудах Аммиана Марцеллина, Зосима, Константина Багрянородного. Интересные сведения имеются в трудах Полибия, Помпония Мелы, Стефана Византийского и других древних авторов.

Сведения древних авторов дополняются эпиграфическими памятниками. Общее число надписей в настоящее время значительно превышает 1320, вошедших в корпус Боспорских надписей (КБН). Большая часть их происходит из Пантикапея, Горгиппии, Танаиса, Гермонассы, Фанагории. Для Боспора характерно большое количество надписей на надгробиях. Очень важны посвятительные и строительные надписи, позволяющие проследить изменения в титулатуре боспорских правителей и показывающие рост и сокращения территории Боспора, взаимоотношения с местными племенами и с Римской империей, изменения государственного устройства. Многочисленные списки имен дают номенклатуру государственных должностей, позволяют судить о социальном устройстве и внутренней организации боспорского государства; надписи рассказывают о строительной деятельности правителей и частных лиц, о различных постройках и монументах, украшавших города, называют имена божеств, культы которых имели распространение на Боспоре. Большой интерес представляют списки членов фиасов и манумиссии, показывающие изменения в экономике и религиозных представлениях общества. В боспорских надписях упомянуты многочисленные античные центры, которые поддерживали контакты с Боспорским государством (Амастрия, Амис, Аркадия, Афины, Колофон, Кромны, Митилена, Прусы, Сиракузы, Тарс, Халкедон и т. д.). В свою очередь, в восточногреческих городах найдены декреты в честь боспорских правителей и граждан, постановления о регламентации торговли, посвящения и надгробия боспорян (*Граков Б. Н.*, 1939б). Клейма на амфорах и черепицах позволяют судить об организации керамического производства, о торговых связях с Южным Причерноморьем (Гераклеей, Синопой) и Средиземноморьем (Родосом, Хиосом, Фасосом, Мендой, Косом, Книдом) (*Штаерман Е. М.*, 1952; *Шелов Д. Б.*, 1956б; 1957; 1975; *Гайдукевич В. Ф.*, 1947; *Граков Б. Н.*, 1935). Для изучения культов и ономастики Боспора необходимо учитывать также многочисленные граффити (*Толстой И. И.*, 1953; *Гайдукевич В. Ф.*, 1966б, с. 70 сл.) и дипинти (*Шелов Д. Б.*, 1972б; 1978).

Нумизматические источники позволяют проследить общий ход экономического развития Боспора, направление торговых связей. Выпуск монет на Боспоре начинается в конце VI в. до н. э. в Пантикапее. Монету чеканят также Мирмекий, Нимфей, Феодосия, Фанагория и, возможно, Синдская Гавань. В конце V в. до н. э. прекращается автономный чекан монет боспорских городов и пантикапейская монета доминирует на боспорском рынке. Мо-



Карта 6. Карта Боспора Киммерийского. Нумерация памятников общая для карт 6—9. Города Боспора и сельские поселения Азиатского Боспора. Поселения азиатской части Боспора

286 — Кучугуры; *287* — Красноармейское; *288* — Батарейка I; *289* — Батарейка II; *290* — Каменная Батарейка; *291* — пос. Ильич; *292* — Бугазское; *293* — Яхново; *294* — Западно-Цукурское; *295* — Западно-Зеленское; *296* — Северо-Зеленское; *297* — Пятиколодезное; *298* — Двенадцатый километр; *299* — Десятый километр; *300* — Раевское; *301* — Батарейный; *302* — Андреевское; *303* — Вышестеблиевское; *304* — Гастогаевское; *305* — Суворово-Черкесское; *306* — Капустин; *307* — Юровка; *308* — Близнецы; *309* — Водопроводное; *310* — Рассвет; *311* — Джемете; *312* — Красный курган; *313* — Гай-Кадзор; *314* — Анапа южная; *315* — Натухаевская; *316* — ст. Благовещенская; *317* — Су-Псех; *318* — Широкая Балка; *319* — хут. Благовещенский; *320* — Витязево; *321* — Уташ; *322* — Ленинский путь; *323* — совхоз им. В. И. Ленина; *324* — Чумбурка; *325* — Дюрсо; *326* — Озерейка; *327* — Мысхако; *328* — Владимировка; *329* — Цем-долина; *330* — Борисовка; *331* — Кирилловка; *332* — Большие хутора. Составитель И. Т. Кругликова

неты дополняют наши сведения об именах и титулатуре боспорских правителей и о последовательности их правления. Изображения божеств на монетах дают представление о господствующих культах, а чеканка портретов римских императоров — о зависимости от Римской империи.

В литературе не существует единой периодизации истории Боспорского государства. В. Ф. Гайдукевич выделяет шесть периодов, связанных с событиями политической истории Боспора: 1 — образование государства (VI в. до н. э.— 480 г. до н. э.); 2 — период Археанактидов (480 г. до н. э.— 438—437 гг. до н. э.); 3 — период Спартокидов (438—437 гг. до н. э.— 109 г. до н. э.); 4 — Боспор под властью Митридата и Рима; 5 — Боспор в первые века нашей эры; 6 — распад Боспорского государства (середина III в.— 70-е годы IV в.) (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а). В. Д. Блаватский, основываясь на этапах экономического развития и на истории культуры Боспорского государства, предлагает иную периодизацию: 1 — киммерийский период, в конце которого возникают эмпории (вторая половина VII—VI в. до н. э.); 2 — полисный период (вторая четверть VI — первая четверть IV в. до н. э.); 3 — период протоэллинизма (вторая четверть IV в. до н. э.— 309 г. до н. э.); 4 — период эллинизма (309 г. до н. э.— конец II в. до н. э.); 5 — сарматский период (I в. до н. э. — последняя четверть IV в. н. э.) (*Блаватский В. Д.*, 1950а, с. 32; 1959б, с. 38 сл.; 1964а, б).

Боспор Европейский

Пантикапей

Столица Боспорского государства расположена на месте современной Керчи, на нижней приморской террасе, на горе Митридат и на ее склонах. В периплах Псевдо-Скимна (835) и Псевдо-Арриана (75) Пантикапей именуется «столицей Боспорского царства», у Страбона (VII, 4) — «столицею боспорцев, у Аммиана Марцеллина (XXII, 8) — «метрополией всех милетских городов Боспора». Стефан Византийский (SC, I, с. 264) и Евстафий (311) называют Пантикапей большим городом.

Первые шаги в изучении археологической топографии Пантикапея были сделаны П. Дюбрюксом и И. П. Бларамбергом, при участии И. А. Стемпковского (*Блаватский В. Д.*, 1951а, с. 10). В течение последующих десятилетий XIX в. пантикапейское городище раскапывали А. Б. Ашик, А. Е. Люценко, С. И. Веребрюсов. К. Е. Думберг проводил исследо-

вания Пантикапея с подробной фиксацией строительных остатков. С 1903 г. до 1914 г. раскопки на г. Митридат производил В. В. Шкорпил. В 1923, 1924 гг., 1930, 1931 и в 1941 гг.— Ю. Ю. Марти (*Блаватский В. Д.*, 1951а, с. 10, 15, 53—60). В 1945 г. под руководством В. Д. Блаватского начались планомерные исследования Пантикапея, позволившие установить его историческую топографию и стратиграфию городских напластований. С 1959 г. исследования на горе Митридат велись экспедицией ГМИИ под руководством И. Д. Марченко, а затем В. П. Толстикова (см. табл. XXVII).

Раннее греческое поселение (VII—VI вв. до н. э.) возникло на месте киммерийского, о чем свидетельствуют находки оружия эпохи поздней бронзы, например, бронзовых кельтов и топора с изображением быка и солнечного диска (*Городцов В. А.*, 1928, с. 54 сл., рис. 1—4). К нему, возможно, относятся открытые на северо-восточном склоне горы Митридат под слоем VI в. до н. э. развалины кладки из огромных глыб, по-видимому, взятые из какой-то циклопической кладки, предшествовавшей основанию Пантикапея; обломки керамики эпохи поздней бронзы и циклопическая кладка крепиды, находящегося вблизи Пантикапея Золотого кургана (*Блаватский В. Д.*, 1954в., с. 13; 1957а, с. 6; 1964в, с. 11—14). По-видимому, в легенде об основании Пантикапея сыном колхидского царя Аэйта, упоминаемого Стефаном Византийским (SC, I, с. 264) и Евстафием (311) есть отзвуки реального факта существования древнейшего догреческого поселения. В последние десятилетия VII в. до н. э. на месте будущего Пантикапея, вероятно, появляется эмпорий (*Блаватский В. Д.*, 1964в, с. 10, 22). Древнейшая постройка — дом эмпория (3,10×2,65 м) был открыт вблизи «Первого кресла» горы Митридат. Частично сохранилась кладка цоколя стен. Стены были сырцовыми. Глинобитный пол был заглублен ниже подошвы стены. Внутри помещения открыты очаг и три ямы. Контраст скромного жилища и обилия найденных в нем первоклассных образцов родосско-ионийской керамики свидетельствует, что дом мог являться жилищем греческого купца (*Блаватский В. Д.*, 1951е, с. 219; 1964в, с. 16 сл.).

Вторая четверть VI — первая четверть IV в. до н. э. (табл. XXVII, I, *а*). Наиболее ранним сооружением этого периода является подвал небольшого дома площадью 7 м² второй половины VI — начала V в. до н. э., открытый на Восточно-Эспланадном раскопе. Его стены сложены из плоских мелких плит рваного камня. На его нижнем полу был открыт, по-видимому, под литейной печи, выложенный черепками амфор. В помещении найдены каменная литейная форма и фрагменты железных и медных литейных шлаков. Кровля этого «дома металлурга» была покрыта черепицей лаконского типа. К концу VI — началу V в. до н. э. относится дом, открытый на Верхнем Митридатском раскопе. Площадь трех его помещений около 40 м². При расчистке дома найдены граффити с именем «KOI», «K», «KO», очевидно, относящиеся к лицу, проживавшему в доме. Дом был заглублен в землю. Его стены сложены из небольших, грубо обтесанных камней на глине. Внутренние фасады стен аккуратно стесаны и обмазаны глиной, крыша дома — черепичная (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 16—18; 1964в, с. 29). К концу V в. до н. э. относится дом, также открытый на Верхнем Митридатском раскопе. Здесь раскопано лишь одно помещение и водосток, проходивший под вымосткой, скорее всего, дворика этого дома.

На Ново-Эспланадном раскопе архаические и раннеклассические дома располагались на естественных уступах (табл. XXVIII, I). Здесь открыт переулок шириной 1,20 м с каменно-черепяной вымосткой, идущий в направлении с юга на север на протяжении 12 м. По сторонам переулка открыто 14 домов, большая часть которых датируется серединой — концом VI в. до н. э., а три существуют до середины V в. до н. э. Ориентация большей части домов согласована с направлением переулка, что позволяет предположить наличие элементов регулярной планировки (*Марченко И. Д.*, 1968б, с. 41; 1979). Обычно дома состоят из одного — двух помещений и ограды двора. Значительная часть их представляет собою заглубленные в грунт постройки с сырцовыми наземными стенами, возведенными над каменной кладкой. Вместе с тем, встречены и целиком наземные жилища с каменными подвалами. Вблизи некоторых домов обнаружены следы металлургического производства: литейные формы (*Блаватский В. Д.*, 1956а, с. 119 сл.), куски железных шлаков, обломок глиняного тигля с остатками бронзовых шлаков, спекшиеся при литье бронзовые наконечники стрел, бóльшое количество бронзовых и железных чешуек от панцирей. Возле одного из домов открыта часть гончарной печи второй половины VI — начала V в. до н. э. Найдены фрагменты изготовленной здесь же керамики: сосудов с росписью по светлой обмазке, покрытых краской; киликов на низкой ножке, лекан и терракотовых статуэток (*Марченко И. Д.*, 1968б, с. 32, 36—38, рис. 11, 12). В 1945 г. на восточном склоне г. Митридат было найдено пять барабанов ионийского ордера второй половины VI или первых десятилетий V в. до н. э., позволивших реконструировать храм ионийского ордера площадью около 40—50×20 м с шестиколонным портиком, вероятнее всего, посвященный Аполлону. Деталь алтаря (волюта с частью пальметты), очевидно, тоже принадлежала какому-то весьма раннему храму Пантикапея (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 29 сл.; 1964, с. 29 сл.).

С конца V в. до н. э. по IV в. н. э. городская застройка Пантикапея осуществляется на частично вырубленных, частично насыпанных террасах, опоясывающих Митридат. Террасы, укрепленные подпорными стенами, уступами поднимались от подножия горы к ее наиболее возвышенной части, где был акрополь (*Блаватский В. Д.*, 1947 г., с. 93 сл.; 1957а, с. 8—12; 1964в, с. 43). Ранние террасы, сооруженные на рубеже V—IV вв. до н. э. и в IV в. до н. э. с переделками и ремонтами существовали и в последующее время. Раскопки 1949 г. на Верхнем Митридатском раскопе вскрыли картину перепланировки подпорных стен террас в III—II вв. до н. э. (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 49, рис. 21, *1*). Перепланировка и сооружение новых террас производились и позднее. Жилые постройки вдоль улиц, устроенных на террасах, тыльными сторонами, примыкали к подпорным стенам вышележащих террас

(*Блаватский В. Д.*, 1957*а*, с. 9–11, 48–49; 1962*а*, с. 17–18).

IV в. до н. э.— II в. до н. э. Со времени возникновения Пантикапея его территория постоянно расширяется. Уже с начала IV в. до н. э. в городскую территорию входили все склоны «Первого кресла» Митридата, а в III в. до н. э. в границы города включено пространство между западным склоном «Первого кресла» и «Скалистым выступом». Со II в. до н. э. в черту города включаются склоны «Второго кресла» Митридата, а также пространство от берега залива до подошвы горы (табл. XXVII, I, *б*), террасная планировка сохраняется (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 47). Эллинистические жилые дома, особенно III–II вв. до н. э., сохранились плохо из-за больших перестроек в период I в. до н. э.— I в. н. э. Многокомнатный жилой дом открыт на Эспланадном раскопе. Его капитальные стены были сложены из тесаных блоков известняка, в сооружении перегородок широко использован бутовый камень (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 49–55, рис. 25). Общественные постройки эллинистической эпохи ярко характеризует богато отделанное здание II в. до н. э., частично открытое на Ново-Эспланадном раскопе (табл. XXIX) площадью 450 м². В центральной части здания был большой прямоугольный двор (площадью 80 м²), окруженный колоннадами дорийского ордера. Сторона двора, обращенная к северу, не сохранилась. Сохранились частично колонны, детали фриза, карниза, антефикс и т. д. Двор был вымощен плитами известняка. В центре двора был алтарь, от которого сохранился фрагмент, украшенный рельефными изображениями буккрания и гирлянды. По-видимому, во дворе стояли статуи, на что указывает плита-постамент, открытая на вымостке двора и обломки пяти статуй. За южным портиком была галлерея, а за ней несколько помещений. В помещении А пол был выложен кусками белого и зеленого мрамора, в углу сохранился очаг и две мраморных опоры скамьи. Помещение Б с цементным полом и водостоком, служило для омовений. В двух западных помещениях Г и Д полы были выложены мозаикой из галек. К юго-востоку от центрального двора с колоннадами был еще один двор, вымощенный плитами. Существует мнение, что здание являлось пританеем. Оно погибло от пожара в конце II в. до н. э. (*Марченко И. Д.*, 1967б; 1968б, с. 48).

В первые десятилетия III в. до н. э. возможно было начато создание оборонительного комплекса, остатки которого были исследованы на вершине «Первого кресла» горы Митридат. Обнаружены остатки стен, снабженных бастионообразными выступами и вырубленные в скале обходные коридоры шириной 1,7–1,5 м. Все эти сооружения группировались вокруг прямоугольной центральной башни. Въезд на платформу цитадели осуществлялся по наклонному скалистому пандусу, фланкированному с востока полукруглой в плане башней диаметром 11 м (табл. XXVIII, III–V). Во время землетрясения 63 г. до н. э. эти укрепления, вероятно, сильно пострадали.

Изучена также система укреплений акрополя с севера, где выделено три периода существования этой системы. Наиболее существенные перестройки относятся к концу II — началу I в. до н. э. (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 24–28; *Марченко И. Д.*, 1975а, с. 317 сл.; *Толстиков В. П.*, 1977, с. 156 сл.) (табл. XXVIII, III–V). Ко II в. до н. э., видимо, относятся остатки городской оборонительной стены (толщиной 3 м) с круглыми башнями (*Марти Ю. Ю.*, 1926, с. 47, рис. 23, 24). Направление этой оборонительной стены совпадает с линией городских укреплений, обозначенных на планах XVIII и начала XIX в. (*Блаватский В. Д.*, 1951а, с. 35).

I в. до н. э.— IV в. н. э. События конца II–I вв. до н. э. привели к сильным разрушениям Пантикапея. Пострадали не только укрепления цитадели и крупные общественные здания, но и террасы и целые кварталы жилых домов. В последующее время ведутся большие восстановительные работы. Часть старых террас на восточном и южном склонах горы Митридат была восстановлена на прежнем месте. Вместе с тем возводились новые подпорные стены, имевшие иную ориентацию. При восстановительных работах I в. до н. э. сооружаются мощные насыпи, куда попадает ранний материал. О монументах, стоящих на акрополе Пантикапея, свидетельствуют обломки посвятительных надписей, вырезанных на базах скульптур. Среди них — фрагмент с посвящением Артемиде, сделанном от имени Фарнака (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 67 сл., рис. 30, *1*). Особый интерес представляет беломраморный блок архитрава с четырехстрочной посвятительной надписью царю Аспургу 23 г. н. э., принадлежавший зданию с пятиколонным портиком, по-видимому, небольшому храмику, посвященному обожествленному боспорскому царю Аспургу.

Во второй половине I в. до н. э.— начале I в. н. э. произведены ремонтные работы и перестроены укрепления цитадели. В 1948 г. на участке к юго-западу от вершины «Второго кресла» были выявлены остатки оборонительной стены, относящейся, вероятно, уже к периоду правления Сарматской династии (*Блаватский В. Д.*, 1951а, с. 35, № 151).

В Пантикапее I в. н. э. заметно усиливается имущественная дифференциация населения, что находит отражение в строительстве. На акрополе (где в I в. до н. э. был эргастерий коропласта) появляются богатые постройки. Об их убранстве свидетельствуют обломки многоцветной штукатурки, известняковых архитектурных деталей, облицовочных плиток из пестрого и цветного мрамора и мраморной скульптуры. (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 71–75). На южном и юго-восточном склонах горы Митридат и на участке у Скалистого выступа открыты скромные дома рядового населения, игнорирующие принцип террасной планировки участка. (*Блаватский В. Д.*, 1964в, с. 153). В то же время террасная планировка городской территории, в основном, центральной ее части, оставалась доминирующим принципом градостроительства Пантикапея. Для Пантикапея первых веков нашей эры характерно выделение ремесленных кварталов с мастерскими, промысловыми сооружениями — рыбозасолочными цистернами (*Блаватский В. Д.*, 1951а, с. 53, № 138; 1957а, с. 76; 1964в, с. 160). В Пантикапее зафиксирован ряд винодельческих комплексов (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 75; 1964в, рис. 45; *Сокольский Н. И.*, 1961в, с. 44; *Марченко И. Д.*, 1968б, с. 52). К III в. н. э. относятся остатки переулка ши-

риной 1,5 м, открытого на первом Боспорском раскопе. По сторонам его были два здания. Переулок под прямым углом подходил к улице шириной 2,85 м, идущей горизонтально по склону горы. Вдоль улицы и переулка были проложены водостоки. Возле перекрестка раскрыты остатки трех зданий (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 88—91). Многочисленные постаменты статуй с посвятительными надписями дают представление об убранстве города в III в. н. э. После готского нашествия (50—70-е годы III в. н. э.) в Пантикапее уже не строятся здания общественного назначения, не ставятся статуи. Раскопками выявлены остатки скромных жилищ, сооруженных из рваного камня. Среди занятий жителей города все большую роль играет сельское хозяйство. В ряде мест отмечено существование зерновых ям (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 33 сл.).

В конце IV в. н. э. при нашествии гуннов город подвергается разрушениям, но вскоре восстанавливается и существует в средневековое время.

Некрополь. Пантикапей обладал обширным грунтовым и курганным некрополем. Ранние могилы, находившиеся вблизи жилых построек с расширением городской территории оказались под более поздними городскими слоями. Некрополь VI—V вв. до н. э. находился на северном и южном склонах горы Митридат (*Цветаева Г. А.*, 1951, с. 63). Среди захоронений преобладает обряд трупоположения в простой могильной яме, вырытой в земле или вырубленной в скале и перекрытой каменными плитами, досками или брусьями, иногда частично досками, а частично плитами или мелкими камнями. Встречаются погребения в каменных или сырцовых склепах. Почти все погребения северного склона ориентированы головой на восток, тогда как на южном некрополе встречается южная, северная и северо-восточная ориентировки. Значительно меньшее число погребений с кремацией, когда пепел помещался в амфоры или в другие сосуды. Урны либо оставались на поверхности костра, либо помещались в небольшую четырехугольную или круглую ямку, перекрытую камнями. Над обоими типами захоронений насыпался земляной холм, на вершине которого совершалась тризна. В могилу ставили несколько мелких сосудов, иногда амфоры. Женские погребения сопровождают украшения, бронзовые зеркала, иголки; мужские — оружие, палестрические сосуды, стригели. Изделия из золота и терракотовые статуэтки встречаются редко. Некрополь пантикапейского полиса VI—V вв. до н. э. в основном был греческим.

Территория некрополя IV—III вв. до н. э. значительно увеличилась в южном и северном направлениях, охватив прилегающие к горе Митридат западные части возвышенности, вошло сюда и Глинище. Сохраняются прежние типы могил. Появляются захоронения в каменных саркофагах, черепичные могилы, земляные и каменные (иногда расписные) склепы. В погребениях на северном склоне преобладала восточная ориентировка, на южном она составляла только половину для всех погребений, а остальные имели северо-восточную, юго-восточную и редко южную или северную. Сокращается количество захоронений с кремацией, которые встречаются, главным образом, в курганах. Погребения сопровождает гораздо большее число вещей. В мужских погребениях встречаются чернолаковые килики, лекифы, алабастры, стригели и оружие. По сравнению с предшествующим временем количество погребений с оружием сокращается. Для женских погребений характерны украшения, бронзовые зеркала, иглы, пексиды, лекифы и т. д. В детских захоронениях обычны бусы, подвески, серьги и терракотовые статуэтки. На рот умершего или в руку часто кладут монету.

Во II—I вв. до н. э. некрополи на южном и северном склонах горы Митридат сокращаются по площади, тогда как границы некрополя на Глинище остаются неизменными. Наряду с прежними типами погребальных сооружений появляются подбойные могилы. Снова увеличивается количество погребений с кремацией. Преобладает восточная ориентация покойников, но часто встречается южная и северная. Над могилами ставили надгробные стелы с изображением бытовых и заупокойных сцен. Встречаются каменные расписные склепы (склеп 1832 г.). Среди чрезвычайно разнообразного греческого материала встречаются местные сосуды из черной глины.

На рубеже I в. до н. э.— I в. н. э. и во II в. н. э. территория некрополя увеличивается. В погребальном обряде преобладают трупоположения. Возрастает число подбойных могил и земляных склепов. Каменные склепы I в. н. э. зачастую двухкамерные и не имеют лежанок. Встречаются расписные склепы, в том числе и земляные. Известны погребения в деревянных саркофагах. На Глинище засвидетельствованы погребения в саркофагах вне склепов и большое количество надгробных стел, часто с изображением воинов. Доминирует восточная ориентировка покойников, но встречаются и другие. Погребальный инвентарь состоит большей частью из красноглиняной и краснолаковой посуды, стеклянных сосудов, бус, пряжек. Встречаются украшения из золота, импортные изделия. Возрастает количество погребений с оружием. Наличие в погребальном инвентаре шейных гривн, костей баранов, сосудов из местной черной глины, а также изображения на стелах умерших в негреческой одежде указывает на увеличение в составе населения Пантикапея представителей местных племен.

В III в. н. э. площадь некрополя сокращается почти в два раза. В IV в. н. э. некрополь еще больше уменьшается. Основным типом погребений являются трупоположения в ямах и подбойных могилах. Погребения знати совершались в земляных склепах, довольно часто расписывавшихся геометрическими узорами (иногда изображался также и бог Сабазий). В IV в. н. э. господствует западная ориентировка костяков, связанная с распространением христианства. Выделяются три христианских некрополя: на горе Митридат, в районе Госпитальной улицы, на Глинище. Они сопровождаются христианскими надгробиями с надписями и крестами. Погребальный инвентарь состоит из одного — трех сосудов, изредка краснолаковых. Погребения с оружием редки. В могилах встречаются уже не имеющие хождения старые или перечеканенные монеты, римские монеты или оттиски с них. Деформированные черепа погребенных, наличие шейных гривн указывают на изменение состава населения. Некрополь III—

IV вв. н. э. показывает обеднение и сокращение населения Пантикапея.

Курганный некрополь Пантикапея занимал обширную территорию к западу — на гребнях холмистых кряжей, как например, курганы группы Юз-Обы, Золотой курган и курган Куль-Оба. Значительная курганная группа простирается к северу от Керчи, вдоль Ново-Карантинного шоссе, включая Царский курган. Есть курганы и в непосредственной близости от Пантикапея — Мелек-Чесменский курган (*Цветаева Г. А.*, 1957а, с. 229).

Феодосия

Город с этим названием находился на южном побережье Крымского полуострова на месте современной Феодосии. Город был основан во второй половине VI в. до н. э., согласно периплу Арриана (§ 30) переселенцами из Милета. Демосфен в речи против Лептина (33) и Страбон (VII, 4, 4) сообщают о прекрасной гавани Феодосии. Город упоминается в трудах Псевдо-Скилака (68), Псевдо-Арриана (63—67) и Полиена (V, 23). Вместительная гавань и местоположение Феодосии на морских торговых путях, плодородие окружающих земель способствовали быстрому росту и процветанию города. В конце V и в IV—III вв. до н. э. Феодосия чеканит свою монету. Город располагался на холме «Карантинная горка», защищенном от северных и западных ветров отрогами крымских гор. Северо-западная часть холма срыта в конце XIX в. при строительстве морского порта. В XIX в. южнее генуэзской крепости обнаружен некрополь V—III вв. до н. э. (*Штерн Э. Р.*, 1906). В 1852, 53 гг. А. А. Сибирский раскопал семь курганов, а в 1855 г. И. К. Айвазовский не менее четырех. В 1894 г. раскопки некрополя проводил А. Л. Бертье-Делагард. В 1892—1894 гг. при строительстве морского порта А. Л. Бертье-Делагард проводил наблюдение за ходом строительства и сбором археологического материала. При работах были обнаружены остатки античного мола (*Колли Л. П.*, 1909, с. 125). Археологическое изучение городища проводилось в 1949, 1950, 1951 гг. И. Б. Зеест (*Зеест И. Б.*, 1953), в 1975—1977 гг.— Б. Г. Петерсом (*Петерс Б. Г.*, 1979, с. 399—463). Незначительные масштабы археологических работ и мощные средневековые напластования являются причиной слабой изученности города. Находки фрагментов сероглиняных лепных сосудов с лощеной поверхностью и врезным орнаментом, обнаруженные на уровне подтески скал или под греческими строительными остатками, указывают на существование поселения местных племен до появления греков.

Наиболее ранние строительные остатки греческого города относятся к V в. до н. э. Это остатки стен здания, сложенного из тщательно отесанных квадров, стоящих на фундаменте из одного ряда грубо обработанных камней. Высота стен до 2 м, их внутренняя поверхность была покрыта красной краской, пол посыпан песчаниковой крошкой. Остатки некоторых стен V в. до н. э. были использованы в качестве фундаментов для сооружений, выстроенных над этим домом в IV—III вв. до н. э. В 1975—1977 гг. исследовались два помещения дома V—IV вв. до н. э. На камнях фундамента уложена кладка из сырцовых кирпичей. Пол одного из помещений — глинобитный с известняковой крошкой, местами вымощен плитами. В северо-восточном углу находился очаг из поставленных на ребро плит известняка. Ко второму строительному периоду относятся остатки перегородки, глинобитный пол и большая печь из положенных и поставленных на ребро крупных плит известняка. Вблизи дома обнаружены остатки водостока и вымостки. Над руинами этого помещения вскрыты остатки сыродутного горна первых веков нашей эры, сложенного из камней и глины и заполненного внутри углем, крицами и шлаком (*Петерс Б. Г.*, 1979).

Нимфей

Нимфей расположен в 17 км к юго-западу от Пантикапея у современного пос. Героевка на берегу моря и Чурубашского озера, в древности являвшегося морским заливом. Эсхин (§ 17) называет Нимфей местечком в Понте, находившимся ранее во владении Афин. В перипле Псевдо-Скилака (§ 68) Нимфей определяется как эллинский город. Страбон (VII, 4,4) называет его городом с прекрасной гаванью. Нимфей упоминается также у Плиния (IV, 86), Птолемея (VI, 2), в анонимном перипле Псевдо-Арриана (§ 76), у Стефана Византийского и других авторов. Исследования некрополя и города были предприняты в 1876 г. А. Л. Люценко и Н. П. Кондаковым, а в 1878—1880 гг.— С. И. Веребрюсовым. Основные работы велись на некрополе. Было раскопано 55 курганов, две катакомбы и 111 погребений в слившихся могильных насыпях (*Силантьева Л. Ф.*, 1959, с. 5—107). Систематические исследования Нимфея начаты в 1933 г. М. М. Худяком и продолжены В. М. Скудновой. С 1966 г. их проводит Н. Л. Грач, которая открыла также более 200 погребений, относящихся к периоду со второй половины VI в. до н. э. до раннего средневековья.

Город, по-видимому, возник на месте ранее существовавшего скифского селища, остатки которого в виде 17 ям обнаружены в юго-восточной части городища. В ямах найдены обуглившиеся зерна пшеницы и ячменя, кости домашних животных, обломки лепных орнаментированных горшков и лощеных сосудов (*Худяк М. М.*, 1962, с. 12—16; *Скуднова В. М.*, 1954). Нимфей был основан в начале VI в. до н. э. ионийцами, в числе которых преобладающая роль принадлежала выходцам с о. Самоса (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 175). Расчищены незначительные остатки фундаментов нескольких архаических жилых домов, сложенных из плоских тесаных плит известняка, на которых сооружались стены из сырцового кирпича. (*Худяк М. М.*, 1962, с. 17 сл.). В кладке одного из архаических домов в красноглиняном кувшинчике найден клад из 17 серебряных пантикапейских монет VI в. до н. э. (*Скуднова В. М.*, 1950, с. 78, 79, табл. 1).

К первой половине VI в. до н. э. относится возникновение святилища Деметры. Древнейшей частью его является расселина в скалах за пределами города. Там найдены обломки четырех культовых масок, 15 глиняных ритонов (местного и самосского производства), две глиняные формы для выделки терракот — одна для изготовления нагой тучной женской фигуры со сложенными на животе руками, другая — для изготовления бородатого толстого си-

лена с подогнутыми ногами. В 3 м от расселины обнаружена небольшая гончарная печь в форме эллипса, которая в середине VI в. до н. э. оказалась перекрытой оградой священного участка (*Худяк М. М.*, 1952, с. 257; *1962*, с. 36—42). В середине VI в. до н. э. здесь к скале пристроено первое здание святилища площадью 10 м². Его стены сложены из сырцовых кирпичей, уложенных на фундамент из мелких плиток. Здание было крыто черепицей, имело керамический карниз с геометрическим расписным узором и акротерий с изображением цветов лотоса. На территории теменоса были найдены обломки переносных жертвенников — эсхар цилиндрической формы, изготовленных в Нимфее и привезенных с о. Самоса, самосские терракотовые статуэтки, формы для изготовления статуэток и фигурных ваз и т. д. В конце VI в. до н. э. святилище гибнет при пожаре.

В VI в. до н. э. в городе также возводится святилище хтонических божеств, существовавшее и в начале V в. до н. э. Сохранились остатки целлы, сложенной из плоских плиток известняка. К востоку от святилища открыта неглубокая цистерна, дно и стенки которой были выложены мелкими камнями. Там найдены: акротерий, аналогичный акротерию из святилища Деметры, и обломки двух культовых блюд — мраморного и глиняного (*Худяк М. М.*, 1962, табл. 7, *1* и 8,*1*).

К юго-востоку обнаружено здание конца VI—V в. до н. э., состоявшее из четырех помещений и мощеного дворика. В помещении II был глинобитный очаг, под ним перевернутое горло амфоры в обрамлении мелких камней и с зольным холмиком над ним. Здесь же найдены фрагменты культовых ритонов. С южной стороны здание было окаймлено оградой. Предполагается, что это здание являлось святилищем Афродиты (*Худяк М. М.*, 1962, с. 23 сл.). В V в. до н. э. в городе ведется большое строительство. Возводится новое здание святилища Деметры, к юго-востоку от архаического. Оно имело вид вытянутого четырехугольника, одной из поперечных стен которого служила скала. Территория, огороженная стеной теменоса, занимала около 60 м². В северо-западной части теменоса находился алтарь. Святилищу принадлежали две фависсы, обнаруженные в восточном и северном углах теменоса. В числе приношений, найденных на теменосе и в фависсах, много обломков терракот, среди которых преобладают протомы Деметры; чернофигурная аттическая гидрия второй половины VI в. до н. э. и великолепный терракотовый рельеф с изображением танцующей менады (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 177, рис. 32). Это святилище было разрушено в результате мощного обвала. В середине V в. до н. э. в святилище Деметры возводится третье здание большего размера. Оно покрыто черепицей, украшено терракотовыми карнизами с водосливами в виде львиных голов, стены оштукатурены и покрашены красной краской. Под полом, выложенным каменными плитами, были фависсы. В одной из них лежало бронзовое зеркало и терракоты, изображающие девушек-гидрофор, во второй — краснофигурные кувшины. В третьей фависсе, открытой вне храма на теменосе, найдены краснофигурные аттические гидрии конца V в. до н. э., обломки чернолаковых сосудов, среди которых килик с вырезанной посвятительной надписью Деметре, фрагменты статуэток (*Худяк М. М.*, 1962, с. 47—53). Вблизи святилища стоял алтарь четырехугольной формы, к востоку от него — округлый жертвенник. Между алтарем и жертвенником было очень маленькое помещение без находок.

Капитально перестраивается святилище на акрополе. Оно приобрело форму вытянутого прямоугольника, ориентированного с юго-востока на северо-запад. Внутри целлы перед поперечной стеной находится полукруглая кладка, сложенная в виде абсиды диаметром 4,75 м. Вдоль абсиды, повторяя ее изгиб, сооружена глинобитная ступенька. По оси здания на расстоянии 4,30 м от центра абсиды находилось округлое углубление в глинобитном полу, в котором был камень с грубо отесанными плоскими гранями. Стены внутри здания были покрыты штукатуркой, окрашенной в красный цвет. Сохранились обломки карнизов с жемчужником и акротериями, фрагменты водосливов в виде львиных масок. Все архитектурные украшения синопского производства. Возле северо-восточного угла здания находилась цистерна диаметром 1 м, глубиною 0,80 м, стенки которой сложены из шести рядов камней (*Худяк М. М.*, 1962, с. 21). В святилище найдено много фрагментированных терракотовых статуэток животных (лошадей, баранов, свиней, быков) и птиц. Там же найдены представляющие особый интерес терракотовая головка мальчика в высоком остроконечном головном уборе — пилосе, характерном атрибуте кабиров, и скарабеоид с изображением мужского бородатого лица в пилосе — несомненно, кабира. У входа в здание, по-видимому, находился камень с надписью «не пачкайте святилище», найденный в кладке оборонительной стены IV в. до н. э.

Здание, расположенное к юго-востоку от святилища хтонических божеств, тоже перестаривается. Во втором строительном периоде функционировали три его помещения и мощеный дворик. Вблизи найдены детали керамического архитектурного декора синопского производства V в. до н. э.

На территории городища обнаружены остатки 11 жилых построек V—IV вв. до н. э. Как правило, все дома состояли из одного помещения и мощеного дворика. (*Худяк М. М.*, 1962, с. 30). Ко второй половине V — началу IV в. до н. э. принадлежат две винодельни. Одна из них представляет собой известняковую плиту с размерами 0,71×0,72 м, в которой вырублено квадратное в плане корытообразное углубление, переходящее в слив. Край слива примыкает к борту прямоугольной ямы, в которую, очевидно, ставился сосуд для сбора отжимаемого сока. От другой винодельни сохранился только каменный круглый в плане тарапан со сливом. В конце V — начале IV в. до н. э. он был использован при сооружении водостока (*Грач Н. Л.*, 1979, с. 95—99).

В начале IV в. до н. э. город подвергся разрушению, но вскоре восстанавливается. Во второй половине IV в. до н. э. он окружается крепостной стеной шириной 2,36 м из крупных плит известняка. (*Худяк М. М.*, 1962, с. 33—35, табл. 28, 29). В стене прослежен проезд шириной 1,16 м и калитка. К западу от проезда стена круто поворачивала к югу и была укреплена дополнительной кладкой. В конце

IV в. до н. э. проезд был заложен и в этой части стены функционировала только калитка.

В святилище Деметры возводится новое здание площадью 11×8 м, имевшее одно помещение неправильной прямоугольной формы. Под вымощенным плитами полом находилась фависса. К северо-западу от здания стоял алтарь из хорошо отесанных плит известняка. В конце III в. до н. э. святилище Деметры перестало существовать.

К юго-востоку от здания конца VI—V вв. до н. э. открыто общественное здание IV в. до н. э., от которого сохранились нижние ряды кладок стен и керамические украшения верхних частей здания (акротерий с изображением женской головы, два обломка карниза с пальметками, бутонами лотоса, жемчужником и водосливы в виде львиных голов (*Худяк М. М.*, 1952, с. 30, рис. 24). В центральной части городища Н. Л. Грач в 1966 г. обнаружила фундаменты большого здания III в. до н. э., сложенного из розового мергеля вторичного использования с полом из известняковой крошки и с подвалом. Поблизости прослежена улица IV в. до н. э. шириной 4 м, содержащая несколько слоев каменно-черепянных вымосток. Вдоль нее проходил каменный водосток. После сооружения дома из мергеля, водосток был разрушен, но улица продолжала функционировать и в первые века нашей эры. Другая улица V—III вв. до н. э., обнаруженная к востоку от дома, была устроена на искусственной террасе, укрепленной подпорной стеной. Она вела к калитке в южной крепостной стене. Под ее вымостками обнаружены два каменных водосборника. Сточные воды по водостокам собирались в цистерны или же отводились за пределы города. Ко II в. до н. э. относится большой дом, состоящий из нескольких помещений. В одном из них найдено сооружение из поставленных на ребро плит, пространство между которыми заполнено глиной, а в центре установлен четырехугольный камень с углублением в верхней части. На глине и камне прослежены следы огня. Ориентация здания с северо-запада на юго-восток свидетельствует об изменении планировки города в указанный период, поскольку дома VI—V вв. до н. э.— первых веков нашей эры имели направление север — юг.

В первые века нашей эры в центральной части Нимфея проводятся большие перепланировочные работы, с которыми связаны огромные перемещения земли. В верхних слоях обнаружены остатки зданий II—III вв. н. э. Среди них большой, неоднократно перестраивавшийся дом, погибший от пожара в III в. Раскопана большая усадьба римского времени с мощеным двором, окруженным помещениями с хозяйственными ямами, загородками и кормушками для скота. Ряд домов I — начала II в., отделенных друг от друга улочками и переулками, открыты в южной части раскопа «Г». Все они погибли при пожаре. Незначительные постройки II—III вв. н. э. свидетельствуют о том, что центральная часть города была почти не заселена. В III в. на месте центральной улицы появляются ямы (см. АО 1968 г., с. 300; АО 1970 г., с. 268). На территории святилища Деметры во II—III вв. были выстроены две гончарные печи. К ним примыкали небольшие жилые помещения, сооруженные из остатков стен святилища (*Худяк М. М.*, 1962, с. 55). В III в. жизнь на городище прекратилась.

Севернее, западнее и южнее города простираются грунтовый и курганный некрополь. Для грунтового некрополя Нимфея характерно два типа погребений: кремация, когда пепел помещается в амфоры и другие сосуды, и трупоположения в плитовых могилах или в неглубоких могилах четырехугольной формы, вырубленных в скале или грунте и иногда перекрытых каменными плитами. В ряде случаев стенки могил выкладывались сырцовыми кирпичами (*Силантьева Л. Ф.*, 1969). В погребениях VI — начала V в. до н. э. костяки обычно лежат на спине, головой на северо-восток. Погребальный инвентарь состоит из одного-двух сосудов. В мужских погребениях иногда встречается оружие (скифские мечи и наконечники стрел), в женских — украшения, иглы, пряслица. Известно несколько скорченных погребений на правом боку, без инвентаря. В могилах V—IV вв. до н. э. и эллинистического времени сохраняются указанные типы погребений и погребальный инвентарь, но костяки чаще всего ориентированы головой на восток. Погребения в сырцовых гробницах по-прежнему ориентированы на северо-восток. Детские могилы эллинистического времени часто имели плитовые перекрытия и сопровождаются антропоморфными надгробиями, сосудами из серой и красной глины, терракотами и украшениями.

К I—III вв. н. э. относятся погребения в грунтовых ямах, в могилах и склепах, вырубленных в скале и в плитовых могилах с одиночными или парными захоронениями. Склепы состоят из камеры с арочными или прямоугольными входами, закрытыми большими плитами, и дромоса с лестницей. В склепе 7 над входом вырезаны рельефные изображения Афины, Диониса, Пана и Силена. В склепе 11 на стене, противоположной входу, вырезана голова бородатого мужчины. Стены склепа 8 были расписаны. Склепы являлись семейными усыпальницами, содержавшими по несколько захоронений в деревянных гробах, зачастую украшенных гипсовыми налепами. Среди инвентаря могил I—III вв. н. э. отметим керамические и стеклянные сосуды, бронзовые фибулы, пряжки и перстни, пастовые, агатовые и гранатовые бусы, монеты, терракоты, золотые украшения. Вблизи могил часто встречаются конские захоронения.

В курганах Нимфея имеются почти все названные выше типы погребальных сооружений. Большая часть их содержит погребения скифской знати, часто с оружием, золотыми украшениями и с захоронениями коней. Некоторые курганные захоронения совершены по греческому обряду. Основная масса курганов датируется V—IV вв. до н. э., но встречаются курганы и более позднего времени.

Мирмекий

Мирмекий располагался на северном берегу современной Керченской бухты, как пишет Страбон (VII, 4, 5), в 20 стадиях от Пантикапея и отождествляется с развалинами древнего города, обнаруженного на скалистом мысу в 4 км от Пантикапея (*Дюбрюкс П.*, 1858, с. 15; *Бларамберг И. П.*, 1848, с. 13). Данные Страбона подкрепляются указаниями Клавдия Птолемея (III, IV, 3), упоминающего мыс Мирмекий, и Псевдо-Арриана (76, 50). Наиболее

раннее упоминание о Мирмекии имеется в перипле Псевдо-Скилака (§ 68). Его упоминают также Помпоний Мела (II, 3), Плиний (IV, 87) и Стефан Византийский (SC, I, с. 263). Существует мнение, что своим наименованием город обязан древнегреческому слову муравей или риф (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 166), но, согласно С. А. Жебелеву, название города могло восходить и к личному имени ойкиста (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 306, 307).

Город занимал площадь около 6 га и был вытянут вдоль берега. Его западная часть представляет собой возвышенность, заканчивающуюся скалой с площадкой в верхней части, к которой ведут вытесанные в камне ступени. Здесь в 1834 г. были обнаружены два склепа с общим дромосом, из которых были извлечены два мраморных саркофага — один из них украшен скульптурой. Захоронения в черте города дали основание предположить, что эти склепы принадлежали представителям царского дома Боспора (*Максимова М. И.* и *Наливкина М. А.*, 1955, с. 306 сл., рис. 19). В 1820 г. П. Дюбрюкс совместно с И. А. Стемпковским сняли план городища. В первой четверти XIX в. план Мирмекия был снят И. Бларамбергом. Проводили здесь исследования также А. Е. Люценко и П. И. Гросс (*Гайдукевич В. Ф.*, 1941а, с. 98—103). С 1934 по 1938 г. и с 1946 по 1966 г. (с перерывами) систематические и планомерные археологические исследования Мирмекия проводил В. Ф. Гайдукевич (*Гайдукевич В. Ф.*, 1941а; 1952а; 1958б; 1959а; 1963б; 1965).

Обломки позднеархаической керамики и, в том числе, родосско-ионийских сосудов второй четверти — середины VI в. до н. э. в юго-западной части городища указывают на время основания города и его первоначальное местонахождение. Напластования и остатки стен жилых домов конца VI — начала V в. до н. э. были выявлены в центральной части городища (*Гайдукевич В. Ф.*, 1959а, с. 27). Открыты две стены постройки конца VI в. до н. э., сложенные из небольших плоских камней желтоватого известняка и пристроенная к ней впритык стена, сооруженная в начале V в. до н. э., а также позднеархаическая яма глубиной 1,35 м, стенки которой выложены мелкими плоскими плитками. В яме найден обломок чернофигурного сосуда 530-х гг. до н. э. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1959а, с. 29—55).

В V в. до н. э. Мирмекий достиг наибольших размеров. Однако оборонительными стенами город был обнесен не ранее начала IV в. до н. э. Трасса оборонительной стены проходила от юго-западной части побережья, огибая город с севера, и выходила к морю в юго-восточной части города (табл. XXX). Возможно, что открытая Ф. И. Гроссом в 1885 г. стена террасы выполняла одновременно и функции южной оборонительной стены. Открыт отрезок северной стены шириной 2,20—2,50 м с башней. Стена двухпанцирная с бутом посредине, сложена на глине из крупных блоков известняка, отесанных с лицевой стороны. Башня по фасаду имеет длину 6,20 м, ширину 6 м (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952а, с. 139—145). Вдоль восточной границы города выявлены два строительных периода существования оборонительной стены. Ранняя стена (шириной 2,40 м) просуществовала IV — первую половину III в. до н. э. В середине III в. до н. э. на ее месте возвели другую, более мощную стену шириной 3,8 м (*Пругло В. И.*, 1960, рис. 1, *3*). В ряде мест (вдоль северной и восточной стен, в центральной части города) открыты остатки улиц, имевших ширину от 2,70 до 4,2 м и переулка (ширина 1,5 м). (*Гайдукевич В. Ф.*, 1941а, с. 123 сл.; 1952а, с. 138 сл.; *Пругло В. И.*, 1960). По материалам эллинистических слоев, наиболее целостно раскрытых на участке «И», можно прийти к выводу, что застройка города в это время велась хаотично. Наряду с рядовыми жилыми домами в городе были общественные здания и частные жилые дома с богатым архитектурным декором, о чем свидетельствуют находки фрагмента каннелированного барабана, рельефной маски силена, плиты с триглифами от антаблемента эллинистического дома, барабана дорической колонны, фрагментированной дорийской капители, а также две плиты с триглифным фризом и архитравом, вытесненные каждая из одного известнякового блока и плита карниза с остатком розеток и с мутулами, являвшимися частями антаблемента дорийского здания с портиком высотой около 4 м конца IV — начала III вв. до н. э. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1941а, с. 108; 1952а; с. 151—154, рис. 31—33).

Одним из типичных домов Мирмекия I—II вв. является «дом винодела» на участке «Б», где жилой комплекс составляет единое целое с производственным зданием — винодельней. Дом состоит из трех помещений, расположенных в его северной части и большого мощеного двора со служебным помещением в его юго-восточной части (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952а, с. 137, 159, 163—166). С запада к жилому комплексу примыкает здание винодельни, состоящее из двух больших помещений — кладовой и помещения с давильными площадками и резервуарами. На одной из давильных площадок была каменная прямоугольная плита для отжима виноградного сока из мезги (*Гайдукевич В. Ф.*, 1941а, с. 116, 117; 1958а, с. 416). Другой винодельческий комплекс открыт в центральной части городища. Семь помещений группируются вокруг большого мощеного двора. С северо-запада ко двору дома пристроено помещение винодельни, состоящей из одной давильной площадки и резервуара. К этому большому дому с востока примыкает другой, состоящий из трех помещений и Г-образного в плане двора. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958 в, с. 198, 199). Неподалеку от этого дома, к востоку открыт большой жилой и хозяйственный комплекс, состоящий из нескольких помещений, из которых раскопками раскрыто четыре. Одно из помещений занято винодельней II—I вв. до н. э.

На рубеже II—I вв. до н. э. в центральном районе Мирмекия отмечаются следы массового разрушения жилых построек. На рубеже нашей эры эти руины были разобраны, а вся территория подверглась засыпке и нивелировке, в результате которой над развалинами эллинистических домов образовалась насыпь мощностью до 2,50 м (*Гайдукевич В. Ф.*, 1959а, с. 55, 71). В южной части раскопа было раскрыто 14 помещений первых веков нашей эры, примыкающих к одной стене, вытянутой вдоль улицы. Они являются остатками жилых комплексов, части которых, расположенные южнее, не раскапывались (табл. XXX).

Мирмекий был крупным центром боспорского виноделия. На городище открыто 10 винодельческих хозяйств. Наиболее ранняя мирмекийская винодельня (№ 5) начала III в. до н. э. состоит из одной давильной площадки и одной вместительной цистерны емкостью около 1800 л (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 451, 452). Винодельня (М1), открытая в доме винодела, функционировала с конца III в. до н. э. до середины I в. до н. э. и была разрушена вместе с домом. Затем была перестроена и эксплуатировалась в I—II вв. н. э. Две эллинистические винодельни были открыты в восточной части городища, возле оборонительной стены. Одна из них (М6) III в. до н. э. состояла из двух давильных площадок и трех цистерн, общей емкостью 7830 л. Во II в. до н. э. винодельня подверглась ремонту, а в I в. до н. э. была засыпана. От другой винодельни (М7), II—I вв. до н. э., сохранились фрагменты давильной площадки и двух цистерн (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 452, 457; *Пругло В. И.*, 1960, рис. 4, *5*). Ко II—I вв. до н. э. относится винодельня (М4) производственный комплекс которой находился в большом здании, состоявшем из двух помещений. В одном из них были сооружены три давильные площадки (средняя с круглым тарапаном диаметром 1,46 м) и две цистерны, вмещавшие 3900 л (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 453—457). К первым векам нашей эры относятся две расположенные рядом одинаковые по площади винодельни М2 и М3 (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 409, рис. 54). Они включали по три смежных давильных площадки и по три цистерны. Там же найден железный нож для срезания виноградных гроздьев (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952а, с. 185, рис. 91; 123, *7*).

Из производственных сооружений, открытых в Мирмекии, интересно рыбозасолочное хозяйство III в. н. э., обнаруженное в возвышенной части города. Восемь рыбозасолочных цистерн располагались в помещении в две линии по четыре в каждом ряду. Общая вместимость всех их 116 м³. Цистерны покрыты несколькими слоями розовой цемянки. Вдоль наружной северо-восточной стены помещения обнаружено 23 углубления от столбов, поддерживавших навес. Рядом найдены днища пифосов, в которых хранилась соленая рыба, а в одном из пифосов — сосуд для вычерпывания рыбы из ванн (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952а, с. 195, 204—208).

В Мирмекии открыты остатки гончарного и литейного производств. Об этом свидетельствуют находки литейной формы (*Пругло В. И.*, 1965, рис. 37), формочек для выделки рельефных сосудов, а также наличие рельефных сосудов местного производства, изготовленных по слепкам, сделанным с привозных ваз (*Шургая И. Г.*, 1962, рис. 1, *2*).

В центральном районе города открыт зольник высотою около 3 м (*Гайдукевич В. Ф.*, 1965). Прослежены два периода его существования: «зольник I» и «зольник II». «Зольник I» возник над остатками святилища, датируемого рубежом VI—V вв. до н. э. — серединой V в. до н. э., от которого сохранились остатки трех помещений и мощеного двора. В одном из помещений обнаружен алтарь с углублением, заполненный золой (*Gajdukevič V. F.*, 1971, s. 182, fig. 48). «Зольник I», функционировавший со второй половины V по начало IV вв. до н. э. площадью около 150 м², состоит из зольных напластований толщиной до 1 м. В его верхней части в крайне фрагментарном состоянии была открыта ограда из небольших плиток. В «зольнике I» найдены, главным образом, обломки многочисленных аттических киликов, среди которых на одном фрагменте было граффити с посвящением Афродите, что позволило высказать предположение о связи «зольника» с культом Афродиты (*Гайдукевич В. Ф.*, 1965, с. 34). «Зольник I», как уже указывалось, был перекрыт напластованиями «зольника II», площадь которого приближалась к 600 м². Толщина «зольника II» более 2 м. Судя по монетам, он образовался в период от 320—280 гг. до н. э. до 250—230 гг. до н. э. Среди многочисленных находок — терракотовые статуэтки, преимущественно женские (особенно много протом Деметры), а также статуэтки, представляющие жанровые сцены, более 700 клейменых амфорных ручек, главным образом, синопских. Часто встречаемые граффити со словом ἱερός («священный»). На одном чернолаковом блюде рубежа IV—III вв. до н. э. начертаны имена двух жертвователей. Над «зольником II» была открыта плитовая ограда высотой 0,5 м, огораживавшая его с восточной стороны на протяжении 15 м. Мирмекийский зольник скорее всего является частью большого культового комплекса. Он и играл роль алтаря, на котором сжигались жертвоприношения, сюда сносились также пришедшие в негодность культовые предметы, многочисленные пожертвования, а также зола из всех очагов святилища.

Некрополь Мирмекия прослеживается в северном и восточном направлениях от города. На западе он сливается с обширным некрополем Пантикапея. В XIX — начале XX в. некрополь раскапывали Ф. И. Гросс, К. Е. Думберг, А. А. Бобринский и В. В. Шкорпил (ОАК 1882—1888, с. 88, 215; 1889, с. 10; 1898, с. 19; ИАК, вып. 17, 1905, с. 70—76; вып. 30, 1909, с. 78—96). В 1953 г. раскопки велись в районе поселка им. Войкова (*Капошина С. И.*, 1959, с. 108 сл.). Наиболее ранние захоронения относятся к началу V в. до н. э., поздние — к III в. н. э. Самым распространенным типом могил были прямоугольные ямы, часто высеченные в скале и перекрытые плитами, деревом или черепицами. Имеются склепы, трапециевидные в разрезе, перекрытые плитами, со специальными входами. Реже встречались могилы со ступенькой с одной стороны и подбойные могилы, заложенные плитами. Зафиксированы высеченные в скале семейные склепы с лежанками и нишами, датируемые III в. н. э. Характер погребального обряда — греческий (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 255; *Капошина С. И.*, 1959, с. 144; *Кастанаян Е. Г.*, 1959, с. 287).

Тиритака

Руины Тиритаки открыты в 11 км от Пантикапея, возле современного поселка Аршинцево на северном берегу морского залива (в настоящее время Чурубашское озеро). Город упоминается Псевдо-Аррианом (76), Птолемеем (III, 6, 3) и Стефаном Византийским. Согласно Плинию (IV, 86), в этом месте был город Дия. В. Ф. Гайдукевич полагал, что «Дия» — название Тиритаки в римское время (*Гайдукевич В. Ф.*, 1941в, с. 91) или же «Дия» была на

месте одного из двух поселений, известных поблизости (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958г, с. 185). По мнению В. Д. Блаватского, «Дия» — греческое наименование города, а «Тиритака» — местное, восходящее к древнейшему догреческому поселению, предшествовавшему основанию греческого города (*Блаватский В. Д.*, 1954в, с. 22, 23). Планомерные исследования города велись с 1932 г. Ю. Ю. Марти, Л. М. Славиным, а с 1946 по 1957 гг. раскопками городища руководил В. Ф. Гайдукевич (*Гайдукевич В. Ф.*, 1937; 1940а, в; 1952б, в; 1958).

Город был основан ионийскими переселенцами в середине VI в. до н. э. на месте поселения эпохи поздней бронзы (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 172). Он имеет форму неправильного четырехугольника, острым углом обращенного к югу (табл. XXXI). В западной части города были выявлены остатки двух зданий второй половины VI в. до н. э. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 74—86, рис. 85). Одно из них состояло из трех помещений (табл. XXXII). Каменная кладка служила цоколем, на котором возводились сырцовые стены. В помещении I найдены следы двух очагов, один из которых был сложен из плиток известняка, обмазанных изнутри глиной. Возле второго, от которого сохранилось сильно обожженное пятно диаметром в 1 м, были найдены: терракотовая раскрашенная маска, статуэтки богини, клазоменская амфора, две коринфские котилы, нижняя часть фрагментированного алтаря, фрагменты лепной чаши и лощеного сосуда (табл. XXXII), (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 77 сл.) В V в. до н. э. Тиритака была окружена оборонительной стеной, при этом западная торцовая стена первого дома была включена в крепостную стену, а стены второго архаического здания были разрушены. В южной части городища были открыты два ряда кладки оборонительной стены шириной 1,70—1,80 м. Стена двухпанцирная из крупных хорошо отесанных плит неправильной формы с бутом посредине (*Марти Ю. Ю.*, 1941а, с. 14). Два других отрезка этой стены шириной около 2 м открыты в западной части (*Книпович Т. Н.*, *Славин Л. М.*, 1941, с. 42). На рубеже IV и III вв. до н. э. городские стены капитально перестраиваются. В южной части городища выявлен участок стены шириной 2,40 и 2,68 м с башнями (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 17—21). Основной массив стены из бутового камня, облицовочная кладка из крупных плит шириною до 1 м с рустом на лицевой стороне. Башня I из крупных квадров известняка, сложенных насухо, является южной точкой обороны города. На северо-восток от нее раскрыта частично башня III. Между ними был въезд в город с вымосткой и следами ворот (*Марти Ю. Ю.*, 1941а, с. 14 сл.). Башня II пристроена впритык к оборонительной стене, вероятно, в позднеэллинистическую эпоху. В северо-западной части возле трапециевидной башни IV, по-видимому, были городские ворота (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 17).

В северном углу города открыта западная оборонительная стена, фланкирующая ее угловая башня и отрезок северной стены. В этой части фортификационных сооружений четко выделяются две кладки — основная, из крупных плит на глине толщиною 2,30 м и облицовочная — шириною до 1,60 м. В угловой башне обнаружена четырехугольная амбразура высотою 0,15 м, шириною 0,24 м и стена из рустованных плит на высоту до 2 м. К юго-востоку раскрыта еще одна башня со стенами шириной 1,30—1,40 м. Ее внешний фасад сложен из рустованных блоков известняка, лежащих поверх кладки из крупного бута высотою 1 м (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958г, с. 153 сл.). Внутренний панцирь оборонительной стены сооружен из грубо обработанных плит. Оборонительные сооружения города продолжали функционировать и в римское время. Значительно меньше известно о градоустройстве Тиритаки. У южной оборонительной стены открыта улица с двумя горизонтами вымостки эллинистического периода. В римское время вымостка была засыпана (*Марти Ю. Ю.*, 1941а, с. 18). В центральной части южного района между зданием винодельни и домом первых веков нашей эры выявлена улица шириною 4,80—5,30 м, вымощенная щебнем и черепками. Представление о жилищах эллинистического времени дает каменный дом III в. до н. э. площадью около 40 м² с двумя смежными помещениями. В меньшем из них найден круглый жернов и дно пифоса. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 43 сл.). Значительно лучше изучены строительные остатки первых веков нашей эры. Город оставался в границах эллинистических стен, но интенсивно перестраивался. В южной части городища открыта улица шириною до 5 м, северо-восточнее которой был район с рыбозасолочными ваннами. Эта часть города располагалась на верхней террасе, поддерживаемой подпорной стеной. К западу от улицы раскрыт жилой дом I в. н. э., состоящий из четырех помещений и двора с плитовой вымосткой. Дом существовал до рубежа II—III вв. (*Книпович Т. Н.*, *Славин Л. М.*, 1941, с. 47 сл.). Наиболее интересен «дом рыбака», погибший в пожаре во второй половине IV в. в связи с гуннским нашествием (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 108 сл.). Дом состоял из центрального двора, вымощенного крупными плитами и семи помещений. Водосток, выводил сточные воды за пределы дома. Лестница у входа в помещение вела на второй этаж. Во дворе обнаружено ложе давильного пресса винодельни. В нижней части одной из стен помещения были замурованы в культовой нише кости поросенка, ягненка и севрюги, присыпанные морским песком и прикрытые черепками амфоры и сероглиняным светильником. В помещении I на высоте 1,25 м от пола сохранилось вытянутое окно, шириной 0,55 м, а под ним прямоугольный очаг со стенками из каменных плит. Помещения III и IV были кладовыми. В самом большом помещении V, в которое со двора вел лестничный спуск из пяти ступеней, сохранился очаг. Среди фрагментов разнообразной посуды в глиняном горшке обнаружены 227 боспорских монет от 276 до 332 гг., три серебряные сережки, перстень, миниатюрный бронзовый полый цилиндрический футляр с двумя ушками для продевания шнурка. Там же были и так называемые «галлы» — краситель в виде овальных шариков, использовавшийся и как дубильное вещество. В помещениях дома постоянно находили предметы, связанные с рыболовством и с переработкой рыбы. К юго-западной стене помещения I снаружи примыкала рыбозасолочная цистерна. Найдены амфоры с остатками рыбы, каменные грузила, костяной нож для чистки рыбы, иглы для плетения сетей.

В южных и юго-западных кварталах города вскрыто несколько групп крупных рыбозасолочных хозяйств, в том числе 16 рыбозасолочных цистерн I—III вв. были вплотную пристроены (со стороны города) к южной оборонительной стене (*Марти Ю. Ю.*, 1941а, с. 21—23). Северо-западнее этого комплекса раскрыто две группы рыбозасолочных цистерн, одна из которых возникла, возможно, еще в конце I в. до н. э. Здесь было открыто пять цистерн. Еще далее на северо-запад обнаружены две рыбозасолочные цистерны IV в. н. э. глубиной 3,25 м (*Книпович Т. Н.*, *Славин Л. М.*, 1941, с. 52 сл.). Рыбозасолочное хозяйство III в. из шести цистерн, расположенных в три ряда попарно, раскрыто на верхней террасе у западной городской стены. Там же был сложенный из плит ларь, по-видимому, для хранения соли. Четыре рыбозасолочных хозяйства открыты в восточной части города поблизости от моря (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 47 сл.). Одно состояло из шести рыбозасолочных цистерн, расположенных попарно в три ряда. Возле них были обнаружены днища шести пифосов, очевидно, для хранения готовой продукции. В трех остальных имелось по четыре цистерны в каждом. Два хозяйства существовали с рубежа I—II вв. н. э. до конца III в., а два других — с I по IV вв. н. э. В этом же районе обнаружены три цистерны для засолки рыбы, функционировавшие до конца IV в. н. э. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958г, с. 173 сл.) В Тиритаке найдены остатки семи виноделен, из них две эллинистических, две II—III вв. н. э. и три — III—IV вв. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 25 сл.; 1958 г, с. 422 сл.).

Грунтовой некрополь в непосредственной близости от городища исследовался в 1933 и 1934 гг. (*Блаватский В. Д.*, 1941в; *Кобылина М. М.*, 1941, с. 75—84; *Марти Ю. Ю.*, 1941в, с. 30 сл.). Наиболее ранние из погребений относятся к V в. до н. э. Это, главным образом, земляные могилы, перекрытые известняковыми плитами, а также круглые в плане ямы с кремацией. При раскопках курганов в середине XIX в. были открыты погребения IV—III вв. до н. э. Большая часть открытых погребений относится к I—IV вв. н. э. По-прежнему есть грунтовые могилы, перекрытые плитами, и большие земляные склепы — двухкамерные и однокамерные с дромосами. Вход в камеру закладывался большой прямоугольной плитой. Как разновидность этого типа склепов отмечаются земляные склепы со сводчатыми камерами.

Порфмий

Городище, отождествленное с Порфмием, упоминаемым в перипле Псевдо-Арриана (69,76) и у Стефана Византийского (SC., I, с. 264) расположено вблизи побережья у наиболее узкой части Керченского пролива. С 1953 г. исследуется Е. Г. Кастанаян (*Веселов В. В.*, 1952; *Кастанаян Е. Г.*, 1958б; 1972). Порфмий возник, вероятно, в конце VI — начале V в. до н. э. и существовал до первых десятилетий I в. до н. э. Площадь города около 0,65 га (табл. XXXIII, *1*). Начальный период жизни города исследован слабо. Открыты остатки дома конца VI—V вв. до н. э., стены которого возведены на материковой скале. В конце V — первой половине IV в. до н. э. на этом месте возводится большое здание, состоявшее из четырех помещений. Стены сложены из местного грубо отесанного известнякового камня на цоколе из прямоугольных плит. Во второй половине IV в. до н. э. строится новое здание. Одна из стен шириной 1 м служила на протяжении всех трех строительных периодов. Стены ранних построек ориентированы по линии вюв-зсз. Находки обломков сырцовых кирпичей позволяют предполагать, что отдельные стены дома V в. до н. э. были возведены из сырца на каменном цоколе. В наиболее ранних постройках конца VI — начала V в. до н. э. были найдены обломки однолезвийных мечей типа махайры и наконечник копья VI — начала V в. до н. э. В середине III в. до н. э. город был построен заново на снивелированных руинах более ранних зданий, разрушенных, возможно, вследствие какой-то катастрофы в первой половине — середине III в. до н. э. Новый город был сооружен по единому плану, ориентированному строго по странам света. Он был окружен оборонительной стеной, сооруженной одновременно с городскими кварталами. Раскрыта северо-западная часть оборонительной стены, угловая башня и к югу от нее западный участок стены. Стена шириной немногим более 2 м сложена из крупных глыб известняка на глине. Стены северо-западной угловой башни более мощные, толщиной около 3 м. Возле башни, в западной стене были ворота. Вторые городские ворота шириной 2 м открыты в средней части северной стены. Со стороны города они были укреплены пилонами, сооруженными из хорошо отесанных квадров известняка. Эти ворота были заложены во II в. до н. э.

Основу планировки города составляют пересекающиеся под прямыми углами продольные и поперечные улицы. Выявлены три продольных улицы, идущие с востока на запад с интервалом в 11 м. Ширина их колеблется от 1,50 до 1,75 м. 1-я Продольная улица была вымощена втрамбованными в глину черепками, а вдоль ее северного края шел тротуар из плит известняка. Поперечные улицы шириной 1,50 м лежат на расстоянии 63 м друг от друга.

Жилые дома эллинистического времени сгруппированы в блоки по кварталам, средний размер которых 63×11 м. (табл. XXXIII, *1*, *2*). Вся городская территория состояла из шести кварталов. Дома сооружены из известняковых плит неправильной формы вперемешку с бутовым камнем на глине. Обычный дом эллинистического периода состоит из двух-трех помещений и мощеного дворика прямоугольных очертаний. Площадь двориков 20—30 м², жилых помещений — 15—20 м². Отдельные помещения имеют площадь 35 м², а дворы около 50 м². Ширина помещений 5 м при различной их длине. В северном квартале, пристроенном к оборонительной стене, дворики располагались в южной части дома, тогда как в домах к югу от 1-ой Продольной улицы дворы находились в северной части. Выход на улицу из дома был через дворик. Дома были крыты боспорской и синопской черепицей. В помещениях открыты печи.

Разнообразие импортной керамики и терракот (табл. XXXIII, *3—5*), обилие амфор, множество монет свидетельствуют о том, что Порфмий, по-видимому, играл роль складского и перевалочного пункта (*Кастанаян Е. Г.*, 1958б, с. 207). Однако, важ-

нейшая функция Порфмия заключалась в охране переправы с европейского берега Боспора на азиатский. Местоположение некрополя неизвестно.

Илурат

Название города упоминается Клавдием Птолемеем (SC, I, с. 259). П. Дюбрюкс составил план городища (табл. XXXIV, *1*) (*Дюбрюкс П.*, 1858, с. 54—63). В. Ф. Гайдукевич отождествил городище с упоминаемым Птолемеем Илуратом (*Гайдукевич В. Ф.*, 1950). В 1947 г. В. Ф. Гайдукевич произвел там разведку, а с 1948 г. по 1960 г. он проводит планомерные археологические раскопки города и частично некрополя (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958б). С 1968 г. город исследует И. Г. Шургая (*Шургая И. Г.*, 1970; 1975). В 1968—1976 гг. раскопки некрополя проводил М. М. Кубланов (*Кубланов М. М.*, 1971; 1972; 1976).

Город, основанный в середине I в. н. э., расположен на высоком плато, которое имеет наклон к северо-востоку и занимает площадь около 2 га. Разница в уровнях северо-восточной и юго-западной границ города составляет 15 м, поэтому при его застройке использована террасная система. Высота террас от 0,6 до 2 м. (табл. XXXIV, *2*). Город по периметру был окружен оборонительными стенами, фланкированными башнями. Ворота находились посредине юго-восточной и юго-западной стен. Протяженность юго-восточной стены 200 м, юго-западной — 100 м, северо-восточной — 150 м. Наиболее мощной, до 2,40 м, была кладка стен, ограждавшая город со стороны плато (юго-восточной и юго-западной). После сооружения второго оборонительного пояса, толщина стен достигла 6,40 м. Ранняя стена с лицевой стороны сложена из широких плит известняка на глине, с внутренней из бутового камня. Облицовка дополнительного четырехметрового пояса сложена из крупных грубо обработанных блоков известняка. Юго-восточная стена имела четыре башни. Северо-восточная угловая башня I выступала на 4 м от внешнего фасада стены. На расстоянии 31 м от нее стояла башня II. После перестройки стены она имела длину 14,50 м и выступала от линии стены на 6 м. В южной башне высотой до 5 м хорошо сохранился дверной проем входа в башню с притолокой. К юго-западной стене была пристроена лестница из хорошо отесанных блоков известняка, связанная с двором жилого дома. В проеме юго-западных ворот города сохранился паз для засова, запиравшего ворота. В северо-западной оборонительной стене толщиной 3,15 м, огибавшей уступы крутого обрыва (табл. XXXIV, *2*), открыта калитка шириною 1,20 м. Возле калитки было небольшое караульное помещение. С оборонительной системой Илурата связан подземный ход, обнаруженный и частично раскопанный П. Дюбрюксом (*Дюбрюкс П.*, 1858, с. 56). В 1949 г. он был расчищен на протяжении 7 м. Ширина его 0,40—0,90 м, высота — 1—1,20 м (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, с. 111, 112). Прорубленный в скале ход вел за пределы крепости к основанию холма. Помимо основного пояса оборонительных стен, вполне возможно, были дополнительные укрепления (*Дюбрюкс П.*, 1858, с. 55—58; *Гайдукевич В. Ф.*, 1950, рис. 1а, б; 1958б, с. 20 сл.).

Основу планировки города образуют две широкие улицы, Большая Продольная и Большая Поперечная, пересекающиеся под прямым углом. Большая Продольная улица шириной 5 м проложена от юго-западных ворот, рассекает город на две части, ее, в свою очередь, пересекают через равные интервалы 12—14 м, десять улиц поперечного направления шириной 1—1,80 м. Они были параллельны Большой Поперечной улице шириною 3,30—4,50 м, идущей от юго-восточных ворот. Вторая поперечная улица проходит по краю террасы. Уровень полов, примыкавших к ней домов 2 и 3 на 2—2,10 м ниже вымостки улицы и в них вели монументальные лестницы шириною 1,35 м, сложенные из плит. Следы террасной системы встречены и на центральном участке (*Шургая И. Г.*, 1975, с. 105, рис. 2, *2*). В одном из домов (открытых в центральной части города) помещения находятся на 0,60 м ниже вымостки двора, находящегося на уступе другой террасы, устроенной на подсыпке. В пределах юго-западного участка, где склон холма не так крут, как в центральном и северо-восточном районах города, террасы не строились. Большая Продольная и Большая Поперечная улицы вымощены щебнем с черепками, поперечные улицы на участках I и IV вымощены плитами известняка. Одна из них вымощена щебнем. По обеим сторонам Большой Поперечной улицы открыты остатки тротуара из плит. Оборонительные стены города — их первоначальный пояс — и основные стены кварталов были выстроены единовременно из местного камня.

Выделяется пять разновидностей илуратского дома, ядром которого был мощеный плитами двор. Многие дома были двухэтажными. Как правило, значительную часть дома занимает большое помещение, в котором сосредоточены все основные хозяйственные сооружения, большая печь, разнообразные загородки из плит (табл. XXXIV, *3*), стенные ниши, многочисленный бытовой инвентарь — посуда, орудия труда, предметы культа. Печи, как правило, сооружались из вертикальных плит, внутри был один или два саманных столбика, на которые опиралась глиняная с примесью самана плита. Дым выходил через дымоходное отверстие в стене (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, рис. 6—9). Загородки из двух параллельных рядов плит высотою до 0,50—0,80 м, вкопанных в землю, служили яслями для засыпки корма, в них хранили продовольствие и предметы быта. Зерно ссыпали в пифосы или в ямы грушевидных очертаний, выдолбленные в скале. Устья ям обкладывались каменными плитками и закрывались каменными крышками.

О занятии земледелием, помимо зернохранилищ, говорят находки сельскохозяйственных орудий — серпов, кос и железного наральника, четырехугольных гранитных и известняковых круглых жерновов и разнообразных каменных ступ. О животноводстве свидетельствует как обилие костей домашних животных, так и маслобойки, чашки-цедилки. В небольших масштабах могло быть развито домашнее виноделие, судя по обломку небольшого тарапана, а также ткацкое и гончарное ремесло. Найдена глиняная форма для изготовления светильников и многочисленные лепные сосуды и статуэтки, как жанровые, так и культовые, связанные в первую очередь с женским божеством плодородия. С этим божеством связан и глиняный штемпель для оттискивания изображений на культовых лепешках, найденный в помещении

29 на участке I (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, с. 58, 68, 79–89).

На IV участке открыты алтарь в виде плиты и алтарь, сложенный из плит, над которым возвышался зольный холм. В его зольной насыпи найдены четыре миниатюрные статуэтки и небольшой культовый сосуд (*Шургая И. Г.*, 1975, рис. 3). В северо-восточной части города возле башни I открыто большое святилище, изолированное от других построек (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, с. 37–47). Возле его стен на возвышении из материковой скалы обнаружено воронкообразное углубление, а рядом следы большого костра, в золе которого найдены кости козы. В северо-восточном углу святилища на столе в виде большой треугольной плиты, лежала меньшая плита, а на ней человеческий череп. На одном из его шейных позвонков обнаружен след рубящего удара. Здесь же были кости курицы (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, с. 41–46).

Илурат погиб при нашествии готов в 70-х годах III в. н. э. Некрополь Илурата занимал территорию к северо-западу от городища, где найдены плитовые могилы и к юго-западу и юго-востоку от городища, где открыты погребения в склепах. Большая часть склепов представляет собой вырубленные в скале неправильных очертаний камеры, к которым вели дромосы, обычно с грубо высеченными в скале ступенями. Есть также сложенные из хорошо отесанных квадров известняка большие склепы правильной геометрической формы. В отдельных склепах отмечены следы устройства клинчатого свода, иногда склепы представляют собой катакомбы с каменными «лежанками» (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, с. 139 сл.).

Китей

Городище находится на высоком обрывистом берегу Черного моря в 38 км к юго-западу от Пантикапея. Руины города в настоящее время занимают 4,5 га (*Марти Ю. Ю.*, 1928, с. 120). Китей (Кит, Кидеака) упоминается в сочинениях Псевдо-Скилака (68), Плиния (IV, 86). Птолемея (III, 65), Стефана Византийского. Его местоположение подтверждается находкой храмового стола — массивной плиты с двумя подставками в виде бюстов кариатид с надписью 234 г. н. э., сообщающей о сооружении общиной города Китея храма «богу гремящему» (КБН, 942). Первый план его был составлен П. Дюбрюксом. Небольшие раскопки здесь проводились в 1928, 1929 гг. (*Марти Ю. Ю.*, 1929; *Гайдукевич В. Ф.*, 1959б, с. 223), в 1957 г. (*Белова Н. С.*, 1961), а с 1970 г. раскопками руководили С. С. Бессонова, а затем Е. А. Молев (см.: АО 1971–1977 гг.). В целом время жизни города определяется примерно с V в. до н. э. до V в. н. э. В IV в. до н. э. Китей был окружен стенами толщиной около 2,5 м с башнями и рвом. В I в. н. э. эти укрепления были усилены второй стеной, шедшей вплотную, параллельно первой с внешней стороны. Она была сооружена из больших необработанных камней и бута и имела ширину до 3 м. В центре, вблизи зольника, где была найдена упомянутая надпись, по-видимому, и находился храм «богу гремящему». Там же обнаружены и мраморные солнечные часы, украшенные рельефным изображением головы быка. Зольник существовал в течение всей истории города. К III в. до н. э. относится жилое помещение с очагом и цистерной для воды, раскопанные на берегу. От II–IV вв. н. э. дошли остатки двух стен довольно большого здания, мостовой, жилых построек с зернотерками, каменными кормушками, зерновыми ямами, пифосами. В слое III–IV вв. н. э. на западном раскопе открыт комплекс, бывший, видимо, мукомольней. Вблизи города прослеживаются остатки оград земельных участков, следы домов или усадеб. Находки бракованных гончарных изделий и остатков металлических шлаков говорят о существовании местного керамического и металлургического производства. Изобилие глиняных грузил, костяных игл для вязания сетей, множество костей рыб (судак, красная рыба) и раковин мидий свидетельствует и о занятии жителей Китея рыболовством.

Севернее и северо-западнее города находился грунтовый и курганный некрополь. Наиболее ранние захоронения в нем относятся к IV–III вв. до н. э. Некоторые из них имеют скифские черты. В первые века нашей эры распространение получили семейные усыпальницы высеченные в скале, земляные и сооруженные из плит.

Киммерик

Упоминается Псевдо-Аррианом (§ 76) как один из наиболее удаленных к югу от Пантикапея городов и Страбоном (XI, 2,5). Остатки города обнаружены в 50 км к югу от Пантикапея на мысу, расположенном между берегом Черного моря и озером Элькен, в древности являвшимся, по-видимому, морским заливом. В округе Киммерика обнаружена крепость на плато Опук и ряд небольших поселений на южном берегу озера и на восточном склоне горы Опук (холм А) (табл. XXXV, *1*). П. Дюбрюкс снял план городища (хотя ошибочно отождествил его с Китеем) и крепости на горе Опук (рис. XXXV, *4*) (*Дюбрюкс П.*, 1858, с. 63–75). Проведя небольшие разведочные раскопки, он обнаружил водоем, дно которого украшал геометрический орнамент, выложенный галькой (*Кругликова И. Т.*, 1958б, рис. 1, 2). И. П. Бларамберг составил его описание и план. Он верно отождествил город с древним Киммериком. В 20-х гг. XX в. Ю. Ю. Марти провел небольшие раскопки на западном склоне горы Опук, обследовав также и развалины оградительной стены между городским поселением и берегом оз. Элькен (*Марти Ю. Ю.*, 1928, рис. 1–10). В 1947–1949 гг. И. Б. Зеест производила раскопки на двух холмах — «Змеиный» и «Большой» (*Зеест И. Б.*, 1949а, б; 1950). В 1950, 1951 гг. И. Т. Кругликова продолжала изучение города на западном склоне г. Опук (раскоп «Береговой») и исследовала поселение на восточном склоне горы (холм А) (*Кругликова И. Т.*, 1958б, с. 223–236). На западном склоне г. Опук, на месте греческого города наиболее ранние находки керамики относятся к V в. до н. э., но строительных остатков этого времени не обнаружено. В эллинистическую эпоху центральная часть Киммерика, вероятнее всего, находилась в районе Большого холма. Она была окружена с южной, западной и северной сторон стеной циклопической кладки (*Зеест И. Б.*, 1949а, рис. 20), которая отмечена и на плане И. П. Бларамберга (*Марти Ю. Ю.*, 1928, с. 5, рис. 5). Стена тянется в восточном на-

правлении, где удается проследить два ее внешних фасада, сложенных из огромных необработанных блоков известняка, с забутовкой внутреннего пространства. Аналогичная стена толщиной 2,50 м ограждала порт Киммерика. В восточной части плато на горе Опук находилось укрепление. В его северной части была цитадель, прямоугольная в плане с мощными стенами толщиной более 4 м из блоков известняка. Идущая к югу от цитадели стена пересекает плато поперек. Сохранились ворота и остатки фундаментов двух башен. Крепость была построена в I в. до н. э., но существовала и во II—III вв. н. э. (*Зеест И. Б.*, 1949б, с. 94). От оборонительных сооружений плато в восточном направлении по склону горы идет стена («Восточная стена») толщиною 2,50—3,00 м, длиною 500 м с пятью башнями, оборонявшая район восточного и южного склонов горы. Укрепления Киммерика, видимо, составляли единую систему обороны вместе с Узунларским валом.

К III в. н. э. относится здание, раскопанное на «Змеином холме» у берега моря. Оно включало дворик и три помещения, расположенные на трех террасах. Полами всех помещений служила горизонтально стесанная скала. Кровля дома была глинобитной, глиной облицовывалась и внутренняя поверхность стен помещений. В помещении Б найдены две ступы, сложенный из плит столик и зернотерка. На полу этого и соседнего помещения найдены обуглившиеся зерна пшеницы и ячменя, которые, вероятно, хранились в больших амфорах и пифосе. Помещение Г, возможно, было кладовой, где, кроме зерна, хранились и рыболовные снасти (*Зеест И. Б.*, 1950, с. 101 сл.).

На раскопе «Береговой» открыта часть здания, два сохранившихся помещения которого были пристроены к подпорной стене (табл. XXXV, *6*). Они были полуподвальными. Открыт участок мощеной улицы с водостоком из поставленных на ребро плит. Вблизи дома были большие зерновые ямы — хранилища (*Кругликова И. Т.*, 1958б, с. 245 сл.) (Табл. XXXV, *6*, *7*). Находки рыболовных грузил, рыбьих костей, кусков цемянки от обмазки рыбозасолочных цистерн свидетельствуют о занятиях жителей. В течение III в. н. э. Киммерик, по-видимому, неоднократно подвергался разрушениям и во второй половине — конце III в. н. э. прекратил существование.

Сельская территория

В 50-х годах XX в. были начаты широкие разведки сельской территории (хоры) европейской части Боспора (*Гайдукевич В. Ф.*, 1959б, с. 187; *Веселов В. В.*, 1952; 1959; *Блаватский В. Д.*, *Шелов Д. Б.*, 1955; *Семенов С. А.*, *Кунин В. Э.*, 1959; *Лесков А. М.*, *Збенович В. Г.*, 1962). С 1953 г. там осуществляются систематические раскопки сельских поселений (*Кругликова И. Т.*, 1956а; 1957б, в; 1958а; 1959а, в; 1960, 1961; 1962а, 1963а, б; 1965, 1968; 1969; 1970б; 1973; 1975а; *Арсеньева Т. М.*, 1963; 1970б; *Петерс Б. Г.*, 1978). Выявлено более 200 античных сельских поселений (см. карты 7—9), позволивших воссоздать историю сельскохозяйственной территории с VI—V вв. до н. э. по I—III вв. н. э. Поселения VI—III вв. до н. э. не имели оборонительных укреплений. Чаще всего они представляли собой группу построек. Раскопано несколько поселений VI—V вв. до н. э. вблизи Нимфея и Киммерика (карты 7, 8).

Поселение «Героевка» расположено в 5 км к югу от Нимфея. Оно возникло в VI в. до н. э. В V в. до н. э. было временно оставлено жителями, в конце V в. до н. э. жизнь на нем вновь возродилась. Протяженность поселения около 1 км вдоль берега моря. Оно состояло из изолированных построек, отделявшихся приусадебными участками. Открыты остатки небольших домов, сложенных из плохо обработанных камней, а частично из сырцовых кирпичей, каменный водосток, глинобитная печь, зерновые ямы и колодец глубиной более 8 м, прямоугольный в плане со стенками, выложенными из тщательно обтесанных известняковых блоков. Под каменными стенами одного из домов открыты субструкции из прослоек глины и золы глубиной до 3,5 м. Поселение процветает в IV—III вв. до н. э., затем приходит в упадок, дома разрушаются. Но в I в. до н. э. площадь нивелируют, колодец засыпают и на месте одного из домов возводится монументальное здание усадьбы, сейчас почти полностью обрушившееся в море в результате разрушения береговой полосы. Усадьба существовала с I в. до н. э. по II в. н. э.; в III—IV вв. она разрушена и на всем этом участке был пустырь.

Поселение «Холм А» расположено вблизи Киммерика на восточном склоне горы Опук, на расстоянии около 1 км от берега (табл. XXXV, *1—4*). Раскопан дом, от которого сохранились три изолированных жилых помещения с двориками, существовавший с конца VI по IV вв. до н. э. Дворики частично вымощены плитами. В помещениях найдены очаги и зерновые ямы. Возможно, что первоначально дом представлял собой комплекс большого числа помещений, окружавших центральный двор, типа так называемого Торика. Дом был построен над землянкой, в засыпи которой найдена керамика VI—V вв. до н. э. вместе с черепками эпохи поздней бронзы (*Кругликова И. Т.*, 1958б, с. 226).

Около села Марьевка в 8 км к северу от Киммерика обнаружены следы восьми сельских поселений IV—III вв. до н. э. и некрополь с могилами, стенки которых выложены мелким плитняком, а перекрытиями служат огромные каменные плиты (*Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 60). Исследовалось одно из поселений (на поле) площадью 400×200 м. Оно состояло из группы изолированных домов, стоявших с интервалами в 30—40 м. Поселение существовало с V по III в. до н. э., открыты остатки домов с каменными цоколями, вымостки, очаги. Один из домов имел два помещения с двориком. Инвентарь жилищ очень беден.

Аналогичное поселение раскапывалось у с. Марфовки в 3 км к западу от Марьевки. Здесь открыт дом из двух помещений и дворика. Стены его из глины и бута лежали на цоколе из крупных камней. Второй дом отстоял от первого не менее чем на 22 м. От него уцелела каменная вымостка, часть стен и зольник, в основании которого было круглое сооружение из дикарных камней (*Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 65).

Еще далее к северо-западу в глубинной части Керченского полуострова исследовались аналогичные неукрепленные поселения IV—III вв. до н. э.

Карта 7. Сельские поселения Европейского Боспора VI—III вв. до н. э.

а — античные поселения и усадьбы. Составитель И. Т. Кругликова

Карта 8. Сельские поселения северо-восточной части Керченского полуострова VI—III вв. до н. э.

а — поселения и усадьбы; *б* — скопление керамики; *в* — некрополи; *г* — курганы. Составитель И. Т. Кругликова

у деревень Слюсарево и Сазоновка. В Сазоновке раскопаны остатки разрушенных каменных домов из глины и бута. Среди находок единичные обломки терракотовых статуэток и чернолаковых сосудов. Много лепных сосудов, орнаментированных черным лощением с резными линиями и налепами-выступами. К северо-западу от Феодосии (в округе современного города Старый Крым) открыты 13 сельских поселений. В 1956 г. при раскопках одного из них у с. Айвазовское было найдено девять хозяйственных ям с керамикой конца V—III в. до н. э., в том числе с чернолощеными сосудами, украшенными резным орнаментом с белой инкрустацией (возможно, таврскими). Здесь же обнаружены остатки канала IV—III вв. до н. э. шириной 1 м, глубиной 0,5 м.

На поселении Андреевка Южная расположенном в 11 км к западу от Керчи на небольшом холме вдали от моря удалось выявить три периода, связанных с серьезными переменами в жизни его обитателей. Возникновение его относится к концу VI — началу V в. до н. э. Открыто углубленное в землю жилище этого времени с сырцовыми стенами на каменных цоколях, зерновые ямы. Первоначально поселение было небольшим, но к V—IV вв. до н. э. оно разрастается. Раскопаны два дома конца V — начала IV в. до н. э., расположенные на расстоянии 30 м один от другого. Основания стен каменные, в верхней части стены сложены из сырцовых кирпичей размером 40×40×8 см. В одном из домов, состоявшем из одного помещения, найдены красноглиняные гончарные сосудики, краснофигурный килик и серебряная змейка с золотой головкой (табл. XXXVI, *5*, *6*, *9*, *12*). В конце IV в. до н. э. на месте нескольких разрушенных домов строится большая сельскохозяйственная усадьба с двумя дворами, многочисленными помещениями и зерновыми ямами. Общая площадь усадьбы около 1137, 5 м² (табл. XXXVI, *13—15*). К стене длиной 45,5 м, ограничивавшей усадьбу с северо-востока, примыкали 11 помещений. В средней части усадьбы между дворами были длинные помещения — стойла для скота. Восточный двор площадью более 157 м², вымощенный плитами, был хозяйственным. Возможно, что западный двор был засажен деревьями, сюда выходили жилые помещения хозяев усадьбы и укрепленная башня (*Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 80—92). Кроме здания усадьбы, вблизи от нее строятся отдельные, вероятно, хозяйственные постройки. Среди находок бронзовые боспорские монеты последней трети IV — начала III в. до н. э., много обломков синопских амфор, сероглиняных и красноглиняных сосудов, терракотовых статуэток, чернолаковых сосудов иногда с граффити, бусы из египетского стекла, ручка от бронзового черпака. В одной из хозяйственных построек найдена льячка (табл. XXXVI, *1—4*, *7*, *8*, *10*, *11*).

Остатки отдельных небольших усадеб с земельными участками обнаружены около деревни Октябрьское в 10 км к западу от Пантикапея. Там исследовалось поселение с сохранившимися оградами земельных участков. На одном из участков площадью 4,5—5 га с виноградником был дом IV—III вв. до н. э. с черепичной крышей. Удалось проследить изменения размеров земельного участка, который в I в. до н. э.— I в. н. э. увеличился почти в три раза и достиг 13,95 га. Сохранились его каменные ограды. В III—IV вв. н. э. на месте пахотных полей появляются каменные загоны для скота, что позволяет говорить об изменении хозяйственного профиля этой усадьбы (*Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 127 сл.).

В 6 км к северо-западу от Нимфея находилось поселение Южно-Чурубашское. На план, снятый Рябовым в 1852 г., нанесены следы каменных стен и оград, разделявших древние земельные участки (*Гайдукевич В. Ф.*, 1940 в, с. 317). Раскопки открыли остатки наземных домов и зерновые ямы VI—V вв. до н. э. В конце V—IV вв. до н. э. здесь были построены три дома. Два из них площадью по 29 м² имели по два помещения, третий меньший был однокомнатным. Перед входом в южный жилой дом находился портик, внутри дома были каменные лежанки, лари, очаг. Крыша была черепичной. Поселение состояло из нескольких усадеб. Оно прекратило существование в III в. до н. э.

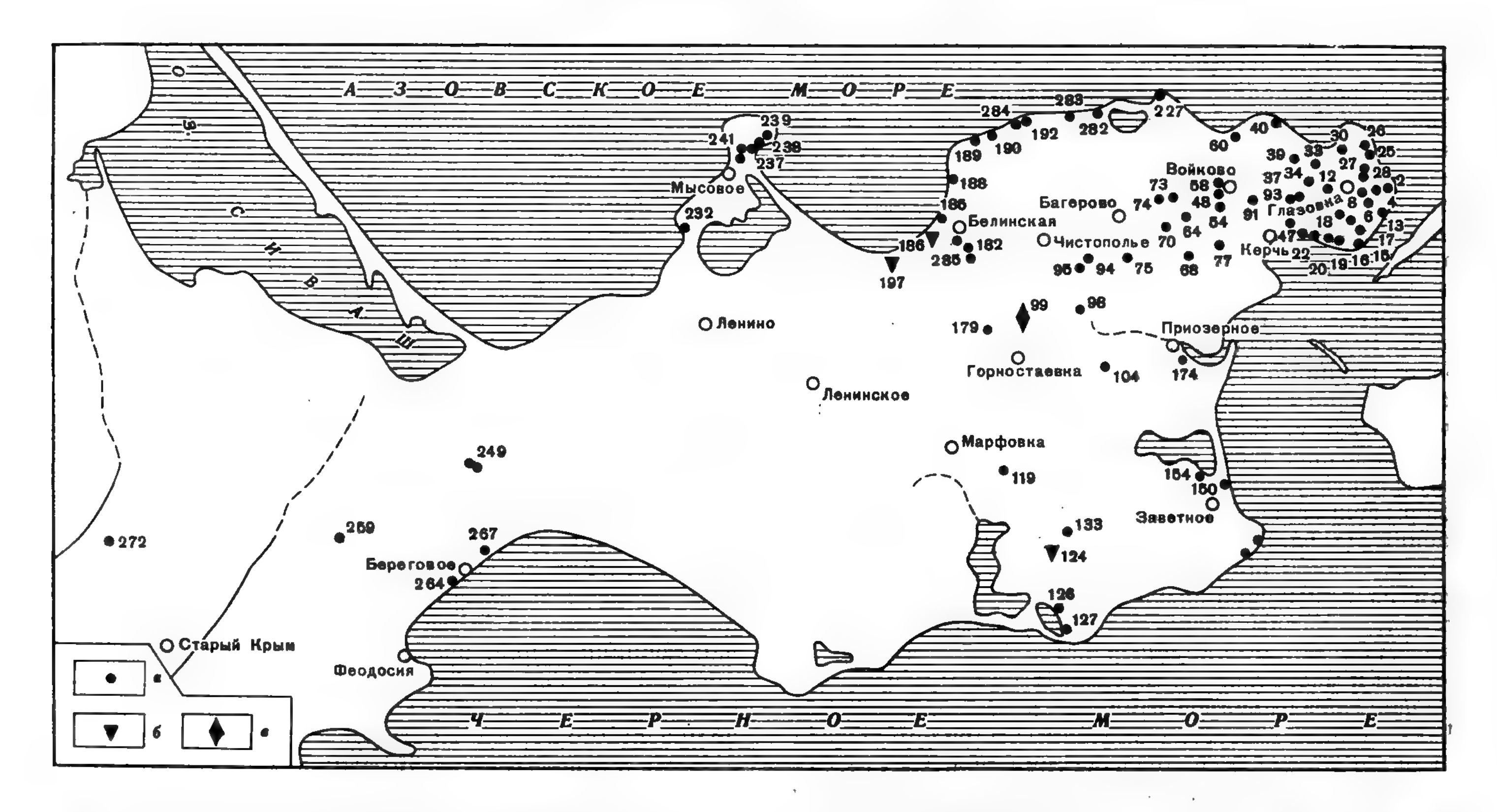
Группа поселений исследована в северной части Керченского полуострова на побережье Азовского моря. У с. Мысовка (на мысе Казантип) обнаружены остатки двух больших домов IV—III вв. до н. э., сооруженных на месте разрушенной деревни V—IV вв. до н. э. В районе с. Золотое около поселка Золотой Рожок раскапывалась античная деревня, находившаяся на ровном поле в 1 км от моря. Дома IV—III вв. до н. э. сложенные из камней и сырцовых кирпичей с земляными или соломенными крышами располагались в 30—50 м один от другого. Открыты части стен домов, вымостки, очаг, ямы. Еще несколько деревень V—III вв. до н. э. обнаружены восточнее, на берегу моря.

В течение III в. до н. э. происходят кардинальные изменения на хоре европейского Боспора. Прекращается жизнь на подавляющем большинстве неукрепленных сельских поселений. Часто на их месте возникают крупные усадьбы. Ко II в. до н. э. число крупных усадеб возрастает. Одну из них раскапывал В. Ф. Гайдукевич в 1951—1956 гг. у Солдатской слободы вблизи Мирмекия. Площадь этой усадьбы более 1/4 га. Она имела пять помещений в северной части дворика. В южной части были хозяйственные помещения. Открыты две винодельни III в. до н. э. В их цистернах умещалось единовременно 15 000 литров сусла. Во II или в I в. до н. э. была сооружена третья винодельня. Усадьба была богатой и по своему убранству мало отличалась от городских домов. Она существовала с III по I в. до н. э.

Во второй половине III и во II в. до н. э. возникают новые укрепленные поселения и усадьбы

Карта 9. Сельские поселения Европейского Боспора II в. до н. э.— III в. н. э.

1 — Глейки; *2* — Маяк I; *3* — Маяк II; *4* — Маяк III; *5* — Маяк IV; *6* — Маяк V; *7* — Маяк VI; *8* — Хрони I; *9* — Хрони II; *10* — Хрони III; *11* — Хрони IV; *12* — Глазовка; *13* — Жуковка; *14* — Опасное I; *15* — Опасное II; *16* — Синягино; *17* — Каменка I; *18* — Каменка II; *19* — Капканы I; *20* — Капканы II; *21* — Капканы III; *22* — Змеиный мыс; *23* — Капканы IV; *24* — Капканы V; *25* — Осовины I; *26* — Осовины II; *27* — Осовины III; *28* — Осовины IV; *29* — Юркино I; *30* — Юркино II; *31* — Темир-гора II; *32* — Темир-гора III; *33* — Темир-гора I; *34* — Темир-гора IV; *35* — Темир-гора V; *36* — Партизаны I; *37* — Партизаны II; *38* — Партизаны III; *39* — Партизаны IV; *40* — Юркино Iа; *41* — Бондаренково I; *42* — Бондаренково II;



43 — Бондаренково III; 44 — Бондаренково IV; 5 — Бондаренково V; 46 — Бондаренково VI; 47 — Карантинная слобода; 48 — Войково I; 49 — Войково II; 50 — Войково III; 51 — Войково IV; 52 — Войково V; 53 — Войково VII; 54 — Войково VI; 55 — Войково VIII; 56 — Войково IX; 57 — Войково X; 58 — Войково XI; 59 — Тархан I; 60 — Тархан II; 61 — Тархан III; 62 — Тархан IV; 63 — Мичурино I; 64 — Мичурино II; 65 — Мичурино III; 66 — Октябрьское I*; 67 — Октябрьское VI; 68 — Октябрьское II; 69 — Октябрьское III; 70 — Октябрьское IV; 71 — Октябрьское V; 72 — Малый Бабчик; 73 — Гуркмен I; 74 — Туркмен II; 75 — Андреевка Северная *; 76 — Андреевка Южная *; 77 — Золотой курган; 78 — Восход I; 79 — Восход II; 80 — Восход III; 81 — Солдатская слободка; 82 — Ак-Бурун; 83 — Кезы; 84 — Багерово; 85 — Октябрьское VII; 86 — Андреевка I; 87 — Андреевка II; 88 — Восход IV; 89 — Восход V; 90 — Войково XII; 91 — Бондаренково VII; 92 — Войково XIII; 93 — Партизаны V; 94 — Либкнехтовка *; 95 — Либкнехтовка II; 96 — Либкнехтовка III; 97 — Тасуново II; 98 — Тасуново I *; 99 — Тасуново III; 100 — Калиновка; 101 — Горностаевка I; 102 — Горностаевка II; 103 — Горностаевка III; 104 — Михайловка *; 105 — Михайловка II; 106 — Новоселовка I; 107 — Новоселовка II; 108 — Новоселовка III; 109 — Марфовка VI; 110 — Марфовка V; 111 — Марфовка II; 112 — Марфовка III; 113 — Марфовка IV; 114 — Марфовка VII; 115 — Марфовка Западная *; 116 — Тамарино I; 117 — Тамарино II; 118 — Тамарино III; 119 — Тамарино IV; 120 — Прудниково I; 121 — Просторное; 122 — Пташкино; 123 — Борисовка I; 124 — Борисовка II; 125 — «Холм А» *; 126 — Опук *; 127 — Киммерик *; 128 — Кояш; 129 — Марьевка I *; 130 — Марьевка II; 131 — Марьевка III; 132 — Марьевка IV; 133 — Марьевка V *; 134 — Вязниково I; 135 — Вязниково II; 136 — Вязниково III; 137 — Высокое I; 138 — Высокое II; 139 — Стрелковое I; 140 — Стрелковое II; 141 — Голубое; 142 — Яковенково I; 143 — Яковенково II; 144 — Яковенково III; 145 — Яковенково IV; 146 — Яковенково V; 147 — Яковенково VI; 148 — Яковенково VII; 149 — Заветное I; 150 — Заветное II; 151 — Заветное III; 152 — Заветное IV; 153 — Заветное V; 154 — Костырино *; 155 — Кореньково I; 156 — Коренково II; 157 — Коренково III; 158 — Коренково IV; 159 — Челябинцево I; 160 — Челябинцево II; 161 — Челябинцево III; 162 — Челябинцево IV; 163 — Огоньки I *; 164 — Огоньки II; 165 — Сокольское I; 166 — Сокольское II; 167 — Сокольское III; 168 — Героевка V; 169 — Героевка I *; 170 — Героевка II; 171 — Героевка III; 172 — Героевка IV; 173 — Южный Чурубаш *; 174 — Чурубаш *; 175 — Приозерное; 176 — Огородное; 177 — Васильевка; 178 — Ново-Николаевка I; 179 — Ново-Николаевка II *; 180 — Державино I; 181 — Державино II; 182 — Державино III; 183 — Пресноводная I; 184 — Пресноводная II; 185 — Ново-Отрадное I *; 186 — Ново-Отрадное II; 187 — Золотой Рожок *; 188 — Золотое I *; 189 — Золотое II; 190 — Золотое Восточное бухта *; 191 — Золотое Восточное I *; 192 — Куль-тепе I *; 193 — Куль-тепе II; 194 — Верхнее Заморское; 195 — Зеленый Яр I; 196 — Зеленый Яр II; 197 — Зеленый Яр III; 198 — Песочное I; 199 — Песочное II; 200 — Песочное III; 201 — Виноградное I; 202 — Виноградное II; 203 — Виноградное III; 204 — Слюсарево I; 205 — Слюсарево II; 206 — Слюсарево III *; 207 — Слюсарево IV; 208 — Слюсарево V; 209 — Слюсарево VI; 210 — Ленинское I; 211 — Ленинское II; 212 — Ленинское III; 213 — Сазоновка *; 214 — Фонтан; 215 — Сазоновка II; 216 — Карасевка; 217 — Кирово; 218 — Красная Горка; 219 — Королево; 220 — Ленино; 221 — Ленино II; 222 — Ленино III; 223 — Чапаевка III; 224 — Чапаевка IV; 225 — Чапаевка I; 226 — Чапаевка II; 227 — Красный Кут II; 228 — Красный Кут I; 229 — Семеновка IV; 230 — Семеновка II; 231 — Семеновка III; 232 — Семеновка I *; 233 — Рыбное I; 234 — Рыбное II; 235 — Рыбное III; 236 — Мысовое II *; 237 — Афанасьевка *; 238 — Казантип I; 239 — Казантип II; 240 — Казантип III; 241 — Мысовое; 242 — Батальное; 243 — Батальное II; 244 — Семисотка; 245 — Набережная I; 246 — Набережная II; 247 — Фронтовое I; 248 — Фронтовое II; 249 — Фронтовое III; 250 — Холмогорка I; 251 — Холмогорка II; 252 — Ячменная I; 253 — Ячменная II; 254 — Ячменная III; 255 — Владиславовка I; 256 — Владиславовка II; 257 — Тамбовка I; 258 — Тамбовка II; 259 — Тамбовка III; 260 — Тамбовка IV; 261 — Тамбовка V; 262 — Тамбовка VI; 263 — Петровка; 264 — Береговое I; 265 — Береговое II; 266 — Береговое III; 267 — Дальние Камыши; 268 — Ближнее Боевое I; 269 — Ближнее Боевое II; 270 — Ближнее Боевое III; 271 — Донская; 272 — Романовка; 273 — Гоголевка; 274 — Айвазовское *; 275 — Абрикосовка; 276 — Старый Крым; 277 — мыс Зюк (Зенонов Херсонес) *; 278 — «Черная гора»; 279 — Мысир; 280 — Генеральское западное *; 281 — Золотое верхнее *; 282 — Сиреневая бухта; 283 — Генеральское *; 284 — Куль-Тепе III *; 285 — Белинское южное; *а* — поселения и усадьбы; *б* — небольшие скопления керамики; *в* — скопление керамики

Знаком * обозначены поселения, подвергавшиеся раскопкам.
Составитель И. Т. Кругликова

(карта 9). На берегу Азовского моря у села Ново-Отрадное с 1953 по 1969 г., с перерывами, исследовалась укрепленная усадьба площадью более 800 м². Она существовала с перестройками от III в. до н. э. до 275 г. н. э., когда усадьба была разрушена и сгорела в период готских походов. Но затем, она частично восстановлена и на ее руинах возрождается жизнь вплоть до IV в., когда усадьба была разрушена при нашествии гуннов. Судя по размерам исследованного рядом некрополя, где раскопаны 43 могилы с 78 погребениями (*Арсеньева Т. М.*, 1963, 1970б) усадьба в I—III вв. н. э. была центром более крупного поселения. Здание усадьбы квадратное в плане имело внешние каменные стены толщиной до 2,8 м. В III в. они были усилены дополнительным панцирем из глины и камней. Более 1/4 внутренней площади усадьбы занимал центральный двор, вокруг которого группировались шесть помещений (табл. XXXVI, *16*, *17*) (*Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 113—115). Пять из них имели печи. В одном из помещений около глинобитной печи стояла каменная ступа, возле нее две ручных мельницы, железная мотыга, крупные остродонные амфоры с зерном и масса лепных сосудов. В другом помещении в печи лежало лепное глиняное корытце, в котором была лепная статуэтка мужчины, а рядом лежала такая же статуэтка сидящей богини (табл. XXXVI, *24*) (*Романовская М. А.*, 1974, с. 160 сл.). Находки мотыги, косы, садового ножа, больших зерновых ям (глубиной 4,2 м с диаметром дна 2,8 м) говорят о сельскохозяйственном профиле усадьбы.

Укрепленная усадьба раскапывалась с 1963 по 1979 г. у с. Михайловки (*Петерс Б. Г.*, 1978). В эллинистическое время здесь находилось поселение, прослежено пять культурных слоев, наиболее ранний из которых относится к эллинистическому времени, т. е. одновременен ранней усадьбе у с. Ново-Отрадное. Лучше прослежен план усадьбы I в. н. э. Длина каждой из ее сторон около 29 м, а общая занятая ею площадь около 850 м². В центре находился большой двор, по периметру которого вдоль стен располагались помещения. Эта усадьба погибла в конце I — начале II в. н. э. В дальнейшем здесь возникает поселение, а перестроенная усадьба была превращена в его цитадель. Она была сожжена при нашествии готов. Однако жизнь на поселении теплилась до IV в.

К только что описанному типу усадеб принадлежала постройка, существовавшая с I в. до н. э. по III в. н. э., остатки которой обнаружены в 1965 г. на холме у с. Либкнехтовка (*Смирнова Т. М.*, 1967), а также, вероятно, и укрепленное здание с винодельней, построенное в конце I в. до н. э., открытое А. Люценко на Темир-горе в 70-х годах XIX в. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1941б).

Наряду с укрепленными усадьбами в III—II вв. до н. э. возникает серия укрепленных поселений. На берегу Азовского моря в 1955 г. исследовалось поселение Золотое Восточное (*Кругликова И. Т.*, 1957в). Оно расположено на высоком холме и обнесено каменной стеной с башнями. В конце II или начале I в. до н. э. жизнь на поселении прекращается. Это совпадает с периодом, когда на сельской территории Боспора происходят большие изменения.

К I в. до н. э.— I в. н. э. резко сокращается количество сельских поселений. Возводятся и обновляются оборонительные стены на уже существующих поселениях. Примером может служить поселение у деревни Семеновки у основания полуострова Казантип на побережье Азовского моря (*Кругликова И. Т.*, 1970б). Поселение возникло в конце III — начале II в. до н. э. В I в. до н. э. оно перестраивается, сооружаются новые стены, отделяющие выступающий в море мыс от остальной территории поселка. Поселение на мысе площадью около 1/3 га имело террасную планировку. Вдоль четырех террас тянулись улицы, параллельные центральной. Переулки, соединяющие улицы, образовывали кварталы с блоками жилых домов (табл. XXXVII). Поселение погибло в пожаре в последней трети III в. Позднее жизнь продолжалась лишь на отдельных участках вне укреплений. На склоне соседнего холма находился некрополь (*Кругликова И. Т.*, 1969), вне укреплений обнаружены большие зерновые ямы, отдельные постройки и зольник. В помещениях найдены железные сельскохозяйственные орудия — наральники, косы, серпы, мотыги, садовые ножи; оружие — наконечники копий, дротиков, стрел и приспособления для рыбной ловли — крючки, грузила, обуглившиеся сети, иглы и спицы для их вязания, поплавки из пробкового дерева. Почти в каждом из помещений имелись глинобитные печи, каменные ступы, лари, лежанки, столики, загородки, отделявшие часть помещения с каменными вымостками, где стоял скот. Особенностью керамического производства данного района является распространение приема окрашивания поверхности сосуда красной краской и затем залащивания ее до блеска, как бы подражая краснолаковой керамике, тоже встречающейся на поселении (табл. XXXVII). В нескольких помещениях обнаружены домашние алтари и примитивные фигурки богини в виде идолов, которые раскрашивались, иногда после предварительной обмазки гипсом (табл. XXXVII, *35*, *36*) (*Кругликова И. Т.*, 1970д, табл. 49—51, с. 109 сл.). Обнаружено обуглившееся зерно, хранившееся в амфорах, корзинах, каменных закромах. Найдены различные украшения — фибулы, браслеты, перстни, подвески. Встречались бусы, стеклянный бисер, бронзовые сосуды, булавки, иглы, стили (табл. XXXVII, IV).

Это поселение представляет тип укрепленных поселков, возникших в тот период, когда прекратила свое существование масса неукрепленных деревень глубинной части Керченского полуострова. Для них характерны: расположение на высоких холмах, мысах, скученность жилищ, небольшие их размеры, наличие террас, большие зольники, часто в виде зольных холмов, занятие жителей сельским хозяйством и рыбной ловлей, товарный характер хозяйства, отсутствие резкой имущественной дифференциации среди жителей.

К этому же типу относится поселение Андреевка Северная, расположенное в 11 км к западу от Пантикапея вблизи Андреевки Южной. Площадь его была немногим более 1 га. Вдоль границ поселения тянутся восемь зольных холмов различных размеров. Жилые дома, расположенные на террасах, имеют по несколько помещений и мощеные дворики. Время основания поселения совпадает с гибелью неукрепленного поселения Андреевка Южная. В I в. до

н. э.— I в. н. э. поселение перестраивается, сооружаются террасы. В III в. н. э. оно погибает в пожаре. В отличие от поселения у дер. Семеновка, здесь крыши домов были черепичными, но в остальном уровень жизни обитателей этих двух поселений был одинаковым.

Интерес представляет поселение первых веков нашей эры Золотое Восточное II (Куль-тепе), расположенное поблизости от берега Азовского моря. Оно состояло из группы усадеб и имело мощные зольники высотой от 4,5 до 14 м, образовавшиеся в результате значительного сброса золы по склонам холмов, на которых стояли усадьбы.

Азиатская часть Боспора

Фанагория

Столицей азиатской части Боспора был город Фанагория, отождествляемый с большим городищем, расположенным на двух, возвышающихся друг над другом террасах в 1 км к западу от современного поселка Сенной на берегу Таманского залива. Вследствие подъема уровня моря на 3,50 м по сравнению с античным периодом северная часть города находится под водами залива. Общая площадь городища была 50 га (табл. XXXVIII, I). С запада, юга и востока городище окружено холмистой местностью с обширными грунтовыми могильниками, переходящими дальше в курганные группы и аллеи курганов, тянущиеся в западном, юго-восточном и в восточном направлении, вдоль древних дорог. Первые описания городища и его курганов относятся к XVIII — первой половине XIX в. (подробнее см. *Герц К. К.*, 1870; *Кобылина М. М.*, 1956). В 40-х годах XIX в. были начаты раскопки курганов (*Герц К. К.*, 1876, с. 13 сл.). В 50—80-е годы на различных участках города раскопки эпизодически проводили К. Р. Бегичев, К. К. Герц, И. Е. Забелин, В. Г. Тизенгаузен, С. Веребрюсов. Краткие описания результатов работ публиковались в ОАК и ИАК (*Кобылина М. М.*, 1956). В конце 20—30-х годов XX в. на городище проводилось обследование местности и ограниченные раскопки (*Башкиров А. С.*, 1928, с. 71 сл.; *Гайдукевич В. Ф.*, 1934а, с. 53 сл.). Систематические исследования города и его некрополей начаты с 1936 г. экспедицией под руководством В. Д. Блаватского и А. П. Смирнова. Была установлена стратиграфия городских напластований, определены границы Фанагории, изучался могильник (*Блаватский В. Д.*, 1940, 1941б; 1951в). С 1947 по 1975 г. раскопки города и его некрополей производились М. М. Кобылиной. В 1958, 1959 гг. на территории затонувшей части города работала подводная археологическая экспедиция (*Блаватский В. Д.*, 1961б; *Блаватский В. Д., Кузищин В. И.*, 1961) (табл. XXXVIII, I, II). С 1975 г. раскопками Фанагории руководит В. С. Долгоруков.

Из перипла Псевдо-Арриана (886) известно, что город был основан теосцами. Город был расположен на одном из островов, носившем согласно сообщению Гекатея Милетского, переданном Стефаном Византийским (§ 64) и Страбону (XI, 2, 10), наименование острова Фанагора. По периплу Дионисия (541—553) на том же острове находилась Гермонасса, тогда как Страбон располагает их на разных берегах. Такое разногласие объясняется тем, что к западу от Фанагории в античный период проходило одно из устьев реки Гипанис (современная Кубань). В перипле Псевдо-Скилака (72) сообщается о расположении города на территории Синдики. Согласно Страбону (XI, 2, 10), местность, в которой находилась Фанагория, не входила в состав Синдики. Разноречивые сведения источников В. В. Латышев объяснял изменчивостью границ Синдики в разное время (*Латышев В. В.*, 1909, с. 62). Страбон (XI, 2, 10) называет Фанагорию знаменитым и главным городом азиатского Боспора. По словам Евстафия (549) город был основан теосцами во главе с Фанагором, бежавшим после захвата их города войсками персидского царя Кира. Основание города, вероятно, произошло около 542 г. до н. э. (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 61). Находки расписной керамики, амфор и терракот подтверждают сведения письменных источников об основании города в третьей четверти VI в. до н. э. Керамика из Самоса, Клазомен и Халкиды, относящаяся к первым годам существования Фанагории, свидетельствуют о наличии среди переселенцев выходцев из этих городов, что соответствует и сообщению перипла Дионисия (541—553) о том, что в городе живут выходцы из ионийской земли. Аппиан (108—120) и Павел Orосий (VI—5, 2) рассказывают о бурных событиях I в. до н. э.

Все найденные до сих пор сооружения раннего периода зафиксированы в центральной части города — это часть фундамента и подвальное помещение с хиосскими амфорами, обнаруженные на берегу (*Блаватский В. Д.*, 1940, с. 298) и остатки архаического здания, слегка заглубленного в материк с ямками для столбов, поддерживавших деревянно-глинобитные стены (АО 1971 г., с. 143). По-видимому, ранний город занимал территорию приблизительно 500—600 м вдоль берега залива. Западная половина верхней террасы частично была занята городом VI в до н. э., восточная была за его пределами. На верхней террасе найдены части двух жилых домов, построенных из сырцовых кирпичей и уложенных непосредственно на материковый песок (табл. XXXVIII, IV). Между ними проходила улица шириной 3 м. Стены архаических домов, как и все строительные остатки античного времени, ориентированы строго по странам света. Исключение составляют фундаменты вне города, городские стены и расположенные около них дома. По-видимому, внутренняя застройка Фанагории была осуществлена по единому плану. На протяжении веков местоположения отдельных домов могли смещаться, но сам принцип градоустройства оставался неизменным. В конце VI в. до н. э. дома на верхнем плато подверглись разрушению, сопровождавшемуся пожаром. Сооружение второй половины VI в. до н. э. на центральном раскопе перекрыто глиняными субструкциями, также со следами пожара (АО 1972 г., с. 131). После гибели домов сохранившееся население обитало какое-то время в полуземлянках каждая площадью около 4 м². Стены и крыши их поддерживались угловыми столбами. В одной из них сохранились незначительные остатки очага.

В начале V в. до н. э. территория города расширяется. Проводятся большие строительные работы, возводятся крепостные стены толщиной около 1 м с фундаментами из огромных плоских камней песчаника (*Кобылина М. М.*, 1963а; 1967а, с. 127; 1969). В юго-западном углу города обнаружены остатки порога городских ворот из массивных плит известняка, на одной из которых сохранился железный стержень для крепления деревянных створок. Ширина проезжей части ворот 2,55 м. На плитах видны колеи, выбитые колесами повозок. Подступы к воротам защищались извилистым ходом стены. Внутренняя территория города застраивается жилыми домами и общественными зданиями. Стены их возведены главным образом из сырцовых кирпичей, уложенных либо на каменные фундаменты, либо без них, прямо на землю. В кладках преобладают камни розового мергеля, булыжника, мраморовидного конгломерата и гранита, привезенные, вероятно, в качестве балласта кораблями, приплывшими из Средиземноморья. В V в. до н. э. предпринимается террасирование склонов, отделявших нижнее плато от верхнего. В местах выхода на поверхность сплошной массы окаменелого песчаного хряща оно выразилось в простом подрубании склонов по прямым и отвесным линиям (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 6). В районах с мягкими грунтами создавались искусственные подпорные стены. В восточной части склона обнаружена подпорная стена, состоявшая из двух рядов амфор (один над другим) (*Кобылина М. М.*, 1950, с. 91). Верхние склоны были застроены домами из сырцовых кирпичей. Известно два таких дома. В одном из них в углу находился небольшой глинобитный очаг. Полы домов были глинобитными. Один из них имеет каменный подвал, пол которого был выстлан деревянными плахами. По-видимому, в это время создается общественный центр города. Раскопками в центральной части нижнего плато, на месте предполагаемого расположения агоры выявлены остатки большого здания, очевидно, общественного характера (табл. XXXVIII, V) (АО 1974 г., с. 111). Перед его возведением были предприняты большие планировочные работы, сделана песчано-черепяная субструкция из двух слоев битой керамики, перемежающихся слоем песка. Непосредственно под камнями фундаментов обнаружена субструкция толщиной 0,20 м из нескольких тонких прослоек глины. Верхняя часть стен сложена из сырцовых кирпичей.

В западной части города открыта вымостка, из мелкой гальки синего, красного и желтого цветов, уложенной на ребро вплотную друг к другу и скрепленной цемяночным раствором. Вымостка делится на 11 прямоугольных полей, в каждом из которых гальки лежат параллельными рядами, имеющими различные направления (*Блаватский В. Д.*, 1941б, с. 22). Находка капители дорийской пилястры начала V в. до н. э. свидетельствует, что в городе были ордерные постройки (*Кобылина М. М.*, 1956, рис. 5, *1*). В конце V в. до н. э. Фанагория обладала собственным монетным двором (*Зограф А. Н.*, 1951, с. 169), чеканящим серебряные монеты (*Зограф А. Н.*, 1951, с. 169; *Шелов Д. Б.*, 1956а, с. 43 сл.). При раскопках святилища на г. Блевака в фависсе были найдены протомы и терракотовые статуэтки Деметры, Артемиды и Афродиты конца VI—V вв. до н. э. позволяющие отнести время его возникновения к этому периоду (*Марченко И. Д.*, 1974б, с. 33 сл.). Уже в конце VI в. до н. э. в Фанагории было керамическое производство, как об этом свидетельствуют находки терракот и простой расписной посуды, изготовленных из местной глины, отличающейся ровным ярко розовым цветом с включениями мелких чешуек слюды (*Блаватский В. Д.*, 1951в, с. 214 сл.; *Цветаева Г. А.*, 1972). В V в. до н. э. керамические мастерские города выпускали черепицу с архитектурными украшениями (*Сорокина Н. П.*, 1956). Находки в архаических слоях пирамидальных грузил свидетельствуют о занятиях жителей города рыболовством (*Онайко Н. А.*, 1956). Многочисленные фрагменты амфор из Хиоса, Фасоса, Самоса, Менды, городов Ионии, художественная посуда из Родоса, Халкидики и, главным образом, Аттики говорят о развитии торговых связей (табл. XXXIX). Большую роль играла посредническая торговля с Прикубаньем и Синдикой (*Зеест И. Б.*, 1951а; *Анфимов Н. В.*, 1952). Лепная и лощеная посуда, аналогичная по форме и глине керамике синдо-меотов и фрагмент скифского бронзового псалия с головой грифона указывают на появление в составе населения Фанагории V в. до н. э. представителей местных племен (*Блаватский В. Д.*, 1941б; табл. I, *3*; *Кругликова И. Т.*, 1951).

В IV в. до н. э. территория города расширяется в восточном направлении. Возможно, на протяжении этого столетия Фанагория не имела городских укреплений. Старые стены были разобраны и на их месте в юго-западном углу города была устроена свалка (*Кобылина М. М.*, 1967а, с. 127). В городе продолжается широкая строительная деятельность. Основным строительным материалом являлись блоки известняка и местного ракушечника, изредка встречается булыжник. Сохраняется практика создания черепяных или глиняных субструкций, иногда достигающих значительной мощности (до 2,60 м под зданием на склоне холма Г). Стены многих построек были украшены многоцветными росписями, а одна, помимо расписной штукатурки, обладала рельефным архитектурным декором из цемянки и цемяночным полом, украшенным сверху красной краской (*Блаватский В. Д.*, 1941б, с. 60; *Долгоруков В. С.*, 1975, с. 58). В центральной части нижнего плато найдены надписи культового и общественного содержания и многочисленные фрагменты скульптур и архитектурных деталей, а поблизости обнаружены мощный, тщательно выложенный фундамент с выступом с западной стороны, который, вероятно, является остатками храма IV в. до н. э. и фрагменты мраморных облицовок, мраморного карниза и двух капителей ионийского ордера (*Блаватский В. Д.*, 1940, с. 297). К этому же времени относится перестройка раннего общественного здания, открытого в районе агоры (Центральный раскоп). Благодаря надписям, можно предполагать, что на агоре или вблизи ее находились святилища Афродиты Урании (КБН, 971, 972), Аполлона Врача (КБН, 974) и Геракла (КБН, 973). На вершине горы Блеваки было возведено здание, вероятно, храм в антах размером 12×9,3 м. Поверх фундаментов проходила кладка из сырцовых кирпичей, покрытая красной штукатуркой. Несколько

позднее здесь сооружается второе здание (раскопано частично). Значительное количество фрагментов терракот, связанных с культами Деметры и Коры, кабиров, Афродиты и Артемиды, дают представление о почитавшихся в храмах божествах. Это святилище отождествляют со знаменитым в древности святилищем Афродиты Апатуры (*Марченко И. Д.*, 1963; 1974б). В III в. до н. э. к западу от города, на территории некрополя был сооружен еще один культовый комплекс, являвшийся скорее всего героном. Он имел цемянковый пол и стены, украшенные расписной штукатуркой (*Блаватский В. Д.*, 1951в, с. 191 сл.). На Западной окраине города раскрыт фундамент, сложенный из хорошо отесанных камней. С восточной стороны к нему подходила каменная вымостка, на которой обнаружена нижняя часть базы колонны, указывающая на наличие колоннады вдоль стены. Эта постройка отождествляется со зданием гимнасия. Крыша его была крыта черепицей, а стены украшены расписной штукатуркой (*Блаватский В. Д.*, 1941а, с. 18). К III в. до н. э. относятся остатки большого здания, раскопанные на «холме Г». Стены его двухпанцирные из крупных блоков известняка различных размеров и форм, сложенных на глиняном растворе, были оштукатурены и расписаны. Перед его возведением была сооружена субструкция из чередующихся слоев глины и битой керамики (*Кобылина М. М.*, 1951а, с. 235).

В III—II вв. до н. э. восстанавливаются городские укрепления. Фундаменты новой оборонительной стены шириной 4 м, состоят из плоских довольно крупных камней песчаника и булыжника, уложенных острыми концами вверх. В кладке встречаются огромные каменные глыбы (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 25).

В конце III в. до н. э. возобновляется деятельность монетного двора Фанагории. Во II в. до н. э. в центральной части города на месте предполагаемого храма IV в. до н. э. возводится постройка, стены которой были покрыты прекрасной росписью инкрустационного стиля (*Блаватский В. Д.*, 1940, с. 296). У западной окраины на месте старого гимнасия строится здание из небольших рустованных блоков. Улицы и дворы эллинистического времени мостились фрагментами керамики и черепиц или мелким булыжником в сочетании с обломками керамики. Городское водоснабжение осуществлялось за счет колодцев, обложенных камнем. Один квадратный в плане колодец найден в северной части города, другой — круглой формы — в юго-восточном углу городища. Последний имел углубленный подход с западной стороны, обрамленный с северо-запада полукруглой каменной стенкой. Сточные воды отводились по специальным каналам, выложенным из камней (*Блаватский В. Д.*, 1950г, с. 38, рис. 5; *Кобылина М. М.*, 1969, с. 102 сл., рис. 31, 35).

В IV—II вв. до н. э. Фанагория являлась крупнейшим экономическим центром Боспорского государства. Ко второй половине IV в. до н. э. относятся остатки самой ранней печи для обжига посуды (*Цветаева Г. А.*, 1966а). Наряду с изготовлением простой посуды (табл. XXXIX) и терракот, местные гончары выпускали черепицу, амфоры (*Шелов Д. Б.*, 1956б, с. 151 сл.; *Зеест И. Б.*, 1960, с. 97) небольшие мерные сосуды с клеймами в виде головы Сатира или изображением канфара (*Блаватский В. Д.*, 1951в, с. 218, сл., рис. 16, *5—7*) и чаши с рельефными медальонами на дне (*Кобылина М. М.*, 1975). Продолжается выпуск архитектурной терракоты (*Сорокина Н. П.*, 1956). Новой отраслью керамического производства является изготовление расписных полихромных пелик (*Кобылина М. М.*, 1951а; 1956, с. 48 сл.). Находки каменных формочек для изготовления металлических украшений, глиняных льячек, а также фальшчеканки монет говорят о металлургическом и кузнечном ремеслах (*Марченко И. Д.*, 1956б). Высокого уровня достигло каменотесное ремесло. О виноградарстве и виноделии могут говорить находки сосудов, предназначенных для розничной продажи вина и изображение виноградной кисти на фанагорийских монетах, о рыболовстве — рыболовные грузила и кости рыб.

Город ведет торговлю с рядом центров Средиземноморья и Причерноморья: Фасосом, Мендой, Византием, Книдом, Косом, Родосом, Гераклеей, Синопой и т. д. (*Зеест И. Б.*, 1951а).

Аппиан (108) и Оросий (VI, 5, 2) сообщают о наличии в I в. до н. э. акрополя или крепости, вероятно, деревянной, поскольку при восстании фанагорийцев против Митридата Евпатора стены были подожжены. Отзвуком этих событий можно считать известковое ядро катапульты, найденное в слое пожарища на северном раскопе (*Блаватский В. Д.*, 1951д, рис. 42). Согласно Аппиану, после гибели Митридата Фанагория получила автономию но Фарнак около середины I в. до н. э. осадил и разрушил город. Раскопками прослежены следы пожара, разрушенные оборонительные стены. Около 17—12 гг. до н. э. Фанагория была переименована в Агриппию (КБН, 979, 1046). На агоре были поставлены посвятительные статуи Динамии и Ливии — жене римского императора Августа.

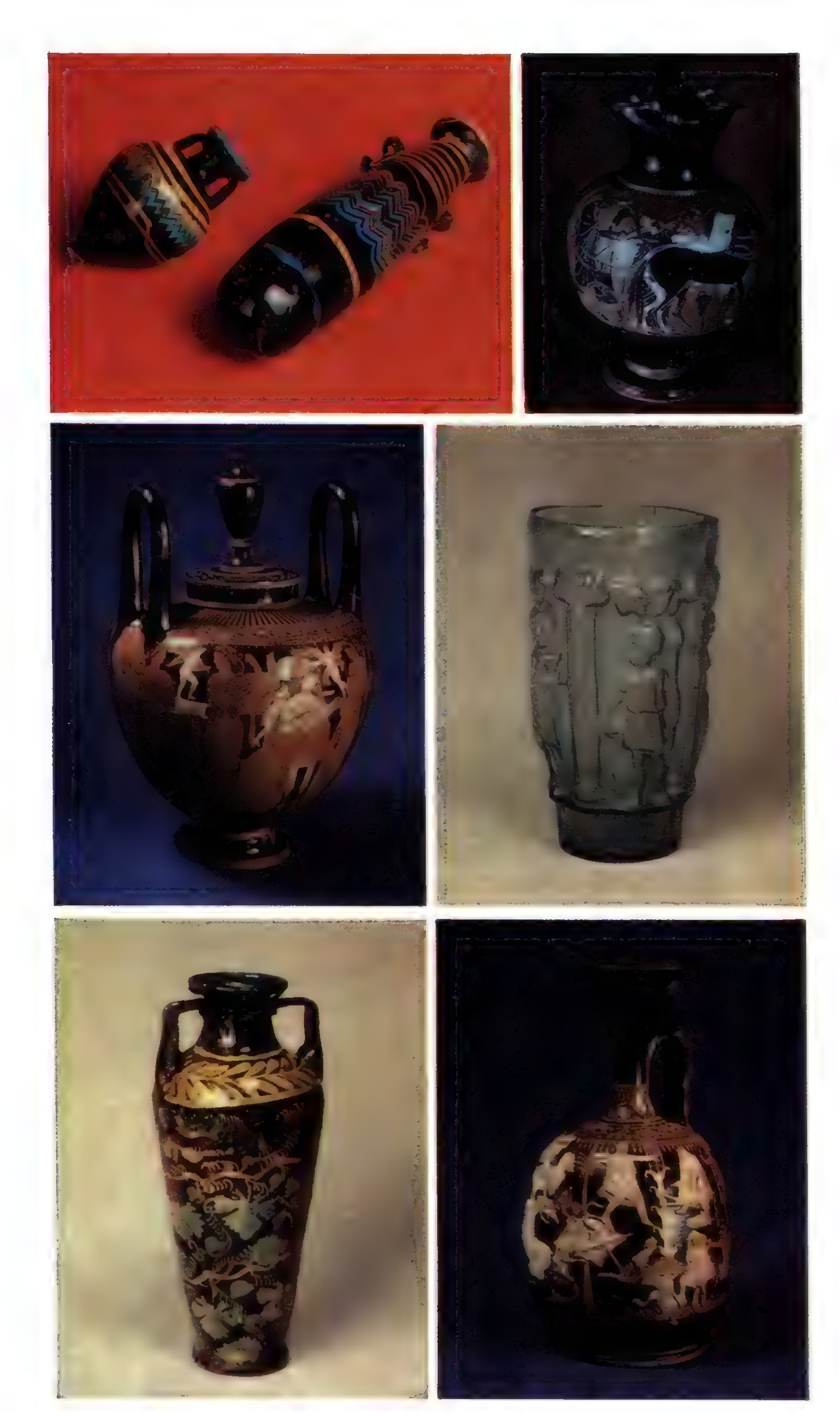
В I—II вв. н. э. в городе проводятся восстановительные работы, увеличивается городская территория, возводятся крепостные стены. Возводятся новые общественные постройки. На месте гимнасия сооружается большое здание с цемянковыми полами, стенами, украшенными расписной штукатуркой. Возможно, оно, как и предшествующая постройка, является гимнасием, о котором упоминает надпись первой половины II в. н. э. (КБН, 983). В нескольких метрах к востоку от него обнаружены остатки здания, вероятно, терм, со следами мраморной облицовки стен, водопровода и гипокауста (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 68 сл.). Согласно сообщению Страбона (XI, 2, 10), в городе был храм Афродиты Апатуры. Надписи указывают на существование одного или двух святилищ Аполлона (КБН, 975, 985) и упоминают о религиозных объединениях — фиасах (КБН, 987). К I—II вв. н. э. относятся последние примеры создания глиняно-черепяных субструкций при строительстве. При сооружении стен использовались главным образом рваные камни ракушечника, плитняка и других пород. Нередко встречаются камни вторичного использования. На центральном раскопе открыты два дома, расположенные по сторонам улицы, шириной 3,50—3,70 м, выложенной несколькими слоями мелких черепков и гальки. Один из домов имел подвальное помеще-

ние с лестницей (табл. XXXVIII) (*Кобылина М. М.*, 1963б, с. 102). Оба дома имели колодцы. Продолжали существовать и общественные колодцы. К их числу относится колодец, раскопанный к западу от города, почти квадратный в плане, сложенный из хорошо подогнанных квадров. Вокруг него находилась мощеная площадка. Судя по находкам обломков черепицы, части акротерия и львиной маски водомета, он имел архитектурное оформление (*Блаватский В. Д.*, 1941б, с. 26—32). В начале нашей эры в пределах городской территории, на месте разрушенных зданий, появляются пустыри (АО 1976 г., с. 86). Новой чертой в городской застройке является строительство среди жилых кварталов хозяйственных сооружений. К ним принадлежат остатки трех виноделен (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 67; 1959а; *Долгоруков В. С.*, 1976). Одна из них площадью около 100 м² имеет пять давильных площадок и три цистерны, соединявшиеся посредством сложной системы наземных и подземных стоков и является самой большой из известных в Северном Причерноморье. В юго-восточном углу городища на месте разрушенной городской стены в I в. до н. э. возводится керамическая печь. Здесь найдены керамические подставки для обжига сосудов и фрагменты форм для изготовления терракот. К концу I в. до н. э. на ее месте возводится другая печь аналогичной конструкции (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 72). К северу от печей обнаружены остатки фундаментов жилого дома, возможно, дома гончара. В I—II вв. н. э. здесь уже действовали три печи. Таким образом, в этом районе возникает специализированный квартал керамического производства — Керамик. Во II в. н. э. на месте пустыря на холме верхнего плато сооружается еще одна керамическая печь. Местные гончары выпускали простые кухонные сосуды, черепицу, краснолаковую и коричневолаковую посуду (табл. XXXIX), терракоты и светильники разных типов. Найдена форма для оттискивания одноrожкового светильника (*Кобылина М. М.*, 1967а, с. 125). Во II в. н. э. значительную массу керамических изделий составляют амфоры (*Зеест И. Б.*, 1960, с. 116 сл.). Частые находки при раскопках некрополя надгробных памятников с рельефными изображениями умерших свидетельствуют о существовании в Фанагории скульпторов-ремесленников. Сохраняется металлургическое ремесло. Две зерновые ямы с зернами пшеницы, раскопанные на холме «Г», скопление зерен пшеницы-двузернянки на северном раскопе, ткань из волокон конопли в одной из могил свидетельствуют о занятии населения земледелием. О рыболовстве можно судить по находкам бронзовых рыболовных крючков, лепешкообразных и пирамидальных грузил. Основными видами промысловых рыб были лещ, судак, сазан, которые могли существовать в пресной и солоноватой воде. Засоление залива привело к исчезновению пресноводных пород и замене их кефалью (*Лебедев В. Д.*, *Лапин Ю. Е.*, 1954, с. 213 сл.). Фанагория продолжала оставаться крупным торговым пунктом. Несмотря на некоторое сужение внешнего рынка, город сохранил оживленные торговые связи с городами Малой Азии и Александрией, о чем свидетельствуют находки малоазийской посуды и фаянсовых подвесок (*Блаватский В. Д.*, 1941б, с. 40 сл.). Но основная торговля велась с мелкими городами и поселениями азиатского Боспора и окружавшими его племенами.

В III—IV вв. н. э. территория Фанагории сохранялась в прежних границах. Фундаменты построек этого периода сложены в основном из рваных камней с включением камней вторичного использования. Деградация строительного дела и отсутствие монументальных зданий указывает на упадок экономики и культуры. Наиболее хорошо сохранившимся домом III в. н. э. является здание с подвалом, который был разделен на два смежных помещения и приспособлен для жилья (*Кобылина М. М.*, 1963б, с. 101 сл.). Остатки бедных домов обнаружены на западной окраине города. Жилой комплекс IV в. н. э. открыт в юго-западной части верхнего плато (табл. XXXVIII, IV). Дома имели каменные фундаменты, глинобитные полы и печи. Остатки домов расчищены в центральной части на верхнем и нижнем плато. Сохранились колодцы. Город продолжал оставаться крупным ремесленным центром. На Керамике зафиксировано четыре керамических печи III в. н. э. и пять печей IV в. н. э. (*Цветаева Г. А.*, 1966а, с. 32 сл.). Все они за исключением одной, круглые в плане, слегка заглублены в землю, с квадратным центральным столбом, поддерживающим свод топки. Особенно хорошо сохранилась печь IV в. н. э. диаметром около 5 м. Центральный столб поддерживал арочное перекрытие топки с продухами, располагавшимися тремя концентрическими кругами (*Гайдукевич В. Ф.*, 1934а, с. 53 сл.). К западу от Керамика в середине прошлого века была раскопана еще одна печь. В 1976 г. обнаружена печь IV в. н. э. на верхнем плато, на месте уже упоминавшейся печи II в. н. э. Отличительной особенностью керамической печи IV в., как и существовавшей здесь ранее печи II в. н. э. является наличие за столбом напротив топочного отверстия сегментовидной конструкции из кирпичей, поднимающих заднюю часть пода печи на 0,40 м. Подобное устройство не встречается ни в одной из раскопанных до сих пор обжигательных печей Северного Причерноморья. Основными видами керамических изделий были черепица, амфоры и кухонная посуда (табл. XXXIX), а также терракотовые грузила и светильники.

На месте общественных сооружений центра города теперь находится винодельня, от которой сохранились остатки двух цистерн и семи пифосов, III в. н. э. (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 88 сл.; 1970а, с. 70 сл.; *Сокольский Н. И.*, 1970). Жители Фанагории продолжают заниматься рыболовством. При раскопках хозяйственной постройки обнаружены две кучи грузил от сгоревшей сети (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 101). Город был разрушен при нашествии гуннов.

Некрополь города архаического периода пока не найден. На одном из холмов к востоку от города раскопаны две могилы конца VI в. до н. э. (*Блаватский В. Д.*, 1951в, с. 212). Одна представляет собой трупоположение в деревянном гробу, другая — детское захоронение в хиосской амфоре. В V в. до н. э. появляются погребения под курганными насыпями, главным образом, в деревянных гробах, установленных в сырцовых склепах. Основным типом погребального обряда в IV—II вв. до н. э. было трупоположение, чаще всего в прямоугольных ямах на



Пантикапей. Сосуды финикийского стекла V в. до н. э.

Пантикапей. Расписная ваза-кальпида IV в. до н. э. Глина, краски, позолота

Пантикапей. Амфора зеленого стекла с росписью эмалевыми красками, конец I в. до н. э.

Пантикапей? Чернофигурная ойнохоя конца VI — начала V в. до н. э.

Пантикапей. Стеклянный кубок с рельефами из Сирии, I в. н. э.

Пантикапей. Арибаллический лекиф с рельефными изображениями. Мастер Ксенофант, конец V — начало IV в. до н. э.



Фанагория. Фигурные сосуды в виде Сирены, Афродиты и Сфинкса. Конец V в. до н. э. Глина, краски

Пантикапей. Флакон полихромного стекла из Александрии I в. до н. э.— I в. н. э.

Стеклянные сосуды

Горгиппия. Склеп 1975 г. Чаша полихромная. Стекло с прокладкой золотой фольги

Пантикапей. Фигурная ваза в виде головы человека. Глина, краски



Горгиппия. Склеп. Золотой венок, в центре — изображение Афродиты

Горгиппия. Склеп 1975 г. Короткий меч и ножны. Золото, гранаты, бирюза

Горгиппия. Склеп 1975 г. Деталь золотой оправы ножен меча.

Феодосия. Золотая серьга IV в. до н. э.

Пантикапей. Перстень с изображением головы Афины. III в. до н. э. Золото, гранат

Италия. Топаз в золотом медальоне. Из раскопок в Грузии, I в. н. э.



Горгиппия. Гемма. Сатир

Горгиппия. Гемма. Фигурка юноши Бонус Эвентус

Горгиппия. Гемма. Афина и царская тамга

Горгиппия. Склеп 1975 г. Золотые нашивные бляшки













Пантикапей. Терракотовые статуэтки

Деметра с Корой V в. до н. э.; актер, сидящий на алтаре, V—IV вв. до н. э.; стоящая женщина III в. до н. э.; танцовщица II в. до н. э.

Пантикапей. Терракотовые статуэтки II—I вв. до н. э.

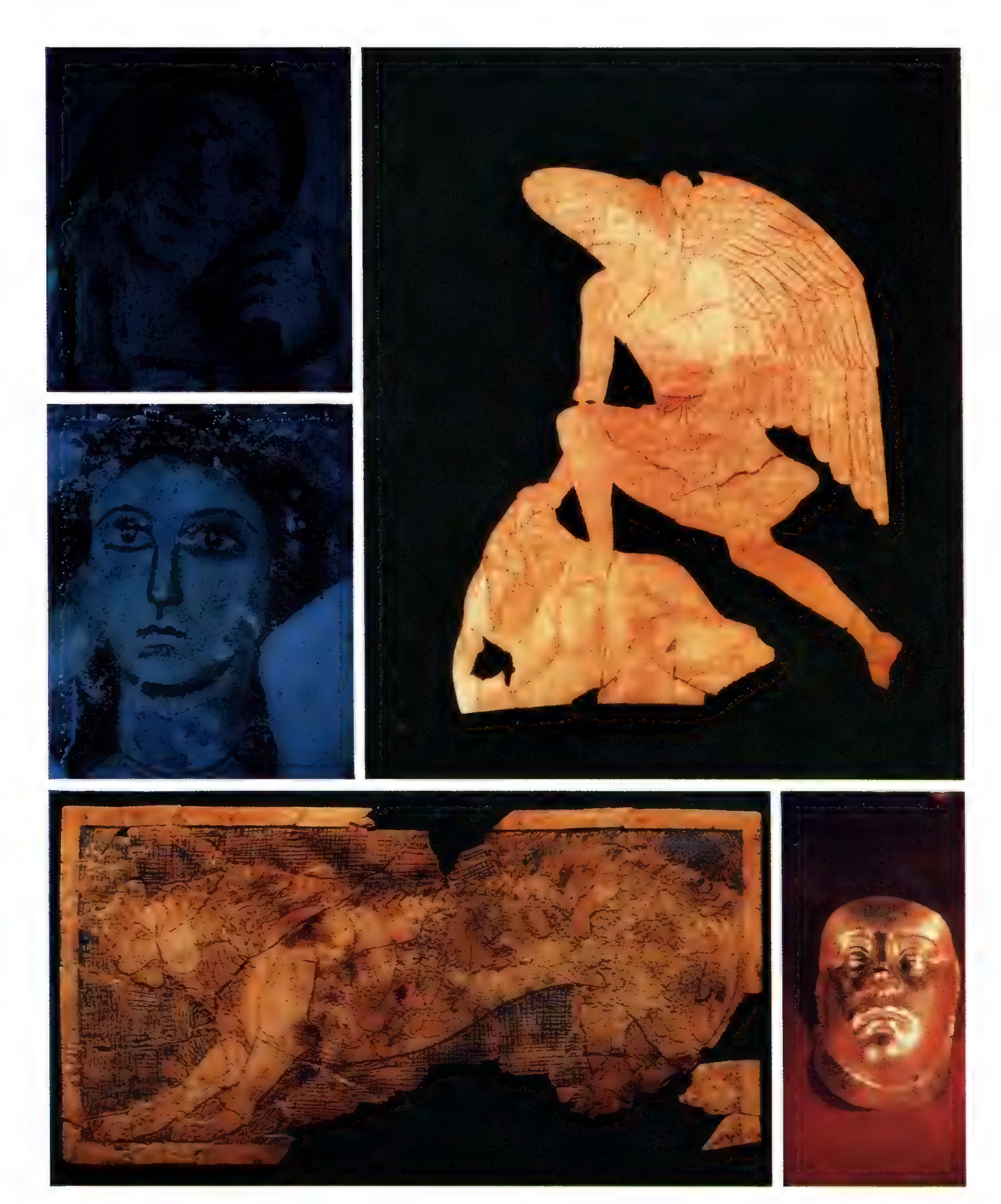
мальчик с гусем; мальчик с собакой

Херсонес. Протомы Коры Персефоны

Херсонес. Керамическая маска и голова терракотовой статуэтки Диониса

Херсонес. Терракотовая статуэтка актера

Пантикапей. Гипсовые трагические маски с остатками росписи. Украшение саркофага I—II вв. н. э.



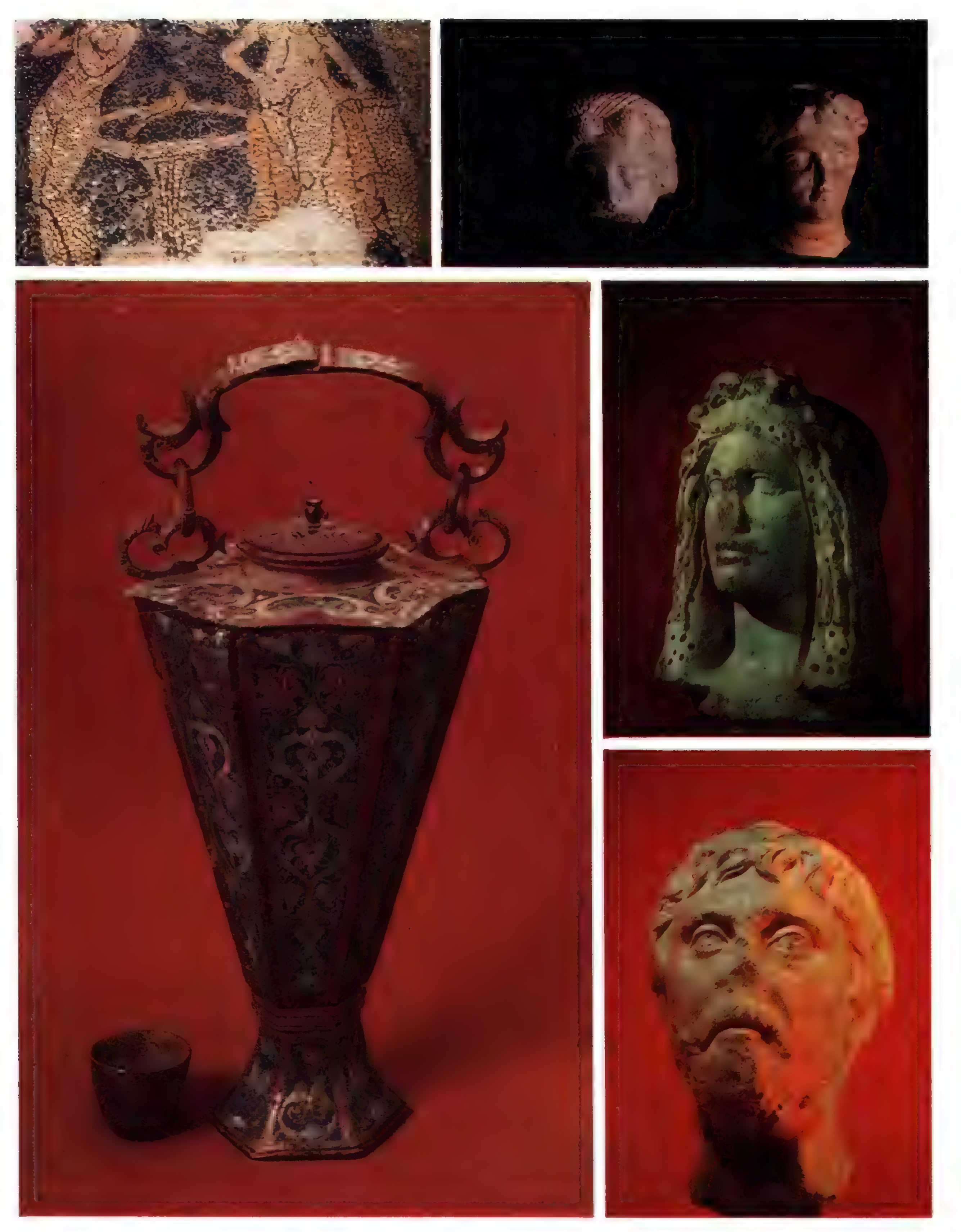
Пантикапей. Роспись склепа Деметры I в. н. э.

Пантикапей. Склеп Деметры. Роспись потолка

Уташ. Лев. Гравировка на пластине слоновой кости. Сырцовый склеп IV в. до н. э.

Уташ. Медуза. Гравировка на пластине слоновой кости. Сырцовый склеп IV в. до н. э.

Пантикапей. Золотая маска Рескупорида. III в. н. э.



Херсонес. Мозаика II в. до н. э.

Боспор. Головки терракотовых статуэток

Горгиппия. Склеп 1975 г. Курильница. Бронза. эмаль

Пантикапей. Голова статуи боспорского царя, I в. н. э. Мрамор

Пантикапей. Голова боспорца, II в. Мрамор



Пантикапей. Общественное здание II в. до н. э.

Херсонес. Остатки античного театра IV в. до н. э.— IV в. н. э.

Античные монеты. Лицевая сторона

Пантикапей IV в. до н. э., золото, голова Сатира; Херсонес 47 г. н. э., золото; Ольвия I в. н. э., золото, голова царя Фардзоя; Ольвия, конец IV в. до н. э., голова Деметры; Херсонес II в. до н. э., Дева в зубчатой короне

подстилке из морской травы, иногда в деревянных гробах (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 43; *Марченко И. Д.*, 1956а). Нередко по коротким сторонам могил ставились черепицы, часто могилы перекрывали черепицами (*Кобылина М. М.*, 1951в, с. 242), изредка деревом (*Блаватский В. Д.*, 1951в, с. 208). Богатых хоронили в плитовых могилах, детей — в обломках амфор. Костяки лежали в вытянутом положении головой на восток, иногда — на запад, юг и северо-запад. Несколько могил имеют особенности, позволяющие связывать их с негреческим населением (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 42). Большее распространение получают захоронения под курганами. Под курганными насыпями наряду с сырцовыми и земляными склепами встречаются каменные склепы с коробовыми и уступчатыми сводами (ОАК, 1871, с. 111; *Герц К. К.*, 1876, с. 23). В курганах обнаружены плитовые могилы с богатым инвентарем. Широко распространена кремация. Многие захоронения сопровождаются тризнами с кострищами, устраиваемыми на специально огороженных или вымощенных площадках из камней или сырцовых кирпичей (*Кастанаян Е. Г.*, 1950, с. 124; *Марченко И. Д.*, 1956а, с. 105 сл.). В погребальном инвентаре доминирует посуда фанагорийского производства. Обычны бронзовые украшения и пряжки, бусы из стекла. В богатых захоронениях встречаются украшения из золота — погребальные венки, перстни, серьги, подвески, ожерелья, и нашивные бляшки.

Преобладающим типом погребального обряда I—II вв. н. э. являются трупоположения в прямоугольных могильных ямах с различной ориентацией. В некоторых могилах на дне обнаружен слой камня или серой глины (*Марченко И. Д.*, 1956а, с. 117 сл.). Встречаются погребения в деревянных гробах и саркофагах, а детские — в больших сосудах или нижних частях амфор и кувшинов. Появляются могилы с чертами сарматского погребального обряда — со скрещенными в ступнях ногами, бронзовыми колокольчиками, частями конских костяков (*Блаватский В. Д.*, 1941б, с. 36 сл.). Встречаются погребения в земляных и каменных сводчатых склепах (ОАК 1870 г., с. VI).

В III—IV вв. н. э. погребения совершались в грунтовых ямах прямоугольной формы и были ориентированы головой на север, нередко на запад и юго-запад. Встречаются подбойные могилы и земляные склепы. В последних погребения зачастую совершались в деревянных саркофагах и сопровождались богатым инвентарем. Костяки лежат в вытянутом положении иногда со скрещенными ногами. Черепа у многих деформированы. Покойных сопровождают сероглиняные сосуды с лощеным орнаментом, бронзовые зеркала, бусы, бронзовые пряжки, стеклянные сосуды. Детали погребального обряда и инвентарь показывают далеко зашедший процесс сарматизации населения города.

Гермонасса

Город локализуют на месте современной станицы Тамань, где на высоком береговом плато расположено обширное городище с культурными напластованиями толщиной до 10—12 м (табл. XL, *1*). Существуют две версии основания Гермонассы. Согласно Дионисию (553), Гермонассу основали ионийцы, которых возглавил некий Гермон, давший имя городу (Евстафий. Комментарии к «Землеописанию» Дионисия (549). Евстафий здесь же приводит другую версию — Арриана, по которой Гермонассу основали эоляне, которых вывел митиленец Семандр. По имени его жены Гермонассы, правившей после смерти мужа, и был назван город. По мнению В. Д. Блаватского, Археанактиды (первые правители Боспора) происходят из митиленского знатного рода, переселившегося в Гермонассу (*Блаватский В. Д.*, 1954в, с. 36 сл.).

В 1930, 1931 гг. на городище были проведены небольшие разведочные работы (*Миллер А. А.*, 1931; 1932а; 1932б). Систематическое и планомерное исследование Гермонассы было начато в 1951 г. экспедицией под руководством академика Б. А. Рыбакова, а с 1955 г.— И. Б. Зеест. С 1971 г. работы продолжает А. К. Коровина. Раскопки показали, что древнее поселение возникло здесь в первой половине VI в. до н. э. (*Зеест И. Б.*, 1961). При раскопках слоев архаического времени на восточном раскопе открыты хозяйственные ямы цилиндрической формы, в которых найдены обломки расписных ваз VI в. до н. э. (табл. XL). Там же были остатки жилой постройки второй половины VI — начала V вв. до н. э. с печами и ямами — тремя хозяйственными, одной зерновой. Печи имели глиняный пол, на котором помещался гончарный купол с отверстием наверху и сбоку. Зерновая яма второй половины VI в. до н. э. открытая недалеко от печей, была заполнена пшеницей и ячменем. На раскопе «Нагорный», почти в центре городища в 1969 г. открыта каменная кладка, являвшаяся цоколем северной части большой постройки первой половины V—IV вв. до н. э. В центре здания находилось помещение или двор (20×10 м) с цемянковым полом. Здание было перестроено в III в. до н. э. Интересна находка двух каменных мерных ойнохой с клеймом агоранома Аполлодора (табл. XL, *9*). К I в. н. э. относится дворик (15×15 м), вымощенный хорошо подогнанными плитами, с севера и востока окруженный кладками. Севернее этой постройки обнаружено здание III—IV вв. н. э., от которого сохранилась северная стена длиной 18 м, восточная 5 м и часть южной, а также кладки, отгораживающие небольшой вымощенный дворик. У наружной северной кладки есть четыре выступа, возможно, являвшиеся основаниями пилястр (*Коровина А. К.*, 1975, с. 305). В центральной части здания открыт горелый слой, насыщенный керамикой, среди которой много краснолаковых чаш, мисок и блюд II—III вв. н. э. (табл. XL, *4—6*). Не исключено, что при возведении здания III—IV вв. были использованы фундаменты постройки, погибшей от пожара в III в.

Некрополь Гермонассы расположен к западу, юго-западу и юго-востоку от городища. Первые раскопки его были предприняты в 1912 г. (*Шкорпил В. В.*, 1916, с. 33 сл.). При изучении некрополя в 1931 г. были открыты четыре античных могилы (*Миллер А. А.*, 1932б, с. 67). В 1938 и 1940 гг. открыто 16 могил (*Гайдукевич В. Ф.*, 1959б, с. 154 сл.) и в 1955—1957 гг.— 37 (*Сорокина Н. П.*, 1961) преимущественно VI—V вв. до н. э. Для погребального обряда характерно положение умершего головой на

восток, иногда с поджатыми ногами. В III в до н. э. появляются склепы, захоронения детей в амфорах, во II в. до н. э.— могилы с подбоями. Но всегда преобладают захоронения в грунтовых ямах. Встречаются сырцовые гробницы и перекрытия могил накатом из бревен. Курганный некрополь расположен в тех же направлениях от городища, в радиусе 5—6 км. Основная группа курганов прослежена на современной дороге к Тузле и Лысой горе.

Горгиппия

Город расположен на месте современной Анапы. Локализация Горгиппии подтверждается находками надписей, в которых упоминаются народ горгиппийский (КБН, 1118) и наместник Горгиппии (КБН, 1115, 1119, 1132 и др.), черепиц и с клеймом «ГОР» и горгиппийских монет. Город получил название в в честь члена царского рода Спартокидов Горгиппа (*Латышев В. В.*, 1909, с. 76, 279), имя которого упомянуто Полиеном (VIII, 55), Динархом (43), засвидетельствовано в надписи его дочери Комосарии (КБН, 1015). Город упоминается Страбоном (XI, 2, 10—12) и Стефаном Византийским (SC, I, с. 266) как город в Синдике. Следы поселения предшествующего IV в. до н. э. на месте Горгиппии и данные письменных источников позволили отождествить с Горгиппией Синдскую Гавань, о которой сообщают Псевдо-Скилак (72—73), Псевдо-Скимн (888—889), Арриан (30), Птолемей (V, 8, 8). Псевдо-Арриан (74/47) и др. Стефан Византийский отождествляет с Горгиппией город Синдик (SC, I, с. 258). Страбон (XI, 2, 10—12, 14) называет Горгиппию, но одновременно упоминает населенные пункты Синдику и Синдскую Гавань. Помпонию Меле (III) был известен город Синд. М. И. Ростовцев вслед за А. А. Сибирским считал Горгиппию и Синдскую Гавань разными городами (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 293). Однако большинство ученых их объединяют (*Брун Ф. К.*, 1880, с. 270; *Орешников А. В.*, 1922, с. 122; *Зограф А. Н.*, 1951, с. 161; *Блаватский В. Д.*, 1954в, с. 20; *Шелов Д. Б.*, 1956а, с. 43). Возможно, долгое время сохранялось два названия: Горгиппия, появившееся после присоединения Синдики к Боспору, и Синдик или Синдская Гавань, восходящее к догреческому синдскому поселению (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 215). В перипле Псевдо-Скимна (889) говорится, что «Синдская Гавань населена эллинами, пришедшими из соседних местностей».

Начиная с середины XIX в. раскопки курганов на территории Анапы и в ее окрестностях ведут: В. И. Сизов, А. А. Сибирский, Ф. С. Байерен, В. Г. Тизенгаузен, Н. И. Веселовский (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 296). В 1949 г. В. Д. Блаватским намечены границы древнего города и выявлена стратиграфия культурного слоя (*Блаватский В. Д.*, 1951б). В 1954—1956 гг. охранные раскопки на месте грунтового могильника проводила И. В. Поздеева. С 1960 г. начались систематические раскопки города под руководством И. Т. Кругликовой, а с 1973 г.— Е. М. Алексеевой (*Кругликова И. Т.*, 1962б; 1965, с. 4—6; 1966б; 1971б; 1975б; *Кругликова И. Т.*, *Цветаева Г. А.*, 1963; *Цветаева Г. А.*, 1967; 1968; 1969; *Алексеева Е. М.*, 1976; см. также информации в АО, 1970—1978 гг.).

Горгиппия, по-видимому, занимала площадь около 35 га (табл. XLI, II). Под городскими кварталами IV—III вв. до н. э. обнаружены могилы V в. до н. э. (*Кругликова И. Т.*, 1971б, с. 92; сл.; *Салов А. И.*, *Смирнова Т. М.*, 1972, с. 53 сл.) и остатки фундамента. В культурном слое найдены обломки пухлогорлых хиосских амфор и расписанных полосами гончарных сосудов VI—V вв. до н. э. В IV в. до н. э. формируется планировка города, которая не была регулярной, но сохранилась неизменной в течение античного периода (*Кругликова И. Т.*, 1971б, с. 97). Находки около современной гостиницы «Анапа» остатков вымосток, сложенных из тесаных известняковых плит, части водостоков, выдолбленных в плитах известняка, угла монументального здания IV—III вв. до н. э., многочисленных надписей, фрагментов скульптуры позволяют предполагать в данном районе агору города. Найденные при раскопках архитектурные детали дорического ордера: блоки антаблемента III—II вв. до н. э., барабаны колонн, известняковая сима в виде львиной головы и надписи (КБН, 1114, 1115) говорят о наличии монументальных построек. Главная магистраль тянулась с запада на восток вдоль моря, вероятно, от восточных ворот города к агоре. Ширина ее — 7,5—8 м. К IV—III вв. до н. э. относится ее вымостка из мелких камней и обломков амфор, лежащая на подушке из желтой глины, перекрывавшей скальный материк. На поверхности ее прослеживаются колеи от колес повозок, в них найдены монеты IV—III вв. до н. э. Севернее основной магистрали и параллельно ей вдоль берега моря шла еще одна улица шириной 4 м. Нижний слой ее вымостки II в. до н. э. лежит на насыпанном грунте с керамикой IV—III вв. до н. э. Продольные улицы пересекались поперечными шириной 3—5 м. Поперечные улицы, как и продольные, имели черепянные покрытия. К улицам примыкали стены домов (табл. XLI, I), обычно имевшие площадь около 100 м² и состоявшие из двух—четырех смежных помещений различной величины. Лишь некоторые дома имели внутренние дворики. Для построек всех периодов жизни города характерно наличие полуподвалов высотой до 1,5 м, которые могли быть хозяйственными и жилыми. Иногда они вырубались в скальном грунте. Стены складывались вперелет на глиняном растворе из плохо обработанных, иногда лишь слегка подтесанных камней средней величины. Полы были глинобитными, неровности грунта предварительно закладывались черепками. В одном из домов сохранился небольшой участок пола, выложенного галькой на известковом растворе. В береговой и северо-восточной частях Горгиппии раскопаны жилые дома IV — середины III в. до н. э. и второй половины III—II вв. до н. э. Стены домов сохранили следы многочисленных ремонтов и перепланировок. В подвалы вели каменные и деревянные лестницы, в стенах сохранились пазы для крепления деревянных стропил. Стены жилых домов часто возводились из слабо обожженных сырцовых кирпичей размером 45(50)×30(45)×6(10) см. Крыши домов были черепичными.

В 1965 г. открыто святилище Деметры IV—III вв. до н. э. Там найдено несколько десятков протом Деметры и Коры, в том числе местного горгиппийского производства, вотивные сосуды (чернолаковые канфары, килики, рыбные блюда) (*Цветае-*

ва Г. А., 1969). Находка мраморной плиты первой половины III в. до н. э. с упоминанием 226 человек, одержавших победу в спортивных состязаниях на праздниках в честь Гермеса (КБН, 1137) позволяет предположить наличие в городе стадиона. В северо-восточной части города засвидетельствованы следы местного гончарного производства II в. до н. э. и последующих периодов (*Салов А. И.*, 1962, с. 215 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1962б, с. 218 и сл.; 1975б, с. 53 сл.).

В I в. до н. э.— I в. н. э. главная магистраль города была вымощена заново небольшими камнями. В восточной части предполагаемой агоры (раскоп «Гостиница») обнаружены мощные фундаменты здания I в. до н. э.— I в. н. э. шириной 2,4 м. В западной части над вымосткой IV—III вв. до н. э. сохранился угол фундамента I—II вв. н. э. сложенного из громадных блоков известняка вторичного использования, один блок рустован. I в. до н. э.— I в. н. э. (*Кругликова И. Т.*, 1975б, с. 71 сл.) датированы нижние части двух цистерн винодельни, облицованных и обмазанных двумя слоями цемянки. О рыбном промысле в городе свидетельствуют также находки рыболовных крючков, рыбных костей и чешуи, наполнявших амфоры. В восточной части городища сохранились остатки гончарной мастерской конца I в. до н. э.— начала I в. н. э. (*Кругликова И. Т.*, 1975б, с. 56) и виноделен первых веков нашей эры.

Эпиграфические памятники говорят о размахе строительства в Горгиппии во II в. н. э. (табл. XLIII). На рубеже I—II вв. н. э. царь Савромат I восстановил городские укрепления (КБН, 1112). В 110 г. н. э. наместник Горгиппии воздвиг храм богине Афродите Наврхиде (КБН, 1115). Во второй половине II — начале III в. н. э. фиас судовладельцев (навклеров) воздвиг статуи и восстановил храм богу Посейдону (КБН, 1134). Надписи II и первой половины III в. н. э. свидетельствуют о сооружении памятников боспорским царям (КБН, 1118, 1120) и их наместникам (КБН, 1119). Рядом с территорией предполагаемой агоры найдена статуя Неокла и обломки еще двух таких же больших мраморных статуй (*Кругликова И. Т.*, 1966б, с. 84, рис. 28). Фриз и архитрав, вырезанные из одного камня, мраморные коринфские капители, мраморные кассеты в обрамлении ов с изображением двух рельефных голов Медуз и, возможно, Пана и Сатира, свидетельствуют о монументальных постройках города в первые века нашей эры (*Кругликова И. Т.*, 1975б, с. 36; *Пичикян И. Р.*, 1978, с. 78; *Савостина Е. А.*, 1980). Во II в. н. э. были заново вымощены северная и ряд поперечных улиц города. Главную магистраль выложили огромными, длиной до метра каменными плитами, положенными на мощный слой подсыпки и трамбовки из щебня, перекрывший ранние мостовые. Под плитами мостовых проходили водостоки, сложенные из поставленных на ребро плоских необработанных камней и соединявшиеся с водосборными колодцами. Расцвет города во II в. н. э. подтверждается обилием заново сооруженных жилых домов. Их планировка и строительные приемы сохранялись прежними. В северо-восточной части города раскопано жилое полуподвальное помещение, погибшее в пожаре III в. н. э., каменные стены которого были обмазаны глиной, оштукатурены и расписаны в технике фрески цветными полосами, проведенными по белому фону, и имитацией пестрого мрамора. Обнаружены подвалы хозяйственного назначения. В них стояли большие амфоры (15—20 в одном помещении) и пифосы, имелись зерновые ямы, там же хранились инструменты — топоры, ножи, серпы. В строительном деле первых веков нашей эры помимо сырцовых кирпичей применялись также хорошо обожженные плоские кирпичи, некоторые из них отмечены тамгообразными знаками, нанесенными по сырой глине (*Цветаева Г. А.*, 1975, с. 99—101). Битые кирпичи использовались в вымостках. Крыши домов покрывались черепицей или камкой. В слое II — середины III в. н. э. найдены железные наковальня и кузнечные клещи, а также много бесформенных кусков железа, возможно, отходов кузнечной мастерской (*Кругликова И. Т.*, 1966б, с. 162). Саркофаги, надгробные стелы, характерные только для Горгиппии и ее округи, указывают на существование камнерезных мастерских. Раскопаны остатки гончарной печи II—III вв. н. э., прямоугольной в плане, площадью в 11 м². Она имела каменные стенки и подпорный столб в центре. Печь выпускала как крупные изделия массового спроса из грубой глины — черепицу и амфоры — так и мелкие изделия из тонкой глины. Горгиппия погибла в 30-гг. III в. н. э., по-видимому, в результате военных разрушений, связанных с передвижением племен. В IV в. жизнь в городе, возможно, возобновилась, о чем свидетельствуют отдельные находки керамики, единичные монеты IV в. н. э. и следы бедных построек.

Являясь опорным пограничным пунктом на юго-восточном рубеже Боспорского государства, Горгиппия управлялась наместниками, специально назначавшимися боспорскими царями (КБН, 1115; 1119, 1129, 1132, 1134, 1244).

Некрополь Горгиппии находился к югу и востоку от города. При расширении границ города в IV—III вв. до н. э. грунтовые могилы V в. до н. э. оказались под городскими постройками. К востоку от города выявлен участок, где хоронили людей из привилегированных слоев общества. Погребения здесь расположены на значительном расстоянии друг от друга, сопровождающий их инвентарь — богаче. Обнаружены вырубленные в скале большие могилы, каменная гробница и склепы, содержавшие погребения в больших каменных саркофагах, выпиленных из монолитной глыбы известняка, закрытых такими же громадными крышками. Ограбленные каменные саркофаги содержали остатки золотых украшений. Здесь в 1975 г. раскопаны два склепа и вырубленная в скале могила II—III в. н. э. Один склеп украшен фресковой росписью. Его дромос и погребальная камера до пяты свода впущены в скалу. На боковых стенах погребальной камеры размещался фриз, иллюстрирующий двенадцать подвигов Геракла (табл. XLII) Напротив входа изображен сидящий в кресле мужчина. Рядом с ним — сидящая в высоком кресле женщина. Впереди — фигурка юноши-писаря с диптихом и стилем в руках. Здесь же изображены: дерево, среди корней которого изображены черепахи, а на уровне кроны — павлины. Инкрустационно-цветочный стиль росписи датирует склеп III в. н. э. В склепе стояли три саркофага из известняка, содержавшие пять погребенных. Склеп

ограблен в древности. В соседнем склепе, вырубленном в скале, стояли два саркофага с массивными крышками в виде двускатной крыши. Один из них украшен сложными профильками, розетками. В нем был погребен знатный мужчина — воин, погребение сопровождалось парадным оружием и складным стулом. Второй саркофаг содержал, вероятно, погребения двух девочек. В саркофагах и на полу склепа сохранились высоко-художественные вещи: стеклянная фиала, курильница, стригили, светильники, оружие, украшения, части конского убора I—III вв. н. э.

На территории рядового некрополя Горгиппии, располагавшегося к югу и юго-востоку от города, раскопано более 300 могил IV в. до н. э.— III в. н. э. Преобладают погребения единичные или парные в грунтовых могилах овальной или прямоугольной формы. В эллинистическое время сооружались черепичные могилы. Некоторые могильные ямы сохранили следы деревянных перекрытий либо имели плитовый заклад. У погребенных часто сведены вместе ступни, кисти приближены к тазу. Преобладает северная и северо-восточная ориентация покойников. Известен и обряд кремации. Среди погребального инвентаря всевозможные керамические изделия, мелкие бронзовые, иногда золотые украшения, бусы, стеклянные сосуды. Некрополь города занимал площадь не менее 16 га. Дальше простирался курганный некрополь. Одна гряда курганов тянется на восток от Анапы, другая — в юго-западном направлении. Курганы находились и к югу от города.

Кепы

Город Кепы упоминается Псевдо-Скимном (V, 899), Эсхином (III, 171), Диодором Сицилийским (XX, 24), Страбоном (XI, 2, 10), Плинием Старшим (VI, 18), Помпонием Мелой (I, 112) и др. Он отождествляется (хотя и без полной уверенности) с городищем, находящимся на восточном берегу Таманского залива на верхнем плато и в правобережной части. До 1957 г. памятник подвергался лишь осмотру (*Иессен А. А., Миллер А. А.*, 1932, с. 59), с 1957 по 1972 гг. проводились его планомерные раскопки (*Сокольский Н. И.*, 1960; 1961а; 1961б; 1962в, г; 1963б; 1965б; *Николаева Э. Я.*, 1975). В Кепах зарегистрировано 12 культурных напластований от VI в. до н. э. до IV в. н. э. В период наибольшего расширения города (I—II вв. н. э.) его площадь (вместе с затопленной частью) достигала 20—25 га. К наиболее раннему слою относятся остатки жилищ конца VI — начала V в. до н. э., с сырцовыми стенами и среди них дом с глубоким подвалом, разделенным на четыре отсека (табл. XLIV, *1*). В истории дома выделяются три строительных периода. Со вторым из них связывается использование одного отсека подвала под хранение амфор (хиосских и протофасосских). В слое VI—V вв. до н. э. было много расписной посуды (табл. XLIV, *3, 5*). Интересно культовое глиняное блюдо с рельефным орнаментом по краю на высокой профилированной подставке (рис. XLIV, *2*).

Расцвет города относится к IV—II вв. до н. э., особенно к III—II вв. до н. э. В этот период идет оживленное строительство жилых и общественных зданий. Сохранились фундаменты небольшого святилища II в. до н. э., по-видимому, типа храма в антах, сооруженного на восточной окраине города (табл. XLIV, *10*). Здание погибло в I в. до н. э. В его развалинах найдены монеты и много разнообразных предметов (табл. XLIV, *7*, *9*, *11*). Среди них выделяются мраморная головка куроса или Аполлона конца VI в. до н. э. (табл. XLIV, *13*), статуэтка Афродиты высотой около 0,53 м, изваянная из мрамора мастером восточносредиземноморской школы II в. до н. э. (рис. XLIV, 11); (*Сокольский Н. И.*, 1964б). Терракотовая статуэтка Афродиты (табл. XLIV, 15), вотивная мраморная женская рука с рогом изобилия (табл. XLIV, *7*) и др. позволяют считать данную постройку святилищем Афродиты. Об этом также свидетельствует обломок большого мраморного блюда V в. до н. э. с начальными буквами имени этой богини (табл. XLIV, *16*), посвящение Спартока, сына Перисада, Афродите, вырезанное на мраморном пъедестале (табл. XLIV, *14*) и целый ряд граффити на сосудах (табл. XLIV, *4*). Судя по надписи на ножке чернолакового килика конца VI в. до н. э. в Кепах уже в это время существовал храм Афродиты и при нем был жрец Мальпагор (*Сокольский Н. И.*, 1973б, с. 88). При раскопках святилища Афродиты были найдены половина мраморного тарапана и миниатюрный вотивный железный виноградарский нож. В III—II вв. до н. э. Кепы торговали с боспорскими и со средиземноморскими центрами, о чем говорят находки импортных амфор, пантикапейских и фанагорийских монет, изделия фанагорийских и пантикапейских гончаров, чернолаковая керамика и рельефная типа «мегарских» чаш (*Усачева О. Н.*, 1978). Найдены формы для изготовления терракотовых статуэток. Клейма на сосудах (табл. XLIV, *6*, *9*) позволяют предполагать наличие керамической мастерской при одном из святилищ города (*Сокольский Н. И.*, 1968). Слои конца II—I вв. до н. э. носят следы разрушений и последующих восстановительных работ, при которых использовали в качестве строительного материала обломки погибших сооружений и монументов. В слоях того времени встречено довольно много находок (табл. XLIV, *19—22*).

К I в. н. э. относится керамическая обжигательная печь, две винодельни и термы, прямоугольные в плане с двумя помещениями, выступающими наружу. Внутри терм вдоль сырцово-кирпичных стен на каменном фундаменте были расположены цемянковые скамьи, облицованные плитками сероватого мрамора. В скамьях проходили каналы для подачи горячего воздуха. С севера и востока здание терм огибает водопровод, сложенный из грубообработанных камней, перекрытый плитами и черепицей. В месте прохождения водопровода под стеной терм он состоит из керамических труб, внутри которых лежала более узкая труба из свинцовой пластины (табл. XLIV, *17*) (*Николаева Э. Я.*, 1975, с. 77 сл.). В I в. вокруг города возводят мощный оборонительный земляной вал, остатки которого сохранились в северной части городища (табл. XLIV, *23*). В слоях II и III вв. открыты две винодельни (табл. XLIV, *18*).

В III—IV вв. н. э. происходит заметное изменение в экономике и культуре города. В городские жилые комплексы включаются производственные постройки и зернохранилища. Среди керамических

изделий большую группу составляет лепная посуда, светильники (табл. XLIV, *24*). Город погибает в 70-ых годах IV в. н. э. во время нашествия гуннов. Яркую картину этой катастрофы дали раскопки на южной окраине города, где под рухнувшими остатками сырцовых стен дома обнаружен скелет убитого человека и в полуметре от головы найден клад, состоящий из 745 бронзовых монет последних царей Боспора, по-видимому, хранившихся в мешочке (*Голенко К. В., Сокольский Н. И.*, 1968, с. 72).

К северо-востоку от города на склонах возвышенности находился грунтовый некрополь. В восточной части он сливался с курганным, тянувшимся цепочкой дальше к востоку по горе Цимбалка. Кроме того, курганы располагались группами к северу и югу от городища (*Сокольский Н. И.*, 1963а, с. 100). Исследование грунтового некрополя проводилось с 1959 по 1970 г. Раскопана площадь не менее 6000 м², открыто свыше 400 погребений, относящихся ко времени от второй половины VI в. до н. э. по III в. н. э. (*Сокольский Н. И., Сорокина Н. П.*, 1966). Погребения группируются по следующим периодам: 1 — вторая половина VI—V вв. до н. э.; 2 — III—I вв. до н. э.; 3 — I—III вв. н. э. (см табл. XLV).

Для VI—V вв. до н. э. характерны земляные ямы округлой или прямоугольной формы, могилы, выложенные сырцовыми кирпичами и детские захоронения в амфорах. Покойников обычно клали головой на восток на спину с вытянутыми конечностями, реже хоронили в скорченном положении. Среди скорченных погребений выделяются два типа: I — положение на боку с подогнутыми ногами; II — положение на спине с согнутыми в коленях и поставленными стоймя ногами. Второй тип характерен для V в. до н. э. Первый прослеживается вплоть до первых веков нашей эры. Погребения сопровождали простые или расписные чернолаковые сосуды, стеклянные непрозрачные сосуды, глубокие красноглиняные миски, протофасосские амфоры или ойнохои. Воинов иногда хоронили с оружием: мечами (акинаками), копьями, стрелами с бронзовыми и железными наконечниками. На исследованной территории не встретилось ни одного захоронения IV в. до н. э. Видимо, некрополь в это время был перенесен на другой участок. Но следует отметить, что в IV в. до н. э. быстро растет курганный могильник.

Основная группа открытых на грунтовом некрополе могил относится к III—I вв. до н. э. Выделяется шесть типов погребений этого времени. Сохраняются могилы в виде земляных ям, но они приобретают вытянутую овальную форму. Могилы с сырцовыми стенками встречаются редко и делаются узкими. По-прежнему используют для детских захоронений керамическую тару. К новым типам могил относятся захоронения под черепицами, подбойные могилы, земляные склепы. Самые ранние подбойные могилы и склепы датируются монетами второй половины III в. до н. э. Погребальный обряд III—I вв. до н. э. в основном продолжает традиции предшествующего периода: преобладает трупоположение с ориентацией покойных головою на восток с отклонениями. Изредка встречаются могилы с южной ориентировкой. Наряду с трупоположениями во II—I вв. до н. э. распространяется новый обычай — сожжение умерших. Кремация совершалась в самой могиле или же на стороне с последующим захоронением кальцинированных костей в специальных урнах, либо в сосудах. Инвентарь из могил III—I вв. до н. э. очень обильный: керамика в основном местного производства, бусы, боспорские монеты. Оружие не встречается. Для эпохи эллинизма характерно совершение тризн. Встречаются эсхары для возлияний и жертвенные столики из известняка. Тризны сопровождались иногда сожжением жертвоприношений на кострах; посуду, при этом, разбивали. Иногда при жертвоприношениях, связанных с погребениями в земляных склепах, совершались захоронения голов лошадей, коровы или целой собаки. Распространяется обычай ставить над могилами надгробия с рельефными изображениями женских и мужских фигур, всадников, а также антропоморфные надгробия. Некрополь III—I вв. до н. э. в основном характеризуется чертами греческого погребального обряда. Но появление во второй половине III в. до н. э. подбойных могил, характерная поза погребенного — положение руки на тазу и находка разбитого зеркала (в одном погребении II в. до н. э.), могут быть связаны с другой этнической группой населения Кеп — сарматами, которые стали вливаться в города Таманского полуострова несколько раньше, чем в города европейского Боспора.

Некрополь первых веков нашей эры располагался на том же месте, концентрируясь главным образом в северной части. Число вскрытых могил этого времени значительно меньше. Выделяются четыре типа погребений I—III вв. Ведущим из них остается могила в виде земляной ямы овальной формы. Детей продолжали хоронить в сосудах, используя для этого кувшины и даже кастрюли. Значительную группу могил составляют земляные склепы, которые отличаются от эллинистических большими размерами камер, залегавших иногда на глубине свыше 2 м и дромосов, имевших, кроме того, несколько иную форму. Не менее распространенными были подбойные могилы, у которых подбои выкапывались в разных сторонах, иногда очень глубоких колодцев. Заклад у некоторых могил этого типа делался из вальков серой материковой глины, но также и из сырцовых кирпичей как и в эпоху эллинизма. Перестали совершать тризны и сжигать умерших. Господствующим стало трупоположение при разнообразной ориентации покойных. Учащаются случаи расположения кистей правой или левой руки на тазу и перекрещенных в щиколотках ног. Преобладает вытянутое положение костяков, но встречается и скорченное, на правом или левом боку. В склепах, служивших семейными усыпальницами, видимо, нескольких поколений, число погребенных увеличивается. В камерах их стали располагать ногами ко входу, часто в деревянных гробах и даже саркофагах с раскрашенными налепами из гипса и глины. Исчез обычай класть в склепы черепицу или ее обломок, что было характерно для предшествующего времени. При отмеченных новых чертах погребального обряда неизменным остается ритуал наделения умерших предметами быта, туалета, украшениями и снова как в VI—V вв. до н. э. — оружием. Особенно богатым инвентарем отличались склепы. В могилах встречаются краснолаковая, простая и сероглиня-

ная лощеная керамика, грубоглиняная лепная посуда, светильники, многочисленные бальзамарии и другие сосуды из стекла, терракоты, бусы, изделия из металла и даже скульптуры, над погребениями продолжают ставиться надгробия (табл. XLIV, *25* и XLV).

Патрей. На северном берегу Таманского залива, у современного поселка Гаркуши находится обширное городище, которое отождествляется с упоминаемым древними авторами Патреем. Согласно Гекатею Милетскому, в передаче Стефана Византийского, Патрей был городом, Страбон (XI, 2,8) называет его селением. Краткое описание этого городища было сделано в XIX в. (*Герц К. К.*, 1870, с. 107 сл.) В 1926, 1927 гг. городище подверглось археологическому обследованию и в 1928 г. здесь проведены первые разведочные раскопки (*Башкиров А. С.*, 1927; 1928; 1950). В 1931 г. на городище работала экспедиция ГАИМК (*Миллер А. А.*, 1932б), Систематические археологические исследования Патрея велись с 1948 по 1951 гг. и в 1960, 1961 гг. (*Башкиров А. А.*, 1950; 1957). В 1964, 1965 гг. и в 1969, 1970 гг. раскопками городища руководил Н. И. Сокольский.

Древнейшее поселение возникло в третьей четверти VI в. до н. э. в западной части городища и существовало до второй половины V в. до н. э. В жилищном строительстве этого поселка широкое применение получили глина и слоевые субстракции. Здесь открыты части нескольких строений, в том числе помещение с круглой в плане домашней печью и большое количество зерновых ям (АО, 1965 г., с. 128). Впоследствии поселение перемещается к востоку. Следов поселения IV—III вв. до н. э. пока не обнаружено. Ко II—I вв. до н. э. относится часть монументальной каменной мостовой и фундаменты большого здания с завалом расписной штукатурки на полу. В начале I в. до н. э. город подвергся разрушению, сопровождавшемуся пожаром и гибелью части населения, о чем свидетельствует находка в подвале двух человеческих скелетов (*Башкиров А. С.*, 1957, с. 353, сл.). В конце I в. до н. э.— начале I в. н. э. здесь сооружается крепость, входившая в единую систему укреплений северо-западной части Таманского полуострова. По периметру ее был вырыт ров, а из вынутой при рытье земли на подрезанный материк был насыпан глиняный вал высотой 2,60 м. На поверхности вала была возведена из сырцовых кирпичей (0,52×0,52×0,07 м) оборонительная стена толщиной 3,60 м. По-видимому, крепость была прямоугольной (табл. XLVI, *5*). На восточной стороне ее находились ворота шириной 3,65 м, защищенные с обеих сторон прямоугольными пилонами 6,70×1,90 м (АО, 1965 г., с. 127). Внутри была насыпана мощная платформа, на которой располагались блоки помещений, построенные по единому плану из аналогичных сырцовых кирпичей на каменных фундаментах и разделенные узкими переулками с черепяными вымостками. В начале II в. крепость погибла в пожаре. Но жизнь на городище вскоре возобновляется, причем в пределах крепости новая застройка полностью повторяла планировку предшествующего периода. В конце II в. н. э. жилые дома подвергаются новой перестройке. Расположение новых построек, сооруженных из сырцовых кирпичей на каменных фундаментах, отличается от нижележащих домов. Найдены зерновые ямы, вкопанные пифосы, остатки двух виноделен, нижняя часть керамической обжигательной печи. В середине III в. н. э. город подвергается новому разрушению, которое, судя по монетам третьего Патрейского клада, произошло около 251 г. и может быть связано с походами варварских племен. В позднеантичное время жизнь в городе продолжалась. Как показывают строительные остатки и монеты второго Патрейского клада, гибель античного города связана с движением гуннов в 70-ых годах IV в. (*Голенко К. В.*, 1960).

Поселение у поселка «За Родину»

Безымянное городище, расположенное в 1,5 км от Азовского моря в полукилометре от юго-западного угла поселка рыбколхоза «За Родину» Темрюкского района известно с XVIII в. (*Pallas P. S.*, 1794, s. 274; *Dubois de Montpéreux F.*, 1843; *Герц К. К.*, 1870, с. 104; *Войцеховский С. Ф.*, 1929, с. 8).

Раскопками выявлены пять культурных слоев от V—IV вв. до н. э. по первые века нашей эры (*Сокольский Н. И.*, 1975; 1976а). Слой V—IV вв. до н. э. прослежен только по находкам. Во второй четверти III — середине II в. до н. э. здесь находился архитектурный ансамбль, состоящий из перистильного двора и толоса (табл. XLVII, *1, 2*). Перистильный двор (площадь 2310 м²) трапециевидной формы был обрамлен со всех сторон длинными постройками, которые делились на помещения с черепичными крышами. В западной постройке, наиболее хорошо сохранившейся, было девять помещений. Вдоль построек со стороны двора тянулись галереи так же с черепичными кровлями. Поддерживающие их деревянные опоры стояли с промежутками — интерколумниями от 1,65 до 2,25 м на сплошной однорядной каменной кладке в специально сделанных для них углублениях. Двор местами сохранил разнохарактерное замощение. Под некоторыми вымостками имелись водостоки. В западной части двора — стоял толос — круглая в плане постройка диаметром 21,2 м на глиняном одноступенчатом основании, обрамленном каменной однорядной кладкой. Расположенная на расстоянии 2,40 м от края основания стена целлы, сложенная из сырцового кирпича, лежала на фундаменте шириной 0,90 м из рваного камня с заложенными в него известняковыми квадрами с продухами. Диаметр внутреннего помещения — 14,40 м. Снаружи у толоса имелось 32 колонны дорийского ордера с интерколумниями, равными 2,08 м, внутри — восемь ионийских колонн, стоявших по кругу на известняковых квадрах (табл. XLVII, *3—15*). Особенности строительного материала (дерево, сырцовый кирпич) более приземистые пропорции, большое число наружных колонн придали толосу некоторое своеобразие по сравнению с подобного типа постройками, известными в Греции.

В середине II в. до н. э. этот архитектурный ансамбль был разрушен. С 20-х гг. II в. до н. э. руины перистильных построек восстанавливаются, однако, со значительными переделками, превратившими его из святилища в укрепленную усадьбу. Отремонтированный перистильный двор был обнесен мощным

валом со рвом и в северо-западном углу двора было построено монументальное двухэтажное здание с сырцовыми стенами толщиной 1,65 м, стоящими на каменных фундаментах. Прослежены так же остатки каменной лестницы. Дом имел пять внутренних помещений общей площадью 378 м² (табл. XLVII, *16*, *17*). Два из них (А, Б) были хозяйственными, а в одном находилось, видимо, домашнее святилище. Разгром усадьбы, сопровождавшийся большим пожаром, относится к последнему десятилетию I в. до н. э. Он, возможно, был связан с карательной экспедиций Полемона в период его борьбы за боспорский престол. В слое пожара найдена столовая и кухонная посуда, деревянные, костяные, бронзовые предметы, терракоты, веревки, зернотерки и т. д. (табл. XLVII, *20—40*). Последним хозяином усадьбы был Хрисалиск, живший при царе Асандре (47—17 гг. до н. э.) как сообщает найденная здесь надпись. Здесь же найдена плита со схематическим изображением богини Тюхе (табл. XLVII, *18*, *19*). Особенности надписи Хрисалиска, фундаментальность усадьбы — резиденции позволяют видеть в нем видного магистрата Боспорского государства времени правления Асандра. В I в. н. э. в период экономической и политической стабилизации Боспора, после бурных событий I в. до н. э. на развалинах резиденции Хрисалиска возводится прямоугольное в плане укрепление, простоявшее здесь более столетия (табл. XLVII, *41*). Оно перекрыло лишь северную часть строений предшествующих эпох. В северо-западную линию обороны были включены мощные стены дома Хрисалиска, так, что он представлял собой выступ, подобный огромной башне. В северо-восточном углу сохранилась другая прямоугольная башня с внутренним помещением. От нее тянулись стена из сырцовых кирпичей на каменных фундаментах шириной 1,30 м.

Тирамба

Согласно сообщениям Страбона (XI, 2, 4) и Птолемея (V, 8, 4) Тирамба находилась в 120 стадиях к востоку от Киммерика, расположенного на Азиатском Боспоре. Предположительно ее локализуют в 20 км восточнее Фанагории, на южном берегу Азовского моря, около устья Кубани, на окраине современного поселка Пересыпь (*Войцеховский С. Ф.*, 1929; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 206). По другому предположению, Тирамба находилась в 8,5 км от г. Тимрюка, на территории его выселок (*Герц К. К.*, 1870, с. 306). От городища у пос. Пересыпь сохранилась незначительная часть (около 100 м в длину и 30 м в ширину) с оборонительным валом, который шел параллельно Кубанскому гирлу. Сохранившийся кусок городища представляет собой южную часть укрепления, сооруженного в I в. до н. э. Раскопки на городище проводились в 1961—1963 и 1965 гг. (*Коровина А. К.*, 1968б, с. 54 сл.). Вскрыта площадь в 150 м² (табл. XLVIII, *10*). Поселение было основано в конце VI в. до н. э. (*Блаватский В. Д.*, 1954 в, с. 23). Открыты остатки заглубленного жилища конца VI—V вв. до н. э., остатки фундаментов, вымосток и водостока последующих веков. Расцвет Тирамбы падает на IV—III вв. до н. э. В I в. до н. э. здесь строится укрепление из сырцовых кирпичей с глубоким рвом вокруг стен и отходящим от них оборонительным валом. В I в. н. э. оно было разрушено, но жизнь на городище продолжалась до III в. н. э. Найденная на городище керамика свидетельствует о тесных торговых связях Тирамбы с Фанагорией, откуда поступали и импортные греческие изделия. Среди амфорных клейм преобладают синопские III в. до н. э. и родосские II в. до н. э. Для лепной посуды характерны формы, близкие прикубанским (*Анфимов Н. В.*, 1951, рис. 1, *5*, *6*, *10*, *13*; рис. 2, *1*, *29*; рис. 3), встречаются также горшки с отогнутым венчиком и с ямочным орнаментом, напоминающие скифскую посуду (*Граков Б. Н.*, 1954, с. 68) и лепные кастрюли с ручками, подражающие боспорским гончарным. Лепная посуда Тирамбы отличается тщательностью изготовления. В первые века нашей эры качество ее ухудшается. Среди импортной керамики интересны дно сероглиняной чернолаковой чаши эллинистического времени с рельефным медальоном, на котором изображены Исида и Серапис, и светильник I в. до н. э.— I в. н. э. с рельефной надписью.

Некрополь тянется к западу и юго-западу от городища вдоль побережья на 1,5 км и приблизительно на полкилометра в ширину (*Коровина А. К.*, 1962; 1963). В 1940 г. В. Д. Блаватским в обрезе берега было зачищено 11 могил, в 1947 и 1951 гг. еще шесть могил. Систематические раскопки проводились А. К. Коровиной в 1959, 1961—1963, 1965, 1970 гг. На площади более 1400 м² обнаружено 163 погребения, относящихся к периоду от VI в. до н. э. по III в. н. э. Открыты 19 могил конца VI—V вв. до н. э., для которых характерно трупоположение в простых грунтовых ямах с устойчивой ориентацией восток-запад, с оружием: акинаки, наконечники копий и стрел. Среди погребального инвентаря греческая импортная посуда, лепная и изготовленная на гончарном круге фанагорийская (табл. XLVIII, *1—10*). Наибольшее количество могил относится к периоду от IV в. до н. э. до I в. н. э. В конце IV—III вв. до н. э. распространяется обряд кремации и захоронение детей в амфорах и корчагах, с III в. до н. э. начинается сооружение земляных склепов (табл. XLVIII, *14*), а во II—I вв. до н. э. появляются подбойные могилы, количество которых увеличивается к I в. до н. э.— I в. н. э. В III в. до н. э.— I в. н. э. в погребениях, особенно в склепах, встречается много украшений. В женских могилах много бус, перстней, браслетов, фибул. На рубеже нашей эры в могилы кладут превосходного качества терракоты, большей частью из фанагорийских мастерских. Ко II—III вв. н. э. относятся только пять могил. Незначительное количество погребений II—III вв. и малая мощность культурных слоев этого времени свидетельствуют о постепенном затухании жизни в городе к III в.

Семибратнее городище

В процессе распространения боспорского влияния на внутренние районы Синдики и Прикубанья греческие населенные пункты возникают в глубине территории синдо-меотских племен. К числу таких поселений принадлежит Семибратнее городище, расположенное западнее станицы Варенниковской. В конце XIX в. небольшие раскопки городища проводил В. Г. Тизенгаузен (ОАК,

1878—1879 гг., с. VIII—IX). Затем его обследовали в конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. (*Башкиров А. С.*, 1928; *Иессен А. А., Миллер А. А.*, 1932, с. 59), а в 1938—1940 гг. и в 1949—1951 гг. раскопки городища проводил Н. В. Анфимов. Как показали раскопки (*Анфимов Н. В.*, 1941; 1953), город возник в конце VI — начале V в. до н. э., по-видимому, на месте ранее существовавшего туземного селища, на что указывает незначительное количество местной керамики в нижнем слое. Вокруг городской территории проходила мощная крепостная стена толщиной 4,35—2,60 м, сложенная из крупных и средних плит ракушечника. На верх стены вели каменные лестницы. Городские укрепления дополнялись прямоугольными башнями, стены которых были значительно тоньше — 0,90—1 м. Эти укрепления с небольшими перестройками просуществовали около двух столетий. В конце IV — начале III в. до н. э. городище подверглось разгрому.

В III—II вв. до н. э. на месте старых городских стен возводятся новые укрепления из грубо обработанных блоков и плит известняка, уложенных в два панциря с заполнением внутри мелким камнем или землей. Под основанием стены были устроены субструкции из утрамбованной глины. Толщина новой стены — 1,90 м. К этому же времени относится сооружение в северо-восточной части монументального здания размерами 22,5×19,5 м с пятью помещениями, расположенными вокруг небольшого мощеного двора с колодцами. Единственный вход в здание находился на южной стороне. Находки чернофигурной, краснофигурной и чернолаковой керамики, барабанов колонн, фрагмента мраморной скульптурной головы, терракот и привозной керамической тары свидетельствуют о благосостоянии обитателей поселения и об оживленных торговых связях, по-видимому, через приморские города Боспора с Хиосом, Родосом, Аттикой, а также Гераклеей и другими малоазийскими центрами. Поселение просуществовало до III в. н. э. В позднее время, как свидетельствуют многочисленные находки сарматской керамики, население города и его облик в значительной мере варваризуются.

Сельская территория

Древние авторы называют еще несколько греческих населенных пунктов на азиатском Боспоре — Корокондаму, Киммерий или Киммерийское селение, Ахилий, Апатур, Абораку, Стратоклею (карта 6). Из них только Корокондама и Киммерий пока могут быть отождествлены с известными археологическими памятниками. Но античные названия большинства других городищ и поселений, открытых археологами, нам не известны. Все они входили в состав хоры Боспорского государства. На археологическую карту Таманского полуострова, составленную К. К. Герцем, нанесено большое количество древних поселений, открытых в XIX в. Позднее были добавлены новые (*Герц К. К.*, 1870; *Соколов В. В.*, 1919а). В конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. были предприняты широкие археологические разведки, сочетавшиеся с небольшими раскопками (*Башкиров А. С.*, 1927; 1928; *Миллер А. А.*, 1931; 1932а, б). В 1950—1954 гг. работала Синдская экспедиция, возглавляемая В. Д. Блаватским (*Блаватский В. Д.*, 1952б; 1953а; 1955б; 1957б; 1959г; *Шелов Д. Б.*, 1953; 1955; *Сокольский Н. И.*, 1959). Были проведены раскопки на 16 поселениях юго-западной части Таманского полуострова. Большая часть их представляла неукрепленные поселения земледельцев, располагавшиеся вблизи берега моря или лиманов и состоящие из отдельно стоявших, нередко монументальных построек с сырцово-каменными или каменными стенами. Крыши зданий имели глиняно-камышовое покрытие, реже черепичное. Хозяйственные дворики иногда мостились камнем. В помещениях были глинобитные очаги. Найдены зерновые ямы, обломки жерновов, остатки винодельни II—III вв. н. э. На некоторых поселениях обнаружены остатки гончарного и кузнечного ремесла. Ряд поселений, лежащих вдали от моря, представляли собой временные стоянки пастухов. Девять поселений возникли в VI—V вв. до н. э., пять — IV—III вв. до н. э. и одно, примерно в III в. до н. э. Они существовали, с временными перерывами, до конца античного периода. В 1949 г. раскопки и разведки были проведены в северной части Таманского п-ва (*Шелов Д. Б.*, 1951; *Кубланов М. М.*, 1959). С 1961 г. раскопки на Фанталовском полуострове начала экспедиция под руководством Н. И. Сокольского (*Сокольский Н. И.*, 1963в, 1963г; 1966а, с. 126—129; 1966б; *Долгоруков В. С.*, 1967; *Николаева Э. Я.*, 1973). Установлено, что некоторые поселения (у восточного края Киммерийского вала) возникли в конце VI—V вв. до н. э., другие (Кучугуры I, Кучугуры II, у пос. «За Родину») — в IV—III вв. до н. э. Однако большая часть их была основана в конце II—I вв. до н. э. (Ильичевка, Батарейка I, Батарейка II, Каменная Батарейка, Красноармейское, у пос. Татарское). Во второй половине I в. до н. э. почти на всех перечисленных поселениях сооружаются из сырцовых кирпичей небольшие акрополи. Они составляли вместе с Киммерийским валом и валом в Кепах единую оборонительную систему (табл. XLVI, *1*). Вокруг них располагались неукрепленные поселки. Укрепления были сооружены на расстоянии от 2,5 до 10 км друг от друга, так, что между ними обеспечивалась зрительная связь (*Сокольский Н. И.*, 1963 г, с. 20 сл.). Аналогичный принцип расположения укреплений отмечен и для Европейского Боспора, что свидетельствует о единой системе обороны Боспора, возникшей скорее всего во время правления царя Асандра (*Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 90 сл.). Археологические исследования на большинстве из указанных поселений были сосредоточены на цитаделях, представлявших собой большей частью правильные прямоугольники стен, усиленные прямоугольными башнями и сложенные из сырцовых кирпичей размерами 0,52×0,52×0,07 м. Исключения составляли: укрепление поселения Красноармейского, имевшее шестиугольное очертание, и укрепление у поселка «За Родину», окруженное не стенами, а рвом и валом. Оборонительные сооружения многих крепостей дополнялись валами и рвами. Внутренние пространства их были застроены тесно стоявшими блоками помещений, сооруженных по единым регулярным планам.

Судя по находкам внутри помещений крепостей и подъемному материалу с окружавших их поселе-

ний, основными занятиями населения являлись земледелие, виноградарство и садоводство. Имеются данные о развитии в них керамического производства, ткачества и рыболовства. Основную массу находок составляют предметы, типичные для греческих городов. Встречаются материалы, характерные для местных племен, в первую очередь, сарматских, указывающие на их присутствие среди жителей. В конце I и начале II вв. все крепости подверглись разрушениям и пожарам (*Сокольский Н. И.*, 1967б, с. 114 сл.). Однако жизнь на них продолжается и в более позднее время, причем, восстановленные в середине II в. жилища внутри сохранившихся укреплений наследуют прежнюю планировку. Новые перестройки происходят в III и IV вв. В IV в. все поселения-крепости погибают в результате нашествия гуннов.

Поселение у пос. Ильича. Поселение существовало с позднеэллинистического до раннесредневекового времени (*Шелов Д. Б.*, 1951). Городище (размером 400×400 м) расположено у северной окраины пос. Ильичевка, в 1,5 км к северо-востоку от основания косы Чушка. Центральный холм, по форме близкий в плане к квадрату, высотой 8 м и размером 100×100 м, представляет собой крепость, исследования которой начались с 1962 г. (*Сокольский Н.И.*, 1966б). Открыт небольшой участок оборонительной стены, толщиной в 2,20 м. Четко выявляются следы гуннского разгрома, после которого поселение быстро восстанавливается и интенсивная жизнь на нем продолжается. Большинство открытых помещений принадлежит к IV—VI вв. н. э.

Поселения Кучугуры I и Кучугуры II. На территории современного поселка Кучугуры открыты два античных поселения (*Кубланов М. М.*, 1959). Поселение Кучугуры I на берегу Азовского моря возникло в IV—III вв. до н. э. Найдены каменные фундаменты зданий III в. н. э.

Городище Кучугуры II, на окраине современного хутора Кучугуры, на расстоянии приблизительно 1 км к югу от Азовского моря также возникло в IV—III вв. до н. э. Городище прямоугольной формы: длина 140 м, ширина 110 м. К IV—III вв. до н. э. принадлежат остатки помещения, возведенного из сырцовых кирпичей. В I в. до н. э.— I в. н. э. здесь было построено сырцовое укрепление с башнями и жилыми постройками. Обнаружены остатки фундамента оборонительной башни, сложенной из сырцовых кирпичей и расположенной на углу крепостной стены городища. Находка двух сероглиняных цилиндрических курильниц сарматского типа может указывать, что среди обитателей были сарматы. В слоях I—II вв.— четкие следы пожаров, свидетельствующие о захвате укрепления врагами и разрушении. Поселение продолжало существовать и в III—IV вв. В это время оно также подверглось значительному разрушению и пожарам, которые скорее всего связаны с гуннским нашествием.

Поселение «Каменная батарейка» (табл. XLVI, *2*) расположено на западном берегу Фанталовского полуострова, к югу от входа в Динской залив. Его размеры — 500×300 м. Раскопками обнаружена часть оборонительной стены из сырцовых кирпичей шириной 1,60 м, высотой 1,80 м, лежавшей на каменном фундаменте, сложенном из ряда необработанных камней. Открыто также сырцово-кирпичное основание юго-восточной башни, размеры внутреннего пространства которой 4×2,10 м. Установлено, что укрепление имело прямоугольную форму с выдвинутыми по углам так же прямоугольными башнями. Рядом располагалось неукрепленное поселение, на котором зафиксированы остатки трех разрушенных виноделен первых веков нашей эры (*Сокольский Н. И.*, 1970, с. 91).

Поселение «Красноармейское». Городище размером 500×400 м расположено на юго-западной окраине села Красноармейское. В юго-восточной части городища находилась цитадель, окруженная со всех сторон рвом. Размер холма, занятого укреплением, 40×40 м при высоте 7,5 м. Поселение существовало с I в. до н. э. по V в. н. э. Вскрыта площадь 235 м², обнаружены оборонительные стены крепости из сырцовых кирпичей, на каменном фундаменте из необработанных камней известняка и плитняка средних размеров. Фундамент лежит на искусственной подушке из однородной серо-коричневой плотной глины. Укрепление в плане имело форму шестиугольника и его длинные стены были расположены друг к другу под углом, близким к 120°. На углах с внутренней стороны имелись прямоугольные пилоны, заменявшие башни. Внутреннее пространство восьми помещений цитадели было заполнено горелым слоем толщиной 1,20—1,40 м, что свидетельствует о пожаре в конце I — начале II в. В одном из помещений обнаружены обуглившиеся остатки плетеной корзины с ячменем. Рядом с городищем располагалось неукрепленное поселение, возникшее в I в. до н. э., очевидно, одновременно с постройкой укрепления.

Поселение «Батарейка I» расположено на берегу Динского залива, протянулось на 220 м вдоль берега и на 150 м к северу от него. В юго-восточной части городища находится холмообразная возвышенность треугольной формы (длина 700 м, ширина — 40 м, высота холма — 8,5 м, скрывающая в себе остатки укрепления (табл. XLVI, *3*, *4*). Значительная часть укрепления уничтожена в результате оползня грунта. Раскопки 1960 г. зафиксировали шесть культурных слоев с I по VIII—X вв. н. э. (*Сокольский Н. И.*, 1963в). На западном краю холма расчищена сырцовая оборонительная стена шириной 4,9 м, высотой 3,7 м, сооруженная в I в. до н. э. Ее фундамент из необработанных камней был положен на мощной глиняной подушке толщиной до 1,3 м. С внешней стороны укрепление было защищено валом. По всей площади раскопа прослежен сплошной пласт пожарища конца I — начала II в. н. э. толщиной 0,3—0,58 м с большим числом находок (табл. XLVI, *12*, *15*, *16*). В северном углу укрепления расположена квадратная башня. Другая башня обнаружена у северного края холма. Раскопками открыта часть дома с остатками печи, погибшего в пожаре IV в. н. э. Печь использовалась для обжига мелкой посуды и лепешкообразных грузил. На полу сгоревшего дома найдены лепные сосуды, железный сошник, два гранитных четырехугольных жернова, каменная ступа, зерна пшеницы и ячменя, что свидетельствует о тесной связи жителей крепости с сельским хозяйством. Около печи обнаружен скелет мужчины с пробитым черепом, погибшего, видимо,

при захвате поселения. На окружавшем крепость поселении обнаружены остатки девяти виноделен, две из которых I в. н. э. и III—IV вв., подверглись раскопкам (*Сокольский Н. И.*, 1970). Поселение было разрушено в IV в.

Поселение «Батарейка II» в 2 км к северо-востоку от поселения Батарейка I, в 300 м от края Динского залива, в центре современного поселка Батарейка. Холм цитадели имеет в плане почти прямоугольную форму размером 60×40 м, высотой 5,5 м. В результате раскопок 1962—1965 гг. вскрыта площадь 410 м² (*Сокольский Н. И.*, 1967б). В основании укрепления находилась глиняная подушка, на которой выкладывались фундаменты из различных камней, связанных раствором. Фундаменты башни были сложены в два панциря с плотной забутовкой посередине. На фундаментах находилась кладка из сырцовых кирпичей. Полностью раскопана северо-восточная башня укрепления (размеры внутрибашенного помещения — 4,20×3,35 м) с проходом шириной 1,05 м. Башня была двухэтажной с деревянными перекрытиями. Высота сырцовой кладки северной стороны башни достигает 4,60 м. Прослежено северное прясло длиною 13,70 м и обнаружена промежуточная прямоугольная башня крепости (длиною 6,80 м). Возможно, что укрепление имело шесть башен — четыре по углам и по одной промежуточной у длинных стен (*Сокольский Н. И.*, 1967б, с. 111). Открыт также участок южного прясла стены. Стена имела цоколь из сырцовых кирпичей, расширяющийся к основанию. Установлено, что после сооружения башен и крепостных стен была создана искусственная глиняная платформа толщиною до 2,5 м (у южной стены), на которой были построены помещения, расположенные вдоль крепостных стен. Вскрыто 11 помещений (9 — у южного прясла стены, 2 — у северного), погибших при пожаре в результате штурма крепости, в ходе которого применялись военные механизмы. В слое пожара было обнаружено много находок: прямоугольные жернова из гранита, пифосы, вкопанные в пол, амфоры местного производства, светлоглиняные узкогорлые амфоры; значительное количество металлических предметов (в том числе косы и серпы). На полу помещения 2 в краснолаковых чашках сохранился обуглившийся виноград (табл. XLVI, *6—11*, *13*, *14*, *17*), яблоки, в горшках — остатки каши и хлеба. Найдены также остатки трех корзин с зерном и веревочной рыболовной сети с поплавками. Захват укрепления произошел в августе—сентябре месяце во время правления Савромата I (93/4 123/4 гг. н. э.). Рядом с крепостью находилось неукрепленное поселение. В последующую эпоху поселение было перестроено и продолжало существовать до IV в. н. э. (*Долгоруков В. С.*, 1967). Раскопками вскрыто два дома.

Поселения в районе Фанагории и Горгиппии. В 1968 г. исследовалось селище первых веков нашей эры, расположенное в 5 км к югу от Фанагории (*Николаева Э. Я.*, 1973). Оно занимало площадь примерно 150×200 м. Обнаружены остатки каменных фундаментов зданий, каменно-черепяных вымосток и хозяйственные ямы. Поселение существовало с конца I до середины III в. н. э.

Еще одно поселение находится в 8 км юго-западнее Фанагории. В ходе небольших разведочных раскопок выявлены остатки каменного фундамента дома. Случайно при плантажной вспашке был найден мраморный рельеф с изображением танцующих менад. Ряд сельских поселений обнаружен вблизи Горгиппии. В районе станицы Нетухаевской, на виноградниках совхоза «Джемете», между поселками Красный Курган и Красная Скала, на Уташе и в Су-Псехе зафиксировано пять обширных неукрепленных поселений IV в. до н. э.— III в. н. э. Каждое из них состояло из нескольких десятков отдельно стоявших домов, удаленных друг от друга на расстоянии 50—100 м. Дома имели мощные фундаменты. На рубеже I в. до н. э.— I в. н. э. возникает поселение у станицы Анапской, состоящее из укрепленной монументальной постройки, вокруг которой концентрировалось несколько неукрепленных домов. Поселение Джемете вблизи Анапы существовало с середины III в. до н. э. до середины I в. до н. э. Открыто здание площадью 100 м², построенное на остатках сооружения IV в. до н. э., состоявшее из двух смежных полуподвальных помещений с мощными фундаментами шириной 1 м. Хозяйственный двор был вымощен плитами, в землю вкопаны пифосы. По сохранившимся стенам ограды удалось определить, что дом располагался в северо-восточном углу участка, ширина которого была 77 м, а длина не превышала 100 м, так как на этом расстоянии располагалась следующая усадьба. Зафиксированы следы пяти домов, стоявших в линию вдоль улицы. На хуторе «Рассвет» исследована усадьба I в. до н. э.— I в. н. э. площадью 175 м², состоящая из двух смежных полуподвальных помещений (*Крушкол Ю. С.*, 1968). Ее каменные стены толщиной до 1,5 м дополнительно укреплены большими камнями и забутовкой. Около станицы Натухаевской исследовано подобное здание площадью около 100 м² (*Сизов В. И.*, 1889, с. 105 сл.).

С этими поселениями связано несколько грунтовых некрополей, чаще всего расположенных на скалистых возвышенностях, между поселками Красный Курган и Красная Скала, в Джемете, совхозе «Рассвет», Виноградном, Натухаевской, Сукко и около Воскресенского. Всего раскопано свыше 200 погребений. Выделяется семь типов погребальных сооружений: 1 — небольшие углубления для скорченных захоронений — наиболее ранний тип; 2 — широкие неглубокие ямы, окруженные кольцом крупных необработанных камней, засыпанные сверху мелкими камнями (диаметр засыпки — 3—5 м); 3 — могилы со стенками, сложенными вперемет из рваного камня; 4 — отдельностоящие каменные ящики из тесаных плит, либо дикарных камней; 5 — грунтовые могилы, перекрытые одной-тремя плитами (это малораспространенный тип); 6 — небольшие каменные склепы с дромосом, имеющие цоколь из невысоких, четко выпиленных блоков и стенки из стоящих на ребре больших тесаных плит, известные только на ближайшей к городищу территории; 7 — наиболее распространенный тип — каменные ящики с кольцевым обкладом из дикарных камней с плитовым закладом или без него, с мелкокаменной забутовкой сверху или без нее. Диаметры каменных кругов над такими погребальными сооружениями достигают 10—12 м. Встречаются эсхары — камни

прямоугольной или трапециевидной формы с отверстиями и углублениями; отверстия бывают закрыты специально выпиленной пробкой. В одном погребении на краю каменного кольца может быть две-четыре эсхары. В погребениях и рядом с ними неоднократно зафиксированы части конских туш. Около таза и на уровне колен покойнику иногда клали несколько крупных галек. Среди мелких камней засыпок и забутовок погребальных сооружений встречается множество мелких фрагментов керамики. Большинство погребальных сооружений вытянуто по оси зюз-всв, преобладают коллективные захоронения, но обычно не более семи человек. Наиболее ранние погребения на исследованных некрополях датируются VI—V вв. до н. э., преобладают могилы IV—I вв. до н. э. Погребальный инвентарь небогат, могилы содержат оружие — стрелы, наконечники копий, акинаки; чернолаковую, расписную и простую гончарную посуду, украшений и монет мало. Некрополи принадлежат местному, сильно эллинизованному населению.

Юго-восточная окраина Боспора

На юго-восточных окраинах Боспора располагались греческие города Баты и Торик. Страбон (XI, 2, 14), Птолемей (VIII, 25) и другие помещают Баты в Синдике. Указанное Страбоном расстояние от Синдского порта до Бат в 400 стадий (примерно 70 км) приходится на Цемесскую бухту. Поэтому большинство исследователей локализуют этот город на месте Новороссийска (*Dubois de Montpereux F.*, 1834, с. 167; *Тетбу де Мариньи*, 1853, с. 211; *Забелин И. Е.*, 1878; с. 27; *Мельников-Разведенков С. Ф.*, 1900, с. 83; *Готье Ю. В.*, 1925, с. 149; *Жебелев С. А.*, 1953, с. 264). Мнение о местонахождении Бат на мысу Мысхако (Малая земля) (*Поночевный М. О.*, 1891, с. 39 сл.; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 220) не подтвердилось археологическими исследованиями. Не обоснованы и другие предположения о локализации Бат на юго-восточной оконечности Новороссийской бухты в Широкой балке, в долине реки Озерейки, а также на месте Туапсе и Макопсе (*Онайко Н. А.*, 1976б, с. 111). Археологические исследования в районе Новороссийска ведутся Н. А. Онайко с 1955 г., однако, остатки древнего города пока не найдены. Руины Бат были, по-видимому, застроены генуэзской крепостью. Позднее, при постройке Новороссийского порта, остатки Бат и генуэзской крепости были, по-видимому, забетонированы. О местонахождении города и гавани на месте современного Новороссийска свидетельствуют разнообразные случайные находки: обломки амфор, монеты, различная утварь и золотые украшения. В 1969 г. в траншее на ул. Советов на глубине 2 м был обнаружен культурный слой эллинистического времени. Среди могил, найденных на территории Новороссийска в 1928, 1929 гг., выделяется гробница, выложенная черепицами с клеймом ΔΙΑΒΑΤΑ (*Гайдукевич В. Ф.*, 1947, с. 24). Найдены синдомеотские надгробья. Баты, по-видимому, были основаны в VI—V вв. до н. э. Наивысшего культурно-экономического подъема они достигли на рубеже и в первые века нашей эры.

В районе Новороссийска выявлено несколько поселений (табл. XLIX, I). На Малой земле, на берегу моря, в устье р. Мысхако раскапывалось поселение, занимавшее площадь примерно 200×500 м (табл. XLIX, *6*) (*Онайко Н. А.*, 1970в; 1973). Обнаружены зерновые ямы, заполненные культурными остатками. Находки относятся в основном к периоду от рубежа нашей эры по III в. н. э. Некоторые формы лепной, а также сероглиняной гончарной посуды, особенно миски, напоминают кубанскую керамику (табл. XLIX, *2, 7, 14, 15*). Прикубанским типам керамических изделий близки также обожженные плитки прямоугольной формы (табл. XLIX, *13*). Рыболовные грузила (табл. XLIX, *3—5, 10—12*) и кости морских рыб, позволяют считать рыбную ловлю одним из занятий обитателей поселений. В Широкой балке известны случайные находки бронзовых изделий, среди которых был бюст боспорской царицы Динамии. Там же обнаружены руины каменных монументальных построек. Раскопками открыты остатки каменных хозяйственных построек рубежа нашей эры и I в., погибших в пожарах. В слое рубежа нашей эры найдено каменное ядро. На одной из стенок амфоры имеется надпись, свидетельствующая о торговых связях Гераклеи Понтийской с городами Северо-Восточного Причерноморья (*Виноградов Ю. Г.*, *Онайко Н. А.*, 1975, с. 86, рис. 1), женский бронзовый бюст-гиря и обломки бронзового кувшина (*Онайко Н. А.*, 1971; 1972, с. 87, рис. 2). Поселения, обнаруженные к юго-западу от Бат, в долинах рек Дюрсо, Озерейки и Цемеса располагались на возвышенных террасах рек или несколько удаленных от рек склонах высоких гор, большей частью на значительном расстоянии от берега моря. Эти, в основном земледельческие, поселения небольших размеров существовали с рубежа VI—V вв. до н. э. В долине р. Цемес раскапывались поселения Владимировское в 14 км и Цемдолинское в 11 км к северо-западу от Новороссийска. Владимирское поселение расположено на левом берегу р. Цемес, на небольшой возвышенности, круто обрывающейся к реке; его площадь примерно 100×250 м. Обнаружены зерновые ямы и руины прямоугольного каменного здания (198 м²) с мощными стенами (табл. L, 1) (*Онайко Н. А.*, 1975б, с. 83). Толщина стены из крупных плит местного песчаника на глинистом растворе, достигает 1,70 м. Вход в здание был со стороны реки. Оно существовало с конца II—I вв. до н. э. по I в. н. э. и погибло в пожаре. В здании найдены обломки амфор, гончарной и лепной посуды, пирамидальные грузила, пряслица, торс терракотовой статуэтки богини (табл. L, *2—8*). В восточном углу стояли три раздавленных пифоса, а в них — 14 сероглиняных мисок, поставленных одна в другую. На доньях всех мисок процарапаны тамгообразные знаки двух вариантов (табл. L, *9—13*). Один из них подобен знаку, встречаемому на горгиппийских кирпичах (*Гайдукевич В. Ф.*, 1947, с. 26, № 4; *Цветаева Г. А.*, 1975) и на монетах Аспурга (*Голенко К. В.*, *Шелов Д. Б.*, 1963, с. 12 сл.).

Цемдолинское поселение, площадью 150×100 м, находится в 3 км от Владимировского, на левой стороне р. Цемес, но вдали от берега. Как и на Владимировском поселении, там было обнаружено большое каменное здание, площадью около 212 м²

со стенами толщиной до 1,60 м, стоявшими на мощном фундаменте (табл. LI, II). Здание имело два помещения, разделенных стеной с дверным проемом. Вход был с юго-западной стороны, он прикрывался полукруглой башней. Здание одновременно владимировскому и погибло, по-видимому, в результате одних и тех же событий. На полу в горелом слое найдены: сильно обгоревший костяк лошади, кости человеческого черепа, сероглиняная, краснолаковая и простая керамика (табл. LI, II, *8, 10, 11*), фрагменты стеклянных сосудов, бусы из стеклянной пасты, много пряслиц и часть веретена (табл. LI, II, *1–7, 9*), египетский скарабей и обломки лепного сосуда с антропоморфным изображением (табл. LI, II, *13, 14*), обломки наконечника копья и долота. Укрепленные здания Владимировского и Цемдолинского поселений располагались вдоль древней дороги, соединявшей Баты с Горгиппией и, возможно, прикрывали подступы к Батам. Стратегическое значение, связанное с укреплением восточных границ Боспора, имела и оборонительная стена Раевского городища.

Раевское городище

Раевское городище (к северу от станицы Раевской Анапского района) расположено на довольно высоком плато, северная и восточная границы которого имеют крутые обрывы к речке Маскаге. Площадь городища внутри валообразной насыпи — около 4 га. Городище открыто в XIX в. (*Сизов В. И.*, 1889, с. 111), исследовалось В. Д. Блаватским в 1954 г. и Н. А. Онайко с 1955 г. Городище существовало с рубежа IV—III вв. до н. э. до XIII—XIV вв. К III—II вв. до н. э. относятся остатки монументального каменного здания, занимавшего свыше 400 м² (*Онайко Н. А.*, 1967). Сохранились два помещения и перистильный дворик (табл. LI, I, *2*). Стилобат портика составлен из обработанных блоков ракушечника; на некоторых из них стояли базы столбов (табл. LI, I, *5*). В помещении Б пол вымощен мелким ракушечником. Найдено много битой черепицы с клеймом ΕΥΜΗΛΟΥ (табл. LI, I, *1*), обломки полихромной штукатурки, каменных капителей и карниза (табл. LI, I, *3, 4*) и гипсового рельефа. Воздвигнутая во II—I вв. до н. э. оборонительная стена шириной 1,40 м, сложенная из больших панцирных блоков и бута в середине, перекрыла перистильный дворик. У северо-восточного угла городища стена примыкала к помещению I заброшенного здания. Это помещение со стенами шириной 1,20 м и двумя широкими (до 2 м) проемами было использовано в системе оборонительных сооружений, видимо, в качестве угловой башни. На рубеже нашей эры оборонительные сооружения были разрушены, а в I—II вв. н. э. вновь восстановлены. Обитатели Раевского поселения занимались земледелием, скотоводством, ремеслами. Найдены куски железного шлака, льячка, готовые металлические изделия — гвозди, топор, серп и др. (табл. LI, I, *6, 11, 15, 16*). Спектральный анализ вещей показал, что для их изготовления использовалась, по-видимому, таманская и керченская руда (*Блаватский В. Д.*, 1959в, с. 42; *Онайко Н. А.*, 1959; 1965; 1967, с. 162).

Торик

Об этом городище упоминает Перипл Псевдо-Скилака (74). Он же, а позднее Страбон (XI, 2, II), Плиний (VI, 17) и другие сообщают о торетах; Птолемей (V, 8, 9) упоминает о Торетском мысе, который можно отождествить с Тонким мысом Геленджикской бухты, где раскопаны следы города VI—V вв. до н. э., по-видимому, Торика (*Онайко Н. А.*, 1975а; 1975б; 1976в). Город располагался в устье ныне почти высохшей речки, на скалистом грунте. Часть его, вероятно, обрушилась в море. Расчищена уцелевшая часть большого каменного здания на возвышенном плато, выступающем небольшим мысом к морю (табл. LII, *13*). Сохранились 21 помещение и два коридора. Во внутреннем дворе также, видимо, были какие-то легкие постройки хозяйственного назначения. Стены здания возведены из местного необработанного камня на глинистом растворе. Внешние стены шире и сложены аккуратнее, чем внутренние. Почти все помещения имели дверные проемы, выходящие во внутренний двор. В некоторых помещениях сохранились остатки каменных вымосток, глинобитных печей, легких очагов, а также «столиков» и ларей. Здание, возможно, было прямоугольным и занимало площадь не менее 1 540 м², включая и выступающее к юго-западу угловое помещение. Найдено много керамики (табл. LII, *11, 12, 14, 16–18, 20–31*): светлоглиняные и красноглиняные чаши типа лутериев, амфоры с широкими полосами, хиосские протофасосские, сероглиняные типа лесбосских, со стаканообразными ножками и др. Среди лепных сосудов доминируют крупные горшки, много фрагментов чернолаковых сосудов, иногда с чернофигурной росписью, имеются образцы родосско-ионийской посуды, светильники и грузила (табл. LII, *7–10*). О наличии металлообрабатывающего производства свидетельствуют куски шлака, железной руды, капельки бронзы, наконечник стрелы с литником на конце (табл. LII, *2*), остатки большой производственной печи в помещении II и скопление шлака, золы и угля вокруг небольшого каменного «ящичка» без дна, вероятно, служившего производственным целям. Металлообрабатывающее ремесло давало возможность жителям Торика вести не только посредническую торговлю с окружающими их племенами, но и продавать товары собственного производства (наконечники стрел, орудия труда). Определенную роль в хозяйстве играли ткачество, рыболовство и охота. Найдены пряслица, грузила и поплавки из пемзы для сетей. Размеры и планировка здания, печи с дымоходом не имеют аналогий в жилой архитектуре VI в. до н. э. в Северном Причерноморье. В здании могло жить несколько семей, осуществлявших свою хозяйственную деятельность только в его пределах. Именно этим, возможно, объясняется необычно большой (около 900 м²) для античных домов размер внутреннего двора этого здания. Архаический Торик погиб не позднее середины V в. до н. э. в пожаре. Возможно, это случилось после набега варварских племен. Более поздний Торик может быть был основан в глубине Геленджикской бухты, где имеются следы культурного слоя эллинистического времени.

К северо-западу от Торика, в долинах небольших горных рек Ашамбы и Дооб, открыты следы поселений античного времени (*Онайко Н. А.*, 1970б, с. 132). Характерной особенностью поселений, расположенных в бассейне р. Дооб, является отсутствие на них значительного культурного слоя. Некоторые из них, по-видимому, были временными поселениями типа скотоводческих кошей. В пос. Марьина Роща найден золотой статер Лисимаха, а в пос. Кабардинка — бронзовая боспорская монета IV—III вв. до н. э. В районе Геленджика найдены боспорские монеты первых веков нашей эры.

Танаис

Древний город расположен на территории современного хутора Недвиговка на правом коренном берегу р. Мертвого Донца. О нем сообщает Страбон (XI, 2, 3, 11; VII, 4, 5) и другие древние авторы. Местоположение города установлено в первой четверти XIX в. (*Стемпковский И. А.*, 1854). В середине XIX в. произведены первые археологические раскопки города и его некрополя (*Леонтьев П. М.*, 1854, 1855). Позднее Танаис раскапывали В. Г. Тизенгаузен, П. И. Хицунов и Н. И. Веселовский (ОАК за 1867, 1870—1871, 1908—1910 гг., *Веселовский Н. И.*, 1909). Результаты этих раскопок послужили источником для написания ряда исторических работ (*Помяловский И. В.*, 1888; *Латышев В. В.*, 1892; *Жебелев С. А.*, 1953, с. 135 сл.; 299 сл.; *Колобова К. М.*, 1933а, б). Материалы раскопок были обработаны Т. Н. Книпович (*Книпович Т. Н.*, 1949а). Планомерное исследование Танаиса и его округи началось в 1955 г. под руководством Д. Б. Шелова. Новые данные, полученные экспедицией, позволили заново написать экономическую, политическую и культурную историю Танаиса и связанного с ним района (*Шелов Д. Б.*, 1959; 1961а; 1970; 1972а; 1975). В истории Танаиса прослеживаются три хронологических периода: III—I вв. до н. э.; I в. н. э.— первая половина III в.; последняя треть IV в.— начало V в. Рубежом, отделявшим первый период от второго, служит разрушение Танаиса боспорским царем Полемоном в самом конце I в. до н. э. (Страбон, XI, 2, 3), следы которого хорошо прослеживаются по археологическому материалу (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 195 сл.; *Болтунова А. И.*, 1964б; 1965; *Шелов Д. Б.*, 1969а). Второй период от третьего отделяется вторичным разгромом города в середине III в. н. э. племенами готского союза. После этой катастрофы город стоял в развалинах более ста лет, затем был восстановлен. Точная дата и причина окончательной гибели города неизвестна. С открытием строительных остатков, относящихся к дополемоновскому городу — к III—I вв. до н. э. отпала популярная ранее гипотеза о существовании двух Танаисов (*Шелов Д. Б.*, 1959, с. 117 сл.).

Ранний город состоял из трех частей: основной территории, примыкающего к ней с запада второго городского района и приречного района, почти не исследованного из-за современной застройки (табл. LIII, *4*). В конце III или в самом начале II в. до н. э. в Танаисе были возведены оборонительные стены. Раскопками открыты западная и южная оборонительные стены, сложенные из слегка подтесанного камня на глине. Наружный панцирь сложен из более крупных камней. Южный конец западной стены завершается прямоугольной оборонительной башней, сооруженной из правильных тесаных и из рустованных блоков. Одновременно с западной стеной в конце III — начале II в. до н. э. в переплет с ней были сложены стены примыкающих к ней помещений. В центре города на отдельных участках также открыты остатки ранних жилых зданий из тесанных известняковых плит и большие зерновые ямы, высеченные в скале (*Арсеньева Т. М.*, *Шелов Д. Б.*, 1965; *Наливкина М. А.*, 1965). Значительно лучше ранние постройки сохранились в западном городском районе, который с севера и запада был ограничен оборонительными стенами (*Болтунова А. И.*, 1969). Дома непосредственно к оборонительным стенам не примыкают, сложены они небрежно из необработанных камней, состоят из помещений и мощеных двориков, имеют неправильную иногда округленную форму и беспорядочную ориентировку. Между домами были узкие извилистые переулки, иногда мощеные. Дома покрывались соломой или камышом. Находки III—I вв. до н. э. подтверждают данные Страбона о Танаисе, как о значительном «торжище». Особенно много товаров поступало в амфорах, главным образом, родосских (*Шелов Д. Б.*, 1975). Страбон говорит о вывозе из Танаиса кожи и невольников. Почти полное отсутствие монет III—I вв. до н. э. (*Шелов Д. Б.*, 1960б) говорит о неразвитости денежных отношений. О сельском хозяйстве можно судить по наличию зерновых ям и остатков обгорелого зерна, пшеницы, ячменя и проса. На занятие жителей города скотоводством и рыболовством указывают находки костей крупного и мелкого рогатого скота, лошадей, костей рыб: осетровых, сома, сазана, леща и судака (*Цалкин В. И.*, 1969, с. 273 и сл.; *Цепкин Е. А.*, 1961, с. 452). Видимо, уже в раннее время в Танаисе было налажено и ремесленное производство. Там изготовлялась многочисленная лепная посуда (*Арсеньева Т. М.*, 1965, с. 169; 1969; с. 173). Благодаря своему географическому положению Танаис с самого начала был в значительной степени варварским городом (*Шелов Д. Б.*, 1961б). Из надписей первых веков нашей эры известно о делении городского населения на эллинов и танаитов. Видимо, такое положение существовало именно в III—I вв. до н. э., когда город был разделен на две отгороженные друг от друга оборонительными стенами части: центральная часть — предполагаемая территория эллинов, западная — предполагаемая территория танаитов. В первые века нашей эры такое деление, видимо, стало условным (*Книпович Т. Н.*, 1949а, с. 101 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1961б, с. 212). После разрушения города Полемоном западный район больше не восстанавливался и был занят в основном мусорной свалкой.

Далеко не сразу после полемоновского разгрома были восстановлены оборонительные стены. В I в. н. э. появляются постройки, выходящие за пределы оборонительной линии города. Только в начале II в. н. э. город превращается в крепость почти квадратной формы со сторонами 225×240 м. Вокруг города сооружается ров шириной 10—13 м, частично вырытый в глинистом грунте, частично вырубленный

в материковой скале, глубиной в 7—8 м. Возводятся оборонительные стены. Снаружи к западной стене пристраивается дополнительный панцирь и толщина ее достигает 4,80 м. Сооружаются новые четырехугольные башни, выступающие далеко за линию стены. Открыты четыре промежуточных башни, внутри которых прослежены помещения. В центре стены между башнями находился проход, выложенный камнем. Там была найдена каменная плита (табл. LIV, *12*), в древности, очевидно, вмонтированная в стену, с рельефным тамгообразным знаком одного из боспорских царей (*Шелов Д. Б.*, 1966в, с. 268 и сл.). Еще одна плита со знаком другого боспорского царя (табл. LIV, *11*) была найдена в одном из танаисских подвалов. Выявлены участки восточной и южной оборонительной стен, но сохранность стен плохая. Постройки II—III вв. н. э. открыты на всех раскопах внутри городских стен. В юго-западном углу помещения прилегали непосредственно к западной и южной оборонительным стенам. Вдоль западной стены проходила неширокая улица, вниз от нее к городским постройкам шла каменная лестница. Еще одна открытая здесь улица пересекала город с востока на запад. На северо-восточном участке помещения отстояли от оборонительной стены на 1,5—2 м, образовавшееся пространство было заполнено специальной засыпью из камня и суглинка, дополнительно укреплявшей оборонительную стену (*Шелов Д. Б.*, 1965б, с. 114). Все постройки группируются вокруг вымощенных камнем двориков, в центре которых, как правило, находились водосборные глубокие цистерны, почти все помещения имели большие подвалы, стены которых сложены из нерегулярного камня на глиняном растворе, либо высечены в скале. Одно из расчищенных в центре города помещений, окруженное с трех сторон дворами, видимо, имело общественное назначение. К помещению с улицы вели три ступени из крупных тесаных блоков. Поблизости П. М. Леонтьевым была открыта городская площадь и мраморная плита с надписью о строительстве агоры в 220 г. н. э. (*Леонтьев П. М.*, 1854, с. 414, 423, № 5). С культовыми комплексами связаны два помещения на северо-восточном раскопе (раскоп II, помещение Г) и в юго-западном углу (раскоп IV, помещение Т). Помещение Г с подвалом с трех сторон было ограничено стенами, а с южной открывалось в сторону дворика. Один из двух очагов этого помещения рядом с двориком, видимо, имел культовый характер. С культом связаны и многие находки из подвала: известняковый алтарь, семь глиняных штампов для оттискивания узоров на культовых хлебцах (табл. LIV, *13*) и пять маленьких лепных сосудиков-курильниц с дырочками в стенках (табл. LIV, *8*), шесть светильников, и лепной сосуд, напоминающий античный псиктер (табл. LIV, *9*). Культ скорее всего имел хтонический характер (*Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 284 и сл.). Угловое помещение Т примыкало к южной и западной оборонительным стенам и тоже имело подвал. В первой половине III в. н. э., когда подвал уже не функционировал, в его засыпи захоронили 11 баранов. Кроме того, в полу наземного помещения у северной стены было расчищено еще семь ям с костяками баранов (*Арсеньева Т. М.*, *Шелов Д. Б.*, 1974, с. 150). Аналогичные ритуальные захоронения баранов известны на Козырском поселении первых веков нашей эры под Ольвией. Там при захоронениях находились светильники (*Бураков А. В.*, 1976, с. 36). Видимо, и многочисленные открытые в помещении Т светильники могли быть связаны с культовыми целями.

В первые века нашей эры дальнейшее развитие получило сельскохозяйственное производство. Встречались разнообразной формы зернотерки, часто укрепленные в углу помещений на специальных постаментах из камня и глины, найдено много широкогорлых амфор с мукой или чаще с обгорелым зерном — просом, ячменем, пшеницей, рожью и коноплей. Зерно хранилось и в плетеных корзинах и, видимо, в мешках. Открыты и печи для выпечки хлеба. Одна из них овальной формы 2×1 м имела высоту около 1 м (*Арсеньева Т. М.*, *Шелов Д. Б.*, 1974, с. 137, сл.). В скотоводстве в первые века нашей эры происходят некоторые изменения. Постоянно стали встречаться кости верблюда. Возросло количество крупного рогатого скота с преобладанием коровы, сохранил свое значение мелкий рогатый скот, при этом несколько уменьшилось поголовье лошадей. Как и в раннее время, встречено мало костей свиньи (*Цалкин В. И.*, 1969, с. 273). О рыболовстве, кроме костей рыб, свидетельствуют каменные плоские просверленные грузила для сетей, амфорные ручки с прорезанными желобками для привязывания веревок, сети и крючки. Кроме ремесел, засвидетельствованных для раннего времени, появляется стеклодельное производство, остатки которого открыты в одном из помещений первой половины III в. н. э. (*Алексеева Е. М.*, *Арсеньева Т. М.*, 1966, с. 176 сл.); изготовляются фибулы с бусиной на головке, найдены их заготовки и полуфабрикаты (*Амброз А. К.*, 1966, с. 257 сл.). В первые века нашей эры в отличие от предшествующего времени в Танаис постоянно поступала боспорская монета, особенно в первые десятилетия III в. н. э. (*Шелов Д. Б.*, 1960б; 1966а). О развитии торговли говорят находки свинцовых гирь и чашечки для весов. В танаисских подвалах-складах находят до нескольких сот светлоглиняных амфор первой половины III в. н. э. (табл. LIV, *10*), иногда с клеймами, возможно, привезенных с южного побережья Черного моря (*Зеест И. Б.*, 1960, с. 33—37). Почти все амфоры имели надписи, отдельные буквы или знаки, нанесенные красной краской на горло или на плечики. Такие надписи встречаются и на амфорах других типов, а иногда и на небольших сосудах. Более чем на ста светлоглиняных амфорах имеется надпись «нефть». Это же показал химический анализ их содержимого. Вторую группу составляют большие широкогорлые амфоры, частично боспорского производства. Несколько амфор имели двустрочные греческие клейма с именами Каллистрата и Фаустина (*Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 208). Среди стеклянных привозных изделий (табл. LIV, *15*) встречаются сосуды восточносредиземноморских мастерских и сосуды западноримского происхождения. Как и в раннее время, в Танаис привозились бусы, подвески, металлические украшения, терракоты, бронзовые светильники, канделябры, ковши, патеры, фибулы — шарнирные с эмалью, типа Avcissa (*Шелов Д. Б.*, 1965а).

Танаис подчинялся боспорским царям, которые управляли городом через посланников-пресбевтов. Во главе магистратуры стояли один эллинарх и несколько архонтов танаитов. Упоминаются и некоторые другие должностные лица — диадох, стратег граждан, лохаг танаитов, просодик, простаты. Значительное место в жизни города занимали религиозные союзы или фиасы, посвященные Богу высочайшему.

Танаис последнего периода известен хуже. Культурные слои и постройки конца IV — начала V в. н. э. сохранились, главным образом на территории основной части города — четырехугольника, окруженного стеной. Оборонительная стена, исследованная на небольшом участке только с западной стороны, лежала на специальной подсыпке из камня и керамики, перекрывавшей сооружения III в. н. э. Сложена она небрежно и представляет собою скорее каменный вал. Ширина ее в основании около 1,8 м (*Коровина А. К.*, *Шелов Д. Б.*, 1965, с. 51 и сл.). Остатки построек IV—V вв. н. э. чаще всего были несколько углублены в землю, кладки сложены небрежно на завале построек II—III вв. н. э., большинство помещений имеют неправильную форму, закругляющиеся или загибающиеся стены. Некоторое исключение представляют прямоугольные постройки в центре города, где раскрыто несколько больших помещений площадью до 50 м², выложенных более аккуратно. Видимо, это были какие-то общественные сооружения (*Арсеньева Т. М.*, *Шелов Д. Б.*, 1974, с. 93, 94). Находки IV—V вв. говорят о возобновившихся торговых связях с Боспором. Найдено много амфор, краснолаковой керамики, различных стеклянных сосудов (табл. LIV, *22*), металлических изделий (табл. LIV, *17*, *18*), а также серолощеной и простой посуды. Наибольшее распространение получила лепная посуда (табл. LIV, *19*). Появляются совсем новые формы лепных сосудов — остроребеpные миски, часто украшенные орнаментом в виде фасеток (табл. LIV, *20*), они находят аналогии в памятниках черняховской культуры. О связях с черняховскими памятниками говорят и костяные гребни (табл. LIV, *21*) (*Арсеньева Т. М.*, 1965, с. 180). Эти находки свидетельствуют о притоке в город нового этнического элемента, пришедшего с запада. С рыбным промыслом, видимо, связаны две ямы прямоугольной формы. Судя по находкам в них костей рыбы, они служили цистернами для засолки и хранения рыбопродуктов.

Некрополь Танаиса, состоящий из грунтовых могил и курганов, окружал город со всех сторон, кроме южной, приречной. В грунтовом могильнике исследовано около 270 могил, причем большая их часть относится к первым векам нашей эры (*Шелов Д. Б.*, 1961а; *Арсеньева Т. М.*, 1977а). Курганный могильник стал интенсивно раскапываться только в последние годы (*Казакова Л. М.*, *Каменецкий И. С.*, 1970, с. 81 и сл.; АО, 1973, с. 128; *Арсеньева Т. М.*, 1974, с. 151; АО, 1977, с. 124). В погребальном обряде Танаиса наблюдается смешение греческих и варварских традиций. Для раннего времени отчетливо заметно сходство с некрополями античных городов. С греческим влиянием, видимо, связан обряд трупосожжения, встречающийся в Танаисе в эллинистический период и изредка в I в. н. э., а также уже устойчивая ориентировка покойников головой на восток. На всем протяжении существования некрополя покойников хоронили в простых могильных ямах и часто в гробах. В ранней группе выделяются отдельные могилы со стенами, выложенными каменными плитами и иногда сверху перекрытые камнем. До I в. н. э. существовал обычай ставить над могилами каменные антропоморфные надгробья или небольшие плиты стреловидной формы (*Шелов Д. Б.*, 1961а, с. 88, 89; *Арсеньева Т. М.*, 1977а, с. 105). Погребальный инвентарь очень разнообразен, даже в одной могиле встречаются находки свойственные греческим погребальным традициям (флаконы, чернолаковые сосуды, амфоры) и варварским (ножи, бусы ярких расцветок, удила). Уже в III—I вв. до н. э. прослеживаются черты обряда, присущего сарматскому населению: появляются подбойные могилы; могилы в виде ям с заплечиками; захоронения в деревянных колодах; положение скелетов с руками, покоящимися на костях таза и сведеными вместе ногами; единичные захоронения с южной и юго-восточной ориентировкой; находки реальгара или мела в могилах, а иногда и кремневых отщепов. В I в. н. э. появляются могилы с каменными оградками, аналогии которым находят в скифских памятниках (*Шелов Д. Б.*, 1961а, с. 87). В это же время появляется обычай хоронить младенцев в амфорах.

Курганы Боспора

На территории Боспорского государства находится огромное количество курганов. Большинство из них было ограблено либо в античное время либо в XIX в. Археологическое изучение курганов началось с 30-х годов XIX в. Результаты раскопок освещались в ОАК и ИАК. Итоги исследований обобщены М. И. Ростовцевым (*Ростовцев М. И.*, 1925; АДЖ). В советский период раскопки курганов проводились ограниченно. Основное внимание уделялось научному осмыслению ранее раскопанных памятников (*Кастанян Е. Г.*, 1950; *Кауфман С. А.*, 1947; *Силантьева Л. Ф.*, 1959; *Цветаева Г. А.*, 1957а). Наиболее ранним, по-видимому, курганным захоронением является случайно обнаруженное в земляной гробнице погребение представителя синдской родовой знати на западном берегу Цукурского лимана на Тамани. В нем найдены: бронзовый боевой клевец, бронзовое украшение в виде двух барсов и расписная родосская ойнохоя последней четверти VII в. до н. э. (*Прушевская Е. О.*, 1917). Весьма близки этому погребению захоронения в четырех курганах, раскопанных в 1868 г. Тизенгаузеном (ОАК, 1868, XIII). К V в. до н. э. принадлежит ряд курганов Нимфея с захоронениями в больших каменных ящиках, обложенных камнями, в земляных сырцовых гробницах и в урнах (*Силантьева Л. Ф.*, 1959). Особый интерес представляют погребения богатых воинов, сопровождаемые бронзовым греческим оружием, золотыми украшениями и захоронениями лошадей.

На азиатской стороне Боспора погребения V в. до н. э. под курганными насыпями совершались в земляных ямах, обложенных сырцовыми кирпичами и перекрытых деревом. К их числу относятся два чисто

греческих по обряду фанагорийских кургана с женскими погребениями, содержащими золотые украшения и расписные аттические фигурные сосуды (*Герц К. К.*, 1876, с. 66 сл.; ОАК, 1869, с. V сл.) и два из Семибратних курганов с погребениями синдских воинов в кожаных панцирях с нашивными бронзовыми чешуйками, украшенных золотыми нагрудниками, с оружием, бронзовой и серебряной утварью и с конскими захоронениями (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 352, 354–356). Ко второй четверти V в. до н. э. принадлежит пантикапейский курган, раскопанный в 1891 г. с трупосожжением в урне, массой расплавившихся бронзовых и железных изделий с чернофигурной ойнохоей и краснофигурной гидрией с изображением Гермеса (ОАК, 1891, с. 26 сл.; *Блаватский В. Д.*, 1946б, с. 168 сл.).

Наибольшее количество курганов относится к IV–III вв. до н. э. Нередко погребальные сооружения обкладывали дикарным камнем (Змеиный курган). Иногда насыпь состояла из ряда чередующихся слоев камня, морской травы и земли (Царский курган, Куль-Оба). Ряд курганных насыпей имел крепиды из хорошо отесанных камней (Павловский, Острый курганы) или необработанных камней (Золотой курган). Иногда курган мог иметь две крепиды (Кара-Оба). Курганы азиатского Боспора были в своей основе земляными. Характерной особенностью Курганов Фанагории является обилие в насыпях больших амфор, лежащих рядами или сплошными грудами (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 265). Наряду с широким распространением земляных гробниц, обложенных сырцовыми кирпичами и перекрытыми деревянными брусьями, под курганами Боспора встречаются земляные склепы и могилы (иногда обложенные черепицами), каменные гробницы. Погребения знати совершались в каменных склепах, к которым нередко вели так же каменные монументальные проходы-дромосы. Стены склепов покрывались многоцветной расписной штукатуркой с бытовыми, военными, культовыми сценами и растительным орнаментом. Внутри находились захоронения в деревянных или роскошных мраморных расписных саркофагах. Вблизи Пантикапея открыты грандиозные склепы Золотого и Царского курганов, возможно, являвшиеся усыпальницами боспорских царей. Часть курганов содержала чисто греческие погребения, например, Павловский курган, курганы со склепами 47 и 48. В Павловском кургане обнаружен перекрытый горизонтальными плитами каменный склеп, всю камеру которого занимал деревянный расписной саркофаг с резьбой и инкрустацией, в котором покоилась женщина с золотыми украшениями, тремя аттическими расписными вазами и тремя алабастрами (ОАК, 1859, прим. 1). У склепа 47 погребальная камера, к которой вел дромос, перекрыта полуцилиндрическим сводом. В склепе найден полуразвалившийся саркофаг с погребением, сопровождаемым золотой ветвью маслины, золотым перстнем с изображением Ники в колеснице. Рядом стояли чернолаковые и расписные сосуды (АДЖ, с. 103, 104). В кургане со склепом 48 были две погребальных камеры, перекрытые уступчатыми сводами. В первой стоял деревянный расписной саркофаг с позолотой и резьбой, в котором находился гроб с погребенным. На его руке были три резных золотых перстня, рядом находилась камышовая трость, железный нож, стигиль, небольшие сосудики для масла (АДЖ, с. 103–105). В другой камере находился деревянный саркофаг с резными позолоченными изображениями оленей и нападающих на них грифонов. В нем обнаружено женское погребение с золотыми перстнями, в один из которых был вставлен голубой халцедон с резным изображением летящей цапли и с подписью мастера Дексамена. Там же было бронзовое позолоченное зеркало, чернолаковая амфора и сосуд для благовоний.

Типично греческие погребения засвидетельствованы и в курганных некрополях других боспорских городов. Особый интерес представляют погребения в мраморных саркофагах, найденных вблизи Гермонассы (*Пятышева Н. В.*, 1949) и Фанагории (АДЖ, с. 94, 95). В курганах Феодосии открыты только чисто греческие погребения. Раскопками, проведенными И. К. Айвазовским и А. А. Сибирским, обнаружены погребения с сожжением или трупоположения в земляных могилах, сопровождаемые богатым погребальным инвентарем. Один курган содержал захоронение в деревянном саркофаге, украшенном терракотовыми медальонами с изображением Аполлона на грифоне, поражающего упавшую лошадь (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 251–253). Среди находок из феодосийских курганов особо следует отметить золотые серьги с изображением квадриги, управляемой Никой в обрамлении стоящих крылатых гениев и с лунарной подвеской с мелкими розетками, украшенной крупными розетками, к которым на цепочках подвешены амфорки.

Другая часть боспорских курганов принадлежит погребениям представителей варварской племенной знати, зачастую в значительной степени эллинизированной. В первую очередь к ним относится курган Куль-Оба (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 376 сл.). Он содержит квадратный в плане каменный склеп с уступчатым сводом, к которому вел короткий дромос. В перекрытии дромоса, наряду с каменными плитами использовались деревянные балки. Уступчатый свод камеры закрывал деревянный потолок, с которого, по-видимому, свисал полог, украшенный золотыми бляшками. Большую часть склепа занимал деревянный расписной саркофаг, разделенный на две части. В большем отсеке находилось мужское захоронение с остроконечным башлыком на голове, украшенным золотыми обручами с рельефными изображениями и бляшки с фигурками скифов. На руках погребенного были массивные золотые браслеты. В другом отделении саркофага находилось оружие, украшенное золотом и ножны, нагайка, бронзовая позолоченная кнемида, а также точильный камень и массивная золотая фиала. Напротив входа в склеп стояло кипарисовое ложе, украшенное резными пластинками из слоновой кости. На этом ложе, видимо, находился труп женщины. Голову погребенной украшала электровая диадема с оттиснутыми изображениями стоящих женщин, грифонов и розетками с разноцветными эмалями. Головному убору принадлежат и три электровые ленты — одна с рельефным растительным орнаментом и две узкие с подвесками, а также два золотых медальона с изображением головы Афины и два золотых медальона с розетками и лунарными подвесками. Шею погре-

бенной украшала золотая гривна, руки — золотые пластинчатые браслеты с тиснеными изображениями грифонов, раздирающих оленей. Рядом лежало бронзовое зеркало, серебряное веретено и знаменитая электровая ваза с изображением сцен из быта скифов. У южной стены лежал скелет слуги с шестью ножами. У его головы, в углублении, лежали кости лошади, шлем, поножи и два железных наконечника копья. Вдоль стен стояли серебряные и бронзовые сосуды. В северо-западном углу под полом был тайник, разграбленный в древности.

Совершенно аналогичное по погребальному инвентарю и устройству гробницы погребение найдено в кургане Патиниотти (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 386, сл.). В каменном склепе с полуцилиндрическим сводом, к которому вел дромос, с уступчатым перекрытием, обнаружены остатки богатого погребения скифского воина (ОАК 1882—1883 гг., с. XXXII сл.; 1889, с. II сл.). Погребенный лежал в деревянном расписном с позолотой саркофаге. При нем найдено свыше десяти копий, множество бронзовых наконечников стрел, захоронения лошади, собаки, козленка. В насыпи была краснофигурная ваза с рельефными фигурами мастера Ксенофанта. В. В. Шкорпил в 1912 г. в кургане на г. Зеленой обнаружил каменный склеп с дромосом, перекрытый бревнами и плитовую гробницу (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 290—292). В склепе находились чернолаковая гидрия с пеплом, золотые украшения, золотая монета Александра Македонского, серебряные и бронзовые сосуды. В плитовой могиле было погребение воина с оружием и украшениями (бусы, золотая фибула, золотой венок и диадема с застежкой в виде гераклова узла). Напротив входа в гробницу были конские захоронения. Находки в гробнице бронзового стригиля, а в насыпи кургана панафинейской амфоры указывают, что погребенный принадлежал к эллинизованным слоям местного населения и участвовал в общеэллинских состязаниях.

Курган Большая Близница в 8 км к югу от Фанагории представлял собой родовой некрополь знатной, вероятно, синдской семьи, некоторые женщины которой были жрицами (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 371 сл.). В нем найдено три каменных склепа, две плитовые могилы и несколько могил с кремацией. Стены среднего, полностью ограбленного, склепа были расписаны цветочным орнаментом, а на верхней плите свода было изображение Деметры. В другом склепе обнаружено погребение жрицы в кипарисовом саркофаге, орнаментированном слоновой костью и резьбой. На погребенной были золотые украшения: калаф с подвесками и начельником, ожерелья, браслеты, перстни с резными камнями, нашивные бляшки. В третьем склепе, в аналогичном саркофаге был погребен вооруженный воин в золотом венке, с перстнями, штампованными нашивными бляшками. В одной из плитовых могил было погребение жрицы с богатыми золотыми украшениями: начельником с подвесками, с фигурными бляшками — ажурная пектораль с изображением пасущихся среди деревьев животных; с несколькими мелкими бронзовыми и глиняными сосудиками, двумя костяными и 26 терракотовыми статуэтками, связанными с культом Деметры. В другой плитовой могиле находился деревянный саркофаг с богатым женским погребением. Кроме того, в кургане обнаружены остатки нескольких кострищ и тризн, устроенных на прямоугольных площадках со стенками и сооруженных из сырцовых кирпичей. Около них были устроены воронкообразные ямы с плитами для возлияний. Одна из плит имела вид квадратного алтаря. Несколько богатых погребений найдены и в кургане Малая Близница. Среди курганов Фанагории известны погребения воинов, в сырцовых гробницах с полным набором вооружения, сопровождаемые конскими захоронениями, а иногда и умерщвленным слугой и совершенными по негреческому погребальному обряду (*Герц К. К.*, 1876, с. 61—63).

Большое количество курганов раскопано в окрестностях Горгиппии. Они содержали погребения в каменных и сырцовых склепах, грунтовых и обнесенных сырцовыми кирпичами могилах. К рубежу IV—III вв. до н. э. принадлежит раскопанный Н. И. Веселовским в станице Анапской каменный склеп с полуциркульным сводом с росписями по стенам, имитирующими ограду героона (ОАК за 1908 г., с. 119). Аналогичной конструкции склеп, раскопанный В. Г. Тизенгаузеном в 10 км к северу от Анапы, содержал женское погребение в деревянном саркофаге, украшенном резными позолоченными фигурками нереид и воинов, сопровождаемое золотыми украшениями с цветными эмалями и камнями. К первой половине III в. до н. э. относятся три Тарасовских кургана, раскопанные Н. И. Веселовским и содержащие склепы с уступчатыми перекрытиями (ОАК 1882—1888 с. XXIX, АДЖ, с. 109—111). У первого и третьего склепов были открыты дромосы и по две камеры. Входы в камеры обрамлены антами с фронтонами. В кургане на Султан горе открыты три гробницы — каменная, сырцовая и земляная (ОАК, 1882—1888, с. XXVIII).

Во II—I вв. до н. э. количество курганов, по сравнению с предшествующим периодом резко сокращается. Нередко использовались ранние курганные насыпи. Сохраняются прежние типы подкурганных сооружений (каменные и сырцовые склепы, плитовые и грунтовые могилы). Появляются грунтовые склепы, вырубленные в скале или земле и зачастую расписанные. Встречаются погребения с чисто греческим, варварским или смешанным греко-варварским погребальным обрядом. Так, например, погребение в склепе 1852 г., где скелет человека находится в одной нише, а скелет лошади — в другой — сочетает элементы смешанного обряда (АДЖ, с. 30 сл.). Многие курганные захоронения, совершенные по греческому погребальному обряду, представляют собой трупосожжения в урнах (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 211 сл.). Наиболее значительными среди курганов этого времени является Артюховский курган вблизи города Кепы (ОАК 1878—1879 гг.; 1880). Один из его каменных склепов содержал парное захоронение мужчины с золотым венком и перстнем, расписными сосудами, стригилем и ножом, и, женщины с золотыми венком, гривной, перстнями, ожерельем, браслетами из бус, серебряными и бронзовыми сосудами, зеркалом и меховой накидкой. В другом двухкамерном склепе также находилось парное захоронение: мужчины с золотым венком, кольцом, монетой и пряжкой с гранатами и женщины, среди золотых украшений которой были: венок, диадема,

серьги с голубями из белой эмали, гривна, два ожерелья, медальон с изображением Афродиты и Эрота, браслеты, перстни, нашивные бляшки, тканое золотом покрывало. Там же были металлические сосуды, веретено, футляр для иголок и т. п. В передней камере найдены металлические и глиняные сосуды, два железных стригиля. Третье погребение представляло собой женское захоронение в плитовой гробнице с золотыми украшениями и различной утварью. Особый интерес представляет золотая, украшенная эмалями и гранатами диадема в виде Гераклова узла.

В I—II вв. н. э. количество насыпных курганов еще более сокращается. Почти все склепы имеют полуциркульные перекрытия, оштукатурены и расписаны. Широко используются старые курганы и иногда склепы. Большое распространение находит обряд захоронения в деревянных гробах или саркофагах. Значительная часть курганных погребений совершена по греческому погребальному обряду.

Примером могут служить захоронение с палестрическим инвентарем в кургане на земле Фельдштейна, погребение в каменном расписном склепе Львиного кургана, содержавшем остатки деревянных саркофагов, золотых украшений, наконечников копий и стрел, плиту с именами Селкима и Филопатра и статую льва (ОАК, 1894, с. 5; ОАК, 1895, с. 20). Подобные захоронения встречаются и на азиатской стороне Боспора, как например, погребение в земляном склепе второго кургана вблизи Фанагории (ОАК, 1869, с. VI). Другие погребения совершены по местному, главным образом, сарматскому погребальному обряду. К их числу относится погребение воина с оружием и частями конской узды в каменном саркофаге, курганы к западу от Керчи (ОАК, 1862, с. XIV); семейная усыпальница в каменном склепе, открытом Ашиком в 1841 г. (*Ашик А.*, 1848, с. 49, § 41); погребение мужчины в каменном ящике с золотыми украшениями, стеклянными бусами, оружием и конским захоронением со сбруей из бронзы, серебра и золота в специальном отсеке (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 242).

В III—IV вв. н. э. почти все курганные захоронения являются впускными. Широкое распространение получает использование ранних каменных склепов и гробниц, даже для представителей царского дома, и сооружение земляных склепов. В погребальном обряде прослеживается значительная сарматизация населения, выразившаяся в распространении обычая класть в могилы оружие, гривны, конскую сбрую, а также в полихромии украшений. Среди погребений этого времени следует упомянуть царские захоронения членов семьи Рескупорида III, открытые А. Ашиком на Глинище (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 245—247). В 1837 г. в поле одного из курганов им был найден мраморный саркофаг, содержавший богатое захоронение. На голове покойного был одет золотой венок, на центральном щитке которого изображен всадник перед алтарем. Лицо покрывала золотая маска, на шее находились гривны. Кроме того, найдено большое количество золотых украшений полихромного стиля (перстни, серьги, фибулы, застежки, нашивные бляшки), конская сбруя с золотыми пластинками и сердоликом, серебряный скипетр, бронзовые и серебряные сосуды. В 1841 г. при раскопках другого кургана обнаружено два каменных склепа эллинистического времени с повторными захоронениями. В склепе с уступчатым сводом обнаружен обитый свинцом гроб с мужским погребением. В центре золотого венка была рельефная пластина с гранатами и изображением Ники, венчающей царя венком. Здесь же был расшитый золотом полог и лежало оружие, серебряные и золотые пластинки конской узды, две золотых пластинки с оттисками монет Рескупорида, глиняная посуда.

Богатство погребений многих боспорских курганов, хорошая сохранность подкурганных склепов, часто покрытых настенной живописью, способствовали всемирной известности этих своеобразных погребальных памятников античных государств Северного Причерноморья.

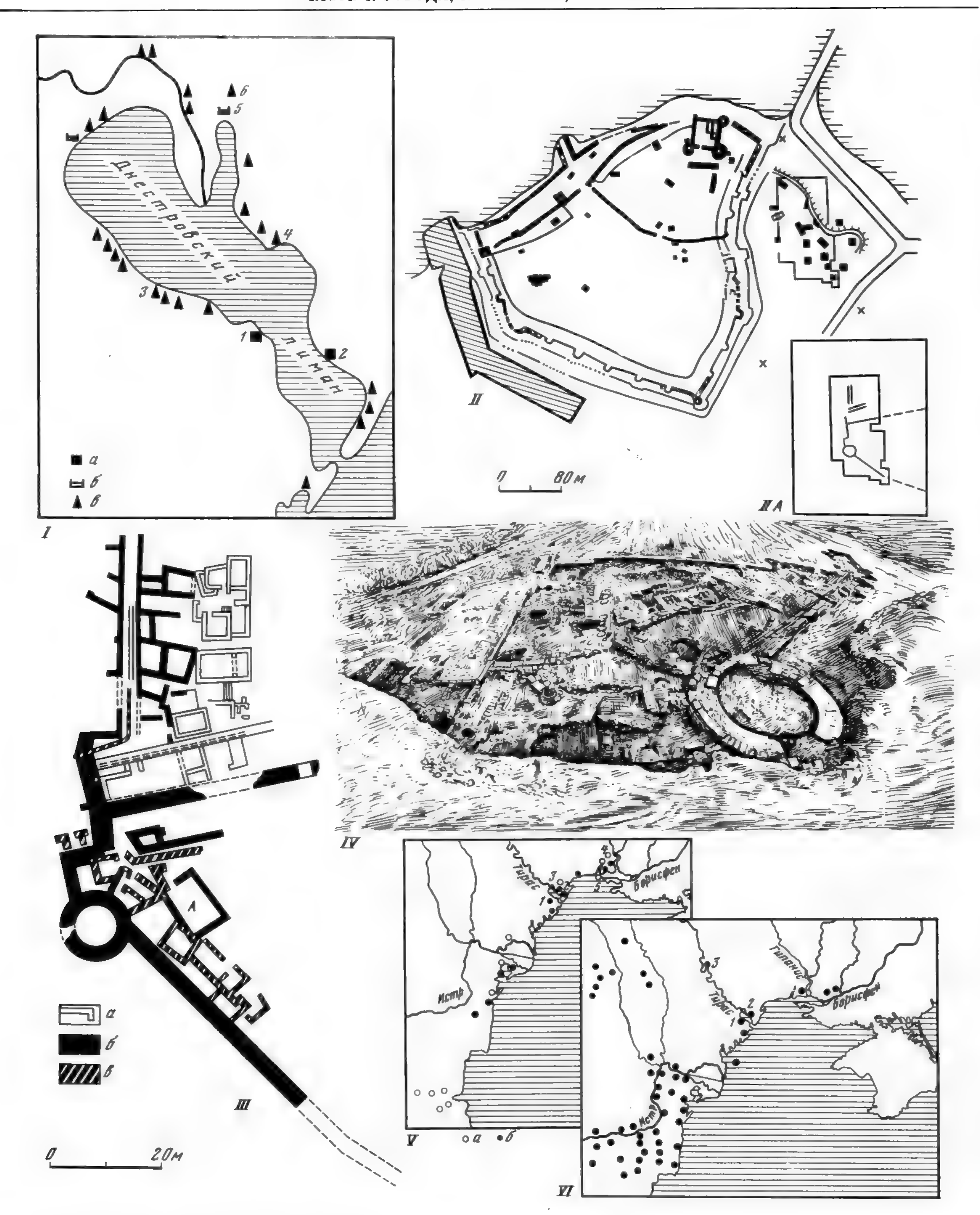


Таблица I. Карты-схемы и планы раскопок

I — карта-схема поселений Днестровского лимана; *а* — город; *б* — городище; *в* — поселение; *1* — Тира; *2* — Никоний; *3* — Пивденное; *4* — Николаевка; *5* — Надлиманское; *6* — Надлиманское III. II — план Белгород-Днестровской крепости с обозначением мест раскопок. II *А* — Тира. Схематический план Центрального раскопа. *III* — Тира. Центральный раскоп. План строительных остатков: *А* — здание вексилляции: *а* — эллинистический период; *б* — II—III вв. н. э.; *в* — послеготский период. IV — общий вид строительных остатков на Центральном раскопе. V — места находок стрелок-монет (*а*), медных литых истрийских монет (*б*) в Северо-Западном Причерноморье: *1* — Тира; *2* — Никоний; *3* — поселение Надлиманское III; *4* — Ольвия; *5* — Березань. VI — находки истрийских серебряных монет в Северо-Западном Причерноморье: *1* — Тира, *2* — Никоний, *3* — с. Дороцкое. Составитель В. И. Денисова-Пругло

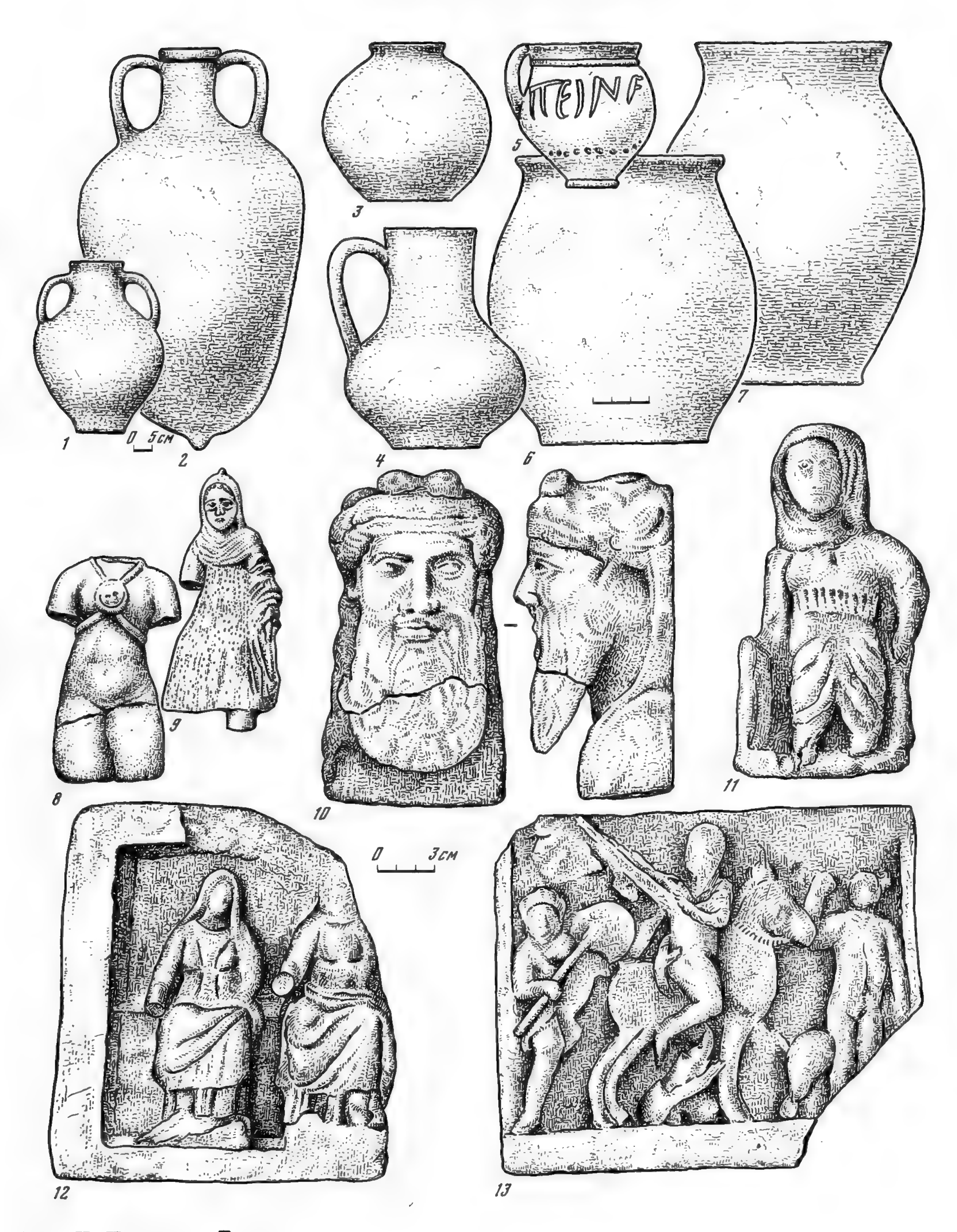


Таблица II. Находки из Тиры

1—7 — глиняные сосуды из помещения 24; *8, 9* — терракотовые статуэтки; *10—12* — памятники скульптуры из помещения 24; *13* — рельеф из помещения 29. Составитель В. И. Денисова-Пругло

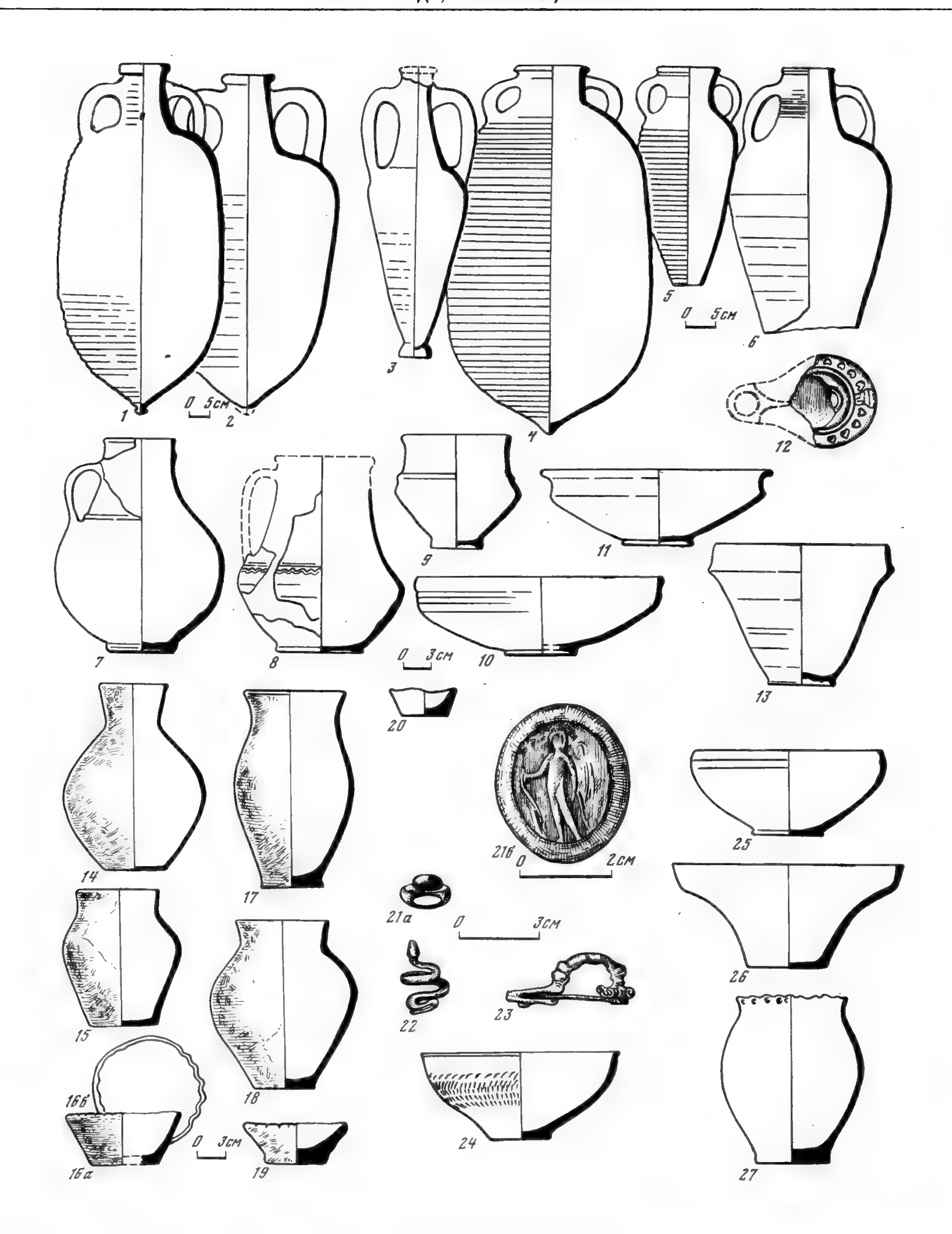


Таблица III. Находки из Тиры (*1—24*) и из поселения Беляевка (*25—27*)

1—20 — керамические сосуды и светильники из «послеготского» дома; *21—23* — клад вещей из помещения 22; *24* — красноглиняная с красным покрытием мисочка из помещения 21; *25—27* — керамические сосуды из поселения Беляевка. Составитель В. И. Денисова-Пругло

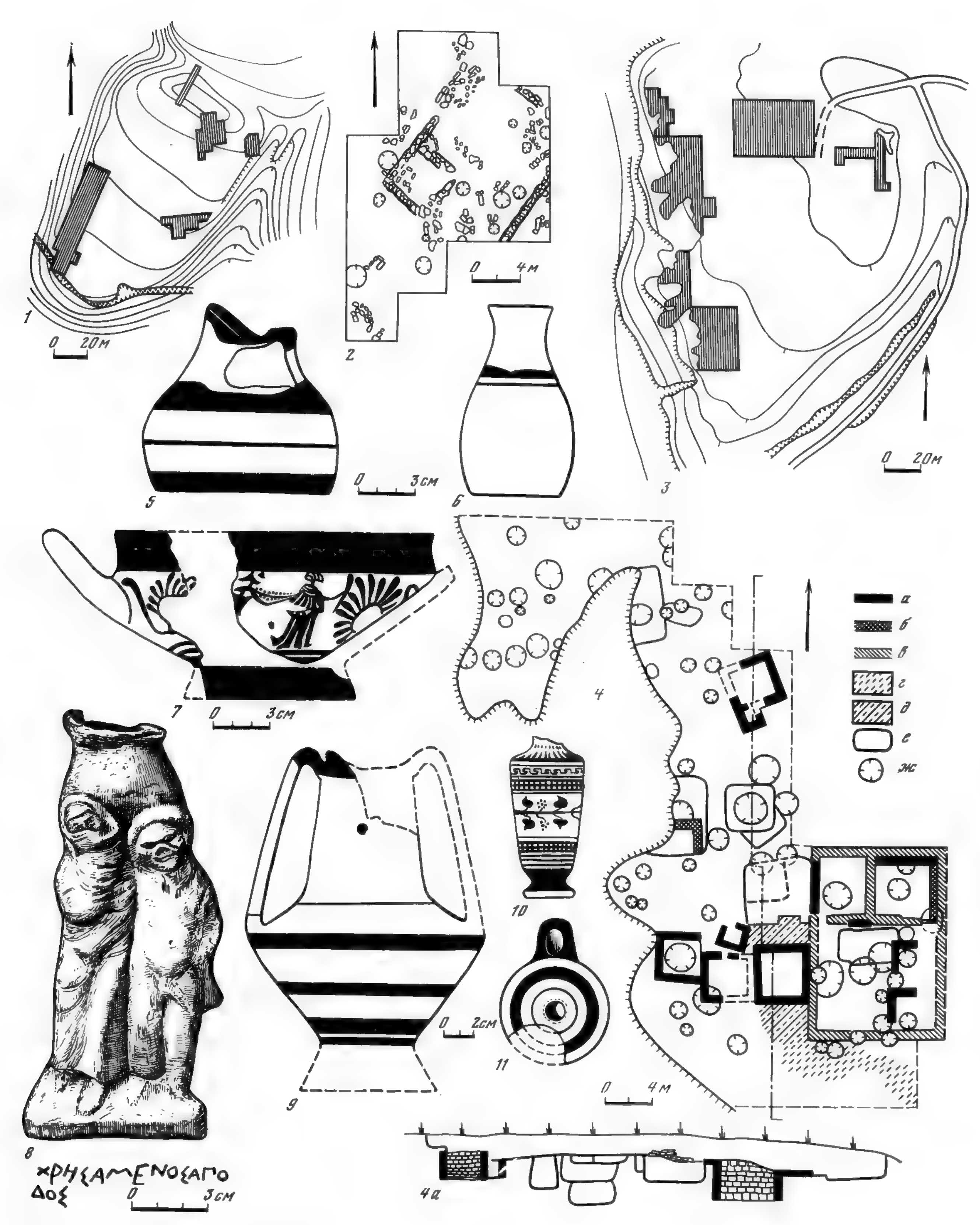


Таблица IV. Городища Надлиманское (*1*, *2*) и Никоний (*3—11*)

1 — общий план городища Надлиманское с обозначением раскопанных участков; *2* — строительные остатки на раскопе «В» городища Надлиманского; *3* — план городища Никоний с обозначением раскопанных участков; *4* — план строительных остатков на юго-западном участке Никония: *а* — каменные стены; *б* — сырцовые стены; *в* — слоевые фундаменты; *г* — вымостка улицы; *д* — вымостка дворца; *е* — землянка; *ж* — яма; *4а* — разрез по линии С — Ю юго-западного участка; *5—7*, *9—11* — импортная керамика из ранних напластований Никония; *8*, *8а* — фигурный сосуд из Никония с граффити на тыльной стороне. Составитель В. И. Денисова-Пругло

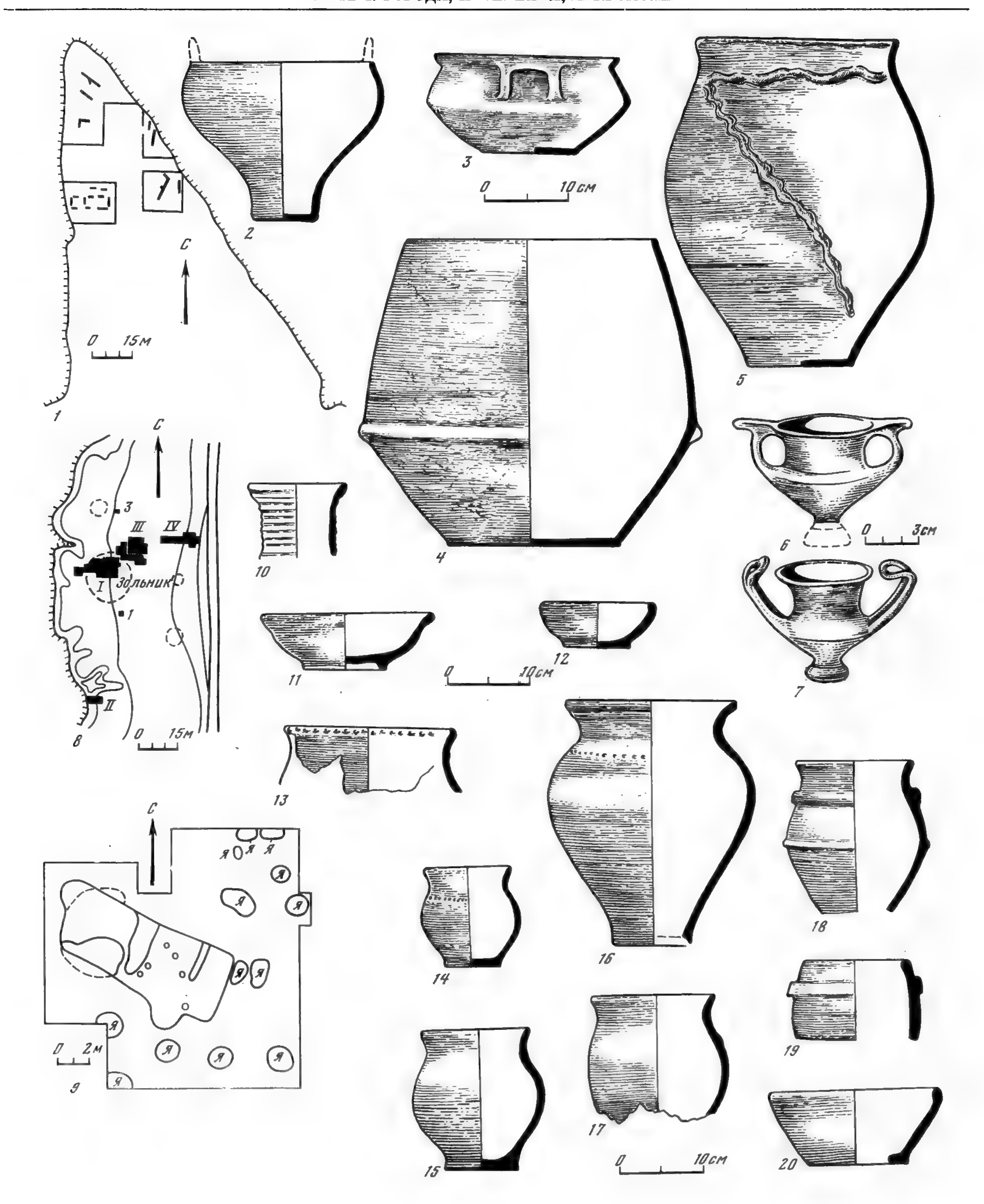


Таблица V. Поселения Пивденное (*1—7*) и Николаевка (*8—20*)

1 — ситуационный план поселения Пивденное с обозначением раскопанных участков; *2—5* — лепная керамика; *6, 7* — аттические чернолаковые сосуды; *8* — ситуационный план поселения Николаевка с обозначением раскопанных участков; *9* — план землянки в северо-восточной части раскопа I (Николаевка); *10—12* — простая античная керамика; *13—17* — скифские лепные горшки; *18—20* — лепная гетская посуда. Составитель В. И. Денисова-Пругло

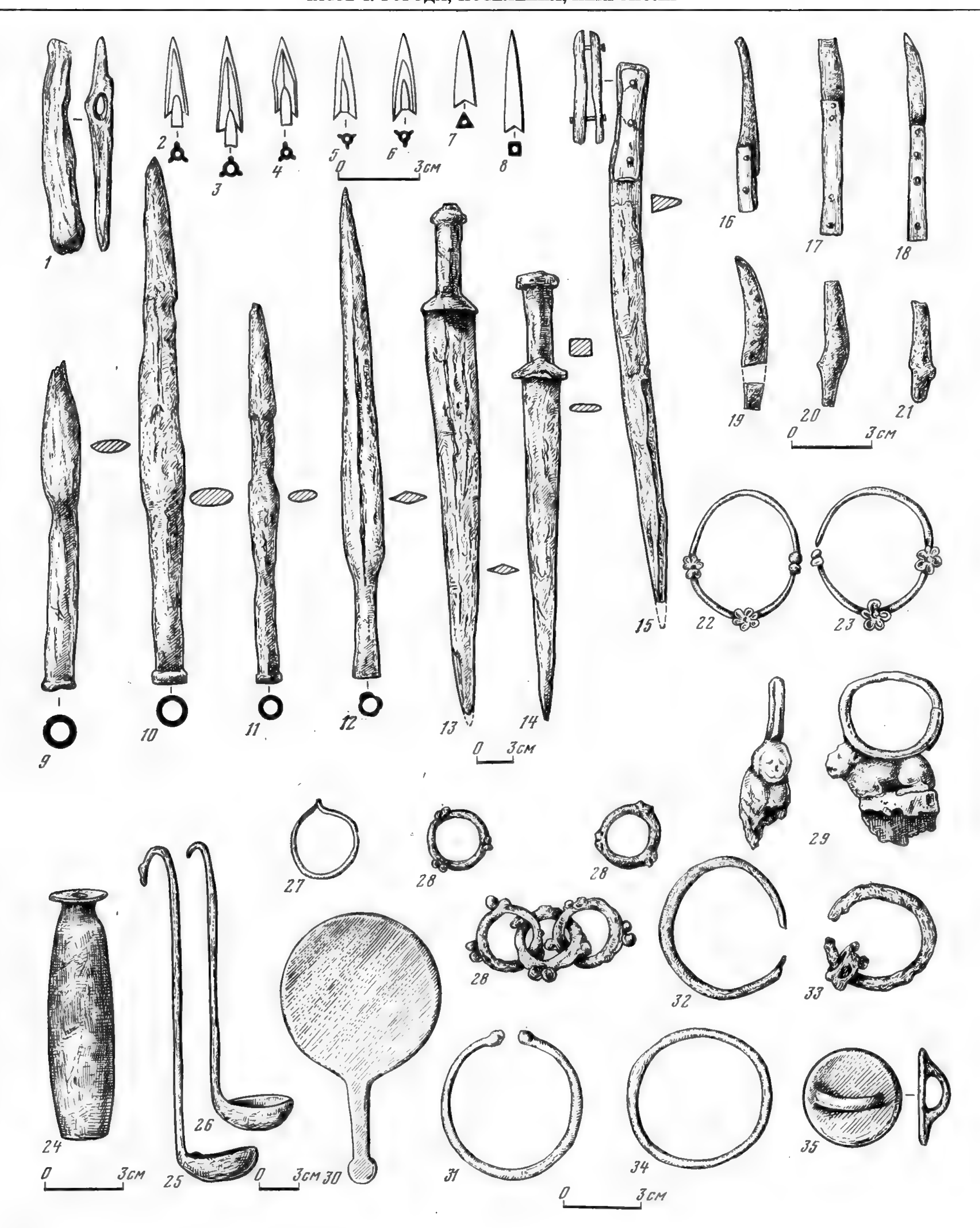


Таблица VI. Находки из могильника Николаевка

1 — топор; *2—8* — наконечники стрел; *9—12* — наконечники копий; *13—15* — кинжалы; *16—21* — ножи; *22, 23, 27, 29, 33* — серьги и височные подвески; *24* — алебастровый бальзамарий; *25, 26* — киафы; *28* — часть шейного украшения; *30* — зеркало; *31, 32, 34* — браслеты; *35* — бляха

1, 9, 21, 25, 33 — железо; *2—8, 26, 28, 30—32, 34, 35* — бронза; *22, 23* — золото; *27—29* — серебро. Составитель В. И. Денисова-Пругло



Таблица VII. Остров Березань

1 — схематический план острова с указанием мест раскопок: *а* — раскопы; *б* — котлован; *в* — постройки нового времени; *2, 3* — терракотовые статуэтки второй половины VI в. до н. э.; *4* — письмо на свинцовой пластинке, конец VI в. до н. э.; *5* — чернофигурный аттический килик, 30-е годы VI в. до н. э.; *6* — фрагмент родосско-ионийской тарелки, третья четверть VII в. до н. э.; *7* — фрагмент родосско-ионийского кратера, вторая четверть VI в. до н. э.; *8* — амфора, расписанная в стиле «фикеллура», альтенбургский мастер, третья четверть VI в. до н. э. Составитель Л. В. Копейкина



III

Таблица VIII. Ольвия

I — план с показом границ города, некрополя, следов древних дорог: *1* — древняя береговая полоса (восстановление); *2* — границы некрополя; *3* — водоем; *4* — древние плотины; *5* — курганы; *6* — древние дороги; *7* — следы древних дорог; *8* — границы городища; *9* — пригород; *10* — некрополь архаического времени; *11* — некрополь классического и раннеэллинистического времени; *12* — некрополь эллинистического времени; А — Нижний город; Б — Верхний город. II — история исследования городища: *а* — траншеи И. Е. Забелина 1873 г.; *б* — раскопы Б. В. Фармаковского 1902—1904 гг.; *в* — раскопы 1924—1969 гг.; А — М, М — I — названия раскопов. III — общий вид на городище с Нижнего города. Составитель Е. И. Леви

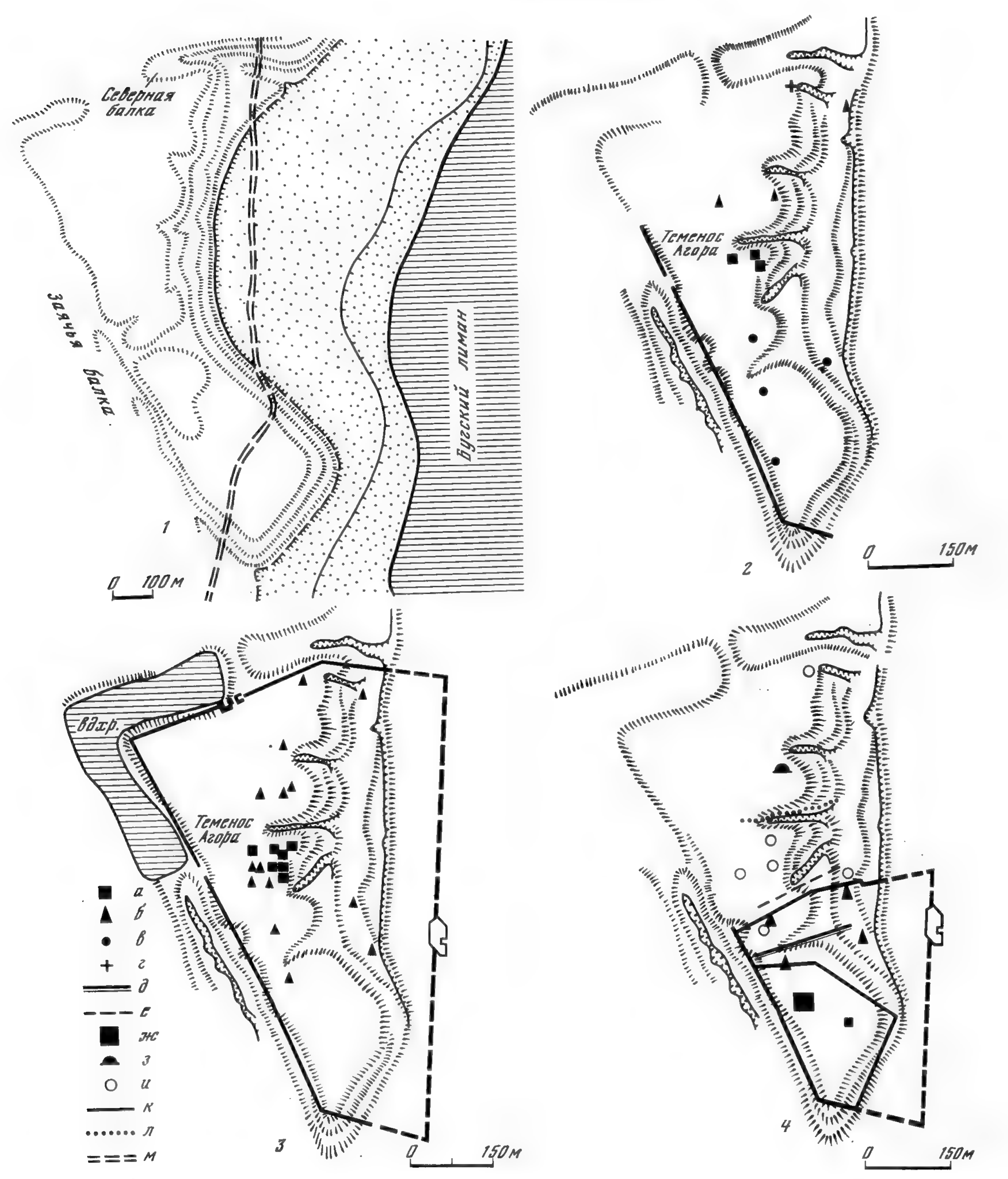


Таблица IX. Ольвия

1 — изменение береговой линии; *2—4* — историческая топография Ольвии (*2* — VI—V вв. до н. э.; *3* — IV — II вв. до н. э.; *4* — I — III вв. н. э.): *а* — общественные сооружения; *б* — жилые дома; *в* — места находок керамики VI в. до н. э.; *г* — некрополь; *д* — первая поперечная балка; *е* — вторая поперечная балка; *ж* — цитадель; *з* — курган; *и* — производственные сооружения; *к* — городские стены; *л* — ров на территории теменоса; *м* — современная береговая линия. Составитель Е. И. Леви

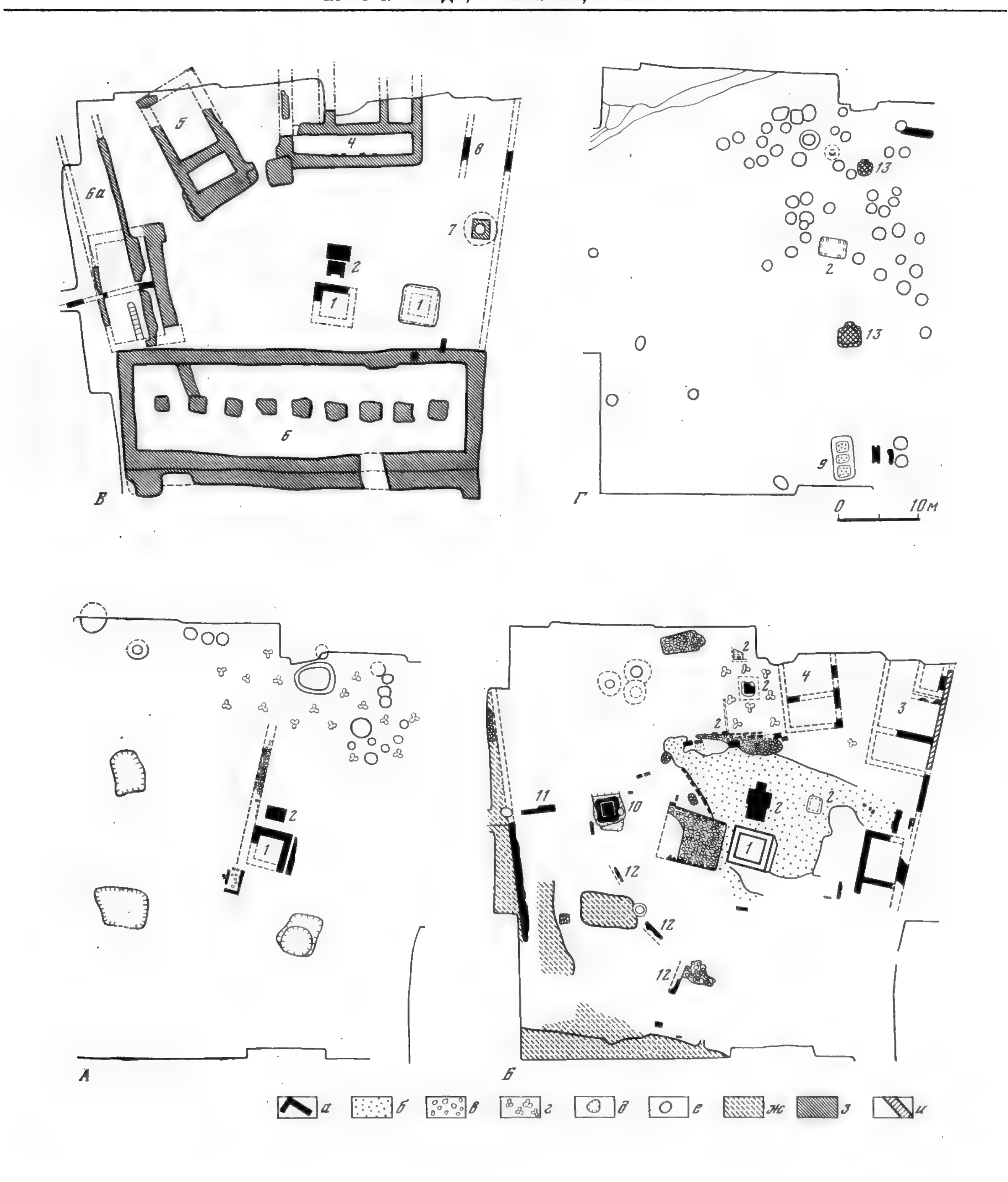


Таблица X. Ольвия. Теменос. История застройки

А — VI в. до н. э.; Б — V—IV вв. до н. э.; В — конец IV—II в. до н. э.; Г — I в. н. э.: *а* — каменные кладки; *б* — **вымостки** из щебня и известняковой крошки; *в* — вымостка из мелкого камня; *г* — роща; *д* — углубления в материке; *е* — ямы; *ж* — вымостка из черепков; *з* — слоевые фундаменты; *и* — трамбовки; *1* — квадратное здание; *2* — алтари; *3* — мастерская по изготовлению медных изделий; *4* — храм Аполлона Дельфиния; *5* — храм Зевса; *6* — Большая стоя; *6а* — западная стоя I и II периодов; *7* — цистерна; *8* — остатки мастерской коропласта; *9* — остатки винодельни: резервуары и блок от пресса; *10* — водоем; *11* — водосток; *12* — следы разрушенных стен; *13* — гончарные печи. Составитель Е. И. Леви



Таблица XI. Ольвия. Теменос и агора

1 — чернофигурный килик с посвящением Аполлону Дельфинию VI в. до н. э.; *2* — медальон краснофигурного килика с посвящением Зевсу и Афине VI в. до н. э.; *3* — чернофигурный килик с посвящением Дельфинию VI в. до н. э.; *4* — чернолаковый килик с посвящением Афине VI в. до н. э.; *5, 6* — чернофигурный килик с посвящением Зевсу VI в. до н. э.; *7* — помещение XI с колодцем и статуей Куроса; *8* — бронзовая псефа с клеймом IEPA IV в. до н. э.; *9* — глиняные счетные фишки из дикастерия. Составитель Е. И. Леви

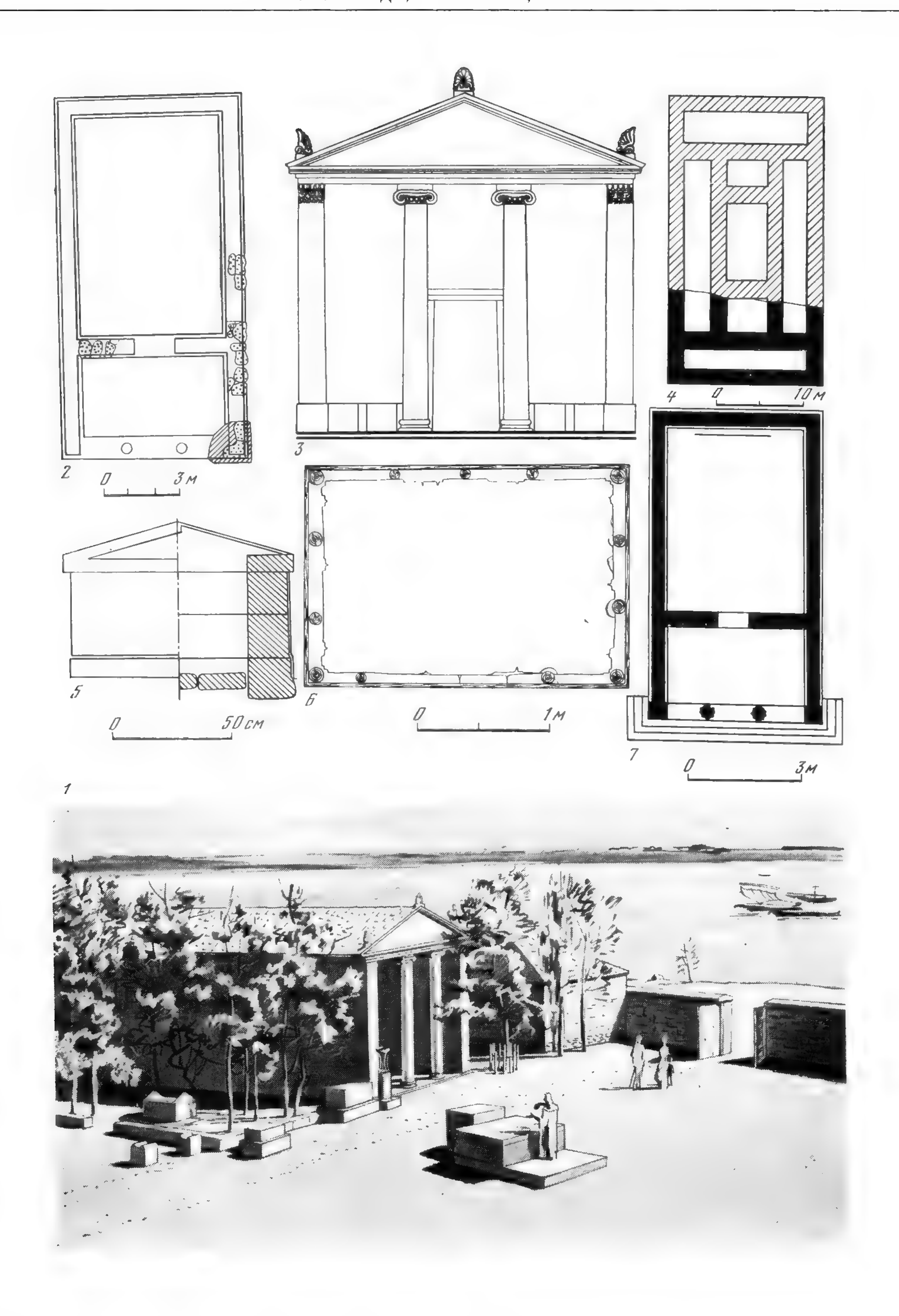


Таблица XII. Ольвия. Теменос. Планы и вид отдельных памятников

1 — реконструкция площади перед храмом Аполлона V в. до н. э.; *2, 3* — план и фасад храма Аполлона V в. до н. э.; ***4*** — храм Аполлона конца IV—III в. до н. э.; *5* — жертвенник V в. до н. э.; *6* — план деревянного алтаря I в. н. э.; *7* — план храма Зевса III в. до н. э.

1—3 — реконструкция А. Н. Карасева. Составитель Е. И. Леви



Таблица XIII. Ольвия. Теменос. Находки из цистерны. Терракоты III в. до н. э.

1 — Кибела; *2* — Афродита; *3* — Деметра; *4* — форма для оттиска статуэтки Аполлона III в. до н. э. (к востоку от храма Аполлона); *5* — Зевс, *6* — Сатир; *7* — Медуза; *8* — крылатый гений — Иакх; *9* — часть алтарика — Посейдон и Афродита; *10* — панцирь черепахи; *11* — череп быка. Составитель Е. И. Леви

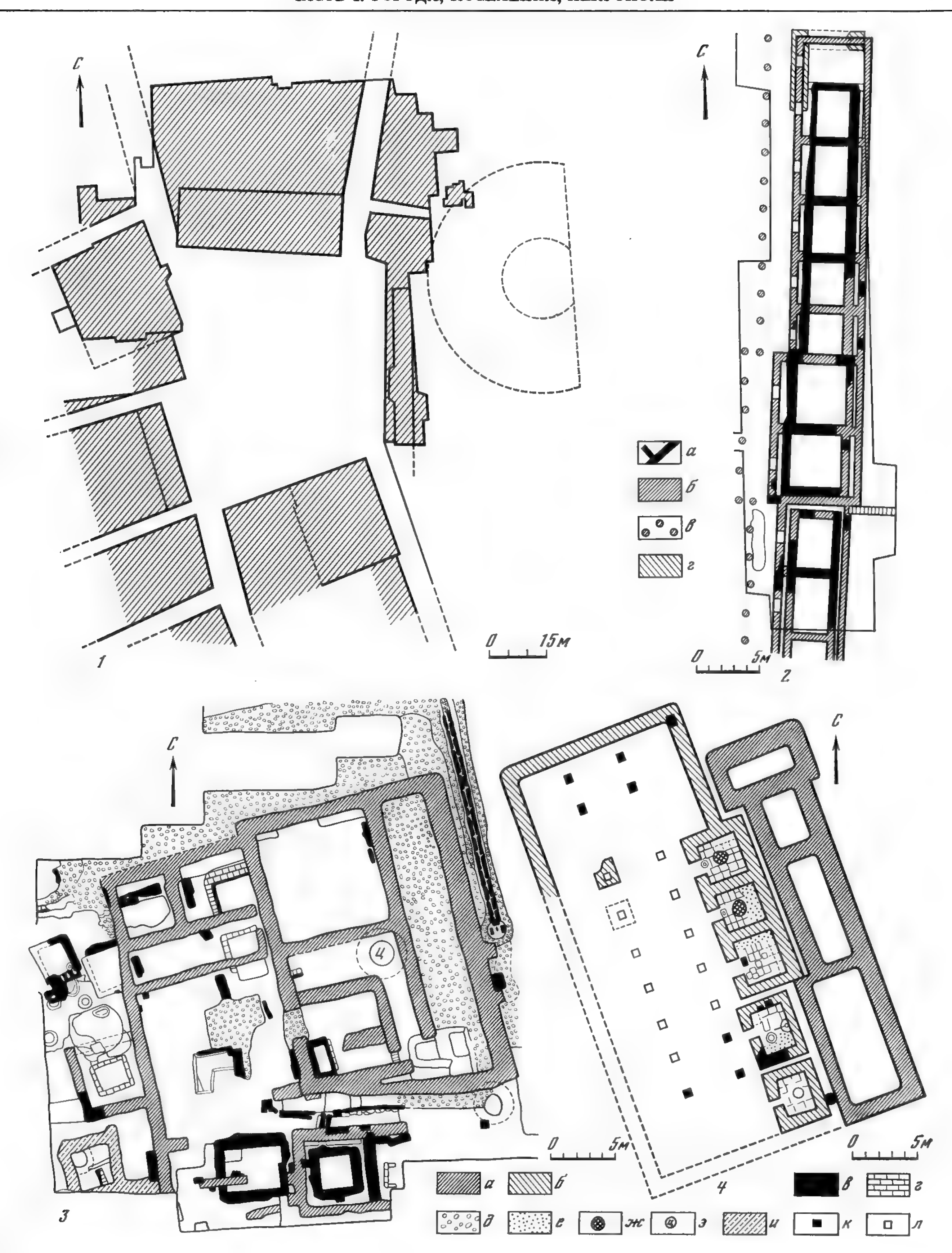


Таблица XIV. Ольвия. Агора

1 — план Ольвийской агоры эллинистического периода; *2* — план Восточного торгового ряда III—II вв. до н. э. (*а* — каменные кладки, *б* — восстановленная линия стен, *в* — восстановленные колонны, *г* — слоевые фундаменты); *3* — план дикастерия III в. до н. э. (*а* — слоевые фундаменты дикастерия, *б* — восстановленные стены, *в* — каменные кладки, *г* — каменные плиты, *д* — вымостка из черепков, *е* — вымостка из крошки известняка, *ж* — очаги, *з* — цистерна, *и* — слоевые фундаменты, *к* — основания колонн, *л* — реконструкция); *4* — план центральной части гимнасия (зал с банными помещениями III в. до н. э.). Составитель Е. И. Леви

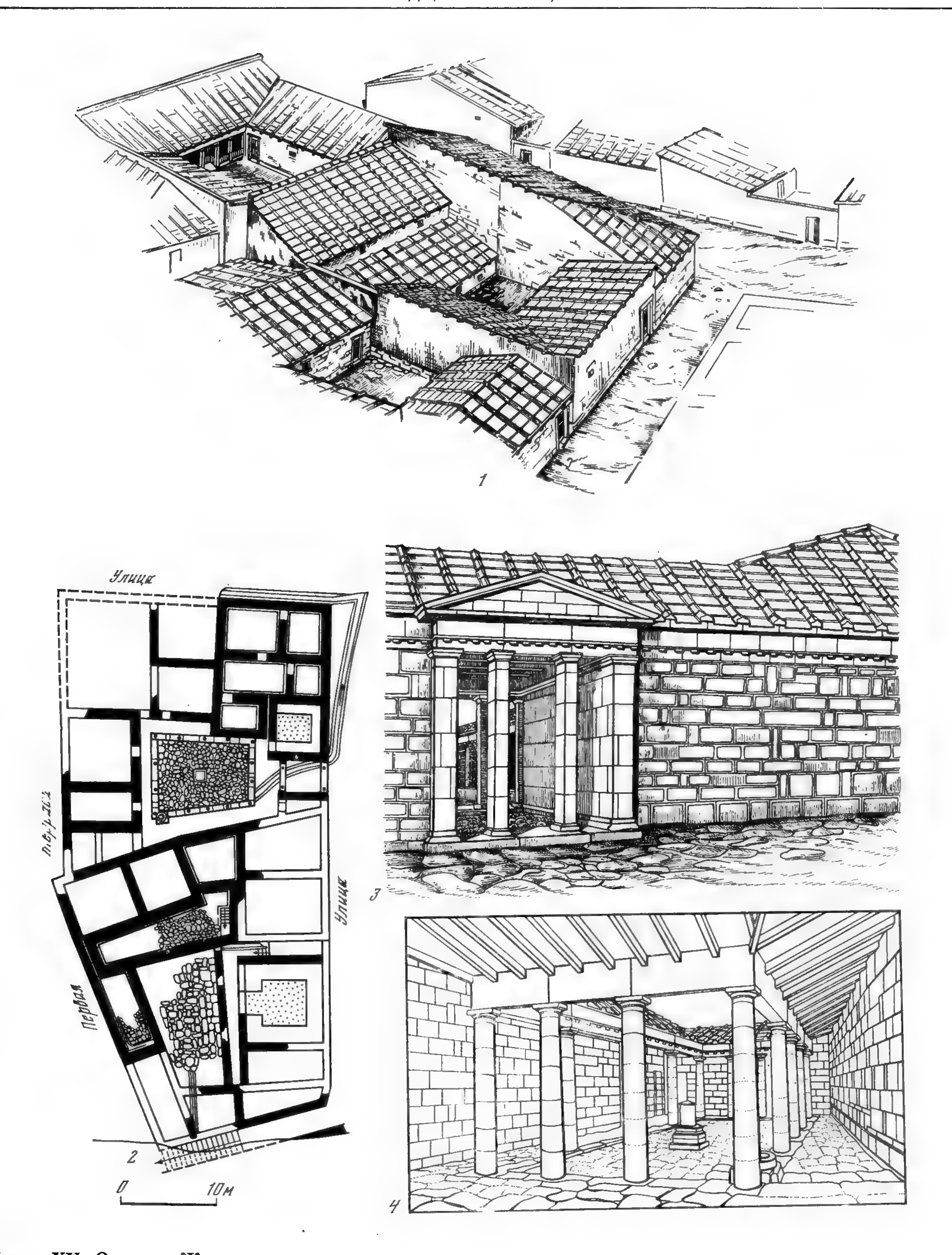


Таблица XV. Ольвия. Жилые дома

1 — общий вид дома E_2, район агоры (реконструкция С. Д. Крыжицкого); *2* — план жилого квартала в Нижнем городе; *3*, *4* — дом с алтарем в Нижнем городе (реконструкции Б. В. Фармаковского и Калачева). Составитель Е. И. Леви

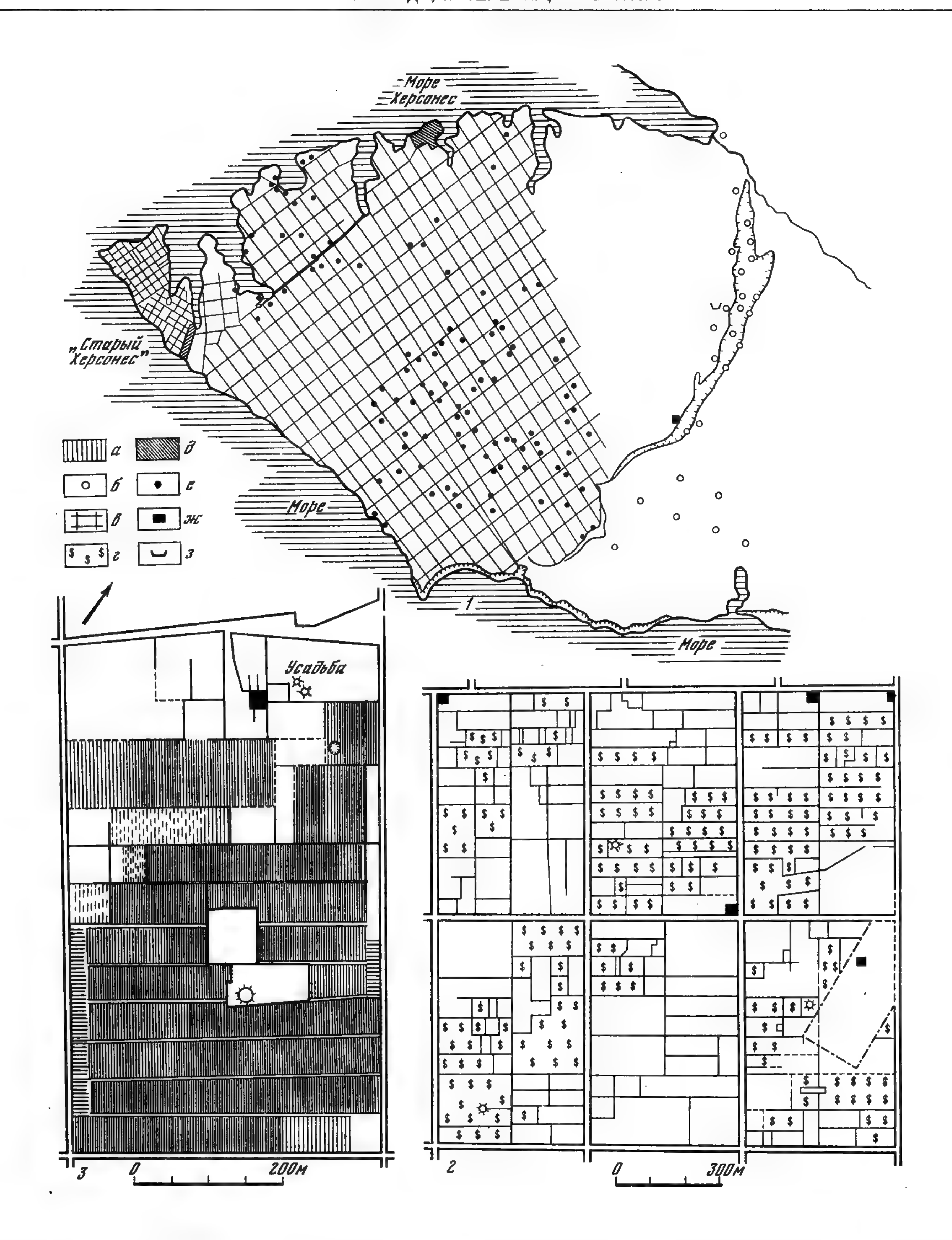


Таблица XVI. Земледельческая округа Херсонеса

1 — земельные наделы и поселения на Гераклейском и Маячном полуостровах; *2* — группа типичных земельных наделов на Гераклейском полуострове; *3* — земельный надел № 26 с усадьбой; *а* — плантажные стены; *б* — неукрепленные поселения; *в* — земельные наделы; *г* — виноградники; *д* — территория города; *е*, *ж* — усадьбы; *з* — некрополь. Составитель А. Н. Щеглов

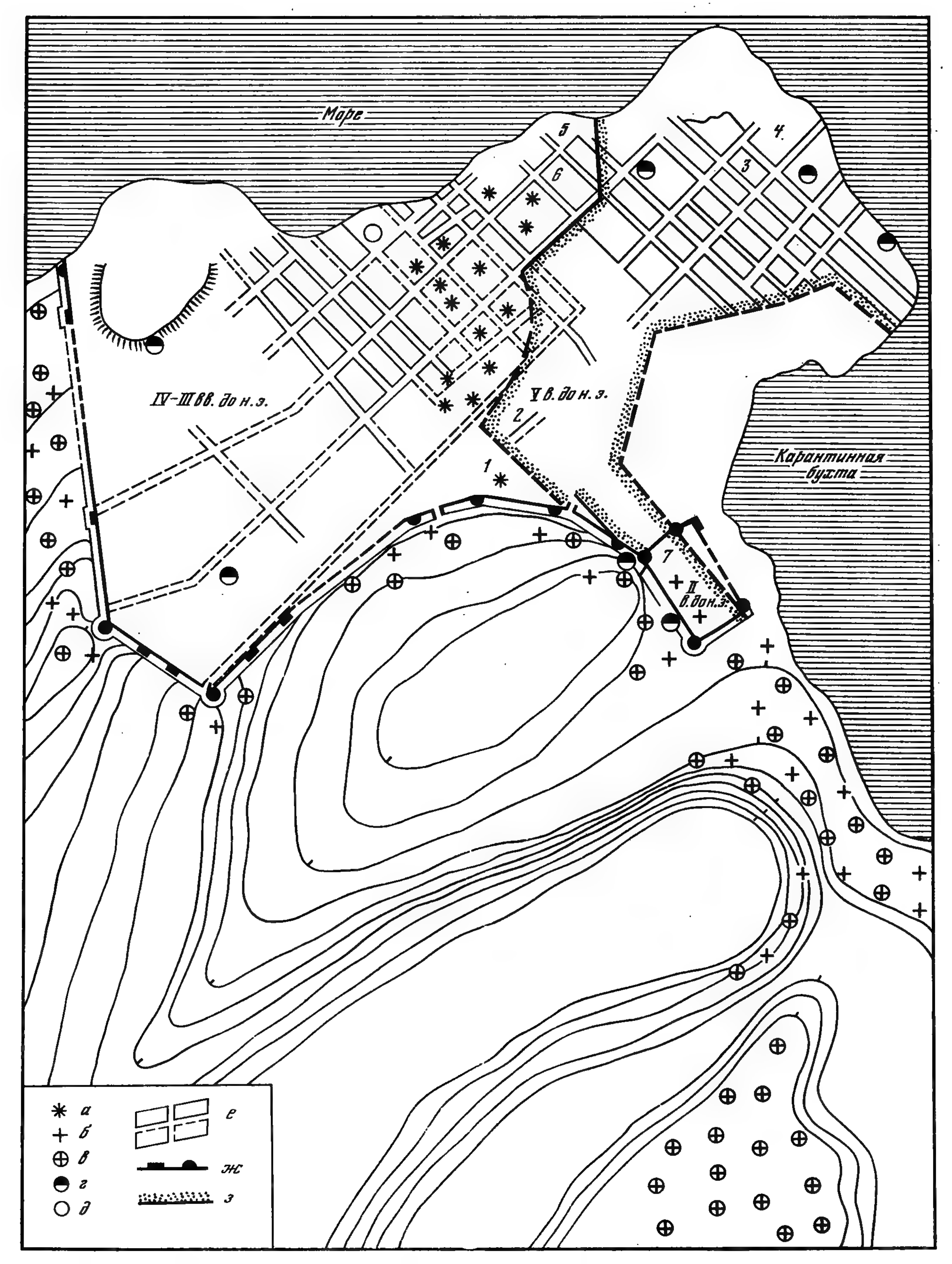


Таблица XVII. План Херсонеса

1 — театр; *2* — монетный двор; *3* — общественное здание III в. до н. э. на главной улице; *4* — храм III в. до н. э.; *5* — общественное здание I—III вв. н. э.; *6* — дом с мозаикой II в. до н. э.; *7* — термы на территории так называемой цитадели; *а* — некрополь V—IV вв. до н. э.; *б* — некрополь III—II вв. до н. э.; *в* — некрополь I—IV вв. н. э.; *г* — гончарные мастерские; *д* — стеклоделательная печь; *е* — жилые кварталы; *ж* — оборонительные стены; *з* — примерные границы города в V—IV вв. до н. э.

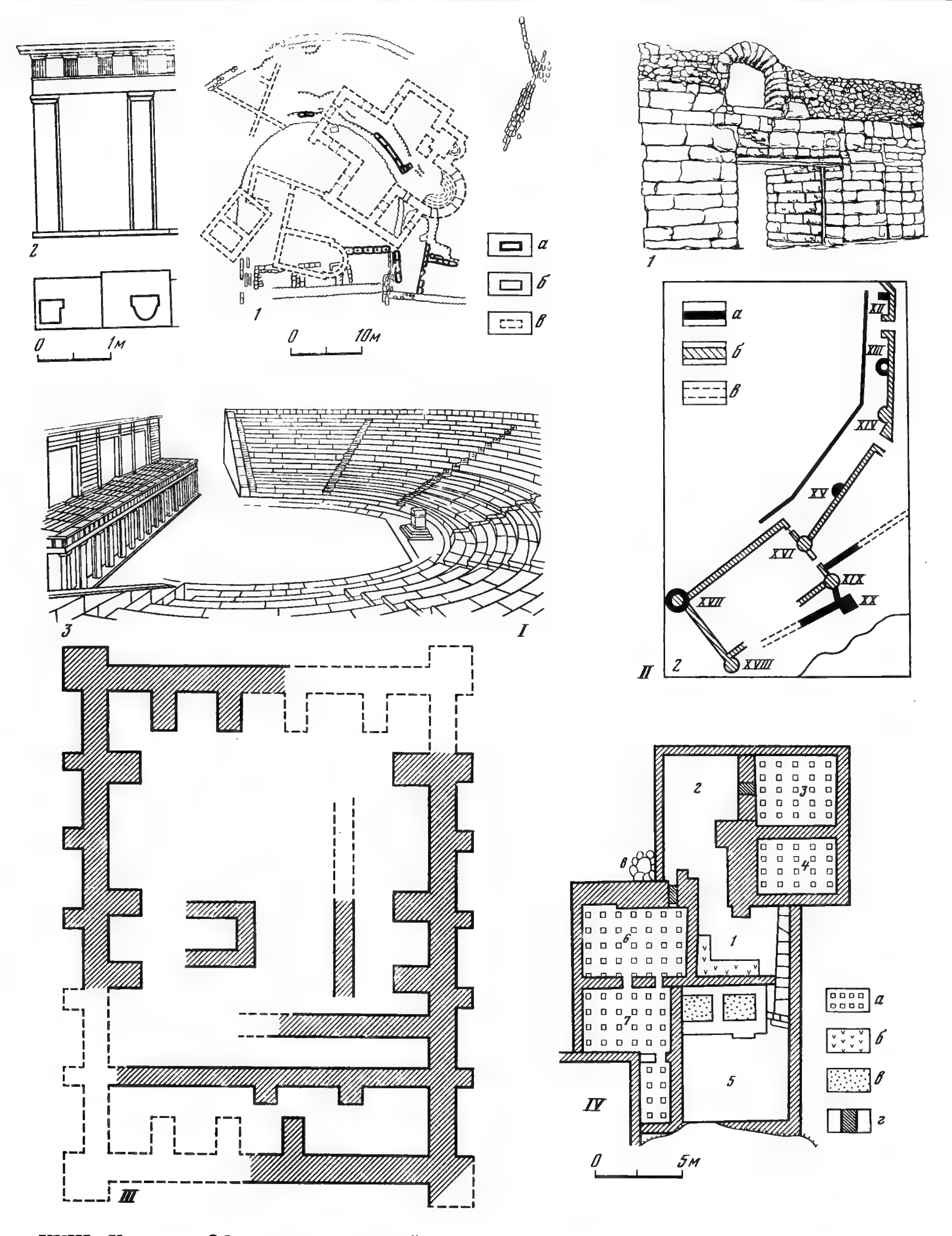


Таблица XVIII. Херсонес. Общественные постройки

I — античный театр: *1* — план раскопа: *а* — строительные остатки III—II вв. до н. э.; *б* — перестройки первых веков нашей эры; *в* — средневековая застройка театрального участка; **2 — часть основания проскения III—II вв. до н. э. со следами опор; вверху — часть фасада проскения у левого парода (реконструкция О. И. Домбровского)**; *3* — театр III—II вв. до н. э. (реконструкция Т. Л. Жаворонковой). II — оборонительные сооружения Херсонеса: *1* — оборонительная стена; *2* — план участка укреплений в юго-восточной части города (*а* — стены римского времени, *б* — стены конца IV в. до н. э., *в* — реконструированное направление стен, XII—XX — номера башен). III — здание I—III вв. н. э. в XVI квартале. IV — термы в цитадели: *а* — гипокауст; *б* — каменные скамьи; *в* — ванны; *г* — печи; *1* — вестибюль; *2* — топочное помещение; *3*, *4*, *6*, *7* — кальдарий; *5* — фригидарий; *8* — колодезь. Составитель С. А. Беляев

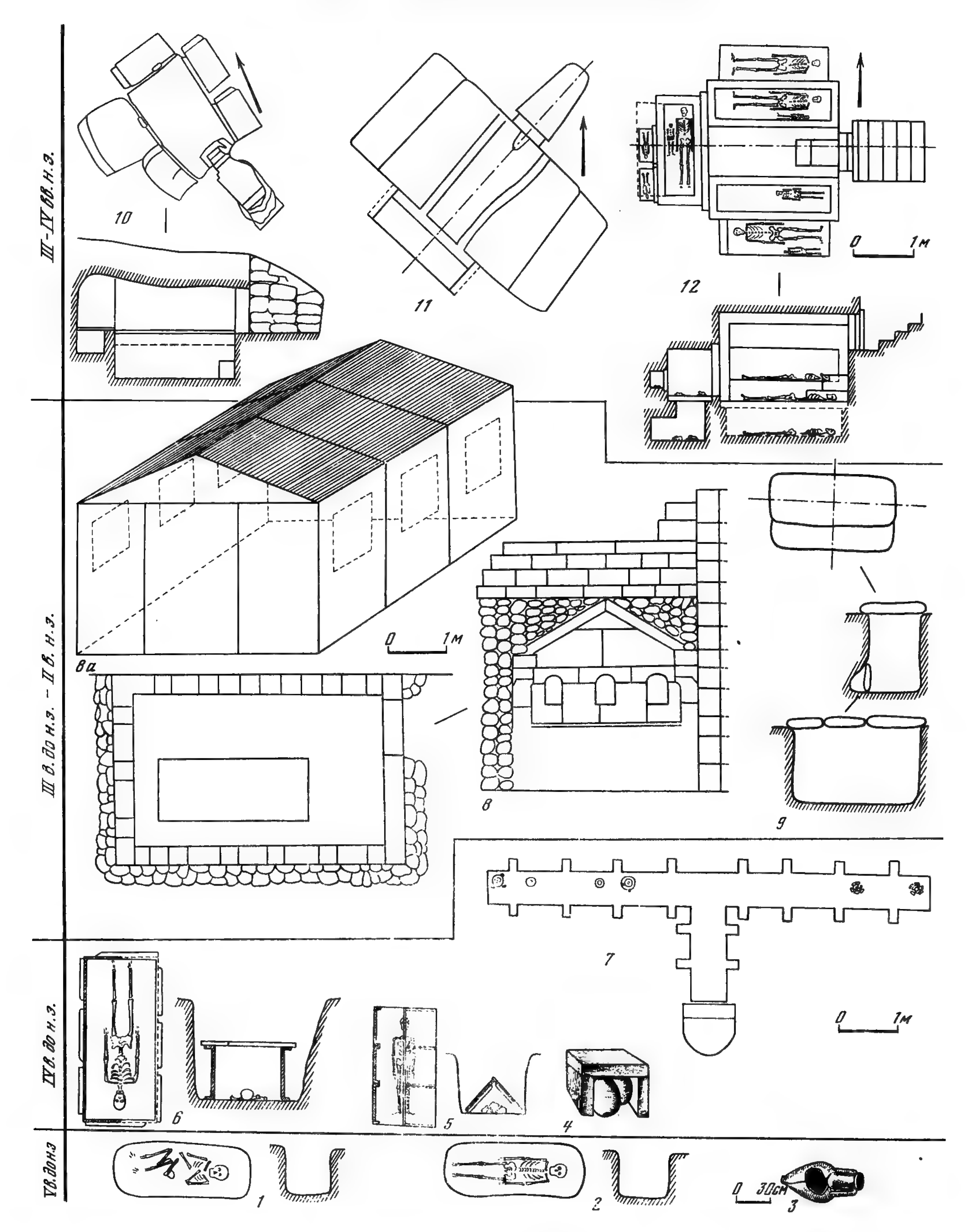


Таблица XIX. Типы погребальных сооружений и способы захоронения

1, 2 — грунтовые могилы; *3* — захоронения в амфоре на Северном берегу; *4* — погребение в урне; *5, 6* — могила с черепицей и каменной обкладкой; *7* — план склепа 1012; *8* — пристенный склеп 1013, план, разрезы, внутренние стены с нишами; *8а* — аксонометрия склепа 1014; *9* — план и разрезы подбойной могилы; *10, 11, 12* — склепы позднеримского времени (планы и разрезы). Составитель С. А. Беляев

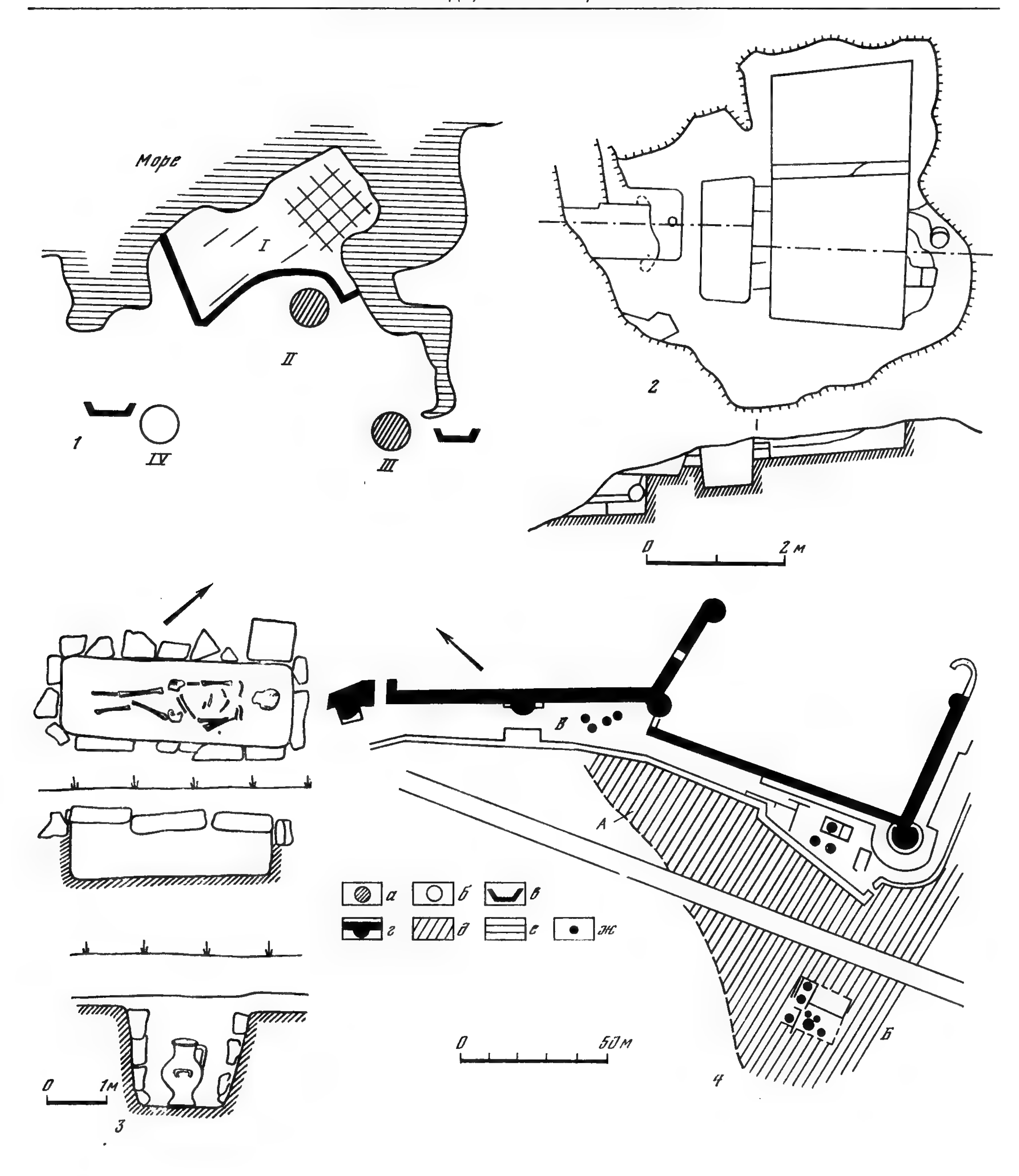


Таблица XX. Производственные поселения и их некрополи в окрестностях Херсонеса

1 — план расположения поселений и некрополей: I — Херсонес; II — поселок гончаров, III — поселок виноделов, IV — поселок каменщиков; *2* — винодельня, вырубленная в скале у верховья Карантинной бухты; *3* — типы погребений в некрополе у Песочной бухты; *4* — район гончарных мастерских: *а* — поселение; *б* — предполагаемое поселение; *в* — некрополь; *г* — крепостные стены; *д* — предполагаемый район производственного поселения; *е* — протейхизма; *ж* — керамические печи. Составитель А. Н. Щеглов

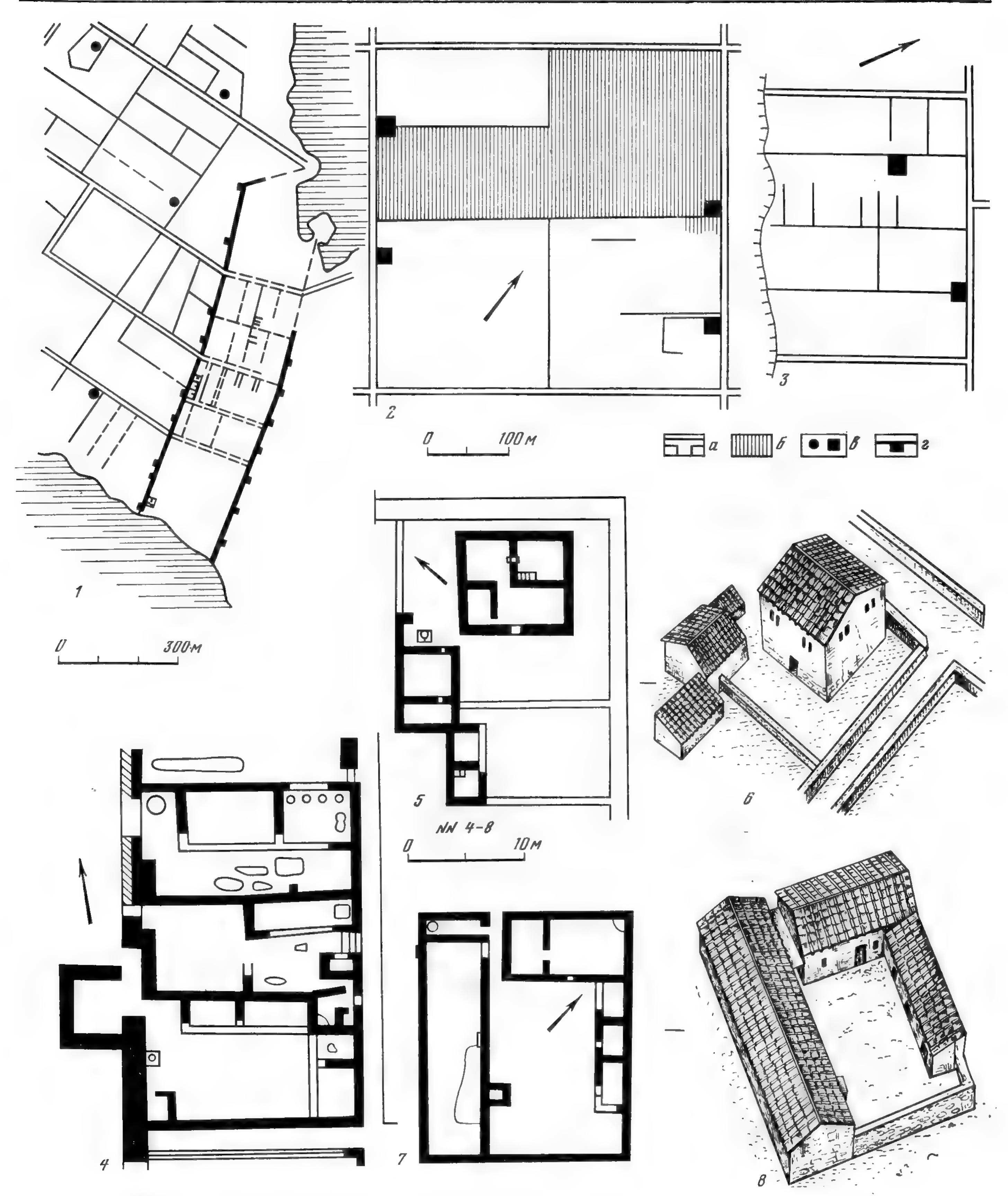


Таблица XXI. «Старый» Херсонес и его округа

1 — план «старого» Херсонеса с частью прилегающих размежеванных территорий; *2, 3* — земельные наделы; *4* — часть квартала «старого» Херсонеса (по Н. М. Печенкину); *5—8* — сельские усадьбы (по Н. М. Печенкину, реконструкция А. Н. Щеглова): *а* — дороги между наделами; *б* — плантажные стены; *в* — усадьбы; *г* — крепостные стены с башнями. Составитель А. Н. Щеглов

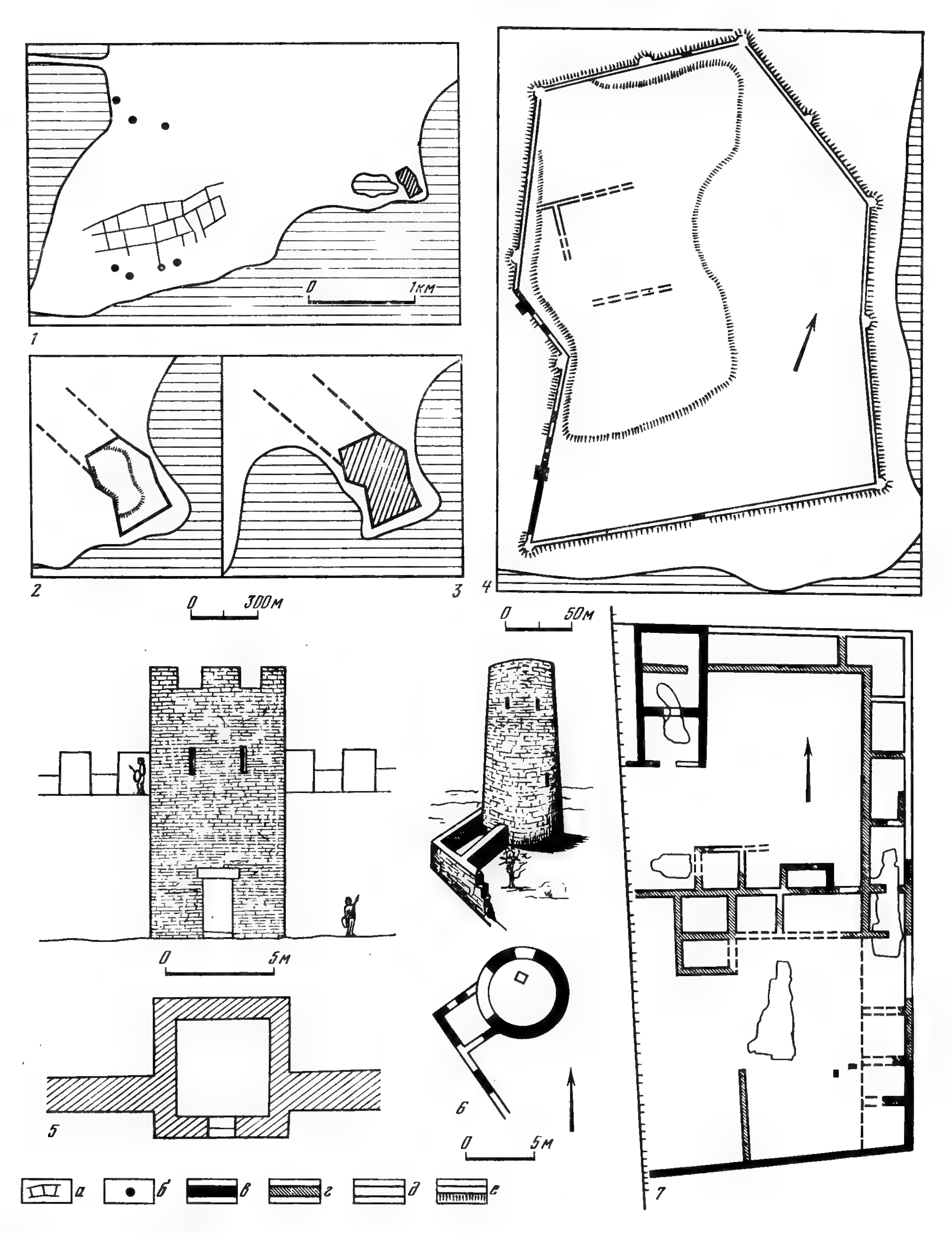


Таблица XXII. Керкинитида и ее округа

1 — Керкинитида и ее округа; *2* — современное местоположение городища; *3* — реконструкция древней береговой линии у Керкинитиды; *4* — план городища Керкинитиды; *5* — башня крепостной стены города (раскопки Л. А. Моисеева, реконструкция А. Н. Щеглова); *6* — жилая башня в окрестностях Керкинитиды (раскопки П. И. Филонычева и М. А. Наливкиной, реконструкция А. Н. Щеглова); *7* — усадьба № 2 у Мойнакского озера (раскопки Л. А. Моисеева); *а* — наделы; *б* — усадьбы; *в* — стены I строительного периода; *г* — стены II строительного периода; *д* — реконструируемые стены; *е* — нераскрытые участки стен. Составитель А. Н. Щеглов

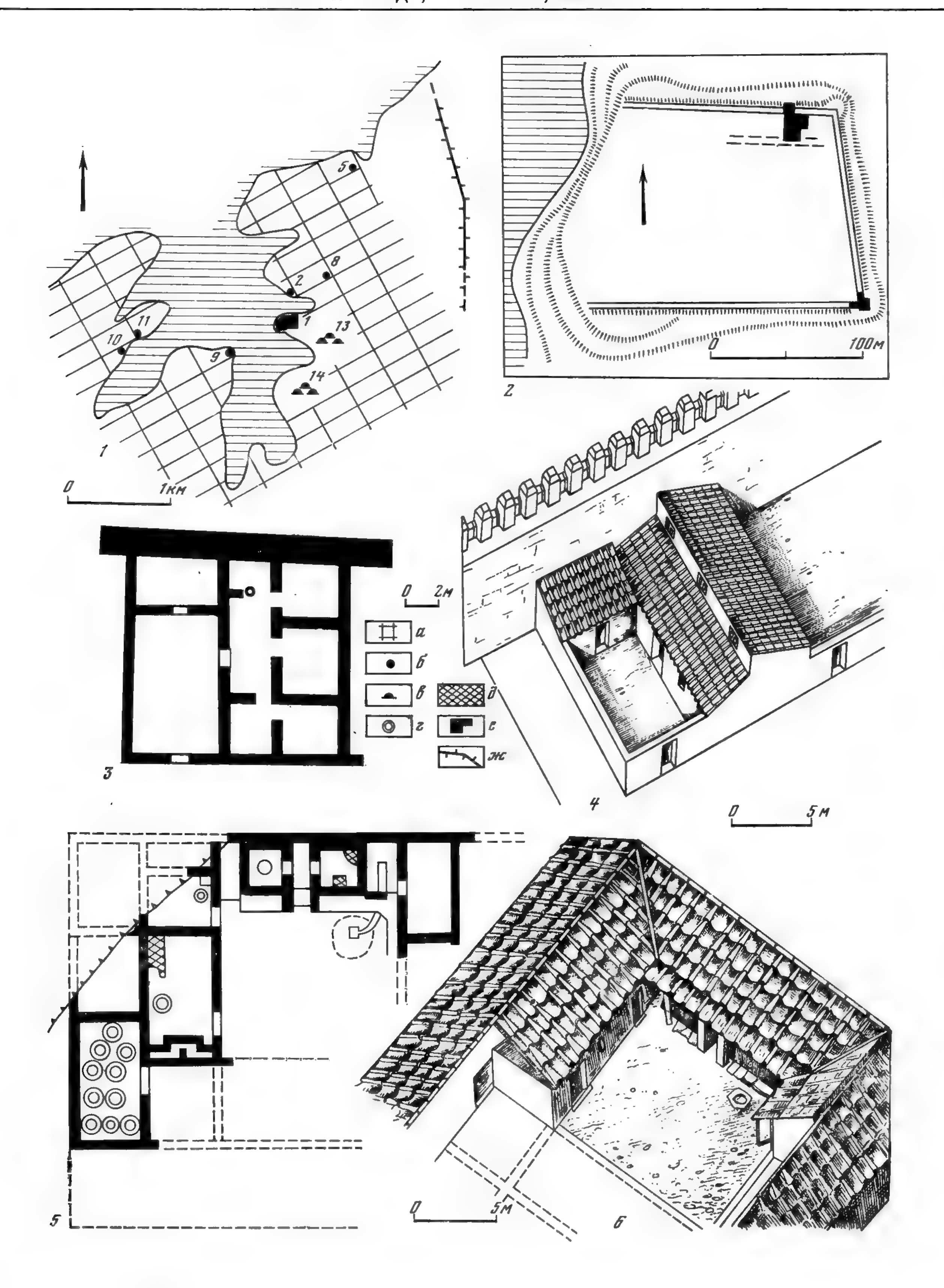


Таблица XXIII. Прекрасная гавань (Калос Лимен) и ее округа

1 — земледельческая округа — следы размежевания; *2* — план городища; *3, 4* — план и реконструкция жилого дома Прекрасной гавани (раскопки М. А. Наливкиной, реконструкция А. Н. Щеглова); *5—6* — сельская усадьба у бухты Ветреной; *а* — земельные наделы; *б* — сельские усадьбы; *в* — курганы; *г* — пифосы; *д* — очаги; *е* — каменные кладки; *ж* — вал. Составитель А. Н. Щеглов

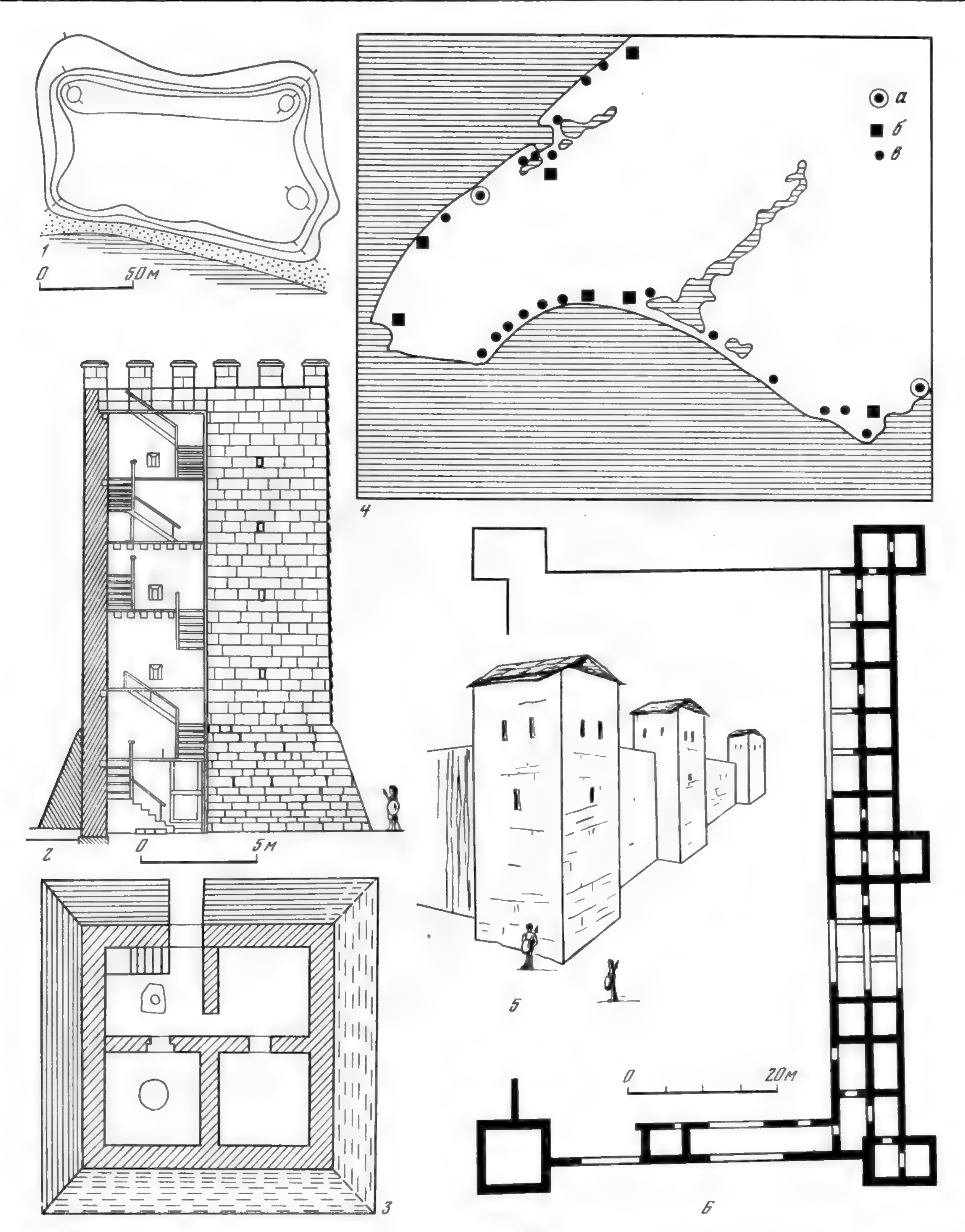


Таблица XXIV. Укрепленные поселения в Северо-Западном Крыму

1 — Караджинское городище; *2—3* — башня укрепленной усадьбы «Беляус» (раскопки О. Д. Дашевской, реконструкция А. Н. Щеглова); *4* — схема расположения поселений (*а* — города, *б* — крупные укрепления, *в* — изолированные укрепленные и неукрепленные усадьбы); *5, 6* — укрепления на городище «Чайка» (раскопки А. Н. Карасева, реконструкция А. Н. Щеглова). Составитель А. Н. Щеглов

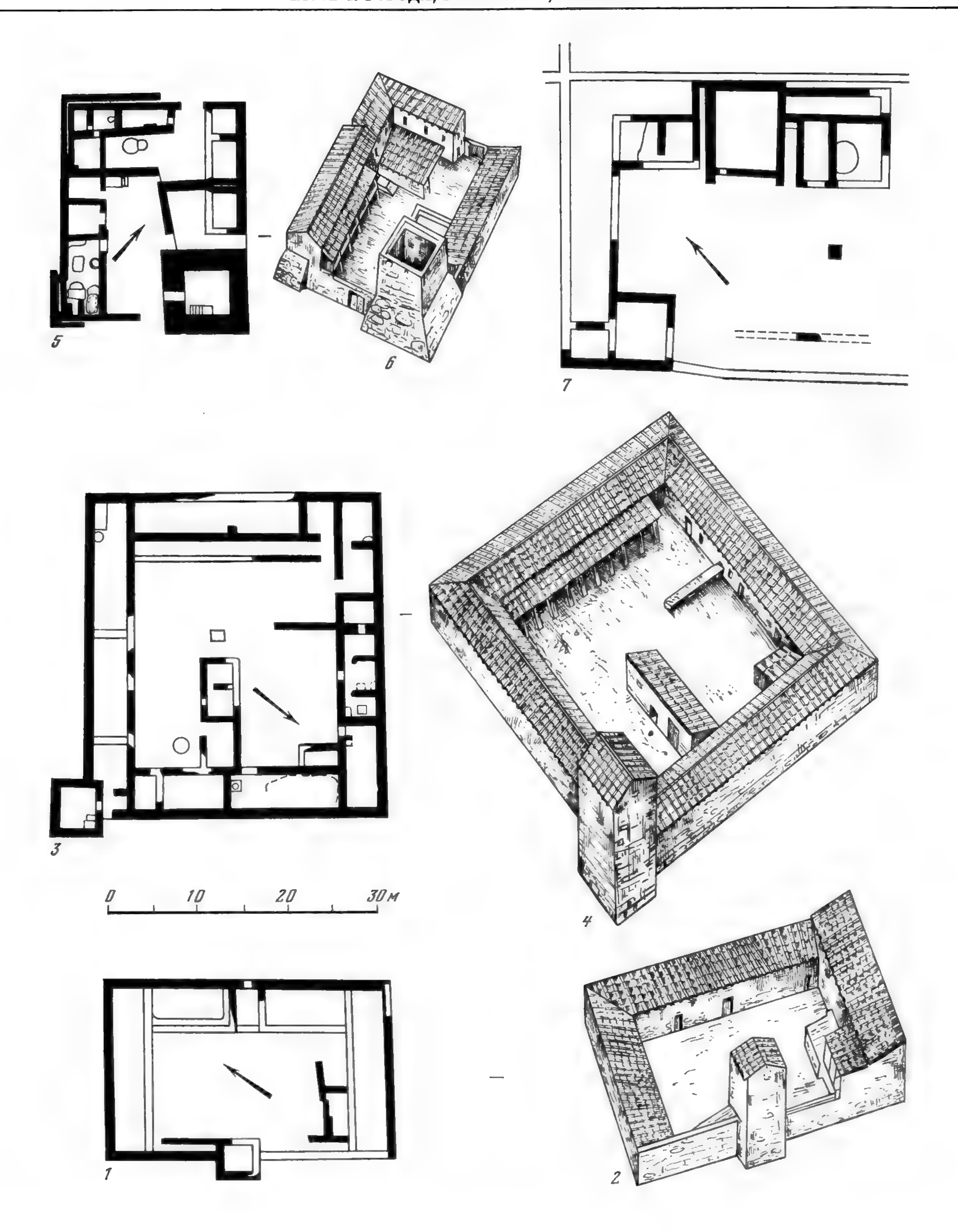


Таблица XXV. Сельские усадьбы в окрестностях Херсонеса (планы по С. Ф. Стржелецкому, реконструкция А. Н. Щеглова)

1—2 — усадьба второй половины IV в. до н. э. на наделе № 25; *3—4* — усадьба III в. до н. э. на наделе № 25; *5—6* — усадьба II в. до н. э. на наделе № 26; *7* — усадьба первых веков нашей эры у Стрелецкой бухты. Составитель А. Н. Щеглов

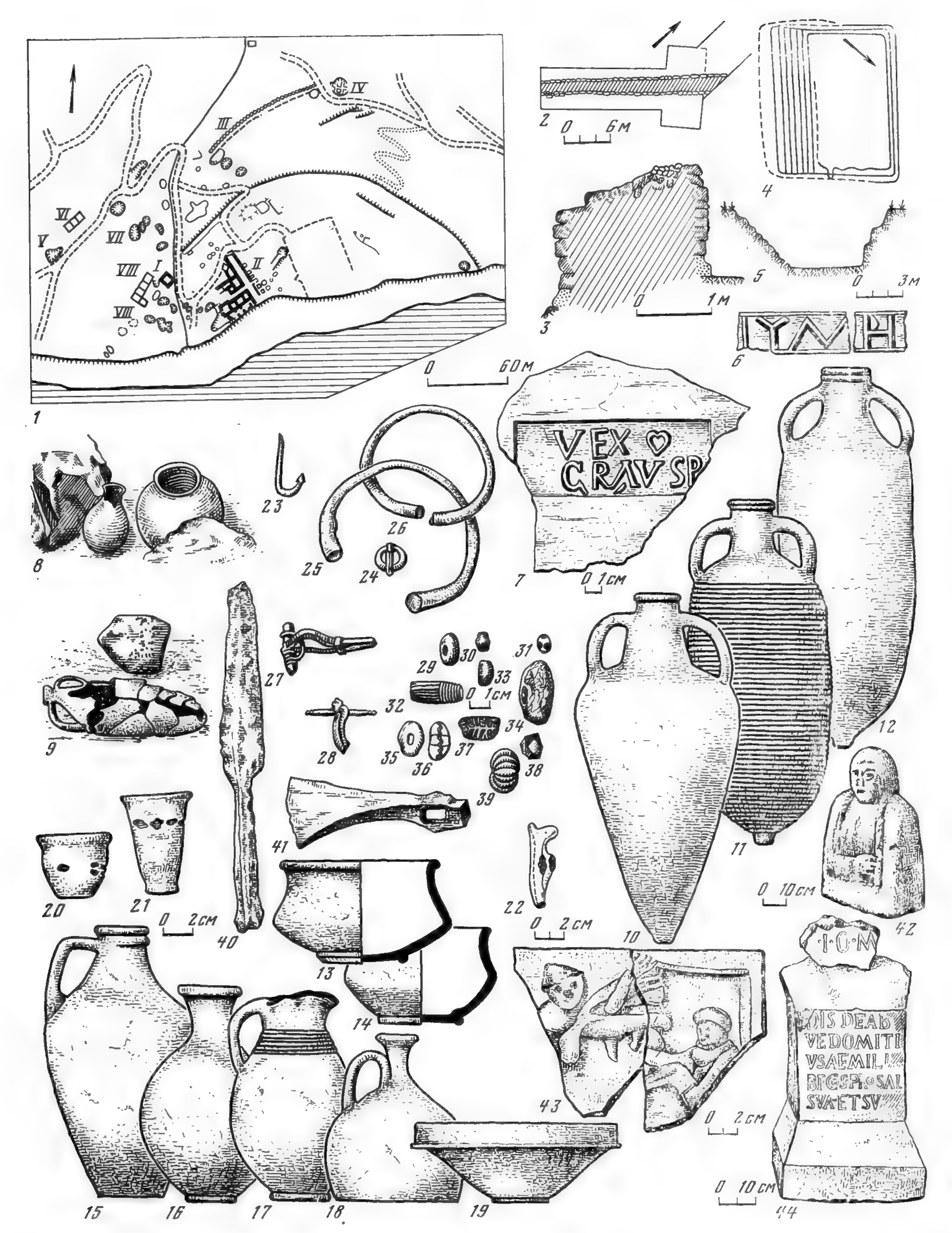


Таблица XXVI. Харакс

1 — генеральный план раскопок (I — Нимфей, II — термы, III — таврская стена, IV — башня, V — ворота, VI — наружная оборонительная стена, VII — пустырь, VIII — внутренняя оборонительная стена); *2, 3* — нижняя оборонительная стена, план и разрез; *4, 5* — нимфей, план и разрез; *6* — надпись из нимфея; *7* — обломок черепицы с клеймом вексилляции Равенской эскадры; *8, 9* — могилы 10 и 15 с трупосожжением IV в. н. э.; *10—12* — амфоры, использовавшиеся в качестве урн (из могил 26, 33, 29); *13, 14* — сероглиняные чашки (из могил 28 и 22); *15—19* — сосуды (из могил 29, 18, 21, 28); *20, 21* — стаканы с синими глазками (из могил 15, 33); *22* — ручка сосуда в виде животного (из могилы 15); *23* — рыболовный крючок (из могилы 10); *24* — пряжка; *25, 26* — браслеты (из могилы 19); *27, 28* — фибулы (из могилы 33); *29—39* — бусы; *40* — наконечник копья (из могилы 18); *41* — топор (из могилы 19); *42* — надгробие; *43* — рельеф с изображением фракийского всадника из святилища бенефициариев; *44* — алтарь из святилища бенефициариев

6, 7, 10—19, 22 — глина; *20, 21* — стекло; *23—28, 40* — бронза; *29—39* — стеклянная паста; *40—41* — железо; *42—44* — камень.

Составитель Е. А. Савостина

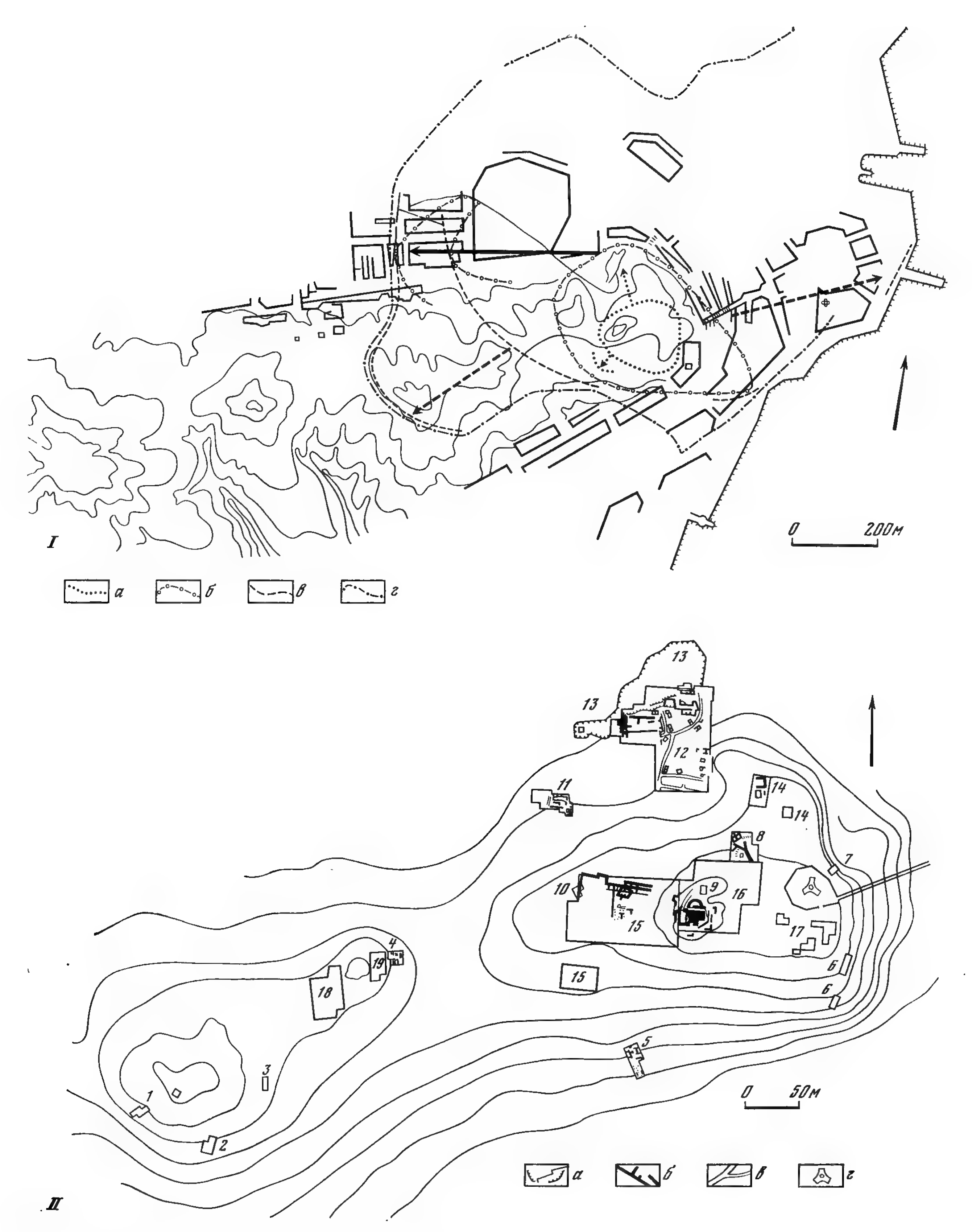


Таблица XXVII. Пантикапей

I — рост территории города: *а* — границы города в VI—V вв. до н. э.; *б* — границы города в IV в. до н. э.; *в* — границы города в III — первой половине II в. до н. э.; *г* — границы города в первые века нашей эры (стрелками указано направление, в котором рос город). II — генеральный план раскопов на горе Митридат: *1* — западный раскоп 1948 г.; *2* — третий Босфорский раскоп 1949 г.; *3* — второй Босфорский раскоп 1949 г.; *4* — раскоп у Скалистого выступа 1945, 1947 и 1977 гг.; *5* — первый Босфорский раскоп 1946—1947 гг.; *6* — раскопы 1945 г. над старым зданием музея; *7* — раскоп 1945 г.; *8* — Верхний Митридатский раскоп 1949 и 1952—1953 гг.; Новый Верхний Митридатский раскоп 1978—1982 гг.; *9* — раскоп 1948 г. у «Первого кресла»; *10* — верхний Эспланадный раскоп 1948 г.; *11* — Эспланадный раскоп 1945—1949 гг.; *12* — Новый Эспланадный раскоп 1953—1975 гг.; *13* — раскоп К. Е. Думберга; *14* — Восточный раскоп 1961—1975 гг.; *15* — Центральный раскоп 1971—1982 гг.; *16* — раскоп «Цитадель» 1976—1977 гг.; *17* — раскопы «У обелиска» 1965 г.; *18* — раскоп к западу от Скалистого выступа начат в 1977 г.; *19* — раскоп к востоку от Скалистого выступа; *а* — границы раскопов; *б* — строительные остатки; *в* — древние улицы; *г* — современный обелиск. Составитель В. П. Толстиков

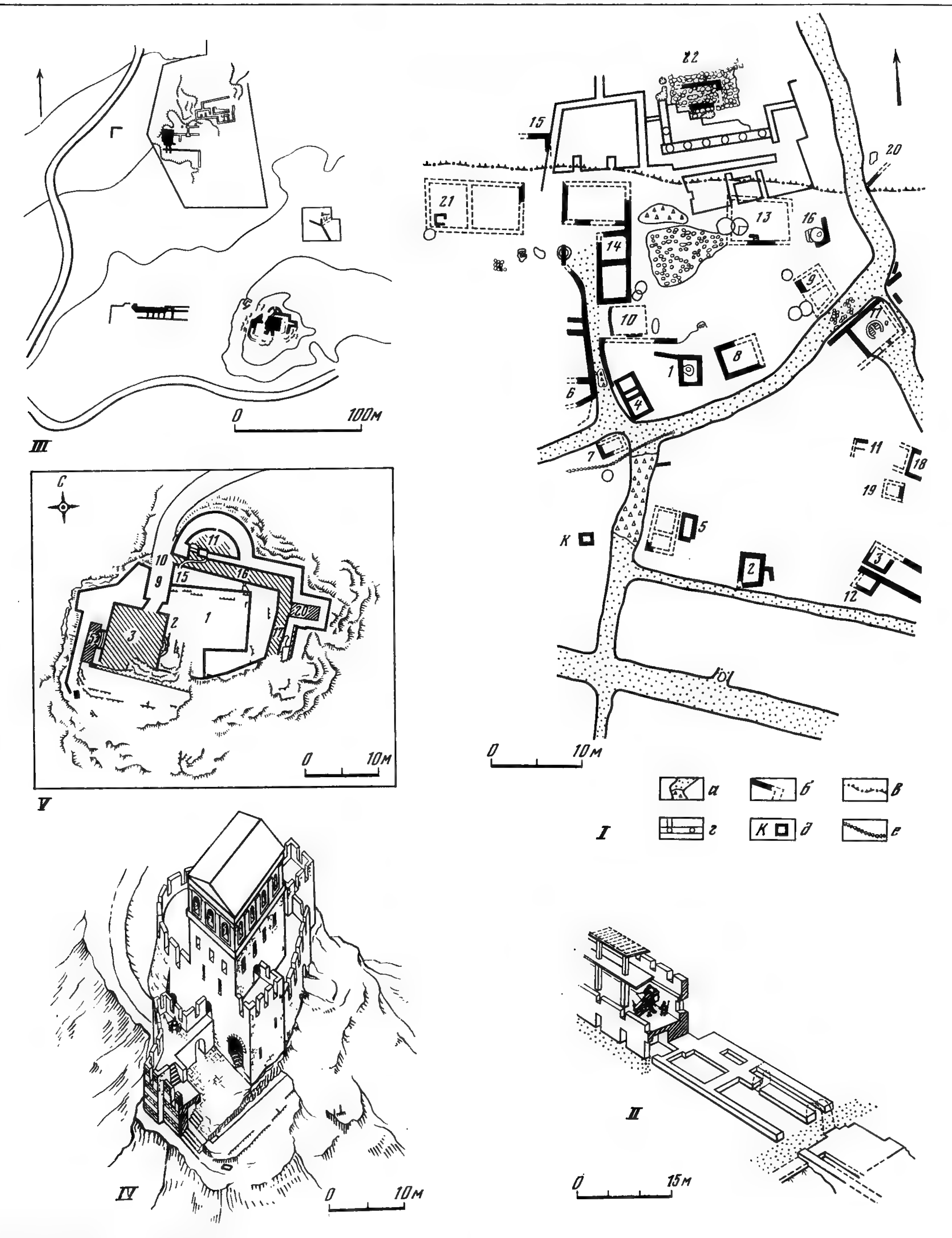


Таблица XXVIII. Пантикапей

I — раскоп Новый Эспланадный: *1—22* — остатки домов VI—V вв. до н. э.: *а* — древние улицы и вымостки; *б* — стены домов; *в* — граница террасы; *г* — общественное здание II в. до н. э.; *д* — колодец; *е* — водопровод. II — рекострукция-аксонометрия комплекса оборонительных сооружений I в. до н. э. Раскоп Центральный. III — план-схема остатков укреплений акрополя: *1* — цитадель; *2* — раскоп Центральный. IV — цитадель акрополя I в. до н. э.— II в. н. э. Реконструкция-аксонометрия, вид с юга (реконструкция В. Толстикова). V — план цитадели акрополя. Составитель В. П. Толстиков

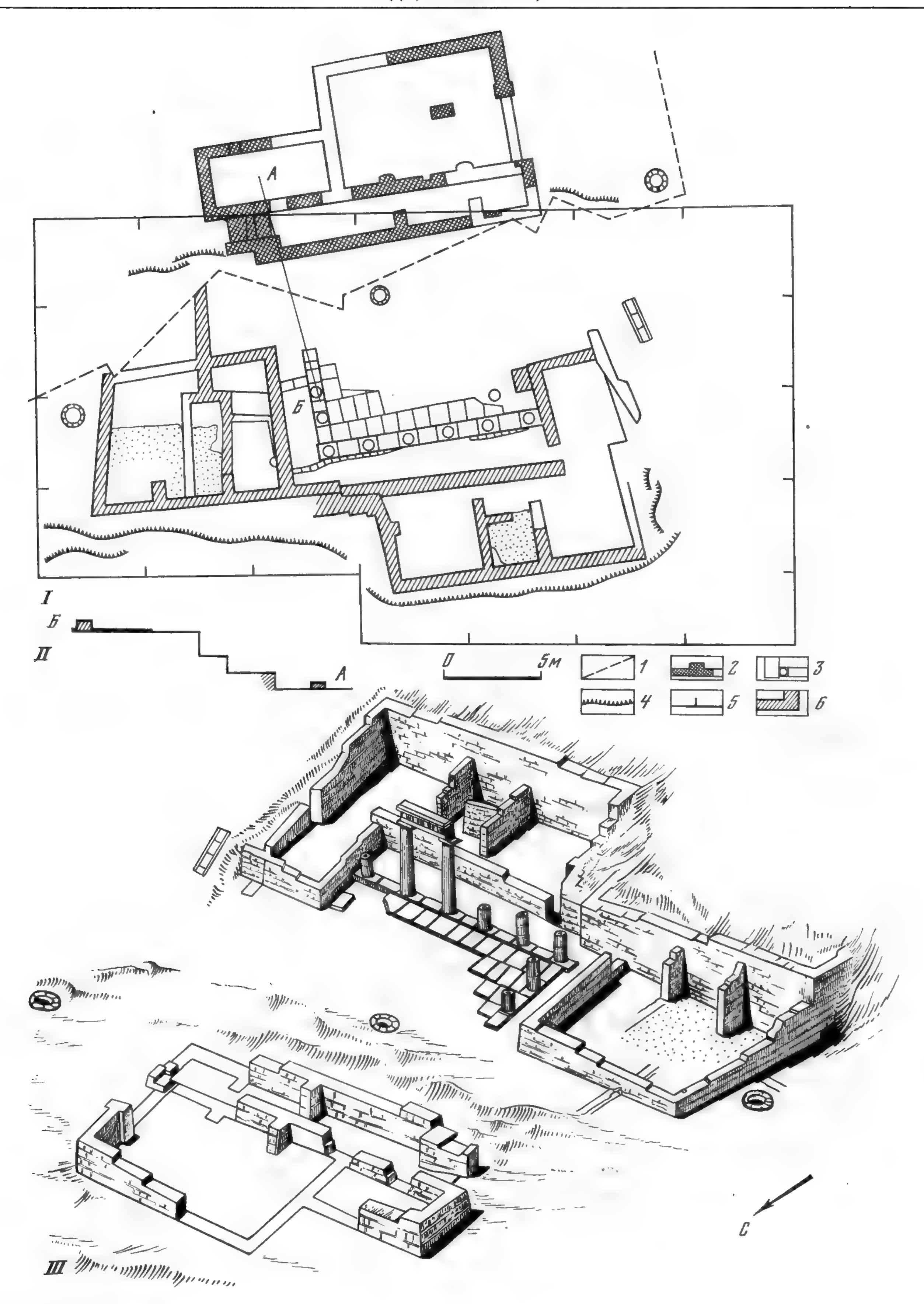


Таблица XXIX. Пантикапей

I — совмещенный план комплекса общественных зданий на раскопе К. Е. Думберга и на Новом Эспланадном: *1* — южная граница раскопа К. Е. Думберга; *2* — стены здания, раскопанного К. Е. Думбергом; *3* — стены общественного комплекса II в. до н. э. (пританея), открытого на Новом Эспланадном раскопе; *4* — границы террас; *5* — границы Нового Эспланадного раскопа. II — разрез по линии А — Б (север — юг); *6* — помещения общественного комплекса II в. до н. э. III — аксонометрия комплекса общественных зданий (реконструкция В. П. Толстикова). Составитель В. П. Толстиков



Таблица XXX. Мирмекий

1 — план Мирмекия с обозначением раскопанных участков; *2* — схематический план Мирмекия по В. Ф. Гайдукевичу; *3* — то же по Бларамбергу; *4* — план раскопа «И»: *а* — VI—V вв. до н. э.; *б* — IV в. до н. э.; *в* — I—III вв. н. э.; *г* — вымостки; *д* — III—I вв. до н. э. (по материалам В. Ф. Гайдукевича). Составитель И. Г. Шургая

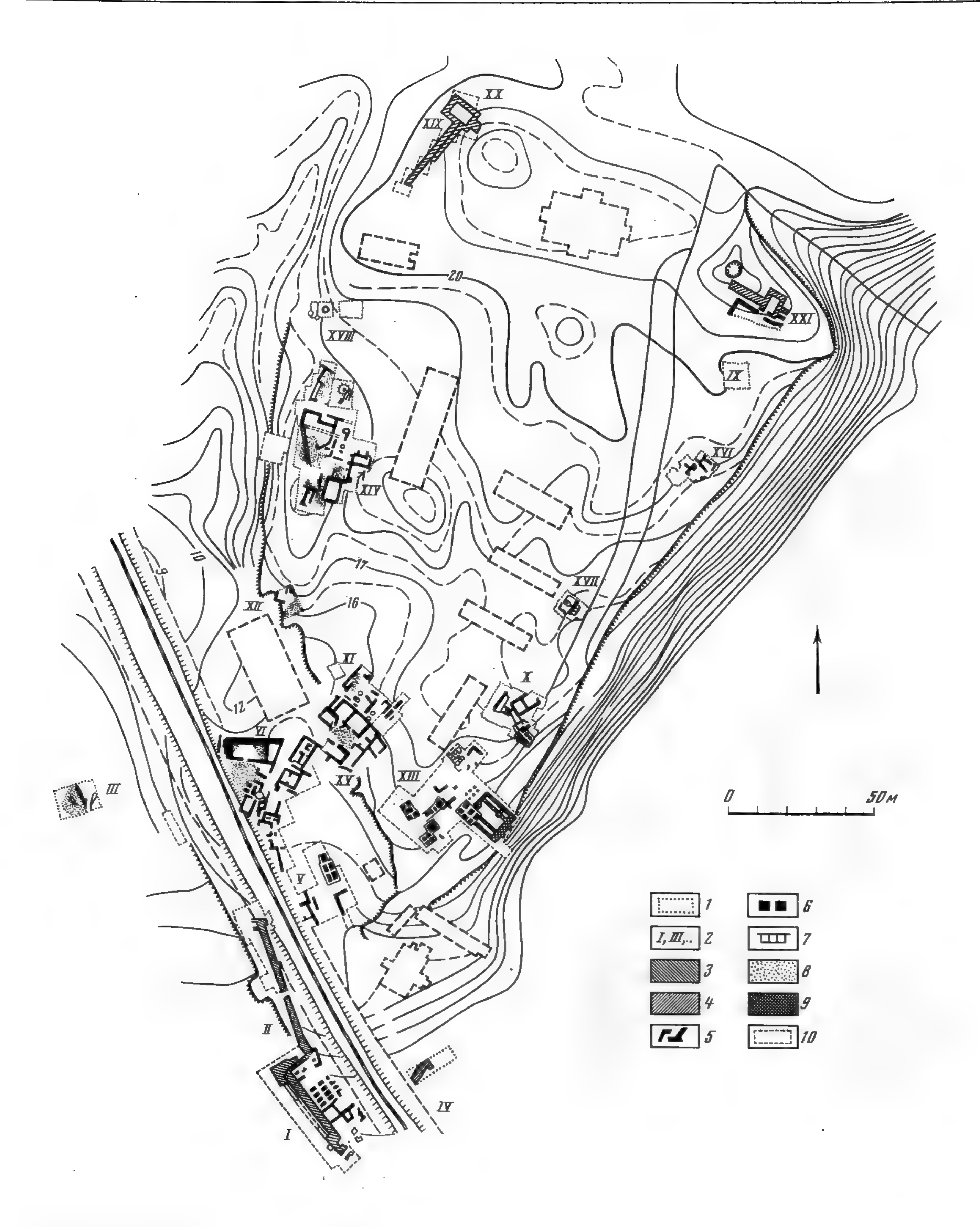


Таблица XXXI. Тиритака. План городища

1 — раскопанные участки; *2* — номера раскопов; *3* — оборонительная стена V в. до н. э.; *4* — оборонительная стена эллинистического времени; *5* — стены зданий античной эпохи; *6* — рыбозасолочные ванны; *7* — резервуары виноделен; *8* — каменные вымостки; *9* — стены зданий средневекового времени; *10* — застройка XX в. Составитель И. Г. Шургая

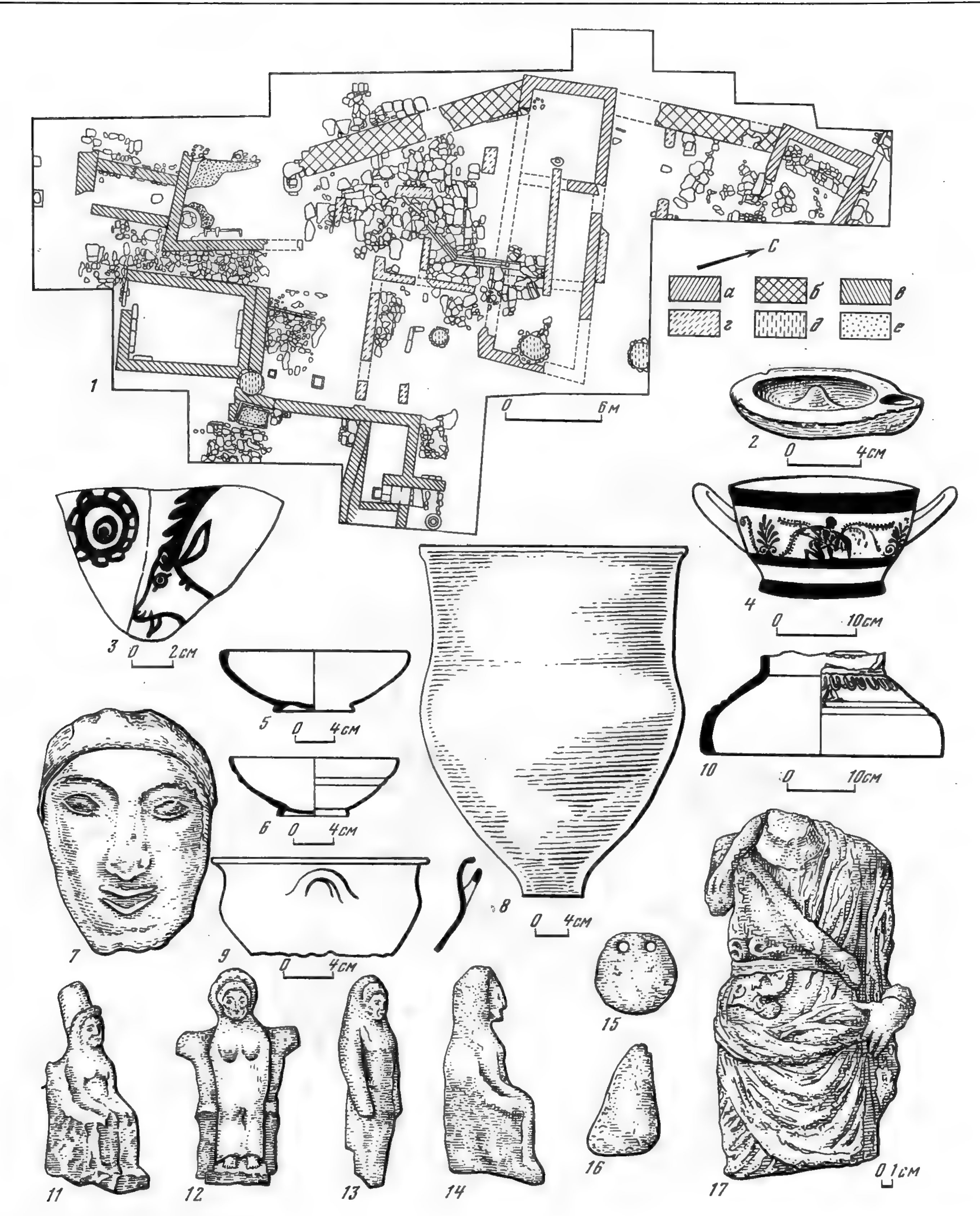


Таблица XXXII. Тиритака

1 — схематический план участка XIV: *а* — постройка VI в. до н. э.; *б* — оборонительная стена V в. до н. э.; *в* — постройки V—IV вв. до н. э.; *г* — постройки первых веков нашей эры; *д* — ямы; *е* — цемянки; *2* — светильник VI в. до н. э.; *3* — обломок края келебы родосско-ионийского стиля, середина VI в. до н. э.; *4* — аттический чернофигурный килик, начало V в. до н. э.; *5* — чернолаковая чаша, VI — начало V в. до н. э.; *6* — чаша с поясками, VI — начало V в. до н. э.; *7* — терракотовая маска, середина VI в. до н. э.; *8* — открытый сосуд; *9* — лощеный сосуд; *10* — нижняя часть глиняного алтаря; *11—14* — терракотовые статуэтки, VI — начало V в. до н. э.; *15—16* — глиняные грузила; *17* — обломок статуэтки Диониса. Составитель И. Г. Шургая

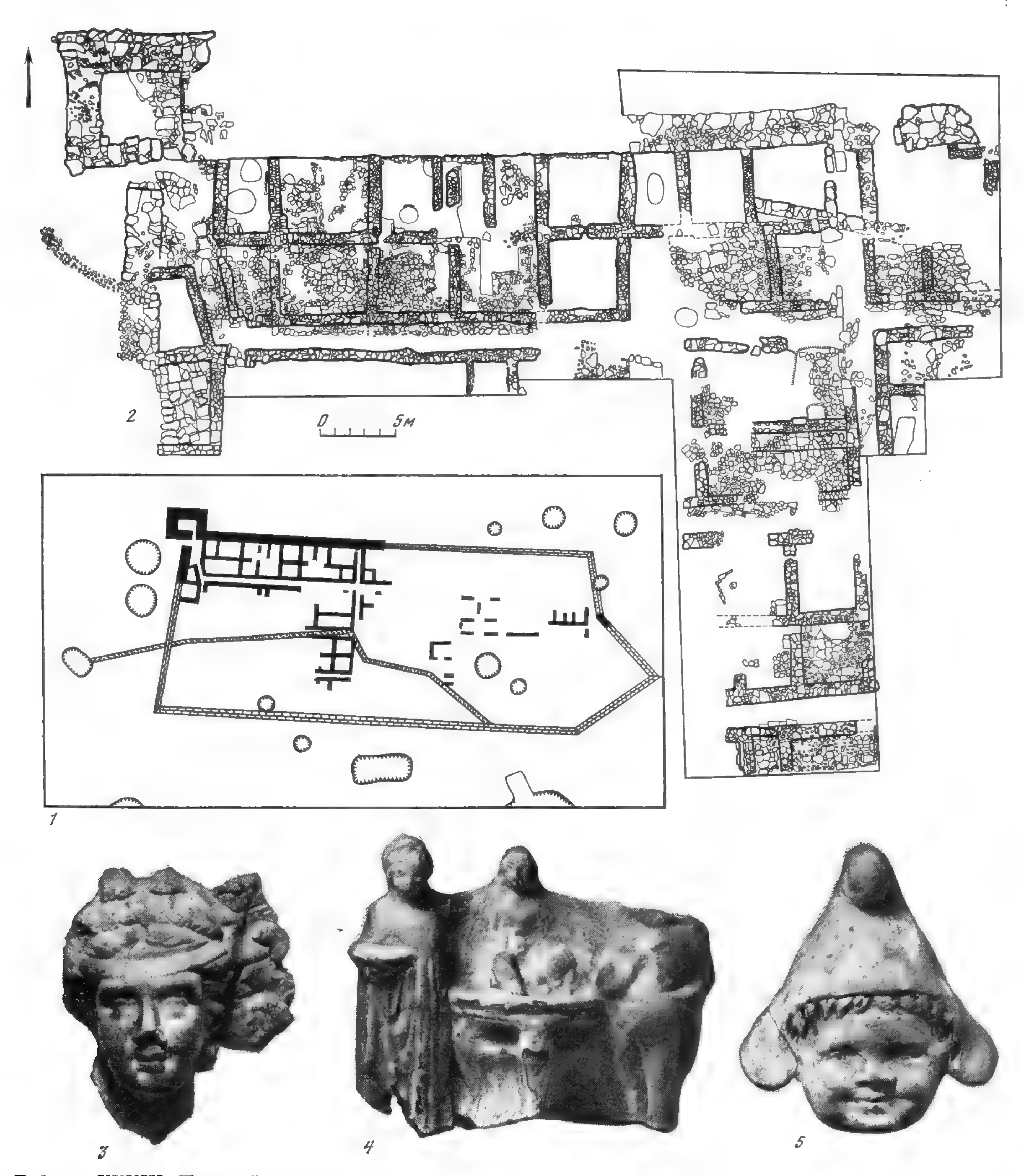


Таблица XXXIII. Порфмий

1 — план городища; *2* — план раскопанного участка; *3—5* — импортные терракоты. Составитель Е. Г. Кастанаян

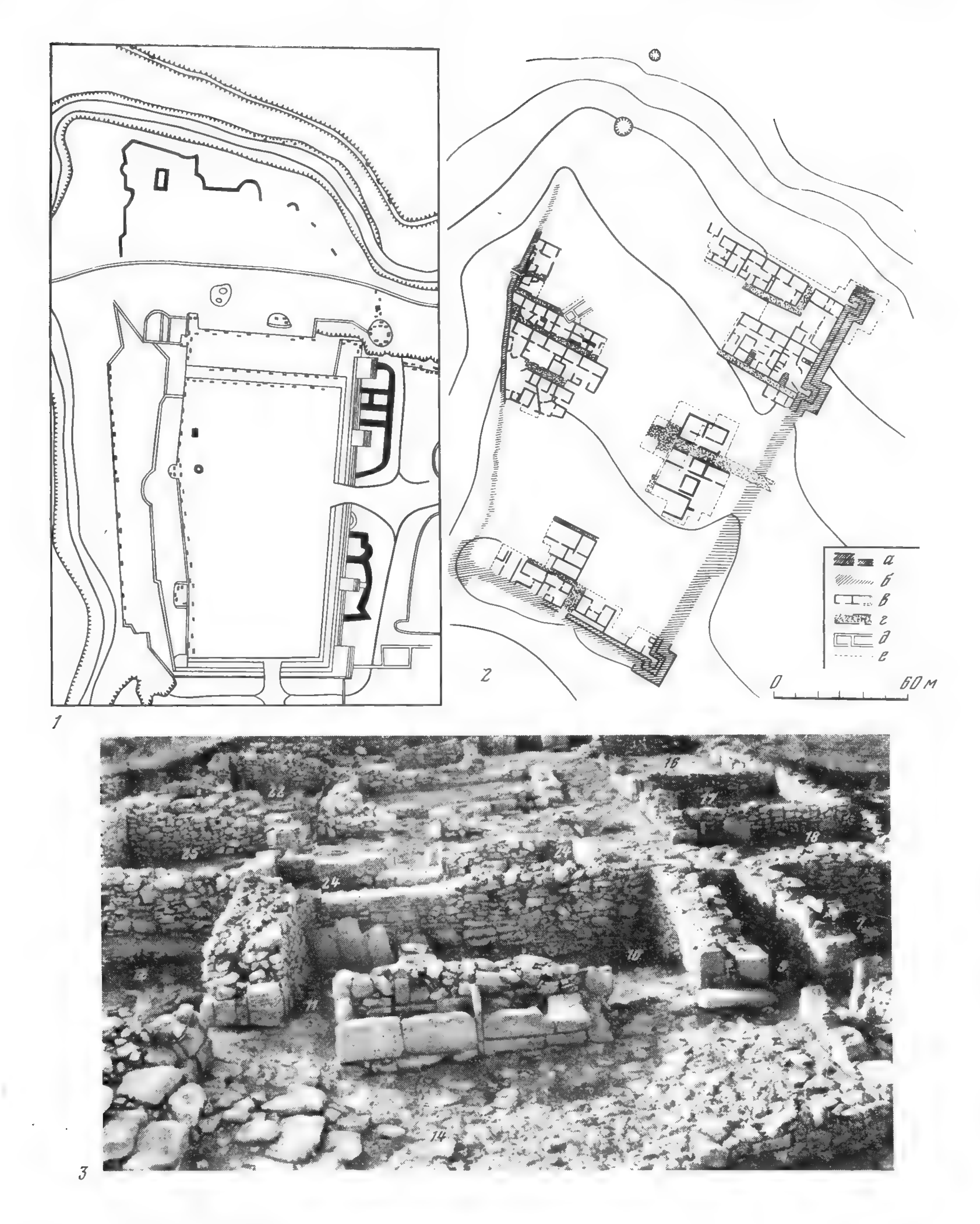


Таблица XXXIV. Городище Илурат

1 — план городища, составленный П. Дюбрюксом; *2* — план городища с обозначением раскопанных участков (*а* — оборонительные стены, вскрытые раскопками, *б* — нераскопанные участки оборонительных стен, *в* — раскопанные жилые дома, *г* — улица, *д* — постройка средневековой эпохи, *е* — границы раскопов); *3*, *4* — помещения у юго-западной оборонительной стены. Составитель И. Г. Шургая

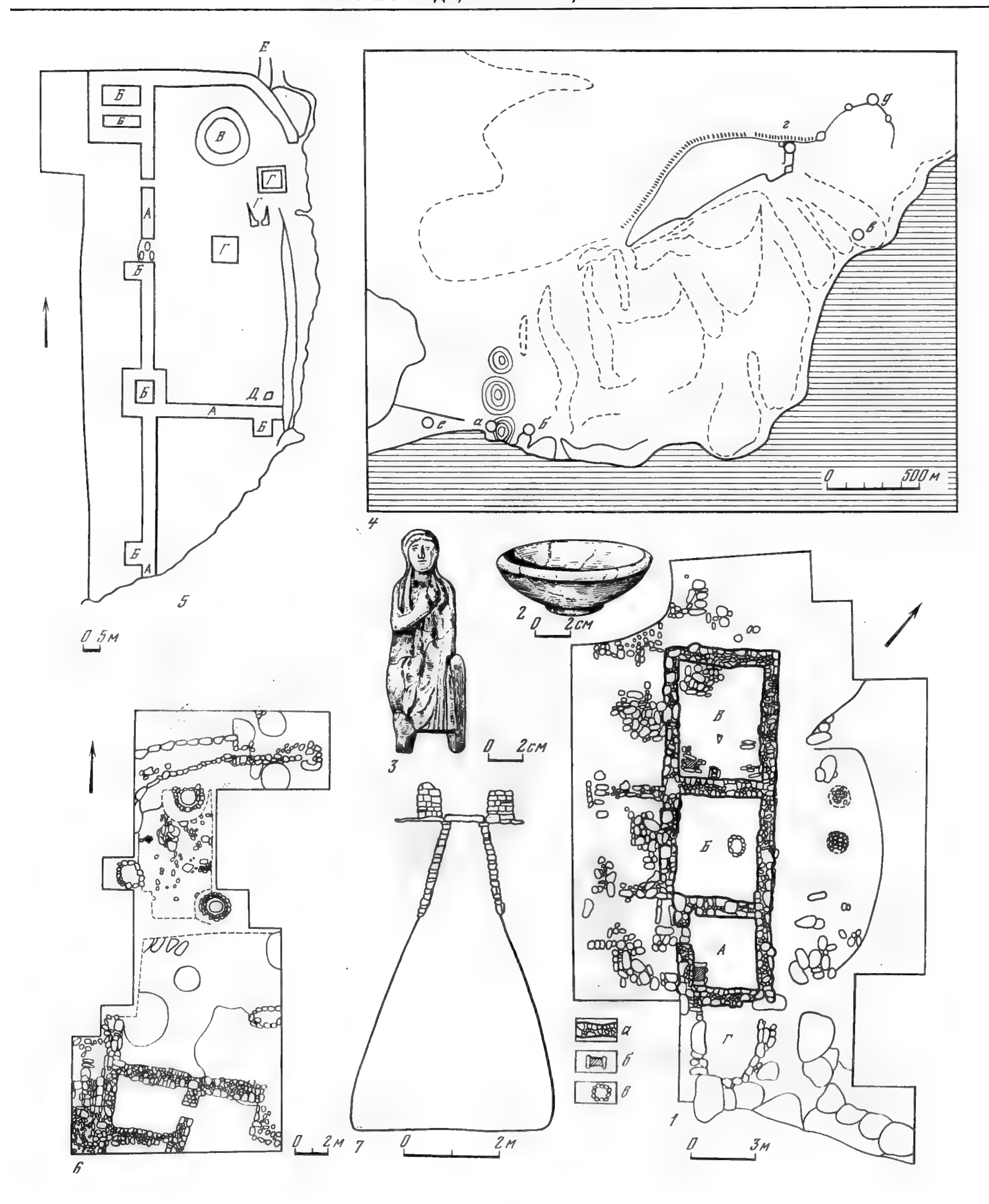


Таблица XXXV. Киммерик

1 — план раскопа «холм А»: А — Г — помещения: *а* — кладки стен; *б* — очаги; *в* — ямы; 2 — миска; 3 — терракотовая статуэтка V в. до н. э.; 4 — план горы Опук (по Ю. Ю. Марти) с указанием расположения раскопов: *а* — «Змеиный холм» (1940—1949 гг.); *б* — Береговой (1950—1951 гг.); *в* — «холм А» (1950—1951 гг.); *г* — цитадель на горе Опук; *д* — восточная оборонительная стена; *е* — западная оборонительная стена; 5 — план цитадели на плато горы Опук: А — стена; Б — башни; В — круглая башня; Г — пещеры в скале; Д — яма; Е — начало городской стены; 6 — план раскопа «Береговой»; 7 — разрез зерновой ямы на раскопе «Береговой». Составитель И. Т. Кругликова

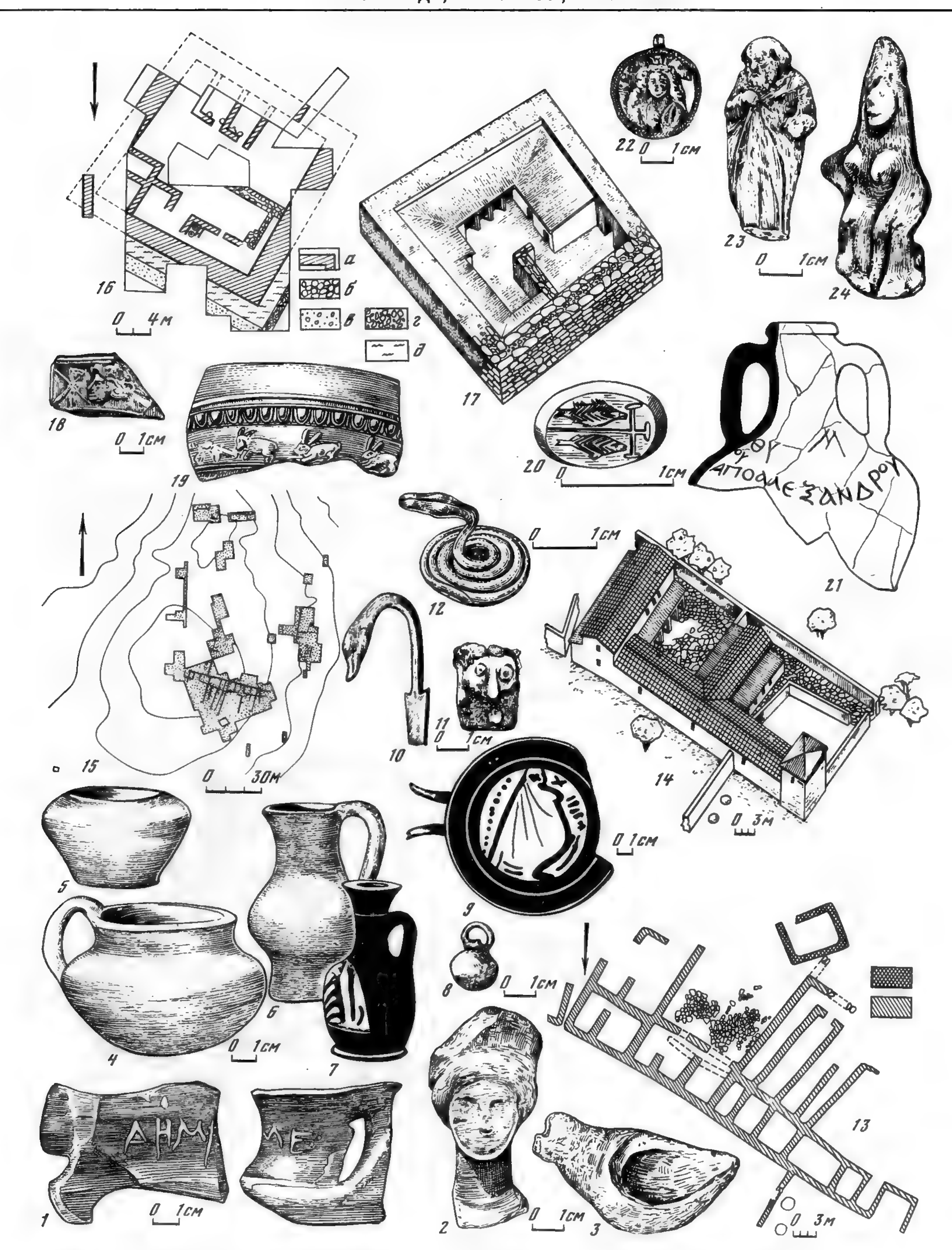


Таблица XXXVI. Сельские усадьбы — Андреевка Южная (*1—15*) и Ново-Отрадное (*16—24*)

1 — край чернолакового канфара с граффити; *2* — головка терракотовой статуэтки; *3* — льячка; *4—6* — красноглиняные сосудики; *7* — чернолаковый лекиф с пальметкой; *8* — бронзовая подвеска; *9* — краснофигурный килик; *10* — часть бронзового черпака; *11* — бусина; *12* — серебряная змейка; *13, 14* — план усадьбы (раскоп II) и ее реконструкция; *15* — схема расположения раскопов на поселении Андреевка Южная; *16, 17* — план усадьбы III в. у с. Ново-Отрадное и ее реконструкция; *18* — край краснолакового блюда; *19* — край рельефной чаши; *20* — изображения рыбы и креста, вырезанные на сердоликовой вставке перстня из могильника; *21* — надпись краской на горле амфоры; *22* — электровый медальон; *23* — рельеф под ручкой эллинистического чернолакового сосуда; *24* — лепная статуэтка сидящей богини. Составитель И. Т. Кругликова

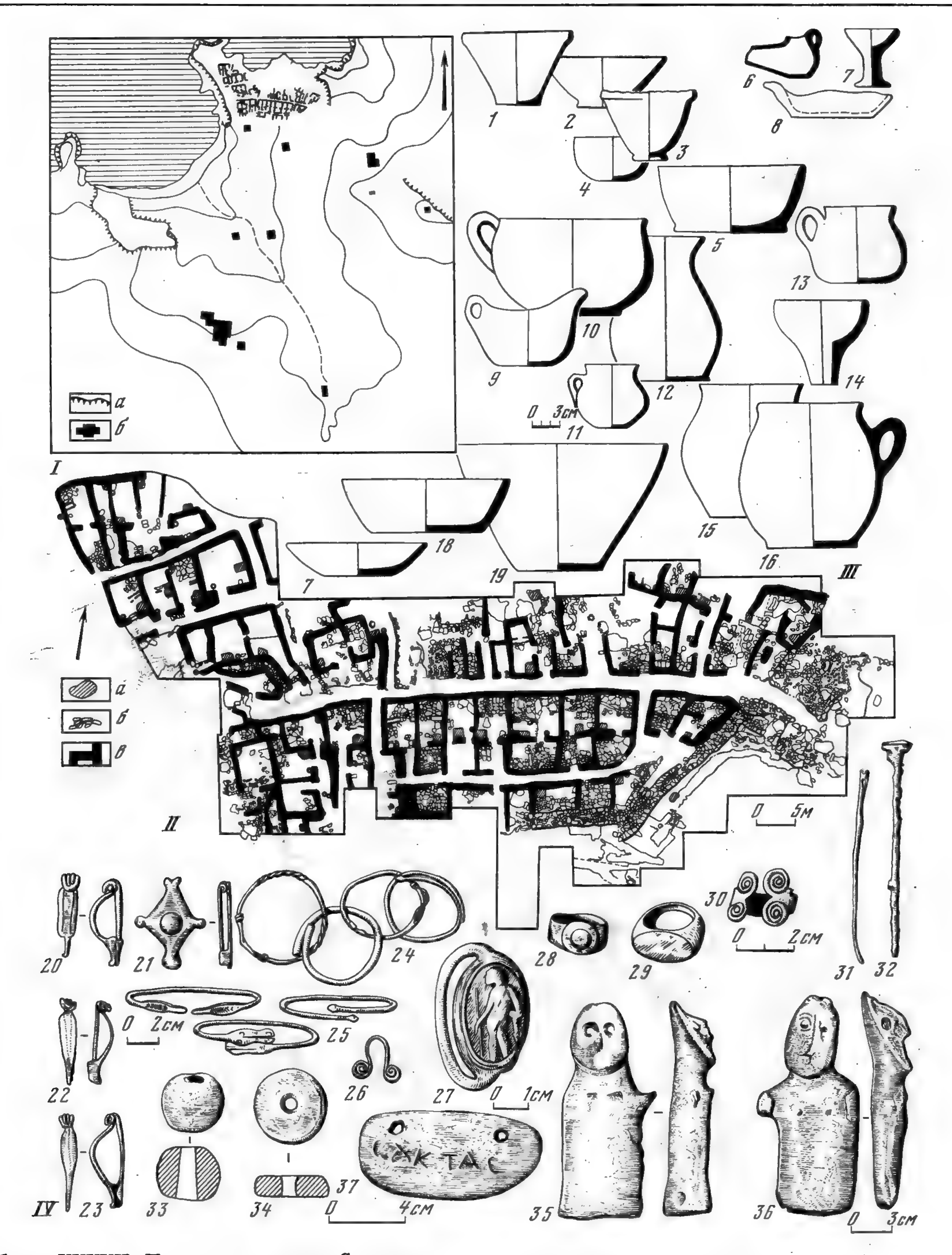


Таблица XXXVII. Поселение у деревни Семеновка

I — ситуационный план расположения раскопов: *а* — выходы скалы; *б* — площади раскопов. II — план раскопа I на северном холме: *а* — глинобитные печи; *б* — вымостки; *в* — стены жилищ. III — керамика: *1, 2, 4, 5, 9—13, 15—19* — лепные сосуды; *3* — кружальная миска; *6—8* — лепные светильники; *14* — воронка; *11, 13* — сосуды с красной лощеной поверхностью. IV — разные находки: *20—23* — фибулы и брошь; *24—25* — браслеты; *26* — подвеска; *27* — перстень с сердоликовой геммой; *28* — перстень со стеклянной вставкой; *29—30* — перстни; *31, 32* — игла и стиль; *33—34* — пряслица; *35, 36* — лепные статуэтки; *37* — грузила из Мысовки с вырезанной надписью (*1—19, 33—37* — глина, *20—32* — бронза). Составитель И. Т. Кругликова

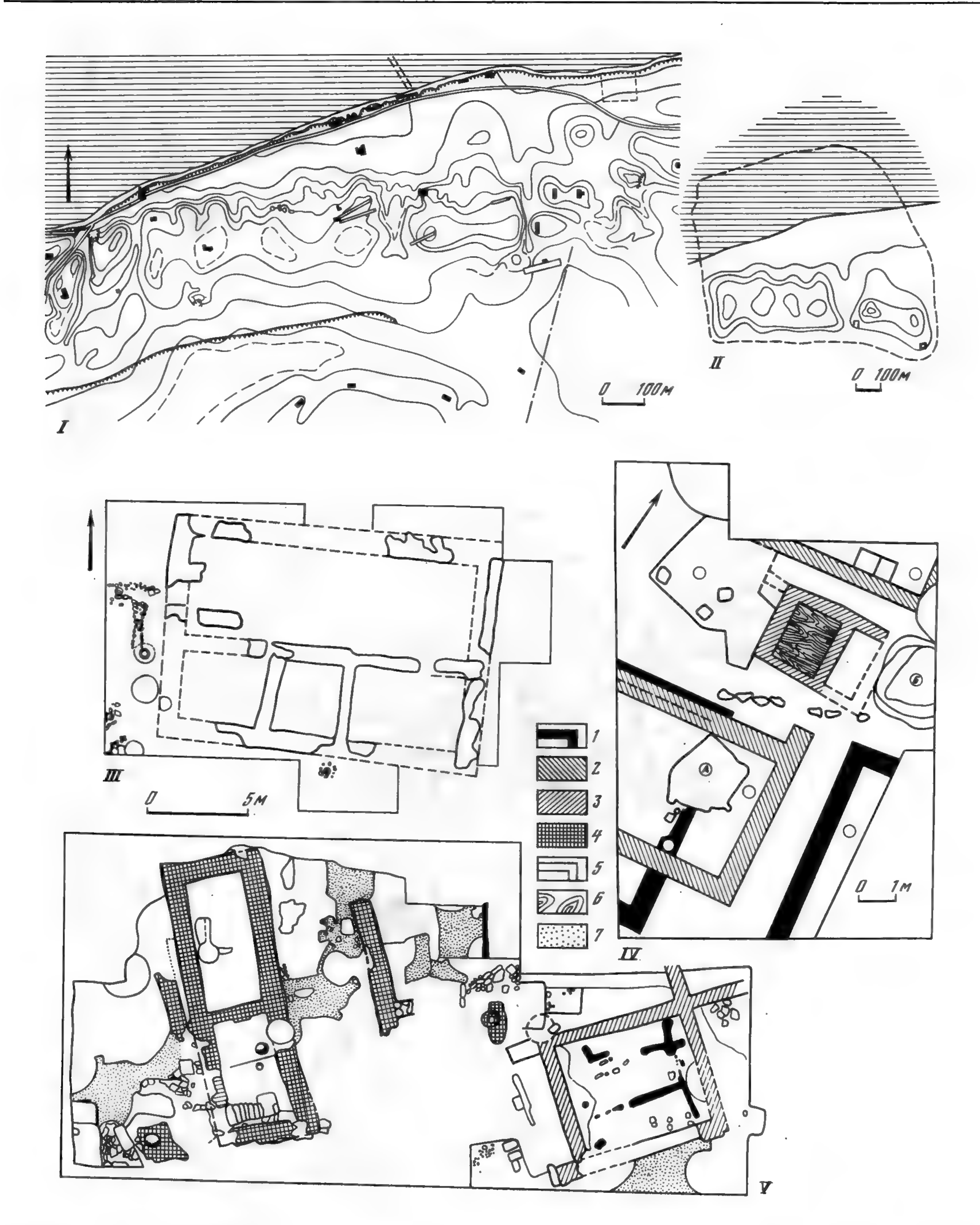


Таблица XXXVIII. Фанагория

I — схематический план городища с местоположением раскопов; II — восстанавливаемые границы Фанагории; III — план юго-западного раскопа; IV — план раскопа Верхний город; V — план Центрального раскопа: *1* — архитектурные остатки, вторая половина VI в. до н. э.; *2* — первая половина V в. до н. э.; *3* — вторая половина V—IV вв. до н. э.; *4* — II—III вв. н. э.; *5* — IV в. н. э.; *6* — дерево; *7* — вымостка; А, Б — землянки конца VI в. до н. э. Составители Е. А. Савостина и В. С. Долгоруков

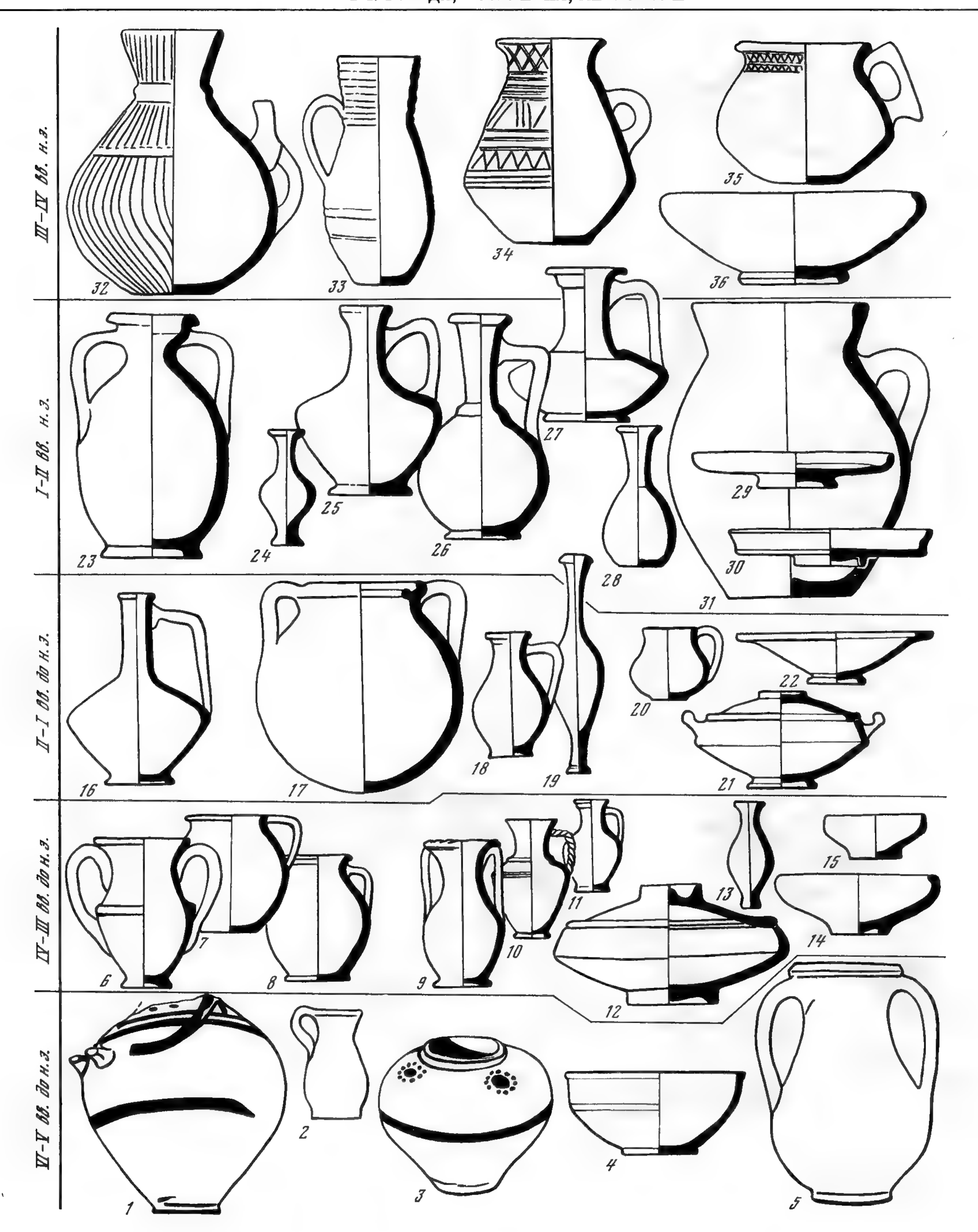


Таблица XXXIX. Керамика из Фанагории

1 — ионийская расписная гидрия; *2* — лепной кувшинчик; *3* — ионийский расписной сосуд; *4* — миска; *5* — пелика; *6* — канфар; *7*, *8* — одноручные сосуды; *9* — пелика; *10* — кувшины с витой ручкой; *11* — кувшинчик; *12* — лекана; *13* — флакон; *14*, *15* — миски; *16* — лагинос; *17* — круглодонный двуручный сосуд; *18* — кувшин; *19* — флакон; *20* — одноручный сосуд; *21* — лекана; *22* — тарелка; *23* — двуручный сосуд; *24*, *28* — флаконы; *25* — кувшин; *26*, *27* — краснолаковые кувшины; *29* — одноручный сосуд; *30*, *31* — краснолаковые тарелки; *32* — сероглиняный лощеный сосуд с зооморфной ручкой; *33* — красноглиняный кувшин с веретенообразным туловом; *34*, *35* — сероглиняные лощеные кувшины; *36* — миска. Составители Е. А. Савостина и В. С. Долгоруков

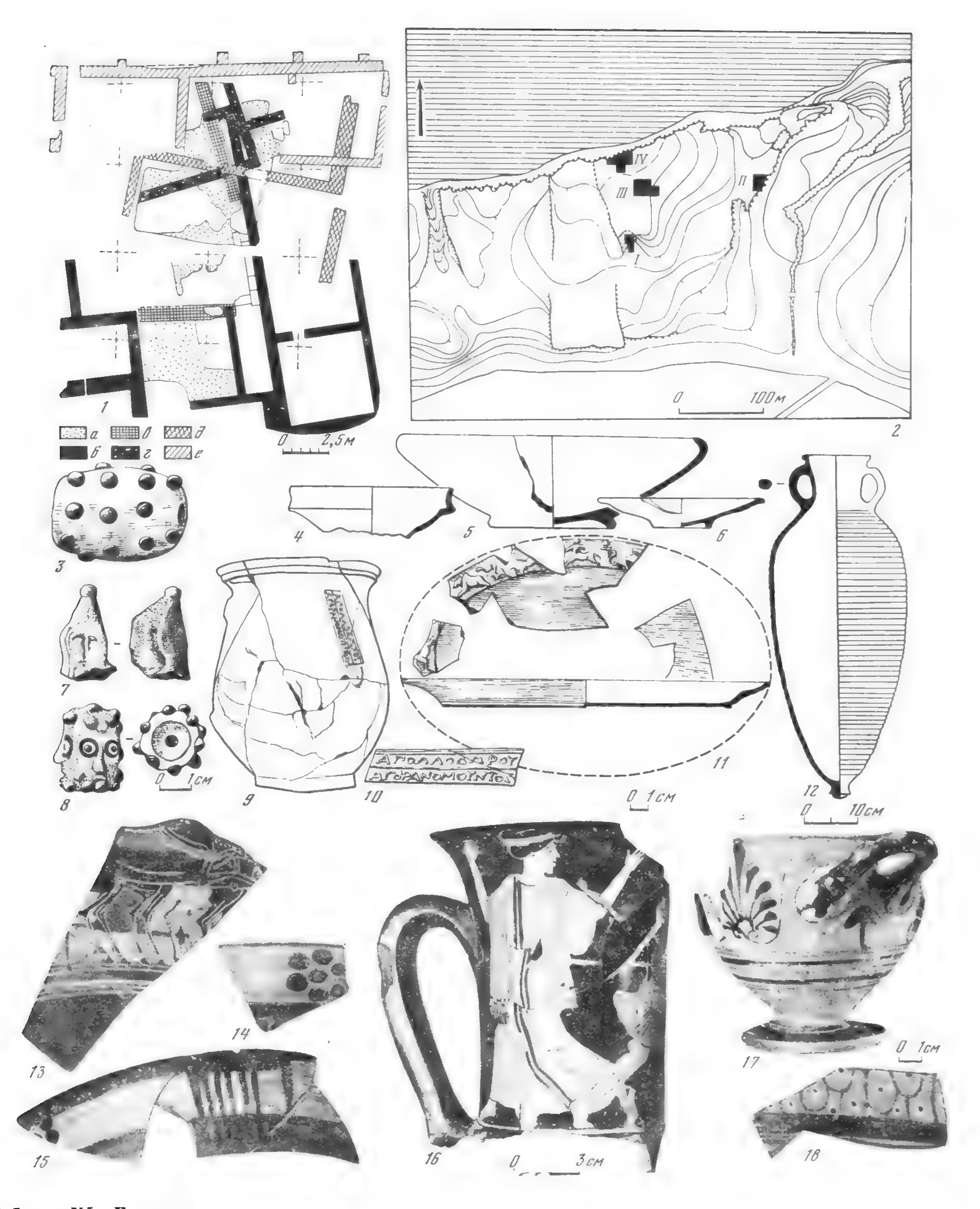


Таблица XL. Гермонасса

1 — план-схема архитектурных остатков Нагорного раскопа: *а* — цемянка; *б* — IV в. до н. э. (I строительный период); *в* — IV в. до н. э. (II строительный период); *г* — III—II вв. до н. э.; *д* — I—II вв. н. э.; *е* — III—IV вв. н. э.; *2* — схематический план расположения раскопов: I — раскоп 1952 г.; II — восточный; III — Нагорный; IV — Северный; *3* — бусина белая пастовая с налепами из голубого стекла; *4—6* — краснолаковые сосуды III—II вв. до н. э.; *7* — терракотовая головка Аттиса (эллинизм); *8* — бусина с изображением человеческих лиц (III в. до н. э.); *9* — мерный сосуд типа ойнохои с клеймом III в. до н. э.; *10* — клеймо: «агороном Аполлодор»; *11* — фрагментированное краснолаковое блюдо II—III вв. н. э. с изображением кентавров и животных; *12* — амфора светлоглиняная II—III вв.; *13* — обломок чернофигурного сосуда с изображением квадриги, конец VI в. до н. э.; *14, 15* — фрагменты родосско-ионийских киликов первой половины VI в. до н. э.; *16* — горло ритона с краснофигурной росписью, вторая четверть V в. до н. э.; *17* — фрагмент чернофигурного килика, начало V в. до н. э.; *18* — фрагмент стенки клазоменского сосуда с росписью «стиля Фикеллуры», третья четверть VI в. до н. э. Составитель А. К. Коровина

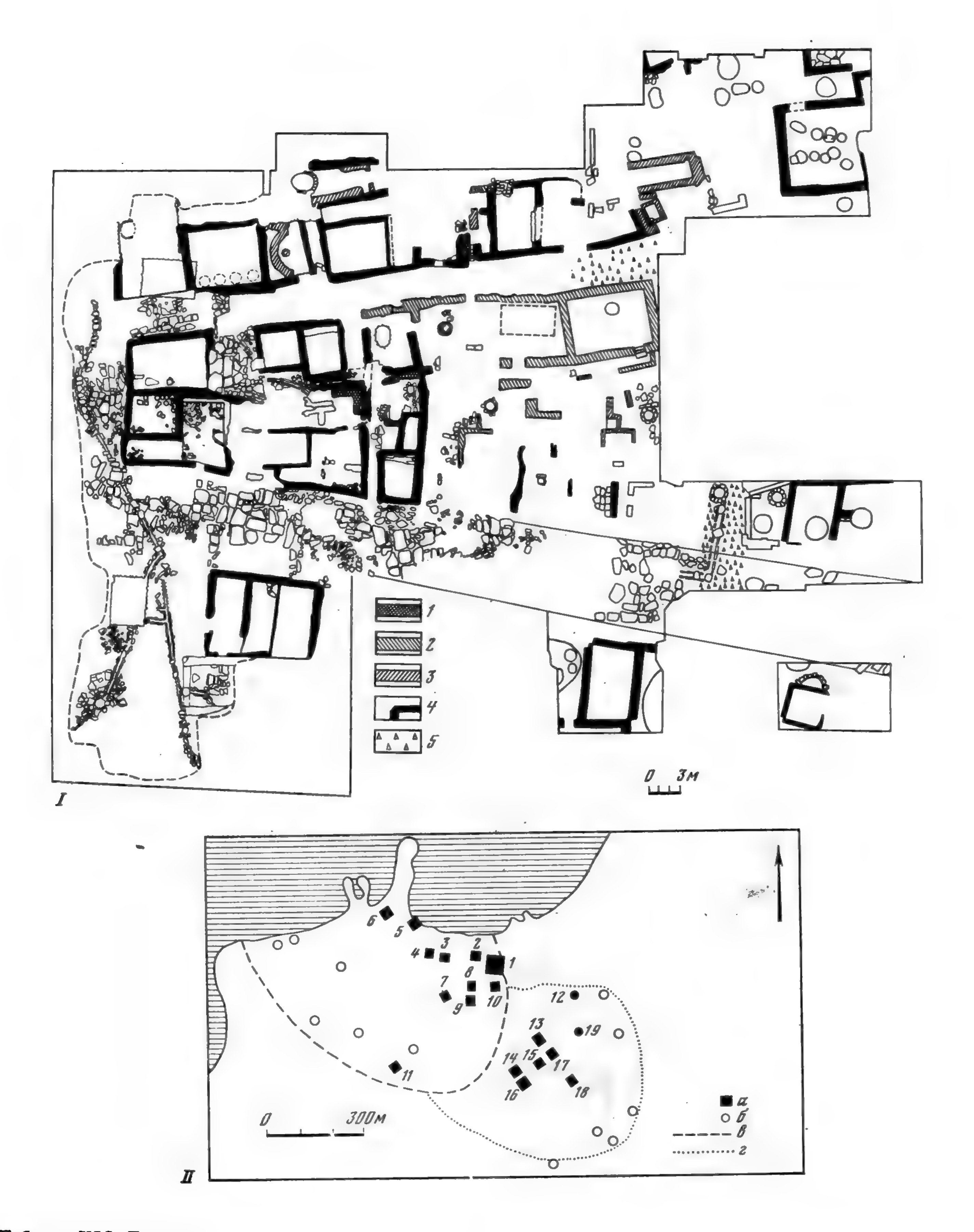


Таблица XLI. Горгиппия

I — план раскопа «Город»: *1* — кладка IV—III вв. до н. э.; *2* — кладка II в. до н. э.; *3* — кладка I в. н. э.; *4* — кладка II—III вв. н. э.; *5* — черепяные вымостки. II — расположение раскопов на территории г. Анапа — раскопы: *1* — Город (1960—1978); *2* — Лазурный (1970 г.); *3, 4* — Гостиница I (1961 г.) и II (1962 г.); *5* — Берег (1960 г.); *6* — Портовый (1970—1971 гг.); *7* — Центр (1977—1978 гг.); *8, 9* — Ткацкая фабрика (1971—1972; 1974—1975 гг.); *10* — Кубанский (1962 г.); *11* — Пансионат им. Н. К. Крупской (1970 г.); *12* — гробница 1976 г.; *13* — кинотеатр «Родина» (1954—1956 гг.); *14, 15* — Протапова II (1971—1972 гг.); *16* — Терская и Протапова (1974, 1975 гг.); *17, 18* — Астраханский (1957, 1963, 1964); *19* — склепы 1975 г.: *а* — раскопы; *б* — важнейшие находки; *в* — граница города; *г* — граница некрополя. Составители И. Т. Кругликова, Е. М. Алексеева

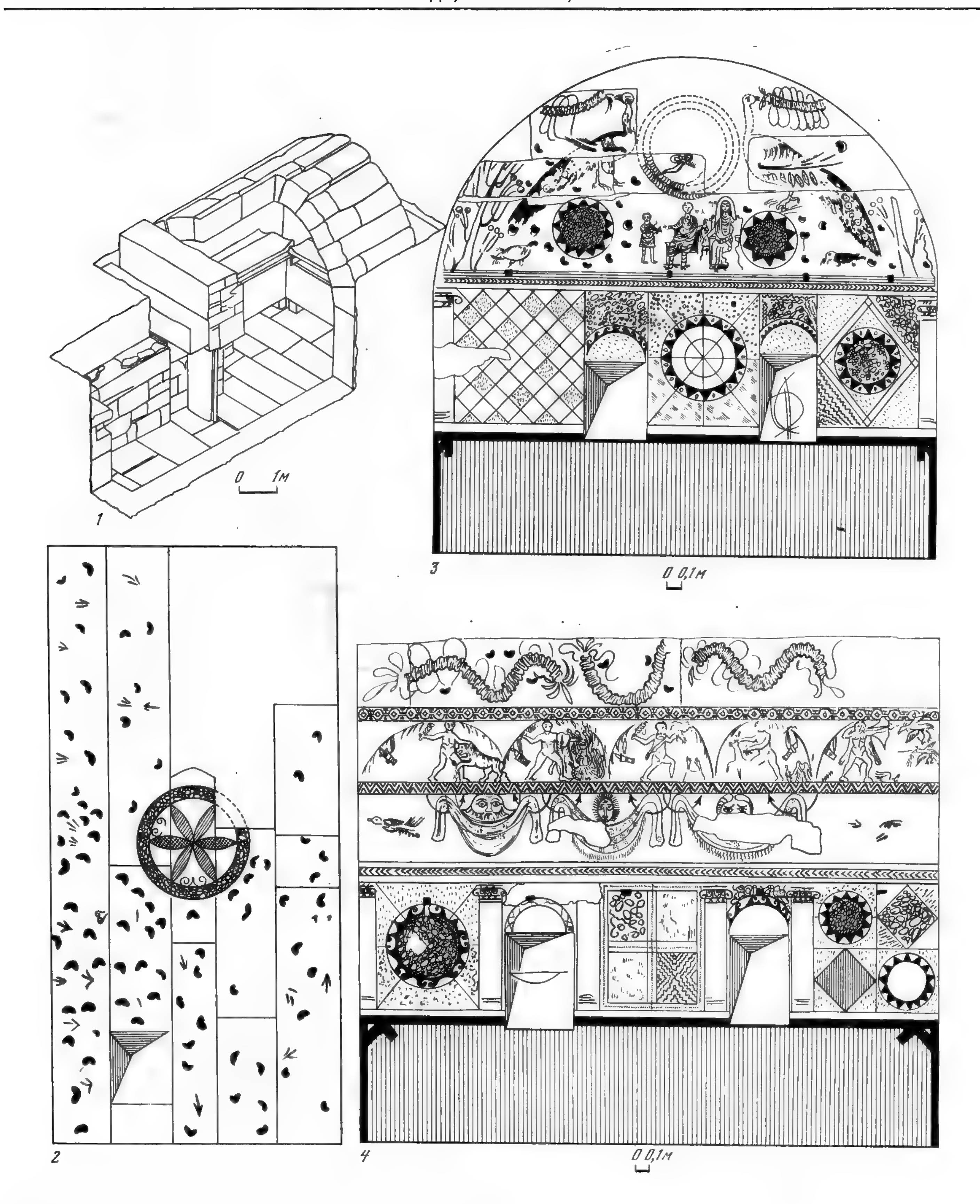


Таблица XLII. Горгиппия. Склеп 1975 г. II—III вв. н. э.:

1 — аксонометрия склепа; *2* — свод склепа; *3* — роспись стены напротив входа; *4* — роспись боковой стены. Составитель Е. М. Алексеева

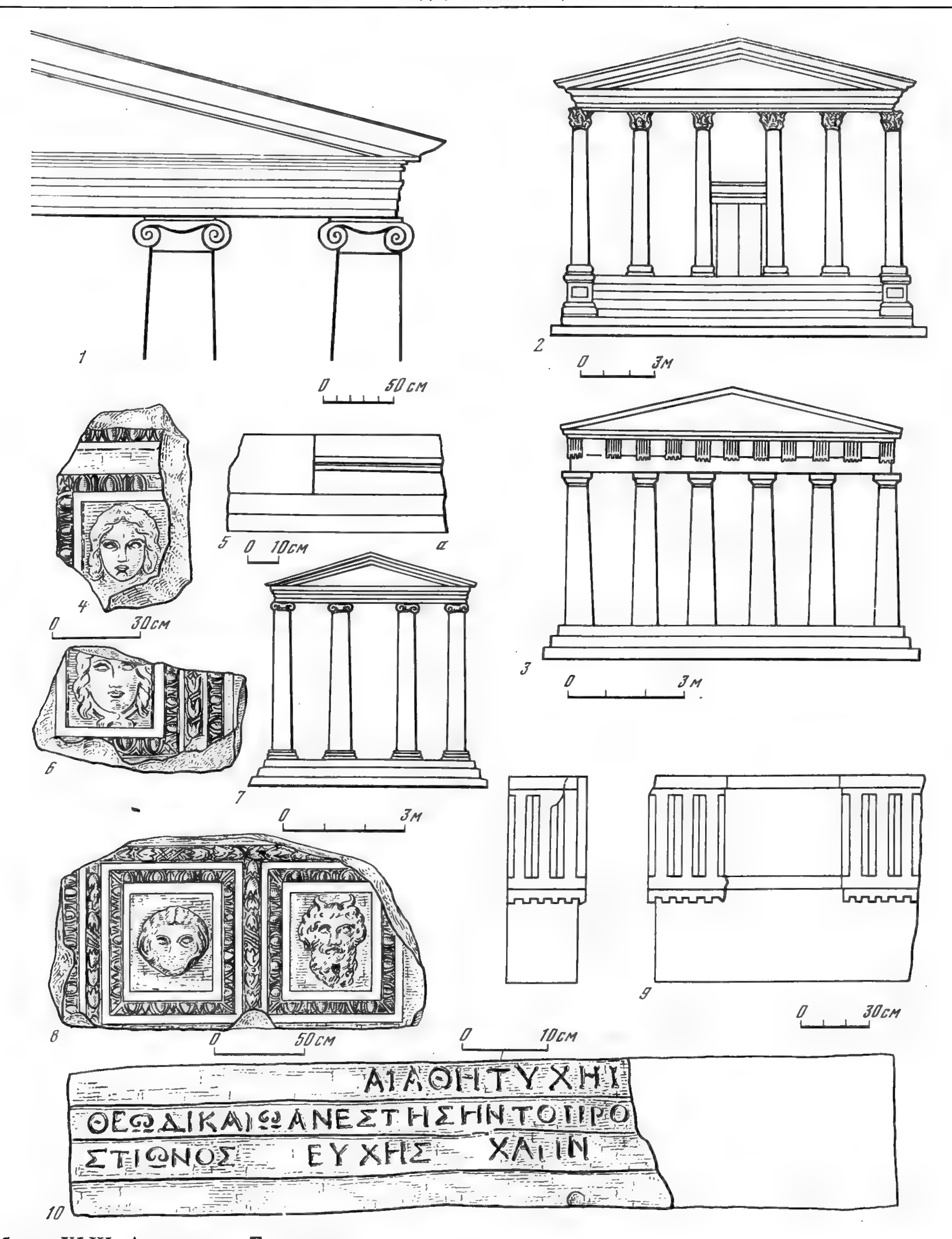


Таблица XLIII. Архитектура Горгиппии

1 — восстановление фрагмента фасада здания ионийского ордера; *2* — реконструкция храма коринфского ордера I—II вв. н. э.; *3* — реконструкция храма дорического ордера IV—III вв. до н. э.; *4, 6* — кассеты с горгонейоном (*4* — из Эрмитажа, *6* — из раскопок Анапы); *5* — фрагмент ионического антаблемента; *7* — реконструкция храма ионического ордера II—I вв. до н. э.; *8* — блок с двумя кассетами (изображения Силена и Пана) из Гай-Кодзора (Анапский район); *9* — фрагмент дорийского антаблемента; *10* — фрагмент ионического архитрава с посвящением «Богу высочайшему». Составитель В. К. Голенко по материалам Е. А. Савостиной (Савостина Е. А., 1980)

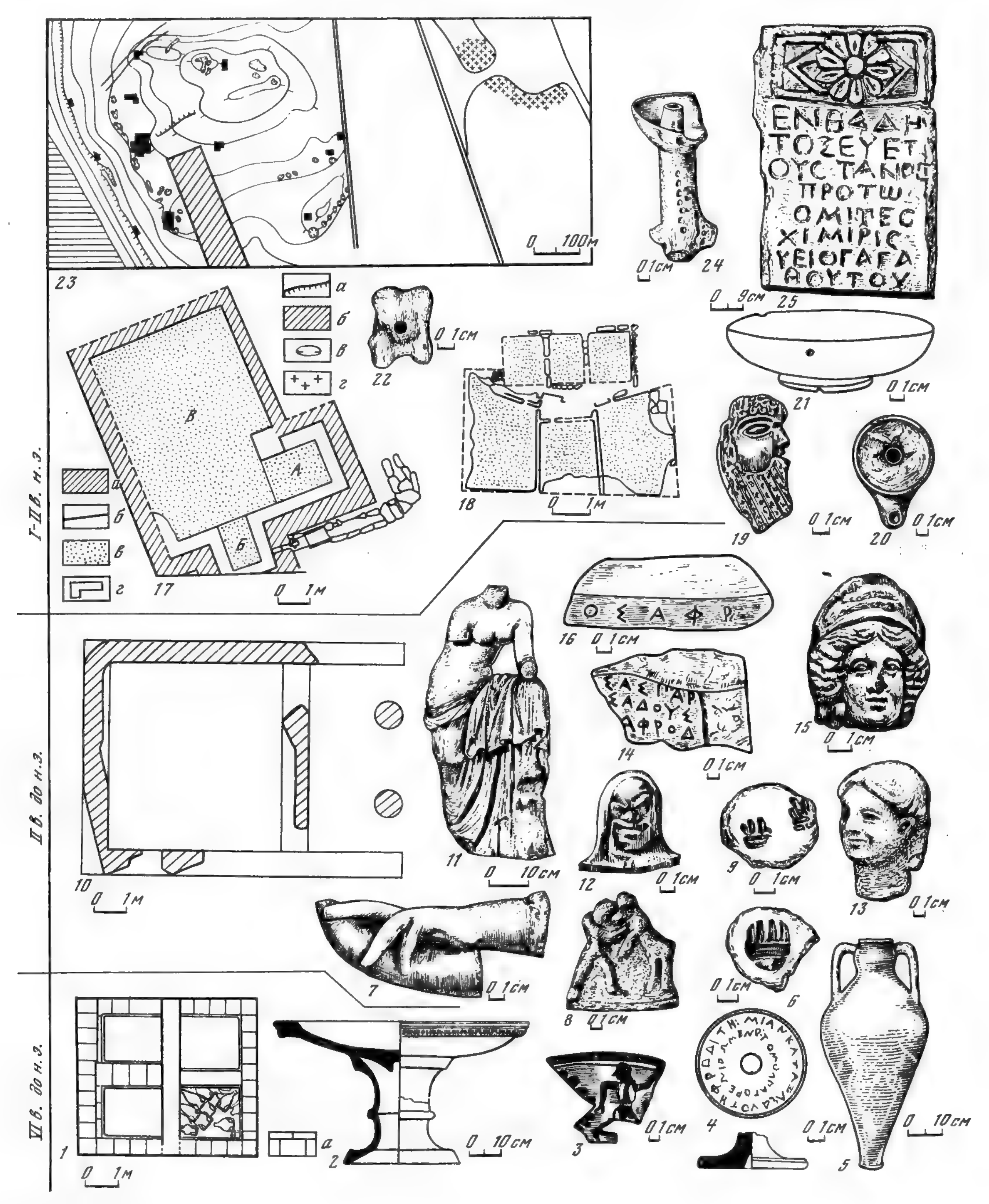


Таблица XLIV. Кепы

1 — план архаического дома; *2* — жертвенное блюдо; *3* — фрагмент расписного открытого сосуда VI в. до н. э.; *4* — ножка килика с граффито (нижняя плоскость, профиль); *5* — амфора VI в. до н. э.; *6* — клеймо кепской мастерской; *7* — мраморная женская рука с рогом изобилия; *8* — терракота — мальчик с козлом; *9* — клеймо кепской мастерской, навершие крышки леканы; *10* — план фундамента святилища II в. до н. э.; *11* — мраморная статуэтка Афродиты; *12* — фрагмент ручки сосуда с изображением комической маски II—I вв. до н. э.; *13* — голова Куроса VI в. до н. э.; *14* — мраморный постамент с посвящением Афродите; *15* — терракота — голова Афродиты I в. до н. э.— I в. н. э.; *16* — фрагмент мраморного жертвенного блюда с надписью; *17* — план терм I в. н. э. (*а* — фундаменты терм, *б* — мраморная облицовка, *в* — цемянковый пол, *г* — скамьи из цемянки); *18* — винодельня I в. н. э.; *19* — костяная пластина в виде головы Силена, аппликация мебели I в. до н. э.— I в. н. э.; *20* — светильник I в. н. э.; *21* — краснолаковая миска; *22* — игральная кость — астрагал; *23* — план городища и некрополя Кеп: *а* — береговой обрыв; *б* — поселок с огородами; *в* — ямы; *г* — некрополь Кеп; *24* — светильник III—IV вв. н. э.; *25* — позднеантичное надгробие. Составитель О. Н. Усачева

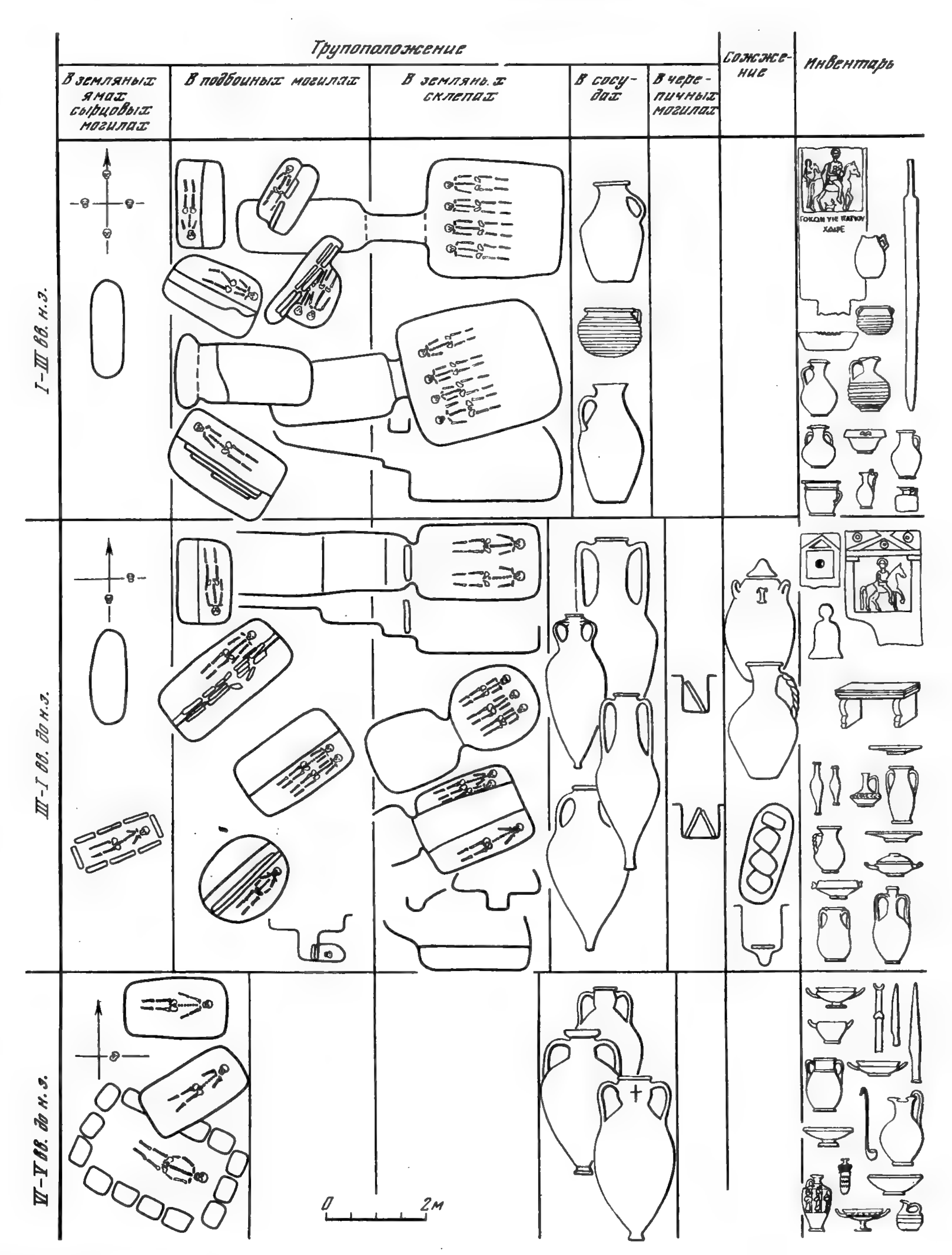


Таблица XLV. Некрополь Кеп

Составитель Н. П. Сорокина

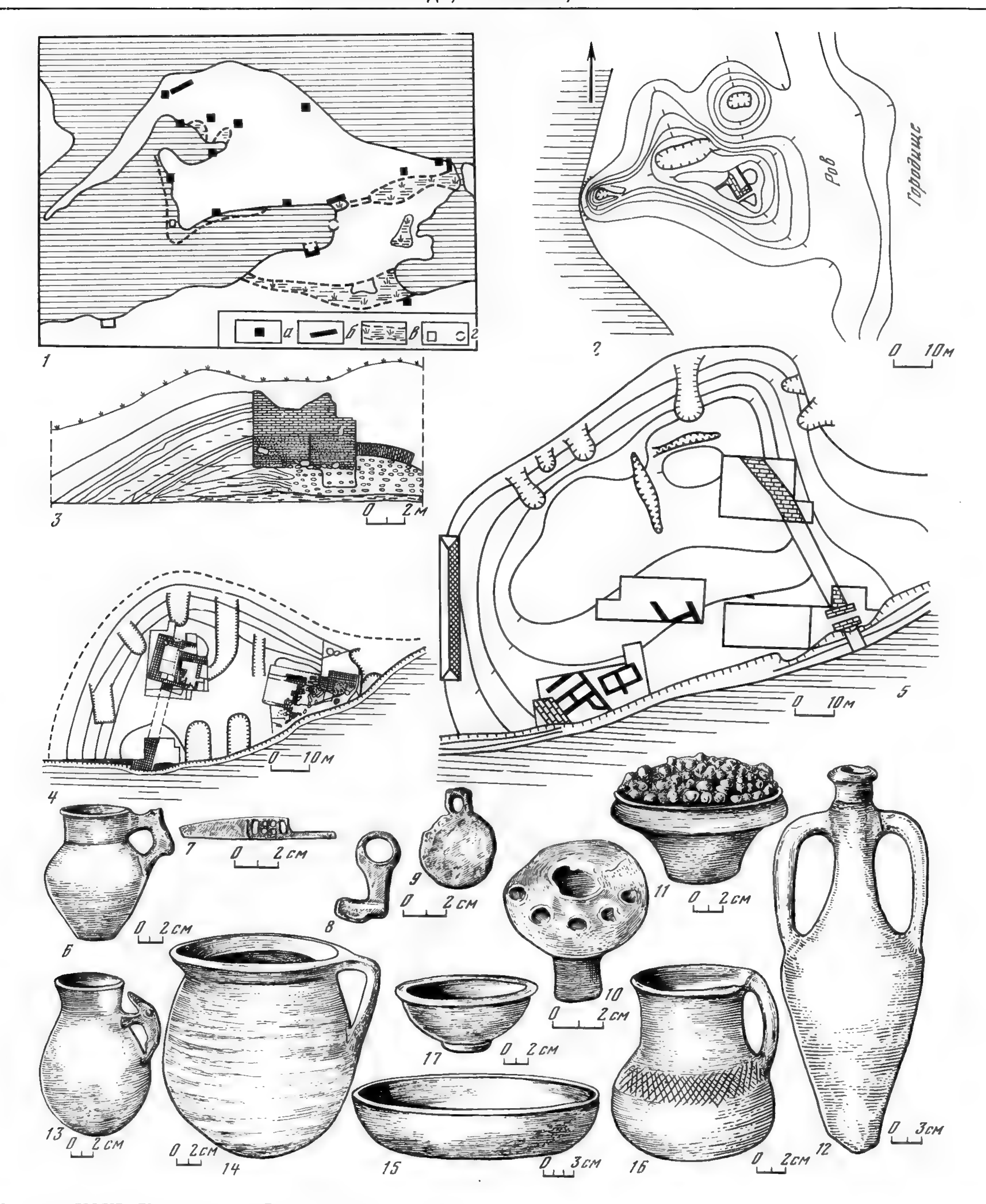


Таблица XLVI. Крепости на Фанталовском полуострове

1 — схема расположения крепостей; *2* — Каменная Батарейка, план; *3* — Батарейка I, разрез оборонительной стены и вала; *4* — Батарейка I, план сохранившейся части крепости; *5* — Патрей, план крепости; *6—17* — находки из раскопок различных памятников: *6* — лепной кувшин; *7* — фрагмент бронзового замка; *8* — железный ключ; *9* — бронзовое зеркало; *10* — светильник; *11* — краснолаковая чаша с обуглившимся виноградом; *12* — светлоглиняная амфора; *13* — сероглиняный кувшин; *14* — гончарный горшок; *15* — краснолаковое блюдо; *16* — лощеный кувшин; *17* — краснолаковая чаша: *а* — городища; *б* — валы; *в* — древняя береговая линия и заболоченные участки; *г* — древние города и поселения *6—11, 13, 14, 17* — Батарейка II; *12, 15, 16* — Батарейка I. Составитель Ю. М. Десятчиков

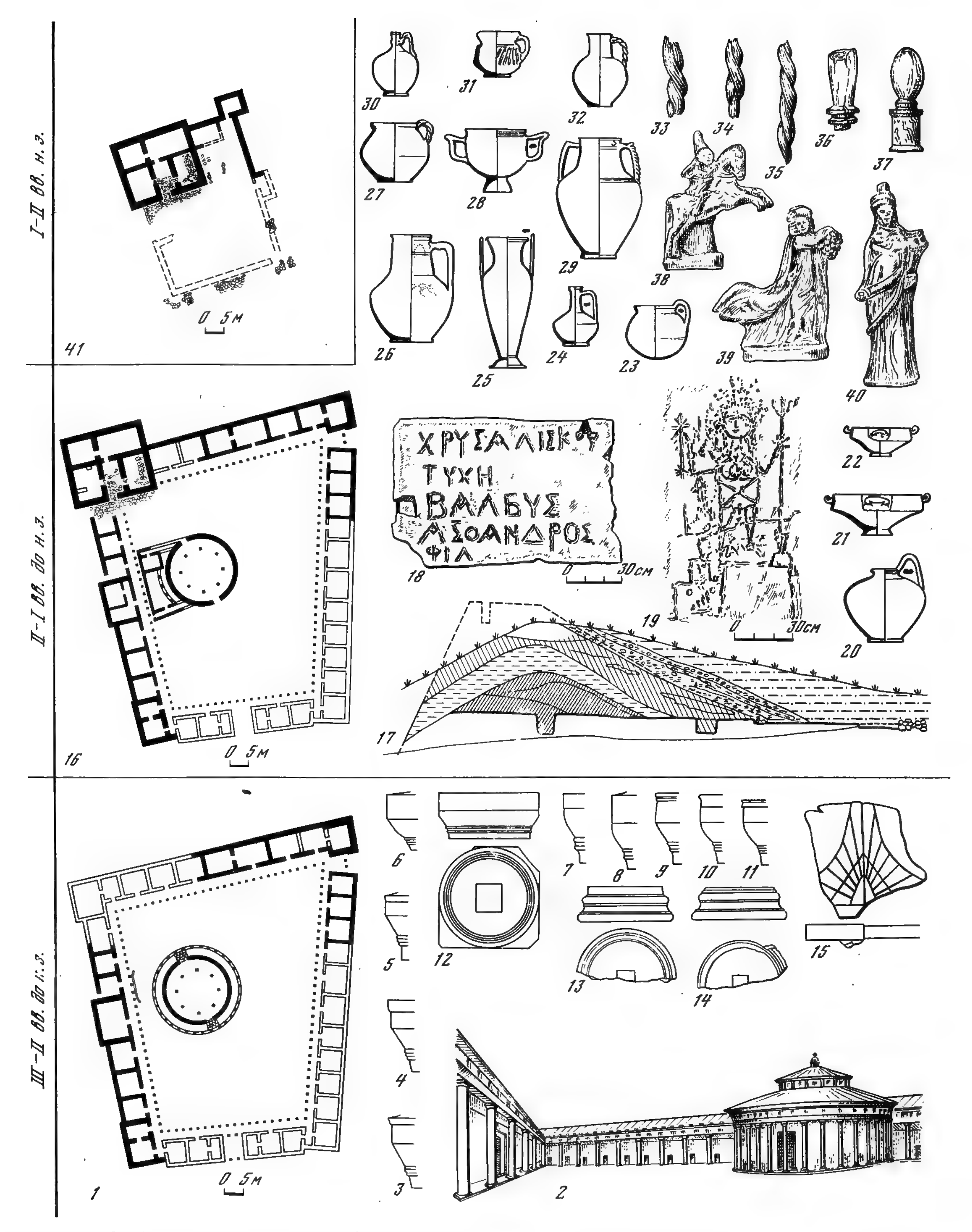


Таблица XLVII. Поселение у поселка «За Родину»

1 — реконструкция плана архитектурного ансамбля и толоса второй половины III — середины II в. до н. э.; *2* — реконструкция юго-западной части перистильного двора и толоса; *3—11* — профили капителей колонн дорического ордера; *12* — дорическая капитель: общий вид и вид снизу; *13—14* — базы ионийского ордера; *15* — фрагмент мраморных солнечных часов; *16* — план архитектурного ансамбля, превращенного в резиденцию Хрисалиска (конец II — конец I в. до н. э.); *17* — вал, разрез северной части; *18—40* — находки из дома Хрисалиска: *18* — плита с надписью; *19* — изображение на плите; *20—32* — керамика; *33—35* — обрывки веревки; *36—37* — части деревянной мебели; *38—40* — терракоты из домашнего святилища; *41* — реконструкция плана крепости I—II вв. н. э. Составитель Н. П. Сорокина



Таблица XLVIII. Тирамба (Пересыпь)

1 — зеркало бронзовое из могилы 106; *2* — скифос коринфский начала V в. до н. э. из могилы 106; *3* — аск начала V в. до н. э. из могилы 144; *4, 5* — миски V в. до н. э. из могилы 149; *6* — скифос чернолаковый V в. до н. э.; *7* — кувшин красноглиняный из склепа 78 II в. до н. э.; *8—12* — железные мечи-акинаки, наконечники копья и стрелы VI — начала V в. до н. э. из могилы 95, 88, 145; *13* — сероглиняный сосуд из склепа 78 II в. до н. э.; *14* — план склепа 78 (*а* — раскопы на территории некрополя; *б* — раскоп на городище); *15* — схематический план расположения раскопов. Составитель А. К. Коровина

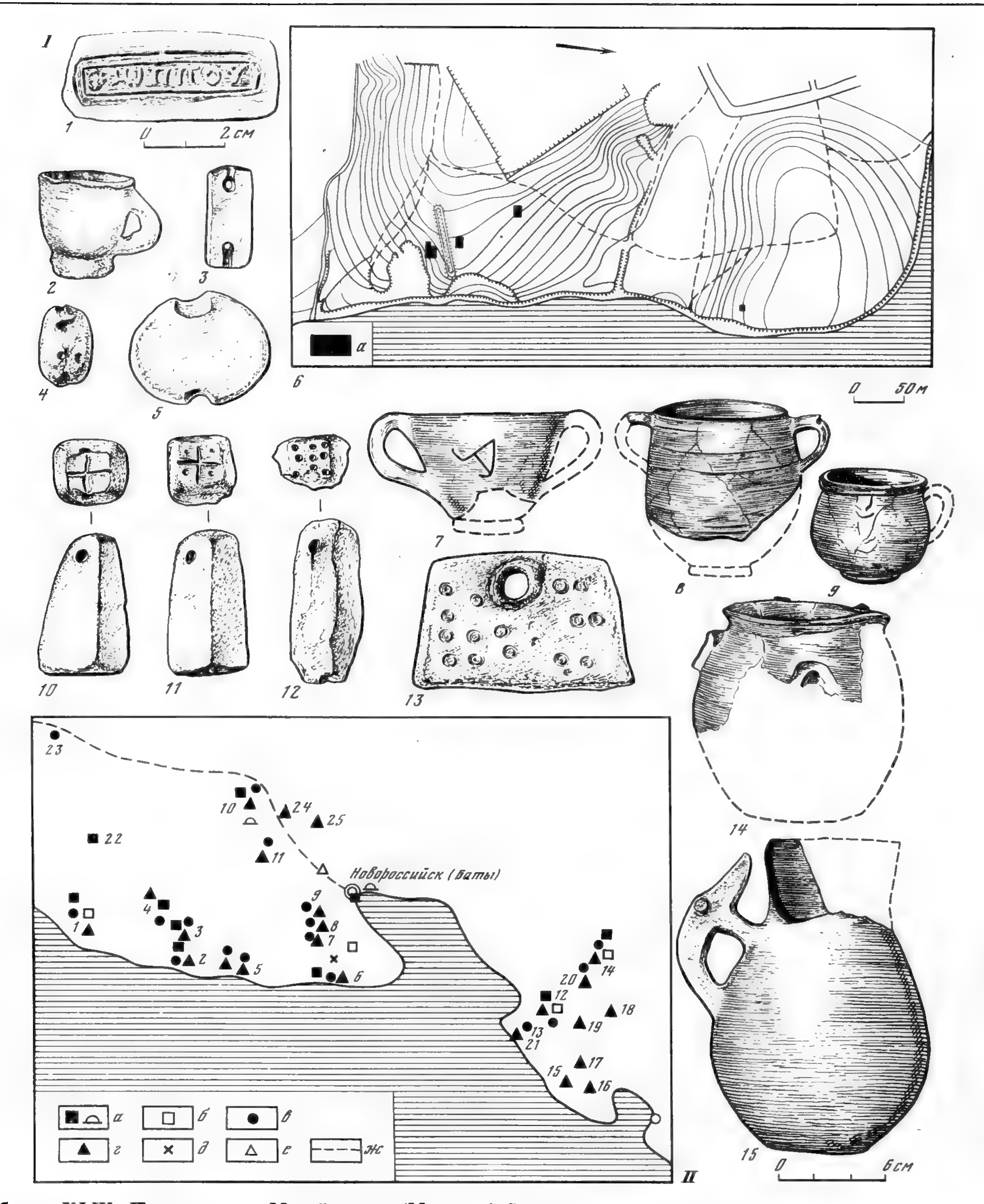


Таблица XLIX. Поселение на Малой земле (Мысхако) I.

1 — клеймо на ручке амфоры; *2* — лепная кружка; *3, 4* — глиняные грузила; *5* — каменное грузило; *6* — схематический план поселения (*а* — раскопанные участки); *7* — сероглиняный канфар; *8* — краснолаковый сосуд; *9* — коричневолаковый сосуд; *10—12* — глиняные грузила; *13* — керамическая плитка; *14* — лепной горшок; *15* — сероглиняный горшок. Поселения и могильники античного времени в районе Новороссийска и Геленджика II. *1* — Дюрсо; *2* — Южная Озерейка; *3* — Северная Озерейка I; *4* — Северная Озерейка II; *5* — Широкая Балка; *6* — Мысхако I (Малая земля) и Балка; *7* — Мысхако II; *8* — Мысхако III; *9* — Мысхако IV; *10* — Владимировка; *11* — Борисовка; *12* — Кабардинка I; *13* — Кабардинка II; *14* — Виноградный; *15* — Ашамба I; *16* — Ашамба II; *17* — Ашамба III; *18* — Ашамба IV; *19* — Ашамба V; *20* — Дооб I; *21* — Дооб II; *22* — Большие Хутора; *23* — Раевское; *24* — Цемдолинское; *25* — Кирилловское: *а* — поселения и могильники VI—III вв. до н. э.; *б* — поселения V—IV вв. до н. э.; *в* — поселения IV—I вв. до н. э.; *г* — поселения I в. до н. э. — первых веков нашей эры; *д* — могильник, доследованный В. В. Сизовым; *е* — случайная находка золотых изделий; *ж* — предполагаемая граница Боспора. Составитель Н. А. Онайко

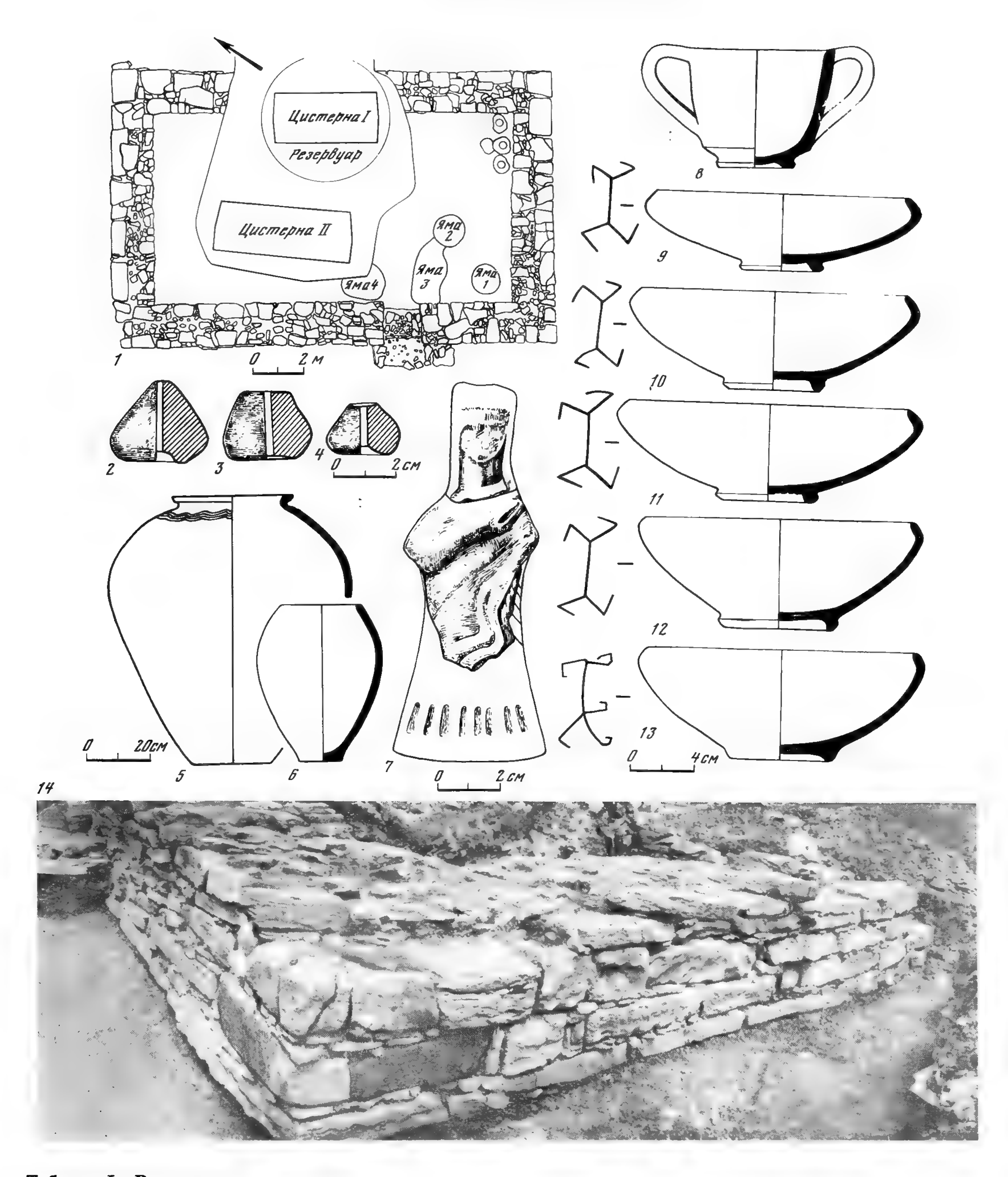


Таблица L. Владимирское поселение

1 — план здания; *2—4* — глиняные пряслица; *5* — пифос; *6* — лепной сосуд; *7* — часть терракотовой статуэтки богини; *8* — сероглиняный канфар; *9—13* — сероглиняные миски с тамгообразными знаками; *14* — юго-восточный угол здания (по материалам раскопок Н. А. Онайко в 1971 и 1977 гг.). Составитель Н. А. Онайко

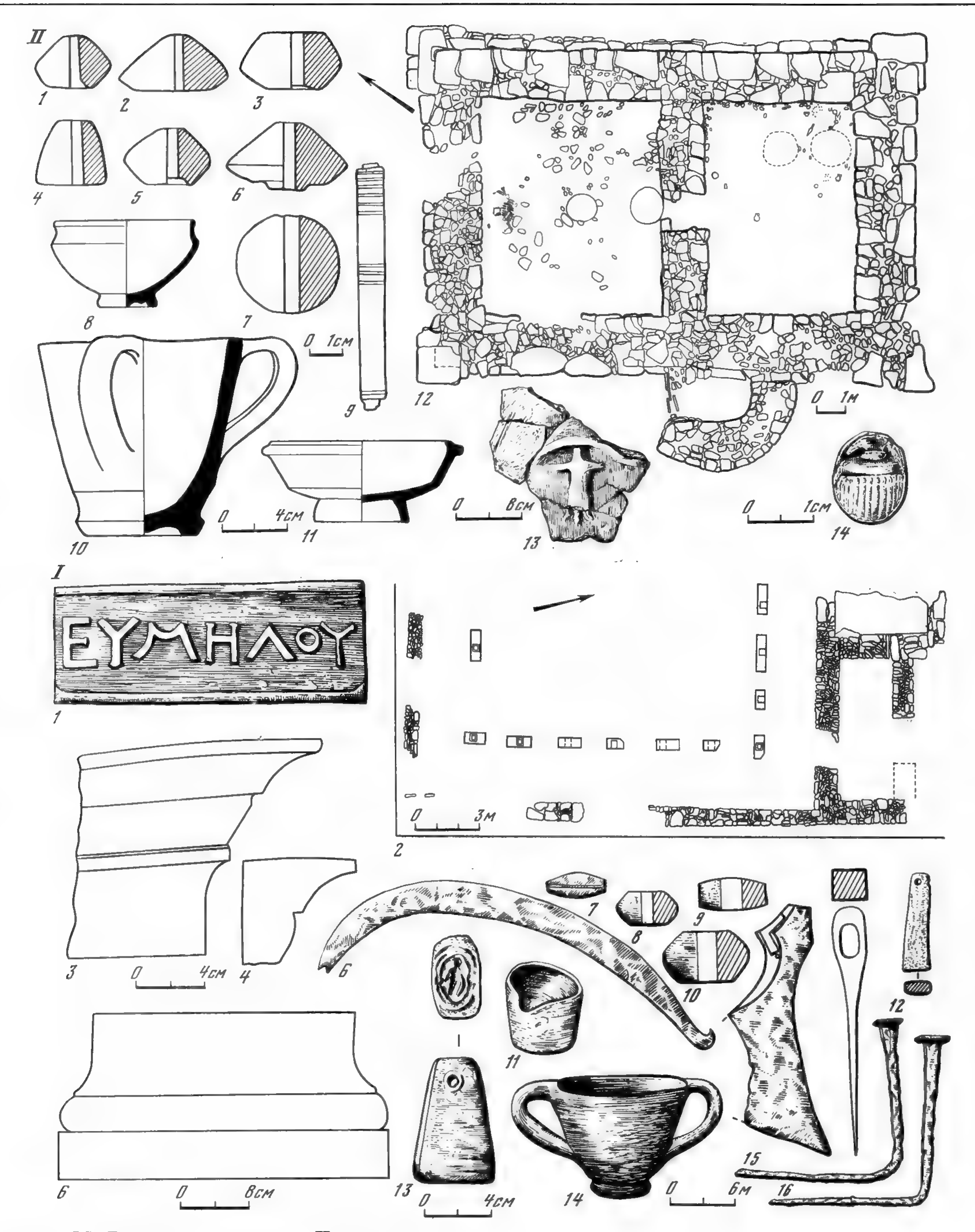


Таблица LI. Раевское городище и Цемдолинское поселение

I — Раевское городище: *1* — клеймо на горгиппийской черепице; *2* — план здания; *3* — фрагмент каменной капители; *4* — фрагмент каменного карниза; *5* — база столба; *6* — железный серп; *7* — сердоликовая буса; *8—10* — глиняные пряслица; *11* — глиняная льячка; *12* — точильный камень; *13* — глиняное грузило; *14* — сероглиняный канфар; *15* — топор; *16* — гвозди. II — Цемдолинское поселение: *1—7* — глиняные пряслица; *8* — краснолаковая чашечка; *9* — часть веретена (кость); *10* — сероглиняный трехручный канфар; *11* — простая чашечка; *12* — план здания; *13* — фрагмент лепного сосуда; *14* — скарабей. Составитель Н. А. Онайко

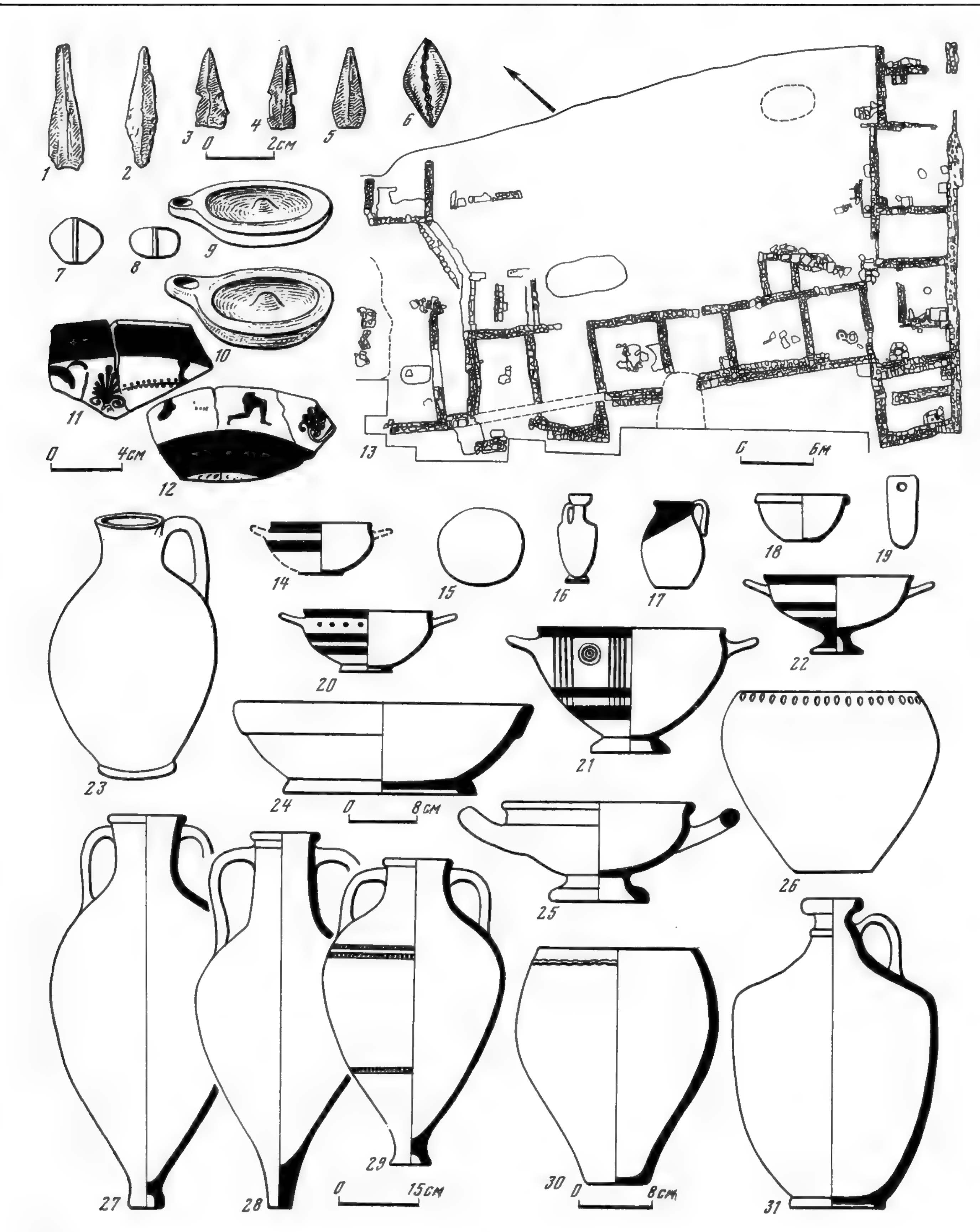


Таблица LII. Торик

1—5 — наконечники стрел; *6* — раковина каури; *7, 8* — глиняные пряслица; *9, 10* — светильники; *11, 12* — фрагменты чернофигурных сосудов; *13* — план здания; *14* — ионийский килик; *15* — глиняное грузило; *16* — лекиф; *17* — ионийский сосуд; *18* — ионийская чашечка; *19* — точильный камень; *20—22* — ионийские килики; *23* — ионийский кувшин; *24* — чаша; *25* — чернолаковый килик; *26, 30* — лепные горшки; *27—29* — амфоры; *31* — ионийский лекиф. Составитель Н. А. Онайко

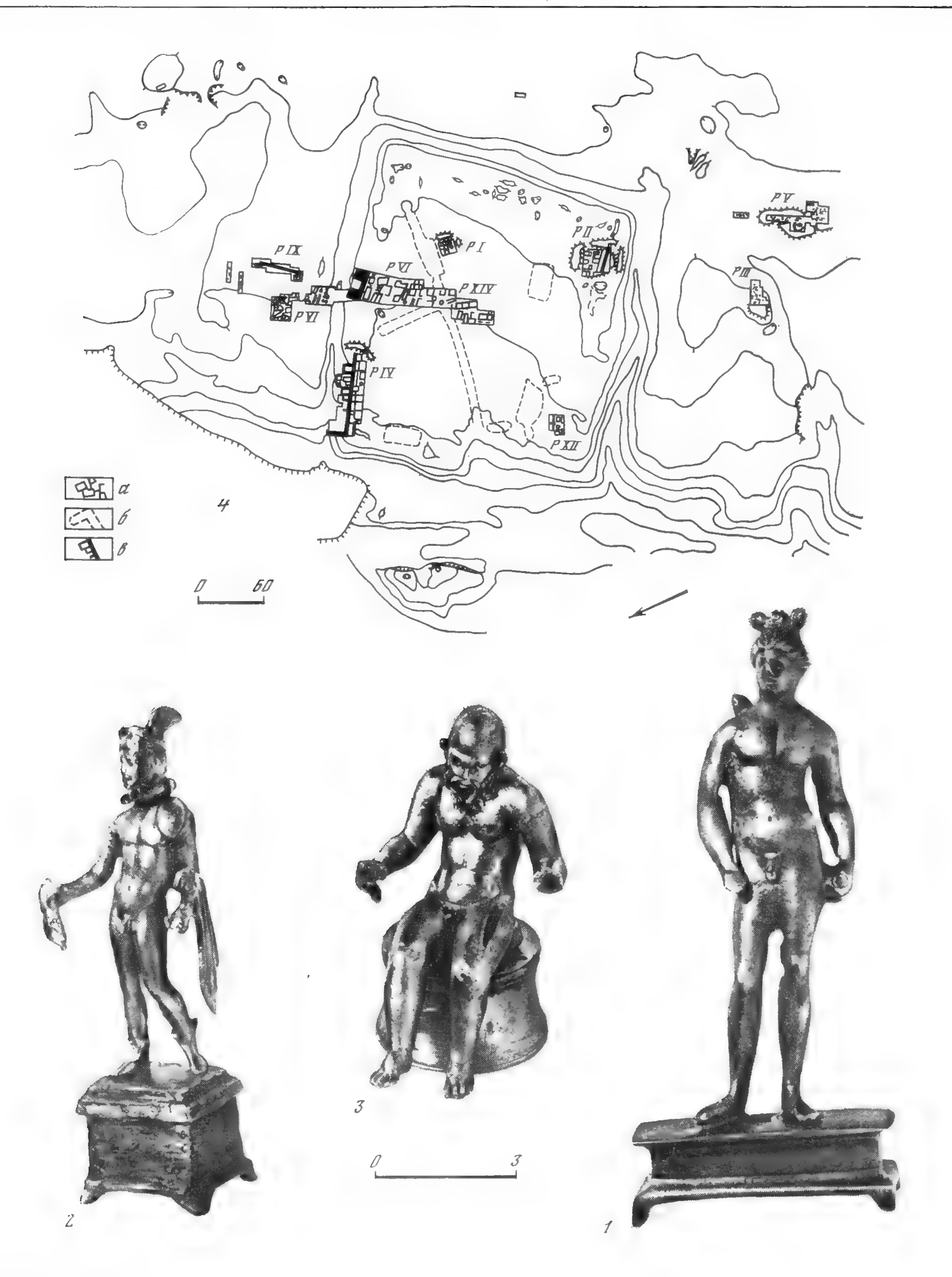


Таблица LIII. Танаис

1, 2, 3 — бронзовые статуэтки; *4* — план городища, снятый в 1958 г. Ю. Б. Самылиным с дополнениями Т. М. Арсеньевой: *а* — раскопы; *б* — следы прежних траншей и раскопов; *в* — городские стены. Составитель Т. М. Арсеньева

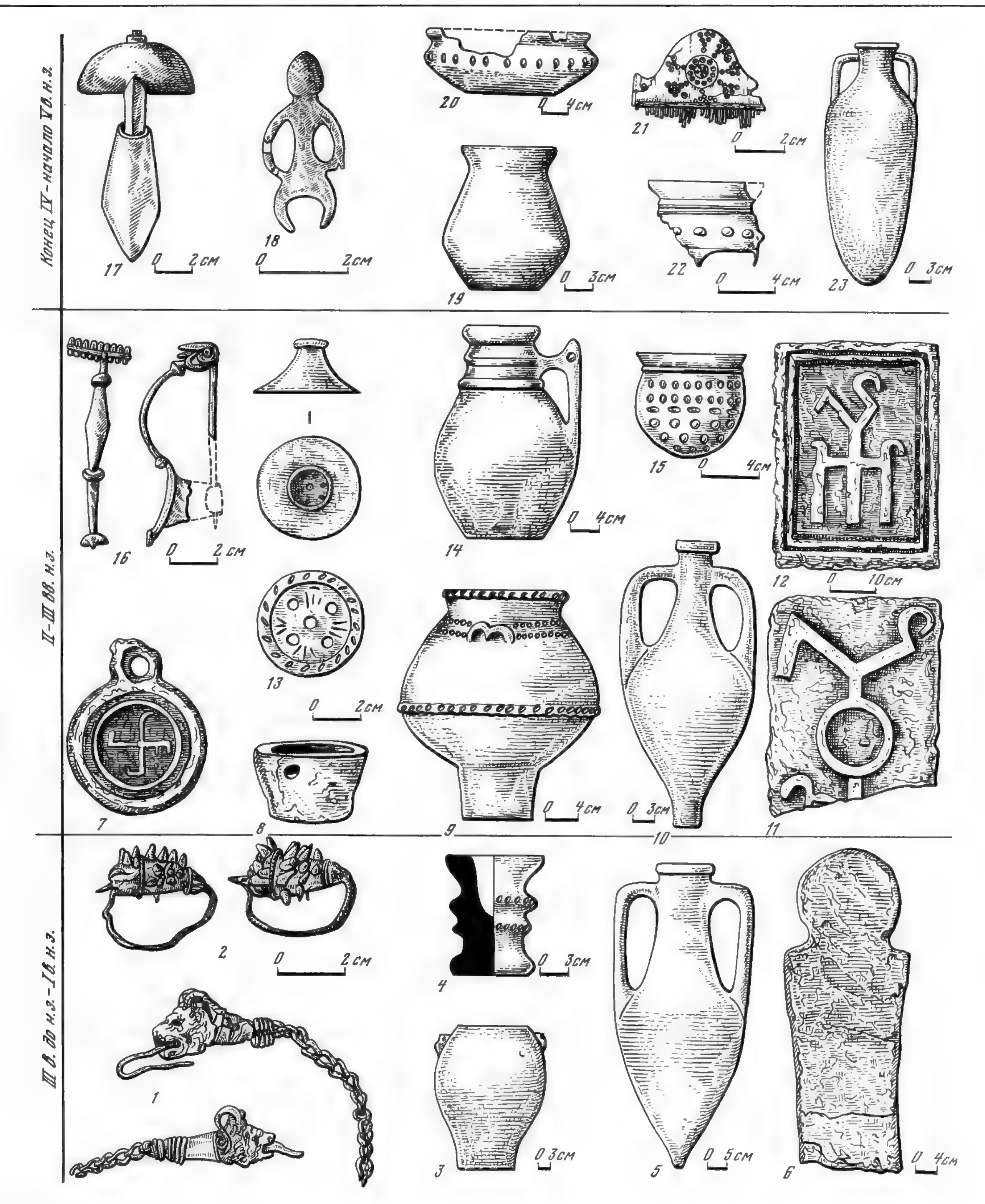


Таблица LIV. Танаис

1 — цепочка с головами грифонов на концах II в. до н. э.; *2* — серьги II в. до н. э.; *3* — лепной горшок, I в. н. э.; *4* — лепная курильница, III—II вв. до н. э.; *5* — родосская амфора II в. до н. э.; *6* — антропоморфное надгробие; *7* — зеркало, II—III вв.; *8* — лепная курильница, II—III вв.; *9* — лепной горшок, первая половина III в.; *10* — светоглиняная амфора, первая половина III в.; *11, 12* — плиты с рельефными тамгообразными знаками боспорских царей; *13* — штамп, первая половина III в.; *14* — серолощеный кувшин с зооморфной ручкой; *15* — фиала, первая половина III в.; *16* — фибула, II — первая половина III в.; *17* — фибула, IV в. н. э.; *18* — бляшка, конец IV — начало V в.; *19* — лепной горшок, конец IV — начало V в.; *20* — лепная миска, конец IV — начало V в.; *21* — гребень, конец IV — начало V в.; *22* — фрагмент фиалы, конец IV — начало V в.; *23* — амфора, конец IV — начало V в.

1, 2 — золото; *3—5, 8—10, 13, 14, 19, 20, 23* — глина; *6, 11, 12* — камень; *7, 16, 18* — бронза; *15, 22* — стекло; *17* — серебро; *21* — кость. Составитель Т. М. Арсеньева

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Материальная и духовная культура

Глава шестая
Сельское хозяйство и промыслы

Глава седьмая
Ремесленное производство

Глава восьмая
Торговля

Глава девятая
Военное дело

Глава десятая
Градостроительство и архитектура

Глава одиннадцатая
Культура и религия

Глава двенадцатая
Быт

Глава шестая
Сельское хозяйство и промыслы

В античном обществе сельское хозяйство было основой экономики. В нем было занято подавляющее большинство населения. Об уровне развития сельского хозяйства и об организации сельскохозяйственного производства в античных государствах Северного Причерноморья мы можем судить по письменным и археологическим источникам. Греки, переселившись в Северное Причерноморье, использовали здесь привычные им методы обработки почвы и орудия труда. У них издавна существовала система двуполья. В Херсонесе, отведенная под пашню земля была разделена на две равные части (*Блаватский В. Д.*, 1953б, с. 71; *Стржелецкий С. Ф.*, 1961, с. 65). Поля периодически оставляли под паром, меняли культуры, сеяли яровые и озимые. Вероятно, к Северному Причерноморью так же, как и к другим понтийским странам можно отнести замечание Феофраста (VIII, 4, 6), что яровая пшеница там отличается твердостью, а озимая — мягкостью и легковесностью, и что «тамошние жители производят, по-видимому, посев всех хлебов в два срока зимой и весной, когда сеются бобовые». Для повышения урожайности почвы применяли искусственное орошение, террасирование и удобрение. Так у с. Айвазовское, был открыт оросительный канал. На клерах херсонесской хоры, расположенных даже на пологих склонах, почвенный слой укреплялся с помощью подпорных стен, образующих террасы. На Боспоре террасы обнаружены вблизи поселения у с. Семеновки. Для удобрения почвы применяли навоз. Землю перед посевом вспахивали с помощью деревянного рала, которое, вероятно, тянула упряжка волов. Изображение рала имеется на пантикапейской монете III—II вв. до н. э. (табл. LV, *2*). Железные наральники, укреплявшиеся на полозе найдены во многих центрах Северного Причерноморья (*Стржелецкий С. Ф.*, 1961, с. 85; *Кругликова И. Т.*, 1959б, с. 137; *Сокольский Н. И.*, 1963в, с. 189, рис. 7, *1*). (табл. LV, *1*, *4—7*, *9*). Все эти наральники выкованы из брусков длиной от 24 до 36 см, внизу они уплощены и расширяются в виде лопаточки с острыми краями, вверху сужаются и загибаются в виде шипа для прикрепления к деревянной основе. В 1978 г. в Танаисе был найден наральник другого типа, выкованный в виде плоского листа, заостряющегося внизу с загнутыми боковинами для обхвата острия деревянного рала. Его длина 17 см, наибольшая ширина 8,5 см (табл. LV, *8*).

Мы не знаем, были ли в Северном Причерноморье специальные приспособления для переворачивания пластов земли при вспахивании паров, хотя в Греции они известны. Для разбивания комков земли после пахоты пользовались колотушами и мотыгами различных размеров и форм (табл. LV, *10—18*). Двусторонние мотыги обнаружены на о. Березань и в Ольвии (*Лапин В. В.*, 1966, с. 125); мотыга IV в. до н. э. с широкой режущей частью и длинной втулкой найдена на усадьбе Панское I (табл. LV, *11*). Мотыги другого типа — с заостряющимся в виде треугольника лезвием и утяжеленной верхней частью найдены в Горгиппии в слое III—II вв. до н. э. и у хут. Рассвет (I в. до н. э.— I в. н. э.) (табл. LV, *12*, *13*). У с. Ново-Отрадное и в Горгиппии в помещениях III в. встречены массивные мотыги шириной до 30 см с утяжеленной верхней частью и округлым лезвием (табл. LV, *16*). Одновременно употреблялись и узкие мотыжки или корнекопалки с втулкой или с загибающимися краями, их длина до 21,5 см и наибольшая ширина 2,5 см. Они известны в Ольвии, на Боспоре и в Прикубанье (табл. LV, *14*, *15*, *17*) (*Блаватский В. Д.*, 1953б, с. 108; *Анфимов Н. В.*, 1941, с. 262, рис. 6). Известна одна двузубая мотыга, вероятно, III—IV вв. н. э. высотой 0,38 м из Харакса (табл. LV, *18*; *Блаватский В. Д.*, 1961а, с. 225, рис. 4, *1*).

Для уборки урожая пользовались железными серпами и косами. Они найдены во многих центрах Северного Причерноморья (*Блаватский В. Д.*, 1953б, с. 110 сл., *Анфимов Н. В.*, 1941, с. 262; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 98; *Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 173—176). (табл. LV, *19—32*). Их форма и размеры различны. Серп из Киммерика имел втулку для деревянной рукояти, которая укреплялась специальным штырем. Иногда на тупом конце серпа был шип, забивавшийся в дерево рукояти как у серпа из Танаиса или конец его загибался, охватывая рукоять кольцом, как например, у серпа из станицы Елизаветинской. В отличие от серпов, косы имеют более удлиненное и менее изогнутое лезвие, а стержень, к которому прикрепляется деревянная рукоять находится у них под углом от 20 до 35° по отношению к плоскости лезвия. Косы найдены в Илурате и в Семеновке. Длина их 45—46 см, вместе со стержнем рукояти. Известны два типа кос: с широким малоизогнутым лезвием и закругляющимся, слегка загнутым вверх концом (табл. LV, *27*) и второй тип — косы с более узким лезвием и заостренным концом (табл. LV, *26*, *28*). Скошенные хлеба свозили на ток и молотили с помощью волов, мулов и лошадей, которые ходили по кругу и копытами выбивали зерна из колосьев. Провеянное зерно ссыпали в зерновые ямы, пифосы или крупные амфоры, иногда, возможно, в каменные лари. В Ольвии в доме II в. до н. э. было найдено не менее 12 пифосов (*Фармаковский Б. В.*, 1906, с. 74, 75). В Семеновке почти в каждом из помещений были каменные лари и крупные амфоры, в одном из помещений зерно хранилось в плетеной корзине, но для длительного хранения использовались зерновые ямы (*Зеест И. Б.*, 1948а, с. 81 сл.; *Бураков А. В.*, 1976, с. 130, рис. 40). Обычно ямы имели грушевидную или колоколовидную форму. У всех ям, кроме

вырубленных в скале, стенки специально обкладывались камнем, обмазывались глиной и обжигались. Иногда ямы были очень большими. В Ольвии известно зернохранилище III в. до н. э. в виде ямы глубиной 6,1 м с диаметром дна 4,4 м. В нее могло уместиться почти 60 м³ зерна (*Блаватский В. Д.*, 1953б, с. 130—131). Такими же вместительными были ямы в Киммерике. Их глубина достигала 6,5 м, диаметр дна — 4,5 м. В них могло храниться по 76 м³ зерна. Вокруг ямы сооружали небольшую каменную загородку, а устье ее закрывали каменной круглой плитой с отверстием — продухом в центре. Но подавляющее большинство зерновых ям имели глубину 2—3 м. Иногда зерно приходилось подсушивать на глинобитных плитах, покрывавших печи. Такие печи, приспособленные для сушки зерна, открыты в Танаисе (табл. LVI, *4*) и, возможно, в Ольвии (*Леви Е. И.*, 1951, с. 184). В одном из помещений Козырского городища из печи по трубам теплый воздух поступал в специальный отсек, являвшийся зерносушилкой (*Бураков А. В.*, 1976, с. 34).

Просо и другое зерно толкли обычно в каменных ступах, вероятно, деревянными пестами. Ступы высекались из крупных каменных блоков и имели круглое чашевидное углубление — 0,3—0,5 м (табл. LVI, *3*). Для приготовления муки зерно растирали на каменных жерновах. Наиболее древние и примитивные из них имели вид овального камня, одна из сторон которого была плоско стесана (табл. LVI, *1*, *2*). Работали другим, значительно меньшим по размерам овальным или круглым камнем, которым водили по жернову. С эпохи эллинизма распространяются более усовершенствованные и крупные ручные мельницы из очень плотного камня-конгломерата. Они состояли из двух прямоугольных или круглых плит — верхняя из которых в центре имела отверстие, а часто и конусовидное углубление, в которое засыпали зерно. В пазы верхней плиты укрепляли рычаг с помощью которого верхний жернов приводили в движение (табл. LVI, *5—10*); (*Зеест И. Б.*, 1950, с. 99).

Основными зерновыми культурами были пшеница, ячмень, просо. Кроме того, культивировались чечевица, вика, чечевицеобразная чина и зернобобовые культуры (*Блаватский В. Д.*, 1953а, с. 79). Эти злаки были известны местным племенам и издавна ими выращивались. Часть злаков греки могли привезти с собой из Средиземноморья, как например, гречиху, культивируемую в Херсонесе и, возможно, на Нижнем Дону (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 381; *Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 77) или полбу, зерна которой и их отпечатки на глине лепных сосудов найдены на Боспоре (*Яковенко Э. В.*, *Янушевич Э. В.*, 1969, с. 163). Рожь в Северном Причерноморье в ранний период являлась сорняком, сопутствовавшим пшенице. Зерна ржи найдены на многих поселениях в слоях VI—III вв. до н. э. обычно в небольших количествах. В первые века нашей эры рожь культивировали уже как самостоятельную культуру на поселениях Нижнего Дона (*Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 76), и, вероятно, в Крыму, где она обнаружена на городище Алма-Кермен (*Щеглов А. Н.*, 1976б, с. 120). Среди найденных зерен пшеницы преобладает сорт мягкой. Кроме нее, встречались зерна пшеницы твердой, карликовой и пшеницы двузернянки (полбы). Именно два последних сорта изображены на золотых пантикапейских монетах IV в. до н. э. (табл. LVI, 11,13); (*Кругликова И. Т.*, 1967а, рис. 36). Феофраст в «Исследовании о растениях» (VIII, 4, 5) определяет понтийскую пшеницу как легковесную. Он пишет, что яровая пшеница в припонтийских странах, отличается твердостью, а озимая — мягкостью и эта мягкая пшеница очень легковесна. Это совпадает с утверждением Плиния Старшего (XVIII, 66), что самыми легкими из пшениц импортируемых в Рим, являются привозимые из Галлии и Херсонеса. Преобладание мягкой пшеницы в Северном Причерноморье подтверждается находками зерен при раскопках античных поселений. Такое же широкое распространение получил ячмень двурядный и многорядный. Его изображения можно видеть на пантикапейских монетах II в. до н. э. (табл. LVI, *12*) (*Зограф А. Н.*, 1951, табл. XI, *19*). Свидетельством широкого распространения этих культур являются находки зерен ячменя, пшеницы, ржи, полбы, проса, чечевицы, гороха при археологических раскопках на многих памятниках Северного Причерноморья (*Зеест И. Б.*, 1961, с. 54; *Фляксбергер К. А.*, 1940, с. 118; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 95—96; *Яковенко Э. В.*, *Янушевич Э. В.*, 1969, с. 163; *Стржелецкий С. Ф.*, 1961, с. 84—85; *Блаватский В. Д.*, 1953а, с. 77, 78, 81; *Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 76; *Кирьянов А. В.*, 1962, с. 96).

Набор хлебных и бобовых злаков в течение более чем тысячелетнего существования античных государств в Северном Причерноморье существенно не изменился. Вполне возможно, что там культивировали также коноплю. По свидетельству Геродота (IV, 74), в Скифии росла конопля, похожая на лен, но значительно превосходящая его по толщине и высоте.

Огороды и сады. Огороды были обязательной частью земельных участков, особенно расположенных вблизи крупных городов. Но археология пока не дает нам возможности охарактеризовать огородные культуры, выращиваемые в Северном Причерноморье. Геродот (IV, 17) сообщает, что каллипиды и алазоны выращивали лук и чеснок. Феофраст (VII, 13, 8; IX, 13, 2) упоминает о сладких луковицах, растущих в Херсонесе Таврическом, т. е. в Крыму и о сладком «скифском корне», который рос около Меотиды. При раскопках некрополя Херсонеса в могилах обнаружили семена огурцов, арбузов и дынь (*Стржелецкий С. Ф.*, 1961, с. 86, 203; рис. 60). Обязательной частью античной сельской усадьбы были также и сады. О наличии садов на Боспоре можно судить по названию одного из его городов, основанных в конце VI в. до н. э.— «Кепы», т. е. сады или сад. Из сочинений древних авторов мы узнаем о некоторых видах фруктовых деревьев, культивировавшихся на Боспоре. О смоковницах и гранатовых деревьях, которые росли на Боспоре около Пантикапея упоминает Феофраст (IV, 5, 3), он говорит также о том, что там много груш и яблонь различных сортов и хорошего качества. Аналогичные сведения приводит и Плиний (XVI; 137).

Находки косточек фруктовых деревьев (алычи и черешни или вишни) на таврском поселении Уч-Баш начала I тысячелетия до н. э. (*Стржелецкий С. Ф.*, 1961, с. 80) и свидетельство Геродота (IV, 109) о садоводстве у гелонов, позволяют пред-

положить, что в Северном Причерноморье еще до прихода греков были местные виды плодовых деревьев (*Блаватский В. Д.*, 1953б, с. 35). Нет сомнений, что греки— искусные садоводы, умевшие выводить новые сорта фруктов с помощью прививки и превращать дикорастущие сорта в садовые, на новых землях, наряду с хлебопашеством и виноградарством, занимались также и садоводством. Ссохшееся яблоко, косточки сливы-алычи, груши, айвы, обуглившиеся плоды смоковницы, миндаль, каштаны, грецкие и лесные орехи неоднократно находили при раскопках (*Фляксбергер К. А.*, 1940, с. 118; *Дирин А. А.*, 1896, с. 127; *Петерс Б. Г.*, 1965, с. 125; *Сокольский Н. И.*, 1967б, с. 114, рис. 43, 5; 1971, с. 23).

На некоторых клерах жителей Херсонеса фруктовые сады занимали примерно 1/5 или 1/7 доли всей площади земельного участка. Они обычно располагались с северной стороны от виноградников, образуя как бы ветрозащитную полосу. Исследования участков внутри херсонесских клеров позволили С. Ф. Стржелецкому выявить два способа посадки фруктовых деревьев: в канавки и ямы. Оба способа были известны в Средиземноморье. В Херсонесе при посадке канавками поперек склонов закладывались траншеи глубиной до 1 м, шириной до 1,5 м. Между двумя траншеями на полосе шириною около 1 м складывались куски вынутой скалы, образуя плантажную стену. Отступая 2 м, сооружалась следующая пара траншей. Таким образом, между плантажными стенами были пятиметровые полосы, по сторонам которых в шахматном порядке высаживались деревья на расстоянии 6 м одно от другого вдоль канавы. При посадке деревьев в ямы между ними тоже выдерживались промежутки по 5—6 м.

На поселениях Боспора и в Херсонесе находили железные садовые или виноградарские ножи, иногда удлиненные как в Семеновке или у хут. Рассвет (табл. LVII, *6*, *10*), иногда очень короткие, слабо изогнутые, укреплявшиеся на длинной деревянной или металлической рукояти, типа мирмекийского (табл. LVII, *7*) или ножей IV в. до н. э. из Кеп (табл. LVII, *1*), иногда промежуточной формы. В Херсонесе был найден железный нож виноградаря III—II вв. до н. э. длиной 23 см с длиной лезвия 16,2 см, толщиной 0,3 см, с выступом в виде топорика (табл. LVII, *4*). Виноградарский нож обнаружен в большом доме III в. до н. э. на поселении у санатория «Чайка» под Евпаторией (табл. LVII, *2*). С уверенностью разделить ножи на виноградарские и садовые трудно. Для обрезания веток фруктовых деревьев и виноградной лозы могли применять инструменты одинаковой формы. Их хорошо заостренными концами можно было также делать надрезы при прививках деревьев. Формы виноградарских или садовых ножей, найденных в Северном Причерноморье, имеют прямые аналогии среди садовых инструментов из Средиземноморья (*Petrie F.*, 1917, табл. VII, IX).

Виноградарство и виноделие. Античные авторы сохранили нам сведения о суровом климате Северного Причерноморья, из-за которого там плохо растет виноградная лоза (Страбон, II, 1, 16; VII, 3, 13). Однако в Ольвии, а особенно в Херсонесе и на Боспоре найдены бесспорные следы широкого развития виноградарства и виноделия. На монетах Нимфея в последней четверти V в. до н. э. появляется изображение виноградной лозы, что, возможно, связано с распространением виноградарства, так же как и появление в III—II вв. до н. э. изображения виноградной грозди на монетах Фанагории и Тиры (*Зограф А. Н.*, 1951, табл. XXVIII; 117; XXXIX, *6*). Как уже указывалось, при раскопках неоднократно находили косточки винограда. Наиболее ранние такие находки обнаружены на Боспоре в Мирмекии, Тиритаке и Фанагории в слоях V—IV вв. до н. э., и в слоях первых веков нашей эры на поселении Батарейка II, Михайловка, Мирмекий. В Херсонесе косточки винограда были найдены на клере 25 в слое III—II вв. до н. э. (*Фляксбергер К. А.*, 1940, с. 118; *Негруль А. М.*, 1960, с. 114). В Северном Причерноморье первоначально культивировались местные мелкие сорта винограда, а в начале нашей эры в результате отбора и завоза из Греции появляется виноград с более крупными семенами и ягодами (*Негруль А. М.*, 1960, с. 114).

Развитие виноградарства влекло за собой и развитие виноделия. Однако изготовление вина специально для продажи, вряд ли было развито в ранний период. О развитии виноделия свидетельствует наличие в Херсонесе и на Боспоре местного производства остродонных амфор, которые служили для транспортировки вина. О распространении виноделия говорит и популярность культа Диониса. При раскопках Ольвии, Херсонеса и на Боспоре были найдены винодельни — оцементированные или каменные площадки для выжимания виноградного сока ногами, каменные тарапаны и цистерны — резервуары, куда этот сок стекал. В Ольвии, по-видимому, виноделие было развито меньше, чем в Херсонесе и на Боспоре. Самые ранние винодельни, открытые в Ольвии, относятся лишь к I в. н. э. (Леви Е. И., 1958б, с. 38).

Судя по количеству виноделен, найденных на Боспоре, районами наибольшего распространения промышленного виноделия были Таманский полуостров и восточная часть Керченского полуострова. Надо полагать, что разведением винограда занимались главным образом на землях, расположенных поблизости от греческих городов, по-видимому, находившихся в пределах городских хор. Несмотря на интенсивный ввоз вина из Средиземноморья, роль виноградарства и виноделия в экономике северопричерноморских государств была достаточно большой.

По сообщению Страбона виноградные лозы на Боспоре зимой засыпали землей, следовательно можно предположить, что там культивировались особые стелющиеся сорта винограда (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 353). В. Ф. Гайдукевич обращает внимание на изображение виноградного куста на каменном саркофаге I—II вв., найденном в окрестностях Керчи (*Шкорпил В. В.*, 1904, с. 151, табл. XI). Художник изобразил на стенке саркофага несколько виноградных лоз, расходившихся в разные стороны, при этом самые большие лозы почти стелются на земле.

Благодаря раскопкам херсонесских клеров нам хорошо известно, как в Северном Причерноморье устраивали виноградники, какого размера делали ямки для виноградных кустов и каковы были про-

межутки между кустами (*Стржелецкий С. Ф.*, 1961, с. 72). Удалось выяснить, что из-за близости выхода скального грунта в Херсонесе для посадки лозы создавался искусственный почвенный слой, делались плантажи, сооружались террасы, открытые солнцу. Для защиты их от ветра устраивались заграждения из фруктовых деревьев. На участках, где были виноградники, сохранилась система ям, специально вырубленных в скалистом грунте в строго симметричном порядке для высадки саженцев винограда. В Северо-Западном Крыму удалось открыть клеры, сходные с херсонесскими в районе Прекрасной Гавани (*Щеглов А. Н.*, 1971, с. 71). Там местами, где почвенный слой был недостаточен, замечены следы плантажа, там же, где он имел достаточную для посадки толщину, плантаж не применялся.

У мыса Ойрат к западу от с. Морское на берегу моря открыт сельскохозяйственный участок III—II вв. до н. э. с виноградником площадью 3,5 га. Параллельные каменные плантажные стенки делили виноградник на длинные участки шириной по 2 м каждый. Кроме того, обнаружен длинный садово-виноградный участок шириной 5 м (*Щеглов А. Н., Маликов В. М.*, 1963, с. 36—37).

На Боспоре в районе с. Октябрьское в 6 км к западу от Керчи был исследован участок, расположенный на южном склоне небольшой возвышенности, где были обнаружены углубленные в материк — твердый глинистый грунт, ямки диаметром около 0,4 м, возможно, от виноградных кустов. Неподалеку, на северной окраине с. Партизаны была открыта винодельня (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 360 и 369—371), находившаяся внутри участка, обнесенного каменными стенами.

Единственная полностью раскопанная боспорская усадьба эллинистического времени с тремя винодельнями расположена у Солдатской слободки между Мирмекием и Пантикапеем. Виноделие было, по-видимому, основным хозяйственным профилем этой усадьбы (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, б, с. 359, 367—369, 380). Одна из виноделен, функционировавшая в III в. до н. э., имела давильную площадку и цистерну, две другие, более поздние — по давильной площадке и по две цистерны. О размерах виноделия в этой усадьбе говорят объемы цистерн, куда стекал выжатый на площадке сок. Две из них, функционировавшие одновременно в III—II вв., до н. э., вмещали по 7 000 и 8 000 литров (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 367 и 369). В. Ф. Гайдукевич изучил боспорские винодельни и выделил различные их типы (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 355). Позднее были открыты новые винодельни в Пантикапее (*Марченко И. Д.*, 1962в, с. 315 и сл.), Фанагории (*Кобылина М. М.*, 1959а,; *Долгоруков В. С.*, 1976), Горгиппии (*Салов А. И., Смирнова Т. М.*, 1972, с. 55 сл.), Кепах и других пунктах азиатского Боспора (*Сокольский Н. И.*, 1970). Наиболее ранние винодельни, относящиеся к IV в. до н. э., были обнаружены Н. Л. Грач в Нимфее. На территории азиатского Боспора самой ранней пока является винодельня I в. н. э. в Кепах. По-видимому, на Боспоре виноделие получило особенно большое распространение с конца IV в. до н. э.

Все винодельни можно разделить на две группы: более примитивные, состоящие из одного тарапана и сосуда, в который стекал сок или из одной давильной площадки и одной цистерны для отжимаемого ногами виноградного сока (табл. LVII, *12*, *13*; LVIII, *1*,*2*,*10—14*) и более усовершенствованные с прессом тарапаном, с несколькими давильными площадками, и с несколькими цистернами (табл. LVII, *14—23*; LVIII, *3—5*). Винодельни первой группы в Северном Причерноморье характерны для эллинистического периода, хотя не исключено, что для домашнего производства вина, рассчитанного на удовлетворение нужд только обитателей усадьбы, могли применять небольшие каменные тарапаны или деревянные корыта, вплоть до конца античного периода. Виноград давили ногами, а оставшуюся мезгу дополнительно отжимали в мешках или корзинах, при этом могли прибегать к помощи рычагов и прессов. В Херсонесе известны винодельческие давильни обеих групп (*Стржелецкий С. Ф.*, 1961, с. 114—124).

Рычажные прессы в Северном Причерноморье для выжимания мезги применялись еще в III—II вв. до н. э. В херсонесских усадьбах клеров 9, 26 и др., относящихся к концу II в. до н. э. и к первым векам нашей эры, находили крупные каменные гири прессов, помещавшиеся в специальных ямах (*Стржелецкий С. Ф.*, 1961, рис. 123; *Кругликова И. Т.*, 1975а) (табл. LVII, *7*). На Боспоре рычажные прессы с каменными гирями распространяются в I в. до н. э. (табл. LVIII, *6—9*, *15—17*). В Греции рычажные прессы с нависными гирями применялись для выжимания оливкового масла и, вероятно, винограда еще в VI в. до н. э. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а). Около середины I в. до н. э. в Италии входит в употребление описанный Плинием (XVIII, 317) рычажно-винтовой пресс. Боспорские виноделы заимствовали его уже в I в. до н. э. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 403). Однако в течение некоторого времени наряду с прессом продолжали использовать и более примитивные способы отжима мезги. Так, например, в Кепах в 1960—1961 гг. была открыта большая винодельня I в. н. э. с тремя цистернами, тремя большими и тремя маленькими давильными площадками без следов пресса.

Раскопками было открыто большое число боспорских виноделен I—IV вв. н. э. Все они относятся ко второй группе виноделен и рассчитаны на производство вина для продажи. По конструктивным особенностям их можно подразделить на три типа. К первому типу принадлежат винодельни с тремя расположенными рядом давильными площадками, к которым примыкали три резервуара. Наиболее полное представление о первом типе дают винодельни I в. н. э. в Кепах (табл. LVII, *17*) и две хорошо сохранившиеся винодельни Тиритаки III и III—IV вв. н. э. (табл. LVII, 21; LVIII, *3—5*). Размеры тиритакских виноделен несколько меньше (около 5,5×10 м). Помещались они в зданиях. В тиритакских винодельнях на средней площадке находился давильный пресс, а на боковых площадках виноград давили ногами. Резервуары для собирания сока вмещали от 1,5 до 2,1 м³ жидкости. Таким образом, всего в трех цистернах каждой из этих виноделен могло поместиться почти 6 000 литров сусла. Дно резервуаров было наклонным и в нем имелись округлые углубления. С давильных площадок в резервуары выдавленный сок отводился через специаль-

ные сливы, каменные или керамические, вделанные в кладку стенок цистерн. Площадки для рычажно-прессовой гири расположены на 1—1,5 м ниже уровня давильных площадок, а гиря состоит не из одного, как ранее, а их двух камней и значительно тяжелее. К этому же типу можно отнести ольвийскую винодельню 1873 г. (*Леви Е. И.*, 1958б, с. 35), херсонесскую и тиритакскую винодельни III—IV вв. н. э. (*Стржелецкий С. Ф.*, 1961, с. 138; *Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 434—Т6) и две винодельни III в. н. э. из Патрея (*Башкиров А. С.*, 1957, с. 331) и Пятиколодезного (*Блаватский В. Д.*, 1957б, с. 126) (табл. LVII, *22*, *13*; LVIII, *5*).

Ко второму типу следует отнести тиритакскую винодельню II—III вв. н. э. (табл. LVII, *21*) (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 439). Она имела четыре резервуара, вмещавшие 6 000 литров и каналы вместо каменных сливов. К третьему типу принадлежат винодельня, открытая на Темир-горе (табл. LVII, *15*) и пантикапейская винодельня II—III вв. н. э. с тремя давильными площадками и с двумя резервуарами емкостью 3,1 и 2,9 м³ (табл. LVII, *20*) (*Марченко И. Д.*, 1962а, с. 315). К этому же типу принадлежат также винодельни Нимфея и вторая пантикапейская (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 408, 438).

Скотоводство и птицеводство. Разведение скота было широко распространено во всем античном мире. Крупный рогатый скот применялся в хозяйстве как тягловая сила, мясо и молочные продукты играли важную роль в питании, кожа шла на изготовление обуви и военных доспехов, мелкий рогатый скот, кроме того, давал шерсть для одежды. Лошади были необходимы для войска. Животноводство наряду с земледелием было одной из основных отраслей сельского хозяйства Боспора. О его развитии можно судить по большому числу костных остатков, находимых при раскопках городов и поселений, по предметам домашнего инвентаря, предназначенным для приготовления сыра и молочных продуктов, по специальным загонам и помещениям для содержания скота.

Роль разных видов домашних животных, составлявших стадо, изменялась в различные исторические периоды. В большинстве случаев в стаде Ольвии, городов и сельских поселений Боспора преобладал мелкий рогатый скот. За ним следовал крупный рогатый скот, и на третьем месте находились лошади. Так на поселениях европейской части Боспора в V—II вв. до н. э. в стаде было около 36% мелкого рогатого скота, около 29% — крупного и 20% лошадей. На четвертом месте находились свиньи — около 14,1% всего стада. Менее 1% составляли ослы. Иначе обстоит дело в первые три века нашей эры. В Ольвии и в ряде городов Боспорского царства изменяется соотношение между мелким и крупным рогатым скотом в стаде. Согласно расчетам В. И. Цалкина, количество крупного рогатого скота увеличивается от 21,1% в V—IV вв. до н. э. до 28,5% в период эллинизма и до 39,1% в первые века нашей эры (*Цалкин В. И.*, 1960). Та же тенденция заметна в Пантикапее и Танаисе (*Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 81). Относительное увеличение количества крупного рогатого скота в стадах городских жителей связано прежде всего с изменением характера городской жизни, с переселением в них сельских хозяев вместе с их домашним скотом. Однако не во всех городах Боспора даже после этого переселения крупный рогатый скот стал преобладать над мелким. В Фанагории, Киммерике, Мирмекии, Танаисе, при относительном увеличении количества крупного рогатого скота в стадах больше мелкого рогатого скота. Страбон (VII, 3, 18), стараясь подчеркнуть суровость климата Северного Причерноморья, сообщает, что жители здесь не держат ослов, у быков приходится отпиливать рога, лошади мелкие, а овцы крупные. Действительно, изучение костных остатков показало, что ослы на Боспоре были редки. Вероятно, ослы были завезены в Северное Причерноморье из Греции.

В Илурате, на поселении у с. Семеновка и на других поселениях как в III, так и в III—IV вв. н. э. почти в каждом доме были помещения, предназначенные для содержания скота. Иногда таких помещений было несколько. Обычно они имели вымощенный камнями пол, иногда с небольшими каналами для стока в находившиеся здесь же ямы. Последние чаще всего наполнены золой. В этих помещениях находились ясли для корма и каменные загородки с просверленными отверстиями, предназначенными, вероятно, для привязывания скота. Помещения эти, как правило, отапливались. Отделения, где помещался скот, имели каменные вымостки и были отгорожены от второй обычно хозяйственной половины помещения, где была печь, поставленными на ребро каменными плитами-загородками, каменными яслями в виде ларей из каменных плит. Все это находится в полном соответствии с советами Варрона (II, 9, 19 и II, 3, 6) вымащивать хлева для овец и коз камнем, чтобы «нигде в них на застаивалась моча», чтобы «не было ни сырости, ни грязи». Варрон (II, 2, 7) также рекомендует пол помещения, где стоят овцы, «замащивать и делать с уклоном, чтобы хлев легко было вымести и содержать в чистоте». Именно такие удлиненные помещения с каменными полами, имеющими уклон к одной из сторон, были открыты в сельской усадьбе Андреевка Южная. Длина этих помещений 11—14,5 м, ширина 1,5—2,5 м (*Кругликова И. Т.*, 1968, с. 206). В Семеновке обнаружено 12 помещений различных размеров для скота. Самое маленькое из них — 2,4×2 м, а самое большое — 3×6 м. Примерно такие же, но чаще несколько больших размеров помещения для скота были в Илурате (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 69—72). Некоторые дома Илурата имели по три помещения, предназначавшиеся, вероятно, для различных видов домашних животных. Число таких помещений так же, как число голов скота, находилось в прямой зависимости от материального достатка хозяина дома. Даже в самом маленьком помещении для скота на поселении у с. Семеновка могли стоять две коровы или несколько овец, а у бóльшей части домов эти помещения были значительно вместительнее.

По-видимому, на Боспоре, как и в Древней Италии, было два типа овцеводства: отгонное, или пастбищное, и стойловое, или приусадебное. Иногда они могли сочетаться. Так, по-видимому, обитатели поселения у с. Семеновка держали часть овец и коз в домах. Но, с другой стороны, возможно, что часто

встречающиеся на Боспоре круглые каменные постройки или ограды, расположенные среди гор и холмов, вдали от поселений, использовались как загоны для скота.

Птицеводство тоже играло определенную роль в сельском хозяйстве, об этом свидетельствуют находки в помещениях и мусорных свалках множества птичьих костей. В могилах иногда находят скорлупу куриных яиц (*Кастанаян Е. Г.*, 1959, с. 267). По аналогии со Средиземноморьем можно предполагать, что кроме кур разводили и другие виды домашней птицы.

Рыболовство. Рыбные богатства Черноморского бассейна были хорошо известны грекам. Афиней (VII, 21, 284 с) сообщает, что существовало даже поэтическое сочинение о боспорской соленой рыбе, приписываемое автору IV в. до н. э. Архестрату. О вывозе из припонтийских стран соленой рыбы, которая считалась одним из предметов роскоши, пишет Полибий (IV, 38, 4). Афиней (VI, 109) повторяет рассказ Полибия о негодовании Катона, что некоторые ввели в Рим чужеземную роскошь, покупая за тридцать драхм бочонок понтийской соленой рыбы. О вывозе соленой рыбы из Меотиды и о ловле рыбы для соления свидетельствует Страбон (VII, 4,6; XI, 2,4). Он же (VII, 6,2) сообщает о ловле пеламид, размножающихся в Азовском море и уходящих затем в Черное, и отмечает (VII, 3, 18) крупные размеры осетров в Керченском проливе, почти равных дельфинам. В херсонесской надписи в честь Феагена сына Дилгена II в. н. э. упоминается специальный рынок для продажи рыбных соусов (*Семенов-Зусер С. А.*, 1947, с. 237).

При археологических раскопках неоднократно находили рыбозасолочные цистерны, пифосы с остатками рыбы, многочисленные орудия рыбной ловли крючки, сети, грузила, поплавки, а также кости рыб, чешую, раковины моллюсков. Остатки рыбных костей и чешуя позволяют судить о составе промысловых рыб. В Херсонесе находят кости камбалы, анчоуса, султанки, кефали, ставриды, осетров, севрюги, стерляди, судака, сазана, сома. Ловили барабулю, скумбрию, проводили лов белуги, кроме того, почти круглый год ловили дельфинов (*Кадеев В. И.*, 1970, с. 6—8). На Боспоре промысловыми рыбами были различные виды осетровых, карповых, окуневых и др. В Мирмекии на дне рыбозасолочных цистерн найдены остатки хамсы (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 207), а в Тиритаке — сельди. Около цистерн там были кости осетровых рыб (*Марти В. Ю.*, 1941а, с. 104). В Фанагории в слоях III—IV вв. найдены кости и чешуя севрюг, осетров, лещей, сазанов, сомов и судака (*Лебедев В. Д.*, *Лапин Ю. Е.*, 1954, с. 208). В Семеновке на берегу Азовского моря пол одного из помещений был покрыт полуметровым слоем костей и чешуи рыб, преимущественно, сазанов. Имелись там и кости судака, бычков, тарани и камбалы.

Различны были рыболовные снасти и способы лова. Применяли разнообразные сети: волокуши, ставные сети и наметы (*Тихий М. И.*, 1917, с. 32 сл.). Для ловли белуги существовала особая снасть в виде шнура, к которому подвешивались на поперечных бечевах большие рыболовные крючки и грузила. В Херсонесе в 1895 г. найдены ее остатки — 50 глиняных грузил и 150 больших медных рыболовных крючков. Дельфинов ловили неводами и специальными гарпунами-трезубцами (*Кадеев В. И.*, 1970, с. 8—11). В Фанагории в одном из помещений IV в. лежали две кучки грузил, всего 103 штуки, вероятно, от сложенных сетей. В помещениях III в. в Семеновке обнаружены обугленные фрагменты сетей из крученого шнура, железные и бронзовые крючки длиной от 2 см до 10 см (табл. LIX, *14*), куски пробковых и деревянных поплавков, а также различные грузила — глиняные, пирамидальные, уплощенные дисковидные с перехватами из амфорных ручек и грубые каменные (табл. LIX, *2—13*).

Остатки рыбозасолочного производства открыты в Херсонесе и на Боспоре. В Херсонесе найдено более 90 рыбозасолочных цистерн, иногда очень крупных размеров, относящихся к периоду от I до VI вв. н. э. На Боспоре — 59 цистерн, датируемых от I до IV вв. н. э., известны в Тиритаке, восемь — в Мирмекии, две — в Горгиппии. Для Боспора характерны комплексы, включающие группы цистерн. Сооружение наиболее крупных комплексов рыбозасолочных цистерн относится к I в. н. э. Среди них выделяется комплекс, открытый в 1932—1934 гг. у городской стены Тиритаки. Здесь было обнаружено 16 цистерн, расположенных по четыре в ряд. Возможно, их было и больше, так как последний ряд не раскрыт полностью (табл. LIX, *15*) (*Марти В. Ю.*, 1941а, с. 20 сл.). Емкость 16 цистерн достигала 204 м³, что означало возможность одновременной засолки 1600 центнеров рыбы, а учитывая, что оборачиваемость промысла могла быть восьмикратной с помощью этих цистерн можно было бы обеспечить засолку 12 800 центнеров рыбы в год. Их должны были обслуживать не менее 12—15 человек. Для засолки такого большого количества рыбы требовалось около 3 000 центнеров соли (*Марти В. Ю.*, 1941б, с. 94).

Но, кроме этого комплекса, функционировавшего вплоть до III в. н. э. и принадлежавшего, вероятно, одному крупному рыболовецкому хозяйству, к III в. н. э. относятся и другие комплексы рыбозасолочных цистерн несколько меньших размеров. В одном из них было пять цистерн общим объемом 36 м³ (табл. LIX, *16*) и еще две цистерны III—IV вв. н. э. вместимостью 27 м³. В 1945 г. были обнаружены еще шесть цистерн общей вместимостью 33 м³, расположенных попарно в три ряда. Расчищены четыре комплекса, в один из которых входят шесть цистерн общим объемом 42 м³, в другой — четыре объемом 29 м³. Еще две группы из четырех и из пяти цистерн вмещали 49 м³. Таким образом, в южной и юго-восточной части Тиритаки в III в. н. э. существовало не менее 48 цистерн, общая емкость которых достигала 477 м³. В них одновременно могли засаливать около 3600 центнеров рыбы. В IV в. н. э. число рыбозасолочных цистерн в Тиритаке, по-видимому, уменьшается.

В Мирмекии также был открыт комплекс из восьми рыбозасолочных цистерн общей емкостью 130 м³, существовавший до III в. н. э. (*Марти В. Ю.*, 1941а, с. 103).

Техника сооружения рыбозасолочных цистерн довольно однообразна. Стенки вырытого в земле большого котлована обкладывали каменными плитами, дно застилали каменным бутом. Внутри делали перегородки из поставленных на ребро плит. Затем все покрывалось несколькими слоями известкового раствора с примесью толченой керамики и песка (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 58 (группа В). Размеры цистерн различны. Глубина их чаще всего 1,7—1,8 м, реже 2,28 м, лишь у двух цистерн она достигала 3,27 м. По-видимому, цистерны, действовавшие до III в. н. э. и разрушенные до начала IV в. н. э., имели над собой черепичные кровли. В плане цистерны квадратные и прямоугольные или почти прямоугольные, лишь несколько из них имело трапециевидную форму (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 60 и 30). Рыбозасолочные цистерны, открытые в 1960 г. в Горгиппии, перестали функционировать в I в. н. э. Время функционирования цистерны, случайно обнаруженной в 1944 г. в Пантикапее, неясно (*Блаватский В. Д.*, 1951в, с. 53, № 138).

Можно заметить некоторое различие в видах рыб, вылавливавшихся рыбаками Боспора и Северо-Западного Крыма. В Северо-Западном Крыму на первом месте стоял промысел кефали, меньше вылавливали карасей и камбалы, еще меньше осетров, в небольшом количестве вылавливали скатов. На Боспоре, наоборот, осетровые сорта рыб преобладали наряду с карповыми, окуневыми, сельдью, хамсой и др.

Охота. В античное время она играет лишь подсобную роль как в хозяйстве обитателей сельских поселений, так и у жителей городов. Однако среди костных остатков из античных городов кости диких животных встречаются чаще, чем в деревнях, и представленные ими виды разнообразнее. В. И. Цалкин, сопоставив число костей диких и домашних животных, найденных при раскопках античных городов и поселений, пришел к выводу, что охота не играла сколько-нибудь серьезной роли в их экономической жизни (*Цалкин В. И.*, 1960, с. 90).

Вероятно, в Северном Причерноморье был распространен еще один вид промысла — пчеловодство. Полибий (IV, 38,4) среди продуктов, вывозимых с Понта, называет и мед. К сожалению, никаких данных о разведении пчел не сохранилось.

Соляной промысел. Наличие соляного промысла в Северном Причерноморье засвидетельствовано древними авторами. Геродот (IV, 53) пишет, что в устье реки Борисфен собирается в большом количестве соль. Это же повторяет Дион Хрисостом (II, 48), сообщая, что в окрестностях Ольвии много соли и ее покупают жители Таврического полуострова. Страбон (VII, 4, 7) упоминает об озере близ Херсонеса или лимана выше порта Ктенунта, где добывали соль. В античную эпоху в районе Херсонеса было не менее 12 соляных озер, в которых осаждалась соль, главным образом, в летние месяцы. Осевшую соль ломали, затем очищали от ила, промывали, сгребали в кучи и вывозили на лодках. Добытая таким способом соль была темной и требовала дополнительной очистки (*Кадеев В. И.*, 1970, с. 20 сл.). Вполне возможно, что соль добывали, так же и на Боспоре в мелких соляных озерцах и лиманах.

Проблемы организации сельскохозяйственного производства. Экономическое значение сельского хозяйства и социальные проблемы его уже неоднократно обсуждались в литературе (*Блаватский В. Д.*, 1953б; *Стржелецкий С. Ф.*, 1961; *Кругликова И. Т.*, 1975а). Одной из сложных и далеко еще не решенных является проблема размеров сельскохозяйственной территории государств Северного Причерноморья. Более или менее ясная картина выявлена только для херсонесского государства. Можно думать, что при возникновении греческих полисов им принадлежали только земли, непосредственно примыкавшие к городам. В дальнейшем происходило расширение сельскохозяйственной территории. В случае с Боспором можно предполагать, что наряду с сохранившейся хорой прежних полисов благодаря завоеваниям появились новые категории земли: 1 — земли, оставшиеся в руках у местных племен и общин, завоеванных Боспором; 2 — царские (или государственные) земли — те земли, которые были конфискованы у этих племен после завоевания. В некоторых случаях территории, занятые греками, в дальнейшем вновь были утрачены ими. Такова была, например, ситуация в Ольвии. Правда, необходимо указать, что концепция значительных земельных владений Ольвии отнюдь не бесспорна. Высказывалась мысль, что поселения на побережьях Днепровско-Бугского и Бугского лиманов, которые считаются принадлежащими Ольвии, в действительности были заняты племенем каллипидов (*Блаватский В. Д.*, 1953б, с. 51—54).

На сельскохозяйственной территории греческих государств располагались сельские поселения различных типов. 1 — Неукрепленные деревни, состоящие из группы домов, отстоящих один от другого на 30—50 м. Это могла быть группа сельских усадеб, принадлежащих гражданам греческих полисов. Но не исключено, что так же строились и деревни, принадлежавшие местному племенному населению. 2 — Укрепленные поселки, более многолюдные, здесь дома теснятся внутри оборонительных стен, приусадебные участки отсутствуют, все обрабатываемые земли находятся вне оборонительных стен (*Кругликова И. Т.*, 1970а, 1975а). 3 — Отдельные изолированные усадьбы-виллы, центры крупных земельных наделов. Они могли быть укрепленными и неукрепленными в зависимости от социально-политической обстановки времени их существования. 4 — Неукрепленное поселение рядом с укрепленной усадьбой, что, например, отмечено в Северо-Западном Крыму (*Щеглов А. Н.*, 1978, с. 115).

Многообразие типов населенных пунктов свидетельствует о сложности социальной структуры сельского населения. Здесь можно, хотя и в осторожной форме, предполагать наличие различных категорий населения. Можно думать, что земельные владения, расположенные на клерах херсонеситов, обрабатывались рабами. Наличие же других типов сельскохозяйственных поселений заставляет предположить существование и иных групп сельского населения.

На Боспоре можно предполагать наличие следующих групп сельского населения: 1 — свободные граждане греческих полисов, обрабатывающие свои небольшие участки, в основном собственным трудом.

К этой группе близки, видимо, владельцы небольших участков земли, выделенных из состава царского «домена». Такова, видимо, была ситуация с каллатийцами, которым царь Евмел, по свидетельству Диодора (XX, 25), предоставил 1000 земельных участков; 2 — сельскохозяйственные рабы, работавшие в крупных усадьбах; 3 — крестьяне-общинники на царских землях, о которых, видимо, говорит свидетельство Полиена (VI, 9, 3). Такие общины в античном мире назывались «свободными». 4 — Зависимые крестьяне-пелаты, о которых свидетельствуют некоторые эпиграфические документы.

Сложность картины усугубляется тем, что с течением времени происходили изменения в типах расселения сельского населения, в чем, по-видимому, находили отражение не только политические, но и социальные процессы. Однако суть их еще во многом не ясна. Так, на территории Боспора в VI—III вв. до н. э. зафиксировано значительное число неукрепленных деревень (особенно в IV—III вв. до н. э.). На большинстве поселений этого типа жизнь прекращается во второй половине III—II вв. до н. э. С этого времени широко распространяются укрепленные деревни. Большинство их гибнет в последней трети III в. н. э. (во время готских походов), некоторые доживают до гуннского погрома 70-ых годов IV в. н. э. и лишь на единицах жизнь продолжается позднее. Неукрепленные усадьбы-виллы достаточно широко распространены в IV—III вв. до н. э., а позднее (вплоть до III в. н. э.) типичными становятся укрепленные усадьбы (*Гайдукевич В. Ф.*, 1941б; *Кругликова И. Т.*, 1975а; *Петерс Б. Г.*, 1978; *Сокольский Н. И.*, 1976а, с. 90; *Крушкол Ю. С.*, 1968; *Алексеева Е. М.*, 1980). Можно предполагать, что на территории античных государств Северного Причерноморья (как и во всем античном мире) постепенно происходит рост крупного землевладения. Достаточно заметен этот процесс в Херсонесе. Видимо, развитие крупного землевладения имело место и на Боспоре, однако при этом необходимо иметь в виду, что предположение о господстве крупного землевладения здесь в раннюю эпоху (*Жебелев С. А.*, 1934, с. 596) не подтверждается (*Блаватский В. Д.*, 1953б, с. 45 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 157—160).

Глава седьмая

Ремесленное производство

Ремесленное производство было важной отраслью экономики античных государств Северного Причерноморья. К сожалению, источники по этой проблеме достаточно ограничены. Наиболее важны остатки ремесленных мастерских и находки орудий труда ремесленников, меньшее значение имеют данные письменных источников и памятники изобразительного искусства.

Интерес к истории ремесленного производства северопричерноморских античных городов возник в 30-ых годах XX в. Тогда было начато изучение керамических обжигательных печей и их продукции (*Гайдукевич В. Ф.*, 1934а, б, 1935; *Граков Б. Н.*, 1935; 1939а; *Книпович Т. Н.*, 1940б) и были сделаны первые шаги по химико-технологическому изучению керамических изделий (*Кульская О. А.*, 1940). После Великой Отечественной войны были открыты и исследованы новые керамические производственные комплексы в разных античных городах (*Худяк М. М.*, 1952; *Ветштейн Р. І.*, 1958, 1965; *Борисова В. В.*, 1958; *Кобылина М. М.*, 1958, 1966б, 1970а; *Кругликова И. Т.*, 1962в; *Сокольский Н. И.*, 1969б), изучались многие группы керамических изделий местного производства; черепица и строительная керамика (*Гайдукевич В. Ф.*, 1947, 1958в; *Мерперт Н. Я.*, 1951; *Марченко И. Д.*, 1952; *Сорокина Н. П.*, 1952, 1956, 1961б; *Шелов Д. Б.*, 1954; *Кругликова И. Т.*, 1955а; *Берзин Э. О.*, 1959; *Брашинский И. Б.*, 1964; *Кобылина М. М.*, 1972б), клейменые и неклейменые амфоры (*Ахмеров Р. Б.*, 1946, 1947; *Зеест И. Б.*, 1952, 1960; *Борисова В. В.*, 1974; *Белов Г. Д.*, 1977), простая и расписная столовая, кухонная и туалетная посуда (*Книпович Т. Н.*, 1955а, 1955б; *Кругликова И. Т.*, 1957а; *Скуднова В. М.*, 1957а; *Зеест И. Б.*, *Марченко И. Д.*, 1962; *Зайцева К. И.*, 1962, 1976; *Леви Е. И.*, 1964а; *Марченко И. Д.*, 1967а; *Цветаева Г. А.*, 1972; *Ветштейн Р. И.*, 1975; *Алексеева Е. М.*, 1976). Было выявлено и исследовано местное производство терракоты (*Кобылина М. М.*, 1949а, 1959б, 1961; *Винницкая Г. Г.*, 1949, 1951; *Мезенцева Г. Г.*, 1956; *Леви Е. И.*, 1959; *Пругло В. И.*, 1974, 1977), рельефных эллинистических сосудов (*Блаватский В. Д.*, 1959д; *Лосева Н. М.*, 1962б; *Шургая И. Г.*, 1962) и краснолаковой керамики (*Книпович Т. Н.*, 1952; *Шелов Д. Б.*, 1953; Силантьева Л. Ф., 1958б). При исследовании керамики местного производства были применены методы естественных наук (*Кульска О. А.*, 1958; *Круг О. Ю.*, 1960; *Богданова-Березовская И. В.*, *Наумов Д. В.*, *Ковнурко Г. М.*, 1964; *Кадеев В. И.*, *Шуменко С. И.*, 1967). Изучение отдельных керамических производственных комплексов и различных категорий изготовлявшейся керамики подготовило возможность для характеристики гончарного производства отдельных городов и целых районов (*Ветштейн Р. И.*, 1953; *Борисова В. В.*, 1966б; *Кобылина М. М.*, 1966б; *Сокольский Н. И.*, 1969б; *Щеглов А. Н.*, 1973а). Обобщением всего имеющегося материала явился выпуск в 1966 г. САИ — «Керамическое производство и античные керамические строительные материалы». В 50-ых годах началось изучение металлургического ремесла в античных городах. Раскопки остатков мастерских и находки литейных форм позволили получить данные о развитии железоделательного и бронзолитейного производства в Ольвии, Пантикапее и других местах Северного Причерноморья (*Фурманская А. И.*, 1953а, 1953б; *Фурманська А. І.*, 1958, 1963б; *Штительман Ф. М.*, 1947, 1955; *Марченко И. Д.*, 1956б, 1957б; 1962в, 1971; *Пругло В. И.*, 1965; *Фомин Л. Д.*, 1974; *Островерхов А. С.*, 1975). При исследовании древних металлических изделий, шлаков и пр. применялись анализы металлографический, спектральный и др. (*Круг О. Ю.*, *Рындина Н. В.*, 1962; *Кадеев В. И.*, 1963; *Кадеев В. И.*, *Солнцев Л. А.*, *Фомин Л. Д.*, 1963; *Барцева Т. Б.*, 1974). Ряд работ посвящен исследованию торевтики и ювелирного дела в Херсонесе и на Боспоре (*Прушевская Е. О.*, 1955; *Пятышева Н. В.*, 1956; *Никулин В.*, 1957; *Харко Л. П.*, 1961; *Онайко Н. А.*, 1966б; 1974). Из других ремесленных производств лучше исследованы деревообработка, получившая всестороннее освещение в специальных монографиях (*Сокольский Н. И.*, 1971; *Кадеев В. И.*, 1974), и стекловарение, изучение которого стало возможным благодаря открытию остатков стеклоделательных мастерских в Крыму и в Танаисе (*Висотська Т. М.*, 1964; *Белов Г. Д.*, 1965; 1969; *Алексеева Е. М.*, *Арсеньева Т. М.*, 1966). Отдельные статьи советских исследователей посвящены рассмотрению косторезного (*Наливкина М. А.*, 1940; *Кругликова И. Т.*, 1949, 1957а; *Иванова А. П.*, 1955; *Кадеев В. І.*, 1969а), ткацкого (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952г), каменотесного (*Блаватский В. Д.*, 1957а; *Карасев А. Н.*, 1959) ремесел в городах Северного Причерноморья. Изучение ремесла в разных центрах Северного Причерноморья позволило написать и общие очерки его развития в некоторых городах и районах (*Блаватский В. Д.*, 1959в, 1961а; *Пругло В. И.*, 1967; *Кадеев В. И.*, 1970) и включить более или менее подробные разделы о ремесленном производстве в общие труды, посвященные экономике и истории античных государств Северного Причерноморья (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а; *Gajdukevič V. F.*, 1971; *Лапин В. В.*, 1963, 1966, *Шелов Д. Б.*, 1963, 1972а; *Блаватский В. Д.*, 1964в; *Кругликова И. Т.*, 1966а; *Кадеев В. И.*, 1975).

Железоделательное производство. В античном мире из железа изготовлялось большинство орудий труда, оружие, различные скобяные изделия, строительные детали и пр. Все эти предметы нередко встречаются при археологических раскопках, но теперь часто невозможно сказать, какие из них были

продуктами местного ремесла, а какие импортированы из других центров. Анализы древних шлаков показали использование керченской железной руды в металлургическом производстве Боспора (*Марченко И. Д.*, 1957б, с. 172, 173; *Онайко Н. А.*, 1959, с. 59 сл.; *Круг О. Ю.*, *Рындина Н. В.*, 1962, с. 254). Для Херсонеса можно предполагать употребление местных болотных руд (*Кадеев В. И.*, 1970, с. 28—30). Ольвийские металлурги могли использовать криворожскую железную руду (*Граков Б. Н.*, 1948, с. 47; 1954, с. 125; *Островерхов А. С.*, 1975, с. 133). Допускается возможность ограниченного ввоза железной руды в Северное Причерноморье из Малой Азии (*Максимова М. И.*, 1956, с. 162).

До поступления в плавильную печь железная руда предварительно обогащалась известью и промывалась. Вероятно, приспособлениями для такой промывки являлись открытые на о. Березани бассейны конца VII—VI вв. до н. э. (*Лапин В. В.*, 1961, с. 28), свидетельствующие о том, что производство железа в этом районе было налажено с самого возникновения здесь античных поселений (*Лапин В. В.*, 1963, с. 37; 1966, с. 137—138). Железо получалось путем непосредственного восстановления из руды в сыродутных печах или домницах. Домницы конца VI—V вв. до н. э. известны в Ягорлыцком поселении в низовьях Днепра (*Островерхов А. С.*, 1975, с. 132 сл.; 1976, с. 30, 31). Остатки металлургической мастерской архаического времени открыты в Пантикапее (*Марченко И. Д.*, 1968б, с. 32, 33; 1971, с. 148 сл.). В Тире открыты остатки двух сыродутных печей первых веков нашей эры (*Дмитров Л. Д.*, 1955, с. 116; *Фомин Л. Д.*, 1974, с. 26). В других местах найдены шлаки и готовые крицы. Получаемое в горнах губчатое железо подвергалось затем повторному нагреванию и проковке и в виде криц становилось сырьем для изготовления железных предметов. Выработка железных изделий производилась в кузницах, главным образом, путем ковки Установлено, что кузнецы работали как в городах, так и в мелких поселениях, о чем свидетельствует открытие остатков сельских кузниц в Синдике (*Блаватский В. Д.*, 1959в, с. 50). В ряде городов открыты кузницы. Так в ольвийской цитадели римского времени раскопан кузнечный комплекс, состоявший из горна, каменных корыт, инструментов, шлаков, большого числа железных изделий — серпов, ножей и пр. (*Штительман Ф. М.*, 1955, с. 62—63). В Ольвии же найдены большие кузнечные клещи. Наковальня и клещи, подобные помпейским, обнаружены и в Горгиппии (*Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 162). Кузнечные зубила первых веков нашей эры обнаружены в Пантикапее (*Марченко И. Д.*, 1971, с. 151—152, рис. 2, *10*), в Херсонесе (*Кадеев В. И.*, 1970, с. 33) и в Танаисе (*Шелов Д. Б.*, 1963, с. 127—128, рис. 9) (табл. LX, *1*, *2*).

Основным приемом кузнечной обработки железа была ковка, но использовались и другие методы: термическая обработка и закалка стали, сквозная или поверхностная цементация изделий, сваривание железа со сталью для получения лезвий повышенной твердости и т. д. Готовые изделия подвергались еще и холодной обработке. Судя по остаткам металлургической мастерской конца VI — начала V в. до н. э. в Пантикапее в раннеантичное время производство железа не было еще отделено от кузнечной обработки. Все работы по изготовлению металлических предметов могли производиться в одной мастерской (*Марченко И. Д.*, 1968б, с. 32, 33; 1971, с. 148 сл.). В эллинистическую и римскую эпохи железоделательное производство получило значительную специализацию (*Кадеев В. И.*, 1970, с. 37—38), что подтверждается существованием очень развитой терминологии для обозначения профессий (*Blümner H.*, 1887, с. 361 сл.). Впрочем, такая специализация далеко не всегда имела место и вероятно, до конца античной эпохи существовали кузнечно-литейные мастерские смешанного характера (*Шмидт Р. В.*, 1935, с. 288—289; *Штительман Ф. М.*, 1955, с. 63).

Цветные металлы. Обработка цветных металлов известна лучше железоделательного производства. Во всех античных городах из меди или бронзы разного состава изготовлялись некоторые орудия труда, предметы и детали вооружения (наконечники стрел, мечи, кинжалы, шлемы, панцири, кнемиды и пр.), детали и украшения конской сбруи, принадлежности одежды и украшения, многие бытовые предметы: стригили, замки, ключи, зеркала, бритвы, разнообразные сосуды. Из бронзы отливалась и скульптура. Некоторые предметы приготавливались из свинца: гири, грузила, пряслица, украшения и др. Состав античных бронз довольно разнообразен. Обычно это свинцово-оловянистые бронзы, иногда, особенно в римское время, в них примешивается довольно значительное количество цинка, что позволяет говорить даже об античных латунях (*Кадеев В. И.*, *Солнцев Л. А.*, *Фомин Л. Д.*, 1963, с. 43 сл.; *Барцева Т. Б.*, 1974, с. 26 сл.). Медь для отливки добывалась главным образом из халькопирита или халькозина, свинец — из галенита (*Кадеев В. И.*, 1963, с. 32 сл.; 1970, с. 45—47). Вопрос об источниках цветных металлов для ремесленного производства городов Северного Причерноморья еще не выяснен. Высказывались предположения о поступлении в Северное Причерноморье меди из Криворожья, из Донецкого бассейна, с Северного Кавказа, из Закавказья и из Малой Азии (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 117; *Gajdukevič V. F.*, 1971, с. 130; *Фурманская А. И.*, 1953а, с. 53). Последний источник кажется наиболее вероятным, оттуда же мог доставляться и свинец. Медь и свинец поступали в античные города в виде слитков, такие слитки найдены в Херсонесе и Ольвии (*Фурманська А. І.*, 1963б, с. 68; *Кадеев В. И.*, 1963, с. 34, 39; 1970, с. 44). Слитки содержали значительное количество примесей и шлаков, которые должны были удаляться путем рафинирования в плавильных печах.

Основным методом изготовления медных и бронзовых изделий была их отливка в формах. Металл плавился в специальных плавильных печах, остатки которых открыты в Пантикапее, Ольвии, Херсонесе (*Марченко И. Д.*, 1957б, с. 162; *Фурманська А. І.*, 1963б, с. 61 сл.; *Кадеев В. И.*, 1970, с. 47). Они были высокими, имели цилиндрическую форму. Внизу была топка, а вверху вмазывался котел, в котором и производилась плавка. В печь мехами подавался воздух, обеспечивающий высокую температуру горения. В Пантикапее и в других местах найдены обломки глиняных сопел от воздуходувных мехов (*Марченко И. Д.*, 1957б, рис. 2, *5*, *6*) (табл. LX, *3*).

Небольшие порции металла могли плавиться в толстостенных сосудах — тиглях (*Марченко И. Д.*, 1957б, с. 167, рис. 2, *9*; *Шелов Д. Б.*, 1963, с. 127, рис. 8). Расплавленный металл разливался в формы при помощи льячек (*Блаватский В. Д.*, 1961а, рис. 15) (табл. LX, *4*). Тигли и льячки найдены почти во всех античных северочерноморских центрах.

Большинство мелких бронзовых и медных изделий отливалось в жестких формах. Негативное изображение нужного предмета вырезалось в камне или обломке керамики (табл. LX, *7*, *8*, *11*, *12*). Формы могли быть односторонними, когда изделие должно было иметь рельеф или украшение только с одной стороны, но чаще они составлялись из двух половинок, в каждой из которых вырезалась в зеркальном отражении соответствующая сторона будущего изделия. Две половинки формы скреплялись металлическими штифтами (*Марченко И. Д.*, 1956б; 1957б; 1962в; *Фурманська А. І.*, 1958; *Пругло В. И.*, 1965). Расплавленный металл поступал в форму по канальцам, прорезанным в одной из половинок формы. Нередко на одном камне или керамическом фрагменте вырезывались контуры нескольких однотипных или даже различных предметов, соединенные между собой канальцами (табл. LX, *9*, *10*; *Фурманська А. І.*, 1958). После застывания металла форма разъединялась, отливка вынималась и литники, образовавшиеся на месте канальцев, обрубались. Несмотря на очень тщательную пригонку двух половинок формы, вещи, отлитые в них, легко узнаются по наличию у них литейного шва, образовавшегося на месте затека металла между половинками форм (*Кадеев В. И.*, 1970, с. 66). Литейные формы найдены в Ольвии, Тире, Херсонесе, Пантикапее, Фанагории, Мирмекии, Танаисе и др. Как правило, это формы для отливки мелких украшений: булавок, браслетов, подвесок, серег, бус и т. п. При отливке крупных бронзовых изделий, предметов сложной конфигурации, художественной скульптуры, изделий, требующих тонкого и сложного рельефного орнамента, применялись формы, сделанные из глины или формовочной земли. Формы могли быть либо разъемными, либо цельными, в последнем случае они после отливки разламывались, чтобы извлечь из них готовое изделие. Как правило, отливка в цельные формы велась с утратой восковой модели, которая оставалась внутри формы и выгорала при заливке металла. Применение этого метода литья, в отличие от литья в многократно используемые жесткие формы, позволяло отливать в форме только один экземпляр изделия, но зато обеспечивало возможность создания литых предметов любой сложной конфигурации и с тонкой орнаментацией.

Литье было основным, но не единственным способом обработки цветных металлов (*Кадеев В. И.*, *Солнцев Л. А.*, *Фомин Л. Д.*, 1963; *Кадеев В. И.*, 1970, с. 64 сл.). Вышедшие из литейной формы предметы еще нуждались в дальнейшей отделке. Иногда литье применялось только для получения заготовок, например, стержней для изготовления фибул или браслетов, которые потом обрабатывались ковкой (*Амброз А. К.*, 1969, с. 257 сл., табл. VII; *Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 95 сл.). При помощи ковки удавалось получать чрезвычайно тонкие листы меди, из которых выделывались рельефные бляхи и сосуды. Литые сосуды встречаются относительно редко. При изготовлении медной и бронзовой посуды, а также для соединения концов колец, перстней и т. д. применяли клепку. Было известно и производство тонкой медной проволоки. Из проволоки изготовляли фибулы, рыболовные крючки, браслеты. При холодной обработке тонкой листовой меди, кроме зубила, употреблялись, видимо, и ножницы. Наконец, при обработке меди и бронзы применяли штамповку или тиснение при помощи металлических штемпелей, паяние, позолоту.

Первоначально обработка железа и меди производилась в одних мастерских. Да и в дальнейшем, как показывают находки остатков мастерских в Ольвии (*Штительман Ф. М.*, 1955, с. 63), эти ремесла не всегда разделялись. Этому способствовало то, что во многих изделиях (некоторые виды зеркал, бронзовые сосуды с железными ручками и др.) применялись одновременно разные металлы. В то же время существовали раздельные бронзолитейные и кузнечные предприятия. Да и сами мастерские по выделке предметов из цветных металлов могли специализироваться в области какого-нибудь узкого производства — фибул, сосудов и т. п. Остатки таких мастерских открыты в Ольвии, в Пантикапее, в Танаисе и в других местах (*Фурманська А. І.*, 1953б; 1963б; *Марченко И. Д.*, 1957б, с. 162 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 326).

Везде, где найдены остатки бронзолитейных мастерских и кузниц, они были размещены в центральных районах городов, среди жилых кварталов, что объясняется, вероятно, большим значением этой отрасли ремесла, а также желанием приблизить мастерские к потребителям, поскольку обычно мастерская была одновременно и лавкой, где ремесленник сбывал свою продукцию.

Бронзолитейные мастерские античных городов Северного Причерноморья снабжали своими изделиями и степные племена Причерноморья. Наиболее ярким примером этого является распространение изделий ольвийских металлургов VI—V вв. до н. э. (крестообразных блях для конской сбруи, зеркал с зооморфными изображениями на ручках) (*Фармаковский Б. В.*, 1914а; с. 27 сл.; *Прушевская Е. О.*, 1955, с. 329 сл.; *Капошина С. И.*, 1956б, с. 172 сл.), хотя Ольвийское происхождение части этих предметов вызывает сомнение некоторых исследователей (*Скуднова В. М.*, 1962, с. 5—27; *Онайко Н. А.*, 1966б, с. 171 сл.). Эти изделия встречаются на огромном пространстве от Прикарпатья до Западной Сибири (*Граков Б. Н.*, 1947; *Бондар М. М.*, 1954; *Бондарь Н. Н.*, 1955). Известны находки в поволжских степях бронзовых фибул, выделывавшихся в первых веках нашей эры в мастерских Танаиса (*Шелов Д. Б.*, 1972в, с. 191, 204 сл.).

Торевтика и ювелирное дело. В античных центрах Северного Причерноморья ювелиры и торевты достигли таких высот мастерства, каких не знала ни одна другая область античного мира (*Ростовцев М. И.*, 1925; *Rostovtzeff M.*, 1922, 1931; *Прушевская Е. О.*, 1955). Это объяснялось, вероятно, главным образом тем, что скифская, меотская и сарматская знать предъявляла постоянный спрос на изделия античных ювелиров. Ольвийские и боспорские мастера удовлетворяли этот спрос и выделывали драгоценные со-

суды и украшения специально на продажу варварской знати. Большинство изделий северочерноморских торевтов найдено в погребениях скифских и сарматских вождей.

Вопрос о том, откуда поступало золото в Северное Причерноморье до сих пор не может считаться решенным. Существовало мнение о чрезвычайном обилии золота в Северном Причерноморье, якобы доставлявшегося сюда с Урала и Алтая (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 118; *Gajdukevič V. F.*, 1971, S. 130). Его ошибочность показал еще А. Л. Бертье-Делагард (*Бертье-Делагард А. Л.*, 1911, с. 2—14). Ввоз золота с Урала и Алтая пока не подтвержден фактическим материалом. Более вероятна доставка золота в Северное Причерноморье из Фракии, Малой Азии или Закавказья (*Манцевич А. П.*, 1950, с. 234—235; *Пятышева Н. В.*, 1956, с. 8). Серебро, вероятно, доставлялось главным образом афинскими торговцами (*Блаватский В. Д.*, 1959в, с. 51; *Брашинский И. Б.*, 1963а, с. 118—121). Что касается электра (сплав золота и серебра), из которого в архаическое и классическое время изготовлялись многие изделия торевтики, то он мог получаться искусственным путем, но мог быть и естественным, малоазийского происхождения. В этом случае он скорее всего попадал в Северное Причерноморье в виде кизикских электровых статеров (*Бертье-Делагард А. Л.*, 1911, с. 97—99).

Обработка драгоценных металлов производилась теми же методами, что и обработка меди и ее сплавов. Плавили металл в тиглях. Основую роль, особенно в ювелирном деле Ольвии играла отливка в жесткие или пластинчатые формы (*Капошина С. И.*, 1956б, с. 176), применялись также ковка, волочение серебряной или золотой проволоки или нити, холодная обработка, Было известно паяние. Использование этой техники позволило древним мастерам соединять между собою отдельные детали ювелирных изделий и создавать предметы украшенные сканью, зернью или филигранью (*Онайко Н. А.*, 1966б, с. 166; *Кадеев В. И.*, 1970, с. 69, 70). Этот прием орнаментации особенно часто употреблялся при изготовлении мелких золотых украшений греческих форм: серег, подвесок, лунниц, амулетов и т. п. Особенно часто практиковались штамповка и тиснение. Для штамповки употреблялись бронзовые штемпеля, на рабочей торцевой поверхности которых находилось рельефное изображение. Такие штемпеля найдены в Пантикапее, Тиритаке (табл. LX, *5*, *6*), Херсонесе (*Гайдукевич В. Ф.*, 1940б, с. 298 сл.; 1949а, с. 119; *Харко Л. П.*, 1961, с. 223, сл.; *Никулин В.*, 1957, с. 85—89; *Марченко И. Д.*, 1957б, с. 166 сл.; *Кадеев В. И.*, 1970, с. 51). Мелкий орнамент мог наноситься путем штамповки или клеймения на уже готовые металлические предметы. Но чаще всего эта техника применялась к изделиям, которые изготовлялись из тонкого металлического листа или им облицовывались: бляшкам, обкладкам ножен оружия и горитов, поясов, портупей и пр., сосудам из золота или серебра. При изготовлении мелких бляшек тонкий лист металла помещался на какую-нибудь сравнительно мягкую подушку (из смолы или свинца), сверху к нему приставляли рабочий конец штемпеля, по верхней части которого били молотком. Для выполнения более сложных рельефов, например, при изготовлении фигурных композиций обкладок горитов, употреблялась другая техника. Рельефное изображение вырезалось на деревянной доске или отливалось в виде бронзовой матрицы, поверх нее клался тонкий золотой или серебряный лист и затем свинцовая пластинка, по которой били молотком. После того, как на металлическом листе получалось достаточно четкое рельефное изображение, матрица вынималась, но деревянная основа могла быть и оставлена на месте или заменена гипсовой отливкой для предохранения рельефной обкладки от деформации (*Шилов В. П.*, 1961, с. 165 сл.). Детали изображений могли прорабатываться дополнительной чеканкой мелкими штампами и пуансонами, а также гравировкой. Сопоставление деталей одинаковых изделий северочерноморских торевтов обнаруживает неоднократное использование штемпелей и матриц, их подправку разными мастерами (*Онайко Н. А.*, 1974, с. 78 сл.). Техника штамповки и тиснения была особенно развита в торевтике Боспора в V — первой половине III в. до н. э. Позднее она все чаще заменяется литьем.

Около рубежа III—II вв. до н. э. развивается обычай украшать изделия вставками из драгоценных и полудрагоценных камней, стекла и эмали — возникает так называемый полихромный стиль, получивший особенное развитие в ювелирных изделиях первых веков нашей эры. Необходимость припаивать к поверхности изделий гнезда для драгоценных камней и перегородки для эмали очень повысила роль паяния в ювелирном ремесле. Вместе с тем зернь или филигрань в ювелирных изделиях конца эллинизма и первых веков нашей эры нередко заменяются псевдозернью и псевдофилигранью, получаемыми путем холодной обработки — штамповки пуансонами или насечки режущим инструментом (*Капошина С. И.*, 1956б, с. 176).

Примерно с III в. до н. э. распространяется золочение серебряных или бронзовых изделий. Оно производилось при помощи покрытия изделия раствором золота в ртути. О распространении золочения говорит профессиональное выделение особых позолотчиков, засвидетельствованное надписью на ручке бронзового ковша конца II в. н. э. из станицы Мелеховской Ростовской обл. (*Лунин Б. В.*, 1928; с. 82 сл.; *Семенов А. Ф.*, 1929, с. 47 сл.; *Kalinka E.*, 1932, 1463; *Ельницкий Л. А.*, 1964, с. 116 сл.). Другим способом покрывать металлические изделия более ценным металлом — золотом или электром, было обтягивание (плакировка) изделий тончайшей золотой фольгой (*Кадеев В. И.*, 1970, с. 71 сл.). Этот прием использовался уже в архаическое время, например, знаменитое келермесское зеркало, плакированное электровым листом (*Максимова М. И.*, 1954, с. 281 сл.) и широко применялся торевтами на протяжении всей античной эпохи.

В разных центрах Северного Причерноморья развитие торевтики и ювелирного дела шло своими путями. В Ольвии с древнейших времен получила развитие художественная обработка бронзы. Расцвет этого ремесла приходится там на VI—V вв. до н. э., когда Ольвия снабжает своими бронзовыми зеркалами, деталями конской сбруи и другими изделиями степи Причерноморья. Ольвийские торевты, по-видимому, греки, выделывали бронзовые изделия в скиф-

ском зверином стиле, предназначенные для кочевников (*Прушевская Е. О.*, 1955, с. 329 сл.; *Капошина С. И.*, 1956б, с. 176 сл.; *Онайко Н. А.*, 1966б, с. 167). О том, какие высокохудожественные вещи могли выделывать в это время ольвийские торевты, говорит найденная в Ольвии глиняная форма для отливки женской скульптурной головки (*Моисеев Л.*, 1911, с. 121 сл.), возможно, привезенная из Ионии. С IV в. до н. э. бронзолитейное дело в Ольвии сокращается. Изделия из драгоценных металлов для Ольвии не очень характерны, хотя некоторое количество их, конечно, выделывалось и там, особенно в эллинистическое и римское время. Довольно много в это время производится в Ольвии мелких свинцовых поделок и бронзовых фибул.

Херсонес никогда не был значительным центром металлообработки и ювелирного дела. Херсонесские ювелиры выделывали свою продукцию не на вывоз, а для удовлетворения потребности самих горожан. Это главным образом мелкие украшения (*Пятышева Н. В.*, 1956). Наиболее мощным центром античной торевтики и ювелирного дела был Боспор. Находки форм свидетельствуют, что уже в VI в. до н. э. в Пантикапее выделывались украшения из драгоценного металла (*Блаватский В. Д.*, 1954в, с. 29 сл.; 1964в, с. 40). По-видимому, значительные центры торевтики существовали в это время на азиатской стороне Боспора, в Прикубанье (*Онайко Н. А.*, 1966б, с. 169 сл.). Уверенно можно говорить о боспорском, скорее всего пантикапейском, происхождении изделий торевтики, встречающихся в курганах скифской и меотской знати V—IV вв. до н. э. (*Гайдукевич В. Ф.*, *Капошина С. И.*, 1951, с. 172 сл.; *Прушевская Е. О.*, 1955, с. 339 сл.; *Онайко Н. А.*, 1970а, с. 22—54; *Gajdukevič V. F.*, 1971, с. 133 сл.). Форма и назначение этих изделий (накладки на гориты и ножны акинаков, ритуальные сосуды, пекторали, гривны и т. п.) указывают на изготовление их боспорскими торевтами специально для сбыта кочевникам. О том же говорят и сюжеты изображений: сцены из жизни скифов, или из скифской мифологии. Связь боспорских торевтов с местной этнической средой выражается и в изготовлении блях или обкладок с изображениями животных в скифском зверином стиле (об этих изделиях см.: *Шварц А. Н.*, 1894а, б; *Лаппо-Данилевский А. С.*, 1894; *Мальмберг В. К.*, 1894; *Фармаковский Б. В.*, 1911; *Веселовский Н. И.*, 1913; *Ростовцев М. И.*, 1913, 1914; *Фармаковский М. В.*, 1922; *Манцевич А. П.*, 1949, 1950, 1963, 1964; *Прушевская Е. О.*, 1955; *Онайко Н. А.*, 1966б, 1970а; *Gajdukevič V. F.*, 1971; *Яценко И. В.*, 1971; 1977). В то же время боспорские ювелиры изготовляют и золотые украшения в чисто греческой манере, с применением зерни и филиграни. Таковы многочисленные серьги, подвески, ожерелья, вроде найденных в Большой Близнице и т. д. (*Прушевская Е. О.*, 1955, с. 344 сл.; *Смирнов К. Ф.*, 1953). Полихромный стиль продолжал развиваться и в первые века нашей эры (*Блаватский В. Д.*, 1964в, с. 188 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 166 сл.). Завершается это направление в развитии ювелирного производства предметами инкрустационного стиля, происходящими из памятников гуннского времени, IV—V вв. н. э. (*Спицин А. А.*, 1905; *Засецкая И. П.*, 1968; 1975).

В первые века нашей эры на Боспоре продолжали изготовляться и штампованные или литые произведения торевтики из золота и бронзы, в частности, весьма были распространены украшения, создававшиеся специально для погребального ритуала — диадемы, венки, брактеаты, пряжки, наконечники ремней и пр. (*Прушевская Е. О.*, 1955, с. 350). Можно предполагать, что существовали и мастерские, в которых могла создаваться даже крупная бронзовая скульптура. По крайней мере на некоторых боспорских монетах первых веков нашей эры можно видеть изображения конных, несомненно бронзовых, статуй боспорских правителей (*Блаватский В. Д.*, 1964в, с. 185—187). Из дошедших до нас памятников художественного литья следует упомянуть бронзовый бюст царицы Динамии (*Ростовцев М. И.*, 1916) и скульптурную золотую портретную маску из гробницы, приписываемой Рескупориду III (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 421).

Мастерские торевтов и ювелиров не были большими (*Пятышева Н. В.*, 1956, с. 7). Владельцы боспорских мастерских должны были быть богатыми людьми, располагавшими значительными фондами драгоценного металла. Есть основания предполагать, что эти мастерские находились в прямой зависимости от боспорских правителей Спартокидов или даже принадлежали им (*Блаватский В. Д.*, 1959в, с. 51 сл.; 1964*в*, с. 68 сл.; *Бритова Н. Н.*, 1971, с. 160). Иногда высказываются предположения, что в ольвийских и боспорских ювелирных мастерских работали не только греки, но и представители северочерноморских туземных племен (*Гайдукевич В. Ф.*, *Капошина С. И.*, 1951, с. 172; *Прушевская Е. О.*, 1955, с. 329, 342; *Капошина С. И.*, 1956б, с. 189; *Онайко Н. А.*, 1974, с. 86). Однако анализ техники и стиля изделий показывает, что хотя торевты и ювелиры и старались приспособить свою продукцию к вкусам варварской знати, для них самих образы скифского изобразительного искусства были чужды (*Блаватский В. Д.*, 1964в, с. 70). О значительном проникновении негреческих элементов в среду ремесленников-ювелиров можно говорить только в применении к боспорскому ремеслу позднеэллинистического времени и особенно первых веков нашей эры.

Монетное дело. Особой отраслью металлообрабатывающего ремесла является монетное дело. Тира, Ольвия, Херсонес, Пантикапей выпускали свою монету на протяжении почти всей античной эпохи, другие города лишь недолго или эпизодически — Керкинитида, Феодосия, Аполлония (?), Нимфей, Фанагория, Синдская гавань (?), Горгиппия (*Зограф А. Н.* 1951). Городские монеты чеканились главным образом из серебра и меди, редко из золота. Технически почти все эти монеты ничем не отличались от большинства эмиссий в греческом, а затем в римском мире. Монетные кружки отливались в формах, следы этой отливки хорошо заметны в виде литников на многих монетах (*Шелов Д. Б.*, 1960а, с. 210; *Харко Л. П.*, 1964, с. 335 сл.; *Анохин В. А.*, 1974). Затем на кружки посредством чеканки наносились изображения и легенды. В Херсонесе и Ольвии найдены монетные кружки, заготовленные для чеканки и не успевшие попасть под штемпель (*Косцюшко-Валюжинич Д. Н.*, 1915,

с. 162 сл.; *Харко Л. П.*, 1964, с. 335 сл.). В типологическом и стилистическом отношении монеты античных государств Северного Причерноморья также следуют общим принципам развития монетного дела в античном мире (см. главу восьмую табл. LXXV–LXXIX).

Только Ольвия дает пример яркого своеобразия в монетном деле. В начале ее истории, в V–IV вв. до н. э. в Ольвии выпускалась крупная медная монета, не чеканившаяся, а отливавшаяся в двухсторонних формах (табл. LXXV, *4, 5, 8*) (*Голубцов В. В.*, 1914, с. 77 сл.; *Зограф А. Н.*, 1951, с. 121 сл.; *Карышковский П. О.*, 1959б, с. 220 сл.; 1962, с. 210 сл.; *Харко Л. П.*, 1964, с. 330 сл.; *Гилевич А. М.*, 1972). Использование этой специфической техники было обусловлено тем, что крупные бронзовые кружки не были пригодны для чеканки, они растрескались бы под ударами штемпеля. В это же время в Ольвии осуществлялся выпуск литых денежных знаков необычного для античных городов вида, в форме дельфинчиков или стрелок (*Голубцов В. В.*, 1914, с. 68 сл.; *Laum B.*, 1918, с. 439; *Орешников А. В.*, 1921, с. 222; *Скуднова В. М.*, 1956б, с. 38 сл.; *Сальников А. Г.*, 1957, с. 102; 1959, с. 44 сл.; *Харко Л. П.*, 1964, с. 322 сл.; *Граков Б. Н.*, 1968, с. 101 сл.; *Марченко К. К.*, 1974б, с. 154–156).

Однако, уже к середине IV в. до н. э. выпуск всей этой литой меди прекращается и монетное дело Ольвии приобретает облик, обычный для всех греческих полисов (*Карышковский П. О.*, 1969). Монетная чеканка первых веков нашей эры, осуществлявшаяся в Тире, Ольвии, Херсонесе и Боспорском царстве, в техническом отношении соответствовала нормам римского монетного дела. Чеканились монеты главным образом из меди и золота, очень редко из серебра; последний металл широко использовался (как и медь) в качестве лигатуры при постепенной порче золотых статеров боспорской чеканки (*Зограф А. Н.*, 1951; 1957; *Анохин В. А.*, 1963; 1977б; *Карышковский П. О.*, 1969).

Керамическое ремесло. Это ремесло было развито во всех античных центрах, не только в больших и малых городах, но и в сельских поселениях. Из глины изготовлялись, кроме посуды, строительные материалы, керамическая тара для хранения и перевозки жидких и сыпучих продуктов, а также грузила, пряслица, терракотовые статуэтки, светильники, предметы культа — жертвенники, курильницы и пр. В археологической литературе посуду принято делить на лепную, сформованную без применения гончарного круга, и на кружальную или круговую (иногда ее называют еще гончарной), т. е. сделанную на гончарном круге. Ремесленное происхождение кружальных сосудов не может вызывать сомнений, поскольку использование гончарного круга доступно только специалисту-ремесленнику (*Сайко Э. В.*, 1971). Лепная же керамика, как обычно считается, выделывалась не профессионалами, а отдельными хозяевами для использования в своем собственном доме (*Кругликова И. Т.*, 1951, с. 91; *Кастанаян Е. Г.*, 1952, с. 249; 1958а, с. 250; 1967, с. 2; *Дзис-Райко Г. О.*, 1959, с. 36). Есть основания думать, что в некоторых случаях, особенно в сельских поселениях, лепная керамика могла производиться и ремесленниками на продажу (*Арсеньева Т. М.*, 1969, с. 174; *Щеглов А. Н.*, 1973а, с. 16).

Ремесленное изготовление гончарной посуды началось в античных городах Северного Причерноморья сразу с момента их основания (*Скуднова В. М.*, 1957а, с. 74 сл.; *Блаватский В. Д.*, 1954в, с. 28, 29; 1964в, с. 83) и продолжалось в течение всей античной эпохи. В то же время постоянно ввозилось большое количество керамики из других центров Причерноморья и Средиземноморья. Выделение керамики местного производства стало возможно благодаря открытию керамических производственных комплексов, находкам бракованной керамической продукции, наблюдению над особенностями глины, покрытия, орнаментации и т. п. Что касается форм керамики, то они, как правило, воспроизводят формы посуды, распространенной во всем античном мире.

Гончарная керамика обычно сделана довольно тщательно из хорошей отмученной и промешанной глины, хорошо обожжена в гончарных печах, поэтому черепки ее имеют в изломе как правило красный или желтокоричневый цвет. Поверхность всех этих сосудов обычно тщательно заглаживалась и покрывалась дополнительно жидкой глиной (ангобом) (*Кругликова И. Т.*, 1957а, с. 104 сл.; *Кадеев В. И.*, 1970, с. 109–115; о технологическом исследовании этой керамики см.: *Кульская О. А.*, 1940; 1958; *Кадеев В. И.*, *Шуменко С. И.*, 1967). Уже в VI в. до н. э. северочерноморские керамисты начали выделывать художественную расписную посуду — амфорки, ойнохои, килики, блюда — роспись которой повторяла роспись привозной ионийской керамики. Она наносилась черной или красной краской по светлому ангобу. Остатки производства такой расписной посуды открыты в Нимфее, Пантикапее, Фанагории (*Шмидт Р. В.*, 1952, с. 228 сл.; *Худяк М. М.*, 1952, с. 249 сл.; 1962, с. 45; *Книпович Т. Н.*, 1940б, с. 164 сл.; 1955а, с. 176; 1955б, с. 376; *Скуднова В. М.*, 1957а, с. 73–75; 1958, с. 100 сл.; *Блаватский В. Д.*, 1964б, с. 33, 34; *Марченко И. Д.*, 1967а, с. 146 сл.; *Цветаева Г. А.*, 1972, с. 21–23). Широко распространяется расписная керамика в эллинистическое время. Боспорские, ольвийские и херсонесские мастера в это время выделывают различные сосуды с росписью красной, серой, голубой, черной красками по светлому фону или белой краской по темному фону. Очень интересной категорией керамики являются изготовлявшиеся в это время на Боспоре и в Ольвии так называемые полихромные или акварельные вазы (*Штерн Э. Р.*, 1910, с. 158 сл.; *Книпович Т. Н.*, 1940б, с. 163 сл.; 1941, с. 140 сл.; 1955б, с. 378 сл.; *Блаватский В. Д.*, 1947а; 1953в; с. 274 сл.; *Кобылина М. М.*, 1956, с. 48 сл.; *Марченко И. Д.*, 1966; *Зайцева К. И.*, 1962, с. 184 сл.; 1970, с. 109 сл.; 1976, с. 97 сл.).

С распространением в греческом мире посуды, покрытой черным лаком, такая керамика начинает изготовляться и в Северном Причерноморье. Здесь она подражает в основном малоазийским образцам и хуже по выделке и по качеству лака, чем средиземноморские изделия (*Книпович Т. Н.*, 1935б, с. 144 сл.; 1940б, с. 158 сл.; 1955б, с. 375; сл.; *Кульска О. А.*, 1958, с. 77 сл.). В III–II вв. до н. э.

выделывались и сосуды с рельефными украшениями. Это главным образом так называемые «мегарские чаши» — полусферические сосуды с плоским дном, украшенные по наружной стороне растительными или геометрическими рельефными орнаментами, получающимися путем оттискивания чаш в специальных формах. Такие формы найдены в Пантикапее и Мирмекии (*Блаватский В. Д.*, 1947в, с. 14; 1959д, с. 174 сл.; 1964в, с. 125; *Гайдукевич В. Ф.*, 1952а, с. 34; *Пругло В. И.*, 1967, с. 202; *Лосева Н. М.*, 1962б, с. 195 сл.; *Шургая И. Г.*, 1962, с. 108 сл.). Из Херсонеса происходят формы для изготовления фигурных рельефных медальонов, помещавшихся на дно некоторых эллинистических чашек с внутренней стороны (*Мальмберг В. К.*, 1892, с. 3 сл.; *Книпович Т. Н.*, 1955а, с. 166 сл.). Рельефная эллинистическая керамика покрывалась сверху тусклым серым или коричнево-красным лаком.

С I в. до н. э. в северопонтийских городах начинается выделка обиходной столовой посуды, покрытой красным лаком. Производство этой посуды развивается повсеместно до конца античной эпохи. Наряду с ней в первых веках нашей эры выделывается большое количество посуды, поверхность которой украшена лощением, либо сплошным, либо образующим орнаментальные полосы, сеточку и т. п. Такие лощеные гончарные сосуды главным образом миски и кувшины, имеют обычно темносерый или черный цвет (*Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 154сл.). Во все времена керамисты изготовляли глиняные светильники (*Книпович Т. Н.*, 1940б, с. 144 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1957а, с. 133 сл.; 1966а, с. 159; *Зеест И. Б.*, 1957, с. 156 сл.; *Щеглов А. Н.*, 1961б, с. 45 сл.; *Кадеев В. И.*, 1970, с. 106 сл.; *Ветштейн Р. И.*, 1975, с. 183 сл.).

Значительной отраслью керамического производства было изготовление глиняной тары, прежде всего остродонных амфор. Это производство возникло в Северном Причерноморье в IV в. до н. э. в связи с развитием виноградарства и виноделия. Амфоры выделывались в IV—II вв. до н. э. в Херсонесе (*Ахмеров Р. Б.*, 1947, с. 160 сл.; *Зеест И. Б.*, 1960, с. 97—100; *Борисова В. В.*, 1974, с. 99 сл.; *Белов Г. Д.*, 1977, с. 17 сл.) и в городах Боспора (*Зеест И. Б.*, 1952, с. 158 сл.; *1960*, с. 26 сл.; 94 сл.; *Круг О. Ю.*, 1960, с. 129 сл.). В Ольвии производство амфор в доримское время пока неизвестно. В первые века нашей эры в Пантикапее, Фанагории и, по-видимому, в других боспорских городах выделывали очень большие массивные амфоры с одутловатым реберчатым туловом, приспособленные не для перевозки, а для стационарного хранения зерна, вина, воды и других продуктов. По-видимому, аналогичные крупные амфоры производились в это время и в Ольвии и в Херсонесе (*Зеест И. Б.*, 1952, с. 162 сл.; 1960, с. 32 сл.; *Ветутейн Р. И.*, 1953, с. 8; 1975, с. 166 сл.; *Круг О. Ю.*, 1960, с. 128 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 148 сл.; *Кадеев В. И.*, 1970, с. 99 сл.).

Из керамических строительных материалов наибольшее значение имела черепица. Она служила основным кровельным материалом во всех античных городах. Изготовление черепицы в Пантикапее началось в конце V в. до н. э., позднее производство ее возникло в Фанагории, Горгиппии, Гермонассе, Херсонесе, Ольвии, Тире (*Гайдукевич В. Ф.*, 1934; 1947; с. 26; 1958в, с. 124; *Блаватский В. Д.*, 1951б, с. 247 сл.; *Мерперт Н. Я.*, 1951, с. 227 сл.; *Ахмеров Р. Б.*, 1947, с. 163 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1954, с. 127 сл.,; 1956б, с. 152 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 148; *Зеест И. Б.*, 1955, с. 118; *Ветштейн Р. И.*, 1958, с. 61, с. 174 сл.; *Брашинский И. Б.*, 1964, с. 285 сл.; *Богданова-Березовская И. В.* и др., 1964, с. 314; *Савельев Ю. А.*, 1964, с. 198 сл.; *Кадеев В. И.*, 1970, с. 103 сл.; *Кобылина М. М.*, 1972б, с. 112 сл.). Северочерноморские керамические мастерские изготовляли и некоторые другие строительные материалы: украшенные рельефными изображениями терракотовые детали кровли и верхних частей зданий (акротерии, антефиксы, симы), облицовочные или мозаичные плитки (*Гайдукевич В. Ф.*, 1934, с. 227 сл.; *Марченко И. Д.*, 1952, с. 167 сл.; *Сорокина Н. П.*, 1952, с. 11 сл.; 1956, с. 171 сл.; 1961, с. 3 сл.; *Борисова В. В.*, 1966а, с. 47 сл.; 1966б, КП, с. 47 сл.). В первые века нашей эры получил некоторое распространение обожженный кирпич римского образца квадратной или прямоугольной формы (КП, с. 44, 49, 51, 60; *Кадеев В. И.*, 1970, с. 104 сл.; *Ветштейн Р. И.*, 1975, с. 179 сл.). Он выделывался во многих городах Северного Причерноморья, но в сравнительно небольшом количестве. В это же время на Боспоре, в Херсонесе, в Ольвии налаживается производство керамических труб для водопроводов и для воздуходувных систем в термах-банях (КП, с. 44 сл.; 49 сл.; 61 сл.; *Кадеев В. И.*, 1970, с. 105; *Ветштейн Р. И.*, 1975, с. 177 сл.).

Особую отрасль керамического производства составляла коропластика — изготовление небольших глиняных фигурок — терракот, культового и бытового назначения. Терракоты изготавливались почти во всех античных городах (*Белов Г. Д.*, 1930, с. 217 сл.; *Винницкая Г. Г.*, 1949; 1951, с. 35 сл.; *Мезенцева Г. Г.*, 1956; *Кобылина М. М.*, 1949а; 1958; 1959б; 1961; *Наливкина М. А.*, 1952, с. 327 сл.; *Леви Е. И.*, 1959, с. 9 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 160 сл.; ТСП; *Пругло В. И.*, 1974; 1977; с. 177 сл.). Обычно они оттискивались в формах, сделанных на месте или привозных, но иногда лепились от руки. Местное производство терракотовых фигурок было налажено уже в VI в. до н. э. (в Нимфее, Пантикапее, Ольвии) и продолжалось до конца античной эпохи. Большинство статуэток представляют собой рядовые изделия ремесленников, но в некоторых случаях коропласты создавали настоящие произведения искусства.

Помимо перечисленных изделий ремесленники-гончары выпускали глиняные пирамидальные или дисковидные грузила для ткацкого станка и для рыболовных сетей (табл. LXI, *14—17*; LXII, *5*, *6*;) глиняные пряслица для прядения (табл. LXI, *7—12*), различные подставки производственного и бытового назначения и т. д. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952г, с. 396 сл.; *Онайко Н. А.*, 1956, с. 154 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1957а, с. 101, 134; *Кадеев В. И.*, 1970, с. 105 сл., *Ветштейн Р. И.*, 1975, с. 180 сл.).

Производственные керамические комплексы представлены развалинами обжигательных печей (табл. LXIV), формами для изготовления терракот, светильников (табл. LXIII, *6*; LXV, *23*), черепицы, архитектурных украшений и орудиями труда гор-

шечников (табл. LXIII, *3*, *5*, *7*), а также керамическими шлаками и бракованными изделиями. Наиболее ранние керамические печи VI—V вв. до н. э. открыты при раскопках Нимфея и Пантикапея (*Худяк М. М.*, 1952, с. 257; КП, с. 29 сл.). В них обжигалась различная продукция — расписные сосуды, светильники, грузила. Довольно хорошо известны керамические мастерские эллинистического времени, главным образом по раскопкам в Херсонесе (*Мальмберг В. К.*, 1892, с. 9—10; *Ахмеров Р. Б.*, 1946, с. 188 сл.; *Борисова В. В.*, 1958; с. 144 сл.; *Кадеев В. И.*, 1970, с. 81; КП, с. 25, 26). В Херсонесских печах III—II вв. до н. э. обжигались амфоры, расписная столовая посуда, терракотовые статуэтки и грузила (табл. LXII). Но в Херсонесе найдены остатки и небольших специализированных керамических мастерских, производивших специально чернолаковую посуду (*Косцюшко-Валюжинич К. К.*, 1902, с. 19 сл.; *Гайдукевич В. Ф.*, 1934а, с. 12). Остатки керамических мастерских с обжигательными печами эллинистического времени обнаружены также в Фанагории, Нимфее (КП, с. 29, 31), Горгиппии (*Салов А. И.*, 1962, с. 25 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1962в, с. 218 сл.) и в одном из сельских поселений на Таманском полуострове (*Сокольский Н. И.*, 1969б, с. 59). Керамическое производство первых веков нашей эры представлено полнее всего в Фанагории, где открыты хорошо сохранившиеся обжигательные печи I—II, III и IV вв. н. э. (табл. LXIV, *2*; LXIII, *1*, *2*) (*Гайдукевич В. Ф.*, 1934а, с. 53 сл.; *Кобылина М. М.*, 1956, с. 72, 90 сл.; 1966б, с. 71 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 140 сл.). Несколько печей римского времени обнаружено в Ольвии за пределами стен позднего города (табл. LXIV, *3*, *5*) (*Ветштейн Р. І.*, 1958, с. 61—75; 1965, с. 206 сл.). Остатки керамических мастерских первых веков нашей эры, найдены также в Херсонесе (табл. LXII, *11*, *14*), в Пантикапее (табл. LXIV, *1*), в Горгиппии, в Патрее, в Кепах, в Гермонассе (табл. LXIV, *4*) и других поселениях Боспора (КП, с. 30—34; *Шелов Д. Б.*, 1953, с. 162 сл.; *Зеест И. Б.*, 1955, с. 119 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 144, 156; *Сокольский Н. И.*, 1969б, с. 61 сл.; *Кадеев В. И.*, 1970, с. 81 сл.). В большинстве своем эти печи были универсальны по своему назначению. В них обжигались амфоры, кирпич, пифосы, столовая посуда Но известны и специализированные мастерские. Так, в Пантикапее раскопана большая печь III в. н. э. (табл. LXIV, *1*) предназначенная для обжига амфор (*Гайдукевич В. Ф.*, 1934а, с. 22 сл.). В Пантикапее же открыта мастерская коропласта I в. н. э., оборудованная двумя небольшими обжигательными печами (*Кобылина М. М.*, 1958, с. 178 сл.; 1961, с. 47 сл.). Специальные мастерские по выделке терракот зафиксированы также в Херсонесе и в Фанагории (*Кобылина М. М.*, 1949а, с. 107 сл.).

Устройство керамических печей было довольно однообразным. Обычно это были сооружения из сырцового кирпича, округлой или овальной в плане формы. Средний диаметр такой печи равнялся 1,5—2 м, но были и совсем маленькие печи (для обжига терракот) диаметром менее метра, а также очень большие диаметром до 5 м. Изнутри стенки печи обмазывались жаростойким слоем глины, который регулярно и многократно подновлялся. Внутреннее пространство печи было разделено на две части: нижнюю, топочную камеру и верхнюю, обжигательную. Топочная камера имела с одной стороны отверстие для загрузки печи дровами и разжигания огня. Посредине топочной камеры находился опорный столб, иногда два, на которых покоился плоский или сводчатый потолок, являвшийся одновременно полом обжигательной камеры. В этом потолке были отверстия — продухи для лучшего проникновения горячего воздуха в верхнюю камеру. Обжигательная камера имела сводчатое перекрытие без опорного столба (*Гайдукевич В. Ф.*, 1934а; *Ветштейн Р. І.*, 1958).

Для изготовления керамики выбиралась подходящая глина, которую перемешивали, отмучивали, добавляли в нее разные примеси — песок, толченый известняк или толченую ракушку, шамот и пр. Из подготовленной таким образом глины на гончарном круге формировался сосуд (*Зеест И. Б.*, 1960, с. 123 сл.; *Кадеев В И.*, 1970, с. 109 сл.). При формовке сосуда на гончарном круге мастер пользовался костяными или каменными орудиями — лощилами для заглаживания поверхности. Такие орудия найдены при исследовании керамических производственных комплексов в Ольвии, Пантикапее, Фанагории, Кепах (табл. LXIII, *3*; *5*) (*Ветштейн Р. І.*, 1958, с. 75; *Цветаева Г. А.*, 1966б, с. 265 сл.). При изготовлении черепицы и кирпича керамисты пользовались деревянными формами или глиняными болванками (*Ветштейн Р. І.*, 1958, с. 66). Терракоты оттискивались в глиняных формах, которые могли быть односторонними, тогда в них оттискивалась только передняя сторона статуэтки, а задняя лепилась от руки, но формы могли быть и двухсторонними разъемными. В формах оттискивались и рельефные архитектурные украшения, и светильники (табл. LXIII, *6*, *7*; LXV, *23*). Формы для изготовления терракот разного времени найдены во многих местах — в Ольвии, Херсонесе, Нимфее, Горгиппии, Пантикапее, Фанагории. Формы для терракот выделывались по металлическим, каменным или глиняным моделям. В Херсонесе открыта специальная мастерская III—II вв. до н. э., в которой производились глиняные формы для терракот (*Мальмберг В. К.*, 1892; *Борисова В. В.*, 1966б, с. 6, 7). Оттиснутые в форме изделия затем еще доделывались от руки. После формовки керамические изделия подсушивались и, если требовалось, покрывались ангобом или лаком. Поверх ангоба наносилась роспись минеральными или растительными красками. Расписывались красками и терракотовые статуэтки и рельефные архитектурные детали. Черепицы иногда покрывались густым слоем прочной красной краски для повышения их гидроизолирующих свойств (*Гайдукевич В. Ф.*, 1934б, с. 234 сл.).

В ряде случаев керамические изделия клеймились. На херсонесских эллинистических амфорах и черепицах, на боспорских черепицах IV—III вв. до н. э. ставились клейма с упоминанием имен чиновника, ответственного за выпуск керамической продукции, владельца мастерской или — на боспорских — с указанием на принадлежность черепицы царскому заводу (*Юргевич В. Н.*, 1889, с. 47 сл.; *Махов И.*, 1912; *Ахмеров Р. Б.*, 1949; 1951; *Бори-*

сова В. В., 1949; 1974; *Гайдукевич В. Ф.*, 1934б, 1947; 1958в; 1967; *Граков Б. Н.*, 1935; *Шелов Д. Б.*, 1957; *Веселов В. В.*, 1962; *Савельев Ю. А.*, 1964). Изредка черепица клеймилась и позднее, в эллинистическое и римское время (*Шелов Д. Б.*, 1957, с. 225 сл.). Особенно интересны клейма I в. н. э. на кирпичах в виде тамгообразного знака (*Цветаева Г. А.*, 1975). В первые века нашей эры в местах стоянок римских войск гарнизонные мастерские клеймят черепицу и кирпичи штемпелями с обозначением воинских частей (*Борисова В. В.*, 1961). Клейма помещались иногда и на другую керамическую продукцию — на мерные боспорские сосуды IV в. до н. э. (табл. LXIII, *8*) (*Блаватский В. Д.*, 1951в, с. 214 сл.; 1964в, с. 31, 32), на грузила для ткацкого станка (табл. LXI, *14—17*) на донышки «мегарских» и краснолаковых чаш и пр. Клейма ставились до обжига изделия. На грузилах клейма нередко оттискивались ключом или перстнем с резным камнем (табл. LXI, *16*; LXV, *9—11*).

Для обжига керамические изделия через загрузочное отверстие помещались в верхнюю камеру обжигательной печи. Для установки сосудов с острым или округлым дном употреблялись специальные муфтообразные керамические подставки; они найдены в Ольвии, Херсонесе, Пантикапее, Илурате, Горгиппии, Фанагории (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, с. 54, рис. 42; *Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 145; КП, табл. 27, *1—6*). После установки обжигаемой продукции загрузочный ход замуровывался, а в топочной камере разжигался огонь. По окончании обжига загрузочное отверстие вновь открывалось и готовая продукция извлекалась из печи.

Судя по клеймам, на Боспоре в IV—III вв. до н. э. мастерские, изготовлявшие черепицу, либо были царской собственностью и находились под управлением царских чиновников, либо принадлежали членам царской династии Спартокидов и представителям высшей боспорской аристократии (*Гайдукевич В. Ф.*, 1934б, с. 293 сл.; 1967, с. 19 сл.). Можно думать, что в Херсонесе наряду с частными мастерскими существовали государственные, выделывавшие амфоры и черепицу (*Борисова В. В.*, 1966б, с. 6—8). Вероятно, государственные или городские эргастерии вырабатывали и клейменные мерные сосуды на Боспоре. В Кепах открыты остатки керамического производства, видимо, находившегося во владении местного храма или святилища. Но большинство гончарных мастерских принадлежало все же частным лицам. Размеры керамических эргастериев были различны (*Гайдукевич В. Ф.*, 1934а, с. 112; *Блаватский В. Д.*, 1959в, с. 47 сл.; 1964в, с. 66; *Борисова В. В.*, 1966б, с. 6—8; *Кадеев В. И.*, 1970, с. 118 сл.). В мастерской могла быть одна обжигательная печь, но чаще их было две и более. На Боспоре в IV—III вв. до н. э. только черепицу выделывали, кроме царских черепичных заводов, не менее 70 мастерских. Вероятно, в этих же предприятиях производилась и другая керамическая продукция. Керамические мастерские обычно были сосредоточены в особых кварталах на окраинах города или даже за городскими стенами, хотя иногда располагались и внутри городских кварталов (табл. LXII, *15*).

Стеклоделие. В первые века нашей эры в Северном Причерноморье распространяются стеклянные сосуды столового, хозяйственного туалетного и культового назначения. Значительная часть их привозилась из других стран античного мира, часть изготавливалась на месте. Отдельные находки бракованных стеклянных изделий, кусков стеклянного шлака, хальмозы и предметов относящихся к стеклоделию, позволили установить наличие стекольного производства в Танаисе в первой половине III в. н. э. (*Алексеева Е. М.*, *Арсеньева Т. М.*, 1966, с. 176 сл.; *Сорокина Н. П.*, 1965, с. 202 сл.; *Щапова Ю. Л.*, 1965, с. 249 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 100 сл.) и в Херсонесе в IV—III вв. н. э. (*Белов Г. Д.*, 1965, с. 237, сл.; 1969, с. 80 сл.). Вероятно, собственное производство стекла существовало и в других городах античного Причерноморья. Об оборудовании стеклоделательной мастерской и процессе изготовления стеклянных изделий можно судить по раскопкам мастерской II—III вв. на городище Алма-Кермен в Юго-Западном Крыму (*Висотська Т. М.*, 1964, с. 7 сл.; *Высотская Т. Н.*, 1972, с. 46 сл.). Очень вероятно предположение, что стеклоделательное производство было там налажено солдатами XI Клавдиева легиона (*Висотська Т. М.*, 1970, с. 186 сл.). Видимо, существовали особые печи для предварительного обжига шихты, состоявшей из песка, соды и других компонентов, для плавки шихты в керамических тиглях и для отжига уже готовых сосудов (*Высотская Т. Н.*, 1972, с. 53). Формовка стеклянных сосудов производилась дутьем в форму или без нее. Формы могли быть деревянными или глиняными. Глиняная форма для изготовления стеклянных фиал найдена в Танаисе. Готовые стеклянные сосуды после их охлаждения могли проходить еще холодную обработку, в частности получать орнаментацию или узоры, выполненные гравировкой или шлифовкой. Иногда сосуды украшались и напаянными стеклянными нитями или «глазками» другого цвета. Техника украшения прозрачных сосудов синими пятнами — «глазками» развилась в IV в. н. э. (*Сорокина Н. П.*, 1971б). В позднеантичное время в Северном Причерноморье производится и оконное стекло.

Каменотесно-строительное дело. По количеству необходимого труда и по числу занятых в нем рабочих рук оно, вероятно, занимало первое место. В большинстве городов Северного Причерноморья почти все постройки делались из камня. Правда в раннюю эпоху греки — первопоселенцы часто жили в землянках или в домах из сырцовых кирпичей (*Леви Е. И.*, *Карасев А. Н.*, 1955, с. 216; *Блаватский В. Д.*, 1961, с. 102 сл.; *Крыжицкий С. Д.*, 1975, с. 103; *Копейкина Л. В.*, 1975, с. 188 сл.). Но уже очень скоро основным строительным материалом становится камень; только в местах, бедных камнем, например на Таманском полуострове, глинобитные и сырцовые сооружения, даже оборонительные, широко используются на протяжении всей античной эпохи (*Сокольский Н. И.*, 1963, с. 190 сл.). Камень применялся для строительства домов, хозяйственных и производственных помещений, оборонительных и портовых сооружений, общественных и храмовых построек, погребальных гробниц и склепов, для мощения дворов и улиц, облицовки колодцев, цистерн, водостоков и пр. Основным строительным камнем в Северном Причерноморье был мест-

ный известняк, не очень прочный, но зато легко поддающийся обработке (*Блаватский В. Д.*, 1957, с. 34 сл.; *Карасев А. Н.*, 1959, с. 132). Иногда в строительстве употреблялся и привозной камень (*Карасев А. Н.*, 1959, с. 130, 136; *Петрунь В. Ф.*, 1964, с. 293 сл.; 1965, с. 138 сл.), в частности мрамор.

В число операций по обработке камня и каменного строительства входили добывание камня в каменоломнях, транспортировка и отеска его, кладка стен, изготовление и укладка связующего раствора, выделка архитектурных деталей и подгонка их в постройке. При строительстве зданий и особенно оборонительных сооружений на скальном основании необходима была подрезка и подтеска скал, как это было при строительстве акрополя Пантикапея (*Блаватский В. Д.*, 1957, с. 24 сл.). Строители северочерноморских городов знали и применяли разные системы каменных кладок от примитивной укладки необработанных камней на глине до очень тщательной кладки хорошо отесанных, иногда рустованных прямоугольных блоков без связующего раствора.

О приемах добычи и обработки камня, об орудиях, употребляемых каменотесами можно судить по самим остаткам каменных построек и по аналогиям в других районах античного мира (*Максимова М. И.*, 1948). Ломка камня производилась при помощи молотов и клиньев, а дальнейшая обработка требовала применения разного рода тесел, долот, зубатки. Употреблялись и топоры, и пилы, и буравы. Для шлифовки камня употреблялись рашпили, сделанные из костей животных (табл. LXI, 2) (*Семенов С. А.*, 1958, с. 92 сл.). Мастера изготовляли не только ровно отесанные плиты, но и довольно сложно профилированные архитектурные детали: барабаны, базы и капители колонн, части антаблемента и пр. Строительство ордерных зданий — храмов, общественных сооружений и даже жилых домов — требовало от мастеров умения достаточно тонко обрабатывать камень и подгонять архитектурные детали друг к другу (*Карасев А. Н.*, 1955а, с. 194 сл.; *Крыжицкий С. Д.*, 1971, с. 130 сл.; *Пичикян И. Р.*, 1975а, б). Наряду с местным известняком или песчаником обрабатывался и привозной мрамор, из которого изготовлялись облицовочные элементы построек, отдельные детали декора зданий. Для облицовочных работ употреблялся иногда и местный крымский мрамор.

Каменотесное дело не ограничивалось нуждами только строительных работ. Из камня изготовляли и некоторые предметы бытового и производственного назначения: тарапаны и гири для виноделен, ступы для дробления зерна, рыболовные грузила, корыта и кормушки для скота, зернотерки и жернова и др. Для изготовления зернотерок и ручных мельниц употреблялись обычно граниты, конгломераты или брекчии крымских горных пород, или других месторождений (*Петрунь В. Ф.*, 1965б), реже использовался плотный известняк. Очень распространена была выделка различных точильных брусков и оселков.

Художественная обработка камня, изготовление круглой скульптуры и рельефов из мрамора и известняка, надгробных стел, саркофагов, а также надписей составляют уже часть истории искусства. Но следует отметить, что среди скульптурных и эпиграфических памятников наряду с подлинными произведениями искусства довольно часто встречаются изделия, вышедшие, вероятно, из рук простых ремесленников-камнерезов, владеющих только техническими приемами обработки камня. Таковы многие надгробные памятники, в том числе так называемые антропоморфные надгробия, большая часть надписей и др.

Деревообрабатывающее ремесло. К строительному делу имеет прямое отношение и деревообрабатывающее ремесло, особенно плотничьи работы (*Сокольский Н. И.*, 1971, с. 48 сл.). Дерево применялось прежде всего при строительстве зданий в виде балок, стропил, обрешеток, досок потолка и полов, перегородок, междуэтажных перекрытий, лестниц, столбов, дверей и пр. Дерево шло на изготовление каркасов, прокладок, фахверков в глинобитных, сырцовых и каменных постройках, на строительство заборов, навесов, загонов хозяйственного назначения. К этому следует добавить устройство строительных опалубок, лесов, кружал, подмостьев и прочих деревянных вспомогательных конструкций при строительстве.

Но применение труда плотников не ограничивалось только областью строительства. Важнейшим видом плотницких работ было кораблестроение. Во всех северочерноморских государствах имелся как военный, так и торговый флот, доки и верфи (*Блаватский В. Д.*, 1964, с. 110 сл.) Особенно важно свидетельство Страбона (VII, 4, 4) о существовании в Пантикапее доков для тридцати кораблей. Вероятно строительство и ремонт судов производились и в других городах — Фанагории, Феодосии, Горгиппии и конечно в Ольвии и Херсонесе. Плотницкие работы требовались также при создании военных машин, различных механизмов и средств для подъема и перемещения тяжестей, в частности при строительстве, прокладке гатей, сооружении палисадов, надолбов и других деревянных укреплений, изготовлении и забивке свай при строительстве гаваней и т. п. Все эти работы требовали труда большого числа плотников-профессионалов, и можно думать, что плотничьи работы в античных городах Северного Причерноморья выполнялись многими сотнями работников (*Блаватский В. Д.*, 1959в, с. 45).

Другой отраслью деревообрабатывающего ремесла является столярное дело, тесно примыкающее к плотницкому искусству и лишь условно от него отделяемое (*Сокольский Н. И.*, 1971, с. 86). Самой значительной областью деятельности античных столяров было изготовление мебели. Образцов подлинной деревянной мебели из античных городов Северного Причерноморья до нас почти не дошло, но о ней можно составить довольно ясное представление по изображениям предметов меблировки в произведениях коропластики, торевтики, в рельефах надгробий, в росписи погребальных склепов и т. п. Значительная часть мебели была снабжена металлическими или костяными украшениями, накладками, инкрустацией; по этим сохранившимся во многих погребениях и в культурном слое городов деталям можно восстановить как были сконструированы и как выглядели многие предметы меблировки, изготовленные столярами — ложа, столы, кресла, стулья,

сундуки и лари, заменявшие древним шкафы. Очень были распространены деревянные шкатулки для хранения туалетных принадлежностей, денег, ценных предметов и пр. Они часто украшались инкрустацией из кости, металлическими накладками, иногда расписывались или украшались резьбой и гравировкой, снабжались резными или металлическими ножками, бронзовыми замками и ручками.

Благодаря многочисленным находкам в могилах и склепах мы хорошо знаем устройство деревянных гробов и саркофагов, особенно боспорских. Гробы обычно имели форму прямоугольных ящиков с плоской или двускатной крышкой (или без нее), иногда форму современного гроба, расширяющегося в головной части. Более богатые захоронения производились в саркофагах, которые либо воспроизводили форму сундуков с плоской или выпуклой крышкой, либо имели двускатную крышку, повторяя форму храма с колонками, арками и пилястрами (*Иванова А. П.*, 1955, с. 408 сл.; 1958; *Сокольский Н. И.*, 1969а; *Ваулина М. П.*, 1970; 1971).

О деревянных повозках нам дают представление глиняные игрушечные модели (*Беньковский П.*, 1904). Это были четырехколесные крытые повозки типа кибиток с деревянным кузовом и сплошными досчатыми колесами или с колесами со спицами. Колесное дело достигло значительного развития. Колесо сравнительно хорошей сохранности найдено в позднеантичной засыпи колодца в Кепах (*Сокольский Н. И.*, 1971, с. 169). Ремесленники, занятые деревообработкой, изготовляли еще многие другие предметы хозяйства, быта, вооружения: рукоятки к разным орудиям и инструментам, ткацкие станки, гончарные круги, деревянную тару, деревянные части седел, щитов, горитов, луки, древки стрел и копий, деревянные сосуды, веретена, гребни и пр.

О процессах деревообработки и о применяемых мастерами инструментах можно судить как по изделиям, так и по находкам самих орудий (*Сокольский Н. И.*, 1971, с. 173 сл.; *Кадеев В. И.*, 1974, с. 38 сл.). Главным инструментом был топор. Железные однолезвийные и двулезвийные топоры были найдены в разных пунктах (табл. LXI, *18–21*). Роспуск бревен на доски и ряд других операций требовали применения железных пил разного типа (табл. LXI, *24*). Молотки употреблялись как металлические (табл. LXI, *25*), так и деревянные (киянка). Деревянные поверхности обрабатывались при помощи тесел (табл. LXI, *22*, *23*, *29*), а в первые века нашей эры широкое применение получили разного рода рубанки для грубой и тонкой отделки поверхности. Для проделывания пазов и отверстий в деревянных деталях употреблялись долота, стамески (табл. LXI, *26*), а также буравы, ручные или с лучковым приводом. Отдельные детали изделий соединялись между собой либо при помощи гвоздей, бронзовых или железных, либо без них. В последнем случае деревянные части соединялись «в шип» или «в паз», а также связывались деревянными шпонками и штифтами. Большую роль играл и клей, особенно в декорировке мебели и других изделий накладками или инкрустацией из кости и дерева различных пород. Металлические накладки и обивки прикреплялись обойными гвоздиками.

Многие деревянные предметы изготовлялись при помощи резьбы (*Сокольский Н. И.*, 1971, с. 226 сл.). Главным инструментом в таком случае служил нож или резец. Существовала и художественная резьба, в частности изготовление резных деревянных украшений мебели и саркофагов. Эти украшения могли быть скульптурными, рельефными, либо, наконец, ажурными (*Иванова А. П.*, 1955; с. 418 сл.; 1958; *Сокольский Н. И.*, 1971, с. 229 сл.). Греки уже к моменту основания поселений в Северном Причерноморье употребляли токарный станок. На нем обрабатывались некоторые детали мебели и саркофагов — резные ножки, колонки, а также деревянные сосуды, прежде всего круглые туалетные коробочки (пиксиды) деревянные футляры для зеркал, веретена, пряслица (*Сокольский Н. И.*, 1971, с. 191 сл.). К деревообработке следует отнести и изготовление плетеных хозяйственных предметов. Из гибких древесных прутьев плелись хозяйственные корзины, верши для рыбной ловли. Из деревянных палочек или планок при помощи плетения создавались небольшие корзиночки или коробочки с крышками (*Сокольский Н. И.*, 1971, с. 224 сл.).

Северопричерноморские плотники, столяры, токари, хорошо знали свойства дерева разных пород. Большая часть древесного сырья получалась на месте или в ближайших окрестностях античных городов, но для изделий, требовавших особых пород дерева (например, гребни изготовлялись всегда из самшита) сырье привозилось с кавказского побережья Черного моря, из Фракии, Малой Азии или даже из Средиземноморья (*Люстгавс Д.*, 1948; *Сокольский Н. И.*, 1971, с. 36 сл.). В строительстве шире применялись лиственные породы — дуб, вяз, ясень, тополь, а из хвойных — сосна и можжевельник; для кораблестроения особое значение имела древесина хвойных пород — сосны, пихты, лиственницы, а также бука и дуба; саркофаги выделывались чаще всего из кипариса, точеные изделия — из самшита, резные из клена и т. д.

Вероятно, многие простые плотничьи и столярные работы могли производиться непрофессионалами, каждым хозяином, особенно в сельских поселениях или маленьких городках. Однако бесспорным является существование специализированных мастерских, в которых работали ремесленники-профессионалы (*Иванова А. П.*, 1955, с. 408 сл.; *Сокольский Н. И.*, 1971, с. 261 сл.). Плотники-строители, возможно, объединялись в плотничьи артели, где вряд ли могло быть значительное разделение труда. Но в других отраслях разделение труда, конечно, существовало. Так, при производстве телег, безусловно, должны были иметься особые мастера — колесники. Особый отряд плотников составляли специалисты в области кораблестроения, о чем свидетельствует и надгробие боспорского корабельного плотника Сиса I в. н. э. (КБН, 513). Довольно рано, видимо, выделилось и токарное ремесло. На Боспоре обнаружены погребения, в инвентаре которых оказались инструменты столяра и плотника — несомненные могилы ремесленников (*Шкорпил В. В.*, 1907, с. 16; *Сорокина Н. П.*, 1961а, с. 49–50; *Сокольский Н. И.*, 1971, с. 174 сл.).

Большинство мастерских принадлежало, вероятно, частным лицам и вряд ли такие мастерские могли быть очень большими. Более многочисленными мог-

ли быть предприятия, принадлежавшие государству или царю, например, корабельные верфи или мастерские, обслуживающие потребности армии и царского двора. Вероятно, в деревообработке использовался труд рабов, особенно в процессах, требующих не очень большой квалификации, но затраты больших усилий. Но надо думать, что основные кадры мастеров-деревообделочников состояли все же из людей свободных.

Косторезное ремесло. Костяные изделия, постоянно встречающиеся при раскопках: шпильки, иглы, булавки, рукоятки ножей, наконечники стрел, ложечки, стили, пиксиды и пр.— изготовлялись из трубчатых костей домашних или диких животных, из рога оленей и других животных (*Наливкина М. А.*, 1940, с. 187 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1957 г., с. 174 сл.). При раскопках всех античных поселений часто встречаются не только готовые изделия, но и заготовки — опиленные куски кости и рога, кости со следами обработки (*Кругликова И. Т.*, 1949, с. 103 сл.; 1957 г, с. 175 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 90). Косторезы употребляли те же инструменты, что и столяры — пилу, долото, резец, бурав, а также токарный станок (*Кадеев В. И.*, 1970, с. 125 сл.). Костяные накладки или инкрустация были наиболее обычным способом украшения деревянных изделий. В качестве сырья употреблялась помимо кости местных животных и привозная слоновая кость. Художественные изделия из кости изготовлялись в виде плоских пластин, украшенных гравировкой, или в виде круглой скульптуры или, наконец, в виде рельефных изображений (*Кругликова И. Т.*, 1949, *Иванова А. П.*, 1955; *Наливкина М. А.*, 1961). Рельефные и скульптурные изображения выполнялись при помощи резьбы. Весьма вероятно, что некоторые костяные украшения и детали мебели производились в тех же мастерских, где делалась и сама мебель. Но несомненно существовали, и притом на протяжении всей античной эпохи, и специальные мастерские косторезов, выделывающих на продажу или на заказ целые вещи, орнаментальные детали и украшения для деревянных изделий. Может быть, остатки такой мастерской были открыты в Херсонесе (*Кадеев В. I.*, 1969а, с. 236).

Кожевенное дело нам почти совсем неизвестно, хотя сомневаться в наличии в античных городах ремесленников-кожевников не приходится. Из кож изготовлялись обувь, ремни и портупеи, конская сбруя, предметы вооружения: панцири, шлемы, щиты, гориты, ножны. Орудиями кожевников и скорняков считаются находимые иногда в античных городах ножи, сделанные из ребер животных или костяные гладилки, так называемые «коньки» (табл. LXI, *1*) (*Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 136; *Семенов С. А.*, 1959, с. 353 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1972, с. 191). Вероятно, существовали в Северном Причерноморье и специалисты сапожники и шорники. К орудиям их труда надо отнести находимые иногда в Северном Причерноморье бронзовые и железные шилья, проколки, иглы (табл. LXI, *3*, *4*).

Прядение и ткачество как отрасль ремесленного производства нам почти неизвестны. Ткани очень редко сохраняются в археологических комплексах, а в тех случаях, когда их все же находят (главным образом, в погребениях) определить имели они местное или импортное происхождение очень трудно. Вероятно, привозными были материи с ткаными многокрасочными узорами, остатки которых находили в богатых керченских и таманских погребениях IV—III вв. до н. э. (*Герцигер Д. С.*, 1973). Можно думать, что ввозились главным образом дорогие узорные ткани, шелк, парча, и иные материи, предназначенные для одежды, быта или для культовых надобностей греческой и туземной аристократии, обыкновенные же ткани простого плетения выделывались на месте во всех городах и поселениях. Впрочем, предполагается, что тканое шерстяное художественное покрывало начала IV в. до н. э. из VI Семибратнего кургана было местного производства (*Герцигер Д. С.*, 1972, с. 108).

В археологических раскопках в очень большом числе встречаются орудия прядения и ткачества — пряслица и ткацкие грузики (табл. LXI, *7—12*, *14—17*). Пряли при помощи деревянного веретена, на конец которого надевался кружок с центральным отверстием — пряслице для придания веретену большей инерции вращения. В небольшом числе известны и сами веретена (*Сокольский Н. И.*, 1971, с. 219 сл.), пряслица же встречаются в огромном количестве при раскопках всех поселений. Они делались обычно из глины и обжигались, реже употреблялись пряслица из кости, дерева, стекла или камня. Иногда их делали из просверленных обломков керамики (*Шелов Д. Б.*, 1961а, с. 71; 1965б, с. 96). Ткали на вертикальном ткацком станке, представлявшем собой деревянную раму с валиком, на которой закреплялись нити основы. Свободные концы нитей, свешивавшиеся вниз, оттягивались грузиками. Между нитями основы при помощи утка пропускались горизонтальные нити, и таким образом образовывалось простое плетение ткани (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952 г., с. 403 сл.). Грузики для ткацкого станка делались из глины в форме четырехгранной усеченной пирамидки с отверстием для привязки нитей в узком конце. На многих грузиках имеются клейма в виде оттисков гемм, ключей, специальных штампов, которые считают иногда клеймами мастеров-керамистов, изготовивших грузики, однако скорее это знаки заказчиков грузил — владельцев ткацких станков (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952г, с. 396). Ткацкие грузила попадаются в очень большом количестве, что говорит о повсеместном распространении ткачества. В нескольких случаях, например, в Танаисе в помещении III в. они найдены целыми наборами вместе с остатками сгоревших конструкций, несомненно ткацких станков (*Арсеньева Т. М.*, *Шелов Д. Б.*, 1974, с. 104). Ткацкие станки, вероятно, существовали в каждом доме, в каждом хозяйстве, и выделка тканей являлась прежде всего отраслью домашнего производства (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952г, с. 409 сл.).

Значительное развитие во всех античных центрах Северного Причерноморья рыболовства предполагает наличие особой отрасли ремесла — **сетевязального.** Найдены бронзовые инструменты для вязания сетей (табл. LXI, 13) (*Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 174); обычно иглами для вязания сетей считаются и широко распространенные костяные орудия в виде клинышка с зарубкой в утолщенной части (табл. LXI, *5*, *6*), хотя такое функциональное назначение этих орудий доказано быть не может (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, с. 127; *Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 110).

Глава восьмая
Торговля

В истории древнего Причерноморья, как и в истории античного мира в целом, торговля играла чрезвычайно важную роль с самого начала истории греческих поселений, основанных здесь. Хорошо известно, какое важное значение в развитии древних обществ придавал торговле К. Маркс, писавший в «Капитале», что развитие торговли повсюду развивает производство в таком направлении, что его целью становится меновая стоимость, увеличивает его объем, делает более разнообразным. «Поэтому,— писал К. Маркс,— торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах направлены главным образом на производство потребительной стоимости... В античном мире влияние торговли... постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство, иногда же в зависимости от исходного пункта оно приводит только к превращению патриархальной системы рабства, направленной на производство непосредственных средств существования в рабовладельческую систему, направленную на производство прибавочной стоимости» (*К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 364, 365). Не менее важно и другое замечание К. Маркса, отмечавшего связь торговли с развитием городов и обусловленность этого развития торговлей, сопровождение развития торговли в греческих городах Европы и Малой Азии высоким развитием в них ремесленного производства. «С другой стороны,— отмечал Маркс,— в прямую противоположность развитию городов и его условиям торговый дух и развитие торгового капитала часто свойственны как раз неоседлым, кочевым народам» (*Маркс К.*, *Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., т. 25, ч. 1, с. 365). Эти положения имеют прямое и непосредственное отношение и к греческим городам, и к варварским народам античного Северного Причерноморья.

Античная северопричерноморская торговля состояла из двух основных частей: внешней торговли с различными греческими государствами Средиземноморья и Причерноморья («международной торговли»), а также греко-варварского торгового обмена, и внутренней — внутригородской и внутригосударственной торговли. По типу эти компоненты были неоднородными. Если «международная» и внутренняя торговля были основаны на товарно-денежном обмене, то в торговле с туземными обществами на протяжении веков господствовал натуральный обмен. При этом он был неодинаков в различных ситуациях, и зависел от конкретного уровня социально-экономического развития тех или иных варварских обществ. Существовали определенные отличия и между внешней и внутренней торговлей.

Материал для суждения о развитии и характере торговли дают различные категории источников. Данные письменной традиции скудны, отрывочны, неравномерно освещают различные исторические периоды. Очень ценны сведения аттических ораторов конца V—IV вв. до н. э.— Лисия, Исократа, Демосфена. Эти свидетельства порождены значительным по масштабам развитием экспорта зерна с Боспора в Афины. Некоторая информация содержится в трудах Геродота (IV, 17; VII, 147), Полибия (IV, 38), Страбона (VII, 4; XI, 2) и др. Важна роль памятников как лапидарной, так и керамической эпиграфики. Особенно ценны проксенические декреты, содержащие сведения о привилегиях, дарованных государственной властью иноземным купцам. Часто только на основании этих документов известно о торговых связях городов Северного Причерноморья (см.: IPE I², НО; *Леви Е. И.*, 1958а, с. 234; КБН, 1—5, *Тюменев А. И.*, 1950б; *Соломоник Э. И.*, 1964, № 6). Для изучения торговли Боспорского государства в IV — начале III в. до н. э. большой интерес представляет группа афинских декретов в честь представителей династии Спартокидов (IGII², 212 и 653; *Брашинский И. Б.*, 1959, с. 3 сл.)

Клейма на амфорах и, отчасти, на черепицах также имеют важное значение для исследования истории торговли. Они позволяют выяснить широкий круг центров, товары которых импортировались в Северное Причерноморье и во многих случаях дают возможность конкретного исследования основных потоков импорта из разных центров, его хронологического развития и колебаний, а также в определенной мере, и сравнительного объема (*Граков Б. Н.*, 1939а; *Брашинский И. Б.*, 1976а, с. 87 сл.; *Brashinsky J. B.*, 1973, p. 111). Очень интересные, порой уникальные сведения о северопонтийской торговле содержат граффити (*Виноградов Ю. Г.*, 1971а, с. 64 сл.) и дипинти (*Беляев С. А.*, 1968в, с. 32 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 158—162 сл.; *Виноградов Ю. Г.*, *Онайко Н. А.*, 1976, с. 86 сл.). Нумизматические источники: иноземные монеты, найденные на территории Северного Причерноморья, и монетные эмиссии самих северопонтийских государств (табл. LXXV—LXXIX), имеют важное значение для исследования внутренней торговли, развития внутреннего рынка, а также для изучения внешней, международной и греко-варварской торговли (*Зограф А. Н.*, 1951; 1957; *Шелов Д. Б.*, 1956а; *Карышковский П. О.*, 1969; *Кропоткин В. В.*, 1961; *Гилевич А. М.*, 1968, с. 3 сл.; *Анохин В. А.*, 1977б; *Shelov D. B.*, 1978). Лучше понять эти источники помогает ольвийский декрет IV в. до н. э. (IPE I², 24; *Виноградов Ю. Г.*, *Карышковский П. О.*, 1976, с. 20 сл.), которым регулируется ввоз и вывоз золотой и серебряной монеты. Археологические материалы, прежде всего материальные остатки товаров, служивших предметом торгового обмена, имеют наибольшее значение для исследования торговли и чаще всего являются единственным источником для реконструкции ее истории. Многие категории товаров, однако (например,

ткани, дерево и изделия из него и др.) археологически фиксируются лишь в редких случаях (*Блаватский В. Д.*, 1954в, с. 10; *Сокольский Н. И.*, 1971, с. 8). В других случаях (металлы, металлические изделия) трудно бывает определить происхождение товаров (*Онайко Н. А.*, 1966а, с. 12). Поэтому исследование торговли Северного Причерноморья базируется главным образом на изучении керамических материалов, что неизбежно ведет к некоторой односторонности выводов. Особое значение среди керамических находок имеет керамическая тара (часто снабженная клеймами) благодаря своей массовости и практически повсеместному распространению (*Зеест И. Б.*, 1960; 1967, с. 9 сл.; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 87; *Блаватский В. Д.*, 1961а, с. 61; *Онайко Н. А.*, 1966а, с. 12). Чрезвычайно большую ценность для хронологии торговых связей представляет художественная, расписная керамика, поскольку ее датировки в настоящее время разработаны наиболее детально (*Блаватский В. Д.*, 1953в; *Книпович Т. Н.*, 1955б, с. 356 сл.). Важное значение имеют изделия из бронзы и других металлов (*Шелов Д. Б.*, 1965а, с. 251 сл.; 1967а, с. 99 сл.; *Schelow D.*, 1968, p. 238; *Капошина С. И.*, 1967; *Кропоткин В. В.*, 1970 сл.), а для исследования северочерноморской торговли в первые века нашей эры первостепенную роль играют изделия из стекла (*Сорокина Н. П.*, 1962, с. 210 сл.; 1965, с. 202 сл.; *Кропоткин В. В.*, 1970, с. 31, 32 сл.). Особую категорию археологических источников представляют предметы торгового инвентаря: мерные сосуды, свинцовые, бронзовые и каменные гири, остатки весов. Они позволяют выяснить системы мер и весов, которыми пользовались в городах Северного Причерноморья в разное время (*Бертье-Делагард А. Л.*, 1911; *Блаватский В. Д.*, 1955а, с. 201 сл.; *Чуистова Л. И.*, 1962, с. 7 сл.; *Грач Н. Л.*, 1976, с. 183 сл.). Необходимо однако учитывать пределы возможностей интерпретации археологического материала. Он не может дать ответа на многие конкретные вопросы реального развития торговли и позволяет наметить лишь общие закономерности и общие контуры развития торговых связей.

Сейчас трудно назвать работу, посвященную общим проблемам истории Северного Причерноморья или истории отдельных его государств, в которой бы не были затронуты и вопросы торговли. По различным конкретным вопросам торговли написаны десятки специальных работ. Однако до сих пор отсутствуют крупные обобщающие монографические исследования, посвященные специально изучению северопонтийской торговли в целом. Основное внимание до недавнего времени уделялось внешней «международной» торговле (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 116—158 сл.; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 80—93 сл.; *Зеест И. Б.*, 1951а; *Цветаева Г. А.*, 1957б, с. 182 сл.; *Блаватский В. Д.*, 1961а, с. 60—69 сл.; *Брашинский И. Б.*, 1963а, б). Вместе с тем уже давно внимание исследователей привлекала греко-варварская торговля Северного Причерноморья (*Лаппо-Данилевский А. С.*, 1887; *Фармаковский Б. В.*, 1914а; *Ростовцев М. И.*, 1925; *Книпович Т. Н.*, 1935а, с. 90 сл.), исследование которой особенно развернулось в послевоенные годы (*Граков Б. Н.*, 1947; *Бондар М. М.*, 1954а, б; *Бондарь Н. Н.*, 1955; 1956б; *Зеест И. Б.*, 1960, с. 49—68; *Онайко Н. А.*, 1960; 1962; 1966а; 1970а; *Кропоткин В. В.*, 1970 и многие другие). Важное значение имеют издания сводов находок импортных изделий на обширных «варварских» территориях Приднепровья и Побужья (*Онайко Н. А.*, 1966а; 1970а) и Восточной Европы в целом (*Кропоткин В. В.*, 1970), в определенные хронологические периоды. Внутренняя торговля северопонтийских государств стала привлекать внимание исследователей лишь недавно (*Зеест И. Б.*, 1951а, б), главным образом в самые последние годы (*Кругликова И. Т.*, 1972б; 1975б; *Щеглов А. Н.*, 1974).

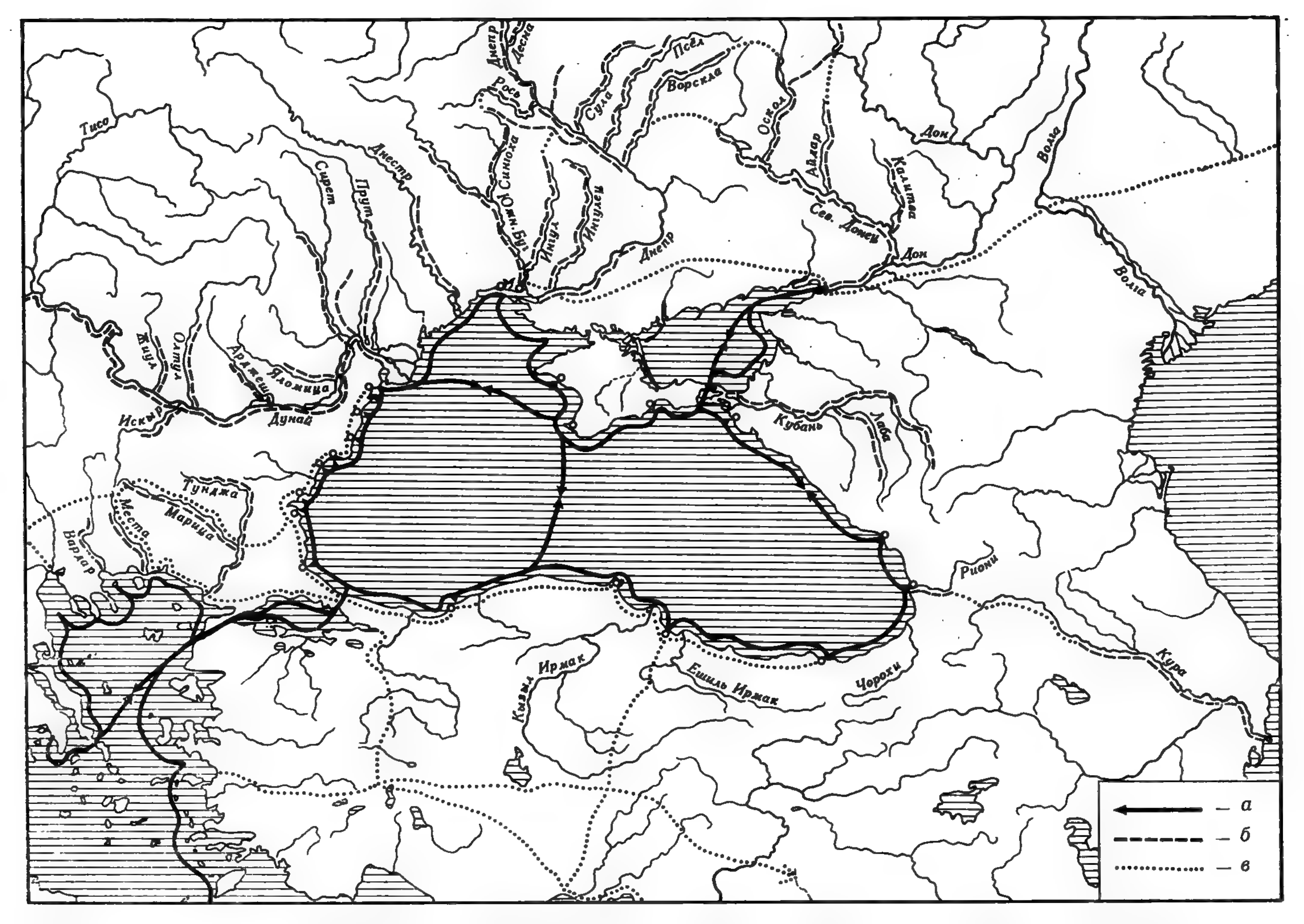
Предметы экспорта и импорта. Северное Причерноморье было одним из важнейших рынков античного мира, чрезвычайно важной продовольственной и сырьевой базой. Традиционные статьи северопричерноморского экспорта хорошо известны из сообщений античных авторов. Важнейшими среди них были хлеб, скот, кожи и другие продукты скотоводства, рыба. Среди предметов экспорта фигурируют и рабы, о вывозе которых упоминают Страбон (XI, 2, 3) и Полибий (IV, 38, 4—5). Однако свидетельство Полибия касается припонтийских стран в целом и имеются основания полагать, что главные причерноморские рабские рынки были не в северном, а в западном и южном Причерноморье (*Гольденберг В. А.*, 1953; *Блаватский В. Д.*, 1954б, с. 45). В торговле с местными племенами северопонтийские греческие города экспортировали как импортные изделия, так и продукцию собственного ремесла: столовую и хозяйственную керамику, металлические изделия, в частности, высокохудожественные произведения торевтики и другие ювелирные изделия и т. д. Среди древнейших предметов греческого импорта в Северное Причерноморье отмечаются прежде всего, прекрасные образцы расписной керамики. В дальнейшем наиболее важными и значительными по объему товарами, поступавшими в греческие города, были вино и оливковое масло. Они упоминаются античными авторами и хорошо фиксируются археологически благодаря чрезвычайно обильным остаткам тары (амфор), в которых эти продукты транспортировались. Что касается других товаров, то номенклатура их была весьма многообразной и определяется она почти исключительно археологически. В письменных источниках содержатся лишь очень общие и неясные определения ее. Так, Демосфен (XXXIV, 36) упоминает «мелочные товары», а Страбон (XI, 2, 3) говорит обо «всем прочем, что свойственно цивилизованному образу жизни»; особо выделяется им лишь одежда. Приходится однако учитывать, что далеко еще не всегда удается вполне достоверно определить, является ли та или иная группа материала импортной или продукцией местного ремесла (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 138 сл.). Весьма значительным был импорт керамических изделий: художественной и простой столовой и хозяйственной посуды, кровельной черепицы и архитектурных украшений, терракот и т. д. Важное значение приобретает импорт стеклянных сосудов. Импортировались также металлические изделия — сосуды из бронзы и драгоценных металлов, предметы вооружения, различные украшения, а также различные металлы, подвергавшиеся обработке в севе-

ропонтийских мастерских. Ввозились стеклянные и пастовые бусы, предметы женского туалета, изделия из дерева, мебель и пр.; с I в. до н. э. большое место занимает импорт стеклянной посуды. Видимо, значительным был ввоз тканей и одежды. Перечень предметов импорта включает и мрамор и изделия из него и т. д.

Организация торговли известна мало из-за скудности источников. Лишь для периода бурного расцвета афинской хлебной торговли с Боспорским царством в конце V—IV вв. до н. э. мы располагаем данными письменных источников, содержащих некоторые сведения об организации внешней торговли на Боспоре. Они позволяют говорить о существовании здесь в IV в. до н. э. развитой системы торговых пошлин (*Брашинский И. Б.*, 1963в, с. 122 сл.). Со всех ввозившихся и вывозившихся товаров взимался портовый сбор, вывозная пошлина («тридцатая»), которой обычно облагалось вывозимое зерно, а, возможно, и все другие товары в размере 3,3% и аналогичные сокращенные пошлины, устанавливавшиеся при прогрессивном увеличении объема покупаемого зерна — «шестидесятая» (1,66%) и «девяностая» (1,1%) (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 133; *Брашинский И. Б.*, 1958, с. 129 сл.). В виде особой привилегии государства Северного Причерноморья предоставляли иноземным гражданам право беспошлинной торговли («ателия») (см., например, *Леви Е. И.*, 1958а, с. 234 сл.; НО, № 1—15). Особый случай представляет собой дарование права беспошлинной торговли боспорскими царями целому государству — Афинам, которое одни исследователи считают всеобъемлющим (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 131), другие — строго ограниченным как территориально, так и по номенклатуре товаров (*Брашинский И. Б.*, 1958, с. 133; 1963а, с. 123). В северочерноморских государствах существовали тенденции к монополизации государственной властью торговли определенными товарами, приносившими основной доход. Особенно отчетливо они проявляются в хлебной торговле Боспорского царства (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 136). Стремление государственной власти, если не к монополизации, то во всяком случае к регулированию внешней торговли можно усмотреть и в Херсонесе (см.: IPE I², 401). Межгосударственные торговые взаимоотношения регулировались, очевидно, особыми договорами. Существование подобного договора можно, в частности, предполагать между Боспором и Афинами в IV в. до н. э. (*Жебелев С. А.*, 1953, с. 131). Часть крупных торговых операций производилась в кредит, что можно заключить из сообщения Демосфена (XX, 40), а также из афинского декрета 346 г. до н. э. в честь сыновей Левкона (IGII², 212; *Жебелев С. А.*, 1953, с. 132 сл.). Имеются основания полагать, что на Боспоре существовала специальная царская администрация, в ведении которой находилось попечение об иноземных купцах. Крупные афинские купцы имели своих торговых агентов в Пантикапее, в свою очередь Боспорские цари — своих представителей в Афинах.

Внутренняя торговля городов была сконцентрирована на рыночной площади — агоре. В северопонтийских городах агора до настоящего времени открыта лишь в Ольвии. Для надзора за торговлей на внутренних рынках в городах существовали выборные коллегии агораномов («рыночных надзирателей»). В их функции, помимо обязанностей по поддержанию в порядке агоры и ее сооружений, входил надзор за правильным пользованием мерами и весами. До нас дошли эталонные мерные сосуды, а также свинцовые гири-разновесы (табл. LXVI, *1—8*) из Ольвии, Пантикапея, Фанагории, Нимфея, Мирмекия, Танаиса и др.— с клеймами коллегии агораномов (табл. LXVI, *9*). В экстраординарных случаях для создания хлебных запасов с целью продажи его населению по твердым ценам, избиралась коллегия ситонов (хлебных попечителей). О существовании такой коллегии в Ольвии в первой половине II в. до н. э. известно из посвятительной надписи (НО, № 72).

Ярким показателем уровня развития и организации торговли является денежное обращение. С самого начала выпуск монеты в городах Северного Причерноморья был ориентирован на удовлетворение внутреннего рынка. В Пантикапее выпускались серебряные монеты мелких и мельчайших номиналов, в Ольвии же на первых порах в качестве основного денежного металла выступает медь: большие литые монеты, так называемые «ассы» и своеобразные фигурные монеты в форме рыбок — так называемые «дельфины». Но вскоре их заменяют обычные для всех греческих государств чеканеные серебряные и медные монеты. Как и большинство городов греческой метрополии, северопонтийские города первоначально выпускают монету по эгинской системе. Лишь Херсонес, начавший выпуск монет позднее, в начале IV в. до н. э., чеканил ее по так называемой хиосской системе, получившей распространение в его метрополии — Гераклее (*Зограф А. Н.*, 1951, с. 151). Во внешней торговле пользовались интерлокальной монетой (первоначально монеты Кизика, затем монетами Филиппа II, Александра, Лисимаха), не имевшей хождения во внутреннем рынке, и подлежавшей, как это показывает ольвийский монетный декрет (IPE I², 24) обмену на местную монету. Первоначально каждый город выпускал собственную монету. Позднее же, с возникновением крупных государственных образований (Боспор) автономная чеканка мелких городов (Мирмекий, Нимфей и т. д.) исчезает и место ее занимает «столичная» монета. На Боспоре с III в. до н. э. параллельно с городской монетой эпизодически чеканится монета царская. В конце I в. до н. э. выпуск городской монеты прекращается и остаются только золотые и медные монеты боспорских царей. С течением веков в государствах Северного Причерноморья одна денежная система сменялась другой, в зависимости от изменений, происходивших во всем греческом мире, с которым Причерноморье было экономически тесно связано. Периодически выпускалась, помимо серебряной и медной монеты, и золотая. Исключением является короткий период в IV в. до н. э., когда золотые боспорские статеры играли роль интерлокальной монеты и золото не участвовало в монетном обращении на внутренних рынках. В первые века нашей эры монетное дело северопонтийских государств ориентируется на римскую монетную систему, что было вызвано не только экономическими, но и политическими обстоятельствами. Постепенно происходит обесценивание монеты, а затем ее выпуск



Карта 10. Торговые пути Причерноморья в античную эпоху

а — морские; *б* — речные; *в* — сухопутные. Составитель И. Б. Брашинский

прекращается. Наиболее поздние боспорские монеты относятся к первой трети IV в. н. э. (*Зограф А. Н.*, 1951, с. 163).

Торговые пути. Северочерноморская торговля, как и античная торговля в целом, осуществлялась главным образом, по водным путям, определенную роль в ней играли конечно и сухопутные торговые магистрали (карта 10). Внешняя торговля осуществлялась по морским коммуникациям. В течение долгого времени плавание по морю было каботажным. Существовало два основных пути из Средиземного моря в Черное. Один из них шел через черноморские проливы вдоль западного берега Черного моря к Ольвии и далее на восток, в Крым. Второй — вдоль южного и восточного берегов к Боспору. Каждый из этих путей имел свои преимущества и недостатки, связанные с гидрологическими, метеорологическими, демографическими и другими условиями. По данным перипла Псевдо-Скилака (IV в. до н. э.) плавание от Боспора Фракийского до Пантикапея вдоль западного берега Понта занимало семь суток. Начиная с конца V в. до н. э. осваивается (попытки предпринимались и раньше — см. *Гайдукевич В. Ф.*, 1969) и начинает регулярно функционировать краткий путь через Черное море, пересекавший его напрямик в наиболее узком месте — от мыса Карамбий (совр. Керемпе) на севере Малой Азии к мысу Бараний Лоб (совр. Сарыч) на южном берегу Крыма (*Максимова М. И.*, 1954а; 1956, с. 145 сл.), что примерно в пять раз укорачивало путь. В IV в. до н. э. судя по археологическим данным, (прежде всего — массовый синопский и гераклейский импорт в Северном Причерноморье) можно говорить о регулярном использовании этого пути. Другие прямые маршруты через Черное море торгового значения не имели (исключение составляет путь через Каркинитский залив от Ольвии к западной оконечности Крыма). По сообщению Диодора (III, 34, 7) при попутном ветре плавание от Меотиды до Родоса завершалось на десятый день, а оттуда до Александрии в Египте — на четвертый. Важное значение в северочерноморской торговле имел торговый путь по Азовскому морю, пролегавший в восточной его части или от Керченского пролива напрямик к косе Долгой и далее по Таганрогскому заливу в устье Дона.

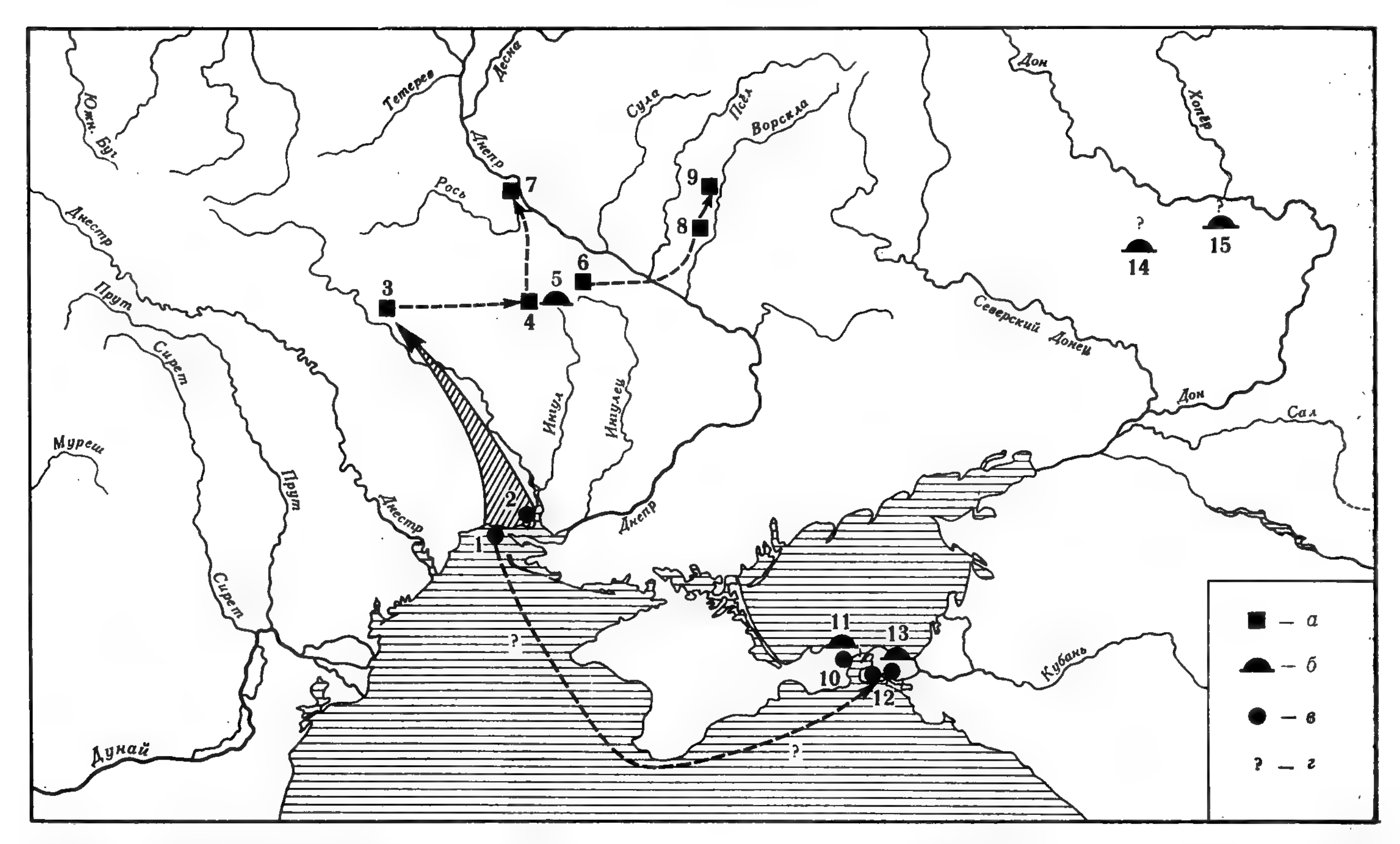
Основными коммуникациями греко-варварской торговли были речные пути. Это ярко иллюстрируется топографией распространения античного импорта (карта 11). В большинстве случаев, однако, трудно определить пределы проникновения самих греческих купцов вглубь варварских территорий. Чаще всего греко-варварский торговый обмен осуществлялся, очевидно, на рынках греческих приморских городов.

Подобными рынками греко-варварского торгового обмена служили и крупные варварские поселения: Каменское на Днепре, Елизаветовское в дельте Дона, Елизаветинское и Семибратнее — на Кубани. Очевидно, лишь в редких случаях греческие купцы проникали далеко в глубь земель, занятых варварами. Для раннего времени (начало VI в. до н. э.) это засвидетельствовано лишь для Немировского городища, отстоящего от Ольвии на 300 км вверх по Южному Бугу (*Граков Б. Н.*, 1959). Позднее ситуация была, вероятно, еще менее благоприятной для греков. Особенно отчетливо это выясняется из слов Страбона (XI, 2,2), отмечающего, что грекам знакомы лишь устья Танаиса, а выше известна лишь небольшая часть реки. Среди причин такого неведения он называет нежелание кочевников общаться с другими народами, которым они преграждают доступ в свои земли по реке. Свидетельство Страбона можно толковать расширительно и ретроспективно (*Брашинский И. Б.*, *Демченко А. И.*, 1969, с. 117). Так, судя по данным Геродота (IV, 51, 53 и 71) греки знали лишь устье Тираса (Днестра), а Борисфен (Днепр) — лишь до порогов. В тех пунктах, которые служили пределами плавания морских судов, товары перегружались на более легкие речные ладьи, приспособленные для плавания по мелководью. Яркое представление об этом дает замечательная находка ладьи с грузом бронзовых сосудов греческого происхождения начала V в. до н. э. в торфянике у с. Песчаного на р. Супой, левом притоке Днепра в среднем его течении (*Ганiна О. Д.*, 1964; 1970). В торговле со Средним Приднепровьем, наиболее интенсивной в начальный период греко-варварской торговли в течение длительного времени, наибольшее значение имели Южный Буг (Гипанис) и его левые притоки Синюха и Ингул, а также правый приток Днепра — Ингулец. Большое значение имели притоки Днепра: Тясмин, Рось, Ворскла, Сула, Супой и Псел (*Граков Б. Н.*, 1959; *Онайко Н. А.*, 1966а, с. 39, 45, карта 7). В бассейне Дона функции торговых коммуникаций выполняли главным образом его приток Северский Донец и притоки последнего: Айдар, Оскол, Мжа, Уда, Лопань и др. (см. карту 10), а также: (*Либеров П. Д.*, 1965; с. 29; *Шрамко Б. А.*, 1962, с. 176 сл. и карта). Весьма вероятным представляется предположение Б. А. Рыбакова, согласно которому под Танаисом Геродот имел в виду не Дон, а Северский Донец (*Рыбаков Б. А.*, 1979, карты). Поступление античного импорта в районы Северного Подонья и верховья Северского Донца в V—IV вв. до н. э., вероятно, осуществлялось и по речным путям Днепровского бассейна, а оттуда перевалом к правым притокам Северского Донца. В этом случае начальным пунктом была, очевидно, Ольвия. В последние века до нашей эры и первые века нашей эры, вероятно, большее использование Дона.

Сухопутные торговые коммуникации (см. карту 10) играли в северочерноморской торговле в целом второстепенную роль. Однако в варварской торговле значение их нельзя недооценивать. Античные письменные источники не содержат сведений о них и реконструкция этих путей возможна лишь по археологическим данным и не может еще считаться достаточно выясненной. Важнейшее значение среди сухопутных торговых коммуникаций в раннее время, по-видимому, имел скифский торговый путь, шедший из Ольвии на восток, в Поволжье и Приуралье (*Граков Б. М.*, 1947). Позднее, с эпохи эллинизма и, особенно в римское время, значение сухопутной торговли возрастает, в частности, в торговле с Азией (*Rostovzeff M.*, 1941, p 1243), а также и с Западом. Некоторые исследователи на основании немногочисленных находок этрусских бронзовых сосудов на территории Украины полагают, что сухопутная торговая дорога из Италии к Черному морю существовала еще в IV в. до н. э. (*Boucher S.*, 1973, p. 85), что, однако, вызывает серьезные сомнения (*Alexandrescu P.*, 1975). Большое значение в варварской торговле Северного Причерноморья имели комбинированные торговые пути, основой которых были речные магистрали, а сухопутные играли роль перевалочных.

Внешняя («международная») торговля северопричерноморских городов интенсивно развивалась с момента их основания. Это определялось, прежде всего, потребностью в импорте продуктов, необходимых для привычной повседневной жизни переселенцев. В первую очередь к ним относились виноградное вино и оливковое масло — непременные составные части пищевого рациона любого грека. Отсутствие первоначально собственного развитого ремесленного производства определяло также необходимость значительного импорта различных ремесленных изделий. Впрочем, импорт керамических изделий в Северное Причерноморье был весьма значительным на протяжении всего периода античной торговли. С другой стороны, колонизационная деятельность греческих метрополий преследовала цель эксплуатации природных богатств колонизуемых областей для приобретения необходимых пищевых продуктов (хлеб, рыба, продукты животноводства и т. д.) и сырья. Эта взаимная заинтересованность в обмене создавала благоприятные предпосылки для быстрого и интенсивного развития торговли. Первоначально северопонтийские греческие поселения выступали главным образом в качестве потребителей импортируемых из метрополий товаров. Но уже довольно скоро, еще на начальном этапе их существования, по мере быстрого роста потребности в приобретении продуктов земледельческого и кочевнического хозяйства туземных варварских племен для удовлетворения не только собственных нужд, но, в первую очередь для снабжения ими городов метрополии, все большее значение в их общем торговом обороте начинает приобретать посредническая торговля. Греческие города превращаются в крупные торгово-транзитные центры, через посредство которых осуществлялся огромный по размаху торговый обмен с обширнейшими территориями Юго-Восточной Европы. Роль отдельных северопонтийских городов и поселений в торговле в разные периоды была неодинаковой. На первых порах особенно важным было значение Березани, Ольвии и Никония, на западе — Пантикапея, Феодосии, Фанагории и Гермонассы — на востоке. Крайним восточным пунктом Боспора, в котором зафиксирован обильный архаический греческий импорт был Торик на берегу Геленджикской бухты (*Онайко Н. А.*, 1976в).

Первоначально во внешней торговле господствовали ионийские центры западной Малой Азии и



Карта 11. Древнейший греческий импорт в Северном Причерноморье (вторая половина VII — начало VI в. до н. э.)

а — городище (поселение); *б* — курган (погребение); *в* — греческие колонии; *г* — путь поступления неясен. Стрелка указывает основное направление связей; *1* — Березань; *2* — Ольвия; *3* — Немиров; *4* — Пастерское; *5* — Болтышка; *6* — Жаботин; *7* — Трахтемиров; *8* — Пожарная Балка; *9* — Бельск; *10* — Пантикапей; *11* — Темир-гора; *12* — Гермонасса; *13* — Кепы; *14* — Криворожье; *15* — Большой (Большинский).

1—3, 11, 15 — VII в.; *4 — 10, 12, 13* — конец VII или начало VI в.; *14* — вторая — третья четверть VI в. Составитель И. Б. Брашинский

островные центры Эгейского моря (Милет, Клазомены, Хиос, Самос, Родос и др.). Такое положение сохраняется в течение всего VI и начала V вв. до н. э. Для этого времени характерен ввоз так называемой родосско-ионийской художественной керамики (милетской, родосской, хиосской, самосской, клазоменской и т. д.), ввоз вина главным образом из Хиоса, отчасти Лесбоса, Самоса и ряда других ионийских центров, которые в настоящее время еще не могут быть конкретно определены (см. карту 12). Начиная со второй половины VI в. до н. э. все более усиливается импорт расписной (чернофигурной) и чернолаковой керамики из Афин, которые проявляют все растущий интерес к черноморским рынкам (*Брашинский И. Б.*, 1963а, с. 24 сл.), в первую очередь ввиду быстрого роста потребностей в привозном зерне. Северное Причерноморье уже с начала V в. и особенно в IV в. до н. э., становится одной из важнейших житниц Афин. По мере роста посреднической роли северопонтийских городов изменяется и структура импорта. Если на первых этапах весьма важное, если не решающее, место в импорте занимает дорогая художественная керамика (см.: *Копейкина Л. В.*, 1973; *Сидорова Н. А.*, 1962; *Зеест И. Б.*, 1974; *Николаева Э. Я.*, 1977), а импорт массовых товаров сравнительно ограничен, то с течением времени все большее значение приобретает ввоз массовой продукции — в первую очередь вина. Эти изменения были, очевидно, связаны с ростом населения городов, быстрым приобщением широких слоев варварского общества к потреблению вина. Господство восточногреческих центров в понтийской торговле в VI в. до н. э., разумеется, не означало их монопольного положения на северочерноморских рынках. Помимо Афин, которые принимают в ней все более активное участие, в торговлю с Северным Причерноморьем включаются и другие материковые (Коринф) и островные (Эгина и др.) центры.

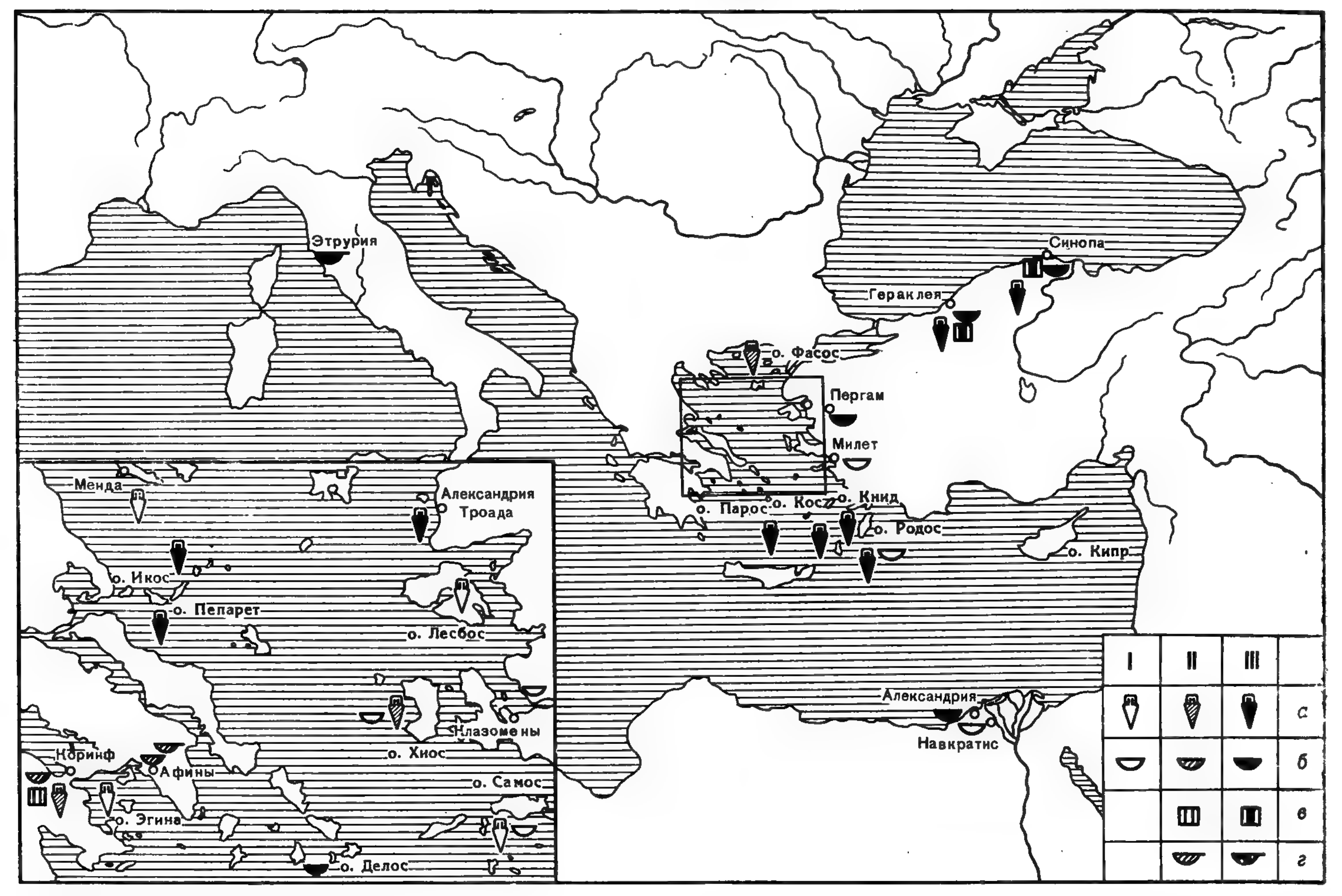
В настоящее время трудно решить, в каких случаях и в какой мере мы можем говорить о непосредственных торговых связях с различными центрами, а в каких — с опосредствованными. Так, например, весьма вероятна значительная посредническая роль Милета (*Леви Е. И.*, 1941; с. 313; *Цветаева Г. А.*, 1957б, с. 187). Позднее такую же роль выполняли Афины. Однако, едва ли имеются достаточные основания для преуменьшения непосредственных торговых связей причерноморских городов со многими средиземноморскими производственными центрами. Такая возможность определяется прежде всего тем, что торговые пути в Черное море и в самом Понте Эвксинском первоначально были свободными от чьего бы то ни было контроля и господства (*Брашинский И. Б.*, 1968а).

Новый этап в черноморской торговле наступает после победоносного завершения греками борьбы

против Персии (карта 13). С этого времени господствующее положение в понтийской торговле на долгое время (около полутора веков) переходит безраздельно в руки Афин. Это господство в понтийской торговле, нашедшее яркое отражение, как в письменных источниках, так и особенно в археологическом материале, было основано на политическом господстве афинян над черноморскими проливами (*Брашинский И. Б.*, 1963а, с. 91 сл.). Афиняне установили строгий и действенный контроль над всем понтийским экспортом и импортом, регулируя их по своему усмотрению. Законченную форму этот контроль и регулирующая роль Афин получили в период Пелопонесской войны, в последней трети V в. до н. э., когда была образована специальная коллегия геллеспонтофилаков — «стражей Геллеспонта», строго следившая за вывозом из Черного моря. Из черноморской торговли были исключены все противники Афин и даже их союзники пользовались правом торговли по строго установленным квотам. Такое положение с некоторыми перерывами, связанными с изменениями в политическом положении Афин, продолжалось и в течение большей части IV в. до н. э. и лишь в последней четверти этого столетия окончательное поражение Афин в борьбе с Македонией ликвидировало афинское преобладание на Черноморских проливах и вновь восстановило свободу мореплавания и торговли Средиземноморья с Понтом. Основной причиной длительной борьбы Афин за преобладание в черноморской торговле была их глубокая заинтересованность прежде всего в северочерноморском хлебе, а также других продуктах питания и разнообразном сырье. Особенно широкий размах имела торговля Афин с Боспором. Хорошо известно сообщение Демосфена (XX, 31), что во времена Левкона (389/8—349/8 гг. до н. э.) из Пантикапея в Афины ежегодно привозилось 400 тыс. медимнов (более 16 тыс. тонн) зерна. По мнению ряда исследователей, это количество было значительно, возможно, вдвое, большим (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 499). После вступления в действие феодосийского порта, по словам Страбона (VII, 4,6), Левкон вывез в Афины только из Феодосии 2 миллиона 100 тыс. медимнов или 86 тыс. тонн зерна. Естественно, возникает вопрос, чем Афины расплачивались за этот поистине огромный импорт. В. Д. Блаватский отметил невозможность допущения, что он мог быть покрыт стоимостью ввозившейся на Боспор афинской керамики, сколь бы значительным он ни был, и высказал мнение, что афиняне расплачивались за боспорский хлеб главным образом благородными металлами, которые использовались Спартокидами на своем монетном дворе (*Блаватский В. Д.*, 1959б). Правда, следует иметь в виду, что помимо огромного импорта керамических изделий из Афин ввозилась, по-видимому, в немалом объеме, дорогая серебряная посуда (табл. LXVII, *1*), значительная часть которой служила затем предметом торгового обмена с варварской знатью, а также различные другие произведения искусства, стоимость которых была, вероятно, весьма высока. Этим же целям покрытия вероятного торгового дефицита, служила и посредническая торговля афинян. Ольвия и Херсонес были также весьма важными рынками для афинян (*Брашинский И. Б.*, 1963а, с. 140 сл.).

Афины ввозят в Северное Причерноморье не только продукты собственного ремесленного производства, но и выступают посредниками в экспорте ряда других тесно связанных с ними центров. Через посредство афинских купцов поступал весьма значительный по объему импорт фасосского вина и масла, занимающий важное место во всем Северном Причерноморье, особенно с конца V и в течение всего IV, а отчасти и III вв. до н. э., но начавшийся еще значительно раньше (*Граков Б. Н.*, 1939а). Этот импорт засвидетельствован многочисленными находками остатков фасосских амфор (табл. LXVIII, LXIX), многие из которых снабжены клеймами (*Виноградов Ю. Г.*, 1972). Фасосское вино находило сбыт и у варваров Поднестровья, Приднепровья, Крыма, Нижнего Дона и Прикубанья. О том, что вино другого прославленного винодельческого центра — Менды, поступало в Причерноморье, в частности на Боспор и Ольвию, через посредство афинских купцов, имеется прямое свидетельство Демосфена (XXXV, 10). Амфоры этого центра (табл. LXVIII), локализованные лишь недавно, известные в научной литературе под названием «амфор с рюмкообразными ножками», также имеют повсеместное распространение в Северном Причерноморье. Амфорные же клейма Менды известны лишь в единичных экземплярах (*Брашинский И. Б.*, 1962; 1976а). Возможно, что и в общем незначительный коринфский импорт поступал в Северное Причерноморье в IV в. до н. э. через посредство афинских купцов. В это время продолжается в значительном объеме и импорт хиосского вина (табл. LXVIII), а также вина в амфорах ряда других средиземноморских центров, которые не получили пока твердой локализации (амфоры типов Солоха I и II и др.).

Однако наиболее показательным в развитии торговых связей северочерноморских городов, начиная с конца V в. до н. э., является начало широкого развития торговли с южнопонтийскими центрами — Гераклеей Понтийской и Синопой, чему в немалой степени способствовало и освоение краткого пути через Черное море. Гераклейский импорт в течение всего IV в. до н. э. имеет в Северном Причерноморье чрезвычайно широкое распространение, а в варварской среде он в это время доминирует. Из Гераклеи помимо вина в амфорах в ограниченном масштабе ввозилась также кровельная черепица, пифосы и другая хозяйственная посуда. Импорт из Синопы, засвидетельствованный как в Ольвии, так и, особенно, на Боспоре (Нимфей, Пантикапей) еще для V в. до н. э. находками синопской архитектурной терракоты (*Скуднова В. М.*, 1958а), приобретает широкий размах со второй четверти IV в. до н. э., когда начинается массовый импорт синопских товаров в керамической таре (табл. LXVIII, LXIX), которая, как и гераклейская и фасосская, систематически клеймилась. Находки клейм синопской группы в Северном Причерноморье являются наиболее многочисленными и превосходят в настоящее время 10 000. Из Синопы привозили оливковое масло (*Максимова М. И.*, 1956), вино, а также некоторые другие товары, в частности, маслины (*Зеест И. Б.*, 1960). В отличие от гераклейского импорта, расцвет которого падает на IV в., импорт из Синопы получил особенно большое развитие в III—II вв. до н. э. и



Карта 12. Основные греческие центры — экспортеры товаров в Северное Причерноморье

а — вино, оливковое масло и другие товары, транспортировавшиеся в амфорах; *б* — глиняная посуда; *в* — металлические изделия; *г* — кровельная черепица и терракотовые архитектурные украшения; I—VII—VI вв. до н. э.; II—V—IV вв. до н. э.; III — вторая половина IV в.— I в. до н. э. Составитель И. Б. Брашинский

продолжался вплоть до первых веков нашей эры (*Зеест И. Б.*, 1951а). Отличительной чертой синопской торговли была ее ориентация главным образом на Северо-Восточное Причерноморье с течением времени становящаяся все более ощутимой (*Брашинский И. Б.*, 1963а). В значительно большем, чем из Гераклеи, объеме из Синопы импортировалась кровельная черепица, причем особенно большим ее ввоз был во второй половине IV и начале III в. в Ольвию и Херсонес. На Боспоре, где уже в IV в. до н. э. существовало развитое производство строительных керамических материалов (*Гайдукевич В. Ф.*, 1934б), импорт синопской черепицы был сравнительно небольшим. Помимо товаров в амфорах и кровельных материалов из Синопы в северопонтийские города импортировались пифосы и прочая хозяйственная керамика, в частности, большие толстостенные чаши — так называемые «мортарии» или «лутерии».

Можно полагать, что одним из важных торговых партнеров северочерноморских государств был Амис (*Максимова М. И.*, 1956, с. 83 сл.), импорт которого, однако, археологически прослеживается слабо, поскольку основу его, по-видимому, составляли металлы и металлические изделия. Из других южнопонтийских центров в Северном Причерноморье прослеживается также незначительный импорт продуктов в керамической таре из Амастрия, но хронологически (конец IV — начало III в. до н. э.) он, строго говоря, относится уже к началу следующего этапа развития черноморской торговли — эпохе эллинизма.

В IV в. до н. э. дальнейшее развитие получает торговля с Колхидой, начавшаяся еще в VI в. до н. э. (импорт колхидских пифосов). В рассматриваемое время начинается и ввоз товаров в амфорах. Показателен факт присутствия колхидского импорта только в Северовосточном Причерноморье (Боспор и входящие в орбиту его экономического влияния территории); западнее Керченского полуострова он не зафиксирован.

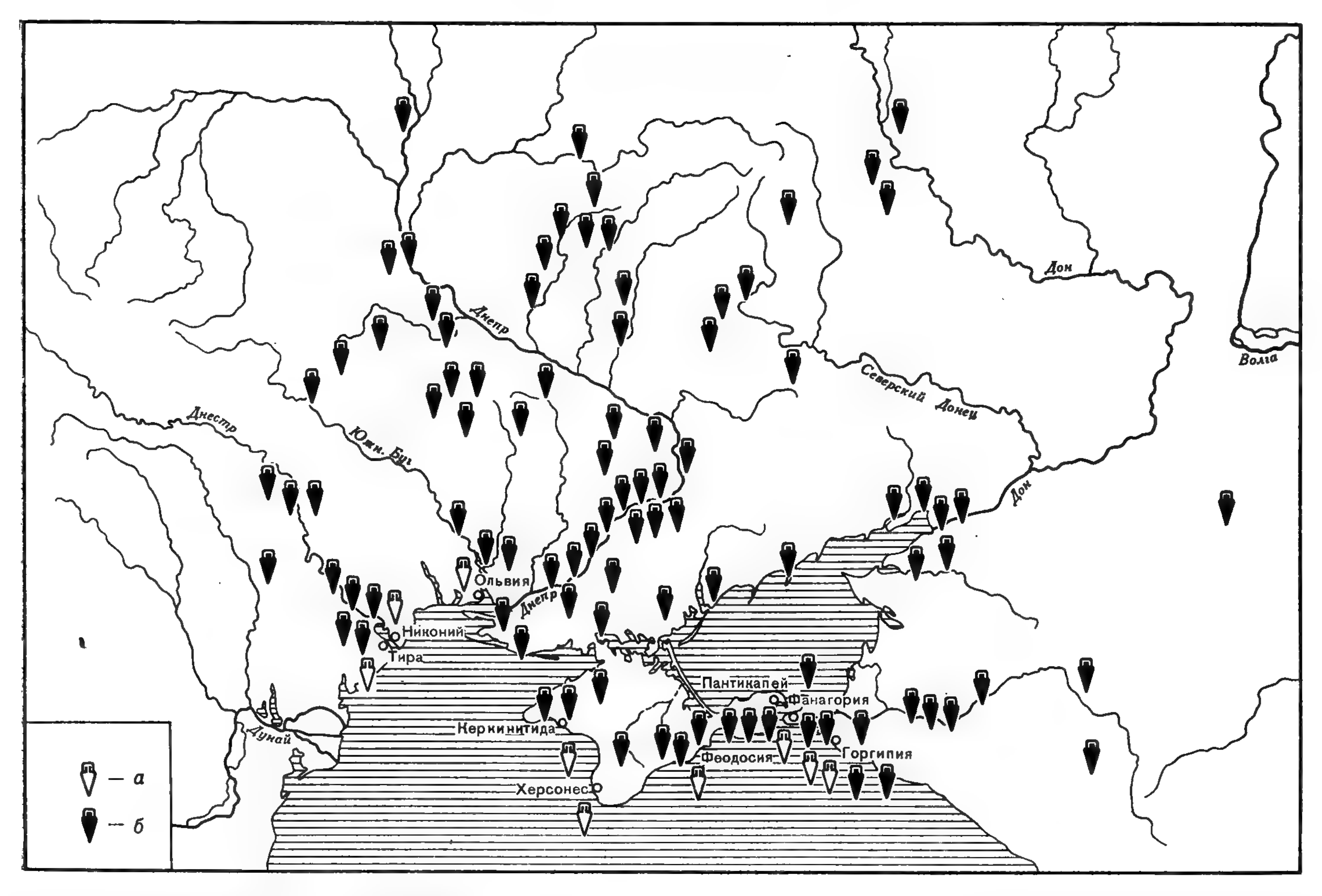
Торговля велась и между северочерноморскими и западнопонтийскими городами, а также между самими северопонтийскими государствами. Так, в частности, по массовому материалу (амфоры, в том числе клейменые), прослеживается экспорт Херсонеса, ориентированный главным образом, на запад (Ольвия, Никоний, Тира). На Боспор он был весьма незначительным (*Шелов Д. Б.*, 1956б, с. 214; 1975, с. 149). Торговля Тиры, Никония и Ольвии с Истрией засвидетельствована монетными находками (*За-*

гинайло А. Г., 1976), а в Ольвии и эпиграфически-ми (НО, № 7, 15).

Следующий этап в развитии северочерноморской торговли начинается с конца IV в. до н. э. и охватывает следующие два столетия (III—II вв. до н. э.) и, отчасти I в. до н. э. Значение северопонтийского, в частности, Боспорского хлебного экспорта существенно сокращается. На первый план выдвигаются товары, перечисленные Полибием и Страбоном (скот и продукты скотоводческого хозяйства, рыба, отчасти рабы) (в отношении рабов см.: *Гольденберг В. А.*, 1953; с. 206; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 501), хотя Северное Причерноморье продолжало оставаться важным зерновым районом античного мира. Значение хлебных ресурсов Боспора отчетливо вытекает из сообщения Страбона (VII, 4,6) о том, что население Крыма и Таманского полуострова ежегодно выплачивало Митридату Евпатору дань в размере 180 тыс. медимнов хлеба. В эпоху эллинизма в средиземноморской торговле Северного Причерноморья на первый план снова выдвигаются малоазийские и, особенно, островные центры. Наиболее значительным был импорт вина из Родоса, засвидетельствованный повсеместными находками родосских амфор (табл. LXIX), которые почти все без исключения клеймились. По количеству находок родосские клейма в Северном Причерноморье уступают лишь синопским (о родосских клеймах см.: *Леви Е. И.*, 1964а, с. 227 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1975, с. 10 сл.). Однако соотношение амфорных клейм не отражает истинного соотношения импорта различных центров, поскольку само соотношение клейменой и неклейменой тары в них было различным (*Кругликова И. Т.*, 1972б; *Брашинский И. Б.*, 1977). Неточно отражает истинное соотношение объема импорта из различных центров и соотношение количества самих амфор из-за существенных отличий их стандартных емкостей (*Брашинский И. Б.*, 1976а, с. 87 сл.). Поэтому существующие в настоящее время представления о месте и объеме импорта из различных центров в Северном Причерноморье требуют пересмотра и значительных поправок. Однако, несмотря на все сделанные оговорки, родосский импорт занимал в Северном Причерноморье в III и особенно во II в. до н. э. весьма значительное место. В III и начале II в. до н. э. основной поток его шел в Северозападное Причерноморье (Ольвия и др.), позднее же на первое место выдвигается Боспор (*Шелов Д. Б.*, 1958). Из других средиземноморских островных центров по амфорам и керамическим клеймам повсеместно в городах Северного Причерноморья фиксируется импорт из Коса, Пароса, Икоса, а также Книда, наиболее значителен косский, хотя и он сильно уступает родосскому (табл. LXIX). Значительное место в импорте керамики в это время принадлежит Делосу (так называемые «мегарские» чаши и т. д.), Пергаму и другим малоазийским центрам. Начинается импорт из Александрии (*Шургая И. Г.*, 1965а), шедший, возможно, через посредство Родоса, а также Синопы (*Пиотровский Б. Б.*, 1958). Очень широкое распространение приобретает импорт изделий из египетского фаянса (бусы, амулеты), начало которого относится еще к VI в. до н. э. (*Пиотровский Б. Б.*, 1958; *Алексеева Е. М.*, 1975а, с. 25).

Для черноморской торговли северопонтийских государств в это время, особенно торговли Боспорского царства, характерно дальнейшее интенсивное развитие связей с Синопой. В эллинистическую эпоху, в связи с общим перемещением мировых торговых путей, через Северное Причерноморье (Боспор) начинают осуществляться и торговые связи с Востоком (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 90 сл.).

Последний этап развития античной торговли Северного Причерноморья относится к последнему веку до нашей эры и к первым векам нашей эры. Он может быть подразделен на два основных периода: I в. до н. э.— II в. н. э. и III—IV вв. Первый период характеризуется новым расцветом и дальнейшим развитием торговли, второй — ее постепенным сокращением. Важное значение для развития черноморской торговли имела успешная борьба римского флота с пиратами. Из Северного Причерноморья в это время по-прежнему вывозят продукты земледелия и скотоводства, рыбу, в определенной мере, вероятно, большей, чем прежде — рабов. В номенклатуре импортировавшихся товаров также не наблюдается особых изменений, если не считать все возрастающего значения ввоза стеклянных изделий. Но соотношение различных статей импорта и направления внешней торговли существенно изменяются (см. карты 14 и 15). Полнее всего для рассматриваемого этапа северопонтийской торговли исследована торговля Танаиса (*Книпович Т. Н.*, 1949а, с. 50 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1972, с. 116 сл.), которая в значительной мере отражает торговлю всего Боспора и, в определенной мере, всего Северного Причерноморья. Специальному исследованию подверглась и торговля Херсонеса (*Кадеев В. И.*, 1970). Сопоставление импорта из разных северочерноморских городов отчетливо показывает его единство во всем регионе, что, несомненно, связано с включением Причерноморья в общую экономическую систему Римской империи. Как и прежде, основной статьей импорта остаются вино и оливковое масло (табл. LXXIII; LXXIV). Но теперь они ввозятся почти исключительно из южнопонтийских центров, и больше всего из Синопы (*Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 116 сл.; *Кадеев В. И.*, 1972), переживавшей новый экономический расцвет (*Максимова М. И.*, 1956, с. 325 сл.) Возрождается, вероятно, и торговля с Гераклеей (*Виноградов Ю. Г.*, *Онайко Н. А.*, 1975). Преимущественно понтийская ориентация торговых связей иллюстрируется специфическими документами (IPE I², 40, 41; НО, № 47, 51 — Ольвия; IPE I², 351, 357, 358, 362, 364; НЭПХ, № 7, 13 — Херсонес; КБН, 44, 54, 55 и др.— Боспор). Значительным был импорт малоазийской краснолаковой керамики, среди которой выделяется продукция Пергама, а также керамики самосского производства (*Knipowitsch T.*, 1929; *Книпович Т. Н.*, 1952; *Силантьева Л. Ф.*, 1958б; *Белов Г. Д.*, 1967; *Кропоткин В. В.*, 1970, с. 14 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 138 сл.). Все возрастающее значение в импорте приобретает ввоз стеклянных сосудов (табл. LXX, LXXI), поступавших из разных районов античного мира: Сирии, Египта, (Александрии), Западно-римских провинций *Сорокина Н. П.*, 1962; 1963; 1965; *Кунина Н. З.*, *Сорокина Н. П.*, 1972; *Кунина Н. З.*, 1973; *Кропоткин В. В.*, 1970, с. 27 сл.) Среди импортных изделий заметное место занимают металлические пред-



Карта 13. Греческий импорт на территории Северного Причерноморья в VI—I вв. до н. э.

а — основные центры-импортеры; *б* — районы распространения импорта. Составитель И. Б. Брашинский

меты: серебряные и бронзовые сосуды, фибулы и т. д. (табл. LXXII), поступавшие, как и стекло, из различных районов империи (*Шелов Д. Б.*, 1965а; 1967а; *Schelow D.*, 1968; *Капошина С. И.*, 1967; *Кропоткин В. В.*, 1970, с. 21 сл.; *Амброз А. К.*, 1966). Продолжается и импорт украшений: бус и т. д. (*Алексеева Е. М.*, 1975а).

Греко-варварская торговля в отличие от торговли с греческими центрами Средиземноморья и Причерноморья, а также от внутренней торговли преимущественно оставалась натуральным обменом. В настоящее время трудно решить, существовал ли в этой торговле общий эквивалент или эквиваленты и, если да, то какой или какие именно, но огромный размах греко-варварской торговли, достигший кульминации в IV в. до н. э., делает в высшей степени вероятным, что такой эквивалент существовал. Было высказано предположение, что в Скифии роль денег выполняли бронзовые наконечники стрел (*Граков Б. Н.*, 1968), хотя вряд ли они играли роль всеобщего эквивалента в греко-варварской торговле. Можно предполагать, что эквивалентом были какие-то продукты варварского хозяйства — например, скот или шкуры.

Что касается организации греко-варварской торговли в Северном Причерноморье, то можно полагать, что торговый обмен осуществлялся преимущественно на рынках греческих городов, а также в крупных варварских торговых центрах, куда приезжали греческие купцы со своими товарами и сходились представители племен с окрестных, а, возможно и весьма отдаленных территорий. Наиболее ярко значение греческих городов как центров греко-варварского торгового обмена выступает в характеристиках, данных Страбоном Пантикапею и Танаису (VII, 4, 5; XI, 2, 3). Можно утверждать, что такую же роль для приднепровских и побужских скифов играла Ольвия, для синдов и меотов — Фанагория и т. д. В некоторых случаях аналогичную функцию выполняли крупные варварские центры, такие как Елизаветовское поселение в дельте Дона — предшественник Танаиса, Каменское поселение на Днепре (*Граков Б. Н.*, 1954, с. 145 сл.) и Елизаветинское поселение на Кубани (*Зеест И. Б.*, 1951а; *Анфимов Н. В.*, 1966). В письменных источниках конкретные сведения о греко-варварской торговле Северного Причерноморья почти полностью отсутствуют. Лишь Страбон в цитированном выше месте о значении Танаиса, как общего торжища греков и кочевников отмечает, что последние привозили туда для продажи рабов, кожу и другие товары кочевого хозяйства, греки же в обмен доставляли одежду, вино и прочее, что «свойственно цивилизованной жизни». Из приписываемой Демосфену речи «Против Формиона» можно заключить, что «мелочные товары», занимали важное место в греко-варварской торговле.

В обоих источниках отделенных друг от друга почти тремя веками, отсутствует конкретный перечень товаров (за исключением рабов, вина и одежды), которые греки обменивали на продукты кочевого хозяйства. Понятия же «мелочные товары», товары «свойственные цивилизованному образу жизни», весьма емки: они могут включать в себя и посуду, и мебель, и украшения, и косметические и гастрономические продукты и т. д. И действительно, археологические материалы подтверждают использование всех этих категорий импорта в варварской среде. Самой крупной по объему статьей греческого торгового обмена с северочерноморскими варварами было, как уже указывалось, вино, транспортировавшееся в амфорах и в мягкой таре — бурдюках, мехах (*Граков Б. Н.*, 1947; 1971, с. 51). Остродонные амфоры широко распространены на варварских территориях, прежде всего по течениям судоходных рек. Они дают представление не только об объеме и динамике этого импорта, о соотношении импорта из различных производственных центров, но позволяют сделать некоторые заключения о характере греко-варварской виноторговли. Так, анализ амфорных клейм из Елизаветовского и Каменского городищ и ряда могильников позволяет прийти к заключению, что виноторговля была оптовой: вино закупалось единовременными крупными партиями, а уже затем путем внутреннего обмена в местных обществах поступало к потребителям.

Наиболее ранние археологические свидетельства регулярного импорта вина в Скифию и другие территории туземных племен Северного Причерноморья относятся еще к VI в. до н. э. В VI—V вв. до н. э., как и в самих греческих городах, наиболее широким в варварской среде был импорт хиосского вина, в определенном, но значительно меньшем количестве, вина Самоса, Лесбоса и некоторых других неизвестных центров. Особенно интенсивным в это время греческий импорт был (если не считать ближайшего варварского окружения городов) в среднем Приднепровье, у лесостепных племен (*Онайко Н. А.*, 1966а), а также в нижнем Прикубанье (синды, меоты) (*Зеест И. Б.*, 1960). С V в. до н. э. во все возрастающем объеме начинает импортироваться фасосское вино. Главным посредником в греко-варварской торговле в это время была Ольвия, откуда импорт поступал не только на обширные лесостепные территории Приднепровья, но, возможно, и далее на восток, в частности в бассейн Северского Донца. В Северо-Восточном Причерноморье эти же функции выполнял Пантикапей и города азиатского Боспора — Фанагория и Гермонасса. Помимо вина, еще в начальный период регулярной греко-варварской торговли в те же районы поступает греческая художественная и столовая посуда. Древнейшие образцы ее относятся к концу VII в. и, как правило, являются дорогими художественными, порою уникальными изделиями. Большинство их происходит из погребений кочевнической знати. В VI и начале V в. до н. э. это керамика из ионийских центров и аттическая, в V в. до н. э. — главным образом аттическая (*Онайко Н. А.*, 1966а; *Брашинский И. Б.*, 1976в), а отчасти и местного северочерноморского производства. В некотором количестве импортировались также предметы вооружения главным образом оборонительные доспехи (шлемы, кнемиды); в основном их импорт падает уже на IV в. до н. э. (*Черненко Е. В.*, 1968). Ввозилась и металлическая посуда (табл. LXXII) и различные украшения (*Онайко Н. А.*, 1966а; *Петренко В. Г.*, 1978). Особо широкого размаха греко-варварская торговля в Северном Причерноморье достигает в IV в. до н. э. В это время в ее орбиту включаются огромные территории от Дуная на западе, до Дона и Волги на востоке. Если для предшествующего времени характерна особая активность в обмене с лесостепными племенами Среднего Приднепровья (*Онайко Н. А.*, 1966а), а также и племенами Нижнего Прикубанья и, отчасти, Нижнего Дона (*Брашинский И. Б.*, 1970), то теперь в него втягиваются огромные массы кочевников причерноморских степей (*Онайко Н. А.*, 1970а). Греческий импорт в значительном объеме поступает в Поднестровье, в Нижнее Побужье и Приднепровье, на Нижний и Средний Дон, в Среднее Прикубанье и т. д. Как и прежде, основной статьей импорта остается вино. Доминирующим в это время является импорт гераклейского вина, в варварской среде потребляется и синопское вино, а со второй половины IV в. довольно заметное место начинает занимать вино херсонесское (*Брашинский И. Б.*, 1970). Продолжается также поступление вина из ряда средиземноморских центров: Хиоса, Фасоса, Менды и других, пока не определимых точнее. В большем, чем прежде, объеме импортируется керамическая посуда, как средиземноморских центров (главным образом, аттическая), так и местных, северочерноморских (Ольвия, Херсонес, города Боспора), металлическая посуда, украшения, в том числе многочисленные изделия античной торевтики (*Онайко Н. А.*, 1970а).

Сначала постепенное, а вскоре резкое сокращение (как объема, так и ареала) греко-варварской торговли начинается после первой трети III в. до н. э., что, очевидно, следует связывать с глубокими социально-экономическими, политическими и демографическими сдвигами в северопричерноморских степях. Исключение составляет лишь Прикубанье, где торговый обмен, возможно, не только не сокращается, но даже и несколько активизируется.

Новый подъем греко-варварской торговли в Северном Причерноморье начинается с эпохи позднего эллинизма (I в. до н. э.) и продолжается в первые века нашей эры. Этот этап развития варварской торговли Северного Причерноморья принципиально отличается от предшествующих прежде всего тем, что широкого распространения достигает товарно-денежный обмен, денежное обращение, о чем свидетельствуют многочисленные клады (*Кропоткин В. В.*, 1961). Правда, следует учитывать, что они скорее говорят о монете, как средстве накопления, чем как о средстве обращения.

Посредниками в торговле с варварским миром, как и прежде, продолжают выступать античные города Северного Причерноморья: Тира, Ольвия, Херсонес, Пантикапей, Фанагория и Горгиппия. Сильно возрастает роль Танаиса — крайнего северо-восточного форпоста античной торговли с обширными территориями Подонья, Поволжья и Приуралья. Однако вопрос о путях проникновения многих категорий импорта в варварскую среду весьма сложен. Неко-

Карта 14. Распространение античного импорта в Северном Причерноморье в I—IV вв. н. э.

а — продукты, транспортировавшиеся в амфорах (вино, масло); *б* — глиняная посуда; *в* — металлические изделия; *г* — стеклянные изделия; *д* — фибулы. Составитель И. Б. Брашинский

Карта 15. Основные центры — экспортеры товаров в Северное Причерноморье в I—IV вв. н. э.

а — продукты, транспортировавшиеся в амфорах (вино, масло); *б* — глиняная посуда; *в* — металлические изделия; *г* — стеклянные изделия; *д* — фибулы. Составитель И. Б. Брашинский

торые группы находок, хорошо представленные на варварских территориях, в частности стеклянные и бронзовые изделия западного (италийского, галло-римского, рейнского) происхождения, неизвестны в приморских античных городах, в частности боспорских. Они, вероятно, перевозились по караванным путям из Подунавья или Ольвии до Танаиса, а далее уже, по караванным же дорогам, проникали далеко на восток (*Шелов Д. Б.*, 1967а; 1972а; *Schelow D.*, 1968). Это, вероятно, относится и к фибулам (*Кропоткин В. В.*, 1970, с. 33 сл.; *Амброз А. К.*, 1966). Необходимо также считаться с вероятностью проникновения многих изделий к варварам в качестве военных трофеев, а не путем торговли (*Шелов Д. Б.*, 1967а, с. 111 сл.).

Ассортимент античного импорта в варварской среде весьма широк: это помимо вина, главным образом из южнопонтийских малоазийских центров, а отчасти также из западных, включая италийские; разнообразная краснолаковая посуда как малоазийского, так и средиземноморского происхождения; весьма разнообразные (серебряные и бронзовые) изделия и стеклянная посуда, фибулы, резные камни и геммы, а также другие украшения (*Кропоткин В. В.*, 1970), происходящие из разных районов и центров производства античного мира.

Находки амфор особенно широко распространены в Подунавье и Поднестровье, Побужье, Приднепровье и их междуречьи, на Нижнем Дону и в Прикубанье (*Кропоткин В. В.*, 1970, с. 9 сл.; 149, рис. 1—3). На востоке Северного Причерноморья и, особенно, в Задонье, Поволжье и Заволжье амфоры почти не встречаются. Вероятно, сюда вино поступало по караванным путям в мягкой таре. Но не исключено также, что племенами, обитавшими в этих районах, вино потреблялось в значительно меньшем количестве, чем более западными. Импорт вина, судя по остаткам амфор, усиливается в III—IV вв. (*Кропоткин В. В.*, 1970, с. 149, рис. 3). Ареал краснолаковой (а также и простой гончарной) керамики в общем совпадает с областью распространения амфор. Но в отличие от последних, краснолаковые сосуды нередко встречаются и в междуречьи Дона и Волги и на Нижней Волге. Начинается их импорт еще в I в. до н. э., когда он относительно невелик; резкое возрастание ввоза наблюдается с I в. н. э. и продолжается в последующие века (*Кропоткин В. В.*, 1970, с. 151, рис. 4; *Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 214). Как и вино, краснолаковая керамика поступала на варварские территории через посредство северочерноморских городов, о чем свидетельствует идентичность состава импорта. Область распространения металлических (серебряных и бронзовых) изделий отличается от ареала импортной керамики — основными районами их находок являются Прикубанье, Подонье и Поволжье вплоть до Урала на востоке (*Кропоткин В. В.*, 1970, с. 151 сл., рис. 6—15; *Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 206 сл.). Хронологически этот импорт соответствует общему развитию варварской торговли Северного Причерноморья. Наибольшей интенсивности он достигает, вероятно, в I—II вв. (*Шелов Д. Б.*, 1965а; 1967а; 1972а; с. 206 сл.). Весьма широким был импорт стеклянных сосудов, включавший не только иноземные изделия, но и изготовленные в местных северопонтийских мастерских (*Кропоткин В. В.*, 1970, с. 159 сл., рис. 16—21).

Внутренняя торговля северочерноморских государств складывается из двух основных составных частей: внутригородского рынка и внутригосударственного рынка, имевшего специфические черты в разных государствах Северного Причерноморья. В одних случаях структура внутренней торговли была сложной, включая в себя как торговлю между различными городами государства, так и торговлю городов с сельскими поселениями (Боспор, Херсонес), в других — только лишь торговлю главного городского центра с поселениями хоры (Ольвия, Тира).

Внутригородская торговля в государствах Северного Причерноморья остается до сих пор практически неизученной. О раннем сложении и высоком уровне развития городских рынков яркое представление дает, однако, повсеместный ранний выпуск собственной монеты, в том числе, особенно мелких и мельчайших номиналов (табл. LXXV—LXXIX) имевшей хождение именно на внутреннем рынке (*Зограф А. Н.*, 1951; 1955; 1957; *Шелов Д. Б.*, 1956а; *Карышковский П. О.*, 1969в, *Анохин В. А.*, 1977б). Важное значение для изучения городских рынков, имеют находки предметов торгового инвентаря: мерных сосудов, гирь-разновесов и т. д. (табл. LXVI).

Изучение внутригосударственной торговли Северного Причерноморья находится еще на начальной стадии (*Кругликова И. Т.*, 1972б; 1975б; с 219 сл.; *Щеглов А. Н.*, 1973б; *Зеест И. Б.*, 1951а; 1960). Основные выводы, к которым можно прийти в настоящее время, сводятся к следующему. Для внутреннего (внутригосударственного) рынка характерно высокоразвитое денежное обращение (*Шелов Д. Б.*, 1956а; *Карышковский П. О.*, 1969; *Кругликова И. Т.*, 1972б; 1975б, с. 221 сл., 228 сл.; *Щеглов А. Н.*, 1973а). Основу внутренней торговли составляла торговля сельскохозяйственными и ремесленными продуктами собственного производства, импортные товары занимали во внутренней торговле подчиненное положение. В торговых сделках на внутреннем рынке широкое развитие получила не только розничная торговля, но и оптовая (*Щеглов А. Н.*, 1973а). Во всех северочерноморских государствах регулирующая роль во внутренней торговле принадлежала столичным центрам. Можно предполагать определенную специализацию в производстве, а следовательно, и торговле, различных городских центров государства (Боспор). Так, например, имеются основания считать боспорский городок Мирмекий крупным центром боспорского виноделия и внутренней виноторговли (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а). Интенсивность и колебания в развитии внутренней торговли государств Северного Причерноморья стояли в прямой зависимости от их общего экономического развития. Так, в частности, расцвет внутренней торговли в них наблюдается в IV — начале III в. до н. э., в I—II вв. н. э., что совпадает со временем их экономического и политического подъема.

Глава девятая
Военное дело

Военное дело государств Северного Причерноморья было теснейшим образом связано с их экономическим развитием и изменялось в зависимости от эволюции социально-экономических и политических условий. Некоторые сведения о военном деле в Северном Причерноморье можно извлечь из сочинений древних авторов: Геродота, Диодора, Полиена, Тацита, Аппиана, Арриана, Страбона, Диона Хрисостома и Овидия. Однако, сведения эти фрагментарны и рассказывают только об отдельных боевых эпизодах. Эпиграфические памятники также дают некоторую информацию, в частности, сообщают о строительстве различных оборонительных сооружений, о воинских должностях, иногда даже о ходе военных действий и т. д. О расположении римских войск в Северном Причерноморье позволяют судить клейма на черепицах и кирпичах, надгробия. Изображения на монетах и граффити на памятниках прикладного и изобразительного искусства, донесли до нас общий вид пеших и конных воинов, их снаряжения, батальные сцены, изображения военных кораблей, ворот и стен древних крепостей и осадных машин. Незаменимым источником являются археологические данные: остатки оборонительных сооружений, различные виды оружия. В. Д. Блаватский проделал большую работу по систематизации и анализу материала о военном деле Северного Причерноморья (*Блаватский В. Д.*, 1946б; 1949а; 1950в; 1951а, д; 1954а, 1961а). Имеется, кроме того, ряд исследований, посвященных отдельным темам (*Сокольский Н. И.*, 1954; 1955; 1962б; 1971; *Шмидт Р. В.*, 1941; *Рабинович Б. З.*, 1941; *Галанина Л. К.*, 1965; *Петерс Б. Г.*, 1962; 1966; 1977; *Пругло В. И.*, 1966; *Десятчиков Ю. М.*, 1968; *Долгоруков В. С.*, 1968 и др.) Недавно вышла специальная работа, посвященная изучению морского дела в античных государствах Северного Причерноморья (*Петерс Б. Г.*, 1982).

Военное искусство и вооружение греческих переселенцев на раннем этапе имело чисто греческий характер и резко отличалось от вооружения местных племен. Но с течением времени военное дело Северного Причерноморья стало приобретать специфические черты, не свойственные метрополии (*Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 63—70). Здесь военное дело должно было отвечать главной задаче — борьбе с местными племенами, многочисленной, не знающей регулярного строя легковооруженной массой воинов, во главе которых выступали одетые в броню вожди. Греческие государства постоянной армии не имели и в случае военной угрозы коллегия стратегов собирала ополчение из граждан полиса. Богатые и средние слои общества приобретали вооружение за свой счет и составляли части тяжеловооруженных воинов-гоплитов. Малоимущие граждане выступали как легковооруженные воины. Такая организация военного дела, по-видимому, существовала во всех северопричерноморских полисах. В городах Боспора после установления на Боспоре в 438 г. до н. э. династии Спартокидов формируется армия наемников, которая, как сообщает Полиен (VI, 14) участвует в завоевании Феодосии. Она набиралась из эллинов, фракийцев, пафлагонцев (КБН, 180; *Гайдукевич В. Ф.*, 1960, с. 105 сл.). Помимо них в военных кампаниях в качестве союзного войска могли участвовать и местные племена. Так, согласно Полиену (VI, 9) при завоевании Феодосии на стороне Боспора действовали скифские войска.

Пехота. Тяжеловооруженная пехота (гоплиты) была основным видом войска в государствах Северного Причерноморья. Ее главным оружием были два копья, каждое из которых состояло из двухметрового древка и железного наконечника с длинной втулкой и вытянутым острием (табл. LXXX, *22—24*). Одно из копий металось в противника, а второе использовалось для ближнего боя. В ближнем бою широко применялись мечи (*Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 77—78; 1961а, с. 77; *Сокольский Н. И.*, 1954, с. 132). Чаще всего употреблялся двулезвийный, остроконечный греческий меч-ксифос (табл. LXXXI, *9*, *11*, *22*, *24*), способный наносить рубящие и колющие удары, а также однолезвийный, расширяющийся в средней части меч-махайра, находящийся на вооружении конницы, но употреблявшийся и пехотой (табл. LXXXI, *25*, *38*). Наряду с ними применялись короткие скифские мечи-акинаки и длинные синдо-меотские (табл. LXXXI, *23*). Носили мечи в ножнах, прикрепленных к портупее, перекинутой через правое плечо. Кинжалы в ножнах крепились к правому бедру с помощью ремней. Защитное вооружение гоплитов состояло из щита, металлического шлема (*Рабинович Б. З.*, 1941, с. 99; *Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 76; 1961, с. 77; *Мелюкова А. И.*, 1964, табл. 23), панциря и поножей. Щиты имели деревянную основу, на которую натягивалась кожа. С наружной стороны щиты покрывались листовым металлом, в центре крепился металлический умбон (табл. LXXXI, *43*, *44*). С внутренней стороны находились перемычки для продевания руки (табл. LXXXII, *3*, *4*, *9*, *18*, *19*). Щиты были различных форм: круглые (табл. LXXXI, *44*, *47*; LXXXII, *2*, *10*, *17*; LXXXIII, *5*, *25*, *33*, *34*, *38*), ромбовидные (табл. LXXXIII, *28*), фигурные (табл. LXXXII, *11*; LXXXIII, *4*, *32*), овальные (табл. LXXXI, *43*; LXXXII, *8*, *18*, *19*, *22*, *23*, *25*, *26*, *29*, *30*, *33*; LXXXIII, *1—3*, *6*, *10—12*, *19*, *20*, *26*, *27*; LXXXIV, *20*). Последние могли иметь дугообразный вырез в верхней части для более удобного наблюдения за противником (табл. LXXXII, *3*, *4*, *9*; LXXXIII, *17*). Иногда к щитам подвешивались коврики, которые служили для защиты нижней части тела от стрел (табл. LXXXI, *44*) (*Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 76; *Галанина Л. К.*, 1965, с. 5).

Шлемы более раннего времени изготовлялись из бронзы, а в последние века до нашей эры — из железа. Они были различных конструкций: коринфский, с большими неподвижными нащечниками и с небольшим просветом для глаз (табл. LXXXI, *12*), аттический — с небольшими подвижными нащечниками (табл. LXXXI, *35*); беотийский — колоколообразной формы (табл. LXXXI, *40*); фригийский — с загнутым вперед верхом (табл. LXXXI, *34*); кельтский — с рогами (*Граков Б. Н.*, 1977, с. 58) (табл. LXXXI, *42*). Многие шлемы в верхней части имели гребень, к которому прикреплялись украшения — хвосты животных или перья птиц (табл. LXXXII, *2*; LXXXIV, *17*, *18*). Панцири изготовлялись из бронзы, а позднее из железа. Ранние бронзовые панцирикирасы состояли из двух половинок. Позднее появляются панцири из пластинок и чешуек, нашитых на кожу (табл. LXXXI, *15*, *18*, *20*). Поверх панцирей обычно надевали наплечники, нагрудник и пояс (табл. LXXXI, *14*, *36*; LXXXII, *29*) (*Блаватский В. Д.*, 1961, с. 77; *Манцевич А. П.*, 1941, с. 19). Поножи (кнемиды) — бронзовые пластины, изогнутые по форме голени, защищали ноги от щиколотки до колена (табл. LXXXI, *17*, *32*, *33*; LXXXIV, *19*). Наглядное представление о вооружении боспорской аристократии дают находки в Керченских и Таманских курганах. Так, например, в кургане Кекуватского (IV в. до н. э.) обнаружен бронзовый аттический шлем с наглухо прикрепленным назатыльником и с подвижными нащечниками, позолоченные бронзовые поножи (табл. LXXXI, *32*, *35*), позолоченные бронзовые трехгранные наконечники стрел (табл. LXXX, *33—39*), меч с обложенной золотом рукоятью и каменное точило (*Артамонов М. И.*, 1966, с. 66, табл. 270).

Средневооруженная пехота — пельтасты, имела наступательное вооружение, состоящее из копий (табл. LXXX, *11*, *12*, *25*, *26*, *61*), мечей (табл. LXXXI, *7*, *8*) и дротиков (табл. LXXX, *60*). Оборонительные доспехи состояли в основном из небольших щитов-пельт (табл. LXXXI, *44*, *47*; LXXXII, *3*, *4*; LXXXIII, *2*, *12*). Кроме того, в Северном Причерноморье применялись и более крупные щиты (табл. LXXXII, *8*, *19*, *20*, *22*, *24*). Для защиты головы пельтасты употребляли легкие шлемы (табл. LXXXII, *4*, *34*; LXXXIII, *1*, *2*, *10—12*, *18*, *33*). Судя по изображениям, в сражениях участвовали и воины, тело которых было совершенно не защищено, или покрыто легким холщевым панцирем (табл. LXXXII, *1*, *4*, *14*, *19*, *23*; LXXXIII, *1*, *2*, *12*, *33* и др.). Иногда в вооружение пельтастов входили боевые топоры (табл. LXXXI, *1*, *2*, *21*, *37*; LXXXII, *3*).

Легковооруженная пехота имела в качестве наступательного вооружения пращи (табл. LXXXIV, *21*, *22*), каменные ядра которых неоднократно находили при раскопках (табл. LXXX, *28*, *29*, *44*) и дротики (*Блаватский В. Д.*, 1961, с. 77) (табл. LXXX, *26*, *27*). Самым распространенным видом вооружения у этого рода войск был лук (LXXXII, *5*). Наряду с луками легковооруженная пехота применяла и короткие мечи-акинаки (*Сокольский Н. И.*, 1954, с. 128—130). Защитных доспехов не было, лишь на головы надевались кожаные шлемы. На Боспоре с начала IV в. до н. э. в связи с привлечением в армию наемников, роль легковооруженной пехоты уменьшилась.

Войска Северного Причерноморья имели локальные отличия. На Боспоре основную роль играла конница в то время, как в Ольвии и Херсонесе бо́льшую роль играли гоплиты и стрелки из луков (*Блаватский В. Д.*, 1961, с. 78). Боевые действия указанных родов войск происходили в постоянном взаимодействии друг с другом. В ранний период основу боевого порядка составляли гоплиты, построенные дорийской фалангой — восемью тесно сомкнутыми линейными шеренгами. Сражение обычно начинали легковооруженные воины, которые находились впереди фаланги. Они обстреливали противника и отходили на ее фланги, прикрывая таким образом гоплитов. После этого фаланга наносила лобовой удар сомкнутым строем, выдвинув вперед копья и решала исход сражения в рукопашном бою. Разбитого противника преследовали легковооруженная пехота и конница. С IV в. до н. э. против фаланги гоплитов успешно действуют соединения пельтастов. В это же время на смену дорийской фаланге приходит македонская. Последняя состояла из 16 и более тесно сомкнутых линейных шеренг. Гоплиты ее первого ряда были прикрыты щитами и вооружены копьями. Остальные ряды воинов не имели щитов. Они держали в обеих руках копья, длина которых постепенно увеличивалась и достигала в последней шеренге 6—7 м. Этими копьями македонская фаланга наносила более сокрушительный удар, чем дорийская. Конница прикрывала ее фланги. Дорийская и особенно македонская фаланги не могли действовать на пересеченной местности, и их самым уязвимым местом оставались фланги и тыл.

Археологический и эпиграфический материал дает возможность говорить о влиянии римлян на организацию военного дела в Северном Причерноморье. Со II в. н. э. в Херсонесе находится ставка военного трибуна. Римские отряды были в Хараксе, Ольвии, Тире, а может быть, и в Пантикапее (КБН, 263). Удается установить, части каких именно легионов были в Северном Причерноморье: I Италийский, XI Клавдиев, V Македонский (IPE I², 547, 549, 550—552). Судя по сообщению Аппиана (87 и 108) Митридат Евпатор после того, как испытал на себе силу удара римских когорт, тоже расчленяет свое войско на подобные подразделения.

Конница. Конница как вид вооруженных сил имела важное значение в войске северопричерноморских государств. Стремительной и многочисленной коннице кочевых племен государства Северного Причерноморья и в первую очередь Боспор противопоставляли свою хорошо организованную и вооруженную конницу. Сходство вооружения конницы Боспора (и других греческих государств) и конницы причерноморских племен подтверждается многочисленными материалами (*Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 80, 81) (табл. LXXXII, *6*, *7*, *11*, *12*, *27*, *28*, *31*, *32*, *34*, *35*; LXXXIII, *7—9*, *13—15*, *20—23*, *30*, *31*, *35—38*). Наступательное оружие ее состояло из лука, дротика, пики и меча. Лук скифского типа, сигмовидной формы, размером до 0,8 м, носился в специальном чехле-горите у пояса с левой стороны (табл. LXXXII, *11*). Гориты изготовлялись из кожи и иногда сверху покрывались пластинками из дра-

гоценных металлов, на которых имелись изображения с сюжетами, заимствованными из мифологии или повседневной военной жизни. С наружной стороны горита имелось специальное колчанное отделение, в котором хранились стрелы (табл. LXXX, *54*, *56*, *58*, *59*). Стрела состояла из металлического наконечника, древка и оперения (табл. LXXX, *41*). Метательным оружием на близкие расстояния служили дротики (табл. LXXX, *15*). Вероятно, в походном состоянии два дротика крепились в муфтах щита перекинутого на спину всадника (табл. LXXXII, *11*). Дротики обычно метали рукой, но, вероятно, при необходимости ими могли пользоваться как копьями (табл. LXXXII, *6*, *12*, *28*). В ближнем бою конница применяла копья (табл. LXXXII, *7*, *35*), мечи различных размеров (табл. LXXXI, *3—6*) и боевые топоры (табл. LXXXIII, *24*). В оборонительные доспехи конника входили: шлем, панцирь, поножи, щит; наборы защитного снаряжения могли изменяться от возможностей и достатка их владельца. Шлемы были металлическими, сходных конструкций со шлемами гоплитов. Панцири состояли из бронзовых полос или чешуек, часто имели наплечники, нагрудники и защитные пояса (табл. LXXXI, *14*, *15*, *18*, *20*, *36*). Поножи и щиты были аналогичны описанным выше (табл. LXXXI, *17*). Страбон (VII, 317) сообщает, что щиты иногда плелись из прутьев. Железные доспехи, нередко сверху покрывались тонкими бронзовыми, серебряными или золотыми пластинками и могли быть украшены резным или рельефным орнаментом. Наглядное представление о вооружении конницы и приемах ведения боя дает серия различных изображений сражающихся всадников (табл. LXXXII: *6*, *7*, *11*, *12*; LXXXIII, *20*, *21*, *30*, *31*). В описании Диодором Сицилийским (XX, 22) сражения у реки Фат хорошо прослеживаются тактические приемы эпохи эллинизма, взаимодействие между различными родами войск и ведущая роль конницы в боевых действиях. Сатир, по скифскому обычаю, находился в центре боевого строя и отряд, возглавляемой им конницы наносил удар не по флангам, а по центру неприятельского войска (*Блаватский В. Д.*, 1946а, с. 101 и сл.). В херсонесском декрете в честь Диофанта сообщается о применении им тактики координированного действия отдельных частей армий. В то время, как тяжеловооруженная фаланга принимала удар скифо-роксоланского войска, другие более подвижные части, вероятно, охватили фланги, а, может быть, и зашли в тыл противника, приведя последнего к полному поражению (*Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 89). Из сообщений Страбона (II, I, 16; VII, III, 18) мы узнаем, что конница участвовала в сражениях не только на суше, но и на льду Керченского пролива, когда полководец Митридата Евпатора Неоптолем в конном строю одержал победу над варварами. Участие конницы в сражении на льду дает возможность предположить наличие каких-то разновидностей подков с шипами. Иначе лошади скользили бы по льду пролива, обычно не заметенному снегом.

В I—II вв. н. э. происходит значительное изменение в вооружении и тактике сарматской конницы. Ударной ее силой становятся катафактарии — тяжеловооруженные всадники. Изменения вооружения и тактики конницы произошли в это время и в античных государствах Северного Причерноморья. Конница имела вооружение сарматского типа, о чем свидетельствуют находки в боспорских погребениях и памятники изобразительного искусства (*Герц К.*, 1859, с. 63; *Ростовцев М. И.*, 1925, с. 192 и сл.). Наступательное вооружение тяжелой конницы в это время состояло из луков, дротиков, пик и мечей. В ходу еще луки скифского типа (табл. LXXXIII, *13*), но все чаще им на смену приходит большой «сарматский» или «гуннский» лук. Эта смена происходит в I в. до н. э.— I в. н. э. (ОАК, 1911, с. 59, 60; *Марченко И. Д.*, 1956а, с. 121, рис. 4, 19*а*, 19*б*; *Шелов Д. Б.*, 1961а, с. 70, 71), что подтверждается и материалами из раскопок некрополей Боспорских городов, где постоянно встречаются железные трехлопастные черешковые наконечники стрел и «сарматский» лук. Он достигал длины до 1,6 м и имел костяные накладки, усиливающие его боевые свойства. Древки стрел изготовлялись из березы, тополя, ясеня и тростника. Иногда они делались составными, тогда наконечник стрелы крепился к деревянному стержню, который вставлялся во вторую часть древка, изготовленную из тростника. Часто древки стрел были выкрашены в красный (*Шелов Д. Б.*, 1961а, с. 70) или белый цвет (*Смирнов К. Ф.*, 1961, с. 32). Стрелы большого «сарматского» лука были способны пробивать панцирь тяжеловооруженного конника (табл. LXXXIV, *4—6*, *24*, *25*). Метательным оружием служили дротики с втульчатыми железными наконечниками, заканчивающимися узким стержнем (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 563) (табл. LXXXIV, *11*). Длина пик сарматского типа достигала 4,5 м. Они имели длинную втулку с розеткообразной закраиной и заканчивались острием листовидной формы (табл. LXXXIV, *10*, *12*). Основную силу клина сарматских катафрактариев составляли тяжеловооруженные всадники, кони которых имели броневое покрытие, а к их туловищу были привязаны копья, способные одним ударом пронзить двух человек; за ними следовали конники, вооруженные мечом и штурмовым копьем (*Десятчиков Ю. М.*, 1968, с. 46, 47). Это копье держали двумя руками: правой направляли удар, который наносился корпусом всадника на пущенной карьером лошади (*Блаватский В. Д.*, 1949а, с. 97). При нанесении удара этой пикой держались на лошади не только шенкелями — внутренней стороной ног от колена до щиколотки, но, возможно, применяли ременные стремена, которые, как предполагают, появились в IV—III вв. до н. э. (*Кызласов И. Л.*, 1973, с. 35). Мечи у катафрактариев были железные сарматского типа, обоюдоострые, приспособленные для рубящего и колющего удара, длиной более 1 м. Рукоятки мечей заканчивались набалдашниками в виде бляхи или шишки. Кроме того, воины часто носили запасные короткие мечи, которые плотно пристегивались двумя ремнями к бедру (табл. LXXXIII, *27*). Оборонительное вооружение катафрактариев состояло из шлема, панцыря, железного пояса, конской брони. Железные шлемы сарматского типа имели коническую форму и специальный выступ для защиты лица, по бокам их спускались треугольные наушники (*Ленц Э. Э.*, 1902, с. 120 и сл.) (табл. LXXXIII, *23*). Туловище воинов защищал кольчатый панцирь, а для защиты наибо-

лее уязвимых частей тела — плечей и груди, применялась пластинчатая броня. Панцири изготовлялись из железа, бронзы и латуни. Нижняя их часть состояла из железного пояса с прикрепленными к нему железными пластинами, защищавшими ноги воина. Железные части панциря могли покрывать сверху тонкими листами золота (ОАК, 1899; с. 44; ИАК, вып. I, 1901, с. 97; *Ростовцев М. И.*, 1925, с. 572). Тяжеловооруженная конница античных городов Северного Причерноморья, подобно сарматской, имела дополнительные оборонительные доспехи, защищавшие лошадей (*Десятчиков Ю. М.*, 1972, с. 73). Несколько конских кольчуг было обнаружено во время раскопок могильников и курганов Прикубанья (*Леонтьев П. М.*, 1854, с. 516; ОАК, 1895, с. 57; *Анфимов Н. В.*, 1960, с. 164). Не лишено вероятности, что сарматский обычай иметь во время похода запасную лошадь связан с тяжестью броневого покрытия и всадник пересаживался на лошадь, покрытую броней, только при сближении с противником.

Наряду с катафрактариями продолжали существовать и соединения легкой конницы. Последняя продолжала выполнять разведочно-дозорные функции, а в сражениях преследовала разгромленного противника. В государствах Северного Причерноморья конница в сарматское время становится решающей ударной силой.

Фортификация и осадное дело. По-видимому, уже вскоре после возникновения городов, вокруг них начали возводить оборонительные стены и башни. Остатки самых древних оборонительных стен открыты в Тиритаке, где они соединяли дома, стоявшие на краю поселения. Такие укрепления вряд ли могли устоять при правильно организованной осаде, но за ними можно было отбиваться в случае налета кочевников. В первой половине V в. до н. э. в Тиритаке, по-видимому, была возведена каменная двухпанцирная стена толщиной 1,7—1,8 м. Первые укрепления Пантикапея, остатки которых были открыты на северном склоне горы Митридат, возможно, также относятся к VI в. до н. э. (*Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 91). Может быть, к VI в. до н. э. следует отнести возведение оборонительных стен Нимфея, исследовавшихся в восточной и южной частях города (*Грач Н. Л.*, 1967, с. 219).

В V в. до н. э. оборонительные стены, кроме Тиритаки, Пантикапея и Нимфея существовали, вероятно, уже у большинства крупных городов. Геродот (IV, 73—74) сообщает о стенах Ольвии с башнями и воротами. Известны оборонительные стены Фанагории V в. до н. э. толщиной до 2,40 м (*Кобылина М. М.*, 1967а, с. 127). Остатки фортификационных сооружений второй половины V — первой половины IV в. до н. э. обнаружены в Никонии. Его оборонительные стены по-видимому, тянулись вдоль рва по самому узкому месту мыса, на котором был расположен город (*Синицын М. С.*, 1966, с. 5—56; *Загинайло А. Г.*, 1976, с. 293). Примерно, на рубеже V—IV вв. до н. э. возводятся оборонительные стены Мирмекия с башнями толщиной 2,15—2,5 м (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952а, с. 136 и сл.).

В IV в. до н. э. в Ольвии была создана новая более мощная система обороны. Очень умело выбранная линия обороны проходила по краям плато над глубокими балками, обрамлявшими город с двух сторон; с третьей стороны границей служил берег Бугского лимана. Подобные естественные препятствия затрудняли штурм городских укреплений и установку у его стен осадных машин. Хорошие фортификационные сооружения позволили Ольвии выдержать осаду 30-тысячной армии Зопириона. Ворота северной стены были фланкированы с двух сторон выступающими вперед башнями, которые позволяли защитникам встречать приближающегося противника фронтальным и фланговым обстрелом. О высоком уровне фортификации античных городов Северного Причерноморья особенно наглядно свидетельствуют оборонительные сооружения Херсонеса. Самые ранние укрепления Херсонеса относятся к IV в. до н. э. Они удачно сочетаются с рельефом местности (*Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 95). Стены двухпанцирные из тщательно отесанных блоков с бутом из камня и глины. Кладки стен сложены насухо. Для сцепления рядом лежащих камней между собой, в них делались специальные пазы, в которые вставляли расширяющиеся с обоих концов деревянные пироны в виде хвоста ласточки. Толщина стен от 3,2 до 4 м. Стены были укреплены башнями. Анализ кладок и стратиграфии слоев позволил И. А. Антоновой установить, что в IV в. до н. э. башни имели прямоугольные очертания, в III в. до н. э. возводят круглые башни, а в первых веках нашей эры форма башен вновь прямоугольная и лишь в случае ремонта старых башен, строится дополнительный панцирь, сохраняя ее прежние очертания, как например, было с башней XVII (Зенона). Диаметр круглых башен 6—10 м, квадратные были меньших размеров, особенно в первые века нашей эры. Сохранились городские ворота эллинистического времени, с внутренней стороны усиленные пилонами. В передней части ворот имеются пазы, по которым, вероятно, сверху в случае необходимости могла быть быстро спущена железная решетка — катаракта. Посредине проема ворот находились двустворчатые двери. Ворота запирались засовом, задвигавшимся через сквозные отверстия в юго-восточном пилоне. У внутренней стороны стены размещалось помещение караула.

Основываясь на данных Полиена (V, 23) об освобождении гераклейским навархом Феодосии, осажденной неприятелем, можно говорить о наличии у нее оборонительных стен. С конца IV в. до н. э. город был уже хорошо защищен, кроме того, там обнаружены стены городского акрополя. В IV—III вв. до н. э. продолжают сооружаться городские укрепления в Тиритаке, ее стены утолщаются до 3,4 м (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 17 сл.), сооружаются башни. В Пантикапее оборонительные сооружения возводились с учетом рельефа местности. Страбон (VII, 4,4) сообщает, что на вершине высокого холма Пантикапея, находился акрополь. Он был окружен второй крепостной стеной, остатки которой сохранялись на поверхности холма до начала XIX в. Археологические раскопки вскрыли выходы скал со специальными подтесами, служившими основаниями стен акрополя и города IV—III вв. до н. э. (*Блаватский В. Д.*, 1950д, с. 22; 1953г, с. 164 и сл.; 1954а, с. 99; 1957а, с. 25 и сл.; 1963, с. 65 и сл.; *Марченко И. Д.*, 1975а, с. 318 и сл.). Стены тол-

щиной 2,2 м из хорошо отесанных блоков известняка были двухпанцирными с забутовкой из рваного камня (*Толстиков В. П.*, 1977, с. 157). В первой половине III в. до н. э. сооружены оборонительные стены Порфмия (*Кастанаян Е. Г.*, 1972, с. 78, 81, 82). В III—II вв. до н. э. новые мощные оборонительные стены возводятся вокруг Фанагории (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 98). Прослежены оборонительные стены Танаиса III—I вв. до н. э. толщиной до 3 м. Они двухпанцирные с глинянокаменной забутовкой из крупных грубо обработанных камней неправильной формы. Промежутки между большими камнями заложены мелкими. У ранней оборонительной стены Танаиса (в его западной части) башен и рва не обнаружено (*Шелов Д. Б.*, 1970, с. 129 сл.)

В первые века нашей эры идет интенсивное обновление оборонительных сооружений городов Северного Причерноморья. Стены римского времени обнаружены в Тире. Выявлены круглая в плане башня и здание вексиляции I Италийского легиона, которые были разрушены около середины III в. н. э. (*Клейман И. Б.*, 1971, с. 229 сл.; 1976а, с. 109 сл.). В Ольвии вскрыты стены над Заячьей Балкой (с башнями и помещением для караула), а в Нижнем городе — стены, возведенные после гетского разгрома. В первые века нашей эры в Херсонесе происходит интенсивная перестройка и ремонт фортификационных сооружений. Были надстроены куртины и башни старых стен, возведена передовая оборонительная стена — протейхизма (вторая половина I в. н. э.). Сохранились остатки укреплений, где в первые века нашей эры находились римские отряды. Во второй половине II в. — в начале III в. н. э. ведутся строительные работы в юго-восточной части укреплений. Башню Зенона, опоясывают еще одним рядом облицовочных камней и диаметр ее достигает 11,5 м. В I—II вв. н. э. заново перестроены стены и башни в северо-западной части города. Большой интерес представляет изображение оборонительных сооружений Херсонеса, сохранившееся на стенах склепа IV—V вв. н. э. Там представлена высокая зубчатая стена, на которой лишь немного возвышаются так же увенчанные зубцами башни. Ворота перекрыты коробовыми сводами, ближайшие ворота закрыты двустворчатыми дверьми (*Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 154, рис. 76). В Хараксе обнаружены две крепостных стены. К внешней стене, сложенной, повидимому, таврами циклопической кладкой, во второй половине I в. н. э. пристраивается римлянами новая, а также строится дополнительная внутренняя стена. На Боспоре в I в. до н. э. I в. н. э. укрепляются не только города, но и поселения, сооружаются специальные крепости и создаются линии укреплений. В Пантикапее в северной части акрополя, построенного еще в IV—III вв. до н. э., археологическими раскопками прослежено три периода в сооружении укреплений. В третий строительный период оборонительные сооружения были перестроены. Толщина стен увеличивается с 2,4 до 4,5 м. На расстоянии 2,8 м от внешних стен строятся дополнительные внутренние стены шириной до 1,5 м. Между внешней и внутренней стеной выявлены поперечные перегородки. Эти укрепления существуют до III—IV вв. н. э. (*Толстиков В. П.*, 1977, с. 158, 165). Городская стена Пантикапея, возможно, изображена на сестерции Рескупорида II (68—92 гг. н. э.). Она имеет ворота, на которых установлена конная статуя царя, и прямоугольную в плане башню. По верху стена обрамлена зубцами. Остатки крепостных стен открыты в Фанагории в западной части городища. К I в. н. э. относится сооружение оборонительного вала, защищавшего Кепы (*Сокольский Н. И.*, 1961б, с. 58). Судя по надписям, особое внимание уделялось укреплению отдельных городов — Танаиса и Горгиппии. В западной части Танаиса сохранились остатки городских стен конца I — начала II вв. н. э., сложенных на глине из крупных и средних камней неправильной формы. В крепостной стене открыт переход со сводчатым перекрытием, сложенный из отесанных квадров. Он суживался к наружной стороне стены и был защищен четырехугольной в плане башней III, построенной в начале II в. н. э. На рубеже II—III вв. н. э. башня была разрушена и на ее остатках была воздвигнута новая мощная башня из огромных слегка подтесанных глыб известняка. Севернее башни III находилась прямоугольная в плане башня IV, сооруженная в начале II в. н. э. и погибшая в пожаре во второй половине II в. н. э. На ее месте была построена более мощная башня, стены которой стали вдвое толще. Наличие в этом районе двух мощных башен, вымостки и находки надписи о восстановлении городских ворот в 229 г. н. э. (*Болтунова А. И.*, 1968, с. 46) дают возможность предполагать существование здесь западных крепостных ворот (*Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 34). Здесь же был обнаружен оборонительный ров II в. В конце II—III вв., восстанавливаются обветшавшие башни, стены и городские ворота (КБН, 1242, 1243, 1246, 1247). В Горгиппии в конце I — начале II в. н. э. заново отстроены городские стены (КБН, 1122). Имеются надписи о строительстве башен и стен и в других городах Боспора во II—IV вв. н. э. (КБН, 67, 397, 1052, 1112). В Китее обнаружены две линии оборонительных стен: внутренняя и внешняя. В южной части городища исследовалась внутренняя стена II—IV вв. н. э. и отстоящая от нее на 15 м к северу — внешняя стена первых веков нашей эры. В северной и западной частях Китея открыты отрезки внутренней оборонительной стены I в. до н. э. толщиной до 2,9 м (АО 1972 г., с. 259; АО 1973 г., с. 248). В Киммерике стены акрополя были двухпанцирные с каменной забутовкой и имели пять башен. Обнаружена также городская оборонительная стена толщиной до 2,5 м из огромных колотых камней. Северо-восточнее Киммерика на горе Опук была открыта цитадель первых веков нашей эры. К востоку от нее по склону тянулась стена, видимая еще в XIX в. Стена имела длину 144 м и толщину до 3 м, а в северной части до 5 м и три башни. У южной оконечности стены обнаружена квадратная в плане башня 4×4 м, сложенная из больших необработанных или грубо отесанных камней (*Зеест И. Б.*, 1949а, с. 53—55; 1949б, с. 49 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1958б, с. 219). Эти оборонительные сооружения вместе с укреплениями города создавали в первые века нашей эры к югу от горы укрепленный район, занимавший территорию около 3 км². Этот район являлся частью системы укреплений, связанных с так называемым Узунларским валом. Существует

мнение, что слова Страбона (XI, 2,5) о том, что «Киммерик был прежде город, построенный на полуострове и замыкавший перешеек рвом и валом» относятся к описанному выше Киммерику, а не к Киммерику, находившемуся в Азиатской части Боспора (*Шмидт Р. Б.*, 1941, с. 272; *Гайдукевич В. Ф.*, 1949а, с. 186 и др.).

На Керченском полуострове сохранились два вала, перерезавшие полуостров с севера на юг, по-видимому, служившие для защиты сельскохозяйственной территории от нападений кочевников. Страбон сообщает (VII, 4, 6), что дани кочевникам не платят те, кто уверен в своей способности помешать вторжению и как пример этому приводит боспорского царя Асандра (47—17 гг. до н. э.), который «построил на перешейке Херсонеса, поблизости от Меотиды стену длиной 360 стадий и воздвиг на каждую стадию по 10 башен». Местоположение этой стены пока не установлено. Существует предположение, что она перегораживала узкий перешеек, отделявший Крымский полуостров от материка в районе Перекопа (*Minns., E.*, 1913, p. 16, 592; *Сокольский Н. И.*, 1957, с. 104 сл.). Предположение о том, что она проходила по линии Феодосия — Арабатская стрелка (*Pallas P. S*, 1805, с. 264; *Гриневич К. Э.*, 1946) не подтвердилось (*Сокольский Н. И.*, 1957, с. 92; *Бабков И. И.*, 1957, с. 282). Из двух сохранившихся земляных валов восточный начинался у Тиритаки, шел через Золотой Курган, крепида которого входила в это сооружение и тянулся далее на север к Азовскому морю. В его основе была каменная кладка (*Гриневич К. Э.*, 1946, с. 160). С западной стороны вал имел глубокий ров, более 3,5 м. По мнению исследователей, вал был сооружен не позднее первой половины V в. до н. э. (*Шмидт Р. В.*, 1941; *Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 102 и др.).

Второй вал, так называемый Узунларский, идет извилистой линией от Узунларского озера до Азовского моря. Длина его 35—36 км. Исследователи XIX в. определили его ширину в 28,4 м, установили наличие каменной крепиды в его основании и полукруглых башен (библиографию см. *Сокольский Н. И.*, 1957). Высота вала 6,39 м. Западнее вала находился ров, ширина которого по верху достигала 26 м, а глубина — до 4 м (*Блаватский В. Д.*, 1954а, с. 102 и сл.). При обследовании вала в 1952 г. его ширина вместе со рвом определена в 34 м (*Сокольский Н. И.*, 1957, с. 93). Время сооружения вала не установлено. Возможно, оба вала имеют догреческое происхождение и позднее использовались боспорцами. Следы еще одного небольшого вала, отгораживавшего Казантипский мыс, прослежены южнее поселения у д. Семеновка. Время его возведения неизвестно. Вал на Фанталовском полуострове в Азиатской части Боспора некоторые исследователи считают остатками гидротехнического сооружения (*Башкиров А. С.*, 1927, с. 36 сл.).

Кроме укрепленных городов, системы валов в Северном Причерноморье существовали локальные укрепления — укрепленные сельские поселения, усадьбы и крепости. Особенно четко система укреплений сельских усадеб и сельских районов прослеживается на территории хоры Херсонесского государства. Там, на Маячном полуострове, по перешейку была построена каменная стена шириной 2,75 м и длиной до 1 км с шестью башнями, защищающими полуостров с неукрепленными сельскими усадьбами. А на остальной части Гераклейского полуострова сельские усадьбы были огорожены каменными оградами и имели укрепленные башни. На территории европейского Боспора раскопана мощная крепость I—III вв., защищавшая подступы к столице Боспорского царства (*Гайдукевич В. Ф.*, 1955 с. 136—138). Поблизости было не менее мощное укрепленное городище у с. Тасуново (*Блаватский В. Д.*, *Шелов Д. Б.*, 1955, с. 113). На берегу Азовского моря исследовалось укрепленное поселение III—I вв. до н. э. Золотое Восточное (*Кругликова И. Т.*, 1957в, с. 130 сл.). К рубежу нашей эры относятся укрепленные поселения у д. Семеновки, Андреевки Северной и др. (Кругликова И. Т., 1961; 1975а, с. 99, 104, 107). В I в. н. э. возникает укрепленная усадьба, раскопанная у с. Михайловка (*Петерс Б. Г.*, 1978, с. 123 сл.). Первоначальная толщина ее оборонительных стен достигала 2,5 м. Во II в. разрушенная усадьба перестраивается в цитадель поселения, имеющего три ряда стен. Толщина южной внутренней стены достигает 4,7 м (*Петерс Б. Г.*, 1978, с. 124 сл.). В I в. до н. э. I в. н. э. возводятся укрепления усадьбы у с. Ново-Отрадное (*Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 113 сл.). Оборонительные стены этих усадеб и поселений обеспечивали защиту их обитателей и входили в единую систему глубоко эшелонированной обороны Боспора. На азиатской части Боспора в северо-западной части Таманского полуострова, также выявлена оборонительная система, состоящая из нескольких земляных валов и более десяти крепостей (*Сокольский Н. И.*, 1975, с. 21). Эти крепости I—II вв. н. э. были сооружены из сырцового кирпича с прокладками в стенах, для большей прочности деревянных брусьев. Толщина этих стен достигала 3 м., фундаменты их были каменными. В оборонительные сооружения этих комплексов входили прямоугольные в плане башни (*Сокольский Н. И.*, 1967б, с. 108 и сл., рис. 41). Ко II в. до н. э. — I в. н. э. относятся остатки оборонительных сооружений Раевского городища, толщиной до 1,40 м, построенные из каменных блоков, с забутовкой из мелких камней. Перед стеной прослежен ров (*Онайко Н. А.*, 1965, с. 128, 129).

В военном деле античных государств Северного Причерноморья использовались различные механизмы. Аппиан в «Митридатике» (107) сообщает, что Митридат VI на Боспоре «готовил массы оружия, стрел и военных машин, не щадя ни лесного материала, ни рабочих быков для изготовления тетив». Как предполагает В. П. Толстиков (*Толстиков В. П.*, 1977, с. 161 и сл.), в Пантикапее раскопками были вскрыты позиции камнеметов, а по находкам перед стенами каменных ядер можно определить возможные секторы их обстрела. Имеются данные об использовании метательных орудий для обороны Илурата (*Долгоруков В. С.*, 1968, с. 61). Применение камнеметов, метавших ядра, засвидетельствовано у с. Михайловки (*Петерс Б. Г.*, 1972, с. 349) (табл. LXXXIV, *1*). О применении торсионных орудий свидетельствуют и многочисленные находки в городах и поселениях Северного Причерноморья каменных ядер от баллисты (табл. LXXX, *43*, *57*; LXXXIV, *1—3*, *22*, *23*, *37—40*). В Северном Причер-

номорье применялись онагры и баллисты, метавшие камни и катапульты — метавшие дротики (*Блаватский В. Д.*, 1961, с. 83), а также установленные на кораблях башни для штурма крепостей с моря (Петерс Б. Г., 1966, с. 194). На штукатурке дома из Неаполя Скифского имеется рисунок осадной машины с тараном, которая могла применяться в военном деле северопонтийских государств (табл. LXXXIV, *26*). Предполагают, что проломы в крепостной стене Херсонеса сделаны этими машинами (*Гриневич К. Э.*, 1927б, с. 27 сл.).

Военно-морское и морское дело. Помимо сухопутных войск, греческие государства Северного Причерноморья обладали военным флотом, они имели также транспортные и торговые морские суда. Судя по сообщениям античных авторов некоторые из местных племен знали морское дело. Так, для плавания по Сивашу местные жители пользовались сшитыми из кож лодками, о чем говорит Страбон (VII, 4, I), а Геродот (IV, 103) рассказывает об обычае тавров приносить в жертву Деве потерпевших крушение иноземных мореходов, которых они могли захватить в бухтах или в открытом море. Последняя часть сообщения указывает на то, что у тавров были лодки или другие приспособления, пользуясь которыми, они выплывали в открытое море. Вероятно, это были морские лодки, подобные тем, которыми согласно свидетельству Страбона (XI, 2, 12) и Тацита (История, III, 47) пользовались племена ахейцев, зигов и гениохов, обитавших южнее Горгиппии на гористой территории, лишенной гаваней. Указанные народности строили для нападения на проплывающие корабли узкие, легкие лодки, вместимостью до 25—30 человек. Эти суда были сделаны без единого металлического гвоздя. Верхняя часть их бортов располагалась близко друг к другу, а корпус расширялся. Во время штормовой погоды, борта наращивались досками, образуя крышу, защищая таким образом судно от захлестывания его волной. А острые и изогнутые нос и корма способствовали тому, что судно могло приставать к берегу любым концом.

Подобные суда-лодки греки называли «камарами» от греческого слова «камара» повозка со сводчатым верхом или сводчатая комната.

О типах греческих кораблей мы можем судить по их изображениям. В Северном Причерноморье изображения кораблей встречены на рельефах надгробий, монетах, на щитке перстня, гемме, на стенах расписных склепов (табл. LXXXV, *5, 7 — 15, 27*). Часто встречаются граффити с рисунками кораблей и их частей (табл. LXXXV, *2—4, 16, 18—26, 28—30*) процарапанными на фрагментах сосудов, штукатурке, глиняных грузилах. Интересна форма корабля, воспроизведенного на рельефной чаше из Фанагории (табл. LXXXV, *6*). По этим изображениям можно выделить два типа судов. К первому относятся военные корабли с тараном (табл. LXXXV, *1—15*), ко второму — корабли без тарана с округлым носом — торговые, транспортные, промысловые и вспомогательные (табл. LXXXV, *16—34*); (*Петерс Б. Г.*, 1977, с. 56, 57). По характеру изображения оснастки в первом типе кораблей выделяются суда с весельным движителем и суда с парусно-весельным движителем. Известно, что военные суда во время боя, как правило, ходили под веслами, а в походе при попутном ветре устанавливали мачту и поднимали парус. Эта особенность древней морской практики позволяет выделить изображения кораблей в боевой обстановке — идущих под веслами и изображения кораблей во время похода — с парусно-весельным движителем. Во втором типе кораблей выделяются суда с парусным движителем — торговые, транспортные и суда с парусно-весельным движителем — транспортные, промысловые и вспомогательные.

О военных кораблях дает представление найденный в Пантикапее рисунок двух военных аттических кораблей, изображенных плывущими один за другим на фрагменте горла чернофигурного кратера конца VI в. до н. э. (табл. LXXXV, *1*). В носовой части корабля выступающий вперед таран — остроконечный выступ для нанесения удара в борт неприятельского корабля. Над тараном возвышается полубак — надстройка в передней части корабля выше верхней палубы, с вертикальным форштевнем в носовой оконечности судна. С противоположной стороны корабля поперек высоко поднятого над водой и загибающегося кормового выступа (ахтерштевня) закреплен трап — переносная лестница. Вдоль борта над верхней палубой идет ряд четырехугольных отверстий — весельные порты, из которых выпущены на воду 17 весел. В средней части палубы установлена мачта с горизонтальной реей и прямым парусом, в нижней части которого имеется полукруглый вырез, для лучшего обзора моря рулевому, смотрящему прямо по курсу судна. От реи вниз спускаются снасти бегущего такелажа, служащие для подвешивания реи, для подтягивания паруса к рее. Для укрепления мачт применяется стоячий (неподвижный) такелаж. В. Д. Блаватский, основываясь на данных Геродота (IV, 74), предполагает, что в Северном Причерноморье паруса и корабельные снасти могли изготовляться из конопли (*Блаватский В. Д.*, 1959в, с. 54, 55). Нарисованный корабль являлся униремой — греческим военным судном (*Шульц П. Н.*, 1936, с. 190). Он, вероятно, конструктивно был близок к военным северопричерноморским кораблям этого времени (*Петерс Б. Г.*, 1962, с. 132—134). Интересно изображение морского боя на ручке крышки чернолаковой леканы V в. до н. э. из Мирмекия (*Гайдукевич В. Ф.*, 1952а, с. 141, рис. 19, *2*), на которой процарапано изображение трех военных кораблей (табл. LXXXV, *2, 3, 4*). Два первых корабля — однотипны, они имеют в носовой части таран и полубак. Днища их закругляясь, переходят в кормовую часть и заканчиваются ахтерштевнем. Высоко поднятая корма была необходима для плавания по бурному морю, для защиты рулевого от волн, а также при вытаскивании корабля на сушу и спуске его в море. От борта к борту прослеживаются банки-скамьи для гребцов или бимсы — поперечные горизонтальные связи, скрепляющие верхние концы шпангоутов ребер судна, на которые нашиваются доски наружной обшивки. Если последнее верно, то это корабли с поперечным набором. По этой системе набора строятся до сих пор суда речного флота (*Невский Н. А.*, 1959,

с. 98–100). Рассматриваемые корабли имеют по 10 весел на бортах и два рулевых весла на корме. Третий корабль является шестивесельным военным судном с тараном, с высоким полубаком, защищавшим носовую часть судна от волн, а при таранном ударе, препятствующим ведению противником встречного абордажного боя. На представленной композиции два первых однотипных военных корабля ведут бой с небольшим военным судном. Этот рисунок можно рассматривать как древнейший, сохранившийся рассказ о морском бое в Северном Причерноморье.

Письменные свидетельства о развитии хлебной торговли Боспора со Средиземноморьем и, особенно с Афинами, заставляют думать, что Боспор обладал мощным торговым флотом. В районе Донузлава были обнаружены остатки торгового судна IV в. до н. э.: свинцовые листы обшивки днища, деревянные части, металлические гвозди, топор корабельного плотника, корабельный груз — гераклейские амфоры (*Блаватский В. Д.*, *Петерс Б. Г.*, 1967, с. 73 сл.; 1969а, с. 151 сл.).

Эти находки, а также имеющиеся изображения торговых кораблей из районов Средиземноморья и Причерноморья позволили попытаться реконструировать внешний вид северочерноморского торгового судна этого времени (табл. LXXXV, *17*). Возможно, близки донузлавскому кораблю граффити судов на обломке штукатурки из Керчи, где изображена корма боспорского торгового судна и мачта с реей другого судна, к которой подтянут парус, образующий волнообразные складки (*Петерс Б. Г.*, 1966, с. 186 сл.).

Для охраны торговых морских путей, сопровождения торговых и транспортных судов, для борьбы с пиратами, были необходимы постоянные военно-морские силы. Боспорский военный флот активно борется с варварскими народами, занимающимися пиратством: гениохами, таврами, ахеями. Согласно Диодору (XX, 25), Евмел (309–303 гг. до н. э.) очистил море от пиратов, что свидетельствует о значительных размерах боспорских военно-морских сил в конце IV в. до н. э. Изображение военного корабля имеется на щитке бронзового перстня конца IV — начала III в. до н. э., найденного в некрополе Тирамбы. В его носовой части находился таран, переходящий вверху в отогнутый наружу форштевень. Последний выполнял при таранном ударе роль салазок, наползающих на борт вражеского судна, подминая его таким образом под себя. Днище судна, плавно закругляясь, переходит в кормовую часть, заканчиваясь высоким ахтерштевнем, в верху которого имеется загнутый во внутрь акропостоль, часто имеющий форму хвоста дельфина. Вдоль левого борта судна прослеживается четыре весла: два поверх горизонтального бруса и два под ним. В нижней части кормы видна лопасть кормового весла. Изображены два гребца верхнего ряда, сидящие лицом к корме. Гребцы нижнего ряда скрыты верхней палубой. По-видимому, это было изображение диэры — военного судна с двумя рядами весел. Диэра позволила, не увеличивая длины корабля, за счет строительства верхней палубы, удвоить скорость и силу удара, а ее высокие борта, палуба, трюмы и каюты давали возможность совершать успешные дальние плавания. Но наряду с диэрой продолжают строить корабли с одним рядом весел, по 25 весел у каждого борта — пентеконтеры. Изображение пентеконтеры III–II вв. до н. э. имеется на рельефной чаше из Фанагории (табл. LXXXV, *6*). В носовой части находится слегка загнутый вверх таран, состоящий из трех продольных брусьев с ударными зазубринами на концах. Тараны изготовлялись из дерева и покрывались сверху медной обшивкой или заканчивались литыми металлическими наконечниками. Над тараном возвышается загнутый во внутрь форштевень. Между тараном и форштевнем выступают вперед два горизонтальных бруса, предохраняющие носовую часть судна от разрушения при нанесении таранного удара. В кормовой части видно перо руля, вдоль бортов гребные весла, над бортами — фигурки гребцов. Судя по рассказу Полиена (VI, 9, 3) о заговоре триерархов, боспорский флот имел наряду с легкими кораблями триеры. Триеры могли иметь длину от 25 до 46 м, ширину от 4 до 6 м (*Шершов А. П.*, 1940, с. 28). В основании триеры был деревянный киль, к которому крепились судовые ребра-шпангоуты, покрытые снаружи досками бортовой обшивки. Киль в носовой части судна переходил в форштевень с одним или несколькими таранами, обшитыми медными листами. Тараны были различны по своим размерам и конструкции. На пантикапейской монете конца II в. до н. э. изображена носовая часть корабля с тараном (табл. LXXXV, *9*) (*Зограф А. Н.*, 1951, табл. XI, *1*, *14*) На херсонесской монете конца II — начала I в. до н. э. виден нос херсонесского военного корабля с тараном с поднятым вверх акропостолем, ниже которого выступают вперед два горизонтальных бруса — эпотиды (табл. LXXXV, *10*) (*Зограф А. Н.*, 1951, табл. XXXVI, *10*). На пантикапейском оболе конца II — начала I в. до н. э. хорошо видна часть носа военного корабля с тройным тараном, состоящим из трех продольных брусьев с ударными зазубринами на концах (табл. LXXXV, *14*) (*Зограф А. Н.*, 1951, табл. XLIII, *1*), на золотом статере Асандра (после 41 г. до н. э.) изображена носовая часть судна с тараном, на котором с поднятым в руке венком стоит крылатая богиня победы — Ника (табл. LXXXV, *12*; *Зограф А. Н.*, 1951, табл. XLIV, *5*). На фанагорийской тетрадрахме 30–17/16 гг. до н. э. изображен таран (табл. LXXXV, *11*) (*Зограф А. Н.*, табл. XLIV, *12*), а на медном оболе Агриппии (Фанагории) 14–8 гг. до н. э. — носовая часть военного корабля (табл. LXXXV, *13*) (*Зограф А. Н.*, 1951, табл. XLV, 14).

Триеры, построенные аттическими мастерами, имели тараны, расположенные близко к поверхности воды, таранные удары такими судами наносились выше ватерлинии. Часто, кроме нижнего тарана, был еще и верхний. С двух сторон носовой части триеры крепились брусья-эпотиды, с помощью которых ломались весла на судах противника.

В кормовой части судна киль переходил в закругленный ахтерштевень. Для поворотов во время движения триера имела в корме с каждого борта по одному укрепленному рулю в виде большого весла.

На судне этого типа было несколько якорей, которые обычно находились в носовой части корабля. На триере была сплошная палуба, под которой располагался трюм, служивший для частичного размещения гребцов и для хранения и перевозки провианта и различных запасов. С IV в. до н. э. на триерах появляется легкая, верхняя палуба — катастрома, защищавшая гребцов верхнего ряда от стрел и дротиков и служащая для расположения на ней воинов. В верхней части этой палубы имелась выступающая наружу и свисающая над водой площадка-транс. Это приспособление позволяло не увеличивая ширины подводной части корабля и длины весел, увеличить длину выноса последних. Транс также защищал корпус корабля при таранном ударе, давал место для маневра воинам и увеличивал продольную прочность судна.

У триеры были три ряда весел, расположенных вдоль борта один над другим. Для того, чтобы один ряд весел при гребле не задевал за другой, отверстия для них в бортах были смещены. Весла верхнего ряда — наиболее длинные, располагались на концах транса и управлялись каждое одним гребцом-транитом (*Болдырев А. В., Боровский Я. М.*, 1948, с. 326—329, рис. 111). Веслами второго ряда — более короткими управляли — зигиды, также каждый одним веслом. Самыми короткими нижними веслами третьего ряда управляли сидящие у борта в трюме таламиты. Они сидели на скамейках, на которые часто для удобства сидения подкладывались специальные подушки. Во время стоянки весла втягивались внутрь корабля или туго подтягивались к бортам ремнями и уключинами.

Все три ряда весел работали вместе только во время боя. Согласно свидетельству Фукидида (I, 505, 512) в случае надобности триера с помощью весел могла двигаться кормой вперед. Вспомогательным движителем триеры являлся прямой парус, который во время боя убирался. Обычно на триерах устанавливалось по одной мачте, изготовленной из целого дерева. Мачту устанавливали почти посередине судна, несколько ближе к его носовой части; будучи съемной, она при надобности могла укладываться вдоль борта на вилкообразную подставку. Во главе триеры стоял триерарх. Первым помощником триерарха был рулевой-кибернетес. Флейтист, подавал на флейте сигналы гребцам, регулируя темп движения весел. На судне имелась военная команда из 18 воинов: четыре лучника и 14 гоплитов.

Полибий (XIV, 1—7) сообщает о более широком применении в эпоху эллинизма абордажного боя, что потребовало значительного увеличения на палубах числа воинов. Судя по афинскому декрету 346 г. до н. э., который предписывал: «Дать тех матросов, которых просят Спарток и Перисад, а послам записать имена всех матросов, которых они выберут у секретаря Совета» (*Граков Б. Н.*, 1939б, с. 239 и сл.) для службы в боспорском флоте набирались наемники.

Греческий военно-морской флот перед сражением выстраивался боевым строем. В центре располагался корабль командующего флотом — наварха. Первый строй кораблей стремился разрушить и порвать строй неприятельских судов. Во втором строе находились транспортные и резервные суда, которые при превосходстве в численности, пытались охватить неприятеля с флангов. Подобные приемы боя, вероятно, применялись в морских сражениях и в Северном Причерноморье. У греческого флота было два возможных способа ведения морского боя — маневрирование с целью нанесения таранного удара и абордажный бой. Таранный удар наносился носовой частью корабля в борт противника. Часто таранный удар наносился после применения особого маневра: корабль, разогнавшись и убрав весла, проходил вплотную у борта неприятельского судна, ломая его весла, а затем, развернувшись наносил таранный удар в центр вражеского борта. При абордажном бое корабли при сближении сцеплялись бортами и воины, перебравшись на палубу вражеского корабля, вели рукопашный бой. В Северном Причерноморье в эллинистическое время, как и на Понте, могли строиться и эксплуатироваться и более крупные военные корабли — пентеры, гексеры, октеры.

На пантикапейской надгробной стеле начала II в. до н. э. имеется рельеф с изображением плывущего военного корабля (табл. LXXXV, *7*) (*Kieseritzky G., Watzinger C.*, 1909, N 550). В его носовой части тройной таран. Конструктивные части бортовой обшивки даны горизонтальными линиями. Корма судна поднята, на ней виден рулевой с веслом, на носу — пассажир. По обе стороны фронтона одного из пантикапейских надгробий (ОАК 1880 г., с. 246, табл. V) имеются рельефы, изображающие носовые части военных кораблей со стоящей на них богиней Никой (табл. LXXXV, *8*). В нижней части кораблей — тараны, над которыми плавно закругляются форштевни, заканчивающиеся выступающим вперед бревном-бушпритом. Наиболее позднее из изображений военных кораблей в Северном Причерноморье — корабль с бараном на палубе — на стеклянной гемме I в. н. э. из Беляусского могильника (табл. LXXXV, *15*) (*Дашевская О. Д.*, 1970а, с. 71, рис. 33, *2*). Отчетливо виден таран, выше него — горизонтальный брус-эпотида, а над ним плавно загнутый форштевень. Вдоль борта — привальный брус с пятью круглыми отверстиями для пропуска весел на воду.

В конце II — начале III в. при Савромате II боспорский военный флот активно действует у южных берегов Черного моря, и в частности очищает море от пиратов (КБН, 1237). Морская торговля продолжает процветать. Сохранилась надпись, из которой следует, что Савромат II разрешил членам фиаса навклеров Горгиппии, вывезти из гавани без уплаты пошлины 1000 артаб (или 58 тонн) зерна (КБН, 1134; *Жебелев С. А.*, 1953, с. 208).

Изображения торговых судов и их частей продолжают встречаться вплоть до позднеантичного времени. На нескольких обломках штукатурки из Пантикапея II в. до н. э. — I в. н. э. сохранились граффити с изображением частей кораблей (*Петерс Б. Г.*, 1966, с. 190 сл.). Можно различить кормовую часть торгового или транспортного судна (табл. LXXXV, *19*) с двумя рулевыми веслами. Линиями от борта к борту показаны банки или весла, выше борта прорисована часть корпуса. На другом обломке изоб-

ражена носовая часть судна с флагштоком, на котором в сторону от корабля обращен носовой флаг-гюйс (табл. LXXXV, *20*). На баке имеется изображение двухступенчатой башни, возможно, для штурма с моря прибрежных укреплений. Подобные приспособления — самбуки были известны во флоте Митридата VI. В центральной части судна видны тросы стоячего такелажа, идущие к грот-матче. Горизонтальной линией вдоль борта показан уровень воды или буртик — прикрепленный к борту, выступающий канат. Наклонными линиями от борта на воду изображены весла. На третьем граффити — бортовая часть торгового судна (табл. LXXXV, *21*). Видна надпалубная надстройка — рубка, над бортом прорисовано полотно паруса. На четвертом граффити изображена верхняя часть мачты корабля с тросами стоячего такелажа (табл. LXXXV, *23*).

На обломке штукатурки из Патрея I в. до н. э.— I в. н. э. (табл. LXXXV, *22*) (*Сокольский Н. И.*, 1971, с. 71, 72, рис. 19, *3*) процарапан рисунок, изображающий носовую часть торгового судна, на фоне зубцов крепостной стены. Округлый форштевень заканчивается изображением птичьего носа. Характерной для кораблей римского времени наклонной линией изображен трос стоячего такелажа. На фрагменте штукатурки I в. н. э., найденной в Керчи в 1946 г., воспроизведен торговый корабль (табл. LXXXV, *24*) с округлым носом и кормой, в центре высокая мачта с реей, к которой подтянут парус. Очень схематичное изображение кормы торгово-промыслового судна вырезано на обломке чаши I в. из Фанагории (табл. LXXXV, *26*). В кормовой части судна два рулевых весла, горизонтальная линия вдоль борта — буртик; с борта спускается гребное весло. На обломке надгробной стелы II—III вв. из Херсонеса (*Белов Г. Д.*, 1940б, с. 270, рис. 5) уцелел рельеф с изображением мачты, реи и паруса торгового судна (табл. LXXXV, *27*). Для фиксирования реи в нужном положении от ее конца идут тросы. Парус, по-видимому, был сшит из отдельных вертикальных полос. На обломке кирпича римского времени из Тиры сохранился врезной рисунок, изображающий кормовую часть торгового судна (табл. LXXXV, *28*) (*Максимова М. И.*, 1955, с. 81). С его кормы спускается рулевое весло, а с борта на воду — два гребных весла. В центральной части судна изображена часть паруса. Торговое судно воспроизведено на обломке глиняного грузила III в. из Фанагории (табл. LXXXV, *29*) (*Марченко И. Д.*, 1957а, с. 233). К этому же позднему времени принадлежит обломок штукатурки из Керчи (*Петерс Б. Г.*, 1966, рис. 1, 2, с. 187) с граффити, изображающим промысловое судно с поднятой мачтой. Линиями, идущими от кормы за борт, прорисованы рулевые весла или канаты рыболовных снастей (табл. LXXXV, *30*). В Китее на стене склепа III в. н. э. сохранился рисунок, нанесенный краской, изображающий торговый корабль (табл. LXXXV, *31*) (*Гайдукевич В. Ф.*, 1959б, с. 229, рис. 99). В его носовой части — высоко поднятый форштевень, в кормовой два рулевых весла, в центре — мачта с реей, к которой подтянут парус. На стене Керченского склепа 1894 г. нарисовано торговое судно. В носовой его части расположен высокий полубак, верхняя часть форштевня в виде головы птицы (табл. LXXXV, *32*) (ОАК за 1894 г., 1896, с. 89, рис. 148). Видны две мачты, на первой от носа фок-мачте рея и парус не поставлены, на второй — грот-мачте укреплены рея и прямой парус. Наклонными линиями прорисованы тросы бегущего такелажа. Мачты на судах этого типа обычно устанавливались не строго вертикально, а с небольшим наклоном в сторону кормы — 2—6°. Наклон мачт улучшал мореходные качества и облегчал управление судном (*Цурбан А. И.*, 1953, с. 12). На росписи склепа 1901 г. в Керчи, датируемого III—IV вв., краской нарисовано торговое судно (табл. LXXXV, *33*). В его носовой части виден выступающий вперед бушприт, на баке — большой и малый двурогий якори. Большой якорь мореплаватель держит за трос, готовый его отдать. На корме видны два рулевых весла. На юте установлена рубка рулевого, за кормой на тросе буксируется шлюпка с высокоподнятыми носом и кормой. В центральной части судна мачта с реей, от которой спускается парус. Наклонными линиями к мачте показаны тросы стоячего и бегущего такелажа. Два матроса на мачте работают с парусом, два других на салинге — с якорем. Рисунок малого якоря близок изображению якоря на граффити I в. из Донузлавского городища, где якорь состоит из вертикального веретена, в верхней части которого горизонтальный шток, внизу — два рога (табл. LXXXV, *25*).

В Северном Причерноморье неоднократно находили части древних якорей: в одном из помещений Пантикапея, у очага (конец VI — начало V в. до н. э.) обнаружены два каменных якорных штока (*Марченко И. Д.*, 1972, с. 346); со дна Керченской бухты подняты остатки якоря эллинистического времени с хорошо сохранившейся центральной частью в виде дубового веретена сечением 0,13×0,16 м с поперечным свинцовым штоком длиной 1,76 м, весом 200 кг (*Сокольский Н. И.*, 1971, с. 70, рис. 18; с. 71). Со дна моря в донузлавской бухте подняты части деревянного якоря со свинцовым штоком.

На стене Керченского склепа 1901 г. имеется сильно стертое изображение торгового судна (табл. LXXXV, *34*) (АДЖ, с. 415, табл. XCVIII, рис. *3*), идущего вправо. В его центре прорисован диск, разделенный на восемь частей, в каждой из которых по точке. Отлогий нос корабля заканчивается выступающим вперед бушпритом, за которым виден высокий полубак. На верхней палубе в средней части прослеживается надстройка-спардек, а около круто поднимающейся кормы — полуют. На палубе кормчий, поворачивает румпели, связанные тросами с двумя блоками, расположенными внутри полуюта, от которого далее тросы идут к рулевым веслам. Таким образом, с помощью блоков и румпелей осуществлялось управление тяжелыми рулевыми веслами. Этот рисунок является единственным, где подробно прослеживается механизм управления кораблем. Есть более простые изображения этого механизма (*Casson L.*, 1960, табл. 14, *6*).

В Северном Причерноморье были удобные и хорошо оборудованные порты, гавани и свои верфи для строительства кораблей. Страбон (XI, 2, 8) пишет,

что повсюду вдоль Киммерийского Боспора есть удобные гавани. Он (VII, 4,4) упоминает о феодосийской гавани, которая может вместить 100 кораблей, о прекрасной гавани Нимфея, пантикапейской гавани, находившейся на восточной стороне города, где были и верфи для строительства 30 кораблей. Большой мол этой гавани, хорошо видимый под водой Керченской бухты еще в начале XX в., был уничтожен при постройке нового мола. Следы древнего мола обнаружены также в Феодосии (*Колли Л. П.*, 1909, с. 125). Крупными торговыми портами были Фанагория и Танаис. Страбон (XI, 2, 14) называет также Синдскую гавань, гавань Бат, а Псевдо-Арриан (76, 50) упоминает о защищенной от западных ветров корабельной стоянке в Киммерике. К западу от Боспора также были удобные стоянки для кораблей — гавань в Тире, в Ольвии и Прекрасная гавань (Калос Лимен) в Северо-Западном Крыму (IPE IV, 79, 4). Страбон называет еще три гавани в Херсонесе (VII, 4, 2). Однако в целом крымское и кавказское побережье Черного моря имели рельеф, мало удобный для древнего мореплавания: недостаточно глубоковходящих в сушу бухт и выступающих в море полуостровов. В Черном море всего три острова, нередки жестокие штормы, особенно в северной части побережья Кавказа. Суда, застигнутые штормом в море, не могли быстро укрыться в гавани или в заливе, спрятаться за выступающий мыс или остров, а большие глубины не давали возможности отстояться на якоре в безопасном отдалении от берега.

Кораблестроительные приемы, существовавшие у аборигенов, были частично заимствованы греческими переселенцами, при строительстве ими торгового флота. Они строили крупные парусные корабли с высокоподнятой кормой и с водонепроницаемой палубой, имеющие не менее двух якорей и часто буксирующие спасательные лодки. Борта их ниже ватерлинии и днище в целях предохранения досок от гниения и обрастания ракушками, были покрыты свинцовыми листами (*Блаватский В. Д., Петерс Б. Г.*, 1969, с. 151, 153, рис. 3, 4). Густопромасленные борта имели черный цвет. Для рулевого было специальное укрытие — высокоподнятая рубка. Торговый флот Северного Причерноморья отвечал поставленной задаче — перевозке грузов на большое расстояние по бурному и негостеприимному морю.

Глава десятая
Градостроительство и архитектура

Градостроительство. Города как экономические, административно-политические и культурные центры появились в Северном Причерноморье с проникновением сюда греческих переселенцев в конце VII — первой половине VI вв. до н. э. При строительстве городов греческие переселенцы использовали многие достижения градостроительного искусства Эллады. Выбирая конкретное место для основания нового поселения, греки по сведениям древних авторов, исходили из многофункционального характера своих городов. Основными требованиями к местности, в которой создавался город, являлись: защищенное в оборонительном отношении местонахождение; береговая линия, позволявшая создание удобных гаваней; наличие источников питьевой воды. Немаловажную роль играло расположение города на торговых путях, наличие пригодной для занятий сельским хозяйством территории и благоприятные для жителей климатические условия. Развитие греческого градостроительства в Северном Причерноморье можно разделить на три основных этапа: возникновение и становление городов (с конца VII — первой половины VI в., до н. э. по V в. до н. э.); расцвет городской жизни (IV—II вв. до н. э.); постепенный упадок градостроительства (с I в. до н. э. по IV в. н. э.).

Мы располагаем очень небольшим количеством данных об устройстве первых греческих апойкий. Скорее всего, они представляли собой небольшие поселки. Так площадь Пантикапея в VI в. до н. э. составляла около 7,5 га с населением не более 2—3 тыс. человек (*Блаватский В. Д.*, 1964 в, с. 25), а территория Ольвии первой половины VI в. до н. э. была не более 6 га (*Крыжицкий С. Д.*, 1977, с. 39, 40). Все древнейшие греческие поселения возникали на берегах моря и лиманов. На первом этапе важное значение имела обороноспособность городов, вследствие чего застройка Ольвии, Пантикапея, Нимфея начинается с возвышенных участков. Жилое строительство начиналось иногда с сооружения землянок или полуземлянок, как это мы видим на Березани, в Ольвии и в Никонии. Раскопки Пантикапея дают другой тип ранних домов в виде наземных сооружений, сложенных из сырцовых кирпичей на каменных цоколях и нередко заглубленных в материк. Чаще всего древнейшие жилища представляли собой однокамерные — реже двухкамерные постройки, но встречаются дома, состоящие их трех или более помещений. В одних случаях принадлежащая домам хозяйственная территория не имела четкого ограждения, в других — были внешние ограды. В целом расположение построек отличалось разбросанностью. Первоначальная застройка большинства поселений хотя и осуществлялась стихийно, но по-видимому, подчинялась некоторой общей регламентации, на что указывает единая для большинства жилищ ориентация и стремление к размещению их рядами. Одновременно с возникновением поселений начинается формирование улиц, достигавших ширины от 1,5 до 3 м (Березань, Пантикапей). Общественно-административные центры, по-видимому, представляли собой просто открытые площади, где проходили народные собрания, культовые церемонии и производилась торговля. Ранние культовые сооружения, как показывают остатки святилища Деметры в Нимфее, имели примитивное устройство (*Худяк М. М.*, 1962, с. 36—42, табл. 30), или же мало чем отличались от жилых построек, как мы видим на примере хтонического святилища в Ольвии (*Козуб Ю. И.*, 1975, с. 139 сл.).

Вероятно, в первые годы своего существования города имели недолговечные фортификационные сооружения в виде земляных валов либо деревянных оград или сырцовых стен, которые позднее были уничтожены при расширении городских территорий. Одной из разновидностей первых укреплений являлись стены, соединявшие торцовые фасады крайних домов поселений, как это прослежено в Тиритаке.

Лучше известно градостроительство во второй половине VI—V вв. до н. э. С рубежа VI—V вв. до н. э. основным видом сооружений являются наземные сырцовые постройки, либо возведенные из сырцовых кирпичей на каменном цоколе. Сырцовые дома наиболее характерны для бедного камнем азиатского Боспора. Полуземляночное строительство в пределах городской черты прекращается. В V в. до н. э. оно известно уже только за пределами крупных городов, как например, в ольвийском предместье. Дома группируются в кварталы и имеют общие стены. Более отчетливо прослеживается стремление к использованию элементов прямоугольной системы планировки, например, на Березанском поселении (*Копейкина Л. В.*, 1976, с. 340). Застройка Фанагории, по-видимому, с самого начала проводилась на основе единого регулярного плана (*Блаватский В. Д.*, 1950 г, с. 35). Б. В. Фармаковский предположил, что такая планировка в эллинском мире появилась в результате колонизационной деятельности греков (*Фармаковский Б. В.*, 1929, с. 40). С самого начала, как можно предполагать, имел регулярный план, отвечавший принципам так называемой гипподамовой системы планировки, и Херсонес.

В жилых кварталах размещались и различные ремесленные мастерские. Начинается выделение главных и второстепенных улиц. Главные артерии города достигали ширины 6 м, как например, в Ольвии (*Русяева А. С.*, и др., 1977, с. 366), а второстепенные улицы и переулки — 1,5—3,5 м. Улицы покрываются каменными (Пантикапей, Фанагория), черепяными (Ольвия) и галечно-черепяными (Никоний) вымостками. Вдоль улиц проходили водосточные каналы, выложенные из каменных плит.

Водоснабжение городов осуществлялось за счет источников и общественных колодцев. Со второй половины VI в. до н. э. начинается застройка общественных центров. Таким центром в греческом градостроительстве являлась центральная площадь города — агора. Она служила местом проведения народных собраний, различных культовых церемоний, центром проведения розничной и оптовой торговли, встреч и отдыха граждан, там же находились городские и государственные органы управления. Такой многофункциональный характер агоры нашел свое отражение и в ее застройке. Вокруг нее группировались здания, где размещались коллегии должностных лиц, лавки торговцев, суды, гимнасии, храмы, стои — постройки открытого типа с колоннадой вместо одной из стен. На площади ставили каменные плиты с высеченными на них постановлениями и скульптуры. Общественно-административные центры обычно размещались в центральной части города на пересечении главных уличных магистралей (Ольвия). В городах, где ведущее место в экономике занимала морская торговля, агора устраивалась вблизи порта (Фанагория). Иногда, как например, в Ольвии, имелись две площади — одна, более парадная в верхнем городе, другая — рыбный рынок — около порта в нижнем городе (IPE, I, 32). Для размещения храмов и святилищ отводились специальные священные участки — теменосы. На них возводились храмы, алтари, посвященные различным божествам. В пределах теменосов устанавливались посвятительные дары, здесь были водоемы, священные деревья или небольшие рощи. Теменосы окружали стенами, вдоль которых располагались различные служебные постройки, в том числе мастерские по изготовлению культовых предметов. Греческие храмы являлись местом хранения государственной казны. Отдельные храмовые и общественные сооружения размещались и среди жилой застройки (Березань). Святилища существовали также и за пределами городской территории как возле городов (предместье Ольвии, Фанагории), так и в отдалении от них (святилище на о. Левка, Ахиллов бег и др.). Остатки наиболее ранних построек в районе общественного центра зафиксированы в Ольвии. Так, на территории теменоса найдены остатки алтаря, квадратного в плане сооружения, каменная дорожка и священная роща. Первые постройки на восточной стороне агоры и наиболее ранние остатки вымостки площади относятся к концу VI в. до н. э. В V в. до н. э. территория теменоса окружается стенами, возводится небольшой антовый сырцово-деревянный храм Аполлона Дельфиния и другие сооружения, на агоре появляются здания и вдоль западной границы площади, а сама поверхность ее покрывается новой вымосткой. Появляются святилища и на Боспоре, в частности в Нимфее. В Пантикапее во второй половине VI в. до н. э. строится большой периптеральный храм. В V в. до н. э. количество культовых и общественных сооружений увеличивается. В это время территория городов значительно расширяется. К северо-западу от Ольвии возникает предместье. Возможно, именно здесь скифский царь Скил оставлял свою свиту, отправляясь в город, как об этом сообщает Геродот (IV, 78). Города окружаются крепостными стенами (Ольвия, Пантикапей, Фанагория, Тиритака), сложенными из сырцовых кирпичей на каменных фундаментах и достигавших толщины 2—3 м. Стены и городские ворота усиливались прямоугольными башнями. В Фанагории найден каменный порог городских ворот с выбитыми колеями от проезда повозок (*Кобылина М. М.*, 1963а, с. 133 сл., рис. 6). Уже в раннее время начинается проникновение в города аборигенного населения.

Наивысшего расцвета градостроительное искусство Северного Причерноморья достигает в IV—II вв. до н. э. В это время основывается ряд новых поселений и городов (Китей, Горгиппия, Танаис, Порфмий и др.). Увеличиваются размеры городов, площади которых достигают 30—50 га, а количество жителей 12—20 тысяч человек. Такими были — Ольвия, Херсонес, Пантикапей, Гермонаса, Фанагория (*Белов Г. Д.*, 1948а, с. 42 сл., рис. 7; *Блаватский В. Д.*, 1961а, с. 17 сл., рис. 8; *Кобылина М. М.*, 1956, с. 24; *Крыжицкий С. Д.*, 1977, с. 39 сл.). Наряду с крупными городскими центрами существовали города средних размеров, площади которых колебались в пределах от нескольких до полутора десятков гектар, а население исчислялось 2—5 тысячами (Керкинитида, Прекрасная Гавань, Мирмекий, Тиритака, Кепы и др.). Рост городской территории привел к тому, что в топографическом отношении многие города, например, Ольвия, Пантикапей, Фанагория, Кепы, подобно большинству эллинских городов, состояли из двух (верхней и нижней) или трех частей — верхней, нижней и террасной, представлявшей собой застроенные склоны, соединившие две первые. Другие города, как например, Гермонасса, располагались на относительно ровной территории. Особенности исторического развития отразились в градостроительстве Пантикапея, где акрополь представлял собой мощную крепость. В IV—III вв. до н. э. проводятся большие градостроительные работы в Ольвии, Херсонесе, Пантикапее, Фанагории, выразившиеся в коренных перестройках целых районов.

В градостроительном аспекте среди северопричерноморских городов можно выделить три основных типа. Первый тип составляют города со стихийно сложившейся иррегулярной планировкой (Тиритака, Мирмекий, Нимфей). Разнообразные по размерам и конфигурации кварталы располагались там вдоль кривых улиц и переулков. К этому же типу, но несколько отличаясь от него, принадлежит планировка Пантикапея, в которой характер рельефа местности определил использование радиально-кольцевых элементов. В Пантикапее в IV—III вв. до н. э. на месте старых городских кварталов, лепившихся по склонам, возводятся возвышающиеся друг над другом на 1,5—2 м террасы, поддерживаемые мощными подпорными стенами. Террасы кольцами охватывали вершину горы. Улицы, соединявшие соседние террасы, круто поднимались вверх, а местами представляли собой лестницы.

Ко второму типу, наиболее распространенному, относятся города, где отсутствовал единый регулярный план, но использовались элементы прямоугольной системы в рамках отдельных районов, как например, в Ольвии. Продольная улица Нижнего города здесь несколько изгибалась, следуя рельефу склона. Меняла направление и главная продольная

улица Верхнего города, а улицы, отходившие от агоры, были взаимно не параллельны. Здесь прослеживаются отдельные элементы, характерные для радиальной системы планировки. Жилые кварталы города имели форму четырехугольников, обычно нестандартных размеров. Их величина колебалась чаще всего в пределах 19—22×35—37 м, 26—40××40—50 м. В среднем каждый квартал состоял из двух—четырех домов. Но известен пятиугольный квартал площадью около 3000 м², где было более 10 домов.

К третьему типу принадлежат города с единой регулярной прямоугольной планировкой, основанной на сети пересекающихся под прямыми углами улиц, как в Херсонесе, Порфмии и, возможно, в Фанагории и Горгиппии. Основу градостроительного плана Херсонеса составляла сетка прямоугольных кварталов, значительная часть которых в длину достигала 50—52 м при ширине, примерно, в два раза меньшей, с 4—6 домами в квартале. Встречающиеся иногда узкие проходы между двумя рядами домов могут свидетельствовать, что первоначально жилища были сгруппированы в блоки, разделенные узкими переулками, по которым проходили водосточные каналы. Вдоль береговой полосы находились кварталы меньших размеров 25×16 м; 20×12—16 м; 27×24 м, состоящие из одного-двух домов; дома в них стояли в один ряд.

В жилой застройке, особенно в период эллинизма, отчетливо прослеживается районирование по социально-экономическим признакам, что говорит о далеко зашедшем процессе социальной дифференциации населения. Центральные части городов застраивались большими богато украшенными домами состоятельных граждан, тогда как жилища бедноты и дома ремесленников размещались по окраинам городов (Ольвия, Фанагория). Керамические мастерские в противопожарных целях выносят за городскую черту, где они образуют целые производственные кварталы (Херсонес, Фанагория). В городах усиливается скученность застройки и возрастает число представителей туземного населения. В Танаисе, где с самого его основания значительное количество его жителей составляли варвары, появляются два самостоятельных района, отчетливо различающихся по характеру застройки и окруженных самостоятельными укреплениями. В восточной части города все дома, тщательно сложенные из плоских подтесанных и подогнанных камней, имели одинаковую ориентацию и относительно прямоугольную планировку, в западном районе наблюдается хаотичное расположение домов с острыми и тупыми углами, с изогнутыми в плане стенами из необработанных камней, вдоль узких извилистых проходов. Аналогичную картину дают и наблюдения за техникой и принципами организации обороны этих двух частей города.

В IV—III вв. до н. э. окончательно формируются городские магистрали. Ширина центральных улиц достигала 9—11 м (Ольвия), 6—8 м (Херсонес, Фанагория, Горгиппия), ширина второстепенных улиц 3—4 м. Были и более узкие улочки и переулки шириной всего 1—1,5 м. В некоторых местах (на крутых склонах) улицы превращались в лестницы (Ольвия, Пантикапей). Поверхности их мостились битой керамикой и мелкими камнями, а иногда покрывались каменными плитами. Под вымостками улиц проходили закрытые водопроводные и водосточные каналы, сложенные из каменных плит. Водосточные каналы выходили за городскую черту или оканчивались водопоглощающими колодцами. Мусор вывозился на городские свалки, расположенные за городскими стенами (Нимфей, Пантикапей, Фанагория). На территории жилых домов устраивались выгребные ямы, которые по мере наполнения засыпались (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 43). Водоснабжение осуществлялось главным образом за счет общественных колодцев, расположенных на улицах. Кроме того, вода от источников подводилась к общественным водоразборным фонтанам посредством устройства специальных гидросистем или самотеком, обычно по керамическим трубам, либо каменным каналам (*Карасев А. Н.*, 1941, с. 129 сл.; *Леви Е. И.*, 1956, с. 46 сл.). В отдельных районах нижнего города Ольвии вода из городских водопроводов поступала к каждому дому. Известно также устройство индивидуальных колодцев и цистерн.

В рассматриваемое время ведутся интенсивные работы по архитектурному оформлению общественных центров городов, созданию ансамблей культовых и общественных построек. Наиболее изучен общественный центр Ольвии, состоящий из примыкавших друг к другу агоры и теменоса. Агора представляла собой открытую прямоугольную площадь размерами свыше 2000 м², вымощенную обломками керамики и щебнем. На северной стороне находилась большая стоя, вдоль западной и восточной сторон стояли два узких вытянутых здания, состоявших из ряда смежных помещений с подвалами, предназначенных для хранения товаров и торговли. Севернее и южнее западного торгового здания размещались здания суда и городских властей. Вдоль южной стороны площади находилось здание для другой группы городских коллегий и гимнасий. Поблизости располагались дома зажиточных граждан, в том числе и жреца Агрота. К северу от агоры, за стоей, находился теменос с храмами Зевса и Аполлона Дельфиния с алтарями, постаментами для посвятительных надписей, государственных декретов, скульптур и с водоемами. Находившаяся ранее на теменосе роща в это время была уничтожена. Многочисленные святилища и общественные здания обнаружены в большей части северопричерноморских городов. В Херсонесе найдены остатки театра или одейона. Письменные источники свидетельствуют о существовании театров в Ольвии и Пантикапее.

Значительный размах получило строительство фортификационных сооружений. Во многих городах реконструируются или заново создаются мощные оборонительные стены, усиленные прямоугольными или круглыми башнями (Ольвия, Тира, Херсонес, Нимфей, Мирмекий, Пантикапей, Танаис, Фанагория и т. д.), окружающие теперь гораздо большую территорию. Крепостные сооружения строго согласовывались с рельефом местности. В некоторых случаях, перед стенами проходил ров (Никоний, Танаис). Стены снабжались воротами и вылазными калитками. В самой верхней части Пантикапея строится сильно укрепленный акрополь при обороне которого, вероятно, использовались метательные орудия.

(*Толстиков В. П.*, 1977, с. 156 сл.). У Аппиана (108) и Орозия (VI, 5, 2) имеются сведения о наличии крепости в Фанагории.

В конце II — первой половине I в. до н. э. многие города подверглись разрушениям, в результате военных действий или землетрясения 63 г. до н. э., но вскоре они восстанавливаются. Причем площади ряда городов, в первую очередь боспорских, продолжают увеличиваться. Так, территория Пантикапея достигает 100—120 га (*Блаватский В. Д.*, 1951а, с. 16 сл.), а Фанагории — 50 га (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 67). Размеры других городов, как например, Ольвии резко уменьшаются. Ее площадь после гетского разгрома сократилась в три раза. В городах продолжаются большие строительные работы, которые велись главным образом на основе уже сложившихся уличных сетей. В I в. до н. э.— I в. н. э. в Пантикапее проводится частичная перепланировка и сооружение новых террас (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 47, 49). В Херсонесе иногда вместо небольших домов строятся богатые занимающие целый квартал. В Фанагории, Горгиппии вместо старых богатых построек возводятся новые, более простые по убранству здания. Эти работы, судя по надписям из Танаиса, Горгиппии и других мест, проводились под руководством профессиональных архитекторов. Вместе с тем, в некоторых частях городских территорий, на месте ранее существовавших общественных и культовых сооружений эллинистического периода, возникают пустыри (Пантикапей, Фанагория). Среди городского населения значительное количество составляли представители местных племен.

Характерной чертой градостроительства этого времени является развитие среди жилых кварталов больших производственных комплексов ремесленных мастерских, виноделен, рыбозасолочных сооружений. Однако традиции создания керамических мастерских за пределами городских кварталов сохраняются, например, в Ольвии и в Фанагории (*Вештейн Р. I.*, 1958; *Цветаева Г. А.*, 1966а). Продолжаются работы по благоустройству городов — сооружаются сточные каналы, мусор вывозят на городские свалки. Неизменными остаются принципы городского водоснабжения. Некоторые колодцы имели архитектурное оформление, как например, колодец на западной окраине Фанагории (*Блаватский В. Д.*, 1941б, с. 28 сл., рис. 16—19). В первые века нашей эры в городах прослеживается влияние римских градостроительных традиций, выразившееся в основном в строительстве цитаделей, терм и других сооружений. Возведение цитаделей было связано с размещением в городах римских гарнизонов (Тира, Ольвия, Херсонес). Их строительство велось без учета традиционных сформировавшихся городских ансамблей и градостроительных схем. Цитадели доминировали в городском пейзаже.

На Боспоре продолжается строительство небольших, хорошо укрепленных поселений типа Семеновки, застройка которых велась на основе единого плана, со слабо выраженными чертами регулярности. Возникает укрепленный городок Илурат, в планировке которого чувствуются римские традиции создания населенного пункта на основе военного лагеря. Вся площадь его, приближающаяся по своей конфигурации к прямоугольнику, была застроена кварталами жилых домов, разделявшихся неширокими прямыми улицами. На азиатской стороне Боспора создается сеть военно-хозяйственных поселений, основным архитектурным ядром которых явились крепости или цитадели, построенные из сырцовых кирпичей (*Сокольский Н. И.*, 1963в). Вокруг них располагались неукрепленные поселения. Основную массу их населения, вероятно, составляли выходцы из местных племен. Оборонительные сооружения в виде валов вокруг резиденции Хрисалиска, по-видимому, можно рассматривать как влияние местной традиции (*Сокольский Н. И.*, 1976а, с. 89). Каменные стены или валы в сочетании с рвами сооружаются и на поселениях ольвийской округи (Козырка I, Петуховка II, Ст. Богдановка, и др.). Почти во всех без исключения городах строятся новые укрепления, восстанавливаются и реконструируются старые, в Херсонесе возводится протейхизма (АО 1970 г., с. 271).

В позднеантичное время (III—IV вв. н. э.) размах строительных работ резко падает. Работы по реставрации оборонительных сооружений городов продолжаются только в отдельных центрах, например, в Херсонесе, в Танаисе. Многие города сокращаются в своих размерах и только некоторые, как например, Пантикапей и Фанагория, сохраняются в прежних границах. В ряде городов возрастает скученность застройки (Мирмекий, Тиритака, Танаис). В городах увеличивается количество производственных сооружений (Тиритака, Мирмекий). Керамические обжигательные печи появляются и в черте города на месте образовавшихся пустырей (Фанагория). Особенно отчетливо виден упадок городов в строительном деле. Снижается качество работ, падает благоустройство — прекращается вывоз мусора на городские свалки, о чем свидетельствует большое количество мусорных ям на территории самих городов. Резко проявляется рустификация городов. Значительную массу городского населения в это время составляют скифо-сарматы и варваризованные греки. Во второй половине IV в. н. э. почти все сохранившиеся до этого времени греческие города, за исключением Херсонеса, погибают под натиском кочевников-гуннов.

Строительная техника. Приемы строительной техники в северопричерноморских городах были завезены греческими переселенцами из метрополий. Вместе с тем, в ходе самостоятельного развития и под влиянием традиций окрестного варварского населения там вырабатывались и некоторые локальные особенности приемов строительства. В истории строительной техники Северного Причерноморья можно выделить два периода, границей между которыми служит примерно середина I в. до н. э. В свою очередь первый период, по уровню развития строительного дела можно разделить на три различных этапа.

На первом этапе основными строительными материалами являлись глина, дерево, необработанный камень, часто аморфной конфигурации, в основном, известняк, реже песчаник. Часто использовались также галька и булыжники, привозимые на торговых судах в качестве балласта. Наземные части стен полуземлянок и наземных построек делались каменными, сырцово-каменными, сырцовыми. Реже они

были плетеными из веток и обмазанными глиной, что типично для негреческого населения. Система каменной кладки чаще всего нерегулярная (табл. LXXXVI, 7) или приближающаяся к ней с элементами регулярности, из необработанного камня (табл. LXXXVI, 6). Применялась кладка из полигональных камней, установленных на узкую боковую грань (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 13). Мелкие и средние размеры камней позволяли сооружать стены силами одного человека. Полы домов были глинобитными, крыши односкатными и двускатными, в круглых в плане постройках, они, возможно, были коническими с саманным или тростниковым покрытием. Крыши общественных и культовых зданий покрывались привозной черепицей и украшались архитектурной терракотой. Этот первый этап строительства городов на Березани относился ко второй половине VII в. до н. э.; на Боспоре — к первой половине — середине VI в. до н. э.; в районе Ольвии и в Западном Крыму — к середине — второй половине VI в. до н. э.; в Никонии — к концу VI — первой половине V в. до н. э.

Следующий этап, продолжавшийся с V до последней трети IV в. до н. э. характеризуется распространением приемов греческой строительной техники и началом их самостоятельной эволюции. На протяжении этого этапа происходит формирование профессиональных кадров строителей, в том числе мастеров-каменотесов высокой квалификации и архитекторов. Употребление камней больших размеров в некоторых сооружениях свидетельствует об использовании в строительстве подъемных механизмов. Основными строительными материалами были камень и глина, дерево использовалось ограниченно — главным образом для перекрытий, для дверей и окон. В этот период ведется регулярная добыча камня открытым способом. Наиболее интересные следы таких разработок найдены в Северо-Западном Крыму (*Коновалов А. А.*, 1973, с. 293) и в восточном Крыму, где на территории некрополя Илурата вырубали каменные блоки, а в районе с. Слюсарево барабаны колонн (*Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 70). Камень, в основном, известняк, употреблялся для вымосток, стен, портиков и сводчатых перекрытий. Мраморными были архитектурные детали, обычно импортные, иногда черепица. Глина употреблялась в качестве раствора в кладках, для обмазок стен, изготовления кирпича, архитектурно-строительной терракоты, устройства оснований под стены. Известка применялась для оштукатуривания стен, в известково-галечных полах, для обмазки цистерн для воды, виноделен и рыбозасолочных цистерн. В V—IV вв. до н. э. стены были сырцовыми, сырцово-каменными или каменными. В оптимальном случае в них выделялись три части — фундамент, цоколь и собственно стена. Фундамент состоял обычно из одного ряда уложенных плашмя плит, заглублявшихся примерно на половину высоты ряда и слегка выступавших от фасада стены. Однако при строительстве на слое неравномерной плотности фундамент мог быть бо́льшей высоты, либо устраивались искусственные основания в виде песчаных подсыпок, глинистых трамбовок или чередующихся землисто-золистых насыщенных битой керамикой и лессовых, реже — глинисто-черепяных прослоек толщиной чаще всего 6—15 см. В этот период формируются все основные типы кладок (табл. LXXXVI, *6—8*, *10*, *12—16*). Первая попытка их классификации сделана А. Н. Карасевым (*Карасев А. Н.*, 1955а, с. 189—194), позднее С. Д. Крыжицким (*Крижицький С. Д.*, 1965; *Крыжицкий С. Д.*, 1971, с. 111). Камни, образовывавшие фасады кладок — прямоугольные плиты и блоки тщательно отесывались, часто имели невысокие русты — несглаженную поверхность лицевой стороны блока, ограниченную по краям с одной — трех, иногда со всех четырех сторон хорошо стесанными гладкими полосами. Камни обычно плотно притесывались. Толщина кладок 0,4—0,6 м и более, сырцовых чаще всего 0,4—0,5 м. Размеры камней в среднем крупнее, чем в ранних кладках. Сырцовый кирпич: 0,4—0,5×0,3—0,4×0,08—0,10 м. Однако в Пантикапее встречается кирпич длиной 0,92 м, толщиной 0,115 м (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 35). Специальных деревянных или металлических связей в кладках этих сооружений не известно, только в Пантикапее встречаются железные пироны.

Вымостки дворов и улиц состояли из битой керамики, щебенки, известняковой крошки либо мостились обычно необработанными полигональными плитами. Под плитяными вымостками иногда делали подсыпки из мелких камней. Полы в домах были глинобитные. Случалось, что верхний слой полов снимали, в результате чего уровень пола мог быть ниже подошвы фундамента. Иногда полы делали из утрамбованной известняковой крошки на глиняной подушке, реже они были каменными (в основном в хозяйственных помещениях), деревянными (над подвалами), цемяночными или галечными на извести (в андронах). Деревянные части построек сшивались железными или бронзовыми гвоздями. Перекрытия помещений балочные, часто с неравномерным шагом расстановки балок в пределах 0,3—0,6 м. Крыши не сохранились, но они могли быть односкатными или двускатными. Несущей конструкцией являлись стропила. Кровли — саманные или черепичные. Выделяются два типа глиняной черепицы: солены — большие плоские с бортиками по продольным сторонам или слегка изогнутые в поперечном сечении без бортиков и калиптеры — узкие, полуцилиндрические или граненые, перекрывавшие продольные швы между соленами. Начало местного производства черепицы в Северном Причерноморье относится к концу V в. до н. э. Начиная с IV в. до н. э., ее широко использовали наряду с импортной. Для Ольвии IV—II вв. до н. э. типичны коринфская (табл. LXXXVII, *8*, *15*) и сицилийская системы черепичного покрытия крыш (табл. LXXXVII, *10*). По-видимому, в значительно меньшей степени здесь применяли лаконскую (табл. LXXXVII, *9*). Для Херсонеса характерна в основном сицилийская, а для Боспора — коринфская, и лишь отчасти сицилийская и лаконская системы (дом Коя в Пантикапее). В каждом центре была черепица местного производства, имевшая свои локальные отличия (табл. LXXXVII, *17*, *34*).

Лестницы в подвалы и на вторые этажи делались каменными, деревянными и смешанными (нижний марш каменный, следующий — деревянный), обычно без выделения лестничных клеток, с углом подъема маршей 30—45°. Двери были одностворчатыми и

двустворчатыми на подпятниках или на петлях. Окна небольших размеров, обрамлялись деревянными и каменными наличниками. Помещения освещались главным образом через двери и окна, выходившие во внутренние дворики, а иногда и через проемы в крышах, оформленные специальными черепицами с кровельными окнами, типа найденных в Пантикапее, Ольвии, Херсонесе (табл. LXXXVII, *12*) (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 41; КП, табл. 28,*4*; 34, *5*, *7*, *8*). Ордерные конструкции выполнялись как целиком в камне, так и с частичным применением деревянных столбов и антаблемента при каменных капителях и базах или с терракотовыми накладными деталями (*Карасев А. Н.*, 1964, с. 58 сл.). В декоре парадных помещений применялись многоцветные росписи по известковой штукатурке.

Конструкции сооружений монументальной архитектуры, в частности храмов, в начале второго этапа в большинстве, по-видимому, мало чем отличались от сырцово-каменных конструкций жилого строительства (например, храм на Березани) (*Лапин В. В.*, 1967, с. 145 сл.) Основным отличием являлось использование ордера, причем в некоторых случаях, как можно предполагать на основании остатков храма Аполлона Дельфиния в Ольвии, в портиках применялось дерево с терракотовыми накладными деталями (*Карасев А. Н.*, 1964, с. 58 сл.).

В дальнейшем в культовых сооружениях использовались высококачественные регулярные кладки, в камне выполнялись и детали ордеров, для связи отдельных камней и блоков использовались металлические пироны различной конфигурации. Мрамор применялся редко и в основном только для архитектурных деталей, иногда встречается мраморная черепица. В целом по своим размерам материалам, характеру декора, особенностям профилировки деталей северопричерноморские храмы имели более скромный характер, чем в Средиземноморье.

Среди монументальных построек лучше исследованы остатки оборонительных сооружений. Особый интерес в конструктивном отношении представляли каменные погребальные сооружения, получившие широкое распространение, особенно на Боспоре уже с IV—III вв. до н. э. К ним относятся склепы Золотого и, особенно, Царского курганов, представляющие вполне сложившиеся совершенные образцы безраспорных уступчатых куполов. Особенно важен в этом отношении купол Царского кургана, где переход от квадратного плана камеры к круглому в плане коническому куполу осуществлен при помощи пандативов (табл. LXXXVI, *1*).

Начало становления тех или иных приемов строительной техники в частности, широкого использования камня, не везде происходило в одно и то же время. Высокого уровня строительство достигло в Пантикапее, где, очевидно, в конце VI в. до н. э. уже есть основания предполагать сооружение большого ионийского периптера, в Ольвии — в первой половине V в. до н. э., в Херсонесе — в конце V в. до н. э. и т. д. Для V—IV вв. до н. э. характерно как использование приемов строительной техники метрополии, так и появление новых приемов, таких как ольвийские слоевые субструкции, разнообразные приемы устройства фундаментов оборонительных стен. Особо следует подчеркнуть появление каменных сводов в погребальных сооружениях.

Следующий этап — последняя треть IV—I вв. до н. э. в области строительной техники характеризуется вначале уже упомянутыми особенностями, а затем в связи с большим размахом строительства, особенно в своей первой половине, упрощением конструкций кладок, постепенным ухудшением качества работ, началом относительной нивелировки массовых строительных приемов и конструкций. В кладках характерно использование в основном регулярных систем с кладкой камня плашмя без его плотной притески, ухудшение тщательности обработки фасадов, вторичное использование материалов. Типично для этого времени смешение в одной и той же кладке различных систем. Высокое качество работ наблюдается в это время при строительстве в основном только наиболее значительных сооружений. В это время также окончательно выкристаллизовываются и получают в Ольвии широкое распространение слоевые основания; применялись они и в Фанагории. Дальнейшее развитие приобретают сводчатые конструкции. Так, в погребальных сооружениях с конца IV в. до н. э. наряду со строительством уступчатых сводов, начинают появляться цилиндрические и полуциркульные или коробовые своды. Одной из важных особенностей этапа явилось значительное развитие строительства специальных сооружений, в частности гончарных печей, виноделен. Именно в гончарных печах как круглых в плане, так и прямоугольных, появляющихся позднее — в первые века нашей эры, в перекрытиях обжигательных камер и топок нашли отражение элементы купольных конструкций (КП, табл. 16, *4б*; 25, *1б*). Строительство виноделен, где при обмазке стен резервуаров и давильных площадок использовали известковые растворы (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958а, с. 380 сл.) и сооружение цемянковых полов в богатых домах IV—III вв. до н. э. в Фанагории (*Блаватский В. Д.*, 1941б, с. 60 сл.) дают наиболее ранние примеры проникновения в Северное Причерноморье элементов, типичных для римской строительной техники и получивших большое распространение в Северном Причерноморье в первые века нашей эры. Основной тенденцией этого этапа является сохранение высоких традиций строительного искусства предшествовавшего времени в наиболее значительных сооружениях и общее ухудшение качества выполнения работ в массовом строительстве.

Второй период истории строительной техники — с середины I в. до н. э. по III—IV вв. н. э. характеризуется усилением римского влияния и ухудшением качества строительства. В первые века нашей эры наряду с повышением роли архитектора-градостроителя значительно снизилась роль мастера-каменотеса, понизился и средний уровень строительства. Так, из арсенала строителей практически исчезли слоевые основания и тип конструкции ольвийских цистерн. Кладки первых веков нашей эры часто нерегулярные или приближающиеся к ним, выкладывались из плохо обработанных камней, уложенных плашмя с отсутствием плотной притески по месту. Наряду с этим в монументальных сооружениях встречаются кладки из крупных необработанных камней, по своему характеру приближающиеся к так называе-

мым «киклопическим» (*Блаватский В. Д.*, 1948а, табл. 3, *1*). Если до рубежа нашей эры наиболее характерный пример таких кладок дает в основном только крепида Золотого кургана, то в первые века нашей эры элементы этого приема уже встречаются в кладке оборонительной стены Ольвийской цитадели (*Фармаковский Б. В.*, 1908). В каменных кладках широкое распространение получило вторичное использование камней, среди которых часто встречаются фрагменты архитектурных деталей, надгробий, скульптур и надписей. Продолжается применение сырцовых кирпичей, размеры которых несколько увеличиваются — 0,52×0,52×0,07 м (*Сокольский Н. И.*, 1967б, с. 110). Качество позднеантичных сырцовых кирпичей резко ухудшается — в них прослеживается большое количество включений: самана, мелкой керамики и раковин. Обожженный кирпич в кладках обычных сооружений распространения почти не получил. Он использовался в специальных сооружениях, в частности, в термах, иногда в винодельнях, для мощения дна рыбозасолочных ванн, иногда в качестве декоративных элементов стен или вымосток. Кирпичи были трех основных типов: малые и большие квадратные и прямоугольные (КП, с. 36 и сл.; табл. 43). Наиболее распространенным типом кирпича был малый квадратный 27×27×3–7 см (при отклонениях не меньше 20 см — в Хараксе) и не более 35 см — в Ольвии. Большой квадратный 53–58×53–58×3–8 см встречается реже, в основном в Пантикапее и Хараксе. Прямоугольный кирпич имел в большинстве случаев длину примерно в полтора—два раза больше ширины — в пределах 23—33 см при толщине 2—7 см. Типичным для каменных кладок является использование земляных или глиняных растворов. Известковые применялись в основном для штукатурных покрытий и в специальных сооружениях (термы, винодельни, рыбозасолочные цистерны). Случаи использования этого раствора в обычных конструкциях единичны — в кладках второго строительного периода укреплений в Херсонесе (*Стржелецкий С. Ф.*, 1969а, с. 18; *Гриневич К. Э.*, 1927б, с. 82 сл.) и в Фанагорийском склепе первых веков нашей эры. В отделке богатых домов и общественных зданий характерно использование мраморной плитки. Продолжается традиция оформления парадных помещений настенными росписями по штукатурке. Полы помещений, главным образом, глинобитные или земляные, но встречаются каменные и кирпичные. Известен случай использования мозаики из белых и черных кубиков (Пантикапей). В первые века нашей эры происходит также при сохранении преемственности форм, сокращение количества типов кровельной черепицы, исчезает, в частности, коринфская система. В Ольвии, Тире и на Боспоре получат преимущественное распространение лаконская и сицилийская системы, в Херсонесе и Хараксе — только сицилийская (КП, с. 43 сл., табл. 31, 35, 42). Большое распространение приобрели сводчатые конструкции — цилиндрические, полуциркульные и коробовые своды, особенно в погребальных сооружениях; ложные своды исчезают.

Особое распространение в первые века нашей эры получили специальные сооружения: термы, рыбозасолочные цистерны, винодельни, гончарные и стеклоделательные печи. Для них в наибольшей степени характерно использование римских приемов и связанных с ними конструкций и материалов — известковых и известково-цемяночных растворов, обожженного кирпича. По-видимому, с римским влиянием следует связывать также и широкое распространение в первые века нашей эры керамических труб при устройстве водопроводов в городах и отопления в термах. По принципу соединения между собой все трубы были однотипны. Места соединения обычно промазывались известковым раствором. Внутренний диаметр в самом узком месте колебался в пределах 6—12 см. Выделяется два типа труб — конический и цилиндрический (КП, табл. 44).

Жилые дома. Во всех античных городах и поселениях Северного Причерноморья жилища не были одинаковыми в течение длительной истории античных государств: изменялись их планы, размеры, строительные материалы, сами приемы их строительства и отделки. Жилым домам Северного Причерноморья посвящены ряд исследований (*Блаватский В. Д.*, 1948а; *Леви Е. И.* и *Карасев А. Н.*, 1955; *Сорокина Н. П.*, 1973). Специально изучались жилые дома Ольвии (*Фармаковский Б. В.*, 1906а, с. 39 сл.; *Крыжицкий С. Д.*, 1971) и Пантикапея (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 13 сл.). Имеются публикации отдельных домов и жилых комплексов из различных городов и поселений (*Белов Г. Д.*, 1950а; 1962; *Гайдукевич В. Ф.*, 1941б; *Зеест И. Б.*, 1951в; *Кругликова И. Т.*, 1970б, с. 78 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1970, с. 120 сл.; 1972а, с. 41 сл.; *Крыжицкий С. Д.*, *Бураков А. В.*, 1975; *Бураков А. В.*, 1976, с. 16 сл.).

В ранний период, связанный с обоснованием греков на новых местах, они строили примитивные однокамерные жилища, часто углубленные в землю, типа землянок и полуземлянок (табл. LXXXVIII). Углубленные в землю жилища VI — рубежа VI—V в. до н. э. открыты в Никонии, на о. Березани, в Ольвии, а также в окрестностях Пантикапея (в Андреевке Южной) и, возможно, в Фанагории. Со временем, в ходе самостоятельного развития и под влиянием контакта с местной традицией землячного строительства, здесь вырабатывается ряд особенностей, позволяющих говорить о наличии северопричерноморского варианта античного домостроительства. Удается даже выделить локальные особенности каждого из трех основных районов Северного Причерноморья. Кроме того, в ходе тесных контактов с местными племенами в Северном Причерноморье появились памятники смешанной греко-варварской традиции.

В истории северопричерноморского домостроительства можно выделить два основных периода. Первый — от основания греческих поселений до конца II—I вв. до н. э. Второй период — первые века нашей эры. Основным принципиальным различием между ними служит значительное развитие во втором периоде домостроительства смешанного грековарварского направления и существенное усиление местной античной, северопричерноморской, а не общегреческой традиции. В рамках первого периода выделяется ряд этапов. Первый этап соответствует времени основания большей части античных северопричерноморских городов (от второй половины VII в.

до н. э. до рубежа VI—V вв. до н. э.). В целом, с теми или иными хронологическими отклонениями, в трех основных районах распространения античной культуры этот этап характеризуется строительством наземных примитивных домов, в основном однокамерных, прямоугольных в плане, а также землянок и полуземлянок.

Заглубленные жилища обычно одно-реже-двухкамерные, форма их в плане чаще всего прямоугольная. Значительно меньше были распространены круглые и овальные дома. Размеры жилищ от 5 до 16 м². Землянки обычно углублены в грунт от нескольких десятков сантиметров до 1,5—2,0 м. Для спуска в углубленное помещение делали ступеньки, врезанные в борта котлована по любой из сторон, но есть землянки и без фиксированных входов. В этом случае, по-видимому, использовали приставные деревянные лестницы. Характерно отсутствие лежанок, при этом обычны хозяйственные ниши и глинобитные площадки. Очаги, чаще всего открытого типа, могли располагаться в различных частях жилища, широко использовались и жаровни. Земляночные сооружения в наибольшей степени характерны для Северо-Западного Причерноморья — Ольвии (табл. LXXXVIII, *1*, *2*), Березани, Никония (вплоть до Истрии) и окружающих их позднеархаических поселений (*Славин Л. М.*, 1958, с. 279 сл.; *Карасев А. Н.*, 1964, с. 116; *Лапин В. В.*, 1966; *Отрешко В. М.*, 1975, с. 93, 94; *Секерская Н. М.*, 1975, с. 112; *Рубан В. В.*, 1975, с. 87—89; *Копейкина Л. В.*, 1976, с. 132 сл.; *Крижицький С. Д.*, *Русяева А. С.*, 1978 г., с. 3 сл.). Встречаются они и на Боспоре: в Тирамбе (*Коровина А. К.*, 1968б, с. 55), Андреевке Южной (*Кругликова И. Т.*, 1968, с. 206 сл.), Фанагории. Они появляются на Березани во второй половине VII в. до н. э., но большая их часть относится к середине — второй половине VI в. до н. э. В дальнейшем земляночные сооружения полностью заменяются наземными домами. Исключение представляет только ольвийское предместье, жилая земляночная застройка которого относилась в основном к середине второй половины V в. до н. э. (*Козуб Ю. И.*, 1976, с. 195 сл.), то есть к тому времени, когда в самой Ольвии уже велось исключительно наземное сырцово-каменное домостроительство.

Наземные однокамерные дома поселенцев известны в Пантикапее с начала VI в. до н. э. (*Блаватский В. Д.*, 1962а, с. 8), в Кепах — в VI — начале V в. до н. э. Примером простейшего наземного жилища может служить дом, возможно, конца VII — начала VI в. до н. э., расположенный в Пантикапее. Такого типа дома VI в. до н. э. в Пантикапее встречались неоднократно. Во второй половине VI — начале V в. до н. э. там строили преимущественно небольшие дома со стенами, сложенными из рваного камня и с черепичными крышами (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 13, 16). В конце VI в. до н. э. там встречаются также более крупные дома с несколькими помещениями с каменными стенами и черепичной крышей, например, дом Коя, заглубленный в землю, имевший площадь не менее 40 м². В Торике открыт архаический дом первопоселенцев (*Онайко Н. А.*, 1976в, г). Возможно, таким же был дом на горе Опук (*Кругликова И. Т.*, 1958б, с. 234). На территории азиатского Боспора отсутствие камня привело к развитию сырцовой архитектуры. Так, в Кепах и Фанагории открыты архаические дома, целиком сложенные из сырцовых кирпичей.

Второй этап охватывает начало V — последнюю треть IV в. до н. э. С рубежа VI—V вв. до н. э. повсюду доминируют наземные сырцово-каменные многокамерные дома обычных общеантичных схем. Исключение представляет только ольвийское предместье, земляночная застройка которого относилась в основном к середине второй половины V в. до н. э. (*Козуб Ю. И.*, 1976, с. 195 сл.). Каменные основания многокомнатных домов этого времени обнаружены практически повсеместно, в частности, в Пантикапее (табл. LXXXVIII, *12*), Ольвии и на Березани (табл. LXXXVIII, *7*, *8*). Распространены небольшие по размерам дома с внутренними двориками, куда выходят помещения, расположенные с одной, двух или с трех сторон. Характерна довольно четкая прямоугольная разбивка зданий на местности. Дома имеют подвалы и полуподвалы. В архитектуре наиболее богатых домов возможно применение ордера. По планировке четко разделяются городские дома и сельские усадьбы. Крыши домов покрывались черепицей, саманом или камкой. К этому же времени относится и введение благоустройства в домах.

Третий этап — последняя треть IV—III вв. до н. э. — является временем наивысшего расцвета домостроительства. Значительное социально-экономическое расслоение общества приводит к существенной дифференциации домов, различающихся по размерам и богатству декора. Значительный размах приобретает строительство сельских усадеб, в которых к концу этапа выделяется тип укрепленного жилого дома.

Как и в предыдущее время городские дома были прямоугольными в плане. Основную массу составляли безордерные дома: малой площади от 80 до 200 м² и большой — около 200—400, иногда до 600 м². Выделяются дома типичной схемы, для которой характерно расположение двора в южной половине дома и крытых помещений по двум, трем или всем четырем сторонам двора. Площадь двора составляла обычно 11—27% от площади дома (табл. LXXXVIII, *19*, *21*, *23*). Возможно, но не обязательно, наличие в доме входного коридора. Количество помещений в домах, чаще всего было от 3 до 14. Дома античной схемы отличались введением элементов, которые нарушали основные принципы планировки греческого жилого дома. Обычно это было связано с хозяйственным назначением отдельных частей дома и приводило к иной группировке жилых помещений вокруг двора, введению в план дома специальных производственных комплексов, например, виноделен или рыбозасолочных цистерн. В результате появилась категория хозяйственно (или производственно) жилых домов. Среди них прослеживается две группы: без выделения производственного комплекса и с его специальным самостоятельным выделением, как например, дома в Херсонесе (табл. LXXXVIII, *15*) и на Боспоре. Наиболее ярким примером является дом винодела в Мирмекии (табл. LXXXVIII, *14*). Ордерные дома известны только пастадного перистильного или постадно-перистильного типов (табл. LXXXVIII, *18*, *22*). Их площадь обычно больше, чем у безордер-

ных (до 550 м²), дворы занимают 10—22%. Характерно выделение центральных помещений — андронов. В портиках, окружавших дворы, использовались в основном дорийский и аттический ордера. В некоторых случаях, как например, в Ольвии, подвалы домов образовывали целые этажи, где помещения могли объединяться специальными галереями. Есть основания предполагать в ряде случаев наличие в домах вторых этажей. Наиболее характерные дома этих типов открыты в Херсонесе, Прекрасной Гавани, особенно в Ольвии (*Белов Г. Д.*, 1938а, с. 196 и сл.; *Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф.*, 1953, с. 39 и сл.; *Наливкина М. А.*, 1957, с. 272 и сл.; *Щеглов А. Н.*, 1976а, с. 222—228; *Крыжицкий С. Д.*, 1971, с. 103 сл.). При этом следует отметить, что дома Херсонеса имели и некоторые отличия от ольвийских — относительно большую симметричность плана, наличие типа дома с экседрой (табл. LXXXVIII, *16*) (*Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф.*, 1953, с. 49 сл.), преимущественное использование подвалов в складских целях. Характерной особенностью херсонесских домов III—II вв. до н. э. являлся также входной коридор, который соединял улицу с двором. Степень благоустройства северопричерноморских жилых домов в целом была ниже, чем в Средиземноморье. Здесь неизвестны, например, ни ванные комнаты, ни система отопления, ни бассейны во дворах и т. п. В домах, где были свои колодцы и цистерны, они размещались чаще всего во дворах, иногда в крытых помещениях и даже в подвалах. Канализационные устройства в большинстве домов или отсутствовали вообще, или ограничивались устройством сборного канала, присоединявшегося к уличной сточной сети. Значительное внимание уделялось внутренней отделке помещений богатых домов. Стены покрывались известковой штукатуркой и расписывались в так называемом структурном, реже — цветочном или инкрустационном стилях.

Сельские жилища представлены многокамерными домами с внутренними дворами, аналогичными, очевидно, в целом городским (к этому типу приближается дом у бухты Ветреной) (*Щеглов А. Н.*, 1967, с. 249); домами без внутренних дворов типа дома 1 на Южно-Чурубашском поселении (табл. LXXXIX, *5, 6*) (*Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 47, рис. 14) и усадьбами.

Наибольший интерес представляют сельские усадьбы. Среди них выделяется два основных типа. Для первого характерна функциональная дифференциация помещений усадьбы, в частности, выделение жилой группы и хозяйственной, объединяемых одним или двумя дворами (табл. LXXXIX, *2, 4*). Подобное разделение прослеживается иногда достаточно четко. Жилой блок обычно размещался в северной части и в своей основе, в той или иной степени, представлял разновидность городского дома. Комнаты группировались в один—два ряда. Чаще всего жилые блоки были безордерными. В ордерном варианте известен только пастадный тип. В сельской округе Херсонеса на рубеже IV—III вв. до н. э. распространяются усадьбы с укрепленными башнями (табл. LXXXIX, *2*) (*Стржелецкий С. Ф.*, 1961, с. 204 сл.; рис. 63, 65, 100; *Дашевская О. Д., Щеглов А. Н.*, 1965, с. 146 сл.). Позднее во II в. до н. э. появляются укрепленные усадьбы, стены которых обнесены дополнительным каменным панцирем по всему периметру. В III—II вв. до н. э. укрепленные усадьбы возводят на Боспоре как в азиатской части — на Семибратнем городище (табл. LXXXIX), у пос. «За Родину» (дом Хрисалиска), у хут. «Рассвет» и др.— так и в европейской — Ново-Отрадное, Темир-гора и Михайловка. В IV—III вв. до н. э. встречается и иной тип усадеб, центром которых был большой прямоугольный двор, вокруг которого по периметру располагались помещения в один или два ряда. Они известны в сельской округе Ольвии — Дидова Хата (табл. LXXXIX, *3*) (*Рубан В. В.*, 1978) и Херсонеса — Панское I (*Щеглов А. Н.*, 1976б, с. 133). Имеются и другие варианты неукрепленных сельских усадеб с большим количеством помещений как хозяйственного, так и жилого назначения. К ним принадлежит усадьба III в. до н. э. у д. Андреевка Южная. Во II—I вв. до н. э. наблюдается постепенный упадок домостроительства. Производится главным образом перестройка уже имевшихся сооружений.

Домостроительные традиции античных городов оказали большое влияние на строительство местных племен Нижнего Поднепровья, Крыма и Азиатского Боспора, привели к появлению смешанных греко-варварских традиций домостроительства, как например, на Елизаветовском городище в дельте Дона, а также дома за пределами стен эллинистического Танаиса (табл. LXXXIX, *21*) (*Шелов Д. Б.*, 1970, с. 120 сл.). Следует, однако, подчеркнуть, что каких-либо признаков варварского влияния на домостроительство античных городов не прослеживается. Явления, обычно связываемые с понятием варваризации, являлись по сути деградацией, так как они отражали не введение каких-либо элементов местной традиции, а ухудшение качества работ.

После войн Митридата VI Евпатора начинается постепенный подъем экономики городов, а с ним и развитие домостроительства уже на новом этапе. Следует отметить, что несмотря на сильное римское влияние и расквартирование римских войск в ряде пунктов Северного Причерноморья, в это время каких-либо кардинальных изменений в области домостроительства не произошло. Римское влияние прослеживается в применении цемяночных строительных растворов, использовании иногда обожженного кирпича в приемах декорировки — в элементах росписей, использовании мраморных облицовочных плиток, в появлении тосканского ордера (его детали обнаружены в Тире, Херсонесе и Пантикапее). В планировке жилых домов продолжали использоваться схемы, выработанные еще в предшествующее время. Основную массу среди них составляли безордерные дома; из достоверно ордерных известен пока только один дом перистильного типа в Ольвии. Можно, однако, предполагать, что открытые в Тире, Херсонесе, на городище Тарпанчи, в Танаисе, и один из илуратских домов (табл. LXXXIX, *13, 18*) были также ордерными, но пастадного типа (*Фармаковский Б. В.*, 1913, с. 35 сл.; *Леви Е. И., Карасев А. Н.*, 1955, с. 241; *Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, с. 61 сл.; *Щеглов А. Н.*, 1965, с. 145 сл.). Общий средний уровень домостроительства (качество работ, размеры домов, четкость планировки), по-

видимому, несколько понизился. Характерны в этом отношении жилые дома Ольвии, поселения у с. Козырки (табл. LXXXIX, *7*), а также дом послегетского времени в Тире (табл. LXXXIX, *19, 20*). Наряду с домами типичной схемы (табл. LXXXIX, *8—12*) в застройке городов увеличился удельный вес хозяйственно-жилых домов. Они обнаружены почти повсеместно. Наибольший интерес представляют «пекарня» в Ольвии, дом с зерносушилкой в Козырке, дома в Тиритаке, дом винодела в Херсонесе и дом с торговым складом в Танаисе (табл. LXXXIX, *13, 14, 16, 18*) (*Славин Л. М.*, 1940, с. 67 сл.; *Крыжицкий С. Д., Бураков А. В.*, 1975, с. 200 сл.; *Гайдукевич В. Ф.*, 1952б, с. 110 сл.; *Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А. Л.*, 1953, с. 172, рис. 10; *Белов Г. Д.*, 1950а, с. 108 и сл.; *Шелов Д. Б.*, 1972а, с. 41 и сл.). Наиболее яркие примеры безордерных домов типичной схемы этого времени дают постройки Илурата. В планировке этих домов получило отражение довольно большое значение их хозяйственной функции, в частности, содержание домашних животных (табл. LXXXIX, *10, 12*). Площадь застройки составляла 70—400 м², от которой дворы занимали 14—37%. Типично расположение крытых помещений не менее чем по двум-трем сторонам двора. Наряду с этим следует отметить распространение в первые века нашей эры однокамерных домов без дворов в Ольвии (табл. LXXXIX, *17*) (*Леви Е. И., Карасев А. Н.*, 1955, с. 239 сл.), принадлежавших, вероятно, городской бедноте. Для отопления домов в первые века нашей эры применяли: глинобитные очаги, иногда с черепичной обкладкой, печи со стенками из камней или глины, на которых можно готовить пищу и печь лепешки, переносные печки и жаровни из глины и металла. Существовало и духовое отопление типа гипокаустов для терм (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 86).

Помимо городских домов в первые века нашей эры в районе Херсонеса и на Боспоре продолжали существовать и сельские усадьбы, характерной особенностью которых являлись, особенно на Боспоре, усиление оборонительной функции. Среди этих памятников Боспора следует упомянуть усадьбу у с. Ново-Отрадное (*Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 114 сл.).

Таким образом, в первые века нашей эры продолжалось развитие традиций предыдущего времени. Это нашло отражение в планировке, конструкциях и в декоре домов, в частности, в росписях стен. Фрагменты расписной штукатурки первых веков нашей эры найдены в Пантикапее (*Алексеева Е. М.*, 1977, с. 3 сл., рис. 1, 2) в домах Козырского поселения, где живопись сочеталась с пластической обработкой карнизов и использованием окрашенного в темновишневый цвет обожженного кирпича (*Бураков А. В.*, 1966, с. 53 и сл., рис. 2, 4). Значительное распространение хозяйственно-жилых построек привело к выработке рустифицированного городского дома.

Дома первых веков нашей эры довольно существенно отличались от классических общеантичных типов и от домов, открытых на памятниках смешанного греко-варварского характера, как например, поселения Золотая балка, у дер. Семеновки, Золотое III и др. (табл. LXXXIX, *22, 23*) (Вязьмітіна М. І., 1962, с. 31 и сл.; *Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 80 сл.; 1970б; 1975а, рис. 73).

Архитектура. Особенностью, античной архитектуры являются ордерные сооружения. Это нашло отражение и в архитектуре общественных и культовых построек Северного Причерноморья. Древнейшими ордерами были дорийский и ионийский. В конце V в. до н. э. был создан коринфский ордер, а в первом веке римлянами изобретен композитный — сочетающий черты ионийского и коринфского. Они различались капителями и антаблементом. С древнейшего периода в городах сооружались различного типа общественные здания и прежде всего храмы. Сохранившиеся детали позволяют считать, что уже в IV в. до н. э. были известны два типа храмов — храм в антах (Ольвия) и храм-периптер (Пантикапей). Тип храма в антах надолго сохранился в архитектуре: в святилище Деметры IV в. до н. э. в Нимфее (*Худяк М. М.*, 1952, с. 241), святилище Деметры IV в. до н. э. близ Фанагории на горе Блевака (*Марченко И. Д.*, 1962б, с. 121—133; 1963, рис. 32), в святилище Афродиты в Кепах II в. до н. э. (*Сокольский Н. И.*, 1964б, с. 101—102, рис. 1). Особенностью греческих ордерных сооружений является целостность — гармоническое соответствие между всеми частями ордера, связанными определенными числовыми отношениями. В. Д. Блаватский на основании формы и размеров найденных в Керчи фрагмента ионийского архитрава и базы колонны предположил наличие шестиколонного фасада и монументального храма типа периптера конца VI в. до н. э. примерно размером 20×40 м при высоте 10 м (*Блаватский В. Д.*, 1953г, с. 174 сл.; 1957а, с. 20 сл.) (табл. XC, *8*). А Н. Карасев по остаткам кладок и субструкции дает реконструкцию храма Аполлона Дельфиния в Ольвии, как храма в антах, а исследование обломка терракотовой волюты ионийской капители позволило реконструировать всю капитель и фасад храма (*Карасев А. Н.*, 1964, с. 58 сл., рис. 24—35). Сохранилась угловая часть мраморного фриза, возможно, часть ионийского антаблемента храма в Ольвии (табл. XCI, *4, 5*) (*Карасев А. Н.*, 1955а, с. 199, рис. 14). Поле фриза заполнено изображением процессии женщин и мужчин в величавых движениях. Фриз относится к IV в. до н. э. и свидетельствует о воздействии аттического искусства, может быть, знаменитого фриза Парфенона с изображением панафинейского шествия.

Великолепно сохранившиеся детали архитектуры Херсонеса IV—III вв. до н. э. были открыты при раскопках башен XVI и XVII (Зенона). Среди множества архитектурных фрагментов из Херсонеса выделяется мраморная голова кариатиды, завершающаяся дорийской капителью, очевидно, украшавшая какое-то здание с портиком кариатид. Голова исполнена с мягкой свето-тенью поверхности лица и выразительностью моделировки глаз и рта, которые были свойственны греческому искусству второй половины IV в. до н. э. (табл. XCI, *6*) (АСХ, № 116, с. 33, рис. 72, 73). Архитектурные детали, найденные при раскопках Херсонеса, свидетельствуют о применении в архитектуре города в III—II вв. до н. э. как дорийского, так и ионийского ордеров. На основании частей ордера: аттико-ионийских баз,

капителей частей ионийского архитрава и фриза с богатой орнаментацией И. Р. Пичикян реконструирует фасад храма высотой 6,6 м, как небольшого амфипростиля (храма с четырьмя колоннами на узких фасадах) (*Пичикян И. Р.*, 1977, с. 169, рис. 2) (табл. ХС, *6*). Фрагменты архитектуры, открытые при раскопках башен Зенона, дают полное представление о полихромии греческой архитектуры. Части карнизов и антаблементов, выполненные из плотного белого известняка, оживлены тонко изваянным орнаментом (овы, жемчужник, лесбийский киматий и др.) чистого синего и красного цвета (табл. XCII, *5*).

Не меньше внимания уделялось созданию общественных зданий гражданского характера, часто с перистильными дворами (окруженными колоннадой), как и в средиземноморской эллинской архитектуре. В Ольвии открыто здание суда, расположенное при входе на агору, сооруженное в III в. до н. э. С юго-востока к агоре примыкал гимнасий, просуществовавший с перестройками с V в. до н. э. до II в. до н. э., вначале целиком предназначавшийся для гимнастических упражнений, а затем частично отведенный под помещения для мытья. В Ольвии раскопано здание с перистилем, в центре которого был алтарь с треножником. С трех сторон ко двору примыкали помещения. Одно из них выделялось особым оформлением пола, отвечающим требованиям оформления андрона в домах Олинфа (*Блаватский В. Д.*, 1961а, с. 93) — здесь вдоль стен известковый настил пола был окрашен в малиновый цвет, а в центре находилась мозаика, выложенная из цветных галек в виде пестрого ковра. Здесь был найден алтарь и культовые статуэтки Кибелы и Афины. Б. В. Фармаковский предположил, что здание было пританеем, предназначенным для приемов послов иностранных государств и общественных кормлений особо отличавшихся граждан полиса (*Фармаковский Б. В.*, 1913, с. 66—67, рис. 75, 76). Однако, по мнению А. Н. Карасева, Е. И. Леви и С. Д. Крыжицкого, это здание являлось жилым домом (АГСП, с. 220; *Крыжицкий С. Д.*, 1971).

Открыт целый ряд общественных зданий III—II вв. до н. э., Предположительно остатки гимнасия раскопаны на западной окраине Фанагории (*Кобылина М. М.*, 1956, с. 29—31, рис. 9, 10, 11). Здание было воздвигнуто в III в. до н. э., перестроено во II в. до н. э., и просуществовало до I—II вв. Сохранилась стена, сложенная из рустованных квадров III в. до н. э. над ними гладкие прямоугольные блоки более позднего времени. К лицевой стороне стены примыкали под прямым углом площадки из ровных плит, служившие опорой для колоннады (*Блаватский В. Д.*, 1941б, с. 19, рис. 6, 7); между второй и третьей площадкой сохранилась каменная дорожка, на которой стояла часть базы колонны. Здание было крыто черепицей, стены его расписаны, о чем свидетельствуют обломки штукатурки красного, белого и желтого цвета и красочного орнамента. Вблизи были найдены фрагменты мраморного декора — часть мраморного кессона с рельефной пальметтой и фрагмент мраморной капители пилястры с рельефными овами (*Пятышева Н. В.*, 1960, с. 111, рис. 3, *1*). Упоминание о существовании гимнасия в Ольвии имеется в декрете II в. н. э. (IPE I, 40). Общественное здание III—II вв. до н. э. открыто в Пантикапее на северном склоне горы Митридат — с двором площадью 80 м² и несколькими помещениями, примыкающими к нему с юга и запада. Двор был окаймлен дорической колоннадой.

Большой культовый комплекс III в. до н. э. был открыт вблизи совхоза «За Родину». Хорошая сохранность фундамента и частей стен, наличие баз, капителей, частей колонн, пилястр и пр. позволяли восстановить план комплекса и сделать его реконструкцию. Центральное здание представляло собой толос — круглый периптер дорийского ордера. Толос был окружен большим перистильным двором неправильной четырехугольной формы. Судя по сохранившимся фрагментам, круглые здания воздвигались и в других городах Северного Причерноморья. Так, например, в Ольвии был найден фрагмент дорийского антаблемента эллинистического времени с рельефными изображениями розетт и львиных голов на метопах, этот антаблемент, судя по курватуре, выходил внутрь толоса с диаметром его внутреннего пространства около 6 м (*Карасев А. Н.*, 1955а, с. 199). Возможно, подобного типа здание существовало в Горгиппии (*Савостина Е. А.*, 1980, с. 68 сл.).

Святилище IV—I вв. до н. э., посвященное герою — так называемый героон, было раскопано в 1938 г. на территории некрополя Фанагории к западу от города (*Блаватский В. Д.*, 1951в, с. 191 сл.). Обнаружены остатки продолговатой постройки, слой бута, вероятно, служивший подстилом, на котором местами лежала цемянка, смешанная с галькой, а на ней штукатурный пол белого цвета. Многочисленные обломки штукатурки белого, желтого, красного и темно-серого цвета, частично с орнаментом свидетельствуют, что стены с внутренней стороны были оштукатурены и расписаны. Аналогии этому героону В. Д. Блаватский находит в Малой Азии, а также в росписи первого Васюринского склепа с изображением стены без перекрытия (АДЖ, табл. XIII; XIV). При раскопках была найдена верхняя часть мраморной ножки с рельефным орнаментом, может быть, от жертвенного стола, клины или трона, сохранившая полихромную раскраску. В пределах ограды раскопана пустая могила, крытая черепицей — так называемый кенотаф — могила человека, погребенного за пределами родины (*Блаватский В. Д.*, 1951в, с. 194, 196, рис. 5, 6, *1*).

Храмы и общественные сооружения эллинистического периода, так же как и предшествующего времени, аналогичны средиземноморским. Но встречаются оригинальные решения деталей, созданные местными мастерами. В этом отношении интересен мраморный блок из Пантикапея с пластическим изображением крестообразного меандра и двух розетт в необычной живописной трактовке — меандр показан в ракурсе (табл. XCII, *1*) (*Блаватский В. Д.*, 1957*а*, с. 34). Полные аналогии ей можно найти только в росписях богатого жилого дома, раскопанного К. Е. Думбергом в Пантикапее в 1899 г. на северном склоне г. Митридат (АДЖ, табл. XXVII, *1*; XXXVIII; XXXIX). Там открыты две небольшие капители (высотой 0,24 м), завершавшие приставные колонки, покрытые штукатуркой и расписанные красной и синей красками (табл. XCII, *2*).

Детали, исполненные рельефно, сочетали элементы ионийской и коринфской капители: цветок каллы был изображен между наискось построенными волютами. Над завитками волют расположены пальметты (АДЖ, с. 116, 117, табл. XXXVI, *1*, *3*; XXXVIII; XXXIX).

Архитектура первых веков сохраняла античное обличие, но в этот период, особенно на Боспоре, и более всего в Пантикапее она приобретает новые черты. В области ордерного зодчества появились новые типы — портик с пятиколонным фасадом (Пантикапей) и псевдопериптер (Ольвия), наблюдается сильное воздействие форм и декора римской архитектуры, проникавших на Боспор из Восточных римских провинций.

В Пантикапее в 1948 г. найдена мраморная плита — блок дорийского архитрава (табл. XC, *7*) (*Блаватский В. Д.*, 1957а, рис. 30, *2*), на котором вырезана греческая надпись с посвящением и с датой — 320 г. (23 г. н. э.). Следы абака на нижней поверхности блока и размеры абака (длина 0,40 м) позволили установить размеры дорийской капители и рассчитать высоту колонн. Сопоставляя постройки, близкие по времени, с изображением фасада храма на надгробной плите из Пантикапея (табл. XCII, *3*) и изображением пантикапейского храма Капитолия на боспорских монетах Котиса I (табл. XCIII, *1*) (*Блаватский В. Д.*, 1947а, с. 83, рис. 48; 1964в, рис. 47), В. Д. Блаватский пришел к заключению о наличии нового типа храма в Пантикапее, неизвестного в это время в Средиземноморье: с пятиколонным фасадом на высоком ступенчатом основании. Данные строительной техники (расчет проф. П. В. Щусева работы мраморной балки на прогиб) подтвердили возможность этой реконструкции (*Блаватский В. Д.*, 1957а, с. 70).

В 1906 г. в Ольвии Б. В. Фармаковский раскопал развалины монументального сооружения, от которого сохранились мощные (толщиной 2,24 м) слоевые субструкции, части кладки из колоссальных плит известняка. Здание судя по посвятительной надписи могло быть храмом Аполлона Простата. Здесь найдена была плита из кладки стены с выступающей полуколонной диаметром 0,55 м (ОАК за 1906 г., с. 11—13, рис. 9), свидетельствующая о том, что стена имела приставные полуколонны и могла принадлежать сооружению типа псевдопериптера. Судя по находкам здание может датироваться II—III вв. н. э.

Воздействие римской архитектуры сказалось в распространении арок, сводчатых перекрытий, коринфского ордера, в пышной орнаментации антаблементов. украшенных глубоко прорезанным орнаментом (табл. XCIII, *3*, *5*). Проникновение в архитектуру Северного Причерноморья декоративных приемов римской архитектуры, в том числе приставных колонн арочек на колоннах, отражено и в декоре деревянных саркофагов I—II вв., и на рельефных надгробных плитках. На боспорской монете I в. н. э. изображены ворота в крепостной стене, оформленные в виде арки, опирающейся на колонны, на вершине арки на сложном двуступенчатом завершении воздвигнута конная статуя боспорского царя (табл. XCIII, *2*). В храмах и других общественных зданиях широко применяются облицовки мраморными плитками и мраморные детали. Мраморная кассета с изображением горгоны найдена в Горгиппии (табл. XCIII, *4*). Нередки находки мраморных соленов: из Пантикапея происходит мраморный калиптер, завершающийся антефиксом в виде трагической маски (табл. XCIII, *7*).

Сводчатые конструкции, мраморные облицовки, мозаичные полы особенно характерны для терм. В первые века нашей эры термы сооружались во многих городах Северного Причерноморья — в Ольвии, Херсонесе, Хараксе, Пантикапее, Фанагории, Кепах. О постройке бани со штучным полом в Ольвии узнаем из посвятительной лапидарной надписи II в. н. э. (IPE, I, 174). Грандиозные, но сильно разрушенные термы с арочными и сводчатыми перекрытиями открыты в Херсонесе в 1936 г. (*Белов Г. Д.*, 1938а, с. 250—254). К. К. Костюшко-Валюжинич раскопал в 1903 г. в Херсонесе среди построек римского времени кальдарий бань (ОАК за 1903 г., с. 28, табл. III). В 1906 г. были открыты термы того же времени в цитадели около XIX башни, возможно, обслуживавшие римских легионеров (ОАК за 1906 г., с. 63; *Гриневич К. Э.* 1928, с. 43). Исследовались термы и в Хараксе. В Пантикапее термы были открыты на восточном склоне горы Митридат А. Е. Думбергом в 1898 г. Они относятся к позднеримскому времени (АДЖ, с. 114, рис. 23). Расположены они иначе, чем в Хараксе — более компактно (табл. XCIV, *2*); топочное помещение, в котором сохранился очаг и глубокая яма для свалки золы, рядом с ним кальдарий — большая комната с полукруглой нишей с бетонным полом, и водосточным желобом. К ним примыкают с юго-востока тепидарий с лежанкой и полукруглым бассейном, соединенным с наружным бассейном и фигидарий. В Фанагории остатки терм обнаружены в 1954 г. на северном краю городища. В обрыве были зафиксированы следы разрушенных кладок в виде мощного слоя кусков цемента, известковой крошки и большого количества обломков мраморной облицовки, упавшей со стен; в толще обрыва уцелела часть пола помещения, мощеного кирпичами. В Кепах в 1972 г. открыты небольшие термы, состоящие из трех помещений: большое 6,45×4,30 м и два маленьких (А) размером около 5 м² и (Б) — 3,5 м². Частично сохранились стены высотою до 0,84 м, облицованные мраморными плитами и цементированный пол. В небольших помещениях обнаружены цементированные скамьи с подогревом, примыкающие к стенам; с северной стороны сохранилась часть каменного водопровода с керамическими трубами, внутри которых находились свинцовые.

В период расцвета на Боспоре были созданы монументальные памятники погребальной архитектуры — подкурганные склепы, сооруженные из местного известняка. Самыми ранними из них являются склепы с уступчатыми перекрытиями (АДЖ, с. 98; 1925, с. 190, 191). Наиболее грандиозны склепы Золотого и Царского курганов вблизи Керчи. Склеп в Золотом кургане, имел круглую в плане камеру диаметром около 6,4 м и дромос шириною около 2,5 м. Ульеобразный уступчатый купол камеры начинается от самого пола. Перекрытие дромоса не сохранилось. Склеп Царского кургана хорошо сохранился. Дромос ведет в камеру почти квадратную

в плане (4,24×4,4 м), перекрытую уступчатым коническим куполом. Гладкие стены камеры на высоте четырех рядов кладки переходят в уступчатые, в углах камеры, на этой высоте начинаются уступчатые пандативы, на десятом ряду уступы стен и пандативов образуют полный круг, который является и первым кольцом купола. Купол имеет 12 концентрических уступов и перекрыт гладкой плитой (табл. XCV, 1—4). Дромос имеет вид узкого коридора длиной 36 м, шириной 2,8 м. Передняя открытая часть дромоса ограничена подпорными стенами, которые сохранились только частично. Строители склепа соорудили для него искусственное основание — субструкцию из глины с примесью кусков известняка, которая со временем приобрела твердость камня (*Шалькевич А. А.*, 1976, с. 139). Все квадры кладок склепа уложены насухо без применения раствора. Склепы с уступчатыми перекрытиями сооружались в IV—II вв. до н. э. Уступчатый склеп II в. до н. э. был открыт на г. Митридат в 1960 г. (*Блаватский В. Д.*, 1960, с. 185 сл., рис. 17). Склеп двухкамерный, камеры разделены общей стеной; перекрытие каждой камеры имеет два уступа (табл. XCV, *10—12*). С конца IV в. до н. э. все более распространяются склепы, камеры которых перекрыты полуциркульными сводами, их стены и перекрытия оштукатурены и расписаны. Этот тип склепа сохраняется и в первые века нашей эры. Таковы, например, Васюринский склеп III в. до н. э., склеп Еврисивия и Ареты II в. н. э. в Ольвии (табл. XCV, *7—9*; XCVI, *5*, *6*; АДЖ, с. 32 сл., рис. 7—9, с. 200—206, рис. 35, 36; *Фармаковский Б. В.*, 1902в, с. 1—20, табл. 1—4). В Пантикапее хорошо сохранился подкурганный каменный склеп I в. н. э. с коробовым сводом и большим монолитным каменным саркофагом, заполнявшим значительную часть пространства погребальной камеры. Саркофаг был накрыт крышкой, округлые очертания которой соответствовали курватуре свода (табл. XCVII, *1—4*) (*Блаватский В. Д.*, 1962а, с. 78 сл.). Наряду со склепами, выложенными из камня, в первые века нашей эры склепы часто вырубаются в скале или в твердом грунте. Такие склепы были открыты в Пантикапее, в Илурате (табл. XCVII, *12—14*), Китее (табл. XCVII, *9—11*), Нимфее (табл. XCVII, 5—8) и других городах. Иногда их выкапывали просто в земле, такие склепы, обычно сохранялись хуже. В Нимфее в 1973, 1974 гг. Н. Л. Грач открыто множество склепов, состоявших из камеры с прямоугольным или арочным входом и дромоса с лестницей. Среди 22 склепов был раскопан один большой частично заглубленный в скалу. Его верхняя часть сложена из блоков камня, оштукатурена и расписана, некогда он имел сводчатое перекрытие; в другом склепе на стене, противоположной входу вырезан рельеф — голова бородатого мужчины.

Глава одиннадцатая
Культура и религия

Источником для суждения о культуре античных государств Северного Причерноморья являются, прежде всего, разнообразные археологические находки, остатки общественных зданий и жилых домов, погребальной архитектуры и т. д. Важным источником является скульптура и декоративное искусство — монументальная живопись, вазопись, торевтика, резьба по дереву и кости. Огромный материал содержат лапидарные надписи: посвящения божествам, в которых говорится о том, что именно посвящается и кем, восхваляются полководцы и общественные деятели, перечисляются почести и награды, упоминаются ученые, поэты, скульпторы и живописцы. На надгробных плитах вырезаны имена умерших, иногда указаны их положение в обществе, занимаемая должность и помещена эпиграмма, представляющая собою поэтическое произведение — прощание с умершим.

Важную роль среди исследований о культуре Северного Причерноморья занимают работы В. В. Латышева. Книга В. В. Латышева, посвященная исследованию государственного строя Ольвии (*Латышев В. В.*, 1887) содержит специальную главу «Ольвийские писатели» и описания облика ольвиополитов, общего вида города и его сооружений после гетского разгрома. Б. В. Фармаковский посвятил ряд исследований вопросам античного искусства Средиземноморья и Северного Причерноморья. Особенно важны его работы об архаическом ионийском искусстве и о фигурных вазах из Фанагории. Он первым поднял вопрос о существовании местных произведений торевтики в Ольвии и Пантикапее. Им положено начало изучению боспорского статуарного портрета и раскрыты его аттические истоки (*Фармаковский Б. В.*, 1927). Б. В. Фармаковский показал связь изображений на вотивной бронзовой руке с культом Сабазия (*Фармаковский Б. В.*, 1902а). Все работы М. И. Ростовцева, посвященные Северному Причерноморью, так или иначе связаны с проблемами особенностей его культуры. В своей книге «Античная декоративная живопись на юге России» (АДЖ) он рассматривает вопрос развития декоративной живописи Боспора в связи с эволюцией архитектуры склепов, устанавливает сходство и отличия от греческих малоазиатских, этрусских и италийских, македонских и александрийских росписей, показывает значение изображения как источника для суждения о культах. Темы росписей первых веков нашей эры связываются им с иранизированными религиозными представлениями и формами, выработанными в Малой Азии. Он указывает на важную роль фракийских элементов не только на Боспоре, но и в Ольвии и сравнивает рельефы святилища в Ай-Тодоре с фракийскими (*Ростовцев М. И.*, 1911). Анализируя памятники Скифии и Боспора, М. М. Ростовцев раскрывает синкретизм греческих богов с богами ирано-малоазийского пантеона, развивающийся, начиная со II в. до н. э. (*Ростовцев М. М.*, 1913). Проблемы особенностей культуры Северного Причерноморья занимают одно из главных мест в исследованиях В. Д. Блаватского, который впервые дал общую картину истории античного искусства северного Причерноморья (*Блаватский В. Д.*, 1947а). В монографии «Пантикапей» (*Блаватский В. Д.*, 1964в) В. Д. Блаватский показывает развитие культуры столицы Боспора. Им впервые поставлена проблема древнейших (киммерийских) истоков в пантеоне Северного Понта (в культе Ахилла Понтарха) и показан процесс взаимодействия греческой культуры и культуры варварского мира (*Блаватский В. Д.*, 1950а; 1964а, б). В. Д. Блаватский отмечает в культуре Боспора уже в IV в. до н. э. целый ряд явлений, характерных позднее для эллинистической средиземноморской культуры. На основании изучения письменных источников и толкования свидетельства, сохранившегося в схолиях к «Аргонавтике» о Дионисии Ольвианском, В. Д. Блаватский определяет его как географа, современника Деметрия из Каллатии, жившего в III — первый половине II в. до н. э. (*Блаватский В. Д.*, 1978). Очень много сделано для изучения культуры античного Северного Причерноморья Г. Д. Беловым, Н. Ф. Гайдукевичем, К. С. Горбуновой, Н. Л. Грач, А. П. Ивановой, А. Н. Карасевым, П. О. Карышковским, Т. Н. Книпович, М. М. Кобылиной, А. К. Коровиной, И. Т. Кругликовой, Н. М. Лосевой, М. И. Максимовой, А. П. Манцевич, Ю. Ю. Марти, И. Д. Марченко, М. А. Наливкиной, Н. А. Онайко, Е. О. Прушевским, Н. В. Пятышевой, Н. А. Сидоровой, Н. И. Сокольским, Э. И. Соломоник, С. Ф. Стржелецким, А. П. Чубовой, А. Н. Щегловым, Д. Б. Шеловым, И. Г. Шургая.

Культура государств Северного Причерноморья имеет своеобразные черты, находящие свои объяснения в особенностях исторического развития этого периферийного района античного мира, где собственно античная культура развивалась в тесном взаимодействии с культурой местных народов. В древнейший период — VII—VI вв. до н. э. в города Северного Причерноморья были перенесены вместе с формами политической и общественной жизни все достижения культуры метрополии, в том числе образ прекрасного и доблестного защитника государства, идеального гражданина общины, воплощенный в статуе обнаженного неподвижно стоящего юноши, физически развитого, так называемого куроса. Такие статуи юношей-победителей в состязаниях ставились на их могилах и воздвигались на площадях. В таком же идеально прекрасном облике изображался и бог Аполлон. Население городов сохраняло мифологическое миропонимание. Явления природы представлялись как действия божественных сил,

которые олицетворялись в образах богов, в виде прекрасных людей и страшных чудовищ. Мифы о богах и героях, уходящие своими корнями в глубокую древность, продолжали жить среди греческого населения городов и в течение многих столетий являлись главной темой изобразительного искусства.

Расцвет античной культуры государств Северного Причерноморья совпадает со временем их экономического расцвета. В Ольвии он падает на время V—IV вв. до н. э., в Херсонесе — IV—III вв. до н. э., на Боспоре — IV—II вв. до н. э., и I—II вв. н. э. В Херсонес переселенцы-доряне принесли традиции дорийской культуры, в частности культ дорийского героя Геракла. В Пантикапее в IV в. до н. э. возникла художественная культура, весьма близкая по проблематике к античной культуре эллинистических государств III—II вв. до н. э. Боспорская знать включала представителей местных племен, и Боспорское государство постепенно становится все более греко-варварским, при сохранении античных традиций в ордерной архитектуре в крупных боспорских городах создаются новые типы архитектуры (роскошные каменные склепы, термы), в изобразительном искусстве — стенные росписи с изображением кочевников и бытовых сцен; в скульптуре наблюдается расцвет искусства реалистического портрета и декоративного искусства, красочного, бьющего на эффект (полихромный стиль в торевтике). Влияние римской культуры раньше и сильнее сказалось на культуре Херсонеса. Распад античной культуры с особой яркостью виден в изобразительном искусстве III—IV вв. В этом отношении культура Северного Причерноморья близка варваризованной культуре периферии всей западной части Римской империи.

Общественная жизнь в странах Северного Причерноморья проходила столь же интенсивно, как и в греческих городах Средиземноморья, особенно в ранний период (*Блаватский В. Д.*, 1961а, с. 124 и сл.); народные собрания, религиозные праздники и процессии в честь божества, почитаемого в городе, сопровождавшиеся состязаниями, например, в Ольвии конными состязаниями в честь Ахила в начале I в. н. э. (IPE, I, 2, 3, 4), в Горгиппии состязаниями в беге на длинную дистанцию в III в. до н. э. в честь Гермеса (IPE, IV, 432). О развитии физической культуры в городах Северного Причерноморья свидетельствуют дошедшие до нас специальные спортивные сооружения (например, в Ольвии и Фанагории), многочисленные надписи из Херсонеса, Ольвии и Горгиппии, а также находки стригилей и сосудиков для оливкового масла. Кроме атлетических и военных состязаний (в стрельбе из лука), надписями засвидетельствованы в Херсонесе состязания глашатаев, трубачей и поэтов — составителей эпиграмм (*Латышев В. В.*, 1905, с. 11, № 24).

Большое количество надписей, высеченных в камне, иногда вырезанных на свинцовых пластинках, а также граффити и дипинти являются показателями распространения грамотности. Стихотворные эпитафии на надгробных плитах свидетельствуют о знакомстве с лирической и эпической поэзией (*Блаватский В. Д.*, 1961а, с. 128; *Виноградов Ю. Г.*, 1969). В Пантикапее найдена чернолаковая солонка IV в. до н. э. с надписью, указывающей, по-видимому, на победу, одержанную при исполнении эпических поэм (*Блаватский В. Д.*, 1964в; с. 93). Ксенофонт в «Анабазисе» сообщает (VII, 5, 121) об отправке книг к северным берегам Понта Евксинского.

Скульптура. В период VII — начала V в. до н. э. в Северное Причерноморье скульптура поступает в основном из городов Ионии. Произведения скульптуры этого времени, найденные в Северном Причерноморье, фрагментарны. В Ольвии найдена часть небольшого (0,16—0,17м) торса куроса из известняка (*Фармаковский Б В.*, 1926в) с характерными для архаической ионийской скульптуры мягкими текучими формами тела. Там же в гимнасии открыто погрудное изображение куроса конца VI — начала V до н. э. высотой 0,55 м, грубой работы из крупнозернистого и пористого известняка. В Херсонесском музее хранится большая мраморная лапа архаической статуи льва из Ольвии. В Кепах найдена голова небольшой статуи куроса с лицом ионийского типа — покатым лбом, косо поставленными глазами, улыбающимся ртом (табл. XCVIII, *2*) (*Сокольский Н. И.*, 1926в).

Представление о стиле архаических статуй дают хорошо сохранившиеся архаические терракотовые статуэтки, например, статуэтки богини, неподвижно сидящей на троне, с массивными мягко моделированными формами тела и застывшей архаической улыбкой (табл. CXVII *1—4*). Тип архаической Коры, созданный в ионийской школе и распространившийся по всему Средиземноморью, передает статуэтка коринфской работы, найденная в Пантикапее (табл. CXVII, *6*). Кора неподвижно стоит, придерживая рукой длинный тонкий хитон, гиматий (покрывало) спадает узорчатыми складками в схеме так называемого «ласточкина хвоста». Произведением ионийской школы первой половины V в. до н. э. (около 470 г.) является мраморная плита, фрагмент которой найден в окрестностях Ольвии с рельефным изображением на одной стороне стройного обнаженного юноши, опирающегося на копье, на другой — воина с колчаном, возможно, скифа (табл. XCIX). Греческая надпись на боковых сторонах плиты говорит о том, что плита была посвящена Афине, подательнице добычи и была поставлена вдали от города (Ольвии) в скифской земле. Удлиненные пропорции тела, расплывчатый контур и мягкая поверхность тела и лица, легкая улыбка на губах указывают на ионийскую школу (*Фармаковский Б. В.*, 1915а).

С конца VI в. до н. э. начинается импорт скульптуры из Аттики. Со второй половины V в. и в IV в. до н. э. он доминирует. Местные скульпторы находятся под влиянием аттических. О связях с Афинами свидетельствуют надписи известных аттических скульпторов IV в. до н. э. на базах статуй: Праксителя (IPE, I², 271) и Стратонида (НО, № 66) из Ольвии; сигнатура Поликрата на алтаре с посвящением Афине в Херсонесе (IPE, I², 406). В Пантикапее найдена верхняя часть мраморной надгробной плиты, на которой сохранилась в рельефном исполнении верхняя часть фигуры юноши-атлета с развитой мускулатурой тела, с грустно поникшей головой — произведение аттической школы первой половины V в. до н. э. (табл. XCVIII, *4*). В Ольвии раскопан мраморный круглый алтарь с изображе-

нием шествия медленно идущих женщин в длинных одеждах, с легким поворотом тела и рук и с соответственными движениями складок одежды, свойственными высокому искусству аттической классики второй половины V в. до н. э. (табл. С, *3*). В Северном Причерноморье найдены копии знаменитой статуи Фидия — Афина Парфенос, колоссальной хрисоэлефантинной статуи, стоявшей в Парфеноне. Лучшей копией головы этой статуи является изображение на медальоне золотых височных подвесок IV в. до н. э. из кургана Куль-Оба (табл. CI, *6*). Известна ее копия IV—III вв. до н. э. — маленькая мраморная статуя найденная в Ольвии. Она повторяет некоторые черты оригинала — прямо стоящую фигуру, опирающуюся на правую ногу, отставив левую, в аттическом пеплосе с напуском; на груди эгида с головой горгоны (табл. CII, *1*). Другие детали не переданы (*Фармаковский Б. В.*, 1905). Мраморная статуя Диониса IV в. до н. э. из Пантикапея носит черты стиля Праксителя (табл. CII, *3*).

С IV в. до н. э. заметны связи Северного Причерноморья с Малой Азией, а затем и с Александрией. В Ольвии найдена мраморная голова бородатого бога (табл. CII, *5*), принадлежавшая к лучшим оригиналам IV в. до н. э. работы Скопаса или близкого ему современного художника (*Вальдгауэр О. Ф.*, 1907, с. 76). Из Александрии происходят найденные в Ольвии: головы Гигиэи, Асклепия и Эрота (*Фармаковский Б. В.*, 1906а, с. 191 сл.), из Пантикапея — голова Гигиэи (табл. CII, *6*), отличающаяся тонкостью светотени (*Блаватский В. Д.*, 1961а, с. 144). Вероятно, с Родоса привезена небольшая мраморная статуя Афродиты в виде полуобнаженной женщины, стоящей, опираясь левой ногой на скалу — оригинал II в. до н. э., открытая в Кепах в святилище Афродиты. Классическим образом греческой богини V в. до н. э. является мраморная голова I в. до н. э. пергамской школы найденная в Пантикапее (табл. CII, *7*) (*Блаватский В. Д.*, 1964, с. 179). Ярким примером воздействия местной среды на изобразительное искусство уже в V в. до н. э. является мраморный грифон (может быть, сфинкс) из Ольвии (табл. XCVIII, *1*). Возможно, это одна из скульптур, украшавших дворец Скила в Ольвии; Геродот (IV, 79) сообщает, что вокруг его дома стояли сфинксы и грифы из белого мрамора.

Расцвет местного искусства приходится на время с IV в. до н. э. по II в. н. э. Традиции греческого и эллинистического искусства в Ольвии и Херсонесе сохранились в бóльшей чистоте, чем на Боспоре, в скульптуре которого со времени включения в Боспорское государство соседних племен, местное своеобразие с течением времени сказывается все ярче. В греческих традициях исполнена открытая в Херсонесе миниатюрная терракотовая мужская голова (III в. до н. э.) с выразительными формами лица послескопасовской скульптуры (табл. CII, *4*) и торс терракотовой статуи, вероятно, Геракла (III в. до н. э.), выполненной в традициях классической скульптуры (*Кобылина М. М.*, 1966а, с. 94). К IV в. до н. э. относится голова синда из Фанагории (табл. CII, *2*). Судя по повязке, это портрет царя или, может быть, наместника Фанагории, он выполнен со свойственными греческой пластике IV в. до н. э. приемами тонкой и контрастной светотени. Скульптор обобщенно передал мужественное лицо пожилого человека с негреческими чертами, курчавые волосы имеют орнаментальную трактовку, на голове местный мягкий островерхий убор.

Во II—I вв. до н. э. на Боспоре создаются выразительные образы местных жителей с передачей этнических черт лица и особенностей одежды и вооружения. Сохраняются при этом и греческие традиции, но с большими нарушениями и варваризацией, особенно, в изображениях на надгробиях. В этом отношении интересна статуя синда, вероятно, надгробная, найденная в окрестностях Фанагории (табл. CIII, *1*). Фигура неподвижна, фронтальна, пропорции тела неправильны, складки одежды переданы врезанными линиями, особенно подчеркнуты негреческие черты широкого круглого лица и местный головной убор, в руках меч и лук со стрелами.

В скульптуре первых веков нашей эры наблюдается дальнейшее развитие тенденций, которые наметились во II—I вв. до н. э. Появляются изображения местных жителей — таков образ, вооруженного всадника, в одежде кочевника (*Блаватский В. Д.*, 1961а, с. 162). Особенно интересны рельефные надгробные плиты Боспора и Херсонеса (табл. CIV, *2—6*; CV) (*Коровина А. К.*, 1968а; *Иванова А. П.*, 1961, с. 127 сл.). Процесс варваризации античных типов скульптуры идет нарастая. К варваризованному типу античных образов в скульптуре III в. н. э. относятся рельефные изображения богини Афины, сатира и силена, на стене одного из нимфейских склепов (табл. XCVII, *6—8*). У Афины лицо местной жительницы, ее фигура слишком мала по сравнению с головой, все пропорции нарушены: крошечная рука, миниатюрный щит, огромная голова горгоны и др. Также искажены античные образы силена и пана. Встречаются очень грубые изображения человека, например, на некоторых надгробиях из Анапы (*Сокольский Н. И.*, 1976б, рис. 13, 14). Такова же статуя, найденная в Танаисе: с огромной головой, без шеи, с уродливым телом (табл. CIII, *5*) (*Шелов Д. Б.*, 1976, с. 99). Одновременно с этими варваризованными изображениями продолжают существовать скульптуры, в которых еще сохраняются античные традиции, такова, например, мраморная статуя льва (I в. н. э.), найденная в Керчи около насыпи кургана (табл. CIII, *2*). В Эллинистических традициях, хотя и грубо, выполнена мраморная статуя — фонтан в виде фигуры мальчика с мехом, из Ольвии. Судя по лапидарной надписи, найденной около этой статуи, она была посвящением коллегии стратегов богу Аполлону в начале III в. н. э. Не менее интересна рельефная плита из Танаиса середина II в. н. э. (табл. CIII, *7*) — посвященная Трифоном. Трифон изображен в одежде сармата, в чешуйчатом панцире, с копьем наперевес на скачущем коне. Правдивость изображения местами нарушена, но в передаче стремительного движения, в пластике лица Трифона сохраняются античные черты. Большой раздел скульптуры первых веков нашей эры составляют портретные бюсты и статуи. В исполнении небольшого бронзового портрета царицы Динамии (табл. CVI, *4*) видна обобщенная трактовка форм лица, свойственная стилю римского портрета времени Августа по римской моде этого времени передана прическа. При этом талантливый мастер передал ин-

дивидуальные черты лица боспорской царицы, ее величественный вид. Мраморный бюст I в. н. э. из Пантикапея является портретом боспорского царя (табл. CVI, *1*). Вероятно, это фрагмент статуи, может быть, Котиса, либо Савромата I. Лицо с обобщенными мягкими чертами обрамлено длинными спадающими на плечи волнистыми волосами, круглые отверстия, вероятно, служили для укрепления каких-то металлических украшений, может быть, позолоченных бронзовых локонов. Головной убор украшен диадемой (*Ростовцев М. И.*, 1913, табл. III, рис. *1*, *2*). В первые века нашей эры искусство портрета в Боспорском государстве развивается в сторону все более яркой индивидуальной характеристики лица с явным использованием достижений римского портрета и его приемов, но в статуарном портрете Боспора сохраняется традиционный эллинистический тип фигуры, стоящей заложив правую руку за складки гиматия на груди. К концу I в. н. э. относятся портретная статуя знатного боспорца, найденная в Керчи вместе с женской статуей. С острой наблюдательностью автор сумел передать немного отяжеленную фигуру, полную достоинства позу и округлое молодое лицо местного жителя с пышной курчавой шевелюрой (табл. CVI, *2*). Около его ног — корзина со свитками. Она указывает на ученого или поэта, может быть, государственного деятеля. Более поздней является портретная статуя Неокла из Горгиппии (конец II в. н. э.) (табл. CVI, *3*). Скульптор передал выразительное лицо пожилого боспорца и худое его тело, проступающее под тяжелыми складками плаща; в передаче вырезанных зрачков глаз, полуопущенных век и пышных волос использованы приемы римского портрета времени Антонинов и ранних Северов (*Кобылина М. М.*, 1951д, с. 173 сл.). Однако совершенно плоская как доска фигура и местами графичная передача прорезанных складок свидетельствует об отказе от традиций античного искусства. На шее этого боспорца негреческое украшение — большая гривна. Вместе со статуей были найдены обломки мраморной плиты с надписью, в которой говорится, что статую бывшего правителя Горгиппии поставил его сын Геродор, правитель Горгиппии в год 483(186) гг. (*Ельницкий Л. А.*, 1949). К группе портретов правителей и знатных лиц относятся и два мужских портрета II в. из Керчи. Один из них (табл. CVI, *6*) — начала II в. (*Лосева Н. М.*, 1966, с. 24), другой — конца II в. весьма близкий по стилю статуе Неокла (табл. CVI, *5*) (*Лесницкая М. М.*, 1966, с. 230). Портреты правителей рассматриваемого периода имеются и на монетах. Выразительно подчеркнуты в этих миниатюрах индивидуальные черты лица, например, на сестерции Савромата I (табл. CVI, *7*) и на двойном денарии Савромата II (табл. CVI, *8*, *9*). Портреты на монетах повторяют стиль монументальных портретных изображений.

Живопись. Полихромия и живопись получили блестящее развитие в Северном Причерноморье. Раскопки башни Зенона в Херсонесе открыли и полихромный орнамент архитектурных деталей и образцы живописи IV—III вв. до н. э. Судя по росписям склепов и домов более всего была развита живопись декоративная. Живопись IV—II вв. до н. э. полностью аналогична греческой. С I в. до н. э. в росписи склепов появились новые оригинальные образцы и новые приемы. Особое внимание уделяется росписям люнетов, где наряду с мифологическими сюжетами написаны сцены из реальной жизни, которые особенно характерны для первых веков нашей эры: изображения вооруженных воинов, чаще всего всадников, сцен сражений, деталей бытовой обстановки. Начиная с конца I в. до н. э., появляются приемы достижения выразительности лица и стремительности движения путем усиления значения контура и сгущения красок при передаче глаз, волос и складок одежды. Вместе с тем наблюдаются нарушения точности в передаче строения тела и соответствия его движения с движениями одежды.

Самые ранние росписи в склепах исполнены акварельными красками прямо по камню, но потом быстро развивается живопись по штукатурке — фреска. Самые поздние росписи снова наносились прямо на камень. В станковой живописи пользовались энкаустикой. Изображение мастерской живописца сохранилось в росписи на внутренних стенках каменного саркофага из Пантикапея — живописец держит в руке металлический стержень-каутерион, над огнем стоящей рядом жаровни, перед ним на колене развернут трехстворчатый ящик с красками, рядом мольберт на треножнике, на стене висят готовые портреты в круглой и квадратной рамах (табл. CVII, *4*) (АДЖ, табл. XCII, *1*). Живопись использовалась во многих надгробных памятниках, но она вполне естественно, плохо сохранилась. Так, на антропоморфных надгробиях сохранились только следы раскраски (*Колесникова Л. Г.*, 1973, с. 37—48). До находок в башне Зенона была известна одна надгробная плита с изображением, исполненным живописью — надгробие Апфы, жены Афинея, середины IV в. до н. э. Живопись эта теперь утрачена, сохранилась копия художника Гросса (ОАК, 1882—1888, с. 19, № 24). Апфа представлена в длинной темной одежде, держащей у груди ребенка, грустно на него смотрящей (табл. CVIII, *1*). Роспись нанесена прямо по камню, ракурсы и объемы переданы только рисунком, краски наложены локальными тонами. Тень передавалась, очевидно, сгущением краски. Живописец писал еще в манере V в. до н. э. В башне Зенона была открыта часть плиты с хорошо сохранившимся изображением головы юноши и кисти левой руки, держащей копье (табл. CVIII, *6*). Живописец писал восковыми красками, лицо юноши показано в живом движении, мягкими полутонами (*Стржелецкий С. Ф.*, 1969а, с. 14).

Находки расписной штукатурки в культурных напластованиях времени эллинизма позволяют представить росписи жилых домов. Они воспроизводили облицовку стены плитами цветного мрамора, завершающуюся карнизом и деревянную обшивку цоколя. Стену членили горизонтальные полосы растительного орнамента, иногда меандр и карниз лепились из гипса (табл. CVIII, *2*, *3*). Росписи боспорских склепов показывают картину развития декоративной живописи от IV в. до н. э. по III в. н. э. К самым ранним росписям склепов относится голова Коры, написанная на замковой плите, покрывавшей уступчатый пирамидальный свод погребальной камеры склепа 2 Большой Близницы IV в. до н. э. (табл. CVIII, *4*). Она исполнена прямо по камню аква-

рельными красками: голубой, бурой, розовой, желтой и зеленой (АДЖ, табл. VII, *2*; VIII). Голова Коры занимает всю поверхность плиты. Кора представлена как хтоническое божество: на голове ее венок, в правой руке — букет цветов; левой рукой она придерживает край спускающегося с головы покрывала. Округлое широкое лицо богини, прямо поставленные, широко открытые глаза напоминают местный этнический тип, столь часто повторяющийся позднее в массовой боспорской скульптуре. Оригинальна и симметрия поднятых рук и неподвижность лица, возможно, продиктованные центральным положением росписи. Роспись склепа на Васюриной горе (III в. до н. э.) представляет собой перенесение в стенную живопись архитектурных деталей и внешнего вида ограды малоазийского героона, завершающейся водостоками и акротериями и оживленной свободно сидящими на ней птичками; в центре свода, перекрывающего камеру, написан голубой ковер с темно-красной каймой и с кистями по углам (АДЖ, табл. XIII—XV). В росписи пантикапейского склепа 1908 г. конца IV — начала III в. до н. э. отражена конструкция стены (АДЖ, табл. XXVI, *5*). Внизу полоса беловатого цвета передает цоколь, выше полосы красного и желтого цвета, разделенные узкой беловатой полоской, передают глинобитную или сырцовую часть стены, разделенную балкой деревянного каркаса. Венчающий стену фриз представляет собою изображение деревянной балки, к которой гвоздиками прибиты предметы спортивного инвентаря — ветки, тэнии, сосудики для масла (табл. CVIII, *2*).

Творческая самостоятельность и своеобразие боспорских живописцев ярко выступают в стилистических особенностях и в тематике росписи склепов первых веков нашей эры. Сюжетные картины чаще всего являются отражением реальной жизни. Появление такой картины мы видим в росписи склепов Анфестерия I в. до н. э. (табл. CIX, *1*) (АДЖ, табл. LI). Основная гладь стены расчленена очертаниями как бы облицовывающих стену квадров, в люнете же на задней стене дана обстановка жизни умершего знатного боспорца. Изображена войлочная большая палатка, сидящая около нее женщина и дети. К палатке скачут вооруженные всадники. Слева — дерево с висящим колчаном, в дерево упирается длинное копье. Фигуры размещены свободно, но связаны сюжетно в единое целое. Силуэт и линия контура являются главным средством выражения. Начиная с I в. н. э. особую популярность получил на Боспоре цветочный стиль, он удовлетворял развивающемуся вкусу к орнаментальности и декоративному эффекту. Стены, своды и люнеты расписывались лепестками цветов и листиками, разбросанными по фону, между ними вкомпонованы более сложные растительные мотивы и сюжетные изображения. Если в росписи склепа Анфестерия отражена местная реальная жизнь, то в росписях близкого по времени склепа Деметры, воспроизведено греческое сказание о похищении Плутоном, богом подземного мира, юной дочери богини Деметры, Коры (АДЖ, табл. LVI—LIX). В центре плафона, внутри венка — голова Деметры, написанная на глубоком синем фоне (табл. CIX, *3*). Лицо с огромными глазами и скорбным ртом полно глубокой печали и, кажется, что она смотрит на вошедшего в склеп, где бы он ни стоял. Талантливый мастер достиг потрясающей выразительности этого лица, хотя оно выполнено локальными красками, а объемность немногих деталей передана сгущением краски. По сторонам центрального круга вкомпонованы птички, гирлянды, плоды в строгом соответствии движения и форм. В западном люнете входа изображено похищение Коры Плутоном (табл. CIX, *2*). Бог на колеснице, над нею парит миниатюрная фигурка юноши, держащего поводья и замахивающегося кнутом. Плутон в синем плаще стоит, придерживая Кору. Глаза его неестественно огромны. Фон заполнен розовыми лепестками и листиками. В люнете над входом написана гирлянда из листьев, ветвей и плодов; по сторонам входа в простенках — Гермес Психопомп в виде бегущего юноши с кадуцеем в руке и сопровождающая его нимфа Каллипсо. Роспись в целом отличается гармоническим единством всех частей (табл. XCVI, *1—4*).

Декор Стасовского склепа первой половины II в. н. э. представляет собою сочетание легкого цветочного и тяжеловесного блестящего инкрустационного стилей (АДЖ, с. 305—308, табл. LXXVIII—LXXIX). На фоне растительных мотивов в люнетах и нишах склепа изображены сцены боя боспорцев с сарматами, птицы и звери. Живописцу удалось передать стремительность движения сражающихся и драматизм боя, хотя он пользуется весьма упрощенными средствами: силуэт и контур являются главными средствами выражения, ракурсы совершенно отсутствуют, действующие лица изображены или в фас или в профиль, поворот передан соединением фаса верхней части фигуры с профилем нижней. Эти особенности сочетаются с точной передачей деталей одежды и вооружения (табл. CVII, *3*). В росписи стены главной ниши показан ряд пеших воинов под предводительством знаменосца (табл. CVII, *2*). Два воина в шлемах и панцирях — тяжеловооруженные, три — легковооруженные, одетые в кафтаны с длинными рукавами, подпоясанные по талии, штаны и белые мягкие башмаки. Воины держат щиты и по два копья. Крайний справа держит штандарт. Их ноги изображены в профиль в движении шага, но верхняя часть тела обращена к зрителю. Изображения исполнены контуром и локальными красками (красноватой, зеленой и белой). Роспись в инкрустационном стиле имеют и стены склепа 1875 г. того же времени (табл. CVII, *1*) (АДЖ, табл. LXXIII—LXXV). В росписи склепа Геракла в Анапе (табл. CX, *1*, *2*) ярко выступают приемы поздней боспорской живописи: передача складок одежды параллельными толстыми линиями, сплошное заполнение массы волос, графичное изображение тела Геракла. Однако удачна передача движения и ракурсы тела Геракла, убивающего Стимфалийских птиц; выразительны портреты членов семьи, очевидно, похороненных в склепе. Близкие стилистические черты видны в росписи склепов 1873 г. и склепа Сорака (табл. CX, *3—5*). В III в. н. э. наблюдается полный упадок живописи. В склепе Сабазиастов техника росписи примитивна: изображения выполнены черной и красной красками прямо по камню контуром, или сплошным заполнением одним цветом (АДЖ, табл. XCVII—C). Движение

в построении росписи склепа отсутствует, изображения являются лишь схемой человеческой фигуры.

Мозаика. В Греции сохранились мозаичные полы V в. до н. э., выложенные из речных галек. В IV в. до н. э. галечные мозаики достигли высокого художественного уровня. В период эллинизма в городах Средиземноморья техника мозаики поднялась еще выше: они выкладывались из мелких камешков-кубиков. Такие мозаики были и в Северном Причерноморье, но от них дошли или отдельные кубики или же небольшие куски, как например, в Пантикапее на Северном раскопе, где обнаружен фрагмент мозаики из кубиков черного мрамора (0,4(0,6)×0,3(0,5) см, уложенных в розовый известковый раствор (*Блаватский В. Д.*, 1960, с. 171). Сохранилось несколько галечных мозаик. Самая ранняя мозаика (V в. до н. э.) открыта в Фанагории на самом берегу залива (*Блаватский В. Д.*, 1941б, с. 22, рис. 12). Она имела вид дорожки длиною 2,77 м, шириною 0,93 м, заполненной разноцветными продолговатыми гальками, поставленными на ребро и плотно укрепленными в цементе, в простом узоре — по два четырехугольника в ширину дорожки, в одном четырехугольнике гальки уложены в длину дорожки, в другом — поперек. Ко II в. до н. э. относится галечная мозаика в помещении для омовения в одном из жилых домов Херсонеса (*Белов Г. Д.*, 1938б, с. 238 сл.). В центре пола изображены две обнаженные женщины около лутерия: одна — выжимает волосы, другая, стоит, опершись на столбик. Сцена была обрамлена орнаментальными мотивами, от которых сохранилась большая пальметта (табл. CXI, *1*). Мягкий колорит мозаичной картины — сочетание светлого желтовато-розового тела женщины и темного коричневого фона, правдивость передачи обнаженного тела, естественность движений указывают на талантливого мастера. Эта мозаика по своей живописности не уступает мозаикам Средиземноморья эллинистического периода, хотя и выполнена из галек. Две другие галечные мозаики открыты в Ольвии. Первая (II в. до н. э.) обнаружена в помещении, возможно, являвшемся андроном. Она выложена из круглых мелких неодинаковой величины галек — белых, темно-синих и бурых, укрепленных в цементной массе, и занимала центральную часть пола. По сторонам мозаики пол был малинового цвета, здесь, вероятно, располагались ложа. Мозаика состоит из квадратов, вписанных один в другой (табл. CXI, *2*). Центральный квадрат заполнен сеткой ромбиков с крестиками посередине, этот квадрат обрамлен плетенкой, затем довольно широкой каймой меандра и затем узкой каймой волны. Вторая (I в. до н. э.) найдена в перистильном дворе богатого дома (табл. CXI, *3*). Она имеет в центре круг, заключенный в квадрат, углы которого заполнены пальметтами. Квадрат, в свою очередь, окаймлен полосой повторяющихся изображений пар животных и грифов по сторонам пальметт, а затем полосой волны.

Вазопись. Временем расцвета искусства вазописи в Северном Причерноморье был период эллинизма — в основном III—II вв. до н. э. До этого времени жители античных городов Северного Причерноморья широко пользовались импортными расписными вазами. Специально на экспорт в Северное Причерноморье в IV в. в Аттике изготовляются вазы (чаще всего пелики) с изображениями персонажей легендарных сказаний: о путешествии бога Аполлона в страну гипербореев, о гифах, воинственных аримаспах, борющихся с грифами, и амазонках (являвшихся олицетворением женщин кочевых народов) (табл. CXII, *2*, *3*). В начале IV в. до н. э. эти вазы отличались тонко исполненным рисунком и слабым применением накладной краски. Позднее рисунок становился все более беглым, широко применялась накладная краска (*Кобылина М. М.*, 1951 г.). Можно предположить, что поздние пелики такого типа могли производиться и на Боспоре (табл. CXII, *7*). В конце IV—III вв. до н. э. на Боспоре появляются расписные пелики местной работы, подражающие краснофигурным пеликам. На их лицевой стороне изображались сцены, связанные с мифами об амазонках, на оборотной — две фигуры в гиматиях (табл. CXII, *4*). Эти вазы называли акварельными, полагая, что они расписаны акварельными красками, однако, исследования это не подтвердили и теперь их обычно именуют полихромными. Техника росписи этих ваз имеет два варианта: либо вся поверхность вазы закрашена темной краской и по ней наложена роспись, либо изображения наносились на незакрашенную поверхность вазы, а промежутки заполнялись темной краской. Подгрунтовка белой краской давала возможность получить более яркие и чистые цвета (*Книпович Т. Н.*, 1955б, с. 380). Для этих ваз характерна яркость красок, живопись с нарушением правильных пропорций и пространственного построения. Наблюдается сочетание фаса и профиля фигур. Много места занимает орнамент, покрывающий всю шейку сосуда. Фигуры в гиматиях еще более схематизированы, чем на поздних краснофигурных пеликах. Выявляются несколько центров изготовления полихромных ваз: Ольвия, Херсонес, Пантикапей, Фанагория. Из Ольвии происходит полихромная амфора изысканной формы с очень узкой шейкой, широким раструбом горла и очень тонкими большими ручками. Ее ставили на особую подставку. На одной стороне вазы изображено прощание матери с умершим ребенком, на другой изображены ребенок, Гермес Психопомп и лодка Харона, который перевезет его через реку Стикс в страну мертвых (табл. CXII, *5*). Остальные части вазы покрыты тусклой серовато-черной краской, по которой нанесен голубой и розовый орнамент. В росписях сохранились черты греческого стиля — рисунок отличается выразительностью, сцены исполнены печали.

В III—II вв. до н. э. местные вазописцы широко практиковали росписи с растительными мотивами — гирляндами, ветками плюща, листьями, которые наносятся или на светлый фон облицовки или на темный фон глины. Так ойнохоя из Ольвии сплошь покрыта белой облицовкой, по которой нанесена роспись серой, синей и красной красками. Основной частью росписи является изображение широкой повязки, покрывающей всю среднюю часть тулова, как бы завязанной на обратной стороне, украшенной узором из пальметт, завивающихся усиков, перлов (*Блаватский В. Д.*, 1947б). Полихромная пелика из Пантикапея (табл. CXII, *6*) украшена гирляндами, ветками и повязкой, нанесенной желтой и белой

краской на темный цвет глины. Сохранность полихромных ваз в общем очень плохая, есть лишь отдельные хорошо сохранившиеся экземпляры. К. И. Зайцевой удалось выяснить общий характер полихромных росписей на курильницах и амфорах с крышками и установить их изготовление в Ольвии с конца IV в. до н. э. по первую половину II в. до н. э. (*Зайцева К. И.*, 1962; 1976, с. 97 сл.). Роспись исполнена матовыми красками красного, черного, голубого и желтого цветов поверх белого покрытия. Она состояла из горизонтальных и вертикальных полосок и растительных гирлянд. Выделяются две категории ваз III—II вв. до н. э. с росписью по светлому фону (*Книпович Т. Н.*, 1955а, с. 279). У одних сосудов она нанесена по светлой обмазке, у других по лощеной поверхности (явное воздействие туземной керамики). На полихромных вазах Херсонеса лощеная поверхность не встречается.

Торевтика. Одной из ярких страниц декоративного искусства является торевтика — изготовление металлических изделий с изображениями, произведенными путем тиснения, гравировки и чеканки (в том числе пластины, бляшки, детали украшений, погребальных венков и др.). Искусство торевтики и литья перенесли в города Северного Причерноморья греки. Примером его является украшение ручки бронзового кратера в виде летящей фигуры горгоны, отлитой в форме, из кургана у с. Мартоноши (табл. CI, *4*). Схематическая передача движения — верхняя часть тела — в фас, нижняя — в профиль, узорчатая трактовка волос и складок одежды выполнены в стиле архаического ионийского искусства (табл. CI, *4*). По всей вероятности, боспорскому мастеру принадлежит серебряное зеркало из Келермесского кургана, около середины IV в. до н. э. (табл. CI, *1*). Оборотная сторона зеркала покрыта электровым листом и заполнена гравированными изображениями, среди них богиня — владычица зверей с двумя пантерами, грифы и сфинксы, дикие и домашние животные. Некоторые исследователи считают келермесское зеркало произведением ионийской мастерской в Малой Азии (*Прушевская Е. О.*, 1955, с. 234 сл.). Но негреческая форма зеркала и ряд таких мотивов, как фигура барана с поджатыми ногами (в схеме, свойственной звериному стилю) дали основание В. Д. Блаватскому (*Блаватский В. Д.*, 1964а, с. 26), считать, что мастер, изготовивший зеркало, жил где-то поблизости от своих заказчиков-меотов и, следовательно, оно могло быть сделано в Пантикапее. Для скифского населения в Ольвии изготовлялись металлические изделия (*Прушевская Е. О.*, 1955, рис. 7). Т. Н. Книпович выделила в изделиях металлургов Ольвии VI—V вв. до н. э. два направления: одно греческое, другое — связанное с участием мастеров-скифов, со своеобразным сочетанием изображений животных и их частей сильно стилизованных и схематизированных в зверином скифском стиле (*Книпович Т. Н.*, 1955а, с. 178 сл.). Расцвет искусства торевтики совпадает с расцветом боспорского государства. Наиболее замечательные по качеству исполнения и своеобразию тематики произведения торевтики, как импортного, так и местного производства, были найдены в курганных погребениях. Импорт произведений торевтики и ювелирных изделий во второй половине V и IV вв. до н. э. был очень велик. Ко второй половине V в. до н. э. относятся серебряные аттические килики из VI Семибратнего кургана с позолоченными гравированными изображениями (табл. CI, *7*). Мастерством исполнения отличаются золотые серьги из Феодосии (*Макаренко Н.*, 1916, с. 73) с миниатюрной группой воина на колеснице, запряженной четверкой лошадей и фигурки Ники — богини победы (табл. CXIII, *1*). Такого же типа серьги происходят из Херсонеса (*Белов Г. Д.*, 1948а, табл. VI, *2*). О золотых височных подвесках с изображением головы Афины Парфенос из кургана Куль-Оба уже говорилось выше (табл. CI, *6*).

Наряду с импортными произведениями торевтики создаются местные, скорее всего мастерами-греками. В них черты греческого классического искусства (мифологические сюжеты, правдивость изображения человека, гармоничность композиций, мастерство исполнения) сочетаются со стремлением показать типы местных жителей, их быт и т. д. В стиле греческой скульптуры IV в до н. э., в частности, исполнены золотые обивки ряда горитов. Местный мастер, явно грек, работал, учитывая запросы местного населения. Основной частью изображения является показ событий, относящихся к юности Ахилла (табл. CXVI, *4*). Изображения размещены на двух фризах один под другим и обрамлены с одной стороны полосой борющихся зверей, а с другой, двумя полосами орнамента из цветов и листьев аканфа. Было найдено четыре таких обивки (Мелитопольская, Ильинецкая, Елизаветовская, Чертомлыцкая), но они все вытеснены по одной форме (*Фармаковский Б. В.*, 1911; с. 26; *Онайко Н. А.*, 1970а; 1974, с. 78). Лучшая из них — мелитопольская, сделанная одной из первых в еще не стертой форме (табл. CXVI, *1*) (*Онайко Н. А.*, 1974, с. 78 сл., рис. 1). Так, например, сопоставление фигур Дейдамии (дочери царя Ликомеда) и Фетиды (Матери Ахилла) показывает, что эти изображения на мелитопольской обивке отличаются свойственными греческой скульптуре второй половины IV в. до н. э. пластичностью и грацией движения, тонкой светотенью в передаче лица и обнаженного тела. Остальные обивки имеют следы подправок износившейся формы, контуры более резкие, складки одежд более жесткие, черты лица изменены и пр. (*Онайко Н. А.*, 1974, с. 78 сл.) (табл. CXVI).

Произведением греческого мастера, работавшего на Боспоре, является серебряная амфора из Чертомлыцкого кургана (табл. CXIV *1, 2*) (*Прушевская Е. О.*, 1955, с. 341). На поверхности ее тулова — рельефный растительный орнамент с птицами среди цветов и ветвей, исполненный гравировкой и оживленный позолотой. На плечиках рельефный фриз, реалистически переданные сцены из жизни степных скифов. Над этим фризом изображены грифы, терзающие оленя. За последние годы на территории Приднепровья открыты новые произведения торевтики (табл. CXIV, *3*) (*Бидзиля В.*, 1970, с. 3; *Мозалевский Б. Н.*, 1972, с. 268). В. Д. Блаватский, обратив внимание на тот факт, что стремление к передаче реальной действительности, отмеченное в боспорской торевтике IV в. до н. э., находит аналогии лишь в эллинистическом искусстве, предложил боспорское искусство IV в. до н. э. на-

вать протоэллинистическим (*Blawatsky W. D.*, 1961).

Документальным доказательством мастерства боспорских торевтов в чеканке, гравировке и отливке являются золотые монеты Пантикапея, их высокий уровень как произведений искусства. Особенностью торевтики Боспора является пластическое воплощение схематических изображений рядом с образами реальной жизни. Особенно это относится к культовым образам, созданным местными мастерами на окраинах Боспора. Показательны фрагмент золотого ритона из кургана у села Мерджаны (табл. CXV, *2*) и золотая пластина, украшавшая головной убор умершей знатной женщины из кургана Карагодеуашх (табл. CXV, *1*). На фрагменте из Мерджан изображена сидящая на троне Великая богиня. В правой руке она держит круглый сосуд. Слева от богини дерево и шест с конскими черепами, справа — бог в виде всадника, протягивающий ритон. Богиня сидит впрямь, есть объемность в передаче округлого лица боспорского типа и ног, проступающих под натянувшейся тканью покрывала, но верхняя часть фигуры совершенно плоскостная; хотя сохранен античный прием передачи тонкого хитона мелкими складками, а более толстого покрывала крупными — эти складки безжизненны, параллельны и графичны. Всадник рядом с богиней непропорционален, его фигура велика по сравнению с лошадью, которая изображена в профиль, а всадник фронтально; дерево больше похоже на орнамент. Перед нами яркий памятник греко-синдского искусства. Возможно, что женская фигура является изображением богини Астарты — Анахиты, а мужская — бога Санерга (*Ростовцев М. И.*, 1913, с. 16, 17). Таковы же стилистические черты золотой пластики из кургана Карагодеуашх. Около рубежа III—II вв. до н. э. возникает в торевтике новый стиль — полихромный. Решающая роль в происхождении этого стиля принадлежит Пантикапею. К произведениям пантикапейских мастеров нужно отнести золотую диадему из гробницы Артюховского кургана (табл. CXV, *3*). Центральная часть этой диадемы сделана в виде узла, из золотой с эмалью оправы и вделанных в нее шести крупных гранатов; в середине узла изображение орла, несущего в когтях Эрота. К диадеме подвешены сирийские гранаты в форме шариков и сердечек с привесками из цепочек, завершающихся золотыми шариками. Черты полихромного стиля ярко выражены в красочности сочетания золота с цветными камнями и разноцветной эмалью. Полихромный стиль развивался одновременно с сарматизацией Боспора, вместе со стремлением к пышной варварской многоцветности. Примером могут служить драгоценные украшения из так называемого Новочеркасского клада I—II вв., особенно диадема. Ее поверхность украшена вставками граната, красного и зеленого стекла (*Блаватский В. Д.*, 1964в, с. 188—192, рис. 59). В погребении боспорского царя Рескупорида II и его семьи (III в.) найдены три золотые диадемы. Одна из них (табл. CXV, *4*) представляет собою венец из листьев (тисненых пластинок). В центре его четырехугольная пластина с камнями по углам. На пластине рельефно изображены верховный бог в виде всадника перед алтарем, на котором поднимается пламя. Всадник в сарматской одежде левой рукой протягивает ритон (*Ростовцев М. И.*, 1913, табл. V, *1*). По сравнению с более ранними произведениями боспорской торевтики здесь выступает при явном стремлении к роскоши тенденция к геометризации и плоскостности. Завершением этих тенденций является так называемый «готский» стиль, примером которого является золотой флакон, украшенный гранатами из Пантикапея (табл. CXV, *5*).

Коропластика. Коропластика — производство терракотовых статуэток — один из видов художественного ремесла. При основании городов Северного Причерноморья наряду с другими ремеслами была перенесена сюда и коропластика. Древнейшие статуэтки VI — первой половины V в. до н. э. в основном были изображениями божеств, они были приношениями богам как в домашних культах, так и в святилищах и храмах, их помещали также в могилы, особенно женщин и детей, изредка их находили и в тризнах. Небольшие размеры статуэток (обычно 7—12 см высотой и применение форм при их изготовлении обеспечивали возможность быстрого распространения этих терракот среди античных городов Средиземноморья и Причерноморья. Самыми популярными в древнейший период типами были: тип сидящей на троне богини — Деметры, богини матери, Кибелы (табл. CXVII, *1*, *3*, *4*); тип столбообразно стоящей девушки (Коры, дочери Деметры) с опущенными прижатыми к телу руками, рельефно выделены очертания как бы слившихся складок гиматия (табл. CXVII, *5*, *6*). Встречаются также изображения животных и птиц (свиньи, черепахи, петуха и др.) и даже бытовых сценок (например, женщины, сидящей перед печью) также являющихся приношениями. Часто встречается погрудное изображение Деметры, Коры или Афродиты (табл. CXVII, *2*). Исполнение терракот неразрывно связано с развитием скульптуры и лучшие из них отражают стиль, господствующий в данный период. Древнейшие терракотовые статуэтки исполнены в стиле архаической ионийской скульптуры. Со второй половины V в. до н. э. и в течение IV в. до н. э. (период расцвета классического искусства) создаются новые типы терракот, связанные с культом Деметры и Коры (табл. CXVII, *8*, *9*), а также Афродиты и Диониса (табл. CXVII, *10*). Старые типы — сидящей и стоящей богини трактуются по-новому: в более свободном движении с правдивой передачей облегающей тело одежды. Появляются типы, отражающие реальную жизнь (например, женщина с ребенком на руках (табл. CXVII, *11*), юноши (табл. CXVII, *12*). Расцвет коропластики в городах Северного Причерноморья, падает на период эллинизма. Терракотовые статуэтки в это время не только связаны с культом, но и являются украшениями. Создается множество вариантов типов стоящих или танцующих женщин, играющих детей (табл. CXVII, *20*), скачущих всадников (табл. CXVII, *21*), воинов (табл. CXVII, *23*). Известны изображения Тихе — богини удачи с рогом изобилия (табл. CXVII, *15*); становится популярен тип Афродиты, выходящей из воды и выжимающей волосы, впервые созданный в Александрии живописцем Апеллесом (табл. CXVII, *19*). В связи с проникновением малоазийских культов распространяются ти-

пы Аттиса, Кибелы (табл. CXVII, *17* и *18*), Аттиса-Мифры, убивающего быка (табл. CXVII, *22*). Часто воспроизводится тип Геракла, стоящего с палицей в руке (табл. CXVII, *16*). В период распада античной культуры и ее варваризации в первые века нашей эры терракотовые статуэтки утрачивают свойственные им ранее черты — пластичность форм и правдивость движения, старые типы схематизируются, например Тихе (табл. CXVII, *24*), богиня-мать (табл. CXVII, *18*). С распространением оргиастических культов связано развитие типов статуэток с подвесными членами тела (табл. CXVII, *25*). Падает техника исполнения статуэток (табл. CXVII, *26*, *27*, *29*). Среди лепных фигурок встречаются оригинальные типы, отражающие впечатления окружающей жизни — кочевые повозки, изображения сельского жителя с быком (табл. CXVII, *26*) и др. В терракотах Северного Причерноморья большое место занимает импорт из городов Ионии, из Афин и других городов Средиземноморья. Но с самого начала их существования в городах Северного Причерноморья началось местное производство терракот. Мастерские коропластов открыты в Пантикапее, Херсонесе и Фанагории. Расцвет местного производства терракот падает на время с III в. до н. э. по I в. н. э.

Театр, актеры, музыкальные инструменты. Одним из самых значительных сооружений в греческих античных городах был театр. В Северном Причерноморье до настоящего времени театр открыт только в Херсонесе. Восстанавливается его древнейшая часть — проскений III — начало II в. до н. э., исполненный в дорическом ордере типа проскения театра в Приене. Известно по надписям, что в IV в. до н. э. театр был в Ольвии (IPE, I, 25), но пока он не открыт. Учитывая свидетельство Полиена (V, 44, 1), В. Д. Блаватский считал возможным предположить существование театра в Пантикапее (что подтверждает находка мраморного кресла IV — начала III в. до н. э. на горе Митридат в 1956 г.). Сохранилась только нижняя часть его (табл. CXVIII, *2*) (*Блаватский В. Д.*, 1957в, с. 247 сл.). В. Д. Блаватский находит ему аналогии в креслах театра в Приене. Театр был неразрывно связан с общественной жизнью города. В театрах Северного Причерноморья ставились трагедии и комедии, о чем свидетельствуют надписи и изображения актеров, а также комических и трагических масок в терракотах, большинство которых явно местного производства (табл. CXVIII, *5*, *6*, *8*, *9*). Кроме представлений в театрах происходили музыкальные и литературные состязания, особенно в эллинистический период. Сохранился каталог мусических состязаний в Херсонесе (IPE, I, 433; *Соломоник Э. И.*, 1973, с. 99 и 103). Наиболее популярными музыкальными инструментами были струнные: лира из панциря черепахи, кифара с прямоугольным резонатором из деревянных, металлических или костяных дощечек и арфа (или тригон) треугольной формы, ставившаяся на подставку (табл. CXIX, *1—3*, *5*). Звук извлекался палочкой из дерева, слоновой кости или металла (плектрон). Среди духовых инструментов в Северном Причерноморье известны: флейта, состоявшая из одной или двух трубочек с круглыми отверстиями, пастушеская свирель из 7—9 трубочек различной длины (табл. CXIX, *4*, *8*) и труба — металлическая, длинная с расширением на конце, являющаяся военным музыкальным инструментом (табл. CV, *5*). Были и мастера — профессионалы-музыканты. В Мирмекии была найдена надгробная надпись флейтиста Пасафиликаты IV в. до н. э. (КБН, № 875).

Ученые, поэты, архитекторы, скульпторы и другие мастера, работавшие в Северном Причерноморье. В Ольвии надежно засвидетельствованы три автора; все они жили в III—II вв. до н. э. Наиболее ранний из них ритор Бион принадлежал к Кинической философской школе и занимался ее популяризацией. Время его жизни III в. до н. э. Затем следует Посейдоний (или Посидоний) софист и историк, занимавшийся хорой Тиры, а также аттической и ливийской историей. Он работал в III — первой половине II в. до н. э., может быть, и несколько позднее. Третьим автором был Дионисий, написавший исследование по географии северо-западной части Причерноморья. Он трудился, примерно, в конце III — первой половине II в. до н. э. В Херсонесе известен только Сириск, живший в III в. до н. э. Это был историк, занимавшийся как сакральными, так и политическими вопросами, писавший о дружественных отношениях с боспорскими царями и другими полисами. В Пантикапее в последних десятилетиях IV в. до н. э. жил Дифил Боспорит, обучавшийся у Евфанта, философа мегарской школы. Значительно более яркой фигурой был анонимный, видимо, боспорский, скорее всего пантикапейский, историк описавший борьбу за власть сыновей Перисада I и правление его сына Евмела I, т. е. историю Боспора в 311/10 — 304/3 гг. до н. э., сохраненную Диодором Сицилийским. К IV в. до н. э. и во всяком случае не позднее III в. до н. э. относится деятельность Смикра, вероятно, занимавшегося в Пантикапее популяризацией философии. В первой половине III в. до н. э. жил боспорит Исилл в юности отбывший в Эпидавр, где им был написан пеан Асклепию.

Выдающимся философом и деятелем был Сфер, уроженец Боспора (или Ольвии), живший во второй половине III в. до н. э. Он принадлежал к стоической школе и был автором многочисленных трудов по философским проблемам и истории. Сфер, преимущественно, занимался социально-политическими вопросами и им был написан трактат о лаконской политии. Помимо научной деятельности он принимал участие в политической жизни — был идейным руководителем Клеомена II — лакедемонского царя — реформатора. В I в. или в первой половине II в. н. э. жили Стратоник — автор неизвестных нам книг и его вольноотпущенник Сосий, возможно, поэт. Большая часть перечисленных авторов известны нам по упоминаниям средиземноморских ученых (Исилл по Эпидаврской надписи). Об Смикре, Сириске, Стратонике и Сосии имеются местные свидетельства херсонесского почетного декрета и пантикапейских эпитафий. Помимо перечисленных северопонтийских авторов следует отметить многочисленных безымянных для нас поэтов V в. до н. э.— первой половины III в. н. э., писавших надгробные надписи в Ольвии, Херсонесе и на Боспоре.

В Северном Причерноморье работали свои архитекторы, скульпторы, торевты, резчики по ценному камню и вазописцы. Сохранилось 18 имен архитекто-

ров, скульпторов, торевтов, резчиков по ценному камню и вазописцев, произведения которых обнаружены в Северном Причерноморье, двенадцать из этих имен относятся ко времени от VI в. до II в. до н. э.; остальные — к периоду I—IV вв. н. э. В VI—IV вв. до н. э. явно преобладают привозные произведения искусства. Во второй половине VI в. до н. э. засвидетельствовано два имени вазописцев, возможно, из Северо-Западного Причерноморья. К IV в. до н. э. относятся имена двух резчиков ценных камней и одного вазописца; все они связаны с Боспором. В IV в. до н. э. засвидетельствованы три скульптора: один в Херсонесе и два в Ольвии — оба они афиняне. Показательно, что с Пантикапеем связаны два имени, видимо, местных торевтов и ни одного скульптора. Возможно, в Пантикапее работал мастер вазописец, расписывавший рельефные сосуды. Во II в. до н. э. в Пантикапее была мастерская гончара, делавшая рельефные сосуды типа «мегарских чаш». После перерыва в I в. до н. э. обстановка в Северном Причерноморье резко изменилась. В I—IV вв. н. э. в Ольвии и Херсонесе имена художников не засвидетельствованы, все мастера сосредоточиваются в Боспорском государстве. В I — начале II в. н. э. известны один торевт и безымянный энкауст-портретист, написавший свой автопортрет. Оба эти мастера, вероятно, работали в Пантикапее. К концу II—III вв. н. э. относится деятельность четырех архитекторов. Три из них работали в Танаисе, один, вероятно, в Горгиппии. Наконец, в 335 г. работал последний зодчий, строивший на Таманском полуострове.

Религия и культы. Переселенцы перенесли в Северное Причерноморье культы греческих богов и прежде всего Аполлона. Богов изображали на монетах, им воздвигали алтари и жертвенники, сооружали храмы. В священной округе храма, а также на агоре ставились посвящения богам как от отдельных лиц, так и от коллегий (например, стратегов, ситонов, членов фиаса и т. п.). Посвятительные надписи на мраморных и известняковых базах и плитах, на алтарях, жертвенниках и даже на сооружениях, например, надпись на архитраве храма Аспурга (табл. XC, 7), а также граффити и дипинти, статуи и статуэтки богов служат хорошим источником для суждения о культах.

С V по II вв. до н. э. включительно в Ольвии, Херсонесе и городах Боспора известны посвящения всем греческим божествам, но с некоторыми отличиями. Так, в Ольвии более всего Аполлону Дельфинию, а затем Гераклу, Аполлону Врачу, Зевсу Спасителю, Ахиллу Понтарху, Гермесу, Афродите Понтии (покровительнице мореплавания), Плутону и Коре и самофракийским богам. Херсонесская присяга называет Зевса, Гею, Гелиоса, богов и героев Олимпийских, Диониса, Деметру, но с самого начала в Херсонесе доминирует культ богини Девы Парфенос, есть посвящения Афине-Спасительнице. В городах европейского Боспора этого времени — более всего посвящений Аполлону Врачу, Артемиде, Афродите, Деметре; затем Гераклу, Гекате, Дионису, Зевсу Спасителю. В городах азиатского Боспора особенно много посвящений Афродите Урании, владычице Апатура, Артемиде, Аполлону Врачу. Специфической особенностью пантеона северопричерноморских культов является наличие культа Ахилла Понтарха и богини Девы. В основе почитания этих божеств, вероятно, лежат сильно эллинизированные варварские культы (*Блаватский В. Д.*, 1964б, с. 16 сл.). Посвятительные надписи первых веков нашей эры отличаются от предшествующих. В Ольвии больше всего посвящений Аполлону Простату (защитнику), Ахиллу Понтарху, Зевсу Спасителю, а также «милостивым богам» — Асклепию, Гигиэе, Посейдону, Серапису и Исиде. В херсонесских лапидарных надписях рядом с посвящениями Гелиосу, Гераклесу, Афродите выделяются посвящения Юпитеру лучшему величайшему, Немесиде, непобедимому Мифре, очевидно, в связи с воздействием культов, принесенных римскими солдатами. Лапидарные посвятительные надписи Боспора свидетельствуют, что все большее значение приобретает культ бога высочайшего, внемлющего, Зевса Спасителя и благодетеля. Сарматизация Боспора в первые века нашей эры постепенно приводит к смешению культов и образов — к синкретизму. Складывается культ Верховного бога, связанный с культом греческого Зевса, фракийским культом Сабазия и местным культом бога-всадника. (*Блаватский В. Д.*, 1961а, с. 134; *Болтунова А. И.*, 1966, с. 29 сл.; 1977, с. 78). Возрастает значение культа синдо-меотской Великой богини, божества производящих сил природы (*Блаватский В. Д.*, 1964б, с. 35; *Кругликова И. Т.*, 1966в).

Божества, покровители города, изображались на монетах, где в миниатюре повторялись образы, созданные в тот или иной исторический период в скульптуре, чаще голова божества и его атрибут, например, богиня Афина изображена в шлеме (Ольвия); богиня Артемида — охотница с луком и колчаном за спиной (Пантикапей); бог Аполлон, бог света, победивший Пифона — в лавровом венке (Пантикапей); герой Геракл со шкурой побежденного им льва (Херсонес); богиня Дева, в грозном облике замахивающаяся копьем; Зевс — главное божество Олимпа — восседающий на троне с жезлом в руке и т. п. (табл. CXX). Для служения богам воздвигались храмы и алтари. От имени государства жрецами совершались культовые обряды, но догматических установлений не было. В храм могли входить только жрецы. В храме стояла статуя божества, столы для даров и фимиатерий для воскурения благовоний. Все священнодействия происходили перед храмом на священном участке. Здесь на алтаре совершались жертвоприношения. Приносили в жертву домашних животных, употреблявшихся людьми в пищу — быков, овец, коз, свиней, петухов и кур. Бескровные жетвоприношения состояли из плодов, печений и возлияний чистого вина, меда и молока. В честь божества устраивались празднества. Они заключались в исполнении гимнов хором и солистами, двигающимися вокруг алтаря под аккомпонемент кифары или флейты, иногда с пляской. В состав празднеств входили состязания: музыкальные, гимнастические и конные. Культовые действия нашли свое отражение в изобразительном искусстве, особенно в посвятительных рельефах и терракотовых статуэтках. В Ольвии найдена мраморная плита, посвященная богу Внемлющему (конец III — начало II в. до н. э.) (табл. CXXI, *3*). На ней изображены пять ситонов перед алтарем. Стоящий впереди жрец

совершает возлияние. На передней стороне алтаря изображен предназначенный для жертвоприношения баран. Герой Внемлющий представлен возлежащим на ложе перед столиком с яствами, около него сидит женщина с ритуальным круглым сосудом. Этот рельеф является произведением местного скульптора, образ героя близок фракийским изображениям.

Терракотовые статуэтки первых веков нашей эры, грубых и схематичных форм, передают культовые действия. Одна из терракот Пантикапея I в. н. э. представляет собою изображение готовящегося жертвоприношения овцы перед гермой Диониса (табл. CXXI, *4*). Имеются изображения участников оргаистических культов Великой богини в так называемых ритуальных терракотах из Пантикапея (*Марченко И. Д.*, 1974а, с. 43, табл. 55, *7*). Одна из них изображает жреца, несущего статую богини (табл. CXXI, *6*). На некоторых плитах, помимо посвятительной надписи, имеются изображения божества. Так, например, на фронтоне мраморной плиты III в. до н. э, с посвящением Афродите Урании Апатуре, найденной в окрестностях Пантикапея (*Вальдгауэр О. Ф.*, 1922, с. 212; *Иванова А. П.*, 1961, с. 93, табл. 48) изображена Афродита Урания, летящая на лебеде и около нее Эрот (табл. CXXI, *2*). На мраморной плите, поставленной членами религиозного объединения Танаиса, изображен всадник перед алтарем с зажженным огнем и деревом. В его руке ритон. Возможно, что конный бог — высочайший бог, которому в первые века нашей эры имеется много посвящений (*Книпович Т. Н.*, 1949а, с. 117, 118; КБН, 1259). Наряду с храмами, особенно популярным среди населения божествам, воздвигались святилища. Святилище Деметры в Нимфее VI—III вв. до н. э. было расположено на берегу моря среди скал. В святилищах и около них обычно много находок — приношений. Еще в древности когда скапливалось много приношений, их сбрасывали в фависсы — специальные ямы, иногда в расщелины скал. Внутри святилища Деметры были найдены три больших сероглиняных сосуда, вокруг них — громадное количество обломков амфор, киликов, блюд, лутериев, кувшинчиков, светильников (табл. CXXII, *5*). Большинство сосудов были сероглиняные привозные и местные, много расписных, в том числе чернофигурные аттические килики; обломки ритуальных сосудов в форме ритонов для культовых возлияний (*Худяк М. М.*, 1952, с. 241 сл., рис. 9—17). Среди приношений найдена протома Деметры в виде женщины в хитоне, спадающем с высокого головного убора, с поднятыми к груди руками (V в. до н. э.); статуэтки Коры — дочери Деметры, неподвижно стоящей, закутанной в хитон и гиматий (конца VI в. до н. э.); фрагменты статуэток гидрофор-девушек, несущих на голове гидрию (IV в. до н. э.), очевидно, воспроизведения участниц религиозной процессии; чернофигурная гидрия с изображением девушки у источника (последняя четверть VI в. до н. э.); краснофигурная гидрия с изображением девушки (конец V — начало IV вв. до н. э.): чернолаковый килик IV в. до н. э. с граффити (табл. CXXII, *7*) (ТСП, ч. II, 1970, табл. 31, *2*; *Худяк М. М.*, 1962, табл. 40, *2*; 42, *1*; 44, *1*, *4*).

В фависсе святилища Деметры вблизи Фанагории найдено множество фрагментов керамики (фимиатериев, светильников, курильниц), около тысячи фрагментов протом богини Деметры, несколько целых статуэток, изображавших сидящую на троне богиню в высоком головном уборе и аттическом пеплосе (табл. CXXII, *11*) и статуэтка Коры в виде грациозной юной девушки (первая половина V в. до н. э.) в тонком хитоне и спадающем с плеча гиматии, в высоком головном уборе с растительным орнаментом (табл. CXXII, *13*) (ТСП, ч. IV, 1974, табл. 40, *1*, *4*). Есть несколько фрагментов, относящихся к изображениям Афродиты (ТСП, ч. IV, 1974, табл. 41, *71*). В Кепах в святилище Афродиты II—I вв. до н. э. (*Сокольский Н. И.*, 1964б) найдена мраморная статуя Афродиты высотою 0,45 м (без головы и базы) — греческий оригинал, вероятно, родоской школы первой половины II в. до н. э. Здесь же были фрагменты других мраморных статуэток, вотивная женская рука с ритоном, терракотовая статуэтка сидящей богини в высоком головном уборе с фиалой в руке, формы для изготовления терракотовых прилепов, изображающих Эрота и Психею, мраморный ковш с ручкой, украшенный резным орнаментом, часть большой мраморной чаши, статуэтки сидящего рыбака и миниатюрные рыболовные грузила, мраморное грузило, небольшой мраморный акротерий, фрагменты керамики. В святилище фракийских богов в Ай-Тодоре II—III вв. н. э. (*Ростовцев М. И.*, 1911) были найдены три алтаря из известняка с посвящениями главному богу римской армии Юпитеру Высочайшему. И по темам, и по стилю изображений они полностью аналогичны фракийским, таково изображение бога Диониса в виде обнаженной мужской фигуры в венке из листьев и гроздьев винограда, с небридой, переброшенной через левое плечо; в левой руке его жезл, в правой кисть винограда; у ног пантера и козлоногий Пан, из земли вырастают две могучие виноградные лозы. Есть и другие плиты с изображением Диониса, а также бога Мифры, убивающего быка, Гермеса, маленький мраморный рельеф с изображением Гекаты. Известно несколько плиток с изображением Артемиды.

Наряду с государственными культами существовали домашние культы особо почитаемых богов. Священным местом дома считался очаг, как алтарь богини Гестии. Свидетельством домашнего культа является комплекс находок в помещении жилого дома второй половины VI в. до н. э. в Тиритаке: в средней части пола находился открытый очаг, около него три терракотовые статуэтки Деметры, статуэтка Коры, обломки глиняного алтаря, терракотовая маска и чернолаковые чаши. К домашнему культу следует отнести комплекс терракотовых статуэток, лежавших на полу в одном из помещений в доме Хрисалиска I в. н. э. Большая часть из них представляет собою изображения женского божества (Деметры, Кибелы, Великой Матери, Афродиты, Тихе, Куротрофы), алтариков, девушек с музыкальными инструментами, головы жертвенного быка (табл. CXXIII, *6*) (*Сокольский Н. И.*, 1976а, с. 55—58).

Необходимыми при культах сооружениями были жертвенники, алтари и курильницы. Одним из простых типов жертвенника были зольники — продукт самих жетвоприношений, когда дрова сжигались вместе с жертвой. Огромный зольник открыт в Мир-

мекии, он занимал территорию около 500 м², высотою 2,5 м. Под ним находился алтарь-эсхара, вырубленный из блока белого известняка. Алтарь находился и в западной части сооружения по предположению В. Ф. Гайдукевича, храма Деметры, разрушенного во второй половине IV в. до н. э. (*Гайдукевич В. Ф.*, 1965). Находки в зольнике были связаны с культом Деметры. Это были различные вотивные приношения: терракоты, миниатюрные глиняные сосудики, чернолаковая столовая посуда, монеты, в большом количестве сосуды, употреблявшиеся при культовых трапезах, и т. д., а также кости животных — остатки жертвенных приношений.

Алтари VI—V вв. до н. э., открытые в городах Северного Причерноморья, были просты, как например, монументальный алтарь в Ольвии — четырехугольный в плане с более или менее высокими вертикальными стенками, на широком основании (табл. С, *1*). Этот же тип алтаря сохранился и позднее: таков алтарь IV в. до н. э., открытый в Большой Близнице (табл. С, *2*). Этот алтарь был вместе с тем и жертвенником (алтарь-эсхара). На верхней его поверхности видно отверстие, через которое кровь жертвенных животных стекала внутрь алтаря (АДЖ, табл. X, *1*). Углы алтарей уже в VI в. до н. э. иногда завершались акротериями: в Пантикапее было найдено такое завершение алтаря в виде завитка волюты (*Блаватский В. Д.*, 1964в, рис. 8), в Фанагории — тонко исполненная волюта IV в. до н. э. со следами розовой краски на глазке. Эллинистические алтари отличаются богатством и разнообразием декора. Примером может служить миниатюрный терракотовый алтарик III в. до н. э. (табл. С, *5*), четырехугольный в плане, на высоком основании, украшенном овами, массивным карнизом с зубчиками и акротериями по углам. На его стенках рельефные группы богов — Аполлон и Артемида, Дионис и менады, Посейдон и Амфитрида, Ника. Таков же алтарик из Ольвии (ТСП, ч. I, 1970, табл. 21, *1—4*). Для эллинизма характерны алтари с гирляндами (тип декора, широко распространившийся из Александрии), как например, мраморные алтари из Херсонеса (табл. С, *4*) (АСХ, № 532—534) или миниатюрный терракотовый алтарик из Ольвии, повторяющий тип позднеэллинистического круглого алтаря, украшенного гирляндами, розеттами и масками (табл. С, *6*). Для алтарей первых веков нашей эры характерно огрубение профилировки и скульптурного декора, а также упрощение формы. Таков херсонесский алтарь из известняка, с изображением Гермеса и Геракла (табл. С, *7*), алтари из Илурата (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, рис. 58) и Танаиса (*Арсеньева Т. М.*, *Шелов Д. Б.*, 1965, рис. 39). Алтарь бенифициариев из Херсонеса, посвященный Немесиде, имеет геометрически правильные упрощенные очертания (табл. С, *8*).

Курильницы, служившие для воскурения ароматических веществ в храмах и святилищах, обычно были глиняные. Их формы чаще всего просты. Оригинальные курильницы, украшенные рельефным или расписным орнаментом, а иногда и рельефными фигурами, относятся ко времени эллинизма, например, ольвийская II в. до н. э. (табл. CXXIII, *5*). Она с двухъярусным рельефным декором — внизу гирлянды, вверху кариатиды, поддерживающие завершение цилиндра тулова, между ними женские маски. Крышка коническая гладкая, внутрь вставлялись два сосуда: один с углями, другой с ароматической смесью (*Марченко И. Д.*, 1976а, рис. 6). Сероглиняная курильница с вдавленными солярными изображениями и дырочками найдена на поселении Беляус в слое II—I вв. до н. э. К концу античного периода во II—III вв. н. э. формы курильниц упрощаются (табл. CXXIII, *6—10*).

Погребальный обряд. Античные некрополи располагались в непосредственной близости от городов за пределами их оборонительных стен. (табл. CXXIV—CXXVа). Наряду с грунтовыми могильниками они включают и курганы. Ранее V в. до н. э. некрополи состояли только из грунтовых могил. Курганные захоронения встречаются в Греции, в Западном Причерноморье их значительно больше. Несмотря на это, широкое распространение курганов вокруг городов Северного Причерноморья большинство исследователей связывают со скифскими традициями (см.: *Цветаева Г. А.*, 1957а, с. 227 сл.). Господствующим обрядом погребения было трупоположение в простых могильных ямах. Трупосожжения встречаются почти во всех некрополях северопричерноморских городов, но сравнительно редко. Чаще всего обряд, кремации считают греческим, несмотря на спорадическое его применение различными племенами Северного Причерноморья (*Цветаева Г. А.*, 1951, с. 75; *Кастанаян Е. Г.*, 1959, с. 274; *Шелов Д. Б.*, 1961а, с. 83 сл.). Наиболее высок процент могил с трупосожжением в Херсонесе эллинистического периода — до 25% (*Белов Г. Д.*, 1948б, с. 158). В Пантикапее трупосожжения в VI—V вв. до н. э. составляют примерно 10—13%, а к эпохе эллинизма их доля снижается до 3% (*Цветаева Г. А.*, 1951, с. 64, 69). Совсем незначительно число могил с трупосожжением в Ольвии (*Парович-Пешикан М. Б.*, 1974, с. 52 сл.; *Козуб Ю. I.*, 1974, с. 31).

Греческим погребальным обрядом является обычай хоронить детей в амфорах или крупных сосудах (*Кастанаян Е. Г.*, 1959, с. 285 сл.). В Ольвии захоронения в амфорах отмечены в архаический и римский периоды (*Книпович Т. Н.*, 1940а; *Парович-Пешикан М. Б.*, 1974, с. 54; *Козуб Ю. I.*, 1974, с. 26). Они встречаются в Херсонесе (*Белов Г. Д.*, *Стржелецкий С. Ф.*, 1953, с. 33 сл.), реже в Пантикапее — только в V—IV вв. до н. э. (*Кастанаян Е. Г.*, 1959, с. 280 сл.), значительно чаще в азиатской части Боспора. В Фанагории они известны на протяжении всей античной эпохи, встречаются в Гермонассе, Кепах, Танаисе (*Блаватский В. Д.*, 1951в, с. 212; *Кобылина М. М.*, 1951б, с. 246; *Марченко И. Д.*, 1956а, с. 105 сл.; *Коровина А. К.*, 1968а, с. 75; *Шелов Д. Б.*, 1961а, с. 88; *Арсеньева Т. М.*, 1977а, с. 106).

Значительно труднее выяснить вопрос, с какими традициями связаны захоронения в простых могильных ямах прямоугольной формы или со скругленными углами. Они одинаково характерны для античных и местных могильников. Более показательны дополнительные конструкции в могилах или отдельные черты обряда. Часто встречающиеся деревянные надмогильные перекрытия объясняют влиянием местного погребального обряда (*Капошина С. И.*,

1956а, б; *Цветаева Г. А.*, 1951, с. 67; *Кастанаян Е. Г.*, 1959, с. 258 сл.; *Сорокина Н. П.*, 1957, с. 43 сл.). Прием покрытия могил поверх деревянного настила слоем камки встречается в пантикапейском некрополе VI в. до н. э., но особенно широко он распространяется на азиатской стороне Боспора, так как он был обычен у окрестных племен. Могилы с каменными перекрытиями и часто с дном и стенками, выложенными камнем, были одинаково распространены в античном и племенном мире.

Связь погребальных традиций с обрядовыми нормами греческой метрополии особенно отчетливо проявляется в VI—V вв. до н. э. Почти во всех некрополях этого времени покойники, как правило, лежат головой на восток, что считают влиянием греческой традиции, так же, как и обычаи ставить над могилами стелы с надписями и рельефами или антропоморфные надгробия; хоронить в гробах и саркофагах, класть в могилы предметы палестрического характера и монеты. Подбор вещей, которые клали в могилы, зависел от пола и возраста, положения в обществе и материальных возможностей умершего. Все, что употреблялось умершим при жизни, могло быть положено в могилу. Так, в могилу воина клали оружие, юноши-палестрита — стригиль и сосудики для масла, женщины — украшения и статуэтки, ребенка — игрушки. Часто в могилы ставили сосуды и светильники. Терракотовые статуэтки клали в могилы как изображения богов и как любимые вещи. В монументальных склепах стояли жертвенные столы, куда родственники приносили дары умершему.

Варварские погребальные традиции проявляются в некрополях почти каждого города. С ними связывают конструкции могил, невосточную ориентировку погребенных, подсыпку и подстилку в могилах, употребление для захоронений деревянных колод, скорченное положение костяков, наличие в могилах красной краски, мела, напутственной пищи и специфические предметы погребального инвентаря, такие, как оружие, ножи, точила, бусы ярких расцветок, лепные курильницы, разбитые зеркала и т. д. Выводы исследователей о том, что считать греческими чертами, что варварскими, часто расходятся. Так, захоронения со скорченными костяками большинством исследователей расцениваются как признаки проникновения в город местного населения, однако, такие захоронения в Херсонесе считают греческими (*Лапин В. В.*, 1966, с. 217; *Кадеев В. И.*, 1973а). Вместе с тем херсонесские захоронения со скорченными костяками первых веков нашей эры связывают с сарматами (*Кадеев В. И.*, 1975, с. 36). По-разному расцениваются находки оружия в могилах. М. И. Ростовцев (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 196, 235) считает, что оружие свидетельствует о принадлежности могил негреческому населению, а Г. А. Цветаева (*Цветаева Г. А.*, 1951, с. 67 сл.) придерживается мнения, что это могилы греков. Наибольшее распространение в античных некрополях Северного Причерноморья получили, по-видимому, те обычаи, которые соответствовали традициям, распространенным как в греческом, так и варварском мире (*Кастанаян Е. Г.*, 1959, с. 263). К ним относится и устройство на могилах тризны, своего рода поминок, от которых сохранялись скопления костей животных и птиц и множество битой посуды. Остатки тризн встречаются и в грунтовых и в курганных некрополях. Е. Г. Кастанаян констатирует широкое распространение этого обряда в Гомеровской Греции и приходит к выводу, что первые переселенцы перенесли его в Северное Причерноморье, где он и нашел благоприятную почву.

С IV в. до н. э. наблюдается большее разнообразие в типах погребальных сооружений. Во второй половине IV в. до н. э. вначале в Ольвии, а затем и в других городах, появляются земляные склепы. В Ольвии они составляют больше 50% захоронений (*Парович-Пешикан М. Б.*, 1974, с. 19 и сл.). В некрополях Пантикапея, Тузлы, Гермонассы, Кеп, Фанагории, Тирамбы земляные склепы появляются в III в. до н. э. (*Блаватский В. Д.*, 1951в, с. 189 сл.; *Цветаева Г. А.*, 1951, с. 73; *Сорокина Н. П.*, 1957, с. 25 и сл.; *Коровина А. К.*, 1968а, с. 75), в Херсонесе с I в. н. э. (*Белов Г. Д.*, 1948б, с. 157). Конструкция их не единообразна. Так, например, в Ольвии наибольшее распространение получили однокамерные склепы с длинным дромосом, в Пантикапее — двухкамерные склепы с обычными входными ямами. Появление склепов в некрополях городов Северного Причерноморья объясняют влиянием античной погребальной традиции Средиземноморья, другие связывают их с проникновением сарматского населения или с традициями, восходящими к эпохе поздней бронзы в Прикубанье. С античной традицией связано широкое распространение (с IV в. до н. э.) черепичных гробниц, хорошо известных в античном мире. В Херсонесе они составляют около четверти всех захоронений (*Белов Г. Д.*, 1948б, с. 157). Встречаются они на Боспоре, в том числе в курганных захоронениях (*Кобылина М. М.*, 1951б, с. 242; *Цветаева Г. А.*, 1951, с. 71, 73). В Ольвии в могилах находят только отдельные обломки черепицы (*Парович-Пешикан М. Б.*, 1974, с. 13). Видимо, с варварской погребальной традицией связано распространение подбойных могил. В IV — начале III в. до н. э. в Ольвии они составляют около 50% всех могил; в III в. до н. э. их около 28,4% — а во II—I вв. до н. э. их совсем мало. В III в. до н. э. появляются подбойные могилы в Пантикапее. Со II в. до н. э. они там широко распространены и появляются на азиатской стороне Боспора. М. Парович-Пешикан считает, что они ведут свое начало от скифской погребальной традиции сооружения катакомб. На Боспоре их появление связывают с притоком в города сарматского населения.

Для Боспора IV в. до н. э. характерно строительство каменных склепов и склепов, вырубленных в скале. Их форма зависела от грунта (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 255). Над ними большей частью насыпались курганы, но встречаются некрополи с могилами, вырубленными в скале и без курганных насыпей (*Капошина С. И.*, 1959, с. 108 сл.; *Гайдукевич В. Ф.*, 1959б, с. 154 сл.). В Ольвии большая часть каменных склепов относится к эпохе эллинизма и совсем немного к первым векам нашей эры (*Парович-Пешикан М. Б.*, 1974, с. 38). Курганы окружают все города Северного Причерноморья, но особенно много их вокруг Пантикапея. Самые большие из курганов достигают высоты 25 м, но наиболее распространены курганы высотой от 5 до 10 м.

Курганные насыпи для прочности часто делали из нескольких слоев камня, морской травы и земли. Многие курганы вокруг насыпи обносились канавкой или рвом, а также каменной оградой-крепидой. Основная группа курганов Северного Причерноморья была возведена в IV—III вв. до н. э., со II—I вв. до н. э. этот обычай уходит в прошлое, позднее курганов почти не сооружали, для захоронения, как правило, использовали курганы, возведенные в более ранний период. Единичные курганы позднего времени уступают ранним по высоте и по богатству (*Цветаева Г. А.*, 1957а, с. 227 сл.). Чаще всего в курганах прослеживаются те же конструкции могил и черты обряда, что и в грунтовом некрополе. До IV в. до н. э. в могилах преобладают одиночные захоронения. Со строительством склепов появляются захоронения, содержащие несколько костяков, как например, в могильнике второй половины IV — первой половины III в., до н. э. в районе поселка им. Войкова близ Керчи (*Капошина С. И.*, 1959).

На сельской территории античных городов могильники VI—IV вв. до н. э. как грунтовые, так и курганные, исследовались главным образом, на Керченском полуострове и вблизи Анапы. Они, по-видимому, принадлежали негреческому населению (*Лесков А. М.*, 1961; *Масленников А. А.*, 1976а,б,в; *Яковенко Э. В.*, 1970, с. 113 сл.). Возможно, только в могильнике у поселения Южно-Чурубашское были погребены боспорские греки — владельцы усадьбы (*Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 248). Захоронения VI—IV вв. до н. э. отличаются разнообразием погребальных сооружений и обрядов: простые грунтовые могилы, захоронения в каменных ящиках, составленных из «дикарных» плит часто с каменными обкладками вокруг ящиков, подбойные могилы и склепы. Встречаются одиночные захоронения и могилы, содержащие до 22 погребенных. Ориентировка покойников различна, но преобладает западная. Положение погребенных чаще вытянутое, но встречается и скорченное. Для могильников первых веков нашей эры, открытых у сельских поселений Золотое, Семеновка, Ново-Отрадное, Кыз-Аул, Фронтовое II наиболее характерны простые грунтовые могилы, часто перекрытые плитами и могилы, обложенные каменными плитами с такими же перекрытиями, реже встречаются подбойные могилы и склепы. Встречаются могилы с одиночными и с многократными захоронениями. Преобладает восточная ориентация погребенных (*Дирин А. А.*, 1896, с. 127 сл.; *Гайдукевич В. Ф.*, 1959б, с. 137 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1969, с. 98 сл.; *Арсеньева Т. М.*, 1970б, с. 82 сл.; *Корпусова В. Н.*, 1971, с. 86 сл.). Стандартность в наборе погребального инвентаря видимо, свидетельствует о приблизительно одинаковом социальном положении сельского населения в первых веках нашей эры. Раскопан только один могильник конца III—IV вв. у с. Заморское (*Корпусова В. Н.*, 1968, с. 16 сл.), где были земляные могилы с одиночными захоронениями.

Саркофаги и надгробия. С обрядом погребения связано изготовление саркофагов и погребальных памятников — рельефных плит и статуй. Деревянные саркофаги известны в Северном Причерноморье с самого начала существования античных городов, но они плохо сохранились (*Сокольский Н. И.*, 1969а). Древнейший тип саркофага представлял собою ящик на ножках с двускатной крышкой. Этот тип сохранялся и позднее. В период расцвета Боспорского государства в IV—III вв. до н. э. были созданы не только роскошные каменные склепы с уступчатыми и коробовыми сводами, но и саркофаги с архитектурным декором, например, деревянный саркофаг из V кургана Юз-Обы (близ Пантикапея) (табл. CXXVI, *1*). Его узкий фасад представляет как бы схему фасада храма с фронтоном и с акротериями на коньке и на углах в виде позолоченных пальметок с волютами, характерными для IV в. до н. э. (*Ваулина М. П.*, 1971, с. 60, рис. 6—8). Позолоченный карниз состоит из сухариков и ов резной и токарной работы. Живописно сочетание различных пород дерева, вставок из тонких досок, окрашенных в красный цвет, окаймленных позолоченным киматием и нитью жемчужника. Еще большим богатством резных украшений отличается саркофаг, найденный близ Анапы в подкурганном каменном склепе III в. до н. э. (*Иванова А. П.*, 1958, с. 95 сл.). На средней доске, окрашенной в розовый цвет и обрамленной тонко исполненным резным орнаментом лесбийского киматия и нити жемчужника, были укреплены резные позолоченные изображения нереид на гиппокампах, тритонах и драконах, везущих оружие Ахиллу (табл. CXXVI, *3*, *4*; CXXVII. *4*). Ножки саркофага сделаны, как пилястры, с вертикальным углублением в середине, окрашенным в розовый цвет и заполненным резным позолоченным орнаментом, составленным из побегов аканфа, цветов и пальметт.

Наряду с деревянными саркофагами создавались мраморные и известняковые. Таманский мраморный саркофаг второй половины IV в. до н. э. монументальный, строгий, греческой работы (табл. CXXVI, *2*) был открыт в кургане на Лысой горе к западу от станицы Таманской (*Пятышева Н. В.*, 1949, с. 5, 6). Он имеет профилированное основание, украшенное рельефным лесбийским киматием. Гладкие стенки завершаются карнизом из крупных зубчиков, над ним жемчужник и овы. Мраморные акротерии размещены на коньке и на длинных сторонах двускатного перекрытия. В средней части розовые полосы, на них позолоченные розетты. В I в. н. э. типы саркофагов меняются и в конструкции и в декоре. Деревянный саркофаг, найденный в каменной гробнице к югу от Золотого кургана, имеет черты храма римского времени: подий на ступенчатом основании, стенки, расчлененные пилястрами и между ними узкими арками высокий антаблемент и двускатное перекрытие. С узкой стороны он открыт для впуска ложа с покойником, по углам были колонны, сохранились остатки синей краски на каннелюрах колонн и белой на остальных частях саркофага (*Сокольский Н. И.*, 1969а, с. 58). Форма каменных саркофагов первых веков нашей эры упрощена. Огромный мраморный саркофаг I—II вв. из Керчи имеет совершенно гладкие стенки и тяжелую двускатную крышу с огромными, гладкими акротериями по углам. Монолитный каменный саркофаг I в. н. э., открытый в Керчи, имел округлую крышку (*Блаватский В. Д.*, 1962а, с. 78—63, рис. 55). Некоторые саркофаги этого времени из местного известняка снаружи ничем не украшенные, внутри были расписаны по штукатурке подобно росписям склепов

(*Ростовцев М. И.*, 1912а, табл. XCII—XCIV) (табл. CVII, *4*). Уникальным является роскошный мраморный саркофаг из Мирмекия II в. н. э. Саркофаг сильно поврежден. На его стенках в рельефе представлены сцены из сказания об Ахилле, на крышке саркофага — возлежащие мужчина и женщина (*Марти Ю. Ю.*, 1926, с. 11, 12, рис. 5; *Блаватский В. Д.*, 1947а, с. 100, 101, рис. 66). Кроме резных орнаментов, деревянные саркофаги, особенно боспорские, уже с конца V в. до н. э. украшались инкрустациями из слоновой кости, резными деревянными фигурами и терракотовыми прилепами. К IV в. до н. э. относятся пластины слоновой кости, приклеплявшиеся к стенкам саркофага из кургана Куль-Обы (*Передольская А. А.*, 1945б, с. 47—67, рис. III, IV). По своему стилю рисунок близок краснофигурным росписям на вазах и аттическим рельефам конца V — начала IV в. до н. э. Сюжеты изображений — похищение дочерей царя Левкиппа Диоскурами и суд Париса (табл. CXXVII, *1*).

С начала I в. н. э. по II в. н. э. распространяются украшения из гипса и глины (*Берзина С. Я.*, 1962, с. 237, сл., рис. 1—3, 9—11). В Ольвии найдены фрагменты полихромных гипсовых орнаментов, украшавших деревянные саркофаги (*Фармаковский Б. В.*, 1906а, с. 30, 31), в Тиритаке в погребениях I в. в земляном склепе обнаружены разнообразные гипсовые прилепы; архитектурные детали (*Блаватский В. Д.*, 1941в, с. 68 сл., рис. 106, 107) (табл. CXXVII, *6*), изображения апотропического значения (маска Медузы), хтонического значения, связанные с культом Деметры и Диониса, театральные маски, маски силена, пана, менад, Диониса (*Watzinger C.*, 1905, с. 52). С особой экспрессией изображается миф о гибели детей Ниобы. Выделяются 25 типов фигурок ниобид (*Жебелев С. А.*, 1901, рис. 1—25). Деревянный саркофаг, найденный в 1874 г., был украшен гипсовыми фигурами ниобид, размещенными между приставными колонками (табл. CXXVI, *6*). В Пантикапее найдена форма для оттискивания фигуры умирающей ниобиды, принадлежащая руке хорошего местного мастера (*Блаватский В. Д.*, 1951а, с. 223, рис. 73, *3*).

К погребальному обряду относится установка на могиле памятника с именем умершего. Самые древние надгробные стелы имели вид плиты с надписью — именем умершего. Такова стела Метродота, сына Аполлодора (начало V в. до н. э.) из Керчи (КБН, 207). Но уже в V в. появляется более сложный тип — плита, завершающаяся акротерием в виде пальметты (табл. CXXVIII, *1*). В одном из курганов Фанагории был обнаружен огромный мраморный акротерий, очевидно, привезенный из Аттики (табл. CXXVIII, *2*). Уже в V в. до н. э. в Аттике появились надгробия с изображением умершего, стоящего или сидящего, обрамленного столбами или колоннами, на которых лежит антаблемент, а над ними поднимается фронтон с акротериями: создается героизированный образ умершего. Этот тип надгробий в Северном Причерноморье встречается чаще всего со II в. до н. э. по II в. н. э. В центре фронтона нередко помещена розетта. Свободное пространство над фронтоном также украшено розеттами (табл. CIV, *1*). В первые века нашей эры встречаются двух- и трехъярусные стелы, где повторены основные типы изображений — возлежащего на ложе умершего, пирующего как герой у столика с явствами; ниже он же вооруженный на коне, около него слуги, еще ниже сидящая на троне женщина в грустной позе (табл. CIV, *6*). На этих стелах встречаются и мифологические образы, как например, Гермес Психопомп, сопровождающий умершего в страну мертвых. Иногда он изображен на фронтоне (*Иванова А. П.*, 1961, табл. 13, 47) как и Великая Богиня на стеле из Танаиса (*Болтунова А. И.*, 1972, с. 281).

На могилах ставили статуи умершего. Такие статуи в виде фигур, стоящих на постаменте, нередко изображаются и на надгробных стелах. Например, на стеле Деметрия (I в. н. э.) из Пантикапея видим статую всадника рядом с воином (табл. CIV, *4*). В первые века нашей эры популярен тип статуи женщины в длинном хитоне и покрывале, которое она придерживает у груди правой рукой (табл. CIII, *4, 6*). Эти статуи различного качества исполнения — яркие образцы местной скульптуры. Более ранние изображения на стелах повторяют античные типы (табл. CXXVIII, *6*). На более поздних надгробиях тот же тип схематизирован (табл. CIV, *1*). Излюбленными сюжетами изображений на надгробиях I — II вв. являются типы вооруженных всадников.

Особую группу представляют надгробия Херсонеса. При раскопках башни Зенона были открыты великолепной сохранности надгробные плиты IV—III вв. до н. э. из местного известняка с архитектурным тонко исполненным орнаментом, сохранившим полихромию. Они завершались или акротерием или фронтоном, а под ним в барельефе изображены или оружие, или принадлежности палестрита (стригиль и алабастр) или перевязь и вырезанное или написанное краской имя умершего (табл. CXXVIII, *3—5*). Надгробия этого типа свидетельствуют о сохранении чисто греческих традиций в местном искусстве Херсонеса (*Даниленко В. Н.*, 1969, с. 29 сл., рис. 13—21; *Колесникова Л. Г.*, 1969, с. 44 сл., рис. 22—27; *Стржелецкий С. Ф.*, 1969а, с. 7 сл., рис. 7). В период зависимости от Боспора в Херсонес проникают типы боспорских стел с рельефными изображениями, например, сидящей в кресле женщины или стоящих фигур (*Соломоник Э. И.*, 1974, рис. 53). В первые века нашей эры заметно влияние римского искусства (*Белов Г. Д.*, 1938а, с. 66 сл.; АСХ, рис. 180, 182—188) (табл. CV, *1, 4, 6*). Известна серия херсонесских надгробий) связанная с римскими солдатами. Они повторяют тип изображения умершего в виде бюста, принятый на надгробиях Италии и западных римских провинций и имеют латинскую надпись. Эти изображения исполнены с явной тенденцией к портретному сходству, свойственной римскому портрету. Ярким образцом является надгробие солдата Аврелия Виктора (табл. CV, *6*). Портрет и надпись исполнены на мраморной доске (*Белов Г. Д.*, 1948а, табл. XIV). Надгробие II в. Аврелия Сальвиана трубача XII Клавдиева легиона (табл. CV, *5*) (*Блаватский В. Д.*, 1961а, с. 87, рис. 31). Ко II—III вв. н. э. относится надгробие Люция Фурия Севта, префекта первой когорты фракийского отряда, происходящее возможно, из Харакса (табл. CIV, *5*). Оно находит аналогии во фракийском искусстве.

Глава двенадцатая
Быт

Жители античных городов Северного Причерноморья в своем быту старались следовать привычному для греков образу жизни, особенно это заметно в раннее время. Позднее на греческий уклад жизни наложился некоторый варварский отпечаток.

Археологические материалы являются основным источником для воссоздания быта обитателей античных городов и сельских поселений Северного Причерноморья. Иногда предметы, окружающие людей в их повседневной жизни, приходится реконструировать по находкам фрагментов вещей, на основании их воспроизведений на настенных росписях склепов, на надгробных рельефах или других памятниках искусства (табл. CVII, *4*; CX; CXXI, *3*). Это особенно касается изделий из дерева и тканей, например, мебели, ковров, одежды.

Мебель. Повседневная мебель изготавливалась главным образом из дерева и отделывалась костью, металлом. С эпохи эллинизма, когда металлические изделия получили более широкое распространение, из металла делали основу для ложа, треножники для светильников. Мебель из камня, особенно из мрамора, имела парадный характер. Вместе с тем столики, лежанки, лари и кормушки, сложенные из плохо отработанных каменных плит, присутствуют во многих жилищах рядового сельского поселения Боспора, особенно в первые века нашей эры.

Детали мебели или ее украшения, найденные в Северном Причерноморье, дают возможность реконструировать некоторые типы мебели, употреблявшиеся в городах (*Сокольский Н. И.*, 1971, с. 87 сл.). Ложа представляли собой прямоугольную деревянную раму, на которую натягивалась сетка из веревок или полос кожи или ее делали из деревянных полос. Ложе имело приподнятое изголовье и ножки различной конфигурации. Особенно роскошные ложа имели инкрустации и накладки из золота, серебра, черепахи или слоновой кости. Костяные накладки с волютами и стеклянными инструктациями в центре волют были найдены в кургане Куль-Оба (табл. CXXIX, *6*), в Мирмекии, Парфении, в поселении Золотое Восточное и других местах. Все они, кроме кульобской, местного производства. Применение металлических частей и украшений возрастает в эллинистический период. Для этого времени характерно завершение изголовья ложа в виде головы льва, лошади, утки и т. д. В первые века нашей эры применялись ложа с одним изогнутым изголовьем (табл. CXXIX, *10—12*), с двумя высокими бортами (табл. CXXIX, *13*, *15*) и со спинкой (табл. CXXIX, 14).

Мебель жилых помещений составляли так же столы, кресла, стулья и табуреты. Стулья VI—V вв. до н. э. иногда украшались навершиями из слоновой кости в виде лебединой головы (табл. CXXIX, *2а*). Известные нам по архаическим терракотам Северного Причерноморья кресла имели прямую спинку с выступами по углам, прямые ножки и подлокотники. Для IV в. до н. э. характерны, видимо, ножки изогнутой формы, как на мраморном кресле из Пантикапея (табл. CXVIII, *2*). Особенностью кресел и стульев первых веков нашей эры является их прямоугольная форма — прямые спинки и ножки, а также обильное применение точеных деталей (табл. CXXIX, *16—24*). Отличие кресла от стула заключалось только в наличии у кресла подлокотников, как прямых, так и точеных, в виде аркады (табл. CXXIX, *21, 22*), а иногда и украшенных на концах искусно выточенными из дерева бараньими головками или фигурами сфинксов (табл. CXXIX, *21*). Известны кресла с полукруглой спинкой, переходящей в борта, о чем свидетельствуют терракотовые изображения и росписи саркофага I в. из Пантикапея (АДЖ, табл. XVII, *1*) (табл. CXXIX, *18*, *25*). На сиденья стульев и кресел клали подушки.

Табуреты уже в раннюю эпоху имели точеные ножки и напоминали стулья, лишенные спинок (табл. CXXIX, *26*). Сиденье составляла кожаная сетка, натянутая на раму. Употреблялись и более простые по конструкции табуреты тумбообразной формы (табл. CXXIX, *27*).

Столы — трапезы в архаическую и классическую эпохи также, как и в Средиземноморье, были, по-видимому, в основном прямоугольными. Изображения прямоугольных столов на четырех или двух сплошных ножках встречаются на рельефах (*Соколов Г. И.*, 1973, с. 134), на надгробьях и в росписях склепов (*Сокольский Н. И.*, 1971, табл. VIII, *15*). На Фанагорийском надгробии Агафа II в. н. э. изображен прямоугольный стол на трех ножках (*Кобылина М. М.*, 1956, рис. 23, *1*) подобный распространенным в Греции в VI—V вв. до н. э. Широкое применение, особенно с эпохи эллинизма, имели круглые столы на трех ножках. Чаще всего они были деревянными, но делали их также из мрамора, иногда из металла. Нижняя часть ножек была оформлена в виде копыт (табл. CXXIX, *29—32*). Верхняя часть ножек могла иметь скульптурное оформление в виде головки животного (табл. CXXIX, *29*). Использовались также небольшие столики на одной ножке, имевшие парадный или подсобный характер (табл. CXXIX, *33*, *34*). Мраморные столы служили монументальной парадной мебелью. В домах простых жителей, особенно живущих в сельских поселках, мебель была примитивной, часто ею служили плоские каменные плиты, из которых сооружались каменные лари, лежанки, каменные столики (*Кругликова И. Т.*, 1970б, с. 17, 64; 1975а, с. 97; *Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, с. 51, рис. 38, с. 115, рис. 117).

Сундуки в виде деревянных ящиков или ларей с крышкой, вращающейся на шарнирах, использовались для хранения одежды, различных ценных пред-

метов и утвари. Сундуки могли иметь бронзовые оковки, ручки, замки. Для сундуков I—IV вв. н. э. характерны прямоугольная форма и плоская крышка. Широкое распространение арок в строительстве сказалось на орнаментации мебели, и на украшениях сундуков, что видно на их терракотовых моделях (табл. CXXX, *3*).

В убранстве жилищ большую роль играли ковры, подушки, покрывала, занавески. На своде Васюринского склепа изображен синий ковер с темнокрасной каймой и кистями по углам (АДЖ, с. 62, табл. XV). Коврами пользовались в палатках или юртах, ставившихся в окрестностях города в летнее время (АДЖ, с. 173). К предметам внутреннего убранства дома относились также портреты в деревянных рамах, как это видно в росписи саркофага 1900 г., терракоты с изображением бытовых сцен и комических сюжетов (ТСП), фигурные вазы и светильники и др.

Бытовая утварь, отопление, освещение, предметы туалета, игрушки. Для хранения запасов зерна, солений, вина пользовались пифосами, частично врывавшимися в землю. Вино, масло хранились также в амфорах. При переливании жидкости пользовались глиняными воронками (*Кругликова И. Т.*, 1970б, с. 27, рис. 18), для изготовления сыра служили сосуды с отверстиями, иногда на трех ножках (*Кругликова И. Т.*, 1963б, с. 47, рис. 17, *5*; *Гайдукевич В. Ф.*, 1958в, с. 72—73, рис. 64*а*, *б*). В хозяйстве использовались плетеные корзины (*Сокольский Н. И.*, 1971, рис. 74, 75, 77). Употреблялись ложки различной формы и из разного материала (кости, металла, дерева). Небольшие ложечки, найденные в Херсонесе, Ольвии (*Финогенова С. И.*, 1967, с. 161, рис. 8,*1*; 9, *4*, *6*) применялись для дозировки при приеме лекарств, ими пользовались и как туалетными ложечками (*Кругликова И. Т.*, 1969, с. 107, рис. 9,*5*; *Парович-Пешикан М. Б.*, 1974, с. 137, рис. 105, *14*).

Для приготовления пищи горшки или сковороды ставились на специальные боченкообразные подставки, внутри которых разжигались угли (табл. CXXXI). Это была своеобразная переносная печь, употребляемая от VI в. до н. э. по III в. н. э. (*Зеест И. Б.*, *Марченко И. Д.*, 1962, с. 161). Употреблялись также более низкие жаровни для жарения на вертеле и выпечки хлеба. Для нагревания воды в первые века нашей эры пользовались цилиндрическими бронзовыми сосудами в форме большого бака с подогревом и с носиком в виде литой головы силена, имеющим краник. Кроме переносных печей-жаровен в домах сооружались очаги из камней и глины. Для архаической эпохи характерны округлые в плане очаги, сделанные из камней, обмазанных глиной внутри топки (*Гайдукевич В. Ф.*, 1949, с. 37 сл.; 1952б, с. 76, рис. 90; *Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 33; *Блаватский В. Д.*, 1955в, с. 77). В первые века нашей эры наряду с печами овальной формы (*Бураков А. В.*, 1976, с. 19; *Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 117) получили распространение печи прямоугольной формы, со стенками из каменных плит, поставленных на ребро и обмазанных глиной с внутренней стороны. Посредине также был каменный или глинобитный столб, иногда — два (см. *Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 112, рис. 58) для поддержания глиняной плиты. Пол несколько приподнят от пола, он выложен камнем или обмазан глиной, обожженной до прочности черепка (*Бураков А. В.*, 1976, с. 43 сл.; *Кругликова И. Т.*, 1970б, с. 59). Над печью II—III вв. имелось окно для вытяжки дыма, для чего в глиняной крышке печи проделано отверстие (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, с. 34, 77). Печь служила и для обогрева помещения и для приготовления пищи. Рядом с печью обычно была ямка для выгребания золы. Известны также глиняные полукольца для установки сосудов в печи при варке пищи (*Сокольский Н. И.*, 1966б, с. 134, рис. 6,*2*; с. 137, рис. 9).

Светильники для освещения жилищ были очень разнообразны. Наиболее распространены были глиняные. Светильники VI—V вв. до н. э., находимые в Северном Причерноморье, сделаны на гончарном круге. Они имели круглую форму со слегка загнутыми внутрь краями, открытое вместилище для масла, один или два выступающих рожка для фитиля и петлеобразную горизонтально поставленную ручку (табл. CXXXII, *1—6*). Последняя, впрочем могла отсутствовать. Импортные светильники, привозимые из Аттики и Малой Азии, были покрыты черным лаком. Местные светильники, подражая по форме импортным, были худшего качества. Иногда на дне светильников, в центре, была втулка для насаживания их на вертикальный стержень подставки (*Вальдгауэр О. Ф.*, 1914, табл. I, *7*, *9*, *10*; II, *24*, *25*; *Гайдукевич В. Ф.*, 1952а, с. 197, рис. 107). В IV—III вв. до н. э. форма светильников начинает изменяться: отверстие для масла становится уже, а стенка несколько выше (табл. CXXXI, *8—10*; *Вальдгауэр О. Ф.*, 1914, табл. II). Со II—I вв. до н. э. светильники оттискивались в формах и составлялись из двух частей. Вместилище для масла было закрыто верхним щитком, на котором было оттиснуто рельефное изображение или орнамент; для наливания масла имелось специальное небольшое отверстие (табл. CXXXI, *8—10*). Округлый или заостренный рожок стал более вытянутым, ручка поставлена вертикально. Формы светильников этого времени более разнообразны. Иногда светильники делались вместе с высокой подставкой (табл. CXXXII, *14*) (*Кругликова И. Т.*, 1962в, с. 222). Встречались светильники, укрепленные на статуэтках (*Кругликова И. Т.*, 1975б, с. 52; *Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, с. 82, рис. 75). В Северном Причерноморье применялись также многорожковые светильники, сделанные из серой глины и покрытые черной матовой краской (табл. CXXXII, 17, 18) (*Кобылина М. М.*, 1966б, с. 179). Светильники первых веков нашей эры также оттиснутые в форме, имеют менее выступающий рожок, они отличаются орнаментацией щитка, округлой или заостренной формой рожка и качеством покрывающего их красного лака. Для III—IV вв, характерна яйцевидная форма светильников со стилизованным орнаментом в виде лавровых или пальмовых листьев (*Гайдукевич В. Ф.*, 1958б, с. 40). Интересные херсонесские светильники III—IV вв. с клеймом мастера ΧΡΥΣΟΥ (*Щеглов А. Н.*, 1961б). Местные лепные светильники имеют или ладьевидную форму, или форму открытой чаши на высокой ножке (*Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 77, рис. 17; с. 141, рис. 31). Импортные бронзовые светильники особенно многочисленные в первые века нашей эры, имели различные рельефные изоб-

ражения и нередко ставились или подвешивались на высокие металлические подставки — канделябры (*Книпович Т. Н.*, 1949а, с. 50 сл.; *Шелов Д. Б.*, 1972а).

Обычными находками среди предметов быта были гребни, главным образом деревянные, двусторонние. Наиболее ранние экземпляры VI—II вв. до н. э. (табл. СХХХ, *8*, *9*) имели немного вогнутые стороны, иногда были украшены нарезным орнаментом (*Сокольский Н. И.*, 1971, с. 138 сл.). К I—II вв. н. э. относится целый ряд гребней, имеющих в середине прорезные греческие буквы, обозначающие дар: «дар хозяйке», «дар сестре» и т. д. (табл. СХХХ, *10*). Для гребней III—IV вв. н. э. характерна орнаментация концентрическими кружками. Один из позднеантичных костяных гребней был украшен бронзовыми заклепками (табл. СХХХ, *12*). Гребни хранились в футлярах с выдвижными крышками. В Керчи найден был футляр с тремя отделениями, в одном из них лежал гребень, в другом — зеркало (табл. СХХХ, *11*) (ОАК, 1899, с. 129). В Танаисе была найдена круглая бронзовая коробочка — возможно также футляр для зеркала (*Арсеньева Т. М.*, 1977а, с. 132).

К мелким предметам, характерным для женского быта, относятся также туалетные палочки и шпильки. Интересны футляры для швейных принадлежностей, напоминающие современные. Это деревянный футляр в виде цилиндра длиной 11 см со снимающимся колпачком; они имел внутри катушку, на которую наматывались нитки разного цвета, а в полое ее отверстие вставлялись иголки. Известны деревянные и бронзовые иглы (со II в. до н. э.) (*Сокольский Н. И.*, 1971, с. 215 сл.; *Парович-Пешикан М. Б.*, 1974, с. 138).

Для хранения мелких предметов употреблялись деревянные ларцы, напоминающие своей формой сундуки и деревянные коробки. Ларцы часто имели ножки в виде львиных лап, и были украшены резными колонками, инкрустацией, росписью и представляли собой дорогие предметы. Изредка ларцы украшались костью. В Фанагории найден ларец, обтянутый материей, а в Керчи — кожей (*Сокольский Н. И.*, 1971, с. 130 сл.). В первые века нашей эры пользовались ларцами с двускатной или пирамидальной крышкой. Часты находки бронзовых ключей-перстней от ларцов (*Кругликова И. Т.*, 1966а, с. 135, рис. 28, *1*).

Леканы — женские глиняные туалетные сосуды — были особенно распространены с IV в. до н. э. Это приземистый сосуд с двумя ручками и крышкой, на которой в краснофигурной технике живописи часто изображены сцены из жизни богатой гречанки — облачение ее в одежды и украшения с помощью служанок. Неотъемлемым персонажем этих сцен является изображение Эрота, парящего над красавицей. В Пантикапее найдены обломки лекан известных аттических мастеров росписи V в. до н. э. (*Лосева Н. М.*, 1962, с. 168, рис. 2, с. 171), большинство же фрагментов лекан относится к IV в. до н. э. (*Цветаева Г. А.*, 1957б, с. 193, рис. 5, *1*, *2*). В I—III вв. н. э. применялись для туалетных целей шкатулки с выдвижной крышкой (табл. СХХХ, *3*), которые заменили леканы.

Пиксиды — небольшие шкатулки с крышкой также применялись для туалетных целей — хранения белил, румян, шпилек и т. д. Пиксиды делались из обожженной глины, кости, но чаще всего, особенно с эпохи эллинизма — из дерева (табл. СХХХ, *7*). Они отличаются высоким качеством токарной работы, разнообразием форм (цилиндрическая, шаровидная, рюмкообразная и др.) и орнаментации (табл. СХХХ, *4—6*; *Сокольский Н. И.*, 1971, с. 199 сл.). Часто цилиндрические пиксиды имели запоры и вокруг замочного выреза украшались кружками, что характерно для пиксид I—II вв. Реже встречались горшечкообразные пиксиды со сложной профилировкой. Для III—IV вв. характерны пиксиды без орнамента, с плоской крышкой и дном.

Зеркало было необходимой принадлежностью быта богатых женщин. Бронзовые зеркала встречались во все периоды истории античных государств (табл. CLXV). Для V в. до н. э. характерны массивные зеркала с литыми бронзовыми дисками и ручкой, украшенной аппликацией волютами и пальметтой из серебра с золотой отделкой (*Билимович З. А.*, 1973, с. 42 сл.) Эти были очень дорогие зеркала, которые берегли и передавали по наследству. Находят их главным образом в богатых курганных погребениях столицы Боспора и в крупных городах — Ольвии (*Прушевская Е. О.*, 1955, с. 330), Нимфее (*Силантьева Л. Ф.*, 1959, с. 66, 104). В III—I вв. до н. э. получают распространение зеркала в виде плоского диска, форма их в основе античная. Большинство зеркал, распространенных в первые века нашей эры, связаны с сарматской культурной традицией (*Книпович Т. Н.*, 1949а, с. 55 и сл.). Это небольшие зеркала с боковым ушком или петлей в центре и с орнаментом с оборотной стороны (*Шелов Д. Б.*, 1961а, табл. XXXVII, *1*; *Арсеньева Т. М.*, 1977а, табл. XXXVII, *1—5*; XXXVIII, *1*). Их часто находят в могилах в разбитом виде, что объясняется влиянием сарматских погребальных обычаев.

Металлические золотые и серебряные туалетные сосуды были распространены в первые века нашей эры. Золотой флакон, украшенный в боспорско-сарматском стиле гранатами, найден в погребении первой половины III в. боспорского царя Рескупорида III (*Прушевская Е. О.*, 1955, с. 352, рис. 38), серебряные флаконы I в.— в погребениях Танаиса (*Шелов Д. Б.*, 1961а, с. 81, табл. X, *5*, *6*).

Детские игрушки находили главным образом в погребениях. Чаще всего сделаны они из обожженной глины. Найдены погремушки VI в. до н. э., напоминающие современные (табл. CXXXIV, *1*) и I—II вв. в ввиде двустворчатой раковины (табл. CXXXIV, *12*) (*Чуистова Л. И.*, 1959, с. 240) или в виде колыбели, на которой изображен лежащий ребенок со скрещенными ножками, придерживающий рукой игрушечного оленя и спираль (табл. CXXXIV, *20*) (*Силантьева Л. Ф.*, 1974, табл. 49, *2*). Куклы с подвесными ногами и руками известны в погребениях Северного Причерноморья с V в. до н. э. (табл. CXXXIV, *9*, *10*) (*Силантьева Л. Ф.*, 1959; 1974, с. 5 сл., табл. 4, № *1*), I—II вв. датируется игрушечный воин с подвесными ногами (ТСП, с. 55, табл. 47, *5*). К этому же времени относится деревянная игрушка — горит с луком (*Сокольский Н. И.*, 1971, рис. 68). Любимыми игрушками, очевидно, были и терракотовые разнообразные пово-

зочки, запряженные бычками (первые века нашей эры) (табл. CXXXIV, *13–15, 19*) (*Сокольский Н. И.*, 1971, табл. XX, *1, 3*; *Силантьева Л. Ф.*, 1974, табл. 51, 52). К этому же времени относится терракотовая лошадка на колесиках, найденная в Херсонесе (табл. CXXXIV, *16*) (*Белов Г. Д.*, 1970, табл. 18, *3*). В детских погребениях эпохи эллинизма и позднее встречаются также игрушки — изображения различных животных, птиц, собак, барашков, петухов. Кроме перечисленных игрушек, часто находят также костяные астрагалы («бабки») (*Кругликова И. Т.*, 1968, с. 209).

Керамика. Глиняная посуда встречается в большом количестве как в богатых, так и в бедных жилищах, по способу производства она делится на гончарную и лепную, по назначению различаются столовые и кухонные сосуды, керамическая тара, декоративные вазы, керамические светильники, туалетные и палестрические сосуды. Глиняные сосуды разделяются и по способу орнаментации поверхности на расписные, чернолаковые и краснолаковые, фигурные и рельефные вазы; выделяется гончарная посуда без специального покрытия поверхности.

Гончарная посуда была наиболее распространенной. Формы ее, как импортной, так и местной, были чрезвычайно разнообразны (табл. CXXXV—CXXXVII). Особенно большим разнообразием отличалась столовая посуда, подаваемая на пирах. Вино подавалось в амфорах, пеликах, кувшинах-ольпах и ойнохоях, вода — в трехручных сосудах — гидриях; для смешивания вина с водой применялись кратеры, диносы, для охлаждения воды — психторы, заполненные снегом и вставляемые в кратеры, для разливания вина — киафы. Вино пили из киликов, канфаров, ритонов, фиал и из более емких застольных чаш — скифосов, котил, кубков. Еда раскладывалась на тарелках, рыбных блюдах. Употреблялись солонки, гутусы для кормления детей, чаши. К сосудам для растительного масла и благовоний относятся палестрические сосуды-арибаллы, алабастры, бомбилии и туалетные сосуды — лекифы, амфориски, аски, флаконы. В быту употреблялись также глиняные сосуды для косметики и хранения украшений — пиксиды и леканы, а также тазы для умывания — лутерии. Среди кухонной посуды были разнообразные горшки, кастрюли с крышками (табл. CXXXVIII, *1, 9, 10, 24*), глиняные сковороды (табл. CXXXVIII, *26, 27*), всевозможные кувшины, миски и т. д. (табл. CXXXVIII, *2–8, 11–23, 29–43*). Сосудами, служившими тарой, были пифосы для хранения зерна и жидкостей, амфоры для перевозки и хранения вина и масла.

Древнейшей античной посудой, поступавшей в VII—VI вв. до н. э. в Северное Причерноморье из Средиземноморья, являлись изделия восточно-греческих центров — так называемая родосско-ионийская керамика, или родосско-милетская, производившаяся в Ионии (табл. CXXXIX; CXL). Она характеризуется особым стилем росписи, называемым ориентализирующим. Роспись родосско-ионийской керамики наносилась на поверхность сосуда, предварительно покрытую светлой облицовкой кремового цвета из разжиженной глины высокого качества. В росписи фигурируют стилизованные изображения животных, птиц, рыб и фантастических существ — сирены, сфинкса, крылатого коня и др. Рисунок контурный и силуэтный — чернофигурный. Последний появляется в ионийской керамике в середине VI в. до н. э. (*Блаватский В. Д.*, 1953в, с. 22, 80 сл.; *Копейкина Л. В.*, 1970, с. 93 и сл.). Часто употреблялись накладные краски — белая и пурпурная (*Копейкина Л. В.*, 1976, с. 138). Фон заполнялся различными орнаментальными элементами — розетками, крестиками, кружками, побегами плюща, точками и пятнами лака и другими растительными и геометрическими мотивами. Древнейшие находки этой керамики относятся уже к самому началу освоения греками этой области — ко второй половине VII — началу VI в. до н. э. (табл. CXXXIX). Одним из древнейших образцов родосско-ионийской керамики, найденной в Северном Причерноморье, является родосская ойнохоя 30-х гг. VII в. до н. э. из погребения на Темир-горе, вблизи Пантикапея (*Копейкина Л. В.*, 1972). Изображения отдельных фигур имеются на келебе конца VII в. до н. э. из поселения на острове Березань (табл. CXXXIX, *1*) и на амфоре первой половины VI в. до н. э. из Пантикапея (табл. CXL, *8*). К последней четверти VI в. до н. э. относится родосская амфора — стамнос из Березани, украшенная росписью коврового стиля с изображением льва, нападающего на оленя (табл. CXL, *5*). Широко ввозятся в первой половине VI в. до н. э. сосуды с росписью стиля «фикеллура», как например, амфориск из Пантикапея середины VI в. до н. э. (табл. CXLI, *6*). Особенно характерен для росписи этой группы орнамент в виде лепестков лотоса и полумесяцев. Встречаются также и фигурные изображения (*Блаватский В. Д.*, 1953в, с. 98). Значительную группу составляла керамика, изготовлявшаяся, возможно, в Навкратисе — греческой колонии в Египте. Главными особенностями ее являются покрытие белой облицовкой, по которой наносились черным лаком фигурные изображения или линейный орнамент. Рисунок фигурных изображений в эпоху расцвета стиля — контурный (*Энман Н. А.*, 1911, с. 142 сл.) (табл. CXLI, *3*), а позднее — силуэтный с гравировкой (табл. CXLI, *4*) (*Книпович Т. Н.*, 1941, с. 113). В середине VI в. до н. э. начинают ввозиться также ионийская керамика клазоменского стиля (табл. CXLI, *1, 5*) с характерной красочной росписью (*Энман Н. А.*, 1912, табл. VII–IX; *Книпович Т. Н.*, 1927, с. 85–101; *Сидорова Н. А.*, 1962, с. 104). Наиболее значительное место среди ионийской керамики в северопонтийских городах занимали сосуды с орнаментальной росписью в виде поясков, волнистых линий и различных комбинаций геометрического узора (*Шмидт Р. В.*, 1952, с. 239 сл.) (табл. CXL, *2–4, 6, 7, 9*). Во второй и третьей четверти VI в. до н. э. встречается коринфская керамика ориентализирующего типа — коврового или в виде отдельных изображений,— по преимуществу более поздние экземпляры (*Борисковская С. П.*, 1972). Это — амфориск из Ольвии, роспись которого выполнена в манере мастера Амперсанда первой половины VI в. до н. э. (табл. CXLI, *7*). В значительном количестве представлены сосуды мелких форм — арибаллы, скифосы, с чисто декоративными растительными и геометрическими орнаментами (*Малев И. П.*, 1914; *Шмидт Р. В.*, 1952, с. 236) (табл. CXLI, *2*).

Аттическая керамика начала поступать в Северное Причерноморье около середины VI в. до н. э. Среди импортных сосудов с чернофигурной росписью аттические (табл. CXLII) занимают первое место. Есть фрагменты ваз, расписанных прославленными мастерами вазописи VI в. до н. э., например, Лидосом (*Горбунова К. С.*, 1964, с. 297). Особую группу составляют килики с мелкофигурной росписью (табл. CXLII, *5*), в том числе расписанные Тлесоном — выдающимся афинским вазописцем третьей четверти VI в. до н. э. (*Скуднова В. М.*, 1957в; *Горбунова К. С.*, 1966). В первой половине V в. до н. э. усиливается ввоз ваз чернофигурного стиля (*Книпович Т. Н.*, 1955б, с. 362). Продолжают поступать они и в IV в. до н. э., когда этот стиль господствует лишь на панафинейских и псевдо-панафинейских амфорах (*Радлов Н. Э.*, 1912; *Пиотровский А. И.*, 1927) (табл. CXXXIII, *5*, *6*), выдававшихся в качестве приза на спортивных состязаниях, которыми сопровождались Большие и Малые Панафинеи — празднества, устраиваемые в Афинах в честь богини Афины. Росписи панафинейских амфор подражали амфориски с изображениями Афины на лицевой стороне и атлетов — победителей на оборотной (*Блаватский В. Д.*, 1953в, с. 262, сл.). С конца VI в. до н. э. в Аттике начинается производство краснофигурных ваз, в большом количестве ввозимых в Северное Причерноморье. Краснофигурные изображения на них наносились контурными линиями на поверхность сосуда, оставленную в цвете глины, после чего фон изображения покрывался черным лаком (табл. CXLIII). Характерна тщательная моделировка деталей (табл. CXLIII, *6*). В V в. до н. э. аттический черный лак отличается особо высоким качеством, приобретая блеск, близкий к зеркальному. В конце VI — начале V в. до н. э. в краснофигурной живописи господствует так называемый строгий стиль (табл. CXLIII, *1*, *2*, *6*, *7*), в котором изображения отличаются еще сильной условностью в трактовке фигур. С середины V в. до н. э. строгий стиль сменяется свободным стилем (*Блаватский В. Д.*, 1953в, с. 192 сл.). Для него характерна большая реалистичность и объемность изображений, передача фигур в смелых ракурсах и непринужденных позах (табл. CXLIII, *3–5*). В 20-х годах V в. до н. э. появляется так называемый роскошный стиль, отличающийся более сложными композициями, с ярко выраженной динамикой. Вазы роскошного стиля находили по преимуществу в Пантикапее и в его округе, отчего данный стиль получил также название керченского. Он был особенно распространен в IV в. до н. э. (*Книпович Т. Н.*, 1955б, с. 363). Образцом его служит кальпида IV в. до н. э. со сценой приношения даров новобрачной (табл. CXXXIII, *4*) и гидрия из Пантикапея. Чаще всего находят вазы беглого стиля IV — первой половины III в. до н. э., знаменующего упадок краснофигурной живописи (*Блаватский В. Д.*, 1953в, с. 220), а также сосуды с чисто орнаментальной росписью, например, арибаллические лекифы с краснофигурной пальметкой (табл. CXXXIII, *8*) и преимущественно на Боспоре — пелики со сценами, связанными с мифами об амазонках, аримаспах и т. д. (*Кобылина М. М.*, 1951г) (табл. CXII, *2*, *3*).

Выдающееся место среди находок аттической керамики занимают фигурные сосуды — арибаллические лекифы в виде Афродиты, рождающейся из раковины, сфинкса и сирены (найденные в Фанагории) (*Фармаковский Б. В.*, 1921б), а также три арибаллических лекифа конца V — начала IV в. до н. э. из Пантикапея с надписью «Ксенофант афинянин сделал» (*Передольская А. А.*, 1945 а, с. 46–67) (табл. CXII, *1*). Из рельефных полихромных сосудов интересен туалетный флакон второй половины IV в. до н. э. с изображением на лицевой стороне головы Плутона, а его обратная сторона сделана в виде раковины (*Шкорпил В. В.*, 1904, рис. 22). Чернолаковая посуда без росписей была широко распространена в Северном Причерноморье. Иногда чернолаковые килики, чашки и тарелки украшались по внутренней стороне донышка различной орнаментацией — в виде резной лучевой розетки или концентрических кругов штампованных ов и пальметок, соединенных между собой резными дужками, что характерно для конца V–IV вв. до н. э. Орнамент в виде штампованных пальметок держится вплоть до I в. до н. э. Кроме того, для V в. до н. э. характерен штампованный орнамент на стенках чернолаковых амфорисков и канфаров — в виде ов, меандра и растительных побегов (табл. CXLIV, *1*, *4*). Сосуды с росписью по светлому фону — лагиносы характерны для эпохи эллинизма. В позднеэллинистический период распространяются сосуды других форм со скромной росписью в виде поясков и растительных гирлянд (табл. CXLIV, *6*). Была распространена также чернолаковая посуда с накладной росписью (табл. CXLIV, *1*, *2*, *4*, *5*, *7–9*). Иногда сосуды покрывались разноцветными красками и позолотой, дошедшими до нас в виде ничтожных следов. Черный лак керамики этой группы отличается ухудшенным качеством. Он утрачивает свой былой блеск и глубину черного цвета, приобретая тусклый, порой коричневый и бурый оттенки. При определенном режиме обжига этот лак приобретал красный цвет. Роспись керамики данной группы воспроизводит либо растительные мотивы — побеги плюща, виноградные лозы, цветочные гирлянды, либо морскую волну с дельфинами; шашечный узор в сочетании с вписанными прямоугольниками, ожерелья с зерновидными подвесками и гирляндами — тениями, розетты, точечный орнамент и другие орнаментальные мотивы. Вазы этой группы нередко украшались на ручках рельефными масками сатиров и менад. Некоторые из кубков с подобной росписью имеют посвятительные надписи, нанесенные жидкой глиной (табл. CXLIV, *1*). Роспись наносилась на верхнюю часть сосуда, нижняя часто выделывалась в виде канелюр (табл. CXLIV, *2*, *5*, *9*), что становится характерным для чернолаковых сосудов, начиная с IV в. до н. э. Керамика с рельефными масками и каннелированным туловищем развивалась под воздействием производства металлических сосудов (*Книпович Т. Н.*, 1949а, с. 271–284; 1955б, с. 369). Чернолаковая керамика с накладной росписью («керамика стиля Гнафия») (*Блаватский В. Д.*, 1953в, с. 242 сл.) представлена в Северном Причерноморье сетчатыми лекифами — туалетными флаконами, украшенными чернолаковой сеткой с белыми точками (табл. CXLIV, *3*). Вазы группы Гадра, изготовляв-

шиеся для погребальных целей в Александрии, были найдены в Ольвии (табл. CXLIV, *10*) и на Боспоре (*Штерн Э. Р.*, 1910, табл. I, *1*; *Блаватский В. Д.*, 1953в, рис. 15).

Рельефная керамика получает большое распространение в эллинистическое время (табл. CXLV). Она производилась во многих центрах (*Блаватский В. Д.*, 1953в, с. 248 сл.), в числе которых особо значительное место занимал Пергам и его округа (*Шургая И. Г.*, 1963, с. 107 и сл.). Вазы покрывались лаком тусклого черного, коричневого, иногда красного цвета. Образцом керамики с рельефным декором служит амфора александрийской работы II в. до н. э. из Ольвии (*Ростовцев М. И.*, 1912б, с. 136 сл.; *Тревер К. В.*, 1918). Горло, плечики и ручки амфоры богато украшены рельефными изображениями, покрытыми полихромной росписью и позолотой (табл. CXLV, *5*). К числу уникальных произведений малоазийского искусства принадлежит чаша из Ольвии, покрытая зеленоватой глазурью с высокими рельефными фигурами — комическими изображениями персонажей суда Париса — образец античной карикатуры (табл. CXLV, *8*). Выдающимися образцами рельефных сосудов массового ремесленного производства являются ситулы, найденные в Ольвии и Херсонесе (табл. CXLV, *4* и *6*). Громадное распространение имели в период эллинизма так называемые «мегарские чаши», получившие это наименование благодаря их первым массовым находкам в Мегарах (табл. CLXIII, CLXIV). Однако, как показали последующие находки этих чаш и форм для их изготовления, они производились во многих эллинистических центрах. Это рельефные чаши полусферической формы с орнаментацией в виде растительных гирлянд, следующих друг за другом фигурок людей и животных, а также различных орнаментальных мотивов — ов, меандра, лесбийского киматия, пальметок и розеток. Такие чаши покрывались жидким черным или красным лаком, именуемым иногда глазурью. Распространены были и фигурные сосуды, например, в виде фигурок животных (табл. CXLVI, *3*, *4*, *6*, *9*) (*Шкорпил В. В.*, 1913, рис. 17; *Фармаковский Б. В.*, 1903а, рис. 55; ОАК за 1902 г., рис. 14) или головы девочки африканского типа (табл. CXLVI, *1*) (*Фармаковский Б. В.*, 1916б, с. 320 и сл.) и сосуды полурельефные — полуфигурные, как, например, голова силена с рельефной моделировкой лица и скульптурным исполнением рук (табл. CXLVI, *5*).

Краснолаковая посуда. Среди находок на всех античных памятниках первых веков нашей эры краснолаковая керамика занимает значительное место (табл. CXLVII; CXLVIII). Большая часть ее привозилась в Северное Причерноморье преимущественно из городов Малой Азии, но часть производилась на месте. Определение центров производства краснолаковых сосудов наталкивается на ряд трудностей. Лучше изученная западная группа керамики, изготовлявшаяся в Италии и в провинциях Римской империи в первые века нашей эры, представлена только в Ольвии и Херсонесе. На Боспоре встречены чашечки италийского производства лишь одного типа (табл. CXLVII, *7*) (*Шелов Д. Б.*, 1961а, с. 67, табл. XXVIII, *3*; *Покровска Э. Ф.*, *Ковпаненко Г. Т.*, 1961, с. 140, рис. 6, *2*; *Сымонович Э. А.*, 1969, с. 76, рис. 36, *4*; *Корпусова В. Н.*, 1971, с. 88, рис. 35, *7*). В Северное Причерноморье в основном поступала керамика из восточногреческих производственных центров. Из них известен только один памятник с остатками керамического производства, расположенный в 30 км от Пергама, в местечке Чандарли (*Löschke S.*, 1912, с. 344, сл.). Остальные центры устанавливаются только по косвенным данным и предположительно, главными из них считают Пергам и Самос (*Книпович Т. Н.*, 1952, с. 290 сл.). Предположительно выделяется и местная краснолаковая керамика, сделанная в Северном Причерноморье. До сих пор не обнаружено каких-либо следов ее производства и критерии ее выделения условны. Местные сосуды делались в подражание привозным. Предполагается, что они производились на Боспоре (*Книпович Т. Н.*, 1952, с. 321 и сл.; *Силантьева Л. Ф.*, 1958б). Своеобразная краснолаковая керамика выделена на Западно-Цукурском поселении на Тамани, что позволяет предполагать ее производство и на небольших поселениях (*Шелов Д. Б.*, 1953, с. 162, 164; 1955, с. 36). Наиболее ранние образцы краснолаковой керамики в Северном Причерноморье датируются I в. до н. э. Это чаши четкой профилировки с отвесным бортиком, украшенным растительным или геометрическим орнаментом, нанесенным белой краской (табл. CXLVII, *1—5*). В I в. н. э. встречаются чаши без орнамента или украшенные только углубленными бороздками, появляются чаши с ручками иной формы (табл. CXLVII, *10*, *11*). Во II—III вв. н. э. утрачивается четкость профиля чаш, исчезают или значительно видоизменяются ручки (табл. CXLVII, *16*). На рубеже нашей эры часто встречаются приземистые сосудики в виде двуручных канфаров с отвесными стенками, а также сосуды с округлым туловом. Над кольцевыми ручками горизонтальные пластины с оттиснутыми изображениями булавы, палицы или тирса. На стенках сосудов орнамент, нанесенный жидкой глиной в технике «барботин». В это же время появляются сосудики, ручки у которых имеют поперечные налепы, оформленные по бокам в виде кружков (табл. CXLVIII, *1—4*). Во II—III вв. н. э. продолжают изготовляться двуручные канфары, но более вытянутой формы и с орнаментом только в виде углубленных борозд (табл. CXLVIII, *12*). Все эти двуручные сосуды повторяют форму более ранней эллинистической керамики Пергама и относятся к пергамскому кругу производства.

В I в. н. э. появляются небольшие чашечки, орнаментированные мелкой насечкой и спиралевидной формы налепами (табл. CXLVII, *7*). Похожей формы чашечки, но уже без орнамента изготовляются во II—III вв. н. э. (табл. CXLVII, *11*). К сосудам закрытой формы относятся узкогорлые кувшинчики начала I в. н. э., украшенные рельефным орнаментом (*Книпович Т. Н.*, 1955б, с. 373, рис. 17) или орнаментом, нанесенным белой краской (табл. CXLVII, *6*). Со второй половины I в. н. э. появляются новые формы кувшинов и ойнохой (табл. CXLVII, *12*), а также двуручных и одноручных сосудов с округлым туловом (табл. CXLVII, *19*).

В I в. н. э. распространяются плоскодонные тарелки (табл. CXLVII, *8*) и со слабо выраженным кольцевым поддоном (табл. CXLVII, *5*). Очень ча-

сты тарелки с вертикальным бортиком на кольцевом поддоне. На тарелках второй половины I в. н. э. часто встречаются клейма в виде отпечатков ступни или сандалии (табл. CXLVIII, *8*). Во II—III вв. клейма имели вид листа или розетки, либо сосуды не клеймились совсем (табл. CXLVIII, *11*). В I—II вв. изготовлялись тарелки на кольцевом поддоне с отогнутым (табл. CXLVIII, *13*) или сложно-профилированным краем с двумя орнаментированными рельефами ручками (табл. CLVIII, *10*). Для I—II в. н. э. характерны маленькие мисочки (табл. CXLVII, *9*, *20*). В I—III вв. часто встречаются миски округлой формы с загнутым внутрь краем (табл. CXLVII, *15*). Во II—III вв. распространяются сосуды, повторяющие не только форму, но и отдельные детали керамики из Чандарли (табл. CXLVII, *18*; CXLVIII, *16*). В это же время встречаются миски с вертикальным бортиком (табл. CXLVIII, *15*), многие из которых сделаны в боспорских мастерских.

Краснолаковая керамика IV—V вв. н. э. характеризуется меньшим разнообразием форм. Большая ее часть импортная. Выделяется группа керамики из мастерских Северной Африки (*Беляев С. А.*, 1968в, 1972). Одна из наиболее распространенных форм — невысокие тарелки с отогнутым наружу широким краем, на плоском дне и низком кольцевом поддоне. Край у них иногда украшен волнистым гребенчатым орнаментом (табл. CXLVIII, *19*). Широкое распространение имеют и неглубокие широкие открытые миски со слегка выделенным краем, на плоском дне с низким кольцевым поддоном (табл. CXLVIII, *17*). Встречаются миски с прямыми или слегка округленными стенками и расширенным утолщенным краем, верхняя часть которого орнаментирована насечками, нанесенными зубчатым штампом. На внутренней стороне дна часто имеются штампованные клейма в виде крестов, пальметт, а иногда петухов, зайцев, лягушек, дельфинов и т. д. Местная гончарная посуда чаще всего использовалась в повседневном обиходе (табл. CXXXVIII). Местные гончары подражали формам импортных сосудов, в том числе, чернолаковым, а позднее — краснолаковым сосудам, покрывая свои изделия тусклой глазурью соответствующих цветов. В Ольвии такая керамика известна с IV в. до н. э. (*Зайцева К. И.*, 1972; *Книпович Т. Н.*, 1940б, с. 138 и сл.) (табл. CXXXVIII, *3*, *13*, *22*). Среди ольвийской керамики много сероглиняной (табл. CXXXVIII, *2*), с глазурью темносерого или черного цвета, приобретавшей после обжига легкий блеск (*Чубова А. П.*, 1974; *Зайцева К. И.*, 1962; 1974, с. 30). В конце V — первой половине IV вв. до н. э. в Ольвии было развито производство кубков, по форме повторяющих хиосские чернолаковые кубки, но более тяжеловесных и приземистых. В верхней части они закрашивались тусклой черной краской. Нижняя часть покрывалась светлым ангобом, подобно хиосским кубкам с белой облицовкой (*Зайцева К. И.*, 1972, с. 93 и сл., рис. 6, *1*). Одновременно развивается производство красноглиняной керамики, которое достигает особенно широкого развития в IV—III вв. до н. э. (*Книпович Т. Н.*, 1940б). Своеобразной группой местной керамики являются курильницы и сероглиняные амфоры с крышками, украшенные полихромной росписью. Они изготовлялись для погребальных целей. Амфоры по форме близки панафинейским. В IV — первой половине III в. до н. э. производятся чаши, покрытые темносерой краской, имитирующей сероглиняную лощеную керамику (*Леви Е. И.*, 1956, рис. 20). На дне чаш орнамент в виде концентрических кругов насечек, подражающий штампованному орнаменту на импортных чернолаковых чашах и тарелках. В IV в. до н. э. изготовляется керамика с клеймами, содержащими имена гончаров: кубки без ручек, закрытые сосуды и ойнохои. Имеются сосуды с клеймами агораномов на ручках (*Леви Е. И.*, 1956, с. 65, рис. 21, 22).

Специфичной для Северного Причерноморья являлась сероглиняная керамика с лощеной поверхностью, распространенная и у местных племен (табл. CXXXVIII, *7*) (*Кругликова И. Т.*, 1954, с. 82 и сл., табл. I, *7*, *10*, *11*, рис. 1, 2). Она производится в течение всей античной эпохи. Среди боспорских сероглиняных лощеных сосудов выделяется группа кувшинов и чаш с зооморфными ручками (в виде кабанов, птиц и т. д.), имеющая аналогии в керамике Подонья, Кубани, Северного Кавказа и Средней Азии и связанная с распространением сарматских влияний (*Скалон К. М.*, 1941, рис. 8—10, 15, 18, табл. III—VII, IX, XV; *Кастанаян Е. Г.*, 1951, рис. 2; *Кругликова И. Т.*, 1954, табл. II, *21*—*23*) (табл. CXXXVIII, *32*, *33*). Иногда такие сосуды покрыты красной краской и лощением в подражание краснолаковым. С течением времени зооморфные ручки становятся все более схематичными.

Лепная посуда. Соотношение лепной и гончарной греческой посуды в обиходе населения эллинских центров Северного Причерноморья было различным в разные эпохи, как различны были, при некоторой их устойчивости, и типы лепной керамики и ее орнаментация. Лепные сосуды находили в ранних культурных слоях всех греческих городов и поселений (*Кругликова И. Т.*, 1951; 1954; *Кастанаян Е. Г.*, 1952; 1958а; 1967; *Арсеньева Т. М.*, 1965; 1969; *Марченко К. К.*, 1974а; 1974б; 1975) (табл. CXLIX, и CL). Они делятся по функциональному назначению на столовую (лощеную) и кухонную посуду — без лощения или со слабым лощением, часто покрывавшим лишь верхнюю часть сосуда. В общем, численно эта группа была невелика. В Танаисе в противоположность другим северопричерноморским городам, лепная керамика преобладала над гончарной, исполняя функции кухонной, столовой посуды и даже тары (*Арсеньева Т. М.*, 1965, с. 169; 1969, с. 173, 207). Лепная керамика играет гораздо большую роль в быту сельского населения, чем жителей городов (*Гайдукевич В. Ф.*, *Капошина С. И.*, 1951, с. 175; *Кастанаян Е. Г.*, 1952, с. 249; *Лапин В. В.*, 1966, с. 167; *Кругликова И. Т.*, 1975а, с. 228). Это явление может объясняться несколько иным этническим составом сельского населения, его меньшими экономическими возможностями и, наконец, просто меньшей обеспеченностью сельской местности привозными ремесленными керамическими изделиями.

Среди столовой посуды, второй половины VII—VI вв. до н. э. с серым и черным лощением (о. Березань и Ольвия и другие города) (табл. CXLIX, 7; CL, *1*, *2*), встречаются сосуды, аналогичные находимым на таврских и скифских поселениях того

же и более раннего времени (*Кругликова И. Т.*, 1954, с. 82; *Кастанаян Е. Г.*, 1967, с. 32 сл.; *Марченко К. К.*, 1974а, с. 125 сл.). На Березани, в Ольвии и ее округе, во второй половине VII—VI в. до н. э. употреблялись также сосуды (табл. CXLIX, *10*, *11*), находящие аналогии среди керамики протофракийских и фракийских племен Карпато-Дунайского бассейна (*Марченко К. К.*, 1974а). Аналогичное явление отмечается и для нелощеной керамики VII—III вв. до н. э. (*Марченко К. К.*, 1974а, с. 119 сл.). Вторая группа лепной нелощеной керамики второй половины VII — начала VI в. до н. э. (табл. CXLIX, *8*, *9*, *14*, *23*) имеет аналогии среди керамики раннескифских поселений лесостепной зоны правобережья Днепра (*Марченко К. К.*, 1974а, с. 114 и сл.).

Среди лепной керамики других северо-понтийских городов известны горшки близкой формы (табл. CXLIX, *18*, *19*, *25*, *30*, *32*, *46*, *50*; CL, *4*, *5*, *6*, *12*). Эти типы горшков, появляясь во второй половине VI в. до н. э., сохраняются вплоть до первых веков нашей эры. В начале V в. до н. э. подобная керамика бытовала у скифского населения степей Северо-Западного Причерноморья, у населения Нижнего Дона, Приазовья и Прикубанья (*Кастанаян Е. Г.*, 1952, с. 253 сл.; 1958, с. 393; *Кругликова И. Т.*, 1951, с. 89—99; *Марченко К. К.*, 1974а, с. 115, 165, 169).

В эллинистический период лепная керамика продолжает занимать скромное место среди общей массы глиняной посуды. В боспорских городах лепные сосуды эпохи эллинизма имеют орнамент в очень редких случаях (табл. CXLIX, *11*; CL, *15—17*). Единственное исключение составляет Танаис (*Арсеньева Т. М.*, 1969, табл. III, VI; X). В Ольвии, наоборот, в период эллинизма лепные горшки по большей части орнаментированы.

В период позднего эллинизма и первых веков нашей эры роль лепных сосудов в быту северо-понтийских городов возрастает (*Марченко К. К.*, 1974а, с. 61, 64, 74 и сл.). Среди лепной керамики появляются подражания греческим формам (табл. CXLIX, *22*) (*Кругликова И. Т.*, 1951, с. 96, рис. 1, *4*; 1954, с. 86, табл. I, *13*, *22*; *Кастанаян Е. Г.*, 1952, рис. 6, *1—4*; 7). В первые века нашей эры на Боспоре получает широкое распространение разнообразная и обильная орнаментация верхней части сосуда, венчика, ручек. Применяют разные штампы — треугольные, угловые, кольчатые, насечки, ямочный орнамент, сетчатый резной и лощеный и прочерченный широкими полосами. Можно заметить возрождение архаических мотивов: резной геометрический орнамент (табл. CL, *25*, *36*, *39*; CLI, *27*, *28*), но теперь на нелощеных сосудах. К новым типам боспорской керамики первых веков нашей эры относится тип глубокой чаши с широкими плоскими, отогнутыми наружу почти под прямым углом краями, по которым нередко наносилась различная орнаментация, а также сосуды с зооморфными ручками. Однако в лепной технике зооморфные ручки сосудов почти всегда были сильно схематизированы (табл. CLI, *35*) (*Скалон К. М.*, 1941, табл. VIII, *1*; *Кругликова И. Т.*, 1954, табл. II, *4*; III, *21*, *22*; *Кастанаян Е. Г.*, 1951, рис. 3, 10; 1955, рис. 21—24; 1958, табл. V, *12*, *13*, рис. 3). В первые века нашей эры на Боспоре распространяются горшки и чашки с ручками-упорами в виде горизонтальных выступов или горизонтальных и дугообразных налепов, украшенные нередко ямочным орнаментом или насечками. На выступах делались иногда сквозные дырочки очевидно, для подвешивания сосуда, на крае сосудов с такими выступами и налепами можно встретить вертикальные выступы в виде полуовальных бугорков, иногда раздвоенных, или в виде конуса (табл. CXLIX, *26*, *32*). Среди ручек-упоров на танаисских сосудах можно встретить и узкие налепы, расположенные вертикально, что не характерно для городов Боспора (*Арсеньева Т. М.*, 1969, табл. III, *3*; V, *11*; VII, *3*, *8*, *15*; IX, *6*, *12*, *13*; XI, *1*), но встречается на Нижнем Дону и в IV—III вв. до н. э. на Елисаветовском городище (*Книпович Т. Н.*, 1935б, рис. 53, *1*, *2*, *4*). Сосуды с ручками-упорами имеют аналогии среди керамики первых веков нашей эры у крымских скифов, меотских и сарматских племен (*Анфимов Н. В.*, 1950, рис. 26, *4*; 1951, рис. 5, *11*; 8, *12*; *Дашевская О. Д.*, 1958, рис. 1, *9*, *10*; 5, *13*). В первые века нашей эры на Боспоре появляются лепные кувшины с реберчатыми, желобчатыми и прямоугольными в сечении ручками и налепами по бокам ручек и на горле (*Кругликова И. Т.*, 1951, 1954; *Кастанаян Е. Г.*, 1952). К новым формам относятся также амфоры (табл. CXLIX, *40*; CL, *35*) и чашки, подражающие по форме краснолаковым сосудам. Стремление декорировать лепную керамику свидетельствует о все более растущем ее значении в быту городского населения, об использовании лепных сосудов не только в качестве кухонной, но и столовой посуды.

В Танаисе в первые века нашей эры в отличие от других боспорских городов преобладают чаши на ножке. Такие чаши распространены на скифских и меото-сарматских городищах Нижнего Дона, Кубани, Нижнего Побужья и Приднепровья. Встречаются они и в Ольвии (*Арсеньева Т. М.*, 1965, с. 171, табл. I; *Марченко К. К.*, 1975, рис. 2, *30—32*). Для Танаиса IV в. характерны острореберные миски, в том числе лощеные, имеющие аналогии среди лепной и гончарной керамики, среднеднестровских и нижнеднепровских городищ (*Арсеньева Т. М.*, 1965, с. 180 и сл. 191).

Стеклянная посуда. В бытовую утварь античных государств Северного Причерноморья входила разнообразная посуда из стекла (табл. LXX, LXXI), которая поставлялась средиземноморскими торговцами с конца VI в. до н. э. С этого времени она постоянно сопутствовала жизни населения не только прибрежных государств, но и их туземного окружения. Сосуды из стекла подразделяются на две основные группы, отличающиеся техникой производства. Одна группа — греческого (табл. LXX, *1—11*), вторая — римского периодов (LXX—LXXI, *12—180*). В VI—I вв. до н. э. стеклоделы работали в песочно-сердечниковой технике, а также в технике литья в форму с последующей обточкой изделий и резьбой по их поверхности. Первая была господствующей, вторая — применялась реже. Во второй половине I в. до н. э. было изобретено выдувание сосудов. Новая техника значительно упростила и ускорила процесс изготовления стеклянных сосудов. В римскую эпоху, начиная с I в. н. э., из второстепенного ремесла стеклоделие превратилось в одно из веду-

щих и наводнило своей продукцией рынки античных государств и соседних с ними территорий. Выдувная техника не только повысила производственную мощность, она расширила сферу применения стекла, выведя стеклоделие с I в. н. э. из рамок только обслуживания парфюмерии до внедрения стекла в самые разнообразные области жизни. В прямой зависимости от степени развитости стеклоделия находится и количество стеклянных изделий, находимых в Северном Причерноморье. В VI—I вв. до н. э. их намного меньше, чем в I—V вв. н. э.

В VI—I вв. до н. э. население употребляло стеклянные сосуды для благовоний. Сосуды отличались небольшим размером соответственно дороговизне эфирных масел, покупавшихся малыми дозами. Ценные сорта масел служили туалетным, а более дешевые — палестрическим целям. Для последних изготовлялись алабастры, сохранявшие в продолжении веков с небольшими отклонениями традиционную форму (табл. LXX, *3*, *6*, *58*). В малоразнообразный набор стеклянных сосудов греческого периода, кроме того, входят амфориски, арибаллы, ойнохои (табл. LXX, *1—4*, *6*), редко гидриски. Они делались в подражание сосудам из металла и глины. Однако их отличала полихромия, создающаяся за счет контраста синего, коричневого, молочно-белого фона тулова сосудиков, и голубых, желтых нитей стекла, образующих на них волнообразные орнаменты. Все эти сосуды изготовлены в песочно-сердечниковой технике. Основная масса полихромных сосудиков из Причерноморья относится к концу VI—IV вв. до н. э. (табл. LXX, *1—4*). Сосудов эпохи эллинизма мало (табл. LXX, *6*), так же как и первой половины I в. н. э. (табл. LXX, *57*, *58*). Особенно они ценились обитателями Европейского и Азиатского Боспора, Ольвии; у херсонесцев стеклянные сосуды были непопулярны (*Сорокина Н. П.*, 1971а, с. 76 и сл.).

Из стекла делалась и столовая посуда, но не столь широко как туалетная. Это были питьевые сосуды: сначала в виде чаш-экпом, позднее еще скифосов и канфаров, отлитых из прозрачного стекла с легкими оттенками (табл. LXX, *5*, *7—10*). Литые стеклянные сосуды особенно ценились знатью меотов (табл. LXX, *5*), меото-сарматов Прикубанья (табл. LXX, *7—10*) (*Галанина Л. К.*, 1970, с. 35 и сл.; *Смирнов К. Ф.*, 1953, с. 17 и сл.). Для придания сосудам большей ценности их украшали золотыми обкладками. К парадной питьевой посуде литой техники относится экпома II в. до н. э. из Моздока, украшенная тончайшим растительным орнаментом из золотой фольги, зажатой между двумя слоями прозрачного стекла. В греческих городах литые сосуды позднего эллинизма почти не встречаются. Редким экземпляром не только для Причерноморья, но и всего стеклоделия этого периода является амфора конца II — начала I в. до н. э. из Ольвии (табл. LXX, 11) (*Platz-Horster Q.*, 1976, S. 16). Не поступали в северо-понтийские города и эллинистические сосуды мозаичных техник. Видимо, это было связано с ограниченным масштабом торговли с районами производства таких сосудов во II—I вв. до н. э.

С начала I в. н. э. на рынки Северного Причерноморья хлынул поток выдувного стекла и сосудов, изготовленных в различного вида мозаичных техниках поздних вариантов. Первоначально к стеклянным сосудам относились как к предметам роскоши, но скоро были оценены незаменимые свойства стекла как материала, остающегося нейтральным к любым качествам содержимого и с тех пор в повседневной жизни не обходилось без сосудов из стекла. Столы для семейных и торжественных трапез сервировались кувшинами, ойнохоями (табл. LXX—LXXI, *12*, *16*, *19*, *62*, *75*, *83*, *93*, *97—99*, *101*, *104*, *107—109*, *112—116*, *125* и т. д.), амфорами (табл. LXX—LXXI, *12*, *14*, *18*, *36—38*), бутылями (табл. LXX—LXXI, *77*, *79*, *106* и т. д.). В этих же сосудах могли хранить жидкие припасы и в кладовых. Как столовая посуда употреблялись многочисленные стаканы, чаши, чашечки, канфары, кубки, ритоны, тарелки, миски, блюда разных размеров (табл. LXX—LXXI, *17а*, *20—29*, *39—44*, *48*, *92*, *118—122*, *126*, *144*, *147*, *149—152*, *156—158*, *176*, *179*; LXX, *132*; табл. LXX—LXXI, *105*, *130*, *155*; *173*, *174*), вазы (табл. LXX, *49*) могли наполнять фруктами, а также использовать для других надобностей. Вино и другие напитки черпались труллами (табл. LXX, *72*); кружками-модеолями (табл. LXX, *15*, *47*) отмерялись порции жидкостей. Столы, уставленные посудой из цветного, пестрого и расписного стекла (табл. LXX—LXXI, *12—19*, *32*, *33*, *38*, *35*, *140*) выглядели нарядно; кувшины, ойнохои и бутыли из прозрачного стекла (табл. LXX—LXXI, *36*, *37*, *62—64*, *77—83* и т. д.) оказывались подцвеченными красным или золотистым вином. Они не только украшали стол, но и позволяли во время пополнять выпитое. Стекло в первых веках нашей эры продолжало использоваться для туалетных надобностей, но туалетные сосуды стали много разнообразней. Парфюмерные флакончики украшались рельефными орнаментами (табл. LXX—LXXI, *45*, *70*, *71*, *89*), делались фигурными (табл. LXX—LXXI, *88*, *103*), просто из разноцветного стекла (табл. LXX—LXXI, *55—57*, *58*, *61*). Появились туалетные сосуды новой формы — унгвентарии, которые изготовлялись тысячами (табл. LXX—LXXI, *50—54*, *74*, *76*, *94*, *95*), и фиолы (табл. LXXI, *180*). В первых хранились, а во вторых транспортировались ароматические жидкости. Белила, краски, румяна и прочая косметика хранилась в пиксидах из цветного (табл. LXX, *59*) и прозрачного стекла. В арибаллы (табл. LXX, *96*) наливали благовонные притирания, которыми умащивали тело после бани и водных процедур. Сосудики носили на шнурке. Большую роль играла стеклянная посуда в медицине. Она была незаменимой для приготовления и хранения особых настоек из целебных трав, которыми славились степи Причерноморья. Древние врачи особенно ценили стеклянные сосуды за их стойкость даже к ядам. Для лекарственных жидкостей могли использоваться бутыли, кувшины (табл. LXX—LXXI, *77—79*, *81*), для мазей — банки (табл. LXXI, *84*, *85*, *153*, *168*), мисочки. Для лечения ушей, глаз прибегали к капельникам-гутурнумам (табл. LXXI, *111*), этими же сосудами можно было заполнять светильники маслом. Нельзя не отметить, что некоторые формы сосудов, сложившиеся в античности (табл. LXX—LXXI, *67—69*, *84*, *85*), вошли в набор аптечной посуды XVII—XIX вв. и даже современности. Последние теперь носят название колб

(табл. LXX—LXXI, *139*, *145*). Стеклянные сосуды типа стаканов (табл. LXXI, *149—151*, *164*, *165*) и рюмок (табл. LXXI, *143*) могли играть роль светильников, подобно свободно стоящим лампадам, а если они имели вид остродонных кубков (табл. LXX—LXXI, *119*, *163*, *176*, *179*), то вставлялись по несколько штук в особые приспособления — металлические хоросы.

Стаканами с надписями «одержи победу» награждались победители в различных состязаниях; стаканы же с заздравными пожеланиями подносились друзьям в качестве памятных подарков (табл. LXX—LXXI, *31*, *30*, *42*). Наконец, сосудами из стекла пользовались жрецы при совершении религиозных обрядов, связанных с возлияниями. Для этого служили небольшие одноручные чашечки — капис (табл. LXX—LXXI, *90*, *91*) и чаши. Стеклянные сосуды, бывшие в обиходе у населения северного побережья Понта, претерпевали изменения в формах, способах украшения, уровне технического исполнения, подчиняясь развитию античного стеклоделия. Стеклянные сосуды из Причерноморья образуют две хронологические группы. Первая из них, относящаяся к периоду I — середина III в., формировалась в период расцвета экономики и культуры северо-понтийских государств; другая — второй половины III — первой половины V в. создавалась после кризиса середины III в., в эпоху значительных изменений внутри общества. Сосуды из стекла I—II вв. отличаются большим разнообразием типов, которых насчитывается свыше полутора десятков, и каждый из них имел варианты. Это особенно характерно для многочисленной столовой посуды, к которой относятся кувшины с различными очертаниями тулова (табл. LXX—LXXI, *12*, *19*, *62*, *68*, *69*, *78*, *80—83*), амфоры (табл. LXX—LXXI, *13*, *14*, *18*, *63*, *64*), ойнохои (табл. LXX, *16*, *75*), бутыли (табл. LXX, *77*, *79*), а также стаканы (табл. LXX—LXXI, *20—30*, *41—43*), модеоли (табл. LXX—LXXI, *15*, *47*), канфары (табл. LXX, *46*), ритоны (табл. LXX, *15*, *47*), чаши (табл. LXX—LXXI, *17а*, *31*, *32*, *35*, *40*, *65*), миски (табл. LXX, *73*), вазы (табл. LXX, *49*) и т. д. Меньшими отклонениями от основных типов отличались парфюмерная посуда: унгвентарии, флаконы (табл. LXX—LXXI, *50—56*, *60*, *70*, *71*, *74*, *76*, *88*, *89*, *94*, *95*), арибаллы (табл. LXXI, *96*), гутурпумы (табл. LXXI, *111*), пиксиды (табл. LXX, *59*). Стекло сосудов I—II вв. бывает хорошо проварено, изделия тонкостенны даже при больших размерах. Сосуды делались из обесцвеченного или специально окрашенного стекла свободным выдуванием либо с применением одночастных или многочастных форм (табл. LXX—LXXI, *16*, *18—20*, *30*, *31*, *41—43*, *45—66*, *71*, *84—89*, *103*, *124*). В I в. с развитием выдувной техники доживали устаревшие способы изготовления сосудов песочно-сердечниковой, мозаичных, ленточных техник (табл. LXX—LXXI, *17а*, *17*, *34*, *55—61*) и литья (табл. LXX, *40*). Мастера I—II вв. для орнаментации сосудов исчерпали почти все возможные приемы холодной (гравировка, шлифовка, роспись) и горячей техник (вдавливания, обмотка нитями). Последующие поколения стеклоделов пользовались их наследием, возвращаясь к тому или другому виду украшения, развивая их в стиле своей эпохи.

Стеклянная посуда второй половины III — первой половины V в. н. э. характеризуется обеднением типов, исчезновением большого количества их вариантов, усилением стандартности форм кувшинов, бутылей и особенно стаканов. В I—II вв. их до десятка вариантов (табл. LXX—LXXI, *41*, *42*, *48*), с III в. всего четыре — пять (табл. LXI—LXXI, *118*, *144*, *149*, *151*, *159*). Форма бутылей трансформируется в колбообразную (табл. LXX—LXXI, *113*, *145*, *167*), ведущую для IV—V вв. У ряда сосудов истоки форм уходят в I—II вв., но в целом они получают интерпретацию в духе моды III—IV вв. К ним относятся ритоны (табл. LXX—LXXI, *44*, *160*, *179*), отдельные стаканы IV в. (табл. LXX—LXXI, *27*, *156*; *30*, *40*, *129*; *41*, *144*), кувшины III—IV вв. (табл. LXX—LXXI, *81*, *115*, *116*), бутыли (табл. LXX—LXXI, *77*, *79*, *145*, *167*), чаши с ушками для подвешивания (табл. LXXI, *161*). Сосуды в виде модеолей, трулл, ваз и др. исчезли, но появились новые — банки (табл. LXX—LXXI, *153*, *159*, *168*, *178*), кубки (табл. LXX—LXXI, *119*, *120*, *147*, *158*, *172*, *176*), рюмки (табл. LXXI, *143*), фиолы (табл. LXXI, *180*). В III — первой половине V в. сосуды изготовлялись традиционно, посредством свободного выдувания и в форму (табл. LXXI, *124*, *126*, *127*, *162*, *164—166*). Для украшения выдутых сосудов с III в. вводится прием прямого и косого рифления (табл. LXX—LXXI, *148*, *167—170*), с IV в.— орнаменты из капель синего стекла (табл. LXX—LXXI, *149—151*, *163*). В остальном, как и прежде, используют, правда, редко, краски (табл. LXX, *100*) и широко, но в иной манере и более интенсивно, чем в I—II вв., стеклянные нити (табл. LXX—LXXI, *133*, *134*, *136*, *157—160*, *171*, *172*, *175*, *179*), гравировку и шлифовку (табл. LXX—LXXI, *115—122*, *124—127*). Качество стекла сосудов ухудшается. Для стекла становятся характерными оливковый, грязно-зеленый оттенки, но отмечаются и голубоватые тона, как у сосудов I—II вв.

Стеклянная посуда I—V вв. н. э. в государствах Северного Причерноморья представлена по-разному. Особенно выделяется обилием стекла Боспор. Боспорская знать обставляла свой быт, подражая роскоши верхушки общества Римской империи. На Боспор стекалась, дорогая тогда, посуда из мозаичных стекол, сосуды с росписью цветного стекла, лучшие изделия сирийских мастеров, в том числе Энниона. Показательно, что в наиболее богатых могилах первой половины I в. некрополя Пантикапея инвентарь состоял только из стеклянных сосудов высокого качества и золотых вещей. Со второй половины I в. стекло все шире входило в домашний обиход различных слоев боспорцев. На втором месте по распространенности стекла в I в. стоит Ольвия. Со II в., когда Ольвия превращается в наиболее слабый экономически город Причерноморья, потребление стекла уменьшается. Лучшие экземпляры сосудов из стекла II—III вв. концентрировались в цитадели, где располагались административные постройки гарнизона римских войск. В Херсонесе стекло в полной мере входит в быт со второй половины I в. Им широко пользовались расквартированные в городе солдаты римской армии и херсонеситы. Общим явлением для всех городов Причерноморья является временное сокращение употребления стекла в III в.

Потребность в стеклянной посуде удовлетворялась в основном за счет торговли. В греческую эпоху стеклодельческие мастерские, которые могли импортировать сосуды, находились в различных центрах Эгеиды, на малоазийском, сирийском побережьях, в Египте. С образованием Римского государства стеклоделие, перешедшее на выдувную технику, распространилось по европейской территории, и к концу античной эпохи стеклоделательные мастерские появились во всех западных провинциях государства. Таким образом, стеклянные сосуды конца VI—I в. до н. э., найденные в Северном Причерноморье, имели восточносредиземноморское происхождение (табл. LXX, 1—11).

В I—V вв. н. э. стеклянные сосуды стали поступать с более обширной территории. Доминировали по-прежнему изделия восточносредиземноморских мастерских, среди которых на первом месте были сирийские. Они выпускали разнообразную посуду (табл. LXX—LXXI, *117*, *143*, *149—158*, *161*, *174* и т. д.), но особенно славилась украшенная рельефами (табл. LXX—LXXI, *30*, *31*, *39—43*, *45*, *70*, *71*, *88*, *89*, *102*, *103*, *128*, *162*, *164—166*). Привозили стекло из Александрии и из Египта (табл. LXX—LXXI, *13*, *17*, *35*, *51*, *52*, *74*, *100*), из Пергама (табл. LXX—LXXI, *68*, *69*, *77—82*, *87*, *97*, *98*) и с острова Кипра (табл. LXX—LXXI, *57*, *21*, *22*), а также из других пока не установленных центров. В I в. стала поступать стеклянная посуда италийского производства и из северных районов побережья Адриатики (табл. LXX—LXXI, *12*, *14*, *15*, *33*, *38*, *44*, *50*, *54*, *56*, *60—62*, *65*, *101*) и, надо думать, не только торговыми путями, но и с войсками римской армии. В первые века появились связи с западноримскими провинциями, откуда шли разнообразные предметы быта и в том числе стеклянные изделия производства рейнского района (табл. LXX—LXXI, *66*, *67*, *84*, *85*, *124*, *126*, *127*), Галлии и других западных областей. Стекло Северного Причерноморья I в.— первой половины V в. н. э. представляет среди стеклянной посуды античного мира самую северо-восточную группу. Она включает многие сосуды из стеклодельческих центров восточных и западных областей римской империи, но по набору сосудов полностью не совпадает ни с одним из них, так как сюда поступала продукция далеко не из всех центров Римского государства и стеклянная посуда из них доходила выборочно, кроме того, здесь работали местные стеклодельные мастерские, отличающиеся известным своеобразием.

Одежда и украшения. С раннего периода у жителей античных государств Северного Причерноморья одежда была общегреческой: нижнее платье — хитон, верхнее — для улицы — гиматий — или плащ, искусно драпируемый. У мужчин он закреплялся на левом плече, перебрасывался через левое плечо на спину, проходил далее под правой рукой и опять забрасывался на левое плечо, свисая на спину (табл. CLII, *1*, *2*, *5*). Гиматий удержался на протяжении всей жизни античных городов. Более суровые климатические условия привели к частному употреблению хитона с длинными рукавами (табл. CLII, *9*), надеваемого под гиматий, что видно на изображении надгробия III в. до н. э. (АГСП, с. 311), видимо, со II—I в. до н. э. мужчины стали носить плотно облегающие шерстяные штаны, заправленные в мягкие полусапожки (табл. CLII, *6*, *7*, *8*, *10*), что явилось результатом заимствования костюма окружающих варваро-скифов и сарматов. От повседневного и торжественного костюма отличался костюм военный, походный. На пантикапейской стеле IV в. до н. э. изображен воин в коротком красном хитоне. Воины первых веков нашей эры одеты в короткий хитон, тесно облегающие штаны и короткий плащ. Галаты, сарматы, влившиеся в боспорское войско, сохраняли свою национальную одежду — башлык, широкую подпоясанную рубаху, более широкие штаны (табл. CLII, *4*). Жители античных государств, заимствуя одежду у сарматов, придали ей и отличительные черты — более узкие штаны и более узкий кафтан (табл. CLII, *6*, *7*). Но как бы не изображали они себя в военных и походных сарматизированных костюмах, всегда в сцене загробного пира умерший изображался в типично греческой одежде — задрапированным в гиматий.

Наиболее распространенной женской одеждой была греческая. В наиболее ранний период — конец VI — начало V в. до н. э. был обычен ионийский хитон с напуском, несколько обуженный к низу (*Кобылина М. М.*, 1961, рис. 24). С середины V в. до н. э.— это обычный длинный хитон до полу, ниспадающий плавными складками (табл. CLIII, *1—3*, *5*, *8*). Он мог быть безрукавным, особенно у девушек (табл. CLIII, *4*, *6*, *10*), мог иметь рукава — короткие или длинные (табл. CLIII, *11*). Хитоны, судя по росписям пантикапейских склепов, были различных цветов: желтые, красные, розовые, голубые. Двойные хитоны (табл. CLIII, *10*) могли быть двуцветными: нижний — белый, верхний — зеленый. Нижний хитон мог иметь даже кайму или оборку. (табл. CLIII, *11*). На синдских полуфигурах женщины одеты в мелкоплиссерованные хитоны (табл. CLIII, *9*). Гиматий, надеваемый на хитон при выходе на улицу, более плотный по фактуре ткани, драпировался различным образом: набрасывался на голову (табл. CLIII, *7*), покрывая всю фигуру, или спускался с одного плеча (табл. CLIII, *5*) и т. д. Цвет гиматиев был также различным, иногда гиматий имел вышитую кайму (табл. CLIII, *8*). Были также короткие гиматии, покрывавшие только голову и плечи (табл. CLIII, *9*) (*Иванова А. П.*, 1961, рис. 37).

Одежда детей нам известна значительно хуже. На надгробии Апфы IV в. до н. э. (*Блаватский В. Д.*, 1964в, рис. 24) младенец на руках матери изображен в рубашке с длинными рукавами и в плотноприлегающей круглой шапочке на голове. Одежда его имеет, возможно, местный характер. Одежда детей более старшего возраста, судя по схематическим изображениям надгробных рельефов, мало отличалась от одежды взрослых. Ткани употреблялись как импортные, так и вытканные на месте и отличались большим разнообразием. На Деметре в склепе Большой Близницы изображено полосатое покрывало (АДЖ, т. VII, 2). В Павловском кургане в женском погребении в саркофаге были найдены остатки одежды с вытканным орнаментом и фигурными сценами (ОАК 1879—81, табл. III, *1—3*). Более суровая, чем в Греции зима, вынуждала носить, видимо меха: так на стене склепа в Артюховском кургане висела меховая накидка (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 273).

Обувь — чаще всего сандалии, состоящие из подошвы, иногда деревянной (*Сокольский Н. И.*, 1971, табл. XXXIV, *6*; *Соколов Г. И.*, 1973, № 132, 176) и разноцветных кожаных ремешков, носили и мужчины и женщины. Кроме того, носили мягкие кожаные сапожки (табл. CLII, *5—8*), судя по изображениям на надгробиях и скульптурам (*Соколов Г. И.*, 1973, № 133, 173), а также находкам их остатков (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 194).

Головные уборы, носимые только в непогоду или жару, были разнообразны. Юноши надевали маленькие шапочки (табл. CLII, *11*) или шапки с отворотом и конусообразным верхом (табл. CLII, *13*). Часто, особенно ремесленники, носили головной убор конусовидной формы (табл. CLII, *13*) или башлык (табл. CLII, *4*, *14*), а зимой носили, видимо, и меховые шапки, судя по остаткам таковой в IV Семибратнем кургане (*Ростовцев М. И.*, 1925, с. 273). Женщины, как эллинки, так и негреческого происхождения, чаще всего набрасывали на голову гиматий (табл. CLIII, *7*, *8*, *9*), иногда под покрывало надевалась золотая повязка — стленгида или ампик. Она прикреплялась шнурками. Со стленгиды свешивались иногда на лоб цепочки-подвески, а к концам стленгиды прикреплялись височные подвески (ОАК 1882—1888, атлас 1, 14). При больших торжествах в честь элевсинских божеств надевали на голову высокий убор — калаф, украшенный золотыми тиснеными полосками. Иногда носили шляпы с полями и конусовидным верхом (табл. CLII, *14*), а также головной убор в виде башлыка (табл. CLIII, *15*).

Серьги. В VI в. до н. э. носили часто серьги в виде круглых дисков. Таковы серьги VI в. до н. э. из Ольвии в форме круглых щитков с рельефными львиными мордами в центре и бараньими головками на концах крючков (табл. CLXII, *5*). В дальнейшем форма серег усложняется — к круглому диску добавляются подвески в виде опрокинутой пирамидки, кисти. Наряду с серьгами круглой формы носили, особенно в V—III вв. до н. э., серьги в виде калачика с высокой проволочной дужкой (табл. CLXII, *9*, *10*). Соединение двух форм серег — круглого диска и калачика или лунницы видим в золотых серьгах IV в. до н. э. (табл. CLXII, *8*). В некоторых серьгах IV в. до н. э. главным становится не круглая розетка, а подвеска, изображающая, например, крылатого льва-сфинкса — Трехбратные курганы. (*Кирилин Д. С.*, 1968, с. 148, рис. 5). С V в. до н. э. по III в. н. э. получают распространение серьги в виде жгута, сплетенного из нескольких тонких проволочек, заканчивающихся головкой льва, рыси, грифона и т. д. (*Пятышева Н. В.*, 1956, с. 19, табл. VIII, *3*). Височные подвески V—IV вв. до н. э., восходящие к понтийскому типу, состоят из согнутого стержня с орнаментированными концами и пирамидками (*Прушевская Е. О.*, 1955, с. 337, рис. 4). Ведущей формой украшений рядового населения IV—III вв. до н. э. и позднее были серьги в виде проволочного кольца с подвесками. Для первых веков нашей эры характерно применение в серьгах различных цветных камней, что связано с распространением вкусов варварской племенной знати — развитием так называемого «полихромного» стиля.

Нашивные золотые бляшки применялись главным образом в ритуальной или в варварской одежде и на погребальных пологах. В варварской среде были распространены различные украшения со вставками из камней или стекла. Мужчины негреки также носили браслеты, ожерелья, гривны (табл. CLXVII). Однако население греческих городов становилось настолько смешенным, что по костюму, особенно представителей высших слоев, стало невозможным определить греческое или варварское происхождение человека. Такова статуя Неокла — правителя Горгиппии — он в греческом костюме, гиматии, но с массивной гривной на шее (*Кобылина М. М.*, 1951д, с. 175, рис. 2).

Бусы и подвески. Бусы и подвески были наиболее распространенными украшениями. Они встречаются и в богатых и в бедных погребениях, и в чисто греческих и в греко-варварских, поэтому типология, классификация и датировка их очень важны для определения времени археологических комплексов (*Алексеева Е. М.*, 1970; 1975а). Бусы различаются по материалу, размерам, форме, орнаментации. Особенно часто встречаются бусы и подвески из египетского фаянса, а также из стекла и различных камней.

Бусы, амулеты и мелкие украшения из египетского фаянса (табл. CLVII) в Северном Причерноморье распределяются по трем хронологическим группам: ранней — VI—V вв. до н. э., поздней — I—III вв. н. э. и «промежуточной». Последняя малочисленна и четко не выделяется. В VI—V вв. до н. э. распространены мелкие гладкие округлые бусы неправильных очертаний, очень маленькие коротко-цилиндрические бисерины, бочковидные и веретеновидные бусы, простые скарабеи со сложными знаками на обратной стороне, встречены округло-ребристые аккуратные небольшие бусы, лежащие на плакетках львы, подвески — шишки, найдена пронизь в виде головы барана с изогнутыми рогами, скарабеоид с изображением человеческого лица, фигурки сидящего на корточках Беса. Для бус и пронизей этого периода характерны сложные знаки, хрупкая основа, узкие каналы отверстий, белый и буро-красный цвета, реже бирюзовый. Встречались бусы и из плотной шероховатой массы без стекловидного покрытия. Большая часть пронизей и бус найдены в Ольвии и на Березани, только отдельные экземпляры геометрических форм происходят из Фанагории и Пантикапея. Фаянсовые украшения, особенно фигурные, были привезены в Северное Причерноморье, из Навкратиса, где они изготовлялись в VI в. до н. э. и продолжали употребляться здесь и в V в. до н. э.

Ранний и быстро прерванный завоз фаянсов в Северное Причерноморье возобновился в IV в. до н. э. и вплоть до рубежа нашей эры был нерегулярным. Изделий, характерных только для эллинистической эпохи нет. Распространены скарабеи средней сложности, аккуратные округло-бугристые и округло-ребристые бусы с глубокими одинаковыми дольками, преимущественно бирюзовой окраски, но эти формы встречаются и в более позднее время. Встречается коротко-цилиндрический мелкий бисер. Наплыв украшений из египетского фаянса начинается со второй половины I в. до н. э. и становится особенно интенсивным в I в. н. э. Начиная со II в., импорт их уменьшается, особенно в III в., а в IV в. встречаются только единичные предметы из египетского фаянса. Основная масса фигурных подвесок и пронизей, а также бусы геометрических форм

распространены в I—II вв. н. э., в III в. господствуют бусы геометрических форм. Фаянсы римского времени отличаются более грубой выделкой. Округлые бусы становятся массивными и имеют широкие каналы отверстий, коротко-цилиндрический бисер увеличивается до 3—5 мм в диаметре, отверстия ребристых бус расширяются, а дольки постепенно заменяются кривыми насечками; шишечки бугристых бус утрачивают округлость. Вместе с тем для первых веков нашей эры характерно большое разнообразие форм фигурных подвесок и пронизей. Некоторые из них, например, скарабей и лежащий на плакетке лев, усложняются. Возникают новые геометрические формы бус: биконическая, четырнадцатигранная. Помимо бронзовой окраски распространяются фиолетовый, синий, желтый и зеленый цвета. Появляются прекрасные изделия бирюзового цвета, украшенные желтыми точками. Знаки на обратной стороне предметов исчезли, кроме самого простого знака в виде змеи на скарабеях. Преобладают изображения египетских сюжетов, а также персонажей новых греко-восточных синкретических культов. Это фигурки Гарпократа, Сохмет, Ба, сфинкса, плакетки с лицами Сераписа, Гора, Беса, многочисленные скарабеи, крокодилы, лягушки, уреи, изображения сердца, амфорок, алтариков. Большая часть комплексов с фигурными изделиями из египетского фаянса происходит из детских погребений античных городов. Более массивными украшениями были бусы геометрических форм.

Стеклянные бусы получили большое распространение в Северном Причерноморье (табл. CLVI). По технологии производства они подразделяются на две группы: бусы из одноцветного стекла и бусы с внутренней металлической прокладкой, где тонкий слой металла помещался между двумя слоями прозрачного, обычно обесцветного, реже светло-желтого стекла. Одноцветные стеклянные бусы изготовлялись во все времена античной эпохи, но наибольшим разнообразием они отличались в эпоху эллинизма и особенно в первые века нашей эры.

В VI—V вв. до н. э. в Северном Причерноморье встречались округлые бусы из глухого черного, белого, темномедового, желтого, синего и прозрачного бесцветного стекла. Они изготовлены навивкой стеклянного жгута на металлическую основу или керамическую трубку. Употреблялись биконические бусы из прозрачного янтарно-желтого, голубого, темно-синего и бесцветного стекла, а также из глухого красного. Один конус этих бус всегда выше другого, одно отверстие очень маленькое, около большего всегда заметна бороздка в виде запятой. Существовали крупные прозрачные желтые и бесцветные бусы с широкими мягкими дольками, их ядра свиты из жгута.

В V в. до н. э. появляются усеченно-пирамидальные подвески из прозрачного синего и голубого стекла либо глухого голубого. Они имеют очень четкие очертания и минимальные отверстия. В IV — первой половине III в. до н. э. продолжали употребляться ранние типы бус, но появились и новые. Распространились бусы яйцевидной формы с бороздкой-запятой около большого отверстия; они сделаны из прозрачного бесцветного, желтого и синего стекла, либо непрозрачного, желтого, зеленого, бирюзового и голубого. Встречаются плоские подвески или пронизи иногда с двусторонним оттиснутым в форме изображением мужских (Баал Аммон? Зевс?) и женских лиц, а также обнаженных фигурок сидящего мальчика (возможно, Гарпократ). Со второй половины III в. до н. э. по I в. до н. э. в Северном Причерноморье появляются много новых форм подвесок, всевозможных мелких бус и бисера. Очень популярен был в это время рубленый бисер различной окраски, нарезавшийся из тонких стеклянных трубочек. Получают распространение круглые бусы преимущественно из прозрачного стекла: лилового, янтарно-желтого, сизо-зеленого, синего, диаметры их редко превышают 5—7 мм. Округло-ребристые бусы с мягкими неодинаковыми дольками — из непрозрачного желтого и прозрачного бесцветного стекла; подвески усеченно-грушевидной формы из прозрачного стекла; уплощенные треугольные подвески; подвески в виде стилизованных амфорок и клычков; уплощенные пронизи из прозрачного желтого, синего и бесцветного стекла; бусы бугристые.

В первые века нашей эры возникли новые способы изготовления стеклянных бус, что обусловило и появление новых форм. Распространены массивные пронизи с ровными гранями и острыми ребрами, а также всевозможный бисер. С рубежа нашей эры началось массовое использование тянутых трубочек, из которых нарезали цилиндрические бусы, а также делали округлые и бочковидные бусы, обжимая их формовочными цилиндрами и получая либо нерасчлененные цепи по несколько бусин, либо отдельные бусинки с закраинками вокруг отверстий. Расплющивая трубочки, получали плоские диски либо уплощенные прямоугольные пронизи. Они характерны для II—III вв. В это время вновь отмечено массовое распространение рубленого бисера. Для первых веков нашей эры характерны всевозможные граненые формы и подвески в виде фигурок. В это время широко используют оранжевое стекло. Во II—III вв. распространились более мелкие бусы нечетких очертаний. В середине III—IV вв. вновь возродилась, свойственная VI—IV вв. до н. э. техника изготовления бус из жгута, однако поверхность этих поздних бус не заглажена и наслоения жгута и примыкающие друг к другу витки его хорошо различимы. В окраске бус позднеримского периода преобладают черный, желтый и грязно-синий цвета, встречаются бусы из бесцветного стекла. Изготовление бус с внутренней позолотой было достаточно сложным, оно могло существовать только в центрах с развитым стеклоделием и требовало тонкого знания не только разнообразных приемов обработки стекла, но и ювелирного дела. Золочение бус началось в IV в. до н. э. в Египте, со временем эта техника получила широкое распространение. Однако вопрос о месте производства стеклянных бус с внутренней позолотой в античную эпоху остается открытым, известна только выпускавшая их мастерская на о. Родос. В Северном Причерноморье бусы с внутренней позолотой появились в III в. до н. э. и продолжали встречаться в римское время. Бусы эллинистического времени вероятно, отливались в формах, края отверстий у них гладкие. У бус римского времени отверстия окружены закраинами, возникавшими при расчленении цепей готовых изделий; в это время

распространяются также бусы в нерасчлененных столбиках.

Для эпохи эллинизма характерны изящные мелкие золоченые украшения. В III—I вв. до н. э. были распространены округлые, бочковидные, цилиндрические бисерины, вытянутые бусы усеченно-конической формы, глобоидальные бусы, ребристые цилиндрические пронизи с перетяжками по краям, мелкие, бугристые бусы и тонкие подвески в виде стилизованных амфорок. На рубеже н. э. бытовали уплощенные пронизи, оттиснутые в формах с изображением на лицевой стороне фигур Гарпократа и Афродиты Анадиомены.

Бусы римского времени более разнообразны. Они массивнее и грубее эллинистических. В первые века нашей эры бытовали округлые и бочковидные бусы с закраинами вокруг отверстий, были распространены особенно характерные для II—III вв. бугристые бусы, встречаются всевозможные гладкие формы с валиками по краям, плоские и комбинированные из дисков пронизи. К IV в. н. э. разнообразие золоченых бус резко сокращается, появляются изделия с внутренним посеребрением.

Бусы из янтаря (табл. CLVIII) распределяются неравномерно по времени и памятникам. Ко второй половине VI — первой половиной V в. до н. э. относится только одна дольчатая бусина из Ольвии, между тем, на соседних территориях, например, у скифов Правобережья Днепра, янтарных бус много. В IV—II вв. до н. э. янтарные бусы еще единичны. Они представлены в основном крупными искривленными и поперечно сжатыми округлыми и подцилиндрическими пронизями. Основная масса янтарных украшений относится к I—II вв. н. э. В III—IV вв., количество янтаря несколько сокращается. Для I—II вв. наиболее характерны бусы неправильной формы, вероятно, сделанные из природной янтарной гальки. К этому же времени относится и большинство янтарных фигурных изделий. Только подвески в виде головы лошади и лапы животного найдены в погребении IV—III вв. до н. э., а пронизь в виде астрагала в могиле III—IV вв. н. э. Во II—III вв. распространяются коротко-цилиндрические бусы, усеченно-конические и коротко-цилиндрические пронизи с выступающими торцами. Со второй половины III в. и особенно в IV в. становятся популярными грибовидные подвески. Наибольшее количество янтарных украшений происходит из Херсонеса и его округи, много янтаря найдено в Ольвии и Пантикапее. Фигурные подвески происходят из Ольвии, Херсонеса, Тиритаки, Пантикапея. Примечателен херсонесский комплекс, соединивший в себе семь уникальных подвесок пяти различных форм. Очень мало янтаря во всех памятниках Таманского полуострова и особенно в Танаисе, где более чем на 9000 разнообразных бус приходится лишь 20 янтарных.

Изделия из гагата — минерала органического происхождения, образуют обширную группу украшений встречающихся с VI в. до н. э. по IV в. н. э. (табл. CLVIII). Узоры на гагатовых изделиях всегда вырезаны или процарапаны, они комбинируются из кружков, углублений, насечек. Изделия VI—V вв. до н. э. единичны: самые маленькие бочковидные бусы с краями отверстий, стесанными внутрь канала, мелкие коротко-цилиндрические бусы. Из гагата или другого похожего материала сделаны ромбовидные пронизи с двумя параллельными каналами отверстий. В IV в. до н. э. гагатовые изделия по-прежнему малочисленны. Встречаются округлые и бочковидные бусы с орнаментом из процарапанных поперечных и продольных полос, бочковидные бусы, украшенные орнаментом из поперечных полос и сетчатого узора. К III — первой половине I в. до н. э. относится основная масса украшений из гагата с орнаментом из процарапанных поперечных и продольных полос, а также в виде крестов, зигзагов и сетчатого узора. Циркульный орнамент в это время только появляется и обычно сочетается с полосками, крестами и сетчатым узором. Большинство гагатовых изделий этого времени найдено в азиатской части Боспора и в Танаисе. Гагатовые изделия второй половины I в. до н. э.— IV в. н. э. наиболее многочисленны и разнообразны, особенно украшения I—II вв. В IV в. н. э. распространены популярные во все времена коротко-цилиндрические нарезки и удлиненные цилиндрики, расчлененные поперечными бороздками. Многие типы бус, встречающиеся в эллинистическое время, не менее популярны и в римское время. Однако, в первые века нашей эры возникают и новые формы. Фигурных изделий мало, все они относятся к I—II вв. н. э. Циркульный орнамент в это время становится доминирующим. С III в. до н. э., украшения из гагата становятся массивными. Гагат является хрупким материалом и бусы не могли долго сохраняться у населения. Поэтому постоянное присутствие их в могилах на протяжении многих веков говорит о прочных и регулярных связях Северного Причерноморья с центрами, изготовлявшими эти изделия, которые располагались вблизи крупных месторождений гагата, скорее всего, на Северном Кавказе и, менее вероятно, в Закавказье. Не исключено, что гагатовые украшения производили также где-то в округе Херсонеса.

Металлические перстни и печати (табл. CLIX—CLXI; CLXVI). Обычай употреблять печать был принесен в Северное Причерноморье первыми переселенцами из Средиземноморья. Личная печать нужна была каждому гражданину, так как своим отпечатком она охраняла личную его собственность и ею скрепляли документы. Самые ранние печати, найденные в Северном Причерноморье, относятся к VII—VI вв. до н. э. и представляют собой восточного типа каменные геммы — цилиндры и скарабеи (табл. CLIX, *1*, *2*) (ОАК, 1881, табл. V), украшенные углубленной резьбой, воспроизводящейся в оттиске. Они имеют вращающуюся металлическую дужку. Носили их на запястье, на шее, у пояса. Одновременно в архаическую эпоху появляются и металлические перстни-печати с резьбой на щитке. Наиболее древний экземпляр такого перстня-печати, носимого на кольце, найден в Ольвии (табл. CLIX, *1*). Это серебряный перстень с изображением готовящегося к прыжку льва. По углам ромбовидного щитка вделано по гвоздику из электра, что должно было, по воззрениям древних повысить его магические свойства (*Максимова М. И.*, 1955, с. 439, рис. 1). В скифских курганах нередки находки 10 перстней на руках одного погребенного, в погребении грека обычно бывает только один перстень. В конце IV в.

до н. э. геммы на вращающейся дужке исчезают, появляются металлические перстни с каменной вставкой-печатью на щитке, сосуществующие с традиционными цельнометаллическими перстнями. Геммы и перстни в Северном Причерноморье импортировались из Передней и Малой Азии, Ирана, Ионийских о-вов, материковой Греции (VII—IV вв. до н. э.), а в эллинистическую эпоху также из Этрурии (IV—III вв. до н. э.), Северной Африки (III—I вв. до н. э.), в римскую эпоху из Италии и балканских провинций. Особенно большое количество перстней V—IV вв. до н. э. найдено в богатых погребениях Боспора. К ним относятся уникальные произведения известных античных мастеров: золотой перстень с изображением летящей цапли, вырезанной на голубом халцедоне работы Дексамена (табл. CLIX, *7*) (*Максимова М. И.*, 1955, с. 441, рис. 2), золотой перстень с изображением знатного перса работы Афинада (табл. CLX, *8*) (*Максимова М. И.*, 1955, с. 440). Рядовые жители носили простые бронзовые или серебряные перстни-печатки со стеклянными вставками-отливками с настоящих гемм, вырезанных на камнях. Позднее перстнями-печатями стали пользоваться и представители местных племен. В IV—III вв. до н. э. начинается деятельность местных причерноморских мастерских и своего расцвета она достигает в эпоху Августа в Пантикапее и во II—III вв. в Херсонесе. Местными мастерами делались перстни с портретами боспорских царей Савромата II и Котиса III (*Максимова М. И.*, 1955, с. 443, табл. II, *5*, *6*).

Эволюция типов каменных печатей и металлических перстней в Причерноморье совпадает с развитием этого вида изделий художественного ремесла в других районах античного мира. В качестве специфических форм можно отметить лишь металлические перстни IV в. до н. э. с несомкнутой шинкой, получившие у исследователей название «понтийских» (табл. CLX, *15*) и позднее — пантикапейские перстни с выпуклыми гранатовыми вставками эпохи Августа (табл. CLXI, *14*, *15*, *17*, *19*). В металлических перстнях развитие идет в сторону замены архаических перстней (табл. CLX, *1—4*) с узким листовидным щитком и круглой в сечении шинкой тяжелыми классическими перстнями, имеющими гранение шинки и овальные щитки (табл. CLX, *6—12*). В дальнейшем в эллинистических перстнях щиток становится полностью круглым, а шинка — плоской (табл. CLX, *19*). Перстни римской эпохи, как правило, менее массивны, а во II—III вв. приобретают вычурные, изогнутые формы и ребристую поверхность (табл. CLX, *32—35*).

В каменных печатях происходит постепенный отказ от чуждых Греции восточных форм: скарабей (табл. CLIX, *1—3*) заменяется скарабеоидом (табл. CLIX, *4*, *7*, *11*) или псевдоскарабеем (табл. CLIX, 12), полые цилиндры (табл. CLIX, *5*, *9*) — сегментированными (табл. CLIX, *8*). В эллинистическую эпоху изображение перемещается на выпуклую сторону (табл. CLIX, *13, 14*). Перстни, сочетающие металлическую оправу и каменную печать, поначалу очень массивны — напаянные концентрически полоски металла окружают гемму, удерживая ее в гнезде (табл. CLXI, *1—3*, *5*). В дальнейшем все элементы изделия становятся миниатюрнее, а их связь органичнее (табл. CLXI, *12—20*). С социальной структурой общества связана разница в материалах: золото, серебро, бронза, цветные камни и их дешевые заменители. Перстни из бронзы, печати из стекла, находимые в грунтовых могильниках, могут быть сопоставлены со «стеклянными печатями в простонародных перстнях», о которых упоминает энциклопедист Плиний (Nat. Hist., XXXV, 43).

Фибулы. Металлические застежки — фибулы — обычная находка в погребениях и в культурном слое античных памятников Северного Причерноморья II в. до н. э.— IV в. н. э. Много их в Пантикапее, Фанагории, Кепах, Ольвии, Херсонесе, Танаисе и других городах, а также в некрополях сельских поселений. Картографирование показывает, что кроме общих для всего Северного Причерноморья форм фибул (табл. CLIV, *13*, *14*, *19*, *22*, *30*, *36*, *39*) есть формы, характерные для отдельных районов (табл. CLIV, *7*, *27—29*, *35*, *37*, *39*) и редкие вне их. Северопричерноморские фибулы попадали к народам Кавказа, степей, даже лесной зоны восточной Европы и вызвали там подражания. Но эти местные «варварские» изделия почти не попадали в античную зону и поэтому здесь не рассматриваются (кроме фибул на табл. CLIV, *43—45,* относящихся уже к IV в.). Учитывая значение эллинского компонента в культуре Северного Причерноморья, можно было ожидать, что он будет заметен и в развитии местных фибул. Известно, что при изготовлении золотых фибул применялись рельеф, филигрань, инкрустации камней. Об античных фибулах говорят письменные данные, броши изображены на рельефе Парфенона, на расписных сосудах VI—IV вв. н. э., но в археологических находках метрополии они не найдены. Вероятно, и здесь их носили, но не было обычая помещать их в могилу. Этот обычай был у крымских скифов, у меотов и сармат, в некрополях которых сохранились разнообразные подражания эллинским брошам (Кубань) и даже отдельные, возможно, настоящие эллинские фибулы (табл. CLIV, *2*) и золотая ромбическая брошь из мавзолея Неаполя Скифского. Простые пружинные броши удержались до I в. н. э. в быту эллинизированных крымских скифов и периферийного Танаиса.

Широкое появление фибул в некрополях античных городов со II—I вв. до н. э. связано с варваризацией не только погребального обряда, но и внешнего облика горожан: в течение I в. н. э. окончательно исчезли пружинные броши, отражавшие эллинские традиции, и их место заняли варварские дужковые фибулы с двусторонней пружиной. Их появление в античной среде связано с интенсивным проникновением латенских вещей. Сыграли роль не только передвижения кельтов и гетов на западных рубежах Северного Причерноморья, но и еще мало изученные для этого периода контакты с областями к югу от нижнего Дуная. На основе принесенных вещей и, вероятно, новых традиций развилось местное производство проволочных дужковых фибул (табл. CLIV, *4—7*, *12—14*, *18—21*, *28*). Среди принесенных с запада фибул кельтские изделия II—I вв. до н. э. редки (табл. CLIV, *1*). С I в. н. э. приток западных фибул увеличился, чему способствовало вхождение Северного Причерноморья в сферу воздействия

Рима. В Галлии и дунайских провинциях романизируемое население, сохранившее некоторые латенские традиции, создало разнообразнейшие формы фибул, отразившие и кельтские, и римские вкусы. На территорию Северного Причерноморья в большом количестве попадали оттуда фибулы I в. н. э., с рельефной дужкой, в том числе имеющие латинскую надпись «Авцисса» (табл. CLIV, *8*), а во II—III вв. фибулы с цветной эмалью (табл. CLIV, *23—26*, *31*, *32*, *34*). Большинству этих предметов известны точные аналогии в западных римских провинциях. Для провинций характерны также различные фибулы с рельефными украшениями (табл. CLIV, *10*, *15*, *17*), многие из которых могли проникать в причерноморские города не только путем торговли, но и с людьми, приезжавшими с запада (солдатами, торговцами, ремесленниками). Ввоз провинциальных фибул продолжался до IV и отчасти V вв., когда излюбленным мужским украшением римлян стали тяжелые литые фибулы с кнопками в виде луковиц (табл. CLIV, *40*).

Местное производство фибул в Северном Причерноморье, кроме брошек II в. до н. э.— I в. н. э., ограничилось сравнительно простыми коваными проволочными фибулами. Их материал— золото, серебро, сплавы меди. Среди местных северопричерноморских типов фибул выделяются лучковые подвязные (табл. CLIV, *13*, *14*, *22*, *30*, *37—39*), фибулы с кнопкой (табл. CLIV, *20*, *21*), смычковые (табл. CLIV *28*, *29*). Для Боспорского царства характерны, главным образом, сильно профилированные фибулы (табл. CLIV, *18*, *27*, *35*), а также двучленные подвязные с вертикально пластинчатой спинкой (табл. CLIV, *37*), для юго-западного Крыма — так называемые «инкерманские» (табл. CLIV, *38*), отличающиеся от других подвязных не только своеобразными приемами изготовления, но и некоторой грубоватостью. Попадая к соседним народам, северопричерноморские фибулы послужили основой для появления там новых вариантов фибул. Судя по ареалу боспорских фибул, сфера боспорского влияния была особенно обширной, достигая Прикамья и Дагестана.

Опустошительные вторжения варваров в середине и второй половине III в. ярко отразились и на производстве фибул. Местные формы фибул исчезли к концу III в., изредка встречаясь в могилах IV в., в Южном Крыму. Население заимствовало фибулы северных пришельцев (табл. CLIV, *42—45*), распространившиеся раньше всего в не подвергшейся разгрому округе Херсонеса (со второй половины III в.), позднее в IV в. на территории Боспора и в Ольвии. Постепенно сложились местные крымские варианты этих фибул (табл. CLIV, *44*, *45*). Основная масса крымских фибул IV в. тождественна фибулам черняховской культуры не только по форме, но даже по рецепту металла, новому для Северного Причерноморья, но связанному с Северо-Восточной Прибалтикой. Изредка в городах Северного Причерноморья находят чуждые «черняховским» прибалтийские фибулы (табл. CLIV, *41*), также фибула с шариком на головке из Танаиса и накладные кольца на крымских фибулах — (табл. CLIV, *45*).

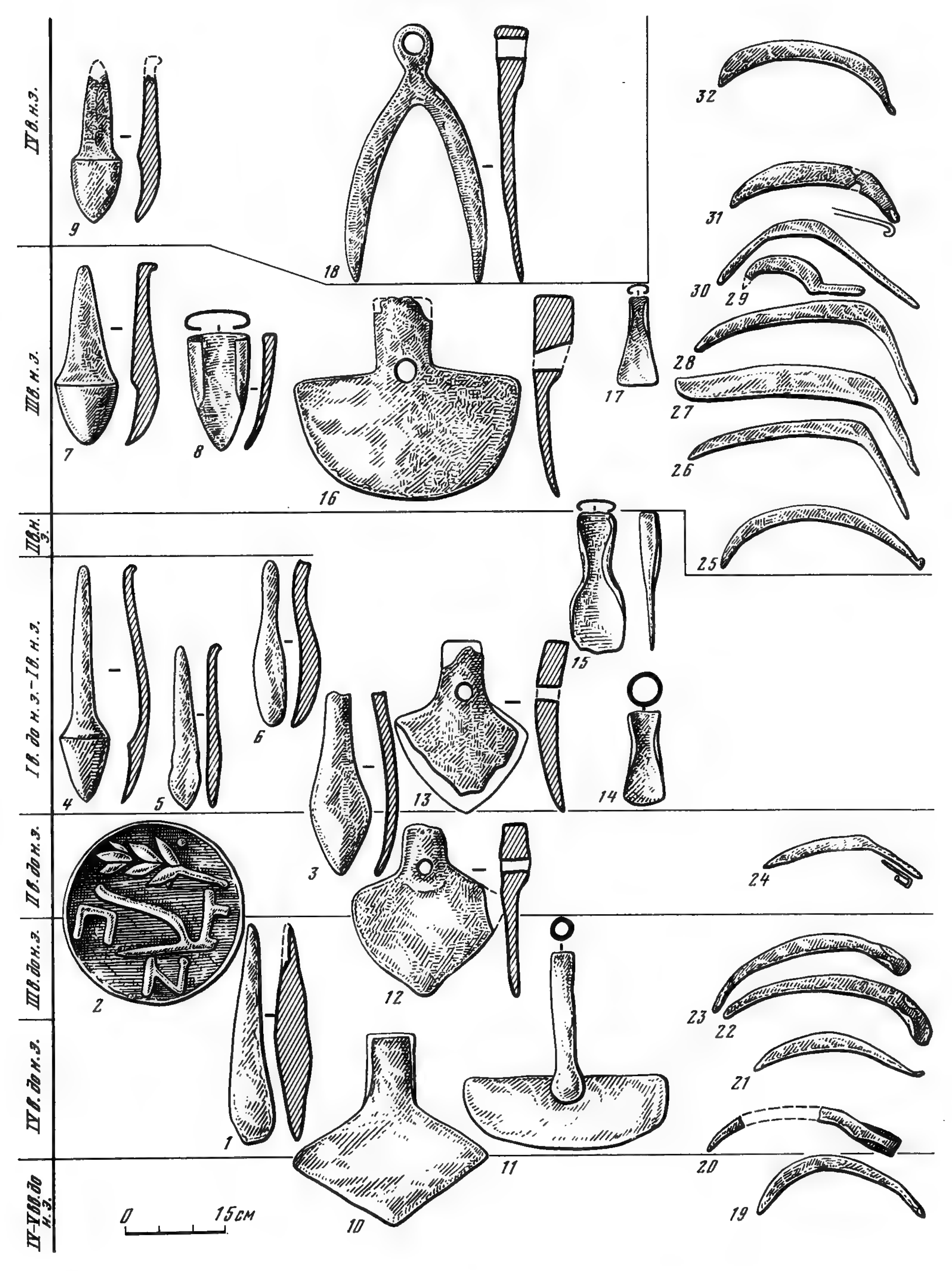


Таблица LV. Железные сельскохозяйственные инструменты

Наральники: *1* — пос. Панское, IV в. до н. э.; *2* — изображение рала на пантикапейской монете, конец III в. до н. э.; 3 — Горгиппия, II в. до н. э.; *4, 5* — хут. Рассвет, I в. до н. э.; *6* — «Чайка», I в.; *7* — пос. Семеновка, III в.; *8* — Танаис, III в.; *9* — Батарейка I, IV в. Мотыги: *10* — Херсонес, IV в. до н. э.; *11* — Панское IV в. до н. э.; *12* — Горгиппия, III—II вв. до н. э.; *13, 14* — хут. Рассвет, I в. до н. э.; *15* — станция Пашковская, I—II вв.; *16* — Ново-Отрадное, III в.; *17* — поселение Семеновка, III в.; *18* — Харакс, IV в. Серпы и косы: *19* — Никоний, VI—V вв. до н. э.; *20* — Киммерик, V в. до н. э.; *21* — Никоний, VI—V вв. до н. э.; *22, 23* — пос. Панское, IV в. до н. э.; *24* — станица Елизаветинская, II в. до н. э.; *25* — Танаис, III в.; *26* — Илурат, III в.; *27, 28* — пос. Семеновка, III в.; *29* — Танаис, III в.; *30* — Батарейка II, III в.; *31* — Горгиппия, III в.; *32* — Харакс, IV в. Составитель И. Т. Кругликова



Таблица LVI. Зернотерки, ручные мельницы и монеты с изображением колосьев

1 — реконструкция работы на ручной мельнице; *2* — ручная зернотерка с пестом; *3* — каменная ступа. Ново-Отрадное, III в. н. э.; *4* — печь для сушки зерна, Танаис, III в.; *5* — нижняя плита ручной мельницы, Таманский полуостров; *6* — реконструкция работы ручной мельницы; *7, 8* — ручные мельницы, Таманский полуостров и Киммерик; *9* — выемки на трущихся поверхностях жерновов, Киммерик, III в. н. э.; *10* — верхний жернов круглой зернотерки, Харакс; *11, 13* — золотые пантикапейские статеры IV в. до н. э. с изображением колосьев пшеницы карликовой и двузернянки; *12* — пантикапейская серебряная монета II в. до н. э. с изображением многорядного ячменя. Составитель И. Т. Кругликова

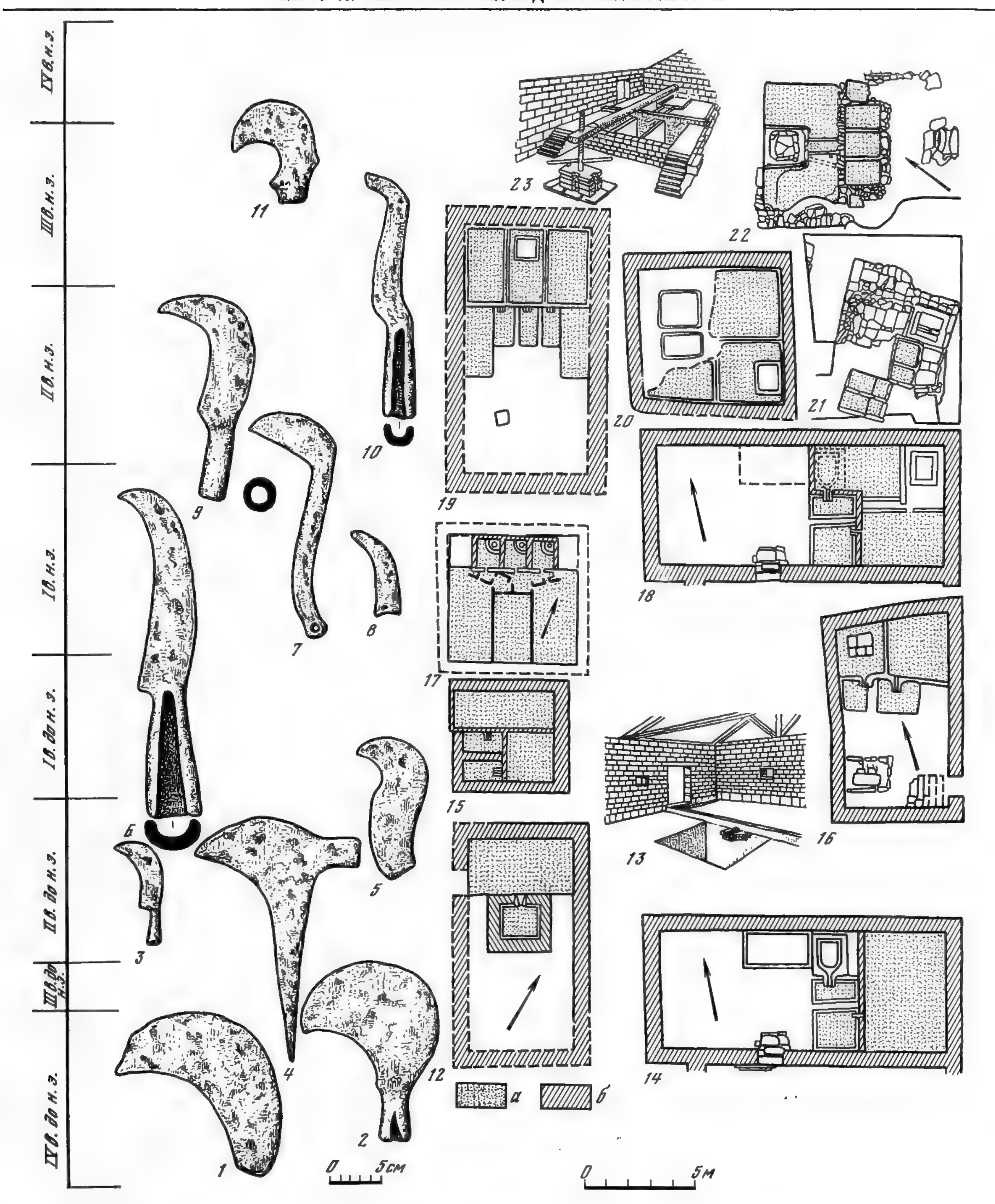


Таблица LVII. Инструменты виноградарей и типы виноделен

Виноградарские ножи: *1* — вторая половина IV в. до н. э.; *2* — III в. до н. э.; *3* — II в. до н. э.; *4* — II в. до н. э.; *5* — II в. до н. э.; *6* — I в. до н. э.— I в. н. э.; *7* — II—I вв. до н. э.; *8* — I в. до н. э.— I в. н. э.; *9* — II в.; *10* — III в.; *11* — изображение на стекле. Планы виноделен: *12, 13* — Тиритака, III—II вв. до н. э.; план и реконструкция; *14* — Мирмекий, III—II вв. до н. э.; *15* — Темир-гора, I в. до н. э.; *16* — Тиритака, I в. до н. э.— I в. н. э.; *17* — Кепы, I в.; *18* — Мирмекий, I—II вв.; *19* — Мирмекий, I—II вв.; *20* — Пантикапей, конец II—III вв.; *21* — Тиритака, II—III вв.; *22, 23* — Тиритака, III—IV вв.; план и реконструкция; *а* — цеменка, *б* — кладка, *1, 3* — Кепы; *2* — Чайка; *4, 11* — Херсонес; *5* — Тиритака; *6, 8* — хут. «Рассвет»; *7* — Мирмекий; *9* — Пантикапей; *10* — Семеновка. Составитель И. Т. Кругликова

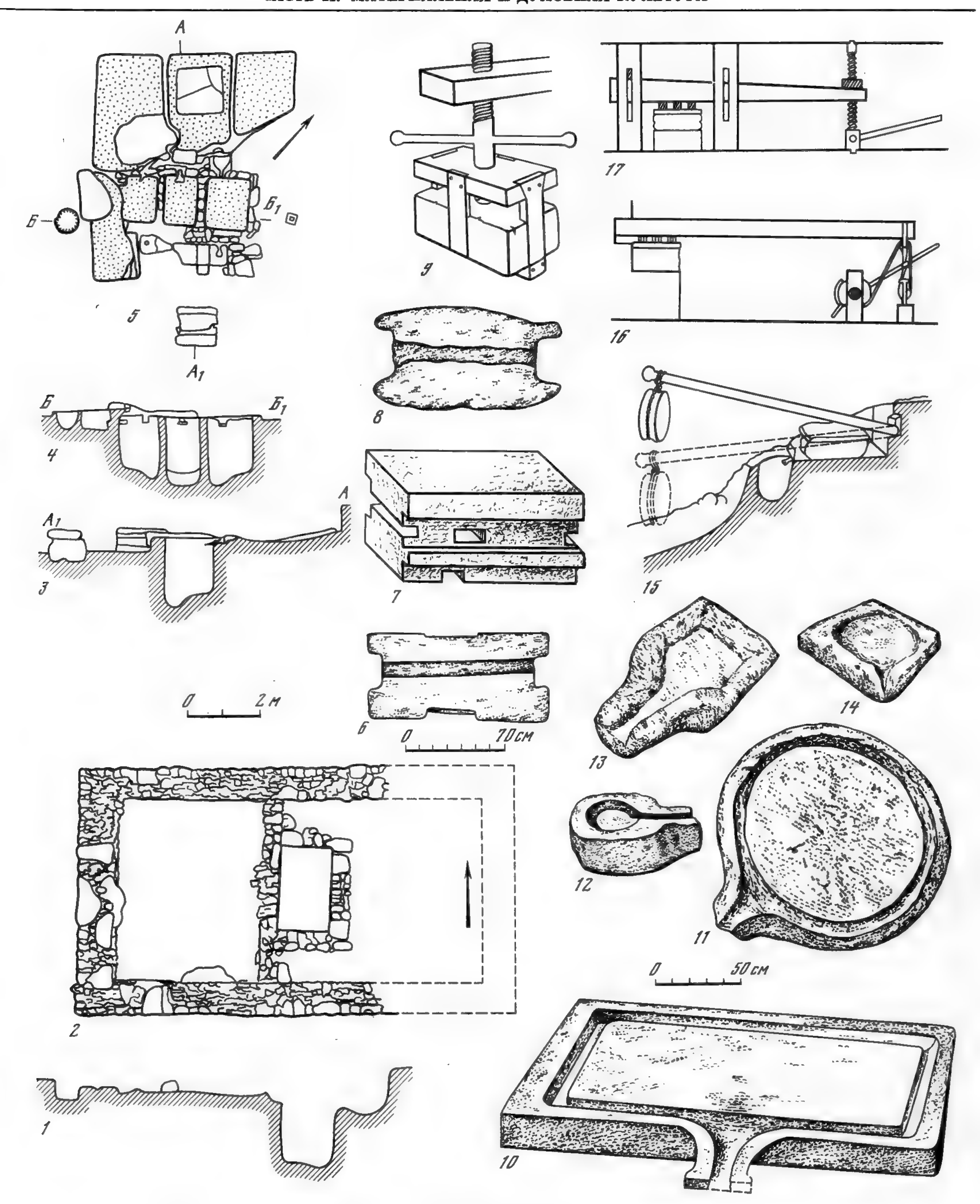


Таблица LVIII. Винодельни, гири, тарпаны, реконструкции прессов

1—2 — разрез и план винодельни («Партизаны» — III—II вв. до н. э.); *3—5* — разрезы и план винодельни (Тиритака, II—III вв. н. э.); *6—8* — каменные гири прессов (*6* — Тиритака, I в. до н. э.— I в. н. э., *7* — Херсонес, усадьба клера № 9, III в., *8* — Тиритака, III—IV вв.); *9* — реконструкция гири и рычажно-винтового пресса; *10* — каменный тарапан для виноградного пресса (Херсонес, усадьба клера № 26, II в. до н. э.); *11* — тарапан (Пантикапей, III—II вв. до н. э.); *12* — тарапан («Партизан», II в. до н. э.); *13* — корыто для выжимания виноградного сока (Мирмекий, III—II вв. до н. э.); *14* — тарапан (Херсонес, III—II вв. до н. э.); *15* — реконструкция херсонесской давильни; *16* — рычажный пресс с воротом и подвесной гирей по Герону. Реконструкция А. Драхмана; *17* — рычажно-винтовой пресс по Плинию, первый вариант. Реконструкция А. Драхмана. Составитель И. Т. Кругликова

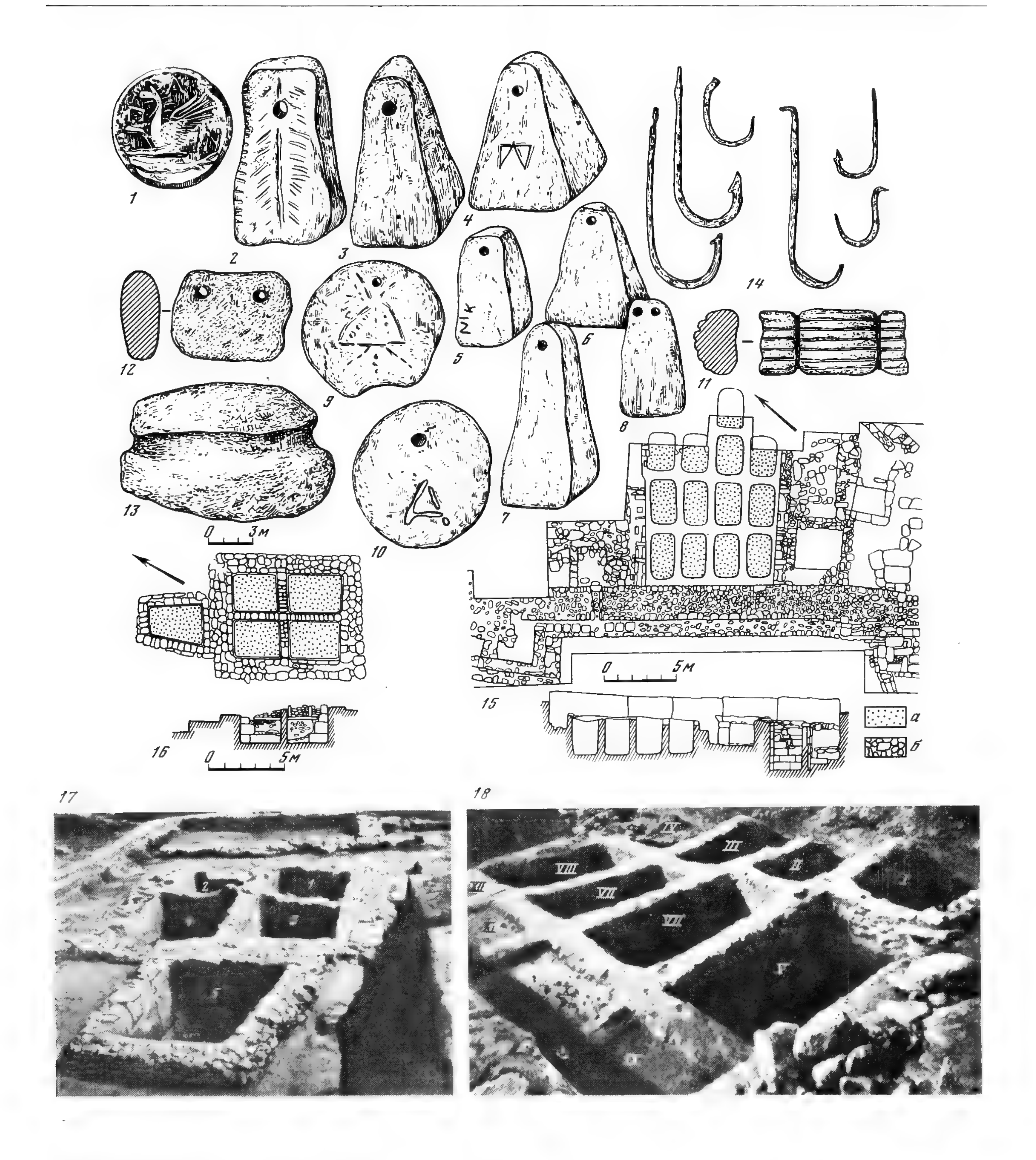


Таблица LIX. Рыболовный промысел

1 — изображение осетра под протомой грифона на Пантикапейской монете (около 330—315 гг. до н. э.); *2—8* — пирамидальные глиняные грузила; *9, 10* — лепешковидные глиняные грузила; *11* — грузило из ручки амфоры; *12, 13* — каменные грузила; *14* — рыболовные крючки; *15, 18* — комплекс из 16 рыбозасолочных ванн в Тиритаке I—III вв. на участке I, план, разрез и вид с севера; *16, 17* — рыбозасолочные ванны на участке V—VI, план, разрез и вид с северо-запада: *а* — цемянка, *б* — каменные кладки. Составитель И. Т. Кругликова

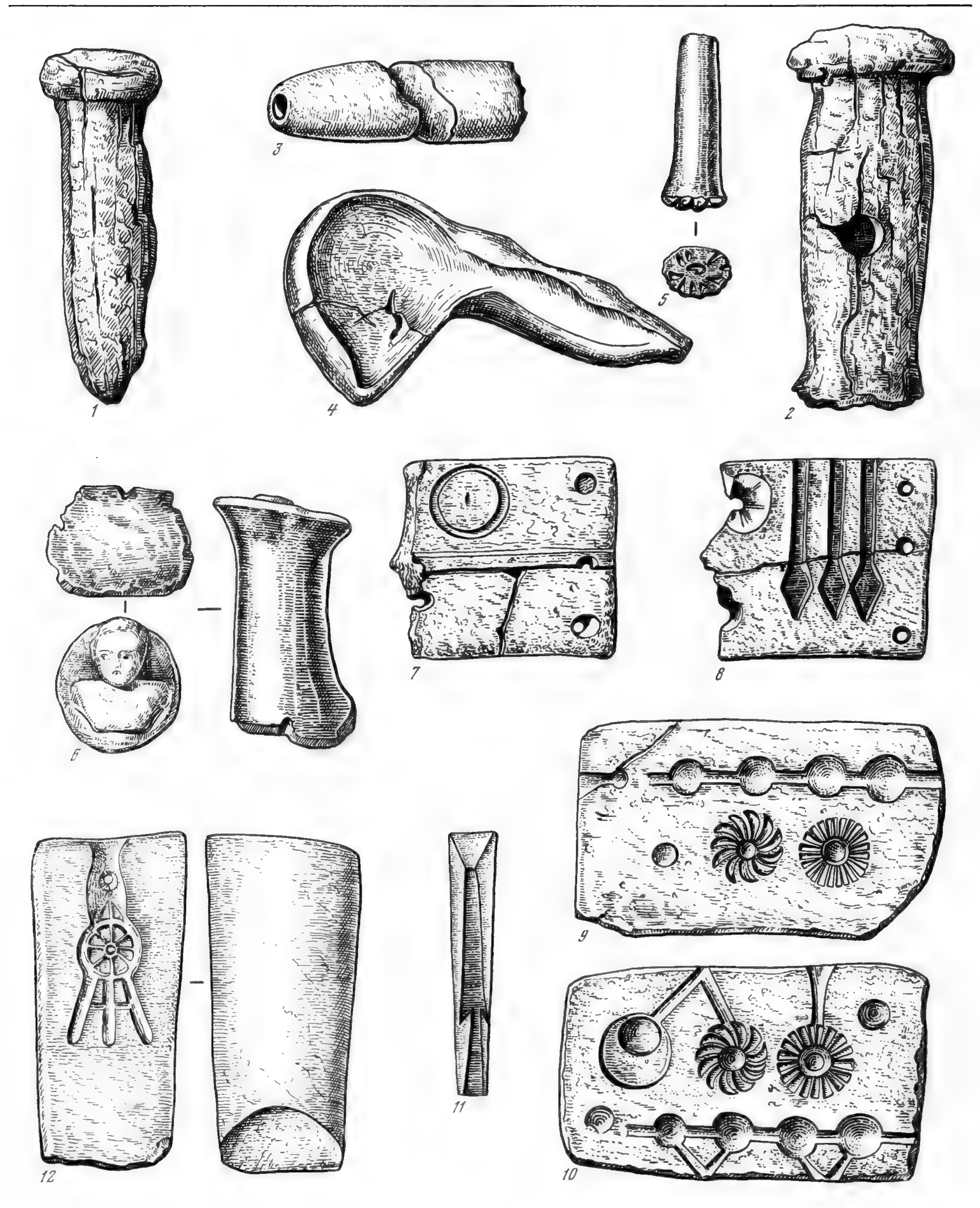


Таблица LX. Орудия металлургов и ювелиров

1 — зубило (железо) из Пантикапея; *2* — то же из Танаиса; *3* — сопло из Пантикапея (глина); *4* — льячка из Фанагории (глина); *5* — штамп (бронза) из Пантикапея; *6* — то же из Тиритаки; *7—12* — формы: *7* — из Пантикапея (камень); *8* — из Пантикапея (камень); *9*, *10* — из Ольвии (камень); *11* — из Ольвии (медь); *12* — из Танаиса (керамика). Составитель Д. Б. Шелов

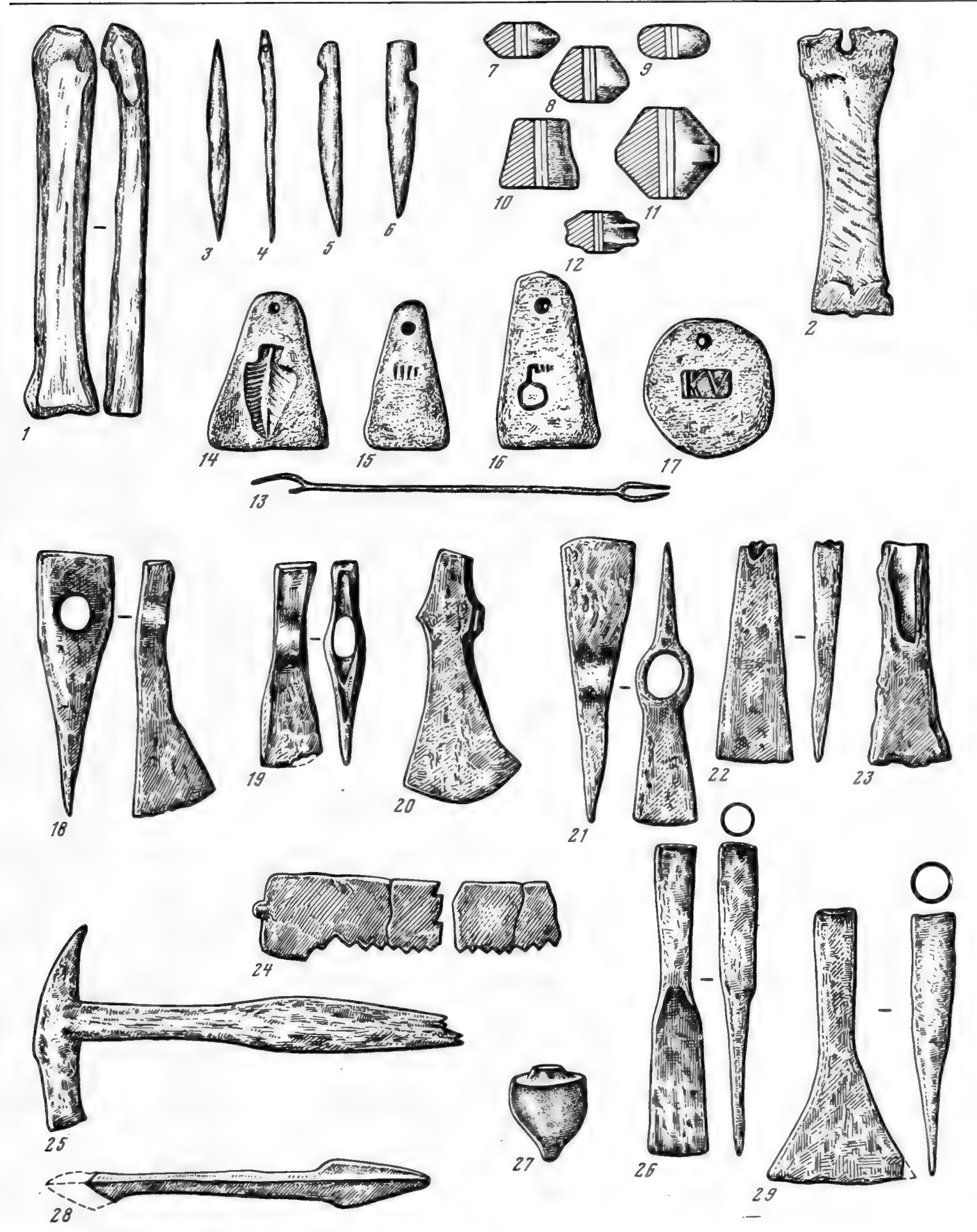


Таблица LXI. Орудия труда

1 — гладилка; *2* — рашпиль; *3* — проколка; *4* — игла; *5—6* — костяные орудия; *7—12* — пряслица; *13* — вязальная спица; *14—17* — ткацкие грузики-подвески; *18—20* — топоры; *21* — топор-тесло; *22, 23* — тесло; *24* — пила; *25* — молоток; *26* — долото; *27* — гирька отвеса; *28* — бурав; *29* — железный инструмент

1—6 — кость; *7—12, 14—17* — глина; *13* — бронза; *18—26, 28, 29* — железо; *27* — свинец. *1, 3, 7—12* — Танаис; *2, 4, 19, 22, 24, 25* — Ольвия; *5, 6* — Тиритака; *13, 21* — Семеновка; *14—17* — Боспор; *18* — Фальшивый Геленджик; *20* — Харакс; *23* — Раевское городище; *26* — Гермонасса; *27* — Пантикапей; *28* — Батарейка II; *29* — Михайловка. Составитель Д. Б. Шелов

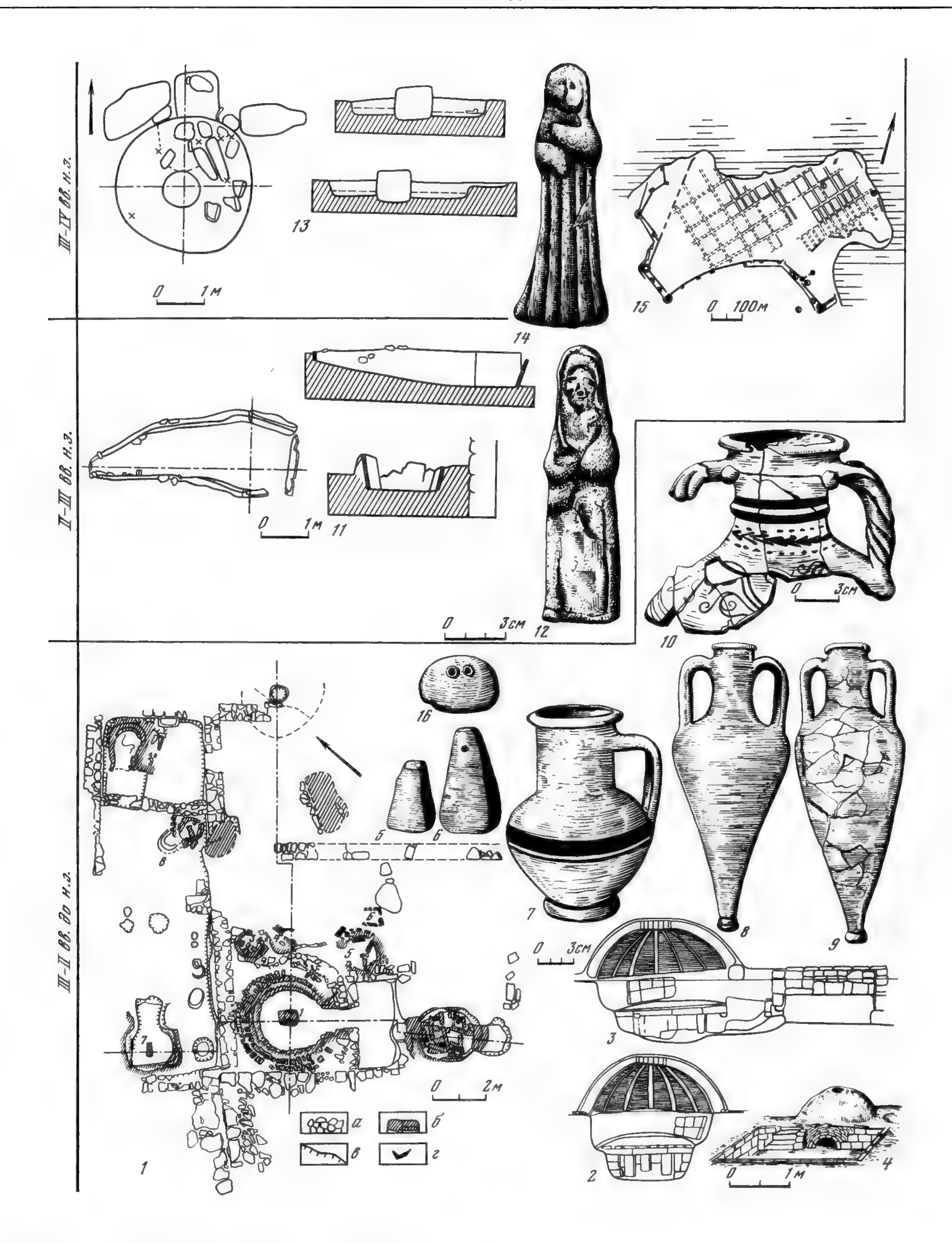


Таблица LXII. Гончарное производство Херсонеса

1 — комплекс гончарных печей (№ 4), III—II вв. до н. э.: *а* — кладка из камней; *б* — кладка из кирпича; *в* — вырубки в скале; *г* — черепица; *2, 3* — реконструкция разрезов; *4* — реконструкция общего вида печи; *5—10* — продукция гончарных мастерских; *11* — печь № 7, план и разрезы; *12* — терракота из печи; *13* — печь № 6, план и разрезы; *14* — терракота из печи; *15* — схема города с показом расположения гончарных печей (*1—6*). Составитель В. Б. Борисова

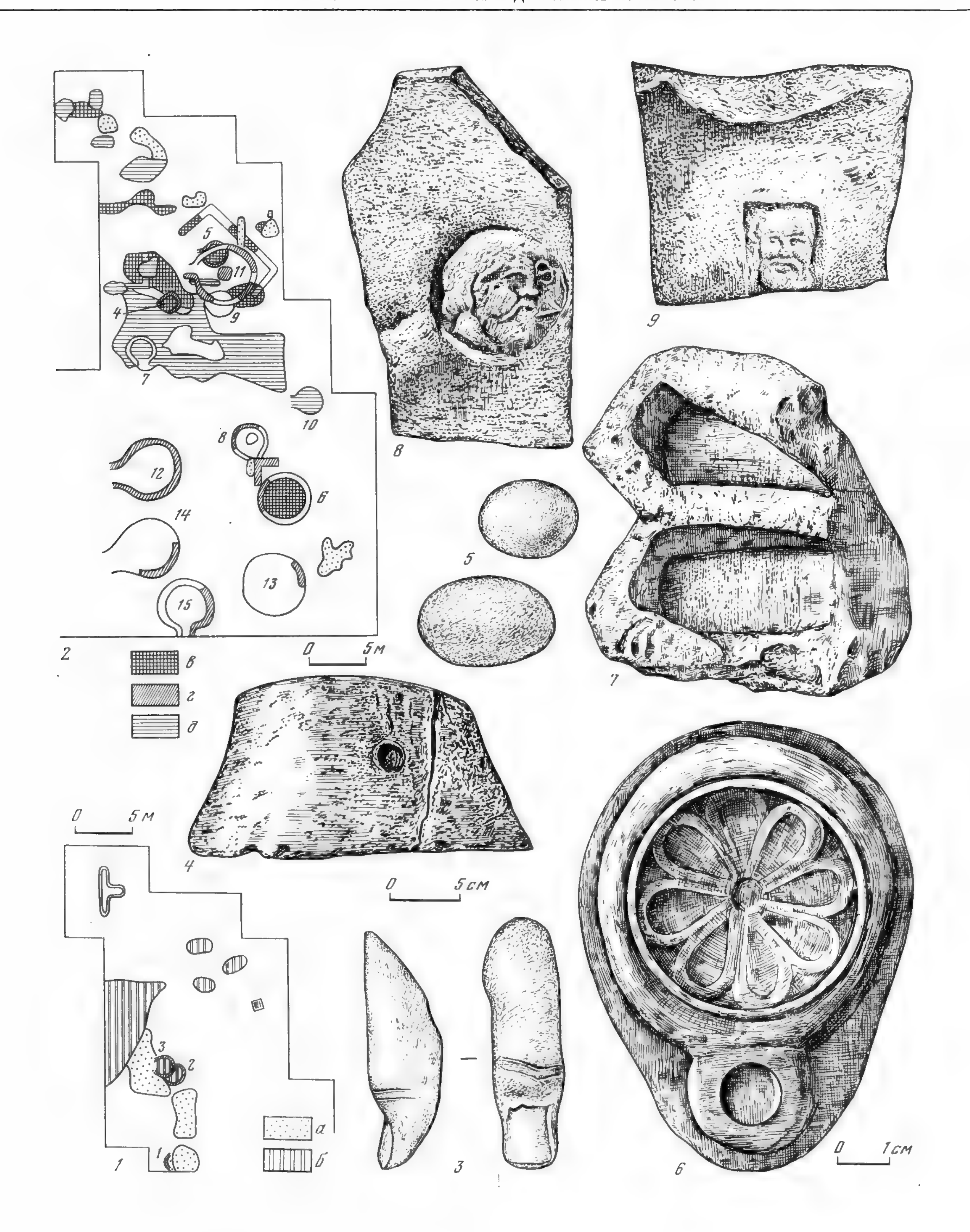


Таблица LXIII. Керамическое производство Фанагории

1, 2 — планы раскопок. Керамика (*а* — слой IV в. до н. э., *б* — I в. до н. э., *в* — I—II вв., *г* — III в., *д* — IV в.); *3* — мраморное лощило в виде пальца; *4* — подставка для сосудов, ставящихся в обжигательную печь; *5* — гальки-лощила; *6* — форма для оттискивания щитка светильника; *7* — обломок формы для изготовления антефикса; *8* — клеймо на мерной ойнохое; *9* — клеймо на ручке амфоры. Составитель Е. А. Савостина

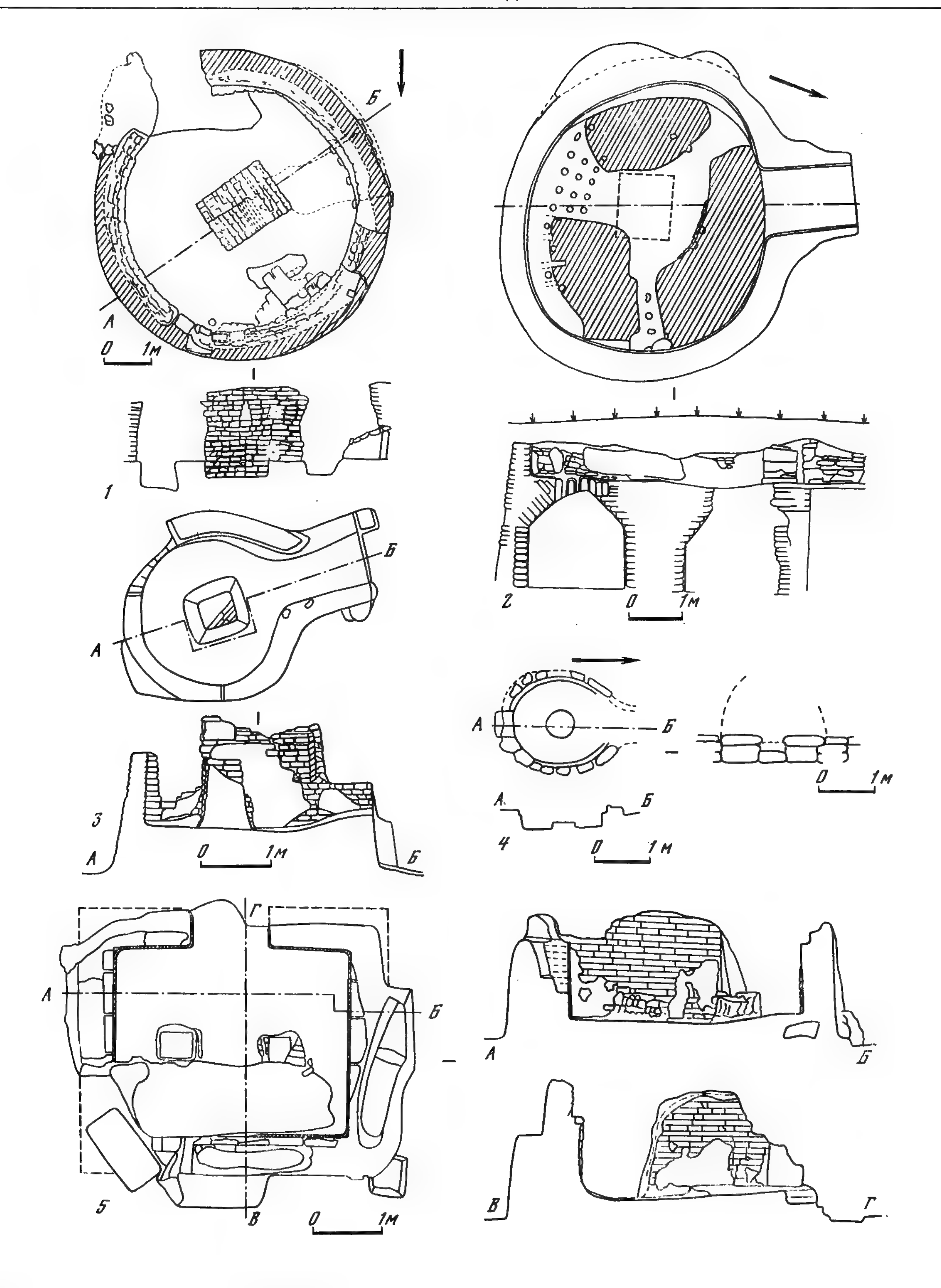


Таблица LXIV. Керамические печи. Планы и разрезы

1 — Пантикапей, III в. н. э.; *2* — Фанагория, IV в. н. э.; *3* — Ольвия, конец I—III в. н. э.; *4* — Гермонасса, I. в. н. э., реконструкция; *5* — Ольвия, конец I—III в. н. э. Составитель Д. Б. Шелов

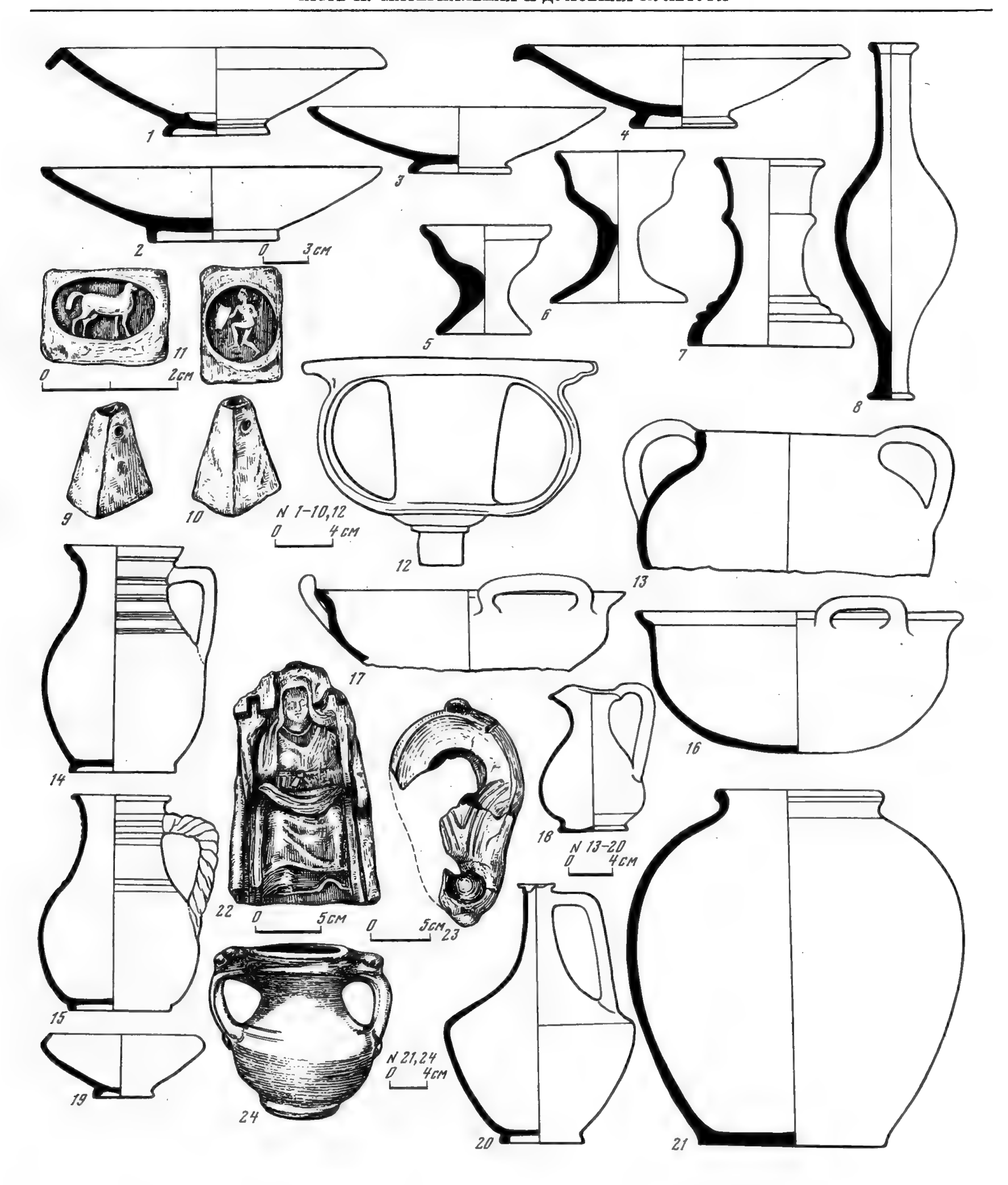


Таблица LXV. Керамика из горгиппийских гончарных мастерских

Мастерская II в. до н. э.: *1—4* — миски; *5—7* — домашние алтарики; *8* — амфориск; *9, 10* — ткацкие грузила с оттисками гемм; *11* — оттиски гемм; *12* — канфар с незаконченной ножкой; *13* — верхняя часть двуручного сосуда; *14, 15* — кувшины; *16, 17* — кастрюли; *18* — ойнохоя; *19* — миска; *20* — лагинос; *21* — горшок; *22* — форма для оттиска терракотовой статуэтки сидящей богини. Раскоп «Лазурный»; *23* — форма для оттиска щитка светильника. Гончарная печь II—III вв.: *24* — горшочек со стилизованными головками животных. Составитель И. Т. Кругликова



Таблица LXVI. Торговый инвентарь

1—6 — свинцовые гири-разновесы (*1* — Елизаветинское городище, IV в. до н. э.; *2* — Нимфей (?), III в. до н. э.; *3* — Пантикапей, III в. до н. э.; *4* — Ольвия, III в. до н. э.; *5* — Ольвия, V—IV вв. до н. э.; *6* — Мирмекий, II в. до н. э.); *7* — мерная ойнохоя (Средиземноморье), V—IV вв. до н. э.; *8* — мерный сосуд (Ольвия?), IV в. до н. э.; *9* — клеймо агораномов на мерном кувшине, Ольвия, III в. до н. э.; *10* — Широкая Балка, бронзовая фигурная гиря от весов, конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.; *11* — Италия, римские весы, I в. н. э. Составитель И. Б. Брашинский



Таблица LXVII. Предметы греческого импорта VI—V вв. до н. э.

1 — серебряный килик и медальон на дне килика (Афины), V в. до н. э.; *2* — бронзовое зеркало, V в. до н. э.; *3* — бронзовое зеркало с ручкой (Иония), VI в. до н. э.; *4* — серебряный ритон (Иран), V в. до н. э.; *5* — золотые ритоны, V в. до н. э.; *6* — стеклянный фигурный сосуд (Навкратис?), VI в. до н. э.; *7* — миниатюрная ойнохоя «финикийского стекла», V в. до н. э.; *8* — бронзовая ойнохоя (Самос), V в. до н. э.; *9* — алабастры «финикийского стекла», V в. до н. э.; *10* — алебастровые алабастры, VI—V вв. до н. э.; *11* — бронзовый канделябр, V в. до н. э.

1, 2, 4, 5, 11 — Семибратние курганы; *3* — Анновка (Николаевская обл.); *6, 9, 10* — Ольвия; *7* — Елизаветовский могильник; *8* — Нимфей. Составитель И. Б. Брашинский

Производственные центры – экспортёры

Хиос | Лесбос | Самос | Менде | Фасос | Гераклия | Синопа | Прочие и неизвестные центры

IV в. до н. э.

V в. до н. э.

VI в. до н. э.

VII в.

2 6 5 4 3 2 1

Таблица LXVIII. Развитие импорта товаров в керамической таре в Северном Причерноморье в VI—IV вв. до н. э.

1 — Ионийский центр; *2* — Коринф; *3* — амфоры со «стаканообразной ножкой»; *4* — амфоры типа Солоха; *5* — амфоры типа Солоха II (Византий?); *6* — Родос («протородосские»). Составитель И. Б. Брашинский

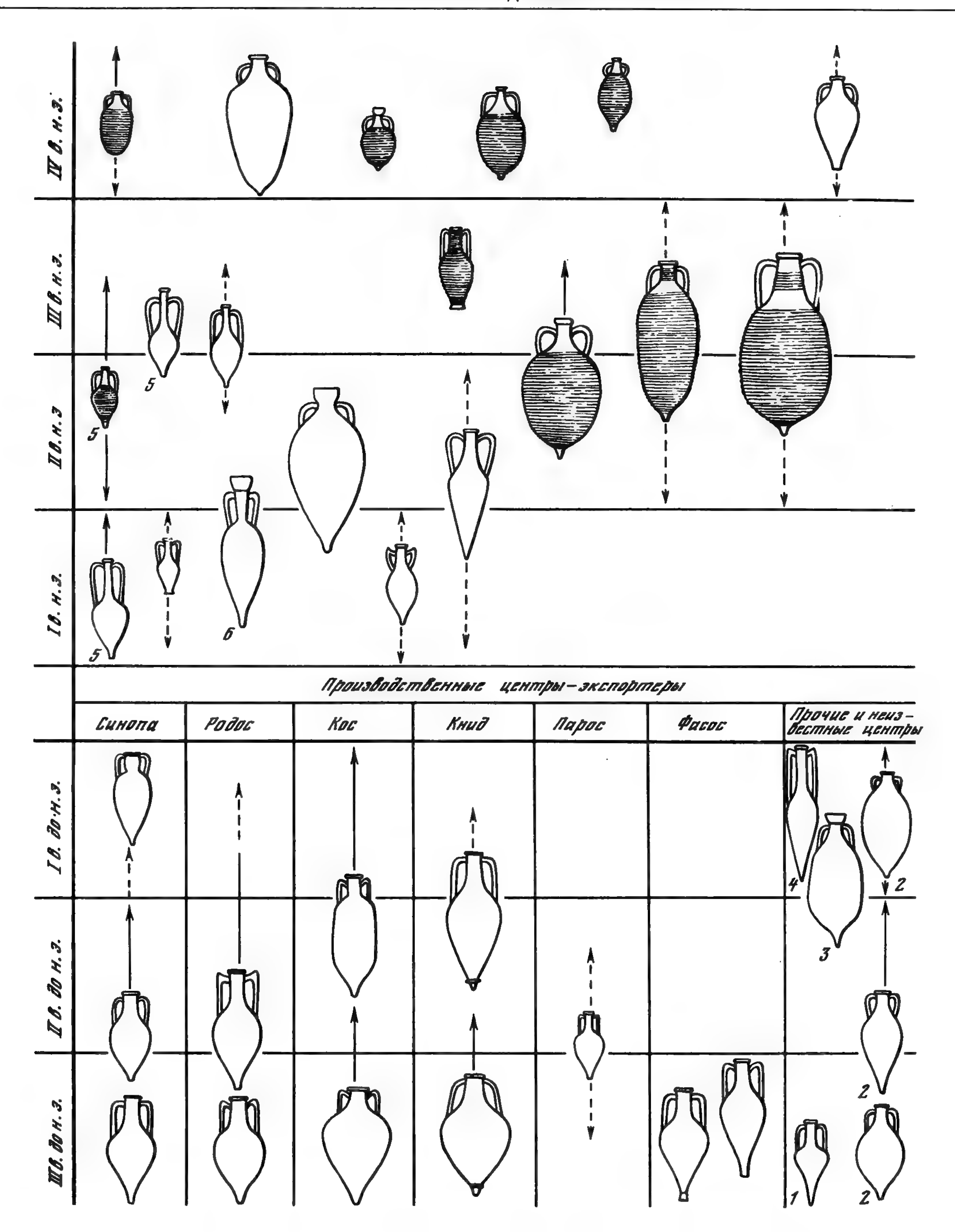


Таблица LXIX. Развитие импорта товаров в керамической таре в Северном Причерноморье в III—I вв. до н. э. и I—IV вв. н. э.

1 — светлоглиняные амфоры с двуствольными ручками (Понтийский центр; Гераклея?); *2—4* — неизвестные центры; *5* — южнопонтийские центры; *6* — Италия. Составитель И. Б. Брашинский

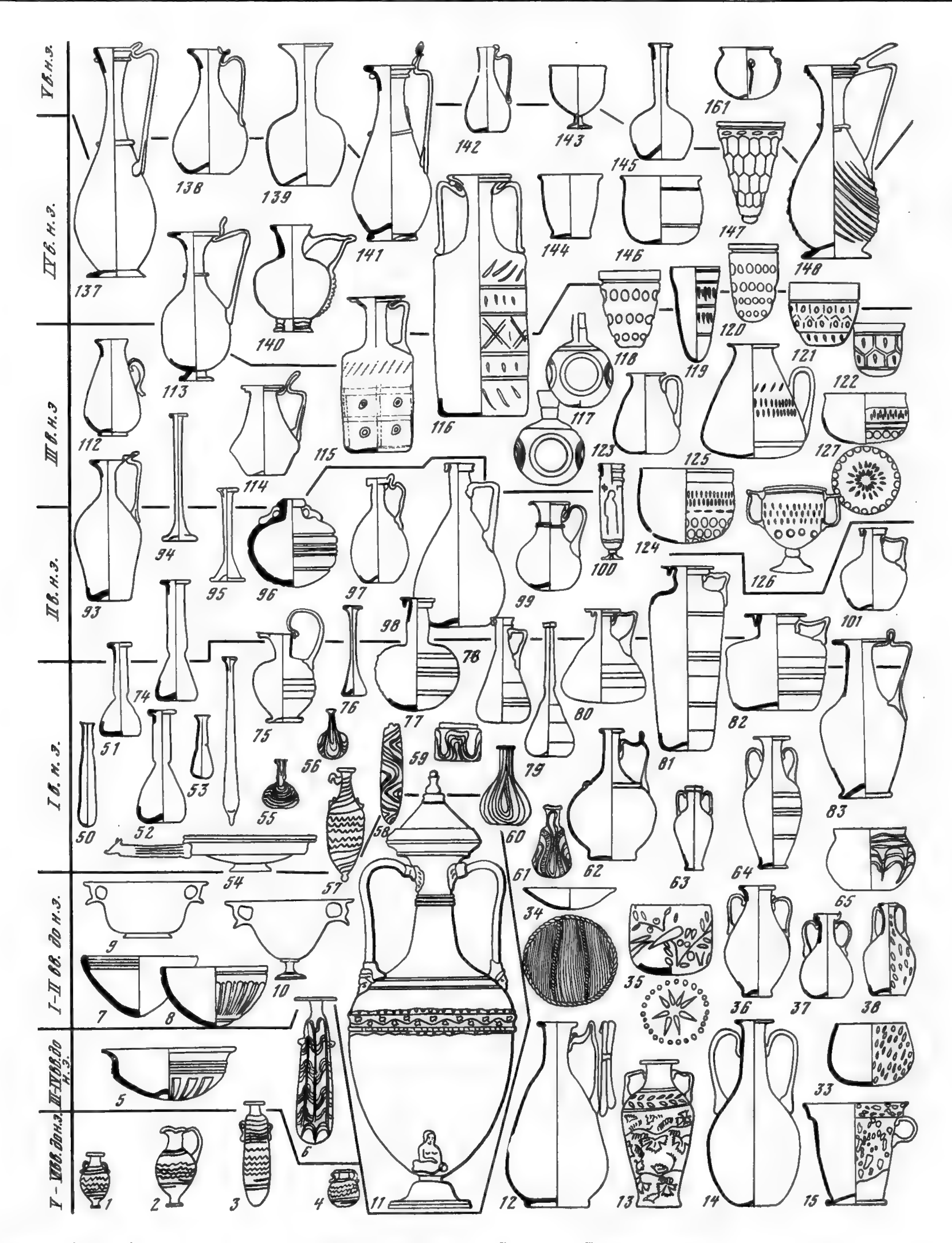


Таблица LXX. Типы стеклянной посуды, находимой в Северном Причерноморье

Составитель Н. П. Сорокина

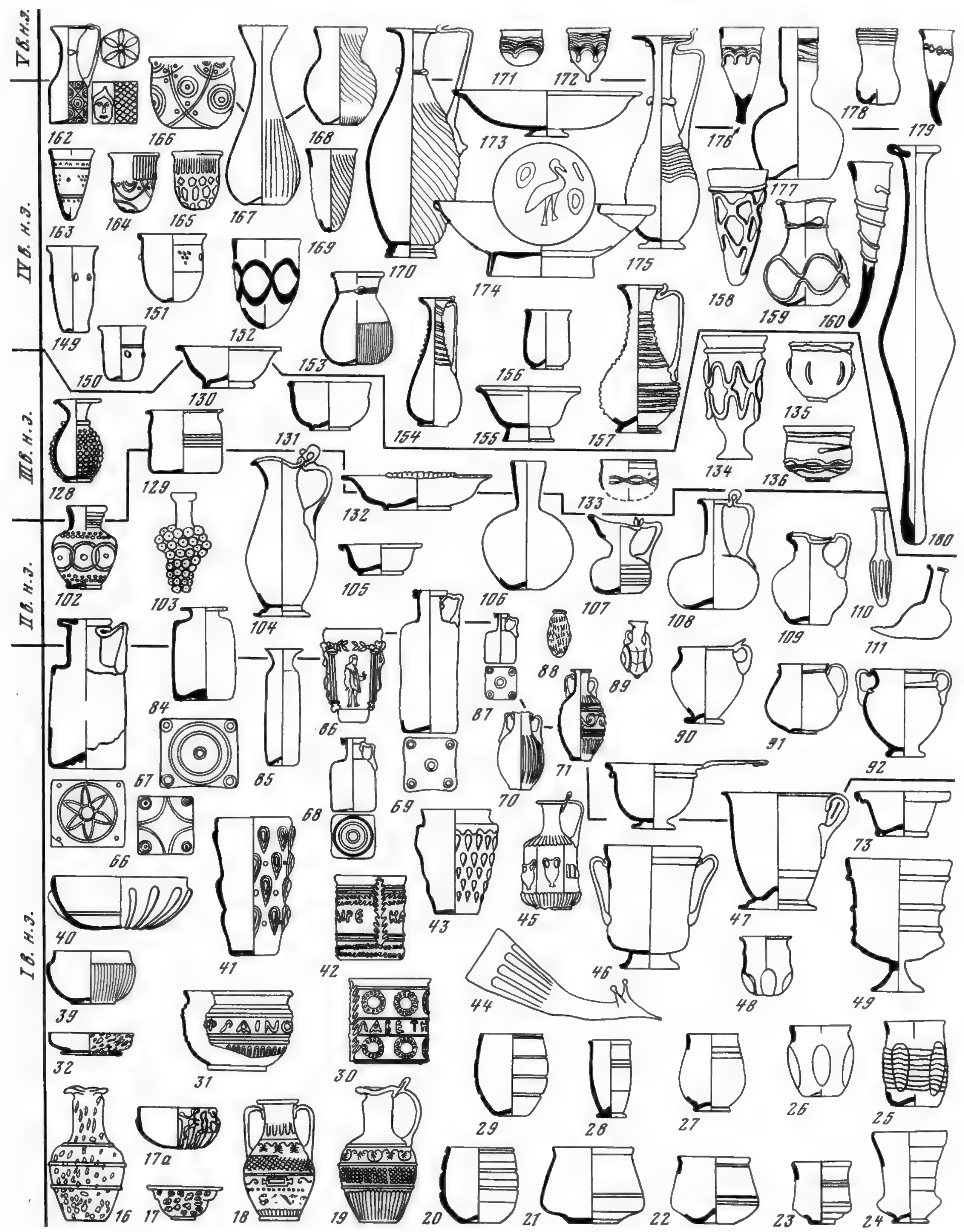


Таблица LXXI. Типы стеклянной посуды, находимой в Северном Причерноморье

Составитель Н. П. Сорокина



Таблица LXXII. Образцы импортных металлических изделий в Северном Причерноморье (I в. до н. э. — III в. н. э.)

1 — серебряная позолоченная чаша с рельефным медальоном — сцена сбора винограда (Италия), I в. до н. э.; *2* — серебряный медальон чаши — Нереида на гиппокампе (Италия), I в. до н. э.; *3* — серебряная чаша с рельефными украшениями (Сирия), I в. до н. э.; *4* — серебряный таз, I в. до н. э.; *5* — бронзовая ойнохоя с фигурной ручкой, на щитке амур (Италия), II—III вв. н. э.; *6* — бронзовый канделябр с изображением Сирены (Италия), I в. н. э.; *7* — бронзовый ковш (Италия), I. в. н. э.; *8* — бронзовый черпак (Италия), III в. н. э.; *9* — бронзовый светильник, на ручке — трагическая маска, I—II вв. н. э.; *10* — серебряная фибула с инкрустированным щитком, II—III вв. н. э.

1, 2, 4 — Новочеркасск, Садовый курган; *3* — Верхнее Погромное, Волгоградская обл.; *5* — Восточная Грузия; *6* — Усть-Лабинская; *7, 8* — Старица, Астраханская обл.; *9* — Танаис; *10* — Ольвия. Составитель И. Б. Брашинский

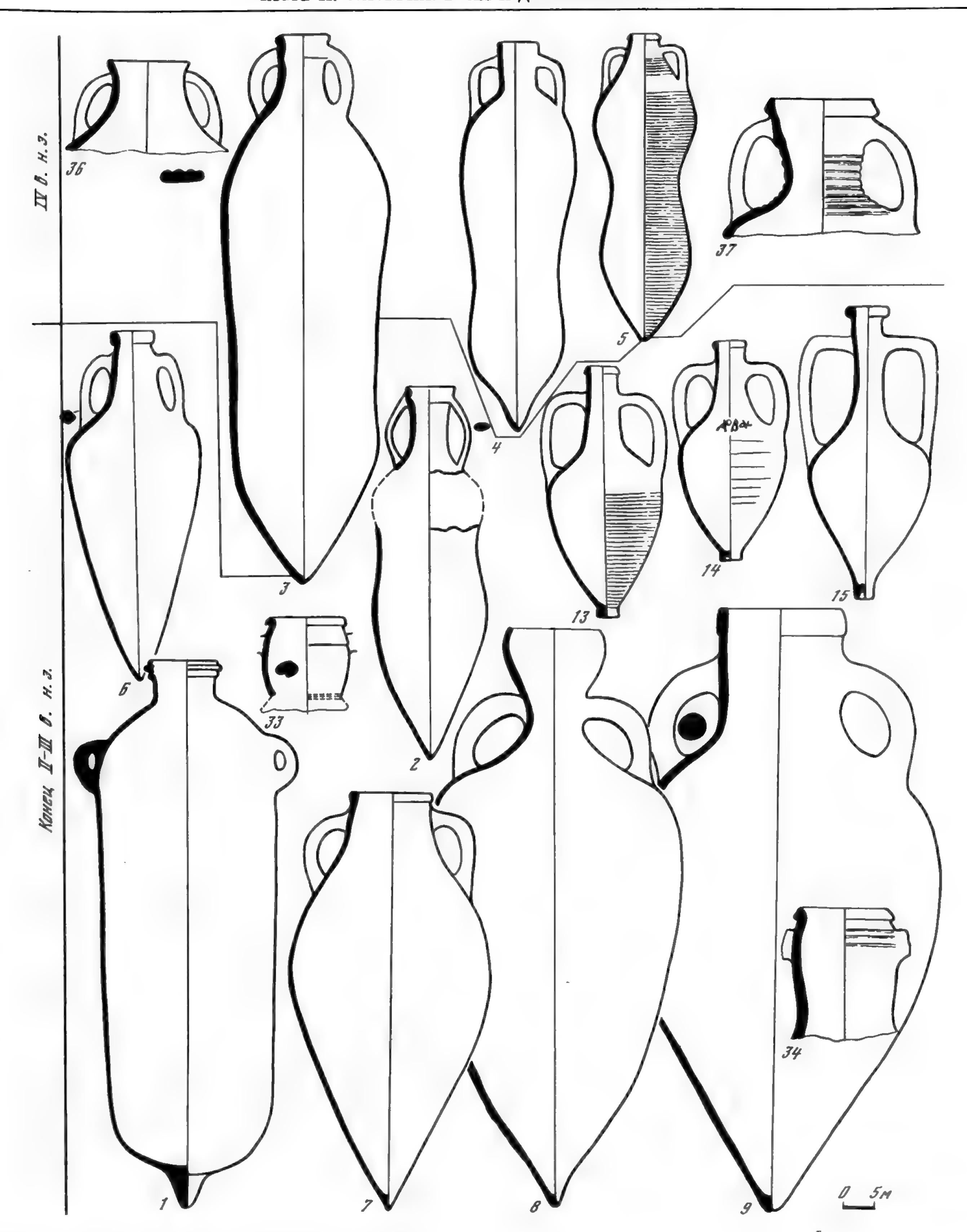


Таблица LXXIII. Типы позднеантичных амфор

Нумерация внутри таблиц LXXIII—LXXIV общая

1 — красноглиняная, Танаис; *2* — коричневоглиняная с желобком на внутренней части горла и перехватом на тулове, Горгиппия; *3* — красноглиняная со слабовыраженными желобком и перехватом, Тиритака; *4* — красноглиняная с перехватом, Тиритака; *5* — красноглиняная реберчатая с перехватом, Прикубанье. Конусовидные (*6—12*): *6* — красноглиняная, Танаис; *7* — красноглиняная широкогорлая, Семеновка; *8* — красноглиняная с воронкообразным горлом, Илурат; *9* — красноглиняная широкогорлая, Горгиппия; *10*, *11* — красноглиняные, Танаис; *12* — с конусовидным горлом, Харакс. Светлоглиняные узкогорлые (*13—15*): *13* — реберчатая с отогнутым венчиком, Танаис; *14* — реберчатая, Тиритака;

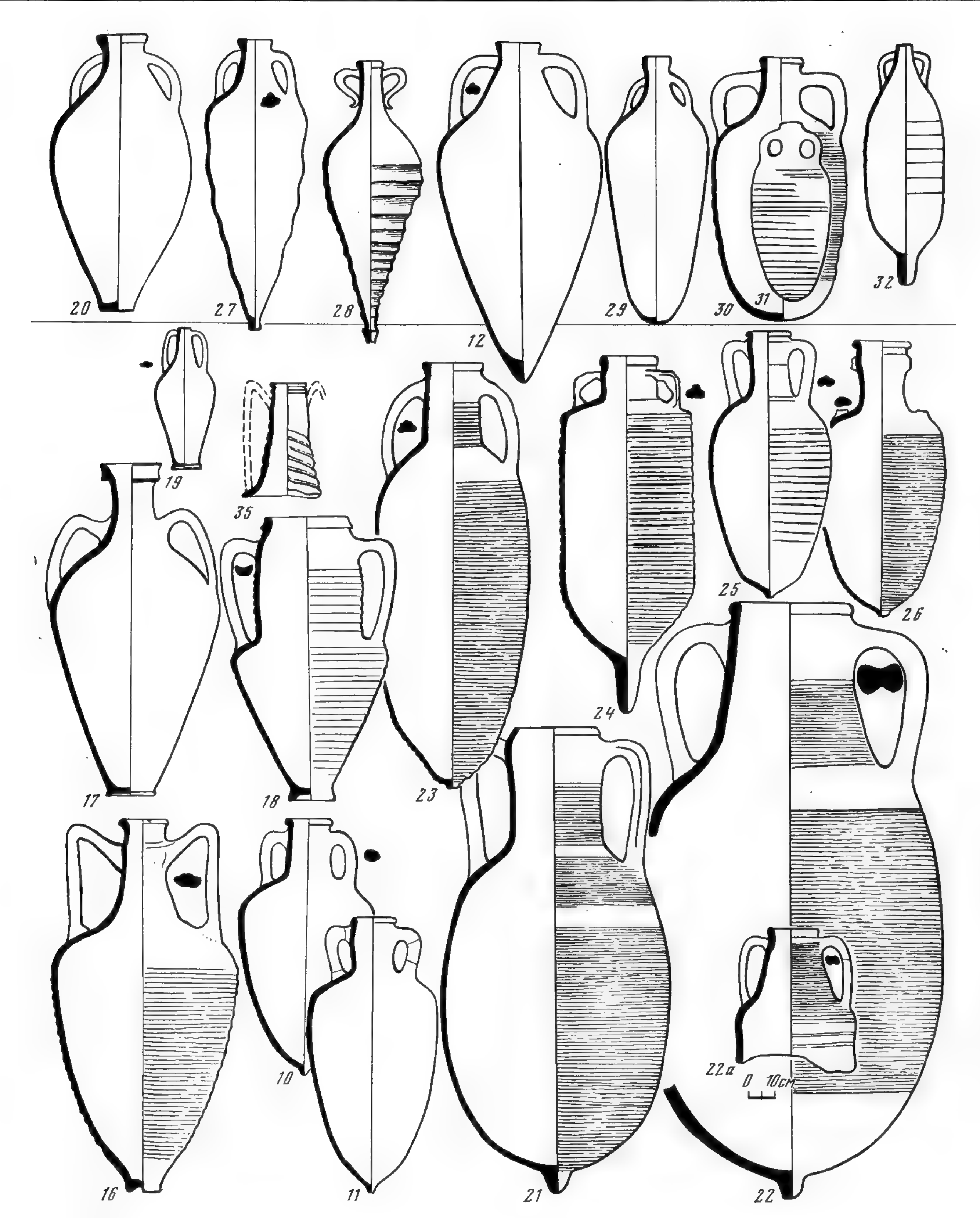


Таблица LXXIV. Типы позднеантичных амфор

15 — с удлиненным горлом, Прикубанье. Плоскодонные (*16—20*): *16* — узкогорлая, реберчатая с высокоподнятыми ручками, Танаис; *17* — с муфтовидным венчиком, Танаис; *18* — розовоглиняная со светлым ангобом и широким горлом, Горгиппия; *19* — тонкостенная с профилированной ручкой, Тасуново; *20* — Харакс. Красноглиняные реберчатые (*21—28*): *21, 22, 22а* — широкогорлые с яйцевидным туловом и конусовидной ножкой, Семеновка; *23* — типа мирмекийской; *24* — с цилиндрическим туловом и длинной конусовидной ножкой, Танаис; *25, 26* — с бороздкой под венчиком, Танаис; *27, 28* — с конусовидными доньями (*27* — Херсонес, *28* — Инкерман). Круглодонные (*29—31*): *29* — Пантикапей; *30* — Тиритака; *31* — Херсонес; *32* — реберчатая с цилиндрической ножкой, Тиритака. Горла амфор: *33* — III в. н. э.— Танаис; *34* — II—III вв. н. э.— Фанагория; *35* — IV в. н. э.— Алма-Кермен; *36, 37* — IV в. н. э., Фанагория. Составитель Е. А. Савостина

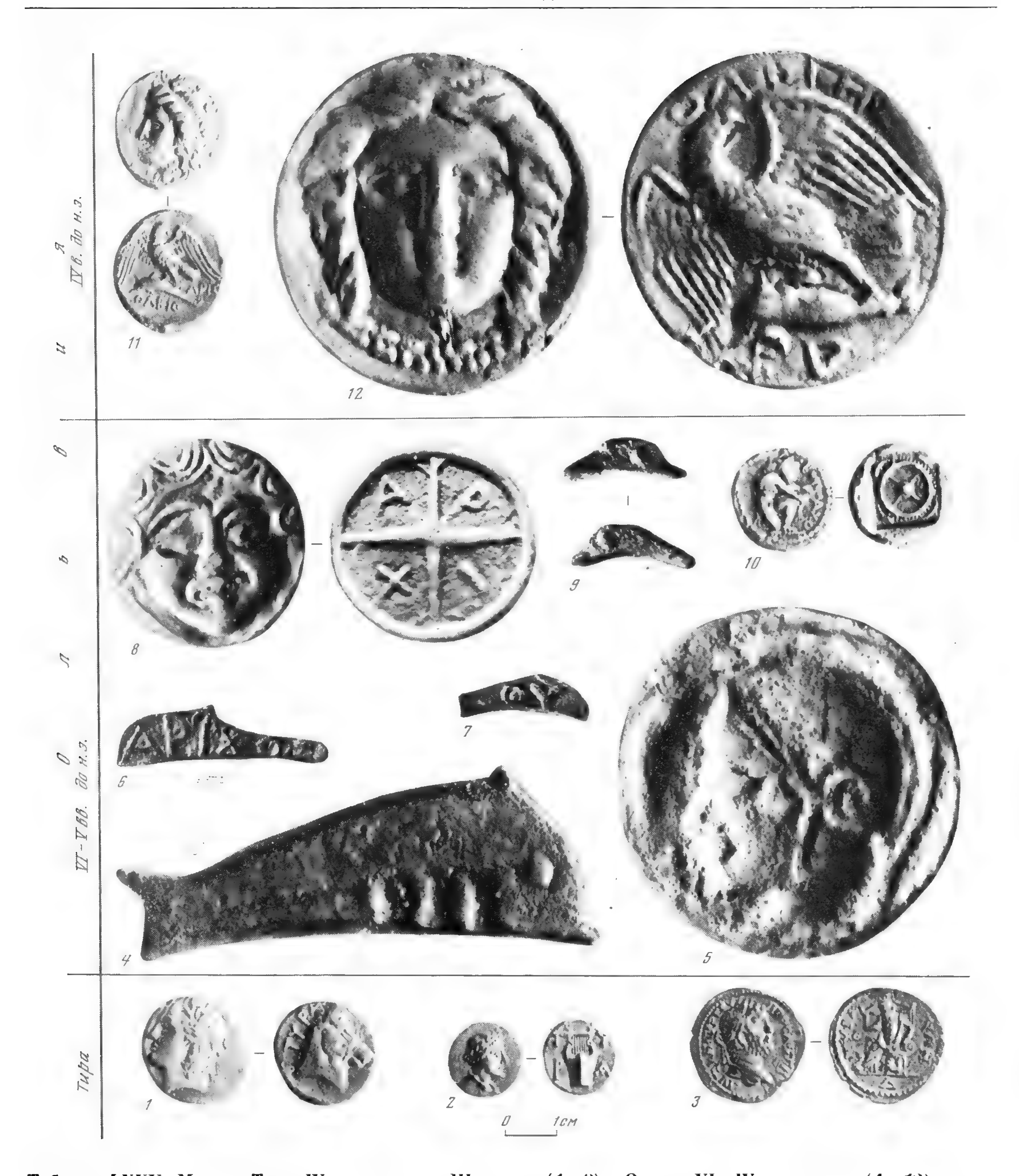


Таблица LXXV. Монеты Тиры IV в. до н. э. — III в. н. э. (*1—3*) и Ольвии VI—IV вв. до н. э. (*4—12*)

1 — Тира, III в. до н. э., голова бога Тираса, голова коня; *2* — Тира, II в. до н. э., голова Аполлона, лира; *3* — Тира, 211—217 гг. н. э., голова императора Каракаллы, Кибела на троне; *4* — Ольвия, вторая половина VI в. до н. э., литой дельфин; *5* — Ольвия, первая половина V в. до н. э., голова Афины; *6* — Ольвия, первая половина V в. до н. э., литой дельфин; *7* — Ольвия, вторая половина V в. до н. э., литой дельфин; *8* — Ольвия, середина V в. до н. э., голова Горгоны, колесо; *9* — Ольвия, вторая половина V в. до н. э., литой дельфин; *10* — Ольвия, конец V в. до н. э., Геракл, натягивающий тетиву, колесо; *11* — Ольвия, около 340—330 гг. до н. э.; голова Деметры, орел на дельфине; *12* — Ольвия, первая половина IV в. до н. э., голова Деметры, орел на Дельфине *1—9, 12* — медь; *10, 11* — серебро. Составитель Д. Б. Шелов

Таблица LXXVI. Монеты Ольвии IV в. до н. э. — III в. н. э.

1 — третья четверть IV в. до н. э., голова Деметры, орел на дельфине; *2* — конец IV в. до н. э., голова Деметры, орел на дельфине; *3* — около 330—315 гг. до н. э., голова бога Борисфена, лук в горите и секира; *4* — конец IV — начало III в. до н. э., голова Деметры, дельфин; *5* — начало III в. до н. э., голова Деметры, стрелок из лука; *6* — конец IV — начало III в. до н. э., голова Деметры, дельфин; *7* — первая половина III в. до н. э., голова бога Борисфена, лук в горите и секира; *8* — вторая половина III в. до н. э., голова Аполлона, стрелок из лука; *9* — вторая половина III в. до н. э., голова Гелиоса, протомы коней Гелиоса; *10* — II в. до н. э., голова Аполлона, лира; *11* — II в. до н. э., голова Геракла, палица; *12* — первая половина II в. до н. э., голова Афины, сова; *13* — Скилур, вторая половина II в. до н. э., голова царя Скилура; *14* — Скилур, вторая половина II в. до н. э., женская голова, повозка, запряженная парой коней; *15* — вторая четверть I в. до н. э., голова Афины, копье и щит; *16* — вторая четверть I в. до н. э., голова Зевса, скипетр; *17* — вторая четверть I в. до н. э., голова Кибелы, тимпан; *18* — Фарзой, середина I в. н. э., голова царя Фарзоя, орел; *19* — Фарзой, третья четверть I в. н. э., голова царя Фарзоя; *20* — середина I в. н. э., голова Зевса, орел; *21* — вторая половина I в. н. э., голова Тюхи; *22* — вторая половина I в. н. э., голова Аполлона, орел; *23* — вторая половина I в. н. э., орел на дельфине; *24* — Иненсимей, конец I в. н. э., голова царя Иненсимея, женская голова; *25* — первая половина II в. н. э., голова Аполлона, орел; *26* — конец II в. н. э., Зевс на троне, Тюхе; *27* — 222—235 гг. н. э., голова императора Александра Севера, орел

1—3, 5, 7—9, 11—17, 20, 21, 23, 25—27 — медь; *4, 10, 22, 24* — серебро; *6, 18, 19* — золото. Составитель Д. Б. Шелов

Таблица LXXVII. Монеты Херсонеса IV в. до н. э. — III в. н. э.

1 — первая четверть IV в. до н. э., голова Девы, рыба и палица; *2* — вторая четверть IV в. до н. э., сидящая Дева и олень, бодающий бык; *3* — вторая четверть IV в. до н. э., голова Девы; *4* — середина IV в. до н. э., кратер, надпись «ХЕР» и палица в венке; *5* — середина IV в. до н. э., голова Девы, бодающий бык; *6* — середина IV в. до н. э., голова льва, пятилучевая звезда; *7* — середина IV в. до н. э., дельфин; *8* — третья четверть IV в. до н. э., Дева на колеснице, воин со щитом; *9* — третья четверть IV в. до н. э., двуликая голова Диониса, лев, терзающий быка; *10* — третья четверть IV в. до н. э., грифон, Дева, опустившаяся на одно колено; *11* — первая четверть III в. до н. э., Дева, поражающая лань, бодающий бык; *12* — III в. до н. э., голова Девы, бодающий бык; *13* — III в. до н. э., голова Геракла, сидящая Дева; *14* — конец III в. до н. э., голова Афины, грифон; *15* — около 120—110 гг. до н. э., голова Девы, стоящий олень; *16* — около 90—80 гг. до н. э., голова Девы, Дева, поражающая лань; *17* — середина I в. до н. э., орел на молнии; *18* — середина I в. до н. э., мужская голова вправо; *19* — середина I в. до н. э., Дева, поражающая лань, бодающий бык; *20* — конец I в. до н. э., бородатая голова, стоящая Дева; *21* — конец I в. до н. э.— начало I в. н. э., стоящая Дева; *22* — 49 г. н. э., голова божества Херсонас, стоящая Дева и олень; *23* — вторая четверть I в. н. э., надпись «ХЕР» в венке; *24* — 80 г. н. э., голова божества Херсонас, стоящая Дева; *25* — 69—79 гг. н. э., бородатая голова; *26* — середина II в. н. э., бодающий бык, Дева, поражающая лань; *27* — середина II в. н. э., голова божества Херсонас; *28* — конец II в. н. э., стоящая Гигиэйя, стоящий Асклепий; *29* — первая половина III в. н. э., стоящая Гигиэйя, стоящий Асклепий; *30* — около 220 г. н. э., бюст Элагабала, Дева и олень; *31* — вторая половина III в. н. э., голова божества Херсонас, Дева и олень

1, 3, 5, 12, 13, 15, 16 — серебро; *2, 4, 6—11, 14, 17—21, 23, 25—31* — медь; *22, 24* — золото. Составитель Д. Б. Шелов

Таблица LXXVIII. Монеты городов Боспора VI—I вв. до н. э.

1 — Пантикапей, середина VI в. до н. э., голова льва, углубленный квадрат; *2* — Пантикапей, третья четверть V в. до н. э., голова льва, углубленный квадрат с четырьмя рельефными табличками; *3* — Пантикапей, конец V в. до н. э., голова льва, голова барана, внизу осетр; *4* — Аполлония, вторая или третья четверть V в. до н. э., голова льва, углубленный квадрат; *5* — Мирмекий (?), вторая или третья четверть V в. до н. э., муравей, углубленный квадрат; *6* — Феодосия, рубеж V и IV вв. до н. э., букраний; *7* — Синдика, последняя четверть V в. до н. э., орлиноголовый грифон; *8* — Синдика, последняя четверть V в. до н. э., голова Геракла, голова коня; *9* — Фанагория, рубеж V и IV вв. до н. э., безбородая голова в пилосе, протома быка; *10* — Нимфей, последняя четверть V в. до н. э., голова нимфы, виноградная лоза; *11* — Пантикапей, первая четверть IV в. до н. э., голова льва; *12* — Пантикапей, около 340—330 гг. до н. э., голова осетра; *13* — Пантикапей, около 330—315 гг. до н. э., голова бородатого сатира, львиноголовый грифон, *14* — Пантикапей, около 375—360 гг. до н. э., голова безбородого сатира, лев, грызущий копье; *15* — Пантикапей, около 330—315 гг. до н. э., лук в горите; *16* — Пантикапей, около 330—315 гг. до н. э., голова бородатого сатира, протома орлиноголового грифона; *17* — Пантикапей, первая четверть III в. до н. э., голова безбородого сатира, надчеканка в виде звезды, голова льва, надчеканка в виде лука в горите; *18* — Пантикапей, первая четверть III в. до н. э., голова Аполлона, пасущаяся лошадь; *19* — Пантикапей, третья четверть III в. до н. э., лук и стрела; *20* — Пантикапей, третья четверть III в. до н. э., орел; *21* — Пантикапей, II в. до н. э., голова Аполлона, лук в горите; *22* — Пантикапей, II в. до н. э., голова Аполлона, лук в горите; *23* — Пантикапей, II в. до н. э., лира; *24* — Пантикапей, II в. до н. э., протома коня; *25* — Пантикапей, третья четверть II в. до н. э., треножник; *26* — Пантикапей, около 110 г. до н. э., голова Афины, корабельная прора; *27* — Фанагория, II в. до н. э., голова бородатого сатира, лук, кадуцей; *28* — Фанагория, около 120—110 гг. до н. э., голова Артемиды, цветок граната; *29* — Пантикапей, около 120—110 гг. до н. э., голова бородатого сатира, рог изобилия между шапками Диоскуров; *30* — Пантикапей, конец II — начало I в. до н. э., треножник, восьмилучевая звезда; *31* — Пантикапей, около 90—80 гг. до н. э., треножник и тирс; *32* — Горгиппия, около 90—80 гг. до н. э., треножник и тирс; *33* — Пантикапей, около 90—80 гг. до н. э., пасущийся олень; *34* — Фанагория, конец II — начало III в. до н. э., голова Артемиды, лежащий олень; *35* — Пантикапей, около 90—80 гг. до н. э., голова Диониса в плющевом венке, виноградная гроздь; *36* — Фанагория, около 90—80 гг. до н. э., голова Диониса, тирс; *37* — Пантикапей, около 90—80 гг. до н. э., голова Мена, Дионис с пантерой; *38* — Пантикапей, 47—30 гг. до н. э., Пегас; *39* — Фанагория, 47—30 гг. до н. э., голова Аполлона, корабельная прора; *40* — Пантикапей (Кесария), 14—8 гг. до н. э., голова Афродиты Урании, скипетр; *41* — Фанагория (Агриппия), 14—8 гг. до н. э., корабельная прора

1—11, 14, 18, 21, 23—25, 28, 33, 35, 36 — серебро; *12, 15—17, 19, 20, 22, 26, 27, 29—32, 34, 37—41* — медь; *13* — золото. Составитель Д. Б. Шелов

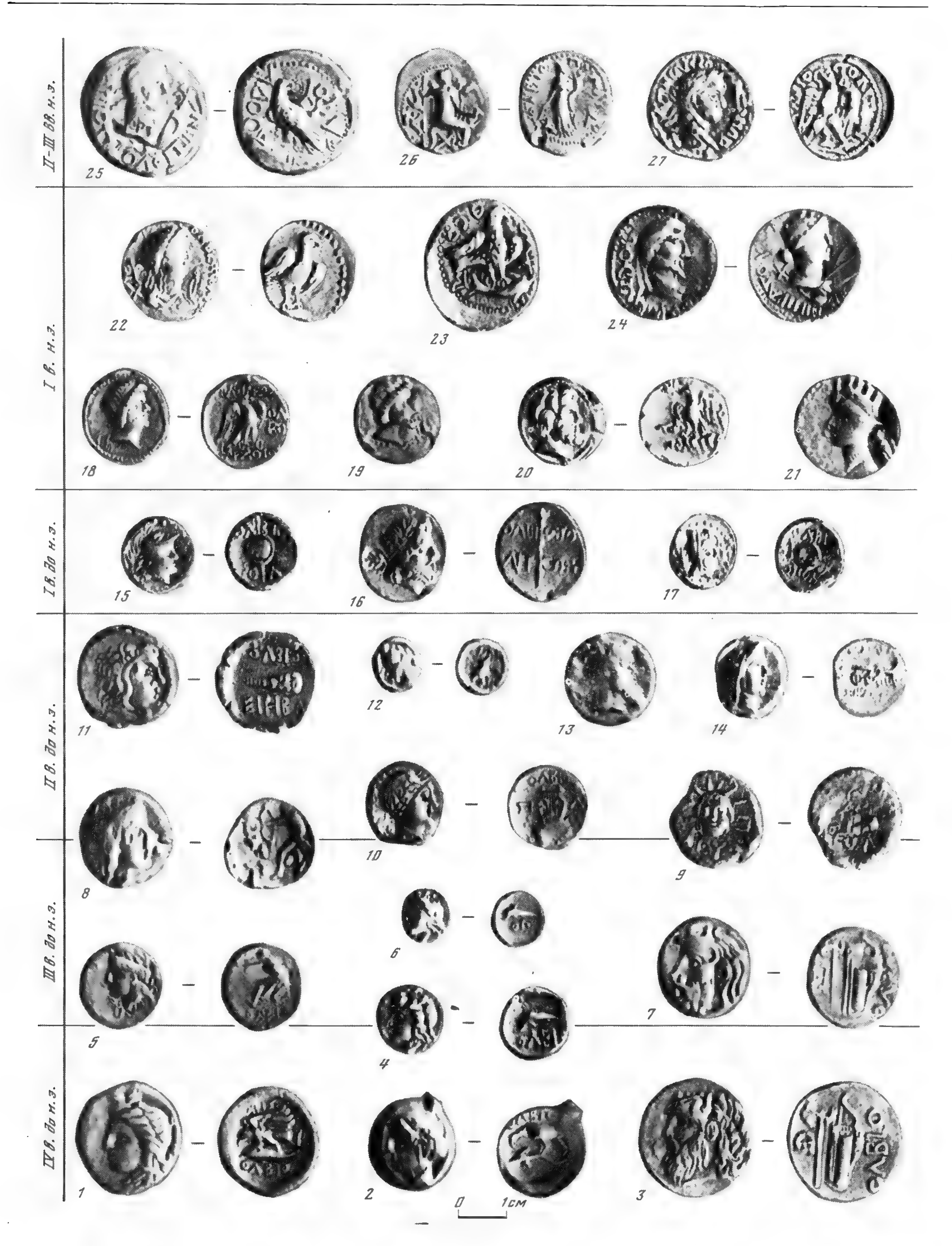


Таблица LXXVI



Таблица LXXVII

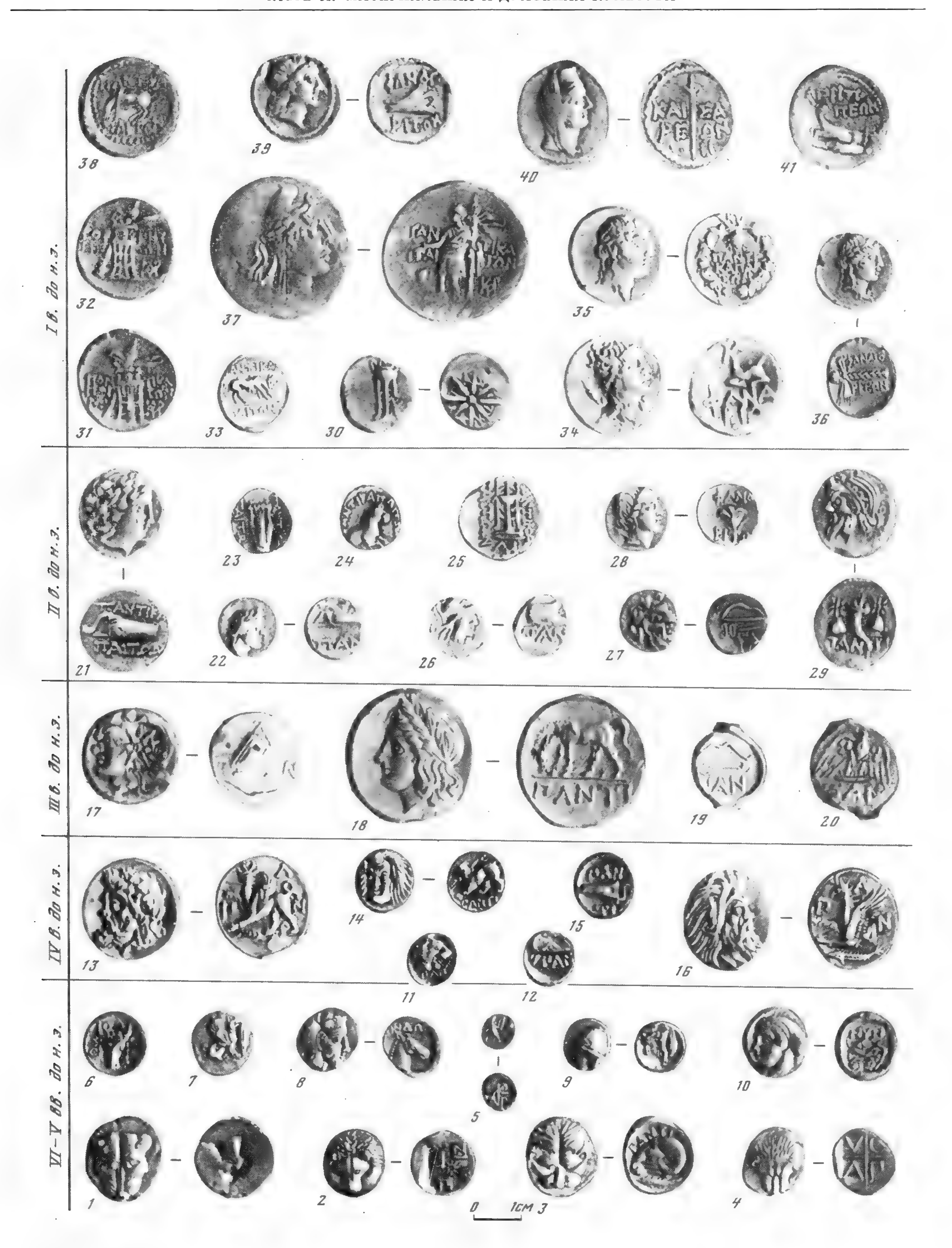


Таблица LXXVIII

Таблица LXXIX. Монеты царей Боспора III в. до н. э. — IV в. н. э.

1 — Левкон II, третья четверть III в. до н. э., голова Афины, пучок молний; *2* — Левкон II, третья четверть III в. до н. э., голова Геракла, лук и палица; *3* — Левкон II, третья четверть III в. до н. э., щит и копье, акинак; *4* — Архонт Гигиэнонт, последняя четверть III в. до н. э., голова архонта Гигиэнонта, сидящая Афина; *5* — Спарток, середина II в. до н. э., голова царя, горит; *6* — Перисад V (?), до 110 г. до н. э., голова царя, сидящая Афина; *7* — анонимный чекан, около 80—63 гг. до н. э., голова Диониса, горит; *8* — Фарнак, 54—51 гг. до н. э., голова Фарнака; *9* — Асандр, 47—41 гг. до н. э., голова архонта Асандра, корабельная прора; *10* — Динамия, 17 г. до н. э., голова царицы Динамии, полумесяц и звезда; *11* — неизвестный царь, конец I в. до н. э., прыгающий лев, монограмма BAE; *12* — неизвестный царь, конец I в. до н. э.— начало I в. н. э., голова Персея, герма; *13* — Аспург, около 14—38 гг. н. э., голова Аспурга; *14* — Аспург, около 14—41 гг. н. э., голова императора Тиберия; *15* — Митридат III, 39 г. н. э., голова императора Калигулы, идущая Ника; *16* — Котий I, 45—54 гг., голова императора Клавдия, голова императрицы Агриппины влево; *17* — Котий I, 68 г., пятиколонный храм; *18* — Рескупорид II, 81 г., голова царя, голова императора Тита; *19* — Рескупорид, башня и ворота крепости; *20* — Риметалк, 132—136 гг., голова царя, буквы МН в венке; *21* — Савромат II, 186—196 гг., голова царя, копье и щит, слева голова коня и топор, справа шлем и меч; *22* — Савромат II, 186—196 гг., орел с венком в клюве; *23* — Савромат II, 186—196 гг., царь верхом на коне, надчеканка в виде головы Септимия Севера; *24* — Рескупорид III, 217 г., голова царя, голова императора; *25* — Иненсимей, 234—239 гг., голова царя и голова богини в калафе, сидящая богиня; *26* — Фофорс, 300 г., голова царя, императора; *27* — Рескупорид VI, 325 г., голова императора и Ника *1—3, 7, 9, 11—14, 16, 17, 19—23, 25—27* — медь; *4, 6, 8, 10, 15, 18, 24* — золото; *5* — серебро. Составитель Д. Б. Шелов

Таблица LXXX. Оружие дальнего боя

1—21 — наконечники стрел VI—V вв. до н. э. (*1—5* — курганы у станицы Елизаветовской, V—IV вв. до н. э.; *6—9* — Ольвия, VI—V вв. до н. э.; *10* — Михайловка, V—III вв. до н. э.; *11—15* — Семибратний курган 2, середина V в. до н. э.; *16, 17* — Нимфей, курган 24; *18, 19* — Тамань, вторая половина VI в. до н. э.; *20—21* — Семибратние курганы 1 и 6); *22—24* — наконечники копий из курганов у станицы Елизаветовской, VI—IV вв. до н. э.; *25* — наконечники дротика, V в. до н. э., Семибратний курган 6; *26, 27* — наконечник копья и копье, вторая половина V в. до н. э., Таманский некрополь, погребения 8 и 13; *28—29* — ядра для пращи, курганы у станицы Елизаветовской, IV в. до н. э.; *30—39* — наконечники стрел (*30—32* — курганы у станицы Елизаветовской, V—IV вв. до н. э.; *33—39* — Пантикапей); 40 — горит на монете Пантикапея, 375—340 гг. до н. э.; *41, 42* — лук и стрела на монете Пантикапея, 325—300 гг. до н. э.; *43, 44* — ядра, Таманский полуостров, III в. до н. э.; *45—51* — наконечники стрел (*45, 46* — станица Ахтанизовская, II в. до н. э.; *47, 48* — Ольвия, III в. до н. э.; *49—51* — Пантикапей, III в. до н. э.); *52—54, 56* — изображение лука и колчана на монетах (*52* — Пантикапей, 200—110 гг. до н. э.; *53, 54* — Ольвия, 290—270 гг. до н. э.; *55* — наконечник копья, Михайловка, IV—III вв. до н. э.); *57* — ядро от баллисты, Фанагория, I в. до н. э.; *58—59* — изображение колчана на монетах (*58* — Ольвия, последняя четверть I в. до н. э.; *59* — Фанагория, конец II — первая треть I в. до н. э.); *60* — изображение копья на Ольвийской монете, последняя четверть I в. до н. э.; *61* — наконечник дротика, Прикубанье, I в. до н. э. Составитель Б. Г. Петерс

1—4, 6—10, 14—20, 23—25, 30—39, 47—52 — бронза; *5* — кость; *21* — медь

Таблица LXXXI. Оружие ближнего боя и защитное снаряжение

1 — бронзовый боевой топор, конец VII — начало VI в. до н. э., Цукурский лиман; *2* — железный топор с обложенной золотом втулкой и рукоятью, VI в. до н. э., Келермесский курган; *3* — меч в ножнах, V в. до н. э., станица Елизаветовская, курган 1; *4* — меч в золотых ножнах, 70—80 гг. VI в. до н. э., Келермесский курган; *5* — меч V в. до н. э., близ станицы Таманской; *6* — меч V—IV вв. до н. э.; *7* — меч с антенным навершием и бабочковидным перекрестием, вторая четверть V в. до н. э., Елизаветовский могильник, курган 15; *8* — меч, середина V в. до н. э., Мирмекий; *9* — меч V в. до н. э., Мирмекий; *10* — меч второй половины VI в. до н. э., Тамань; *11* — меч V в. до н. э., Тамань; *12* — шлем коринфского типа (скульптурное изображение), камень, V в. до н. э., Пантикапей; *13* — шлем бронзовый, халкидский, близок к аттическому позднего варианта, первая половина V в. до н. э., Нимфей; *14* — нагрудник с изображением Горгоны, V в. до н. э., ст. Елизаветинская, бронза; *15* — железный кольчатый панцирь, отделанный местами медными чешуйками, конец V — начало IV в. до н. э., Кубань, Зубовский хутор; *16* — бронзовый шлем, первая половина VI в. до н. э., Келермесский курган; *17* — бронзовые поножи (кнемиды), V в. до н. э., Нимфей, курган 17; *18* — пластины панциря, середина V в. до н. э., Семибратний курган 2; *19* — бронзовый шлем второй половины V в. до н. э., Нимфей; *20* — железный чешуйчатый панцирь, V в. до н. э., Нимфей, курган 24; *21* — изображение боевого топора на монете IV в. до н. э., курган Солоха; *22* — клинок меча, V—IV вв. до н. э., Семибратние курганы; *23* — меч (акинак), IV—III вв. до н. э., Тирамба, могила 5; *24* — меч, V—IV вв. до н. э., Алушта; *25* — серебряная рукоять меча, начало IV в. до н. э., Семибратний курган 3; *26, 27, 29* — мечи, IV в. до н. э., станица Елизаветовская; *28* — меч, IV в. до н. э., мыс Ак-Бурун; *30* — бронзовый шлем, конец V — начало IV в. до н. э., курган Солоха; *31* — железные пластины панциря, IV в. до н. э., Михайловка; *32, 33* — поножи, первая половина IV в. до н. э., Пантикапей, курган Кекуватского; *34* — бронзовый шлем, середина IV в. до н. э., курган Большая Близница; *35* — шлем с нащечником, начало IV в. до н. э., Пантикапей, курган Кекуватского; *36* — бронзовый пояс, V—IV вв. до н. э., курган Куль-Оба; *37* — боевой топор, изображение на ольвийской монете, 290—270 гг. до н. э.; *38* — меч (махайра), конец IV — начало III в. до н. э., Пантикапей; *39* — меч, IV—I вв. до н. э., Херсонес, с рельефа надгробия; *40* — шлем посеребренный, IV—III вв. до н. э., Горгиппия; *41* — шлем железный с серебряными украшениями, начало III в. до н. э., Керчь; *42* — воин в шлеме, мраморный рельеф, V—II вв. до н. э., Пантикапей; *43* — изображение щита на боспорской монете, III в. до н. э.; *44* — изображение щита с ковриком на надгробии, IV—I вв. до н. э., Херсонес; *45* — меч, I в. до н. э., Фанагория; *46* — шлем, II—I вв. до н. э., станица Ахтанизовская; *47* — изображение щита на ольвийской монете, последняя четверть I в. до н. э. Составитель Б. Г. Петерс

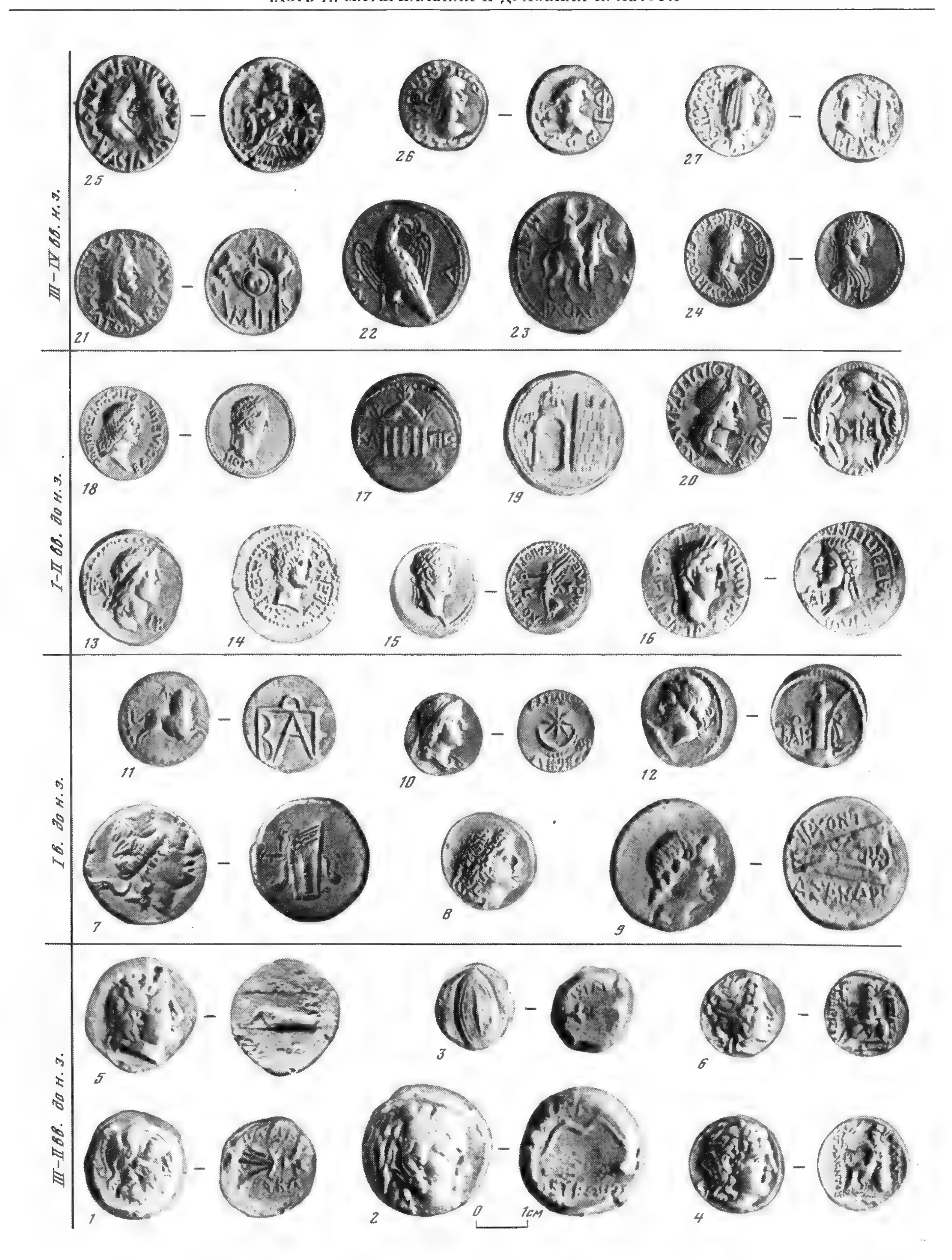


Таблица LXXIX

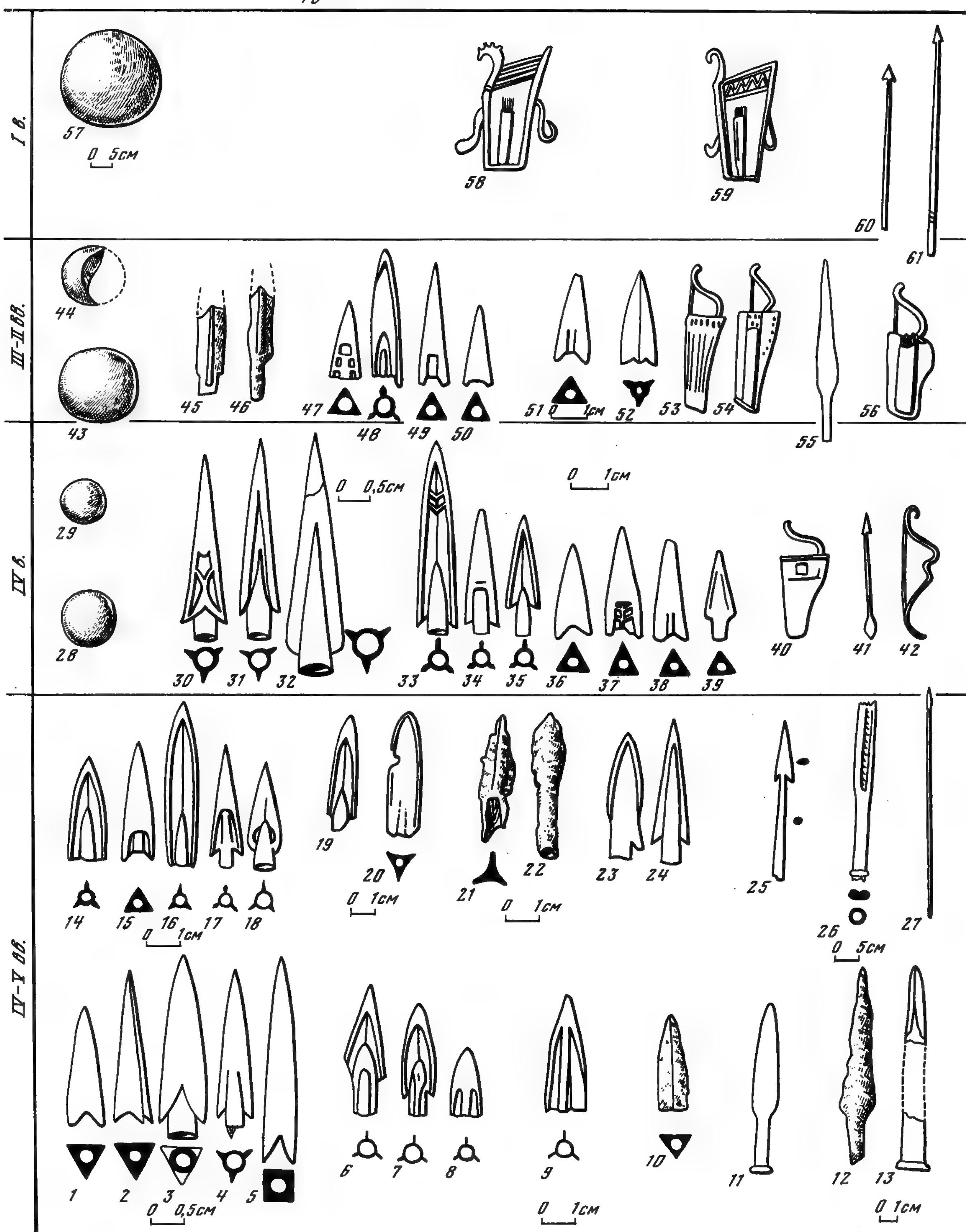


Таблица LXXX

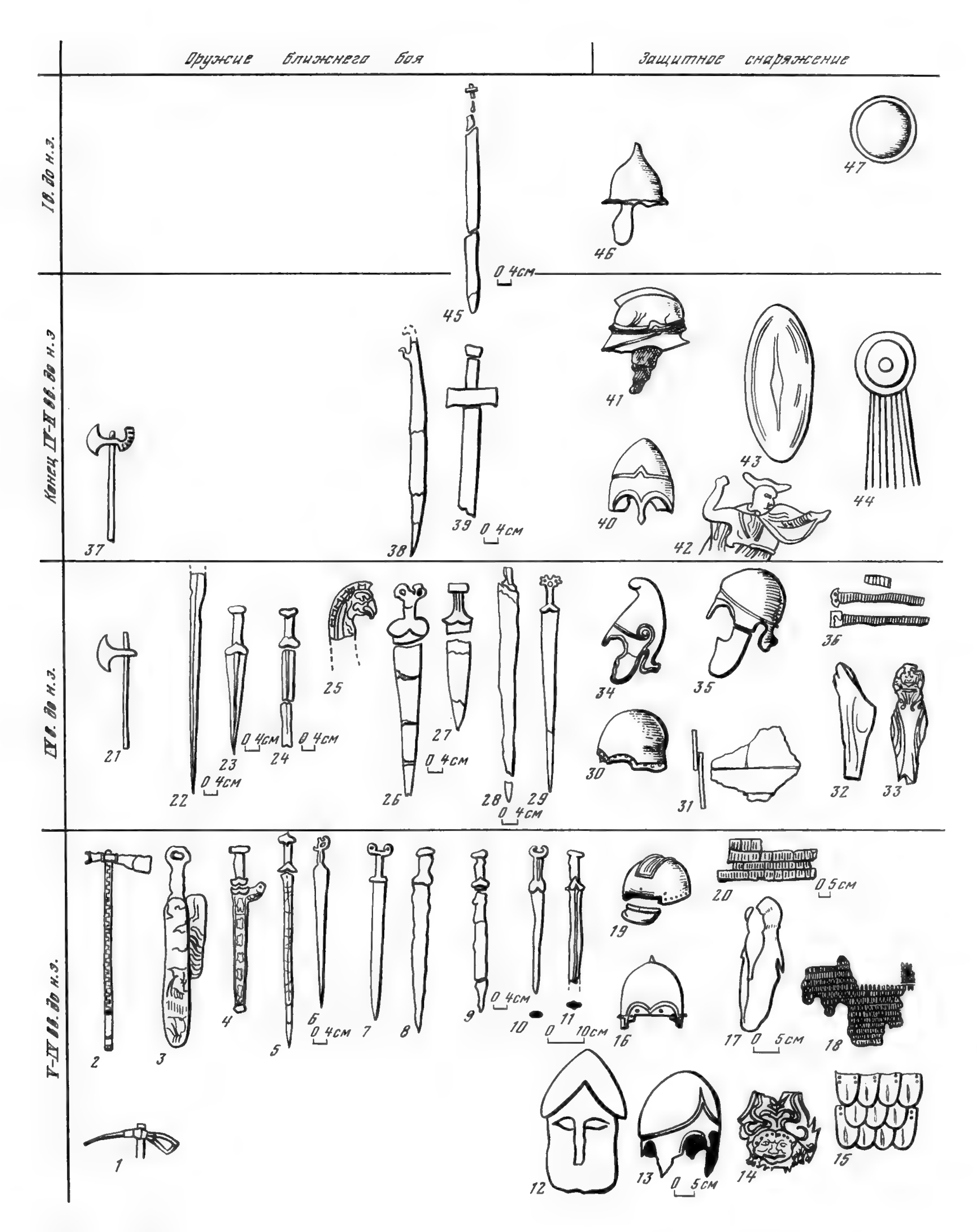


Таблица LXXXI

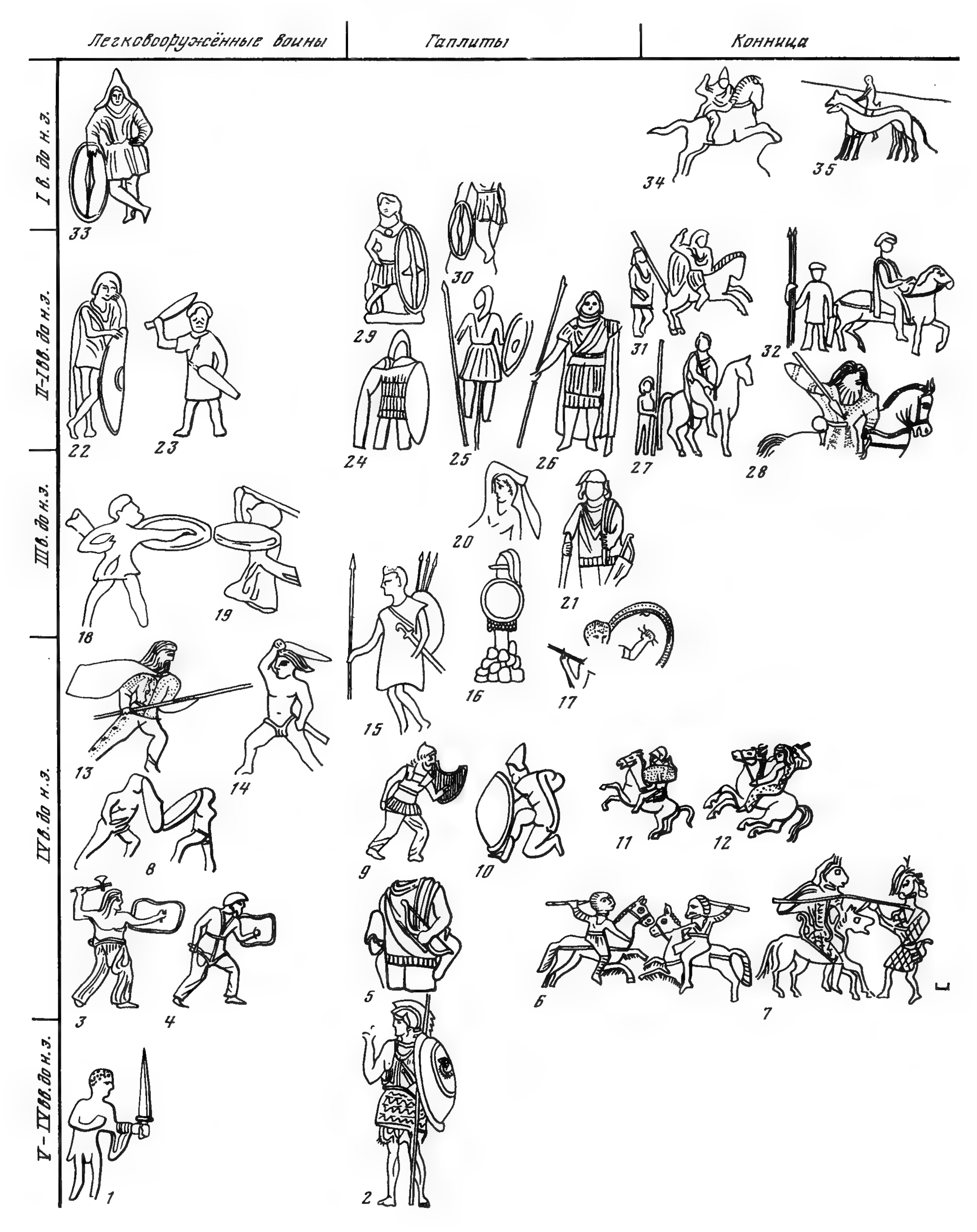


Таблица LXXXII

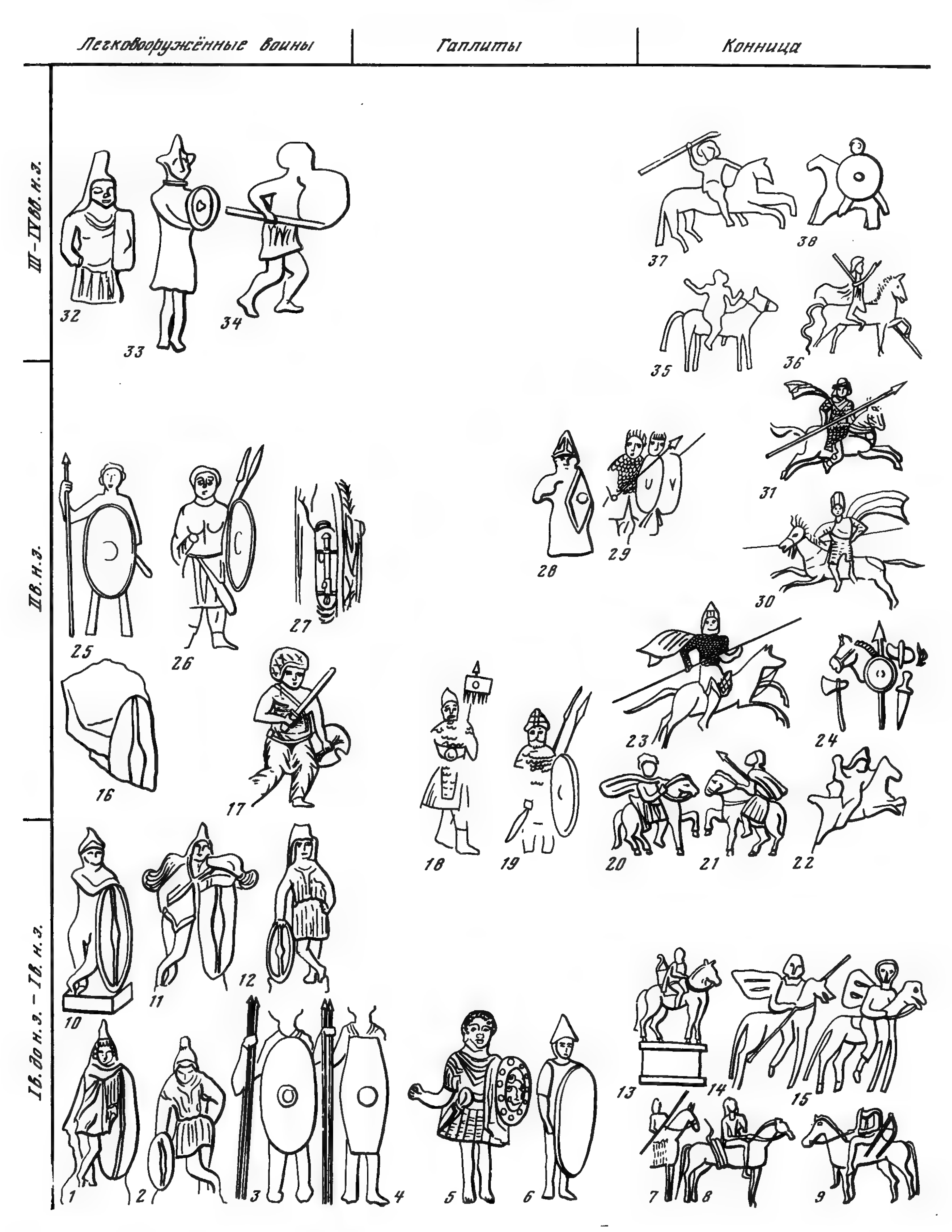


Таблица LXXXIII

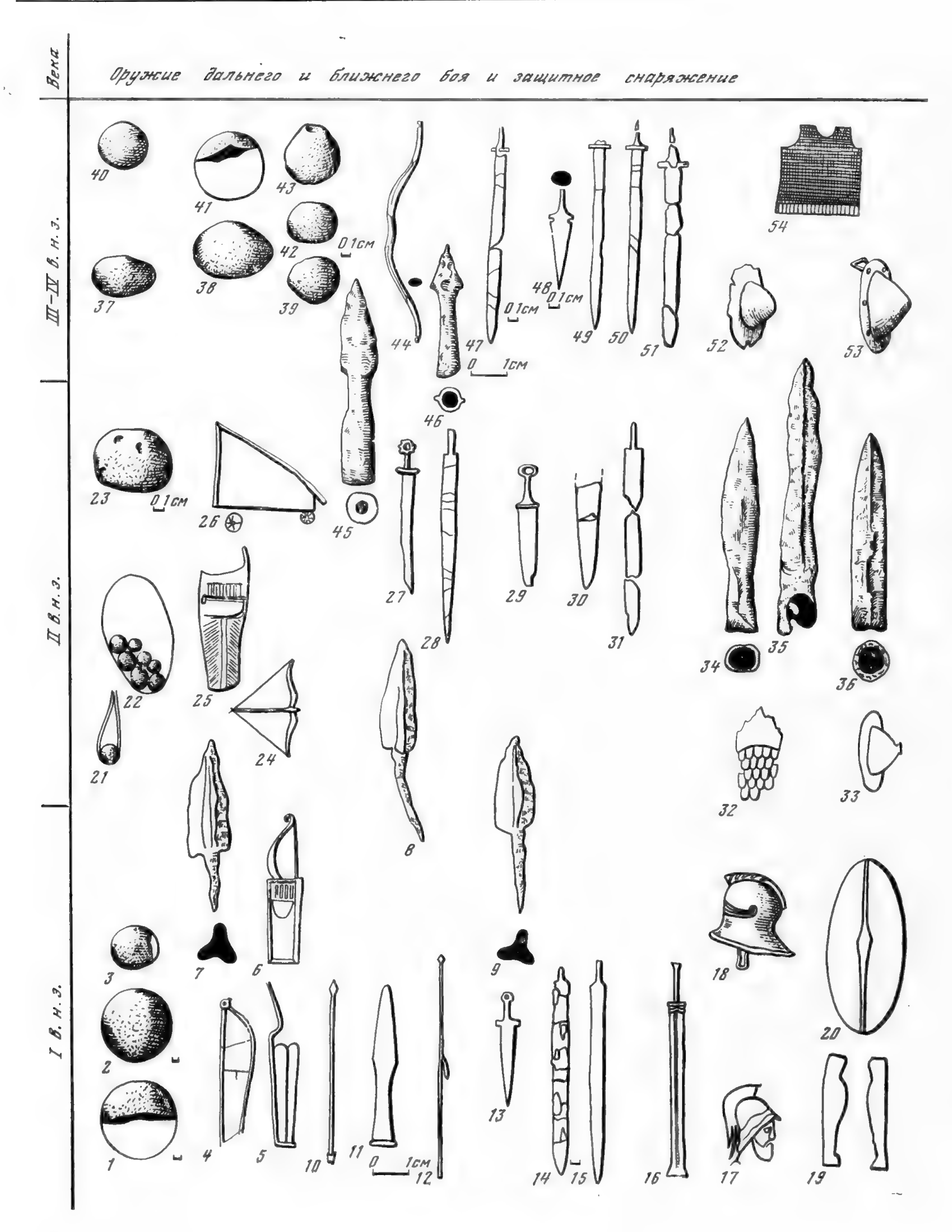


Таблица LXXXIV

Таблица LXXXII. Легковооруженная пехота, гоплиты и конница V—I вв. до н. э.

1 — бронзовая статуэтка воина с мечом, V—IV вв. до н. э. (?), Елизаветовское городище; *2* — греческий воин, V в. до н. э., роспись на вазе; *3* — воин с боевым топором и щитом, IV в. до н. э., курган Солоха; *4* — воин с акинаком и щитом, IV в. до н. э., курган Солоха (гребень); *5* — воин с чешуйчатым панцирем с луком, стрелой и горитом, статуя, Ахтанизовский лиман; *6* — всадники, сражающиеся копьями, изображение на пряжке, место находки неизвестно; *7* — конный и пеший воины на золотой пластине, Гермесовский курган, IV в. до н. э.; *8* — сражающиеся воины, терракота, IV в. до н. э., Горгиппия, городской курган; *9* — воин в броне с акинаком и щитом, IV в. до н. э., курган Солоха (гребень); *10* — воин на херсонесской монете 350—330 гг. до н. э.; *11* — всадник, конец IV в. до н. э., курган Солоха (гребень); *12* — всадник с копьем на золотой бляшке, IV в. до н. э., курган Куль-Оба; *13, 14* — сражающиеся воины, фрагмент серебряного ритона, вторая половина IV — первая половина III в. до н. э.; *15* — изображение воина на расписной стеле, конец IV—III в. до н. э.; *16* — Трофей, терракота, III в. до н. э.; *17* — сражающийся воин, IV — первая половина III в. до н. э., фрагмент ритона; *18, 19* — воины со щитами, украшения саркофага, III в. до н. э., станица Благовещенская; *20* — воин с мечом, мраморный рельеф V—II вв. до н. э., Пантикапей; *21* — воин с горитом на рельефном надгробии, IV—III вв. до н. э., Ахтанизовский лиман; *22, 23* — воины со щитами, рельефные надгробия, II—I вв. до н. э., Пантикапей; *24* — воин в чешуйчатом панцире со щитом, IV—I вв. до н. э., надгробие, Ахтанизовский лиман; *25* — Трофей на боспорской монете, 39—40 гг. н. э.; *26* — воин с копьем, надгробие, II в. до н. э., Пантикапей; *27* — всадник и воин с копьем, надгробие, III—II вв. до н. э.; *28* — воин с копьем, IV—III вв. до н. э., фрагмент ритона; *29* — воин в панцире со щитом, терракота, II—I вв. до н. э., Пантикапей; *30* — воин со щитом, II в. до н. э., Фанагория; *31* — всадник со щитом и тяжеловооруженный воин с копьем на плече, рельефное надгробие; *32* — всадник и пехотинец с копьями, рельефное надгробие, II в. до н. э., Боспор; *33* — воин со щитом, терракота, I в. до н. э., Пантикапей; *34* — скачущий всадник, II—I вв. до н. э., Пантикапей; *35* — всадник с копьем и запасной лошадью, настенная роспись, конец I в. до н. э.— начало I в. н. э., Пантикапей, склеп Анфестерия. Составитель Б. Г. Петерс

Таблица LXXXIII. Легковооруженная пехота, гоплиты и конница I в. до н. э. — IV в. н. э.

1 — воин со щитом, терракота I в. до н. э.— I в. н. э., Пантикапей; *2* — воин со щитом, терракота I в. до н. э.— I в. н. э., Фанагория; *3, 4* — воины со щитами и копьями на рельефном надгробии, конец I в., Пантикапей; *5* — воин, терракота I—II вв. н. э., Ольвия; *6* — воин со щитом, надгробие I в., Боспор; *7—9* — изображения всадников на надгробии I в., Пантикапей; *10—12* — воины со щитами, терракоты I—II вв., Пантикапей; *13* — конная статуя на рельефном надгробии, Пантикапей; *14, 15* — всадники на надгробии I—II вв., Пантикапей; *16* — воин со щитом, фрагмент терракотовой статуэтки I—II вв. н. э., станица Таманская; *17* — воин в шлеме с мечом и щитом, костяное украшение ларца, первые века нашей эры; *18, 19* — воины в броне с копьем и транспарантом и с двумя копьями и щитом, II в., Пантикапей, склеп 1872 г.; *20, 21* — всадники, надгробие 179 г., Фанагория; *22* — скачущий всадник, терракота I—II вв., Пантикапей; *23* — всадник в чешуйчатой броне с копьем, Пантикапей, склеп 1872 г.; *24* — снаряжение всадника на боспорской монете 132—136 гг.; *25* — воин со щитом и копьем, 116 г. н. э., Боспорское царство; *26* — воин с копьями и щитом, роспись склепа II в., Пантикапей; *27* — деталь мраморной статуи с изображением короткого меча, I—II вв., Горгиппия; *28* — воин со щитом в шлеме, терракота II в., Пантикапей; *29* — воины в чешуйчатой броне в шлемах с копьем и щитом, роспись II в., Пантикапей, склеп 1872 г.; *30* — изображение всадника, роспись II в., Пантикапей, склеп; *31* — тяжеловооруженный всадник на рельефе Трифона, II в., Танаис; *32, 33* — воины со щитами, терракота II—III вв., Пантикапей; *34* — воин с копьем и щитом на надгробном рельефе, III—IV вв., Боспор; *35* — всадник с двумя копьями на надгробном рельефе I—II вв., Пантикапей; *36* — всадник на боспорской монете 210—226 гг.; *37* — всадник с копьем на рельефном надгробии II в., с. Поповка; *38* — всадник, терракота I—IV вв., Пантикапей. Составитель Б. Г. Петерс

Таблица LXXXIV. Оружие дальнего и ближнего боя, защитное снаряжение — I—IV вв. н. э.

1 — каменное ядро I в., Михайловка; *2, 3* — каменные ядра I в., Пантикапей; *4, 5* — горит на надгробии первой половины I в., Пантикапей; *6* — горит на надгробии I в., Херсонес; *7—9* — наконечники стрел, трехгранные черешковые, железо I—II вв., Михайловка, курган 13; *10* — копье на надгробном рельефе первой половины I в., Пантикапей; *11* — железный наконечник копья I—II вв., станица Казанская, курган; *12* — копье, надгробный рельеф I в., Херсонес; *13* — железный меч I в. до н. э.— IV в. н. э., Пантикапей; *14* — железный меч I—II вв., некрополь Тузлы; *15* — железный меч I—II вв., Фанагория, некрополь; *16* — меч в ножнах, надгробие I в., Херсонес; *17* — шлем, на надгробном рельефе I в., Херсонес; *18* — изображение воина в шлеме на боспорской монете 39—45 гг.; *19, 20* — поножи и щит на надгробном рельефе I в., Херсонес; *21, 22* — каменное ядро для пращи II в., рельеф колонны Траяна — изображения солдат Боспорской когорты; *23* — каменное ядро II в., Тасуново; *24* — лук и стрела, изображение на боспорской монете 186—196 гг. н. э.; *25* — горит с луком и стрелами, деревянная игрушка I—III вв., Пантикапей; *26* — осадная машина, граффити II в., Неаполь Скифский; *27* — железный меч I—II вв., Ольвия; *28* — железный меч II—III вв., Тиритака, некрополь; *29* — железный меч I—II вв., Пантикапей; *30* — фрагмент железного меча I—II вв., Танаис; *31* — железный меч II в., Пантикапей; *32* — изображение воина в броне, терракота (фрагмент) II—III вв., Михайловка; *33* — железный умбон II в., Пантикапей; *34—36* — железные наконечники дротиков III—IV вв. н. э., Семеновка; *37, 38* — каменные ядра III в., Харакс; *39—43* — каменные ядра для пращи IV в., Кепы и Пантикапей; *44* — сложный лук с костяными накладками IV в., Танаис, 1972; *45, 46* — железные наконечники стрел III—IV вв. н. э., Семеновка; *47* — железный меч III—IV вв., Фанагория; *48, 49* — железные мечи II—III вв., Пантикапей; *50* — железный меч III—IV вв., Фанагория; *51* — железный меч III—IV вв., Пантикапей; *52* — железный умбон III в., Пантикапей; *53* — умбон III—IV вв., Харакс; *54* — сарматский железный чешуйчатый панцирь II—III вв., Мокиевка (реконструкция). Составитель Б. Г. Петерс

Таблица LXXXV. Военно-морские, торгово-транспортные, промысловые и вспомогательные суда

1 — военное судно с тараном-монэра, рисунок на горле чернофигурного сосуда, конец VI в. до н. э., Пантикапей; *2—4* — суда с таранами, граффити на крышке леканы, Мирмекий, V в. до н. э.; *5* — диэра на щитке перстня, Пересыпь, конец IV — начало III в. до н. э.; *6* — пентеконтера на рельефной чаше, III—II вв. до н. э., Фанагория; *7* — судно с тараном на рельефе надгробной стелы, Пантикапей, начало II в. до н. э.; *8* — носовые части судов с тараном, изображение на надгробной стеле 150—125 гг. до н. э.; *9* — нос судна с тараном на пантикапейской монете конца II в. до н. э.; *10* — нос корабля с тараном на херсонесской монете конца II — начала I в. до н. э.; *11* — нос корабля с тараном на фанагорийской монете 30—17 / 16 гг. до н. э.; *12* — нос корабля с тараном и Никой на понтийской монете после 41 г. н. э.; *13* — нос корабля с тараном на монете Агриппии (Фанагории) 14—8 гг. до н. э.; *14* — нос корабля с тараном на пантикапейской монете конца II — начала I в. до н. э.; *15* — военный корабль с бараном на палубе на стеклянной гемме I в. н. э., Беляус; *16* — кормовая часть торгового судна, граффити, эллинизм; *17* — реконструкция торгового судна, затонувшего в районе Евпатории, конец IV — начало III в. до н. э.; *18* — мачты, реи и парус торгового судна, граффити, эллинизм, Пантикапей; *19* — кормовая часть торгового судна, граффити II в. до н. э.— I в., Пантикапей; *20* — носовая часть транспортного судна, граффити, Пантикапей, I в. до н. э.— I в. н. э.; *21* — бортовая часть торгового судна, граффити I в. до н. э.— I в. н. э.; Пантикапей; *22* — носовая часть торгового судна на фоне крепостной стены, граффити I в. до н. э.— I в. н. э. Патрей; *23* — мачта с тросами стоячего такелажа, граффити I в., Пантикапей; *24* — торговое судно, граффити I в., Пантикапей;

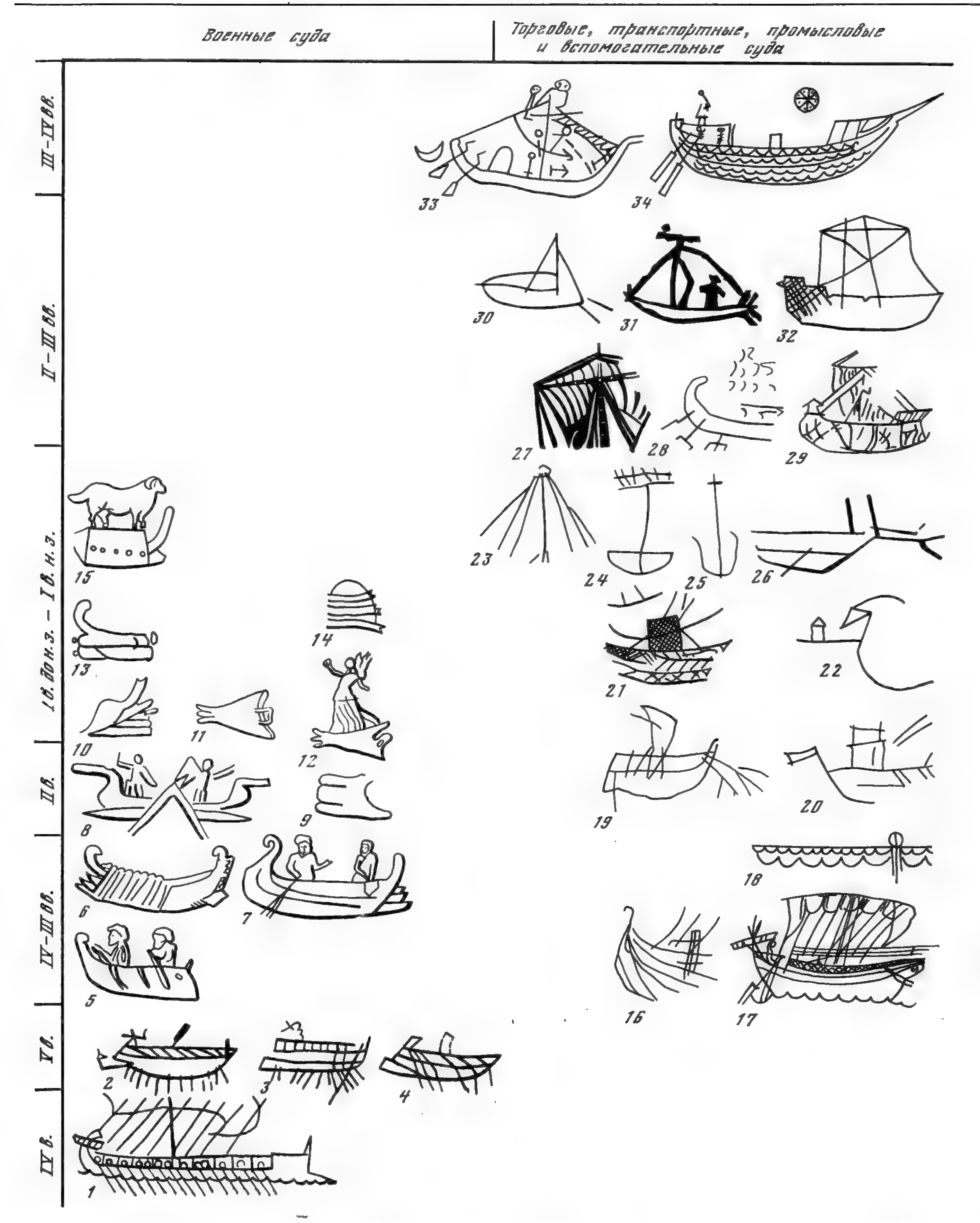


Таблица LXXXV

25 — двурогий якорь, граффити I в., Южно-Донузлавское городище; *26* — торгово-промысловое судно I в., врезной рисунок, Фанагория; *27* — мачта реи и паруса, рельеф II—III вв., Херсонес; *28* — кормовая часть торгового судна, врезной рисунок, I—III вв., Тира; *29* — торговое судно, врезной рисунок, III в., Фанагория; *30* — промысловое судно, граффити III в., Пантикапей; *31* — торговый корабль, рисунок краской III в., Китей, склеп; *32* — торговое судно, рисунок краской III в., Пантикапей, склеп; *33* — торговое судно, рисунок краской III—IV вв., Пантикапей, склеп; *34* — торговое судно, рисунок краской III—IV вв., Пантикапей, склеп. Составитель Б. Г. Петерс

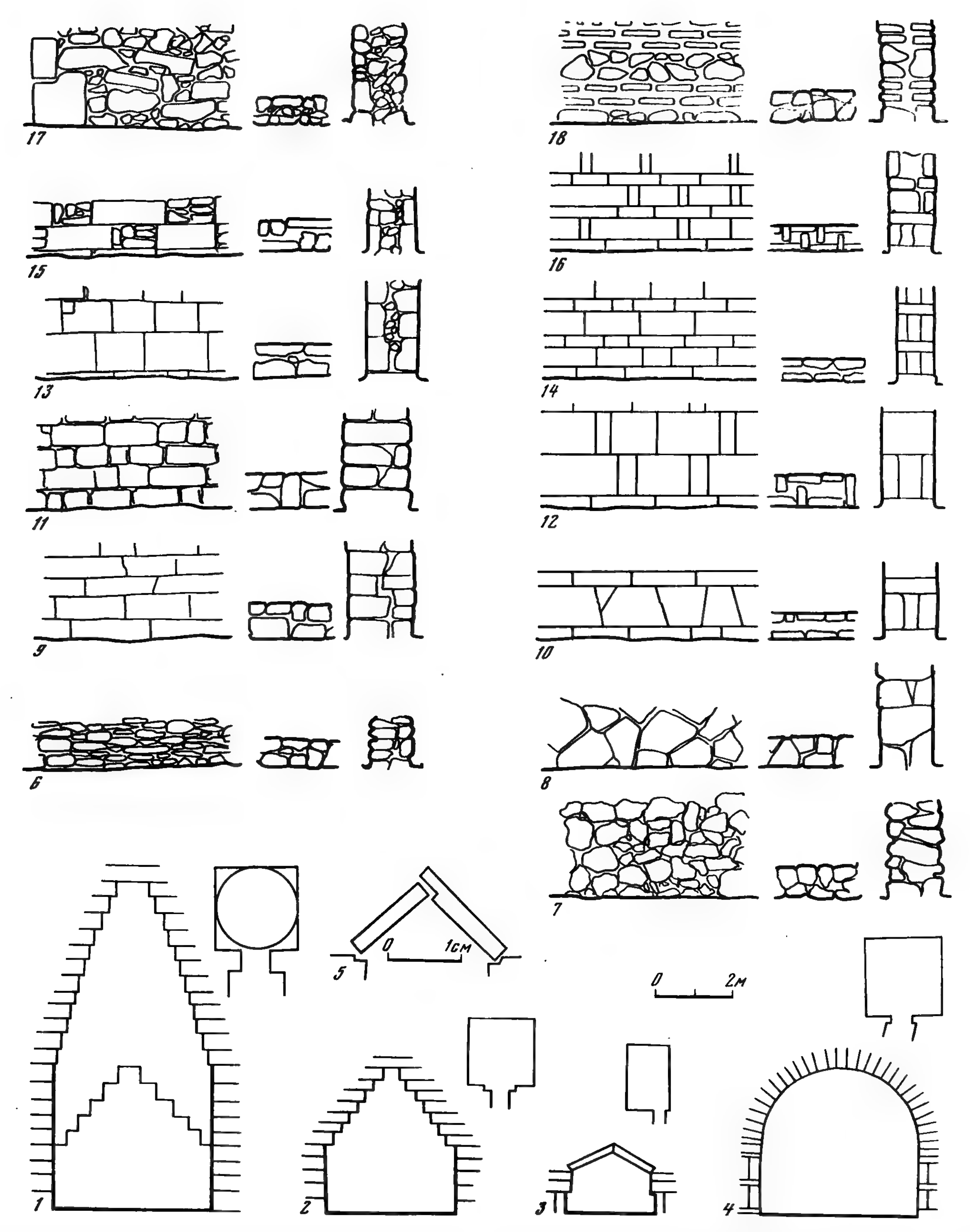


Таблица LXXXVI. Основные типы сводов погребальных сооружений (*1—5*) и системы кладок стен (*6—18*)

1 — свод напуском камней с пандативами (разрез, план), Царский курган, конец IV в. до н. э.; *2* — то же, Мелек-Чесменский курган, IV в. до н. э.; *3* — перекрытие из двух рядов плит, сходящихся под углом (план, разрез), пристенный склеп 1013 в Херсонесе, конец I — середина III в. н. э.; *4* — цилиндрический (полуциркульный) свод (план, разрез), склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии, II в. до н. э.; *5* — прием соединения плит перекрытия склепа 1/1912 в Ольвии, конец IV в. до н. э.; *6—18* — основные системы кладок, применявшихся в Северном Причерноморье. Составитель С. Д. Крыжицкий

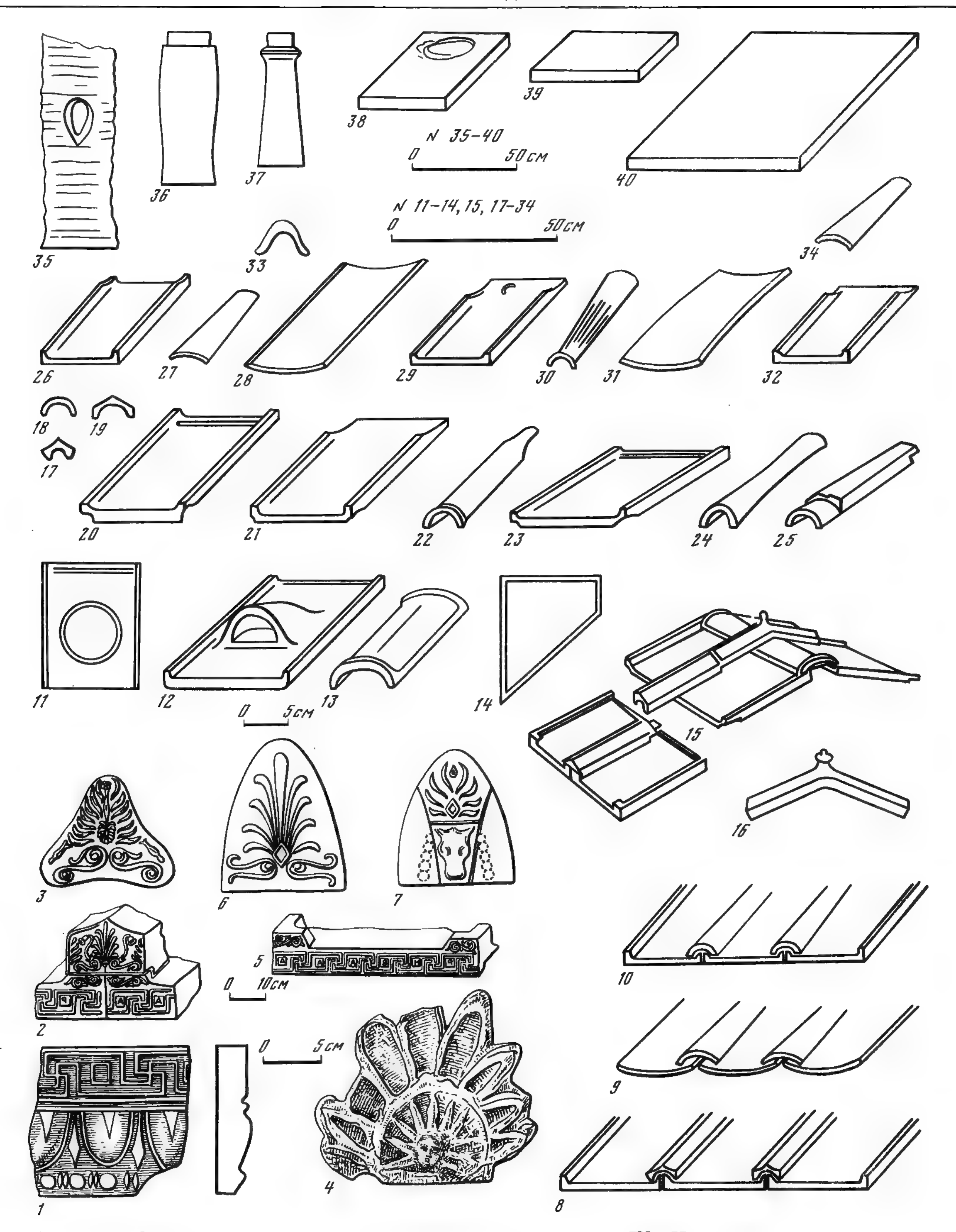


Таблица LXXXVII. Основные виды керамических строительных деталей IV—II вв. до н. э.

1 — терракотовая плитка для украшения симы; *2* — фронтальная черепица; *3, 6, 7* — антефиксы; *4* — антефикс с головой Гелиоса; *5* — щиток фронтальной черепицы системы кровельных покрытий; *8* — коринфская; *9* — лаконская; *10* — сицилийская; *11, 12* — черепицы с кровельным окном; *13* — продольный коньковый калиптер; *14* — трапециевидная черепица; *15* — кровельное покрытие коринфского типа; *16* — поперечный коньковый калиптер; *17, 19* — граненый калиптер; *18* — овальный калиптер; *20, 21, 23* — солены; *22* — овальный калиптер; *24, 25* — овальный и граненый калиптеры. Керамические материалы первых веков нашей эры. *26, 28, 29, 31, 32* — солены; *27, 30, 33, 34* — овальные калиптеры; *35* — труба для воздушного отопления; *36, 37* — водопроводные трубы; *38, 39, 40* — обожженный кирпич
1, 4, 21, 22, 29, 30 — Херсонес; *2, 5, 12, 13, 16, 23—25, 31, 32, 34* — Ольвия; *3, 6, 7, 14, 17—20, 26—28, 33* — Боспор; *35* — Харакс. Составитель С. Д. Крыжицкий

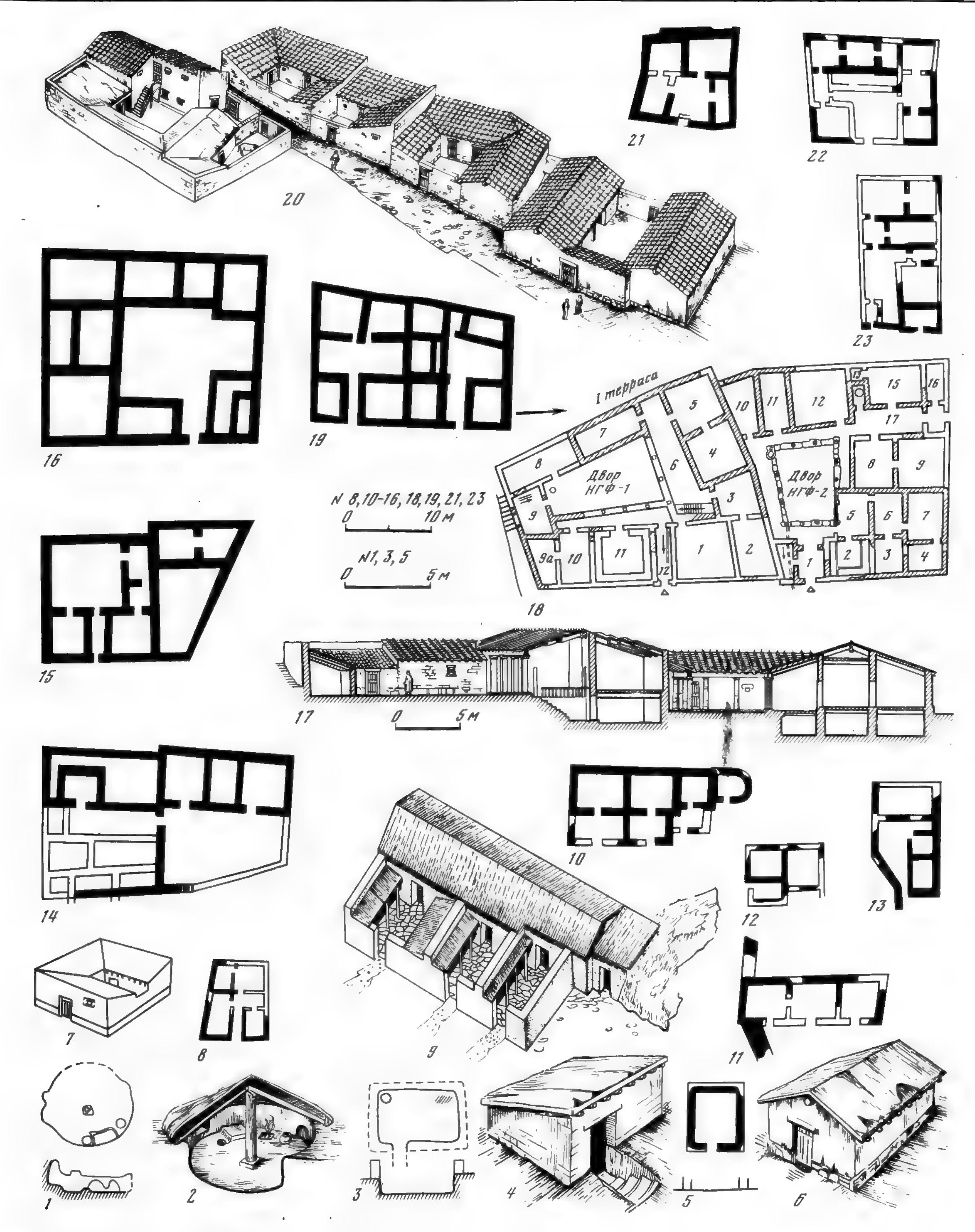


Таблица LXXXVIII. Городские жилые дома VI—II вв. до н. э.

1, 2 — полуземлянки Ольвии второй половины VI в. до н. э. (план, разрез, реконструкция); *3, 4* — обобщенный тип полуземлянки (план, разрез, реконструкция); *5, 6* — дом начала VI в. до н. э. в Пантикапее (план, разрез, реконструкция); *7, 8* — дом первой половины V в. до н. э. на Березани (реконструкция, план); *9, 10* — блок домов VI — начала IV в. до н. э. в Киммерике (реконструкция, план); *11* — план дома второй половины VI в. до н. э. в Тиритаке; *12* — план дома конца VI — начала V в. до н. э. в Пантикапее; *13* — план дома 14 конца VI — начала V в. до н. э. в Пантикапее; *14* — дом винодела в Мирмекии; *15* — дом красильщика в Херсонесе; *16* — дом с экседрой в Херсонесе; *17, 18* — дома в Нижнем городе в Ольвии № 1, 2 (план, реконструкция); *19* — квартал XIII в Херсонесе; *20* — квартал жилых домов у северной оборонительной стены Верхнего города Ольвии (реконструкция); *21* — дом И-1 в Ольвии; *22* — дом Е-1 в Ольвии; *23* — дом А-3 в Ольвии. Составитель С. Д. Крыжицкий

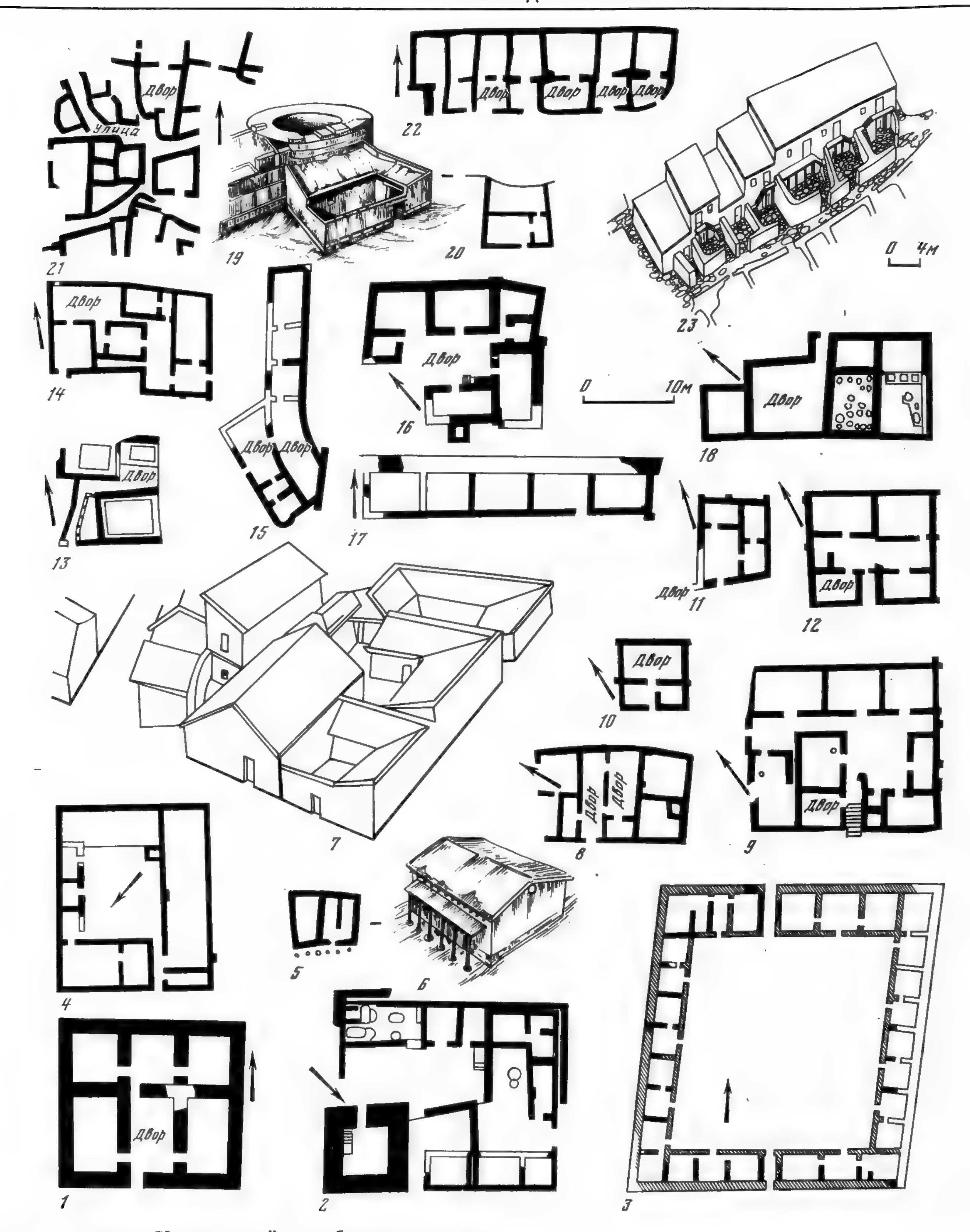


Таблица LXXXIX. Укрепленный дом башенного типа

1 — дом III в. до н. э. на Семибратнем городище. Сельские дома эллинистического времени: *2* — дом херсонесского клера № 26 III—II вв. до н. э.; *3* — усадьба конца IV — первой половины III в. до н. э. у Дидовой Хаты; *4* — дом херсонесского клера № 3 IV—II вв. до н. э.; *5, 6* — дом № 1 IV в. до н. э. на Южно-Чурубашском поселении (план, реконструкция). Городские дома первых веков нашей эры: *7* — реконструкция квартала жилых домов II — первой половины III в. н. э. на поселении у с. Козырка; *8* — дом II—III вв. н. э. на раскопе А в Тире; *9, 10, 12* — дома середины I—III в. н. э. № 3, 5 на участке I и № 6 на участке III в Илурате; *11* — дом № 2 в Козырке; *13* — дом II—III вв. н. э. с портиком на раскопе II в Танаисе; *14* — дома № 3 и 4 в Козырке; *15* — дом № 5 в Козырке; *16* — дом III—IV вв. н. э. с хозяйственными постройками, Тиритака; *17* — блок домов конца I—III вв. н. э. у оборонительной стены Нижнего города Ольвии; *18* — дом винодела II—IV вв. н. э. в Херсонесе; *19, 20* — дом конца III — середины IV в. н. э. в Тире (реконструкция, план). Дома смешанной традиции: *21* — дома II—I вв. до н. э. в Танаисе на участке VI; *22, 23* — дома II—III вв. н. э. на поселении у дер. Семеновки (реконструкция). Составитель С. Д. Крыжицкий

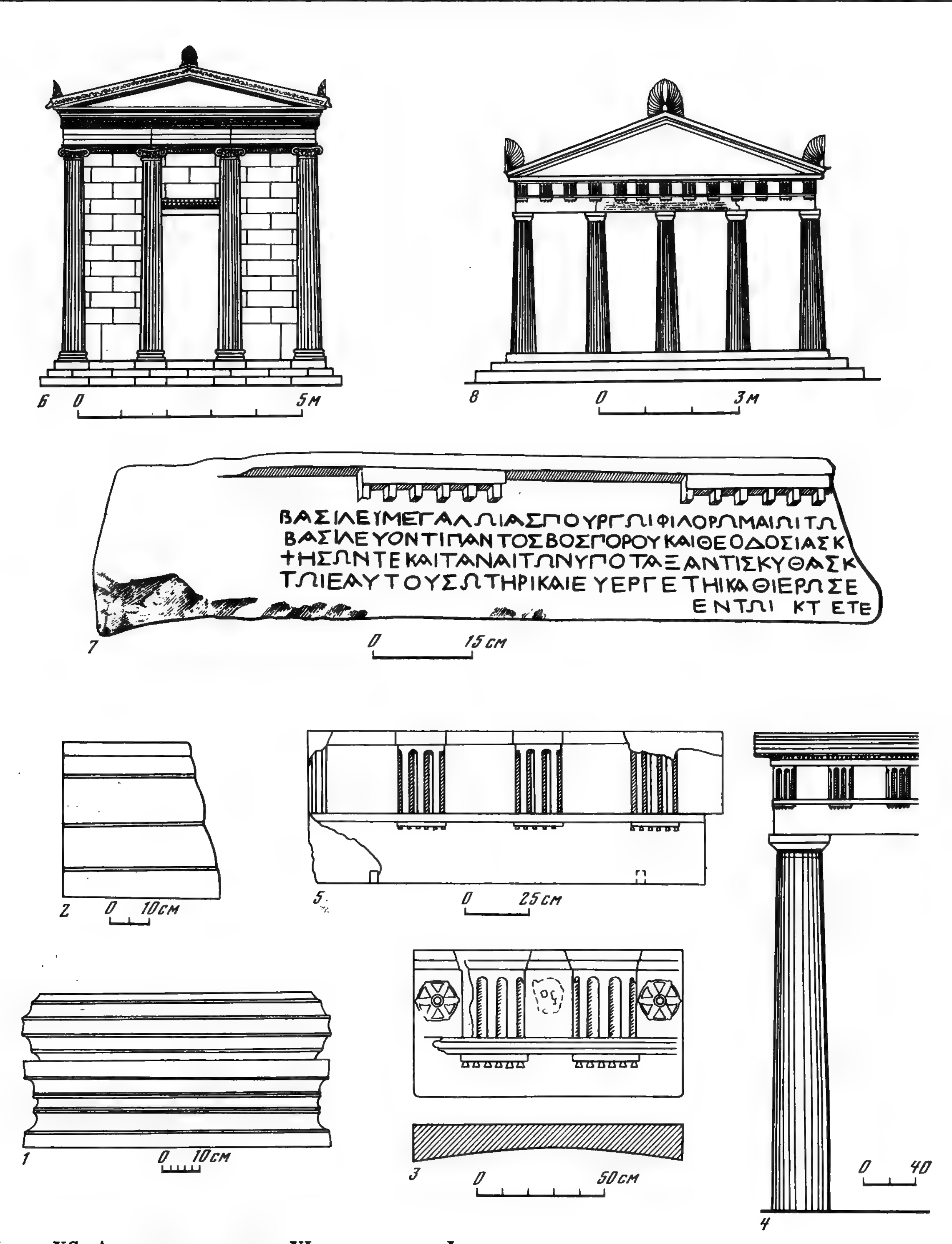


Таблица XC. Архитектура храмов VI в. до н. э. — I в. н. э.

1 — база ионийской колонны VI в. до н. э., Пантикапей (известняк); *2* — часть архитрава того же храма; *3* — часть дорического антаблемента толоса в Ольвии II в. до н. э. (известняк); *4, 5* — часть дорийского портика IV в. до н. э. в Мирмекии (реконструкция Л. Е. Ковалевской); *6* — фасад ионийского храма в Херсонесе III в. до н. э. (реконструкция И. Р. Пичикяна); *7* — часть мраморного дорийского архитрава с греческой надписью посвящением царю Аспургу; *8* — фасад храма Аспурга (реконструкция В. Д. Блаватского). Составитель М. М. Кобылина



Таблица XCI. Архитектурные детали VI–II вв. до н. э.

1 – часть ионийской капители храма VI в. до н. э., Ольвия, терракота; *2* – акротерий из Нимфея VI в. до н. э., терракота; *3* – украшение алтаря VI в. до н. э., Пантикапей, мрамор; *4, 5* – мраморный фриз с изображением процессии, IV в. до н. э., Ольвия; *6* – капитель кариатиды из Херсонеса, IV в. до н. э., мрамор; *7* — часть капители пилястры из Фанагории, II в. до н. э., мрамор; Составитель М. М. Кобылина



Таблица XCII. Архитектурные детали III и II вв. до н. э.

1 — рельеф с меандром II в. до н. э., мрамор, Пантикапей; *2* — полихромная капитель богатого дома в Пантикапее, II в. до н. э., известняк; *3* — надгробная плита из Пантикапея, II—I вв. до н. э., известняк; *4* — часть дорийского антаблемента из Пантикапея, II в. до н. э., известняк; *5* — часть ионийского архитрава, III в. до н. э. Херсонес; *6* — капитель из Фанагории, III в. до н. э., известняк. Составитель М. М. Кобылина



Таблица XCIII. Архитектура первых веков нашей эры

1 — изображение Капитолия на пантикапейской монете I в. н. э.; *2* — изображение крепостных ворот на пантикапейской монете I в. н. э.; *3* — часть ионийского антаблемента из Пантикапея II в. н. э., известняк; *4* — часть кассеты из Горгиппии, мрамор, I в. н. э.; *5* — карниз с рельефным и резным орнаментом II—III вв. н. э. из Пантикапея, известняк; *6* — антефикс в виде змееногой богини, I в. н. э. из Пантикапея, известняк; *7* — завершение калиптера в виде антефикса (трагической маски), мрамор. Составитель М. М. Кобылина

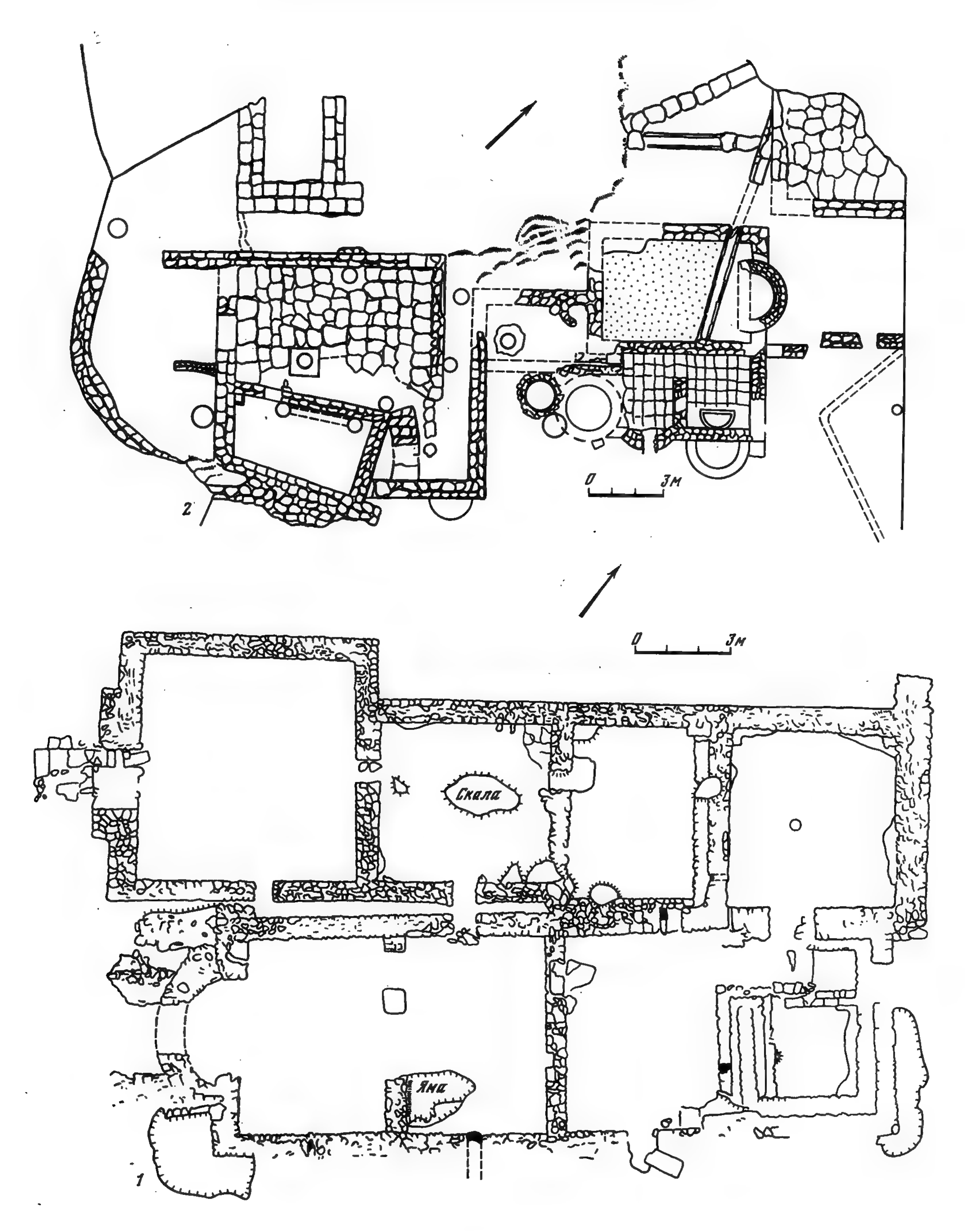


Таблица XCIV. Планы терм

1 — Харакс, I — первая половина III в. н. э.; *2* — Пантикапей, III—IV вв. до н. э. Составитель М. М. Кобылина

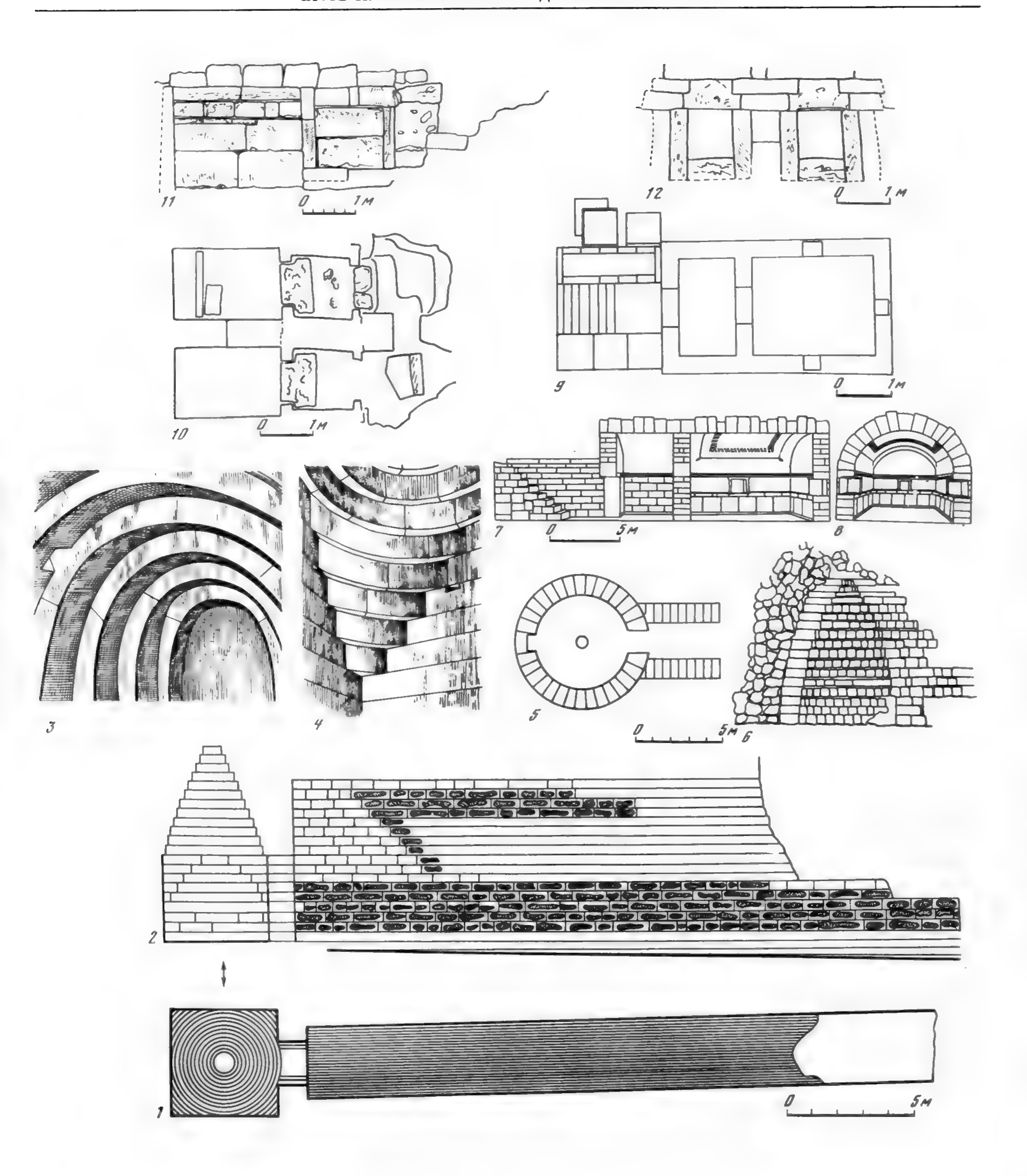


Таблица XCV. Склепы IV—II вв. до н. э.

1—4 — склеп Царского кургана, план, разрез, детали перекрытия погребальной камеры; *5, 6* — склеп Золотого кургана IV в. до н. э., план и разрез; *7—9* — склеп Васюринского кургана III в. до н. э., план и разрезы; *10—12* — двойной склеп II в. до н. э. в Пантикапее, план и разрезы. Составитель М. М. Кобылина

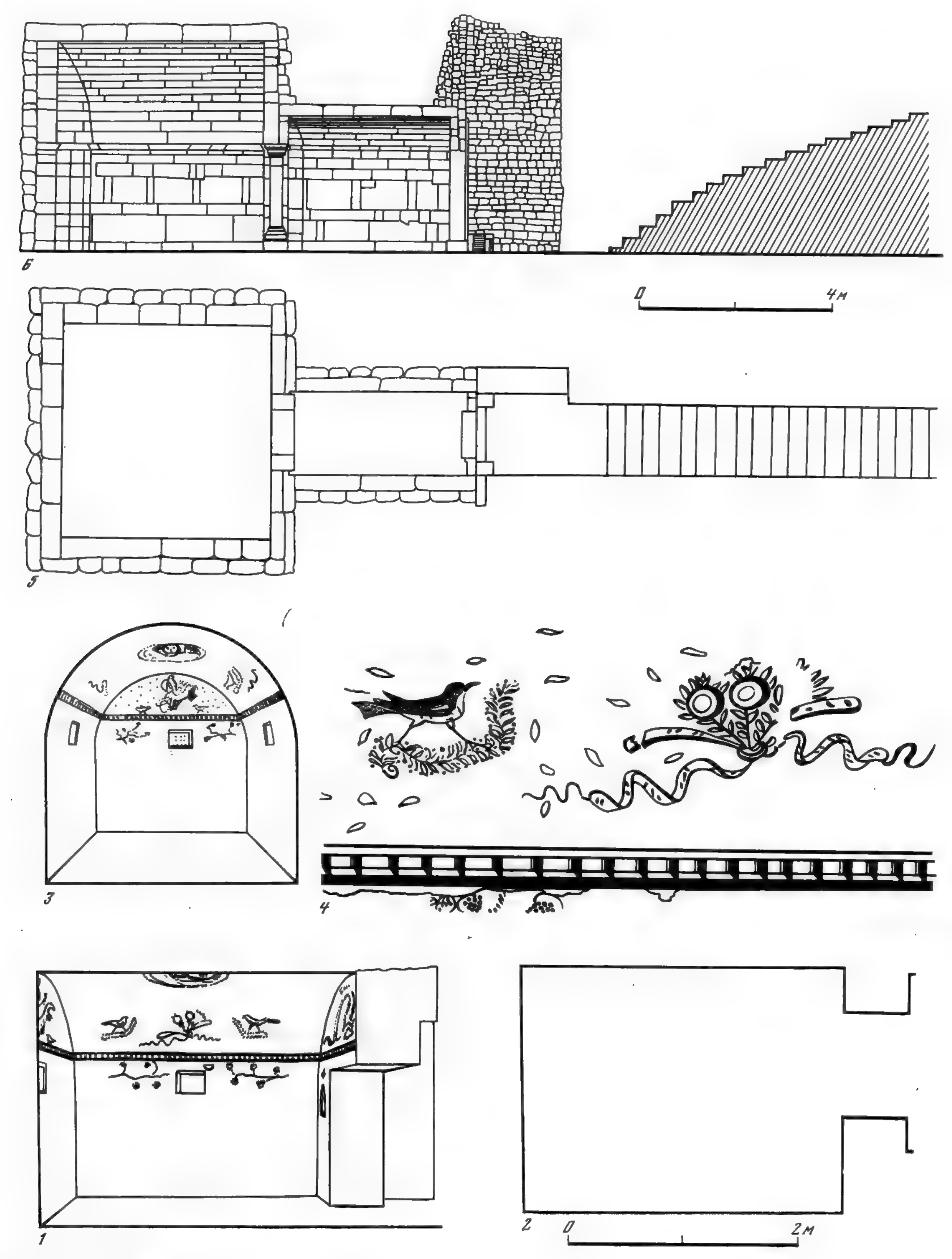


Таблица XCVI. Склепы конца I в. до н. э. — II в. н. э.

1—4 — склеп Деметры конца I в. до н. э. — начала I в. н. э., разрез (продольный и поперечный), план, деталь росписи; *5, 6* — склеп Еврисивия и Ареты в Ольвии, план и продольный разрез. Составитель М. М. Кобылина

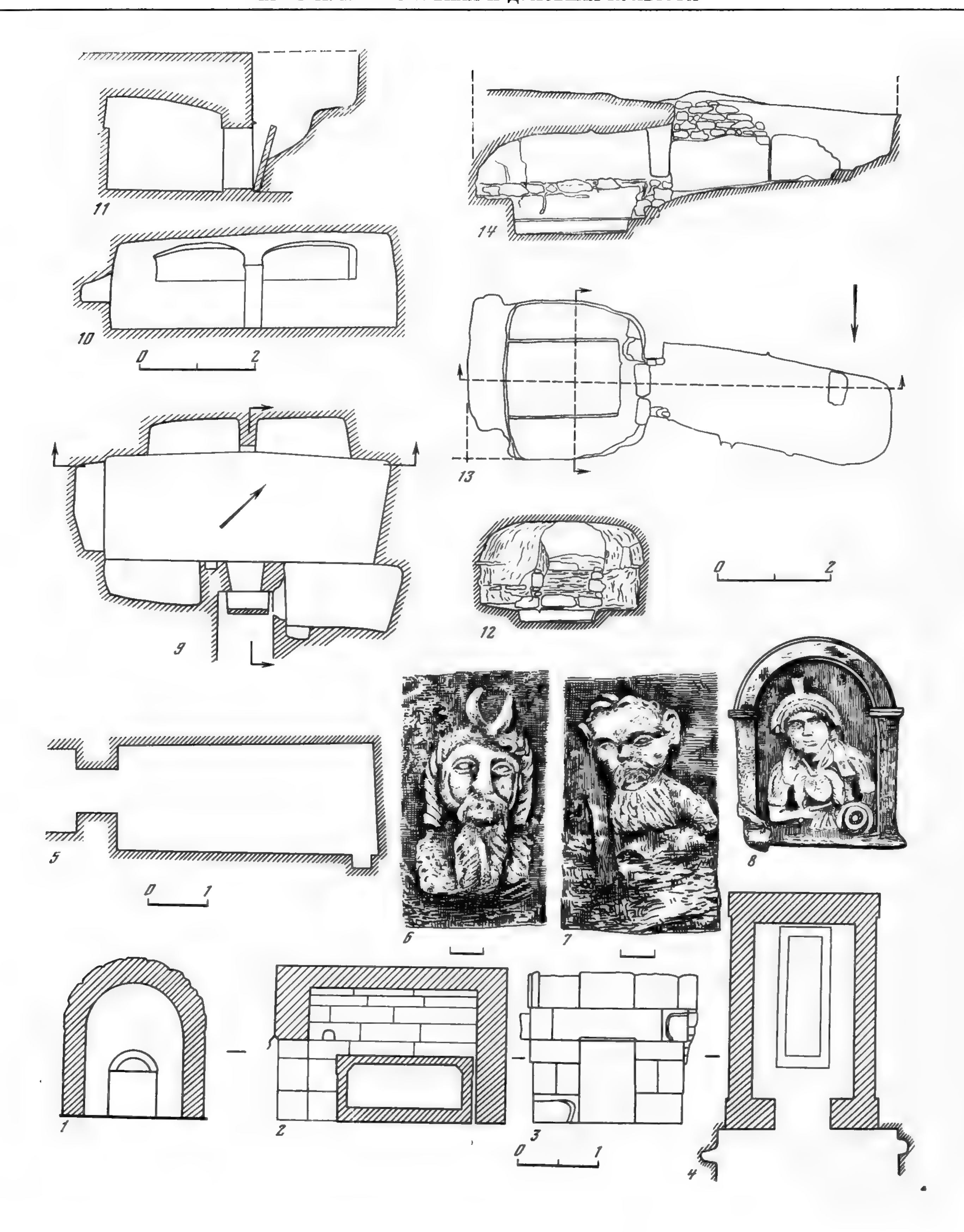


Таблица XCVII. Склепы первых веков нашей эры

1—4 — каменный склеп в Пантикапее I в. н. э., план, фасад, разрезы; *5—8* — склеп в Нимфее III в. н. э., план и рельефные изображения (*6* — Пан, *7* — Силен, *8* — Афина); *9—11* — склеп в Китте II—III вв. н. э., план и разрезы; *12–14* — склеп в Илурате II—III вв. н. э., план и разрезы. Составитель М. М. Кобылина



Таблица XCVIII. Скульптура VI—IV вв. до н. э.

1 — статуя грифа (может быть, сфинкса) из Ольвии, первая половина V в. до н. э.; *2* — голова куроса из Кеп, конец VI в. до н. э.; *3* — голова юноши, IV в. до н. э., Херсонес; *4* — верхняя часть аттической стелы с изображением юноши, первая половина V в., Пантикапей. Составитель М. М. Кобылина

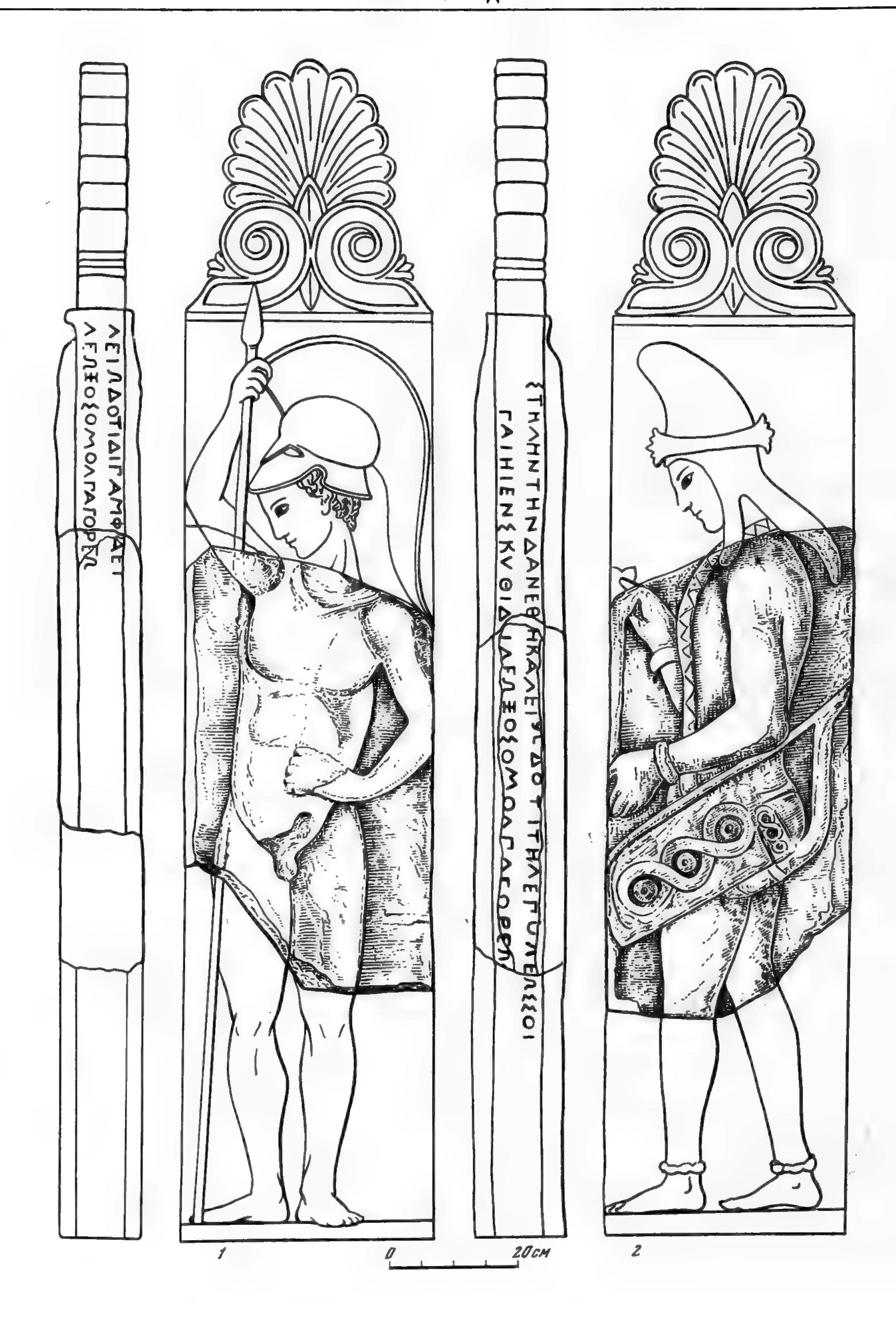


Таблица XCIX. Двусторонняя плита с изображением юноши и амазонки (?), первая половина V в. до н. э. из окрестностей Ольвии (мрамор). Составитель М. М. Кобылина



Таблица С. Алтари и жертвенники

1 — алтарь V в. до н. э. из Ольвии; *2* — алтарь-эсхара из кургана Большая Близница, IV в. до н. э.; *3* — алтарь с изображением шествия, конец V — начало IV в. до н. э., Ольвия; *4* — алтарь с гирляндами из Херсонеса, III в. до н. э.; *5* — терракотовый алтарик из Херсонеса, III в. до н. э.; *6* — круглый терракотовый алтарик из Ольвии, I в. н. э.; *7* — алтарь с изображением Геракла и Гермеса, II в. н. э., Херсонес; *8* — алтарь Немезиды из Херсонеса, IV в. н. э.
1, 2, 7 — известняк; *3, 4, 8* — мрамор; *5, 6* — терракота. Составитель М. М. Кобылина



Таблица CI. Произведения торевтов

1 — зеркало из Келермесского кургана, первая половина VI в. до н. э.; *2* — бляшка с изображением Горгоны, VI в. до н. э., Пантикапей; *3* — бляшка в виде крылатой богини, V в. до н. э., Большая Близница; *4* — украшение ручки кратера, VI в. до н. э., курган у с. Мартоноши Херсонской обл.; *5* — бляшка с изображением орла, терзающего зайца, Семибратний курган, V в. до н. э.; *6* — височная подвеска с изображением головы Афины Парфенос, Куль-Оба, IV в. до н. э.; *7* — килик с гравированным изображением сцены трагедии, вторая половина V в. до н. э., 6-й Семибратний курган; *8* — бляшка с изображением Коры, IV в. до н. э., Большая Близница

1 — серебро с позолотой; *2, 3* — электр; *4* — бронза; *5, 6, 8* — золото; *7* — серебро. Составитель М. М. Кобылина



Таблица CII. Скульптура

1 — статуя Афины, IV в. до н. э., Ольвия; *2* — портрет синда, IV в. до н. э., Фанагория; *3* — статуя Диониса, IV в. до н. э., Пантикапей; *4* — голова Геракла, IV в. до н. э., Херсонес; *5* — голова Асклепия, IV в. до н. э., Ольвия; *6* — голова Гигиэи, III в. до н. э., Пантикапей; *7* — голова Афродиты, I в. до н. э., Пантикапей

1, 3, 5—7 — мрамор; *2* — известняк; *4* — терракота. Составитель М. М. Кобылина



Таблица CIII. Скульптура III в. до н. э. — III в. н. э.

1 — статуя воина с луком, III в. до н. э., Фанагория; *2* — статуя льва, I в. до н. э., Пантикапей; *3* — надгробная статуя синда, I в. до н. э., Таманский полуостров; *4* — статуя местной жительницы, I в. н. э., Ахтанизовский лиман; *5* — надгробная статуя из Танаиса, III в. н. э.; *6* — статуя местной жительницы, II в. н. э., Пантикапей; *7* — посвятительная плита Трифона, III в. н. э., Танаис; *8* — статуя-фонтан, III в. н. э., Ольвия

1, 3, 7 — известняк; *2, 8* — мрамор. Составитель М. М. Кобылина



Таблица CIV. Типы изображений на надгробиях первых веков нашей эры

1 — изображение женщины в позе печали, I в. н. э.; *2* — катафрактарий на стеле Афения, сына Мены, середина I в. н. э., Пантикапей; *3* — двухъярусная композиция с изображением героизированного умершего и двух всадников, II в. до н. э., Фанагория (надгробие Агафа, 179 г. н. э.); *4* — надгробие Деметрия, сына Аполлония, с изображением конной статуи, I в. н. э., Пантикапей; *5* — надгробие Фурия Севта, II—III вв. н. э.; *6* — трехъярусная стела Гликариона I—II вв. н. э., Горгиппия

1, 7 — известняк, *2—6* — мрамор. Составитель М. М. Кобылина



Таблица CV. Херсонесские надгробия и стенки саркофагов, первые века нашей эры

1 — стенка саркофага, II в. н. э.; *2* — деталь того же саркофага; *3* — надгробие женщины, первые века нашей эры; *4* — надгробие Филократа, сына Фарнакиона, I в. н. э.; *5* — надгробие трубача Аврелия Сальвиана, II в. н. э.; *6* — надгробие солдата Аврелия Виктора, вторая половина II в. н. э.; *7* — надгробие жены Хреста, III—IV вв. н. э.; *8* — плита саркофага с изображением подвигов Геракла, начало II в. н. э.

1, 2, 4, 5, 8 — мрамор; *3, 7* — известняк; *6* — мрамор и известняк. Составитель М. М. Кобылина



Таблица CVI. Скульптурный портрет первых веков нашей эры

1 — голова боспорского царя (Аспурга?), I в. н. э., Пантикапей; *2* — статуя молодого боспорца, конец I в. н. э., Пантикапей; *3* — статуя Неокла, конец II в. н. э., Горгиппия; *4* — портрет царицы Динамии, начало I в. н. э., из окрестностей Новороссийска; *5* — голова боспорца, II в. н. э., Пантикапей; *6* — голова боспорца, II в. н. э., Пантикапей; *7* — портрет боспорского царя на монете Савромата I (93—118 гг.); *8* — конная статуя боспорского царя на монете Савромата II (186—196 гг.); *9* — портрет боспорского царя на аверсе той же монеты

1—3, 5, 6 — мрамор; *4* — бронза; *7—9* — медь. Составитель М. М. Кобылина

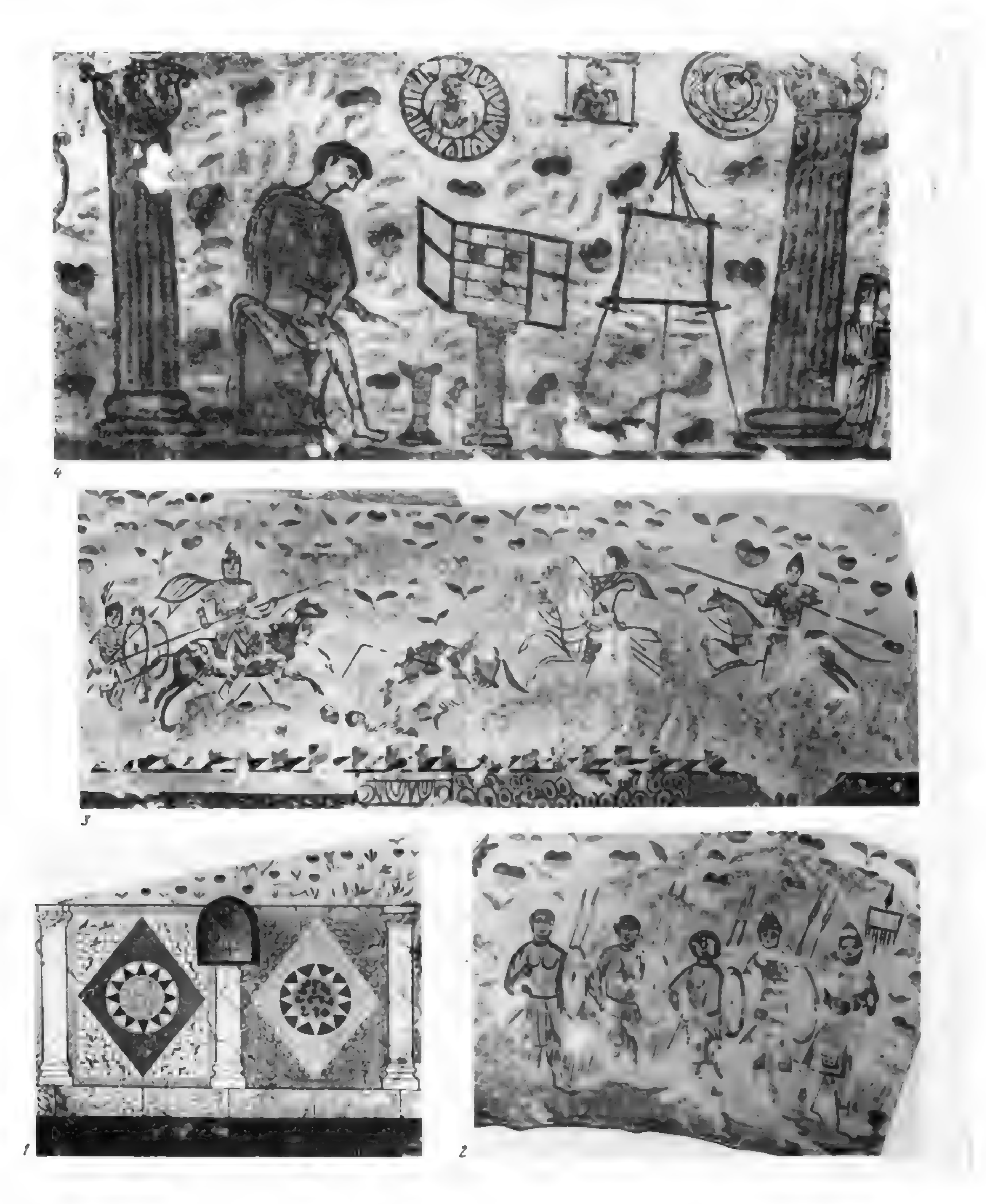


Таблица CVII. Росписи склепов и саркофага II в. н. э.

1 — деталь росписи склепа 1875 г.; *2*, *3* — детали росписи Стасовского склепа, первая половина II в. н. э.; *4* — роспись каменного саркофага, деталь — изображение мастерской живописца, Пантикапей. Составитель М. М. Кобылина

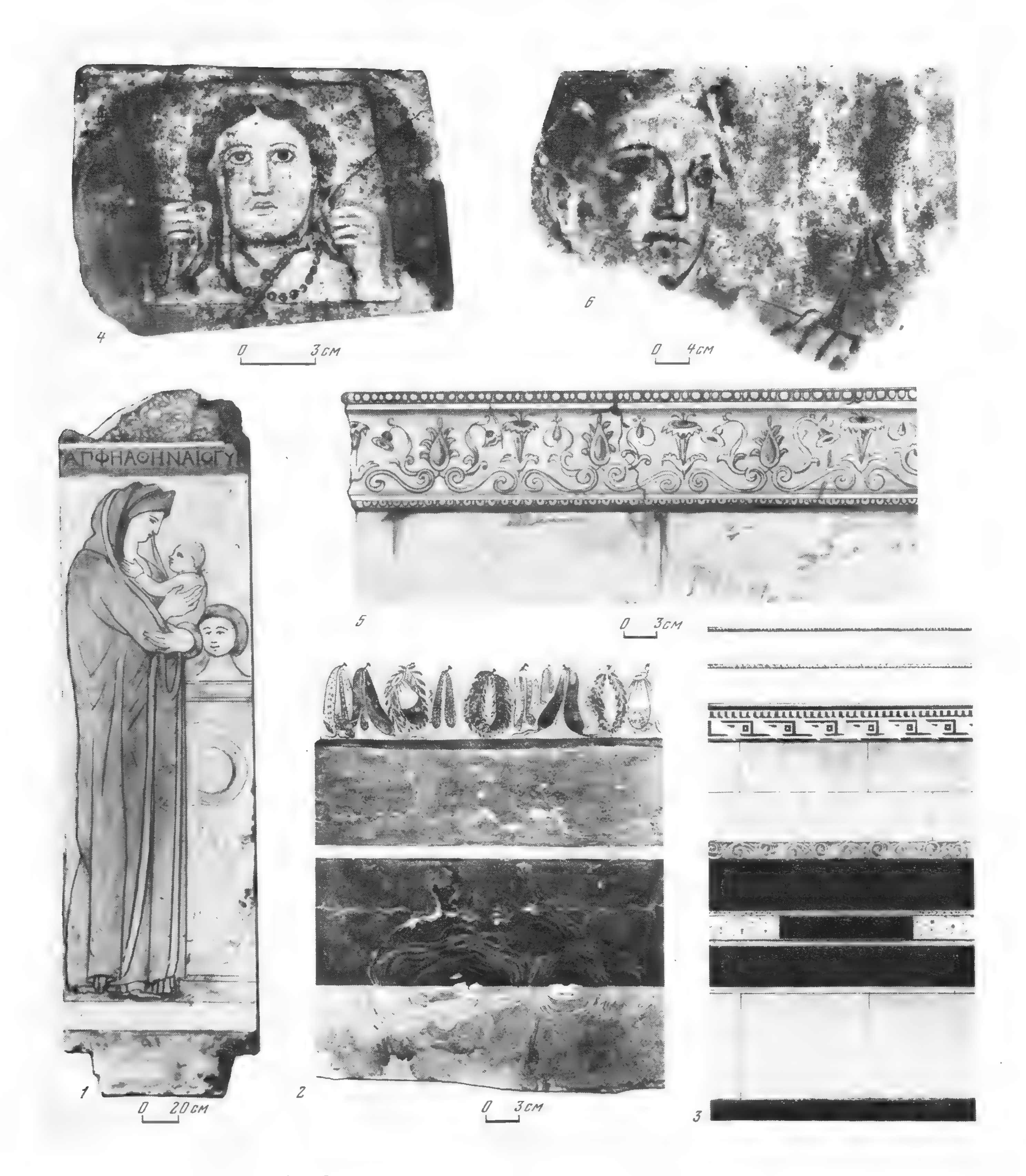


Таблица CVIII. Живопись IV—I вв. до н. э.

1 — надгробие Апфы, IV в. до н. э., Пантикапей; *2* — роспись склепа 1908 г., III в. до н. э., Пантикапей; *3* — роспись стены дома (реконструкция), II в. до н. э., Пантикапей; *4* — голова Коры на замковом камне склепа Большая Близница, IV в. до н. э.; *5* — полихромный фриз в камере склепа Большая Близница, IV в. до н. э.; *6* — роспись мраморного надгробия — голова и рука юноши, IV в. до н. э., Херсонес. Составитель М. М. Кобылина



1



2



3

Таблица CIX. Росписи пантикапейских склепов I в. до н. э. — начала I в. н. э.

1 — роспись задней стены склепа Анфестерия, I в. до н. э.; *2* — деталь росписи склепа Деметры, Плутон, похищающий Кору; *3* — голова Деметры в центре свода. Составитель М. М. Кобылина



Таблица CX. Росписи склепов II—III вв. н. э.

1, 2 — росписи склепа 1975 г. в Горгиппии, начало III в. н. э.; *3, 4* — детали росписи потолка второй комнаты склепа 1873 г.; *5* — деталь росписи склепа Сорака, II в. н. э. Составитель М. М. Кобылина

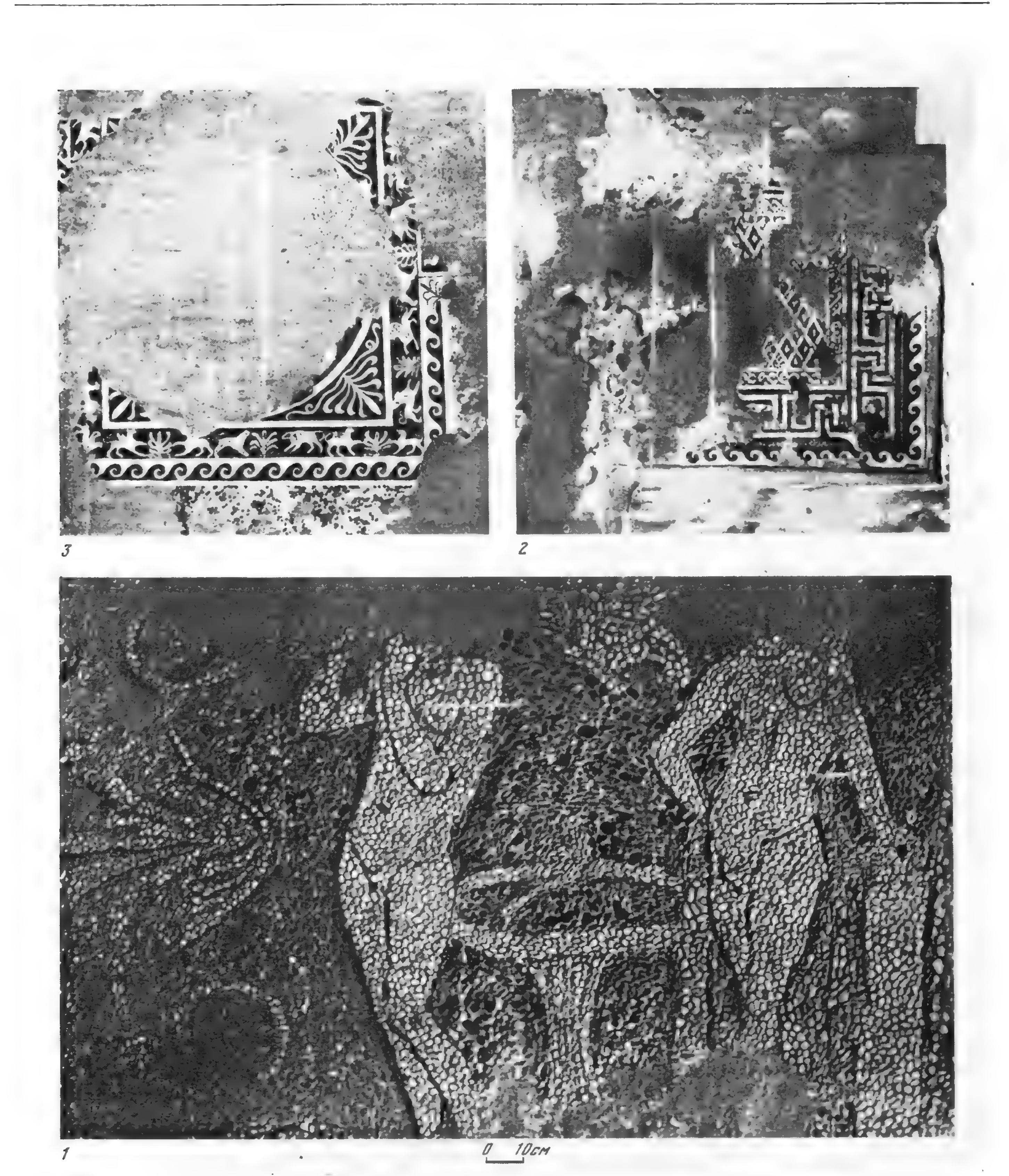


Таблица CXI. Мозаики

1 — Херсонес, II в. до н. э.; *2* — Ольвия, II в. до н. э.;
3 – Ольвия, I в. н. э. Составитель М. М. Кобылина



Таблица CXII. Импортные вазы VI—I вв. до н. э.

1 — **лекиф** работы Ксенофанта, начало IV в. до н. э., Пантикапей; *2, 3* — боспорские пелики, IV в. до н. э. (*2* — Пантикапей, *3* — Тиритака); *4—7* — **полихромные вазы из Ольвии** и Пантикапея. Составитель М. М. Кобылина



Таблица CXIII. Золотые серьги и ожерелье IV в. до н. э.

1 — Феодосия; *2, 3* — Херсонес. Составитель М. М. Кобылина



Таблица CXIV. Произведения торевтики IV в. до н. э.

1 — чертомлыцкая амфора, начало IV в. до н. э.; *2* — деталь этой амфоры; *3* — чаша с изображением скифов из Гайманововой могилы, IV в. до н. э.; *4* — оббивка горита из Чертомлыцкого кургана, IV в. до н. э. (деталь);
1 — билон, *2—4* — золото. Составитель М. М. Кобылина.

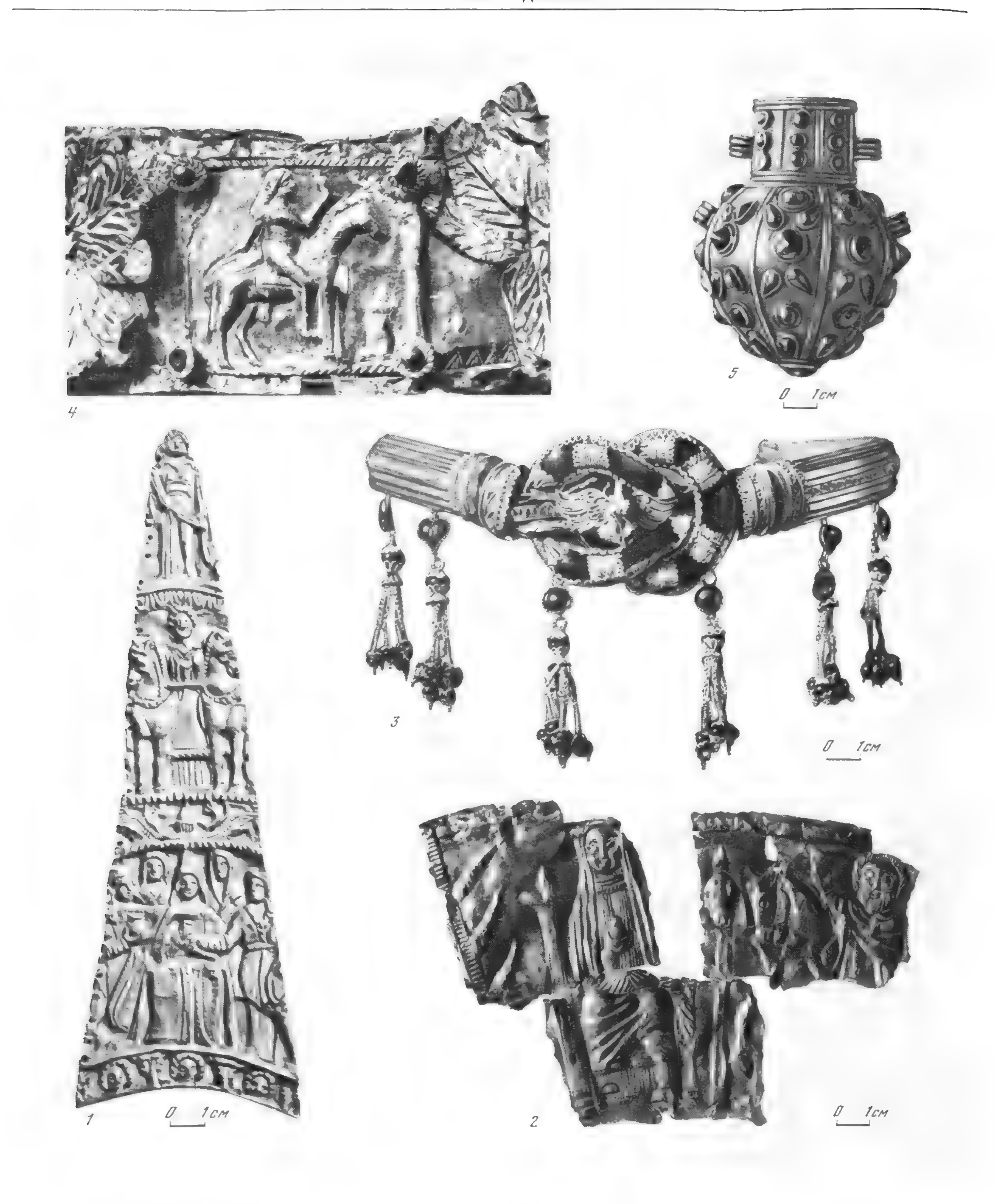


Таблица CXV. Торевтика IV—III вв. до н. э. — III—IV вв. н. э.

1 — пластина из кургана Карагодеуашх. III в. до н. э.; 2 — пластина из кургана с. Мерджаны. IV—III вв. до н. э.; 3 — диадема из Артюховского кургана. II в. до н. э.; 4 — деталь погребального венка с изображением царя, II в. н. э., Пантикапей; 5 — флакон полихромного стиля. III—IV вв. н. э., Пантикапей. Все — золото. Составитель М. М. Кобылина



Таблица CXVI. Произведения торевтики. Обивки горитов

1 — Мелитопольская; *2* — Ильинская; *3* — Елизаветовская; *4* — Чертомлыцкая. Детали обивок: *5, 6* — Мелитопольской; *7, 8* — Ильинецкой; *9, 10* — Елизаветовской; *11, 12* — Чертомлыцкой. Составитель Н. А. Онайко



Таблица CXVII. Культовые терракоты

1 — сидящая на троне пара, Березань, самосская; *2* — протома богини, Пантикапей, самосская; *3* — богиня на троне, Тиритака, родосская; *4* — Кибела, Ольвия; *5* — Кора, Тиритака, родосская; *6* — Кора, Пантикапей, коринфская; *7* — Кабир, Березань, ионийская; *8* — богиня на троне, Пантикапей, местная; *9* — Деметра, несущая Кору, Пантикапей, аттическая; *10* — Афродита, курган Большая Близница, аттическая; *11* — женщина с ребенком, Пантикапей, местная; *12* — юноша с собакой, Фанагория, аттическая; *13* — актер в маске старика в хитоне и плаще, Большая Близница, аттическая; *14* — Эрот, Ольвия, местная; *15* — Тюхе, Пантикапей, импорт; *16* — Геракл, Пантикапей, местная; *17* — Аттис, Пантикапей, западночерноморская; *18* — Кибела, Ольвия, местная; *19* — Афродита Анадиомена, Пантикапей, местная; *20* — девочка с петухом, Пантикапей, местная; *21* — всадник, Пантикапей, местная; *22* — Мифра-Аттис, Пантикапей, местная; *23* — воин, опирающийся на щит, Пантикапей, местная; *24* — Тихе, Пантикапей, местная; *25* — актер-мим, Пантикапей, местная; *26* — погонщик с быком, Илурат, местная; *27* — всадник со щитом, Пантикапей, местная; *28* — богиня, сидящая на троне, Пантикапей, местная; *29* — женский идол из городища Елисаветовское, лепная. Составитель М. М. Кобылина



Таблица CXVIII. Театр и актеры

1 — актер, сидящий на алтаре, V в. до н. э.; *2* — кресло из театра, Пантикапей, IV в. до н. э.; *3* — актер в виде силена, IV в. до н. э., Пантикапей; *4* — актер в женской роли, IV в. до н. э., Большая Близница; *5* — актер в маске раба, IV в. до н. э., Большая Близница; *6* — актер в маске раба, IV в. до н. э., Пантикапей; *7* — маска раба, IV в. до н. э., Ольвия; *8* — трагическая маска, I в. н. э., Пантикапей; *9* — трагический актер, I в. н. э.; *10* — актер в женской роли, IV в. до н. э., Пантикапей; *11* — актер в маске Сатира, II в. до н. э., Пантикапей

1, 4—11 — терракоты, *2, 3* — мрамор. Составитель М. М. Кобылина

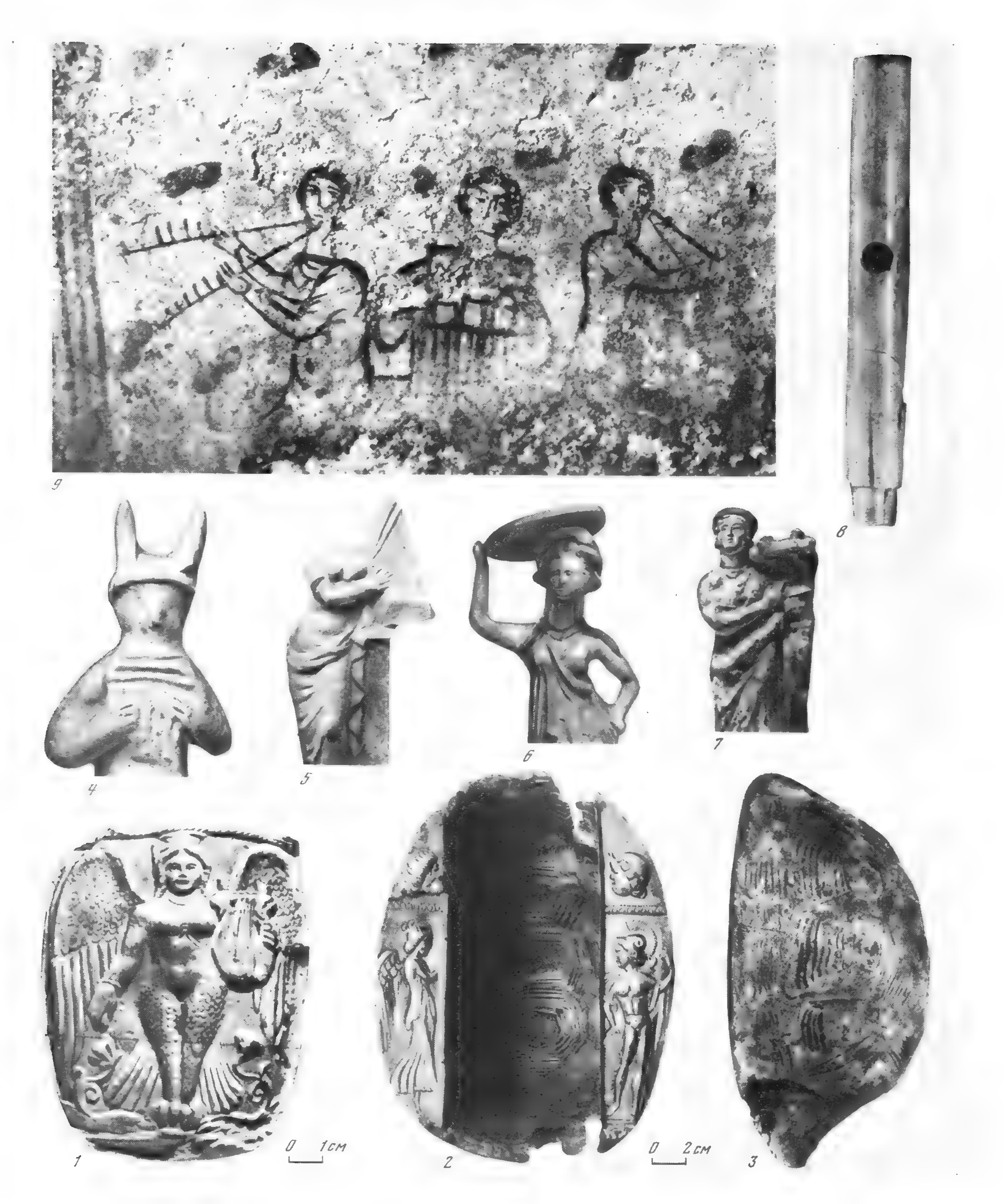


Таблица CXIX. Музыкальные инструменты

1 — сирена с лирой и плектроном в руках, современный оттиск в форме, IV в. до н. э., Фанагория; *2*, *3* — бронзовые части лиры, II в. н. э., Пантикапей; *4—7* — терракотовые статуэтки с музыкальными инструментами (*4* — свирель, *5* — тригон (арфа), *6* — тамбурин, *7* — кифара); *8* — часть флейты, слоновая кость, первые века нашей эры, Пантикапей; *9* — деталь росписи саркофага — группа музыкантов с двойной флейтой и органом, Пантикапей, II в. н. э. Составитель М. М. Кобылина



Таблица CXX. Монеты с изображением божеств

1 — Афина, начало V в. н. э., Ольвия; *2* — Деметра, IV в. до н. э., Ольвия; *3* — Артемида, I в. до н. э., Пантикапей; *4* — Аполлон, III в. до н. э., Ольвия; *5* — Дионис, I в. н. э., Пантикапей; *6* — Геракл, III в. до н. э., Ольвия; *7* — Борисфен, II в. до н. э., Ольвия; *8, 9* — Херсонес, I в. н. э. (аверс — Зевс, реверс — богиня Дева); *10, 11* — Херсонес, 47 г. н. э. (аверс — Херсонас, реверс — Дева); *12* — Аполлон, II в. н. э., Ольвия; *13* — Афродита Апатура Урания, конец II — начало III в. н. э.; *14* — Юпитер, конец II — начало III в. н. э., Ольвия. Составитель М. М. Кобылина



Таблица CXXI. Культовые изображения IV в. до н. э. — III в. н. э.

1 — плита с изображением поклонения Деметре и Коре, IV в. до н. э., Пантикапей; *2* — плита с посвящением Афродите Урании, III в. до н. э., Пантикапей; *3* — посвящение ситонов, II в. до н. э., Ольвия; *4* — Герма Диониса, жертвоприношение овцы, Пантикапей; *5* — посвятительная надпись фиасотов, Танаис, 104 г. н. э.; *6* — жрец, несущий изображение богини, III в. н. э., Пантикапей

1—3, 5 — мрамор; *4, 6* — терракота. Составитель М. М. Кобылина



Таблица CXXII. Святилища Деметры в Нимфее и Фанагории

1 — остатки святилища в Нимфее, VI в. до н. э.; *2* — статуэтка Коры, конец VI — начало V в. до н. э.; *3* — гидрофора, V в. до н. э.; *4* — чернофигурная гидрия конца VI в. до н. э.; *5* — сероглиняный светильник, VI в. до н. э.; *6* — протома Деметры, первая половина V в. до н. э.; *7* — килик с посвящением Деметре; *8* — фрагмент статуэтки Кабира, V в. до н. э.; *9* — Деметра и Кора, начало IV в. до н. э.; *10* — голова протомы Деметры, V в. до н. э.; *11* — протома Деметры, IV в. до н. э.; *12* — статуэтка Деметры, IV в. до н. э.; *13* — статуэтка Коры, начало IV в. до н. э.

1—7 — Нимфей; *8—13* — Фанагория. Составитель М. М. Кобылина



Таблица CXXIII. Культовые изображения и сосуды бенефициариев в Ай-Тодоре

1 — Артемида; *2* — Дионис; *3* — Мифра (фрагмент); *4* — Геката. Культовые курильницы: *5* — рельефная курильница из Ольвии, III в. до н. э.; *6* — курильница I в. до н. э., дом Хрисалиска; *7* — курильница с солярными знаками, Беляус; *8* — курильница I. в. до н. э.— I в. н. э., Кучугуры; *9* — курильница III в. н. э., Кучугуры; *10* — курильница, III в. н. э. Танаис. Составитель М. М. Кобылина

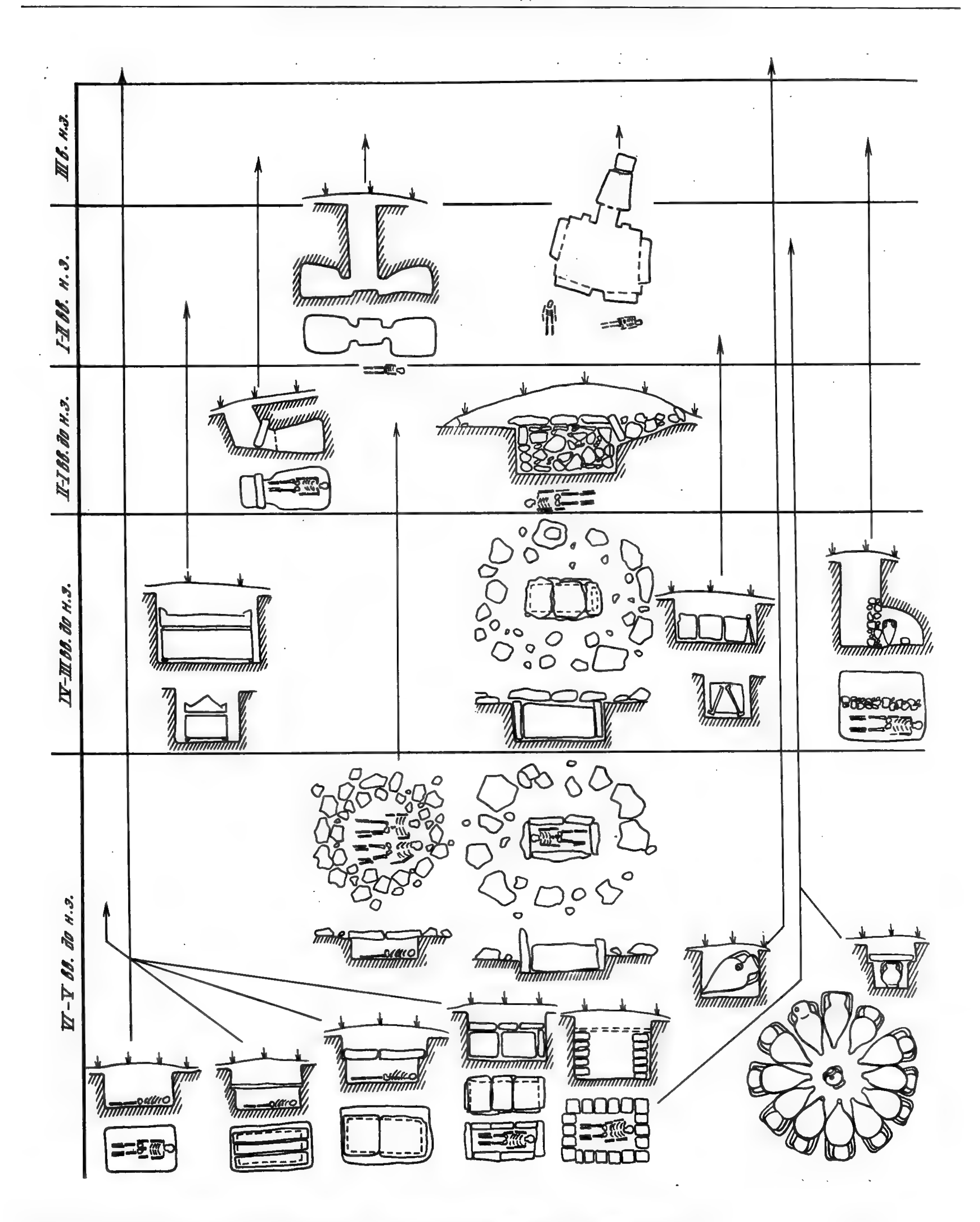


Таблица CXXIV. Типы могил античных некрополей Северного Причерноморья VI в. до н. э. — III в. н. э.
Составитель А. А. Масленников

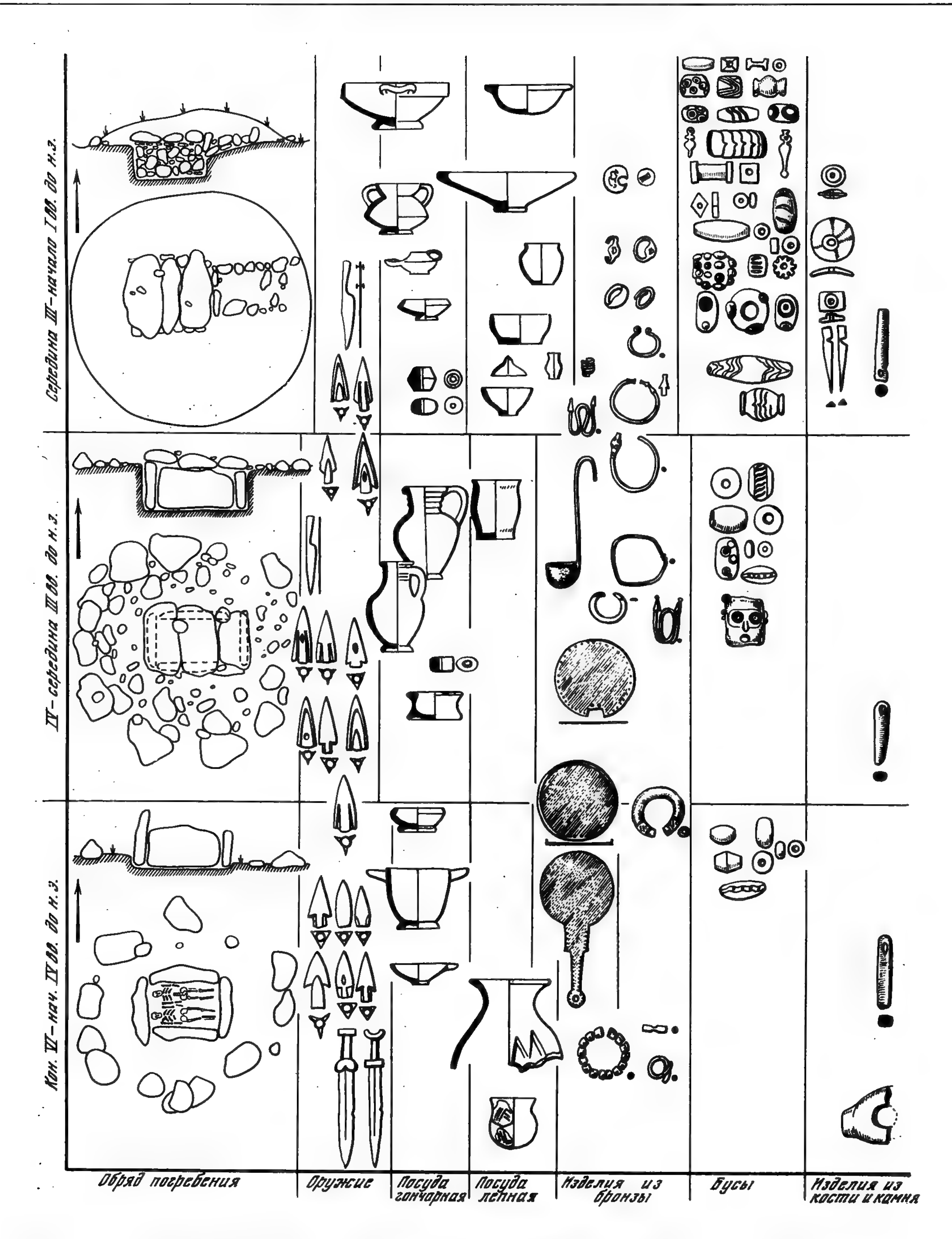


Таблица CXXV. Погребальный обряд сельского населения европейского Боспора VI — начала I в. до н. э.
Составитель А. А. Масленников

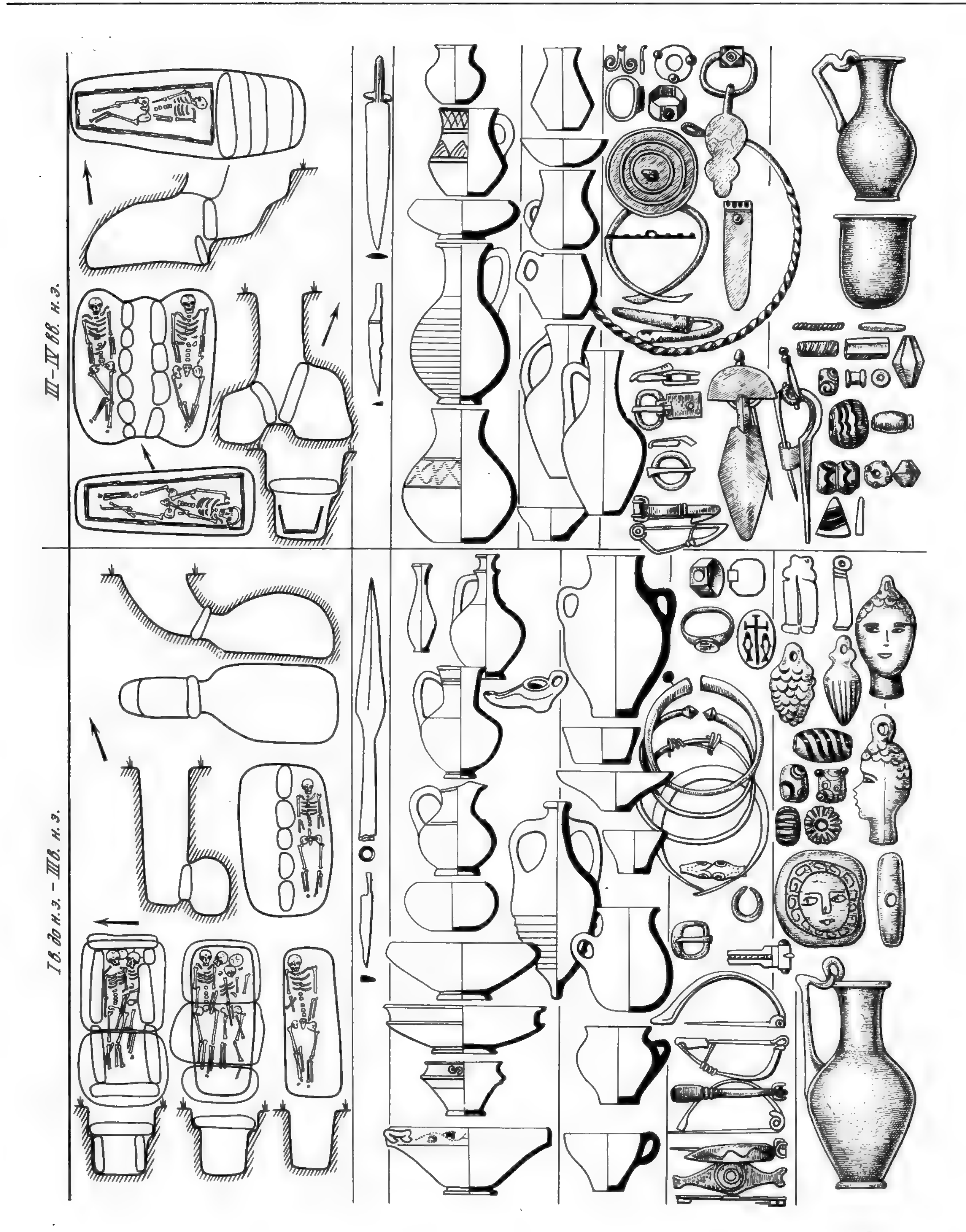


Таблица CXXVa. Погребальный обряд сельского населения европейского Боспора I в. до н. э. — IV в. н. э.

Составитель А. А. Масленников



Таблица CXXVI. Типы деревянных и каменных саркофагов IV в. до н. э. — I в. н. э.

1 — саркофаг из Юз-Обы, IV в. до н. э.; *2* — Таманский саркофаг, IV в. до н. э.; *3* — Анапский саркофаг, эллинизм; *4* — деталь того же саркофага; *5* — саркофаг с арочками, II в. н. э., реконструкция, Пантикапей; *6* — саркофаг с ниобидами, I в. н. э., Пантикапей

1, 3—6 — дерево; *2* — мрамор. Составитель М. М. Кобылина

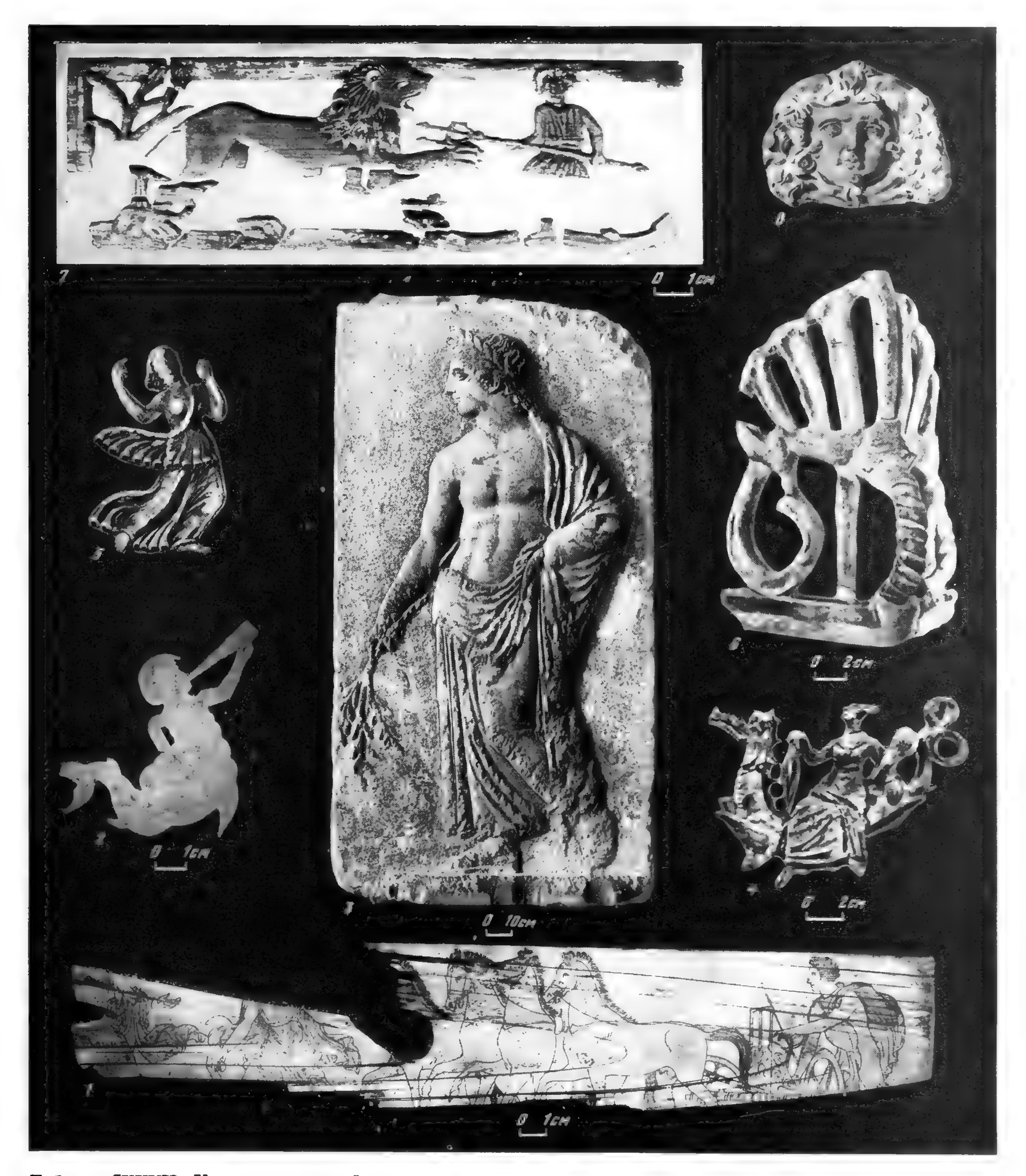


Таблица CXXVII. Украшения саркофагов

1 — костяная пластина с изображением похищения Левкиппид, конец V в. до н. э., Куль-Оба; *2* — тритон, костяная пластина, украшение шкатулки, I в. н. э., Тиритака; *3* — деталь саркофага из Змеиного кургана — Аполлон, IV в. до н. э., дерево; *4* — деталь анапского саркофага с нереидами, III в. до н. э., дерево; *5* — умирающая ниобида, I в. н. э., терракота; *6* — угловой гипсовый акротерий саркофага из Тиритаки, I в. н. э.; *7* — ажурный рельеф, украшение саркофага I—II вв. н. э., Пантикапей, дерево; *8* — маска Медузы Горгоны, I—II вв. н. э., саркофаг из Кеп, терракота. Составитель М. М. Кобылина



Таблица CXXVIII. Типы надгробий V—I вв. до н. э.

1 — надгробие второй половины V в. до н. э., Пантикапей; *2* — акротерий из Фанагории, IV в. до н. э.; *3—5* — Херсонес (3 — стела Мегакла, *4* — стела Геро, *5* — стела Поликасты); *6* — надгробие с изображением супружеской пары, III в. до н. э., Пантикапей; *7* — надгробие синда, III в. до н. э., Ахтанизовский лиман; *8* — надгробие Психарионы, жены Маса, I в. н. э., Пантикапей. Составитель М. М. Кобылина

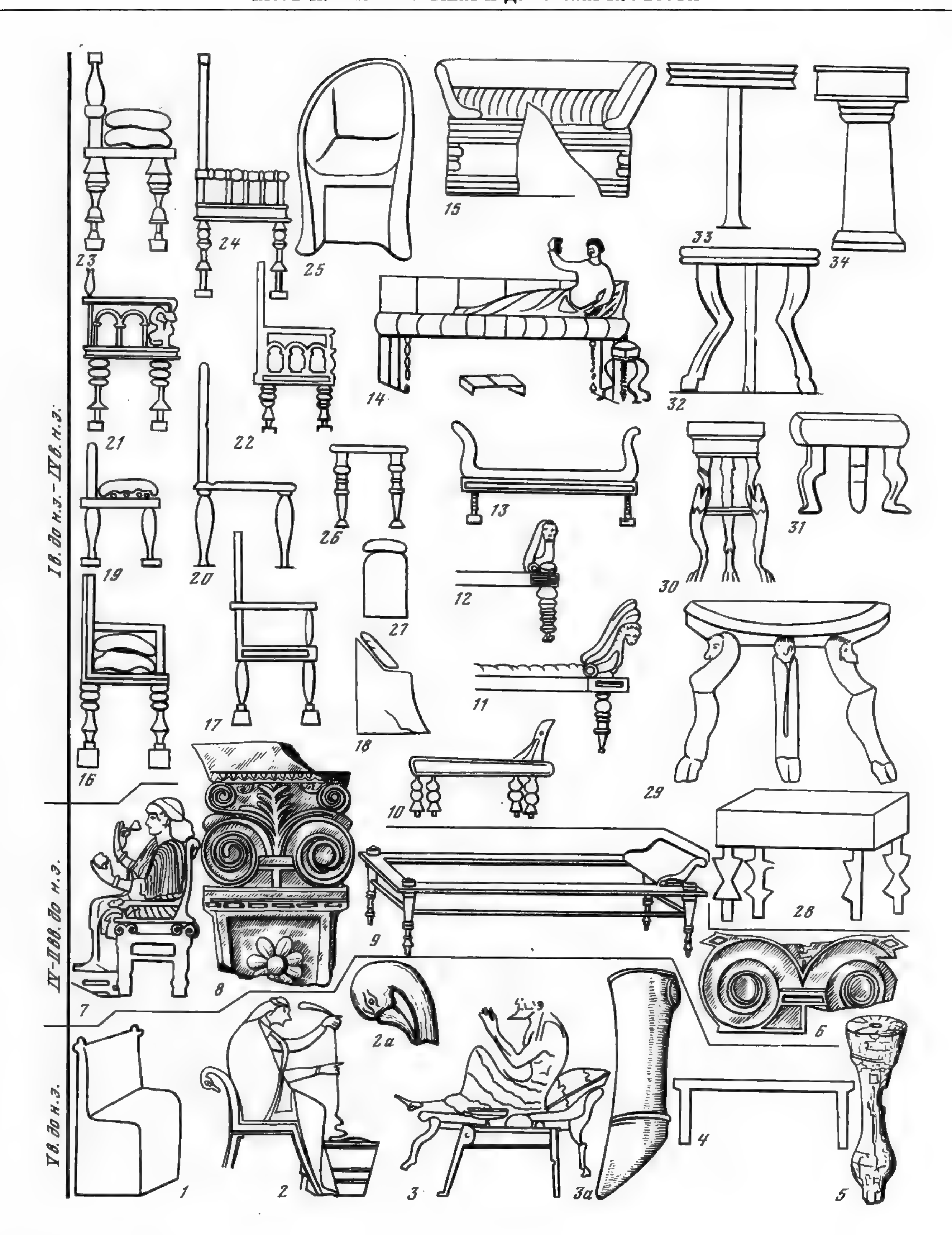


Таблица CXXIX. Мебель

1 — кресло; *2* — стул (рисунок на чернофигурном аттическом сосуде, VI в. до н. э.); *3, 4, 10, 11—24, 26—29, 31—34* — изображение различных видов мебели в росписях, рельефах и т. п.; *2а* — костяная накладка, Ольвия (?); *3а* — бронзовая ножка, Пантикапей; *5* — деревянная ножка из 6-го Семибратнего кургана; *6* — костяное украшение ложа из Куль-Обы; *8* — мраморная ножка кресла или стола; *9* — ложе из Артюховского кургана; *25* — терракотовая модель кресла, Пантикапей; *30* — реконструкция стола, Пантикапей, раскопки 1842 г. Составители Е. А. Савостина и Г. А. Цветаева

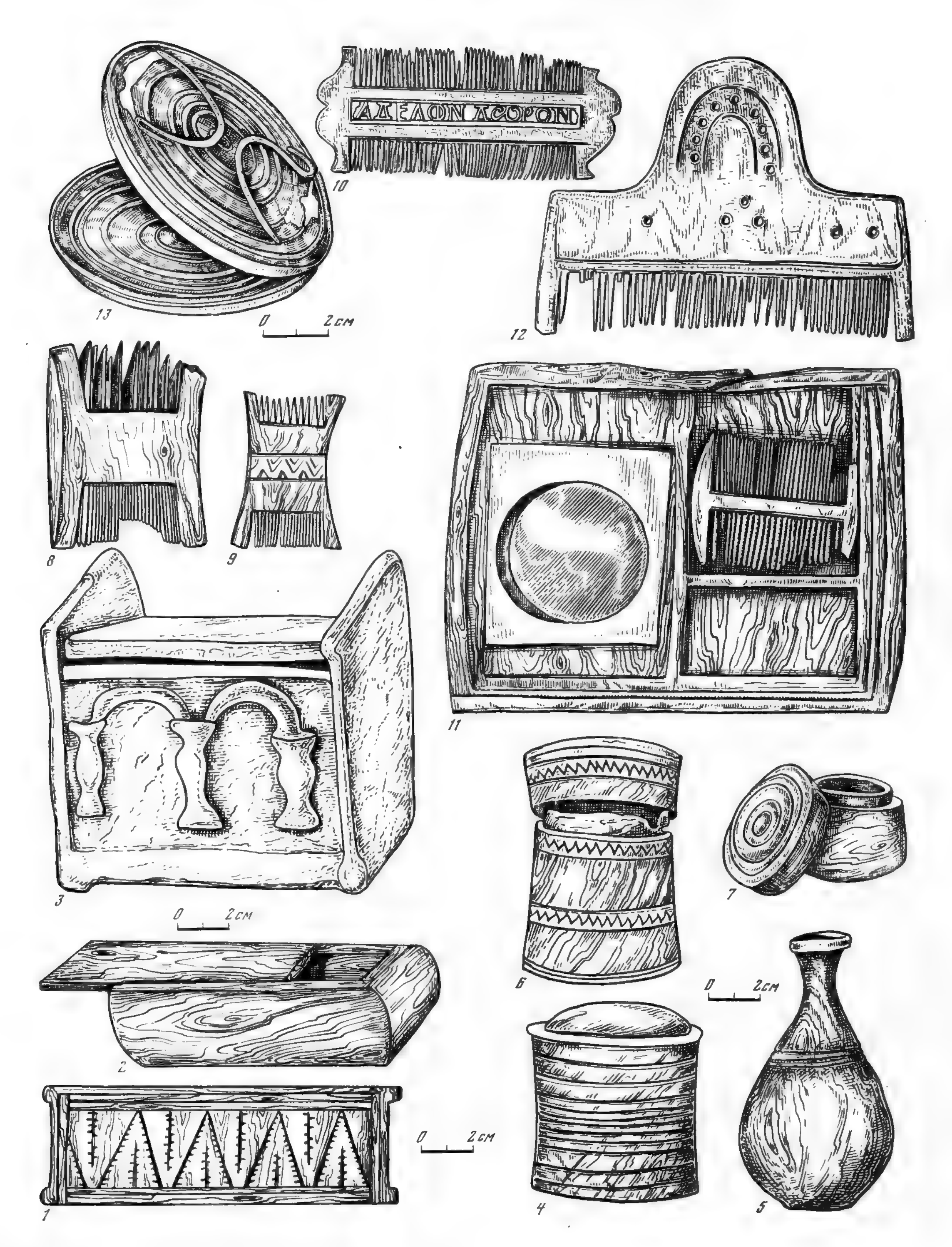


Таблица CXXX. Ларцы, шкатулки, пиксиды, гребни

1 — ларец IV в. до н. э., Тузла; *2* — шкатулка I в. н. э., Керчь; *3* — шкатулка III в. н. э., Боспор; *4* — пиксида IV в. до н. э., Керчь; *5* — пиксида IV—III вв. до н. э., Керчь; *6* — пиксида I—II вв. н. э., Ольвия; *7* — пиксида I—II вв. н. э., Керчь; *8* — гребень VI—II вв. до н. э., Боспор; *9* — гребень VI в. до н. э.; *10* — гребень I—II вв. н. э., Боспор; *11* — гребень и зеркало в футляре II—III вв., Керчь; *12* — гребень III—IV вв., Херсонес; *13* — пудреница I—II вв. н. э.
1, 2, 4—12 — дерево; *3* — глина; *13* — бронза. Составитель Г. А. Цветаева

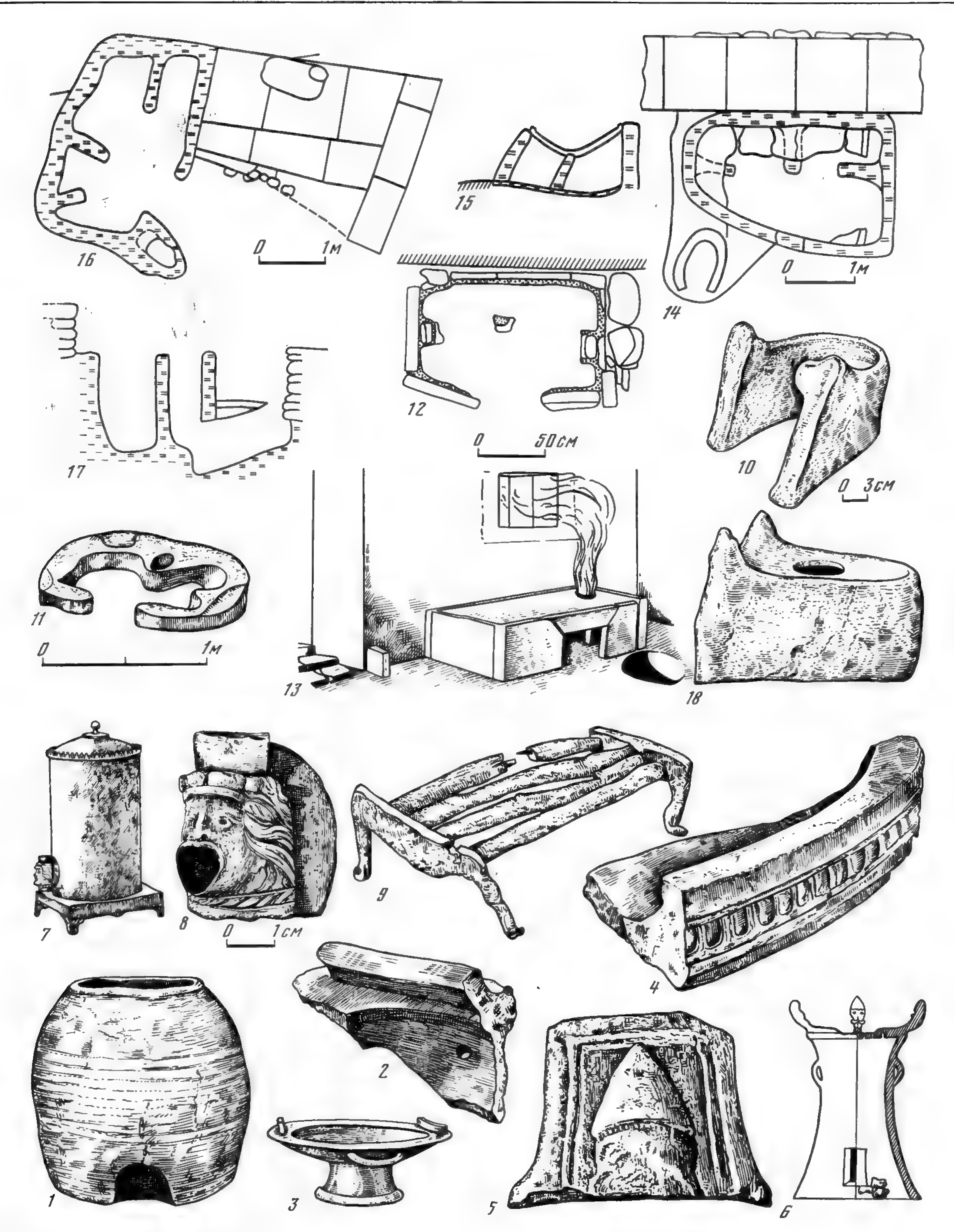


Таблица CXXXI. Печи и жаровни

1 — переносная печь VI в. до н. э., Гермонасса; *2* — фрагмент жаровни V в. до н. э., Пантикапей; *3* — жаровня V в. до н. э., Афины; *4* — фрагмент жаровни III в. до н. э., Пантикапей; *5* — фрагмент переносной жаровни II в. до н. э., Пантикапей; *6* — реконструкция жаровни; *7* — реконструкция сосуда для подогревания воды I—II вв. н. э.; *8* — кран сосуда для подогревания воды I в. н. э., Горгиппия; *9* — решетка-подставка для дров II—III вв. н. э., Горгиппия; *10, 18* — очажные подставки II—III вв. н. э., Семеновка; *11* — очаг II в. н. э., Пантикапей; *12—13* — печь II—III вв. н. э., Илурат (план, реконструкция); *14—15* — печь с лежанкой, III—IV вв. н. э., Батарейка I (план, разрез); *16—17* — печь IV в. н. э., Батарейка I (план, разрез)

1—6, 10—11 — глина; *7, 8* — бронза; *9* — железо. Составитель Е. А. Савостина

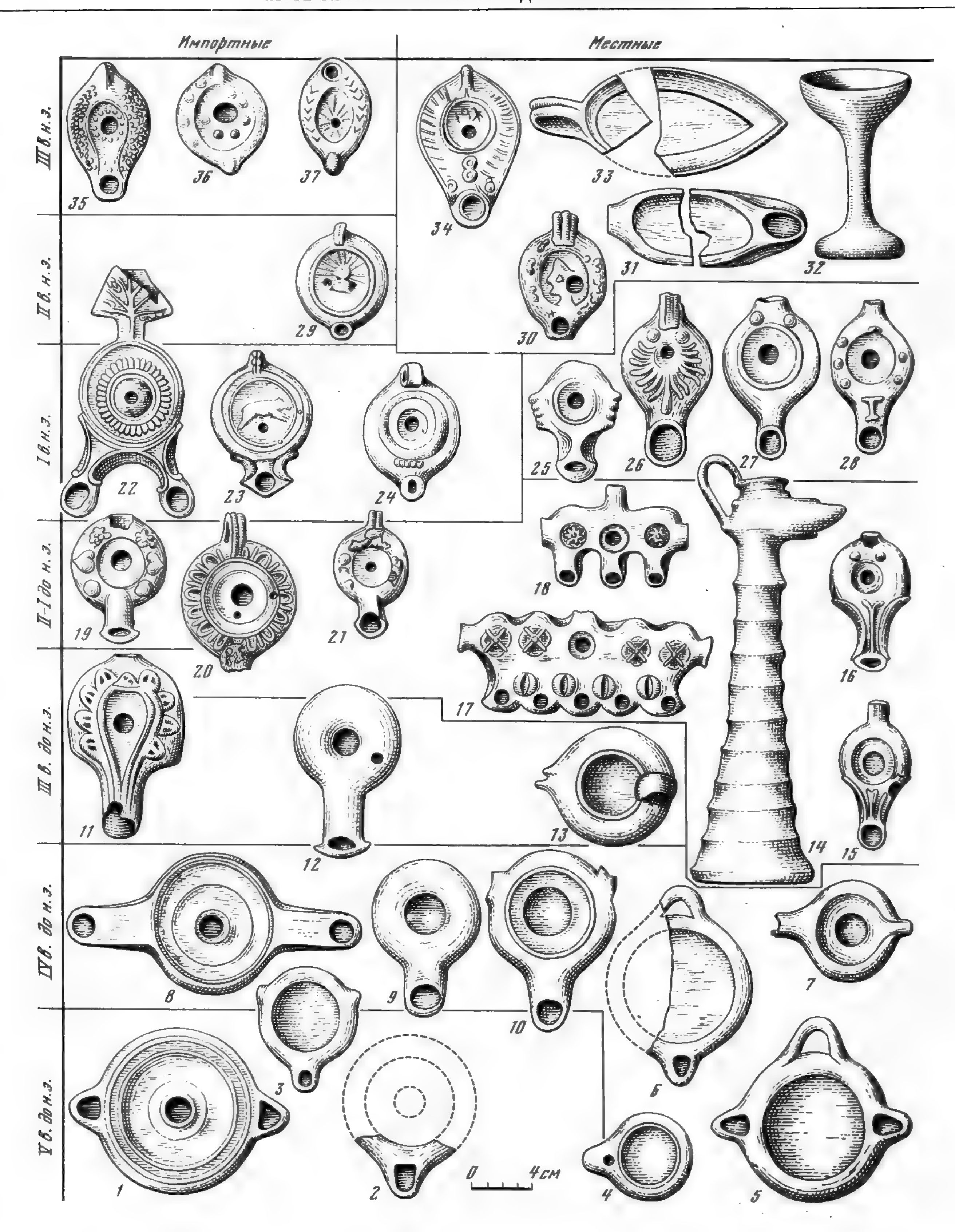


Таблица CXXXII. Светильники

Составитель Г. А. Цветаева



Таблица CXXXIII. Аттическая керамика

1 — гидрия, IV в. до н. э.; *2* — арибаллический лекиф, IV в. до н. э.; *3* — лекана, середина IV в. до н. э.; *4* — кальпида, полихромная роспись с позолотой, IV в. до н. э.; *5* — панафинейская амфора, 70-е годы IV в. до н. э.; *6* — то же, обратная сторона; *7* — ойнохоя с изображением Диониса и Ариадны, IV в. до н. э.

1, 5, 7 — место находки неизвестно; *2, 8* — Херсонес; *3* — Пантикапей; *4, 6* — Юз-Оба. Составитель Е. Г. Кастанаян

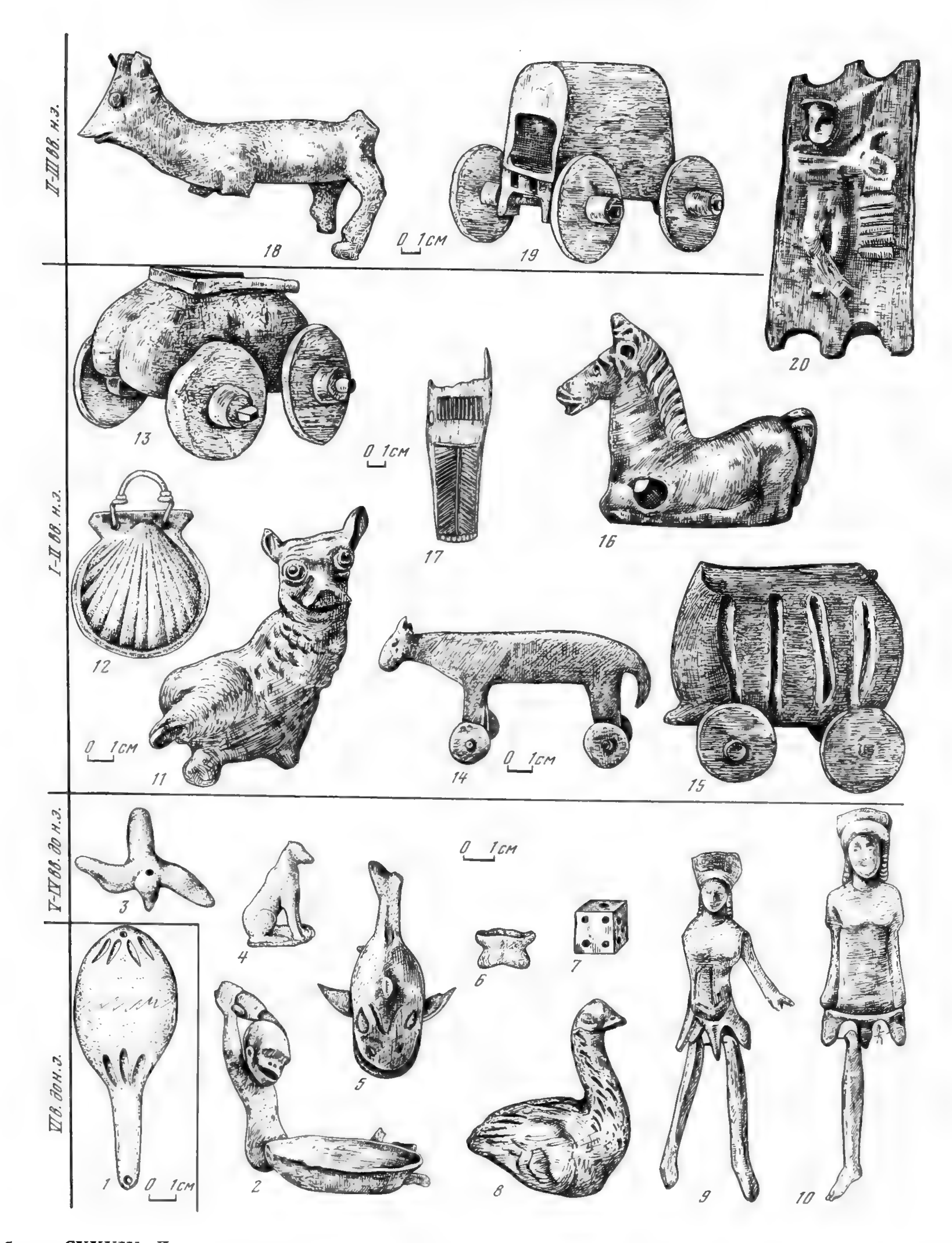


Таблица CXXXIV. Детские игрушки

1 — погремушка, расписана красной краской и пурпуром, глина; *2—9* — фигурки из детского погребения V в. до н. э., Нимфей; *10* — кукла из погребения V в. до н. э., Пантикапей; *11* — собачка, Порфмий; *12* — погремушка в виде золотой двустворчатой раковины, Пантикапей; *13* — глиняная повозка; *14* — бычок; *15* — повозка, Пантикапей; *16* — лошадка, Херсонес; *17* — игрушечный горит; *18* — бычок, терракота, Тиритака; *19* — повозка; *20* — погремушка, Пантикапей. Составитель Г. А. Цветаева

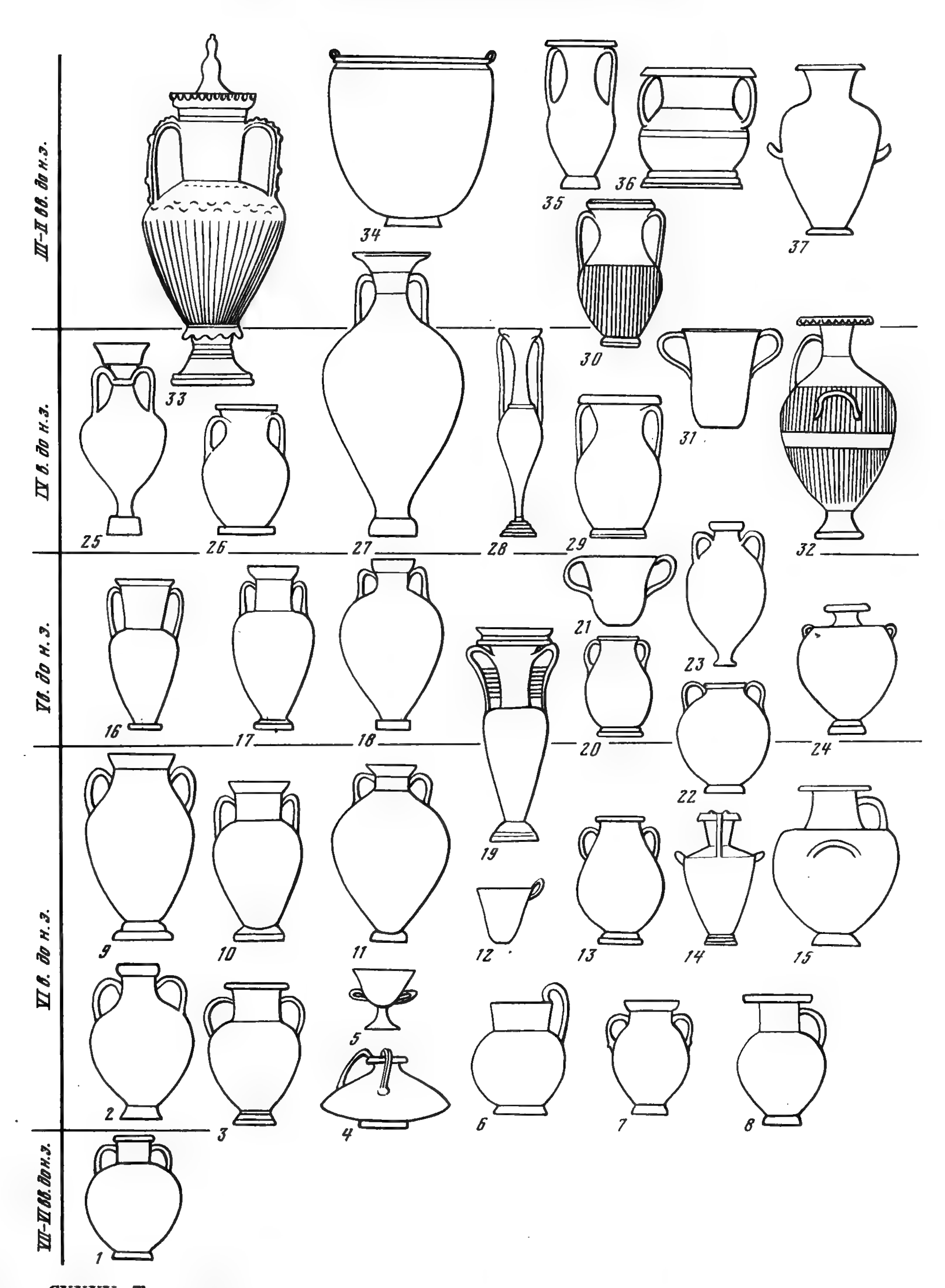


Таблица CXXXV. Типы греческих сосудов

1—3, 7, 9, 10, 16, 17, 22, 23, 25, 33 — амфоры; *4, 6* — кувшины; *5, 12, 21, 31* — кубки; *8, 14, 15, 24, 32, 37* — гидрии; *11, 18, 27* — панафинейские амфоры; *13, 20, 26, 29, 30, 35, 36* — пелики; *19, 28* — амфоры-лутрофоры; *34* — ситула. Составитель Е. Г. Кастанаян

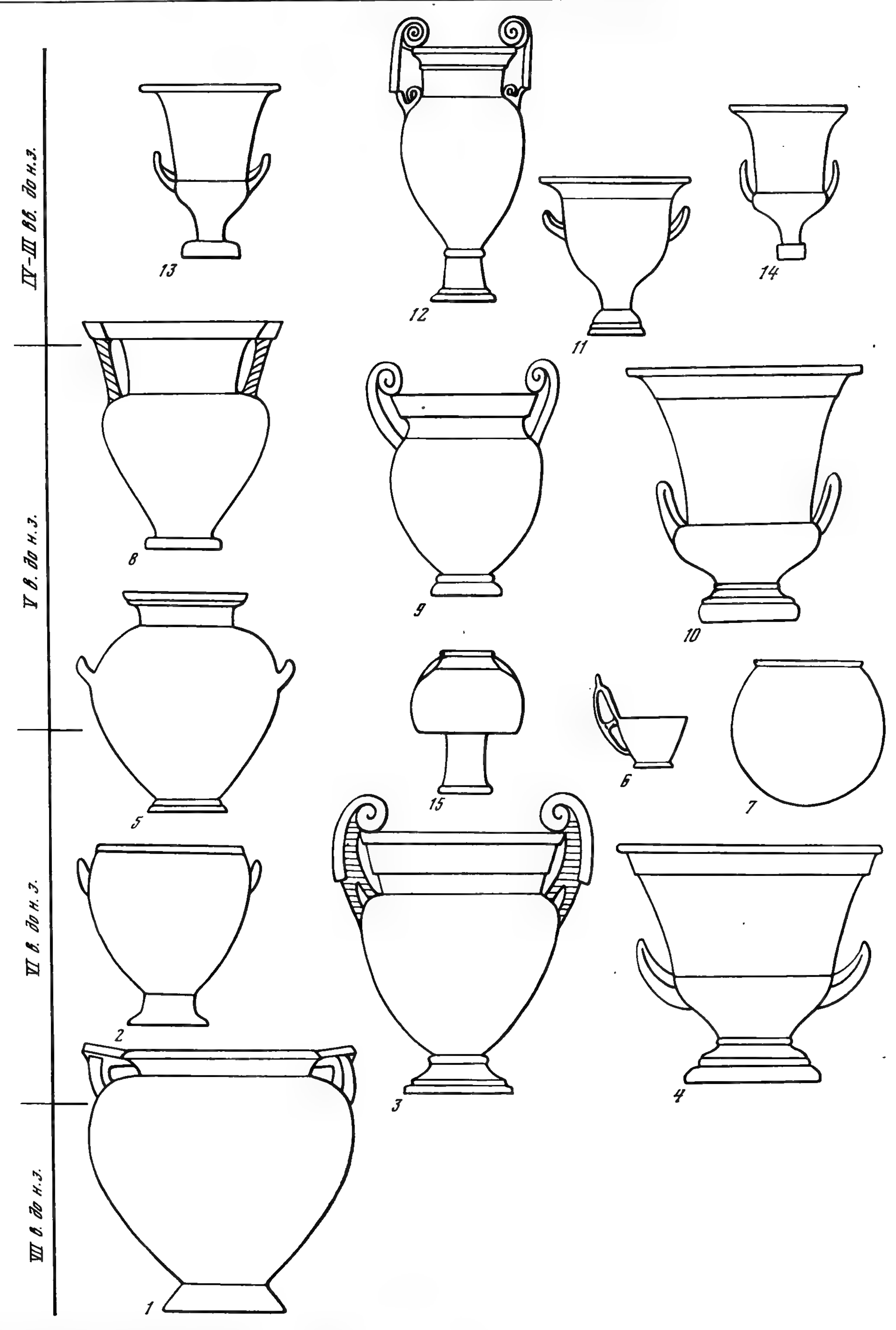


Таблица CXXXVI. Типы греческих сосудов

1—4, 8—14 — кратеры; *5* — стамнос; *6* — киаф; *7* — динос; *15* — псиктер. Составитель Е. Г. Кастанаян

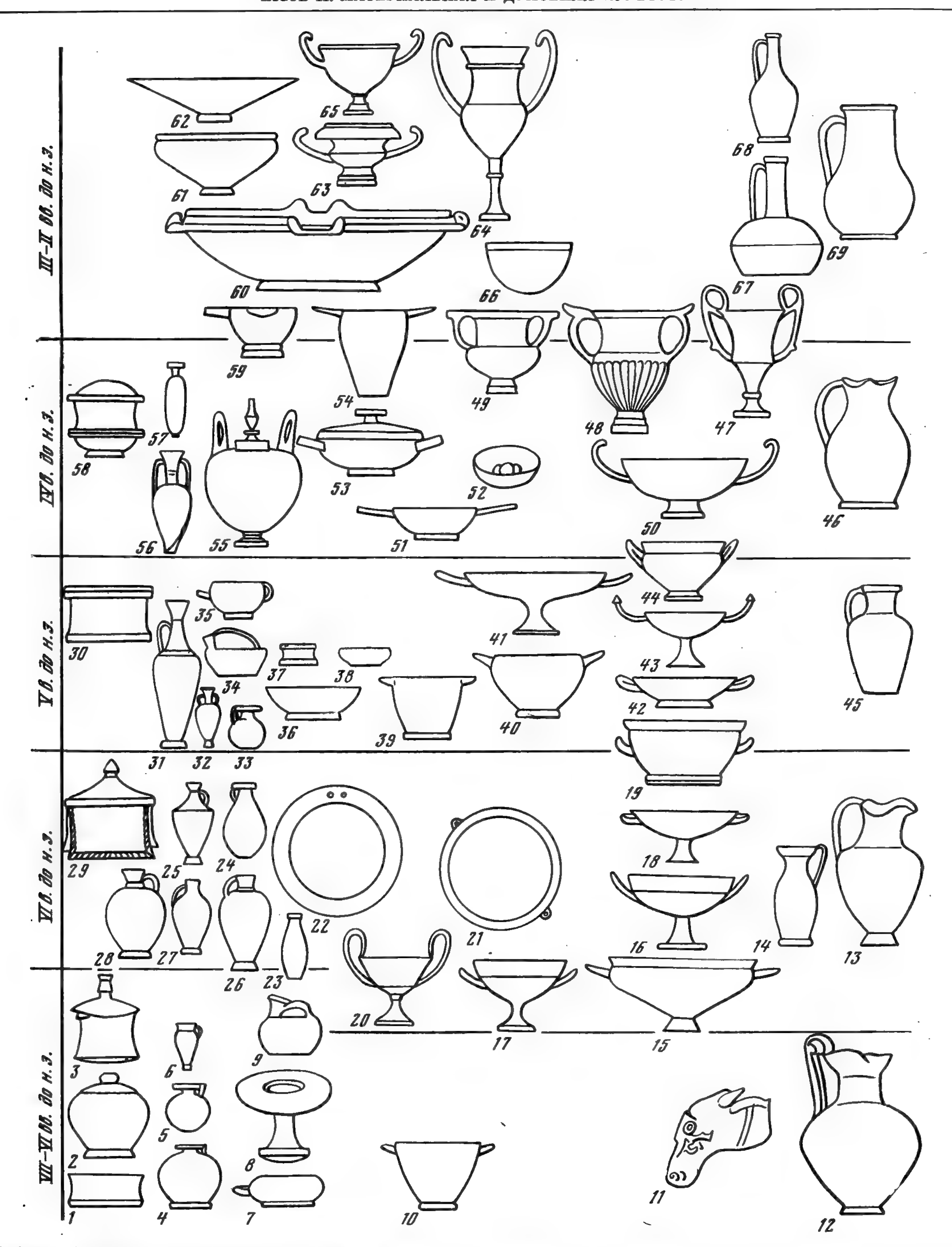


Таблица CXXXVII. Типы греческих сосудов

1—3, 29, 30, 58 — пиксиды; *4, 5, 33* — арибаллы; *6* — флаконы; *7, 8* — кофоны; *9, 34* — аски; *10, 39, 40* — скифосы; *11* — ритон; *12, 13, 45, 46, 69* — ойнохои; *14* — ольпа; *15—19, 41—44, 50, 51, 65* — килики; *20, 47—49, 63, 64* — канфары; *21, 22, 62* — тарелки; *23, 57* — алабастры; *24* — бомбилий; *25—28, 31* — лекифы; *32, 56* — амфориски; *35, 59* — гуттусы; *36, 61* — чаши; *37, 38* — солонки; *45, 69* — кувшины; *52* — фиала; *53* — лекана; *54* — котила; *55* — кальпида; *60* — лутерий; *66* — «мегарская» чаша; *67, 68* — лагинос. Составитель Е. Г. Кастанаян

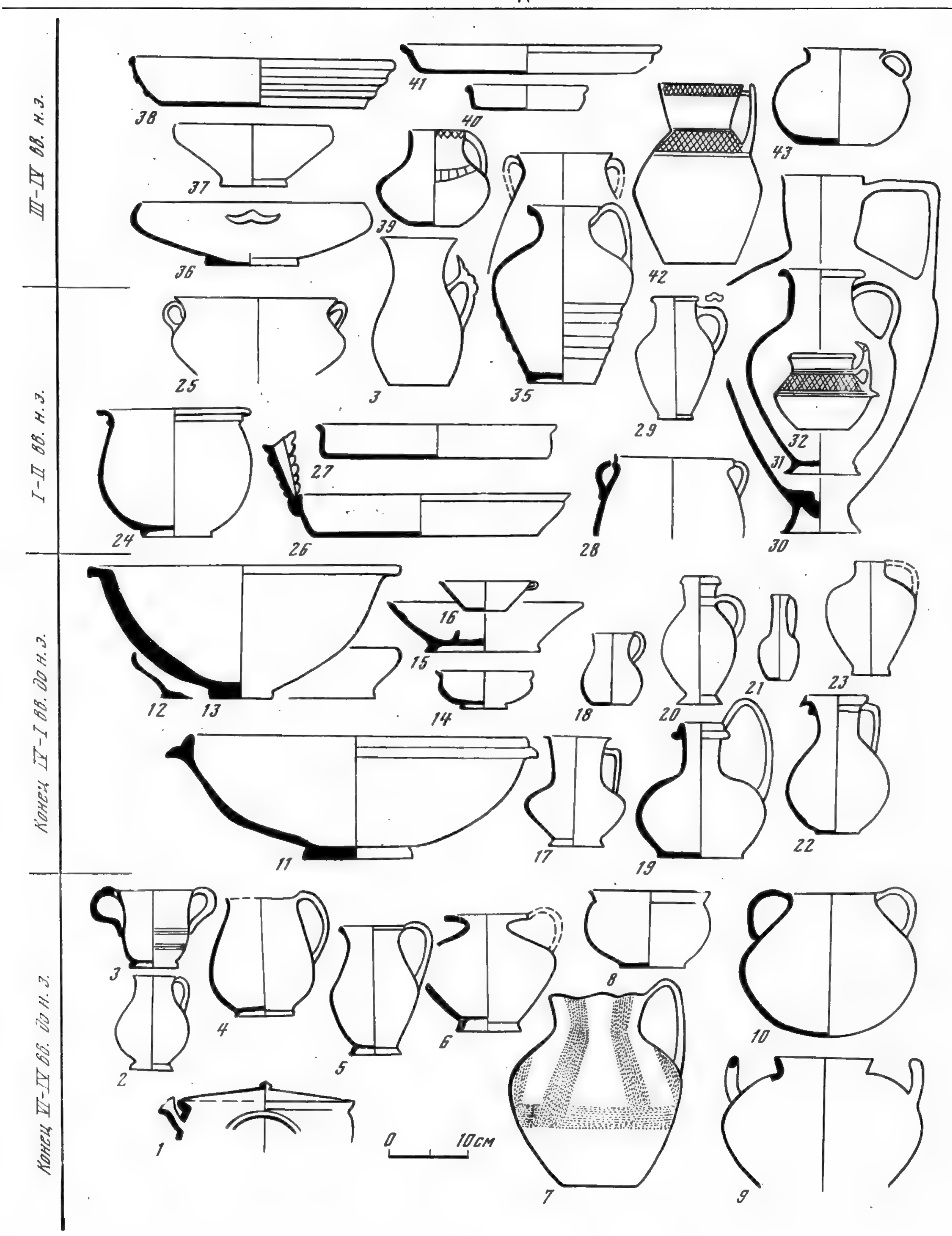


Таблица CXXXVIII. Местная гончарная керамика

1, 4—9, 12, 14, 23, 25—29, 31—43 — Пантикапей; *2, 3, 13, 22* — Ольвия; *10, 24, 30* — Мирмекий; *11, 15—21* — Херсонес. Составитель Е. Г. Кастанаян



Таблица CXXXIX. Родосско-ионийская керамика

1 — келеба, последняя четверть VII в. до н. э., Березань; *2* — горло кувшина, вторая четверть VII в. до н. э., Болтышка; *3, 4* — фрагменты стенок сосудов, конец VII в. до н. э., Немирово; *5* — горло кувшина, Самос, группа «Фикеллюра», вторая четверть V в. до н. э., курган близ с. Криворожье; *6* — горло кувшина, третья четверть VII в. до н. э. (из б. Хоперского округа); *7* — кувшин, VII в. до н. э., Темир-гора. Составитель Е. Г. Кастанаян

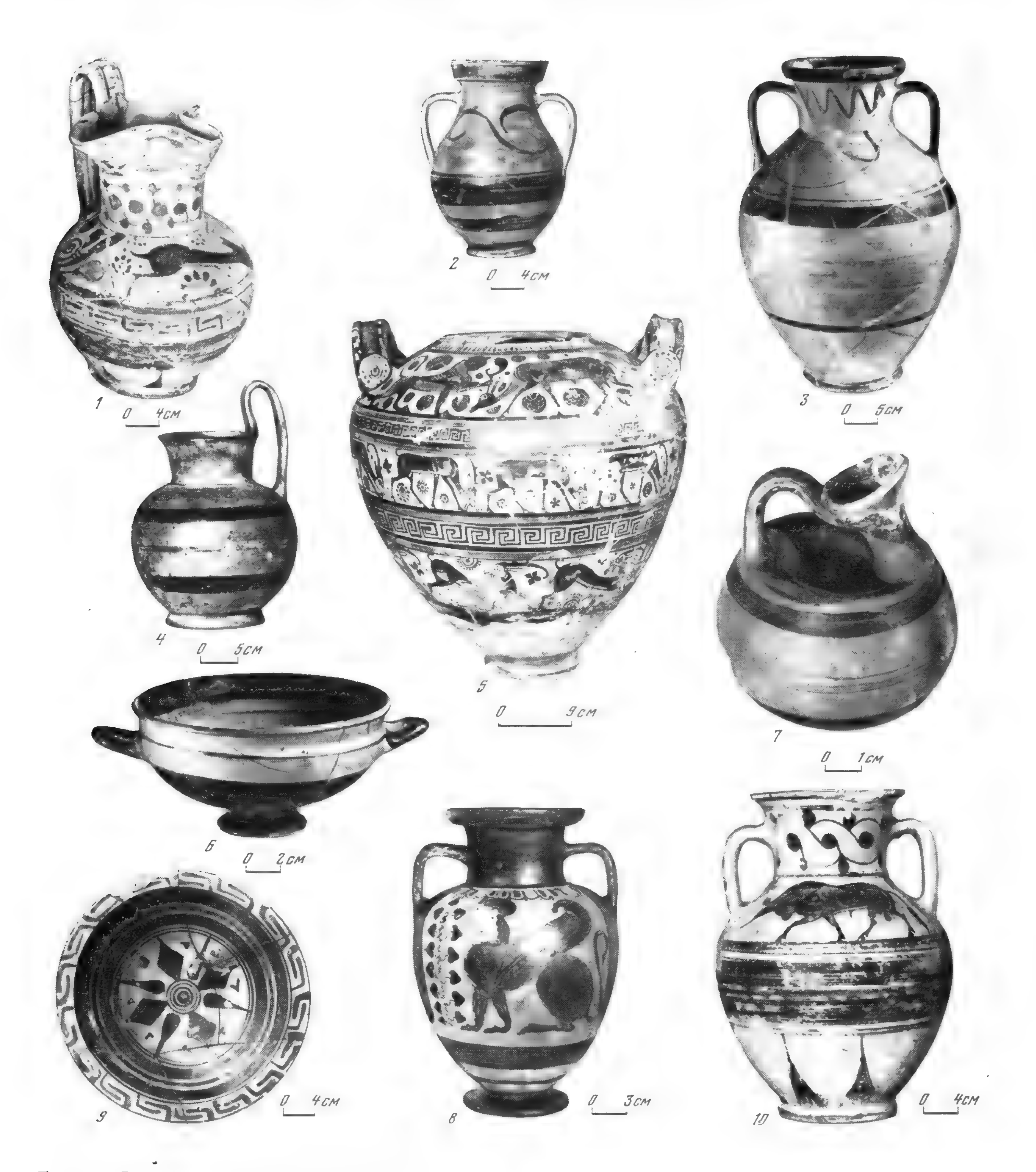


Таблица CXL. Родосско-ионийская керамика

1 — ойнохоя, вторая четверть VI в. до н. э.; *2* — амфора (на горле граффити А), вторая половина VI в. до н. э.; *3* — амфора, вторая половина VI в. до н. э.; *4* — кувшин, конец VI в. до н. э.; *5* — родосская ваза, последняя четверть VI в. до н. э.; *6* — килик, вторая четверть VI в. до н. э.; *7* — аск, первая половина V в. до н. э.; *8* — амфора, первая половина VI в. до н. э.; *9* — тарелка, вторая половина VI в. до н. э.; *10* — амфора, первая половина VI в. до н. э.
1, 5 — Березань; *2, 4, 8* — Пантикапей; *3, 6, 7, 10* — Гермонасса; *9* — Ольвия. Составитель Е. Г. Кастанаян



Таблица CXLI. Керамика восточногреческих центров

1 — амфора с росписью клазоменского стиля, вторая половина VI в. до н. э.; *2* — арибалл, около середины VI в. до н. э., Коринф; *3* — килик, первая четверть VI в. до н. э., Навкратис (Хиос); *4* — килик, около середины VI в. до н. э., Навкратис (Хиос); *5* — амфора с росписью клазоменского стиля, первая половина VI в. до н. э.; *6* — амфориск, группы «Фикеллюра», середина VI в. до н. э.; *7* — амфориск, первая половина VI в. до н. э., Коринф

1 — Тиритака; *2*, *6* — Пантикапей; *3* — Березань; *4*, *7* — Ольвия; *5* — Таманский полуостров. Составитель Е. Г. Кастанаян



Таблица CXLII. Чернофигурная аттическая керамика

1 — гуттус, последняя четверть V в. до н. э.; *2* — лекиф, вторая четверть V в. до н. э.; *3* — лекана, V в. до н. э.; *4* — скифос, начало V в. до н. э.; *5* — килик, третья четверть VI в. до н. э.; *6* — килик, начало V в. до н. э.; *7* — ойнохоя, VI в. до н. э.; *8* — лекиф, конец VI в. до н. э.; *9* — кувшин, VI в. до н. э.

1 — Пантикапей; *2*—*4*, *7*—*9* — Ольвия; *5* — Березань; *6* — Тиритака. Составитель Е. Г. Кастанаян



Таблица CXLIII. Краснофигурная аттическая керамика

1 — лекиф, 495—490 гг. до н. э.; *2* — кратер мастера Алкима, около 470 г. до н. э.; *3* — кратер, рубеж V—IV вв. до н. э.; *4* — лекиф, первая четверть V в. до н. э.; *5* — килик, конец V — начало IV в. до н. э.; *6* — кратер, начало V в. до н. э.; *7* — пелика, начало V в. до н. э.

1 — Ольвия; *2, 4, 6, 7* — Пантикапей; *3* — Херсонес; *5* — Панское I, округ Херсонеса. Составитель Е. Г. Кастанаян



Таблица CXLIV. Чернолаковая и аттическая керамика

1 — амфориск со штампованным орнаментом, V в. до н. э. (Гермонасса); *2* — килик, вторая половина VI в. до н. э. (Гермонасса); *3* — канфар со штампованным орнаментом, середина V в. до н. э. (Гермонасса); *4* — килик, вторая четверть V в. до н. э. (Гермонасса); *5* — чашечка, вторая половина V в. до н. э. (Гермонасса); *6* — гидрия, IV в. до н. э. (курган Юз Оба); *7* — килик, IV в. до н. э. (Гермонасса); *8* — алабастр, конец IV в. до н. э. (Пантикапей); *9* — арибаллический лекиф, первая четверть IV в. до н. э. (пос. Панское I); *10* — килик с посвятительной надписью «дружба», первая половина III в. до н. э. (Ольвия); *11* — амфора, первая половина III в. до н. э. (Ольвия); *12* — гидрия, конец IV — первая половина III в. до н. э. (Херсонес); *13* — канфар, III—II вв. до н. э. (Ольвия); *14* — канфар, первая половина III в. до н. э. Составитель Е. Г. Кастанаян



Таблица CXLV. Импортные вазы

1 — ситула чернолаковая с рельефным орнаментом, вторая половина III в. до н. э. (Ольвия); *2* — сосуд с изображением мифа о Дионисе (эллинистическая эпоха (Пантикапей); *3* — краснофигурная аттическая гидрия с накладными рельефными фигурками, IV в. до н. э. (Пантикапей); *4* — ситула чернолаковая, Аттика, вторая половина III в. до н. э. (Херсонес); *5* — полихромная с рельефными украшениями амфора из Александрии (Ольвия); *6* — кувшин краснолаковый с изображением Диониса среди виноградных лоз, эллинистическая эпоха (Пантикапей); *7* — то же, под ручкой маска силена; *8* — глазурованная кружка с комическим изображением суда Париса, I в. до н. э. (Ольвия); *9* — «мегарская чаша», эллинистическая эпоха (Нимфей). Составитель М. М. Кобылина



Таблица CXLVI. Фигурные сосуды I в. до н. э. — II в. н. э.

1, 6 — Пантикапей; *2—5, 7—9* — Ольвия. Составитель Т. М. Арсеньева

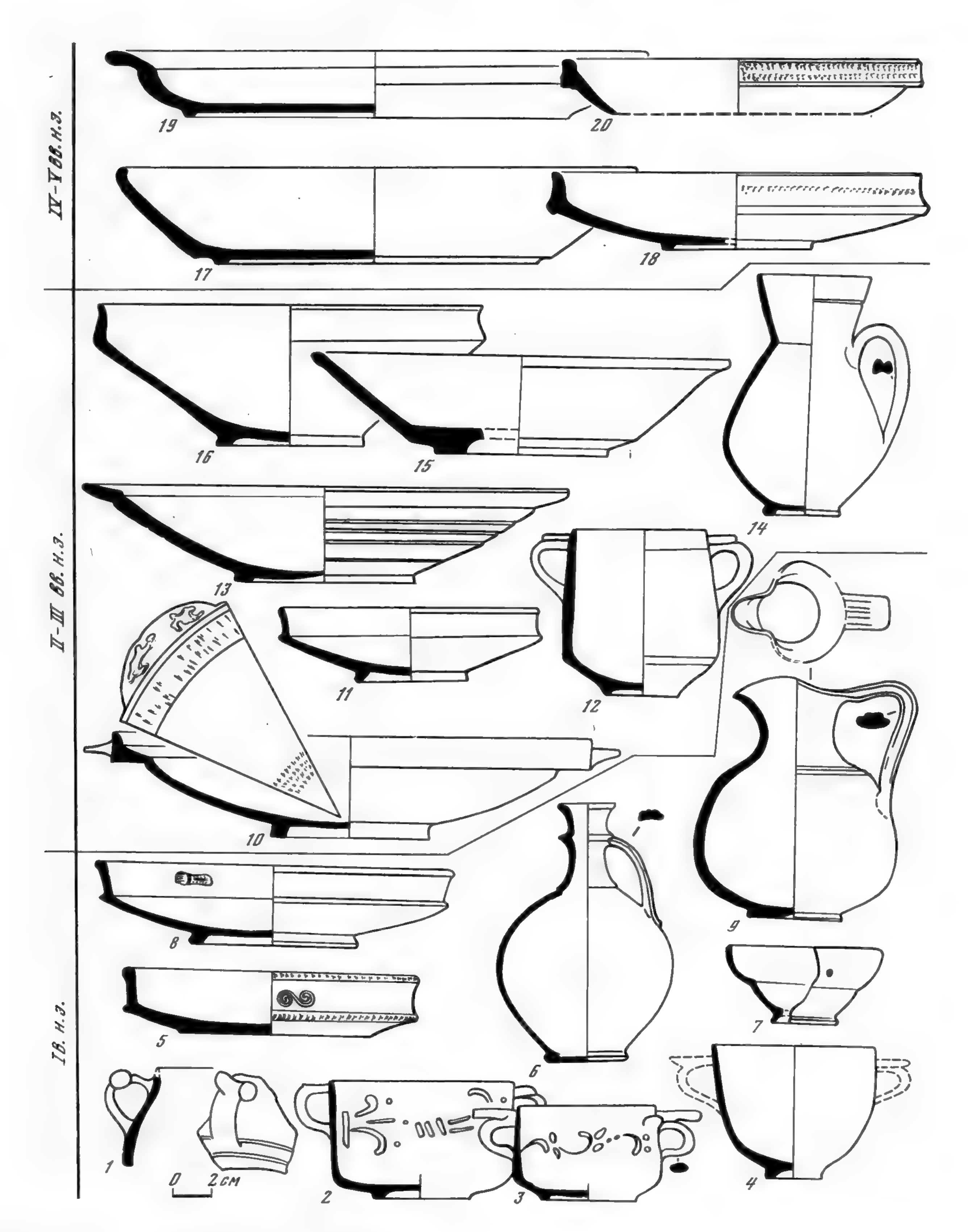


Таблица CXLVII. Краснолаковая керамика

1 — кубок, начало I в. н. э.; *2* — кубок, начало I в. н. э.; *3* — кубок, начало I в. н. э.; *4* — кубок, начало I в. н. э.; *5* — тарелка, начало I в. н. э.; *6* — кувшин, I в. н. э.; *7* — чашечка, I в. н. э.; *8* — тарелка, I в. н. э.; *9* — ойнохоя, I в. н. э.; *10—11* — тарелки II—III вв. н. э.; *12—13* — канфар и тарелка, первая половина III в. н. э.; *14* — кувшин, I в. н. э.; *15* — миска, первая половина III в. н. э.; *16* — миска, II в. н. э.; *17—20* — тарелка конца IV — начала V в. н. э.

1, 4 — Тиритака; *2, 5* — Ольвия; *3, 6, 7, 10—15, 17—20* — Танаис; *8, 9* — Ново-Отрадное; *16* — Мирмекий. Составитель Т. М. Арсеньева

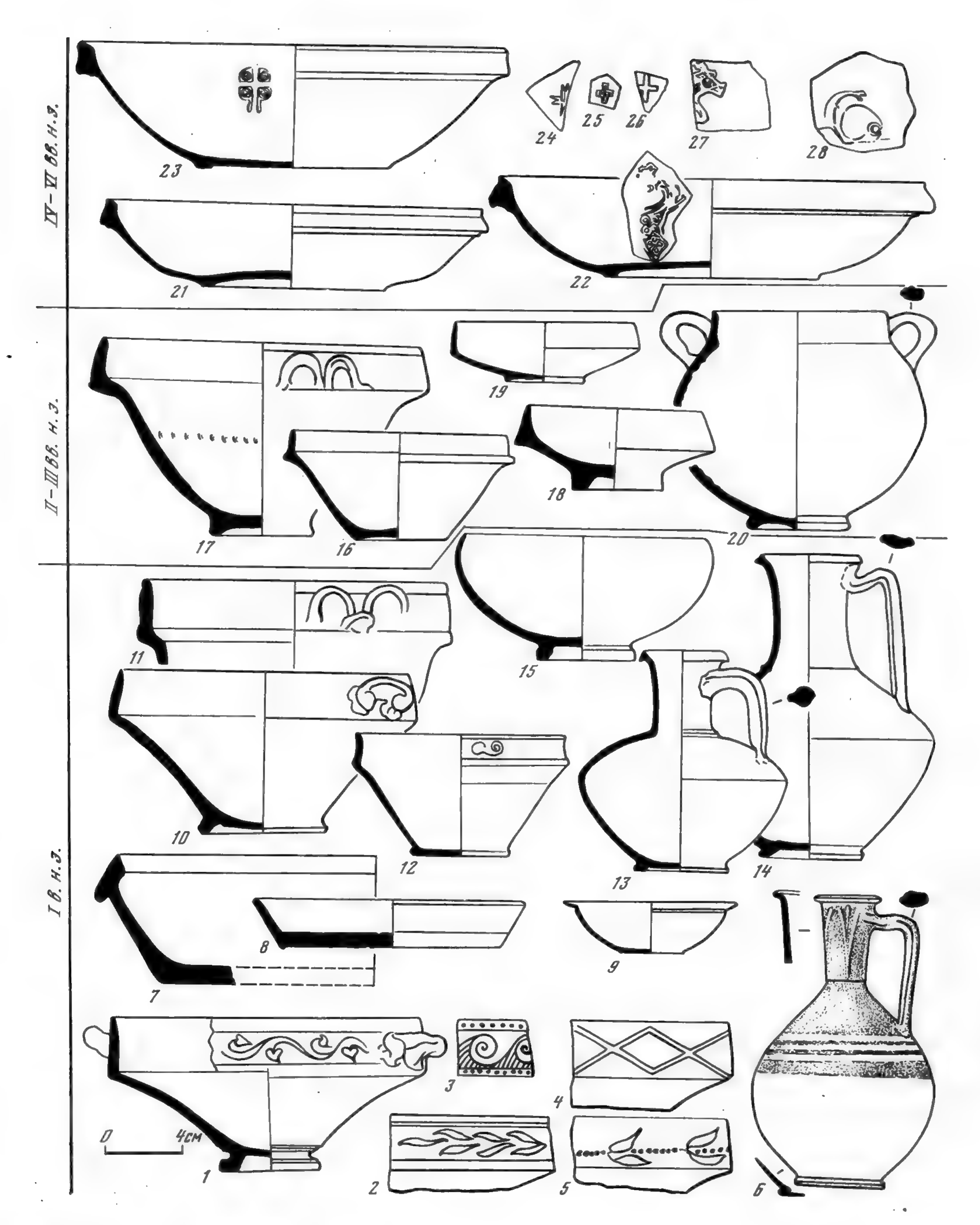


Таблица CXLVIII. Краснолаковая керамика

1—15 — сосуды I в. н. э.: *1* — чаша с орнаментом, нанесенным белой краской, I в. н. э.; *2—5* — края подобных чаш; *6* — кувшин, первая половина I в. н. э.; *7* — тарелка, первая половина I в. н. э.; *8, 9* — тарелка и мисочка, первая половина I в. н. э.; *10—14* — чаши и кувшины, I в. н. э.; *15* — чаша, вторая треть I в. н. э.; *16—20* — сосуды II—III вв. н. э.: *16* — мисочка, II в. н. э.; *17* — чаша, II—III вв. н. э.; *18, 19* — чаши, первая половина III в. н. э.; *20* — двуручный сосуд первой половины III в. н. э.; *21—28* — сосуды и клейма на сосудах IV—VI вв. н. э. Составитель Т. М. Арсеньева

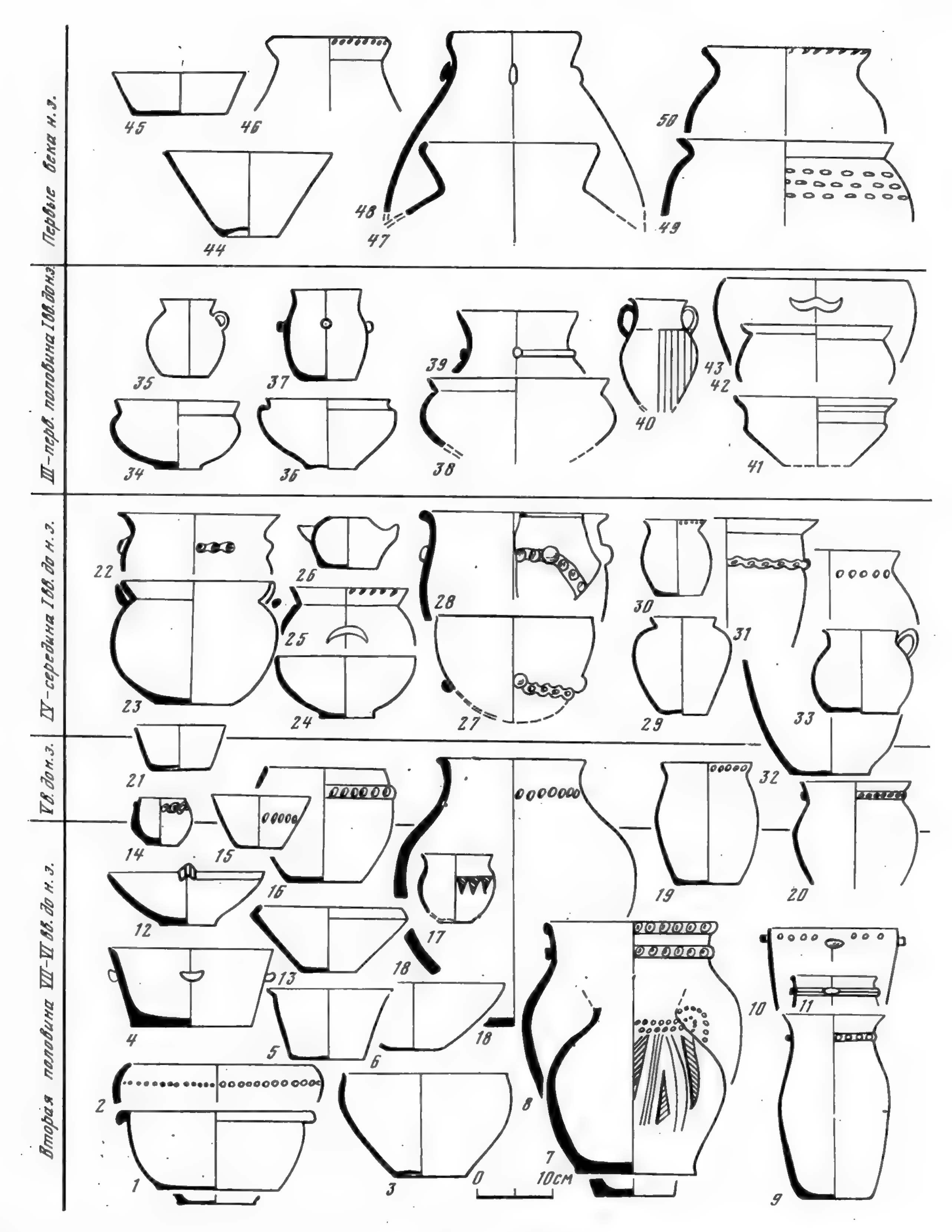


Таблица CXLIX. Лепная керамика Березани, Ольвии и ее округи

1 — лощение; *2* — ямочный орнамент снаружи, внутри наколы, лощение; *3* — неорнаментированный; *4* — лощение; *5, 6* — без орнамента; *7* — резной и ямочный орнаменты с инкрустациями белой пастой; *8, 9* — налепные валики с ямочным орнаментом; *10* — профилированный валик, ручки-упоры; *11* — ямочный орнамент, ручки-упоры; *12, 13* — лощение; *14* — налепной валик с ямочным орнаментом; *15* — ямочный орнамент; *16* — налепной валик с ямочным орнаментом, ручки-упоры; *17* — резной орнамент, лощение; *18, 19* — ямочный орнамент; *20* — налепной валик с ямочным орнаментом; *21* — лощение; *22* — лощение; *23* — ручки-упоры с ямочным орнаментом; *24* — без орнамента; *25* — ямочный орнамент, ручки-упоры; *26* — без орнамента; *27, 28* — налепной валик с ямочным орнаментом, ручки-упоры; *29* — без орнамента; *30* — ямочный орнамент по венчику; *31* — налепной валик с ямочным орнаментом; *32* — ямочный орнамент; *33* — лощение; *34—36* — без орнамента; *37* — ручки-упоры; *38* — без орнамента; *39* — налепной валик, ручки-упоры; *40* — каннелюры по туловищу, лощение; *41, 42* — лощение; *43* — налепы; *44, 45* — без орнамента; *46* — насечки по краю; *47* — без орнамента; *48* — налепы на шейке; *49* — вдавлина на плечах; *50* — насечки по краю

1, 2, 4—7, 9, 12—15, 17—21, 24, 39, 41 — Березань; *3, 8, 16, 22, 23, 25, 27—38, 40, 42—50* — Ольвия; *10, 11* — пос. Байкуш; *26* — пос. Козырка. Составитель Е. Г. Кастанаян

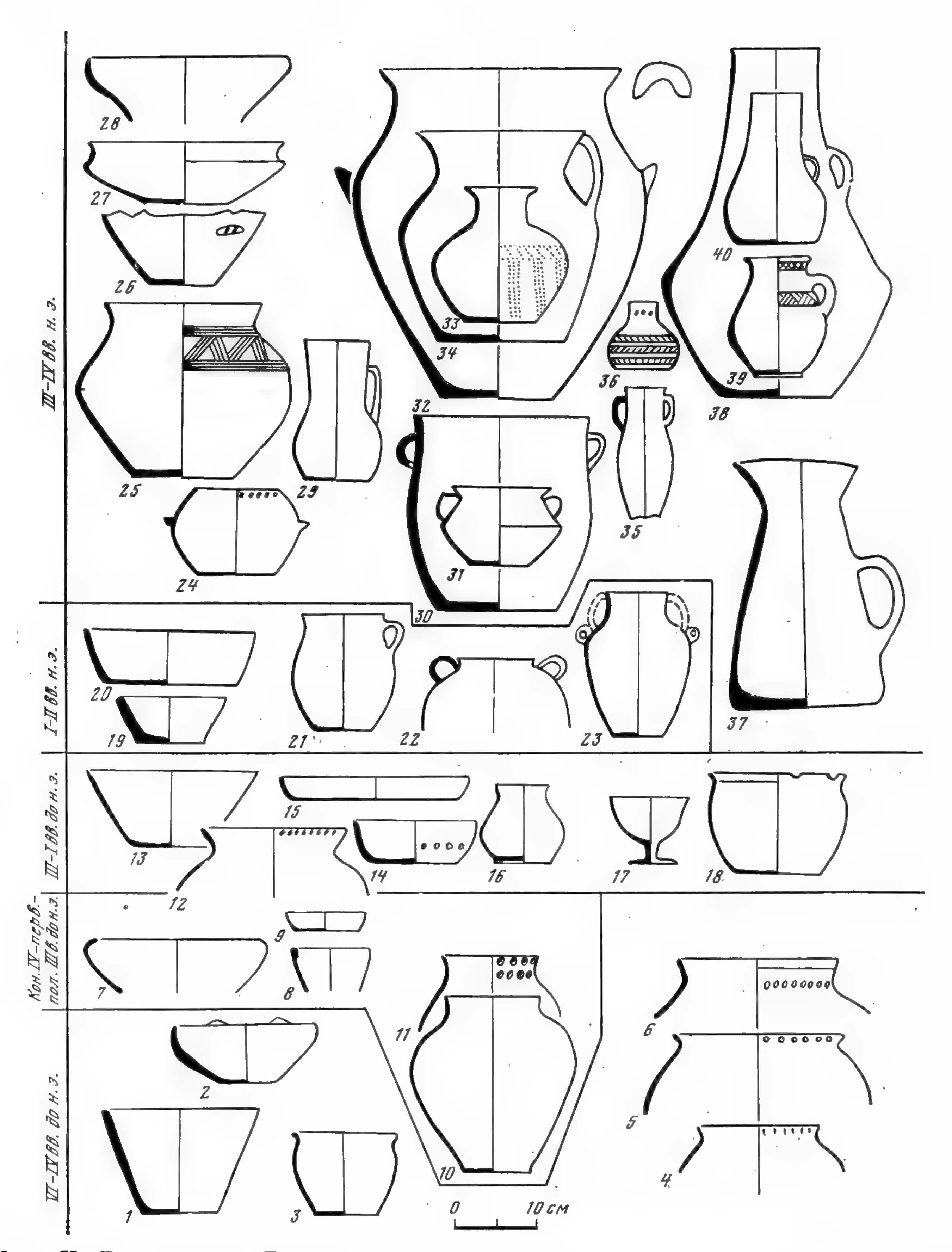


Таблица CL. Лепная керамика Боспора

1 — без орнамента; *2* — лощение по светлому фону; *3* — без орнамента; *4—6* — ямочный орнамент; *7—10* — без орнамента; *11* — кольчатый штамп по шейке, ямочный орнамент по венчику; *12* — ямочный орнамент; *13* — без орнамента; *14* — ямочный орнамент; *15—19* — без орнамента; *20, 21* — лощение; *22, 23* — без орнамента; *24* — ямочный орнамент по венчику, ручки-упоры; *25* — нарезной орнамент; *26* — фрагмент сосуда с выступом; *27, 28* — без орнамента; *29* — лощение; *30, 31* — без орнамента; *32* — ручки-упоры; *33* — орнамент наколами, лощение; *34, 35* — без орнамента; *36* — кольчатый штамп на горле, на туловище пояски насечек; *37* — лощение по светлой облицовке; *38* — без орнамента; *39* — нарезной орнамент; *40* — лощение

1, 3—8, 11, 12, 14, 15, 17, 18, 20, 22, 31 — Мирмекий; *2, 9, 21, 23, 26, 29, 34* — Тиритака; *10* — Марфовка; *13, 19, 27* — Танаис; *16* — Кепы; *24, 33, 36, 39* — Пантикапей; *25, 28, 30, 32, 35, 40* — Илурат; *37* — поселение над Романовой бухтой; *38* — Семеновка. Составитель Е. Г. Кастанаян

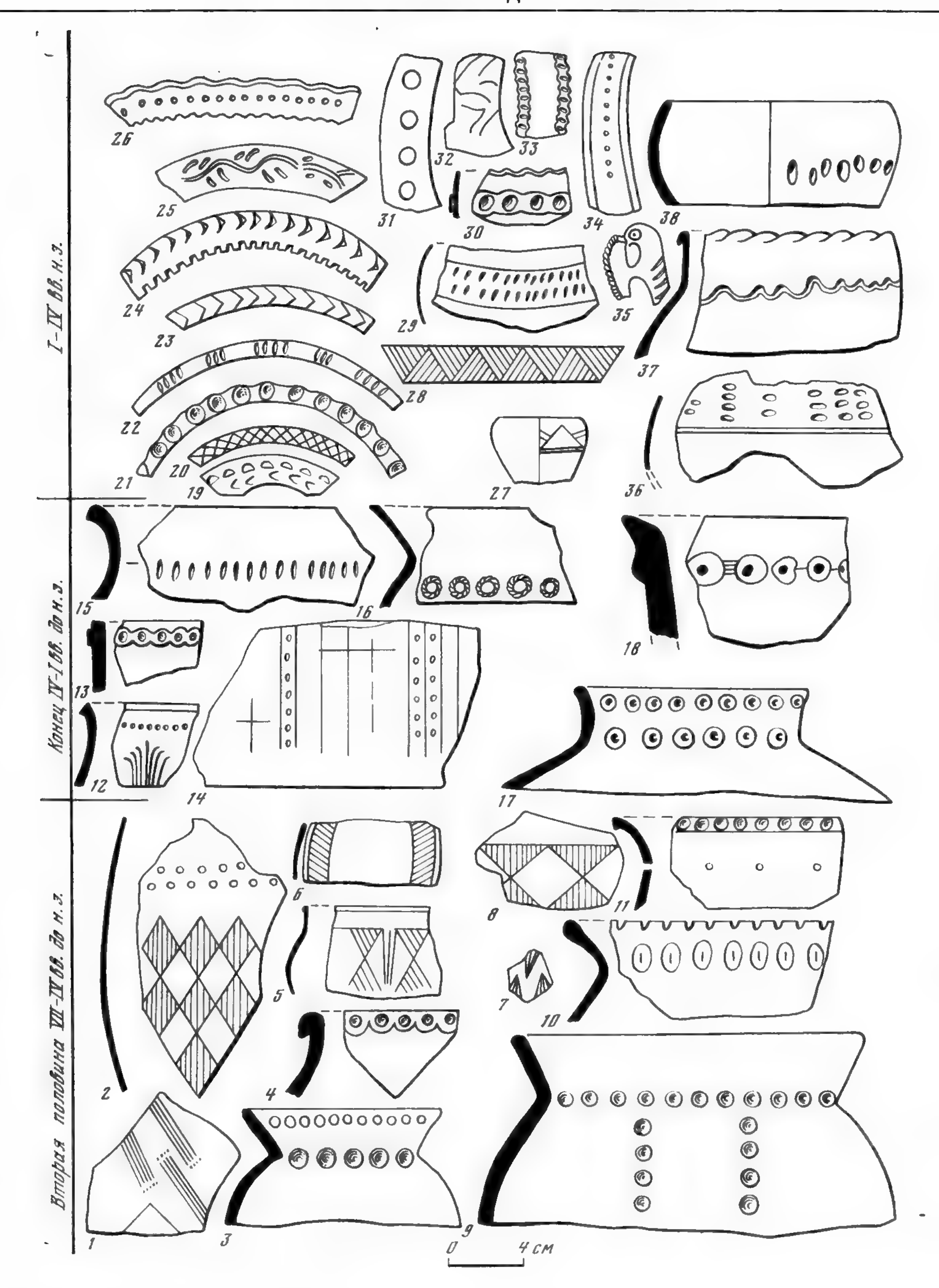


Таблица CLI. Орнаментация лепных сосудов

1 — резные штрихи с наколами по концам, лощение; *2* — ямочный орнамент с заполнением белой пастой по плечикам, резной орнамент на туловище, лощение; *3* — ямочный орнамент по венчику, ногтевой по плечикам; *4* — ямочный орнамент; *5* — резной орнамент, лощение; *6* — резной орнамент, лощение; *7* — резной орнамент, лощение; *8* — резной орнамент, лощение; *9* — ямочный орнамент; *10* — насечки по венчику, ногтевой орнамент по плечикам; *11* — налепной валик с ямочным орнаментом, внизу сквозные проколы; *12* — сквозные проколы под венчиком, ниже — прочерченный орнамент; *13* — налепной валик с ямочным орнаментом; *14* — орнамент нарезками и наколами; *15* — насечки; *16* — двойной кольчатый штамп с ретушью между кольцами; *17* — кольчатый штамп; *18* — налепы под венчиком; *19* — венчик чашки; *20* — венчик горшка; *21, 22* — венчики чашек; *23* — венчик миски, угловой штамп; *24, 25* — венчик чашки; *26* — венчик чашки, лощение; *27* — резной орнамент; *28* — резной орнамент на туловище горшка, лощение; *29* — насечки; *30* — налепной валик с ямочным орнаментом; *31* — вдавленный орнамент на ручке; *32* — прочерченный орнамент на ручке; *33* — вдавленный орнамент на ручке; *34* — ямочный орнамент; *35* — верхняя часть ручки сосуда в виде птицы; *36* — ямочный орнамент, резные пояски; *37* — вдавлины по венчику, по плечикам прочерченный орнамент; *38* — ямочный орнамент

1, 3 — Березань; *2, 4, 13, 15—17, 27* — Мирмекий; *5* — Порфмий; *6—8, 20, 24—26, 30, 35—37* — Тиритака; *9—12, 14, 18* — Ольвия; *19, 21, 29, 31—34, 38* — Илурат; *22* — Танаис; *23, 28* — Пантикапей. Составитель Е. Г. Кастанаян



Таблица CLII. Мужская одежда и головные уборы

1 — старик в длинном широком хитоне и гиматии, IV в. до н. э., Большая Близница, терракота; *2* — мужская фигура в рубахе негреческого образца и в гиматии, IV—III вв. до н. э.; *3* — мужская фигура в кафтане, застегнутом на груди, и плаще, на голове — остроконечная шапка, мягкие сапоги на ногах, II в. до н. э., надгробие; *4* — боспорский воин в войлочном колпаке и кафтане (?), I—II вв., Пантикапей, терракота; *5* — мужская фигура в коротком хитоне, гиматии и башмаках, I в., Пантикапей, надгробие (верхний рельеф); *6* — фигура слуги в плаще и сапожках, I в., Пантикапей, фреска на стене склепа; *7* — художник за работой в плаще, штанах, рубахе с рукавами и сапожках, I—II вв., Пантикапей, роспись саркофага; *8* — фигура слуги в короткой подпоясанной рубахе, штанах, сапогах, II—III вв., склеп, фреска; *9* — мужская фигура в рукавном хитоне, штанах, сапогах, гиматии, III в., Горгиппия, фреска на стене склепа 1975 г.; *10* — мужская фигура в полосатом кафтане, сапогах, IV в., Херсонес, фреска на стене склепа 1853 г.; *11—14* — типы головных уборов. Составитель Е. А. Савостина



Таблица CLIII. Женская одежда и головные уборы

1 — актер в женской роли в рукавном широком хитоне и гиматии, V—IV вв. до н. э., Пантикапей; *2* — фигура женщины в подпоясанном широком хитоне, V в. до н. э., Нимфей; *3* — женщина в хитоне и гиматии, IV в. до н. э., Херсонес; *4* — девочка в подпоясанном хитоне без рукавов, IV—III вв. до н. э., Пантикапей; *5* — женщина в хитоне и гиматии, III в. до н. э., Феодосия; *6* — фигура женщины в безрукавном хитоне со скрепами, III—II вв. до н. э., городище у санатория «Чайка» в Евпатории; *7* — женщина, закутанная в гиматий, III в. до н. э., Ольвия; *8* — женщина в гиматии с вышитым краем, конец II в. до н. э., Пантикапей; *9* — женщина в неподпоясанном хитоне и пеплосе (?), первые века нашей эры. Тузла; *10* — бегущая девушка, I в., Пантикапей; *11* — женщина в рукавном хитоне и гиматии, III в. н. э., Горгиппия; *12—16* — головные уборы VI—II вв. н. э.

1—7, *10* — терракота; *8* — изображение на надгробии; *9* — известняк; *11* — фреска на стене склепа. Составитель Е. А. Савостина

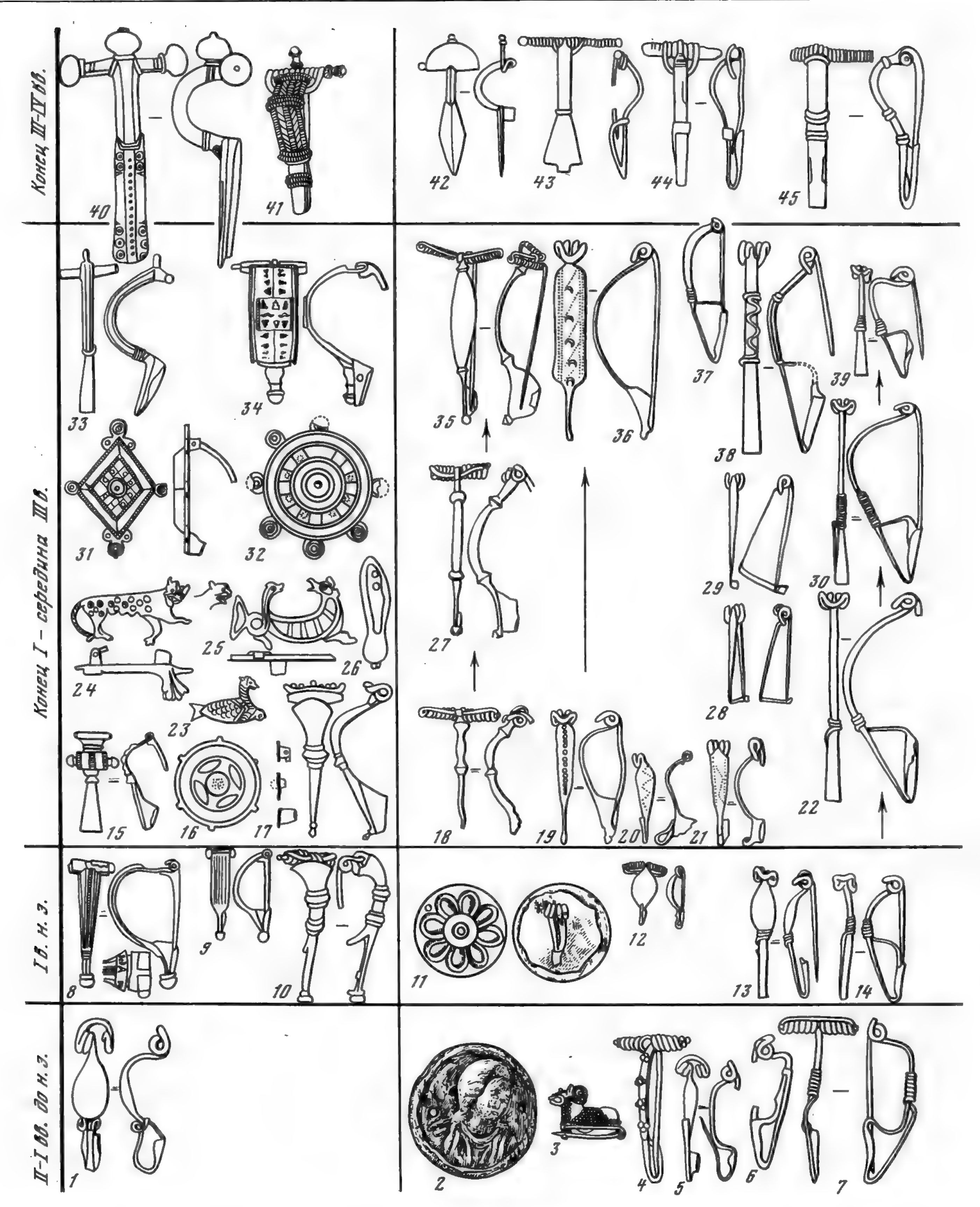


Таблица CLIV. Типы фибул II в. до н. э. — IV в. н. э.

Привозные фибулы: *1* — кельтского типа; *8—10, 15—17, 23—26, 31—34, 40* — из римских провинций на Дунае и Галлии (*23—26, 31, 32, 34* — с цветной эмалью); *41* — североевропейская. Местные фибулы: *2, 3, 11* — пружинные броши; *4—7* — вариации латенских фибул; *12, 20, 21* — с завитком на конце приемника; *13, 14, 22, 30, 37—39* — лучковые подвязные разных типов; *18, 27, 35* — боспорские сильно профилированные; *19, 36* — с кнопкой на конце приемника; *28, 29* — смычковые; *42* — двупластинчатые; *43—45* — прогнутые подвязные. Составитель А. К. Амброз

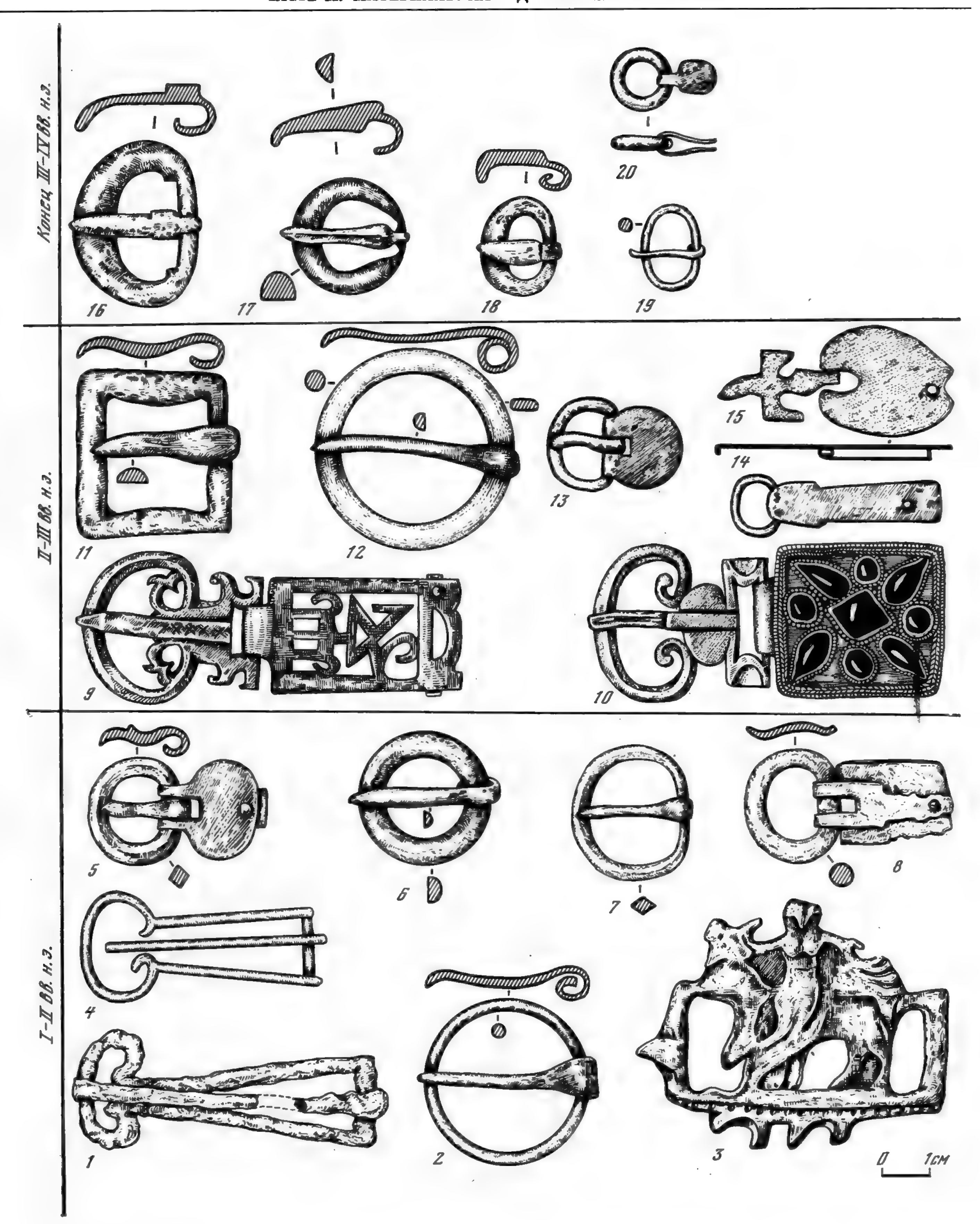


Таблица CLV. Пряжки

1 — Танаис, железо; *2* — Тирамба, бронза; *3* — Пантикапей, бронза; *4* — Горгиппия, бронза; *5, 6* — Танаис, бронза; *7* — Фанагория, бронза; *8* — Танаис, бронза; *9* — Пантикапей, бронза; *10* — Горгиппия, золото, бирюза; *11* — Тиритака, бронза; *12* — Горгиппия, бронза; *13* — Танаис, бронза; *14* — Тиритака, бронза; *15* — Горгиппия, серебро; *16* — Инкерман, бронза; *17* — Фанагория, бронза; *18* — Инкерман, бронза; *19, 20* — Танаис, бронза. Составитель Е. М. Алексеева

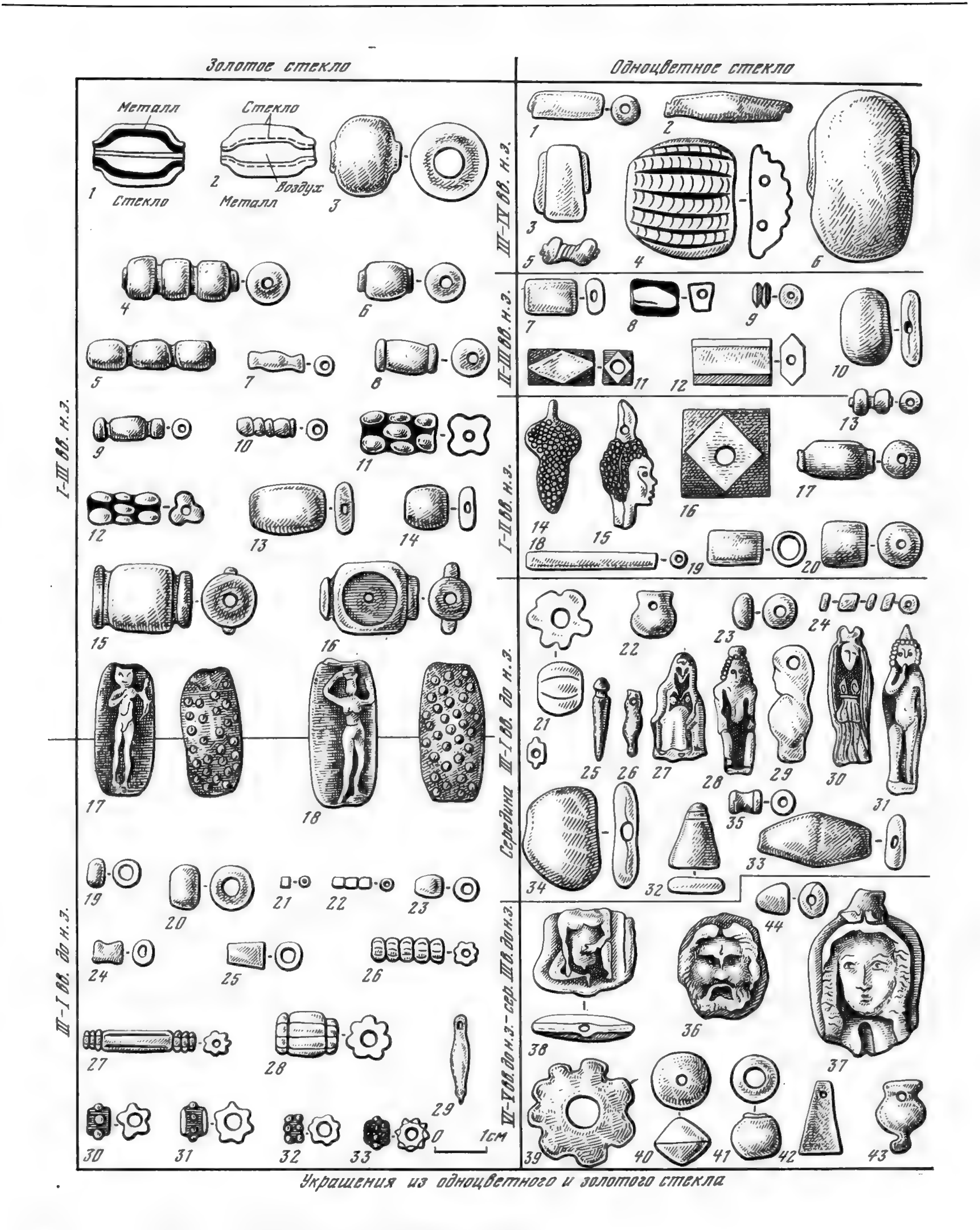


Таблица CLVI. Бусы из одноцветного и золоченного стекла

Составитель Е. М. Алексеева



Таблица CLVII. Бусы из египетского фаянса

Составитель Е. М. Алексеева

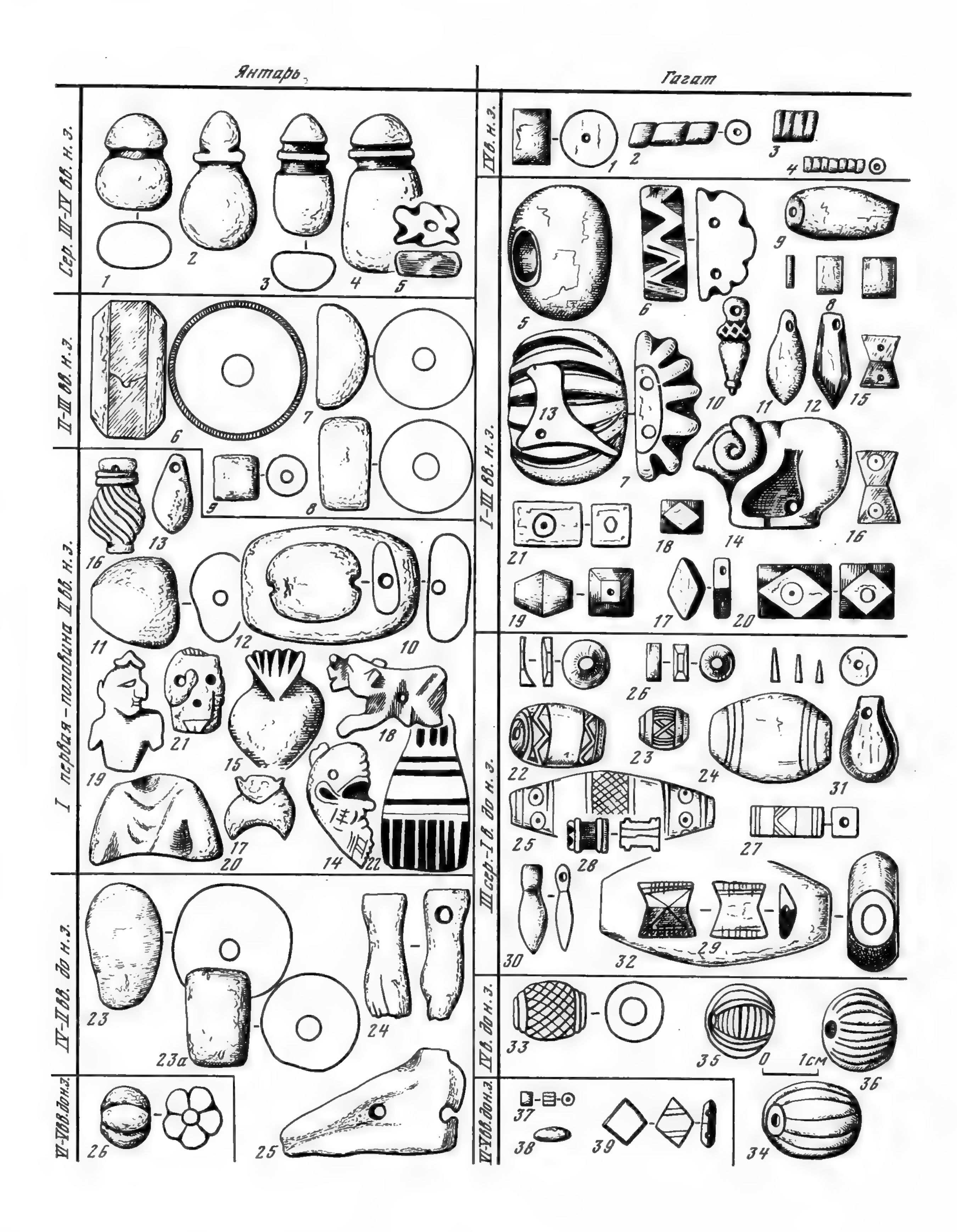


Таблица CLVIII. Бусы из янтаря и гагата

Составитель Е. М. Алексеева

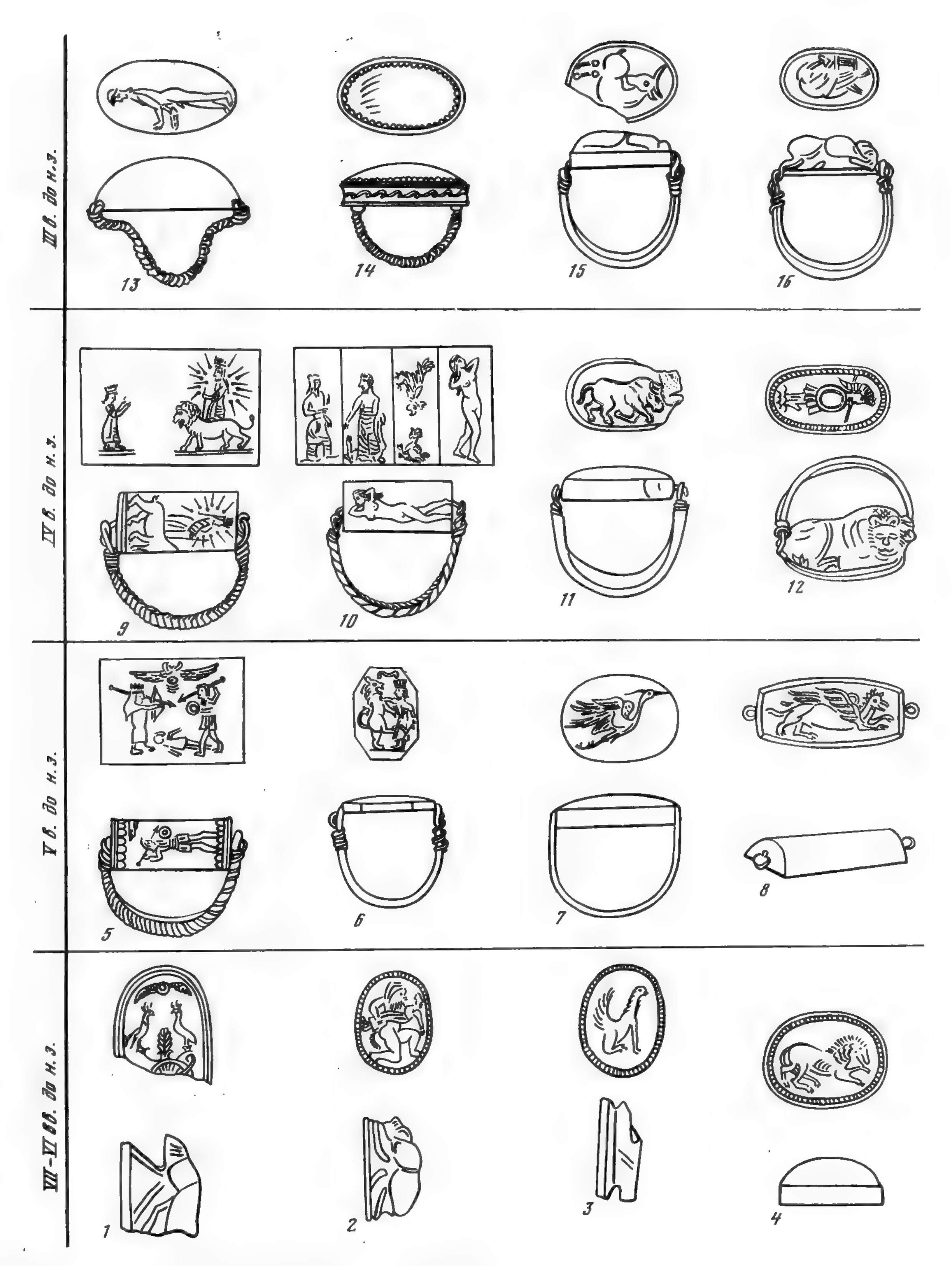


Таблица CLIX. Типы каменных печатей на подвижных дужках

1 — ладья Солнца, сердолик, скарабей, Финикия; *2* — силен и менада, агат, скарабей, Иония; *3* — сфинкс, сердолик, скарабей, Иония; *4* — лев, обесцвеченный камень, скарабеоид, Иония; *5* — битва персидского царя с греками, обесцвеченный камень, цилиндр, Иран; *6* — битва персидского царя с чудовищем, халцедон, многогранник, Иран; *7* — цапля, работа Дексамена Хиосского, халцедон, скарабеоид, Восточное Средиземноморье; *8* — грифон, агат, сегментированный цилиндр, Восточное Средиземноморье; *9* — персидский царь и богиня Анаитис, халцедон, цилиндр, Иран; *10* — *а*) воин-перс, *б*) грек с собакой, *в*) бой петухов, *г*) танцовщица — сердолик, многогранник, Малая Азия; *11* — бык, обесцвеченный камень, скарабеоид, Восточное Средиземноморье; *12* — трофей, сердолик, львиный псевдоскарабей, Восточное Средиземноморье; *13* — Аполлон, халцедон, скарабеоид, Иония; *14* — халцедон, скарабеоид, Восточное Средиземноморье; *15* — бык, обесцвеченный камень, скарабей, Этрурия; *16* — женщина у лутерия, обесцвеченный камень, скарабей, Этрурия
1, 2, 5, 7, 8, 11, 12, 15, 16 — из Пантикапея; *3* — из Ольвии; *6* — из Большой Близницы; *9, 10, 13* — из Горгиппии; *14* — из Артюховского кургана. Составитель О. Я. Неверов

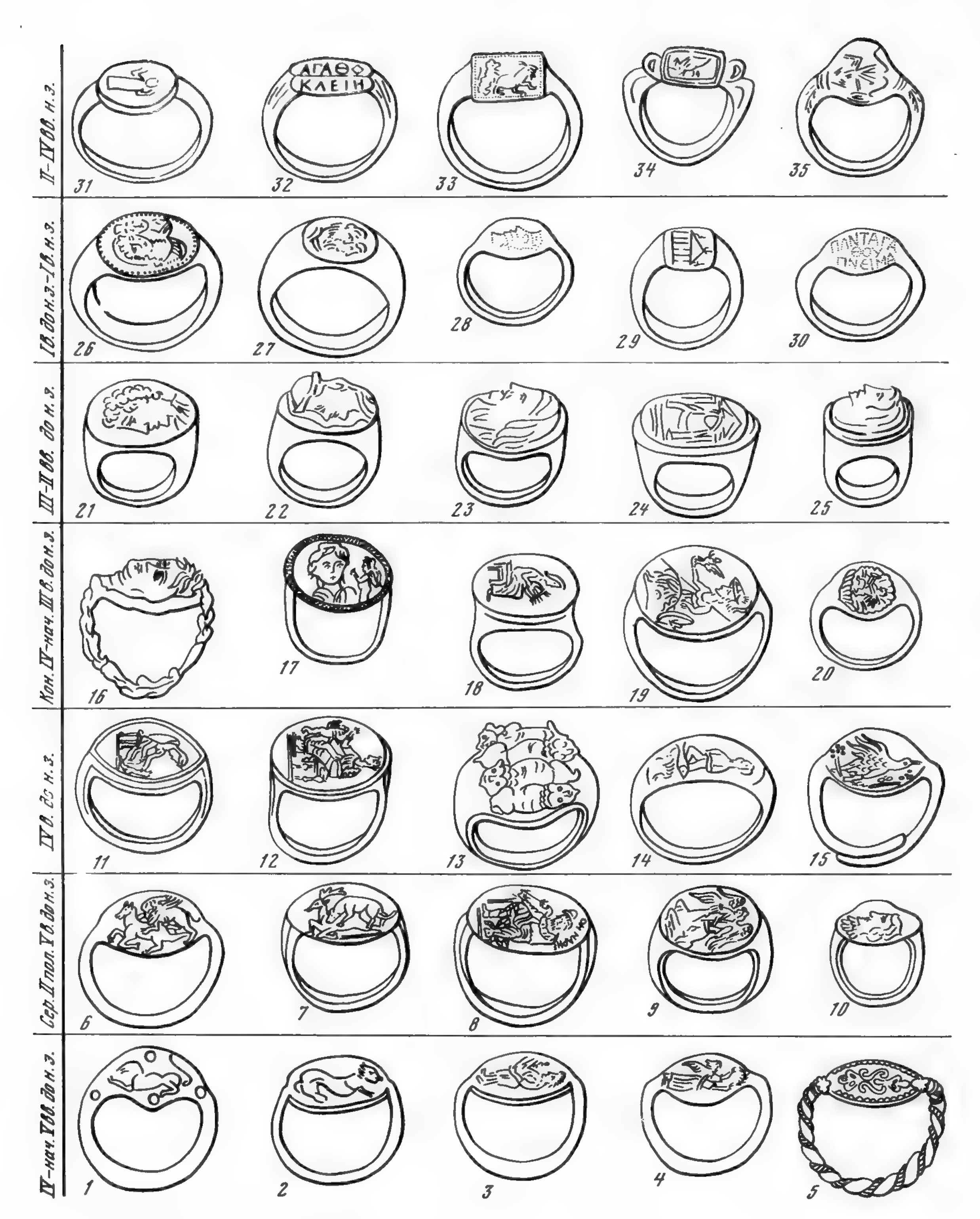


Таблица CLX. Типы металлических перстней

1 — лев, серебро и электр, Иония; *2* — лев, золото, Иония; *3* — Даная, электр, Иония; *4* — Ника, золото, Иония; *5* — филигранные пальметки, золото, Восточное Средиземноморье; *6* — конь и грифон, золото, Иония; *7* — олень и пантера, золото, Иония; *8* — воин-перс, работа Афинада, электр, Иония; *9* — Ника и лань, золото, Восточное Средиземноморье; *10* — голова богини, золото, Восточное Средиземноморье; *11* — женщина и олененок, золото, Восточное Средиземноморье; *12* — Афродита и Эрот, золото, Восточное Средиземноморье; *13* — четыре льва (в рельефе), золото, Восточное Средиземноморье; *14* — юноша и тунец, золото, Иония; *15* — утка, золото, Пантикапей (?); *16* — Афродита, серебро, Восточное Средиземноморье; *17* — Афродита и Эрот, золото, Северное Причерноморье; *18* — женщина с кифарой, золото, Восточное Средиземноморье; *19* — Афина Никефорос, золото, Восточное Средиземноморье; *20* — Эрот в раковине, золото, Восточное Средиземноморье; *21* — Птолемей II, бронза, Александрия; *22* — Арсиноя III, бронза, Александрия; *23* — Изида (в рельефе), бронза, Александрия; *24* — Кибела (в рельефе), бронза; *25* — Афродита (в рельефе), золото; *26* — Изида, Гор и Серапис (в рельефе), золото, Александрия; *27* — Изида и Серапис (в рельефе), бронза, Александрия (?); *28* — портрет династа, золото, Пантикапей; *29* — храм с пятиколонным портиком, бронза, Пантикапей; *30* — надпись: «дух всяческого добра», золото, Пантикапей; *31* — Афродита-Анадиомена, золото, Пантикапей; *32* — надпись: «(дар) Агафоклее», золото, Херсонес; *33* — олень и лев, бронза, Пантикапей; *34* — грифон, бронза, Пантикапей; *35* — змееногий демон, бронза, Пантикапей

Из Ольвии — *1—3*; из Нимфея — *4—6;* из VI Семибратнего кургана — *7;* из Пантикапея — *8—10, 13—14, 20—24, 26—31, 33—35;* из кургана Большая Близница — *11, 12;* из кургана Чертомлык — *15;* из Херсонеса — *16, 19, 32;* из Горгиппии — *17;* из кургана Карагодеуашх — *18;* из Танаиса — *25;* хранятся в Гос. Эрмитаже — *13—24, 26—35;* из собрания гр. Мусина-Пушкина — *2.* Составитель О. Я. Неверов

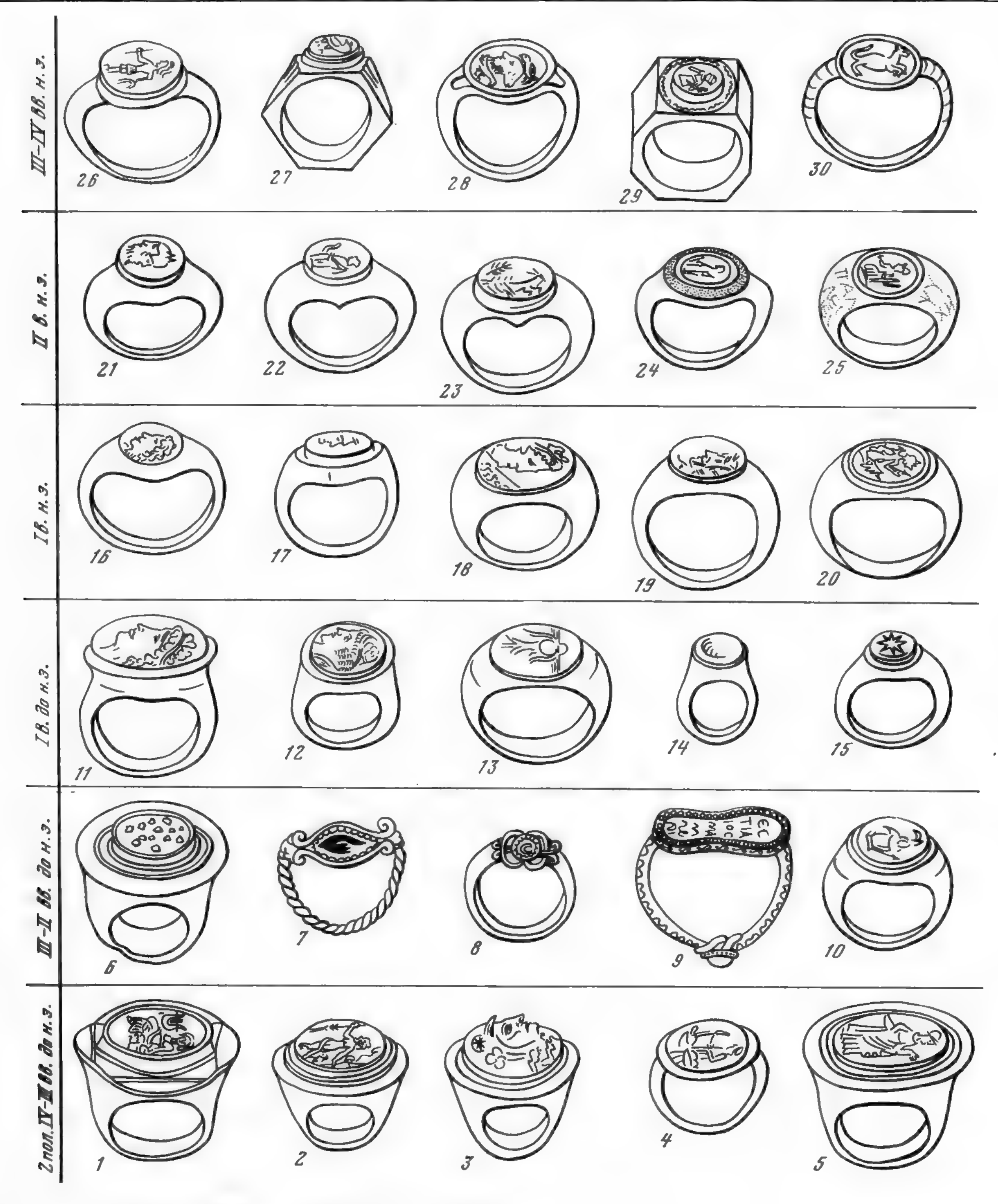


Таблица CLXI. Типы перстней с каменными вставками

1 — Аполлон, обесцвеченный камень, золото, Восточное Средиземноморье; *2* — Афродита у трофея, гранат, золото, Пантикапей (?); *3* — Афина, гранат, золото, Пантикапей (?); *4* — Артемида, гранат, золото, Пантикапей (?); *5* — богиня у колонны, гранат, золото, Пантикапей (?); *6* — обесцвеченный камень, золото, Пантикапей; *7* — гранат, золото, Пантикапей; *8* — гранат, золото, Пантикапей; *9* — эмаль, гранат, золото, надпись: «Гестией (дарит) матушке», Пантикапей; *10* — воин, литик, золото, Пантикапей; *11* — портрет Митридата VI, литик, золото, Пантикапей; *12* — жрица Изиды, гранат, золото, Пантикапей; *13* — символ Изиды, гранат, золото, Пантикапей; *14* — гранат, золото, Пантикапей; *15* — полумесяц и звезда, гранат, золото, Пантикапей; *16* — портрет Митридата VI, сердолик, золото, Пантикапей; *17* — портрет императора, гранат, золото, Пантикапей; *18* — портрет императора Клавдия, работа мастера Скилакса, Италия; *19* — богиня, гранат, золото, Пантикапей; *20* — Артемида, гранат, золото, Пантикапей; *21* — Грилл, яшма, серебро, Херсонес; *22* — Асклепий, сердолик, серебро, Херсонес; *23* — коза, сердолик, серебро, Херсонес; *24* — фортуна, сердолик, золото, Пантикапей; *25* — фортуна, надпись: «Душе Паллака», сердолик, золото, Пантикапей; *26* — Марс, сердолик, серебро, Херсонес; *27* — орел, сердолик, серебро, Западное Средиземноморье (?); *28* — Грилл, яшма, серебро, Пантикапей; *29* — фортуна, яшма, золото, Пантикапей; *30* — лев, гранат, золото, Пантикапей.

1, 7, 8, 10, 12, 20, 24, 25, 28—30 — из Пантикапея; *6* — из Горгиппии; *9* — из Артюховского кургана; *21—23, 26, 27* — из Херсонеса; *1—30* — хранятся в Гос. Эрмитаже. Составитель О. Я. Неверов



Таблица CLXII. Серьги

1—3 — изображение серег на протомах из Пантикапея (*1*), Горгиппии (*2*), золотой пластинке из Большой Близницы (*3*); *4* — Херсонес V—IV вв. до н. э.; *5* — Ольвия VI в. до н. э.; *6* — Херсонес V—IV вв. до н. э.; *7* — Боспор VI—V вв. до н. э.; *8* — Ольвия VI в. до н. э.; *9* — Большая Близница IV в. до н. э.; *10* — Херсонес V—IV вв. до н. э.; *11* — Большая Близница IV в. до н. э.; *12* — Тузла II в. до н. э.; *13* — Пантикапей I в. до н. э.; *14* — Херсонес II—I вв. до н. э.; *15* — Танаис II в. до н. э.; *16* — Пантикапей I—II вв.; *17* — Пантикапей I в.; *18* — Херсонес, первые века; *19* — Илурат II в.; *20* — Танаис I в.; *21* — Херсонес I—II вв.; *22* — Херсонес I—II вв.; *23* — Херсонес I—III вв.; *24* — Пантикапей III—IV вв.; *25* — Херсонес IV в.; *26* — Херсонес III—IV вв.; *27* — Херсонес III в.; *28* — Херсонес IV в.; *29* — Танаис II—III вв.; *30* — Херсонес III в.; *31* — Херсонес II—III вв.; *32* — Херсонес III—IV вв.

1, 2 — глина; *4, 6* — бронза; *15, 20* — серебро; *3, 5, 7—12, 14—16, 21, 22, 27, 28* — золото; *13, 19, 23—26, 30—32* — золото и камни. Составители Е. М. Алексеева и Г. А. Цветаева



Таблица CLXIII. Типы «мегарских» чаш из Пантикапея и клейма на их доньях (нумерация общая для табл. CLXIII — CLXIV)

1 — Аттика, конец III — начало II в. до н. э.; *2* — Аттика, конец II в. до н. э.; *3, 5* — круг Пергама; *4* — Пергам; *6, 7, 8, 8а* — Малая Азия; *9, 10* — Самос; *11* — Родос; *12—21* — острова Эгейского моря (*16, 17, 17а, 6, в* — мастерская Мнесимаха); *19, 20* — Пантикапей (сероглиняные с черным покрытием). Составитель В. С. Забелина

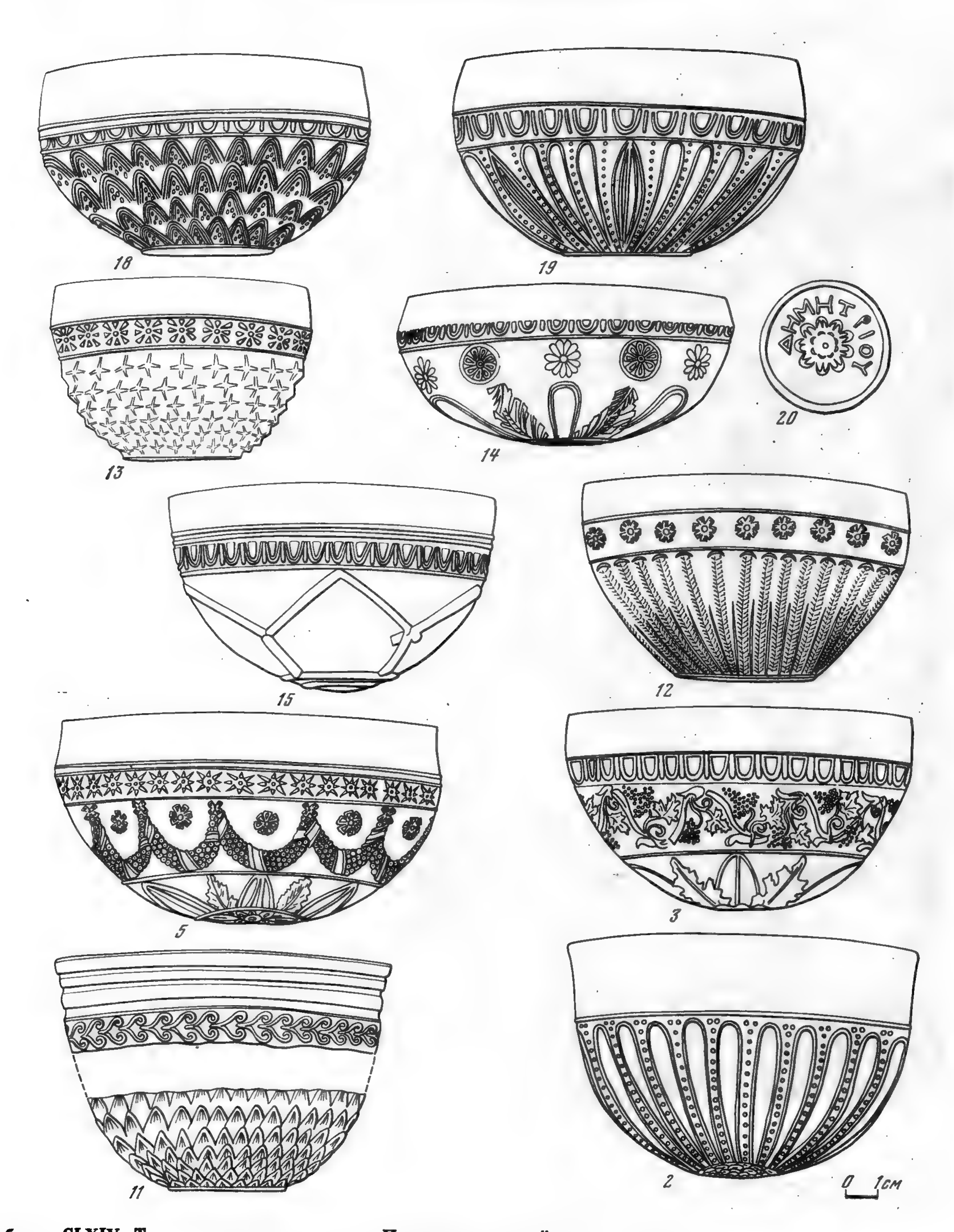


Таблица CLXIV. Типы «мегарских» чаш из Пантикапея и клейма на их доньях

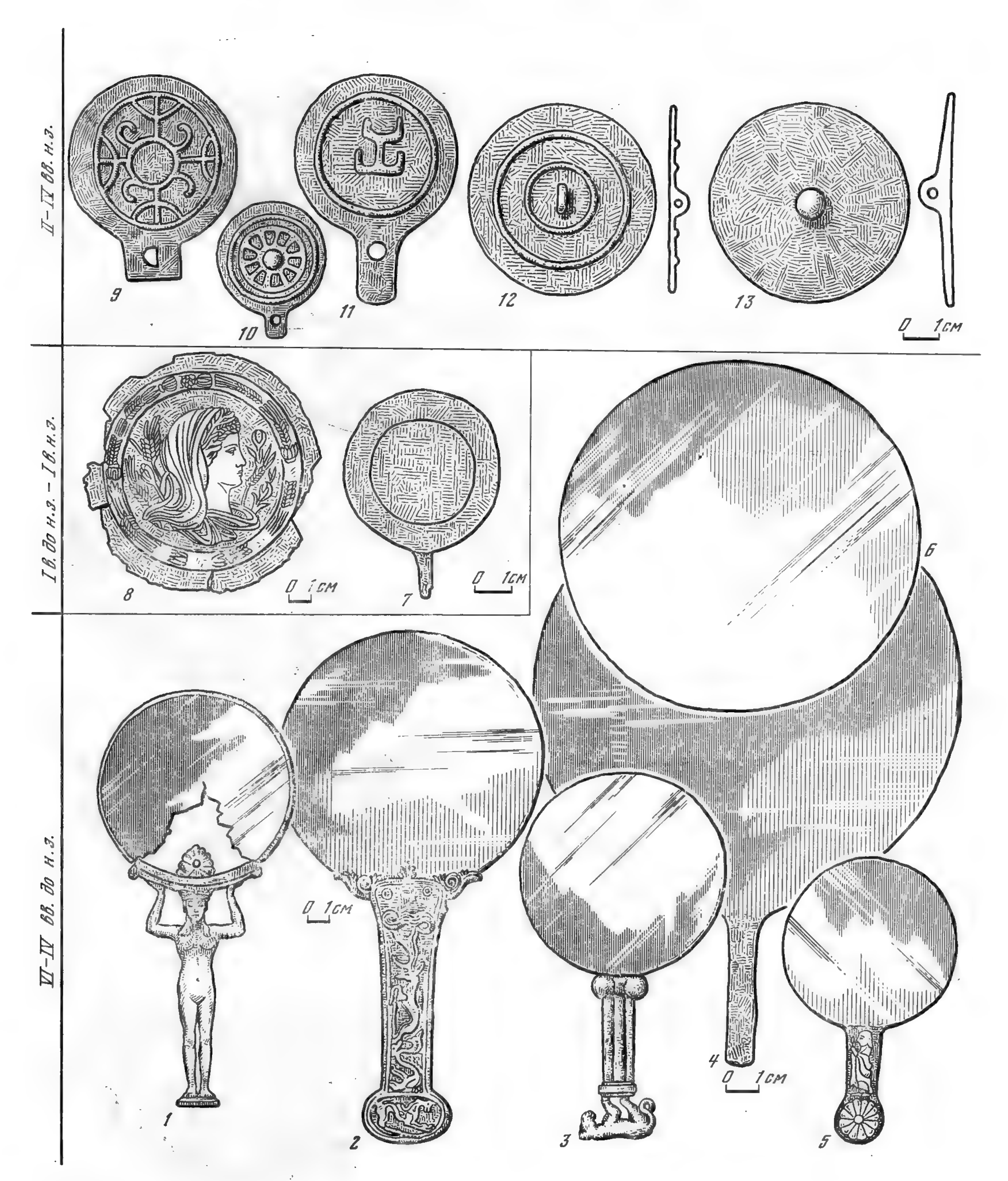


Таблица CLXV. Бронзовые зеркала

1 — зеркало с ручкой в виде Афродиты, VI—V вв. до н. э., Херсонская обл., курган у с. Анновки; *2* — зеркало с ручкой, обтянутой золотой рельефной пластинкой, Куль-Оба, IV в. до н. э.; *3* — литое зеркало с изображением пантеры, Ольвия (?), вторая половина VI в. до н. э.; *4* — Ольвия, 1911, мог. 40; *5* — Ольвия, VI—V вв. до н. э., Марицыно; *6* — Ольвия, 1910, мог. 9; *7* — Пантикапей, 1905, мог. 65; *8* — Танаис; *9* — Пантикапей, 1902, гробн. 478; *10, 11* — Танаис; *12, 13* — округа Херсонеса, совхоз № 10, 1966, склеп 8 и погр. 31

1, 3—13 — бронза; *2* — бронза, золото. Составитель Е. М. Алексеева



Таблица CLXVI. Геммы-печати

1 — Медуза Горгона, Иония, V в. до н. э., халцедон; *2* — летящая цапля, подпись Дексамена Хиосского, V в. до н. э., халцедон; *3* — купальщица, V в. до н. э., сердолик; *4* — бегущий конь, V в. до н. э., яшма; *5* — Артемида, IV в. до н. э., халцедон; *6* — купальщица, IV в. до н. э., сердолик; *7* — оттиск печати, IV в. до н. э.; *8* — печать на подвижной дужке, женщина в восточной одежде, IV в. до н. э., халцедон, золото; *9* — голова Афины, III в. до н. э., гранат, золото; *10* — портрет Птолемея, Александрия, III в. до н. э., бронза; *11* — Аполлон, Иония, III в. до н. э.; *12* — юноша с пальмовой ветвью, I в. до н. э.— I в. н. э., сердолик; *13* — портрет императора Клавдия, подпись Скилакса, Италия, I в. н. э., аметист; *14* — петух, I—II в., сердолик; *15* — портрет Митридата VI, I в. до н. э., сердолик; *16* — Амур и Психея, I в. до н. э.— I в. н. э., гранат, золото; *17* — портрет Филиппа Араба и Филиппа Младшего, Италия, III в. н. э., стекло; *18* — портрет боспорского царя Савромата II, II в. н. э., яшма; *19* — Гермес, II в. н. э., сердолик; *20* — символы благополучия и согласия, Восточное Средиземноморье, I в., сердолик

1—6, *9*, *10*, *13*, *15*, *19*, *20* — из Пантикапея; *7*, *11* — из Горгиппии; *8*, *14* — из Фанагории; *17*, *18* — из Херсонеса; *12*, *16* — из Тирамбы. Составитель О. Я. Неверов

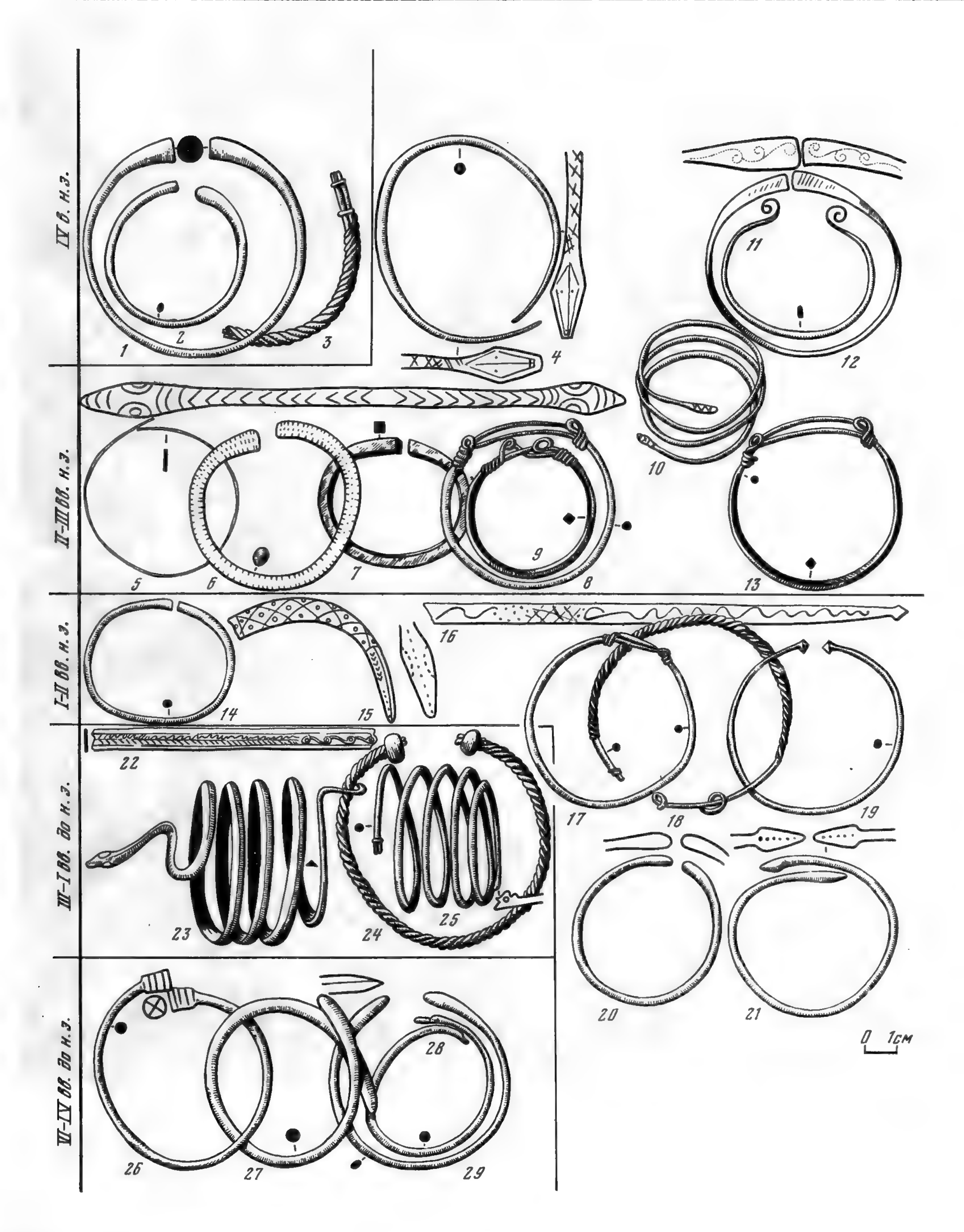


Таблица CLXVII. Бронзовые браслеты
Составитель Е. М. Алексеева

Заключение

Основными задачами, которые ставил перед собой авторский коллектив данного тома, были: попытаться дать общую картину развития античных центров Северного Причерноморья, обобщить результаты многолетних и разнообразных по характеру исследований, проведенных в них, оценить имеющийся фактический материал и те исторические интерпретации, которые были предложены на базе исследований этих материалов. В какой степени достигнута эта цель — судить читателям тома.

Редколлегия данного тома в этом заключительном разделе книги считает необходимым коснуться несколько иного круга вопросов, в частности вопросов, связанных с перспективами дальнейших исследований античных центров Северного Причерноморья. Материалы, собранные и проанализированные в этом томе, как нам кажется, настоятельно требуют некоторой переориентации наших исследований, связанной с преодолением ряда устоявшихся стереотипов. Привычным является, например, взгляд, согласно которому Северное Причерноморье было одной из периферийных зон античной цивилизации и как таковая является сравнительно второстепенной областью ее, удаленной от главных центров развития, областью, главным образом, воспринимающей творческие импульсы, идущие из главных центров. Основная ценность ее изучения заключается в том, что она дает материалы для решения проблемы греко-варварских контактов на различных этапах развития античной цивилизации.

Одним словом, периферийность, как понятие исторической географии, приобретает расширительное значение, превращается в категорию социологическую — данный регион почти автоматически признается второстепенным с точки зрения процесса исторического развития античной цивилизации.

Но на современном уровне развития науки возможен уже и иной подход к данной проблеме. В. Д. Блаватский в свое время предложил и обосновал тезис о периоде протоэллинизма на Боспоре. Согласно этой концепции в IV в. до н. э. в Боспорском государстве возникли и развились социально-экономические, политические и культурные явления, в известной мере предвосхищающие те, которые считались характерными для эллинистической эпохи. Дальнейшие исследования показали, что аналогичный процесс наблюдался и в другой периферийной зоне античного мира — в Сицилии (исследования Э. Д. Фролова). Таким образом, вполне правомерной становится постановка вопроса о том, что в некоторые периоды, в определенных условиях периферийные зоны, в частности и Северное Причерноморье, выступают в роли наиболее передовых областей античной цивилизации, инициирующих (или предвосхищающих) процессы, которые затем пробретают глобальный характер (в рамках всей античной цивилизации).

Видимо, нечто аналогичное наблюдается и в характере развития социальных отношений. Уже неоднократно высказывалась мысль о том, что на периферии античного мира раньше, чем в основных центрах его, сформировались отношения типа колонатных. Эта важнейшая проблема социальной истории античного мира также требует своего специального исследования, в частности, исследования на материалах Северного Причерноморья. Наконец, сама проблема синтеза античных и варварских начал может и должна быть рассмотрена под общеисторическим углом зрения. Формированию варварских королевств эпохи перехода от античности к средневековью, как государственных образований, в которых взаимодействовали античные и варварские начала, исторически предшествовала стадия, когда на периферии античного мира возникали типологически близкие им государственные образования. Одним из них было Боспорское царство в первые века н. э. Видимо, число таких примеров можно умножить.

Кроме того, нуждается в детальном исследовании и другой круг вопросов, также входящих в проблему взаимоотношения основных центров и периферии античного мира. В качестве примера укажем на роль хлебной торговли Причерноморья, в частности Боспора, с Элладой в V—IV вв. до н. э. В это время Причерноморье было если не самым крупным, то одним из крупнейших рынков хлебной торговли. Специфика экономического развития Греции, особенно наиболее передовых центров ее, таких как Афины, заключалась в том, что товарный характер приобрели не только их ремесло, но и сельское хозяйство. В таких условиях бесперебойное поступление зерна из Причерноморья было жизненной потребностью для Афин и многих других городов Греции. Показательным, в этой связи, является постоянное стремление Афин держать под своим контролем проливы, ведущие из Черного моря в Средиземное. Однако, проблема хлебной торговли Боспора, ее влияние на экономическое развитие Греции, на политику Афин исследуется еще очень ограниченно, главным образом, с афинской точки зрения, без анализа собственно боспорских целей, например, а изучение влияния торговли Боспора на экономику Греции даже еще не начато.

Подобные примеры также можно умножить. Однако, дело заключается не в нагнетании их, а в осознании того, что изучение истории Северного Причерноморья в античную эпоху нуждается в определенной переориентации и, как мы надеемся, издание этого тома послужит некоторым импульсом для нее.

История Северного Причерноморья в античную эпоху не может быть отделена от истории племенного мира причерноморских степей. Взаимоотношения греческих центров со скифами, сарматами, синдами, меотами и другими народами были постоянно действующим фактором, оказывающим воздействие на этот мир. Не перечисляя многочисленные примеры этого, мы отметим только один, самый существенный, с нашей точки зрения,— греческие полисы способствовали убыстрению социального развития этих обществ, становлению в них классового строя и государственности. Зона воздействия греческих городов была чрезвычайно велика. Историческое значение греческих центров Северного Причерноморья для последующих судеб нашей Родины, видимо, трудно переоценить.

Список литературы

Аммиан Марцеллин. История — SC, II, ч. 2, с. 323—344.
Аполлоний Родосский. Поход аргонавтов.— SC, I, ч. 2, с. 412—424.
Аппиан. Войны с Митридатом.— SC, I, ч. 2, с. 526—539.
Арриан. Объезд Эвксинского Понта.— SC, I, ч. 2, с. 217—228.
Афиней. Обед софистов.— SC, I, ч. 3, с. 624—630.
Валерий Флакк. Аргонавтики.— SC, II, ч. 1, с. 201—214.
Варрон. Сельское хозяйство / Пер. М. Е. Сергеенко. М.; Л., 1936.
Гекатей Милетский. Землеописание.— SC, I, ч. 1, с. 1—3.
Гелланик. Фрагменты.— SC, I, ч. 1, с. 348—349.
Геродот. История: В 9-ти кн.— SC, I, ч. 1, с. 4—57.
Демосфен. Речь против Лакрита.— SC, I, ч. 2, с. 367.
Демосфен. Речь против Лептина о беспошлинности.— SC, I, ч. 2, с. 364—366.
Демосфен. Речь против Формиона.— SC, I, ч. 2, с. 367.
Динарх. Речь против Демосфена.— SC, I, ч. 2, с. 372.
Диодор Сицилийский. Библиотека.— SC, I, ч. 2, с. 457—479.
Дион Кассий. Римская история.— SC, I, ч. 3, с. 609—623.
Дион Хризостом. Борисфенитская речь.— SC, I, ч. 2, с. 171—178.
Дионисий. Описание населенной земли.— SC, I, ч. 2, с. 178—187.
Евстафий. Комментарии к «Землеописанию» Дионисия.— SC, I, ч. 2, с. 187—209.
Зосим. Новая история.— SC, I, ч. 3, с. 787—810.
Исократ. Банкирская речь.— SC, I, ч. 2, с. 356—358.
Катон.— Марк Порций Катон. Земледелие/Пер. М. Е. Сергеенко. М.; Л., 1950.
Константин Багрянородный. Об управлении государством.— ИГАИМК (М.; Л.), 1934, 91.
Макробий. Сатурналии.— SC, II, ч. 2, с. 392.
Плиний.— Гай Плиний Секунд. Естественная история.— SC, II, ч. 1, с. 167—200.
Полибий. История.— SC, I, ч. 2, с. 440—444.
Полиен. Военные хитрости.— SC, I, ч. 2, с. 563—568.
Помпей Трог. История.— SC, II, ч. 1, с. 51—64.
Помпоний Мела. Землеописание.— SC, II, ч. 1, с. 115—126.
Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1950.
Псевдо-Арриан.— Безымянный автор. Объезд Эвксинского Понта.— SC, I, ч. 1, с. 271—288.
Псевдо-Скилак. Перипл. Описание моря, прилегающего к населенной Европе, Азии, Ливии.— SC, I, ч. 1, с. 84—86.
Псевдо-Скимн. Землеописание.— SC, I, ч. 1, с. 87—91.
Птолемей. География.— SC, I, ч. 2, с. 228—247.
Стефан Византийский.— SC, I, ч. 2, с. 252—271.
Страбон. География: В 17-ти кн. / Пер. Г. А. Стратановского. Л.; М., 1964.
Тацит. Анналы.— SC, II, ч. 1, с. 231—246.
Тацит. История.— SC, II, ч. 1, с. 247—251.
Феофраст. О растениях.— SC, I, ч. 2, с. 385—388.
Эсхин. Речь против Ктисифонта.— SC, I, ч. 2, с. 370.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 8.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20.
Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 25, ч. 1.

Абаев В. И., 1949. Осетинский язык и фольклор. М.; Л.
Абаев В. И., 1958. ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΟΝ.— В кн.: Исследования в честь акад. Д. Дечев. София.
Алексеева Е. М. 1970а. Классификация бус некрополя у дер. Ново-Отрадное.— МИА, 155.
Алексеева Е. М. 1970б. Классификация античных бус.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.
Алексеева Е. М. 1975а. Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, Г1-12.
Алексеева Е. М. 1975б. Исследования Горгиппии и ее хоры.— В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Киев, II.
Алексеева Е. М. 1976. Керамический комплекс первой половины III в. до н. э. из Горгиппии.— КСИА, 145.
Алексеева Е. М., 1977. Фрагменты росписной штукатурки первых веков нашей эры из Пантикапея.— ИКАМ.
Алексеева Е. М., 1980. К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии.— В кн.: «Горгиппия» I (Материалы Анапской археологической экспедиции). Краснодар.
Алексеева Е. М., Арсеньева Т. М., 1966. Стеклоделие Танаиса.— СА, 2.
Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР. II в. до н. э.— IV в. н. э.— САИ, Д1-30.
Амброз А. К., 1969. Фибулы из раскопок Танаиса.— АДПП.
Анохин В. А., 1963. Монетное дело Херсонеса I—III вв.— НЭ, X.
Анохин В. А., 1977а. Сицилийская техника литья монетных заготовок в Херсонесе.— НиС, 5.
Анохин В. А., 1977б. Монетное дело Херсонеса IV в. до н. э.— XIII в. н. э. Киев.
Анохин В. А., Пушкарев В. П., 1965. Античные монеты из Тиры.— НиС, 2.
Антонова И. А., 1963. Западный фланг обороны Херсонеса.— СХМ, III.
Анфимов Н. В., 1941. Новые данные к истории Азиатского Боспора.— СА, VII.
Анфимов Н. В., 1950. Меотские поселения Восточного Приазовья.— КСИИМК, XXXIV.
Анфимов Н. В., 1951.— Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА, 23.
Анфимов Н. В., 1952. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией.— ВДИ, 4.
Анфимов Н. В., 1953. Исследования Семибратнего городища.— КСИИМК, 51.
Анфимов Н. В., 1960. Меотский могильник на западной окраине Краснодара.— В кн.: Наш край. Материалы по изучению Краснодарского края. Краснодар, I.
Анфимов Н. В., 1963. Синдика в VI—IV вв. до н. э.— Труды Краснодарского ГПИ, 33.
Анфимов Н. В., 1966. Денежное обращение на Елизаветинском городище — эмпории Боспора на Средней Кубани.— ВДИ, 2.
Арсеньева Т. М., 1958. Местная керамика Танаиса.— СА, 3.
Арсеньева Т. М., 1963. Некрополь римского времени у дер. Ново-Отрадное.— СА, 1.
Арсеньева Т. М., 1965. Лепная керамика Танаиса I. Открытые сосуды.— ДНД.
Арсеньева Т. М., 1969. Лепная керамика Танаиса II. Горшки.— АДПП.
Арсеньева Т. М., 1970а. Лепная керамика Танаиса как источник для этнической истории Нижнего Дона. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Арсеньева Т. М., 1970б. Могильник у деревни Ново-Отрадное.— МИА, 155.
Арсеньева Т. М., 1974. Охранные раскопки курганного могильника Танаиса в 1968 году.— АДНП, II.
Арсеньева Т. М., 1977а. Некрополь Танаиса. М.
Арсеньева Т. М., 1977б. Комплекс краснолаковых сосудов II в. н. э. из Танаиса.— ИКАМ.
Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б., 1965. Раскопки центральной части Танаиса (1955—1957 гг.) — МИА, 127.
Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б., 1974. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964—1972 гг.) — АПНП, I.
Артамонов М. И., 1948. Скифское царство в Крыму.— Вестник ЛГУ, 2.
Артамонов М. И., 1949. К вопросу о происхождении боспорских Спартокидов.— ВДИ, 1.
Артамонов М. И., 1966. Сокровища скифских курганов. Прага.
Ахмеров Р. Б., 1946. Обзор керамических мастерских эллинистического Херсонеса.— ВДИ, 2.
Ахмеров Р. Б., 1947. Амфоры древнегреческого Херсонеса (IV—II вв. до н. э.).— ВДИ, 1.
Ахмеров Р. Б., 1948. Клейменые черепицы древнегреческого Херсонеса.— ВДИ, 1.
Ахмеров Р. Б., 1949. Об астиномных клеймах эллинистического Херсонеса.— ВДИ, 4.

Ахмеров Р. Б., 1951. О клеймах керамических мастеров эллинистического Херсонеса.— ВДИ, 3.
Ашик А. Б., 1845. Керченские древности. О пантикапейской катакомбе, украшенной фресками. Одесса.
Ашик А. Б., 1848. Боспорское царство. Одесса.
Ашик А. Б., 1851. Часы досуга с присовокуплением писем о Керченских древностях. Одесса.
Бабков И. И., 1957. К вопросу о местонахождении Асандрова вала.— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев.
Барцева Т. Б., 1974. Про металлургійни сплави на території Північного Причорноморя в Кінці I тисячоліття до н. е. та в перших століттях н. е.— Археологія, 14.
Башкиров А. С., 1914. Историко-археологический очерк Крыма. Симферополь.
Башкиров А. С., 1927. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1926 г.— Труды ЭАМ I МГУ, 3.
Башкиров А. С., 1928. Археологическое обследование Таманского полуострова летом 1927 г.— Труды секции РАНИОН, III.
Башкиров А. С., 1950. Отчет об историко-археологических изысканиях на Таманском полуострове летом 1948 г.— Уч. зап. Московского ГПИ им. В. П. Потемкина, 13.
Башкиров А. С., 1957. Историко-археологические изыскания на Таманском полуострове в 1949—1951 гг.— Уч. зап. Ярославского ГПИ, XXII (XXXII).
Беккер П. В., 1850. Тирас и тириты.— ЗООИД, VIII, отд. второе.
Беккер П. В., 1853. Берег Понта Евксинского от Истра до Борисфена в отношении к древним его колониям.— ЗООИД, III.
Белов Г. Д., 1927. Римские приставные склепы № 1013 и 1014 в Херсонесе.— Хсб., II.
Белов Г. Д., 1930. Терракоты Херсонеса из раскопок 1908—1914 гг.— Хсб., III, 3.
Белов Г. Д., 1936а. Музей и раскопки Херсонеса. Крымиздат.
Белов Г. Д., 1936б. Раскопки Херсонеса в 1934 г. Симферополь.
Белов Г. Д., 1938а. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935—1936 гг. Симферополь.
Белов Г. Д., 1938б. Новая херсонесская мозаика.— ВДИ, 3/4.
Белов Г. Д., 1940а. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1931—1933 гг. Симферополь.
Белов Г. Д., 1940б. Херсонесские рельефы.— ВДИ, 3/4.
Белов Г. Д., 1945. Краснофигурный кратер из Херсонеса — ТОАМ, I.
Белов Г. Д., 1946. Античные материалы из раскопок в Херсонесе в 1940 г.— КСИИМК, XII.
Белов Г. Д., 1948а. Херсонес Таврический. Л.
Белов Г. Д., 1948б. Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи.— ВДИ, 1.
Белов Г. Д., 1950а. Античный дом в Херсонесе.— ВДИ, 2.
Белов Г. Д., 1950б. Некрополь Херсонеса классической эпохи.— СА, XIII.
Белов Г. Д., 1952. Херсонесские винодельни.— ВДИ, 2.
Белов Г. Д., 1953а. Северный прибрежный район Херсонеса.— МИА, 34.
Белов Г. Д., 1953б. Эллинистическая мозаика.— МИА, 34.
Белов Г. Д., 1953в. Западная оборонительная стена и некрополь возле нее.— МИА, 34.
Белов Г. Д., 1955. Итоги раскопок в Херсонесе в 1949—1953 гг.— СА, XXIV.
Белов Г. Д., 1959. К вопросу об изучении экономики Херсонеса эллинистического периода.— ПИСПАЭ.
Белов Г. Д., 1962. Эллинистический дом в Херсонесе.— ТГЭ, VII.
Белов Г. Д., 1963. Из истории экономической жизни Херсонеса во II—IV вв. н. э.— АГ.
Белов Г. Д., 1964. Раскопки в Херсонесе в 1961 г.— СГЭ, XXV.
Белов Г. Д., 1965. Стеклоделие в Херсонесе.— СА, 3.
Белов Г. Д., 1967. Terra sigillata из Херсонеса.— СА, 4.
Белов Г. Д., 1969. Стеклоделательная мастерская в Херсонесе.— КСИА, 116.
Белов Г. Д., 1970. Терракоты из Херсонеса.— ТСП, I—II.
Белов Г. Д., 1971. Скульптура Херсонеса в собрании Эрмитажа.— КИАМ.
Белов Г. Д., 1972. Ионийская керамика из Херсонеса.— ТГЭ, XIII.
Белов Г. Д., 1977. Амфоры из некрополя Херсонеса (V—IV вв. до н. э.).— ИКАМ.
Белов Г. Д., 1981. Некрополь Херсонеса классической эпохи.— СА, 3.
Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., 1953. Кварталы XV и XVI. Раскопки 1937 г.— МИА, 34.
Белов Г. Д., Стржелецкий С. Я., Якобсон, 1953. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947, 1948 гг.).— МИА, 34.
Белова Н. С., 1961. Археологические разведки в Китее.— КСИА, 83.
Беляев С. А., 1968а. К интерпретации CIL VIII, 629.— ВДИ, 4.
Беляев С. А., 1968б. Позднеантичные надписи на амфорах из раскопок Херсонеса.— НЭ, VII.
Беляев С. А., 1968в. Краснолаковая керамика Херсонеса IV—VI вв.— АИКСП.
Беньковский П., 1904. О терракотовых повозочках из Керчи.— ИАК, 9.
Беренбейм Д. Я., 1958. О пути греков через Черное море.— СА, 3.
Берзин Э. О., 1958. Синдика, Боспор и Афины в последней четверти V в. до н. э.— ВДИ, 1.
Берзин Э. О., 1959. Из истории производства клейменой черепицы на Боспоре.— СА, 4.
Берзина С. Я., 1962. Производство гипсовых изделий на Боспоре.— АИБ, II.
Бертье-Делагард А. Л., 1893а. Раскопки Херсонеса.— МАР, 12.
Бертье-Делагард А. Л., 1893б. Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса.— ЗООИД, XVI.
Бертье-Делагард А. Л., 1906. Значение монограмм на монетах Херсонеса.— ЗНОРАО, I.
Бертье-Делагард А. Л., 1907. Древний Херсонес по Страбону и раскопкам.— ИАК, 21.
Бертье-Делагард А. Л., 1911. Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене.— Нумизматический сборник, I.
Вібікова В. І., 1958. Фауна Ольвії на її периферії за матеріалами розкопок 1935—1948 рр.— АП, 7.
Бидзиля В., 1970. Скифские сокровища.— Наука и жизнь, 3.
Билимович З. А., 1973. Аттические зеркала в Северном Причерноморье.— В кн.: Памятники античного прикладного искусства. Л.
Блаватская Т. В., 1946. Надпись Агафа из Фанагории.— ВДИ, 4.
Блаватская Т. В., 1948. О финансовых коллегиях Ольвии и Истрии.— КСИИМК, XXII.
Блаватская Т. В., 1959. К вопросу о боспоро-афинских отношениях во второй половине V в. до н. э.— ПИСПАЭ.
Блаватская Т. В., 1965. Рескрипты царя Аспурга.— СА, 2.
Блаватский В. Д., 1938. Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг.— ВДИ, 2.
Блаватский В. Д., 1940. Раскопки Фанагории в 1938—1939 гг.— ВДИ, 3—4.
Блаватский В. Д., 1941а. Античная архитектура в Северном Причерноморье.— В кн.: Сборник трудов Академии архитектуры СССР. М.
Блаватский В. Д., 1941б. Отчет о раскопках Фанагории в 1936—1937 гг.— ТГИМ, XVI.
Блаватский В. Д., 1941в. Раскопки некрополя Тиритаки в 1933 г.— МИА, 4.
Блаватский В. Р., 1941г. Раскопки Фанагории в 1940 г.— ВДИ, 1.
Блаватский В. Д., 1946а. Чернофигурная ойнохоя Гос. Исторического музея.— ВДИ, 2.
Блаватский В. Д., 1946б. Битва при Фате и греческая тактика IV в. до н. э.— ВДИ, 1.
Блаватский В. Д., 1947а. Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М.
Блаватский В. Д., 1947б. Поліхромна ойнохоя в Ольвії.— Археологія, 1.
Блаватский В. Д., 1947в. Раскопки Пантикапея в 1945 г.— КСИА, XVII.
Блаватский В. Д., 1947г. Террасы Пантикапея.— КСИИМК, XXI.
Блаватский В. Д., 1948а. Античная архитектура Северного Причерноморья.— В кн.: Всеобщая история архитектуры. М., II, 2.
Блаватский В. Д., 1948б. Киммерийский вопрос и Пантикапей.— Вестник МГУ, 8.
Блаватский В. Д., 1949а. О посадке боспорской конницы.— КСИИМК, XXIX.

Блаватский В. Д., 1949б. Рецензия на книгу Г. Д. Белова «Херсонес Таврический».— ВДИ, 3.
Блаватский В. Д., 1950а. Античная культура в Северном Причерноморье.— КСИИМК, XXXV.
Блаватский В. Д., 1950б. Культурный слой античного городища.— КСИИМК, XXXV.
Блаватский В. Д., 1950в. О стратегии и тактике скифов.— КСИИМК, XXXIV.
Блаватский В. Д., 1950г. О строительном деле Фанагории.— ДИСИФ МГУ, 9.
Блаватский В. Д., 1950д. Раскопки Пантикапея.— КСИИМК, XXXIII.
Блаватский В. Д., 1951а. Материалы по истории Пантикапея.— МИА, 19.
Блаватский В. Д., 1951б. Разведки в Анапе.— КСИИМК, XXXVII.
Блаватский В. Д., 1951в. Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг.— МИА, 19.
Блаватский В. Д., 1951г. Харакс.— МИА, 19.
Блаватский В. Д., 1951д. Каменное ядро из Фанагории.— КСИИМК, XXXIX.
Блаватский В. Д., 1951е. Раскопки Пантикапея (1949).— КСИИМК, XXXVII.
Блаватский В. Д., 1952а. Исследования города Пантикапея.— АИБ, I.
Блаватский В. Д., 1952б. Первый год работы Синдской экспедиции.— КСИИМК. XLIII.
Блаватский В. Д., 1953а. Второй год работ Синдской экспедиции.— КСИИМК, LI.
Блаватский В. Д., 1953б. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М.
Блаватский В. Д., 1953в. История античной расписной керамики. М.
Блаватский В. Д., 1953г. Новые данные о строительстве Пантикапея.— СА, XVII.
Блаватский В. Д., 1954а. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М.
Блаватский В. Д., 1954б. Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья.— СА, XX.
Блаватский В. Д., 1954в. Архаический Боспор.— МИА, 33.
Блаватский В. Д., 1955а. О пантикапейской весовой системе.— СА, XXIII.
Блаватский В. Д., 1955б. Третий год работ Синдской экспедиции.— КСИИМК, 58.
Блаватский В. Д., 1955в. Раскопки Пантикапея в 1952 г.— КСИИМК, 58.
Блаватский В. Д., 1955г. О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями.— СА, XXIV.
Блаватский В. Д., 1956а. Раскопки Пантикапея в 1953 г.— КСИИМК, 63.
Блаватский В. Д., 1956б. Фанагорийская стенная роспись.— МИА, 57.
Блаватский В. Д., 1957а. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг.— МИА, 56.
Блаватский В. Д., 1957б. Четвертый год раскопок в Синдике.— КСИИМК, 70.
Блаватский В. Д., 1957в. Мраморный трон из Пантикапея.— СА, 2.
Блаватский В. Д., 1958а. О подводной археологии.— СА, 3.
Блаватский В. Д., 1958б. Об археологическом исследовании хоры.— Вестник МГУ, 4.
Блаватский В. Д., 1958в. Об этническом составе населения Пантикапея в IV—III вв. до н. э.— СА, XXVIII.
Блаватский В. Д., 1959а. Исследования Раевского городища в 1954 г.— КСИИМК, 77
Блаватский В. Д., 1959б. Процесс исторического развития античных городов в Северном Причерноморье.— ПИСПАЭ.
Блаватский В. Д., 1959в. О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э.— СА, XXIX—XXX.
Блаватский В. Д., 1959г. Пятый год работ в Синдике.— КСИИМК, 74.
Блаватский В. Д., 1959д. О производстве «мегарских» чаш в Пантикапее.— КСИИМК, 75.
Блаватский В. Д., 1960. Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг.— СА, 2.
Блаватский В. Д., 1961а. Античная археология Северного Причерноморья. М.
Блаватский В. Д., 1961б. Подводные раскопки Фанагории в 1959 г.— СА, 1.
Блаватский В. Д., 1962а. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945—1959, 1952 и 1953 гг.— МИА, 103.
Блаватский В. Д., 1962б. Подводные разведки в Ольвии — СА, 3.
Блаватский В. Д., 1963. Античный город.— АГ.
Блаватский В. Д., 1964а. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (VII—IV вв. до н. э.) — СА, 2.
Блаватский В. Д., 1964б. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья (IV в. до н. э.— III в. н. э.) — СА, 4.
Блаватский В. Д., 1964в. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.
Блаватский В. Д., 1964г. Подводная археология и ее задачи.— Вопросы истории, 12.
Блаватский В. Д., 1965. Техника подводных археологических работ.— МИА, 129.
Блаватский В. Д., 1967. Античная полевая археология. М.
Блаватский В. Д., 1968. ΒΟΡΙΣΘΕΝΙΣ.— ВДИ, 4.
Блаватский В. Д., 1976. О Рескупориде Первом.— СА, 4.
Блаватский В. Д., 1978. Дионисий Ольвианский.— СА, 3.
Блаватский В. Д., Кошеленко Г. А., 1963. Открытие затонувшего мира. М.
Блаватский В. Д., Кузищин В. И., 1959. Подводные разведки древней Фанагории.— Вестник АН СССР, 1.
Блаватский В. Д., Кузищин В. И., 1961. Подводные разведки в 1958 г.— КСИИМК, 83.
Блаватский В. Д., Петерс Б. Г., 1967. Подводные археологические работы в районе Евпатории.— КСИА, 109.
Блаватский В. Д., Петерс Б. Г., 1969а. Кораблекрушение конца IV — начала III в. до н. э. около Донузлава.— СА, 3.
Блаватский В. Д., Петерс Б. Г., 1969б. Приемы подводных археологических работ при изучении остатков древнего кораблекрушения.— В кн.: Морские подводные исследования. М.
Блаватский В. Д., Шелов Д. Б., 1955. Разведки на Керченском полуострове.— КСИИМК, 58.
Бларамберг И. П., 1848. Замечания на некоторые места древней географии Тавриды.— ЗООИД, II.
Бларамберг И. П., 1889. О положении трех тавро-скифских крепостей, упоминаемых Страбоном.— ИТУАК, 7—8.
Бобринский А. А., 1905. Херсонес Таврический. М.
Богданова-Березовская И. В., 1969. Статуэтки Диоскуров из Неаполя Скифского (Химико-технологическое исследование).— СА, 1.
Богданова-Березовская И. В., Наумов Д. В., Ковнурко Г. М., 1964. Химико-петрографическое исследование черепиц из Ольвии.— В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.; Л.
Болдырев А. В., Боровский Я. М., 1948. Техника военного дела и мореходства.— В кн.: Эллинистическая техника. М.; Л.
Болтенко М. Ф., 1930. До питання про час виникнення та назву давнішаі йонійськоі оселі над Бористеном.— Вісник Одеськоі комісіі краезнавства, 3—4.
Болтенко М. Ф., 1949. Про назву острова Березань.— Вісті Одеського держ. ун-та, 3.
Болтенко М. Ф., 1960. Исторические судьбы острова Березань.— ЗОАО, I (34).
Болтунова А. И., 1950. К надписи Хариксена, сына Хариксена.— ВДИ, 4.
Болтунова А. И., 1964а. Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора.— ВДИ, 3.
Болтунова А. И., 1964б. К истории Танаиса (по данным эпиграфики).— Klio, 42.
Болтунова А. И., 1965. Греческие надписи в донских музеях.— НЭ, V.
Болтунова А. И., 1966. О культе Зевса Сотера на Боспоре.— КАМ.
Болтунова А. И., 1968. Новая строительная надпись из Танаиса.— АИКСП.
Болтунова А. И., 1969. Раскопки оборонительной стены западного района Танаиса (1958—1968 гг.).— МИА, 154.
Болтунова А. И., 1972. Новая строительная надпись.— В кн.: Танаис и Нижний Дон. М.
Болтунова А. И., 1977. Зевс Отчий и Зевс Спаситель.— ВДИ, 2.
Бондар М. М., 1954а. Торгові відносини Ольвіі з містами античного світу в VI—IV ст. до н. е.— Історичний сбірник Київського держ. ун-та, 5.
Бондар М. М., 1954б. До питання про торговельні зносини Ольвіі в VI—I ст. до н. е.— Археологія, 11.
Бондарь Н. Н., 1955. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI—V вв. до н. э.— СА, XXIII.

Бондар М. М., 1965а. До питання про характер торговельних зносин Ольвії з Скіфиєю.— Наукові зап. Київского держ. ун-та, XV, 6.
Бондарь Н. Н., 1956б. Торговые сношения Ольвии со Скифией в IV—I вв. до н. э.— СА, XXV
Бондар М. М., 1957. Торгівля Ольвії з грецькими містами в елліністичний час.— Археологія, 11.
Бондар М. М., 1961. Торгові зносини Ольвії з містами Причорномор'я в елліністичний час.— Археологія, 13.
Бондарь Р. Д., 1971. Археологические раскопки у с. Орловка.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1968 г. Киев.
Бондарь Р. Д., 1973. Некоторые проблемы истории нижнедунайского лимеса.— ВДИ, 3.
Борисковская С. П., 1972. Мастера и стилистические группы позднекоринфских ориентализирующих ваз.— ТГЭ, XIII.
Борисова В. В., 1949. Амфорные ручки с именами астиномов древнего Херсонеса.— ВДИ, 3.
Борисова В. В., 1958. Гончарные мастерские Херсонеса.— СА, 4.
Борисова В. В., 1961. Черепица с клеймами римских легионов.— СХМ, II.
Борисова В. В., 1963. Раскопки в цитадели в 1958—1959 гг.— СХМ, III.
Борисова В. В., 1966а. Херсонес.— КП.
Борисова В. В., 1966б. Керамическое производство античного Херсонеса (о материалам раскопок эргастериев конца IV—II вв. до н. э.). Канд. дис. Архив ИА АН СССР.
Борисова В. В., 1966в. Харакс.— КП.
Борисова В. В., 1974. Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор.— НЭ, XI.
Бороздин И. Н., 1925а. Новейшие археологические открытия в Крыму (Раскопки на Гераклейском полуострове). М.
Бороздин И. Н., 1925б. О раскопках на Гераклейском полуострове.— Новый Восток, 7.
Бороздин И. Н., 1927. Херсонес Таврический (к столетнему юбилею раскопок) — Хочу все знать, 11.
Брабич В. М., 1956. Особенности кризиса денежного обращения на Боспоре в III в. до н. э.— КСИИМК, 66.
Брашинский И. Б., 1955. К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н. э.— ВДИ, 2.
Брашинский И. Б., 1958. Понтийская экспедиция Перикла.— ВДИ, 3.
Брашинский И. Б., 1959. Афинский декрет 323/2 года до н. э.— КСИИМК, 74.
Брашинский И. Б., 1960. Ольвия и Афины в IV в. до н. э.— ЗОАО, I(34).
Брашинский И. Б., 1961а. Амфоры из раскопок Елизаветовского могильника в 1959 г.— СА, 3.
Брашинский И. Б., 1961б. Успехи керамической эпиграфики.— СА, 2.
Брашинский И. Б., 1962. Из истории торговли Северного Причерноморья с Мендой в V—IV вв. до н. э.— НЭ, III.
Брашинский И.Б., 1963а. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э. М.
Брашинский И. Б., 1963б. К вопросу о торговых связях Ольвии с Эгиной.— КСИА, 95.
Брашинский И. Б., 1963в. Экономические связи Синопы в IV—II вв. до н. э.— АГ.
Брашинский И. Б., 1964. Комплекс кровельной черепицы из раскопок ольвийской агоры 1959—1960 гг.— В кн.: Ольвия, Теменос и агора. М.; Л.
Брашинский И. Б., 1965а. Керамические клейма Гераклеи Понтийской.— НЭ, V.
Брашинский И. Б., 1965б. Клазоменская гидрия из Ольвии.— СА, 3.
Брашинский И. Б., 1965в. О некоторых династических особенностях правления Спартокидов.— ВДИ, 1.
Брашинский И. Б., 1967. Новые данные о торговле Ольвии с Самосом.— КСИА, 109.
Брашинский И. Б., 1968а. Значение черноморских проливов в развитии экономических связей Причерноморья в VI—IV вв. до н. э.— Sudien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest.
Брашинский И. Б., 1968б. К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху.— АИСКП.
Брашинский И. Б., 1968в. Материалы к изучению торговых связей Ольвии.— СА, 2.
Брашинский И. Б., 1968г. Новые материалы к изучению экономических связей Ольвии в VI—IV вв. до н. э.— Archaeologia (Warszawa), XIX.
Брашинский И. Б., 1970. Новые данные о греческом импорте на Нижнем Дону.— КСИА, 124.
Брашинский И. Б., 1976а. Методика изучения стандартов древнегреческой керамической тары.— СА, 3.
Брашинский И. Б., 1976б. Амфоры Менды.— ХКААМ.
Брашинский И. Б., 1976в. Аттическая расписная и чернолаковая керамика V в. до н. э. из Елизаветовского могильника.— ТГЭ, XVII.
Брашинский И. Б., 1977. Некоторые вопросы методики исследования импорта товаров в керамической таре в античное Причерноморье.— КСИА, 148.
Брашинский И. Б., 1980. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V—III вв. до н. э. Л.
Брашинский И. Б., Демченко А. И., 1969. Исследования Елизаветинского могильника в 1966 году.— КСИА, 116.
Бритова Н. Н., 1971. Искусство античных городов Северного Причерноморья.— В кн.: История искусства народов СССР. М., I.
Брун Ф. К., 1853. О местоположении Тираса.— ЗООИД, III.
Брун Ф. К., 1880. Черноморье. Исследование по исторической географии Южной России. Одесса, II.
Бузескул В. П., 1924. Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Ч. II. Древнегреческий мир. СПб.
Бузескул В. П., 1927. Изучение древностей северного побережья Черного моря и их значение с точки зрения греческой и мировой культуры. Киев.
Буйских С. Б., 1976. Городище Мыс в системе обороны Ольвии.— В кн.: Открытия молодых археологов Украины. Киев, I.
Булатович С. А., 1971. Монетные находки на острове Левке.— МАСП, 7.
Бураков А. В., 1966. Известково-гипсовые карнизы и фрески Козырского городища.— КАМ.
Бураков А. В., 1976. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев.
Бурачков П. О., 1875. О местоположении древнего города Керкинитиса и монетах, ему принадлежащих.— ЗООИД, IX.
Бурачков П. О., 1881. Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природою местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войн Диофанта, полководца Митридата, со скифами.— ЗООИД, XII.
Бурачков П. О., 1884. Сборник материалов для изучения искусства и монетного производства у народов, живших в древности на юге России. Ч. I. Общий каталог монет, принадлежавших эллинским колониям северного берега Черного моря. Одесса.
Бурдак В. Д, Щеглов А. Н., 1966. О темпе роста, возрастном составе стад и миграциях некоторых морских рыб в античную эпоху.— В кн.: Эколого-морфологические исследования некоторых животных. Киев.
Вальдгауэр О. Ф., 1907. Памятники древней скульптуры в Историческом музее в Москве.— ИАК, 23.
Вальдгауэр О. Ф., 1914. Античные глиняные светильники. СПб.
Вальдгауэр О. Ф., 1922. Афродита Урания и Афродита Пандемос.— ИРАИМК, II.
Василенко В. А., 1970. Заметки о гераклейских клеймах.— СА, 3.
Василенко Б. А., 1974. О характере клеймения гераклейских амфор в первой половине IV в. до н. э.— НЭ, XI.
Ваулина М. П., 1970. Фрагменты деревянного саркофага с резными карнизами из Керчи.— СА, 3.
Ваулина М. П., 1971. Деревянный саркофаг из кургана Юз-Оба.— КИАМ.
Веселов В. В., 1952. Древние городища в районе Синягина.— АИБ, I.
Веселов В. В., 1959. Археологические разведки в восточной части Керченского полуострова.— СА, XXIX—XXX.
Веселов В. В., 1962. Новые формы и варианты клейм боспорских кровельных черепиц.— АИБ, II.
Веселовский Н. И., 1909. Танаис Младший.— Гермес, 6.
Веселовский Н. И., 1913. К вопросу о технике золотых рельефных украшений в греческом искусстве.— ИАК, 47.
Ветштейн Р. И., 1953. Керамическое производство Ольвии первых веков нашей эры.— Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Ветштейн Р. І., 1958. Керамічні випалювальні печі Ольвії перших столить н. е.— АП, 7.
Ветштейн Р. І., 1965. Ольвіська керамічна піч.— Археологія, 18.
Ветштейн Р. И., 1975. Местная керамика Ольвии первых веков нашей эры.— В кн.: Ольвия. Киев.
Винницкая Г. Г., 1949. Терракоты Ольвии и их значение как исторического источника.— Автореф. дисс... канд. ист. наук. Киев.
Винницкая Г. Г., 1951. Технологические основы производства терракот в Ольвии.— КСИИМК, XXXIX.
Виноградов Ю. Г., 1969. Киклические поэмы в Ольвии.— ВДИ, 3.
Виноградов Ю. Г., 1971а. Новые материалы по раннегреческой экономике.— ВДИ, 1.
Виноградов Ю. Г., 1971б. Древнейшее греческое письмо с острова Березань.— ВДИ, 4.
Виноградов Ю. Г., 1971в. Из истории архаической Ольвии.— СА, 2.
Виноградов Ю. Г., 1972. Керамические клейма острова Фасос.— НЭ, X.
Виноградов Ю. Г., 1976. О политическом единстве Березани и Ольвии.— ХКААМ.
Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О., 1976. Ольвийский декрет Каноба о деньгах и стоимость драгоценных металлов на Понте в IV в. до н. э. — ВДИ, 4.
Виноградов Ю. Г., Онайко Н. А., 1975. Об экономических связях Гераклеи Понтийской с Северным и Северо-Восточным Причерноморьем в эллинистическое и римское время.— СА, 1.
Вишневский В. И., Войцеия В. С., Крупник Л. И., Ранюк Ю. Н., 1969. Методы подводных исследований, применявшиеся при археологических работах в районе Херсонеса в 1964—1965 гг.— В кн.: Морские подводные исследования. М.
Воінственський М. А., 1958. Орнітофауна Ольвії. Київ.
Воинственский М. А., 1967. Ископаемая орнитофауна Украины.— Природная обстановка и фауна прошлого, 3.
Войцеховский С. Ф., 1929. Опыт восстановления рельефа Таманского п-ва применительно к эпохе Страбона и позднейшему времени. Зап. Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии. Ростов-на-Дону, III, I, 5—6.
Воронов А. А., 1975. Античное общественное здание III—II вв. до н. э. в Керчи. Проблемы реконструкции.— Архитектура СССР, 3.
Воронов А. А., Михайлова М. Б., 1975. Особенности новооткрытого античного памятника в Керчи.— Архитектурное наследство, 23.
Висотська Т. М., 1964. Про вирабництво скла в пізньоантичному Криму.— Археологія, 14.
Висотська Т. М., 1970. Городище Алма-Кермен у Криму.— Археологія, 24.
Высотская Т. Н., 1971. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М.
Высотская Т. Н., 1972. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев.
Вязьмітіна М. І., 1962. Золота Балка. Київ.
Гайдукевич В. Ф., 1934а. Античные керамические обжигательные печи. По раскопкам в Керчи и Фанагории 1929—1931 гг.— ИГАИМК, 80.
Гайдукевич В. Ф., 1934б. Строительные керамические материалы Боспора.— ИГАИМК, 104.
Гайдукевич В. Ф., 1937. Боспорские города Тиритака и Мирмекий на Керченском полуострове (по раскопкам 1932—1936 гг.).— ВДИ, 1.
Гайдукевич В. Ф., 1940а. Итоги последних раскопок древней Тиритаки.— КСИИМК, 4.
Гайдукевич В. Ф., 1940б. Находка античного бронзового штампа в Тиритаке.— СА, VI.
Гайдукевич В. Ф., 1940в. Раскопки Мирмекия и Тиритаки. Археологические разведки на Керченском полуострове в 1937—1939 гг.— ВДИ, 3—4.
Гайдукевич В. Ф., 1941а. Археологическое изучение Мирмекия.— МИА, 4.
Гайдукевич В. Ф., 1941б. Укрепленная Villa Rustica на Темир-горе.— СА, VII.
Гайдукевич В. Ф., 1941в. О местоположении древней Тиритаки.— МИА, 4.
Гайдукевич В. Ф., 1947. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времен Спартокидов.— КСИИМК, XVII.
Гайдукевич В. Ф., 1949а. Боспорское царство. М.; Л.
Гайдукевич В. Ф., 1949б. Рецензия на книгу Г. Д. Белова «Херсонес Таврический». — ВДИ, 3.
Гайдукевич В. Ф., 1950. Боспорский город Илурат.— СА, XIII.
Гайдукевич В. Ф., 1952а. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг.— МИА, 25.
Гайдукевич В. Ф., 1952б. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.— МИА, 25.
Гайдукевич В. Ф., 1952в. Боспорские города в свете археологических исследований последних двух десятилетий.— АИБ, I.
Гайдукевич В. Ф., 1952г. К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях.— МИА, 25.
Гайдукевич В. Ф., 1955. История античных городов Северного Причерноморья.— АГСП.
Гайдукевич В. Ф., 1958а. Виноделие на Боспоре.— МИА, 85.
Гайдукевич В. Ф., 1958б. Илурат. Итоги археологических исследований 1948—1953 гг.— МИА, 85.
Гайдукевич В. Ф., 1958в. Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эргастериях.— СА, XXVIII.
Гайдукевич В. Ф., 1958г. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946—1952 гг.— МИА, 85.
Гайдукевич В. Ф., 1959а. Мирмекий. Варшава, II.
Гайдукевич В. Ф., 1959б. Некрополи некоторых боспорских городов.— МИА, 69.
Гайдукевич В. Ф., 1960. Боспор и Аркадия.— ЗОАО, I (34).
Гайдукевич В. Ф., 1962. Еще раз о восстании Савмака.— ВДИ, 1.
Гайдукевич В. Ф., 1963а. Керамический комплекс II в. до н. э. из Мирмекия.— КСИА, 95.
Гайдукевич В. Ф., 1963б. Раскопки Мирмекия (1956—1961).— СГЭ, XXIV.
Гайдукевич В. Ф., 1965. Мирмекийские зольники-эсхары.— КСИА, 103.
Гайдукевич В. Ф., 1966а. Некоторые вопросы экономической истории Боспора.— ВДИ, 1.
Гайдукевич В. Ф., 1966б. Вотив Герея из Мирмекия.— КАМ.
Гайдукевич В. Ф., 1967. Новые данные по боспорской керамической эпиграфике.— КСИА, 109.
Гайдукевич В. Ф., 1968. К дискуссии о восстании Савмака.— АИКСП.
Гайдукевич В. Ф., 1969. О путях прохождения древнегреческих кораблей в Понте Эвксинском.— КСИА, 116.
Гайдукевич В. Ф., 1981. Уступчатые склепы. Эллинистическая усадьба Илурат. Л.
Гайдукевич В. Ф., Капошина С. И., 1951. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья.— СА, XV.
Галанина Л. К., 1965. Греческие поножи Северного Причерноморья.— АСГЭ, 7.
Галанина Л. К., 1970. Стеклянные сосуды из Курджипского кургана.— АСГЭ, 12.
Галанина Л. К., 1980. Курджипский курган. Л.
Ганіна О. Д., 1964. Античні посудини з торфовища на р. Супой. Археологія, 16.
Ганіна О. Д., 1970. Античні бронзи з Піщаного. Київ.
Герасимова М. М., 1971. К вопросу об этническом составе населения древнего Танаиса (III в. до н. э. — IV в. н. э.).— СЭ, 4.
Герасимова М. М., 1976. Население античной Фанагории по палеоантропологическим данным.— КСИА, 195.
Герц К. К., 1870. Археологическая топография Таманского полуострова. М.
Герц К. К., 1876. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском п-ве. М.
Герцигер Д. С., 1972. Покрывало из VII Семибратнего кургана.— ТГЭ, XIII.
Герцигер Д. С., 1973. Античные ткани в собрании Эрмитажа.— В кн.: Памятники античного прикладного искусства. Л.
Гилевич А. М., 1960. Раскопки участка перибола у 17 куртины оборонительных стен Херсонеса.— СХМ, I.
Гилевич А. М., 1965. Прибрежинский клад римских монет.— НЭ, V.
Гилевич А. М., 1968. Античные иногородние монеты из раскопок Херсонеса.— НиС, 3.
Гилевич А. М., 1974. Клад «ассов» из Ольвии.— НЭ, X.
Голенко К. В., 1951. О монетах, приписываемых Савмаку.— ВДИ, 4.
Голенко К. В., 1960а. Второй Патрейский клад монет (1951 г.) — НЭ, I.

Голенко К. В., 1960б. К хронологии заключительных монетных выпусков Боспора.— ЗОАО, I (34).

Голенко К. В., 1963. Еще о монетах, приписываемых Савмаку.— ВДИ, 3.

Голенко К. В., 1972. Заметки о медных боспорских монетах III в. до н. э.— ВДИ, 3.

Голенко К. В., Сокольский Н. И., 1968. Клад 1962 г. из Кеп.— НЭ, VII.

Голенко К. В., Шелов Д. Б., 1963. Монеты из раскопок Пантикапея 1945—1966 гг.— НиС, 1.

Головко И. Д., 1963. Несколько граффити Белгород-Днестровского музея.— КСОГАМ за 1961 г.

Головко И. Д., 1966. Эпиграфические находки.— МАСП, 5.

Головко И. Д., Бондарь Р. Д., Загинайло А. Г., 1965. Археологические исследования у с. Орловка Белгородского района Одесской обл. —КСОГАМ за 1963 г.

Голубцов В. В., 1914. Монеты Ольвии по раскопкам 1905—1908 гг.— ИАК, 51.

Голубцова Е. С., 1951. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М.

Гольденберг В. А., 1953. Северное Причерноморье как рынок рабов для средиземноморского мира.— ВДИ, 1.

Горбунова К. С., 1964. Чернофигурный кратер мастера Лидоса.— СА, 3.

Горбунова К. С., 1966. Раскопки на острове Березань в 1962—1964 гг.— СГЭ, XXVII.

Горбунова К. С., 1971. Серебряные килики из Семибратних курганов.— КИАМ.

Горбунова К. С., 1972. Аттические вазы группы St. Valentin.— ТГЭ, XIII.

Горбунова К. С., 1976. Фрагменты аттических чернофигурных чаш с острова Березань.— ХКАМ.

Горбунова К. С., 1977. Краснофигурный килик, найденный в некрополе Панское I.— ИКАМ.

Городцов В. А., 1928. К вопросу о киммерийской культуре.— ТСА РАНИОН, II.

Готье Ю. В., 1925. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы. Л.

Гошкевич В. И., 1912. Летопись музея за 1909, 1910 и 1911 гг. Херсон.

Граков Б. Н., 1929. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М.

Граков Б. Н., 1935. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее.— ИГАИМК, 104.

Граков Б. Н., 1939а. Клейменая тара эпохи эллинизма как источник для истории производства и торговли. Архив ИА АН СССР, р-1, № 538.

Граков Б. Н., 1939б. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии.— ВДИ, 3.

Граков Б. М., 1947. Чи мала Ольвiя торговельни зносини с Поволжям i Приураллям в архаiчну та класичну епохи? — Археологiя, 1.

Граков Б. Н., 1948. Литейное и кузнечное ремесло у скифов.— КСИИМК, XXII.

Граков Б. Н., 1954. Каменское городище на Днепре.— МИА, 36.

Граков Б. Н., 1959. Греческое граффито из Немировского городища.— СА, 1.

Граков Б. Н., 1968. Легенда о скифском царе Арианте.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М.

Граков Б. Н., 1971. Скифы. М.

Граков Б. Н., 1977. Ранний железный век. М.

Грач Н. Л., 1967. Раскопки в Нимфее.— АО 1966 г.

Грач Н. Л., 1968. О Горгиппе и некоторых династических особенностях правления ранних Спартокидов.— АИКСП.

Грач Н. Л., 1970. О местной скульптуре Боспора (к вопросу о статуях-полуфигурах).— Wissenschaftliche Zeitschrift der Universitat Rostoc, 19 Jahrgang, 8.

Грач Н. Л., 1976. Свинцовые гири из Нимфея и некоторые вопросы боспорской весовой метрологии.— ТГЭ, XVII.

Грач Н. Л., 1979. Древнейшие винодельческие сооружения на Боспоре.— В кн.: Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. Л.

Гриневич К. Э., 1926. Стены Херсонеса Таврического.— Хсб., I.

Гриневич К. Э., 1927а. Археологические разведки в северовосточной части Керченского полуострова.— ИТОИАЭ, I (58).

Гриневич К. Э., 1927б. Стены Херсонеса Таврического.— Хсб., II.

Гриневич К. Э., 1927в. Сто лет херсонесских раскопок (1827—1927). Севастополь.

Гриневич К. Э., 1928. Страбоновский Херсонес в свете новейших археологических раскопок.— ИТОАИЭ, II.

Гриневич К. Э., 1929. Рост территории древнего Херсонеса.— ИТОАИЭ, III.

Гриневич К. Э., 1931. Исследование подводного города в 1930—1931 гг. М.

Гриневич К. Э., 1946. Оборона Боспора Киммерийского.— ВДИ, 2.

Гриневич К. Э., 1947. Херсонес и Рим.— ВДИ, 2.

Гриневич К. Э., 1952. Юз-Оба.— АИБ, I.

Гриневич К. Э., 1963. К вопросу об экономике древней Ольвии.— АГ.

Даниленко В. Н., 1966. Просопография Херсонеса IV—II вв. до н. э. (По эпиграфическим и нумизматическим данным Северного Причерноморья).— В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск, 4.

Даниленко В. Н., 1969. Надгробные стелы.— СХМ, IV.

Дашевская О. Д., 1958. Лепная керамика Неаполя Скифского.— МИА, 69.

Дашевская О. Д., 1967. Раскопки южнодонузлавского городища в 1963—1965 гг.— КСИА, 109.

Дашевская О. Д., 1969. Античная башня на городище Беляус.— КСИА, 116.

Дашевская О. Д., 1970а. Два склепа Беляусского могильника.— КСИА, 119.

Дашевская О. Д., 1970б. Два граффити на амфорах южнодонузлавского городища.— КСИА, 124.

Дашевская О. Д., 1970в. О происхождении названия города Керкинитиды.— ВДИ, 2.

Дашевская О. Д., 1971. Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М.

Дашевская О. Д., Щеглов А. Н., 1965. Херсонесское укрепление на городище Беляус.— СА, 2.

Денисова В. И., 1981. Коропластика Боспора. Л.

Деопик Д. В., Карапетьянц А. М., 1970. Некоторые принципы описания применительно к возможностям статистического анализа.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.

Десятчиков Ю. М., 1968. Появление катафрактариев на Боспоре. Сборник докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М.

Десятчиков Ю. М., 1972. Катафрактарий на надгробье Афения.— СА, 4.

Двенс-Литовская Н. Н., 1970. Почвы и растительность степного Крыма. Л.

Двенс-Литовский А. И., 1938. Тарханкутский полуостров.— В кн.: Очерки по физической географии Крыма. Л., 2.

Дзис-Райко Г. А., 1963. О некоторых итогах разведки левобережья низовьев Днестра и Днестровского лимана.— КСОГАМ за 1961 г.

Дзис-Райко Г. А., 1966. Археологические исследования городища у с. Надлиманское.— МАСП, 5.

Дирин А. А., 1896. Мыс Зюк и сделанные на нем археологические находки.— ЗООИД, XIX.

Джитров Л. Д., 1949. Белгород-Днестровская археологическая экспедиция.— АП, 2.

Джитров Л. Д., 1952. Розкопки в м. Бiлгородi-Днiпровському в 1947 г.— АП, 4.

Джитров Л. Д., 1955. Основные итоги Измаильской археологической экспедиции 1949—1951 гг.— АП, 5.

Доватур А. И., 1961. Опыт восстановления надписи.— ВДИ, 1.

Долгоруков В. С., 1967. Позднеантичное поселение на городище Батарейка II.— КСИА, 109.

Долгоруков В. С., 1968. Северопонтийские античные механизмы. Сборник докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М.

Долгоруков В. С., 1970. История эллинского градостроительства VII—II вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Долгоруков В. С., 1975. Исследования береговой части Фанагории в 1971—1972 гг.— КСИА, 143.

Долгоруков В. С., 1976. Фанагорийская винодельня I—II вв. н. э.— КСИА, 145.

Доманский Я. В., 1955. Нижнее Побужье в VII—V вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.

Доманский Я. В., 1961. Из истории поселений Нижнего Побужья в VII—IV вв. до н. э.— АСГЭ, 2.

Доманский Я. В., 1965. О начальном периоде существования греческих городов Северного Причерноморья.— АСГЭ, 7.
Доманский Я. В., 1970. Заметки о характере торговых связей греков с туземным миром Северного Причерноморья в VII в. до н. э.— АСГЭ, 12.
Доманский Я. В., 1974. К предыстории Херсонеса Таврического.— Античный мир и археология. Саратов, 2.
Доманский Я. В., Копейкина Л. В., Марченко К. К., 1978. Из истории Нижнего Побужья в VII—V вв. до н. э. (Березань, Ольвия, Ольвийская округа).— В кн.: Проблемы археологии. Л., 2.
Домбровський О. І., 1957. Розкопки античного театру в Херсонесі.— Археологія, 10.
Домбровский О. И., 1960. Античный театр в Херсонесе (раскопки 1954—1958 гг.).— СХМ, I.
Дудкин В. П., 1971. Дипольно-осевое электропрофилирование в археологической разведке.— МАСП, 7.
Думберг К. Е., 1901. Раскопки курганов на Зубовском хуторе Кубанской области.— ИАК, I.
Дьяков В. Н., 1930. Древности Ай-Тодора.— В кн.: Сборник трудов Алупкинского историко-бытового музея.— Ялта, I.
Дьяков В. Н., 1940. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия.— ВДИ, 3-4.
Дьяков В. Н., 1941. Оккупация Таврики Римом в I в н. э.— ВДИ, 1.
Дьяков В. Н., 1942. Таврика в эпоху римской оккупации.— Учен. зап. Московского ГПИ им. Н. К. Крупской, XXVIII, 1.
Дюбрюкс П., 1858. Описание развалин и следов древних городов и укреплений, некогда существовавших на европейском берегу Босфора Киммерийского, от входа в пролив близь Еникальского маяка до горы Опук включительно, при Черном море.— ЗООИД, IV.
Дюбрюкс П., 1889. Извлечение из дневника раскопок, произведенных в нескольких керченских курганах в 1817—1818 гг.— ЗООИД, XV.
Ельницкий Л. А., 1949. Подпись под статуей из Анапы.— ВДИ, 4.
Ельницкий Л. А., 1964. О малоизученных или утраченных греческих надписях Северного Причерноморья.— ВДИ, 1.
Ернштедт Е. В., 1941. Статуэтка Диониса из Тиритаки.— СА, VII.
Есипенко А. Л., 1951. Петуховская оборонительная система (I в. до н. э.— IV в. н. э.).— КСИИМК, XXXIX.
Жебелев С. А., 1901. Пантикапейские Ниобиды. СПб.
Жебелев С. А., 1953. Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л.
Жебелев С. А., Мальмберг В. К., 1907. Три археологические бронзы из Херсонской губернии.— МАР, 32.
Жеребцов Е. Н., 1976. Новые данные к аграрной истории Херсонеса IV—I вв. до н. э.— КСИА, 145.
Жеребцов Е. Н., 1979. Новое о Херсонесском склепе 1012.— КСИА, 159.
Житнева Л. Д., 1967. Промысловые рыбы и рыболовство в древней Ольвии (VII—VI вв. до н. э. — III в. н. э.).—Зоологический журнал, 46, 1.
Забелин И. Е., 1878. Объяснение Страбоновых свидетельств о местностях Боспора Киммерийского. Реферат.— Труды XIII Археологического съезда, 2, Киев.
Загинайло А. Г., 1966. Монетные находки на Роксоланском городище.— МАСП, 5.
Загинайло А. Г., 1976. К вопросу об экономических связях Западного и Северо-Западного Причерноморья по нумизматическим данным.— МАСП, 8.
Загинайло А. Г., Нудельман А. А., 1971. Дороцкий клад древнегреческих серебряных монет IV в. до н. э.— МАСП, 7.
Зайцева К. И., 1962. Местная керамика Ольвии эллинистического времени.— ТГЭ, VII.
Зайцева К. И., 1970. Расписная курильница-урна из Ольвии.— СА, 3.
Зайцева К. И., 1971а. Ольвийские культовые свинцовые изделия.— КИАМ.
Зайцева К. И., 1971б. Ольвийский сероглиняный канфар.— СГЭ, XXXIII.
Зайцева К. И., 1972. Кубки V—IV вв. до н. э. из Ольвии эллинистического времени.— ТГЭ, XIII.
Зайцева К. И., 1976. Ольвийская расписная керамика эллинистической эпохи.— ХКААМ.
Засецкая И. П., 1975. Золотые украшения гуннской эпохи. М.
Зедгенидзе А. А., 1978. Аттическая краснофигурная керамика из Херсонеса.— КСИА, 156.
Зедгенидзе А. А., 1979. О времени основания Херсонеса Таврического.— КСИА, 159.
Зеест И. Б., 1948а. Зернохранилища Пантикапея.— КСИИМК, XXIII.
Зеест И. Б., 1948б. О типах гераклейских амфор.— КСИИМК, XXII.
Зеест И. Б., 1949а. Разведочные работы в Киммерике.— КСИИМК, XXVII.
Зеест И. Б., 1949б. Раскопки Киммерика в 1947—1948 гг.— ВДИ, 3.
Зеест И. Б., 1950. Киммерийская мукомольная мастерская и зерновое хозяйство Боспора.— КСИИМК, XXXIII.
Зеест И. Б., 1951а. К вопросу о внутренней торговле Прикубанья с Фанагорией.— МИА, 19.
Зеест И. Б., 1951б. Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем.— ВДИ, 2.
Зеест И. Б., 1951в. Жилые дома древнего Киммерика.— КСИИМК, XXXVII.
Зеест И. Б., 1952. К вопросу о боспорских амфорах.— АИБ, I.
Зеест И. Б., 1953. Раскопки Феодосии.— КСИИМК, 51.
Зеест И. Б., 1955. Раскопки Гермонассы.— КСИИМК, 58.
Зеест И. Б., 1957. Пантикапейская керамика сарматского времени.— МИА, 56.
Зеест И. Б., 1960. Керамическая тара Боспора.— МИА, 83.
Зеест И. Б., 1961. Архаические слои Гермонассы.— КСИА, 83.
Зеест И. Б., 1967. Задачи исследования массового античного керамического материала.— КСИА, 109.
Зеест И. Б., 1974. Возникновение и первый расцвет Гермонассы.— СА, 4.
Зеест И. Б., Марченко И. Д., 1962. Типы толстостенной керамики Пантикапея.— МИА, 103.
Златковская Т. Д., 1951. Мезия в I—II вв. нашей эры. М.
Златковская Т. Д., 1955. Племенной союз гетов под руководством Биребисты (I в. н. э.).— ВДИ, 2.
Златковская Т. Д., 1959. О начальном периоде Тиры.— СА, 2.
Значко-Яворский И. Д., Белик Я. Г., Иллиминская В. Т., 1959. Экспериментальное исследование древних строительных растворов и вяжущих веществ.— СА, 4.
Зограф А. Н., 1930. Римские монеты в Ольвии.— ИГАИМК, VI, 4.
Зограф А. Н., 1938. Реформа денежного обращения в Боспорском царстве при Савромате II.— ВДИ, 2.
Зограф А. Н., 1940. Находки понтийских монет мифрадатовского времени в Ольвии.— В кн.: Ольвия. Киев, I.
Зограф А. Н., 1941. Находки монет в местах предполагаемых античных святилищ на Черноморье.— СА, VII.
Зограф А. Н., 1951. Античные монеты.— МИА, 16.
Зограф А. Н., 1955. Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья.— АГСП.
Зограф А. Н., 1957. Монеты Тиры. М.
Зубар В. М., 1977. Підбійні могили херсонеського некрополя.— Археологія, 24.
Зубарь В. М., 1978а. Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
Зубар В. М., 1978б. Склепи з нишами-лежанками з некрополя Херсонеса.— Археологія, 28.
Зуц В. Л., 1969. Територія ольвійської держави догетского часу.— Археологія, 22.
Иванов Э. И., 1912. Херсонес Таврический. Историко-археологический очерк. Симферополь.
Иванова А. П., 1941. Херсонесские скульптурные надгробия с портретными изображениями.— СА, VII.
Иванова А. П., 1950. Боспорские антропоморфные надгробия.— СА, XIII.
Иванова А. П., 1953. Искусство античных городов Северного Причерноморья. Л.
Иванова А. П., 1955. Художественные изделия из дерева и кости.— АГСП.
Иванова А. П., 1958. Анапский саркофаг и деревянная резьба на Боспоре в эпоху эллинизма.— ТГЭ, II.
Иванова А. П., 1961. Скульптура и живопись Боспора. Киев.
Иванова А. П., 1970. Сцена загробной трапезы на херсонесских надгробных рельефах.— Археологія, 23.
Иессен А. А., 1947. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л.
Иессен А. А., Миллер А. А., 1932. Таманская экспедиция в 1931 г.— СГАИМК, 11—12.
Кадеев В. И., 1963. Некоторые результаты спектрального исследования цветных металлов из позднеантичного Херсонеса.— СХМ, III.

Кадеев В. И., 1965. Подводные исследования в районе Херсонеса в 1964 г.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Тезисы докладов. Баку.
Кадеєв В. І., 1969а. Костерезне выробництво у пізньоантичному Херсонесі (I—IV ст. н. е.).— Археологія, 22.
Кадеев В. И., 1969б. Импортные светильники I—IV вв. н. э. из Херсонеса.— СА, 3.
Кадеев В. И., 1969в. Подводные археологические исследования в районе Херсонеса в 1964—1965 гг.— В кн.: Морские подводные исследования. М.
Кадеев В. И., 1970. Очерки истории и экономики Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э. Харьков.
Кадеев В. И., 1973а. Об этнической принадлежности скорченных погребений Херсонесского некрополя.— ВДИ, 4.
Кадеев В. И., 1973б. Раскопки в «центре участка».— В кн.: Античная древность и средние века, Свердловск, 9.
Кадеев В. И., 1974. Деревообрабатывающее производство Херсонеса в I—IV вв. н. э.— В кн.: Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев.
Кадеев В. И., 1975. Херсонес Таврический в I в. н. э.— III в. н. э. Автореф. дис. ...докт. ист. наук.
Кадеев В. И., 1981. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков.
Кадеев В. И., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д., 1963. О технике изготовления некоторых изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе.— СА, 1.
Кадеев В. И., Шуменко С. И., 1967. Некоторые результаты петрографических исследований античной керамики из Херсонеса.— ЗОАО, II (35).
Казакевич Э. Л., 1963. К полемике о восстании Савмака.— ВДИ, 1.
Казакова Л. М., Каменецкий И. С., 1970. Курганы Танаиса.— КСИА, 124.
Каллистов Д. П., 1938. Этюды из истории Боспора в римский период.— ВДИ, 2.
Каллистов Д. П., 1940. Политика Августа в Северном Причерноморье.— ВДИ, 2.
Каллистов Д. П., 1949. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л.
Каллистов Д. П., 1950. Измена Гилона.— ВДИ, 1.
Каллистов Д. П., 1956. Афинский морской союз.— В кн.: Древняя Греция / Под ред. В. В. Струве. М.
Каменецкий И. С., 1963. Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища.— КСИА, 94.
Каменецкий И. С., 1965. Датировка слоев по процентному соотношению типов керамики.— МИА, 129.
Каменецкий И. С., 1970. К теории слоя.— В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М.
Капошина С. И., 1956а. Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья.— МИА, 50.
Капошина С. И., 1956б. О скифских элементах в культуре Ольвии.— МИА, 50.
Капошина С. И., 1959. Некрополь в районе поселка им. Войкова близ Керчи.— МИА, 69.
Капошина С. И., 1967. Италийский импорт на Нижнем Дону.— ЗОАО, II (35).
Карасев А. Н., 1941. К вопросу о водоснабжении Ольвии.— СА, VII.
Карасев А. Н., 1948. Оборонительные сооружения Ольвии.— КСИИМК, XXII.
Карасев А. Н., 1955а. Архитектура.— АГСП.
Карасев А. Н., 1955б. Культовые сооружения в северной части Ольвийской агоры.— КСИА АН УССР, 4.
Карасев А. Н., 1956. Планы Ольвии XIX в., как источник для исторической топографии города.— МИА, 50.
Карасев А. Н., 1959. Развитие строительно-каменотесного ремесла в античных городах Северного Причерноморья.— ПИСПАЭ.
Карасев А. Н., 1963. Раскопки на городище Чайка близ Евпатории.— КСИА, 95.
Карасев А. Н., 1964. Монументальные памятники ольвийского теменоса.— В кн.: Ольвия. Теменос и агора.
Карасев А. Н., 1965а. Работы Ольвийской экспедиции ЛОИА в 1960—1962 гг.— КСИА, 103.
Карасев А. Н., 1965б. Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории.— КСИА, 103.
Карасев А. Н., 1972. Раскопки Ольвийской агоры в 1967—1969 гг.— КСИА, 130.
Карасев А. Н., 1975. К вопросу о водоснабжении ольвийского гимнасия.— КСИА, 143.
Карасев А. Н., Леви Е. И., 1958. Ольвийская агора.— СА, 4.
Карасев А. Н., Леви Е. И., 1975. Раскопки ольвийской агоры в 1970 г.— КСИА, 143.
Карасев А. Н., Леви Е. И., 1976. Исследования Ольвии после Б. В. Фармаковского.— ХКААМ.
Карышковский П. О., 1953. Боспор и Рим в I в. н. э. по нумизматическим данным.— ВДИ, 3.
Карижковський П. І., 1959а. З історії зовнішньополітичних звязків Ольвії. Ольвія та Родос.— МАСП, 2.
Карижковський П. І., 1959б. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії. 2. Ольвійськи аси.— Праци Одеського ун-та, 149, сер. іст. наук, 7.
Карышковский П. О., 1959в. Из истории монетного дела и денежного обращения в Ольвии в V—III вв. до н. э.— ПИСПАЭ.
Карышковский П. О., 1959г. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды.— ВДИ, 4.
Карышковский П. О., 1959д. Ольвия и Афинский союз.— МАСП, III.
Карышковский П. О., 1960а. Заметки по нумизматике античного Причерноморья.— ВДИ, 3.
Карышковский П. О., 1960б. Из истории денежного обращения в Северном Причерноморье в III в. до н. э.— ЗОАО, I (34).
Карышковский П. И., 1961а. Об эре Херсонеса Таврического. Киев: Одесса.
Карышковский П. О., 1961б. Ольвия и Родос по нумизматическим данным.— КСИА, 83.
Карышковский П. О., 1962. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды.— ВДИ, 3.
Карышковский П. О., 1964. Ольвия и Боспор по нумизматическим данным.— КСОГАМ за 1962 г.
Карышковский П. О., 1965а. Денежное обращение Ольвии в конце II и в первой половине I в. до н. э.— НЭ, V.
Карышковский П. О., 1965б. Ольвия и Херсонес по нумизматическим данным.— КСОГАМ за 1963 г.
Карышковский П. О., 1966а. К вопросу о древнем названии Роксоланского городища.— МАСП, 5.
Карышковский П. О., 1966б. Материалы к собранию древних надписей Сарматии и Тавриды.— ВДИ, 2.
Карышковский П. О., 1967а. Заметки об Ольвии и Борисфене.— КСОГАМ за 1965 г.
Карышковский П. О., 1967б. Монеты с изображением Гермеса.— ЗОАО, II (35).
Карижковський П. І., 1968. До питання про дату ольвійського декрету на часть Протогена.— Археологія, 21.
Карышковский П. О., 1969. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э.— IV в. н. э.) Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л.
Карышковский П. О., 1971а. Находки позднеримских и византийских монет в Одесской области.— МАСП, 7.
Карышковский П. О., 1971б. Из истории Тиры в I—II вв. н. э.— МАСП, 7.
Кастанаян Е. Г., 1950. Обряд тризны в Боспорских курганах.— СА, XIV.
Кастанаян Е. Г., 1951. Сарматские сосуды с ручками в виде животных.— СА, XV.
Кастанаян Е. Г., 1952. Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки.— МИА, 25.
Кастанаян Е. Г., 1955. Художественные элементы в лепной керамике Боспора.— АГСП, I.
Кастанаян Е. Г., 1958а. Лепная керамика Илурата.— МИА, 85.
Кастанаян Е. Г., 1958б. Раскопки Порфмия в 1953 г.— СА, 3.
Кастанаян Е. Г., 1959. Грунтовые некрополи боспорских городов V—IV вв. до н. э. и местные их особенности.— МИА, 69.
Кастанаян Е. Г., 1967. Лепная керамика боспорских городов. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Кастанаян Е. Г., 1972. Раскопки Порфмия в 1968 г.— КСИА, 130.
Кастанаян Е. Г., 1981. Лепная керамика боспорских городов. Л.
Кауфман С. А., 1947. Об уступчатых склепах Боспора — В кн.: Академия архитектуры СССР. Сообщения Института истории и теории архитектуры, 6.
Кац В. И., 1967. Внешняя торговля в экономике античного Херсонеса. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Кац В. И., 1972. О времени возникновения сельскохозяйственных усадеб на Гераклейском полуострове — В кн.: Античный мир и археология. Саратов, I.

Кене Б. В., 1848. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. СПб.

Кеппен П., 1837. О древностях южного берега Крыма и гор Таврических. СПб.

Кирилин Д. С., 1968. Трехбратние курганы в районе Тобечикского озера.— АИКСП.

Кирьянов А. В., 1962. Материалы по земледелию из раскопок античных поселений Боспора.— КСИА, 91.

Клейман И. Б., 1965. К вопросу о пребывании в Тире I киликийской когорты.— КСОГАМ за 1963 г.

Клейман И. Б., 1970а. Статуэтки из Тиры.— ТСП, I.

Клейман И. Б., 1970б. Терракоты с о. Левка (Белого острова) и святилища Ахилла-Понтарха.— ТСП, I.

Клейман И. Б., 1971. Раскопки помещения вексилляции I Италийского легиона в Тире — МАСП, 7.

Клейман И. Б., 1976а. К стратиграфии напластований римского времени в Тире.— МАСП, 8.

Клейман И. Б., 1976б. Новые находки терракот в Никонии.— ХКААМ.

Клейман И. Б., Ревенко К. И., 1950. Археологічні спостереження на західному березі Дністровського лиману.— МАСП, 2.

Книпович Н. М., 1922. Остатки морских раковин, найденных при раскопках Ольвии в 1905—1914 гг.— Изв. Ин-та археологической технологии. Л., I.

Книпович Т. Н., 1927. Ионийская ваза с Таманского полуострова и клазоменский стиль в памятниках греческих поселений северного побережья Черного моря — ИГАИМК, 5.

Книпович Т. Н., 1935а. К вопросу о торговых сношениях греков с областью реки Танаиса в VII—V вв. до н. э.— ИГАИМК, 104.

Книпович Т. Н., 1935б. Опыт характеристики городища у станицы Елисаветовской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г.— ИГАИМК, 104.

Книпович Т. Н., 1940а. Архаический некрополь на территории Ольвии.— КСИИМК, VI.

Книпович Т. Н., 1940б. Керамика местного производства из раскопа И.— в кн.: Ольвия. Киев, 1.

Книпович Т. Н., 1940в. Некрополь в северо-восточной части Ольвийского городища (по раскопам 1937 г.) — СА, VI.

Книпович Т. Н., 1941. Из истории художественной керамики Северного Причерноморья — СА, VII.

Книпович Т. Н., 1949а. Танаис. М.; Л.

Книпович Т. Н., 1949б. Ольвийская экспедиция.— КСИИМК, XXVII.

Книпович Т. Н., 1952. Краснолаковая керамика первых веков нашей эры из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг.— МИА, 25.

Книпович Т. Н., 1953а. Население Ольвии догетского периода по данным эпиграфических источников — КСИА, 2.

Книпович Т. Н., 1953б. Перистильный двор первых веков н. э. на территории римской цитадели в Ольвии — ВДИ, 1.

Книпович Т. Н., 1955а. Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья — АГСП.

Книпович Т. Н., 1955б. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья.— АГСП.

Книпович Т. Н., 1956а. Исследования римской цитадели в 1953 г.— КСИИМК, 63.

Книпович Т. Н., 1956б. Население Ольвии в VI—I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников.— МИА, 50.

Книпович Т. Н., 1958а. Василий Васильевич Латышев как исследователь Северного Причерноморья в античную эпоху.— СА, XXVIII.

Книпович Т. Н., 1958б. Эпиграфические находки из раскопок Ольвии. 1950—1954 гг.— СА, XXVIII.

Книпович Т. Н., 1966. К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена — ВДИ, 2.

Книпович Т. Н., Славин Л. М., 1941. Раскопки юго-западной части Тиритаки.— МИА, 4.

Кобылина М. М., 1941. Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г.— МИА, 4.

Кобылина М. М., 1948. Новый памятник боспорского искусства — стела Агафа.— ВДИ, 4.

Кобылина М. М., 1949а. Терракоты Фанагории местного производства.— ВДИ, 2.

Кобылина М. М., 1949б. Фанагорийская экспедиция.— КСИИМК, XXVII.

Кобылина М. М., 1950. Раскопки Фанагории (1948 г.) — КСИИМК, XXXIII.

Кобылина М. М., 1951а. Раскопки Фанагории (1949 г.) — КСИИМК, XXXVII.

Кобылина М. М., 1951б. Раскопки «южного» некрополя Фанагории в 1947 г.— МИА, 19.

Кобылина М. М., 1951в. Раскопки «восточного» некрополя Фанагории в 1948 г.— МИА, 19.

Кобылина М. М., 1951г. Поздние боспорские пелики.— МИА, 19.

Кобылина М. М., 1951д. Скульптура Боспора — МИА, 19.

Кобылина М. М., 1956. Фанагория.— МИА, 57.

Кобылина М. М., 1958. Мастерская коропласта в Пантикапее.— СА, XXXVIII.

Кобылина М. М., 1959а. Новые данные о фанагорийских винодельнях.— КСИИМК, 74.

Кобылина М. М., 1959б. О позднеэллинистической коропластике Пантикапея.— КСИИМК, 75.

Кобылина М. М., 1961. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М.

Кобылина М. М., 1962а. Скульптурный портрет из Фанагории — СА, 3.

Кобылина М. М., 1962б. Надгробье из Фанагории — КСИА, 89.

Кобылина М. М., 1963а. Исследования Фанагории в 1959—1960, 1962 гг.— СА, 4.

Кобылина М. М., 1963б. Раскопки центральной части Фанагории в 1959—1960 гг.— КСИА, 95.

Кобылина М. М., 1966а. Глиняный торс Геракла из Херсонеса.— КАМ.

Кобылина М. М., 1966б. Керамическое производство в Фанагории в IV в. до н. э.— СА, 3.

Кобылина М. М., 1967а. Раскопки юго-восточного района Фанагории в 1964 г.— КСИА, 109.

Кобылина М. М., 1967б. Форма с изображением сирены из Фанагории.— СА, 1.

Кобылина М. М., 1969. Сооружения V в. до н. э. на южной окраине Фанагории.— КСИА, 116.

Кобылина М. М., 1970а. Квартал ремесленников на южной окраине Фанагории.— КСИА, 124.

Кобылина М. М., 1970б. Терракотовые статуэтки Северного Причерноморья.— ТСП, I—II.

Кобылина М. М., 1970в. Терракоты из Тасунова.— ТСП, II.

Кобылина М. М., 1970г. Терракоты из Феодосии.— ТСП, II.

Кобылина М. М., 1972а. Античная скульптура Северного Причерноморья. М.

Кобылина М. М., 1972б. Фанагорийская кровельная черепица первых веков нашей эры.— КСИА, 130.

Кобылина М. М., 1975. Штамп с изображением Тихэ из Фанагории.— КСИА, 143.

Кобылина М. М., 1978. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века нашей эры. М.

Козуб Ю. И., 1960. Погребальный обряд ольвийского некрополя V—IV вв. до н. э.— ЗОАО, I (34).

Козуб Ю. I., 1974. Некрополь Ольвiї V—IV ст. до н. е. Київ.

Козуб Ю. И., 1975. Древнейшие святилища Ольвии.— В кн.: Ольвия. Киев.

Козуб Ю. И., 1976. Древнейший культовый комплекс Ольвии.— ХКААМ.

Колесникова Л. Г., 1969. Воинские надгробия.— СХМ, IV.

Колесникова Л. Г., 1973. Кому принадлежали антропоморфные надгробия Херсонеса.— СА, 3.

Колесникова Л. Г., 1977. Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса.— СА, 2.

Колли Л. П., 1909. Следы древних культур на дне морском.— ИТУАК, 43.

Колобова К. М., 1933а. К вопросу о судовладении в древней Греции.— ИГАИМК, 61.

Колобова К. М., 1933б. К вопросу о сарматском языке.— ИГАИМК, 100.

Колобова К. М., 1949. К истории вопроса о греческой колонизации.— ВДИ, 2.

Колобова К. М., 1951. К истории раннегреческого общества (о. Родос IX—VII вв. до н. э.). Л.

Колобова К. М., 1953. Политическое положение городов в Боспорском государстве.— ВДИ, 4.

Колобова К. М., 1967. Восстания рабов в античном обществе V—I вв. до н. э.— В кн.: Проблемы всеобщей истории. Л.

Кондараки В. Х., 1873. Универсальное описание Крыма. Николаев.

Коновалов А. А., 1973. Раскопки некрополя близ деревни Заозерная.— АО за 1972 г.

Копейкина Л. В., 1970. Особенности развития родосско-ионийской керамики в первой половине VI в. до н. э. и вопросы локализации некоторых ее групп.— ВДИ, 1.

Копейкина Л. В., 1972. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора.— ВДИ, 1.

Копейкина Л. В., 1973. Самый ранний образец расписной древнегреческой керамики из раскопок на острове Березань.— СА, 2.

Копейкина Л. В., 1975а. Новые данные об облике Березани и Ольвии в архаический период.— СА, 2.

Копейкина Л. В., 1975б. Северо-западный участок Березанского поселения (Результаты работ 1970—1974 гг.) — В кн.: Новые открытия советских археологов. Киев.

Копейкина Л. В., 1976. Некоторые итоги исследования архаической Ольвии.— ХКААМ.

Коровина А. К., 1962. Раскопки некрополя Тирамбы в 1959 г.— КСИА, 89.

Коровина А. К., 1968а. Группа надгробных стел Таманского полуострова.— СГМИИ, IV.

Коровина А. К., 1968б. Тирамба (городище и некрополь). Итог археологических работ экспедиции ГМИИ за 1959, 1961—1963 и 1965 годы.— СГМИИ, IV.

Коровина А. К., 1975. Раскопки древней Гермонассы за последние годы.— Жива антика, Скопле, 1—2.

Коровина А. К., 1977. Акротерий из Тирамбы.— ИКАМ.

Коровина А. К., Шелов Д. Б., 1965. Раскопки юго-западного участка Танаиса (1956—1957 гг.) — МИА, 127.

Корпусова В. Н., 1968. Могильник III—IV вв. н. э. у с. Заморское.— АИУ, 2.

Корпусова В. Н., 1971. Некрополь у с. Золотое.— КСИА, 128.

Косцюшко-Валюжинич К. К., 1891. Важное археологическое открытие в Крыму.— ИТУАК, 13.

Косцюшко-Валюжинич К. К., 1902. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1900 г.— ИАК, 2.

Косцюшко-Валюжинич К. К., 1915. Заметки о технике монетного дела в Херсонесе Таврическом.— Нумизматический сборник, III.

Кропоткин В. В., 1961. Клады римских монет на территории СССР. М.

Кропоткин В. В., 1970. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.— V в. н. э.). М.

Круг О. Ю., 1960. Оптическое исследование боспорской керамики. МИА, 83.

Круг О. Ю., 1965. Применение петрографии в археологии.— МИА, 129.

Круг О. Ю., Рындина Н. В., 1962. К вопросу о железной металлургии Пантикапея.— МИА, 103.

Круг О. Ю., Четвериков С. Д., 1961. Опыт применения петрографических методов к изучению керамики Боспорского царства.— СА, 3.

Кругликова И. Т., 1949. Костяная фигура Эрота из Керчи.— ВДИ, 2.

Кругликова И. Т., 1951. Фанагорийская местная керамика из грубой глины.— МИА, 19.

Кругликова И. Т., 1952а. Памятники эпохи бронзы из Киммерика.— КСИИМК, XLIII.

Кругликова И. Т., 1952б. Раскопки древнего Киммерика.— АИБ.

Кругликова И. Т., 1952в. Глиняный штамп из Киммерика.— КСИИМК, XLIII.

Кругликова И. Т., 1954. О местной керамике Пантикапея и ее значении для изучения состава населения этого города.— МИА, 33.

Кругликова И. Т., 1955а. Дакия в эпоху римской оккупации. М.

Кругликова И. Т., 1955б. К вопросу о керамическом производстве в Пантикапее (два пантикапейских клейма).— КСИИМК, 58.

Кругликова И. Т., 1955в. Поселение эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточном Крыму.— СА, XXIV.

Кругликова И. Т., 1956. Позднеантичные поселения на берегу Азовского моря.— СА, XXV.

Кругликова И. Т., 1957а. Ремесленное производство простой керамики Пантикапея в VI—III вв. до н. э.— МИА, 56.

Кругликова И. Т., 1957б. Исследование сельской территории европейского Боспора.— СА, 1.

Кругликова И. Т., 1957в. Поселение Золотое Восточное.— КСИИМК, 70.

Кругликова И. Т., 1957г. Изделия из кости и рога, найденные при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг.— МИА, 56.

Кругликова И. Т., 1958а. Новые данные об исторической географии крымского побережья Азовского моря.— СА, XXVIII.

Кругликова И. Т., 1958б. Киммерик в свете археологических исследований 1947—1951 гг.— МИА, 85.

Кругликова И. Т., 1959а. Сельская территория Боспора.— ПИСПАЭ.

Кругликова И. Т., 1959б. Железные сельскохозяйственные орудия Боспора в III в. н. э.— СА, 3.

Кругликова И. Т., 1959в. Разведки в Старо-Крымском районе в 1956 г.— КСИИМК, 74.

Кругликова И. Т., 1960. Работы Восточно-Крымского отряда Причерноморской экспедиции в 1957 г.— КСИИМК, 78.

Кругликова И. Т., 1961. Поселение у дер. Семеновки.— КСИА, 83.

Кругликова И. Т., 1962а. Исследования сельских поселений античных государств Юга СССР.— Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae, Budapest, 14.

Кругликова И. Т., 1962б. Мраморный рельеф из Анапы — СА, 1.

Кругликова И. Т., 1962в. О гончарной мастерской Горгиппии.— СА, 2.

Кругликова И. Т., 1963а. Исследование сельских поселений Боспора.— ВДИ, 2.

Кругликова И. Т., 1963б. Итоги семилетних раскопок поселения у д. Семеновки.— КСИА, 95.

Кругликова И. Т., 1965. Боспор III—IV в. н. э. в свете новых археологических исследований.— КСИА, 103.

Кругликова И. Т., 1966а. Боспор в позднеантичное время (Очерки экономической истории). М.

Кругликова И. Т., 1966б. Раскопки Горгиппии.— КСИА. 108.

Кругликова И. Т., 1966в. О культе верховного женского божества на Боспоре во II—III вв. н. э.— КАМ.

Кругликова И. Т., 1967а. Новые эпиграфические памятники из Горгиппии.— ВДИ, 2.

Кругликова И. Т., 1967б. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья.— В кн.: Возникновение и развитие земледелия. М.

Кругликова И. Т., 1968. Античная сельскохозяйственная усадьба близ Керчи.— АИКСП.

Кругликова И. Т., 1969. Некрополь поселений у дер. Семеновка.— СА, 1.

Кругликова И. Т., 1970а. Марксистско-ленинское учение об общественно-экономической формации и проблема истории аграрных отношений Боспорского царства — В кн.: Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма. М.

Кругликова И. Т., 1970б. Раскопки поселения у дер. Семеновки.— МИА, 155.

Кругликова И. Т., 1970в. Терракоты из сельских поселений европейской части Боспорского государства.— ТСП, I—II.

Кругликова И. Т., 1971а. Бронзовый бюст Изиды из Горгиппии.— КСИА, 128.

Кругликова И. Т., 1971б. Горгиппия в период Спартокидов.— ВДИ, 1.

Кругликова И. Т., 1972а. Мраморная голова Афродиты из Горгиппии.— В кн.: Новое в археологии. М.

Кругликова И. Т., 1972б. Торговля в сельских поселениях Боспора.— КСИА, 130.

Кругликова И. Т., 1973. Каменные ящики у дер. Рыбное — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.

Кругликова И. Т., 1975а. Сельское хозяйство Боспора. М.

Кругликова И. Т., 1975б. Синдская гавань, Горгиппия, Анапа. М.

Кругликова И. Т., Цветаева Г. А., 1963. Раскопки в Анапе.— КСИА, 95.

Крушкол Ю. С., 1968. Античное здание в районе Горгиппии.— АИКСП.

Крушкол Ю. С., 1971. Древняя Синдика. М.

Крижицький С. Д., 1965. Про методику опису кладок міст Північного Причерноморья VII ст. до н. е.— IV ст. н. е.— Археологія, 18.

Крыжицкий С. Д., 1968. Раскопки Нижнего города Ольвии.— АП, II.

Крыжицкий С. Д., 1971. Жилые ансамбли древней Ольвии. Киев.

Крижицький С. Д., 1972. Стан і завдання археологічних досліджень Тіри-Білгорода.— ВАН УРСР, 7.

Крыжицкий С. Д., 1977. О развитии городской территории Ольвии в I тыс. до н. э.— В кн.: Материалы симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеан-

тичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Цхалтубо.
Крыжицкий С. Д., 1982. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н. э.— IV в. н. э.). Киев.
Крыжицкий С. Д., Бураков А. В., 1975. Опыт реконструкции жилых домов поселений ольвийской периферии первых веков нашей эры у с. Козырки.— В кн.: Ольвия. Киев.
Крижицький С. Д., Русяева А. С., 1978. Найдавніші житлові будинки Ольвії.— Археологія, 28.
Кубланов М. М., 1959. К истории Азиатского Боспора (Новые археологические материалы с полуострова Фондон).— СА, XXIX—XXX.
Кубланов М. М., 1971. Исследования некрополя Илурата.— КСИА, 128.
Кубланов М. М., 1972. Исследования некрополя Илурата.— КСИА, 130.
Кубланов М. М., 1976. Новые памятники некрополя Илурата.— КСИА, 145.
Кузьменко В. И., Синицын М. С., 1966. Лепная посуда.— МАСП, 5.
Кульска О. А., 1958. Хіміко-технологічне вивчення керамікі з Ольвії.— АП, VII.
Кульская О. А., 1940. Химико-технологические исследования ольвийских керамических изделий.— В кн.: Ольвия. Киев, I.
Кунин В. Э., Кунина Н. З., 1962. Курганные погребения Пантикапейского некрополя на северо-восточной окраине г. Керчи.— АИБ, 2.
Кунина Н. З., 1970. Группа полихромных стеклянных сосудов из некрополя Пантикапея.— СА, 3.
Кунина Н. З., 1973. Сирийские выдутые в форме стеклянные сосуды из некрополя Пантикапея.— В кн.: Памятники античного прикладного искусства. Л.
Кунина Н. З., Сорокина Н. П., 1972. Стеклянные бальзамарии Боспора.— ТГЭ, XIII.
Кучма В. В., Романчук А. И., 1973. Раскопки на юго-восточном участке портового района.— В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск, 9.
Кызласов И. Л., 1973. О происхождении стремян.— СА, 3.
Лапин В. В., 1960. Эллинистические колодцы в прибрежной части Ольвии.— КСИА АН УССР, 10.
Лапин В. В., 1961. Археологические исследования на острове Березань в 1960 г.— КСОГУ и ОГАМ за 1960 г.
Лапин В. В., 1963. Экономическая характеристика Березанского поселения VI в. до н. э.— АГ.
Лапин В. В., 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев.
Лапин В. В., 1967. Раскопки древнегреческого поселения на о. Березань в 1966 г.— АИУ 1965 / 1966.
Лаппо-Данилевский А. С., 1887. Скифские древности.—ЗРАО, IV.
Лаппо-Данилевский А. С., 1894. Древности кургана Карагадеуашх, как материал для бытовой истории Прикубанского края в IV—III вв. до н. э.— МАР, 13.
Латышев В. В., 1884. Эпиграфические данные о государственном устройстве Херсонеса Таврического.— ЖМНП.
Латышев В. В., 1887. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. СПб.
Латышев В. В., 1888. Очерк греческих древностей. СПб., I.
Латышев В. В., 1892а. Надписи из г. Танаиса — МАР, 9.
Латышев В. В., 1892б. Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России.— МАР, 9.
Латышев В. В., 1893. Краткий очерк истории Боспорского царства. Симферополь.
Латышев В. В., 1901. Надпись о постройке Херсонесской стены.— ИАК, 1.
Латышев В. В., 1905. Эпиграфические новости из Южной России (находки 1903—1905 гг.).— ИАК, 14.
Латышев В. В., 1907. Эпиграфические новости из Южной России.— ИАК, 23.
Латышев В. В., 1908а. Новые латинские надписи с юга России. Херсонес.— ИАК, 27.
Латышев В. В., 1908б. Эпиграфические новости из Южной России.— ИАК, 27.
Латышев В. В., 1909. Ποντικά. Изборник научных и критических статей по истории, археологии, географии и эпиграфике Скифии, Кавказа и греческих колоний на побережьях Черного моря. СПб.
Латышев В. В., 1914. К вопросу о культе богини Девы в Херсонесе Таврическом.— В кн.: Сборник статей в честь проф. В. П. Бузескула. Харьков.
Лебедев В. Д., Лапин Ю. Е., 1954. О рыболовстве в Боспорском царстве.— МИА, 33.
Леви Е. И., 1941. Терракотовая архаическая головка, найденная в Ольвии.— СА, VII.
Леви Е. И., 1947. К вопросу о датировке херсонесской присяги.— СА, IX.
Леви Е. И., 1951. Итоги Ольвийской экспедиции.— КСИИМК, XXXVII.
Леви Е. И., 1956. Ольвийская агора.— МИА, 50.
Леви Е. И., 1958а. К истории торговли Ольвии в IV—III вв. до н. э.— СА, XXVIII.
Леві О. І., 1958б. Ольвиіські винොробні.— АП, 7.
Леви Е. И., 1959. Терракоты из цистерны Ольвийского теменоса.— КСИИМК, 74.
Леви Е. И., 1964а. Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок Ольвийской агоры.— В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.; Л.
Леви Е. И., 1964б. Итоги раскопок Ольвийского теменоса и агоры в 1951—1960 гг.— В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.; Л.
Леви Е. И., 1964в. Материалы Ольвийского теменоса.— В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.; Л.
Леви Е. И., Карасев А. Н., 1955. Дома античных городов Северного Причерноморья.— АГСП.
Леви Е. И., Книпович Т. Н., 1968. Надписи Ольвии. Л.
Левковская Г. М., 1970. Реконструкция палеогеографических условий городища Чайка по данным спорово-пыльцевого анализа.— КСИА, 124.
Лейпунская Н. А., 1981. Керамическая тара Ольвии (Из опыта изучения амфор VI—IV вв. до н. э.). Киев.
Ленц Э. Э., 1902. Описание оружия, найденного в 1901 году в Кубанской области.— ИАК, 4.
Леонтьев П. М., 1854. Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях.— Пропилеи, IV.
Леонтьев П. М., 1855. Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г. СПб.
Лепер Р. Х., 1912. Херсонесские надписи.— ИАК, 45.
Лесков А. М., 1961. Об остатках таврской культуры на Керченском полуострове.— СА, 1.
Лесков А. М., Збенович В. Г., 1962. Археологические разведки на Керченском полуострове в 1959 г.— АИБ, II.
Лесницкая М. М., 1966. Портрет II в. из Пантикапея — СА, 3.
Либеров П. Д., 1952. Земледелие у скифских племен Поднепровья в VI—II вв. до н. э.— В кн.: Материалы по истории земледелия СССР. М., I.
Либеров П. Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону. М.
Линдгольм В. А., 1927. О раковинах неморских моллюсков, найденных при раскопках в Юго-Западной России. По материалам Института археологической технологии при Академии истории материальной культуры.— В кн.: Сборник в честь проф. Н. М. Книповича. М.
Лосева Н. М., 1962а. Аттическая краснофигурная керамика Пантикапея из раскопок 1945—1958 гг.— МИА, 103.
Лосева Н. М., 1962б. Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре.— МИА, 103.
Лосева Н. М., 1966. Голова бородатого мужчины из Керчи.— СГМИИ, III.
Лунин Б. В., 1928. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г.— КСК, 1.
Люстгавс Д., 1948. Торгівля деревом у стародавій Греції (V—IV ст. до н. е.).— Археологія, 2.
Макаренко Н., 1916. Художественные сокровища Эрмитажа. Пг.
Максимов Е. В., 1955. Новые памятники первых веков нашей эры в Тире.— КСИА АН УССР, 5.
Максимова М. И., 1948. Строительная техника.— В кн.: Эллинистическая техника. М.; Л.
Максимова М. И., 1954а. Краткий путь через Черное море и время его освоения греческими мореходами.— МИА, 33.
Максимова М. И., 1954б. Серебряное зеркало из Келермеса.— СА, XXI.
Максимова М. И., 1954в. Надгробие из Херсонеса.— СА, XIX.
Максимова М. И., 1955. Резные камни.— АГСП.
Максимова М. И., 1956. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л.
Максимова М. И., 1979. Артюховский курган. М.
Максимова М. И., Наливкина М. А., 1955. Скульптура.— АГСП.

Малев И. П., 1914. Коринфские арибаллы с растительным орнаментом из Ольвии.— ИАК, 54.
Мальмберг В. К., 1892. Описание классических древностей, найденных в Херсонесе в 1888—1889 гг.— МАР, 7.
Мальмберг В. К., 1894. Памятники греческого и греко-варварского искусства, найденные в кургане Карагадеуашх.— МАР, 13.
Манцевич А. П., 1941. О скифских поясах.— СА, VII.
Манцевич А. П., 1949. К вопросу о торевтике в скифскую эпоху.— ВДИ, 2.
Манцевич А. П., 1950. Гребень и фиала из кургана Солоха.— СА, XIII.
Манцевич А. П., 1963. Горит из кургана Солоха.— ТГЭ, VII.
Манцевич А. П., 1964. О платине из кургана Карагадеуашх.— АСГЭ, 6.
Марти В. Ю., 1941а. Рыбозасолочные ванны Тиритаки.— МИА, 4.
Марти В. Ю., 1941б. Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия.— СА, VII.
Марти Ю. Ю., 1926. Сто лет Керченского музея. Керчь.
Марти Ю. Ю., 1928. Городища Боспорского царства к югу от Керчи — Киммерик, Китей, Акра, Симферополь.— ИТОИАЭ, II (59).
Марти Ю. Ю., 1929. Раскопки городища Китея в 1928 г.— ИТОИАЭ, III.
Марти Ю. Ю., 1935. Новые эпиграфические памятники Боспора.— ИГАИМК, 104.
Марти Ю. Ю., 1941а. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных ванн.— МИА, 4.
Марти Ю. Ю., 1941б. Позднеэллинистические надгробья Боспора как историко-культурный документ.— СА, VII.
Марти Ю. Ю., 1941в. Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки.— МИА, 4.
Марченко И. Д., 1952. О терракотовых антефиксах Пантикапея.— АИБ, I.
Марченко И. Д., 1956а. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950—1951 гг.— МИА, 57.
Марченко И. Д., 1956б. Две литейные формы из Фанагории.— МИА, 57.
Марченко И. Д., 1957а. К вопросу о боспорских торговых судах.— СА, 1.
Марченко И. Д., 1957б. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея.— МИА, 56.
Марченко И. Д., 1960а. Акротерий из Фанагории.— Труды ГМИИ.
Марченко И. Д., 1960б. К вопросу о культах Азиатского Боспора.— ВДИ, 2.
Марченко И. Д., 1962а. Новая винодельня в Пантикапее.— АИБ, II.
Марченко И. Д., 1962б. Новые данные об античном святилище вблизи Фанагории.— В кн.: Сборник 50 лет ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.
Марченко И. Д., 1962в. Литейная форма из Пантикапея.— КСИИМК, 89.
Марченко И. Д., 1963. Некоторые итоги раскопок на Майской горе.— КСИА, 95.
Марченко И. Д., 1966. Группа расписной эллинистической керамики Пантикапея.— СГМИИ, III.
Марченко И. Д., 1967а. Местная расписная керамика Пантикапея VI—V вв. до н. э.— СА, 2.
Марченко И. Д., 1967б. Раскопки здания II в. до н. э. в Пантикапее в 1963—1965 гг.— КСИА, 109.
Марченко И. Д., 1968а. Археологическая деятельность Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина за сорок лет.— СГМИИ, IV.
Марченко И. Д., 1968б. Раскопки Пантикапея в 1959—1964 гг.— СГМИИ, IV.
Марченко И. Д., 1971. Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее.— СА, 2.
Марченко И. Д., 1974а. Марионетки и культовые статуэтки Пантикапея.— ТСП, III.
Марченко И. Д., 1974б. Терракоты из святилища на Майской горе (Блевака).— ТСП, III.
Марченко И. Д., 1975. Акрополь Пантикапея в свете археологических исследований.— Жива антика, Скопле, 1—2.
Марченко И. Д., 1979. О планировке северного района Пантикапея (К проблеме изучения агоры).— ВДИ, 2.
Марченко К. К., 1972. Концентрация лепной керамики в Ольвии второй половины VI—I вв. до н. э.— СА, 4.
Марченко К. К., 1974а. Варвары в составе населения Березани и Ольвии второй половины VII — первой половины I в. до н. э. Архив ЛОИА АН СССР. Л.
Марченко К. К., 1974б. Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I вв. до н. э.— ВДИ, 2.
Марченко К. К., 1975. Классификация лепной керамики Ольвии второй половины IV — первой половины I в. до н. э.— КСИА, 143.
Марченко К. К., 1976. Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII—VI вв. до н. э. (По материалам раскопок 1953—1970 гг.).— ХКААМ.
Масленников А. А., 1976а. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Масленников А. А., 1976б. Об этнической принадлежности погребений в каменных ящиках Керченского полуострова.— КСИА, 145.
Маслов С. П., Филин В. О., 1976. К вопросу о природных условиях окрестностей городища Чайка.— В кн.: История биогеоценозов в СССР в голоцене. М.
Махов И., 1912. Амфорные ручки Херсонеса Таврического с именами астиномов.— ИТУАК, 48.
Махов И., 1913. Амфорные ручки о. Фазоса с оттиснутыми на них именами астиномов и эмблемами, найденные в Херсонесе.— ИТУАК, 49.
Мезенцева Г. Г., 1956. Ольвийськи теракоти.— Наук. зап. Київського держ. ун-ту, XV, 6.
Мельников-Разведенков С. Ф., 1900. Города северной части восточного побережья Черного моря.— В кн.: Сборник материалов для описания местностей племен Кавказа. Тифлис, XXVII.
Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов. М.
Мелюкова А. И., 1969. К вопросу о границе между гетами и скифами.— В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М.
Мелюкова А. И., 1975. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М.
Мерперт Н. Я., 1951. Фанагорийские черепицы из раскопок 1938 г.— МИА, 19.
Миллер А. А., 1910. Раскопки в районе древнего Танаиса.— ИАК, 35.
Миллер А. А., 1931. Таманская экспедиция ГАИМК.— СГАИМК, 1.
Миллер А. А., 1932а. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г.— СГАИМК, 3—4.
Миллер А. А., 1932б. Таманская экспедиция ГАИМК в 1931 г.— СГАИМК, 7—8.
Миллер А. А., 1932в. Десять лет работы ГАИМК в Северо-Кавказском крае.— СГАИМК, 9—10.
Мозолевский Б. Н., 1972. Курган Толстая могила близ Орджоникидзе на Украине.— СА, 3.
Моисеев Л. А., 1911. Типос из Ольвии.— ИАК, 40.
Моисеев Л. А., 1918. Из истории западного побережья Тавриды. I. Херсонес Таврический и раскопки 1917 г. в Евпатории.— ИТУАК, 54.
Моисеев Л. А., 1926. Следы ирригации, мелиорации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклейском полуострове.— Зап. Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, Симферополь, IX.
Молев Е. А., 1974. Установление власти Митридата Евпатора на Боспоре.— В кн.: Античный мир и археология. Саратов, 2.
Молев Е. А., 1976. Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов.
Муравьев-Апостол И. М., 1823. Путешествие по Тавриде. СПб.
Мурзакевич Н. Н., 1844. Поездка на о. Левки или Фидониси в 1841 г.— ЗООИД, I.
Мурзакевич Н. Н., 1848а. Эллинские памятники, найденные в Новороссийком крае, в Ольвии и на острове Левки или Фидониси.— ЗООИД, II.
Мурзакевич Н. Н., 1848б. Монеты, отысканные на острове Фидониси.— ЗООИД, II.
Мурзакевич Н. Н., 1853. Монеты, отысканные на острове Левки или Фидониси.— ЗООИД, III.
Надель Б. И., 1958. Филологические и дипломатические заметки к боспорским манумиссиям.— ВДИ, 1.
Надель Б. И., 1961а. Рабы и вольноотпущенники в Боспорском государстве (В свете актов манумиссий).— Listy filologicke, 1 (9).
Надель Б. И., 1961б. Из политической истории Боспорского государства в Крыму в начале IV в. н. э.— Acta antiqua, 1—2.

Наливкина М. А., 1934. Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации.— ПИДО, 9—10.
Наливкина М. А., 1940. Костяные изделия из раскопок Ольвии в 1935—1936 гг.— В кн.: Ольвия. Киев, I.
Наливкина М. А., 1952а. Терракоты Мирмекия и Тиритаки.— МИА, 25.
Наливкина М. А., 1952б. Основные итоги работ Евпаторийского отряда.— КСИИМК, XLV.
Наливкина М. А., 1953. Раскопки в Евпатории.— КСИИМК, 51.
Наливкина М. А., 1955. Раскопки в Евпатории (Предварительные итоги).— КСИИМК, 58.
Наливкина М. А., 1957. Раскопки Керкенитиды и Калос-Лимена (1948—1952).— В кн.: История и археология древнего Крыма. Киев.
Наливкина М. А., 1959. Торговые связи античных городов Северо-Западного Крыма.— ПИСПАЭ.
Наливкина М. А., 1961. Костяная фигурка из Ольвии.— КСИА, 83.
Наливкина М. А., 1963. Керкенитида и Калос-Лимен.— АГ.
Наливкина М. А., 1965. Раскопки юго-восточного участка Танаиса (1960—1961 гг.).— МИА, 127.
Невский Н. А., 1959. Военно-морской флот. М.
Негруль А. М., 1960. Археологические находки семян винограда.— СА, 1.
Николаева Э. Я., 1973. Поселение Водопроводное на Таманском полуострове.— КСИА, 133.
Николаева Э. Я., 1975. Раскопки терм в Кепах.— КСИА, 143.
Николаева Э. Я., 1977. Фрагмент архаического сосуда из Кеп.— ИКАМ.
Николаева Э. Я., 1978. Краснолаковая керамика со штампами из Ильичевского городища.— КСИА, 156.
Никулин В., 1957. К вопросу о наличии на Боспоре центра по штамповке изделий из золота и серебра.— МАСП, I.
Никулина Н. М., 1965. Памятники античной глиптики из Фанагории.— СА, 2.
Новосадский Н. И., 1928. Боспорские фиасы.— ТСА РАНИОН, III.
Нудельман Д. И., 1939. Древние авторы о Березани.— Труды исторического факультета ОГУ, I.
Нудельман Д. И., 1946. Древнегреческое поселение на Северном Причерноморье.— Учен. зап. Московского ГПИ им. Потемкина, XXXVII, 3.
Онайко Н. А., 1956. О фанагорийских грузилах.— МИА, 57.
Онайко Н. А., 1959. Раскопки Раевского городища в 1955—1956 гг.— КСИИМК, 77.
Онайко Н. А., 1960. Античный импорт на территории Среднего Приднепровья (VII—V вв. до н. э.).— СА, 2.
Онайко Н. А., 1962. Античный импорт на территории Среднего Приднепровья (IV—II вв. до н. э.).— СА, 1.
Онайко Н. А., 1965. О раскопках Раевского городища.— КСИА, 103.
Онайко Н. А., 1966а. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э.— САИ, Д 1-27.
Онайко Н. А., 1966б. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье.— КАМ.
Онайко Н. А., 1967. Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора.— СА, 2.
Онайко Н. А., 1970а. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—III вв. до н. э.— САИ, Д 1-27.
Онайко Н. А., 1970б. Разведка античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика.— СА, 1.
Онайко Н. А., 1971. Бронзовый бюст-гиря из раскопок античного поселения в Широкой балке.— КСИА, 128.
Онайко Н. А., 1972. Античные импортные изделия на юго-восточной окраине Боспора (I в. до н. э.— IV в. н. э.).— В кн.: Новое в археологии. М.
Онайко Н. А., 1973. Новые данные о поселении на Малой земле.— КСИА, 133.
Онайко Н. А., 1974. Заметки о технике боспорской торевтики.— СА, 3.
Онайко Н. А., 1975а. К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху.— Жива антика, Скопле, 1—2.
Онайко Н. А., 1975б. Результаты работ Новороссийской экспедиции 1971—1972 гг.— КСИА, 143.
Онайко Н. А., 1976а. Антропоморфные изображения в меотоскифской торевтике.— ХКААМ.
Онайко Н. А., 1976б. К истории Бат.— ВДИ, 1.
Онайко Н. А., 1976в. Раскопки античного поселения в Геленджикской бухте.— КСИА, 145.
Онайко Н. А., 1976г. Разкопки Торіка.— Археологія, 20.
Онайко Н. А., 1980. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. М.
Орешников А. В., 1884. Боспор киммерийский в эпоху Спартокидов по надписям и царским монетам. М.
Орешников А. В., 1890. О монетах скифских царей с именем города Ольвии. СПб.
Орешников А. В., 1901. Золотой статер архонта Игиэнонта.— Труды Московского нумизматического общества, II.
Орешников А. В., 1913. Монеты Херсонеса Таврического, царей Боспора Киммерийского и Полемона II Понтийского.— Нумизматический сборник, II.
Орешников А. В., 1915. Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья.— Нумизматический сборник, III.
Орешников А. В., 1918. Херсонас — божество Херсонеса Таврического.— ИАК, 65.
Орешников А. В., 1921. Этюды по нумизматике Черноморского побережья.— ИРАИМК, I.
Орешников А. В., 1922. Этюды по нумизматике Черноморского побережья.— ИРАИМК, II.
Островерхов А. С., 1975. О железоделательном производстве античных центров Днестровского и Бугского лиманов.— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею. Тезисы докладов юбилейной сессии. Киев.
Островерхов А. С., 1976. Древнегреческое поселение ремесленников близ устья Днепра.— В кн.: Открытия молодых археологов Украины. Киев, 1.
Отрешко В. М., 1975. Западный район ольвийской периферии в позднеархаическое время.— В кн.: Новые открытия советских археологов, II.
Отрешко В. М., 1976. Позднеархаические поселения Березанского лимана.— В кн.: Открытия молодых археологов Украины. Киев, 2.
Паллас П. С., 1881. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах.— ЗООИД, XII, 1.
Паллас П. С., 1883. Поездка во внутренность Крыма вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань.— ЗООИД. XIII.
Пападимитриу С., 1910. Древние сведения об острове Березани.— ЗООИД, XXVII.
Парович-Пешикан М. Б., 1962. Про історичну топографію ольвійського некрополя.— АП, II.
Парович-Пешикан М. Б., 1974. Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев.
Передольская А. А., 1937. Фанагорийские фигурные вазы. М.
Передольская А. А., 1945а. Вазы Ксенофанта.— ТОАМ, I.
Передольская А. А., 1945б. Слоновая кость из кургана Куль-Оба.— ТОАМ, I.
Передольская А. А., 1967. Краснофигурные аттические вазы в Эрмитаже. Л.
Петерс Б. Г., 1962. Парусное вооружение древнегреческих судов.— В кн.: Историко-археологический сборник. М.
Петерс Б. Г., 1963. О подводных археологических работах в Ольвии.— КСИА, 95.
Петерс Б. Г., 1965. О приемах и методике подводных археологических разведок.— МИА, 129.
Петерс Б. Г., 1966. Об изображениях боспорских кораблей на штукатурке из раскопок Пантикапея.— КАМ.
Петерс Б. Г., 1972. Раскопки античного поселения в Восточном Крыму.— АО 1971 г.
Петерс Б. Г., 1977. Типы ранних северопричерноморских кораблей.— В кн.: Материалы Симпозиума по проблемам греческой колонизации и структуре раннеантичных государств Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси.
Петерс Б. Г., 1978. Михайловское городище античного времени.— В кн.: Проблемы советской археологии. М.
Петерс Б. Г., 1979. Археологические раскопки в Феодосии.— В кн.: Проблемы античной истории и культуры. Доклады XIV Международной конференции античников социалистических стран. Ереван.
Петерс Б. Г., 1982. Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М.
Петерс Б. Г., Смирнов И. В., 1961. О новейших подводных археологических работах.— ВДИ, 3.
Петренко В. Г., 1978. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э. М.
Петрунь В. Ф., 1964. О вулканических породах из эмпория борисфенитов на о. Березани.— СА, 3.
Петрунь В. Ф., 1965а. До перших підсумків вивчення петрографії каменю з будівельних комплексів Ольвії.— Археологія, 19.

Петрунь В. Ф., 1965б. О двух интересных горных породах в зернотерках античного времени из Северного Причерноморья.— КСОГАМ за 1963 г.
Петрунь В. Ф., 1966. К петрографической характеристике камня.— МАСП, 5.
Петрунь В. Ф., 1967. К методике изучения петрографии строительного камня античных городов Северного Причерноморья.— КСИА, 109.
Печенкин Н. М., 1911. Археологические разведки в местности страбоновского старого Херсонеса.— ИАК, 42.
Пидопличка И. Г., 1940. Домашние и дикие животные Ольвии по находкам костей из раскопок 1935 и 1936 гг.— В кн.: Ольвия. Киев, I.
Пиотровский А. И., 1927. Панафинейская амфора Елизаветинского кургана.— ИРАИМК, III.
Пиотровский Б. Б., 1958. Древнеегипетские предметы, найденные на территории СССР.— СА, 1.
Пичикян И. Р., 1975а. Архаическая капитель анта из Керчи.— КСИА, 143.
Пичикян И. Р., 1975б. Ордерная архитектура Северного Причерноморья VI—V вв. до н. э.— ВДИ, 1.
Пичикян И. Р., 1977. Храм ионийского ордера в Херсонесе (Попытка реконструкции).— ИКАМ.
Пичикян И. Р., 1978. К методике реконструкций античных фасадов по архитектурным фрагментам.— КСИА, 152.
Подгородецкий П. Д., 1974. Северо-Западный Крым. Симферополь.
Покровська Э. Ф., Ковпаненко Г. Т., 1961. Могильник біля с. Калантаево.— Археологія, 12.
Помяловский И. В., 1888. О танаитских коллегиях.— Труды VI Археологического съезда, Одесса, II.
Поночевный М. О., 1891. Географический очерк Боспорского царства.— В кн.: Кубанский сборник. Екатеринодар, II.
Придик Е. М., 1917. Инвентарный каталог клейм. Пг.
Придик Е. М., 1941. Керамические надписи из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1932—1934 гг.— В кн.: Археологические памятники Боспора и Херсонеса / Под. ред. акад. С. А. Жебелева и В. Ф. Гайдукевича. М.; Л.
Пругло В. И., 1960. Восточные кварталы Мирмекия в свете археологических исследований 1957 г.— ЗОАО, I (34).
Пругло В. И., 1965. Литейная форма из Мирмекия.— КСИА, 103.
Пругло В. И., 1966. Позднеэллинистические боспорские терракоты, изображающие воинов.— КАМ.
Пругло В. И., 1967. О ремесленных производствах Мирмекия.— ЗОАО, II (35).
Пругло В. И., 1974. Терракоты из городов и поселений Боспора как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Пругло В. И., 1977. Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре.— ИКАМ.
Пругло В. И., 1978. Раскопки северо-западного района Ольвийской агоры в 1975 г.— КСИА, 156.
Прушевская Е. О., 1917. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове.— ИАК, 63.
Прушевская Е. О., 1955. Художественная обработка металла (торевтика).— АГСП.
Пятышева Н. В., 1949. Таманский саркофаг. М.
Пятышева Н. В., 1956. Ювелирные изделия Херсонеса. М.
Пятышева Н. В., 1960. Отчет о раскопках Государственного Исторического музея в Фанагории в 1939 г.— ТГИМ, 37.
Пятышева Н. В., 1966. Археологическое исследование острова Левки (о-в Змеиный) осенью 1964 г.— ТГИМ, 40.
Рабинович Б. З., 1941. Шлемы скифского периода.— ТОИПКГЭ, I.
Рабичкин Б. М., 1951. Поселение у Широкой балки.— КСИИМК, XV.
Радлов Н. Э., 1912. Две панафинейские амфоры, найденные в Южной России.— ИАК, 45.
Раевский Д. С., 1968. О местоположении древнего Евпатория.— ВДИ, 3.
Ребец Ф., 1888. Крым во время Митридата Евпатора.— ИТУАК, 6.
Ременников А. М., 1954. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке н. э. М.
Репников Н. И., 1927. Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г.— Хсб., 2.
Репников Н. И., 1941. О характере римской оккупации южного берега Крыма.— СА, VII.
Розанова Н. П., 1941. Новые памятники Таманского полуострова.— СА, VII.
Розанова Н. П., 1956. Монеты царя Фардзоя.— МИА, 50.
Розанова Н. П., 1968а. Бронзовое зеркало с надписью из Ольвии.— АИКСП.
Розанова Н. П., 1968б. Золотые перстни с геммами и греческими надписями из Пантикапея и Фанагории.— СГМИИ.
Романовская М. А., 1974. Две терракоты из Ново-Отрадного.— СА, 1.
Романченко Н. Ф., 1894. К вопросу о древних поселениях вблизи Евпатории.— Археологические известия и заметки, II.
Романченко Н. Ф., 1896. Материалы по археологии Евпаторийского уезда.— ЗРАО, нов. сер., VIII, 1—2.
Романченко Н. Ф., 1907. Раскопки в окрестностях Евпатории.— ИАК, 25.
Романчук А. И., 1973. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе.— В кн.: Античная древность и средние века. Свердловск, 9.
Ростовцев М. И., 1900. Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость.— ЖМНП, 3.
Ростовцев М. И., 1902. См.: *Rostovtzev M.*, 1902.
Ростовцев М. И., 1907. Новые латинские надписи из Херсонеса.— ИАК, 23.
Ростовцев М. И., 1911. Святилище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре.— ИАК, 40.
Ростовцев М. И., 1912а. Боспорское царство и южнорусские курганы. М.
Ростовцев М. И., 1912б. Александрийская эллинистическая амфора.— В кн.: Памятники Музея изящных искусств. М., 1—2.
Ростовцев М. И., 1913. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре.— ИАК, 49.
Ростовцев М. И., 1914а. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа.— В кн.: Древности. Труды Московского археологического общества, XXV.
Ростовцев М. И., 1914б. Воронежский серебряный сосуд.— МАР, 34.
Ростовцев М. И., 1915. Амага и Тиргатао.— ЗООИД, XXXII.
Ростовцев М. И., 1916. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи.— В кн.: Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М.
Ростовцев М. И., 1917. Надпись на золотом сосуде из ст. Мигулинской.— ИАК, 63.
Ростовцев М. И., 1918а. Новая книга о Белом острове и Таврике.— ИАК, 65.
Ростовцев М. И., 1918б. Эллинство и иранство на юге России. Пг.
Ростовцев М. И., 1925. Скифия и Боспор. М.
Рубан В. В., 1975. Исследование античных памятников на правом берегу Бугского лимана в 1973—1974 гг.— В кн.: Новые открытия советских археологов, II.
Рубан В. В., 1978. Комплекс памятников античного времени в урочище Дидова хата на Бугском лимане.— КСИА, 156.
Русяева А. С., 1972. Бейкушське поселення VI—V ст. до н. е.— В кн.: Матріалі XIII конференции інституту археології АН УРСР. Київ.
Русяева А. С., 1975. Земледельческие культуры в Ольвии догетского периода. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
Русяева А. С., 1979. Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. Киев.
Русяева А. С., Рутковский А. Г., Грацианская Л. И., Малеванный А. М., 1977. Исследования в Ольвии на участке АГД.— АО 1976 г.
Рыбаков Б. А., 1979. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М.
Савельев Ю. А., 1964. Боспорские черепичные клейма из раскопок Пантикапея и Фанагории в 1950—1960 гг.— СА, 8.
Савостина Е. А., 1980. Об архитектурных фрагментах из Горгиппии.— В кн.: «Горгиппия» I (Материалы Анапской археологической экспедиции). Краснодар.
Сайко Э. В., 1971. К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе.
Салов А. И., 1962. Археологические находки в Анапе.— СА, 2.
Салов А. И., Смирнова Т. М., 1972. Новые находки в Анапе.— КСИА, 130.
Сальников А. Г., 1957. Литой дельфин из фондов Одесского государственного археологического музея.— МАСП, 1.
Сальников О. Г., 1959. Ольвійскі «рибки» (Початковий етап ольвійского грошового абігу).— МАСП, 2.
Сальников А. Г., 1960. Монеты скифских царей, чеканенные в Ольвии.— ЗОАО, I (34).

Секерская Н. М., 1971. Граффито на фигурном сосуде из Никония.— МАСП, 7.
Секерская Н. М., 1975. Раскопки в юго-западной части Никония.— В сб.: 150 лет ОГАМ. Киев.
Секерская Н. М., 1976. Архаическая керамика из Никония.— МАСП, 8.
Семенов А. Ф., 1929. По поводу греческой надписи на ручке ковша, найденного при раскопках Мелиховского кургана.— Зап. Северо-Кавказского общества археологии, истории и этнографии, I (3), 5—6.
Семенов С. А., 1958. Шліфувальні кістяні знаряддя з Ольвії.— АП, 7.
Семенов С. А., Кунин В. Э., 1959. Разведки на Керченском полуострове.— АИБ, II.
Семенов-Зусер С. А., 1931. Отчет о раскопках Ольвии в 1920—1921 гг.— ИГАИМК, X, 5.
Семенов-Зусер С. А., 1947. Рыбный рынок в Херсонесе.— ВДИ, 2.
Сидорова Н. А., 1962. Архаическая керамика из Пантикапея.— МИА, 103.
Сидорова Н. А., 1968. Группа архаической керамики из Пантикапея.— СГМИИ, IV.
Сизов В. И., 1889. Восточное побережье Черного моря.— МАК, II.
Силантьева Л. Ф., 1958а. Два килика из некрополя Нимфея.— ТГЭ, VII.
Силантьева Л. Ф., 1958б. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата.— МИА, 85.
Силантьева Л. Ф., 1959. Некрополь Нимфея.— МИА, 69.
Силантьева Л. Ф., 1974. Терракоты Пантикапея.— ТСП, III.
Синицын М. С., 1960а. Раскопки Надлиманского и Роксоланского городищ.— ЗОАО, I (34).
Синицын М. С., 1960б. Спроба локалізації населених пунктів, згаданих древніми авторами між гірлами Бугу і Дністра.— МАСП, 3.
Синицын М. С., 1966. Раскопки городища возле с. Роксоланы Беляевского района Одесской области в 1957—1961 гг.— МАСП, 5.
Скалон К. М., 1941. Изображение животных на керамике сарматского периода.— ТОИПКГЭ, I.
Скржинская М. В., 1977. Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев.
Скуднова В. М., 1950. Два клада монет из Нимфея.— ВДИ, 4.
Скуднова В. М., 1954. Скифские памятники из Нимфея.— СА, XXI.
Скуднова В. М., 1956а. Комплекс находок из раскопок святилища кабиров в Нимфее.— КСИИМК, 63.
Скуднова В. М., 1956б. Монеты-стрелки из Ольвии.— СГЭ, X.
Скуднова В. М., 1957а. Местная расписная керамика Нимфея VI в. до н. э.— КСИА, 7.
Скуднова В. М., 1957б. Обломки чернофигурных сосудов мастера Софилоса из Березани.— СГЭ, XII.
Скуднова В. М., 1957в. Фрагменты чернофигурных киликов Тлесона.— СГЭ, XI.
Скуднова В. М., 1957г. Хиосские кубки из раскопок на острове Березани.— СА, 4.
Скуднова В. М., 1958. К вопросу о торговых связях Синопы с Боспором в V в. до н. э.— ТГЭ, II.
Скуднова В. М., 1960а. К вопросу о датировке архаической Ольвии.— В кн.: Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1959 г. Л.
Скуднова В. М., 1960б. Родосская керамика с о. Березани.— СА, 2.
Скуднова В. М., 1962. Скифские зеркала архаического некрополя Ольвии.— ТГЭ, III.
Скуднова В. М., 1964. Раскопки Нимфея 1960 г.— СГЭ, XXV.
Скуднова В. М., 1970а. Статуэтки с о. Березань.— ТСП, I—II.
Скуднова В. М., 1970б. Терракоты из Нимфея.— ТСП, I—II.
Славин Л. М., 1940. Отчет о раскопках Ольвии в 1935—1936 гг.— В кн.: Ольвия. Киев, 1.
Славин Л. М., 1941. Ольвийские городские кварталы северо-восточной части Верхнего города.— СА, VII.
Славин Л. М., 1951. Древний город Ольвия. Киев.
Славин Л. М., 1956. Древнегрецьке поселення на острові Березань.— Наук. зап. Київського держ. ун-ту, XV, 6.
Славин Л. М., 1958а. Ольвия как город в VI—I вв. до н. э.— СА, XXVIII.
Славин Л. М., 1958б. Поселення ольвіської периферії біля с. Чортуватого.— Вісник Київського держ. ун-ту, 1, 2.
Славин Л. М., 1959а. Периодизация истории развития Ольвии.— ПИСПАЭ.
Славін Л. М., 1959б. До питання про стародавнє населення ольвіського оточення в VII—I ст. до н. е.— Наук. щорічник Київського держ. ун-ту за 1958 р.
Славин Л. М., 1962. Ольвійські квартали центральної частини Верхнього міста.— АП, 11.
Славин Л. М., 1964. Раскопки западной части Ольвийской агоры (1956—1961).— В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.; Л.
Славин Л. М., 1967. Здесь был город Ольвия. Киев.
Славин Л. М., 1975. Кварталы в районе Ольвийской агоры.— В кн.: Ольвия. Киев.
Славин Л. М., 1976. Некоторые итоги изучения ольвийской хоры.— ХКААМ.
Слюсаренко Ф., 1925. Грецько-скитські взаємовідносини II ст. пер. Хр.— В кн.: Науковий ювілейний збірник в честь Масарика. Прага.
Смирнов К. Ф., 1953. Северский курган. М.
Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов.— МИА, 101.
Смирнов Я. И., 1909. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.
Смирнова Т. М., 1967. Поселение римского времени близ Керчи.— КСИА, 109.
Соколов В. В., 1919а. Карта древних поселений и могильников в районе станицы Таманской.— ИТУАК, 56.
Соколов В. В., 1919б. Курганы Лысой горы близ Тамани и находки в них.— ИТУАК, 56.
Соколов Г. И., 1973. Античное Причерноморье.— В кн.: Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Л.
Сокольский Н. И., 1954. Боспорские мечи.— МИА, 33.
Сокольский Н. И., 1955. О боспорских щитах.— КСИИМК, 58.
Сокольский Н. И., 1957. Валы в системе обороны Европейского Боспора.— СА, XXVII.
Сокольский Н. И., 1959. Раскопки античного поселения около станицы Таманской.— КСИИМК, 74.
Сокольский Н. И., 1960. Раскопки в Кепах в 1957 г.— КСИИМК, 78.
Сокольский Н. И., 1961а. Работы в Кепах в 1958 г.— КСИА, 83.
Сокольский Н. И., 1916б.— Раскопки в Кепах в 1959 г.— КСИА, 86.
Сокольский Н. И., 1961в. Раскопки Пантикапея.— КСИА, 83.
Сокольский Н. И., 1961г. Взаимоотношения античных государств и племен Северного Причерноморья.— Griechische Stadte und einheimische Volker des Schwarzgebietes. Berlin.
Сокольский Н. И., 1962а. Каменные крышки амфор.— КСИА, 89.
Сокольский Н. И., 1962б. Каменные ядра из Пантикапея.— МИА, 103.
Сокольский Н. И., 1962в. Курос из Кеп.— СА, 2.
Сокольский Н. И., 1962г. Раскопки в Кепах в 1960 г.— КСИА, 91.
Сокольский Н. И., 1963а. Кепы.— АГ.
Сокольский Н. И., 1963б. Раскопки городища Кепы в 1961 г.— КСИА, 95.
Сокольский Н. И., 1963в. Крепость на городище у хутора Батарейка I.— СА, 1.
Сокольский Н. И., 1963г. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху.— Acta Antiqua Philopolitana. Studia archaeologica. Sofia.
Сокольский Н. И., 1964а. Погребение V в. в Кепах.— СА, 4.
Сокольский Н. И., 1964б. Святилище Афродиты в Кепах.— СА, 4.
Сокольский Н. И., 1965а. Новые памятники синдской скульптуры.— КСИА, 100.
Сокольский Н. И., 1965б. Раскопки в Кепах в 1962 г.— КСИА, 103.
Сокольский Н. И., 1966а. К вопросу о синдской скульптуре.— КАМ.
Сокольский Н. И., 1966б. Ильичевское городище.— СА, 4.
Сокольский Н. И., 1967а. Синдская скульптура.— В кн.: Античное общество. М.
Сокольский Н. И., 1967б. Крепость на поселении Батарейка II.— КСИА, 109.
Сокольский Н. И., 1968. Керамическая мастерская в Кепах.— АИКСП.
Сокольский Н. И., 1969а. Античные деревянные саркофаги Северного Причерноморья.— М.

Сокольский Н. И., 1969б. О керамическом производстве в азиатской части Боспора.— КСИА, 116.
Сокольский Н. И., 1970. Виноделие в азиатской части Боспора (На материалах археологических раскопок).— СА, 2.
Сокольский Н. И., 1971. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М.
Сокольский Н. И., 1973а. Надгробие синдского воина из Кеп.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.
Сокольский Н. И., 1973б. Культ Афродиты в Кепах конца VI—V в. до н. э.— ВДИ, 4.
Сокольский Н. И., 1975. Крепость аспургиан на Боспоре.— КСИА, 143.
Сокольский Н. И., 1976а. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.
Сокольский Н. И., 1976б. Вопросы синдской скульптуры.— ХКААМ.
Сокольский Н. И., Сорокина Н. П., 1966. Раскопки города Кепы и его некрополя в 1957—1963 гг.— Ежегодник ГИМ за 1963—1964 гг. М.
Сокольский Н. И., Шелов Д. Б., 1959. Историческая роль античных государств Северного Причерноморья.— ПИСПАЭ.
Соломоник Э. И., 1952. О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья.— АИБ, I.
Соломоник Э. И., 1960. Алтарь Немесиды из Херсонеса.— ВДИ, 2.
Соломоник Э. И., 1961. Эпиграфические заметки.— СХМ, II.
Соломоник Э. И., 1964. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев.
Соломоник Э. И., 1973а. Из истории религиозной жизни в северопонтийских городах позднеантичного времени (По эпиграфическим памятникам).— ВДИ, 1.
Соломоник Э. И., 1973б. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Лапидарные надписи. Киев.
Соломоник Э. И., 1974. Несколько неизданных надписей Херсонеса и его округи.— НЭ, X.
Сорокина Н. П., 1952. Античная архитектурная терракота. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
Сорокина Н. П., 1956. Архитектурная терракота из Фанагории.— МИА, 56.
Сорокина Н. П., 1957. Тузлинский некрополь. М.
Сорокина Н. П., 1961а. Раскопки некрополя Гермонассы в 1956—1957 гг.— КСИА, 83.
Сорокина Н. П., 1961б. Архитектурная терракота Херсонеса.— СХМ, II.
Сорокина Н. П., 1962. Стекло из раскопок Пантикапея 1945—1949 гг.— МИА, 103.
Сорокина Н. П., 1963. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища.— В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.
Сорокина Н. П., 1965. Стеклянные сосуды из Танаиса.— МИА, 127.
Сорокина Н. П., 1971а. Новые находки стеклянных сосудов V в. до н. э. на Таманском полуострове.— В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М.
Сорокина Н. П., 1971б. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья.— СА, 4.
Сорокина Н. П., 1973. Архитектура античных государств Северного Причерноморья.— ВИА, II.
Спицын Д. А., 1905. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб.— ИАК, 17.
Стемпковский И. А., 1826. Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Евксинского между Тирасом и Борисфеном, уточненные по случаю найденных в 1823 г. остатков древности в Одессе. С сравнительной картою древней и новой географии сих мест. СПб.
Стемпковский И. А., 1827. Известия о древностях, найденных в Одессе в течение 1826 г. СПб.
Стемпковский И. А., 1854. Два письма Стемпковского к Бларамбергу о местоположении города Танаиса.— Пропилеи, IV.
Стржелецкий С. Ф., 1948а. Раскопки у Карантина близ Херсонеса Таврического.— Хсб., IV.
Стржелецкий С. Ф., 1948б. Раскопки таврского некрополя Херсонеса в 1945 году.— Хсб., IV.
Стржелецкий С. Ф., 1951. Клер Херсонеса Таврического.— ВДИ, 3.
Стржелецкий С. Ф., 1957. Пять клеров Херсонеса Таврического в III—II вв. до н. э.— СА, 3.
Стржелецкий С. Ф., 1958. Усадьбы клеров Херсонеса Таврического II в. до н. э.— СА, 4.
Стржелецкий С. Ф., 1959а. Виноделие в Херсонесе Таврическом античной эпохи.— Хсб., V.
Стржелецкий С. Ф., 1959б. Основные этапы экономического развития и периодизации истории Херсонеса Таврического в античную эпоху.— ПИСПАЭ.
Стржелецкий С. Ф., 1961. Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму.— Хсб., VI.
Стржелецкий С. Ф., 1969а. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона).— СХМ, IV.
Стржелецкий С. Ф., 1969б. Живопись и полихромные росписи монументальных надгробных сооружений IV—III вв. до н. э.— СХМ, IV.
Струве В. В., 1950. Восстание Савмака.— ВДИ, 3.
Стручалина Р. А., 1972. Некоторые итоги раскопок городища Патрей.— В кн.: Античный мир и археология. Саратов, I.
Сумароков П., 1800. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии. М.
Сумароков П., 1803. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. СПб., I.
Суров Е. Г., 1942. К истории виноградарства и виноделия в Херсонесе Таврическом.— Учен. зап. Московского ГПИ им. В. И. Ленина, 28, кафедра истории древнего мира, 2.
Суров Е. Г., 1955. К вопросу о периодизации истории Северного Причерноморья.— Учен. зап. Свердловского педагогического ин-та, 11.
Суров Е. Г., 1961. Херсонес Таврический. Свердловск.
Суров Е. Г., 1965. К истории северо-западного района Херсонеса Таврического.— Учен. зап. Уральского Государственного ун-та, 41.
Сымонович Э. А., 1969. Раскопки могильника на Нижнем Днестре.— КСИА, 119.
Тетбу де Мариньи, 1853. Цемесская бухта.— ЗООИД, III.
Тихий М. И., 1917. Анчоус Херсонеса Таврического (Исторический очерк).— Вестник рыбопромышленности, 1—3.
Толстиков В. П., 1977. К вопросу об оборонительных сооружениях акрополя Пантикапея в IV—I вв. до н. э.— ВДИ, 3.
Толстой И. И., 1904. О культе Аполлона в Ольвии и на Боспоре.— ЖМНП.
Толстой И. И., 1918. Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг.
Толстой И. И., 1953. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л.
Толстой И., Кондаков Н., 1889. Русские древности в памятниках искусств. СПб., I.
Топачевский В. А., 1956. Фауна Ольвии.— В кн.: Збірник праць Зоологічного музею, 27.
Тревер К. В., 1918. Ольвийская полихромная амфора 1901 года.— МАР, 36.
Тудор Д., 1960. Киликийская когорта в Малой Скифии и Тавриде.— В кн.: Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики. Кишинев.
Турпаев М., 1935. Очерки по истории посола рыбы в древний период.— Рыбное хозяйство, 4.
Тюменев А. И., 1938. Херсонесские этюды. I. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса. II. Херсонес и Делос.— ВДИ, 2 (3).
Тюменев А. И., 1949. Херсонесские этюды. III. Херсонес и местное население: тавры.— ВДИ, 4.
Тюменев А. И., 1950а. Херсонесские этюды. IV. Херсонес и местное население: скифы.— ВДИ, 2.
Тюменев А. И., 1950б. Херсонесские этюды. V. Херсонесские проксении.— ВДИ, 4.
Тюменев А. И., 1955. Херсонесские этюды. VI. Херсонес и Керкинитида.— ВДИ, 3.
Тюменев А. И., 1958. В. В. Латышев и история Херсонеса.— СА, XXVIII.
Уваров А. С., 1851—1856. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. СПб.
Усачева О. Н., 1975. Надгробия из Кеп с изображением женской фигуры.— КСИА, 143.
Усачева О. Н., 1978. Рельефная керамика из Кеп.— КСИА, 156.
Устинова В. А., 1966. К вопросу о присоединении Синдики к Боспорскому государству.— ВДИ, 4.
Фабрициус И. В., 1951. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев.

Фармаковский Б. В., 1893. Три керамических фрагмента Одесского музея имп. Одесского общества истории и древностей.— ЗООИД, XVI.
Фармаковский Б. В., 1898. Отчет о раскопках в некрополе древней Ольвии и на острове Березани.— ОАК за 1896 г.
Фармаковский Б. В., 1902а. Бронзовая вотивная ручка из Екатеринославской губернии.— ИАК, 3.
Фармаковский Б. В., 1902б. Обломок глиняной чаши, украшенной рельефами из Ольвии.— ИАК, 2.
Фармаковский Б. В., 1902в. Склеп Еврисивия и Ареты.— ИАК, 3.
Фармаковский Б. В., 1903а. Раскопки в Ольвии.— ОАК за 1901 г.
Фармаковский Б. В., 1903б. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г.— ИАК, 8.
Фармаковский Б. В., 1904. Раскопки в Ольвии.— ОАК за 1902 г.
Фармаковский Б. В., 1905. Ольвийская реплика Афины-Девы Фидия.— ИАК, 14.
Фармаковский Б. В., 1906а. Раскопки в Ольвии за 1902—1903 гг.— ИАК, 13.
Фармаковский Б. В., 1906б. Раскопки в Ольвии.— ОАК за 1903 г.
Фармаковский Б. В., 1907. Раскопки в Ольвии.— ОАК за 1904 г.
Фармаковский Б. В., 1908. Раскопки в Ольвии.— ОАК за 1905 г.
Фармаковский Б. В., 1909а. Раскопки в Ольвии.— ОАК за 1906 г.
Фармаковский Б. В., 1909б. Olbia 1901–1908. Fouilles et trouvailles.—ИАК, 33.
Фармаковский Б. В., 1910. Раскопки в Ольвии.— ОАК за 1907 г.
Фармаковский Б. В., 1911. Золотые обивки налучий (горитов) из Чертомлыцкого кургана и из кургана в М. Ильинцах.— В кн.: Сборник статей, поднесенных гр. А. А. Бобринскому. СПб.
Фармаковский Б. В., 1912. Раскопки в Ольвии.— ОАК за 1908 г.
Фармаковский Б. В., 1913. Раскопки в Ольвии.— ОАК за 1909—1910 гг.
Фармаковский Б. В., 1914а. Архаический период на юге России.— МАР, 34.
Фармаковский Б. В., 1914б. Милетские вазы из России. М.
Фармаковский Б. В., 1914в. Раскопки в Ольвии.— ОАК за 1911 г.
Фармаковский Б. В., 1915а. Мраморная стела Херсонесского музея из Ольвии.— ИАК, 58.
Фармаковский Б. В., 1915б. Ольвия. Пг.
Фармаковский Б. В., 1915в. Памятники античной культуры, найденные в России.— ИАК, 58.
Фармаковский Б. В., 1916а. Ольвия.— В кн.: Новый энциклопедический словарь. Пг., 29.
Фармаковский Б. В., 1916б. Раскопки в Ольвии.— ОАК за 1912 г.
Фармаковский Б. В., 1916в. Терракотовый сосуд в форме головы Геракла из Пантикапея (Керчи).— В кн.: Сборник статей в честь графини П. С. Уваровой. М.
Фармаковский Б. В., 1918. Раскопки в Ольвии.— ОАК за 1913—1915 гг.
Фармаковский Б. В., 1921а. Серебряная украшенная рельефами чаша Новороссийского музея.— ИРАИМК, I.
Фармаковский Б. В., 1921б. Три полихромные вазы в форме статуэток, найденные в Фанагории. Пг.
Фармаковский Б. В., 1922. Горит из кургана Солоха.— ИРАИМК, II.
Фармаковский Б. В., 1926а. Отчет о раскопках Ольвии в 1924 г.— СГАИМК, I.
Фармаковский Б. В., 1926б. Отчет о раскопках в Ольвии в 1925 г.— СГАИМК, I.
Фармаковский Б. В., 1926в. Архаический курос из Ольвии.— СГАИМК, I.
Фармаковский Б. В., 1927. Боспорські Спартокіди в атенському різьбярстві.— В кн.: Юбілійний збірник на пошану акад. Д. І. Багалія. Київ.
Фармаковский Б. В., 1929. Розкупування Ольбії в р. 1926. Одесса.
Федоров Б. Н., 1974. О дорической архитектуре греческого Херсонеса.— В кн.: Проблемы развития зарубежного искусства. Л., IV.
Федоров Б. Н., 1975. О композиции и реконструкции жилого дома конца IV—III вв. до н. э. в VII квартале Херсонеса.— В кн.: Проблемы развития зарубежного искусства. Л., V.
Федоров Б. Н., 1976. Три монументальных надгробия Херсонеса IV—III вв. до н. э.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. М.
Федоров Б. Н., 1977. Объемно-планировочная реконструкция двух жилых домов эллинистического времени (IV—II вв. до н. э.) в Херсонесе.— В кн.: Проблемы развития зарубежного искусства. Л., VII.
Финогенова С. И., 1967. Античные медицинские инструменты.— СА, 1.
Фляксбергер К. А., 1940. Археологические находки хлебных растений в областях, прилегающих к Черному морю.— КСИИМК, XIII.
Фомин Л. Д., 1974. Техника обробки заліза в Ольвії і Тірі.— Археологія, 15.
Франтов Г. С., Пинкевич А. А., 1966. Геофизика в археологии. Л.
Фролова Н. А., 1961. Неизданная золотая монета античного Херсонеса.— КСОГАМ. Одесса.
Фролова Н. А., 1964. Монеты скифского царя Скилура.— СА, 1.
Фролова Н. А., 1970. О денежном обращении Боспора в III в. до н. э.— СА, 4.
Фролова Н. А., 1975. О времени правления Боспорских царей Радамсада и Рескупорида VI.— СА, 4.
Фролова Н. А., 1976. Медные монеты Котиса I как исторический источник.— СА, 3.
Фролова Н. А., 1977. О времени правления Гипеперии и Митридата III.— ВДИ, 3.
Фурманская А. И., 1953а. К вопросу о литейном ремесле Ольвии.— КСИА АН УССР, 52.
Фурманская А. И., 1953б. Меднолитейное ремесло в Ольвии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.
Фурманская А. И., 1957. Археологічні памятки Тіри перших століть нашої ери.— Археологія, 10.
Фурманська А. І., 1958. Ливарні с розкопок Ольвії.— АП, 7.
Фурманская А. И., 1960а. Новый эпиграфический памятник из Тиры.— СА, 4.
Фурманская А. И., 1960б. Памятники скульптуры из Тиры (По раскопкам 1958 г.).— КСИА АН УССР, 10.
Фурманская А. И., 1962. Розкопки Тіри в 1958 р.— АП, 11.
Фурманская А. И., 1963а. Античный город Тира.— АГ.
Фурманська А. І., 1963б. Бронзоливарне ремесло в Ольвії.— Археологія, 15.
Фурманская А. И., 1963в. Клад монет из Тиры.— НиС, 1.
Фурманская А. И., 1964. Исследование Тиры.— КСОГАМ за 1962 г.
Фурманская А. И., 1965. Рельефи вершників в Тіри.— Археологія, 19.
Харко Л. П., 1950. О пятиколонном храме, изображенном на боспорских монетах.— ВДИ, 1.
Харко Л. П., 1961. К вопросу о производстве золотых бляшек в Черноморье.— МИА, 96.
Харко Л. П., 1964. Монеты из раскопок Ольвии в 1946—1947 гг.— В кн.: Ольвия. Теменос и агора. Л.; М.
Харматта М. М., 1967. К истории Херсонеса Таврического и Боспора.— В кн.: Античное общество. М.
Худяк М. М., 1952. Раскопки святилища Нимфея (1939—1950 гг.).— СА, XVI.
Худяк М. М., 1962. Из истории Нимфея VI—III вв. до н. э. М.
Цалкин В. И., 1960. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа.— МИА, 53.
Цалкин В. И., 1969. Фауна Танаиса.— МИА, 154.
Цветаева Г. А., 1951. Грунтовый некрополь Пантикапея, его история, этнический и социальный состав.— МИА, 19.
Цветаева Г. А., 1957а. Курганный некрополь Пантикапея.— МИА, 56.
Цветаева Г. А., 1957б. К вопросу о торговых связях Пантикапея.— МИА, 56.
Цветаева Г. А., 1965. Поход Фарнака на Фанагорию в свете последних археологических открытий.— В кн.: Новое в советской археологии. М.
Цветаева Г. А., 1966а. Керамическое производство Боспора.— КП.
Цветаева Г. А., 1966б. Рабочий инструмент в виде пальца.— КАМ.
Цветаева Г. А., 1968а. Новые данные об античном святилище в Горгиппии.— ВДИ, 1.

Цветаева Г. А., 1968б. Сокровища причерноморских курганов. М.
Цветаева Г. А., 1972. Производство расписной керамики в Фанагории в VI—V вв. до н. э.— КСИА, 130.
Цветаева Г. А., 1975. Кирпичи с тамгой из Горгиппии.— КСИА, 143.
Цветаева Г. А., 1979. Боспор и Рим. М.
Цепкин Е. А., 1961. Рыбы городища Танаис.— Вопросы ихтиологии, I, 3 (20).
Цурбан А. И., 1953. Парусно-моторные суда, вооружение и управление. М.; Л.
Черненко Е. В., 1968. Скифский доспех. Киев.
Черняков И. Т., 1960. Археологическая разведка берегов Днестровского лимана.— ЗОАО, I (34).
Черняков И. Т., 1967. Памятники черняховской культуры в приморской части междуречья Дуная и Днестра.— МИА, 139.
Чубова А. П., 1974. Характерные черты искусства Херсонеса IV—II вв. до н. э.— В кн.: Проблемы развития зарубежного искусства. Л., IV.
Чубова А. П., Лесницкая М. М., 1976. Ольвийский курос.— ХКААМ.
Чуистова Л. И., 1959. Новые находки из некрополей Керченского полуострова.— МИА, 69.
Чуистова Л. И., 1962. Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье.— АИБ, II.
Шалькевич А. А., 1976. Архитектурное исследование Царского кургана.— ТГЭ, XVII.
Шафранская Н. В., 1951. К вопросу о кризисе Ольвии в III в.— ВДИ, 3.
Шварц А. Н., 1894а. К истории древнегреческих рельефов на золотых вещах, найденных в Южной России.— Древности, XV, 1.
Шварц А. Н., 1894б. По поводу вазы с рельефными изображениями, найденной в Парутино.— Древности, XV, 2.
Шелов Д. Б., 1950. К вопросу о взаимодействии местных и греческих культов в Северном Причерноморье.— КСИИМК, XXXIV.
Шелов Д. Б., 1951. Городище около хутора Ильичевка.— КСИИМК, XXXVII.
Шелов Д. Б., 1953. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани.— КСИИМК, 51.
Шелов Д. Б., 1954. К истории керамического производства на Боспоре.— СА, XXI.
Шелов Д. Б., 1955. Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 г.— КСИИМК, 58.
Шелов Д. Б., 1956а. Монетное дело Боспора VI—III вв. до н. э. М.
Шелов Д. Б., 1956б. Керамические клейма из раскопок Фанагории.— МИА, 57.
Шелов Д. Б., 1956в. Античный мир в Северном Причерноморье. М.
Шелов Д. Б., 1957. Клейма на амфорах и черепицах, найденные при раскопках Пантикапея в 1945—1949 гг.— МИА, 56.
Шелов Д. Б., 1958. К истории связей эллинистического Боспора с Родосом.— СА, XXVIII.
Шелов Д. Б., 1959. К истории Танаиса.— ВДИ, 1.
Шелов Д. Б., 1960а. Анапский клад монет 1954 г.— НЭ, I.
Шелов Д. Б., 1960б. Денежный рынок Танаиса.— ЗОАО, I (34).
Шелов Д. Б., 1961а. Некрополь Танаиса. М.
Шелов Д. Б., 1961б. Эллинские и варварские элементы в Танаисе в свете новых данных.— Sektion für Altertumswissenschaft, Deutsch. Akad. des Wissen zu Berlin. Schriften, 28.
Шелов Д. Б., 1962. Тира и Митридат Евпатор.— ВДИ, 2.
Шелов Д. Б., 1963. Экономическая жизнь Танаиса.— АГ.
Шелов Д. Б., 1965а. Италийские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков нашей эры.— Acta Archeologica Hungarica, Budapest, XVII.
Шелов Д. Б., 1965б. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955—1957 гг.).— МИА, 127.
Шелов Д. Б., 1966а. Монеты из раскопок Танаиса 1955—1964 гг.— НЭ, VI.
Шелов Д. Б., 1966б. Дополнительные клейма на родосских амфорах.— In: Melanges offerts à Kazimierz Michalowsky. Warshawa.
Шелов Д. Б., 1966в. Тамга Римиталка.— КАМ.
Шелов Д. Б., 1967а. Западноримские импорты в Нижнем Подонье в первые века н. э.— ЗОАО, II (35).
Шелов Д. Б., 1967б. Танаис — потерянный и найденный город. М.
Шелов Д. Б., 1969а. Полемон и Танаис.— КСИА, 116.
Шелов Д. Б., 1969б. Ольвийские монеты в Поволжье.— В кн: Древности Восточной Европы. М.
Шелов Д. Б., 1970. Танаис и Нижний Дон в III—I вв. до н. э. М.
Шелов Д. Б., 1972а. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М.
Шелов Д. Б., 1972б. Нефть в Танаисе.— В кн.: Новое в археологии. М.
Шелов Д. Б., 1974. Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II—III вв. н. э. по данным танаисской ономастики.— ВДИ, 1.
Шелов Д. Б., 1975. Керамические клейма из Танаиса III—I вв. н. э. М.
Шелов Д. Б., 1976. Скульптурное надгробие из Танаиса.— КСИА, 145.
Шелов Д. Б., 1978. Личные имена на амфорах из Танаиса.— НЭ, XII.
Шершов А. П., 1940. История военного кораблестроения с древнейших времен до наших дней. М.; Л.
Шилик К. К., 1967. Опыт электроразведки методом симметричного профилирования.— СА, 3.
Шилик К. К., 1975. К палеографии Ольвии.— В кн.: Ольвия. История культуры античного города Северного Причерноморья. Киев.
Шилик К. К., Федоров Б. Г., 1968. Геоакустическое исследование подводной Ольвии.— СА, 4.
Шилов В. П., 1955. Новые данные об Елизаветовском городище по раскопкам 1952 г.— СА, XXIII.
Шилов В. П., 1961. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г.— СА, 1.
Шкорпил В. В., 1904. Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1902 г.— ИАК, 9.
Шкорпил В. В., 1905. Отчет о раскопках в г. Керчи и его окрестностях в 1903 г.— ИАК, 17.
Шкорпил В. В., 1907. Отчет о раскопках в г. Керчи в 1904 г.— ИАК, 25.
Шкорпил В. В., 1909а. Боспорские надписи, найденные в 1908 г.— ИАК, 33.
Шкорпил В. В., 1909б. Отчет о раскопках, произведенных в 1906 г. в г. Керчи и его окрестностях.— ИАК, 30.
Шкорпил В. В., 1911. К вопросу о времени правления архонта Игиэнонта.— В кн: Сборник статей, поднесенных гр. А. А. Бобринскому. СПб.
Шкорпил В. В., 1913. Отчет о раскопках в г. Керчи и окрестностях в 1909 г.— ИАК, 47.
Шкорпил В. В., 1914. Боспорские надписи, найденные в 1913 г.— ИАК, 54.
Шкорпил В. В., 1916. Отчет о раскопках в г. Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г.— ИАК, 60.
Шкорпил В. В., 1917а. Археанактиды.— ИТУАК, 54.
Шкорпил В. В., 1917б. Новонайденные боспорские надписи.— ИАК, 63.
Шмаков Л. И., 1844. О пирамидках из глины, найденных при Ак-Мечетской Бухте.— ЗООИД, I.
Шмидт Р. В., 1935. Очерки по истории горного дела и металлообрабатывающего производства в античной Греции.— ИГАИМК, 108.
Шмидт Р. В., 1941. К исследованию боспорских оборонительных валов.— СА, VII.
Шмидт Р. В., 1952. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки.— МИА, 25.
Шрамко Б. А., 1962. Древности Северского Донца. Харьков.
Штаерман Е. М., 1951. Керамические клейма из Тиры.— КСИИМК, 36.
Штаерман Е. М., 1952. Керамические клейма из раскопок Тиритаки в 1935—1940 гг.— МИА, 25.
Штерн Э. Р., 1894. Алабастр Псиакса и Гилина.— ЗООИД, XVII.
Штерн Э. Р., 1897. «Graffiti» на античных южно-русских сосудах.— ЗООИД, XX.
Штерн Э. Р., 1900а. Античная глазурованная посуда с юга России.— ЗООИД, XXII.
Штерн Э. Р., 1900б. Значение керамических находок на юге России для выяснения культурной истории черноморской колонизации.— ЗООИД, XXII.
Штерн Э. Р., 1901. О последних раскопках в Аккермане.— ЗООИД, XXIII.
Штерн Э. Р., 1906. Феодосия и ее керамика. Одесса.
Штерн Э. Р., 1908. О местонахождении древнего Херсонеса. Одесса.

Штерн Э. Р., 1910. К вопросу об эллинистической керамике.— ЗООИД, XXIX.
Штерн Э. Р., 1912. Вазы с рельефными украшениями из Ольвии.— ИАК, 3.
Штерн Э. Р., 1913. Раскопки в Аккермане летом 1912 г.— ЗООИД, XXXI.
Штительман Ф. М., 1947. Дві ливарні форми для бронзових наконечників стріл із збірки Київського історичного музею.— Археологія, 1.
Штительман Ф. М., 1955. Раскопки мастерской по обработке металла в Ольвии.— КСИА АН УССР, 4.
Штительман Ф. М., 1956. Поселения античного периода на побережье Бугского лимана.— МИА, 50.
Шульц П. Н., 1936. Техника античного рабовладельческого общества.— В кн.: Очерки истории техники докапиталистических формаций. М.; Л.
Шульц П. Н., 1937. О работах Евпаторийской экспедиции.— СА, III.
Шульц П. Н., 1940. Ямы-жилища в скифском поселении близ г. Николаева.— КСИИМК, V.
Шургая И. Г., 1962. О производстве эллинистической рельефной керамики на Боспоре.— МАСП, 4.
Шургая И. Г., 1963. Позднеэллинистические рельефные кубки из Мирмекия.— КСИА, 95.
Шургая И. Г., 1965а. Импорт Александрии в Северном Причерноморье.— ВДИ, 4.
Шургая И. Г., 1965б. К вопросу о пергамском импорте на Боспор во II в. до н. э.— КСИА, 103.
Шургая И. Г., 1970. Раскопки в юго-западной части Илурата в 1966—1968 гг.— КСИА, 124.
Шургая И. Г., 1971. Агонистические амфоры в некрополях Северного Причерноморья.— СА, 3.
Шургая И. Г., 1972. О торговых сношениях Ольвии с Александрией египетской в эллинистическую эпоху.— ВДИ. 3.
Шургая И. Г., 1975. Центральный район Илурата.— КСИА, 143.
Щапова Ю. Л., 1965. Результаты спектрального анализа стекла из Танаиса.— ДНД.
Щеглов А. Н., 1961а. Разведка 1959 г. на западном побережье Крыма.— СХМ, II.
Щеглов А. Н., 1961б. Светильники с клеймом ΧΡΥΣΟΥ.— СХМ, II.
Щеглов А. Н., 1961в. Подвиги Геракла. Л.
Щеглов А. Н., 1961г. К истории древнего виноградарства в Крыму.— Виноградарство и садоводство Крыма, 12.
Щеглов А. Н., 1965а. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды. Остров Березань.— ВДИ, 2.
Щеглов А. Н., 1965б. Тарханкутская экспедиция в 1962—1963 гг.— КСИА, 103.
Щеглов А. Н., 1966. О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху.— ВДИ, 4.
Щеглов А. Н., 1967. Исследование сельской округи Калос-Лимена.— СА, 3.
Щеглов А. Н., 1968. Основные этапы истории Западного Крыма в античную эпоху.— АИКСП.
Щеглов А. Н., 1969а. Новый метод определения величины рыбы по ее чешуе и некоторые данные о промысле кефали в Северо-Западном Крыму в I в. до н. э.— КСИА, 119.
Щеглов А. Н., 1969б. Фракийские посвятительные рельефы из Херсонеса Таврического.— МИА, 150.
Щеглов А. Н., 1971. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.
Щеглов А. Н., 1973. Из истории керамического производства в поселениях Северо-Западного Крыма.— КСИА, 133.
Щеглов А. Н., 1974. О внутренней торговле Херсонеса Таврического в IV—III вв. до н. э.— КСИА, 138.
Щеглов А. Н., 1975а. Старый Херсонес Страбона.— В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Одесса.
Щеглов А. Н., 1975б. Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса.— КСИА, 143.
Щеглов А. Н., 1976а. Жилой дом эллинистического Калос-Лимена.— ХКААМ.
Щеглов А. Н., 1976б. Полис и хора. Симферополь.
Щеглов А. Н., 1977. Земельный надел у мыса Ойрат.— ИКАМ.
Щеглов А. Н., 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.
Щеглов А. Н., Маликов В. М., 1963. Новые памятники древнего виноградарства в Крыму.— Виноделие и виноградарство СССР, 7.
Щеглов А. Н., Шилик К. К., 1965. Опыт электроразведки методом симметричного профилирования на эллинистической сельской усадьбе в округе Калос-Лимена.— В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Тезисы докладов. Баку.
Энман Н. А., 1911. Навкратийский кубок, найденный на Березани.— ИАК, 40.
Энман Н. А., 1912. Ионийская амфора с Таманского полуострова.— ИАК, 45.
Юргевич В. Н., 1881. Псифизм древнего города Херсонеса о назначении почестей и наград Диофанту, полководцу Митридата Евпатора, за покорение Крыма и освобождение херсонисцев от владычества скифов.— ЗООИД, XII.
Юргевич В. Н., 1889. Амфорные ручки, собранные в окрестностях Херсонеса, по побережью бухт Песочной, Круглой, Камышевой и Стрелецкой в 1886—1887 гг.— ЗООИД, XV.
Якобсон А. Л., 1963. Средневековый Крым. М.
Якобсон А. Л., 1978. Античные традиции в культе раннесредневековой Таврии.— В кн.: Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.
Яковенко Э. В., 1970. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма.— В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев.
Яковенко Э. В., Янушевич З. В., 1969. Определение остатков растений на лепной керамике из Восточного Крыма.— АИУ, III.
Янушевич З. В., Маркевич В. И., 1970. Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Прутско-Днестровского междуречья.— В кн.: Интродукция культурных растений. Кишинев.
Яценко И. В., 1970. Исследования сооружений скифского периода на городище Чайка в Евпатории (1964—1967 гг.).— КСИА, 124.
Яценко И. В., 1971. Искусство скифских племен Северного Причерноморья.— В кн.: История искусства народов СССР. М., I.
Яценко И. В., 1977. Искусство эпохи раннего железа.— В кн.: Произведения искусства в новых находках советских археологов. М.

Aitchison L., 1960. A History of Metals. London, I.
Alexandrescu P., 1970. Insemnări archeologice. Gradictea de la «Roxolani».— Studii clasice, Bucureşti, XII.
Alexandrescu P., 1972. Insemnăry archeologice.— Studii clasice, Bucureşti, XIV.
Alexandrescu P., 1975. Les importations grecques dans les bassins du Dniepr et du Boug.— Revue archeologique, n. s., Fasc. I.
Avakian G., 1931. Stiri noua din Tyras.— Anuarul comisiunea monumentelor istorice. Sectia din Basarabia, 3.
Beck L., 1884. Die Geschichte des Eisens in technischer und kulturgeschichtlicher Beziehung. Braunschweig, I.
Bilabel F., 1920. Die ionische Kolonisation. Leipzig.
Blawatsky W. D., 1960. Le processus du développement historique et le rôle des états antiques situés au nord de la Mer Noir.— XI CISH, Stokholm 21—29 Août.
Blawatsky W. D., 1961. Il periode del Protoellinismo sul Bosporo.— Atti del settimo congresso Internationale di Archeologia classica, Roma, III.
Blawatskyj W. D., 1966. Les cultes des empereurs romaines au Bosphore.— Mélanges archéologie et d'histoire offerts à André Piganiol. Paris, III.
Blavatsky W., 1970. Zur Herkunft der bosporanischen Archaianaktiden.— Klio, Berlin, 52.
Blawatsky W., 1976. Le probleme de la langue thrace dans la region du Kouban et dans l'etat du Bosphore.— Rivista de la universidad Complutense, XXV, 104.
Blümner H., 1887. Technologie und Terminologia der Gewerbe und Künstebei Grichen und Römern, Leipzig, I, IV.
Boucher S., 1973. Trajets terrestres du commerce étrusque aux V^e et IV siècles avant J.-C.— Revue archéologique, n. s., I.
Brashinsky J. B., 1973. The Progress of Greek Ceramic Epigraphy in the USSR.— Eirene, Praha, XI.
Casson L., 1960. The ancient Mariners. London.
Coghlan H. H., 1956. Notes on Prehistoric and Early Iron in the old World. Oxford.
Conduracki E., 1958. Tib. Plantius Aelianus şi strămutarea trans-danubienlor în Moesia.— Studii clasice, IV, 1.
Crişan I. H., 1968. Ceramica daco-getica. Bucureşti.
Crişan I. H., 1977. Burebista şi epoca sa. Bucureşti.
Cumont F., 1925. Fragment de la bouclier portant une liste d'étapes.— Syria, VI.

Daicoviciu H., 1972. Dacia de la Burebista la lucerirea romană. Cluj.
Diels G., Schramm E., 1919. Exzerpte aus Philons Mechanic. B. VII. und VIII (vulgo VB).— Abhandlungen den Preus. Akad. der Wiss. Phil.— Hist. Kl., 12.
Dubois de Montpéreux F., 1834. Voyage autour Caucase ches les Tcherkesses et les Abkhases en Colchidie en Géorgie et en Crimée. Paris.
Ebert M., 1913. Ausgrabungen auf dem Gute Marizyn.— Prähistorische Zeitschrift, V.
Forbes R. J., 1950. Metallurgy in Antiquity. Leiden.
Forbes R. J., 1964. Studies in Ancient Technology. Leiden, IX.
Foucart R., 1881. Décret de la ville de Chersonesos.— BCH, V.
Frolova N. A., 1979. The Coinage of the Kingdom of Bosporus AD 69—283. Oxford (B. A. R. International Series 56).
Gaidukevič V. F., 1971. Das Bosporische Reich. Berlin.
Graham J., 1964. Colony and Mother City in Ancient Greece. Manchester.
Halkin L., 1934. Tiberius Plantius Aelianus, légat de Mésie sous Neron.— L'antiquité classique, III, 1.
Iliescu V., 1971. Campania strategului Zopirion la Dunarea de jos.— Pontica, IV.
Kalinka E., 1932. Goldarbeiter in Altertum.— Philologische Wochenschrift, LII, 46—47.
Kieseritzky G., Watzinger C., 1909. Griechische Grabreliefs aus Sudrussland. Berlin.
Knipovitsch T., 1929. Uutersuchungen zur keramik rŏmischer Zeit aus den Griechischen Städten an der Nordkuste des Schwarzmeeres. I. Die keramik römischer Zeit aus Olbia in der Sammlung des Ermitage.— In: Materialen zur römisch-germanischen Keramik. Frankfurt am-Main, IV.
Kobylina M. M., 1976. Divinités orientales sur le littoral Nord de la Mer Noire. Leiden.
Koehler H. K. E., 1805. Dissertation sur le monument de la reine Comosarye. SPb.
Koeppen P., 1823. Alterthümer am Nordgestade des Pontus. Vindob.
Laum B., 1918. Das Fischgeld von Olbia.— Frankfurter Münzzeitung, XVIII.
Löschke S., 1912. Sigillata-Töpfereien in Tschandarli.— AM, XXXVII.
Lurie S., 1959. Jeszcze o dekrecie ku sczi Diofantosa.— Meander, 2.
Mcferson D., 1857. Antiquities of Kertch and researches in the Cimmerien-Bosphorus. London.
Meritt B., Wade-Gery H. T., Mc Gregor M. F., 1939. The Athenian Tribute Lists. Cambridge, I.
Minns E., 1913. Scythians and Greeks. Cambridge.
Neuburger A., 1919. Die Technik des Altertum. Leipzig.
Nicorescu P., 1924. Scavi e scoperte à Tyras. Eph. Dacoromana, II.
Nicorescu P., 1933. Fouilles de Tyras.— Dacia, 1927—1932, III—IV.
Nicorescu P., 1937. Garnizoana romana in sudul Basarabiei. Monitorul offic.
Nicorescu P., 1944. O inscriptie a imperatului Traian gasita la Cetatea Alba.— Academia Română. Memoriile secțiunii istorice, ser. III, XXVI, 16.
Onajko N., 1977. Die Lokalisierung von Bata bei Strabon.— In: Klio, Berlin, 59 / 11.
Pallas P. S., 1794. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Eussischen Reichs in den Jahren 1793—1794. Leipzig, II.
Pallas P. S., 1805. Voyage entrepris dans les gouvernements méridionaux de l'Empire de la Russie en 1793. Paris, II.
Pârvan V., 1923. La pénétration héllénique et hellenistique dans la vallée du Danube.— Acad. Roum., Bulletin de la section historique, X.
Petrie F., 1917. Tools and Weapons. London.
Pippidi D. M., 1955. Tiberius Plantius Aelianus şi frontiera Dunării de jos in secolul I al erei noastre.— Studii clasice, 3—4.
Pippidi D. M., 1959. Sur un passage obscur du decret en l'houneur de Diofante, fils l'Asclepidare.— Archeologia, IX.
Pippidi D. M., 1962. Decrets honorrifiques de Callatis.— Dacia, n. s., VI.
Platz-Horster Q., 1976. Katalog der Sonderausstellung: Antike Gläser im Antiken museum. Berlin.
Poland F., 1909. Geschichte des griechischen Vereinswesen. Leipzig.
Reinach S., 1892. Antiquités du Bosphore Cimérien. Paris.
Reinach S., 1893. Fibula.— Dictionaire des antiquités Greques et Romaines, red. Ch. Daremberg et E. Saglio, 2 partie, F—G. Paris.
Reinach Th., 1890. Mithridate Eupator, roi de Pont. Paris.
Rostovtzeff M., 1902. Römische Besatzungen in der Krim und das Kastell Charax.— Klio, II, 1.
Rostovtzeff M., 1919. Queen Dynamis of Bosporus.— JHS, 49.
Rostovtzeff M., 1922. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford.
Rostovtzeff M., 1931. Skythien und der Bosporus. Berlin, 1.
Rostovtzeff M., 1941. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, I—III.
Salač A., 1955. При устье Тихого Дона.— In: Pražska universita — moskowská université. Sbornik k vyroci 1755—1955. Praha.
Schefold K., 1934. Untersuchungen zu den Kertschen Vasen. Berlin.
Schelow D., 1968. Der romische Import im Unterdon- und Wolgagebiet in den ersten Jahrhunderten u. Z.— Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums. Budapest.
Shelov D. B., 1978. Coinage of the Bosporus VI—II centuries B. S. Oxfrod.
Schrüder E., 1897. Die Juden im Bosporanischen Reiche und die Genossenschaften der θεὸν ὕψιστον ebensdaselbst.— Sitzungsberichte der Preussien Academie der Wissensch., I.
Stern E., 1909. Die griechische Kolonisation am Nordgestade des Schwarzen Meeres in Lichte archeologischer Forschung.— Klio, IX.
Vulpe E., Vulp R., 1933. Les fouilles de Poiana.— Dacia, III—IV.
Vulpe R., 1968. Getul Burebista conducător al întregului neam getodac.— Studii şi communicări. Piteşti.
Waldhauer O., 1931. Die antiken Sculpturen der Ermitage. Berlin — Leipzig, II.
Watzinger C., 1905. Griechische Helzsarkophage aus der Zeit Alexanders des Grossen. Leipzig.
Wilhelm A., 1936. König Mithradates Eupator und Olbia.— Klio, XXIX.
Werner O., 1955. Die Dynastie der Spartokiden.— Historia, IV, 4.
Ziebarth E., 1896. Das griechischen Vereinswesen. Leipzig.

Список сокращений

АГ — Античный город (сб. статей) М., 1963
АГСП — Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. М.; Л., 1955
АДЖ — *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913
АДПП — Античные древности Подонья — Приазовья. М., 1969
АИБ — Археология и история Боспора. Симферополь, 1952
АИКСП — Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968
АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев
АН — Академия наук
АО — Археологические открытия. М.
АП — Археологічні памъятки УРСР. Київ
АПНП — Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974, т. I—II
АСГЭ — Археологический сборник. Государственный Эрмитаж. Л.
АСХ — Античная скульптура Херсонеса. Киев, 1976
ВАН УРСР — Вісник АН УРСР. Київ
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВИА — Всеобщая история архитектуры. М.
ГАХ — Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978
ГПИ — Государственный педагогический институт
ДБК — Древности Боспора Киммерийского. СПб, 1854, I, II, III.
ДИСИФ МГУ — Доклады и сообщения исторического факультета Московского государственного университета.
ДНД — Древности Нижнего Дона. М., 1965.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗМИРАО — Записки, мемуары и известия Русского археологического общества, выходят с 1846 г.
ЗНОРАО — Записки нумизматического отделения Русского археологического общества. СПб.
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества. Одесса
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
ЗРАО — Записки Русского археологического общества. СПб.
ИАК — Известия императорской Археологической комиссии
ИАН — Известия Академии наук
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.
ИКАМ — История и культура античного мира. Сборник. М., 1977
ИРАИМК — Известия Российской Академии истории материальной культуры. М.
ИТОАИЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь
ИТУАК — Известия Таврической ученой археологической комиссии. Симферополь
КАМ — Культура античного мира. М., 1966
КБН — Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965
КИАМ — Культура и искусство античного мира. Л., 1971
КП — Керамическое производство и античные керамические строительные материалы.— САИ, Г1-20, М., 1966
КСИА — Краткие сообщения ИА АН СССР. М.; Л.
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР. Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
КСК — Краеведение на Северном Кавказе за 1928 г. № 1—2. Ростов на-Дону.
КСОГАМ — Краткие сообщения о полевых исследованиях Одесского государственного археологического музея. Одесса
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАР — Материалы по археологии России. СПб. (Пг.)
МАСП — Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса. Киев
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.
НАП — Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982.
НО — Надписи Ольвии (1917—1965 гг.) Л., 1968
НиС — Нумизматика и сфрагистика. Киев
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. М.
НЭПХ — *Соломоник Э. И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса, Киев, 1964, т. I; Киев, 1973, т. II
ОАК — Отчеты императорской Археологической комиссии
ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
ОГУ — Одесский государственный университет
ОИФ — Отделение истории и философии Академии наук СССР
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ. Л.
ПИСПАЭ — Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959
СА — Советская археология. М.
САИ — Свод археологических источников. М.
СГАИМК — Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. М.
СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СП — *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. М.; Л., 1953.
СХМ — Сообщения Херсонесского музея. Симферополь
СЭ — Советская этнография. М.

ТГИМ — Труды Государственного Исторического музея. М.

ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа. Л.

ТОАМ — Труды Отдела истории искусства и культуры античного мира. Государственный Эрмитаж. Л., 1945

ТОИПКГЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Л.

ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации Научно-исследовательских институтов общественных наук

ТСП — Терракоты Северного Причерноморья.— САИ, вып. Г1—11, М., ч. I и II, 1970; ч. III и IV, 1974

ТЭАМ — Труды Этнографо-археологического музея I МГУ. М., 1927

ХКААМ — Художественная культура и археология античного мира. М., 1976

Хсб. — Херсонесский сборник. Севастополь

150 лет ОАМ — 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов юбилейной конференции. Киев, 1975

BCH — Bulletin de Correspondence Hellénique

CISH — Congrès International des Sciences Historiques

IG — Inscriptiones graeci

IPE — Inscriptiones antiqua orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae

JHS — Journal of Hellenic Studies

SC — *Латышев В. В.* Scythica et Caucasica.—Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе (Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев) т. I. Греческие писатели. СПб., 1893—1900; т. II. Латинские писатели. СПб., 1904.

RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real — Enciclopadie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart.

Указатели

Указатель имен

Указатель географических и этнических названий *

* В указателе, кроме общепринятых, используются сокращения: ст.— станица, хр.— хребет, хут.— хутор.

Оглавление

АРХЕОЛОГИЯ СССР

Античные государства
Северного Причерноморья

*

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор О. Н. Аксенова
Редакторы издательства Н. Г. Белей, Н. В. Павлова
Художник Б. И. Астафьев
Технический редактор Л. В. Каскова
Корректоры М. В. Борткова, Р. В. Молоканова

ИБ № 26935

Сдано в набор 17.02.83. Подписано к печати 17.08.83. Т-15836.
Формат 60×90¹/₈. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 50. Уч.-изд. л. 61,3. Усл. кр. отт. 55,4.
Тираж 31 500 экз. Тип. зак. 2632. Цена 5 р. 80 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10